

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919790 5

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

1862

М А Й.

СО Д Е Р Ж А Н І Е :

- I. ЕВРОПА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА. Статья вторая. С. М. Солонькина.
- II. ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ. VIII—X. С. Бессманскаго.
- III. ВСЯКОМУ СВОЕ. Романъ. Часть первая. Р. А. Гарднеръ.
- IV. ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА ЯСНОПОЛЯНСКОЙ ШКОЛЫ. Педагогическія записки тульского учителя. Е. Л. Нартова.
- V. ХУДОЖНИКЪ. Стихотвореніе. Б. Н. Алмазова.
- VI. АНГЛІЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА. Статья вторая. Л. Ф. Де-Роберти.
- VII. ЗАМѢТКИ О ВОЛЬНО-НАЕМНОМЪ ТРУДѢ. (Окончаніе.) А. А. Фета.
- VIII. НАЯДА. Стихотвореніе. Б. Н. Алмазова.
- IX. ВОСПИТАНИЦА САРА. Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. Романъ. (Окончаніе.) А. Ф. Волыгина.
- X. ПОЛЬСКІЕ СЕИШНИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА. Д. Н. Шлежайскаго.
- XI. БАРЪ ИЗДАЮТСЯ У НАСЪ КНИЖКИ О РАСКОЛѢ. I. И. С—на.
- XII. ЯЗЫКЪ ФИЗІОЛОГОВЪ И ПСИХОЛОГОВЪ. И. Д. Юрковича.
- XIII. РОМАНЪ ТУРГЕНЕВА И ЕГО КРИТИКИ.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА И К^о.

РАССКАЗЪ ВЪСТАНУ

ПОСВЯЩЕННЫЙ

1862

№ 1

ТОМО III

ВЪСТАНУ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ТОМО III
№ 1
1862

МОСКВА

1862

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

HOY WAM
JIAN
YASOU

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

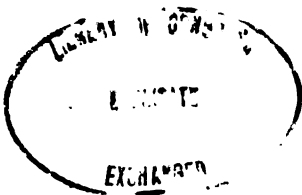
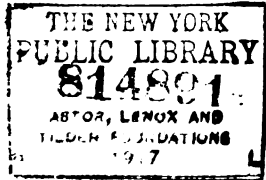
ТОМЪ ТРИДЦАТЬ-ДЕЯТЫЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1862.

ИЗДАНИЕ
ОБЩЕГО
УЧЕБНОГО

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ

съ гдѣ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 8-го мая 1862 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

Цензоръ *Н. Гиларовъ-Платоновъ.*

ЕВРОПА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ 1653 году посолъ московскаго царя Алексѣя Михайловича, князь Борисъ Александровичъ Репнинъ, потребовалъ отъ польскаго правительства, чтобы православнымъ Русскимъ людямъ впередъ въ вѣрѣ вѣрою не было, и жить имъ въ прежнихъ вольностяхъ. Польское правительство не согласилось на это требованіе, и слѣдствіемъ было отпаденіе Малороссіи. Черезъ это съ чѣмъ-нибудь дѣтъ, посолъ російской императрицы, также князь Репнинъ предъявлялъ то же требованіе, получалъ отказъ, и слѣдствіемъ былъ первый раздѣлъ Польши.

Мы видѣли, какую важную долю вліянія на благоприятный исходъ польскихъ дѣлъ императрица приписывала Никитѣ Ивановичу Панину: „Я вижу, сколько безошибочны были вои вами взятые мѣры“, и это говорилось не въ рескриптѣ, назначенномъ для публички. Панинъ былъ не доволенъ старикомъ Кайзераингомъ, неудовлетворительностію его донесеній о положеніи дѣлъ, и потому, не отзывая Кайзераинга, отправилъ къ нему на помощь родственника своего, князя Николая Васильевича Репнина; въ сентябрѣ 1764 года Кайзераингъ умеръ, и Репнинъ остался одинъ. Всякому, кто знакомъ съ иностранными извѣстіями объ описываемъ

мыхъ событіяхъ, Репнинъ необходимо представляется человекомъ стремительнымъ на захватъ, на рѣшительныя, насильственныя мѣры. Не предупреждая событій, мы позволимъ себѣ только напомнить читателю, что Репнинъ былъ орудіемъ Панина, дѣйствовалъ по его инструкціямъ; но въ характерѣ Панина была ли эта стремительность? Всѣ отзывы о Панинѣ согласны въ одномъ, всѣ указываютъ на его медленность. Мы видѣли изъ собственнаго признанія Екатерины, какое вліяніе эта медленность, осторожность министра производили на рѣшенія пылкой императрицы: „О, какъ бы вы забрались, еслибъ я написала такое блестящее, но вредное для моихъ дѣлъ письмо! Прошу васъ, поставьте польскаго короля на ту же ногу, на какую вы поставили меня.“ Дѣйствительно, инструкціи Панина послали въ Польшу проникнуты осторожностію, желаніемъ какъ можно менѣе обнаруживать вмѣшательства въ дѣла. Такъ напримѣръ, когда Кейзерлингъ и Репнинъ дали знать, что Чарторыйскіе требуютъ русскаго войска, Панинъ подалъ мнѣніе: „Тысяча легкихъ войскъ уже готова и ожидаютъ польскихъ комиссаровъ для препровожденія, что казалось бы уже и довольно въ соотвѣтствіе саксонскимъ войскамъ; но, повидимому, наши друзья ищутъ сколько возможно облегчать свои собственные дѣла, и себя усиливать нашими ресурсами, почему мое восполнительнѣе мнѣніе: другую тысячу, по ихъ желанію, хотя и заготовить, но однакожъ къ графу Кейзерлингу напередъ написать, чтобъ наши друзья гораздо осмотрѣлись, не могутъ ли они такъ же безрассуднымъ введеніемъ къ себѣ чужестранныхъ войскъ возмущаютъ противъ себя національную недовѣренность и противу насъ подозрѣніе, чѣмъ наипаче противные могутъ воспользоваться и отъ чужестранныхъ державъ достать себѣ большее денежнаго подкрѣпленіе, а намъ навести отъ нихъ какія-либо безпокоительства новыми дѣлами съ ихъ стороны. Итакъ не лучше ли остаться при первомъ нашемъ планѣ, чтобы, не претворяясь и не отлагая, устремиться къ изгнанію Саксонцевъ изъ Польши производимыми движеніями нашихъ войскъ на границахъ и перепущеніемъ въ Польшу готовыхъ уже тысячи козаковъ, и потомъ стараться единодушно взять повѣренность надъ противными нынѣ раздробленными факціями собственнымъ вооруженіемъ благонамѣренныхъ мар-

ватовъ, и подкрѣпленіемъ ихъ нашими деньгами, нашимъ кредитомъ и нашею въ ихъ дѣлахъ имфренціею, соединенною съ королею прусскимъ, и наконецъ тою опасностію, которую натурально Поляки имѣть должны отъ насъ, когда ихъ дѣло войдетъ протавъ нашей воли, а особливо въ такое время, какъ у насъ со всѣхъ сторонъ руки останутся свободны, что мы несумнѣнно имѣть и будемъ, если съ *благоразумною упренностію* поидемъ въ семь дѣлъ, не напрягая излишне свои струны.“ На этомъ мѣстѣ Екатерина написала: „Я весьма съ симъ мнѣніемъ согласна, и, прочитавъ промеморію, почти всѣ тѣ же рефракціи дѣлала.“

Имѣемъ право ожидать, что и въ диссидентскомъ дѣлѣ Панивъ будетъ поступать также съ *благоразумною упренностію*, и не ошибаемся. Вотъ что писалъ оиъ Репкину 13 октября 1764 года: „Отъ прощанія вашего, согласія съ прусскимъ посломъ и отъ соображенія имѣющихся у насъ ея императорскаго величества постановленій должествуемъ зависѣть *благоразумное* котаи употребленіе такихъ *откровенно* избираемыхъ и употребляемыхъ способовъ (изъясненія съ королею и лучшими по характеру магнатами), дабы если совершенная невозможность одержать для диссидентовъ все у нихъ похищенное, по крайней мѣрѣ однакоже, что ни есть довольно знатное и важное въ пользу ихъ возстановлено и исходатайствовано было. Нѣтъ нужды распространяться здѣсь, сколь много польза и честь отечества нашего, а особливо персональная ея императорскаго величества слава интересованы въ доставленіи диссидентамъ справедливаго удовольствованія. Для приклоненія къ тому короля и всѣхъ способствовать могущихъ магнатовъ довольно уже, и кромѣ формальныхъ трактатами опредѣленныхъ обязательствъ представлять имъ въ убѣжденіе, что когда ея императорское величество для пользы республики не жалѣла ни трудовъ, ни денегъ, дабы ее, въ толь смущенное и критическое время, каковы для нея бывали обыкновенно прежнія междоцарствія, сохранить отъ безпокойствъ, гражданскаго нестроенія и другихъ съ онымъ неразлучно соединенныхъ бѣдствій, безо всякой для себя изъ того корысти, то коль справедливо она можетъ требовать и ожидать отъ благодарности королевской и всея республики, чтобы правосудное и стоаь къ perso-

наибольшей ея величества славы, сколько къ собственной чести вышшаго польскаго вѣка служащее представительство и заступленіе ея возымѣли дѣйствіе свое въ пользу нѣкоторой части ихъ согражданъ, кои, вопреки торжественнымъ трактатамъ, собственнымъ польскимъ фундаментальнымъ законамъ, общей вольности вольнаго народа и множеству королевскихъ привилегій, невинно страдаютъ подъ игомъ порабощенія за одно исповѣданіе другихъ признаемыхъ христіанскихъ религій, въ коихъ они рождены и воспитаны. Къ симъ представленіямъ можетъ ваше сіятельство присовокупить всѣ тѣ, кои вы сами за приличныя почести изволите, отзываясь въ случаѣ крайности, то-есть когда всѣ другія средства вступя истощены будутъ, что и то имъ предостерегать должно, дабы ея императорское величество, увидя къ заступленію своему въ справедливомъ дѣлѣ столь малое со стороны республики уваженіе, не нашлась напоследокъ отъ ихъ дальняго упорства приневоленную одержать нѣкоторыми вынужденными способами то, чего она отъ признанія знатнаго имъ своего благодѣянія и дружбы инако достигнуть не могла, и чтобъ для того ея величество не указала даже оставить въ земляхъ ея тѣ самыя войска, кои по сю пору столь охотно и съ такимъ знатнымъ иждивеніемъ употребляемы были для единой пользы и службы республики, которая долженствовала бы сама собою чувствовать, что утѣшеніемъ одной части согражданъ уничтожается общая ея вольность и равенство. При вынужденномъ иногда употребленіи сей угрозы надобно будетъ вашему сіятельству согласовать съ словами и самое дѣло, и сходно съ тѣмъ учреждать и дальнѣйшее войска нашихъ въ Польшѣ пребываніе, дабы, по крайней мѣрѣ, страхомъ вырвать у Поляковъ то, чего отъ нихъ ласково добиться не можно было. *Не думаю я, да и думать почти нельзя,* чтобы можно было въ одинъ разъ возвратитъ диссидентамъ все то, чего они лишились: довольно когда они въ нѣкоторое равенство правъ и преимуществъ республики приведены и для переды отъ новаго гоненія совершенно ограждены будутъ, дабы инако продолженіемъ прежняго утѣшенія не могли они, и въ томъ числѣ и наши единовѣрные къ невозвратному ущербу государственныхъ нашихъ интересовъ вовсе искоренены быть.“

Въ послѣдствіи (15 сентября 1766 года) Ревнимъ полу-

чалъ отъ императрицы подробную инструкцію, чего требовать для диссидентовъ: „Мы не удаляемся конечно отъ дозволенія и сохраненія господствующей религиі нѣкоторыхъ предъ терпимыми отлнчностей, какъ во всякомъ благоустроенномъ правленіи обыкновенно бываетъ, а посему и согласимся мы охотно на исключеніе диссидентовъ изъ сената и отъ чиновъ въѣ оного, всю довѣренность республики требующихъ, то-есть гетманскихъ, еслибъ во взаимство сей важной уступки возвращено было диссидентамъ право избранія въ послы на сеймъ, въ депутаты къ трибуналамъ и городовые старосты, съ узаконеніемъ, чтобъ для соблюденія имъ навсегда сего права, быть изъ нихъ въ нѣкоторыхъ воеводствахъ непременно къ каждому сейму третьему послу при двухъ католикахъ. За важную бы отъ васъ услугу намъ и отечеству сочили мы одержаніе отъ васъ всего вышесказаннаго, но если и не будетъ во всемъ пространствѣ соотвѣтствовать успѣхъ сему нашему опредѣленію, не припишемъ мы однако недостатку усердія или трудовъ вашихъ, зная весьма, сколько трудно или даже невозможно преодолѣть гиду суевѣрія и собственную комысть въ людяхъ; и такъ полагаемъ мы за удытмать нашего желанія, чтобъ всемѣрно одержать для диссидентовъ способность владѣть городскими староствами, дабы они тѣмъ или другимъ образомъ нѣкоторое участіе въ земскомъ правленіи, а чрезъ то самое и выщю нежели нынѣ сами по себѣ важность приобрьсть могли съ совершенною свободой исправленія ихъ религиі во всѣхъ пунктахъ до церкви касающихся. Если сеймъ не согласится ни на что, надлежитъ вамъ, имѣя въ Варшавѣ диссидентовъ сколько возможно въ большемъ числѣ, приготовить ихъ къ тому, дабы они, отъѣзжая тогда всѣ вдругъ отъ сейма съ учиненіемъ по тамошнимъ обрядамъ правительства протестацію, могли составить между собою конфедерацію, и оною формально просить помощи и защищенія у насъ, или же и вообще у тѣхъ своихъ сосѣдей, которые нынѣ въ ихъ пользу интересуются. Мы вѣрно полагаемся на ваше благоразуміе въ такомъ крайнемъ ресурсѣ, что вы его, безъ самой неизбежной нужды и съ нами не описавшись, въ дѣйство не произведете, однакожь тѣмъ не меньше вы можете онымъ яко послѣднее нашею твердою резолюціей воспользоваться и при негоціаціяхъ вашихъ тутъ, гдѣ на-

добно будетъ въ конфиденцію объ ней сообщать, съ тѣмъ чтобъ Поляки знали и удостовѣрены были, что мы не допустимъ успокоить сіе дѣло по ихъ единовиднымъ желаніямъ, а поведемъ оное лучше до самой крайности.“

Напрасно въ Петербургѣ, желая дѣйствовать съ благо-разумною умѣренностію, урѣзывали требованія диссидентовъ: въ Польшѣ не хотѣли уступить ничего. Мы видѣли, что еще въ 1763 году православный епископъ моголевскій, Георгій Конисскій, подавъ императрицѣ жалобу на жестокія притѣсненія: „Гонители благочестія святаго, писалъ Конисскій, не видя себѣ въ томъ гонительствѣ ни отъ кого воспященія, тѣмъ паче свирѣпѣють, и на всѣ церкви благочестивыя, особливо въ городѣ Могилевѣ состоящія, напасть вскорѣ, при случаѣ нынѣшняго междукоролевства, намѣрены, и нѣкоторые священники, страха ради, на унію уже предаются; особенно же жившій въ монастырѣ моемъ іеромонахъ Никаноръ Митаревскій, кой родимецъ малороссійскій, бывъ прежде въ семинаріи Переяславской префектомъ и тамо въ важныя преступленія впавъ, отъ священнодѣйствія отлученъ, избѣгъ изъ Россіи и у уніатовъ былъ, послѣ пришедъ ко мнѣ въ Могилевъ для единого только исправленія его при мнѣ безъ священнодѣйствія держанъ, нынѣ въ отсутствіи моемъ преданъ къ уніатамъ въ Онуфріевскій, прежде благочестивый бывшій, а нынѣ уніатскій монастырь, къ живущему въ томъ монастырѣ архіепископу уніатскому, родимцу же малороссійскому, Лисьянскому, и оной Митаревскій, согласясь съ плебаномъ Кричевскимъ Рейнодомъ Изличомъ, превеликое священству благочестивому, а особливо строителю монастыря Охорскаго Кричевскаго, дѣлають угнетеніе, такъ что тотъ строитель съ братією по дѣсамъ принужденъ отъ нихъ крытись.“ Отъ кіевскаго митрополита пришло извѣстіе, что Трембовальскій староста Іоакимъ Потоцкій насильно четыре православныхъ церкви отнялъ на унію; пивскій епископъ Георгій Булгакъ отнялъ на унію четырнадцать церквей, изувѣчилъ игумена Теофана Яворскаго.

Когда русская партія восторжествовала, когда кандидатъ русской императрицы избранъ былъ въ королѣи, Конисскій получилъ надежду, что его жалобы будутъ выслушаны въ Варшавѣ, и въ 1765 году рѣшился самъ туда отправиться; но вотъ что оное доносилъ синоду объ успѣхѣ своего пу-

тешествія: „Когда я прошлаго іюля 15 дня, получивши отъ команды смоленской трехъ драгунъ въ конвой, выѣхалъ изъ Могилева, а іюля 11 прибылъ въ Варшаву, то по отдачи прежде поклону фамиліи его королевскаго величества и министрамъ короннымъ и литовскимъ, представленья его королевскому величеству. Его величество, выслушавъ мою рѣчь и принявъ челобитную, самъ оную, хотя и большая была, изволилъ вычитать, и обнадеживалъ во всемъ томъ удовольствіе учинить, на что имѣемъ права и привилегіи, только велѣлъ обождать пріѣзду въ Варшаву вице-канцлера литовскаго, г. Предзѣцкаго. По прибытіи своемъ оный, вице-канцлеръ литовскій, въ Варшаву, велѣлъ мнѣ челобитную мою передѣлать на двѣ челобитныя, изъ коихъ одну заключилъ — обиды, внутри экономіи могилевской почтенныя, подать въ камеру королевскую, другую — обиды, внѣ экономіи подѣланныя, расписать нѣтра экземпляра, подать имъ министрамъ, короннымъ канцлеру и вице-канцлеру, и ему, вице-канцлеру литовскому, что я и учинилъ. Съ того же времени какъ начали водить, то и вонимъ водятъ безъ всякаго и малѣйшаго успѣха. Росписали до нѣкоторыхъ въ челобитной моей показанныхъ обидчиковъ, чтобъ въ отвѣты на мои жалобы присылали; а о томъ отъ нихъ же господъ министровъ извѣстясь, представалъ имъ, что мнѣ чрезъ такое собраніе отвѣтовъ новая причижается обида, понеже и не ко всемъ обидчикамъ за таковыя отвѣты послано, и посмать ко всемъ невозможное дѣло, яко большая ихъ часть на оудъ Божій повалла, и я съ таковымъ никакою сатисфакціи не прошу, только возвращенія отъятаго, или только чтобы впредь подобныя обиды дѣлать запрещено, да и которые обидчики въ живыхъ остались и принимаютъ отвѣты, то съ ихъ отвѣтовъ не доведется никакой чинить резолюціи, понеже они себя виновными не признають, и въ чемъ ложно извиняться заботятъ, я готовъ всегда опровергать, и такимъ способомъ собранія отвѣтовъ да доказательствъ конца не будетъ, и какъ имъ обидчикамъ таковыхъ отвѣтовъ и доказательствъ съ домовъ своихъ безъ малѣйшихъ убытковъ присылка очень поворовочна, такъ мнѣ ожидать оныхъ отвѣтовъ вѣсь въ Варшавѣ и большіе убытки нести весьма тяжело и несподно, и что на остатокъ съ моихъ жалобъ нѣкоторыя суть таковыя, которыя, по разсмотрѣніи до-

кументовъ письменныхъ, никакому изслѣдованію не подлежатъ. Такое однако мое представленіе мѣсто у нихъ господъ министровъ не получило, еще учинили меня богатымъ: ты де богатъ, можешь здѣсь проживать, а отвѣтную сторону волочить сюда по скудости ихъ не доведется“.

Удивительное зрѣлище представляла въ это время Польша: народныя силы, казалось, пробуждались послѣ долгаго усыпленія, обнаружилось необыкновенное единодушіе—но для чего? для того ли чтобъ установить лучшій порядокъ, освободиться отъ иностраннаго вліянія? вѣтъ, для того чтобы не сдѣлать ни малѣйшей уступки требованіямъ диссидентовъ, чтобы не признать никакихъ правъ за христианами другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ католическаго? И въ то же время все ограничивалось страдательнымъ упорствомъ, ограничивалось однимъ крикомъ; никто не думалъ о средствахъ дѣятельнаго, серьезнаго сопротивленія соседнимъ державамъ, Россіи и Пруссіи, которыя не могли бросить диссидентскаго дѣла; фанатизмъ только гальванизировалъ мертвое тѣло, но къ жизни его не возбуждалъ. Репнинъ былъ въ изумленіи: „что это такое? писалъ онъ въ Петербургъ: нашимъ требованіямъ уступить не хотятъ; но на что же они надѣются? Своихъ силъ вѣтъ, иностранцы не помогутъ“.

Положеніе Репнина въ Варшавѣ было не завидное. Изъ Петербурга присылаютъ къ нему умѣренные, но твердыя требованія относительно диссидентовъ, тогда какъ на мѣстѣ онъ видитъ ясно, что требованіямъ этимъ ни малѣйшей уступки быть не можетъ. Всякому дипломату бываетъ очень непріятно, когда на него возлагаютъ порученіе, которое исполнить онъ не видитъ возможности; онъ не можетъ освободиться отъ тяжелой для его самолюбія мысли, что правительство его можетъ усумниться, дѣйствительно ли дѣло невозможно, не виновато ли въ этой невозможности, хотя отчасти, неумѣнье уполномоченнаго? Поэтому неудивительно, что Репнинъ сначала сдѣлалъ было отчаянную попытку убѣдить свой дворъ отказаться отъ диссидентскаго дѣла, рѣшился представить, что стоитъ ли заступаться за диссидентовъ?—между ниминѣтъ знатныхъ людей! Понятно, что попытка не удалась: „польза, честь отечества и персональная ея величества слава“ требовали, чтобы Репнинъ проводилъ диссидентское дѣло. Такимъ образомъ посолъ

былъ поставленъ, съ одной стороны, между неукомными требованіями своего двора, и съ другой, упорством Поляковъ, отвергавшихъ всякую мысль къ уступчивости и сдѣлкѣ. Но неужели Репнинъ не могъ ни въ комъ найти себѣ помощи? Неужели фанатизмъ одинаково обуялъ обоихъ? Что король? что Чарторыйскіе?

Репнинъ былъ отправленъ въ Польшу, чтобы поддерживать тамъ русскую партію, партію Чарторыйскихъ, и содѣйствовать возведенію на престолъ племянника ихъ, Станислава Понятовскаго. До достиженія этой цѣли Чарторыйскіе и Понятовскій оставляли одно, что, разумѣется облегчало положеніе Репнина, утѣшая его отношенія къ этимъ людямъ. Но съ достиженіемъ цѣли, съ востшествіемъ на престолъ Понятовскаго, положеніе посла затруднилось. Королю хотѣлось освободиться изъ-подъ опеки дядей, дѣйствовать самостоятельно, но, какъ человекъ слабохарактерный, онъ не могъ этого сдѣлать вдругъ, рѣшительно, да и человекъ съ болѣе твердымъ характеромъ не легко было бы это сдѣлать въ положеніи Станислава-Августа. Въ отсутствіи дядей, король былъ храбръ и самостоятеленъ, но только кто-нибудь изъ стариковъ являлся, король не имѣлъ духа въ чемъ-либо попротиворѣчить, въ чемъ-либо отказать ему. Но умные старики, разумѣется, сейчасъ же поняли, что эта уступчивость невольная, что тутъ нѣтъ искренности, что они своими личными достоинствами и своимъ значеніемъ въ странѣ дѣлаютъ только насиліе королю. Понято, что вслѣдствіе этого возникла холодность между дядьми и племянникомъ, а это затруднило положеніе Репнина. Держаться теперь на одной ногѣ и съ королемъ, и съ Чарторыйскими стало тяжело; естественно, что Репнину хотѣлось упростить свои отношенія, то-есть имѣть дѣло съ однимъ королемъ и для этого желать полной независимости послѣдняго отъ дядей. При этомъ естественномъ стремленіи Репнинъ легко перешелъ границу: Чарторыйскіе, замѣтили, что посолъ ближе съ королемъ чѣмъ съ ними, и оплатили ему тѣмъ же удаленіемъ и холодностію. Репнинъ сталъ жаловаться на нихъ въ Петербургъ: „Что касается до моего обращенія съ князьями Чарторыйскими, то посолъ сейма коронаціи усумнясь о ихъ прямотѣ, а особливо посолъ какъ я отказалъ платить впредъ до указа воеводѣ русскому мѣсячной

пенсіи, брать его единственно съ тѣхъ поръ холодевъ. Учивость основаніе дѣлаетъ нашего обхожденія, о дѣлахъ же я болѣе съ самимъ королемъ говорю.“

Въ Петербургѣ были увѣрены, что по инаости Чарторыйскихъ не удалось диссидентское дѣло на первомъ сеймѣ; мы видѣли, въ какихъ выраженіяхъ писалъ объ этомъ король императрицѣ. „*Вопреки мнѣнію еяшихъ моихъ совѣтниковъ* (Чарторыйскіе были самые близкіе совѣтники!) я поднялъ вопросъ о диссидентахъ, потому что вы того желали. Чуть, чуть не умертвили примаса въ моемъ присутствіи¹. Въ Петербургѣ хотѣли, чтобъ Чарторыйскіе всѣмъ своимъ могущественнымъ вліяніемъ проводили диссидентское дѣло на сеймѣ, и, вмѣсто того, узнають что они даже отговаривали короля начинать его! Еще 12 февраля 1765 года Павинъ писалъ Репнину: „Мы не можемъ и не хотимъ поставлять польскія дѣла совѣтъ окончательныи, пока не сдѣлано будетъ справедливое поправленіе состоянію тамошнихъ диссидентовъ, хотябы то и самой вооруженной негодіи требовало. Здѣсь удостовѣрены, что Чарторыйская фамилія есть та, которая въ семь пунктовъ больше другихъ недоброжелательна и она существительною причиною въ вашей неудачѣ на посажденіи сеймѣ. Вамъ надлежитъ ту фамилію убѣждать и склонять, въ случаѣ же въ томъ безнадежности, воспользоваться настоящею разстроицею между ею и королемъ, и его величество ободрять противу ея. Кромѣ зачинающихся въ вашемъ мѣстѣ женскихъ сплетней и интригъ между фамиліею, и кромѣ духа господствованія двухъ братьевъ Чарторыйскихъ, новый государь больше горячо, нежели прозорливо, за свои дѣла принимается; надобно опасаться, чтобы такимъ образомъ примиривая все ко внутреннему польскому аршину, онъ не навелъ на себя такихъ хлопотъ, которыя могутъ привести въ разстроицу весь сѣверный акортъ и его посадить между двухъ стульевъ. Благоразуміе, конечно, требуетъ отъ его польскаго величества, чтобъ онъ для будущихъ своихъ выгодъ, изволялъ съ достаточною весьма политическою экономіею и уваженіемъ касаться до своихъ внутреннихъ дѣлъ, и, сколько возможно, воздерживался отъ всего того, что истокваніе и видъ новости получить можетъ, а вмѣ-

¹ См. первую статью, письма короля отъ 20 апрѣля 1765 г.

сто того гораздо вѣрнѣе и надежнѣе быть кажется, еслибъ уеугубилъ свое стараніе акредитовать и укрѣпить себя средствами истинной дружбы и союзовъ съ тѣми державами, которыя возобновленію природныхъ королей въ Польшнѣ постановляютъ частію ихъ политической системы“.

Въ этомъ письмѣ Панинъ излагаетъ свой взглядъ на польскія отношенія и даетъ видѣть связь этого взгляда съ своимъ главнымъ стремленіемъ. Последнее состояло въ томъ, чтобы сѣверныя европейскія государства--Россія, Пруссія, Англія, Данія, Швеція и Польша составляли постоянный союзъ, противоположный австро-французскому союзу южной Европы. Польскій король своею поспѣшностію въ нововведеніяхъ могъ возбудить противъ себя непріязнь короля прусскаго, и этимъ нарушить сѣверный *акортъ*, поставить Россію въ затруднительное положеніе между польскимъ и прусскимъ королями, одинаково ей союзными, и что всего хуже, если вражда между Пруссіей и Польшею разгорится, то послѣдняя можетъ перейти къ австро-французскому союзу. Соответственно этому основному своему взгляду, Панинъ писалъ Репнину, чтобы тотъ всѣми силами содѣйствовалъ браку польскаго короля на дочери короля португальскаго, ибо *это выгодно для сѣверной системы*: португальскій дворъ связанъ съ Англіей, и его вліяніе никогда не будетъ вредить союзу Польши съ Россіей и со всѣмъ сѣверомъ.

Но если въ Петербургѣ сердились на Чарторыйскихъ за охлажденіе къ русскимъ интересамъ, тѣмъ не менѣе не хотѣли разрыва съ могущественною фамиліей и предписывали Репнину сначала убѣждать и склонять ее. Самъ Репнинъ, жадуясь на Чарторыйскихъ, въ то же время писалъ о ихъ могуществѣ и слабости короля, и тѣмъ самымъ, разумѣется, обвинялъ себя въ слишкомъ поспѣшномъ предпочтеніи племянника дядьямъ: „Я уже предъ симъ доносилъ, писалъ ояъ къ Панину ¹, сколь двое братьевъ Чарторыйскихъ духомъ владычества исполнены, а притомъ что и кредитъ ихъ весьма въ націи великъ, который болѣе еще возросъ тѣмъ, что они въ послѣднее междоцарствіе были шефами нашей партіи, и что черезъ ихъ руки всѣ деньги шли для приумноженія партизановъ, которые имъ преданы

¹ 13 (26) мая 1765.

и остались; къ тому же тотъ кредитъ содержится въ своей силѣ слабостью короля, который еще не можетъ осилиться и изъ привычки выйдти имъ что-либо отказать, хотя часто и съ неудовольствіемъ на ихъ требованія соглашается. "Чѣмъ болѣе Репнинъ сближался съ королемъ, тѣмъ болѣе удостовѣрялся въ его слабости: „Во время бытности на охотѣ, писалъ ¹ онъ Панину, имѣлъ я случай говорить съ его величествомъ о духѣ владычества князей Чарторыйскихъ и о необходимой нуждѣ, чтобъ онъ наконецъ старался самъ господиномъ быть, а не вѣчно бы въ зависимости ихъ остался. По несчастію, онъ себѣ въ голову ту надежду забралъ, что онъ своихъ дядьевъ резонами и ласкою убѣдитъ и приведетъ въ тѣ границы, въ коихъ поданнымъ быть надлежитъ. Слабость его столь удивительна что не узнають его передъ тѣмъ какъ онъ партикулярнымъ былъ человекомъ.“

Но слабость короля естественно заставляла возвратиться къ Чарторыйскимъ, особенно въ виду сейма 1766 года, когда снова должно было подняться диссидентское дѣло. За-благоразсудили войдти въ непосредственную переписку съ Чарторыйскими: старики увѣрили, что преданность ихъ къ Россіи не измѣнилась, жаловались на короля, на то, что онъ ихъ не слушается, жаловались и на Репнина, приписывая его холодность къ себѣ веселостямъ, которымъ 'преданъ посоль. Репнинъ по этому случаю писалъ Панину ². „Князей Чарторыйскихъ содѣйствіе на будущемъ сеймѣ конечно необходимо нужно, не потому чтобы на ихъ прямодушное усердіе считать точно было можно, но потому что кредитъ ихъ весьма великъ, и что хотя при двоякости ихъ сердце, но головы, признаться должно, имѣють здравѣе нежели всѣ другіе въ сей землѣ. Изъясненія ихъ къ вашему высокопревосходительству не всѣ справедливы, какъ напримѣръ говоря о королевскомъ поведеніи. Согласно я весьма, что слабости и скоропостижности въ томъ чрезвычайно много; но не могу я на то согласиться, чтобы какое-нибудь однако жь дѣло хотя маловажное было сдѣлано безъ ихъ свѣдѣнія и согласія. Что же касается до моего противъ нихъ положенія, то не веселье конечно мое

¹ 2 января 1766.

² 21 августа 1766.

отдаеніе воспричинствовали, но двойкость ихъ и неблагодарность къ нашему двору.“

Какъ бы то ни было, Репнинъ долженъ былъ сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ Чарторыйскими. Одинъ братъ, канцлеръ литовскій, проводилъ лѣто 1766 года въ своихъ деревняхъ, и потому Репнинъ обратился къ князю Августу, воеводѣ русокому, прося его назначить свободный часъ для переговоровъ о вѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ; воевода отвѣчалъ, что завтра самъ прійдетъ къ посау. Репнинъ началъ разговоръ увѣреніемъ „о возвращеніи къ нему, Чарторыйскому, высочайшей довѣренности и благоволенія ея императорскаго величества, въ томъ точно упованіи, что его усердіе и преданность совершенно соотвѣтствуютъ себѣ высочайшей милости. Мнѣ повелѣно, продолжалъ Репнинъ, съ истинною откровенностію во всѣхъ нашихъ дѣлахъ съ нимъ и съ канцлеромъ литовскимъ соглашаться и обще съ ними къ успѣху оныхъ доходить. Всемилостивѣйшей государынѣ желательно и пріятно будетъ, чтобъ его польское величество также противъ нихъ въ совершенной откровенности и довѣренности былъ, и сохотѣлъ бы ихъ предпочитать прочимъ.“ Репнинъ заключилъ пріѣздомъ, что онъ съ удовольствіемъ получалъ сіи высочайшія повелѣнія, и что пріятно ему будетъ ихъ въ самой точности исполнять. Чарторыйскій отвѣчалъ увѣреніями въ своемъ усердіи, преданности и благодарности. Послѣ этихъ взаимныхъ учтивостей Репнинъ приступилъ къ дѣлу, обратился къ Чарторыйскому съ просьбою открыть съ довѣренностію всѣ тѣ способы, которые могутъ привести диссидентское дѣло къ желанному успѣху. Воевода опять началъ рѣчь увѣреніями въ своемъ усердіи, но кончилъ объявленіемъ, что не хочетъ отвѣчать за успѣхъ дѣла. „Кто первый станетъ говорить объ этомъ дѣлѣ на сеймѣ? я, признаюсь, сдѣлать этого не осмѣлюсь,“ сказалъ Чарторыйскій. Репнинъ сталъ говорить, что волненія между католиками по поводу диссидентскаго дѣла раздуваютъ епископы своими возмутительными разглашеніями—виленскій—Масальскій, краковскій—Соалтыкъ и каменецкій—Красицкій: „Не пристойно ли бы было, для ихъ усмиренія и для обузданія впредь прочихъ, расположить по ихъ деревнямъ находящіяся теперь въ Польшѣ російскія войска?“ спросилъ Репнинъ. Чарторыйскій противъ этого „крѣпко

уперся⁴, говоря, что такой поступокъ встревожитъ, оскорбитъ и отвратитъ „всѣ духи“ отъ русской стороны. Репнинъ согласился, особенно когда услышалъ и отъ короля такое же мнѣніе: „Разсудилъ я лучше отъ сего поступка удержаться (писалъ онъ Панину), дабы не дать имъ претекста сказать, что я горячностью своею испортилъ то, что бѣ они усердною лаской и пріятствіемъ исполнить могли. Признаюсь, что мнѣніе мое съ вами не согласно, считая, что въ такихъ возмутительныхъ покушеніяхъ твердостью одною дѣла въ порядокъ можно привести; но чувствую однакожь, что сдѣлавъ то противъ ихъ согласія, чрезъ оное дамъ только имъ претекстъ къ извиненію въ случаѣ неудачи.“ Чарторыйскій, мало того что не согласился на занятіе русскими войсками епископскихъ деревень, но и выразилъ мнѣніе, что считаетъ полезнымъ вывести совсѣмъ русскія войска изъ Литвы во время сейма: этимъ, говорилъ онъ, нація будетъ обрадована, и докажется желаніе Россіи не силою, но ласкою приводить дѣла къ концу; „тѣмъ болѣе, прибавилъ воевода, что русскія войска всегда могутъ опять сюда вступить по обстоятельствамъ“. На это Репнинъ замѣтилъ съ учтивостію, что конфедерація еще не разрушена, и потому причина, приведшая русскія войска въ Польшу, остается по прежнему. (Конфедерацію устроили и русскія войска призвали Чарторыйскіе!)

Разговоръ съ воеводою русскимъ привелъ однако Репнина въ отчаяніе, что видно по току письма его къ Панину¹: „Повелѣнія данныя (изъ Петербурга) по диссидентскому дѣлу ужасны, и истинно волосы у меня дыбомъ становятся, когда думаю объ ономъ, не имѣя почти ни малой надежды, кромѣ единственной силы исполнить волю всемогущейшей государыни касательно до гражданскихъ диссидентскихъ преимуществъ.“ Репнинъ повѣхалъ къ королю и объявилъ ему подробно, чего требуетъ Россія для диссидентовъ, прибавя, что это послѣднее слово, и если на нынѣшнемъ сеймѣ всего этого не исполнять, то уже 40.000 войска готовы на границахъ для подкрѣпленія требованій. „Король, по словамъ Репнина, представлялъ трудности или, ваче сказать, невозможности къ сему націю согласить; всячески онъ меня обращивалъ и выпрашивалъ, подлинно ли сіе наше послѣднее

¹ 6 сентября 1766.

слово и подлинно ли войска наши вступятъ, коли всего на сеймѣ не исполняютъ, въ чемъ я его твердо увѣрялъ. Разговоръ кончился вопросомъ отъ короля: могу ли я точнымъ образомъ ему отвѣчать, что ея императорское величество, коли все требуемое мною исполнится, совершенно онымъ довольна будетъ и даѣе сего дѣла и впередъ не поведетъ, на которое я ему донесъ, что я считаю, что сіе обѣщаніе совершенно сдѣлать могу.“

Послѣ этого разговора съ Репнинымъ, король написалъ къ своему министру при петербургскомъ дворѣ, графу Ржевускому, чтобъ онъ представилъ императрицѣ всю невозможность исполнить ея требованія относительно диссидентовъ: „Послѣднія приказанія, данныя Репнину, писалъ Понятовскій, приказанія ввести диссидентовъ даже въ законодательство — громовой ударъ для страны и для меня лично. Если еще человѣчески возможно, то представьте императрицѣ, что корона, которую она мнѣ доставила, сдѣлается для меня одеждою Нессоса: она меня сожжетъ, и смерть моя будетъ ужасна. Мнѣ предстоитъ или отказаться отъ дружбы императрицы, или явиться измѣнникомъ отечеству. Если Россія непременно хочетъ ввести диссидентовъ въ законодательство, то это будутъ (еслибы даже ихъ было не болѣе 10 или 12) законно существующія главы партій, которая будетъ видѣть въ государствѣ и правительствѣ польскомъ враговъ, и которая будетъ необходимо и постоянно искать противъ нихъ помощи издѣтъ.“

Понятно, что тутъ надобно было дѣйствовать наоборотъ; идти даѣе чѣмъ даже требовала Россія: теперь, лишеныя всѣхъ правъ, подвергнутые гоненію, диссиденты по необходимости обращались за помощію къ единовѣрнымъ державамъ; отнять у нихъ всякое побужденіе къ этому, сдѣлать изъ нихъ добрыхъ гражданъ, заставить ихъ дорожить честію и самостоятельностью Польши, — для этого было одно вѣрное средство — сравнять ихъ въ правахъ съ католиками, а король пишетъ, что когда диссиденты получаютъ права, тогда-то и сдѣлаются врагами государства!

Между тѣмъ Репнинъ сдѣлалъ новую попытку у Чарторыйскихъ: онъ обратился къ нимъ съ просьбою, чтобы дали честное слово, не отвѣчая за успѣхъ, приложить всѣ свои старанія къ доведенію диссидентскаго дѣла до желаемого конца, то-есть, чтобъ открыты были диссидентамъ

всѣ гражданскіе чины въ судебныхъ мѣстахъ и дано было участіе въ правленіи, допустивъ ихъ хотя въ ограниченномъ числѣ въ земскіе послы (депутаты) на сеймы. Чарторыйскіе отвѣчали, что не могутъ дать слова и не въ состояніи употреблять свои труды во вредномъ для отечества дѣлѣ. Репнинъ обратился къ королю за рѣшительнымъ отвѣтомъ, и тотъ объявилъ, что не можетъ стараться о диссидентскомъ дѣлѣ. Репнинъ напомнилъ и королю, и Чарторыйскимъ о прежнемъ обѣщаніи ихъ содѣйствовать диссидентскому дѣлу: отвѣтъ былъ одинъ, что тогда разумѣлась одна терпимость. Увѣдомивши объ этомъ свой дворъ, Репнинъ писалъ отъ 24 сентября 1766: „Для того я рѣшился къ генералъ-майору Саалтыкову отъ сего жъ числа чрезъ курьера повелѣніе послать вступить съ своимъ корпусомъ въ деревни епископовъ краковскаго и виленскаго, питаюсь на ихъ кошты, ибо ничего уже хуже по диссидентскому дѣлу быть не можетъ, какъ то, что есть, а можетъ-быть сей поступокъ импрессию сдѣлаетъ и что-либо поправить. Никакой надежды нѣтъ безъ употребленія силы въ семь дѣлъ предупредить: и такъ на нее одну остается уповать, ибо не только часть сейма сему дѣлу противна будетъ, но и всѣ головой, когда сверхъ всего духовенства и его инфлюенцій присовокупляются къ противникамъ короля, князя Чарторыйскіе и ихъ партизаны, что ужъ въ себѣ все и заключаетъ. Долженъ я донести, что во время сеймиковъ и для будущихъ расходовъ на сеймъ по требованіямъ королевскимъ мной ему выдано 11.000 червонныхъ, изъ которыхъ 6.000 уже выданы послѣ объявленія королю во всемъ пространствѣ нашихъ требованій по диссидентскому дѣлу: почему слѣдственно я и надѣялся, что сіе его заведетъ согласно съ нами о полномъ успѣхѣ оного работать, а теперъ я въ безпокойствѣ нахожусь по симъ издержкамъ.“

На это доведеніе императрица отвѣчала Репнину рескриптомъ¹, что *если* на сеймѣ диссидентское дѣло не будетъ доведено до формальной съ нимъ, посломъ, и съ диссидентами негочіаціи, изъ которой бы резонабельныхъ плодовъ ожидать было можно, и *если* опять потерю всякой надежды

¹ 3 октября 1766 года.

должно будетъ приписать одному коварству стариковъ Чарторыхскихъ, въ такомъ случаѣ, опредѣля съ разборчивостію положеніе дѣлъ, употребить все стараніе къ разрыву генеральной конфедераціи и сейма. „Въ самомъ началѣ должно прямо адресоваться къ тѣмъ изъ соперниковъ фамиліи Чарторыхскихъ, которые приобрѣтенному ея во дѣлахъ перевѣсу наиболѣе завидуютъ. Нельзя сомнѣваться, чтобъ такой во мнѣніяхъ нашихъ оборотъ не произвелъ важной въ духахъ перемѣны, и чтобъ многіе изъ соперниковъ князей Чарторыхскихъ, кои теперь диссидентскому дѣлу противны, не обратились на лучшія по оному мысли.“

Дѣло усложнилось тѣмъ, что король, подъ шумокъ, хотѣлъ провести на сеймѣ важныя преобразованія, именно, чтобы вопросы объ умноженіи податей и войска рѣшались большинствомъ голосовъ. Но противники нововведеній дали знать Репнину о замыслахъ, отъ которыхъ онъ имѣлъ наказъ удерживать короля. вмѣстѣ съ прусскимъ посломъ Бенуа, Репнинъ сильно воспротивился проведенію большинства голосовъ; Чарторыхскіе, изъ нерасположенія къ королю съ одной стороны, а съ другой видя невозможность успѣха и желая показать, русской императрицѣ свою преданность, желая показать что они готовы служить ей во всемъ, что возможно,—Чарторыхскіе помогли Репнину въ этомъ дѣлѣ, помогли и въ дѣлѣ распущенія конфедераціи. Король, съ страшною тоской въ сердцѣ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній и публично заявить объ этомъ. Репнинъ былъ дѣйствительно подкупленъ поступками *фамиліи* ¹, писалъ съ похвалою въ Петербургъ о ея поведеніи, и холодность ея къ диссидентскому дѣлу приписывалъ единственно его непреодолимою трудности. „Прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство, писалъ онъ Панину ², не только графу Ржевускому, но если можно и къ самимъ Чарторыхскимъ, включая великаго маршала короннаго, князя Любомирскаго, ласково отозваться за содѣйствіе ихъ по дѣламъ истребленія множества (большинства) голосовъ и разрыва конфедераціи, а особливо къ князю Адаму Чарторыхскому, хотя чрезъ письмо ко мнѣ, кое бы я могъ показать: ибо онъ

¹ Говоря о Чарторыхскихъ, обыкновенно употребляли это слово.

² 9 ноября 1766.

(князь Адамъ) былъ мнѣ первымъ инструментомъ къ приведенію стариковъ на мою сторону.“ Въ слѣдующемъ донесеніи писалъ ¹: „Я въ семь дѣлъ (уничтоженія большинства голосовъ) какъ точнымъ содѣйствіемъ короля, такъ и Чарторыскимъ совершенно доволенъ. Я долженъ по справедливости донести, что успѣхъ диссидентскаго дѣла не въ силахъ короля, ни Чарторыскихъ. Лучшее доказательство сему сіе самое истребленіе множества голосовъ, которое они вчерась сдѣлали. Неоспоримо оное дѣло имъ гораздо дороже было и нужнѣе, но, вида пропасть разверстую, сами раздѣляли то, что имъ драгоцѣннѣе всего было, и тако и диссидентское бѣ дѣло сдѣлали, коль бы могли, ибо тѣхъ же точно крайностей и по оному ожидаютъ, не имѣя однакожь таковой же противности къ нему, какъ къ первому. Однимъ словомъ, антузіазмъ и сумасбродство, заразившіеся отъ ввухеній духовенства и отъ скупости, чтобъ авантюжи коронныя не раздѣлять съ диссидентами, столь чрезвычайны, что совершенно свыше всехъ здѣшнихъ силъ. Король же, коего я нынче видѣлъ во дворцѣ при обыкновенномъ по воскресеньямъ сѣздѣ, въ такомъ уныніи духа, что я онаго изобразить довольно не могу. Я лишь подошелъ къ нему и помянулъ объ разрушенномъ дѣлѣ множества голосовъ съ благодареніемъ, что онъ самъ о томъ публично говорилъ, то онъ вдругъ при всей публикѣ горько заплакалъ и ничего не былъ мнѣ въ состояніи отвѣчать. Сія самая горестъ доказываетъ, сколь онъ къ сему дѣлу привязанъ былъ.“

Чарторыцкіе не переставали увиваться около Рейнина, выставляя свою преданность Россіи, просить о возвращеніи прежней милости и наговаривать на короля. Рейнинъ писалъ Павину ²: „Канцлеръ литовской симъ утромъ у меня былъ, чтобъ мнѣ сообщить дружески объ учиненномъ разрывѣ конфедераціи, при чемъ я его благодарилъ за содѣйствіе ихъ въ ономъ и въ истребленіи множества голосовъ по матеріямъ умноженія податей и войска. Онъ много увѣреній дѣлалъ о преданности къ нашему двору, и что бывъ въ послѣднихъ временахъ въ нѣкоторой у насъ недовѣркѣ, лестно бы ему было и съ братомъ имѣть увѣреніе отъ вашего высокопревосходительства о возвращеніи къ нимъ

¹ 12 ноября.

² 19 ноября 1766.

покровительства и милости ея императорскаго величества, для достиженія которой они все сдѣлали, что имъ возможно было. Канцлеръ литовскій со мною изъяснился, что король часъ отъ часу болѣе къ нимъ недовѣрїя имѣеть, несогласіе ихъ умножася въ семь послѣднемъ сеймѣ, чрезъ противность, которую они ему, въ угодность къ намъ, показали, и въ чемъ король не иначе согласился, какъ по необходимости. Канцлеръ прибавилъ, что увѣрїя въ согласіи хотя принужденномъ королевскомъ, нужно будетъ учредить всѣ пункты новаго союза (съ Россією), которымъ они весьма желаютъ убавить требованія королевскія, кои онъ во многомъ лишности даетъ.“

Но всѣ эти увѣренія въ преданности и выказываніе услугъ не могли повести ни къ чему, благодаря роковому дѣлу о диссидентахъ. Въ другой разъ на сеймѣ всякое соглашеніе по этому дѣлу было отвергнуто съ прежнимъ ожесточеніемъ: грозилась изрубить въ куски депутата Гуровскаго, начавшаго рѣчь въ пользу диссидентовъ. Репнинъ цѣль правд доносить въ Петербургъ, что не въ силахъ Чарторыйскихъ преодолѣть фанатизмъ своихъ согражданъ; въ Петербургѣ могли этому вѣрить; но изъ этого не слѣдовало еще, что должно было принять позоръ неудачи и отказаться отъ дѣла, когда еще оставалось средство возможное и законное въ Польшѣ. Репнину уже было указано это средство: конфедерація между диссидентами, которые должны были обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи, и, если Чарторыйскіе откажутся содѣйствовать дѣлу, поднять противную имъ партію. Панивъ непосредственно обратился къ *фамиліи* съ вопросомъ, будетъ ли она помогать диссидентскому дѣлу. Чарторыйскіе отвѣчали уклончиво. Репнинъ замѣтилъ имъ это, замѣтилъ, что мало толковать о своемъ добромъ желаніи, надобно его доказать на дѣлѣ: „Вы говорите объ опасностяхъ отъ диссидентской конфедераціи для самихъ диссидентовъ, а не указываете другихъ средствъ, которыя можно было бы употребить вмѣсто конфедераціи; опасность будетъ грозить недиссидентамъ, а тѣмъ, которые позволяютъ себѣ причинить какое-нибудь насиліе диссидентамъ, потому что Россія отомститъ страшно обидчикамъ.“ Репнинъ показалъ отвѣтъ Чарторыйскихъ главнымъ изъ диссидентовъ, и спросилъ: когда они будутъ готовы съ своею конфедераціей? Тѣ назначили 9 марта 1767 года.

Съ другой стороны, вполнѣ предавшійся Репнину референдарій коронный Подоскій отправился въ объѣздъ по главнымъ членамъ противной *фамиліи* партіи, къ Потоцкому, Оссолинскому, Мнишку, епископамъ—Солтыку и Красинскому, испытать ихъ расположеніе, общая покровительство Россіи, посредствомъ котораго они могутъ взять верхъ надъ Чарторыйскими, если только, съ своей стороны, они согласятся содѣйствовать диссидентскому дѣлу.

Мы изложили ходъ диссидентскаго дѣла до 1667 года, чтобы показать, какимъ образомъ Репнинъ принужденъ былъ принять тѣ мѣры, которыя породили различныя конфедераціи и усобицу, предшествовавшую первому раздѣлу Польши. Мы не будемъ описывать этой усобицы, что отвлекло бы насъ далеко отъ нашей цѣли¹. Мы видѣли, что, совершенно противъ желанія своего, русское правительство было вовлечено въ польскую усобицу; точно также противъ своего желанія, благодаря этой самой усобицѣ, оно было вовлечено въ войну турецкую. Франція оказала хорошую услугу Польшѣ. Для ослабленія здѣсь русскаго вліянія она хлопотала о томъ, чтобы Турція объявила войну Россіи; для спасенія одной полумертвой державы, поднимали другую полумертвую; разумѣется, двѣ полумертвыя державы не могли съ успѣхомъ бороться противъ одной живой, и что же вышло? Успѣхи русскихъ войскъ въ Турціи заставили Австрію войти въ вѣды Пруссіи относительно раздѣла Польши, ибо этимъ раздѣломъ поддерживалось европейское равновѣсіе: владѣнія трехъ державъ увеличивались одновременно, и не одна Россія увеличивала свои владѣнія насчетъ Турціи.

Но прежде всего посмотримъ, какъ хотѣла Россія увеличивать свои владѣнія насчетъ Турціи? Она хотѣла приобрѣсти обѣ Кабарды, Азовъ съ его областью, свободное плаваніе по Черному морю, одинъ островъ на Архипелагѣ, освобожденіе изъ-подъ турецкой власти Крыма и Дунайскихъ княжествъ. Когда Екатерина сообщала эти условія Фридриху II, то онъ отвѣчалъ²: „Турки никогда не согласятся на уступку Молдавіи, Валахіи и острова въ Ар-

¹ Смутное время, предшествовавшее первому раздѣлу Польши, составляетъ содержаніе особой статьи.

² 4 Января 1771 г.

капелангъ; независимость Татаръ встрѣтить также большія затрудненія, и надобно бояться, чтобы Порты, если довести ее до крайности, не бросилась въ объятія вѣнскаго двора и не уступила ему Бѣяграда. Австрія также скорѣе начнетъ войну чѣмъ согласится на отнятіе у Турціи Молдавіи и Валахіи. Все что можетъ Турція уступить—это объ Кабарды, Азовъ съ его областью и свободное плаваніе по Червону морю. Если Россія согласится на это, то онъ, Фридрихъ, сдѣлаетъ первое движеніе къ началію переговоровъ; въ противномъ случаѣ онъ не двинется, ибо не предвидитъ никакого успѣха, предвидитъ одно, что эти требованія присоединять къ старой войнѣ еще новую.⁴

Екатерина отвѣчала на это подробнымъ объясненіемъ своихъ требованій¹: „Я не требую никакихъ приобретеній собственно для моей имперіи. Объ Кабарды и Азовскій округъ принадлежать безспорно Россіи: они такъ же мало увеличатъ ея могущество, какъ мало уменьшили его, когда изъ нихъ сдѣлали границу; Россія чрезъ возвращеніе своей собственности выигрываетъ только то, что пограничные подданные ея не будутъ подвергаться воровству и разбоямъ, что стада ихъ будутъ пастись покойно. Свободное плаваніе по Черному морю есть такое условіе, которое необходимо при существованіи мира между народами. Россія согласилась на это ограниченіе, уступила варварскимъ предразсудкамъ Порты изъ любви къ миру; но этотъ миръ нарушенъ съ презрѣніемъ всѣхъ обязательствъ. Если я имѣю право на какое-нибудь вознагражденіе за войну, столь несправедливую, то конечно не здѣсь я могу и должна его найти. Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавіи и Валахіи; но я откажусь и отъ этого вознагражденія, если предпочтутъ сдѣлать эти два княжества независимыми. Этимъ я доказываю свою умѣренность и свое безкорыстіе; этимъ я объявляю, что ищу только удаленія всякой причины къ возбужденію войны съ Портою. Вѣнскій дворъ не понимаетъ своего прямого интереса, позволяя себѣ такъ живо обнаруживать, зависть относительно этого пункта. Я не отодвигаю своихъ границъ ни на одну лину; я остаюсь въ прежнемъ разстояніи отъ его владѣній; если вѣнскій

¹ 19 января 1771.

дворъ доволенъ тѣмъ, что имѣеть въ Туркѣ такого слабого сосѣда, то долженъ быть еще болѣе доволенъ сосѣдствомъ маленькаго Молдо-Влахійскаго государства, несравненно болѣе слабого и равно независимаго отъ трехъ имперій. Если положеніе Турокъ таково, что они должны получить миръ только съ уступками, то они поступаютъ очень странно, если уступать Бѣлградъ, которымъ спокойно владѣютъ, а не уступать княжествъ, которыя уже болѣе не ихъ и возвращеніе которыхъ будетъ всегда зависѣть отъ жребія войны. Притомъ это еще вопросъ—чи владѣнія имъ желательнѣе увеличить: русскія или австрійскія? Но установленіе двухъ независимыхъ княжествъ вопросъ рѣшаетъ. Я знаю, что вѣнское министерство, по нынѣшней своей системѣ, много настаиваетъ на равновѣсіи Востока, которое до сихъ поръ еще не фигурировало съ такимъ блескомъ въ интересахъ западныхъ государей, и изобрѣтеніемъ котораго мы, быть-можетъ, обязаны союзу Австріи съ Франціей; однако я готова уступить этому политическому равновѣсію; но кто опредѣлитъ, что балансъ вѣренъ, когда границы турецкихъ владѣній простираются до Днѣстра, и что балансъ нарушенъ, если эти границы находятся на Дунаѣ? Жалкое положеніе Востока, если отъ такой разницы въ разстояніи можетъ зависѣть его разрушеніе! Дѣло освобожденія Татаръ есть право человѣчества, котораго требуетъ цѣлая нація: я ей не могу отказать въ помощи. Возстановленіе независимости Татаръ не уменьшаетъ ни въ чемъ могущества Порты и не увеличиваетъ ни въ чемъ могущества Россіи, но отстраняетъ только пограничныя неудобства послѣдней. Вѣнскій дворъ не имѣеть Татаръ своими сосѣдами, и потому не имѣеть никакой причины къ безпокойству. Островъ требуемый мною въ Архипелагѣ будетъ только складочнымъ мѣстомъ для русской торговли; я вовсе не требую такого острова, который бы одинъ могъ равняться цѣлому государству, какъ напримѣръ Кипръ или Кандія, ни даже столь значительнаго какъ Родось. Я думаю, что Архипелагъ Италія и Константинополь даже выиграютъ отъ этой складки сѣверныхъ произведеній, которыя они могутъ получать изъ первыхъ рукъ и слѣдовательно дешевле. Надѣюсь, ваше величество согласитесь наконецъ, что если Молдавія и Валахія будутъ провозглашены независимыми, то въ этомъ одномъ островѣ

будеть заключаться все мое вознагражденіе, и что, отказываясь отъ него, я откажусь рѣшительно отъ всего.“

Но эти объясненія не повели ни къ чему; нѣмецкія государства, Пруссія и Австрія, сочли для себя выгоднѣе отдѣлаться отъ Польши для Россіи *русскія* области, содѣйствуя такимъ образомъ исторіи, начавшей свое дѣло въ XVII вѣкѣ, а въ себя вобрать славянскія области. За то Турція не лишилась Дунайскихъ княжествъ; только Россія, неожиданно и къ великой досадѣ Австріи, силою оружія заставила Турцію признать независимость Крыма. Это послѣднее событіе не могло остаться безъ послѣдствій: оно заставило Россію отказаться отъ сѣвернаго *акорта*, перемѣнить прусскій союзъ на австрійскій.

Турція долго не могла переварить условій кайнарджітскаго мира, долго бросалась во всѣ стороны съ просьбою о помощи, нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить эти условія. Понятно, что всего чувствительнѣе была для нея потеря Крыма. По условіямъ кайнарджітскаго мира, за султаномъ оставалось въ Крыму религиозное значеніе, какъ преемника *кааифовъ*; но онъ упорно домогался верховныхъ правъ въ области гражданской и политической. Россія, разумѣется, не могла уступить этимъ домогательствамъ, ибо тогда гдѣ же была бы независимость Крыма? Вслѣдствіе враждебныхъ другъ другу вліяній съ двухъ сторонъ—русской и турецкой, образовались партіи на полуостровѣ и вступили въ борьбу другъ съ другомъ, воплотивъ напоминающую намъ борьбу двухъ партій, русской и крымской, въ Казани передъ ея паденіемъ. Ханы смѣнялись вслѣдствіе движенія партій. Уже въ 1775 году свергнутъ былъ преданный Россіи ханъ Сагибъ-Гирей и возведенъ на престолъ преданный Турціи Девлетъ-Гирей; Россія свергнула послѣдняго и возвела на его мѣсто Шагинъ-Гирея. Шагинъ хотѣлъ быть дѣйствительно независимымъ и ввести необходимыя для усиленія своего государства преобразованія, сталъ вводить при этомъ новые, европейскіе обычаи; но этимъ онъ возбудилъ противъ себя сильную старовѣрческую, турецкую партію, началась опять усобица, въ которой Россія должна была поддерживать Шагина. Такое положеніе дѣлъ становилось часъ отъ часу несноснѣе для Россіи. Война ея съ Турціей продолжалась въ Крыму; благодаря Крыму, ежедневно готова была вспыхнуть и непосредственно, въ болѣе-

широкихъ размѣрахъ. Тѣмъ сильнѣе становилось желаніе покончить съ Крымомъ, который не могъ оставаться независимымъ, тѣмъ охотнѣе должны были выслушиваться предложенія въ родѣ слѣдующаго, которое представилъ Потемкинъ:

„Крымъ положеніемъ своимъ разрываетъ наши границы. Нужна ли осторожность съ Туркомъ по Бугу или со стороны кубанской—во всѣхъ сихъ случаяхъ и Крымъ на рукахъ. Тутъ ясно видно, для чего ханъ вынѣшній Туркамъ непріятель: для того, что онъ не допуститъ ихъ чрезъ Крымъ входить къ намъ такъ-сказать въ сердце. Положите жь теперь, что Крымъ вашъ, и что нѣтъ уже сей бородавки на носу—вотъ вдругъ положеніе границъ прекрасное: по Бугу Турки граничатъ съ нами непосредственно, потому и дѣло должны имѣть съ нами прямо сами, а не подъ именемъ другихъ. Всякій ихъ шагъ тутъ виденъ. Со стороны кубанской сверхъ частыхъ крѣпостей, снабженныхъ войсками, многочисленное войско Донское всегда тутъ готово. Довѣренность жителей въ Новороссійской губерніи будетъ тогда несомнительна, мореплаваніе по Черному морю свободное, а то извольте разсудить, что кораблямъ вашимъ и выходить трудно, а входить еще труднѣе. Еще въ добавокъ избавимся отъ труднаго содержанія крѣпостей, кои теперь въ Крыму на отдаленныхъ пунктахъ. Всемилостивѣйшая государыня! неограниченное мое усердіе къ вамъ заставляетъ меня говорить: презирайте зависть, которая вамъ препятствовать не въ силахъ. Вы обязаны возвысить славу Россіи. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрѣлъ: Франція взяла Корсику, Цесарцы безъ войны у Турковъ въ Молдавіи взяли больше нежели мы. Нѣтъ державы въ Европѣ, чтобы не подѣлили между собой Азіи, Африки, Америки. Приобрѣтеніе Крыма ни усилить, ни обогатить васъ не можетъ, а только покой доставить. Ударъ сильный—да кому? Туркамъ: это васъ еще больше обязываетъ. Повѣрьте, что вы симъ приобретеніемъ безсмертную славу получите, и такую, какой ни одинъ государь въ Россіи еще не имѣлъ. Сія слава продолжитъ дорогу еще къ другой и большей славы: съ Крымомъ достанется и господство въ Черномъ морѣ, отъ васъ зависѣть будетъ запираеть ходъ Туркамъ, и кормить ихъ или морить съ голоду. Хану пожалуйте въ Персію что хо-

тите,—онъ будетъ радъ. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ вывѣшную зиму, и жители охотно принесутъ о семъ просьбу. Сколько славно приобрѣтеніе, столько вамъ будетъ стыда и укоризны отъ потомства, которое при каждахъ хлопотахъ такъ скажетъ: вотъ, она могла, да не хотѣла или упустила. Есть ли твоя держава кротость, то лучше въ Россіи рай. Таврически Херсонъ! изъ тебя истекало къ намъ благочестіе: смотри какъ Екатерина Вторая накіи вноситъ въ тебя кротость христіанскаго правленія.“

Но „свести бородавку съ носу“ было нельзя безъ войны съ Турціею, а для этого нужно было обезпечить себя со стороны соседнихъ державъ—Пруссіи и Австріи, преимущественно со стороны послѣдней. Недавно соглашеніе этихъ державъ помѣшало Россіи заключить миръ съ Турціею на желанныхъ условіяхъ, заставить Россію войти въ видъ Пруссіи и Австріи относительно Польши; и теперь исходъ крымскаго дѣла зависѣлъ отъ того, будетъ ли по прежнему существовать это соглашеніе между Пруссіей и Австріей, или можно будетъ разрознить ихъ интересы и заставить ту или другую державу войти совершенно въ видъ Россіи. Поведеніе Фридриха II относительно турецкихъ дѣлъ не могло не охладить къ нему Екатерины: онъ дѣйствовалъ вовсе не такъ, какъ бы можно было надѣяться отъ вѣрнаго союзника, не хотѣлъ принять извѣстныхъ обязательствъ справедливости русскихъ требованій отъ Турціи, что не могло не оскорбить, явно преслѣдовавъ только свои интересы и заставлявъ сообразоваться съ ними. Разумѣется, обвинять за это прусскаго короля, явно на него жаловаться не имѣлось никакого права, тѣмъ не менѣе горечь осталась. Но въ началѣ, то-есть послѣ раздѣла Польши и кайнарджійскаго мира, нельзя было думать объ ослабленіи союза съ Пруссіей, ибо Австрія не давала возможности сближенія съ собою. Мы видѣли, что Потемкинъ въ приведенной запискѣ указывалъ, какъ она безъ войны взяла у Турокъ болѣе чѣмъ мы. Дѣйствительно, еще до заключенія кайнарджійскаго мира Австрія, подъ шумокъ, отрѣзала себѣ на границахъ довольно значительный участокъ земли. На запросъ петербургскаго кабинета по этому дѣлу, вѣнскій отвѣчалъ, что за эти земли уже идетъ стоаѣтній споръ; вѣнскій дворъ очень бы желалъ, чтобъ это дѣло окончилось мирнымъ путемъ къ удоволь-

ствію обѣихъ сторонъ; но опытъ показавъ, какъ трудно улаживаться съ Портою, и потому почтено за лучшее замѣть спорную область вооруженною рукою. Дваѣ было нечего: Турція одна не могла защищаться, а Россія и Пруссія также не могли начать войны съ Австріей. Но подобное поведеніе послѣдней конечно не могло содѣйствовать сближенію петербургскаго кабинета съ нею, и Панинъ имѣлъ возможность продолжить систему *сѣвернаго акорта*. 10-го октября 1776 года онъ подавъ мнѣніе о продолженіи прусскаго союза: „На сихъ дняхъ читавъ мнѣ графъ Соамсъ полученную имъ отъ короля своего государя депешу, въ которой его прусское величество, изъявая вновь желаніе свое о продолженіи съ вашимъ императорскимъ величествомъ настоящаго союза еще на 10 лѣтъ, повелѣваетъ ему сдѣлать вторично о томъ представленіе въ такой силѣ, что его величество, видя при изнемогающихъ силахъ приближеніе конца жизни своей, болѣе всего имѣетъ на сердцѣ получить отъ вашего императорскаго величества то дружеское утѣшеніе, чтобъ оставить преемника своего въ обязательствахъ и интересахъ вашего величества, сдѣдовательно же и въ тѣснѣйшемъ соединеніи съ имперією Всероссийскою. А какъ по случаю перваго о томъ внушенія угодно было вашему императорскому величеству мнѣ повелѣть, чтобъ я мое по оному мнѣнію представилъ, то я, донося чрезъ сіе о такомъ вторичномъ отзывѣ графа Соамса, поставляю въ долгъ себѣ всеподданнѣйше изобразить здѣсь соотвѣтствыя свои по оному мысли. Отъ собственнаго вашего императорскаго величества прозорливѣйшаго усмотрѣнія зависитъ опредѣлить, koliko донынѣ союзъ нашъ съ берлинскимъ дворомъ могъ въ теченіи и производствѣ дѣлъ нашихъ полезенъ быть повсемѣтному почти успѣху ихъ. Происшедшія между Англіей и американскими ея селеніями распри, а изъ оныхъ и самая война предвозвѣщаетъ знатныя и скорыя, повидимому, перемѣны въ настоящемъ положеніи европейскихъ державъ, сдѣдовательно же и во всеобщей системѣ. Удастся ли селеніямъ устоять въ присвоенной ими нынѣ независимости, или же предупредитъ напоследокъ Англія истощительными ея усиліями поработить ихъ своей властью, что безъ внутренняго тѣхъ селеній въ конецъ изнеможенія разсудительнымъ образомъ предпоагаемо быть не можетъ: но въ обѣ-

ихъ сихъ случаяхъ на вѣрное считать надлежитъ, что лондонскій дворъ потеряетъ весьма много изъ своей настоящей знатности, и что оный, какъ совсѣмъ отдѣленная держава отъ твердой земли Европы, тогда наипаче принужденъ будетъ сокращать политику свою въ тѣснѣйшихъ еще предѣлахъ острововъ своихъ. Естественнымъ оборотомъ изъ сего, сколь вѣроятнаго, столько же и не удаленнаго послѣдствія, получать Бурбонскіе, толь тѣсно между собою соединенныя дома, а особливо Франція, при непремѣнности коренныхъ и локальных ихъ силъ и пособій, свободнѣйшія руки укореняетъ свою инфлюенцію и свою поверхность тамъ, гдѣ оныя донынѣ въ предѣлахъ умѣренности содержаны были противувѣсіемъ англійскихъ силъ и интересовъ, что съ политическими правилами вашего императорскаго величества никакъ согласовать не можетъ, тѣмъ паче, что и вѣнскій дворъ, по настоящей своей связи съ версальскимъ, найдется тогда въ большей безпечности собственнаго своего положенія, когда ему сей послѣдній, безъ всякаго уже отъ Англіи помѣшательства, будетъ въ состояніи оказывать всякія свисхожденія къ его интересамъ, а взаимно таковыя же и для себя отъ вѣнскаго съ выщею выгодой взаимствовать. Изъ чего собственно для Россіи такое неудобство родиться можетъ: когда станетъ приходиться къ истеченію союзъ нашъ съ королемъ прусскимъ, тогда вѣнскій дворъ, и въ чистѣйшемъ намѣреніи содруженія своего съ нами, будетъ конечно размѣрять выгоды свои въ ономъ по выгодамъ имѣющагося съ Франціей союза. Въ разсужденіи всего сего продолженіе тѣснаго вашего союза съ королемъ и короною прусскими есть лучший и надежнѣйшій способъ къ сохраненію установленной вами въ дѣлахъ политической системы и къ охраненію не одного сѣвера, но и всей уже Европы отъ перевѣса инфлюенціи версальскаго и вѣнскаго дворовъ.“

Союзъ съ Пруссіей былъ возобновленъ, но только по формѣ. Крымскія дѣла, съ одной стороны, и баварское наслѣдство, съ другой, вели необходимо къ перемѣнѣ системы. Иосифъ II хотѣлъ, во что бы то ни стало, приобрести для Австріи Баварію послѣ престѣченія тамошней династіи; Фридрихъ II, для безопасности Пруссіи и цѣлой Германіи, считалъ необходимымъ противодействовать всѣмъ средствами такому усиленію Австріи. Оба, для своихъ цѣлей,

должны были заискивать у Россіи, у одной Россіи, ибо Франція, занятая англо-американскими дѣлами и истощенная въ конецъ, не могла обнаружить своего вліянія на рѣшеніе баварскаго дѣла. На чью же сторону склонится Россія? Разумѣется на ту, которая обѣщаетъ ей свое содѣйствіе для рѣшенія крымскаго дѣла; Австрія поспѣшила дать это обѣщаніе.

Въ маѣ 1779 года, Іосифъ II обязался за себя и за преемниковъ своихъ гарантировать Россіи всѣ ея владѣнія и всѣ ея договоры съ Портою; въ случаѣ нарушенія договоровъ съ турецкой стороны объявить Портѣ войну; если во время этой предполагаемой войны съ Турками на Россію нападетъ какая-нибудь другая держава, то Іосифъ будетъ помогать Россіи всѣми своими силами. Пруссія опоздала съ своими предложеніями, и что же предложила она? Тройной союзъ между Россіей, Пруссіей и *Turqueti* противъ Австріи! „17 сентября 1779 года ея императорское величество соизволила читать сообщенную отъ прусскаго посланника, графа Гёрца, депешу къ нему отъ короля государя его съ приложеніемъ таковой же отъ прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ Оттоманской Гафрома, относительно заключенія тройнаго союза наступательнаго и оборонительнаго, между имперіей Всероссійскою, короною прусскою и Портою Оттоманскою. Ея величество предложенія сіи не наша вовсе себѣ угодными и сходственными съ прямою пользою для государства ея; ибо, не упоминая уже о томъ, колико оскорбительнъ былъ бы для деликатности ея союзъ съ державою непріязненною всей христіанской республикѣ, ниже коль вредныя впечатлѣнія можетъ онъ произвести въ народахъ, подъ игомъ турецкимъ пребывающихъ, коихъ вѣнскій дворъ вѣще тогда отъ насъ отвратить и привязать къ себѣ не упуститъ, встрѣчаются тутъ ея величеству саудующія размышленія. Если сей союзъ предполагается единственно преградою горделивымъ замысламъ вѣнскаго двора, то не довольно ли опытомъ доказано, что для обузданія онаго достаточно силъ ея императорскаго величества, соединенныхъ съ королемъ прусскимъ, и особливо послѣ того, когда и Франція, не взирая на разныя свои съ вѣнскимъ дворомъ обязательства, явила свѣту, сколь удалена она пособствовать дальнѣйшему могуществу австрійскаго распространенію, и когда по при-

заванію прусскаго въ дѣлахъ повѣреннаго, изъ отзывовъ посла французскаго заключаемому, дворъ его поставляетъ себя въ тягость союзъ съ Австріяцами. Отъ Турокъ помощь не нужна и потому союзъ съ ними можетъ быть полезенъ только имъ: огражденные отъ вѣшняго страха, превратятся и приключатъ Россіи большую заботу чѣмъ прежде. По непостоянству Турокъ вслѣдствіе частой перемѣны министерства, союзъ сей при первомъ дѣлѣ оборотѣ ни во что обращенъ быть можетъ. Если будетъ заключенъ союзъ между Пруссіей и Турціей, то въ случаѣ распріи и войны между Россіей и сею послѣдней, къ которымъ дѣла татарскія, затрудненія въ торговлѣ и мореплаваніи и другія по сосѣдству и невѣжеству турецкому недоразумѣнія причину подать могутъ, будемъ мы связаны и самимъ союзникомъ нашимъ, который пользу свою конечно въ томъ полагать будетъ, чтобъ бытіе новаго его союзника, то-есть Порты Оттоманской, ни малѣйшему ущербу подвержено не было, словомъ, что все наше съ той стороны поведеніе зависѣть будетъ отъ двора берлинскаго. Посему угодно ея величеству, чтобъ сіе королевъ прусскимъ учиненное приглашеніе отклонено было образомъ благопрістойнымъ. Что же касается собственно до Порты, то поелику настоитъ уже нынѣ съ нею трактатъ мира и дружбы, да и ко взаимной торговлѣ положено основаніе, ея величество желаетъ, чтобъ связь сія вѣще могла утверждена быть посредствомъ коммерческаго трактата. Къ сему не нужно ничье постороннее посредство.“

Въ 1779 году говорилось еще о возможности утвержденія связи съ Турціей коммерческимъ трактатомъ; но иначе пошла дѣла въ 1782 году, когда вспыхнуло возстаніе противъ Шагинъ-Гирея подъ предводительствомъ родныхъ его братьевъ, и ханъ долженъ былъ удалиться въ Тагарогъ. Екатерина обратилась къ новому союзнику своему, Иосифу II, и получила отъ него самый удовлетворительный отвѣтъ: „Получить письмо вашего императорскаго величества и отвѣчать на него въ продолженіи тѣхъ же двадцати четырехъ часовъ было во мнѣ однимъ чувствомъ и однимъ дѣйствіемъ. Мнѣ не нужно ни размышленій, ни соображеній, ни расчетовъ, когда мое сердце чувствуетъ, и когда дѣло идетъ о томъ, чтобы служить, смѣю сказать, моею императрицѣ, моему другу, моему союзницѣ, моему героикъ;

да, я готовъ всегда ко всякому соглашенію съ вашимъ императорскимъ величествомъ относительно всѣхъ возможныхъ событій, каковыя могутъ произойти отъ смутъ въ Крыму ¹.”

“Моя радость равна была моей признательности при чтеніи письма, которое вашему императорскому величеству угодно было написать мнѣ, отвѣчала Екатерина. Ваше императорское величество привыкли счастливить людей; вы спѣшите содѣйствовать счастію и вашей союзницы. Обѣщаніе вашего императорскаго величества войти въ соглашеніе со мною относительно всѣхъ событій, могущихъ произойти отъ крымскихъ смутъ, это обѣщаніе служитъ для меня драгоценнымъ залогомъ вашей дружбы, за что позволяте выразить мою живѣйшую благодарность ².”

Должно-быть въ это время Безбородко написалъ свою знаменитую записку: „Россія не имѣетъ надобности желать другихъ прибрѣтеній какъ 1) Очаковъ съ частію земли между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) Крымскаго полуострова, буде бы паче чаянія тамошнее правленіе по смерти нынѣшняго хана или по какимъ-либо непредвидимымъ замѣшательствамъ нашлось для насъ невыгоднымъ и вреднымъ, и наконецъ 3) одного, двухъ или трехъ острововъ въ Архипелагѣ для пользы и нужды по торговлѣ. Напротивъ того вѣнскій дворъ возвращеніемъ Бѣлграда съ частію Сербіи и Босніи, а можетъ быть и баната Краіовскаго учинился бы въ положеніи предъ нами выгоднѣйшемъ. Но можно позволить ему сіе рѣшеніе предѣловъ своихъ, если онъ согласится съ нами относительно дѣльнѣйшаго жребія монархіи Оттоманской. Сей жребій опредѣлится можетъ въ двухъ слѣдующихъ степеняхъ: 1) Если бы державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли бы заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ сверхъ обоестороннихъ прибрѣтеній полезно было бы имъ условиваться и постановить, чтобъ Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ именемъ своимъ древнимъ Дакію, учреждена была областію независимую, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіанскаго,

¹ 17 іюля 1782 года.

² 1 августа 1782 года.

тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго императорскаго дома, то хотя другая какая-либо особа, на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи. Но положимъ, что упорство Порты съ одной стороны, а успѣхи съ другой подали бы способы къ совершенному истребленію Турціи и къ восстановленію древней Греческой имперіи въ пользу младшаго великаго князя, внука вашего императорскаго величества. Тутъ также заранѣе предопредѣлить нужно точныя границы сея имперіи, назначая ихъ во владѣніяхъ турецкихъ въ Европѣ на твердой землѣ и въ островахъ архипелажскихъ, разумѣя тѣ, кои за удовлетвореніемъ другихъ останутся: ибо предполагать должно, что при такомъ въ пользу нашу снисхожденіи вѣнскій дворъ захочетъ имѣть какое-либо основаніе въ Средиземномъ морѣ для торговли своей; что Англія и Франція и Гішпанія можетъ-быть востребууютъ и себѣ нѣкоего приобрѣтенія, что республика Венеціанская предъявитъ свои притязанія на Морею, которой ей уступать не должно, а лучше замѣнить въ островахъ, можетъ-быть, что Франція и Гішпанія устремятъ намѣренія свои на порты въ Египтѣ или другіе на африканскихъ берегахъ, въ чемъ еще менѣе затрудненія дѣлать слѣдуетъ“¹.

На этихъ основаніяхъ отправлено было въ Вѣну слѣдующее предложеніе: „Между тремя монархіями должно быть навсегда независимое отъ нихъ государство. Это государство, въ древности извѣстное подъ именемъ Дакии, можетъ быть образовано изъ провинцій Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи подъ скипетромъ государя религіи греческой. Что касается до равенства въ прибрѣтеніяхъ, то Россія желаетъ 1) городъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ; 2) одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли. Хотя положеніе и плодородіе турецкихъ областей, сосѣднихъ съ государствомъ вашего императорскаго величества, даютъ вашимъ прибрѣтеніямъ совсѣмъ иное значеніе, однако моя личная дружба къ дорогому союзнику не позволитъ мнѣ колебаться и одной минуты сдѣлать ему это пожертвованіе, ибо я твердо

¹ 10/21 сентября 1782.

увѣрена, что если наши успѣхи въ этой войнѣ дадутъ намъ возможность избавить Европу отъ врага имени христіанскаго изгнаніемъ его изъ Константинополя, то ваше величество не откажетесь содѣйствовать возстановленію монархіи Греческой, подъ непремѣннымъ условіемъ съ моей стороны сохранять эту возобновленную монархію въ полной независимости отъ моей, и возвести на ея престолъ младшаго внука моего, великаго князя Константина, который дастъ обязательство не имѣть никогда притязаній на престолъ русскій, ибо двѣ эти короны никогда не должны быть соединены на одной главѣ.¹⁴

Иосифъ отвѣчалъ, что присоединеніе къ Россіи Очакова съ означенною областью не можетъ встрѣтить никакого затрудненія. Что же касается до образованія новаго государства Дакіи и возведенія на греческій престолъ великаго князя Константина, то это будетъ зависѣть отъ успѣховъ войны, съ его же стороны не будетъ затрудненія въ исполненіи всѣхъ этихъ желаній, если только будутъ исполнены и его желанія, которыя состоятъ въ слѣдующемъ: для Австрійской монархіи нужно присоединить: городъ Хотинъ съ небольшою областью, прикрывающею Галицію и Буковину, часть Валахіи, которую огибаетъ Алу́та, Никопольскъ, и отсюда оба берега вверхъ по Дунаю, слѣдовательно города Виддинъ, Орсову и Бѣлградъ, для прикрытія Венгріи; отъ Бѣлграда протянуть линію самую прямую и самую короткую къ Адриатическому морю, включая Golfo della Drina, и наконецъ всѣ владѣнія венеціанскія на твердой землѣ и съ прилежащими островами должны отойти къ Австрійской монархіи, ибо только этимъ средствомъ произведенія ея земель получать цѣнность; полуостровъ Морея, который принадлежалъ вѣкогда Венеціанамъ, острова Кандія, Кипръ и другіе архипелагскіе могутъ богато вознаградить этихъ республиканцевъ; онъ, императоръ, можетъ имѣть тогда морскія суда и быть слѣдовательно гораздо полезнѣе для Россіи; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрійскихъ подданныхъ какъ при входѣ въ Черное море, такъ и при выходѣ изъ него чрезъ Дарданеллы; новыя государства,

¹ 13 октября 1782.

Дакійское и Греческое, обяжутся не взимать никакихъ пошлицъ съ австрійскихъ судовъ.

Эти соглашенія развязывали руки относительно Крыма; здѣсь Шагинъ-Гирей былъ возстановленъ съ помощію Россіи; но, въ ожиданіи новыхъ смуть и покушеній со стороны Турціи, Потемкину, отправленъ былъ слѣдующій рескриптъ 14 декабря 1782 года: „Предполагая, что политическій составъ Оттоманской монархіи разными обстоятельствами былъ бы еще отдаленъ отъ конечнаго его разрушенія, и чтобъ мы даже послѣ войны нашлись еще одинъ разъ въ необходимости сдѣлать маршъ съ сою державою: не были ль бы мы обязаны отвѣтомъ предъ совѣстію нашею, есть ли бы, имѣя въ рукахъ своихъ надежныя средства удалить на времена будущія всякій поводъ къ новой войнѣ и предварить всечасныя безпокойства да съ такою выгодною для государства нашего, случай тотъ благопоспѣшный изъ рукъ выпустили? Извѣстно, что однимъ изъ главнѣйшихъ поводовъ къ распрямъ нашимъ съ Турками отъ давняго времени служилъ полуостровъ Крымскій, изъ вѣдръ коего не однажды обезпокоены были гравицы наши. Преобразование его въ вольную и независимую область обратилось только въ новыя для насъ заботы со знатными издержками. Опыты времени отъ 1774 года доказываютъ, что таковая независимость мало свойственна татарскимъ народамъ, ибо, чтобъ удержать ее, надежить почти всегда намъ быть вооруженными, и посреди мира изнурять войска трудными движеніями, несл большіе убытки какъ бы во время войны, безъ всякой надежды замѣнить оныя. При малѣйшемъ со стороны нашей послабленіи, Турки, пользуясь одиноствіемъ Татаръ и разными связями, предуспѣваютъ тамъ толико умножать свою силу, что почти всякій разъ паки къ войнѣ прибѣгать должно, дабы только дѣла поставить въ прежней степени. Таковое бдѣніе надъ крымскою независимостію принесло намъ уже болѣе 7.000.000 чрезвычайныхъ расходовъ, не считая непрерывнаго изнуренія войскъ и потери въ людяхъ, кои превосходятъ всякую цѣну. Въ уваженіи на сіи обстоятельства приняли мы намѣреніе рѣшительнымъ образомъ тамошнимъ дѣламъ дать совсѣмъ иной оборотъ, и при дальнемъ со стороны турецкой противъ насъ непристойномъ и интересамъ нашимъ вредномъ поведеніи

такъ ихъ устроить, чтобъ полуостровъ Крымскій не гнѣздомъ разбойниковъ и мятежниковъ на времена грядущія остался, но прямо обращенъ былъ на пользу государства нашего, въ замѣну и награжденіе осмилѣтняго безпокойства вопреки миру нами понесеннаго и зятыхъ иждивеній на охраненіе цѣлости мирныхъ договоровъ употребленныхъ, чѣмъ и будетъ изъять впредь всякій доводъ къ войнѣ съ Турками, если они сей шагъ намъ самою необходимостію вынужденный не почтутъ за точную причину къ явному разрыву: но и въ семь послѣднемъ случаѣ найдемъ мы полезнѣе однажды навсегда кончить дѣла наши съ помянутою державою, нежели быть во всегдашней отъ нея тревогѣ, чтобъ не допустить ее паки къ крайнему намъ вреду усилиться въ татарской области и почти поработить себѣ оную. Вслѣдствіе того волю нашу на присвоеніе того полуострова и на присоединеніе его къ Россійской имперіи объявляемъ вамъ съ полною нашею довѣренностію и съ совершеннымъ удостовѣреніемъ, что вы къ исполненію сего не упустите ни времени удобнаго, ни способовъ, отъ васъ зависящихъ, но не инако, что поводомъ къ такому присвоенію Крыма долженствуютъ служить случаи: 1) Буде постигнетъ смерть нынѣ владѣющаго хана, или непріятели его увезутъ; или утвердить его на владѣніи тамошнемъ будетъ ненадежно. 2) Буде онъ, паче чаянія, окажется измѣнникомъ или вовсе сомнительнымъ въ доброхотствѣ къ Россійской имперіи; или же сдѣлаетъ непристойное затрудненіе въ удержаніи нами Ахтѣ-Ярской гавани, либо другихъ интересахъ нашихъ. 3) Буде Порта не подастся на прочіе главные артикулы нами требуемые. 4) Буде она пошлетъ войска въ Крымъ или на Кубань, либо морскія силы въ Черное море; или же начнетъ поджигать Татаръ какимъ бы то образомъ ни было къ безпокойству и мятежу. 5) Буде она въ другой части намъ ближней или на другой станетъ противъ насъ тайно или явно собою или чрезъ другихъ дѣйствовать. 6) Буде императоръ римскій распространить далѣ свой кордонъ или границу на счетъ Молдавіи или Валахіи; въ такомъ случаѣ и мы должны искать средства къ соблюденію съ нимъ равенства.“ Потемкинъ долженъ былъ всячески стараться приклонить Татаръ на свою сторону и внушать имъ, чтобы подали просьбу о присоединеніи Крыма къ

Россіи; хану внушать, что будетъ осыпанъ милостями. Если Порты согласится отступить отъ всякаго къ Татарамъ прикосновенія и исполнить мирный договоръ во всемя его объемъ, то присоединеніе Крыма отложить до другаго времени, занявъ только Ахтъ-Ярскую гавань.

Въ 1552 году жестокости послѣдняго казанскаго хана Шигъ-Алея заставили Казанцевъ просить царя Іоанна IV свести отъ нихъ ненавистнаго Алея и прислать намѣстника московскаго: въ 1783 году жестокости хана Шагинъ-Гирея произвели такое же движеніе въ Крыму и повели къ уничтоженію его самостоятельности. 7 февраля 1783 года Екатерина послала Потемкину повелѣніе: „Изъ донесеній, присланныхъ къ вамъ отъ генераль-поручика графа Дебамена, а къ министерству нашему отъ посланника Веселандкаго, мы съ сожалѣніемъ увѣдомляемся о казни многихъ изъ Татаръ, кои вовлечены были въ участіе въ посаждаемъ тамъ происшедшемъ беспокойствѣ, несмотря на то, что хану Шагинъ-Гирею отъ помянутаго посланника внушаемо было отъ имени нашего о показаніи при семъ случаѣ всякой кротости и человеколюбія во прощеніи виновныхъ. По сродной намъ жалости, желая отворотить по крайней мѣрѣ впредь всякую жестокость и особливо чтобъ она тамъ мѣсто не имѣла, гдѣ силы наши воинскія обращаются, соизволяемъ мы, чтобъ вы предписали графу Дебамену объявить помянутому хану въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, съ какимъ прискорбіемъ получили мы сіе неприятое извѣстіе; что когда возстановленіе его обладанія совершилось подъятіемъ оружія нашего безъ всякаго пролитія крови, и когда участвовавшіе въ возмущеніи приведены были въ раскаяніе, то не требовало ли самое человечество пощадить обратившихся къ повиновенію? Примѣры прежніе долженствовали его въ томъ научить; мятежъ въ 1777 году укрощенъ былъ конечно не его строгостію. Казни при томъ случаѣ употребленныя и повторенныя потомъ многократно не могли устрашить другихъ, а только огорчили его подданныхъ и предуготовили послѣднее возмущеніе. Онъ долженъ вѣдать, что есаубы мы такую суровость съ его стороны предвидѣли, не обратили бы войскъ нашихъ на его защиту, ибо несходно то съ правилами нашими, чтобъ силой нашею низверженныхъ попускать на истребленіе. Скорѣе мы оставимъ всякое ему

пособіе, нежели распространимъ оное на угнетеніе рода человѣческаго; что милость и покровительство наше не на одну его особу, но вообще на всѣ татарскіе народы распространяется, и что потому желаемъ, дабы онъ управлялъ сими народами съ кротостію, благоразумному владѣтелю свойственною, и не подавалъ причины къ новымъ бунтамъ, ибо не можетъ ему быть неощутительно, что сохраненіе его на ханствѣ не составляетъ еще для государства нашего такого интереса, для котораго мы обязаны были бы находиться всегда въ войнѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ распряхъ съ Портою, а и ни для чего не согласимся славу оружія нашего, извѣстную столько же побѣдами, сколько и пощадю побѣжденныхъ, подвергать какому либо предосужденію. Заключить сіе изъясненіе требованіемъ, чтобы, до совершеннаго приведенія въ порядокъ дѣлъ въ томъ краѣ, онъ отдалъ на руки военнаго нашего начальства родныхъ своихъ братьевъ и племянника, также и прочихъ подъ стражею содержащихся, бывъ увѣренъ, что какъ, съ одной стороны, жизнь сихъ людей охранена будетъ отъ всякаго противъ ихъ покушенія, такъ, съ другой, не можетъ онъ опасаться отъ нихъ новыхъ безпокойствъ. Между тѣмъ нѣтъ нужды скрывать въ народѣ его на истинѣ самой основанныя внушенія, дабы Татары видѣли, что подобныя казни намъ и военному нашему начальству всемѣрно отвратительны, что мы ничего не оставимъ употребить къ пресѣченію ихъ, и что всѣ тѣ, кои прибѣгнутъ подъ защиту войскъ нашихъ, воспользуются полною безопасностію; да и дѣйствительно предпримите о помѣщеніи ихъ подъ охраненіемъ нашимъ, гдѣ и какъ выгоднѣе, и о соблюденіи ихъ безопасности. Еслибы, паче чаянія, ханъ не съ удовольствіемъ принялъ такое увѣщаніе, и ежелибы онъ сдѣлалъ затрудненіе въ отдачѣ намъ братьевъ и племянника своихъ съ другими Татарами, въ заключеніи содержащимися, въ такомъ случаѣ повелѣваемъ всю стражу при немъ находящуюся, взявъ, отправить къ Ахтъ-Ярской гавани или куда вы за лучше признаете, и потомъ и помышлять только о своихъ дѣлахъ, о своей безопасности, объ удержаніи твердой ноги въ Крыму, и о приведеніи упомянутыхъ дѣлъ къ желаемой и выгоднѣйшей для насъ цѣли, оставляя его (то-есть хана) между народомъ. Впрочемъ казни означенныхъ князей крови его долженъ

ствуеть служить поводомъ къ совершенному отъятію руки вашей отъ сего владѣтеля, и сигналомъ къ спасенію Крыма отъ дальнѣйшихъ мучительствъ и утѣсеній способомъ, въ рескриптѣ нашемъ отъ 14 декабря 1782 года вамъ подписаннымъ.“

Шагинъ-Гирей отказался отъ престола, и Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи указомъ 8 апрѣля 1783 года. Бывшій ханъ оставался жить въ Тамани; императрица распорядилась, чтобъ его перевели въ Воронежъ, но онъ не послушался, и въ отвѣтъ вошелъ въ разныя „нескладныя“ изъясненія. Тогда отправленъ былъ къ нему генералъ Игельстромъ съ приказаніемъ, чтобы непременно выѣхалъ изъ Тамани, выбравъ для жительства изъ трехъ городовъ: Воронежъ, Орелъ или Калугу. Игельстромъ долженъ былъ внушить хану, что „съ русской стороны не было упущено ничего къ сохраненію его на престолѣ; собственное его поведеніе, наипаче жестокость отдала отъ него всѣхъ подвластныхъ; Татары принимали ханомъ всякаго иного, кромѣ его, и многіе отзывались, что они лучше повиноваться будутъ всякому російскому начальнику, нежели ему. Съ другой стороны, Порты готова была, да и начинала уже пользоваться симъ заботливымъ положеніемъ дѣла. Благо и тишину имперіи нашей не могли мы не поставить выше всякаго уваженія къ хану Шагинъ-Гирею или къ кому бы то ни было; что ханъ отрекся отъ правленія безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ нами или съ поставленными отъ насъ начальниками; что сама Порты подтвердила присоединеніе Крыма, слѣдовательно непристойно и непозволительно ему, хану, человѣку теперь частному, вступаться въ какія-либо дѣла, касающіяся до земель сихъ; не долженъ онъ жаловаться на министровъ или генераловъ нашихъ, вѣдая, что они исполняли только волю нашу.“

Шагинъ-Гирея перевели въ Калугу.

С. Соловьевъ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ.¹

---

8. Идиллія и элегія, или два друга.

Вся дорога отъ Петровскаго къ имѣнію Петра Ивановича Зарудкина, на пространствѣ цѣлыхъ двадцати трехъ верстѣ, чрезвычайно живописна, а самый уголокъ уѣзда, по которому она пролегаетъ, слыветъ *** скою Швейцаріей. Всякая русская губернія, какъ извѣстно, имѣетъ свою Швейцарію. Я не на столько ослѣпленъ патриотизмомъ, чтобы равнять нашъ скромный край съ берегами Лемана и Рейна, но простодушно сознаюсь, что и онъ имѣетъ свою пріятность, особенно если на него глядишь въ ясное іюльское утро, а такое утро именно стояло въ день моего выѣзда. Двѣ гряды холмовъ, заросшихъ лѣсомъ или усыпанныхъ деревьями, на большое пространство тянутся почти параллельно одна другой, иногда широко раздвигаясь, иногда сближаясь на самое малое разстояніе. Лощина между возвышенностями во всю длину украшена быстрою и извилистою рѣчкой, и хотя, по правдѣ сказать, составляетъ одно безконечное болото поросшее кустарникомъ, но видъ съверху замѣчательнъ, даже разительнъ. Обманутому глазу представляется какой-то фантастически громадный паркъ, обнесенный съ двухъ сторонъ обрывистыми стѣнами горъ, наполненный рошицами, группами деревьевъ, изумрудными лужайками, и голубыми прогалинами рѣчки теряющейся отъ глазъ далеко, далеко... И конечно,

---

¹ См. Рус. Вѣст. № 2 и 3.

еслибъ осушить эту полосу земли, она стала бы похожа на богатый паркъ не только что издали; но осушать его не кому, да сверхъ того она и въ болотистомъ состояніи даетъ хорошее сѣно въ большемъ количествѣ.

Въ двадцати трехъ верстахъ отъ моей усадьбы, двѣ цѣли холмовъ, о которыхъ упомянуто, сходятся такъ что между ними остается пространство на хорошій ружейный выстрѣлъ, не болѣе. Рѣчка, словно досадуя на стѣсненіе ея простора, начинаетъ шумѣть и бѣжить полнѣе, а весною дѣлаетъ нѣкоторыя шалости, особенно съ длиннымъ мостомъ черезъ нее перекинутымъ. И къ правому и къ лѣвому ея берегу сходятся два небольшие, но старые сады, съ вѣковыми липами и соснами, отъ дряхлости получившими какую-то неустово-искривленную наружность. Сады эти тутъ находятся съ незапамятныхъ временъ. Съ незапамятныхъ же временъ на рѣчку, изъ-за садовой зелени, выглядывали двѣ пустыя мызы съ усадебными постройками. Первый помѣщичій домикъ, на лѣвомъ берегу, не смотря на заброшенное состояніе, смотрѣлъ весело, имѣлъ зеленыя ставни, балконъ и венеціанское окно въ мезонинѣ. Второй, на правомъ, отличался дикостью наружности. Когда я проѣзжалъ мимо его дитятей, мнѣ грезилось нѣчто страшное въ его бревенчатыхъ стѣнахъ, покачнувшейся, нависшей крышѣ, и особенно въ оконныхъ стеклахъ сквернаго бутылочнаго стекла, отливавшагося по мѣстамъ всѣми цвѣтами радуги. Много лѣтъ оба дома стояли въ заустѣннѣ, сады гнохли, и о владѣтеляхъ этихъ двухъ смежныхъ имѣній никто ничего не зналъ въ уѣздѣ.

И вдругъ, весной 185* года, все ожило и зашевелилось въ той и въ другой усадьбѣ. Безъ вѣсти пропавшіе помѣщички вмѣстѣ явилась на родное поселище, рука съ рукой, съ твердымъ намѣреніемъ докончить на немъ остатокъ жизни. Домикъ калѣво перебрали, вычинили, обшили новымъ тесомъ, домикъ направо разметали до основанія, а на мѣсто его вывели нѣкую чудную постройку, снаружи напоминающую госпитальный баракъ въ лагерь, однако внутри весьма помѣстительную, теплую и даже комфортабельную. Затѣмъ пошло очищеніе садовъ и устройство полеваго хозяйства; послѣднее, въ его малыхъ размѣрахъ, пошло прекрасно, потому что мѣста вокругъ отличались

не одною красотою, но замѣчательнымъ и очень рѣдкимъ у насъ достоинствомъ почвы.

Петра Ивановича Зарудкина и друга его, Ивана Петровича Германа, скоро полюбили въ уѣздѣ. И дѣйствительно, болѣе добрыхъ и оригинальныхъ сосѣдей-холостяковъ трудно было пожелать для своего домашняго обихода. Ни тотъ, ни другой не могли назваться людьми очень высокаго образованія, но оба много шатались по свѣту, и видѣли довольно, и были утомлены жизнью, не успѣвъ однакоже отъ этого утомленія перейти къ счастью. Петръ Ивановичъ отличался въ нѣсколькихъ походахъ, слылъ чело-вѣкомъ испытанной храбрости, но при этомъ былъ хуже всякой женщины мнителенъ на счетъ здоровья, а въ обращеніи особенно съ чужими робокъ и застѣнчивъ. Иванъ Петровичъ, напротивъ, никогда не нюхавшій пороха, и молодость свою употребившій на промотаніе нѣсколькихъ доставшихся ему наслѣдствъ, глядѣлъ отставнымъ рубакой и отличался постоянною, по временамъ даже утомительною веселостію нрава. Давно уже извѣстно, и въ разныхъ книгахъ было сказано, что къ людямъ привязываешься не за голову ихъ, а за сердце, а по этой части нашихъ друзей цѣнилъ всякій. Самая исторія ихъ дружбы къ нимъ располагала. Петръ Ивановичъ, раненый подъ Инкерманомъ, въ тѣсномъ госпиталѣ захватилъ горячку; едва оправившись, поѣхалъ въ Петербургъ долѣчиваться; но дорогой заболѣлъ снова, въ маленькомъ и гнусномъ городкѣ безъ всякихъ удобствъ для больнаго, одномъ изъ тѣхъ городковъ, какіе у насъ иногда лежатъ на почтовыхъ трактахъ, словно для большаго унынія и омерзенія прѣзжающимъ. Къ счастью его, въ этотъ городокъ, какая-то буря, съ какой-то ярмарки, занесла на временное жительство Ивана Петровича Германа. Услышавъ, что на дрянномъ постояломъ дворѣ лежитъ больной офицеръ, и судя по фамиліи, сосѣдъ его, по единственной оставшейся отъ продажи деревенькѣ, Иванъ Петровичъ изловилъ неуловимаго уѣзднаго медика, приискалъ чистое помѣщеніе, перевелъ туда больнаго и безотлучно провелъ при немъ около мѣсяца. Петръ Ивановичъ выздоровѣлъ и навсегда привязался къ чело-вѣку, въ такой тяжкій часъ оказавшему ему такія услуги. И никогда онъ такъ не нуждался въ подобномъ другѣ: рана и двѣ опасныя болѣзни распатали его скорѣе нравствен-

но чѣмъ физически. Сложеніе его, крѣпкое по природѣ, пострадало немного, но отъ воспоминаній о прошломъ Петръ Ивановичъ приучился считать себя существомъ полу-мертвымъ, хилымъ, обязаннымъ лѣчиться и предназначеннымъ прожить на свѣтѣ года два-три, не болѣе.

Не слѣдуетъ думать однакоже, чтобъ отношенія друзей нашихъ представляли одну аркадскую сладость. Впервыхъ, они часто ссорились по хозяйственнымъ вопросамъ: Петръ Ивановичъ, человекъ русскій, по аккуратности превосходилъ Нѣмца; а Иванъ Петровичъ, съ его нѣмецкою фамиліею, безалаберностью своею напоминалъ цыгана Россіянина. Сверхъ того, если провѣзжіи пріятель ночевалъ у Ивана Петровича и на другой день не шелъ обѣдать къ Петру Ивановичу или наоборотъ, сосѣди дулись одинъ на другаго. Наконецъ Германъ дразнилъ Зарудкина, ругая докторовъ и гомеопатію, а подполковникъ сердилъ друга, отзываясь что ходить по полямъ въ халатѣ и туфляхъ совсѣмъ неблагопристойно, а въ худую погоду—то же что самоубійство. Все это придавало нѣкоторую соль жизни нашихъ сосѣдей, но главными ея пріятностями были конечно дружба, гостепрѣимство и спокойствіе ихъ окружавшія. Признаюсь откровенно, что двадцать или тридцать дней, въ разное время проведенныхъ мною подъ кровлею Петра Ивановича и Ивана Петровича принадлежали къ числу сѣва ли не самыхъ милыхъ и ясныхъ въ моей жизни. После этого не трудно догадаться, до какой степени былъ я пораженъ извѣстіемъ о томъ, что можетъ-быть этимъ днямъ уже не возобновиться.

Не успѣлъ я по дремучей липовой аллеѣ подвѣхаться къ дому Петра Ивановича какъ сердце мое почувало какія-то перемѣны къ худшему. Въ саду оказывалось цвѣтовъ на половину менѣе чѣмъ бывало, на дворѣ не замѣчалось прежняго движенія, на барскомъ крылечкѣ задумчиво сидѣлъ и болталъ ногами Калебъ хозяина, денщикъ Тыщенко, котораго я ни разу въ жизни не видѣлъ не только сидящимъ, но даже стоящимъ въ бездѣйствіи. Завидѣвъ меня, старикъ выразилъ большое удовольствіе и на вопросъ мой сообщилъ со вздохомъ: „Совсѣмъ олурился нашъ баринъ; ужъ въ наши ли съ нимъ годы безъ теплаго гнѣзда оставаться!“ Преданный хохолъ не могъ даже представить себѣ, что по всей вѣроятности Петръ Ивановичъ не возьметъ его за гра-

лицу. Самъ баринъ находился неподалеку въ полѣ; за нимъ побѣжалъ крошечный пучеглазый мальчуганъ съ бѣлою головой.

Я вошелъ въ кабинетъ хозяина. Все смотрѣло по старому; французскіе штуцера, турецкія сабли, револьверъ взятый у Англичанина и другіе трофеи сверкали какъ серебро. Пылочки не было на третьемъ томѣ *Домашняго Лѣчебника*, *Макробиотикъ* и нумерахъ *Русскаго Инвалида*, разложенныхъ гдѣ слѣдуетъ. Бездна мелкихъ вещицъ, дорогихъ для стараго военного холостяка, громоздилась по этажкамъ и столамъ: тутъ были портреты товарищей, потускнѣвшіе отъ времени, ковчешскія пули новой формы, модель нарѣзнаго орудія, янтарные мушкетуки странныхъ размѣровъ, чучела рѣдкихъ птицъ и звѣрковъ. Все казалось такимъ домовитымъ, все, какъ кажется, пришло сюда именно затѣмъ чтобы, сладко вздохнуть, успокоиться на опредѣленномъ мѣстѣ и потомъ ужъ не сходить съ него во вѣки. Но зловѣщій видъ придавала кабинету карта, разложенная на конторкѣ, карта милая лишь молодымъ людямъ и вообще народу еще не ухотившемуся: карта желѣзныхъ дорогъ Европы. Могъ ли я когда-нибудь подумать, что увижу подобное безобразіе въ кабинетѣ Петра Ивановича? Знакомые шаги послышались на балконѣ, и амъ хозяинъ предсталъ предо мной, имѣя на себѣ, несмотря на жару, высокія резиновые калоши и сюртукъ военнаго покроя, подбитый ватой. За первыми поцѣлуями пошелъ разговоръ о здоровьи, всегда очень важный въ жизни Петра Ивановича. Оказалось, что онъ никакъ не чувствуетъ себя способнымъ прожить долѣе года, что онъ ничего не ѣстъ, не можетъ согрѣться вечеромъ, а главное лишился сна и проводить мучительныя ночи.

— Что же, спросилъ я,—вы совсѣмъ не спите или сонъ вашъ тревоженъ?

— Совсѣмъ не сплю, да и сонъ нехорошій. Ложусь я рано, въ началѣ одиннадцатаго. Сперва какъ будто заснешь и вдругъ проснешься; сердце бьется. Полежишь, полежишь, опять заснешь, опять проснешься, а вставать рано. Заснешь опять... ну и встанешь такимъ разбитымъ.

Я едва удерживался отъ смѣха.—А не случилось вамъ лечь къ ночи и встать поутру, совсѣмъ не спавши?

Петръ Ивановичъ поглядѣлъ на меня съ такимъ удивле-

нѣмъ, на лицѣ его выразилось такое недоумѣніе къ возможности чего-либо подобнаго, что силъ моихъ не стало, и я расхохотался какъ школьникъ.

Хозяинъ огорчился.—И вы какъ другіе, сказалъ онъ.— Несчастье мое, что у меня лицо красное, и что въ глѣзѣхъ я не худъ: никто не хочетъ считать меня такимъ больнымъ какъ никто въ мірѣ не боленъ. Вотъ докторъ Конфъ, и тотъ говорить: перестаньте кутаться, а ѣшьте сколько хотите. Какой это докторъ? Я буду на столѣ лежать, а вы станете говорить: вотъ сейчасъ вскочить да хватить въ присядку! Нѣтъ, Сергѣй Ильичъ, я и прежде едва ходилъ, а при теперешнихъ заботахъ...

— О заботахъ-то вы мнѣ и расскажите. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ продаете имѣніе?

— Въ самомъ дѣлѣ, и всего за десять тысячъ.

— И Иванъ Петровичъ тоже?

— И онъ тоже. И покупщикъ одинъ Чернояровъ, можетъ-быть знаете.

— Боже мой! да вы оба себя обрекаете на нищету вѣчную!

— Въ Россіи можетъ-быть такъ, а за-границей на это жить можно.

— Да какъ вамъ жить за границей, Петръ Ивановичъ, возразилъ я съ отчаяніемъ.—Вы дѣлаетесь больны если недѣля у васъ прошла безъ гостей, а Иванъ Петровичъ гдѣ-нибудь закутилъ по сосѣдству. Вы выписываете *Russkii Invalid* чтобы знать военныя новости днемъ раньше. Всѣ ваши корни въ Россіи, ваша кровь лилась на русскую землю. Романъ Тыщенко для васъ необходимость, слуга, другъ, увеселитель. Что для васъ Альпійскія горы? Способны ли вы одинъ вечеръ пробесѣдовать съ самымъ отащивымъ Швейцарцемъ? Что онъ вамъ скажетъ? Какъ станете вы жить безъ простора, безъ лѣса, безъ сада, безъ горы дровъ въ камелькѣ вашемъ?..

— Сергѣй Ильичъ, возразилъ хозяинъ, видимо тронутый моимъ воззваніемъ,—а какъ вы думаете, въ состояніи ли я буду имѣть дрова въ каминъ и принимать гостей для развлеченія, то-есть скорѣе сказать, какой, предполагаете вы, при настоящихъ перемѣнахъ, окажется мой доходъ съ имѣнія?

— Я не могу знать вашихъ доходовъ, однако я самъ помѣщикъ одного съ вами края...

— Вотъ изъ этого-то ровно ничего не слѣдуетъ, что мы помѣщики одного края. Не только съ вами, но съ иными изъ ближайшихъ сосѣдей мы рознимся, будто жители разныхъ областей. У васъ земли бездна и она плоха, у меня земля превосходная, только ее меньше чѣмъ въ имѣнιάхъ самыхъ малоземельныхъ губерній. У васъ мужикъ любитъ промысла и къ землѣ, просто равнодушенъ, а здѣсь мужикъ любитъ землю, и маленькимъ ея клочкомъ доволенъ не будетъ. Вчера ѣхалъ мимо меня нашъ же помѣщикъ Волковъ: онъ даетъ крестьянамъ весь надѣлъ, прибавляетъ маленькую лѣсную пустошь, а при немъ остается богатое имѣние и оброкъ, то-есть доходъ еще увеличивается на какую-то небольшую сумму, кажется, если я вслушался, на триста цѣлковыхъ. У меня же и оброкъ будетъ ничтожный, и доля земли пустая, а вся разница въ двадцати верстахъ, и конечно то что я отдаю крестьянамъ дороже и лучше всего Волковского надѣла!

— Однакоже, если земля ваша такъ хороша, ее будутъ нанимать подъ запашку, или вы сами, нанявъ рабочихъ, можете вести хозяйство попрежнему.

— Отдавать въ наймы землю — доходъ грошовый въ нашемъ краѣ. Вольный трудъ безъ неотступнаго личнаго надзореиія будетъ то же что и невольный; только на устройство его понадобятся деньги, которыхъ у меня нѣту. И наконецъ, признаваться ли до конца? Я не нахожу въ себѣ ни силы, ни рѣшимости на тяжелый трудъ изъ-за куска хлѣба. Вы вотъ какъ-то называли себя человѣкомъ пожизненнымъ и усталымъ: да что значитъ ваша жизнь и ваша усталость передъ моими? Вы сдѣлали слишкомъ долгую прогулку и хотите перевести духъ, помѣжиться, полежать въ прохладѣ. Я ворочалъ камни и ищу свободнаго уголка, чтобы умереть не помѣшали. Сергѣй Ильичъ, съ пятнадцати лѣтъ я жилъ на своей волѣ, часто безъ куска хлѣба. Я имѣлъ двѣ дуэли и былъ настоящимъ солдатомъ, носилъ ранецъ и ѣлъ солдатскую кашу. Я терялъ людей, которыхъ цѣнилъ болѣе жизни. Я видѣлъ всякое зло; у меня передъ глазами лежало поле заваленное трупами до того, что когамъ, вымокшимъ въ человѣческой крови, ступить было некуда.

Болѣзнь довершила начатое нравственными потрясеніями, и теперь я никуда не годенъ.

Никогда еще не видалъ я Петра Ивановича такимъ краснорѣчивымъ.—Человѣкъ часто изнуруется до того, сказавъ я ему,—что кажется никуда не годнымъ, а время беретъ свое и восстанавливаетъ упавшія силы. Впрочемъ я и въ головѣ не смѣлъ вызывать васъ на сильную практическую дѣятельность. Я только совѣтовалъ вамъ не рѣшаться споря и не удаляться изъ Россіи, безъ которой, по моему мнѣнію, вы жить не можете...

Разговоръ нашъ былъ на минуту прерванъ появленіемъ сосѣда Ивана Петровича, который влетѣлъ къ намъ, густымъ басомъ напѣвая какую-то грозную арію изъ *Дукреши Борджіи*. Въ противоположность своему тепло-одѣтому другу, онъ былъ безъ шляпы. на ногахъ его были туфли, одежда же сверхъ полосатыхъ шальваръ состояла изъ коломенковаго мѣшка, представлявшаго нѣчто среднее между русскимъ халатомъ, греческимъ хитономъ и пальто гнилаго запада.—Ха! ха! ха! ха! закричалъ онъ:—кто это изъ васъ не можетъ жить безъ Россіи? Я всю жизнь по Россіи шатался. Отъ архангельскихъ клоповъ до кавказскихъ блохъ съ муху величиной, мою кровь пили всѣ русскіе звѣри, созданные для удовольствія путешественника? И несмотря на это, я долженъ сказать что обойдусь безъ Россіи какъ нельзя лучше, что даже на первое время за границей стану ругать ее такъ что лучше и требовать невозможно.

—Ну этого ты не будешь, и не долженъ дѣлать, не безъ строгости замѣтилъ Петръ Ивановичъ.

—Ругать не долженъ? Вотъ желать ей зла—другое дѣло, а отъ брани ея не убудетъ. Что я раздраженъ и недоволенъ, того я не скрываю, да наконецъ и скрывать это бесполезно. Я не Фемистоклъ и не Регулъ. Въ этой лотереѣ, гдѣ выигралъ лишь тотъ кто меньше теряетъ, мнѣ достался билетъ самый сквернѣйшій. Я лишаюсь четырехъ пятыхъ своего дохода и пожалуй еще, чтобы сохранить остатокъ, долженъ работать какъ каторжный. Вы скажете — общая польза. Да развѣ я перечу пользу общей? Развѣ я уклоняюсь отъ того, что даетъ лотерейный билетъ мнѣ попавшійся? Я не плутовалъ, я даже былъ остороженъ на языкъ, покада крестьянскій вопросъ рѣшался. А теперь чего же мнѣ лицемѣрить? Желѣзная дорога прекрасное дѣло. Если

ей нельзя идти иначе какъ черезъ вашъ садъ, вы обязаны сойти съ пути и уступить ей что требуется, даже еслибы васъ наградили за это весьма скудно. Но когда машина начнетъ свистать вамъ въ ухо и пускать вонючій дымъ въ окна, никакія мысли объ общемъ благѣ не дадутъ этому дыму запаха філаки и не превратятъ свиста въ соловьиное пѣніе. Вы исполнили свой долгъ и имѣете полное право ударить отъ локомотивовъ, ругаясь сколько душѣ угодно. Ну да къ бѣсу эти толки! Идемте ко мнѣ; сегодня у меня наловили форелей.

— Очень намъ нужны твои форели, брюзгаиво отвѣчалъ Петръ Ивановичъ:—Сергѣй Ильичъ пріѣхалъ ко мнѣ, и оба вы должны у меня обѣдать.

— Твой обѣдъ еще не заказанъ, ты накормишь по-госпитальному, а у меня въ животѣ уже на трубахъ играютъ.

— Пусть играютъ: да у тебя я боюсь обѣдать, вѣчно наѣшься чего-нибудь тяжелого.

Споръ, угрожавшій затянуться, наконецъ порѣшился тѣмъ что у Петра Ивановича положено было пировать завтра. Ночлегъ мой къ нѣкоторому огорченію подполковника также былъ назначенъ у Ивана Петровича.

— Какой чортъ у тебя можетъ ночевать? выразился по этому случаю Иванъ Петровичъ:—по комнатамъ пахнетъ микстурой и окна никогда не отворяютъ. Самъ ты только и говоришь что о Положеніи; по комнатамъ изъ комодовъ наложилъ всякой дряни; словно ужъ завтра ѣхать въ дорогу. Э! проживемъ пока; день мой—и недѣля моя, и на мѣсяцъ хватить, чего же впередъ заглядывать? Вотъ у него карта Швейцаріи, и карта желѣзныхъ дорогъ, у меня этой гадости не увидите. Пора будетъ ѣхать, соберусь въ минуту; а до той поры у меня все по старому. Давайте руки... да сними хоть калоши, чудовище! Здоровье всякаго быка, а калоши не снимаешь.

Мы пошли черезъ садъ Петра Ивановича, но потомъ вмѣсто прямого пути, взяли вправо, по косогорю, надъ рѣчкой. Ландшафтъ, какъ я сказалъ уже, поражалъ здѣсь особенною прелестью. Далеко, въ обѣ стороны, тянулася болотистая лощина съ ея лѣсками, лужайками и сверкающею рѣчкой; сѣнокосъ начинался и по разнымъ мѣстамъ видѣлись кучки косцовъ, уже кончившихъ утреннюю часть работы. По отлогостямъ холмовъ шли запашки, сперва помѣщичья, а

потомъ крестьянскія; хлѣбъ, особенно озимый, глядѣлъ несравненно пышнѣе чѣмъ въ окрестностяхъ Петровскаго. Не только качество земли, но самая манера хозяйства очевидно развилась отъ той, какую видалъ я въ своемъ краѣ. Здѣсь сѣяли клеверъ, о которомъ у насъ никто не думалъ; ячмень, у насъ постоянно скверный, здѣсь взомелъ прекрасно; тоже и съ яровой пшеницей, у насъ давно оставленною. Будь пропорція земли на душу равна нашей, этотъ уголокъ уѣзда, при нашихъ цѣнахъ хлѣба, могъ бы назваться золотымъ дюномъ; но узкая лента барскаго поля и крестьянскія полоски мизернаго объема ясно показывали, что раскинутыя некуда.

Пока мы шли, намъ то и дѣло встрѣчались крестьяне, возвращавшіеся съ своихъ работъ или шедшіе съ барскаго сѣнокоса къ деревнѣ. Передъ Петромъ Ивановичемъ шапки снимали они молча, и онъ имъ кланялся не говоря ни слова; но по взгляду ихъ на Ивана Петровича и по обмѣну привѣтствій легко было видѣть, что этотъ послѣдній пользовался безпредѣльною популярностью въ народѣ. Популярность Матвѣева, уже извѣстнаго читателю, можетъ-быть имѣла болѣе прочности, но она казалась ничтожною передъ этою популярностью. Извольте послѣ этого разгадать русскаго простаго человѣка? Иванъ Петровичъ Германъ, съ своею не русскою фамиліею, безалаберный хозяинъ, часто отягощавшій крестьянъ безтолковыми требованіями, и сверхъ того, если слухи справедливы, порядочный Ловластъ околотка, могъ назваться общимъ любимцемъ на сорокъ верстъ въ округности. Вся тайна заключалась въ томъ, что онъ былъ всегда веселъ и всегда доступенъ, хотя доступъ къ нему никогда не приносилъ съ собой ничего кромѣ права на рюмку водки, крѣпкаго саовца въ дружескомъ тонѣ, удара по плечу или по животу изо всей силы, да любезной шуточкой, при которой Петръ Ивановичъ впадалъ въ краску, а сѣдой и богобоязливый слуга Павелъ, онъ же поваръ, садовникъ и ключникъ, качая головой, внушалъ барину: „хоть бы вы для праздника-то отъ такихъ словъ побереглись“. Но какъ бы то ни было, ни одинъ мужикъ не прошелъ въ этотъ день по дорогѣ, не побалагуривъ съ Иваномъ Петровичемъ. Дѣти къ нему бѣжали, онъ тресъ ихъ за чубъ, и они оставались довольны. Бамамъ и дѣвushкамъ, по обыкновенію, заблалъ онъ афоризмы неудобные къ печати, но ни мало

ихъ не конфузившіе. Свобода рѣчи была обоюдная и ничѣмъ не стѣсненная; одинъ старикъ сказалъ барину: „Ужели ты и вправду деревню-то продаешь? Отдасть бы тебя палкой!“ А приземистая бабенка, прошмыгнувъ мимо, присовокупила: „Тебѣ ли еще за нами худо—ишь какое брюшище выростилъ!“ Слушая такія интермедіи, мы добрались до *барака*, какъ назывался всѣми сосѣдами домъ Ивана Петровича. И снаружи и даже внутри онъ глядѣлъ баракомъ; и выкрасили его чѣмъ-то бѣлымъ, а пустыя стѣны были оклеены простою печатною бумагой безъ всякихъ красокъ и узоровъ. Стульевъ имѣлось всего штукъ восемь, столовъ и дивановъ въ сообразной этому пропорціи. Всѣ окна растворены, всѣдвери настежь. Петръ Ивановичъ, почуввъ сквозной вѣтеръ, набросилъ на себя халатъ хозяина и тутъ же велѣлъ Павлу затворить все что только могло затворяться. А между тѣмъ жестоко ошибся бы вѣтренникъ, осмѣливавшійся дурно думать объ удобствахъ жизни въ баракѣ Ивана Петровича. Самъ баринъ, конечно, могъ бы спать и на сѣлгу безъ вреда здоровью; но онъ любилъ чтобы гостямъ его спалось хорошо, да и старикъ Павелъ не допустилъ бы въ домѣ неудобствъ или холода. Въ глухую осень, при вѣтрѣ, когда многіе помѣщичьи дома, даже богатые, походятъ на пещеру Эола, у Ивана Петровича въ баракѣ оказывалось и тепло и пріятно: комната, въ которой обыкновенно сидѣли и бесѣдовали вечеромъ, теплотой своею порадила зависть даже въ Петрѣ Ивановичѣ. И все это должно было исчезнуть, а гостепріимному бараку, куда въ мятежь и распутицу спѣшилъ сосѣдъ жаждущій отвести душу отъ несноснаго удивленія, предстояло или разрушиться, или что еще хуже, превратиться въ пошлый унылый домъ избитаго покроа, выкрашенный дикелькою краской, разливающею уныніе на окрестный ландшафтъ! Мнѣ стало очень грустно, я призадумался, и день кончился бы вяло, еслибы Петръ Ивановичъ не развлекалъ и не порадовалъ меня такими словами:

А вашъ прїѣздъ, можетъ-быть, заставитъ меня еще разъ подумать насчетъ продажи имѣнія. Зачѣмъ торопиться, покуда не гонять? А такую цѣну, какъ теперъ, думаю намъ дастъ всякій.

— Еще бы нѣтъ! прибавилъ покладливый Иванъ Петровичъ. — Два лѣта какъ-нибудь промаячимъ, а ударить всегда поспѣшемъ!

Обычное расположеніе духа ко мнѣ вернулось. Я не догадался что Петръ Ивановичъ, внимательный и деликатный какъ большая часть мнительныхъ людей, помялъ мою грусть и разсѣялъ ее невидною ложью. Рѣшеніе двухъ друзей насчетъ эмиграціи оставалось неизмѣннымъ, но Петру Ивановичу и его другу не хотѣлось, чтобъ ихъ гость считалъ настоящее свиданіе *последнимъ свиданіемъ*.

IX. Волостной старшина и кандидатъ изъ Французовъ.

Послѣ отлучаго, но тяжелѣйшаго обѣда съ форелями и обыкновенною свитой, я вышелъ изъ дома въ садъ Ивана Петровича, чтобы насладиться этими общепренебрегаемыми, но для меня весьма пріятными часами, когда дѣтскій день еще не перешелъ въ вечеръ, но уже утратилъ свою духоту и извѣстную яркость. Тихо обошелъ я знакомыя мѣста, полежахъ подъ вѣковыми липами, знакомыми мнѣ съ дѣтства, и побродивши достаточно, пробрался въ ту комнату барака, въ которой обыкновенно сходились гости на вечернюю бесѣду. Упомянутая мною комната звалась кабинетомъ Ивана Петровича, хотя тщетно стали бы вы въ ней искать чернильницы, письменнаго стола, бумаги и перьевъ. Хотя и висалъ въ годъ двѣ или три записки; тѣмъ и ограничивались его кабинетныя упражненія. Книгъ въ кабинетѣ находилось множество, три стѣны были уставлены книгами русскими, французскими, немецкими, и какими странными, какими *неупотребительными*, но за то какими занимательными! Библіотека эта досталась Ивану Петровичу по наслѣдству, съ имѣльцемъ. Онъ ездывалъ мало и называлъ старымъ хламомъ, но для людей набившихъ себѣ оскомину учеными и литературными новинками, такой хламъ, особенно въ деревенской тиши, стоилъ золота. Тутъ капитанъ Кукъ стоялъ рядомъ съ барономъ Мюнхгаузеномъ, веледѣйный Бугенвиаль не отъсѣялся присутствіемъ *Полночнаго Колокола*. *Монахъ, или нагубная сладостія пылкихъ страстей*, красовался между альманахами временъ Дельвига, любопытѣйшіе труды Мерсье въ какомъ-то зѣвкомъ переплетѣ, были перемѣшаны съ разрозненными томами журнала *Благонамѣренный*.

А наивные нѣмецкіе юмористы, которыхъ имени не произнесешь безъ усилія, а французскіе *in quarto* съ красивыми обрѣзомъ, печатанные въ Голландіи, а полное изданіе ежемѣсячныхъ сочиненій къ пользѣ и увеселенію служащихъ, а *Письмовникъ* Курганова, во всей первобытной полнотѣ съ анекдотами про духовныхъ особъ и обрачиками любовныхъ писемъ! Но въ силахъ ли мое слабое перо перечислить всѣ богатства бібліотеки Ивана Петровича, бібліотеки близкой моему зеркаду, и за которую конечно не взялъ бы я лучшей бібліотеки любого петербургскаго литератора, еслибы у литераторовъ петербургскихъ имѣлось когда-нибудь что-либо похожее на бібліотеку?

Уже я сидѣлъ около получаса надъ фоліантомъ старинныхъ гравюръ, изображавшихъ во французскомъ стилѣ наиболѣе разительныя сцены изъ Фенеловова Телемака, когда домъ Ивана Петровича сталъ пробуждаться отъ послѣдней дневнаго усыпленія. Прежде всего показался старикъ Павелъ съ чайнымъ приборомъ, потомъ Романъ Тыщенко прошелъ по двору, таща съ собой военную шинель и красный вязаный шарфикъ—вѣрные признаки того, что подполковникъ намѣревается пробить у сосѣда до ночи. Затѣмъ въ спальнѣ Ивана Петровича послышались зѣванье, чиханье, кашлянье и пѣніе. Наконецъ обѣ двери кабинета отворились въ одно время, и въ одну вошелъ Петръ Ивановичъ, а въ другую хозяинъ.

— Ба, ба, ба, кого я вижу! закричалъ Иванъ Петровичъ съ такимъ одушевленіемъ, какъ будто бы мы не видались цѣлые полгода:—уже онъ проснулся и читаетъ книгу! Или спалось худо, или комары мѣшали?

— Побойтесь Бога, отвѣчалъ я,—мы отбѣдали въ три часа, а теперь уже вечеръ. Я увѣренъ, что Петръ Ивановичъ уже былъ и въ саду, и на покосѣ.

— Послѣ его обѣдовъ, брюзгливо сказалъ Петръ Ивановичъ, указывая на друга,—не много находись. Вѣдь это хуже всякаго убійства найдаться такимъ образомъ. У меня до сей поры біеніе сердца, а еще чтó завтра будетъ!

— Правда твоя, правда, Петръ Ивановичъ. Вотъ и со мной такая странная штука случилась...

Петръ Ивановичъ наострилъ уши, ему показалось, что сейчасъ представится случай пустить въ ходъ гомеопатическую аптеку.

— Едва я добрался до спальни, продолжалъ Иванъ Петровичъ, какъ на меня напала... какъ тебѣ сказать... чертовская какая-то слабость. Я прилежъ на постель и потерялъ всякое сознание. Пролежалъ я въ этомъ обморокѣ часа три и опомнился лишь передъ твоимъ приходомъ.

Громкій хохотъ сопровождалъ эту острогу насчетъ полубодящаго сна, которую и я слышалъ до десяти разъ, но къ которой никакъ не могъ привыкнуть Петръ Ивановичъ. Онъ памоналъ и сказалъ: „Экая пустомеля! а я въ самомъ дѣлѣ подумалъ было что съ нимъ что-то случилось.“

Павелъ принесъ самоваръ, и ставя его на столъ, сказалъ подполковнику, что *волостной* пришелъ къ нему зачѣмъ-то.

— Зови, зови его сюда! закричалъ Иванъ Петровичъ.—А! какое пріятное зрѣлище! продолжалъ онъ, когда въ комнату вошелъ жидевскій мужичокъ, не то сѣдой, не то бѣловолосый отъ природы, съ лицомъ маленькимъ, незначительнымъ и некрасивою жидевскою бородкой.— Добро пожаловать, господинъ министръ внутреннихъ дѣлъ, старшина изъ старшинъ, первѣйшая голова въ дѣлѣ, защитникъ и покровитель нашей волости! Честь имѣю представить вамъ сосѣда Сергѣя Ильича Безыменнаго, изъ Французовъ, въ родѣ нашего кандидата ¹, съ тою только разницей, что онъ не суется ни въ кандидаты, ни въ посредники. Имѣю счастье предложить вамъ, Савелій Тихонычъ, стаканъ чая. Да что жъ ты не садись, старая крыса? Ты теперь самовникъ, мы люди простые, чего тебѣ корячиться?

Старшина взялъ стаканъ, но състь отказался.—Я только на минуточку къ Петру Иванычу, сказалъ онъ и обратился къ Зарудкину. Завтрашній день прогульщики выдутъ, время еще не ушло и беспокоиться не извольте. Одинъ только Иванъ Васильевъ, точно, ушибъ руку, и ...

— Да я и не трогаю Ивана Васильева, сказалъ Петръ Ивановичъ, и руку его я глядѣлъ, и отъ меня же беретъ онъ и лѣкарство.

— Только сдѣлайте одолженіе, батюшка Петръ Иванычъ, продолжалъ старшина,—ужь дайте себѣ трудъ, да и Платону скажите, чтобы не запускалъ расчета рабочимъ. Кто не

¹ Вѣроятно всѣмъ читателямъ извѣстно, что на случай отсутствія посредниковъ имѣются заранѣе выбранные кандидаты, обязанные править изъ должность.

вышелъ или маячить въ полѣ безъ дѣла, дайте знать тотчасъ, а какъ накопится ихъ много, да пройдетъ недѣля, какъ тутъ разберешь праваго отъ виноватаго.

— И сказано, что Соломонъ премудрый! перебилъ Иванъ Петровичъ:—а правда ли Савелій Тиховичъ, что ты на сходкѣ называлъ кандидата Французомъ?

— Это тебѣ вздору напорола кто-то, спокойно возразилъ Савелій Тиховичъ:—Француз онъ тамъ или Чухонецъ, намъ этого разбирать не приходится. Говорилъ я только, чтобъ его *безпокоили меньше*, чтобы прикащики да старшины разбирались сами, али слали въ волость, коли за споромъ что будетъ.

— Ну, а коли кандидатъ да за это взбѣсится?

— Что жъ такое, батюшка? Не я лѣзь на мое мѣсто, доходу мнѣ отъ него не прибыло; скажутъ, чтобы шелъ долой—не заплачу. Покуда былъ посредникомъ Дмитрій Алексѣичъ, меня и слышно не было, а теперь время другое.

— Ну признайся же, Савелій Тиховичъ, кандидатъ большой дуралей, такъ ли?

— Да мнѣ до этого какое дѣло, батюшка Иванъ Петровичъ, возразилъ старшина, ставя пустой стаканъ и кланяясь,—меня не приставляли рѣшать, какой тамъ у него разумъ. А что коли ставешь его слушаться, такъ дойдешь до острога, это и я знаю, да и мужикъ ужъ раскусилъ не сегодня.

И не взирая на убѣжденія Ивана Петровича, предлагавшаго ему еще чаю, волостной старшина, раскланявшись вышелъ изъ комнаты.

— Талейранъ, Талейранъ Перигорскій! закричалъ вслѣдъ ему веселый хозяинъ и затѣмъ, по моей просьбѣ, сообщилъ мнѣ кой-какія подробности о Савелѣ Тиховичѣ.

— До выборовъ въ нашей волости, началъ Иванъ Петровичъ, я почти и не зналъ Савелія, а кажется, знаю всякаго парнишку и всякую бабу по сосѣдству. Мужикъ онъ простой, хоть и богатый, торгѣ не ведетъ, семью держитъ въ порядкѣ, а такъ какъ у него женатыхъ сыновей пятеро, и всѣ живутъ не подѣлавшись, то онъ нанимаетъ землю гдѣ только можетъ и хлѣба ставитъ столько, что хоть бы иному помѣщику въ пору. Я былъ на волостныхъ выборахъ. „Савелій, Савелій, Савелій“, кажется не было одного голоса противъ. Вышелъ Савелій и сталъ отказываться, за ста-

ростію и простотою. „Никого не хотимъ кромѣ тебя, Савелій Тиховичъ“. Старикъ попробовалъ съ другой стороны: „дравомъ я больно крутъ, братцы, выбирайте другаго, неравно сами всплачетесь“.—„Ничего что крутъ, намъ не бабу надобно.“ Больше ужъ Савелій не спорилъ. „Ну, православные, и меня и мою семью вы знаете“, сказалъ овъ. „Дѣти у меня въ послушаніи, нѣвѣсткамъ воли не много, хозяйинъ а у себя въ домѣ, хозяйство буду и въ волости. Такъ ужъ и знайте, а за честь вамъ спасибо.“ И точно, я думаю такого порядка какъ у насъ нѣтъ ни въ одной волости по губерніи. Нѣтъ деревеньки, въ которой не побывалъ бы Савелій, сельскіе старшины ходятъ у него по стрункѣ; вотъ покосы едва начались, а я думаю овъ ужъ успѣлъ объѣхать всѣ усадьбы. На руку овъ тяжелъ, и прежній посредникъ съ нимъ за это бранился, ну, а при теперешнемъ Савелью ни въ чемъ нѣтъ помѣхи.

— Неужели же вашъ кандидатъ, спросилъ я, — въ самомъ дѣлѣ оказалась такою дрянью? Я близко знаю Ставицкаго и скорѣе думалъ, что овъ будетъ пристрастенъ къ крестьянамъ, кстати и не кстати.

— Да овъ и пристрастенъ; развѣ не слышали Савелья: „съ такимъ начальникомъ дойдешь до острога?“ Зачѣмъ бы вы ни обратились къ Ставицкому, вы виноваты ужъ за то, что вы помѣщикъ. Я думаю, есаибъ у меня порубили мужики всѣ яблони и груши изъ сада, овъ бы порѣшилъ такъ: „Это невзвивая шалость, крестьянину захотѣлось испытать, хорошо ли топить избу грушевыми дровами.“ Ну и выходитъ, что всѣ его рѣшенія уничтожаются на мировомъ съѣздѣ. Видитъ Савелій, видятъ и сами мужики, что дѣло не складно. Посредникъ говоритъ райоте на помѣщика, а на съѣздѣ рѣшаютъ: посредникъ навралъ, на помѣщика плевать не надо, а васъ, коли станете дурить, отдають на славу. Всякій старшина повѣсилъ бы носъ, а Савелій нашелся. Овъ созвалъ старостъ, побывалъ по усадьбамъ, гдѣ приходилось, заглянулъ на сходки. Смотришь, собща и порѣшили больше Павла Семеныча *не беспокоить*, а коли гдѣ затѣется споръ, обращаться къ Савелью Тиховичу. Такъ и идутъ дѣла ужъ второй мѣсяцъ, къ общему удовольствію. У насъ, какъ вы знаете, на каждыя двадцати верстахъ свои нравы и обычаи. Въ нашемъ околоткѣ на мужиковъ очень жаловаться нельзя, за то бабы неистов-

ствують какъ вѣдьмы. У меня въ одинъ день шесть бабъ не пошли на работѣ, за болѣзнію. Савелій накрылъ ихъ въ тотъ же день на ихней работѣ, и теперь бабы присмиряны. За то когда сосѣдъ Пльшаковъ потребовалъ работы отъ женщины беременной и слабой, старшина ему объявилъ: „ты ужь батюшка жалуйся кому знаешь, а въ нашей волости больная баба работать не станетъ.“ И еслибы Пльшаковъ вздумалъ упрямитъ, на мировомъ сѣздѣ ни одинъ голосъ за него бы не вступился.

— Грустно однакожь, замѣтилъ я, что такой честный и вовсе не глупый человѣкъ, какъ Ставицкій, дошелъ до того что сами крестьяне отшатнулись отъ него за негодностью.

— Да кто жь ему приказывалъ братья за дѣло, къ которому онъ не имѣетъ способностей. Отказаться отъ кандидата не трудно, да и зачѣмъ было за него братья, зная что посредникъ собирается за гравиду, по болѣзни.

— Павла Семеновича Ставицкаго, оказалъ Петръ Ивановичъ,—я считаю человѣкомъ вреднымъ, и...—тутъ подполковникъ повизгалъ голосъ:—между нами оказать, революціонеромъ.

— Экъ куда хватила наша гомеопатія! возразилъ Иванъ Петровичъ.—Называть такихъ людей революціонерами это тоже какъ еслибы кто тебя и меня, за нашу молодость, назвалъ разбойниками. Мы и на дуэляхъ дрались и фонари били, а все-таки не стали извергами рода человѣческаго. Теперь молодежь другая, жизнь свою начала она подъ гнетомъ, разгула у нея не было, растрясись ей некуда, вотъ она и покрикиваетъ у себя въ четирахъ стѣнахъ, да прикидывается сердитою. Они съ народомъ, они за народъ, хотъ и говорить съ мужиками не выучились. А я думаю, всколыхнись, народъ, да что я говорю всколыхнись!—просто подними одинъ палецъ, такъ у его радѣтелей отъ страха ноги отнимутся. Народъ сила большая!

Неизвѣстно до какихъ глубоко-политическихъ умствованій зашла бы наша дружеская бесѣда, еслибы не дано другаго направленія самое дѣло, послужившее къ ней поводомъ. На косогорѣ, къ створамъ мызы Петра Ивановича, показалась телѣжка тройкою, а въ телѣжкѣ сидѣлъ такъ часто упоминаемый Павелъ Семеновичъ Ставицкій, кандидатъ и довольно близкій сосѣдъ нашихъ пріятелей. Изъ предше-

ствовавшихъ сужденій на его счетъ, можно было подумать что въ домѣ Петра Ивановича и въ баракѣ Ивана Петровича кандидату не встрѣтитъ хорошаго приема; но деревня и удивленіе—великіе проводники терпимости. „Какъ посидишь недѣли три не выдавши никого кромѣ старосты,“ говорилъ мнѣ одинъ посѣдѣлый помѣщикъ: „такъ и скажешь самъ себѣ: „хоть бы бестіи чиновники пріѣхали описывать имѣніе!“ Да кромѣ того Ставицкій и мои приятели не имѣли причины для особенной вражды: въ волости, какъ мы уже знаемъ, дѣлами правилъ старшина Савелій; кандидатъ же, довольный тѣмъ что по крайней мѣрѣ не всѣ помѣщики его участка жалуются на него мировому съѣзду, цѣнилъ расположеніе Ивана Петровича и Петра Ивановича.

Я зналъ Ставицкаго болѣе десяти лѣтъ и часто видѣлся съ нимъ, то въ столицѣ, то за границей, постоянно поддерживая дружескія между нами отношенія. Нѣ удавалось мнѣ до тѣхъ поръ видѣть его въ деревнѣ и лучше бы оно мнѣ никогда не удалось. Павелъ Семеновичъ получилъ образованіе не только что хорошее, но строгое и разнообразное; способности его не принадлежали къ роду дюжинныхъ, только наша русская дѣнь, которая подъ другими именами и масками губитъ насъ совершенно также какъ губила нашихъ отцовъ и дѣдовъ, скоро свела его въ разрядъ персонъ умѣющихъ хорошо говорить и неспособныхъ ни на что кромѣ разговора. Конечно, способности въ практической жизни даются не всякому, но Ставицкій, съ вѣтренностью мальчика, заглушилъ и испортилъ даже то въ чемъ судьба ему не отказала. Въ двадцать три года онъ удивлялъ самыхъ развитыхъ людей начитанностью и многосторонностью своихъ занятій; въ двадцать пять лѣтъ онъ уже не читалъ ничего кромѣ иностранныхъ журналовъ, въ двадцать восемь онъ нашелъ что можно довольствоваться двумя-тремя русскими; въ тридцать онъ сталъ и въ русскихъ журналахъ пробѣгать лишь текуція новости да статейки съ бранью. Одинъ видъ *книги* сталъ пугать его, человека рожденнаго и приготовленнаго именно для кабинетной дѣятельности. Попробовалъ онъ служить, и доклады писалъ прекрасно, но послали его наблюдать за неважною поставкой хлѣба и Павелъ Семеновичъ надѣлалъ самыхъ ребяческихъ промаховъ. Похвалъ онъ хозяйничать въ имѣніе, занустилъ дѣла еще

хуже чѣмъ они были запущены и утѣшилъ себя, объявивши, что до развязки крестьянскаго вопроса заниматься имъ-внѣмъ глупо. Послѣ 19 февраля, Ставицкій принялъ должность кандидата, хорошо зная что мировой посредникъ его участка долженъ отаучиться на довольно долгое время: такое рѣшеніе могло назваться несчастнѣйшимъ въ его жизни, потому что и деревню, и мужика, и хозяйство, и самого сосѣда-помѣщика зналъ онъ и понималъ менѣе нежели я знаю и понимаю чудеса санскритской литературы.

Въ послѣднее время часто приходится встрѣчать русскіхъ людей вовсе не знающихъ жизни и въ то же время кивнувшихъ въ жизнь самую практическую: такіе люди прежде всего дѣлаются агунами, и это первый ихъ шагъ къ нравственному крушенію. Трудно сказать самому себѣ: „не годенъ я къ этому дѣлу“, а отойти въ сторону еще труднѣе, при нашей лѣни передѣлать себя и сызнова начать свое житейское воспитаніе. Гораздо легче обманывать себя и обманывать другихъ, умышленно или неумышленно. Гораздо легче сваливать отвѣтственность за свои промахи на невѣжество окружающей среды, на недостатки общества, на безобразные пороки ближнихъ. Къ чести Павла Семеновича надо сказать, что онъ по большей части былъ агуномъ неумышленнымъ. Зоркость его ума давно уже ослабѣла отъ бездѣятельности, отъ спокойнаго продолвольствія мыслями чужими и принятыми на вѣру. Онъ уже плохо видѣлъ свои недостатки. Въ тяжелой посреднической должности повсюду встрѣчая неудачи, недовѣріе, протесты передъ сѣздомъ, а на сѣздѣ постоянный отпоръ отъ Матѣева и ему подобныхъ лицъ, Ставицкій отъ чистаго сердца вообразилъ себя гонимымъ рыцаремъ правды и природнымъ поборникомъ угнетенныхъ, даже не догадываясь о томъ, что эти самые угнетенные, разгадавъ опрометчивость и бесполезность его вѣтхательствъ, поспѣшили укрыться отъ нихъ за спиной простаго мужика Савелія Тиховова.

— Ба, ба, ба! Кто это къ намъ явился? Кто сей мужъ, суровъ лицомъ? по обыкновенію своему кричалъ Иванъ Петровичъ, принимая гостя:—садитесь, садитесь къ самовару, нашъ уѣздный Ледрю-Ролленъ, Меттернихъ и Гарибальди! (За сочетаніе имевъ выше прописанныхъ пусть уже отвѣчаетъ Иванъ Петровичъ.) Вотъ вамъ Сергѣй Ильичъ,

человѣкъ не чужой. Вотъ Петръ Ивановичъ, совершенно увѣренный въ томъ что вы пламенѣете желаніемъ носить его лѣзвѣную голову на пикѣ! Чтѣ новаго? Не открыли ли вы въ участкѣ какого-нибудь изверга-помѣщика, питающагося бифтексомъ изъ человѣческаго мяса? Все ли хорошо въ нашей волости?

Бѣдный Павелъ Семеновичъ съ первыхъ же словъ показалъ свое обширное знакомство съ вѣрными ему участкомъ.

— Старшиной я несомнѣнно доволенъ, сказалъ онъ, не безъ важности сдвигнувъ брови.

— Будто? Оавеліемъ?

— Да, Савеліемъ. Лѣнивъ очень. Я думаю ни одинъ крестьянинъ въ вашей деревнѣ не знаетъ гдѣ волость и кто старшиной въ волости. Эти богачи-кулаки, какъ Савелій, либо тѣвятъ мѣръ, либо о немъ не заботятся.

— Побойтесь Бога, Павелъ Семеновичъ, да не нищаго же прощальгу выбирать въ сельскія должности.

— Не всякій нищій есть прощальга, а разбогатѣвшій мужикъ... — И кандидатъ сказалъ небольшую тираду, которая, я думаю, имѣла бы свой смыслъ въ бѣглои статейкѣ о французскомъ крестьянинѣ.

— Эдакъ придется жалѣть о томъ, смѣясь возразилъ Иванъ Петровичъ, — что нашъ увѣздъ имѣетъ несчастье считаться не изъ бѣдныхъ. Надо надѣяться впрочемъ, что съ новыми поборами, да жалованьями старшинамъ да писарями и сельскими постройками, у мужика денегъ убавится.

— Ну а когда вашъ увѣздъ? спросилъ кандидата Петръ Ивановичъ.

— Къ несчастію на той недѣлѣ... При одномъ названіи этого глупѣйшаго увѣзда душа моя возмущается. Опять брань, опять эти шпильки, опять эти противныя лица. Еслибы можно было сваливать свое горе на другаго, я бы попросилъ Сергѣя Ильича бывать за меня на увѣздахъ.

— Благодарю за честь, отвѣчалъ я, — только не тяжело ли будетъ держать отвѣтъ за чепуху тобой надѣланную.

Едва я сказалъ эти слова какъ мнѣ самому стало горько за ихъ жесткость, а еще болѣе за то что я, самъ человѣкъ во многомъ похожій на Ставицкаго, позволилъ себѣ такое грубое нападеніе. Справедливо сказано, что между грѣхами ближняго мы любимъ карать лишь тѣ, къ которымъ сами наклонны. Почему писатели такъ безпощадно

грызутся, наперекоръ своимъ общимъ интересамъ, не оттого ли что ихъ слабости однородны? Отчего бюрократъ подкапывается подъ бюрократа и придворный ненавидитъ придворнаго? Конечно не изъ одного соперничества по мѣстамъ, но и изъ-за тождества пороковъ. Рѣдко шевелитъ насъ грѣшокъ къ которому мы душой не причастны.

Павель Семеновичъ взглянулъ на меня съ выраженіемъ грустнаго упрека.

— Если вступаться за людей, никогда не имѣвшихъ заступника, сказалъ онъ,—по твоему значить дѣлать чепуху, то я не оправдываюсь и не отказываюсь отъ ответственности.

— Прости меня, Павель Семенычъ, сказалъ я,—съ перешпиги спорами и разладомъ мнѣнній сболтнуть чепуху еще легче чѣмъ ее одѣлать. Дурной мысли я не имѣлъ; мнѣ только показался досаднымъ твой отзывъ о другихъ посредникахъ, которыми, кажется, всѣ довольны.

— То-есть ты разумѣешь, всѣ помѣщики.

— За Матвѣева ручаюсь, что имъ довольны и крестьяне.

— Да, онъ *командиръ* не дурной, и его слушаются, съ ироніей отозвался Ставицкій.

— Дорогой нашъ сосѣдъ, возразилъ Петръ Ивановичъ, обыкновенно оживлявшійся съ наступленіемъ вечера,—да больше намъ ничего не надобно; вѣдь еще не настала пора, когда людей можно будетъ вести впередъ одною красно-рѣчивою фразой. Въ смутное и переходное время командиръ, какъ вы называете, всего нужнѣе, лишь бы только они знали куда идти, и дѣла не портили.

— Да, Матвѣевъ знаетъ куда идти: къ сохраненію стараго, а портить не хочетъ онъ крѣпостнаго права. Спросите у кого угодно, вотъ его слова на послѣднемъ сѣздѣ: намъ довѣрены интересы крестьянъ и интересы помѣщиковъ, но сверхъ того намъ довѣрено кое-что третье, о чемъ въ Положеніи мало говорится. Передъ нами извѣстное количество хозяйствъ, которыхъ покуда ничто не измѣнило, и слишкомъ быстрый упадокъ которыхъ нанесетъ бѣдствие всему краю. Я васъ спрашиваю, какъ понимать такую теорію?

— Какъ самый практическій и житейскій выводъ изъ того чтò у насъ передъ глазами, возразилъ Петръ Ивановичъ.—Крестьянскій вопросъ, до окончательнаго своего

рѣшенія, будетъ безпреставно видоизмѣняться, и если мы не будемъ этого видѣть, а ломить безъ толку по одной прямой линіи, толку не выдетъ. Критическое положеніе сельскихъ хозяйствъ есть одно изъ явленій, можетъ-быть временныхъ и случайныхъ, но неоспоримыхъ и требующихъ немедленнаго вниманія. Его разсмѣровъ не предвидѣли составители Положенія, или они разчитывали на помощь, которой не оказалось. Общее безденежье и упадокъ кредита еще придали ему особаивую важность. Государство положительно не въ силахъ совершать большихъ тратъ, частная дѣятельность спитъ; гдѣ у насъ начала вольнаго труда, гдѣ запашки на смѣну брошеннымъ? Послѣ этого, какъ же осуждать Матѣева и не поддерживать его?

— На этомъ основаніи, замѣтилъ Ставицкій,—будетъ лучше всего признать реформу лишь на словахъ, а на дѣлѣ оставить рабство съ его ужасами.

— Павелъ Семенычъ, отвѣчалъ подполковникъ,—и вы мало знаете сельскій бытъ въ нашего края, и я, хотя шатаюсь по Россіи, но не принадлежу къ людямъ очень бывалымъ. Оставимъ же общія стороны вопроса и будемъ держаться своего околотка; тутъ мы не заплутаемся и можемъ провѣрять доводы наши. Вы думаете, что не надо падать прежнихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, ибо они поддержка ужасамъ рабства. Позвольте же спросить васъ, не за Россію, которой мы не знаемъ, но за нашу губернію и нашъ уѣздъ и вашъ участокъ, гдѣ тѣ ужасы рабства, которыхъ сносный посредникъ не можетъ уничтожить въ одинъ день, безъ всякой помѣхи, откуда бы то ни было? Вы скажете, что нашъ край богатъ, обложенъ съ столицами, что мужикъ здѣсь развитъ и стало-быть помѣщикъ смиренъ. Но вѣдь васъ и не назначали въ захолустье, обоимъ намъ менте знакомое чѣмъ берега Амура. Для чего же вы...

— Тутъ я и останавливаю васъ, Петръ Иванычъ, въ свою очередь возразилъ кандидатъ:—остановяю затѣмъ чтобы доказать вамъ, какъ пристрастны вы къ своему краю и какъ мало знаете вы о безобразіяхъ, которыя мнѣ, по моей должности, мечутся въ глаза непрерывно. Знаете ли вы, что здѣсь, вблизи отъ васъ, въ моемъ участкѣ, открытъ а сильнаго барина, который, съ помощію страха и нечеловѣческихъ жестокостей, держитъ при себѣ двухъ жен-

щинъ, по прямому смыслу Положенія освобожденныхъ и имѣющихъ полное право оставить его, внесши оброкъ за два года?

— Кто же это? спросили мы съ Петромъ Ивановичемъ.— Кто сей Аннѣи Клавдіи новаго времени, добавилъ Иванъ Петровичъ, не скрывавшій своего недоверія.

— Никто иной какъ твой дядя, Сергѣи Ильичъ, отвѣчалъ кандидатъ,—твой дядя Борисъ Николаичъ Борженецкій, разныхъ орденовъ кавалеръ и воинъ временъ давнишнихъ. И все дѣло велось такъ хорошо, что я только на дняхъ видѣлъ этихъ несчастныхъ молодыхъ женщинъ и отъ нихъ самихъ узналъ всѣ подробности.

— Ужь не пѣвицы ли это? опять спросилъ Иванъ Петровичъ.

— Именно пѣвицы, состояція при жадриисккомъ замкѣ Борженецкаго, хотя тамъ давно ужъ нѣтъ ни оркестра, ни домашняго театра.

— Постойте, однакоже, Павелъ Семеновичъ, въ свою очередь сказалъ подполковникъ,—да развѣ вы не знаете, что Борисъ Николаичъ еще въ мартѣ распустилъ, и не къ чести его прибавить, даже разогналъ всѣхъ своихъ дворовыхъ?

— Разогналъ бесполезныхъ, а эти дѣвушки слѣшкомъ хороши собою чтобы выпутаться безъ внимательства власти.

— Послушайте, однако, дражайшій сосѣдъ, началъ Иванъ Петровичъ,—дѣломъ этимъ конечно нельзя пренебрегать, но, ради Бога и для своей выгоды, ведите его съ крайнею осторожностью. Пѣвицы этихъ я нѣсколько знаю, онѣ безпрестанно шатаются по всѣмъ деревенскимъ и сельскимъ праздникамъ... соберите о нихъ полныя свѣдѣнія на бумагѣ, непременно на бумагѣ, а ужъ потомъ дѣйствуйте. Борисъ Николаичъ...

— То-есть, говоря короче, вы даете замѣтить, что мнѣ не подѣ силу схватиться съ Борисомъ Николаичемъ?

— Любезнѣйшій другъ, Павелъ Семеновичъ, перебилъ я, замѣчая, что до ссоры не далеко,—можно ли такъ перетолковывать совѣтъ самый радушный и дружескій? Никто не думаетъ стѣснять твоихъ дѣйствій, но исторія тобой разказанная такъ необычайна, что ей нельзя дать хода безъ самаго точнаго разслѣдованія. Гдѣ видѣлъ ты этихъ дѣвушекъ? Самы онѣ къ тебѣ явились?

— Смиютъ онѣ подумать о моей мыслѣ! Я встрѣтилъ ихъ въ Никольскомъ, на ярмаркѣ.

— Если онѣ безпрепятственно ходятъ по ярмаркамъ, значитъ могли бы побывать у тебя, и надзоръ за ними не такой неусыпный. Ты знаешь, что дяди моего я не защищаю, но ты позволишь мнѣ сказать, что Борисъ Николаичъ человекъ не глупый и щедрый на свои прихоти. Правдоподобно ли, чтобъ онъ рѣшился на открытое нарушение закона для удержанія *племени*, которыя уже не первый годъ въ этомъ званіи, и по всей вѣроятности, охотно въ немъ останутся за приличное жалованье?

— И молодыя дѣвушки, жаждущія свободы, и развратный старикъ, не знающій границъ своему произволу, не способны поступать логически, возразилъ кандидатъ.

— Положимъ такъ, согласился я,—но почему же никто по сосѣдству не знаетъ и не говоритъ о неистовствахъ Бориса Николаича относительно этихъ невольницъ? Ты, безъ сомнѣнія, знаешь, что въ уѣздѣ новости летаютъ съ быстротой и секреты домашней жизни невозможны. Павелъ Ивана Петровича и Романъ Тыщенко въ точности знаютъ что ты кушалъ сегодня за обѣдомъ, нѣтъ ли у тебя больныхъ коровъ въ стадѣ и кто изъ твоихъ крестьянъ вноситъ оброкъ исправно. Всякая гадость, дѣлавшаяся въ имѣніяхъ дяди, обходила весь край и часто залетала далеко, въ Петербургъ, что его наконецъ и обуздало. Почему же мы не знали и не слышали ужасовъ съ пѣвицами? Тутъ дѣло не въ нравственной сторонѣ,—Борженецкій позволялъ и способенъ дозволить себѣ дѣла еще худшаго самовластія,—но если ты думаешь, что отъ него зависитъ утаить хоть что-либо изъ своихъ дѣлъ, то это значитъ, что сельскій бытъ и деревенскіе языки тебѣ совсѣмъ не знакомы.

Много разъ потомъ я жалѣлъ, что высказанныя мною замѣчанія сообщилъ я Павлу Семеновичу не наединѣ, а въ присутствіи людей, съ которыми онъ до значительной степени разнился по воззрѣніямъ. Въ довершеніе неловкости, я предложилъ кандидату, во время моего предстоящаго визита у дяди, вывѣдать у домашнихъ кой-какія подробности о дѣвушкахъ приносившихъ жалобу. Это показалось Ставицкому прямымъ вмѣшательствомъ въ его дѣла, и онъ усиленно попросилъ меня, во все пребываніе въ Жадрицѣ,

ни словомъ, ни движеніемъ не показывать, что я знаю о загадочной исторіи. „Да тебѣ будетъ и некогда, добавилъ онъ,—я самъ туда собираюсь, не теряя времени.“

Остатокъ вечера прошелъ мирно и пріятно; до крестьянскаго дѣла больше не касались. Послѣ ужина кандидатъ уѣхалъ, а Петръ Ивановичъ повторилъ приглашеніе на слѣдующій день къ обѣду и тоже побрелъ во свояси.

Х. Нравоучительная глава о томъ, какое великое дѣло вольный трудъ въ рукахъ искуснаго хозяина.

Слѣдующій день положено было провести у Петра Ивановича, а послѣ обѣда, съ наступленіемъ прохладныхъ часовъ, я и Иванъ Петровичъ имѣли направиться къ дядѣ Борису Николаевичу, замокъ котораго находился верстахъ въ двадцати отъ нашихъ пріятелей. У меня на душѣ лежала просьба барышни Олимпиады Павловны; что же до Германа, то онъ уже съ недѣлю не былъ въ гостяхъ, и радъ былъ прокатиться не только къ моему дядѣ, но къ самому Вельзевуду. Согласно рѣшенію, лошади были готовы въ шестомъ часу вечера, но выѣхали мы гораздо позже. Впервые, обѣдъ Петра Ивановича затянулся; онъ состоялъ блюдъ въ девяти, не тяжелыхъ, это правда, но изобильныхъ. Кажется, каждое кушанье отдѣльно было изготовлено для слабыхъ желудковъ, а въ цѣломъ оказалось отяжелѣніе общее, и хозяинъ утѣшилъ себя лишь тѣмъ, что сообщилъ намъ принимаясь за пирожное: „Могу поручиться только за то что завтра буду боленъ при смерти.“ Затѣмъ, невозможнымъ оказалось прервать сонъ Ивана Петровича до того часа, въ который онъ обыкновенно прерывался. Лѣнинецъ мычалъ, отмахивался руками, прикидывался больнымъ, наконецъ вставалъ съ дивана, и чуть его оставляя въ покоѣ, засыпалъ растянувшись въ креслѣ. Солнце почти садилось, когда мы простились съ Зарудкинымъ и выѣхали. Удушливый день уступалъ мѣсто ночи столько же удушливой; небо заволоклось злобщими тучами; все предвѣщало проливной дождь, если не лѣтнюю грозу. И не сдвигая мы пяти верстъ какъ насъ охватили сумерки,

какія-то особенныя сумерки, мягкія и грозныя въ одно и то же время. Огромныя капли теплаго дождя закапали, застучали въ коляску; кучеръ поднялъ ея верхъ и набросалъ на себя что-то кожаное, а Иванъ Петровичъ, безъ умолку сообщавшій мнѣ разныя увѣданыя новости, былъ прерванъ сильнѣйшимъ громовымъ ударомъ. Кто способенъ не восхищаться іюньскою грозой? Кто не любилъ веселаго свѣжаго грома, и даже этихъ теплыхъ, стремительныхъ потоковъ дождя, такъ жадно впитываемаго изумрудными полями? Однако пріятнѣе было бы любоваться грозой изъ окна своего дома, и мы скоро въ томъ убѣдились: тучи повисли хуже прежняго, мракъ не уменьшался, и мы съ Иваномъ Петровичемъ скоро замѣтили, что кучеръ мой ѣдетъ по какой-то ужъ слишкомъ узкой дорогѣ, между лугами и перелѣсками какъ будто незнакомыми. Попааясь перекрестокъ, и возница, придержавши лошадей, спросилъ Ивана Петровича куда брать направо или лѣво. „Направо,“ отвѣчалъ тотъ съ увѣренностію. Версты на три потянулся какой-то дрянной лѣсъ, а затѣмъ опять перекрестокъ. Новый вопросъ, и на этотъ разъ нѣкоторое раздумье со стороны сосѣда. „Опять направо,“ сказалъ онъ, безъ прежней рѣшительности. Наконецъ мы заѣхали въ болотную трупобу, сѣлали какой-то объѣздъ цѣликомъ по косогору, замучили лошадей, выѣхали на подлѣйшій проселокъ и все-таки оставались въ надеждѣ что скоро увидимъ передъ собой усадьбу Бориса Николаевича. Гроза перестала, тучи раздвинулись; несмотря на позднюю пору, стало замѣтно свѣтлѣе. Вотъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ показалась деревня, правѣе еще деревня и какое-то очень высокое зданіе. Пріѣхали, подумалъ я, и однако не узнавалъ мѣста, въ особенности не могъ догадаться куда дѣвался огромнѣйшій прудъ дяди, и почему домъ, когда-то обставленный вѣковыми паркомъ, высочайшими липовыми рощами, теперь стоитъ словно на пустырь. Еще я глядѣлъ во все глаза и сомнѣвался, когда хохотъ Ивана Петровича сызнова загремѣлъ надъ моимъ ухомъ.

— Экъ мы куда протѣсали! провозгласилъ онъ вглядываясь по одному со мной направленію:—вѣдь до Бориса Николаича отсюда пятнадцать верстъ слишкомъ! Это Евдокимовская мыза Гривки, и придется здѣсь пристать на ночь.

Я отвѣчалъ, что вовсе не знакомъ съ Евдокимовымъ, что

почевать въ незнакомомъ домѣ опасно, по части съверныхъ скорпионовъ и тарантуловъ, и что наконецъ неловко въ такую позданую пору вторгаться въ чужое жилище.

— А проѣхать развѣ будетъ ловко? возразилъ Иванъ Петровичъ,—это приметъ Евдокимовъ за личную обиду. Наконецъ, есаи продолжать путь, необходимо нанять лошадей; ваши деликатныя лошадки едва духъ переводать.

Кучеръ подтвердилъ эти слова. Мы остановились невдалекѣ отъ барскаго двора и послали встрѣчнаго караульщика доложить о нашемъ появленіи.

Пока крестьянинъ исполнялъ данное порученіе, я глядѣлъ на домъ господина Евдокимова. Извѣстно, что всѣ большія деревянныя зданія имѣютъ печальную наружность; деревянная постройка непременно должна имѣть малый объемъ и уютность: нѣсколько этажей и широкіе размѣры никакъ не поладятъ съ нею. Можетъ-быть вслѣдствіе вечерняго сумрака, но вѣрнѣе вслѣдствіе своего объема незнакомый господскій домъ показался мнѣ не то сараемъ, не то фабрикой. Въ окнахъ его еще мелькали огни, причемъ легко усматривалось, что окна не украшены ни сторами, ни занавѣсами. Передъ главнымъ фасомъ дома красовалось что-то въ родѣ нартера, только безъ цвѣтовъ, и какъ оказалось поутру, полного сорною травой. Сады казались большимъ, но деревья были такъ тощи и малы, что на тѣнь ихъ не позволялось разчитывать; по увѣренію Ивана Петровича, садъ былъ насаженъ давно и, одинъ чортъ знаетъ почему, все оставался въ одномъ положеніи. Больше разсматривать было нечего и некогда, потому что около дома началось движеніе, ворота распахнулись и на крыльцо съ бѣлыми на подобіе флейточекъ колоннами, расточая намъ горячія привѣтствія, вышелъ самъ хозяинъ.

— Добро пожаловать, дорогіе гости! Давно искалъ случая, Сергѣй Ильичъ, съ вами познакомиться. Вотъ спасибо грозѣ такъ спасибо!

И возглаголая эти слова Аполлонъ Андреевичъ Евдокимовъ выказывалъ свое энергическое къ намъ ралушіе всѣми зависящими отъ него путями. Когда я выходилъ изъ коляски, онъ безъ всякой надобности поднялъ меня на руки какъ перышко и поставилъ на землю; потомъ совершилъ тоже съ тучнымъ Иваномъ Петровичемъ; потомъ пожелалъ самъ тащить изъ экипажа мой

чемоданчикъ и дорожный мѣшокъ моего спутника. Отворивши дверь, онъ побѣжалъ передъ нами вверхъ по лѣстницѣ, оглянулся, сбѣжалъ внизъ и сдѣлалъ вторичное восхождение вмѣстѣ съ нами. Напрасно намекнулъ я ему о желаніи оправиться отъ дороги гдѣ-нибудь въ особой комнатѣ, онъ прокричалъ: „къ чорту церемоніи!“ и провелъ насъ прямо въ большую комнату, гдѣ сидѣли его жена, двѣ большія дочери, одна племянница и одна гувернантка. Всѣ эти дамы не показались мнѣ очень красивыми, въ особенности супруга Аполлона Андреевича по наружности своей могла бы зваться его матерью, даже бабушкой. Самъ Евдокимовъ, несмотря на волосы съ сильною просѣдью, имѣлъ видъ молодцоватаго, красиваго мальчика, тоненькій, мускулистый, безпокойный, онъ, казалось, каждую минуту куда-то порывался, собирался куда-нибудь бѣжать или отхватать нѣкую совершенно неожиданную штуку руками и ногами. Комната, въ которую вошли мы, не опозорила бы собой барака Ивана Петровича: мебели въ ней находилось такъ мало, что хозяинъ самъ приволокъ два стула изъ сосѣдняго аппарата. За то на одной стѣнѣ висѣлъ огромнѣйшій портретъ Екатерины II, во весь ростъ, а на другой, масляными же красками изображалась охота за тигромъ. На какинѣ стоялъ большой серебряный кубокъ, очевидно выигранный на конской скачкѣ.

— Ну-съ, драгоцѣнный нашъ Аполлонъ Андреичъ, началъ мой спутникъ, послѣ первыхъ разспросовъ, предложеній чая и рекомендацій, — давненько мы таки съ вами не видались. Какъ живется въ вашемъ краѣ? Ниче сами знаете, на всякихъ десяти верстахъ что-нибудь есть особенное. Что работы? не гадить ли посредникъ? тихо ли по сосѣдству?

При вопросахъ этихъ, дамы начали смѣяться, а племянница хозяйна, дѣвица бойкая и должно-быть весьма призаваемая за умницу, произнесла: „штрафъ, штрафъ съ Ивана Петровича!“

Я освѣдомился о томъ, чѣмъ провинился мой пріятель.

— Это ужъ у насъ такое условіе, отвѣчала дѣвица, закуривая папироску на лампѣ, причеиъ табакъ посыпался въ огонь и причинилъ какое-то разстройство свѣтильнѣ, — всю зиму въ уѣздѣ столько говорили о крестьянскомъ вопросѣ; мы наслушались такіхъ отсталыхъ и однообразныхъ сужденій, что для огражденія себя согласились больше

не говорить ни о крестьянахъ, ни о хозяйствѣ, ни о Положеніи. За нарушение закона *отпирывается*, по большинству голосовъ, какое-нибудь взысканіе.

— Это все вздоръ и женская чепуха, добавилъ Аполлонъ Андреевичъ,—взыскивайте себѣ съ тѣхъ кто не развязался со старымъ порядкомъ, а для меня и моего имѣнія крестьянскій вопросъ, дѣло прошлое. Я могу разсуждать о немъ какъ разсуждаетъ какой-нибудь Испанецъ или Англичанинъ. Я развязался съ мужиками еще до февраля мѣсяца, я благословилъ барщинниковъ на всѣ четыре стороны, я ввелъ у себя вольный трудъ, я купилъ машинъ на три тысячи дѣлковъ и знать не знаю никакихъ затрудненій!

— Слышалъ я, слышалъ о вашихъ нововведеніяхъ, замѣтилъ Иванъ Петровичъ,—только не погорячились ли вы на первыхъ порахъ; человекъ-то вы черезчуръ ретивый!

— Ретивость еще не большой порокъ, смѣясь сказалъ Аполлонъ Андреевичъ.

— Гдѣ же вы добыли вольныхъ рабочихъ: изъ Финляндіи, или можетъ въ Пруссію посылали?

— Изъ Пруссіи придетъ артель къ осени...

— Самое время, а до той артели?

— Да что вы, Иванъ Петровичъ, будто по своему содѣйствию рабочихъ не стало?

— Не то что не стало, а ихъ просто никогда не было, Спросите у мужиковъ, легко ли дается имъ нанять въ семью работника, или *казака*, какъ они называютъ? При удобствѣ всякаго рода заработковъ, въ нашемъ краѣ свободный наемъ не такъ-то охочъ до полевой каторги. Да и вообще у насъ большой охоты къ земледѣлію не имѣется. Придется выбирать изъ людей дрянныхъ, пустодомовъ, или изъ гулякъ, которыхъ своя семья держитъ на привязи.

— Оно можетъ-быть и такъ, весь воодушевившись возразилъ Аполлонъ Андреевичъ, а хозяинъ-то на что? Его дѣло воодушевить, приучить, направить рабочаго, наградить тамъ, взыскать здѣсь, подать примѣръ дѣятельности. Я, конечно, не въ правѣ считать себя большимъ мастеромъ; но я чувствую, что судьба предназначила меня быть земледѣльцемъ, производителемъ, изобрѣтателемъ...

Тутъ исхудалая и сморщенная супруга хозяина тяжело вздохнула; должно-быть ей хорошо было извѣстно, къ чему судьба предназначила Аполлона Андреевича.

— Да, продолжалъ господиъ Евдокимовъ, совершенно упившійся своимъ краснорѣчіемъ,— о вольномъ трудѣ говорить и пишутъ много вздора, да боатунамъ ли, дряннымъ ли писакамъ безъ кола и двора понимать это дѣло? Для меня, господи, вольный трудъ то же что военное обученіе для хорошаго начальника. Я самъ служилъ въ кавалеріи. Поглядите когда въ эскадронъ приведутъ рекрутъ— дрянныхъ, гнилыхъ, такихъ, что иной и къ лошади подойти не смѣетъ. И что жь? отъ взгляда, отъ слова, отъ хорошаго воодушевленія, вы потомъ не узнаете тѣхъ же рекрутъ— молодцы да и только! Вотъ если у тебя оказывается такое призваніе, такъ и берись за хозяйство. Очень, очень, всей душой я радъ, господи, что вы заглянули въ наше удивленіе. Завтра, если будемъ живы, я надѣюсь вамъ показать что такое значитъ вольный трудъ въ рукахъ искуснаго хозяина.

• Послѣдоваи новый вздохъ супруги и новая импровизація со стороны Аполлона Андреевича. Онъ говорилъ такъ горячо и задорно, что дамы, начавшія было свой разговоръ со мною, прекратили его очень скоро: хозяинъ кажется не любилъ постороннихъ бесѣдъ во время своего одушевленія. Когда подали ужинъ, дѣло дошло до того, что господиъ Евдокимовъ собиpался взять въ аренду всѣ запашки, кинутыя помѣщиками по губерніи, перепархивая съ рабочими изъ усадьбы въ усадьбу, воздѣлать поля по лучшему способу, приготовить огромныя массы хлѣба и направить ихъ частію въ Петербургъ, частію за границу. Операция обшчала сто на сто, а если взять въ соображеніе неизбежное возвышеніе цѣнъ съ будущимъ годомъ, то и гораздо болѣе. Къ удовольствію моему, ужинъ былъ и коротокъ и невкусенъ; безъ этого намъ можетъ-быть пришлось бы увѣдать и не о такихъ громадныѣхъ замыслаѣхъ.

— Странный человѣкъ вашъ Евдокимовъ, сказалъ я Ивану Петровичу, когда насъ оставили однихъ въ пустой комнатѣ безъ сторъ, кроватей и столовъ, съ постелями посланными на узелъкихъ диванчикахъ. Мое ложе, говоря къ слову, было покрыто вмѣсто одѣяла халатомъ, довольно засаленнымъ.

— Нисколько не странный, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, покуда я вынималъ изъ мѣшка педѣ и замѣчалъ имъ халатъ, не соблазнявшій меня нисколько,— вовсе не стран-

ный. Онъ просто дуракъ, только къ сожалѣнiю дуракъ до крайности бодрый и дѣятельный. У простаго человека различныя дурачкiе планы обыкновенно остаются въ головѣ и кончаются разговоромъ, а этотъ чудачина такъ и рвется примѣнять ихъ къ дѣлу. Видѣли вы призовой кубокъ на каминѣ? онъ стоитъ Евдокимову половины состоянiя. Аполлону Андреичу когда-то вообразилось что выгодно завести конскiй заводъ, въ нашемъ краѣ, при нашихъ урожаяхъ и цѣнахъ хлѣба! Ранѣе того, онъ придумалъ пароходство по такой рѣкѣ, какую въ лѣтнiе мѣсяцы куры въ бродъ переходятъ. Теперь онъ отдался вольному труду, и конечно не броситъ своихъ дѣлъ, покуда не запутается съ руками и ногами. Хорошо еще что у него тесть съ толстою сумой — извѣстный откупщикъ Сапожищевъ; безъ того давно бы ему сидѣть гдѣ-нибудь въ темницѣ, другимъ мудрецамъ на поученiе.

Вслѣдъ за этимъ приговоромъ нашъ Иванъ Петровичъ захрапѣлъ. И я бы совершилъ то же съ большимъ удовольствiемъ, но къ несчастiю я засыпаю медленно, а двѣ или три минуты на изготовленномъ для меня диванѣ достаточно показали, что въ домъ Аполлона Андреевича безъ персидскаго порошка ѣздить невозможно. Къ довершенiю несчастiя, солнце стало всходить (по случаю поздняго прiѣзда мы и разошлись поздно), красные лучи его били прямо въ нашу комнату. Прокаинная судьба, я поскорѣ одѣлся, зажегъ сигару, сѣлъ у окна и сталъ глядѣть на жидкiй садикъ, съ этой стороны примыкавшiй къ дому. Давно не видалъ я мѣстности болѣе унылой и сада до такой степени безтолковаго. Прямо подъ окнами шла аллея чахлаыхъ березокъ, ея песчаная дорожка вся заросла цѣпкими травами, а немного правѣе шла другая дорога, вновь засыпанная краснымъ пескомъ съ остатками выведенныхъ по немъ узоровъ. Около забора, за небольшимъ прудомъ, видѣлось строенiе въ родѣ бани, — гвилосе, покрывившееся; шагахъ въ сорока отъ него стоялъ новенькiй китайскiй навильонъ носившiй на стѣнахъ все цвѣты радуги. Сигара моя кончалась, и я начиналъ дремать въ жесткомъ креслѣ, когда надъ ухомъ моимъ раздались страшныя проклятiя, и я увидалъ предъ собой Ивана Петровича, въ ночномъ уборѣ, однимъ прыжкомъ очутившагося далеко отъ своей постели. — Подлецъ! каторжникъ! душегубецъ! шу-

нѣтъ онъ,—это низость оставлять у себя гостей, не имѣя комнаты опрятной! Глядите на мои руки, я весь искусанъ! Велимте закладывать, Сергѣй Ильичъ. Вдемъ сію же минуту! Съ такими разбойниками нечего церемониться!

Не безъ большихъ усилій убѣдилъ я Ивана Петровича, что если проѣхать мимо мызы Евдокимова вчера казалось ему неловкимъ, то покинуть эту мызу, въ самую средину ночи, значило нанести ея хозяину кровавое оскорбленіе и что наконецъ наносить ближнимъ кровавыя оскорбленія изъ-за негодныхъ клоповъ—не приходится. Поспоривъ нѣсколько времени, мы согласились провести остатокъ ночи въ креслахъ и утромъ уѣхать послѣ чая.

Часу въ восьмомъ неутомимый господинъ Евдокимовъ уже вѣтѣлъ въ нашу несчастную спальню. Его нисколько не удивило то, что онъ засталъ насъ дремлющими въ креслахъ и даже то что Иванъ Петровичъ, на вопросъ о томъ какъ ему спалось, отвѣчалъ съ озлобленіемъ: „чрезвычайно скверно!“—„Лѣтомъ спать вредно,“ оказалъ Аполлонъ Андреевичъ, „я самъ уже три часа на ногахъ и два раза обошелъ все по хозяйству. Самъ не понимаю что со мной дѣлается! И въ молодости былъ я живымъ, въ полку звали меня непосѣдой, а теперь право сталъ я еще хуже. Вотъ такъ и не сидится, такъ бы все копалъ, ломалъ, строилъ, распоряжался. Хоть бы сегодня: самъ поднималъ рабочихъ всѣхъ до единого, самъ разставлялъ косцовъ, да за то какъ же пошла и работа! Просто огонь, а не люди! Я думаю, теперь рядовъ то, рядовъ то сколько навалили! Право, хоть самому стать впереди и косить—

„Ты коса ль моя,
Коса острая,
Не тупися ты,
О маяду траву!

„Вотъ ужъ пятый десятокъ пошелъ, а все не могу уходить!“

Видя что Аполлонъ Андреевичъ по случаю лирическихъ порывовъ совершенно забылъ о всей житейской мелочи, мой спутникъ сошелъ внизъ, добылъ какого-то мальчишку, тазъ, воду и рукомойникъ, потомъ потребовалъ чаю и послѣ долгихъ хлопотъ получилъ желаемое, причѣмъ былъ напоенъ чаемъ и самъ хозяинъ. М-ме Евдокимова и другія дамы,

какъ оказалось изъ разспросовъ, вставали не ранѣе перваго часа. Чайный приборъ, намъ поданный, какъ нельзя болѣе гармонировалъ со всею обстановкой мѣзды: чайникъ былъ прекрасный, старый берлинскій, хотя съ отбитымъ носикомъ; вмѣсто молочника предстала красная глиняная кружка, а на одной изъ чашекъ было написано синими буквами: „въ знакъ пріязни и дружбы.“

— Ну господа, теперъ въ поле! закричалъ хозяинъ, еще не допивши до половины свой стаканъ чая, — въ поле, на работу, здѣсь духота и бабье! Чтò за воздухъ послѣ вчерашней грозы, просто конфеты. На покось, на покось! вы не уйдете не увидавши моего хозяйства. Кабы всѣ трудились какъ нашъ братъ, не было бы слышно о томъ что тамъ кидаютъ запашку, тамъ распродаютъ скотъ... тѣфу, какое малодушіе! Ну берите шапки, идти не далеко, съ полверсты, надѣво, за перелѣскомъ.

И мы вышли. Утро точно было превосходное, только даже оно никакъ не могло украсить собою помѣстій Аполлона Андреевича. Трехэтажный деревянный домъ съ желтыми стѣнами и красною крышею былъ просто гадокъ. Роща около знаменитаго покоса казалась красивою, но отъ скудости ли почвы, отъ тѣсоты ли, ея деревья дѣлаи вверхъ не прибрѣтаа ничего въ толщину. Впрочемъ на прогулку я не жалуюсь; Евдокимовъ три раза покидалъ насъ, забѣгая то на конюшню, то въ кузницу, то въ сараи, куда поставили молотильную машину. Всякій разъ онъ приглашалъ насъ съ собою, но мы уклонялись, и Аполлонъ Андреевичъ, окончивъ обозрѣніа, догонялъ насъ бѣглымъ шагомъ.

Молотильная машина заняла хозяина довольно долго, такъ что мы съ Иваномъ Петровичемъ, не торопясь и бесѣдуя, успѣли пройти рощу, маленькій перелѣсокъ за нею и дойти до кощовъ, такъ великолѣпно открывшихъ работу. Къ удивленію нашему, мы увидѣли скошеннымъ лишь самый непримѣтный клочокъ луга; рабочіе же, не взирая на раннюю пору, казалось, сами себя наградили полнѣйшимъ отдыхомъ. Описывая обязанный трудъ крестьянъ въ Петровскомъ, я упомянулъ, что лѣ немъ имѣлось вѣчто кислое и госпитальное; въ селѣцѣ Гривкахъ Евдокимова, напротивъ того, вольный трудъ походилъ на картину сельскаго увеселенія. Люди, оставивши косы, сидѣли по двое и по трое, бесѣдуя подъ деревьями; въ сторонѣ, два

весьма чаклые парня боролись при общемъ смѣхѣ, двѣ бабы, пробиравшіяся по дорогѣ, свернули на покось, и около нихъ образовался кружокъ, повидимому, очень веселый. Если у меня дѣлился такъ деловко и невыгодно для самихъ дѣлаивцевъ, то здѣсь наука праздности имѣла уже нѣчто уда-
 лое и самоувѣренное. Не доставало лишь гармоника и при-
 сутствія нѣскольکو бѣльшаго числа лицъ изъ прекраснаго
 пола, чтобы составить нѣчто въ родѣ дивертисемента или
 „аменивъ благодѣтельнаго помѣщика.“ Я остановился на
 краю дуга и глядѣлъ съ изумленіемъ. Иванъ Петровичъ
 расхохотался, и придвинувшись къ борцамъ, сталъ гром-
 кими восклицаніями поощрять удачныя маневры атлетовъ...

— Бездѣляники, дармовды! Такъ-то вы работаете, не-
 годяи! раздался неподдаеку громовый голосъ, и господинъ
 Евдокимовъ, весь красный, съ сжатыми кулаками, выбѣ-
 жалъ на дугъ изъ перелѣска. Онъ былъ дѣйствительно
 страшенъ въ эту минуту; при пустой головѣ и вспыльчи-
 вости, Аполлонъ Андреевичъ не имѣлъ недостатка въ само-
 любіи, и горько показалось ему что гости, только что
 наслушавшись хвастливыхъ его рѣчей, вдругъ наткнулись
 на подобное рабоче безобразіе. Подобно вихрю ворвался
 онъ въ кружокъ, составившійся около двухъ бабенокъ, и
 кружокъ мгновенно раскочился; одинъ парень изъ него
 упалъ на четвереньки, а бабы стрѣлой побѣжали къ до-
 роги. Потомъ Евдокимовъ схватилъ за шиворотъ какого-то
 савовитаго мужика въ кафтанѣ, повидимому подрядчика
 или старосту (остальныя косцы, числомъ до двадцати, были
 въ рубашкахъ), потрясъ его изо всей силы и кинулъ на
 земь. Рабочіе взялись за косы и, не очень торопясь одна-
 ко, заняли покинутыя мѣста; только боровшіеся парни,
 въ жару состязанія, не послѣдовали общему примѣру.
 Аполлонъ Андреевичъ очутился и тутъ, съ криками и бранью,
 передать которые конечно мое перо не въ силахъ. Старшій
 изъ парней получивъ добраго тумака, тотчасъ же кинулся
 на работу, но меньшей, какъ, кажется чакоточный и за-
 дорный, только посторонился и сказалъ хозяину: „драться-
 то, баринъ, нынче не положено.“ Никогда не видавъ я даже
 на картинахъ лица, сколько-нибудь похожаго на лицо
 Аполлона Андреевича тотчасъ послѣ этого отвѣта. „Убью!“
 глухо крикнулъ онъ, какъ-то подался впередъ всею грудью
 и поднялъ налившіеся кровью глаза на смѣлаго парня.

Тотъ не выдержалъ взгляда и кинулся бѣжать какъ сумашедшій не къ рабочимъ, не къ дорогѣ, а черезъ болото, къ рѣчкѣ и стоявшему за ней словому лѣсу. Евдокимовъ кинулся за бѣгущимъ, прыгая черезъ кочки, опускаясь въ трясины по колѣно, но предыдущіе подвиги его утомили, онъ плюнулъ, вернулся и направился къ намъ, отирая потъ катившійся градомъ. Мы съ Иваномъ Петровичемъ стояли, какъ вкопанные, стыдись, возмущаясь душой и все-таки чувствуя всю комическую сторону сценъ такъ неожиданно передъ нами разыгравшихся.

Евдокимовъ добрался до насъ. „Совсѣмъ уморился,“ проговорилъ онъ, и въ голосъ его не было слышно даже малѣйшихъ слѣдовъ недавняго гнѣва. „Трудъ-то пожалуй себѣ вольный, а все-таки острастка ему не мѣшаетъ. Глядите, глядите-ка, какъ пошли откалывать, прибавилъ онъ указывая на косцовъ, которые въ самомъ дѣлѣ начали косить не худо.

— Работаютъ-то они ничего, только такими острастками вы себя уморите въ одинъ мѣсяцъ, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Не говоря о томъ, что растеряете всѣхъ рабочихъ, добавилъ я, не скрывая чувства отвращенія.

— Рабочихъ растеряю? съ веселымъ смѣхомъ возразилъ Аполлонъ Андреевичъ:—на этотъ счетъ беспокоиться не извольте. Или вы думаете, что мужику не вкусно получать, на всемъ на готовомъ, по восьми цѣлковыхъ, да еще ничего не дѣлая?

— Аполлонъ Андреичъ! со смѣхомъ же сказалъ Иванъ Петровичъ, послѣ настоящаго великаго изреченія нѣтъ никакой надобности въ дальнѣйшемъ осмотрѣ вашихъ нововведеній. Теперь мы оба видимъ и понимаемъ вполне, какое великое дѣло вольный трудъ въ рукахъ искуснаго хозяина!!!

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

ВСЯКОМУ СВОЕ

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

Dem Einen die Perle, dem Andern die Truhe.

H. Heine.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Безъ отчаянія и унынія похоронила своего мужа Софья Михайловна Бухарова. Для нея онъ давно уже не существовалъ: обманутая въ своихъ лучшихъ надеждахъ, обманутая въ любви мужа, наконецъ въ немъ самомъ, она перестала это тяжелое разочарованіе и стала совершенно равнодушна къ мужу. Но какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и люди обманувшіеся въ чемъ-нибудь еще съ большею цѣпкостью ищутъ ухватиться за что-нибудь иное. У Софьи Михайловны былъ сынъ, и на немъ сосредоточилась вся ея жизнь.

Она сама начала учить Леонида, такъ что помимо всѣхъ гувернантокъ и гувернеровъ онъ перешелъ прямо съ ея рукъ къ болѣе серьезнымъ наставникамъ. Года шли однообразно одинъ за другимъ: зима посвящалась ученію, а лѣто

отдыху. Софья Михайловна не могла надивиться какъ это Леонидъ, изъ крошечнаго ребенка, сдѣлался такъ скоро сперва большимъ мальчикомъ, а вслѣдъ за тѣмъ почти и молодымъ человекомъ. До восемнадцати лѣтъ онъ жилъ въ такомъ отдаленіи отъ свѣта и общества, что не имѣлъ о нихъ никакого практическаго понятія. Софья Михайловна нашла наконецъ, что пора исправить это упущеніе, и рѣшилась на слѣдующее лѣто отправиться погостить въ деревню къ одной изъ своихъ дальнихъ родственницъ, Ксении Петровнѣ Будаковой. Въ предшествующіе годы, Бухарова постоянно проводила вакаціонное время Леонида въ своемъ имѣніи, гдѣ жила вдвоемъ съ сыномъ въ совершенномъ уединеніи, не имѣя никакихъ знакомствъ. Эта идиллическая жизнь вполне удовлетворяла ея желаніямъ: она какъ будто превращалась въ Руссо, а Леонидъ въ Эмиля. Онъ почти не отходилъ отъ матери; она разказывала ему что-нибудь, заставляла его самого говорить, остававливая вниманіе ребенка на всемъ что ихъ окружало, и неутомимо слѣдила за каждымъ движеніемъ его души. Софья Михайловна поставила себѣ единственною цѣлью въ жизни создать счастливое будущее своему сыну и твердо вѣрила, что его будущее зависитъ исключительно отъ нея одной. „Вотъ какъ я стану воспитывать его!“ „Вотъ что я изъ него сдѣлаю!“ „Вотъ, какъ я устрою жизнь его!“ Она такъ рѣшительно подводила всѣ итоги, какъ будто жизнь и будущность ея сына были какою-то вещью находившеюся въ ея полномъ распоряженіи. Конечно, она предвидѣла при этомъ разныя препятствія, вмѣшательство постороннихъ вліаній; но ей казалось, что такого рода борьба не могла имѣть иного исхода, кромѣ ея же полнаго торжества. Въ этомъ она убѣждалась еще болѣе, когда прочитывала въ глазахъ сына безграничную привязанность къ себѣ. Леониду минуло уже семнадцать лѣтъ, когда въ послѣдній разъ онъ проводилъ каникуды, по обыкновенію, вмѣстѣ съ матерью, въ одномъ изъ отдаленныхъ ея помѣстій. Софья Михайловна замѣтила скоро, что Леонидъ уже не то чѣмъ онъ былъ прежде, и что въ немъ произошла какая-то значительная перемѣна. Конечно, онъ былъ съ нею такъ же предупредителенъ, ласковъ, нѣженъ, какъ и прежде, а все же въ немъ была замѣтна какая-то перемѣна. Они попрежнему были неразлучны, читали и гуляли вмѣстѣ, и разъ, какъ-то, отойдя далеко отъ

дому, они сѣли отдохнуть въ тѣни густаго лѣса. Леонидъ легъ на траву, подперъ голову рукой и сталъ задумчиво смотреть въ даль. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ любящая и гордая мать молча любовалась имъ и, дѣйствительно, имъ можно было любоваться: онъ былъ замѣчательно хорошъ. Мальчикъ сбросилъ шляпу, и легкій вѣтерокъ врихотаво путалъ и взбивалъ его шелковистые, черные волосы: едва замѣтный пухъ слегка отгвѣялъ его верхнюю губу; загорѣлая щеки, при малѣйшемъ волненіи, покрывались яркимъ румянцемъ. Въ настоящую минуту онъ былъ задумчивъ; то была тихая, безцвѣтная, безознательная дума. „Леонидъ!“ тихо произнесла его мать. Онъ ничего не отвѣчалъ. „Леонидъ!“ сказала она громче. Онъ повернулъ къ ней голову.

— Помнишь, Леонидъ, какъ два года тому назадъ мы сидѣли на этомъ самомъ мѣстѣ, и насъ засталъ здѣсь сильный дождь?

— Нѣтъ, не помню, отвѣчалъ онъ разсѣянно.

Этотъ отвѣтъ нѣсколько удивилъ Софью Михайловну; такъ рѣдко случалось, чтобы Леонидъ чего-нибудь не помнилъ.

— Неужели ты забылъ? Да помнишь, мы зашли въ избу къ пчельнику, чтобы укрыться отъ дождя, и еще такъ долго сидѣли тамъ и говорили. Вотъ я такъ помню даже о чемъ мы говорили съ тобой: вспоминали о твоёмъ дѣтствѣ, о томъ какъ ты былъ боленъ въ скарлатинѣ... ты еще сказывалъ тогда, что вѣрно мнѣ тяжело было видѣть тебя больнымъ чѣмъ тебѣ самому переносить эту болѣзнь. Ну, теперь помнишь?

— Помню, отвѣчалъ онъ какъ-то нервнительно, какъ бы сомнѣваясь, помнитъ ли онъ это въ самомъ дѣлѣ, или это ему только такъ кажется.

Софья Михайловна пристально посмотрѣла на Леонида: „онъ скучаетъ!“ подумала она, и въ первую минуту мысль эта сильно ее встревожила. И такъ уже съ нѣкотораго времени ревнивой матери чаще и чаще стало западать въ голову опасеніе, что сынъ ея не можетъ постоянно и исключительно принадлежать ей одной. Придетъ наконецъ время, когда онъ полюбитъ и, быть-можетъ, полюбитъ сильно, такъ полюбитъ, что для иной привязанности въ его сердцѣ не будетъ уже мѣста. „Все это возможно, но этого

никогда не будетъ!¹⁴ успокоивала она себя, и ей нужно было себя успокоивать, потому что такія предположенія приводили ее въ ужасъ. Надобно отдать ей справедливость: она дорожила привязанностію сына не столько для себя, сколько для него же самого: ей казалось, какъ это кажется большей части любящихъ женщинъ, что счастье дорогаго имъ человѣка прочно и вѣрно только въ ихъ рукахъ: ну кто же другой можетъ его понять и оцѣнить? кто сумѣетъ его успокоить, приласкать, сказать ему вовремя слово утѣшенія?.. конечно, никто. Онъ увѣренъ, что только онъ сумѣетъ сберечь и охранить любимаго человѣка отъ всякой невзгоды. Софья Михайловна была убѣждена, что никто и никогда не пойметъ и не оцѣнитъ Леонида такъ какъ она, что никто такъ неусыпно и такъ исключительно не будетъ, да и не сумѣетъ позаботиться о его счастья. Вотъ какъ она представляла себѣ его будущность: прежде всего онъ будетъ очень образованный человѣкъ, нисколько однакожь не сухой; хорошія его качества должны непременно располагать къ нему всѣхъ, кто только его знаетъ; въ жизни самая лучшая дорога будетъ ему открыта; заботы обо всѣхъ удобствахъ его она, конечно, приметъ на себя. Она станетъ стараться, чтобъ онъ былъ спокоенъ и доволенъ, на сколько это достижимо. И онъ будетъ любить ее всѣми силами души, не столько даже изъ признательности сколько по влеченію; онъ будетъ любить ее больше, несравненно больше чѣмъ всѣхъ остальныхъ. Она сама выберетъ ему ту дѣвушку, которая должна посвятить ему свою жизнь; онъ изъ ея же рукъ приметъ жену, и за то еще болѣе станетъ любить свою мать. О возможности разстаться съ сыномъ Софья Михайловна никогда и не помышляла. Жизнь ея совершенно слилась съ его жизнью; она только имъ и дышала и вслѣдствіе того перешла къ заключенію, что вѣроятно и онъ точно также не можетъ жить безъ нея. Она современемъ будетъ руководить воспитаніемъ его дѣтей и раздѣлять съ Леонидомъ и его женой всѣ заботы по этому предмету. Но все это еще далеко, а пока онъ принадлежитъ ей, исключительно одной ей.

И вдругъ Софья Михайловна замѣтила, что Леонидъ скучаетъ. Она сильно задумалась и внимательно стала наблюдать за нимъ; ей хотѣлось, чтобъ онъ самъ заговорилъ и съ намѣреніемъ, или даже неумышленно, высказалъ

вое настроеніе. Но Леонидъ молчалъ и оставался разсѣланъ и задумчивъ. Больше часа она ждала, чтобъ онъ заговорилъ и все напрасно; наконецъ она сочла лишнимъ ждать долѣе. „Да можетъ-быть онъ и самъ не понимаетъ, что ему скучно,—такъ тѣмъ лучше,“ подумала она.

— Леонидъ, я теперь отдохнула, пойдемъ домой, сказала Софья Михайловна.

Леонидъ всталъ и, какъ бы говоря самъ съ собою, тихо сказалъ:—Какая тутъ гаушь! —

— А мнѣ это-то и нравится, перебила мать:—посмотри, какой славный видъ отсюда.

— Нѣтъ, я не о томъ говорю, но тутъ никого нѣтъ по сосѣдству....

— Такъ что же? спросила Софья Михайловна очень хладнокровно.

— Да вотъ мнѣ пришло сейчасъ въ голову какъ бы хорошо было ѣздить съ кѣмъ-нибудь на охоту съ собаками; а еще никогда такъ не охотился.

Леониду навернулось на языкъ это желаніе только при вопросѣ матери; сначала же ему просто хотѣлось, чтобъ было полюднѣй и потумнѣй. Софья Михайловна была очень рада, что мысли ея сына приняли такой оборотъ.

— Такъ что же? сказала она ему ласково:—это очень легко исполнить. Тутъ по сосѣдству, вѣроятно, найдется много охотниковъ изъ крѣпостныхъ или однодворцевъ; можно пригласить ихъ. Я достану тебѣ славныхъ охотничьихъ собакъ.

Леонидъ остался этимъ очень доволенъ, и всю дорогу проговорилъ объ охотѣ.

Софья Михайловна не только доставляла ему всѣ удовольствія, какихъ онъ желалъ, но и сама придумывала все что могла, чтобы только постоянно занимать и развлекать его. Она купила ему превосходныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей; онъ катался каждый день, часто ѣздил на охоту; иногда Софья Михайловна и сама отправлялась съ нимъ на рыбную ловлю, въ лодкѣ. вмѣсто отдыха, она садилась подлѣ него и читала ему какія-нибудь серьезные историческія сочиненія. Словомъ, она старалась, чтобы мальчикъ былъ занятъ съ утра до вечера и не имѣлъ времени скучать отъ бездѣйствія. „На лѣто ему станутъ занятій и развлеченій, думала она,—а на будущій годъ

я уже не повезу его сюда.“ Она понимала, что уже пора познакомиться Леонида съ обществомъ, но не хотѣла ввести его въ бывшій кругъ знакомыхъ своего покойнаго мужа, какъ бы боясь, что сынъ можетъ пойдти по стопамъ отца; а кругъ ея знатной родни, тетусекъ и бабушекъ, не могъ бы конечно удовлетворить Леонида. Софья Михайловна имѣла въ виду свою дальнюю родственницу, Ксенію Петровну Будакову, которую знала и уважала какъ женщину умную, добрую и образованную. У нея были, въ настоящее время, двѣ дочери: старшая лѣтъ девяти и младшая лѣтъ семи. Мать вѣжно любила обѣихъ дѣвочекъ, и для того, чтобъ исключительно посвятить себя дѣтямъ, она оставила столицу и переселилась въ деревню, находившуюся верстахъ въ четырехъ отъ маленькаго уѣзднаго городка, довольно чистенькаго и красиваго. Въ этомъ городкѣ находился источникъ минеральныхъ водъ, очень полезныхъ для золотушныхъ дѣтей, и потому Будакова переѣзжала въ городъ со всѣмъ семействомъ почти на все лѣто, что, впрочемъ, ни мало не мѣшало имъ пользоваться всѣми деревенскими удовольствіями.

Ксенія Петровна давно уже приглашала Бухарову провести вмѣстѣ съ нею лѣто, но та все откладывала эту поѣздку, извиняясь подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Наконецъ она сама напомнила своей родственницѣ о ея приглашеніи, обѣщаясь пріѣхать вмѣстѣ съ Леонидомъ и прогостить у нея цѣлое лѣто. Софья Михайловна не упустила изъ вида, что у Будаковой есть дочери; она знала ихъ обѣихъ, и была увѣрена, что современемъ онѣ будутъ дѣвушки съ добрыми наклонностями, хорошо образованныя и къ тому же очень богатая невѣсты. По праву родственницы, она не будетъ терять ихъ изъ вида, будетъ изучать образъ ихъ воспитанія, и ужь конечно не допуститъ себя ошибиться въ нихъ. Она заблаговременно постарается сблизить съ ними Леонида: сначала они свыкнутся, потомъ между ними установятся дружескія отношенія, а тамъ, очень естественно, дружба перейдетъ въ любовь, и такъ какъ никакихъ препятствій не предвидится, то они и будутъ счастливы. Вѣроятно, это будетъ Лелючка; потому что Ольга еще очень мала, да она и не такъ хороша собою, какъ ея старшая сестра.

II.

Софья Михайловна съ сыномъ отправились къ Будаковой. Уже стемнѣло, когда они вѣхали въ городъ. Карета ихъ оставилась у подъезда большаго деревяннаго дома. Ихъ встрѣтила привѣтливая хозяйка съ дѣтьми и двумя гувернантками, и вскорѣ все общество расположилось вокругъ самовара.

-- Какъ Леночка и Ольга выросли! замѣтила между прочимъ Бухарова.—Онѣ обѣ пополнили, и цвѣтъ лица сталъ у нихъ лучше.

— Ну, какъ я рада! отвѣчала заботливая мать:—онѣ довольно слабаго здоровья, и я не позволяю имъ много учиться; теперь онѣ только языками занимаются; вотъ М^{ме} Грау учитъ ихъ по-нѣмецки, а М^{lle} Коллѣ по-французски.—При этомъ хозяйка указала глазами сперва на пожилую Нѣмку, помѣщавшуюся между обѣими дѣвочками, а потомъ на молодую, вертлавую Француженку, довольно хорошенькую. Глаза Софьи Михайловны остановились на этой послѣдней. „Очень не дура!“ подумала она, всматриваясь въ ея оживленные каріе глаза, вздернутый носикъ и пунцовыя губы: „а должно быть кокетка! Она уже разъ десять успѣла взглянуть украдкой на Леонида... Ему уже восемнадцать лѣтъ, и онъ, какъ на зло, похорошѣлъ въ послѣднее время...“ Въ эту минуту М^{lle} Коллѣ привстала, чтобы достать хлѣба, и перегнулась надъ столомъ. Ея движенія отличались живою стію, но иногда могли казаться ужь слишкомъ рѣзкими. „И сложена не дура,“ замѣтила про себя Софья Михайловна. Она посмотрѣла на сына, а Леонидъ не успѣлъ еще и оглядѣться. Онъ обводилъ глазами вокругъ всей комнаты, поочередно разсматривая и воротничокъ на шеѣ хозяйки, и самоваръ, и рукавички М^{lle} Коллѣ, и картины, въ обиліи развѣшенныя по стѣнамъ, и собаку, бѣгавшую кругомъ стола. Казалось, ему до всего было дѣло.

— Леонидъ, ты вѣдь, конечно, помнишь Лелочку, спрашиваетъ его мать.

— Какъ же, маман, очень помню!

— А я васъ совсѣмъ не помню, отвѣчаетъ Лелочка, мелькомъ взглядывая на Леонида, причемъ сильно покрасѣла, потупилась и безпокойно завертѣлась на стулѣ.

— И я совсѣмъ не помню, подтверждаетъ Ольга, смотря въ глаза сестры и тоже конфузясь.

— Какія же вы деревенщины! замѣчаетъ Ксенія Петровна съ улыбкой:—что же вы конфузитесь вашего cousin?

— Это ничего не значить, ma tante, отвѣчаетъ Леонидъ, тоже слегка красѣя сверхъ всякаго ожиданія:—вѣдь онъ меня не знаютъ; а вотъ я постараюсь быть какъ можно любезнѣе, и тогда надѣюсь заслужить расположеніе моихъ кузинъ.

Mlle Коллѣ взглянула на него и одобрительно улыбнулась. Онъ тоже совершенно неожиданно посмотрѣлъ на нее, вмѣсто того чтобы взглянуть на своихъ маленькыхъ родственницъ.

На другой день все общество отправилось осматривать окрестности; вышли за городъ; дѣти съ гувернантками шли впереди, и Леонидъ присоединился къ нимъ. Mlle Коллѣ завязала разговоръ съ молодымъ человѣкомъ; она принялась спрашивать его о петербургскихъ новостяхъ, и хотя онъ почти никакихъ не зналъ, однако она осталась очень довольна его отвѣтами. Потомъ совершенно неожиданно обратилась она къ дѣтямъ, и сказала имъ: „Ну, вотъ, дѣти! я теперь расскажу вашему cousin всѣ ваши секреты.“

Дѣти съ крикомъ уцѣпились за нее и стали упрашивать, чтобы она ничего не говорила. Она бѣгала отъ нихъ, показывая видъ, будто хочетъ рассказать Леониду всѣ ихъ сокровенныя тайны, возилась и смѣялась съ ними точно ребенокъ.

— Посмотрите, какъ они веселы, замѣтила Ксенія Петровна, шедшая съ Бухаровой немного поодаль:—я очень рада, что Mlle Коллѣ такая живая: дѣтямъ никогда не бываетъ съ нею скучно.

— Да, она слишкомъ еще молода и едва ли способна заниматься серіозно съ дѣтьми.

— Нѣтъ, ничего; къ тому же вѣдь она не одна при нихъ, а Mlle Грау очень положительная и аккуратная Нѣмка. По-

французски же М^{lle} Кола́е учитъ ихъ очень исправно. Правда, это дѣлается какъ бы играя; но мнѣ именно это-то и нравится.

— А много онѣ у васъ учатся? спросила Софья Михайловна, думая совсѣмъ о другомъ.

— Нѣтъ, я уже говорила вамъ, что не позволяю имъ долго заниматься; а теперь на дѣто я и вакацію имъ дала.

— Какъ же онѣ проводить теперь время?

— Онѣ встаютъ очень рано, берутъ ванны и потомъ долго гуляютъ. Вотъ если Леонидъ охотникъ до раннихъ прогулокъ, то ему, можетъ-быть, было бы пріятно гулять вмѣстѣ съ ними.

— Конечно. А съ кѣмъ гуляютъ дѣти?

— Съ М^{ше} Грау. Сначала мои гувернантки хотѣли чередоваться, но М^{lle} Кола́е очень лѣнива рано вставать, такъ что М^{ше} Грау добровольно согласилась побаловать ее немножко и позволяетъ ей спать сколько угодно.

— Леонидъ вѣроятно съ удовольствіемъ будетъ гулять вмѣстѣ съ ними, сказала Софья Михайловна.

На другой день Леонидъ всталъ очень рано и отправился гулять вмѣстѣ съ дѣтьми. Они пришли въ общественный садъ, совершенно запустѣлый, красивый и живописный. М^{ше} Грау сѣла на скамейку и принялась работать; дѣти начали бѣгать, играть въ мячикъ и въ *серсо*; Леонидъ отошелъ подальше, утѣлся на травѣ подъ деревьями и принялся читать. Все время онъ не отрывался отъ этого занятія; только разъ, когда Лемочка подошла къ нему и спросила что онъ читаетъ, онъ сказалъ ей названіе книги и показалъ вѣнкетку на заглавномъ листѣ.

На слѣдующее утро, какъ только М^{ше} Грау стала одѣваться, чтобъ идти гулять съ дѣтьми, въ комнату ея впроруха М^{lle} Кола́е, совсѣмъ уже готовая.

— Это что такое? проговорила удивленная Нѣмка.

Въ отвѣтъ она получила множество ласкъ, а наконецъ услышала слѣдующее:

— Ахъ, моя милая, добрая М^{ше} Грау! вы не повѣрите какъ мнѣ совѣстно, что вы до сихъ поръ исполняли мою обязанность и вмѣсто меня гуляли съ дѣтьми. Но этого больше не будетъ, увѣряю васъ, никогда не будетъ. Вѣдь вы очень устаете, когда гуляете съ ними?

— Нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ очень; я только до-
вожу ихъ до сада, а тамъ за то все время сижу.

— Ахъ, бѣдная, милая М^{ше} Грау! Вы еще, пожалуй, мо-
гли простудиться. Мнѣ такъ совѣстно, такъ совѣстно...

— Да ничего, ничего. Въ другой разъ и вы для меня
что-нибудь сдѣлаете.

— Ну, конечно; все, что вы только захотите.

— А вы насчетъ прогулокъ не стѣсняйте себя: если вамъ
тяжело рано вставать, то я опять буду ходить за васъ съ
вами.

— Нѣтъ, душа моя, очень вамъ благодарна; я ужь не до-
пущу васъ до этого; мнѣ, право, такъ совѣстно.

— Ну, какъ хотите, отвѣчала добродушная М^{ше} Грау.—
Такъ вы идите съ дѣтьми, а я пока пошщу купить ягодъ;
мнѣ хочется сварить себѣ варенье.

— Пожалуста, и меня въ долю возьмите.

Говорливая Нѣмка распространилась было о вареньяхъ,
но М^{ше} Коллѣ убѣжала отъ нея, не давъ ей окончить на-
чатой фразы. Отправились; дѣти шли впередъ, взрослые
сзади. Леонидъ и М^{ше} Коллѣ говорили всю дорогу, такъ что для
обоихъ время прошло совершенно незамѣтно. Въ саду про-
сидѣли довольно долго, но Леонидъ и не раскрывалъ своей
книги. Француженка предложила прогуляться по городу, и
всѣ съ удовольствіемъ приняли это предложеніе.

— Вотъ пойдете на ту гору, сказала она:—оттуда дол-
женъ быть славный видъ.

Пока они медленно взбирались на гору, М^{ше} Коллѣ восхи-
щалась дѣтнимъ утромъ и утверждала, что нѣтъ ничего при-
ятнѣе раннихъ прогулокъ.

— Такъ отчего жь вы прежде-то никогда не гуляли съ
нами? спросила Леночка, подсмѣиваясь.

— Не перебивайте, когда большіе говорятъ, замѣтила ей
строго гувернантка.

Ольга весело проговорила:

— А я знаю, почему вы пошла сегодня съ нами гулять,
знаю, знаю...

М^{ше} Коллѣ остановилась какъ вкопаная, даже Леночка
какъ будто чего-то испугалась.

— Вы оттого пошла, что М^{ше} Грау хочетъ варенье ва-
рить; я слышала, я все слышала.

М^{ше} Коллѣ, не говоря ни слова, пошла дальше.

„Какая она добрая!“ подумалъ Леонидъ: „правда, тутъ еще большой доброты не видно, если она сама очень любить гулять по утрамъ. Но все же она, вѣрно, очень добрая,“ заключилъ онъ наконецъ, Богъ знаетъ почему.

Взойдя на гору, они были поражены замѣчательно красивымъ видомъ, развернувшимся передъ ихъ глазами. У подошвы горы текла широкая, спокойная рѣка; на противоположномъ берегу, до самаго горизонта, тянулась зеленая равнина, по которой мѣстами видѣлись живописныя усадьбы. Но всего болѣе привлекали къ себѣ общее вниманіе домикъ и садъ, расположенные на верху горы, передъ которыми они вдругъ очутились. М^{lle} Коллѣ и Леонидъ невольно остановились въ совершенномъ восторгѣ. Домикъ былъ маленькій, деревянный, но такой веселенькій, свѣтлый, чистый, что одинъ видъ его успокоительно дѣйствовалъ на душу. Садъ былъ испещренъ самыми разнообразными цвѣтами и кустарниками. Узкія песчаныя дорожки терялись между безчисленнымъ множествомъ наклоненныхъ цвѣточныхъ головокъ. Всевозможные цвѣта и оттѣнки перемѣшивались, сливались и составляли что-то фантастически-затѣйливое. Весь садикъ казался сплошною массой и былъ какъ бисеромъ засыпанъ цвѣтами.

— Ахъ, какъ это хорошо! какъ это мило! какъ очаровательно! повторяла восхищенная М^{lle} Коллѣ.—О, еслибы можно было достать букетъ изъ этихъ цвѣтовъ! прибавила она такимъ безнадежнымъ тономъ, какъ будто пожелала достать себѣ звѣзды или луну.

— Это, я думаю, можно сдѣлать, вмѣшался Леонидъ:— тутъ, вѣрно, есть и для продажи цвѣты; я сейчасъ спрошу.

— Какъ же вы это сдѣлаете? Развѣ это можно?

Леонидъ замаялся немного.—Я думаю, что можно; вѣрно, можно, сказалъ онъ.

— Ну, если вы это сдѣлаете, такъ это будетъ самый любезный рыцарскій поступокъ, проговорила Француженка, кокетливо улыбаясь.

Леонидъ рванулся впередъ.

— У васъ будетъ этотъ букетъ, непременно будетъ! произнесъ онъ, вспыхнувъ отъ волненія.

Въ одинъ прыжокъ онъ былъ уже у воротъ, вошелъ на дворъ, приблизился къ дому. Дверь была заперта, а звонка нѣтъ. Стучаться показалось ему неучтивымъ: хозяева, мо-

жетъ-быть, еще спать; пожалуй, весь домъ перебудешь! А рыцарскій-то поступокъ надо же совершить. Да неужели нельзя прямо въ садъ пройти? Тамъ, вѣроятно, найдется какой-нибудь садовникъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Леонидъ не долго думалъ: онъ обошелъ вокругъ дома, и действительно увидѣлъ маленькую калитку, которая вела въ садъ. Отворяетъ, входитъ, идетъ дальше, и вотъ передъ нимъ стройная женская фигура, съ лейкой въ рукахъ, наклоненная надъ цвѣтами. Одѣта она очень просто: темное ситцевое платье, коленкоровый червый фартукъ, но на шеѣ нѣтъ платка, непремѣнной принадлежности всѣхъ русскихъ служанокъ; узоръ ситца очень красивъ и платье шито съ большимъ вкусомъ; волосы у молодой женщины были еще не причесаны и едва сдерживались маленькою гребенкой. При видѣ незнакомца она остановилась, посмотрѣла на него очень спокойно и вѣжливо спросила чего ему надо.

— Я хотѣлъ спросить... мнѣ поручили узнать, чей это садъ?

— Моего дѣдушки, Степана Николаича Валенина.

— Такъ не можете ли вы мнѣ сказать... меня тоже просили узнать... не продаются ли здѣсь цвѣты?

— Продаются. Вамъ какихъ угодно?

— Мнѣ хотѣлось бы имѣть букетъ...

— Очень хорошо; я сейчасъ приготовлю вамъ его.

— Помилуйте, зачѣмъ же вамъ самимъ беспокоиться?

— Ничего, я очень люблю заниматься цвѣтами.

Она достала изъ кармана большія старыя ножницы, потомъ клубокъ толстыхъ суровыхъ нитокъ, и принялась за дѣло. Леонидъ все время не спускалъ съ нея глазъ; это была молодая дѣвушка лѣтъ семнадцати. Казалось, она заимствовала отъ окружающихъ ее цвѣтовъ всю ихъ свѣжесть и привлекательность; каждое ея движеніе было полно граціи; ея выразительные, грустные глаза точно ласкали своимъ бархатнымъ взглядомъ. Подъ ея ножницами цвѣты падали одинъ за другимъ; она собирала ихъ въ свой фартукъ, и когда ихъ набралось достаточно, усѣлась на траву и начала составлять букетъ.

— Посмотрите, какіе славные аютины глазки, сказала она, показывая цвѣты Леониду;—такіе бархатистые... и какъ я много срѣзаю ихъ въ эти дни!

— И вамъ ихъ не жаль?

— Немножко жаль, да что же дѣлать! А вотъ нарцисовъ въ нынѣшнемъ году такъ очень много, оттого я ихъ не жалю посмотрите сколько я нарѣзала ихъ для вашего букета, прибавила она, улыбаясь.

— Вотъ онъ и готовъ, проговорила дѣвушка, подавая Леониду свѣжій, благоухающій букетъ.

„Господи Боже мой! Ну какъ я спрошу у нея, что онъ стоить?“ думалъ Леонидъ въ полномъ отчаяніи: „да у меня силъ не хватитъ... что жь я теперь буду дѣлать?..“ Къ счастью, дѣвушка сама вывела его изъ этого затрудненія.

— Это стоить тридцать пять копѣекъ ассигнаціями, сказала она очень просто.

— Какъ неужели только?.. Какъ это мало!.. Это очень дешево...

Молодая дѣвушка съ улыбкой посмотрѣла на него. Леонидъ спохватился, что все сказанное имъ было совершенно лишнимъ; онъ умоля, торопливо досталъ изъ кошелька два пяточка и былъ очень радъ, что они по крайней мѣрѣ оказались хоть новенькими. Онъ робко и конфузясь подалъ ей эти деньги; она, все также улыбаясь, взяла и положила ихъ въ карманъ. Леонидъ откланялся и пошелъ изъ сада; уходя, онъ нѣсколько разъ оборачивался назадъ.

— Ахъ, мсье Леонидъ, какъ я вамъ благодарна!.. какъ это мило съ вашей стороны!.. какъ вы любезны!.. разразилась М^{ме} Коллѣ неудержимымъ потокомъ благодарностей, когда Леонидъ молча подалъ ей букетъ. Она даже не спросила, какимъ образомъ онъ досталъ его; больше всего занимало ее то, что молодой человѣкъ досталъ этотъ букетъ для нея, и что онъ былъ очень радъ чѣмъ-нибудь услужить ей. Юноша, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, вѣроятно самъ бы разказалъ какъ все было; но его говорящая собесѣдница не дала ему ватовремени. Она болтала о цвѣтахъ и о букетахъ, о садахъ и лѣсахъ, о деревенской и городской жизни, наконецъ о нечувствительности и холодности молодыхъ людей, о чувствительности и нѣжности молодыхъ дѣвушекъ. Время шло такъ быстро, что они и не замѣтили какъ вернулись домой. М^{ме} Коллѣ пошла показывать свой трофей Софьѣ Михайловнѣ и Ксеніи Петровнѣ; обѣ дамы похвалили Леонида за изящный вкусъ. Софья Михайловна даже минутъ

десять продержала этотъ букетъ въ рукахъ, внимательно разсматривая его со всѣхъ сторонъ и разговаривая въ то же время съ М^{lle} Коллѣ; она видимо жалала узнать ее поближе. „Ну, что же за бѣда, если она ему нравится?“ думала заботливая мать: „нѣтъ, это не такая дѣвушка, которая могла бы внушить ему сильную и прочную привязанность; а если онъ станетъ только ухаживать за ней... ну, въ этомъ большой бѣды еще не будетъ...“

По поводу букета, Леонидъ хотѣлъ было разказать матери какъ онъ ему достался; но ему вдругъ пришло въ голову, что онъ не сумѣетъ передать все такъ какъ было, да еще сверхъ того обществу можетъ показаться страннымъ, что до сихъ поръ онъ не сказалъ о томъ ни слова М^{lle} Коллѣ... Кончилось тѣмъ, что Леонидъ не упомянулъ о встрѣченной имъ дѣвушкѣ. Въ другой разъ онъ все разкажетъ, какъ только опять увидитъ ее,—а увидитъ-то онъ ее непременно...

III.

Степанъ Николаевичъ Валенинъ давно уже поселился въ узвномъ городкѣ ***. Старики могли бы припомнить, какъ онъ перебрался туда съ молодою женой. Прошло нѣскольکو лѣтъ,—онъ овдовѣлъ. У него остался сынъ, и для воспитанія этого мальчика Валенинъ принужденъ былъ переселить въ себя врожденную гордость и обратиться съ просьбою о помощи къ своимъ богатымъ роднымъ. Одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, жившій постоянно въ Москвѣ, доставилъ ему незначительное частное мѣстечко въ этой столицѣ, а сына взялъ къ себѣ и далъ ему порядочное по тому времени воспитаніе. Молодой человѣкъ полюбилъ дѣвушку безъ всякаго состоянія. Дядя и слышать не хотѣлъ объ этомъ бракѣ; онъ предложилъ своему молбдому родственнику выбирать между имъ и своею невѣстой. Племянникъ, не задумываясь, женился. Тогда дядя отказался отъ него, назвалъ его неблагодарнымъ и низкимъ человекомъ, змѣей, которую онъ отогрѣлъ у своего сердца.

Старый Валенинъ тоже лишился своего мѣста, и послѣ свадьбы всѣ вмѣстѣ отправились снова на житье въ свой

родной маленькій городокъ. вмѣсто стараго полуразвалившагося дома, выстроили новый, маленькій, но уютный. И отецъ, и сынъ, оба пристроились къ мѣсту, и сначала все шло хорошо. Скоро старику Богъ далъ внучку; назвали ее Машенькой. Отецъ и мать не могли наглядѣться на нее, любовались ею, ласкали ее, только и говорили о томъ какъ-то она вырастетъ, какая она будетъ добрая и милая, какъ будетъ ихъ утѣшать и какъ сама будетъ счастлива,—и они тоже будутъ счастливы, — и дѣдушка, и весь мѣръ будетъ счастливъ!

А старый-то дѣдушка заболѣлъ: съ нимъ приключился параличъ. Мѣсто свое онъ, конечно, долженъ былъ оставить, и бѣдный старикъ сокрушался всего болѣе о томъ, что будетъ въ тягость своимъ дѣтямъ. Въ самомъ дѣлѣ, болѣзнь старика довела ихъ почти до нищеты: доходъ убавился, а расходы съ каждымъ днемъ увеличивались. Прежде у нихъ былъ очень простой, но по крайней мѣрѣ сытный столъ, а теперь приходилось часто голодать. Платья износились, а новыхъ пошить было не на что. Машенькѣ приходилось бѣгать въ худыхъ башмачкахъ, а иногда и въ разорванномъ, запачканномъ платьицѣ. Мать ея не плакала, но сердце ея постоянно ныло; пропала веселость, надежда на счастье, — осталась одна робкая, томительная грусть. Мужъ ея все это видѣлъ и доходилъ до отчаянiя.

Онъ мучился глядя на нее; она еще болѣе страдала, видя его мученiя. Чахли, чахли, да скоро и поспѣдовали въ могилу одинъ за другимъ. Машенька осталась послѣ нихъ лѣтъ двѣнадцати. Узнавъ о смерти непокорнаго племянника, богатый дядя сжалился наконецъ надъ старымъ Степаномъ Николаевичемъ, разбитымъ болѣзнию и горемъ, и написалъ къ нему письмо. Онъ говорилъ, что прощаетъ старику его слабость; готовъ даже примириться съ нимъ; что же касается до его непокорнаго сына, то само небо наказало его за непослушанiе. „А тебя, старика, я не забуду, приписывалъ онъ, до самой твоей смерти буду высылать тебѣ ежегодно по триста рублей ассигнаціями. О твоей внуцкѣ я заботиться не намѣренъ, а совѣтую тебѣ не баловать ея, чтобъ она не вышла такою же безпутною, какъ былъ ея отецъ.“ Дѣдушка былъ очень радъ, что его внуцкѣ будетъ чѣмъ жить. Еслибы можно было, продлилъ бы онъ свою

жизнь еще на долгіе, долгіе годы, и все бы скрипѣлъ да скрипѣлъ для нея голубушки.

Но что жь ему было съ Машенькой-то дѣлать? Дѣвочка не маленькая; какъ и куда ее пристроить? Да и разставаться-то ему съ ней не хотѣлось: только одно и утѣшеніе, одна и отрада, что ея добрые, любящіе глазки. Къ счастью для старика, а еще больше для бѣдной дѣвочки, въ этомъ городѣ у откупщика помѣстилась въ гувернантки дальняя родственница Машеньки, Анна Андреевна Банова. Это была дѣвушка лѣтъ восемнадцать, хотя на видѣ ей казалось гораздо больше, высокая, широкоплечая, съ крупными и правильными чертами лица. Она была совершенно одна и ни отъ кого не зависѣла. Сознаніе собственныхъ силъ и твердая вѣра, что ни при какихъ обстоятельствахъ жизни она не падеть духомъ, придавали ей невозмутимое спокойствіе; она такъ бодро, пожалуй даже такъ дерзко смотрѣла жизни прямо въ глаза, что не могла не уважать къ себѣ уваженія окружавшимъ ее людямъ. Поселившись въ городѣ ***, Анна Андреевна навѣстила своихъ родственниковъ Валениныхъ. Машенька съ перваго взгляда очень понравилась ей, и она пожелала сдѣлать для нея что-нибудь полезное.

— Послушайте, дѣдушка, сказала она: — отпустайте ко мнѣ пожалуста Машеньку каждый день; она бы стала у меня учиться, а это было бы ей очень полезно.

— Родная вы моя, проговорилъ растроганный старикъ: — дай вамъ Богъ здоровья. Вы ей первая благодѣтельница будете. Ужь вы не оставляйте ее, матушка, вѣдь она у меня... что жь она?.. вѣдь сиротка...

Машенька каждый день стала ходить къ Аннѣ Андреевнѣ.

Ее въ семействѣ слишкомъ заюбили и слишкомъ изнѣжили морально. Съ утра до вечера ее ласкали, за нее огорчались, надъ нею плакали. Отъ всѣхъ окружающихъ она видѣла самую трогательную нѣжность. А потому каждый равнодушный взглядъ, каждое обыкновенное слово, чуть-чуть не совсѣмъ ласковое, тяжело ложилось ей на душу. Въ ней было что-то сиротливое и страдальческое, и Анна Андреевна поставила себѣ первую цѣль изгладить въ дѣвочкѣ слѣды ея первоначальнаго воспитанія. Машенька вскорѣ убѣдилась на дѣлѣ, что можно быть очень добрымъ человекомъ и

обращаться съ людьми очень просто и равнодушно, даже холодно. Мало-по-малу она освободилась отъ своей прежней робости и застѣнчивости. Она не была уже такою впечатлительною и пугливою какъ прежде; даже ея нервы укрѣпились. Анна Андреевна заботилась только объ одномъ: „что же будетъ со временемъ изъ Маши?“ Она стала наблюдать ея свойства и наклонности, и замѣтила въ ней страсть къ цвѣтамъ. Анна Андреевна задумала развить эту страсть, выписала для своей воспитанницы небольшой курсъ ботаники, нѣсколько руководствъ для воздѣлыванія цвѣтовъ, нѣсколько сортовъ цвѣточныхъ сѣменъ, уговорила дѣдушку нанять для Машеньки работника на лѣто и отдать въ полное ея распоряженіе весь садикъ принадлежавшій къ его дому. Вскорѣ этотъ садикъ превратился въ нестрѣй, красивый цвѣтникъ, въ которомъ Машенька почти безвыходно проводила все лѣто. Зимой она читала, работала, изучала ботанику и занималась цвѣтами, остававшимися въ комнатахъ. А дѣдушка былъ радъ, что внучка его проводила съ нимъ цѣлые дни. Впрочемъ и лѣтомъ она его не забывала, и разъ двадцать на день подбѣжить къ его окну, постучится, поговорить о чемъ-нибудь, или бросить къ нему на постель какой-нибудь цвѣтокъ: „посмотрите, дѣдушка, какой хорошенькій! Давы его понюхайте, какъ онъ хорошо пахнетъ! Попробуйте-ка его въ табакерку положить.“ Дѣдушка слушался, клалъ цвѣтокъ въ табакерку, а самъ ужь, конечно, гораздо болѣе любоваался хорошенькимъ личикомъ, ласково глядѣвшимъ на него въ окно, чѣмъ этимъ красивымъ и пахучимъ цвѣткомъ.

Когда Машенька развела цвѣтовъ вдоволь, то, по совѣту Анны Андреевны, стала продавать ихъ и для пересадки, и букетами. Ее очень занимало, что она имѣетъ свои собственные маленькіе доходы, и что труды ея не пропадаютъ даромъ. Однимъ изъ обычныхъ покупателей ея букетовъ былъ Иванъ Ивановичъ Травкинъ, писецъ уѣзднаго суда. Одинъ разъ, вернувшись изъ сада и, по обыкновенію, принимая стаканъ чаю изъ рукъ старушки-матери, онъ вдругъ совершенно неожиданно замѣтилъ ей:

— Ахъ, маменька, еслибъ у насъ въ домѣ была молодая хозяйка!

— Ну что жь, Ванюшка, какъ ты женишься, такъ и будетъ молодая хозяйка, отвѣчала старушка, вовсе не обижаясь недостаткомъ для нея желаніемъ сына.

— Да вѣдь вы знаете, маменька, что мнѣ теперь нельзя жениться; надо ждать пока я столоначальника получу, а когда еще это будетъ?

— Ничего, Ванючка, подожди еще годика два, три; вѣдь ты еще очень молодъ.

— Нѣтъ, маменька, не то вы говорите: я оттого только жениться теперь не могу, что мнѣ нечѣмъ будетъ жену содержать.

— Ну, я объ этомъ-то и говорю.

— Ахъ, еслибъ я былъ столоначальникъ!—Иванъ Ивановичъ вздохнулъ еще сильнѣе прежняго.

— Такъ что же бы такое? Развѣ у тебя ужъ есть кто-нибудь на примѣтъ?

— Ахъ, маменька, вы мнѣ лучше объ этомъ не говорите-съ! отвѣчала ей сынъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Да кто жь это, Ванючка, я и ума не приложу, спрашивала заинтересованная и удивленная мать.

— Нѣтъ, маменька, я ужъ лучше вамъ ничего не скажу-съ. Еслибы только я вамъ ее назвалъ... да нѣтъ, вы не поймете; честное слово, ничего не поймете. Вы пожалуйста не огорчайтесь, что я вамъ это такъ прямо говорю-съ.

Вздохи становились все глубже и глубже.

— Ну, какъ хочешь, Ванючка, отвѣчала обиженная старушка:—Богъ съ тобой, дѣлай какъ знаешь, только у всѣхъ у добрыхъ людей водится такъ, что если есть кто на примѣтъ, такъ объ этомъ прежде всего родной матери говорятъ.

— Ну, такъ и быть, маменька, я вамъ пожалуй скажу; только вы ее вовсе не знаете и ничего не поймете-съ.

— Да ну, говори, говори, торопила его мать, нетерпѣливо желавшая услышать новость.—Кого бы, кажется, мнѣ тутъ не знать? У меня всѣ городскія невѣсты на перечетѣ.

— Вотъ видите ли, маменька, это... это Марья Васильевна Валенина.

— Марья Василь... какая это бишь Валенина? Я и не припомню.

— Ахъ, маменька, какой это ангель-съ!

Послѣ этого перваго объясненія Иванъ Ивановичъ сталъ откровеннѣе съ матерью, найдя въ ней сильное сочувствіе и желаніе чѣмъ-нибудь утѣшить сына. Онъ сталъ повѣрять ей всѣ свои тайны, разказывалъ ей каждый разъ когда видался съ Машенькой, было ли то въ церкви, или на ули-

цѣ, или въ ея садикѣ. Посѣщалъ онъ этотъ садикъ аккуратно два раза въ недѣлю, и каждый разъ входилъ туда какимъ-то оторопѣлымъ, несчастнымъ, испуганнымъ.

— Марья Васильевна!.. будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ букетикъ-съ, говорилъ онъ, и голосъ его прерывался, и онъ долженъ былъ собрать всѣ свои силы, чтобы продолжать:— только вы знаете, маленькій-съ...

Машенька тщательно составляла маленькій букетикъ, потому ласково подавала его Травкину, обмѣнивалась съ нимъ нѣсколькими словами, раскланивалась очень радушно, и онъ уходилъ.

Счастливымъ или несчастнымъ уходилъ онъ—Богъ его знаетъ, только шагаль онъ какъ-то особенно быстро и усердно; одна рука размахивалась какъ крыло у вѣтраной мельницы, а въ другой онъ держалъ букетъ и несъ его съ такимъ неестественнымъ напряженіемъ, будто подымалъ трехпудовую гиру. Приходя домой онъ отдавалъ букетъ матери.

— Вотъ, маменька, спрячьте его. Вѣдь это *я* букетикъ-то.....

Онъ прибавлялъ это тихимъ, задумчивымъ голосомъ и принимался горячо цѣловать и обнимать добрую растроганную старушку. Она высушивала каждый изъ этихъ букетиковъ и берегла ихъ для Ваночки.

— Анета, мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой, сказала одинъ разъ Машенька своей бывшей наставницѣ, а теперешней подругѣ. Вотъ видишь ли, я замѣтила.....—Она начала было очень серьезно, но кончила тѣмъ, что улыbnлась.—Я замѣтила, что Травкинъ въ меня влюбленъ.

— Ну такъ что же? спросила Анна Андреевна, смотря ей прямо въ глаза.

— Да ничего. Я хотѣла только попросить у тебя совѣта что мнѣ дѣлать?

— Да ты-то его любишь?

— Нѣтъ, не люблю, и не могу любить.

— Я это знаю.

— Такъ что же мнѣ дѣлать?

— Да ничего.

IV.

М^{ме} Грау сварила свое варенье, и на другой день сама повела дѣтей гулять. На этотъ разъ Леонидъ опять запасся книгой, и прогулка прошла для него также какъ и въ первый день. М^{ме} Грау изъ сада не выходила, а ему было какъ-то совѣстно уйти одному. Вернувшись домой, онъ былъ не въ духѣ, но М^{lle} Коллѣ предложила ему читать что-то вмѣстѣ, и онъ совершенно развлекся. Они долго говорили и спорили, и день прошел незамѣтно. На слѣдующее утро настала очередь молодой Француженки, и она несколько не поспѣшила встать пораньше. Леонидъ проснулся тоже въ очень веселомъ расположеніи духа, и особенно тщательно занялся своимъ туалетомъ. Онъ не бралъ съ собой книги и, разговаривая очень весело, предложилъ пойти гулять по городу, а дойдя до известнаго садика, спросилъ у М^{lle} Коллѣ позволенія принести ей букетъ цвѣтовъ. Получивъ это позволеніе, онъ пробрался въ цвѣтникъ знакомою ему дорожкой, и нашелъ тамъ Марью Васильевну занятую цвѣтами.

— Будьте такъ добры, сдѣлайте мнѣ букетъ, сказалъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ.

— Сейчасъ. Такой же какъ и въ тотъ разъ?

— Да, сдѣлайте одолженіе, такой же... впрочемъ это какъ вамъ угодно, мнѣ все равно.... я вполнѣ полагаюсь на вашу вкусъ. „Вотъ я сейчасъ находилъ глаза М^{lle} Коллѣ очень хорошенькими, думалъ онъ про себя, ну какое же сравненіе съ ея-то глазами... У той глаза тоже блестятъ, но какая разница! У этой глаза... какъ звѣзды, а у той какъ свѣчки.“

Букетъ былъ почти уже готовъ, а Машенька не сказала еще ни слова.

— Если это васъ не затруднитъ, то пожауйста сдѣлайте еще два букета... мнѣ нужно....

Говоря это, Леонидъ сильно сконфузился.

— Въ такомъ случаѣ помогите мнѣ; я стану срѣзывать цвѣты, а вы ихъ держите. Тогда это скорѣй пойдетъ.

— Съ удовольвіемъ, отвѣчалъ онъ. — Вы, вѣроятно, очень любите цвѣты?

— Да, я ихъ очень люблю.

— Какъ у васъ здѣсь все въ порядкѣ... какъ хорошо!..

— Да, и никто не хочетъ мнѣ вѣрить, что у меня тутъ работаютъ только два работника, да еще какіе... ихъ никто не хотѣлъ навимать, потому что они ни ни какую работу не годны.

— Отчего же такъ?

— Одинъ хромоу, а у другаго лѣвая рука вся высохла.

— Бѣдвые... А вашъ дѣдушка самъ не занимается цвѣтами?

— Нѣтъ, онъ не можетъ; ему даже нельзя выходить изъ комнаты: вѣдь онъ въ параличѣ.

— Ахъ, какое несчаствіе! проговорилъ Леонидъ съ горячимъ сочувствіемъ:—и вы съ нимъ одни, совершенно одни?

— Одна; такъ что же?

— Но вамъ его, должно-быть, такъ жаль... такъ грустно видѣть его въ такомъ положеніи...

Машенька ничего не отвѣчала; Леонидъ сдѣлался задумчивъ и тоже ничего не говорилъ. Получивъ всѣ три букета, онъ молча простился и вышелъ.

Mlle Колаѣ приняла свой букетъ съ большимъ удовольвіемъ. „А это кому же?“, спросила она.

— Маман и тетенькѣ. Девочка! Ольга! хотите вы отдать эти букеты нашимъ мамашамъ?

Обѣ дѣвочки даже покраснѣли отъ радости.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Что это съ вами, М. Леонидъ? отчего вы такой задумчивый?

— Я?... нисколько.

— Нѣтъ, вы, право, чѣмъ-то очень озабочены.

— Увѣряю васъ, нисколько.

Онъ ушелъ немного впередъ и нѣсколько минутъ шелъ одинъ. Потому онъ присоединился къ остальному обществу: его влекло непреодолимое желаніе поговорить объ извѣстномъ ему садикѣ.

— Знаете кто занимается этимъ садикомъ? спросилъ онъ Mlle Колаѣ.

— А кто?

— То-есть, кто его обрабатываетъ, хотѣлъ я сказать; два больные работника: одинъ—хромой, а другой—безрукій.

Его собесѣдница громко засмѣялась.

— Откуда же это набрали такихъ? спросила она, не переставая смѣяться.

— Не понимаю что вамъ кажется такъ забавнымъ, отвѣчалъ Леонидъ, нѣсколько обиженнымъ тономъ.—Я не вижу ничего смѣшнаго въ томъ, что двумъ несчастнымъ дается возможность честнымъ трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ.

— Я нисколько не желаю васъ обидѣть, отвѣчала Француженка весело и шутя:—но вѣдь это право очень смѣшно.—И она снова засмѣялась.—Ну, а скажите пожалуйста, кто содержитъ этотъ садикъ? спросила она, желая наконецъ смягчить Леонида.

— Валенинъ, отвѣчалъ онъ очень коротко.

— Что, онъ молодой человѣкъ?

— Напротивъ, это дряхлый старикъ въ параличѣ, отвѣчалъ Леонидъ.

Mlle Коллѣ разразилась такимъ громкимъ смѣхомъ, что онъ остановился какъ вкопанный.

— Вотъ это мило! вотъ прекрасно! повторяла она, продолжая истерически хохотать:—паралитикъ, хромой и безрукій! Ха, ха, ха! Нѣтъ ли тамъ еще слѣпыхъ, нѣмыхъ и глухихъ?... Вотъ милое собраніе всѣхъ недуговъ! Вѣдь этого нарочно не придумаешь! Каковы три граціи! Ха, ха, ха!

Mlle Коллѣ не замѣчала ни полного негодованія Леонида, ни того, что ея громкій смѣхъ обращалъ на нее вниманіе всѣхъ проходящихъ. Въ ея живомъ воображеніи рисовались три типа до такой степени смѣшные, что она была рѣшительно не въ силахъ сдержать свой неукротимый громкій смѣхъ.

— Да за что же вы на меня сердитесь? обратилась она наконецъ къ Леониду, и это разсмѣшило ее еще болѣе:—развѣ я виновата? Будто это я ихъ такъ изуродовала? Ха, ха, ха! Да я этого въ жизнь не забуду. Я думаю, когда они покажутся втроемъ въ садъ, такъ всѣ воробьи разомъ разлетятся. Ха, ха, ха!

Леонидъ потерялъ всякое терпѣніе; онъ гордо и свысока посмотрѣлъ на свою смѣющуюся собесѣдницу. Онъ даже былъ

столько неучтивъ, что круто повернулъ голову и ушелъ впередъ, оставивъ Мlle Коллэ одну съ дѣтьми. Сзади его раздавался взрывъ самаго веселаго и возбуждающаго смѣха.

Онъ вернулся домой одинъ; вслѣдъ за нимъ пришли и всѣ остальные. Мlle Коллэ разказала Софьѣ Михайловнѣ и Ксеніи Петровнѣ съ неподражаемымъ юморомъ о томъ, какъ и почему разсердился на нее Леонидъ; она пересказала весь ихъ разговоръ въ такомъ комическомъ видѣ; наговорила имъ столько вздору и столько забавныхъ вещей, что слушательницы невольно должны были смѣяться. Леонидъ, присутствовавшій при всемъ этомъ, не возражалъ ни слова, но хмурился все болѣе и болѣе. Въ продолженіе всего остальнаго дня онъ былъ угрюмъ и мраченъ, какъ громовая туча, и только къ вечеру молодая Француженка успѣла примирить его съ собою своею милою и нелицеприятною любезностью и веселостью.

На другое утро очередь была за Мlle Грау идти на прогулку съ дѣтьми. Леонидъ проводилъ ихъ до городского сада, а самъ пошелъ къ Валевинымъ. Машеньку онъ опять засталъ въ саду. Попросивъ ее сдѣлать букетъ, онъ сказалъ, что теперь, въроятно, каждый день будетъ беспокоить ее подобною просьбой, потому что ея букеты очень нравятся его матери. При этомъ случая онъ заговаривалъ о своей маман, и о своей теткѣ, и о самомъ себѣ, и какъ они сюда пріѣхали, и какъ долго еще оставятся; потомъ онъ разспрашивалъ Машеньку обо всѣхъ ея семейныхъ обстоятельствахъ и о ней самой. Однимъ словомъ, онъ старался изъ всѣхъ силъ облизиться съ нею, на сколько это было возможно. Букетъ былъ давно уже готовъ, а онъ все еще не могъ рѣшиться уйти. Изъ садика онъ пошелъ прямо къ рѣкѣ и бросилъ букетъ въ воду; ему пришло въ голову, что если онъ каждый день будетъ возвращаться домой съ букетами, то это можетъ возбудить подозрѣніе. Весь остальной день онъ былъ очень веселъ, и Мlle Коллэ замѣтила ему, что онъ гораздо умнѣе и милѣе нежели какъ былъ вчера.

На другой день была ея очередь гулять съ дѣтьми, и Леонидъ тоже пошелъ съ ними. Мlle Коллэ представилось, что въ послѣднее время онъ сталъ капризенъ и своенравенъ.

„А вотъ я его исправлю,“ говорила она себѣ съ торже-

ствующею миной, стоя передъ зеркаломъ; „я тоже начну съ нимъ капризничать: увидимъ, чей будетъ верхъ...“

Дошли до сада, М^{ше} Коллѣ расположилась въ немъ и сказала дѣтямъ, чтобы они играли.

— Неужели вы хотите тутъ остаться? спросилъ Леонидъ: — пойдемте лучше по городу.

— Не хочу.

— Развѣ вы устали? снова спросилъ Леонидъ.

— Нѣтъ, не устала.

— Такъ отчего жѣ вы не хотите идти?

— Такъ, не хочу, отвѣчала Француженка, дѣлая капризную и самоувѣренную мишку, противъ которой, по ея мнѣнiю, невозможно было устоять.

— Въ такомъ случаѣ я пойду одинъ, сказалъ Леонидъ очень просто, раскаяваясь и ушелъ.

М^{ше} Коллѣ осталась, какъ громомъ пораженная; она посмотрѣла вслѣдъ Леониду; потомъ, не имѣя силъ сдерживать досаду и краснѣя до ушей, проговорила въ полголоса: „Какой капризный!... мальчишка!...“ Она очевидно хотѣла, чтобы молодой человѣкъ слышалъ это, но онъ былъ уже далеко. Какъ только онъ потерялъ изъ вида своихъ спутницъ, лицо его приняло самое веселое и довольно выраженiе: онъ былъ такъ радъ, что пошелъ одинъ и что ему можно будетъ остаться у Марьи Васильевны сколько захочется. На этотъ разъ они встрѣтились какъ старые знакомые. Машенька принялась дѣлать ему букетъ, а онъ разспрашивалъ ее о ея занятiяхъ, о томъ, какъ она проводитъ время, любитъ ли она читать, и много ли читаетъ?

— Очень люблю, только мнѣ трудно доставать книги, отвѣчала на послѣднiй вопросъ дѣвушка.

— Такъ позвольте мнѣ доставать вамъ книги. Хотите, я вамъ завтра же принесу?

Леонидъ былъ такъ радъ случаю услужить ей чѣмъ-нибудь, что даже покраснѣлъ отъ удовольствiя. Машенька съ благодарностию приняла его предложенiе.

— Я вамъ принесу очень хорошую книгу; въ ней нѣсколько повѣстей и разказовъ; я отыщу самые лучшие изъ нихъ... иди нѣтъ, лучше вы прочтите ихъ всѣ къ ряду, а потомъ скажите мнѣ, какiе вамъ больше понравятся. Я

увѣрять, что это будутъ тѣ самые, которые и я выхожу лучшими.

— Почему же вы такъ думаете? спросила Машенька уныбаясь.

— Да такъ мнѣ кажется... Отчего бы намъ не сойтись въ нашихъ сужденіяхъ?

Леонидъ такъ сконфузился, что не нашелъ сказать ничего лучшаго. По его просьбѣ, она водила его по всему саду, и показывала свои любимыя цвѣты. Леонидъ разспрашивалъ, какъ развивалась въ ней любовь къ цвѣтамъ, и о разныхъ обстоятельствахъ ея дѣтства; въ свою очередь онъ передавалъ ей все что только помнилъ и зналъ о себѣ по разказамъ другихъ. Машенька слушала его очень внимательно.

— Какъ же ваша маменька заботилась о вашемъ воспитаніи, сказала она наконецъ послѣ нѣкотораго раздумья:— и какъ же она васъ любила, да и любить, конечно!.. а моя такъ давно ужь умерла...—При этомъ Машенька неволью вздохнула и задумчиво нагнула голову. Когда она бывала грустна, лицо ея выражало еще болѣе доброты чѣмъ обыкновенно; въ такія минуты, въ ней было что-то до такой степени трогательнаго, что невозможно было смотрѣть на нее равнодушно и не сочувствовать ей. Леониду въ одну минуту сдѣлалось такъ грустно, что онъ едва не заплакалъ.

— Да, это въ самомъ дѣлѣ ужасно, проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, — что вы лишены всего что доставляетъ наслажденіе въ жизни... Вы одиѣ, совершенно одиѣ... Вашъ бѣдный дѣдушка самъ нуждается въ попеченіяхъ... Современемъ все это, разумѣется, вознаградится, потому что человѣкъ, который васъ полюбитъ и котораго вы тоже полюбите, сумеетъ, конечно, замѣнить вамъ всѣхъ и все... — Леонидъ старался сказать эту фразу какъ можно тверже и спокойнѣе, но именно она-то ему и не удавалась. — Но все что прошло, того уже не поправишь, прибавилъ онъ грустно.

Вернувшись домой, Леонидъ весь день былъ взволнованъ; Мlle Коллѣ дулась и не говорила съ нимъ. Софья Михайловна наблюдала за ними и дѣлала свои заключенія. „Да она должно-быть сильно нравится ему. И что это у нихъ за ссора? Ужь не притворство ли это? Она съ нимъ не

говорить, онъ такой взволнованный; это что-нибудь да значить.“

На другой день Леонидъ не пошелъ гулять съ дѣтьми и объявилъ довольно торжественно, что по утрамъ будетъ ѣздить верхомъ. „Какой лаутиска!“ подумала Софья Михайловна: „это сегодня такъ, потому что гуляетъ Мше Грау, а завтра вѣрно передумаетъ и пойдетъ опять съ дѣтьми.“

Леониду осыдлала лошадь; онъ взялъ съ собою обѣщанную книгу и отправился прямо къ Валенинымъ. Онъ уже разузналъ, что къ нимъ можно было прѣхать, минуя улицы, прямо отъ рѣки, узкою тропинкой. Такъ онъ и сдѣлалъ. Привязавъ лошадь къ забору, онъ вошелъ въ садъ; Машенька только что выходила изъ дому.

— Здравствуйте, Леонидъ Павловичъ, сказала она весело, идя къ нему на встрѣчу:—вы сегодня пятью минутами раньше.

— Что это, просто замѣчаніе безъ всякой цѣли, или выговоръ?

— Выговоръ? За что же?

— За то что я слишкомъ рано прѣехалъ.

— Тѣмъ лучше

— Посмотрите, Марья Васильевна, какая у меня славная верховая лошадь.

Онъ повелъ ее смотрѣть своего Султана и былъ совершенно доволенъ, что онъ ей понравился.

— Вотъ я привезъ вамъ книгу, о которой говорилъ; тутъ есть очень хорошенькій разказъ; онъ мнѣ такъ понравился... Какъ бы мнѣ хотѣлось прочесть его вмѣстѣ съ вами!

— Такъ будете читать.

— Развѣ можно? спросилъ обрадованный Леонидъ.

— Отчего же нельзя?.. Конечно, можно. Хотите зайти въ домъ?

— Мнѣ кажется тутъ лучше...

— Такъ останетесь тутъ; только надо стулья принести.

— Значитъ стулья? замѣтилъ Леонидъ:—тутъ такъ хорошо на травѣ.

— Такъ пойдете, по крайней мѣрѣ, въ бесѣдку.

Они вошли въ маленькую бесѣдку, построенную изъ ребетсанной березы. На землѣ былъ разостланъ коверъ. Они усѣлись и начали читать. Читалъ Леонидъ, и онъ часто

подымалъ глаза, чтобы смотрѣть на Машеньку и слѣдить за мѣняющимся выраженіемъ ея лица. Онъ былъ совершенно счастливъ, что одно и то же заставляло ихъ негодовать, радоваться или огорчаться. Они въ равной степени сочувствовали дѣйствующимъ лицамъ разказа. Когда чтеніе кончилось, они оба заговорили, перебывая другъ друга и доканчивая фразы начатыя другимъ. Леонидъ вспомнилъ наконецъ, что пора уже ѣхать, и сталъ собираться въ путь; но ему сильно хотѣлось, чтобы его удержали.

— Погодите не много, сказала Машенька;— не хотите ли вы позавтракать?

Этотъ повидимому простой вопросъ такъ озадачилъ Леонида, что онъ даже не нашелся что отвѣчать.

— Я всегда завтракаю молокомъ, продолжала Машенька:— хотите раздѣлить мой завтракъ?

— Пожалуста, я буду вамъ очень благодаренъ.

Леонидъ покраснѣлъ отъ удовольствія; это приглашеніе показалось ему со стороны Маши такою милою и привлекательною короткостью, что онъ пришелъ въ восторгъ. Машенька убѣжала и черезъ нѣсколько минутъ снова появилась въ садикѣ, неся на подносѣ два стакана молока и два ломтя чернаго хлѣба. Какой же это былъ вкусный хлѣбъ, и какое славное молоко! Леонидъ былъ увѣренъ что никогда не ѣлъ ничего подобнаго. Они сидѣли на травѣ съ своимъ завтракомъ,— и кто бы ни взглянулъ на ихъ веселыя, оживленныя лица, всякій сказалъ бы: „вотъ счастливые-то люди!“

Софья Михайловна удивилась, что Леонидъ не перемѣняетъ своего рѣшенія, и каждое утро ѣздитъ верхомъ одинъ.— „Ничего не понимаю,“ думала она: „нѣтъ... мнѣ надо непремѣнно сблизиться съ М^{lle} Коллѣ и разузнать все отъ нея. Леонидъ откровененъ со мною, но мнѣ неловко разспрашивать его; а она, очень можетъ-быть, и сама не замѣтитъ, какъ проболтается.“ Съ этою цѣлю Софья Михайловна стала чаще разговаривать съ молодой Француженкой. Увлеченная потокомъ своей рѣчи, М^{lle} Коллѣ часто разказывала своей собесѣдницѣ множество веселыхъ, остроумныхъ и довольно легкихъ анекдотовъ; но до Леонида дѣло не доходило. М^{lle} Коллѣ избѣгала всякаго разговора о немъ. Наконецъ. Софья Михайловна рѣшилась прямо приступить къ дѣлу. Она ласково взглянула на М^{lle} Коллѣ, и сказала ей очень дружескимъ тономъ:

— Скажите мнѣ пожалуста, моя милая Мlle Коллѣ, за что вы сердитесь на Леовида?

— Да развѣ я на него сержусь?.. Изъ чего вы это заключили? отвѣчала самоувѣренно Француженка.

— Вотъ видите ли, продолжала Софья Михайловна, будто бы не разслышавъ вопроса,—мой сынъ такъ молодъ, онъ еще не видалъ общества, и совершенно не знакомъ съ приличіями свѣта. Очень легко можетъ-быть, что онъ, самъ того не понимая, былъ съ вами неучтивъ, невѣжливъ, и вы, вѣрно, за это недовольны имъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Мlle Коллѣ, съ легкимъ отъѣнкомъ досады:—М. Леовидъ умѣетъ быть очень любезнымъ, когда захочетъ.

— Скажите же мнѣ, душа моя, чѣмъ онъ васъ оскорбилъ? Съ нимъ, право, надо еще обращаться какъ съ ребенкомъ. Я хорошенько побраню его, заставляю просить у васъ прощенья, и постараюсь предостеречь его отъ всякихъ подобныхъ неосторожностей.

— Да онъ ничѣмъ не оскорбилъ меня, онъ только капризничалъ! сказала наконецъ Мlle Коллѣ, принимая вѣсколько обиженный и капризный видъ. Она немного покраснѣла и глаза ея заблестѣли.—Впрочемъ, какое маѣ до того дѣло, капризничаетъ ли онъ, или нѣтъ; мнѣ рѣшительно все равно, что бы онъ ни дѣлалъ и ни думалъ!—Она начала замѣтно горячиться и можно было предвидѣть, что она, забывшись, выскажетъ все что у нея было на душѣ.—Что мнѣ за дѣло, куда бы онъ ни ѣздилъ и съ кѣмъ бы ни видался, заключила она.

— Да въ чемъ дѣло? спросила Софья Михайловна, желая казаться совершенно равнодушною.

— Я въ послѣднее время узнала о немъ то, что вовсе не дѣлаетъ ему чести!

— Неужели? Что же это можетъ быть?

— Да то, что онъ вотъ уже около мѣсяца, подъ предлогомъ привозить вамъ букеты, ѣздитъ чуть ли не каждый день въ садъ къ одному старику, затѣмъ чтобы видѣть его внучку. И вѣдь никому ничего не сказалъ о ней... я ужъ спрашивала у людей и узнала отъ нихъ, что старикъ живетъ не одинъ и что у него есть внучка, очень молоденькая и хорошенькая дѣвушка.

Еслибы Мlle Коллѣ успѣла опомниться, то вѣроятно не

выказала бы такъ явно, что сердится на Леонида только за то, что ему нравится другая. Софья Михайловна старалась показать ей, что она совершенно иначе понимаетъ ея гавнь.

— Такъ это-то васъ и привело въ такое негодованіе?.. Поидайте, душа моя, вы, стало-быть, вовсе не знаете, молодыхъ людей; они, право, всё таковы. Имъ кажется, что тутъ нѣтъ ничего дурнаго обмануть родныхъ, даже мать (при этомъ словѣ Софья Михайловна невольно ожесточилась); это для нихъ не болѣе какъ шутка. Вотъ видите ли, какъ равнодушно смотрю я на эту продажку; берите же съ меня примѣръ и не судите этого мальчика слишкомъ строго. Право, мнѣ кажется, что на него дѣйствуетъ очень тяжело то, что вы на него такъ долго сердитесь. Я думаю даже, что онъ много бы измѣнился къ лучшему, еслибы вы преждемъ были съ нимъ добры и привѣтливы.

Мисс Коллѣ сомнительно покачала головой, но ей было пріятно услышать такое мнѣніе. Софья Михайловна вожителенно старалась возбудить въ ней желаніе снова начать кокетничать съ Леонидомъ. „Это можетъ быть отмахнуть его отъ той молодой дѣвушки, съ которою онъ видѣть видѣться ежедневно. И кто она такая?.. чѣмъ все это кончится?..“ Уфъ, съ какимъ недоброжелательствомъ Софья Михайловна думала въ эту минуту о бѣдной Машѣ! Но кто знаетъ, вѣрно ли еще все это? не ошибается ли Француженка? Софья Михайловна никогда не рѣшилась бы дѣйствовать черезъ прислугу и наводить справки; она сообразила, что лучше всего обратиться къ самому Леониду. Онъ проводилъ вечера постоянно дома, и въ эту минуту сидѣлъ въ гостиной и читалъ, или, лучше сказать, держалъ книгу для виду, а самъ думалъ о чемъ-то. Софья Михайловна нѣсколько разъ прошла по комнатѣ, потомъ приблизилась къ нему и, положивъ ему руку на плечо, ласково заговорила:

— Ты давно не приносилъ мнѣ цвѣтовъ, Леонидъ; не можешь ли ты теперь достать мнѣ букетъ; мнѣ бы хотѣлось въ мою комнату поставить.

— Сейчасъ, татап, сейчасъ.

Леонидъ видимо обрадовался этому порученію; онъ поспѣшно выбѣжалъ изъ комнаты и велѣлъ сѣдлатъ свою лошадь.

Наконецъ онъ вернулся съ букетомъ. Софья Михайловна разочла, что можно было успѣть доѣхать шагомъ до самаго отдаленнаго края города, сдѣлать десять букетовъ и вернуться тѣмъ же аллюромъ. Она выглянула изъ окна; лошадь Леонида была вся въ мыль и храпѣла, сдѣлственно онъ сильно скакалъ. Значить, онъ пробылъ тамъ лишняго по крайней мѣрѣ полчаса.

V.

Анна Андреевна уѣхала на лѣто въ деревню вмѣстѣ съ семействомъ, въ которомъ жила, такъ что Машенькѣ не съ кѣмъ было подѣлиться своими впечатлѣнiями и чувствами, а подѣлиться-то было чѣмъ. Она бы разказала ей, какъ, просыпаясь каждое утро, она прежде всего подбѣгаетъ къ окну, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли дожда и думаетъ, увидитъ ли въ этотъ день Леонида? Она бы даже не скрыла, что ей бываетъ очень грустно, когда онъ не приходитъ, или опаздываетъ, и не то чтобы только грустно было, но и страшно: не боленъ ли онъ? не случилось ли чего-нибудь? И каждый разъ, когда она увидитъ Леонида, по ея лицу разольется легкая краска, а на душѣ сдѣлается такъ весело, такъ свѣтло... нѣтъ, впрочемъ не то, чтобы весело, иногда бываетъ и грустно, -- но все же хорошо. Леонидъ бываетъ почти каждый день у Валениныхъ. Султанъ его такъ привыкъ къ этой дорогѣ, что не нужно было и править имъ: онъ будто зналъ, что нужно спѣшить, а потомъ самъ собою останавливался у забора, къ которому его всегда привязывали. Машенька часто давала ему хлѣба, и онъ до такой степени зналъ ее, что даже зналъ, когда она приходила.

Леониду еще ни разу не случалось встрѣчать кого-нибудь у Машеньки. Дѣйствительно, покупателей на цвѣты было очень мало, а знакомыхъ у Валениныхъ почти никого небыло. Одинъ разъ, прѣѣхавъ поздне, Леонидъ остался долѣ обыкновеннаго, и, въ его присутствiе, въ садикѣ появился Травкинъ. Бѣдный канцеляристъ совершенно расгередся, увидѣвъ близъ Машеньки красиваго молодого человека, по его соображенiямъ, должно-быть очень знатнаго. Онъ заикался на каждомъ словѣ, выговаривая свою обычную фразу

о букетикъ, краснѣлъ, даже слезы выступали на глазахъ; фуражка два раза падала изъ его дрожавшей руки. Машенька хотѣла ободрить его, и говорила съ нимъ ласковѣе обыкновеннаго. Когда онъ ушелъ, Леонидъ засмѣялся и спросилъ у Машеньки:

— Что это за явленіе?

— Чиновникъ Травкинъ, отвѣчала она слегка краснѣя.

Леонидъ принялся передразнивать его, и самъ отъ души смѣялся. Машенька вспыхнула; на ея лицѣ появилось выраженіе такого же негодованія, какъ когда-то у самого Леонида на М^{ше} Колле посмѣявшейся надъ тремя несчастными калѣ-ками. Леонидъ не замѣтилъ этого, потому что въ эту минуту онъ занимался своею шляпой, представляя какъ Травкинъ ровнял и поднималъ ее, спотыкаясь. Смѣялся онъ, конечно, не злобно и безъ всякаго дурнаго намѣренія; просто ему было весело, и онъ готовъ былъ смѣяться всему на свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе насмѣшки его подѣйствовали на Машеньку очень непріятно, и это первое чувство недовольства Леонидомъ всего лучше свидѣтельствовало о ея слабости. Она никогда бы не рѣшилась сказать Леониду что думала о немъ въ эту минуту; но ей было непріятно, грустно и совѣстно за него. Ей послѣ этого хотѣлось, чтобы Леонидъ никогда не встрѣчался съ Травкинымъ, и поэтому былъ бы лишень случая посмѣяться надъ нимъ. Бѣдный Травкинъ! Ну можно ли насмѣхаться надъ нимъ?.. да еще кому?.. Леониду!..

Леонидъ продолжалъ каждое утро видаться съ Машей. Только одинъ разъ случилось, что онъ пріѣхалъ послѣ объѣда, именно тогда, какъ Софья Михайловна, въ видѣ испытанія, послала его за букетомъ. Машенька въ это время была въ комнатѣ; онъ прошелъ черезъ садикъ, подошелъ къ ея окну, и позвалъ ее. Сначала она испугалась, но потомъ испугъ перешелъ въ радость.

— Какъ это случилось, что вы въ такое время здѣсь? спросила она Леонида.

— Маша сама просила меня, чтобъ я привезъ ей букетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ стало-быть ей мои букеты нравятся?

— Очень нравятся.

— Погодите же, я ей сдѣлаю превосходный букетъ.

Машенька съ большимъ одушевленіемъ принялась за дѣло.

Изъ всего садика выбирала она самыя лучшія цвѣты; ее сильно занимала, сильно радовала мысль, что Софья Михайловна сама пожелала имѣть этотъ букетъ. Любящее сердце молодой дѣвушки готово было излить свое чувство на все что окружало Леонида. Софью Михайловну она любила, хотя никогда не встрѣчала ея: Машенькѣ достаточно было знать, что эта женщина мать Леонида, что она заботилась о немъ съ минуты его рожденія, и что любитъ его больше всѣхъ на свѣтѣ.

— Посмотрите, хорошъ букетъ? спросила она Леонида.

— Очень хорошъ!

— Онъ все время не спускалъ съ нея глазъ. „Какая она милая, какая она добрая!“ думалъ онъ, и въ эту минуту ему больше всего на свѣтѣ хотѣлось бы сказать Машенькѣ что онъ о ней думаетъ. Но онъ, конечно, молчалъ и только продолжалъ смотрѣть на нее.

— Какъ вы думаете, понравится этотъ букетъ вашей маман?

— Конечно, понравится. Знаете что, продолжалъ онъ, немного помолчавъ:—маман очень ревнива, и когда я былъ маленькій, я помню, она часто спрашивала у меня: „хотѣлось ли бы мнѣ, чтобъ у меня были сестры и братья,“ и всегда радовалась, когда я отвѣчалъ ей: „нѣтъ, мама, не хочу! мнѣ тебя одну нужно!“ Да и сама она была довольна, что у нея не было другихъ дѣтей, что она могла любить безраздѣльно одного меня... Но мнѣ кажется, что есаибъ она васъ узнала хорошенько, то пожелала бы имѣть такую же дочь, какъ вы... Но за себя... нѣтъ, я не желалъ бы никакой перемѣны...

Сказавъ это, онъ сильно смутился. Машенька скрыла свое восторженіе, и молча подала ему букетъ; онъ взялъ его и уѣхалъ.

Софья Михайловна все искала удобнаго случая поговорить съ Леонидомъ, но не знала какъ приступить къ дѣлу. Наконецъ она рѣшилась спросить у него, откуда онъ доставалъ букеты. Онъ назвалъ владѣльца садика. Софья Михайловна спросила, кто составляетъ и продаетъ букеты; онъ принудилъ себя солгать, и отвѣчалъ:—садовникъ.

— А изъ какихъ членовъ состоитъ семейство Валенина?

— Я у него въ домѣ ни разу не былъ, отвѣчалъ увертливо Леонидъ.

Софья Михайловна поняла, что съ этой стороны ничего не сдѣлаешь, и рѣшилась ждать.

На другой день Леонидъ былъ у Машеньки: они сидѣли въ бесѣдкѣ, онъ былъ задумчивъ.

— Какъ это странно, проговорилъ онъ наконецъ:—случается, что самое хорошее чувство побуждаетъ насъ къ поступкамъ, не скажу дурнымъ, но и не совсѣмъ хорошимъ.

— Какъ такъ? спросила Машенька съ недоумѣніемъ.

— Если хотите, то я вамъ разкажу, отвѣчалъ Леонидъ, и онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы говорить какъ можно спокойнѣе:—вотъ видите ли, я нахожу въ вашемъ обществѣ не то что удовольствіе, а высокое наслажденіе для себя; а между тѣмъ я никогда никому не сказалъ о васъ ни слова; мало того, я даже умышленно говорилъ неправду, для того только чтобы не называть васъ. И для чего я это дѣлаю, самъ хорошенько не знаю.

Машенька задумалась; но черезъ минуту подняла свое доброе, улыбающееся личико, и сказала:

— Я понимаю васъ очень хорошо и даже могу объяснить вамъ, почему вы такъ поступаете. (Она была очень рада, что можетъ успокоить Леонида). Нѣтъ ничего удивительнаго, продолжала она,—что вы ни съ кѣмъ не говорили обо мнѣ; я дѣлаю то же самое; когда дѣдушка спрашивалъ о васъ, я назвала только вашу фамилію, но ничего больше не говорила. Вѣдь согласитесь, когда вы съ кѣмъ разговариваете, то вамъ хотѣлось бы, чтобы ваши слова принимались именно такъ, какъ они сказаны.

— Ну да, конечно!

— Хорошо. Мы знаемъ и понимаемъ другъ друга, но другимъ одними разказами всего нельзя передать, и выходитъ, что еслибы мы стали говорить одинъ о другомъ, то насъ бы вовсе не поняли и стали бы смотреть на насъ совершенно иначе... совсѣмъ не такъ..:

— Ну да, да! перебилъ оживившійся Леонидъ:—эта самая мысль и мелькала у меня въ головѣ, когда я не хотѣлъ разказывать о васъ... А вы, Марья Васильевна, не отказываетесь отъ вашихъ словъ; вы сейчасъ сами сказали, что мы знаемъ и понимаемъ другъ друга.

— Я это и теперь готова подтвердить.

— Благодарю васъ, проговорилъ Леонидъ съ чувствомъ:—такъ мы друзья.

— Друзья.

— Такъ дайте же мнѣ вашу руку.

Машенька протянула ему обѣ руки; онъ судорожно сжалъ ихъ и потомъ по нѣскольку разъ съ жаромъ поцѣловалъ и ту, и другую. Когда онъ приподнялъ голову, щеки его горѣли, глаза искрились, въ голосѣ было слышно сильное волненіе.

Успокоившись немного, Леонидъ сказалъ:

— Да, дѣйствительно, кто васъ не знаетъ, тотъ не можетъ составить о васъ никакого понятія изъ однихъ разказовъ, а кто васъ знаетъ и понимаетъ, тотъ не можетъ васъ не любить.

Машенька пропустила послѣднее слово будто незамѣченнымъ, и отвѣчала сколько могла спокойно:

— Вы, право, преувеличиваете всѣ мои добрыя качества; вы еще такъ мало знаете людей, и въ особенности женщинъ, вамъ все въ нихъ кажется Богъ знаетъ чѣмъ.

Леонидъ недовѣрчиво покачалъ головою, но ничего не отвѣчалъ. Вернувшись домой, онъ все время былъ разсѣянъ, задумчивъ и молчаливъ. Это настроеніе длилось нѣсколько дней; онъ каждое утро продолжалъ видѣться съ Машенькой, но его задумчивость все-таки не исчезала. Одинъ разъ, пріѣхавъ довольно рано, онъ подошелъ къ ней съ видомъ непривычной рѣшимости, и сказалъ:

— Знаете, Марья Васильевна, я все это время собирался писать къ вамъ, но не могъ; лучше такъ сказать...

Машенька посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Вотъ видите ли, продолжалъ онъ, — я хотѣлъ спросить у васъ, какъ вы думаете, чѣмъ должно кончиться мое чувство къ вамъ?

Машенька поблѣднѣла; она чувствовала какъ по вѣтмъ ея членамъ пробѣжала дрожь, и отвѣчала нетвердымъ голосомъ:

— Я право не понимаю что вы хотите сказать.

— Какъ не понимаете? Вѣдь вы не можете же не знать, что я васъ люблю, сказалъ Леонидъ, и въ свою очередь голосъ его сильно задрожалъ. — Вотъ я и хочу спросить у васъ, какъ вы смотрите на это чувство?... — Не получивъ никакого отвѣта, онъ продолжалъ: — Черезъ два года я окончу курсъ, мнѣ будетъ двадцать одинъ годъ, я буду совер-

невпопыхамъ и могу тогда располагать собою какъ захочу...

— Ну тогда, прервала его Машенька трепетнымъ голосомъ,—тогда вы и будете дѣйствовать, какъ пожелаете... тогда и будетъ время говорить... зачѣмъ же теперь?... къ чему?...

— Но вѣдь я люблю васъ, возразилъ Леонидъ задыхающимъ голосомъ,—и потому я хочу знать... какъ вы смотрите на это чувство?

Машенька поблѣднѣла еще больше, и на глазахъ ея выступили крупныя слезы.

— Машенька, вы меня любите? прошепталъ Леонидъ, бережно взявъ ея руку.

— Да, отвѣчала она едва слышно,

Леонидъ хотѣлъ было привлечь ее къ себѣ, но она съ испугомъ вырвалась изъ его рукъ и убѣжала. Онъ ускакалъ куда-то въ поле и только къ обѣду вернулся домой. Его задумчивость и озабоченный видъ замѣнились мечтательностью, а разсѣянность осталась все та же. На другое утро какъ только онъ пріѣхалъ къ Машенькѣ, она первая подошла къ нему и прежде всего сдѣлала съ нимъ условіе, чтобъ онъ никогда, ни въ какомъ случаѣ, ничѣмъ не напоминалъ ей о вчерашнемъ разговорѣ, иначе ихъ дружескія отношенія прекратятся. Леонидъ нехотя согласился. Ему казалось очень неестественнымъ не говорить о томъ что его больше всего занимало, и поэтому онъ большею частію молчалъ. Наконецъ, какъ бы въ вознагражденіе, онъ сталъ умолять Машеньку согласиться, чтобъ они говорили другъ другу „ты“, и успокоился только тогда, когда получилъ это разрѣшеніе. Сначала Леонидъ думалъ, что ему будетъ гораздо легче и лучше, когда онъ выскажетъ Машенькѣ свое чувство, а имъ, напротивъ того, овладѣла въ послѣднее время безсознательная, непреодолимая тоска, которая не оставляла его даже и въ присутствіи Маши. Онъ былъ постоянно грустенъ, задумчивъ, а иногда и раздражителенъ. Софья Михайловна замѣчала все это и рѣшилась поговорить съ нимъ *серіозно*.

— Леонидъ, сказала она ему грустнымъ и вкрадчивымъ голосомъ:—отчего ты сталъ чуждаться меня въ послѣднее время? Ты ко мнѣ очень перемѣнился.

— Нисколько, маман, увѣряю тебя, нисколько.

— Ты любишь меня меньше прежняго. Отчего ты сталъ со мною такъ скрытенъ? Ты любишь, и ничего мнѣ объ этомъ не говоришь, сказала она очень рѣшительно.

— Ну, папан!

Леонидъ какъ бы просилъ ее продолжать; онъ собралъ всѣ свои силы, и казался довольно спокойнымъ.

— Ты любишь ввучку старика Валевина?

— Да, папан, это правда.

— Послушай, душа моя, прежде всего вспомни пожалуйста, что тебѣ только еще восемнадцать лѣтъ.

— Такъ что же изъ этого?

— Да ты еще не можешь сказать навѣрное, любишь ли ты кого, или нѣтъ; она тебѣ нравится, а ты воображаешь и самъ увѣряешь себя, что серьезно ее любишь.

— Нѣтъ, папан, нѣтъ, это неправда! Если теперь ты не вѣришь, что любовь моя серьезна, то ты убѣдишься въ томъ современемъ.

Для Софьи Михайловны фраза эта звучала какъ угроза. Она задумалась и даже немного испугалась.

— Ну, хорошо, положимъ, что я вѣрю тебѣ, сказала она послѣ короткаго молчанія. — Теперь скажи мнѣ пожалуйста, отчего ты такъ тщательно скрываешь отъ меня эту тайну? Ты даже рѣшался лучше агать нежели сознаться мнѣ во всемъ.

Онъ ничего не отвѣчалъ; она нагнулась, и пристально посмотрѣла ему въ глаза: — Неужели недостаточно всей моей любви и всѣхъ моихъ заботъ, чтобы убѣдить тебя въ томъ, что все касающееся тебя трогаетъ меня гораздо больше чѣмъ свое собственное горе или несчастье... Отчего же ты мнѣ ничего не сказалъ?

— Мапан, ну право не знаю отчего я молчалъ... улырю тебя, что я просто былъ не въ силахъ говорить съ тобой объ этомъ, самъ не знаю почему, а то бы я все разказалъ тебѣ.

— Отчего жъ ты былъ не въ силахъ? Вѣдь теперь ты говоришь очень твердо и безъ малѣйшей робости?

Леонидъ вспомнилъ какъ объяснала Маша ихъ обоюдное молчаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что это была не единственная причина, мѣшавшая ему быть откровеннымъ. Кромѣ этой причины, онъ просто озабася, хотя и несознательно, что ему стануть мѣшать въ его дѣйствіяхъ.

— Признайся, Леонидъ, продолжала Софья Михайловна грустнымъ, но ласковымъ тономъ,—когда проснулось въ тебѣ настоящее чувство, или то что ты считаешь такимъ, привязанность къ матери начала ослабѣвать мало-по-малу, и теперь, кажется, едва-едва напоминаетъ о своемъ существованіи...

— Нѣтъ, мама, право нѣтъ, увѣряю тебя нѣтъ.

Начинало уже вечерѣть, въ комнатѣ было довольно темно, такъ что Леонидъ не замѣчалъ, что у Софьи Михайловны навернулись слезы; но онъ слышалъ ласку и нѣжность въ ея голосѣ; ульвшись на скамейкѣ у ея ногъ, онъ положилъ голову къ ней на колѣни.

— Мама, право же я тебя люблю... очень люблю, сказалъ онъ ласкаясь.

Софья Михайловна ничего не отвѣчала и гладила его шелковистыя черные волосы. Черезъ нѣсколько минутъ она спросила взволнованнымъ голосомъ:

— Леонидъ, неужели ты думаешь, что чувство это доставитъ тебѣ счастье въ будущемъ?

— Конечно, татапа.

— Никогда, никогда! возразила она порывисто и страстно; въ эту минуту она и сама не знала чѣмъ бы могла подтвердить свой приговоръ.

— Да отчего же, татапа? спросилъ Леонидъ, нѣсколько смущенный.

— Повѣрь, дитя мое, что съ этой стороны тебѣ счастья не будетъ. Дай Богъ, по крайней мѣрѣ, чтобы чувство это не заставило тебя страдать.

— Да отчего же, татапа, отчего же? Повѣрь, что я буду счастливъ, непременно буду счастливъ.... Она такая милая....

При этихъ словахъ Леонидъ, сверхъ всякаго ожиданія, залился слезами. Софья Михайловна дала ему время выплакаться. Она видѣла его слезы, она слышала его рыданія, и невольно должна была думать, что единственная причина этихъ страданій — его несчастное, гибельное чувство. Она все болѣе и болѣе ожесточалась противъ Маши. Леонидъ успокоился, и ему стало легче.

— Право, татапа, я буду счастливъ, сказалъ онъ наконецъ, продолжая недосказанную мысль:—и ты непременно должна мнѣ вполнѣ сочувствовать и даже помогать всѣми

силами. (Софью Михайловну покорило.) Я непременно буду счастливъ, да и не могу не быть счастливъ.

— Перестань пожалуста, Леонидъ, перебила она его довольно сухо:—ты еще совершенный ребенокъ и не понимаешь ни себя, ни своего чувства.

— Нѣтъ, шатап, я сейчасъ докажу тебѣ, что непременно буду счастливъ. Чего же будетъ не доставать для моего счастья? Ея душевные и нравственные достоинства такъ высоки, я даже не думалъ, чтобы могло быть такое совершенство на землѣ... Собою она очень хороша, такъ привлекательна какъ нельзя больше; она удивительно, пластично хороша....

Софья Михайловна принужденно захохотала:

— Ты говоришь просто изъ какого-нибудь романа; такъ отзываются всѣ влюбленные о своихъ богиняхъ.

— Я отдавалъ ей только должную справедливость, отвѣчалъ Леонидъ немного раздраженный,—мнѣ хотѣлось доказать тебѣ, что я буду счастливъ.

— Ну, перестань пожалуста; это такія мечты, такія бредни... Есть вещи, о которыхъ гораздо лучше молчать. Надобно совершенно не уважать человѣка, чтобы заставлять его высушивать всякій вздоръ.

Она встала и вышла изъ комнаты. Последняя ея фраза оскорбила Леонида. Онъ былъ изумленъ, отчего она въ началѣ разговора была такъ нѣжна и ласкова, а окончила его такъ жестко и несправедливо. Онъ не понималъ, что она дѣйствительно страдала за него и сочувствовала ему сколько могла, но какъ только дѣло коснулось исключительно Машеньки, она была не въ состояніи осилить себя, и невольно раздражалась и ожесточалась.

Объясненіе съ матерью сильно подѣйствовало на Леонида. На него снова напала тоска, и онъ два дня не вѣдѣлъ видѣться съ Машею. Его можетъ-быть облегчило бы, еслибы онъ могъ передать ей свой разговоръ съ матерью; но онъ помнилъ условіе и зналъ, что Маша не захочетъ слышать ничего что было говорено о его чувствѣ къ ней.—„Зачѣмъ она такая?“ приходило ему въ голову, и въ первый разъ онъ не то что упрекнулъ, но поропталъ на Машу. Къ исходу втораго дня онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе видѣть ее. Ложась спать, онъ просилъ

разбудить его какъ можно раньше; но, проснувшись на зарѣ, онъ услышалъ шумъ дождя по крышѣ и стекламъ; подойдя къ окну, увидѣлъ что вода ручьями бѣжитъ по улицѣ; на этотъ день надо было отложить надежду видѣть Машу. Онъ страшно скучалъ и не зналъ куда дѣваться. Софья Михайловна замѣчала все это, но избѣгала всякаго объясненія, понимая его бесполезность и убѣждаясь что еще не пришло время дѣйствовать. Ей нѣсколько разъ приходило въ голову, не увезти ли ей Леонида, еслибы даже пришлось употребить на это власть; но она опасалась, что насиліе можетъ вызвать сильную реакцію: тогда, пожалуй, все дѣло пропадетъ, а теперь она все еще имѣла твердую надежду, что такъ или иначе, рано или поздно, ей удастся склонить Леонида на свою сторону. „Теперь скоро августъ, думала она,—а еще заранѣе было рѣшено, что въ концѣ августа мы ѣдемъ. Стало-быть остается только мѣсяц... ну, это не Богъ знаетъ сколько!“

Прошелъ и третій день. На слѣдующее утро погода была отлучная, и Леонидъ отправился къ Машѣ. Къ нему вышелъ хромой работникъ и сказалъ, что барышни нѣтъ дома, что она у Анны Андреевны, пріѣхавшей изъ деревни, и вѣроятно дѣлый день останется у нея. Леонидъ вернулся домой совершенно разстроенный; ему приходило въ голову, что когда Анна Андреевна узнаетъ все, то она будетъ мѣшать ихъ свиданіямъ, такъ что онъ уже никогда, никогда не увидитъ Маши, и что для него все теперь кончено.

Вечеромъ того же дня Ксенія Петровна предложила Софьѣ Михайловнѣ отправиться на свадебный балъ въ одно богатое купеческое семейство. Софья Михайловна согласилась и пошла передать это предложеніе Леониду, надѣясь развлечь его. Онъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, блѣдный, задумчивый и грустный. Софья Михайловна остановилась, и въ душѣ ея шевельнулось сожалѣніе; она и такъ замѣчала, что Леонидъ очень похудѣлъ и поблѣднѣлъ въ послѣднее время, а теперь, видя его такимъ грустнымъ и разстроеннымъ, она, кажется, была бы готова подъ первымъ впечатлѣніемъ сама дать ему возможность увидѣться съ Машей.

— Нѣтъ, папан, не хочется, сказалъ онъ на приглашеніе ѣхать на балъ.

— Такъ вотъ что, Леонидъ, сказала она немного запинаясь — не можешь ли ты достать мнѣ букетъ? Мнѣ хотѣлось бы ѣхать туда съ букетомъ.

Леонидъ встрепенулся и ожилъ; самъ бы онъ не рѣшился ѣхать такъ поздно, а теперь его посылаютъ, и можетъ-быть онъ увидитъ Машу, свою милую, ненаглядную Машу. Онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, и помчался по знакомой дорожкѣ. Было уже темно, но онъ все-таки подѣхалъ къ саду, надѣясь какъ-нибудь случайно еще найдти ее тамъ. Дѣйствительно, она была тамъ.

— Что это значитъ, что вы пріѣхали такъ поздно, спросила она съ удивленіемъ, но не скрывая своей радости.

— А ты испугалась?

— Нѣтъ, ничего; но ты зачѣмъ пріѣхалъ?

— Маманъ желаетъ имѣть букетъ; она ѣдетъ на какой-то балъ сегодня.

— А ты поѣдешь?

— Нѣтъ, не хочется.

— Такъ надо же поскорѣй букетъ-то сдѣлать; подожди немного я сейчасъ принесу фонарь. — Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ маленькимъ фонарикомъ и заставила Леонида держать его, а сама стала рѣзать цвѣты. Она очень торопилась, боясь задержать Софью Михайловну, и букетъ скоро былъ готовъ.

— Ну, поѣзжай же поскорѣй, поскорѣй, торопила она Леонида. — Я тебѣ стану свѣтить, пока ты сядешь на лошадь. — И она стала свѣтить, но свѣтъ фонаря падалъ только на нее одну. Обманутая темнотой, покрывавшею всѣ окружающіе предметы, она думала, что и ее не видно, и потому не заботилась о выраженіи своего лица. Она внимательно слѣдила за всѣми движеніями Леонида, представлявшагося ей какою-то темною тѣнью, и глаза ея выражали такъ много любви и чувства, сколько никогда еще въ нихъ не подмѣчалъ Леонидъ. Ея черные волосы, освѣщенные фонаремъ, блестяли синимъ отливомъ; ротъ былъ полуоткрытъ, и вся фигура была необыкновенно привлекательна. Леонидъ былъ уже въ сѣдлѣ, но онъ пріостановился на нѣсколько минутъ и молча любовался ею; потомъ онъ вдругъ соскочилъ съ лошади, и быстро подбѣжалъ къ Машѣ.

— Что съ тобой? спросила она.

— Маша, отвѣчала онь умоляющимъ голосомъ:—я не видалъ тебя вотъ уже три дня; мнѣ хочется остаться съ тобой, хотя на нѣскольکو минутъ, и поговорить.

— Какъ это можно? тебя будутъ ждать.

— Пусть меня ждутъ, но я непременно хочу говорить съ тобой.—Онь сказалъ это такъ твердо и рѣшительно, что Машенька ничего не отвѣчала.—Пойдемъ въ бесѣдку и сядемъ.

Онь взялъ ее за руку и привелъ въ бесѣдку. Они сѣли. Машенька поставила подлѣ себя фонарь и взяла въ руки букетъ, чтобъ онь не измялся. Леонидъ нѣскольکو минутъ ничего не говорилъ и только молча смотрѣлъ на нее; онь хотѣлъ говорить о чемъ-нибудь, но ни на чемъ не могъ сосредоточиться: голова его горѣла, и мысли путались.

— Ну что же, Леонидъ? рѣшилась наконецъ спросить Маша. Ей становилось какъ-то неовко и страшно; къ тому же она замѣтила блѣдность и волненіе Леонида, и ей стало очень жаль его.

— Вотъ что, Машенька, оказалъ онь наконецъ:—что ты говорила съ Анною Андревной?

— Говорила о тебѣ.

— Что же ты ей сказала?

— Ну, да о тебѣ..

— Да что?

Машенька поняла чего онь добивался, и улыбаясь ему своею доброю, ласкающею улыбкой и сильно краснѣя, проговорила:

— Ну, да я сказала ей, что я тебя люблю!

— Машенька! прошепталъ Леонидъ, не помня себя. Онь крѣпко обвилъ ее станъ руками и привлекъ ее къ себѣ. Она, какъ бы въ защиту, заслонилась букетомъ, но онь отвелъ ее руку и прижалъ ее къ груди.

— Леонидъ, оставь меня, оставь, ради Бога оставь, прошептала она съ усиленіемъ. Леонидъ откинулся назадъ, и лицо его въ одну минуту приняло выраженіе безумнаго отчаянія; глаза были полны слезъ; онь ломалъ себѣ руки и повторялъ прерывающимся и замирающимъ голосомъ.

— Машенька, ты меня не любишь... ты меня вовсе не любишь...

Лицо его выражало такую мучительную тоску, такое безнадежное отчаяніе, что въ эту минуту Машенька все забыла; она порывисто бросилась къ нему на шею, страстно прижалась къ его груди, и едва имѣла силы прошептать: „я люблю тебя,—я, право, люблю тебя!“

Она крѣпко прижалась лицомъ къ его плечу, но онъ подынял ея голову, и въ порывѣ бѣшеннаго восторга прильнул губами къ ея губамъ.

VI.

— Такъ Леонидъ не поѣдетъ съ нами? спрашивала Ксения Петровна.

— Нѣтъ, не поѣдетъ, отвѣчала Софья Михайловна.

— Такъ чего же мы дожидаемся? Поѣдѣте, вѣдь ужъ скоро девять часовъ.

— Ну, поѣдѣте.

Онъ вернулся послѣ полуночи. Софья Михайловна спросила о Леонидѣ; ей отвѣчали, что его нѣтъ дома, что онъ еще не возвращался. Она ушла въ свою комнату и раздѣлась, но долго, долго еще она не засыпала и прислушивалась съ напряженнымъ вниманіемъ, не стукнетъ ли кто въ калитку, не послышатся ли шаги, не залаетъ ли собака. Но все было невозмутимо-тихо. Пробылъ часъ, пробили два часа, пробили три; начало уже разсвѣтать, а Леонида все нѣтъ; наконецъ она, усталая, заснула.

Леонидъ вернулся домой въ четвертомъ часу; онъ долженъ былъ нѣсколько разъ стучаться прежде чѣмъ ему отперли; наконецъ показалась сонная и недовольная фигура дворника, и отворила калитку. Леонидъ, не говоря ни слова, бросилъ ему поводья своей лошади и тихо пробрася къ себѣ наверхъ.

По утру всѣ собрались къ чаю, и каждый старался показывать видъ, что не знаетъ и не помышляетъ ничего особеннаго, что сегодня такой же простой день, какъ и вчера. Оставшись съ Леонидомъ наединѣ, Софья Михайловна отбросила этотъ видъ, и смотря на сына испытующимъ взглядомъ, спросила коротко:

— Гдѣ ты былъ такъ долго вчера вечеромъ?

Леонидъ былъ сильно взволнованъ, и онъ съ нѣкоторымъ цинизмомъ отвѣтилъ матери ея собственною фразой:

— Есть вещи, о которыхъ гораздо лучше молчать; надобно совершенно не уважать человека, чтобы заставлять его выслаушивать всякій вздоръ.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Трудно описать, какъ сильно была поражена Софья Михайловна. Она очень испугалась, и въ первый разъ сознала ясно, что сынъ ея находится подъ вліяніемъ дѣйствительно сильнаго чувства. Она рѣшилась повести дѣло какъ можно осторожноѣе. Прошло полторы недѣли, а она ни словомъ, ни видомъ не напомнила Леониду, что между ними есть тайна. Онъ попрежнему отлучался каждый день, но никто не спрашивалъ у него отчета въ его дѣйствіяхъ; будто все такъ и должно было быть.

По случаю какого-то торжественнаго праздника, въ городѣ *** устраивался въ общественномъ саду фейерверкъ. Новость эта привела всѣхъ жителей въ волненіе. Къ вечеру, въ назначенный день, въ саду собрались толпы народа; Ксенія Петровна съ своими гостями была тоже въ числѣ любопытныхъ. Для почетныхъ лицъ города была устроена особая площадка подъ навѣсомъ, и всѣ добровольно уступали на ней первыя мѣста семейству Ксеніи Петровны. Усѣлись. Леонидъ былъ подлѣ Софьи Михайловны; онъ сталъ смотрѣть кругомъ, и вскорѣ различилъ въ толпѣ Машеньку съ другою дамой, и догадался, что, вѣроятно, это Анна Андреевна. Ему, конечно, очень хотѣлось подойти къ нимъ, но сдѣлать это при всѣхъ, публично, онъ никакъ не рѣшался, духу не хватало, и онъ только издали слѣдилъ за Машенькой глазами. Софья Михайловна наблюдала за его взглядами; она увидѣла Машеньку, и догадалась что это она.

— Кто эта хорошенькая дѣвушка? спросила она Леонида будто мимоходомъ. Леонидъ показалъ видъ, что не понимаетъ о комъ идетъ рѣчь.

— Гдѣ?.. какая?.. спрашивалъ онъ, нарочно повертываясь во всѣ стороны.

Ксенія Петровна, ничего не подозревая, съ полною наивностью стала разспрашивать всѣхъ о хорошенькой дѣ-

взшкѣ и узнала наконецъ, что это Марья Васильевна Валенина.

— А, Валенина!.. проговорила какая-то пожилая, богатая помѣщица, сидѣвшая возлѣ нея:—я что-то слышала о ней. Ахъ, да, помню! Ея дѣдушка содержитъ оранжерею, или огородъ, или садъ, что-ли, право не знаю, но что-то въ этомъ родѣ.—Она обернулась въ ту сторону, гдѣ была Маша, и стала смотрѣть на нее въ лорнетку.—Въ самомъ дѣлѣ не дура, продолжала она:—довольно миленькая, но не замѣчательное лицо... Когда я вижу бѣдныхъ дѣвушекъ хорошенькихъ собой, да ели онѣ еще получили какое-нибудь воспитаніе, то мнѣ всегда становится жаль ихъ; гораздо лучше для нихъ быть дурными.

— Отчего же? спросила Софья Михайловна, желавшая чтобы словоохотливая дама продолжала развивать свою теорію.

— Да гораздо меньше искушеній и гораздо меньше случаевъ быть несчастною. Вотъ, напримѣръ, эта Валенина: вѣроятно найдется много молодыхъ людей, которые будутъ не прочь за ней ухаживать, а это не можетъ повести ни къ чему хорошему.

— Но зачѣмъ же предполагать вездѣ дурное? замѣтила Софья Михайловна:—можетъ быть ее полюбитъ честный человѣкъ и женится на ней.

— Что же за счастье, если она и выйдетъ за какого-нибудь бѣднаго, ничтожнаго чиновника, котораго сама будетъ презирать.

Леонидъ, будто въ волшебномъ фонарѣ, увидалъ передъ собою фигуру Травкина, и ему показалось даже, что фигура эта насмѣхается надъ нимъ. Онъ встряхнулъ головой какъ бы для того чтобы прогнать непріятное видѣніе, и еще съ большимъ вниманіемъ сталъ вслушиваться въ разговоръ.

— Но вы все предполагаете только дурное, снова сказала Софья Михайловна:—развѣ не можетъ случиться, что ее полюбитъ какой-нибудь достойный человѣкъ, котораго она тоже полюбитъ, и тогда почему же бы не быть имъ счастливыми?

— Что вы разумѣете подъ именемъ *достойнаго* человѣка? Положимъ онъ будетъ не пьяница, не игрокъ; положимъ даже, что это будетъ дѣйствительно довольно

честный человекъ. Но развѣ этого достаточно? Представьте себѣ бѣдность, нищету, оборванныхъ дѣтей; а ужаснѣе всего, это грубое невѣжество, о которомъ въ нашей сферѣ очень многіе даже и поватія не имѣютъ.

— Но вѣдь можетъ же быть...

— Ужь не хотите ли вы сказать, что на ней можетъ жениться образованный и богатый человекъ изъ нашего круга? И вы думаете, что эта дѣвушка была бы счастлива? Да; если она бездушная, безчувственная деревяшка, а въ противномъ случаѣ она непременно будетъ страдать. Ей будетъ тяжело уже то, что ее перемѣстятъ въ совершенно чуждую сферу, что всѣ родные, близкіе и знакомые ея мужа станутъ смотрѣть на нее свысока и жалѣть о его безразсудствѣ. Да помилуйте, такая жизнь должна быть просто невыносима!

Эта дама не имѣла дочерей, но за то у нея было трое взрослыхъ сыновей, и она очень не любила хорошенькихъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Однако послѣдніе ея доводы показались Леониду неопровержимыми. Онъ содрогнулся и невольно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была Маша. Она дѣйствительно терпала, конечно не отъ сравненія съ окружающимъ ея обществомъ, а отъ того только что была въ обществѣ. Она какъ-то робко и пугливо выглядывала изъ-подъ своей простенькой шляпки, и всѣ движенія ея были неразвязны и стѣснены. Леонидомъ овладѣли самыя мучительныя думы; онъ такъ погрузился въ свое собственное, только что открытое несчастье, что и не замѣтилъ какъ окончился фейерверкъ.

Машенька осталась какъ нельзя болѣе довольна этимъ вечеромъ. Она совершенно неожиданно попала на фейерверкъ. Анна Андреевна, не предупреждая ея заранѣе, прямо зашла за ней и уговорила идти вмѣстѣ. И какъ Машенька была счастлива, что имѣла случай видѣть Софью Михайловну! Она наша въ ней такъ много сходства съ Леонидомъ, и такое хорошее, такое благородное выраженіе въ лицѣ, что совершенно пѣлилась ею; къ тому же ее очень занималъ и самъ по себѣ фейерверкъ; она видѣла его въ первый разъ въ жизни, и восхищалась каждою ракеткой.

На другой день, рано утромъ, ее разбудилъ легкій стукъ въ окно и голосъ Леонида, назвавшій ее по имени. Она немного испугалась.

— Леонидъ, это ты?.. Что случилось?

— Ничего; я только что проснулся, на зарѣ, и прѣхалъ сюда; если ты не очень устала, то выйди пожалуста ко мнѣ; утро превосходное, и мы вмѣстѣ пошли бы гулять.

Машенька надѣла наскоро блузу, покрыла голову черною тюлевою косынкой и вышла въ садъ.

„Ну вотъ теперь она очень хороша!“ подумалъ Леонидъ: „несравненно лучше чѣмъ была вчера вечеромъ.“ — Менсі, Маша, за то что ты вышла, сказалъ онъ ей.

— Куда же мы пойдѣмъ?

— Сойдемъ пожалуста къ рѣчкѣ и посидимъ тамъ на берегу между кустарниковъ; если будетъ сыро, я разстелю тебѣ свое пальто.

Они сошли къ рѣкѣ и усѣлись.

— Знаешь, Маша, я почти всю ночь не спалъ и все думалъ о тебѣ.

— Что же ты думалъ? спросила она съ участіемъ.

— Думалъ о томъ какъ это будетъ, когда намъ можно будетъ обвѣнчаться?

Изъ груди Машеньки вырвался подавленный вздохъ.

— Ну что это, Машенька, зачѣмъ это? оказалъ Леонидъ съ вѣжливѣйшимъ упрекомъ: — право мы будемъ счастливы... Только, видишь ли что: папан, конечно, будетъ противъ этого, и всѣ наши родные, и знакомые... Но что же до этого? Не надо на нихъ и вниманія обращать.

Теперь, когда онъ былъ подлѣ Маши, ему казалось ни по чемъ бросить всѣхъ, чтобъ быть съ нею. Машенька поблѣднѣла.

— Что ты говоришь, Леонидъ, опомнись ради Бога, сказала она взволнованнымъ голосомъ: — не забывай, что ты говоришь о своей матери! Я ни за что не соглашусь назваться ея дочерью противъ ея воли...

Она остановилась, чувствуя что рыданія душатъ ее. Если бы въ эту минуту она стала поддерживать Леонида въ его отважной рѣшимости идти наперекоръ всѣмъ, онъ мало-по-малу укрѣпился бы въ этомъ намѣреніи; но когда онъ увидѣлъ, что и она противъ него, то онъ самъ испугался своей рѣшимости, которая показывалась ему слишкомъ дерзкою.

— Но, можетъ-быть, современемъ папан измѣнитъ свое мнѣніе; можетъ-быть, она добровольно согласится...

Онъ старался успокоить и самого себя, и Машу; но вскорѣ онъ былъ отвлеченъ отъ будущаго настоящимъ. Онъ осторожно снялъ съ Маши тюдовую косынку, и распустивъ ея длинныя черныя волосы, сталъ играть ими, вплетая въ ея косу нѣжную вьющуюся зелень, росшую по берегу, и любовался ея грустнымъ, задумчивымъ личикомъ.

Солнце стояло уже высоко, и лучи его золотили поверхность тихой широкой рѣчки; съ каждою минутою становилось все теплѣе и теплѣе. Кузнечики усерднѣе стрекотали въ травѣ, жужжали пчелы, пѣли птицы, рыба играла на поверхности воды; роса вездѣ уже обсохла; при яркомъ утреннемъ солнцѣ, поля, покрытыя золотистою рожью, еще рѣзче отдѣлялись отъ зеленыхъ скошенныхъ луговъ: было такъ хорошо!

Усталый послѣ бессонной ночи, Леонидъ расположился у ногъ Маши, обвилъ руками ея колѣни, и положивъ на нихъ голову, тихо задремалъ. Убѣдившись, что онъ заснулъ, Машенька дала волю слезамъ, накопившимся у ней на душѣ, и онѣ потекли тихо, ровно, одна за другою, и какъ амазкы скатывались съ ея блѣдныхъ щекъ на блузу, иногда падая на волосы Леонида и блестя на нихъ какъ росинки.

Въ это же самое утро Анна Андреевна встала довольно рано и задумала навѣстить свою бывшую ученицу; она собиралась поговорить съ ней обо многомъ, дать нѣсколько совѣтовъ и предостеречь ее. Ей показалось еще слышкомъ рано, и чтобы не будить Маши, она вздумала прогуляться, и черезъ садикъ сошла къ рѣкѣ. Не доходя не много до берега, она замѣтила что-то бѣлое между кустами, и наконецъ ясно разглядѣла Машеньку и Леонида, спавшаго на ея колѣняхъ. Она тихо и осгорожно удалилась и пошла домой. Она разомъ поняла, что роль ея въ отношеніи къ Машенькѣ должна будетъ измѣниться: теперь уже предстоитъ ей только успокоивать и утѣшать ее. Къ тому же она замѣтила слезы Маши, ея блѣдное изнуренное личико, и ей стало такъ жаль ея, что она горько заплакала, и мужественныя черты ея лица приняли выраженіе глубокой грусти. Вернувшись домой, она рѣшила что не пойдетъ въ этотъ день къ Валенинымъ.

Сдѣлавъ легкое движеніе, Леонидъ очнулся и увидѣлъ слезы Машеньки.

— Маша! милая! что съ тобою? спросилъ онъ съ участіемъ и лаская ее.—Знаешь ли что? проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—мнѣ такъ хорошо, такъ хорошо, что ничего даже и то, что ты плачешь... мнѣ это почти даже нравится; ты при этомъ такая милая...

Онъ нѣжно обнялъ ее и прислонился головою къ ея плечу; ему хотѣлось бы остаться такъ долго, долго; онъ желалъ бы забыться въ этомъ положеніи пожалуй хоть на цѣлые годы.

VII.

Августъ мѣсяцъ приходилъ къ концу. Въ одинъ прекрасный вечеръ, получивъ нѣсколько писемъ съ почты, Софья Михайловна объявила всеторжественно, что имъ непременно надо ѣхать въ Петербургъ послѣ завтра же утромъ: дѣла по ея процессу требовали ея немедленнаго присутствія, да къ тому же и ваканція кончалась. Леонидъ выслушалъ это рѣшеніе какъ приговоръ судьбы: жребій его былъ брошенъ, участь рѣшена. Было еще не очень поздно, и онъ отправился къ Машенькѣ, чтобы передать ей все. Ему сказали, что она у Анны Андреевны. Леонидъ вырвалъ изъ своего бумажника листокъ и написалъ Машенькѣ, что послѣзавтра онъ ѣдетъ, и что въ остающееся время онъ постарается пробыть какъ можно долѣе съ нею. Попросивъ отдать эту записку Машенькѣ какъ только она вернется, онъ ушелъ домой. Почти всю ночь провелъ онъ безъ сна, думая о томъ, какъ онъ обо всемъ разкажетъ Машенькѣ, какъ на нее подѣйствуетъ его отъѣздъ, что они будутъ говорить, какъ простятся. Онъ заснулъ только къ утру, и въ восемь часовъ, проснувшись и одѣвшись, поскакалъ къ Валенинымъ, и опять не застааъ Машеньки. Ему сказали, что она рано утромъ ушла къ Аннѣ Андреевнѣ, потому что та больна.

— А записку мою ей отдали? спросилъ огорченный Леонидъ.

— Отдали-съ.

— Марья Васильевна никакого отвѣта не оставляла?

— Никакого-съ.

Леонидъ далъ денегъ безрукому работнику и упросилъ его пойдти къ Аннѣ Андреевнѣ и отдать Машенькѣ записку, въ которой онъ просилъ ее хотя на короткое время вернуться домой, чтобы проститься съ нимъ. Онъ прибавлялъ, что будетъ ждать ея въ саду.

Вернувшись наканунѣ домой, Машенька была очень удивлена когда ей подали первую записку Леонида. Содержаніе этой записки сильно на нее подѣйствовало; на нее напалъ такой же бессознательный и неопредѣленный страхъ, какой испытываютъ дѣти когда остаются въ темной комнатѣ. Она сначала не могла ни обдумать, ни ясно представить себѣ предстоящую разлуку. Всю ночь просидѣла она одѣтая на постели, то прислоняя голову къ подушкѣ, то снова подымая ее. Какъ только разсвѣло, она вышла въ садъ. Свѣжій воздухъ немного пробудилъ ее изъ какого-то неестественнаго полусна; она почувствовала въ себѣ болѣе жизни и болѣе способности чувствовать.

„Черезъ нѣсколько часовъ, думала она, Леонидъ будетъ здѣсь: онъ придетъ со мной проститься... можетъ-быть надолго, кто знаетъ, не навсегда ли?... А потомъ увидеть... Да неужели это правда? проговорила она съ отчаяніемъ, неужели онъ увидеть?“ Она сѣла на траву, покрытую холодною, утреннею росой, и съ ней сдѣлаась сильный истерическій припадокъ. Оправившись немного, она встала, наскоро одѣлась, и пошла къ Аннѣ Андреевнѣ, которая очень испугалась, замѣтивъ ея разстроенный и истомленный видъ.

— Машенька! что съ тобою? спросила она.

— Ничего... Я пришла пробыть съ тобою весь этотъ день... вѣдь ты позволишь? Дома я сказала, что ты больна.

— Сдѣлай милость оставайся; я буду очень рада.

Машенька усѣлась на ея постель, не снимая бурнуса, потому что чувствовала нервный ознобъ, и въ нѣсколькокихъ словахъ объяснила ей въ чемъ дѣло.

— И ты не хочешь проститься съ нимъ? спросила Анна Андреевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что... Еслибъ я видѣла его и думала, что это уже въ послѣдній разъ, то мнѣ кажется я

бы этого не вынесла... А главное, зачѣмъ я буду мучить его моими слезами и моимъ отчаяніемъ...

Анна Андреевна сочла лишнимъ говорить съ нею и утѣшать ее; усѣвшись въ углу комнаты, она показывала видъ будто читаетъ что-то съ большимъ вниманіемъ.

Часа черезъ два, Машенькѣ подали записку Леонида. Она прочла ее, потомъ крѣпко стиснула въ рукѣ, бросилась въ подушки и громко зарыдала.

— Нѣтъ, я не пойду къ нему, говорила она прерывающимся голосомъ;—онъ будетъ ждать меня въ саду, но я не могу идти... не могу... Только я напишу ему...

Для этого ей надо было успокоиться, потому что рука ея слишкомъ дрожала.

— Посмотри, Анята, теперь не очень дрожить? спрашивала она минутъ черезъ десять, написавъ нѣсколько словъ на пробу.

— Нѣтъ, не очень,

— Ну такъ я напишу ему.

Вотъ что она писала:

„Леонидъ! мнѣ никакъ нельзя проститься съ тобою: Анята очень больна, и я не могу оставить ее. Пожадуста не огорчайся и будь спокоенъ. Сдѣлай это для меня. Твоя М.“

Доючивъ эту записку, Маша совершенно упала духомъ; она опустила голову на столъ и едва слышно прошептала:

— Анята, запечатай и отправь.

Потомъ она легла на постель, долго плакала, и наконецъ заснула.

Когда Леонидъ получилъ записку Машеньки, онъ страшно поблѣднѣлъ и вернулся домой грустный и разстроенный. Онъ ничего не могъ сдѣлать, и едва-едва сдерживалъ слезы, готовая каждую минуту брызнуть изъ его глазъ. Вечеромъ онъ снова поѣхалъ къ Валеевымъ, въ надеждѣ встрѣтить Машеньку; ему казалось невозможнымъ уѣхать не видавшись и не простившись съ нею; но Машеньки опять-таки не было. На другой день, проснувшись на зарѣ, и видя что весь домъ еще спитъ, онъ снова отправился къ Машенькѣ, пробрался черезъ садикъ и подошелъ къ ея окну. Сторы не были спущены; онъ заглянулъ въ комнату и увидѣлъ, что постель Машенькина стояла не тронутая, слѣдовательно она не ночевала дома. Вотъ и послѣдняя надежда пропала... Онъ

нѣсколько времени смотрѣлъ въ ея комнату, потомъ пошелъ въ бѣсъдку, закрылъ лицо руками, и горько, горько заплакалъ...

Уходя, онъ нарвалъ цвѣтовъ и бросилъ ихъ въ комнату Маши. Когда онъ вернулся домой, начинали уже укладывать экипажъ. Леонидъ былъ какъ въ чадѣ, и ничего не понималъ и не замѣчалъ. Онъ не помнилъ какъ произошла съ нимъ тетка, и просила не забывать ея и снова пріѣхать къ ней погостить; какъ Мlle Колле, забывъ старый гнѣвъ, дружески протянула ему руку, но, взволнованная и смущенная, ничего не сказала; какъ Мlle Грау давала ему наставленія на нѣмецкомъ языкѣ какъ пожить дорогой свою маман и какія предосторожности брать противъ простуды. Карета уже тронулась, а Леночка и Ольга все еще продолжали кричать: „adieu ma tante! adieu cousin!“ Леонидъ прижался въ уголъ кареты, и сначала самъ не замѣчалъ какъ по лицу его потекли тихія слезы. Но вскорѣ слезы эти перешли въ рыданія; онъ приникъ головою къ подушкамъ, и долго безостановочно плакалъ.

Софья Михайловна смотрѣла на него, и сердце ея болѣзненно сжималось; ей было жаль сына, и она вмѣстѣ съ нимъ страдала и плакала въ душѣ, хотя никто не сказалъ бы этого, видя ея наружное спокойствіе. Она наблюдала за сыномъ въ теченіи всего лѣта, и убѣдилась, что онъ очень слабъ. И странно: ей ни разу не пришла въ голову мысль, не есть ли это слѣдствіе даннаго ею воспитанія; напротивъ, она удивлялась какъ могла не перейти къ нему частіца ея твердости и воли. „Но что же я могу для него сдѣлать, грустно думала Софья Михайловна, чѣмъ я утѣшу его?“

И незамѣтно мысль ея отошла въ далекіе годы, когда она находилась къ Леониду совершенно въ такихъ же отношеніяхъ: восемнадцать лѣтъ тому назадъ отнимали его отъ кормилицы; онъ плакалъ, кричалъ, тосковалъ, чуть не заболѣлъ отъ горя, а Софья Михайловна, глядя на него, страдала не меньше самого ребенка, и точно также съ отчаяніемъ спрашивала себя: „Что же мнѣ сдѣлать для него? Чѣмъ я его утѣшу?“

Тому назадъ восемнадцать лѣтъ!... шутка сказать! Тогда Софья Михайловна была еще молодою, роскошною жен-

щиной, Павелъ Сергѣевичъ былъ еще живъ, а Леонидъ былъ крошка, но и тогда уже онъ общалъ сдѣлаться красавцемъ. Впрочемъ, онъ вовсе не былъ авантюренъ когда его отнимали отъ кормилицы: онъ до того кричалъ и плакалъ, что его маленькое личико распухло и покрылось красными пятнами. Сколько было хлопотъ чтобъ увести его! Кормилицу удалили; на молоко ея испекли маленькую лепешечку, и дали ее малюткѣ, но онъ съ досадою швырнулъ ее на землю; подали въ другой разъ, и опять то же самое. Только съ третьяго раза онъ согласился принять ее, и тотчасъ же поднесъ ко рту. Передъ нимъ шумѣли, пѣли, играли, и ребенокъ, одурѣвъ отъ этой сверхъестественной трескотни и вытаращивъ глазенки, переставалъ на время плакать. Увы! теперь уже подобное средство на него не дѣйствуетъ. Карета мчится быстро впередъ, стуча своими колесами по гладко-накатанной большой дорогѣ, звеня колокольчики подъ дышломъ, дребезжатъ окна; топотъ лошадей, крики ямщика, стукъ экипажа, все это вмѣстѣ могло бы, кажется, подѣйствовать; но Леонидъ будто переселился душою въ другой мѣръ, и ничего не замѣчаетъ. Онъ не подымалъ головы отъ подушекъ, хотя и пересталъ плакать.

Не зная какъ съ нимъ заговорить чтобъ разсѣять его, Софья Михайловна довольно некстати предложила ему наконецъ сдобную лепешку, отъ которой онъ отказался однимъ отрицательнымъ движеніемъ головы. И что это было за великолѣпное, за краснорѣчивое движеніе! Каждый волосокъ отдѣльно такъ и кричалъ: „не хочу! не хочу!“ Софья Михайловна не смѣла настаивать. Ну, право, предлагая эту лепешку Леониду, она не дѣлала никакого сближенія между его настоящимъ положеніемъ и тѣмъ что происходило въ этомъ родѣ восемнадцать лѣтъ назадъ; въ противномъ случаѣ, припомнивъ бывшее и основываясь на опытѣ, она предложила бы лепешку до трехъ разъ, въ полной увѣренности, что наконецъ онъ ее приметъ. Вмѣсто того она замочала и робко посматрѣла на сына, догадываясь что ея предложеніе было неумѣстно; ей очень хотѣлось бы заговорить съ нимъ о томъ и о другомъ, но она остерегалась быть навязчивою, а еще больше того опасалась раздражить его. Долго она молчала, грустно смотря въ

мь, придумывая что бы сказать ему, чѣмъ бы подѣлствовать на него успокоительно.

Чувство Леонида къ Машенькѣ она находила положительно вреднымъ, и порѣшила что такъ или иначе чувство это должно быть искоренено; но чего бы не сдѣлала она, чтобы смягчить необходимыми посѣдствіями крутой мѣры?

Наконецъ Леонидъ заснулъ въ каретѣ; Софья Михайловна осторожно пересѣла на переднюю лавочку къ своей горничной, для того чтобы ему было покойнѣе. Сначала сонъ его былъ тихъ, но потомъ онъ началъ бредить. „Машенька! Машенька! куда ты бѣжишь!“ проговорилъ онъ громко. „Машенька! Машенька!“ закричалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, дѣлая движеніе руками, будто ловилъ ее. Онъ проснулся—и видѣніе исчезло; съ нѣкоторымъ испугомъ осмотрѣлся онъ кругомъ, опомнился, и снова бросился въ подушки, и опять слезы, и опять рыданія... „Боже мой! да когда же это кончится?“ прошептала Софья Михайловна, и быстро опустила вуаль, чтобы скрыть собственные слезы.

Такъ прошелъ первый день путешествія; наавтра Софья Михайловна предложила Леониду читать вмѣстѣ одинъ романъ, въ которомъ положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ напоминало его собственное положеніе. Сначала онъ слушалъ нехотя, но потомъ, мало-по-малу, вниманіе его было возбуждено выраженіемъ его собственныхъ ощущеній; наконецъ эти дѣйствующія лица уже сами по себѣ заинтересовали его, и кончилось тѣмъ, что чтеніе это очень разсѣяло его. Пріѣхавши въ Петербургъ, Софья Михайловна первая напомнила Леониду о томъ, что онъ могъ бы написать къ Машенькѣ. Сначала онъ съ жаромъ ухватился за эту мысль, но когда онъ сталъ писать, то живо почувствовалъ недостаточность такого утѣшенія, и отбросивъ нетерпѣливо перо, снова заплакалъ. Тогда его мать явилась утѣшительницею, и онъ, нисколько не стѣсняясь, постоянно говорилъ съ ней о Машѣ. Это его видимо облегчало. Кроме того, Софья Михайловна постоянно выѣзжала съ нимъ и ввела его въ очень изысканный кругъ общества, гдѣ онъ былъ принятъ очень благосклонно; по крайней мѣрѣ, онъ не скучалъ. Кроме того, она постаралась заинтересовать Леонида самимъ собою: и дѣйствительно, онъ нашелъ что положеніе

его очень интересно. Подъ конецъ онъ такъ занялся этимъ положеніемъ, что Машенька и его истинное чувство къ ней отодвинулись на задній планъ.

Софья Михайловна какъ-то разъ замѣтила Леониду, что обтоятельства Машеньки должны быть очень стѣсненные, но что во всякомъ случаѣ предложить ей денежное вспомошествованіе никакъ нельзя: это ее оскорбитъ; но какой-нибудь очень богатый подарокъ, который она сама могла бы превратить въ деньги, она, вѣроятно, приметъ. Леонидъ вполнѣ съ этимъ согласился. Софья Михайловна дала ему значительную сумму денегъ и сказала, чтобъ онъ распорядился ею какъ хочетъ. Леонидъ былъ глубоко тронутъ этимъ поступкомъ матери; онъ съ увлеченіемъ благодарилъ ее; потомъ отправился къ лучшему ювелиру, купилъ великолѣпную брилліантовую цѣпочку и послалъ ее Машѣ. Сначала онъ все придумывалъ, чтобы написать ей при этомъ, но потомъ порѣшилъ, что лучше ничего не писать, а отправить только подарокъ; впрочемъ онъ не думалъ скрываться, и собственноручно подписывалъ посылку.

VIII.

Машенька провела у Анны Андреевны безсонную ночь наканунѣ отъѣзда Бухаровыхъ. На другой день она встала очень рано, и выйдя за городъ, пошла по большой дорогѣ. Ей хотѣлось еще разъ взглянуть на Леонида: это былъ бы послѣдній лучъ радости, а за тѣмъ наступала такая тьма, что Машенька не имѣла рѣшимости подумать о своемъ будущемъ. Недалеко отъ города расположилась обозъ чумаковъ, и при видѣ этихъ тѣсно стоявшихъ подводъ, Машенькѣ пришло въ голову спрятаться за ними въ ожиданіи проѣзда Бухаровыхъ. Она подошла къ одному изъ чумаковъ, и ласково спросила его:

— Можно мнѣ тутъ отдохнуть?... между этихъ подводъ?...

Добродушный замазанный хохолъ вытаращилъ свои сѣрые глаза, и минуты три, не моргнувъ, пристально смотрѣлъ на нее.

— Нехай, наконецъ сказалъ онъ.

Машенька съ жаромъ поблагодарила его, и поспѣшила забраться между двухъ возовъ. Изъ города выѣзжалъ экипажъ, подымая густое облако пыли. Бѣдная дѣвушка чувствовала, что сердце ея забилось усиленно, въ глазахъ сдѣлалось темнѣй, и она обезсилѣла отъ волненія, овладѣвшаго ею. Вотъ карета быстро приближается, но ее все еще заслоняетъ поднятая ею пыль... а вотъ теперь видно: вотъ на передней лавочкѣ сидитъ горничная, а вотъ Софья Михайловна въ дорожномъ платьѣ, а вотъ подлѣ нея вѣроятно.... но карета проскакала мимо.... Леонидъ сидѣлъ въ самомъ углу кареты, и Машенька не могла видѣть его. Карета катится далѣе, оставляя за собой струю густой сѣрой пыли. Вчерашній день Машенька была сильна одною, послѣднею надеждою, что еще разъ увидитъ Леонида, хотя онъ и не замѣтитъ ея, еще разъ взглянетъ на него, и вотомъ будетъ думать о немъ и припоминать какимъ она видѣла его въ каретѣ, какое у него было выраженіе лица, былъ ли онъ очень грустенъ?... И она не видѣла его.... Усѣвшись на одну изъ телегъ, она долго смотрѣла вслѣдъ за удалявшимся экипажемъ и прощалась съ своею послѣднею, завѣтною мечтою еще разъ увидѣть Леонида. Она опивилась только тогда, какъ чумаки начали впрягать своихъ воловъ. Она отошла въ сторону и сѣла на валъ между вожельввшихъ лавицъ. Обозъ тронулся; она долго еще прислушивалась къ скрипу телегъ и къ лѣнивому поучкагью чумаковъ, и смотрѣла на пыль, разстилавшуюся сплошною стѣною вслѣдъ за обозомъ.

Машенькѣ пришло въ голову, что еслибы ей предстояло стравиться въ путь вмѣстѣ съ этимъ обозомъ, и ѣхать долго, долго,—и далеко, далеко,—но что потомъ она была бы вмѣстѣ съ Леонидомъ, съ какимъ наслажденіемъ, сидя на одной изъ этихъ телегъ, она всматривалась бы въ медленное повертываніе колесъ, и думала бы, что каждый шагъ и каждая минута приближаютъ ее къ счастью; съ, какимъ терпѣніемъ она переносила бы скуку и утомленіе дороги, и холодъ, и непогоду. Она засыпала бы каждую ночь, убавканная веселыми мечтами, а просыпалась бы съ отрадною мыслію, что вотъ еще день прошелъ и еще ближе къ сроку. А теперь когда она увидитъ его?

Машенька вернулась домой, и для нея снова началась

тихая, будничная жизнь. Все шло по старому; дѣдушка былъ съ нею все также нѣженъ и ласковъ; и садикъ оставался все тотъ же, и бесѣдка, и дорожка все такія же какъ были.

Прошло уже болѣе трехъ недѣль послѣ отъѣзда Бухаровыхъ, а Анна Андреевна еще ни разу не видала бывшей ученицы своей. Она думала, что лучше оставить Машеньку выплакаться на волѣ; но подѣ конецъ ей захотѣлось повидаться съ ней. Анна Андреевна нашла Машеньку въ ея комнатѣ; она ничего не дѣлала, а сидѣла на стулѣ, сложа руки на колѣняхъ и пристально смотря въ одну точку. Она казалась блѣдною, извуренною; увидавъ Анну Андреевну, она подошла къ ней и молча протянула ей руку; казалось, что и говорить-то ей было не по силамъ.

— Машенька, чтѣ съ тобою? проговорила Анна Андреевна, не въ состояніи превозмочь своего испуга.

— А чтѣ? Я очень измѣнилась и похудѣла; я это знаю, отвѣчала Машенька, какъ-то холодно и равнодушно смотря ей въ лицо.

— Чтѣ ты съ собой дѣлаешь? продолжала съ чувствомъ Анна Андреевна:—вспомни, что тебѣ можетъ быть долго придется еще на свѣтѣ жить; пожалѣй же себя хоть немножко!

— Нѣтъ, я себя не жалѣю; право, мнѣ себя нисколько не жаль, а если жаль, такъ другаго... только вовсе не Леонида; мнѣ кажется, что онъ долженъ быть очень спокоенъ и счастливъ; право, я увѣрена въ этомъ...—Она проговорила это скоговоркой и замолчала.

— Скажи ради Бога, что ты съ собой дѣлаешь? говорила ей Анна Андреевна, не сдерживая своего чувства:—вѣдь на тебя посмотрѣть страшно; чтѣ ты себя мучаешь!

— Я уже сказала, что мнѣ себя не жаль, а жаль другаго... Вотъ видишь ли, Анята, мнѣ нужно поговорить съ тобою, да какъ-то не могу; только это пройдетъ; погода немножко.—Она подошла къ ней и взяла ея руку своими холодными, исхудалыми руками.—Если ты когда-нибудь любила меня и любишь, то тебѣ можно будетъ доказать это на дѣлѣ...

— Говори пожалуйста и будь увѣрена, что я сдѣлаю для тебя все чтѣ только могу.

— Не для меня, мнѣ ничего не нужно, а нужно другому. Машенька дрожала какъ листъ и не подымала глазъ. Анна Андреевна хотѣла подойти къ ней, обнять, ее, но какъ-то не смѣла; ей самой стало такъ страшно, что она едва переводила дыханіе.

— Вотъ видишь ли, продолжала Маша, понижая свой голосъ до такой степени, что ее едва можно было слышать: вотъ видишь ли... у меня будетъ ребенокъ... такъ что же съ нимъ будетъ?.. какъ онъ станетъ жить?..

„Да вѣдь не будетъ же ему хуже чѣмъ тебѣ несчастной,“ чуть не сорвалась съ языка Анны Андреевны, но она удержала этотъ порывъ неподдѣльной горести, и отвѣчала съ вѣжливостью, но твердымъ участіемъ:

— Что жь, Маша, онъ будетъ жить, какъ и другіе живутъ; мы вмѣстѣ будемъ заботиться о немъ..

Голосъ ее порвался отъ слезъ. Она обняла Машу, и положила ей голову къ себѣ на плечо.

У Машеньки точно что-то тяжелое отпало отъ сердца; краска показалась на ея блѣдыхъ, исхудавшихъ щекахъ, во вмѣстѣ съ краской показались и слезы; она долго, долго плакала, но на душѣ ей стало легче и спокойнѣе.

Анна Андреевна думала и заботилась о Машѣ болѣе всего; она сама, и вотъ что она порѣшила сдѣлать: отъ дѣдушки надо было все скрыть, иначе это могло бы убить его; потомъ, когда подойдетъ время, Анна Андреевна найметъ себѣ особую квартиру и Машенька переедетъ къ ней, подъ предлогомъ ходить за Анной Андреевной, какъ за больною. Потомъ Машенька возвратится къ дѣдушкѣ, а ребенка будетъ навѣщать и видѣть у нея.

Вскорѣ Машенька получила по почтѣ бриллиантовую цѣпь; этотъ поступокъ со стороны Леонида сильно порадовалъ ее.

— Аюта, стало-быть онъ мнѣ заплатилъ? спрашивала она трепетнымъ голосомъ, держа въ рукахъ крупные, дорогие бриллианты.

Черезъ нѣсколько дней она подошла къ Аннѣ Андреевнѣ, и сказала ей довольно спокойно:

— Знаешь ли, я очень переживалась въ последнее время; сначала одинъ видъ этой цѣпи приводилъ меня въ отчая-

нѣ, а теперь я нахожу, что она можетъ пригодиться моему будущему ребенку....

У Машеньки родилась дочь, и ее назвали Лидіей. Анна Андреевна крестила ее. Дѣвочка эта была очень мила, и мѣсяцевъ двухъ начала уже улыбаться. Къ этому времени Анна Андреевна сшила ей кружевной чепчикъ съ розовыми лентами, и маленькое личико ребенка такъ мило выглядывало изъ этого чепчика, что дѣвочкой можно было залюбоваться. Крестная мамаша забавлялась ею какъ куклой. Въ комнату тихо вошла Машенька, бѣдная, худая, но съ прежнимъ выраженіемъ безконечной доброты на лицѣ; только теперь къ этому выраженію присоединилась еще постоянная, ровная грусть. Рѣдко, рѣдко лучъ радости или веселости освѣщаль это вѣчно грустное и сосредоточенное, хотя и спокойное, лицо.

— Машенька, да посмотри же какъ эта дѣвочка мила и какъ она на тебя похожа, обратилась къ ней Анна Андреевна.

Машенька остановилась возлѣ качки, и задумчиво смотрѣла на дочь. Дѣвочка таращила глазенки, и потомъ принималась сосать свои крошечные кулачки, или же дѣлала ими неопредѣленные порывистыя движенія; по временамъ она морщила свой лобикъ и дѣлала очень серьезную и даже сердитую гримасу, а потомъ улыбалась безъ всякой причины. Машенька разсмѣялась наконецъ, глядя на нее; потомъ, подумавъ немного, взяла ее на руки, одѣла потеплѣе и собралась выйти изъ дома.

— Куда это ты? спросила удивленная Анна Андреевна.

— Къ дѣдушкѣ, отвѣчала Машенька, и вышла вонъ.

Войдя въ комнату больного старика, Машенька подошла къ нему и тихо опустила на его колѣни маленькую спеленатую дѣвочку.

— Ахъ, какой милый ребенокъ! проговорилъ добродушный старичокъ. — Какъ его зовутъ?

— Это дѣвочка, дѣдушка; зовутъ ее Лидіей.

— Какая славная, какая хорошенькая! Да чья жь она такая?

— Это воспитанница Анюты, отвѣчала Машенька несовсѣмъ твердымъ голосомъ.

— Какая она добрая, эта Анна Андреевна! оказалъ рас-

троганный старикъ, вспоминая ея прежнія заботы о самой Машѣ:—такихъ добрыхъ людей рѣдко встрѣташь; дай ей Богъ здоровья!

Машенька такъ сильно сочувствовала въ эту минуту дѣдушкѣ, что не могла ни слова сказать отъ волненія. Старикъ занялся маленькою дѣвочкой; онъ щекоталъ ее за подбородокъ, или примѣривалъ цвѣты къ ея челпичку.

— Ты мнѣ ее иногда привози, Машенька, коли только Анята позволитъ.

— Съ удовольствіемъ, дѣдушка; непременно буду привозить.

Машенька вернулась домой болѣе оживленная чѣмъ обыкновенно.

— Анята, она очень понравилась дѣдушкѣ и очень его забавила; если это дѣйствительно доставитъ ему удовольствіе, то я конечно буду часто носить ее къ нему. Пусть она утѣшаетъ его, сколько можетъ, хотя онъ и не знаетъ какъ она ему доводится, прибавила Машенька грустно.

Анна Андреевна истощила все свое краснорѣчіе, доказывая ей, что для самого старика гораздо лучше чтобы онъ ничего не зналъ, и что иначе онъ будетъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ на весь коротенькій остатокъ своей жизни. Машенька вполне согласилась, но чувствовала все-таки, что ей очень тяжело обманывать бѣднаго дѣдушку. Потомъ мысли ея опять перешли къ маленькой дѣвочкѣ.

— Пока Лидія будетъ маленькая, мнѣ за нее какъ-то вовсе не страшно: ее будутъ любить, о ней будутъ заботиться; ну а что ожидаетъ ее потомъ, когда она будетъ взрослою дѣвучкой?

Машенькѣ представлялось будущее ея дочери не иначе какъ цѣлымъ рядомъ страданій и обманутыхъ надеждъ. И слова Анны Андреевны нужно было прибѣгать къ утѣшеніямъ и убѣждать ее, что если Лидія будетъ имѣть твердый характеръ и получить порядочное воспитаніе, то она сама составитъ себѣ счастье и устроитъ жизнь свою какъ захочетъ. Утѣшенія эти слабо дѣйствовали на Машеньку.

— Да если она и будетъ несчастна, проговорила она наконецъ съ грустною улыбкой,—такъ что жь?.. Она будетъ переносить горе также какъ и я. Вѣдь не правда ли, Анята, я довольно твердо перекошу несчастье?

Анна Амареевна посмотрѣла на ея исхудалое, истомлен-
ное лицо, на ея угасшіе, грустные глаза, и никакъ не мог-
ла съ ней согласиться; но она не хотѣла отнять у нея и
этого крошечнаго утѣшенія, той увѣренности, что она твердо
переноситъ свое горе,—и отвѣчала ей ободрительно:

— Ну, да ты у меня молодецъ, когда только не подда-
ешься грустными мыслями.

Она ласково обняла Машеньку и поцѣловала ее; но та
помяла, что Анна Амареевна говоритъ противъ себя, и
нѣжно посмотрѣвъ ей въ глаза, улыбнулась ей съ чувствомъ
глубокой благодарности.

IX.

А что же подѣлывалъ въ это время нашъ знакомый Иванъ
Ивановичъ Травкинъ? Къ концу того дѣла, въ кото-
рое мы съ нимъ познакомились, онъ приходилъ въ страш-
ное сматеніе: какъ и гдѣ ему можно будетъ видѣться съ
Машей въ продолженіе всей зимы? Она, пожалуй, вовсе
не будетъ выходить изъ дому: что жъ тогда дѣлать? —
заберетъ ея садикъ сугробами, ляжетъ снѣгъ на песчанныя
дорожки, на грады отцвѣтшихъ цвѣтовъ; ужъ не будетъ
она больше гулять по саду; не будетъ рвать цвѣты ду-
шистые... Такъ гдѣ жъ наконецъ онъ ее увидитъ?

Травкинъ порѣшилъ, что ему надо познакомиться съ ста-
рикомъ Валенинымъ; а исполнить это было вовсе не трудно.
Дѣдушка принялъ его очень радушно и просилъ навѣщать
ихъ какъ ему только вздумается, если только Иванъ Ива-
новичъ не соскучится съ ними. При этомъ Травкинъ такъ
сконфузился и растерялся, взглянувъ на Машу что не могъ
ни слова сказать въ отвѣтъ. Онъ сталъ довольно часто по-
сѣщать Валениныхъ и по цѣлымъ часамъ сидѣлъ молча
въ отдаленномъ углу, не отрывая глазъ отъ Маши. Все смот-
рѣлъ, да смотрѣлъ, а что онъ въ это время думалъ, Богъ
его знаетъ; только подководецъ онъ пришелъ къ заключенію,
что Машенька перемѣнилась.

— Право, маменька, перемѣнилась; совсѣмъ не то, что
прежде была, говаривалъ онъ своей матери:— и что это
съ ней такое, придумать не могу.

Къ нему въ душу закрадось сомнѣніе; онъ сталъ дога-
дываться, припоминать прошедшее, свѣдѣть за настоящимъ.

Вокоръ всё его сомнѣнія разрѣшились, потому что участь Машеньки стала известна всѣмъ болѣе или менѣе знавшимъ ее.

Бѣдный Травкинъ ходилъ какъ въ воду опущенный, къ Валениныиъ болѣе не заглядывалъ, съ матерью о Машенькѣ не говорилъ ни слова, и когда добрая старушка, слышавшая обо всемъ стороной, въ первый разъ начала было разговоръ объ этомъ, — онъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и такъ перебѣжился въ лицѣ, что она дала себѣ зарокъ никогда не напоминать ему о Машѣ.

У Травкина былъ другъ и пріятель, Василій Трофимовичъ, котораго онъ очень любилъ, и былъ съ нимъ когда-то очень откровененъ. Этотъ Василій Трофимовичъ, узнавъ обо всемъ случившемся, сказалъ ему въ присутствіи многихъ чиновниковъ:

— Ну, братъ Валя, ищи себѣ другую невѣсту; хорошо, что эта себя во время показала, а вѣдь на видъ-то поди какую смиренницей прикидывалась.

Травкинъ посмотрѣлъ на него растерянными, испуганными глазами, попытался что-то сказать, но, не найдя словъ, всталъ и вышелъ изъ канцеляріи.

„Такъ вотъ какъ... о ней уже всё говорятъ, бродило у него въ головѣ; надъ нею всё ужъ смѣются... и точно они радуются, точно имъ весело! Вася-то, Вася-то каковъ! Тоже смѣется! Или онъ самъ не испыталъ никакого горя?.. или онъ вовсе не понимаетъ, какъ это люди страдаютъ?.. Вотъ посмотрѣлъ бы я, еслибы съ нимъ что случилось; еслибы онъ впалъ въ бѣдность, въ нищету; еслибы начальники стали притѣснять его да выгнали бы изъ службы... еслибы Богъ все это на него наслалъ, вотъ тогда-то я бы посмотрѣлъ, такъ ли бы онъ сталъ говорить.“

Травкинъ говорилъ отъ чистаго сердца; въ эту минуту онъ ненавидѣлъ своего бывшаго пріятеля, и дѣйствительно желалъ ему всѣхъ этихъ золъ. Возвратившись домой, онъ былъ такъ встревоженъ, что весь день прослонялся изъ угла въ уголъ, ничего не дѣлая; даже и ночь провелъ онъ почти всю безъ сна. Проснувшись рано по-утру, онъ вышелъ бродить по городу. День былъ воскресный и присутствія не было. Начали благовѣстить къ ранней обѣднѣ. Травкинъ направился было въ церковь, когда увидалъ на противоположномъ тротуарѣ женщину подъ вуалью, и съ

маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Это была Машенька; она шла съ наклоненною головою, видимо избѣгая всякой встрѣчи и не желая быть никѣмъ замѣченной. У Травкина сердце замерло: онъ сильно испугался при мысли, что можетъ-быть она подниметъ голову, и глаза ихъ встрѣтятся. Онъ бросился въ первый проулокъ и ни разу не обернулся назадъ. Когда онъ пришелъ домой, на него успокоительно подѣйствовало видѣ маленькихъ бѣдныхъ комматокъ, чистоубранныхъ, выметенныхъ и вымытыхъ. Его старуха-мать, каждый праздникъ и каждое воскресенье, чистила и убирала весь домъ, а потомъ рано отправлялась на кухню и сама готовила для Ванюшки его любимый пирогъ или вкусный кусокъ жареной говядины. Она и въ этотъ разъ была уже на кухнѣ. Пѣвалъ Ивановичъ снялъ со стѣны гитару, и усѣвшись на жесткомъ ситцевомъ диванѣ, затянулъ звучнымъ и пріятнымъ, хотя необработаннымъ голосомъ, одну изъ любимыхъ имъ пѣсень Кольцова. Услышавъ это пѣніе, добрая старушка встрепенулась. „Мать пресвятая Богородица! что это съ нимъ сегодня? или у него изъ памяти вошь, что нынче воскресенье и что недавно только къ ранней обѣдѣ отблаговѣстили.“

Старушка набожно перекрестилась, и поставивъ въ уголъ ухватъ, которымъ была вооружена, направилась было вошь изъ кухни, но остановилась только на минутку, на одну коротенькую минутку, чтобы досыпать конецъ пѣсни. И какая это была сладкая пѣсня! Въ ней слышалось столько тоски, столько заунывной печали, что въ душу сама собою напрашивалась тихая грусть, и на глазахъ навертывались слезы. Пѣсня кончилась, но вслѣдъ за ней, почти безостановочно послѣдовала другая, такая же заунывная, говорившая о такомъ же глубокомъ и незабвенномъ горѣ. Старушка остановилась, пригорюнилась, и по лицу ея потекли слезы; а между тѣмъ она все такъ же заботливо смотрѣла за огнемъ, и наблюдала чтобы не перекипѣла вода въ чугунѣ. Иванъ Ивановичъ долго еще пѣлъ; пѣсня смѣнялась одна другою, и въ каждой изъ нихъ выражалось то сердечная кручина, то безтаданная долюшка, то загубленная молодость и на вѣки потерянное счастье; съ каждою пѣсней выраженіе тоски и печали все усиливалось, и дошло наконецъ до отчаянія. А старушка все стояла и слушала. Но вдругъ она вздрогнула и измѣнилась въ

лицъ... что это такое?.. До нея доносился все тотъ же голосъ, звуки все той же гитары, но пѣніе изъ заунывнаго и печальнаго вдругъ перешло въ разгульное, бѣшеное, плясовое, цыганское... началась какая-то буйная, неудержимая оргія. Травкинъ могъ бы показаться истымъ цыганомъ; глаза его горѣли, онъ встряхивалъ головой, сильно билъ по струнамъ, и его чистый, звучный голосъ бралъ бѣшено веселыя и рѣзкія ноты. Но пѣсня эта продолжалась не болѣе минуты; да она на пѣсню и не была похожа, — это было что-то въ родѣ внезапнаго хохота или крика. Потомъ послышался трескъ; Иванъ Ивановичъ ударилъ объ полъ гитарой, и она въ дребезгу разбилась. При этомъ трескѣ старушка снова вздрогнула; послѣдняя пѣсня такъ потрясла ея нервы, что ея слезы перешли въ глухія рыданія... Лишь спустя нѣскольکو времени она рѣшилась войти къ сыну. Онъ сидѣлъ въ углу дивана и, казалось, немного успокоился, но все еще былъ блѣденъ и, опустивъ голову, смотрѣлъ внизъ. На полу у его ногъ валялись осколки гитары; старушка нагнулась и молча стала подбирать ихъ; она догадывалась, что не должна говорить о случившемся, ни даже показывать видъ, что понимаетъ положеніе сына, потому что и въ этомъ была частица Маша.

— Что это, Валячка, какой ты неосторожный!.. Какъ это ты гитару могъ расколоть?.. Да еще поутру въ воскресенье пѣть началъ.

Не получивъ никакого отвѣта, старушка тихо вышла вонъ, оробѣвъ не сказала ли она и тутъ слишкомъ много.

Черезъ нѣсколько времени къ Травкину явился Василій Трофимычъ, блѣдный, измученный, и разказалъ ему о своемъ бѣдственномъ положеніи: бѣдняга потерялъ нѣсколько десятковъ рублей изъ казенныхъ денегъ, и приходилъ въ совершенное отчаяніе, не имѣя никакой возможности поправить дѣла. Травкинъ почувствовалъ что-то въ родѣ угроженія совѣсти; онъ не вѣрилъ чтобъ онъ могъ наказать бѣду на кого бы то ни было, но ему было совѣстно и страшно вспомнить, что онъ хотя на одну минуту могъ пожелать своему пріятелю всякаго зла. Иванъ Ивановичъ отдалъ своему другу все, что у него было въ валячности денегъ, и въ случаѣ крайней необходимости обѣщавъ ему занять на свое имя.

„ Вотъ бы я теперь продалъ для него гитару, кабы

только не сомнѣя ея," думалъ онъ про себя.— Да ты, Вася, не убивайся, сдѣлай милость не убивайся. Что жъ въ этомъ толку-то совсѣмъ до отчаянiя доходить. Ужь повѣрь, что я сдѣлаю все что могу для тебя, а ты не убивайся... Только вотъ что, Вася... я тебя объ одномъ, въ жизнь свою объ одномъ только и буду просить: не говори ты никогда ничего дурнаго... ну, ты знаешь о комъ... о Марьѣ Васильевнѣ... Не намъ, братъ, съ тобой судить, — не намъ говорить... развѣ мы что-нибудь съ тобой знаемъ?... Ничего мы не понимаемъ, а потому и не смѣемъ говорить...

Ему было больно и тяжело обвинять и безъ того уже огорченнаго человѣка. Василій Трофимычъ обѣщалъ ему все на свѣтѣ, и увѣрялъ что никогда не забудетъ такого одолженiя.

Х.

Прошло болѣе года; начиналось лѣто. По садику Валентиныхъ гуляла Маша между распустившихся цвѣтовъ и кустарниковъ, а за нею, переваливаясь съ боку на бокъ, бѣжала маленькая хорошенькая дѣвочка. Въ садикъ вошелъ Травкинъ, и по прежнему смутился какъ только увидѣлъ Машу; но вскорѣ лицо его снова приняло серьезный, сосредоточенный и торжественный видъ; казалось, онъ готовился къ чему-то особенному. Онъ попросилъ Марью Васильевну выслушать его, и началъ тихимъ, прерывающимся голосомъ:

— Вы меня простите, если я не сумѣю говорить съ вами какъ должно; что же съ этимъ дѣлать, тутъ ужъ не моя вина; а чувствую я, ей-Богу, не хуже другихъ... Только я боюсь, чтобы вы, пожалуй, не обидѣлись; а вѣдь, право, мнѣ больше всего на свѣтѣ хотѣлось бы, чтобы вы ничѣмъ не огорчились. Я знаю, вы могли бы всякаго и получше меня осчастливить, — да что же дѣлать, — не всѣ васъ понимаютъ... а вѣдь я... конечно, я ничѣмъ другимъ, можетъ, и не взялъ, за то вѣдь ужъ любить-то я васъ буду больше блага свѣта, больше родной матери, больше всего, всего на свѣтѣ...

По лицу Травкина струились слезы, но онъ ихъ не замѣчалъ; сквозь эти слезы онъ смотрѣлъ на Машеньку глазами, переполненными какой-то материнской, без-

завѣтной, почти болѣзненной любви. Машенька была строгой до глубины души и вмѣстѣ съ тѣмъ она сознавала свое безвыходное положеніе; она страдала, и привлекая къ себѣ маленькую Лидію, нагнулась надъ ней и громко зарыдала.

— Марья Васильевна! скажите ради Бога, что съ вами, спросилъ ее Травкинъ, едва имѣя силы переносить ея горе.—Можетъ-быть вамъ неприятно что я сейчасъ говорилъ, такъ вы скажите мнѣ только, скажите хоть одно слово, и я ужь никогда во всю жизнь не заговорю съ вами объ этомъ.

Машенька отрицательно покачала головой.

— Такъ не о Лиденькѣ ли вы плачете? продолжалъ онъ вкрадчивымъ, мягкимъ голосомъ, но такъ тихо, что она едва могла слышать.—Клянусь вамъ, клянусь всѣмъ на свѣтѣ, что я сталъ бы любить ее какъ родную дочь; да и теперь-то развѣ я ее не люблю, такъ люблю, что все бы для нея сдѣлалъ: я бы сталъ заботиться о ней, почитать ее, стараться, чтобъ она ни въ чемъ нужды не имѣла. Вѣдь она такая славенькая... а ужь на васъ-то какъ похожа... я думаю, вы были точь въ точь, когда были такія же крошечныя... О чемъ же вы плачете?.. Такъ стало-быть я не могу ничѣмъ васъ утѣшить?.. Ничѣмъ?..

Машенька подняла на него свои заплаканные глаза.

— Иванъ Ивановичъ, проговорила она голосомъ, прерывавшимся отъ рыданій,—я теперь не въ силахъ говорить съ вами, право не въ силахъ... Лучше уйдите... Я буду отвѣчать вамъ послѣ.

Онъ молча направился было къ калиткѣ, но она поспѣшно вернула его и, дружески взявъ его за руку, съ жаромъ проговорила:

— Вы очень добрый, вы отличный человѣкъ! Вы лучше, гораздо лучше всѣхъ, кого я знаю!

Травкинъ грустно посмотрѣвъ на нее, молча выпустилъ ея руку и вышелъ изъ сада.

Оставшись одна, Машенька на свободѣ предавалась полному отчаянію; она чувствовала и сознавала, что уже не можетъ быть счастлива, а вслѣдствіе этого не можетъ и другому доставить счастья. Быть женою Травкина она никогда не согласится: развѣ она его стоитъ? Онъ несравненно

выше и лучше ея; но это ничего: отъ него она согласилась бы принять и жертву, и благодареніе; но она-то, она-то что дастъ ему въ замѣнъ? Вѣдь ему нужно одно только, вѣдь онъ одного только и жаждетъ — ея счастья; а развѣ она можетъ быть счастлива?.. Развѣ это возможно?.. Прошедшее вставало какимъ-то страшнымъ привидѣніемъ, доводившимъ ее до ужаса, до отчаянія. Она преклонялась передъ Травкинымъ, она боготворила его, но все-таки не любила; ей казалось, что она и не посмѣетъ его полюбить. Она думала въ первую минуту, что ненавидитъ себя при сравненіи съ нимъ; но это было несправедливо; она не была способна на такое чувство, — ей было только жаль себя, такъ жаль, что и высказать невозможно. И Леонида было ей жаль, зачѣмъ онъ сталъ между Травкинымъ и возможнымъ для него счастьемъ? Жаль и Лидію, зачѣмъ она не большая, зачѣмъ не можетъ оцѣнить и полюбить Травкина и осчастливить его своею любовью? А на себя она смотрѣла какъ на умирающаго въ послѣдней агоніи; она уже не для кого утѣшеніемъ и отрадой быть не можетъ, потому что сама счастьемъ наслаждаться не въ состояніи. Подъ тяжестью этого горькаго сознанія она ослабѣвала, изнемогала...

Травкинъ не являлся за отвѣтомъ, потому что ждалъ указанія отъ Маши, а она не рѣшалась призвать его, не имѣя сказать ему ничего утѣшительнаго; но она ждала его со дня на день и находилась постоянно въ самомъ напряженномъ и неспокойномъ состояніи. Вскорѣ она совершенно неожиданно получила письмо отъ Леонида. Вотъ что содержало въ себѣ это письмо:

„Милая Машенька! Вотъ уже скоро два года съ тѣхъ поръ какъ мы разстались; но не думай, чтобы я тебя забылъ въ эту долгую разлуку; нѣтъ, я все также люблю тебя; если же ты перемѣнилась и разлюбила меня, то признайся мнѣ въ этомъ прямо, откровенно и будь увѣрена, что я не стану негодовать. Я же съ своей стороны буду съ тобой совершенно откровененъ и разкажу тебѣ все какъ было, а ты суди меня и осуждай, если найдешь за что. Матеръ больше всего на свѣтѣ заботится о моемъ счастьи и доказала мнѣ очень основательно, что прежде нежели поступать рѣшительно, я долженъ былъ увѣриться на дѣлѣ, дѣйствительно ли мое чувство къ тебѣ такъ прочно,

какъ я предполагалъ. Вслѣдствіе этого убѣжденія я долженъ былъ думать о тебѣ какъ можно меньше, не писать къ тебѣ, стараться тебя забыть. Теперь, милая Машенька, ты тѣмъ болѣе можешь быть увѣрена въ искренности моего чувства, что прошедши чрезъ всѣ эти испытанія, я чувствую, что все-таки сильно люблю тебя, и память о тебѣ во мнѣ не изгладится. Я люблю тебя столько, что даже не повѣрилъ всему что говорили мнѣ о тебѣ: будто ты любишь Травкина, и даже выходишь за него замужъ, и еще множество разныхъ неистостей... Конечно, я этому не вѣрю и боюсь даже, не оскорбилъ ли я тебя, что пишу объ этомъ. Теперь моей маман со мною нѣтъ; она уѣхала на короткое время изъ Петербурга, и я какъ-то особенно часто и много думаю о тебѣ; ты мнѣ являешься какимъ-то милымъ, очаровательнымъ призракомъ. Милая, милая Мама, я тебя очень люблю! Пиши ко мнѣ пожаауста и скажи, измѣнилась ли ты ко мнѣ? Я никакъ не придумаю, на что мнѣ рѣшиться, и не соображу, какъ мнѣ надо дѣйствовать; помоги мнѣ. Не знаю, будетъ ли мнѣ возможно пріѣхать къ тебѣ это лѣто; не лучше ли будетъ, еслибы ты могла сама пріѣхать сюда; денегъ я бы тебѣ выслалъ сколько угодно. Машенька, неужели ты этого не сделаешь? Еслибы ты знала, съ какимъ нетерпѣніемъ и съ какимъ восторгомъ я сталъ бы ожидать тебя. Пріѣзжай, милая, очаровательная моя Мама. Нѣжно обнимаю тебя и цѣлую тысячу, милліонъ разъ. Весь твой, Леонидъ Бухаровъ.“

Машенька прочла это письмо и улыбулась; лицо ея приняло такое же доброе и кроткое выраженіе, какъ когда она смотрѣла на Лидію. Но отвѣчать было для нея довольно трудно. Неужели она все сообщитъ Леониду? Неужели она разкажетъ ему, какъ она страдала и что перенесла въ эти два года, какъ она перемѣнилась? Вѣдь ужъ конечно она не то что была; она и теперь любитъ Леонида, но какъ-то иначе, совершенно иначе противъ прежняго; и смотреть на него иначе, и на себя смотреть не такъ, и ясно видѣть невозможность ихъ взаимнаго счастья, несостоятельность ихъ прежнихъ надеждъ. Но какъ же высказать ему все это?—вѣдь это его огорчитъ. Разъ навсегда признавъ за собою невозможность дѣйствовать успокоительно и от-

радно на близкихъ ей людей, она по крайней мѣрѣ всѣми силами старалась не огорчать и не оскорблять ихъ. Наконецъ, послѣ долгихъ и тяжкихъ размышленій, вотъ что она отвѣчала Леониду:

„Я никогда еще не говорила съ тобою такъ, какъ собираюсь говорить теперь; да и не мудро: я нѣсколько перемѣнилась, стала серьезнѣе и разсудительнѣе и въ настоящую минуту прежде всего обращаюсь къ твоему благоразумію, въ которомъ я и не сомнѣваюсь послѣ того какъ ты послушался совѣта твоей мамы и велъ себя такъ осторожно въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ. (Тутъ Машенька остановилась и задумалась: не найдеть ли онъ эту фразу слѣшкомъ жесткою; но кончилось тѣмъ, что она ея все-таки не вычеркнула.) Конечно, ты сталъ бы искать въ нашемъ соединеніи счастья для насъ обоихъ, но я вполне убѣждена, что счастье это невозможно для насъ. При другихъ условіяхъ, вѣроятно, было бы иначе; но мы родились въ разныхъ сферахъ; насъ раздѣляетъ все: и не согласіе твоей матери, и мнѣніе твоихъ знакомыхъ, и общественные законы, и отчасти даже наши собственные понятія. Зачѣмъ же возставать и бороться противъ всего этого, когда можно видѣть заранѣе, что силъ не достанетъ? Будь также разсудителемъ какъ и я: дружески протянемъ одинъ другому руку и оставимся на вѣкъ друзьями, но болѣе—ничѣмъ. Преданная тебѣ, М.“

Болѣе Машенька ничего не написала; и это стоило ей большихъ усилій, да и показалось ей достаточнымъ. Она старалась даже измѣнить свой почеркъ, чтобы какъ можно менѣе напоминать Леониду прежнюю любящую и дорогую ему Машу,—чтобъ ему было не такъ тяжело оторваться отъ всякой надежды...

Машенька давно уже чувствовала, что ей не здоровится, но все превосходила себя, а между тѣмъ ей становилось со дня на день все хуже и хуже, и наконецъ она слегла.

Травкинъ былъ увѣренъ, что ему нечего надѣяться на благоприятный отвѣтъ, но все же ему хотѣлось по крайней мѣрѣ видѣться съ Машей, и потому, не дожидаясь вызова съ ея стороны, онъ рѣшился навѣстить ее. Тутъ только онъ узналъ, что она больна, и по ея желанію вошелъ къ ней въ комнату. Она лежала въ постелѣ, худенькая, слабая, но все съ тѣмъ же добрымъ привѣтли-

вымъ взглядомъ. Лидія сидѣла у ея ногъ, и разбирала до-
скутики.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, сказала больная, протягивая ему свою блѣдную исхудалую руку.— Благодарю васъ, что вы пришли меня навѣстить. Ну какъ ваша ма-
мелъка, здорова ли она?

— Ничего-съ... слава Богу здорова... А что жь это вы-то захворали, Марья Васильевна?... Что это съ вами?

Онъ говорилъ такимъ задумчивымъ и ласковымъ голо-
сомъ, съ какимъ только нѣжная мать обращается къ боль-
ному ребенку.

— Да я немного заболѣла, отвѣчала Маша грустно: —
впрочемъ боли я никакой особенной не чувствую, а такъ
что-то не хорошо... очень не хорошо... Вы видѣли мо-
его дѣдушку? Какъ онъ, бѣдный, огорченъ!

Она заплакала.

— Марья Васильевна, да вы не огорчайтесь, ради Бога,
не огорчайтесь. Богъ дастъ, вамъ скоро лучше будетъ...
Вы непременно поправитесь.

— Да... можетъ-быть: Ну, а если нѣтъ...

— Перестаньте, Марья Васильевна, какъ это можно го-
ворить!

— Но все же не лишнее поговорить объ этомъ заранѣ;
вѣдь все можетъ случиться... Вотъ видите ли что я хотѣла
вамъ сказать: вы такой добрый человекъ, какихъ
мало на свѣтѣ, а мнѣ страшно оставлять мою бѣдную Ли-
деечку совершенно одну... такъ вотъ я и хотѣла васъ по-
просить... если меня не будетъ на свѣтѣ, не оставляйте
ее... постарайтесь, чтобъ она была такая же добрая, какъ
вы...

Она закрыла лицо руками и заплакала. Травкинъ стоялъ
передъ нею блѣдный, разстроенный, едва переводя дыха-
нiе, и насклау могъ проговорить:

— Да вы будете здоровы... Вы непременно выздору-
вѣете...

Потомъ онъ задумался; грудь его высоко подымалась, и
онъ съ трудомъ сдерживалъ рыданiя. Наконецъ онъ на-
гнулся къ Машенькѣ, и сказалъ ей подавленнымъ голосомъ:

— Послушайте, Марья Васильевна... вѣдь онъ живетъ въ
Петербургѣ... Бухаровъ-то?... вѣдь онъ тамъ?... Такъ я
свѣзжу за нимъ и привезу его сюда... хотите?...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, проговорила Машенька съ испугомъ.—Пожалуйста не дѣлайте этого... я не хочу...

— Такъ я, значитъ, ничего не могу для васъ сдѣлать?... ничѣмъ не могу вамъ помочь?...

— Напротивъ, вы утѣшаете меня сами собою, мнѣ приятно быть съ вами... Вы такъ успокоительно на меня дѣствуете.

Травкинъ почувствовалъ лихорадочную дрожь.

— Помните, о чемъ мы говорили съ вами въ послѣдній разъ?.. Ну, когда вы выздоровѣете, этому не бывать?..

Машенька задумалась. Она будто припоминала что-то, или старалась что-то предугадать; только она долго думала, а потомъ ласково посмотрѣла на Травкина, и сказала ему:

— Ну, хорошо... Когда я выздоровѣю, тогда буду согласна...

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, она взяла его руку и съ чувствомъ ее поцѣловала. Ей было какъ-то совѣстно передъ нимъ, точно она его обманула.

Травкинъ совершенно растерялся; онъ громко зарыдалъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

XI.

Съ годами домикъ Валеевыхъ много измѣнился; къ нему придѣлали пристройки, и на видъ онъ точно разросся, какъ разрослись кустарники сирени, жимолости и розъ, которыми испещренъ садикъ, прилежащій къ дому. Въ этомъ садикѣ, по чистымъ песчанымъ дорожкамъ, бѣгаетъ хорошенькая рѣзвая дѣвочка лѣтъ семи или восьми. Въ домѣ, окна выходящія въ садъ отворены, и изъ нихъ поминутно кто-нибудь выглядываетъ, чтобы посмотрѣть за бѣготнею рѣзвой дѣвочки и сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ. Дѣвочка весело и беззаботно отвѣчаетъ, смѣется, прыгаетъ, а иногда пробуетъ даже взлѣзть по стѣнѣ къ окну, такъ чтобъ ее можно было достать и поставить въ комнату. Въ домѣ теперь гораздо люднѣе и шумнѣе чѣмъ было прежде, и всѣ комнаты перемѣнили свое назначеніе. Въ той темной

угольной, гдѣ лежалъ старый больной Валенинъ, помещается теперь хотя и старая, но еще крѣпкая и свѣжая женщина, мать Ивана Ивановича Травкина; маленькая Лидія спитъ съ нею. Травкинъ занимаетъ бывшую комнату Маши, а въ пристройкѣ живетъ Анна Андреевна съ мужемъ. Ея мужъ—человѣкъ очень умный и дѣльно образованный, но на видъ немножко загрубѣлый и даже неотесанный. Дѣтей у нихъ нѣтъ, но Лидія замѣняетъ имъ родную дочь, и они любятъ ее какъ собственного ребенка. А Иванъ Ивановичъ души въ ней не чаетъ; онъ по цѣлымъ часамъ любитъ ее, и при этомъ у него иногда навертываются слезы на глазахъ, когда онъ думаетъ о Машенькѣ, о своей милой, незабвенной Машенькѣ. Онъ вспоминаетъ, какъ она скончалась шесть лѣтъ тому назадъ послѣ непродолжительной, но томительной болѣзни; а онъ, безумный, все надѣялся на ея выздоровленіе и ожидалъ, что она согласится быть его женою! Дѣдушка очень скоро послѣдовалъ за Машенькой; онъ не могъ перенести этой утраты. Домъ его, по завѣщанію, достался Аннѣ Андреевнѣ; она и переселилась въ него еще до замужества, а когда вышла замужъ, то предложила Травкину съ матерью переѣхать къ нимъ на общее хозяйство. И между этими добрыми, любящими людьми, маленькой дѣвочкѣ житье было славное. Старушка Травкина баловала и ласкала ее, припасала ей разные лакомства, и всегда за нее заступалась. Къ неопи-санной радости Ивана Ивановича, Лидія звала ее не иначе какъ бабушкой. Анна Андреевна съ любовью и заботливостью занималась ея воспитаніемъ, при чемъ ей помогалъ ея мужъ, а Иванъ Ивановичъ дѣйствовалъ на нее какъ солнце на растеніе: онъ всегда былъ готовъ пригрѣть и приголубить ее.

Лидія была очень рѣзвая, даже шаловливая дѣвочка; любимую ея игрой было бѣгать и скакать по саду, или же нарядившись мальчикомъ, прыгать по ступямъ и табуретамъ. Но она забывала и свой нарядъ, и усы проведенные жженною пробкой по ея пухленькимъ розовымъ щекамъ, когда мужъ Анны Андреевны начиналъ разказывать своимъ краснорѣчивымъ, но простымъ и твердымъ слогомъ, разные эпизоды изъ своей жизни. Лидія слушала его умныя и задушевные разказы съ напряженнымъ и глубокимъ вниманіемъ.

Такъ часто проводила она длинные зимние вечера, и заслушавшись, сидѣла вмѣстѣ съ большими до поздней ночи. И когда кончались разказы, она бывала такъ возбуждена, что не рѣшалась уходить спать, боясь, что безъ нея опять будутъ разказывать, садилась на кофѣи къ Травкину, и наконецъ-то засыпала подъ его тихій напѣвъ, убаюканная его вѣжками, материнскими ласками.

Еслибы бѣдная Машенька знала, что ея Лидіи будетъ такъ хорошо, она умерла бы спокойнѣе и еще съ большимъ признательностію къ окружающимъ людямъ.

(До слѣд. №.)

Р. ГАРДНЕРЪ.

ТЕОРІЯ И ПРАКТИКА ЯСНОПОЛЯНСКОЙ ШКОЛЫ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ ТУЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ.

Ясная Поляна. Журналъ педагогическій, издаваемый гр. Л. Н. Толстымъ. Москва. 1862.

Появленіе новаго педагогическаго журнала *Ясная Поляна*, безъ сомнѣнія, очень порадовало друзей народа и образованія.

Тульская же гимназія съ особенною симпатіей можетъ привѣтствовать это новое изданіе. Она имѣетъ въ немъ, кромѣ общаго, еще свой мѣстный, нѣсколько родственныи интересъ. На ея глазахъ выросла молодая школа, которой оригинальное устройство стало теперь знакомо публикѣ посредствомъ замѣчательнаго двухмѣсячнаго отчета редактора *Ясной Поляны*, устроителя и вмѣстѣ учителя этой самой школы. Педагогическая дѣятельность графа Л. Н. Толстаго извѣстна нашей гимназіи не по одному журналу, не въ одной теоріи. Оттого-то, болѣе чѣмъ на комъ-нибудь другомъ, на учителѣ тульской гимназіи лежитъ обязанность выступить для обсужденія вопросовъ затронутыхъ *Ясною Полянью*, и высказать о новомъ журналѣ и новой школѣ свое сильное мнѣніе.

Мы воздержимся теперь отъ всякихъ общихъ сужденій, отъ всякихъ бездоказательныхъ похвалъ и упрековъ журналу. Намъ кажется удобнѣе и для себя, и для читателя, сдѣлать сначала замѣчанія на отдѣльные вопросы, которые мы почему-либо считаемъ важными, и потомъ уже, въ концѣ статьи, высказать свое заключительное мнѣніе о цѣломъ журналѣ. Мы предполагаемъ, что читатель нашъ прочтетъ *Ясную Поляну* прежде чѣмъ выслушаетъ замѣчанія на нее, и поэтому избавляемъ себя отъ труда систематически излагать ея сущность. Зато мы постараемся расположить свои замѣтки такъ, чтобы читатель постепенно знакомился съ основными положеніями *Ясной Поляны*, переходя отъ общихъ вопросовъ къ болѣе частнымъ.

I.

Въ *Ясной Полянѣ* сразу замѣтны двѣ различныя стороны: Впервыхъ, она сообщаетъ свѣдѣнія о новыхъ школахъ Яснополянскаго мироваго участка.

Ввторыхъ, излагаетъ педагогическіе взгляды издателя на народное образованіе.

Отчетъ о школахъ богатъ дорогами для педагога и психолога наблюденіями. Противъ педагогическихъ взглядовъ графа Толстаго мы имѣемъ многое возразить. Они касаются впрочемъ болѣе общихъ вопросовъ образованія, и мы надѣемся доказать, что ихъ судьба далеко не тѣсно связана съ судьбою яснополянскихъ школъ.

Мы теперь и приступаемъ къ этимъ педагогическимъ убѣжденіямъ *Ясной Поляны*.

Основная мысль ея выражена на послѣднихъ страницахъ первой статьи перваго номера такимъ образомъ:

„... Не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія, педагогики, но первое основаніе ея еще не положено; опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, бесполезно и вредно.“ (стр. 29, № I.)

И далѣе:

„Мы не только не признаемъ за нашими поколѣніемъ права знанія того что нужно для совершенствованія человѣка, но убѣждены, что если бы это знаніе было у человечества, то оно не могло бы передать или не передать его молодому поколѣнію. Мы убѣждены, что сознаніе добра и

зла, независимо от воли человека, лежить во всем человечествѣ и развивается бессознательно вѣтъ съ исторіей, что молодому поколѣнію также невозможно привить образованіе нашего сознанія, какъ невозможно лишать его этого нашего сознанія и той ступени высшаго знанія, на которую возведетъ его слѣдующій шагъ исторіи. (стр. 29. *ibid.*)

Изъ этихъ двухъ отрывковъ, кажется, видно, что *Ясная Поляна* относится совершенно отрицательно къ педагогикѣ и къ исторіи развитія человечества вообще; ея скептицизмъ самаго радикальнаго свойства. Если распутать эти нѣсколько сбивчивыя фразы, неправильная конструкция, которыхъ двѣаетъ еще страннѣе ихъ смыслъ, то выйдетъ кажется слѣдующее:

Исторія, то-есть люди, развиваются бессознательно; организмы одного поколѣнія обладаютъ отъ природы бессознательными сознаніемъ добра и зла. Вліяютъ они или не вліяютъ на слѣдующее поколѣніе, все-таки организмы этого новаго поколѣнія будутъ обладать большею, чѣмъ они, степенью бессознательнаго сознанія. Такимъ образомъ жизнь историческая представляется здѣсь какою-то автоматическою и фаталистическою смѣной однихъ организмовъ другими, невѣдомо чѣмъ усовершенствованными. Такимъ образомъ опровергаются вещи, въ истинѣ которыхъ не можетъ никто сомнѣваться: опровергается воспитательное вліяніе матери, семьи, религіи и всѣхъ нравственныхъ подвиговъ человечества.

Въ раскрытіи грамматическаго смысла этого парадокса лежить весь его приговоръ. Авторъ увлекся здѣсь идеею органическаго развитія природы и представилъ себѣ сознательное вліяніе одного поколѣнія въ жизнь другаго чѣмъ-то чуждымъ природѣ и потому бесполезнымъ. Онъ забылъ одно: что сознательное вліяніе на другихъ есть такое же неотъемлемое натуральное свойство для человѣка, какъ свойство окислять для кислорода, свойство воспламеняться для фосфора. Ходъ исторіи, то-есть жизни человечества, заключается именно въ этихъ многообразныхъ, перепутанныхъ вліяніяхъ одной воли на другую, въ этихъ сознательныхъ вліяніяхъ одного человѣка въ жизнь другаго. Слѣдовательно, исторіи бессознательной быть не можетъ, и дальнѣйшій шагъ исторіи безъ участія сознательныхъ силъ — не мыслимъ.

Но графъ Толстой идетъ еще далѣе, еще смѣлѣе; прямо послѣ приведенныхъ фразъ, онъ говоритъ:

„Наше мнимое знаніе законовъ добра и зла, и на основаніи ихъ *длительность на молодое поколѣніе* есть болѣею частью *противодѣйствіе развитію* новаго сознанія, не выработаннаго еще нашимъ поколѣніемъ, а *вырабатывающагося* въ молодомъ поколѣніи, есть *препятствіе, а не пособіе образованію*“ (стр. 29, № 1).

Иначе сказать: каждое поколѣніе мѣшаетъ развиваться новому; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе противодѣйствій, тѣмъ хуже. Странный, подумаешь, прогрессъ! Есабы, не довѣряя исторіи, мы были обязаны вѣрить ясновполанской теоріи, пришлось бы, пожалуй, повѣрить, что міръ все хилѣлъ да хилѣлъ отъ тысячелѣтнихъ противодѣйствій, и что смерть его теперь не за горами, а за плечами.

Послѣ этого читатель вправе вообразить, что всѣ остальные положенія *Ясной Поляны* суть только дальнѣйшія развитія ея скептической премиссы, и поэтому должны раздѣлять судьбу ея. Но это не такъ; главный недостатокъ графа Толстаго, замѣченный нами въ изложеніи его взглядовъ на образованіе, есть непослѣдовательность самому себѣ. Она не разъ приводитъ его къ противорѣчіямъ. Выразивъ напримѣръ свое убѣжденіе въ незаконности и вредѣ участія одного поколѣнія въ образованіи другаго, графъ Толстой вдругъ нападаетъ только на высшіе классы, стремящіяся учить народъ по своему, и при этомъ говоритъ о *незамѣнимой пользѣ* для ребенка домашнихъ условій, „разговоръ старшихъ“ и т. п. (стр. 19, № I). Какъ это все согласить? Но дѣло становится еще непонятнѣе; когда непосредственно за всѣмъ цитированнымъ авторъ начинаетъ биться надъ опредѣленіемъ дѣла и значенія *науки образованія*, которой существованіе въ другомъ мѣстѣ своей статьи онъ рѣшительно отвергъ. Онъ хлопочетъ о томъ, какъ бы лучше мѣшались въ образованіе дѣтей, а предварительно отнявъ у человѣка всякое право мѣшательства въ развитіе другаго и признавъ въ этомъ мѣшательствѣ не пособіе, а положительное препятствіе образованію. Еслибъ это была еще мимолетная фраза въ увлеченіи споромъ, но вѣдь это сжатое повтореніе мыслей, проникающихъ всю статью, гешимѣ всей педагогической теоріи, нарочно отнесенное къ заключенію статьи, для окончательнаго уясненія ея читателю. Тутъ нельзя предположить обмолвокъ.

Опредѣляетъ науку образованія графъ Толстой сначала отрицательно: „образованіе есть исторія, и поэтому не имѣть конечной цѣли“.

Съ этимъ можно еще согласиться; но крайней мѣрѣ мы не знаемъ конечной цѣли исторіи. Но вѣдь историческая жизнь черезъ это не была лишена постоянныхъ стремленій къ какой-нибудь цѣли. Напротивъ того, исторія, въ каждый моментъ своего движенія, представляется сплетеніемъ множества частныхъ, временныхъ цѣлей, которыя различнымъ образомъ вызываютъ дѣятельность человѣка, и изъ которыхъ многія принимаются въ увлеченіи за вѣчныя. Это въ натурѣ людей; жить безъ цѣли значитъ жить безъ надеждъ, а такая жизнь врядъ ли возможна. Общая цѣль есть результатъ всей жизни, окончательный выводъ изъ дѣйствія разнородныхъ силъ. Его можно видѣть только при окончаніи, и въ немъ пока нѣтъ нужды. Стало-быть и педагогія въ правѣ не имѣть конечной цѣли, въ правѣ стремиться къ своимъ временнымъ и мѣстнымъ цѣлямъ, по преимуществу имѣющимъ значеніе для жизни. Далѣе графъ Толстой продолжаетъ:

„Образованіе, въ самомъ общемъ смыслѣ, обучающее и воспитаніе, есть по нашему убѣжденію та дѣятельность человѣка, которая имѣетъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Мать учить ребенка своего говоритъ только для того, чтобы понимать другъ друга, мать инстинктомъ пытается спуститься до его взгляда на вещи, его языка, но законъ движенія впередъ образованія не позволяетъ ей спуститься до него, а его заставляетъ подняться до ея знанія (стр. 29 и 30).

Желательно, чтобы читатель съ особеннымъ вниманіемъ остановился на этихъ словахъ. Мыъ они просто кажутся безплодною натажкой, затемняющею смыслъ всѣмъ понятныхъ вещей. Зачѣмъ тутъ потребность равенства, инстинктъ, зачѣмъ особенно этотъ фатумъ невѣдомый законъ движенія, не позволяющій одного, повелѣвающій дѣлать другое? Кто его призналъ или доказалъ? Если отвергнуть, какъ дѣлаетъ графъ Толстой, воспитательное вліяніе взрослого поколѣнія на молодое, то въ чемъ надобно видѣть этотъ чудный законъ? Мать любитъ ребенка, хочетъ удовлетворить его нуждамъ, и сознательно, безъ всякой мистической потребности, чувствуетъ надобность приравняться къ его зачаточному разуму, говорить съ нимъ простѣйшимъ языкомъ. Она не только не стремится къ

равенству съ своимъ ребенкомъ, что было бы въ высшей степени противоестественно, а напротивъ намѣренно старается передать ему весь запасъ своего знанія. Въ этой-то естественной передачѣ умственныхъ приобретеній отъ одного поколѣнія другому и состоитъ движеніе образованія, не нуждающееся ни въ какихъ новыхъ спеціальныхъ законахъ. Каждый вѣкъ кидаетъ въ общую кучу свою горсть, и чѣмъ дальше мы живемъ, тѣмъ выше поднимается эта куча, тѣмъ выше и мы съ ней поднимаемся. Это извѣстно до избытка, и я не вижу никакого оправданія въ стремленіяхъ потрясти такую логически и исторически очевидную истину.

Итакъ мы указали на внутреннее противорѣчіе во взглядахъ графа Толстаго. Отнимая у человѣка право образовывать другаго, онъ все-таки долженъ былъ признать необходимость этого вмѣшательства. Каково жь должно оно быть по понятіямъ *Ясной Поляны*?

Вопервыхъ, высшіе общественные слои (то-есть общества, правительства), какъ мы видѣли, не должны браться за это дѣло; исторія, по мнѣнію графа Толстаго, показала весь вредъ ихъ долгихъ усилій (стр. 7, 8 и 9). Въ чемъ же вредъ, и какаѣ причины его? Графъ Толстой болѣе всего устремляетъ нападки свои на принудительность образованія. Подъ принудительностью тутъ разумѣется обязательность обученія и разныя окольные приманки, которыми правительство думаетъ привлечь народъ въ школы. Но вѣдь одинъ этотъ вопросъ не рѣшаетъ дѣла: у насъ въ Россіи для образованія простаго народа не было никакихъ принужденій, да и для высшихъ классовъ ихъ было очень мало. Въ самой Германіи принудительность образованія есть учрежденіе новое, и бѣлая часть ея исторіи обогатилась безъ него. Въ другихъ странахъ Европы его нѣтъ и никогда не было. Въ чемъ же еще причина сопротивленія народа всѣмъ попыткамъ къ его образованію? Графъ Толстой видитъ его главнымъ образомъ въ томъ, что высшіе классы постоянно навязывали ему свои ошибочныя теоріи, нисколько не прислушиваясь къ его дѣйствительнымъ нуждамъ, между тѣмъ какъ вся наша педагогическая дѣятельность должна была бы, по его мнѣнію, руководствоваться „только одною волей народа“ (стр. 28). Есаябы дѣло шло только объ изу-

ченіи нуждъ народа, о приноровленіи нашихъ понятій къ его понятіямъ и вкусамъ, мы бы вполнѣ одобрили положеніе *Ясной Поляны*; необходимость знать матеріалъ, съ которымъ имѣешь дѣло, умѣть доставить ему то, въ чемъ онъ нуждается, — это для насъ давнишняя аксіома. Но графъ Толстой не даромъ говоритъ: „съ одной только волей народа“. Онъ увлекся ненавистью къ деспотизму до деспотизма; чтобы дать полноправіе обиженному, онъ лишаетъ всѣхъ правъ прежняго обидчика и мѣняетъ только роли ихъ. Мы не разъ слышали мнѣніе графа Толстаго объ этомъ предметѣ, выраженное съ большими подробностями. По нашему мнѣнію, графъ Толстой чтитъ народъ болѣе чѣмъ сабдууетъ; онъ иногда до такой степени благоговѣетъ передъ нимъ, что признаетъ святость многихъ неосмысленныхъ явленій, если только они запечатлѣны народнымъ именемъ; на томъ же основаніи онъ часто отвергаетъ, какъ незаконное, все выросшее на другой почвѣ. Онъ забываетъ родство сословій и еще болѣе — преимущество высшихъ образованныхъ классовъ надъ простымъ. Увлекающаяся натура художника довела его въ этомъ случаѣ до несправедливости. Спрашивается, какая роль образователя, если онъ долженъ руководиться одною волей тѣхъ, кого думаетъ образовывать? Къ чему приведетъ такая теорія, какъ не къ полной неподвижности? Въ такомъ случаѣ ребенокъ руководился бы въ своемъ развитіи только своею семейною и сословною сферой, которая сама не что иное, какъ плоды многихъ насилій, многихъ незаконныхъ и беспорядочныхъ вмѣшательствъ, когда-то случившихся, плоды естественные, но вовсе не образцовые, очень часто не желанные. Мы освящаемъ эти плоды тысячелѣтнихъ неблагоприятныхъ вліяній, принимая ихъ за что-то коренное, естественное по преимуществу, и узакониваемъ ихъ на всякую дѣятельность. А что созрѣло при гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ, что было плодомъ такихъ же естественныхъ силъ, только избраннымъ, наиболѣе удавшимся плодомъ, что носить въ себѣ не одно историческое, но и нравственное, и логическое оправданіе, то мы изгоняемъ изъ сферы дѣятельности, считаемъ деспотизмомъ, насиліемъ извѣдъ. За что же? за то что здѣсь система, обдуманность, предосторожности, за то, что здѣсь

сознаніе, опирающееся на болѣе тонкихъ опытахъ, чѣмъ тысячелѣтній слѣпой опытъ массъ, выдаваемый за безсознательное указаніе природы? Отвергнуть этотъ элементъ можно тогда только, когда мы признаемъ, какъ браминны, что одни люди произошли изъ устъ, другіе изъ ногъ божества. Но мы не сомнѣваемся въ родствѣ своемъ съ народомъ; неужели же наши понятія до такой степени могутъ быть неподходящи къ его понятіямъ, что отдѣляются отъ нихъ какъ масло отъ воды? неужели наша психологія и нравственность стоять совсѣмъ на другихъ началахъ, чѣмъ у него? Я убѣжденъ совершенно въ противномъ; я убѣжденъ, что позорно для самого народа искусственно охранять его принципы отъ нашихъ вліяній. Все, что нужно ему, то имѣеть крѣпкіе корни и устоитъ. Многое у народа очень дурно, многое ему совсѣмъ не нужно, но оно держится въ силу своей заматерѣлости, какъ держится старая мозоль, въ силу упорства всего отжившаго не покидать хорошо обмотаго мѣста. Вліяніе свѣжаго элемента здѣсь необходимо; безъ борьбы съ нимъ не будетъ жизни и движенія впередъ; старое вредное разсѣменится, и ничего новаго лучшаго не взойдетъ. Мнѣ странно, что кто-нибудь видитъ въ этомъ неестественность; говорятъ обыкновенно—жизнь сама все сдѣлаетъ постепенно; постепенно, такъ, торопиться не слѣдуетъ,—но что же такое сама жизнь, какъ не это взаимное вліяніе лучшаго на худшее, и борьба одного съ другимъ?

У графа Толстаго народъ есть исключительно простой народъ: образованный классъ онъ совершенно отдѣляетъ отъ него, онъ видитъ въ нихъ два существа, постороннія другъ другу, противурѣчающія другъ другу во всѣхъ своихъ склонностяхъ и потребностяхъ; поэтому образованный классъ не долженъ навязывать своего образованія народу; не оно ему нужно, думаетъ графъ Толстой. Это бы можно еще съ вѣтяжкой утверждать о Россіи, вспоминая Петра. Но онъ говоритъ эти о Нѣмцахъ, и о Французахъ. Мнѣ кажется, что вообще вкрались нѣкоторыя иллюзіи въ понятія о народѣ. Народъ дѣйствительно всегда мнѣ представляется чѣмъ-то очень свѣжимъ, сильнымъ и симпатичнымъ. Но я не хочу обманывать себя на счетъ этого чувства. Я понимаю, что смотрю на него только, какъ на возможность

многого хорошаго, какъ на матеріалъ, изъ котораго надежда можетъ себя строить все, что угодно. Такой взглядъ необходимъ людямъ, чтобы поддерживать вѣру въ добро. Съ тѣмъ же чувствомъ смотримъ мы на дѣтей; въ нихъ тоже всѣ возможности, всѣ задатки. Но, ставя вопросъ практически, надо признать, что сами въ себѣ высшіе классы все-таки лучше и выше такъ-называемаго народа.

Всѣ наши симпатіи теперь за народъ, потому что онъ угнетенъ, спутанъ по рукамъ и ногамъ. Мы съ неприязнію глядимъ на самовластнаго помѣщика и на толстокожаго буржуа. Но подумайте серьезно, кто этотъ буржуа? Вѣдь это народъ! да мало того, народъ сдѣлавшій шагъ впередъ въ развитіи. Мы видимъ изъ ежедневнаго опыта, каковъ бываетъ этотъ нравственно-чистый, этотъ, исполненный всякой мощи и чести, народъ, какъ только онъ получаетъ возможность дѣлать то, чего не можетъ въ своемъ первоначальномъ состояніи. Разбогатѣвшіе и разжирѣвшіе цѣловальники, дворники, откупщики, у насъ на глазахъ. Все, что есть грубаго, жесткаго, тупаго и грязнаго въ купечествѣ нашемъ,—все это есть свободное развитіе простонародныхъ свойствъ, практическое осуществленіе разныхъ идеальныхъ ожиданій нашихъ, разныхъ предполагаемыхъ возможностей. Образованный классъ тотъ же народъ, но приведенный счастливыми обстоятельствами въ лучшее положеніе, изъ буржуа-лавочника дѣлается со временемъ буржуа-Маколей, и какими буколицами не затемный человекъ своего ума, все-таки нужно сознаться, что цѣнность народа заключается именно въ томъ, что изъ него есть возможность возникнуть Маколеямъ и подобнымъ имъ. Следовательно, не должно снимать съ народа отвѣтственность за разные несовершенства въ ходѣ его образованія. Онъ собственно самъ себя образуетъ: грамотные и разбогатѣвшіе члены его дѣлаются его учителями; всѣ недостатки ихъ приемовъ и ихъ взглядовъ—его собственные, родные недостатки. Опытъ представляетъ намъ наглядныя доказательства этой мысли. Подумайте о томъ, напримѣръ, какъ ясно отражается на устройствѣ школъ характеръ каждаго народа. Нѣмецъ, педагогъ и систематикъ не въ одной школѣ, но и въ семьѣ, и въ общественной жизни. Дисциплина и формальная вы-

правка Француза, привязанность къ старымъ формамъ у Англичанъ — все это столько же въ жизни, сколько въ школѣ. Возможно ли освободить образованіе отъ этихъ коренныхъ качествъ народа, какъ бы ни казались они вамъ уродливыми? Даже наши простонародные учителя, самоучки и самодѣлки, какіе-нибудь отставные солдаты и деревенскіе маляры, и тѣ блестящимъ образомъ доказываютъ, что недостатки нашихъ педагогическихъ системъ именно въ родствѣ ихъ съ характеромъ народа, въ томъ, что они еще мало отделились отъ простонародныхъ возрѣній.

Есть ли другой, большій ревнитель буквѣдства, зубренія, механическаго потѣнія надъ книгой, какъ простой человѣкъ? Найдете ли вы другаго, болѣе, чѣмъ онъ, безпощаднаго насилвателя дѣтской натуры и дѣтской воли? Развѣ правила *Домостроя* не живутъ до сихъ поръ въ сердцахъ русскаго простаго человѣка, особенно среди старовѣровъ нашихъ, этихъ наиболѣе послѣдовательныхъ и наиболѣе русскихъ грамотѣевъ? Поэтому мнѣ непонятно, на какомъ основаніи графъ Толстой взваливаетъ вину на одни образованные классы и считаетъ ненатуральнымъ ихъ вмѣшательство. Вина не въ этомъ, вина въ бѣдности природы человѣка, въ тугомъ, чуть замѣтномъ ростѣ его. Чѣмъ болѣе будетъ отдаляться отъ теперешнихъ простонародныхъ возрѣній высшій классъ, тѣмъ болѣе будетъ признаковъ общаго народнаго развитія. Личь бы только за истинныя возрѣнія не принимались внѣшнія, счужки навѣяныя подражанія. Я вѣрю въ органическую связь общественныхъ классовъ и думаю, что старая римская басня о ногахъ и жемчугѣ не лишена справедливости.

II.

Нападками на обязательство школьнаго обученія и немѣлое вмѣшательство въ него высшаго класса *Ясная Поляна* не ограничивается; она расширяетъ вопросъ, отрѣшаясь въ послѣдствіи отъ всякаго различія сословій и вооружаясь вообще на способы нашего образованія.

Мы знакомы уже съ ея основною мыслью, что старое поколѣніе не имѣетъ права образовывать молодое. Здѣсь

эта мысль развита вполне и подкреплена рядом теоретических и фактических доводов. Главнѣйшихъ доводовъ два: первый—тотъ, что мы сами не знаемъ, чему полезно учить дѣтей; второй—тотъ, что современное школьное образование не только бесполезно, но вредно, потому что наши школы совершенно отстаютъ отъ жизни.

Разберемъ теперь эти доводы:

Ясную Поляну смущаетъ то обстоятельство, что въ различные времена люди учатъ различному и различно. Схоластики одному, Лютеръ другому, Руссо по своему, Песталлоцци опять по своему. Она видитъ въ этомъ невозможность установить критеріумъ педагогики, и на этомъ основаніи отвергаетъ педагогику. А мнѣ кажется, она сама указала на этотъ необходимый критеріумъ, приводя поманутые примѣры. Критеріумъ въ томъ, чтобъ учить, сообразаясь съ потребностями времени. Онъ простъ и въ совершенномъ согласіи съ исторіей и логикой. Лютеръ оттого только и могъ быть учителемъ цѣлаго столѣтія, что самъ былъ создателемъ своего вѣка, думалъ его мыслію и дѣйствовалъ по его вкусу. Иначе его огромное вліяніе было бы или невозможно, или сверхъестественно; не походи онъ на своихъ современниковъ, онъ бы исчезъ безплодно, какъ непонятное, никому не нужное явленіе, пришедецъ среди народа, котораго даже языка онъ не понимаетъ. Тоже и съ Руссо и всякимъ другимъ; Руссо формулировалъ въ своихъ теоріяхъ накопившую ненависть своего вѣка къ формализму и искусственности, его жажду простыхъ сердечныхъ отношеній. Эта была неизбежная реакція противъ версальскаго склада жизни, и если бы только одинъ Руссо чувствовалъ ее, не явился бы вѣкъ романтизма, не явились бы универсальныя замыслы переродить человечество, деклараціи правъ, Каран Моры и все подобное. Упрекать Лютера и Руссо за то, что они, вооружаясь противъ историческихъ узъ, навязывали людямъ свои теоріи, значить упрекать цѣлый вѣкъ въ незаконности его настроенія. Цѣлому вѣку теоріи не навляешь.

Но отъ его теоріи врядъ ли за то отдѣлаешься. Мнѣ извѣстно, чего бы хотѣлъ графъ Толстой отъ педагогіи. Онъ все о крайней цѣли, о неизбежномъ критеріумѣ хлопочетъ. Нѣтъ этихъ, такъ, по его мнѣнію, не нужно никакихъ.

Отчего же не вспомнить онъ о жизни отдѣльнаго человѣка, о своей собственной? Вѣдь онъ, конечно, не знаетъ крайней цѣли своего существованія, не знаетъ общаго философскаго критериума для дѣятельности всѣхъ періодовъ своей жизни. А вѣдь живетъ же онъ и дѣйствуетъ; и оттого только живетъ и дѣйствуетъ, что въ дѣтствѣ имѣлъ одну цѣль и одинъ критериумъ, въ молодости другіе, теперь опять новое, и такъ далѣе. Былъ онъ вѣрно и шалуномъ мальчишечьимъ, — тѣхъ извѣстно какой критериумъ, — и религиознымъ юношей, и либераломъ-поэтомъ, и практическимъ дѣвателемъ жизни; каждое такое естественное настроеніе духа заставляло его иначе гадать на міръ, иного ждать и иными руководствоваться. Въ этихъ постоянныхъ смѣнахъ взглядовъ и состоитъ богатство развитія человѣчества, его философская и житейская опытность. Въ чемъ графъ Толстой видитъ упрекъ человѣчеству и педагогiи, ихъ противорѣчіе самимъ себѣ, въ томъ я вижу необходимость, естественность и даже достоинство. Свобода педагогiи не въ отсутствіи положительныхъ воззрѣній, а въ возможности свободнаго разростанія вмѣстѣ разнообразныхъ педагогическихъ понятій. Пусть то, которое имѣетъ больше живучести, вытягиваетъ изъ общей земли больше соковъ и заставляетъ сохнуть все внутренне-безсильное. Какъ не антипатично намъ какое-нибудь ученіе, оно будетъ жить и цвѣсти, пока будетъ на землѣ для его питанья достаточное число сродныхъ ему головъ; мы будемъ развивать свой собственный несходный взглядъ, будемъ бороться, и исторія покажетъ на чей сторонѣ побѣда. Хорошъ такой ходъ образованія или дуренъ, намъ все равно; онъ по крайней мѣрѣ успокоителемъ, его нельзя измѣнить, имъ однимъ только двигается практическая жизнь. Людямъ XIX вѣка нужно иное, чѣмъ людямъ XVI вѣка, и ихъ педагогiя поэтому совсѣмъ иная, хотя *Ясная Поляна* рѣшительно отвергаетъ разницу. Она росла постепенно, принимала новые элементы на столько, на сколько тѣ могли побѣдить сопротивленіе старыхъ, сообразовалась съ матеріаломъ бывшимъ у ней въ рукахъ, то-есть съ качествомъ и количествомъ учениковъ и учителей, съ требованіями родителей, ограниченностію самой науки и безчисленнымъ множествомъ частныхъ условій. Вотъ она и

авилась такою какъ есть. Она дѣйствительно не граціозна съ точки зрѣнія художника, не выдерживаетъ даже строгой критики ума или нравственнаго чувства. Но у нихъ одинъ грѣхъ съ жизнью; все безобразіе, вся красота у нихъ общія. Одну дрянъ навязало ей суевѣріе, другую деспотизмъ, третью корысть. Но вѣдь и жизнь полна кругомъ суевѣрія, деспотизма и корысти. Всѣ эти элементы суть неизбѣжныя и очень сильныя вліянія, которыя не слѣдуетъ упускать изъ разчета при какой бы то не было теоріи. Забудете ихъ—они сами напомнятъ себя и возьмутъ таки свое. Я убѣжденъ, что ограниченность современной педагогіи вполне соотвѣтствуетъ ограниченности большинства современныхъ намъ людей, и что намъ остается только хлопотать объ уменьшеніи этихъ людей посредствомъ нашихъ теорій, если мы надѣемся достигнуть этимъ искомага результата. Но графъ Толстой, какъ мы замѣтили, находитъ безъ всякихъ оговорокъ, что наша современная школа совершенно въ разладѣ съ настоящею жизнью, даже больше: по его мнѣнію, *средневѣковыя школы болѣе соответствовали своему времени и стояли наравнѣ съ общимъ образованіемъ народа, если не впереди его, а наши напротивъ назади* (стр. 21). „Наука страшно развилась, говоритъ графъ Толстой, а способъ передачи между тѣмъ *остался тотъ же* поэтому школа должна была отстать и сдѣлаться не лучше, а хуже.“ Чтобы поддержать ее въ уровень съ образованіемъ, не улучшая, надо по мнѣнію графа Толстаго быть Китаецемъ, то есть равномерно стѣснить и всѣ другіе пути образованія. Рѣшить однимъ почеркомъ пера вопросъ объ отношеніи школъ къ обществу не легко; такому рѣшенію предпосылаются обыкновенно цѣлые томы солидныхъ, осторожныхъ изслѣдованій, основанныхъ на близкомъ знакомствѣ съ современными документами и съ безконечною литературой этого вопроса, на специальныхъ работахъ столько же долгихъ и скучныхъ, сколько трудныхъ. Не знаю, откуда графъ Толстой беретъ свои данныя, утверждая, что *„самая плохая школа среднихъ вѣковъ была лучше самой лучшей школы нашего времени, ибо болѣе соответствовала своему времени и стояла все-таки наравнѣ съ общимъ образованіемъ, ежели не впереди, тогда какъ наша школа стоитъ позади его.“* Кто это сказалъ? Когда и почему? Гдѣ изслѣдованіе объ этомъ? Гдѣ эти сравнитель-

ныя таблицы? Въ подобныхъ случаяхъ необходимы самыя педантическія цитаты; въ *Ясной же Полянѣ* нѣтъ ни одной ссылки ни на одинъ историческій авторитетъ. Графъ Толстой говоритъ объ этомъ такъ положительно и вмѣстѣ бѣгло, какъ будто простой логическій смыслъ общеизвѣстныхъ фактовъ, сразу указываетъ на этотъ выводъ. Но я однако далеко не убѣждаюсь имъ: я знаю напротивъ, что средневѣковый человекъ имѣлъ очень разнообразную, часто кипучую дѣятельность, которая вызвала на работу всѣ его силы; въ средніе вѣка простая повѣдка на богомолье, простая торговля коробочника сопряжена была съ разными столкновениями, препятствіями, опасностями; на каждомъ шагѣ человека поражала запутанность людскихъ отношеній, неразъясненность самыхъ насущныхъ вопросовъ. Природа представлялась ему собраніемъ невѣдомыхъ, враждебныхъ силъ; такъ что мысль его не въ состояніи была держаться въ границахъ здравой логики, и неслась поневолѣ въ царство фантазіи. Трудно было человеку принимать какъ нѣчто законное всякій существующій фактъ и успокаиваться на безстрастномъ объясненіи теолога, когда факты эти проходили чуждыми колесомъ поперекъ тѣла, когда они вырывали изъ него окровавленные живые куски. Тогда не могли спать сомнѣніе и тревога, тогда умъ человека поневолѣ долженъ былъ во всѣхъ направленіяхъ пробовать свои беспомощныя крылья, искать, порываться. А на него между тѣмъ клалъ оковы суровый догматизмъ школы, убивалъ запросы, клеймилъ именемъ ереси каждый свободный вздохъ ума. Оттого-то и наполнены средніе вѣка вѣрою во все что есть необычнаго, и удаленіемъ отъ всего что естественно. Наука не хотѣла знать жизни, а жизнь не хотѣла такой безжизненной науки. Это отчужденіе науки отъ жизни, какъ мы до сихъ поръ думаемъ, справедливо считалось характерною чертой средневѣковыхъ школъ. Что тогда было очень много запросовъ въ душѣ человека, что большая часть мыслей возмущающихъ насъ теперь была возбуждена и тогда, въ этомъ убѣждаютъ насъ біографіи еретиковъ и мыслителей переходной эпохи; въ произведеніяхъ Шекспира, безъ сомнѣніи, тоже отразились запросы вѣка, и возможность Гамлета на границѣ XVI столѣтія нѣсколько подтверждаетъ наши слова. Между тѣмъ, при этомъ сходствѣ запросовъ въ дѣлѣ

названные эпохи, какая громадная разница въ удовлетвореніи ихъ! Графъ Толстой словно намѣренно не хочетъ быть справедливымъ къ нынѣшней школѣ. „Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, каждая школа учреждается на образецъ другой, учрежденной на образецъ прежде-бывшей“, говоритъ онъ на стр. 19 и потомъ на стр. 17. Школа постоянно отвѣчаетъ на одни и тѣ же вопросы, нѣсколько вѣковъ тому назадъ постановленные человечествомъ. Въ другомъ, уже разъ приведенномъ мѣстѣ, онъ упрекаетъ школу въ томъ, что сподобъ ея передачи остался тотъ же какъ и въ среднихъ вѣкахъ. Это не что иное какъ голословное, ничѣмъ не подкрѣпленное отрицаніе всей исторіи педагогіи. Но она говоритъ за себя фактами: похожи ли нынѣшнія гимназіи на схоластическія школы XIII и XIV столѣтій, тому ли въ нихъ учать и такъ ли, какъ тамъ учили, объ этомъ спорить мы считаемъ неумѣстнымъ. Мы напомнимъ только одно: въ современныхъ школахъ ребенка снабжаютъ всѣми элементами научной и хозяйственной дѣятельности, началами ремеслъ, искусствъ, политики и проч., все это посредствомъ введенія въ преподаваніе физики, исторіи, географіи. Эти ли предметы входили въ *trivium* и *quadrivium* Кассіодора и въ программы Фомы Аквинскаго — предоставляемъ судить знающимъ. Если же есть еще нѣкоторые пункты сходства, если до сихъ поръ считаютъ столько же полезнымъ, какъ и прежде, знать какую форму имѣетъ земля, и какъ помножать сотни на 1.000, то въ этомъ виновато человечество, которое во всѣхъ своихъ возрастахъ похоже само на себя и не находитъ, кажется, нужнымъ дѣлать насильственный разрывъ съ своимъ прошедшимъ. Но можетъ-быть графъ Толстой, несправедливый въ своемъ сравненіи, справедливъ въ сущности своего мнѣнія о несоотвѣтствіи нынѣшней школы съ современною жизнью. Мнѣ кажется, что разрѣшить этотъ вопросъ еще труднѣе чѣмъ первый. Мы совершенно отказываемся угадать ту степень развитія школъ, какая должна быть въ настоящее время. Мы не знаемъ какимъ и сколько запросамъ жизни она обязана отвѣчать. Знаемъ только, что она не обязана отвѣчать на всѣ запросы; не обязана оттого, что не можетъ, тѣмъ болѣе что и всѣ другія сферы дѣятельности человѣка, его политическое устройство, его знаніе, его художествен-

ное творчество, далеко не отвѣчаютъ на всѣ его запросы. Мнѣ кажется намъ достаточно рѣшить въ этомъ случаѣ только вопросъ о томъ, привосятъ ли вообще пользу наши школы и идетъ ли ихъ развитіе вмѣстѣ съ развитіемъ другихъ народныхъ силъ. Авторъ путешествовалъ около года по Европѣ и осматривалъ разныя народныя школы; онъ вынесъ изъ своихъ наблюденій убѣжденіе въ несостоятельности этихъ школъ, даже больше—въ несостоятельности и положительномъ вредѣ педагогики. Мы не будемъ защищать недостатковъ преподаванія, на которые большею частью справедливо нападаетъ графъ Толстой, на формальное заучиванье, на опущеніе многихъ важнѣйшихъ предметовъ преподаванія и т. п. По большей части этихъ вопросовъ, педагогика уже прежде высказала свой судъ; намъ остается только недоумѣвать, какимъ образомъ въ статьѣ графа Толстаго нѣтъ помину о самыхъ образцовыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ Германіи и Швейцаріи, откуда изгнаны по крайней мѣрѣ устарѣвшіе педагогическіе приемы поразившіе графа Толстаго въ марсельскихъ школахъ. Мнѣ кажется, такой, можно сказать, смертный приговоръ надъ цѣлою наукой и надъ цѣлымъ искусствомъ, имѣющимъ свою почтенную исторію и очень разнообразную жизнь въ настоящемъ, требуетъ гораздо больше доказательствъ. Наслучше убѣдило бы обстоятельное изложеніе педагогическаго устройства школъ, числовыя данныя, знаменательные факты изъ ихъ жизни, чѣмъ голый ультиматумъ, подписанный этимъ школамъ *Ясною Полянью*. Мнѣ кажется, вопросъ о бесполезности или вредѣ школъ можно разрѣшить очень скорымъ и простымъ способомъ: если докажутъ, что люди находившіеся подъ вліяніемъ нашей несовершенной педагогики ничѣмъ не превосходятъ другихъ людей, значить педагогика бесполезна. Если докажутъ, что воспитанники педагогическихъ заведеній уступаютъ людямъ въ нихъ не бывшимъ, значить она вредна. Вопросъ сводится на то: имѣютъ ли образованные люди какое-нибудь преимущество надъ необразованными, напримѣръ кончившіе курсъ университетскій надъ кончившими курсъ гимназіи, эти послѣдніе надъ воспитывавшимися въ уездныхъ училищахъ. А объ этомъ вопросѣ мы имѣемъ право не спорить, пока кто-нибудь не заявитъ въ немъ своего сомнѣнія. Графъ Толстой страннымъ образомъ доказываетъ бесполезность школъ: въ Марселѣ,

напримѣръ, онъ сравниваетъ ихъ вліяніе съ вліяніемъ жизни, и удивляется, что взрослый работникъ гораздо больше знаетъ чѣмъ школьникъ. Да развѣ школа имѣла когда-нибудь претензію замѣнить жизнь? Она снабжаетъ только некоторыми основными элементами умъ человека, и дѣлаетъ его болѣе способнымъ къ сознательной жизни. Развитие этихъ элементовъ все-таки остается за самую жизнь; чѣмъ она богаче, тѣмъ богаче развитие; оттого и оказывается разница между деревенскимъ мужикомъ и жителемъ большого города, обладающаго музеями, театрами и политической жизнью. Но неужели отъ кого-нибудь скрыто, что театры, музеи, бібліотеки и газеты, имѣющіе по наблюдению издателя *Ясной Поляны* благотворительное вліяніе на народъ, произведены этою отсталою школою? Отчего жь она предшествуетъ всѣмъ этимъ учрежденіямъ, и гдѣ ея нѣтъ — ихъ нѣтъ? Отчего же развитие школъ въ томъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онѣ кажутся бесполезными графу Толстому, идетъ всегда рука объ руку съ развитіемъ общаго благосостоянія народа и всегда служитъ мѣриломъ его умственного развитія? Наши старовѣры — самый зажиточный и вмѣстѣ самый грамотный классъ русскаго простонародья. Англичанинъ въ своей практической жизни чрезвычайно много обязанъ школьной скамейкѣ и латыни своего учителя; лучшіе люди въ Англіи признаются въ этомъ съ гордостью. Мнѣ кажется, этихъ простыхъ доводовъ достаточно для опроверженія парадокса *Ясной Поляны*, если мало одного логическаго заключенія.

III.

Отрекаясь отъ всего что до сихъ поръ сдѣлано педагогической, графъ Толстой приступаетъ къ устройству совершенно новой школы, основанной на полной свободѣ отъ всякихъ заранее составленныхъ взглядовъ. Недостатки нашихъ школъ до такой степени поразили его, что онъ впалъ въ странную крайность. Онъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто до него шаръ земной все время двигался по ложной орбитѣ, и ему первому выпало на долю своротить его на истинный путь. Подумаешь, что педагогическій опытъ начинается только

съ вышшаго днѣя. Мы впрочемъ не очень расположены нападать на такія крайности; увлеченіе попятно при каждомъ оригинальномъ воззрѣніи; довольно если хотя въ основѣ его есть справедливая мысль. Вредъ крайности уничтожается самою громадностью преувеличенія, а польза ея заключается вѣроятно въ томъ, что она помогаетъ людямъ глубже разрабатывать предметъ, освѣщая его съ новыхъ сторонъ или въ чемъ-нибудь поправляя результаты тысячи другихъ такихъ же фанатическихъ работъ надъ нимъ. Еслибы человекъ могъ быть послѣдователемъ въ подобномъ недоверіи къ приобрѣтеніямъ чужаго опыта, онъ бы извезомъ на первой попыткѣ удостовѣриться лично во всѣхъ знаніяхъ и вѣрованіяхъ человечества. Къ счастью, на практикѣ этотъ скептицизмъ можетъ касаться только какого-нибудь частнаго вопроса, рѣшенію котораго онъ даже полезенъ.

Основывая свою школу, графъ Толстой убѣжденъ, что не имѣетъ никакихъ педагогическихъ убѣжденій, что онъ еще ничего не знаетъ, что всему научить его личная практика, бессознательныя указанія самихъ учениковъ. Мнѣ кажется, что графъ Толстой находится здѣсь въ нѣкоторомъ самообольщеніи; мнѣ хочется по этому поводу доказать ему слѣдующее: вопервыхъ, что онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ заранѣе составленныхъ взглядовъ, и притомъ взглядовъ той самой педагогіи, которую въ теоріи отвергаетъ. Вовторыхъ, что полная свобода школы, какъ онъ ее понимаетъ, невозможна, а если возможна, то вредна. *Что графъ Толстой дѣйствуетъ подъ вліяніемъ старой педагогіи*, этотъ пунктъ я очищу нѣсколькими словами: пусть онъ укажетъ на какой-нибудь педагогическій приемъ употребляющійся въ Яснополянской школѣ и незнакомый нашей педагогикѣ, пусть укажетъ на неизвѣстные намъ учебники и книги служащіе пособіемъ его ученикамъ и учителямъ, пусть назоветъ хоть одинъ новый предметъ преподаванія въ Яснополянской школѣ, не вошедшій въ программу другихъ школъ. Тогда только можетъ онъ отринути педагогику, когда обойдется безъ ея помощи. Всѣ эти приемы, равно какъ и выборъ предметовъ, выработались подъ вліяніемъ разныхъ педагогическихъ теорій, исторически измѣнявшихся и развивавшихся. Они-то и есть педагогика, ея конкретные представители. Зачѣмъ же, пользуясь ими, от-

вергать ихъ пользу? Допустимъ, что Яснополянская школа можетъ шагнуть въ педагогикѣ даѣе чѣмъ теперешнія наши школы; но все-таки она шагнетъ по старому пути, потому что она стоитъ теперь при своихъ смѣлыхъ попыткахъ на всемъ старомъ.

Теперь постараемся доказать второе наше положеніе, что *полная свобода воспитанія*, какъ понимаетъ ее издатель *Ясной Поляны*, вредна и невозможна.

Этотъ вопросъ въ *Ясной Полянѣ*, можетъ-быть, самый капитальный. Поднятый только съ точки зрѣнія школьнаго воспитанія и подкрѣпленный съ одной стороны ма-стерскимъ изображеніемъ иссушающаго вліянія нѣмецкой дисциплинарной школы, съ другой одушевленной картиной занятій яснополянскихъ мальчиковъ, вопросъ этотъ можетъ привлечь на свою сторону многихъ. Но въ него слѣдуетъ выкинуть поглубже. Въдъ это вопросъ всеобъемлющій, первой важности. Онъ сводится на вопросъ о принудительномъ элементѣ въ жизни человѣка вообще. Принужденіе кругомъ насъ, не въ одной школѣ, не для однихъ дѣтей: семья есть принужденіе, общество принужденіе всѣ законы, всякое устройство основаны на принужденіи; даже физическое воспитаніе дѣтей есть принужденіе, и на самое рожденіе ихъ можно, пожалуй, смотрѣть какъ на поразительный деспотизмъ. Метафизическую разработку такихъ вопросовъ я считаю дѣломъ бесплоднымъ и для меня не по плечу. Я принимаю всюду господствующій фактъ за вполнѣ-законный, потому что не вижу возможности отъ него освободиться. Я понимаю, что, живя въ мірѣ, человѣкъ подчиняется вліянію всѣхъ его дѣятелей, и что давленіе однихъ людей на другихъ, съ перевѣсомъ въ пользу силы, есть такой же неизблемый законъ природы, какъ давленіе атмосферы, какъ вліяніе температуры и географическаго положенія. *Ясная Поляна*, конечно, согласна съ этою мыслію; но она можетъ сказать, что при извѣстной развитости человѣкъ въ правѣ употреблять свои силы только съ полезною цѣлью. А мы, повторить она, сами не знаемъ чему надо учить.

Несмотря на скептицизмъ вѣка, заразившій и насъ въ числѣ многихъ, подобные вопросы рѣшены въ нашей школѣ очень положительно.

Мы знаемъ чему полезно учить, — это наше твердое убѣжденіе.

Врядъ ли *Ясная Поляна* станетъ отрицать, что нѣкоторыя привычки, черты характера и свѣдѣнія всегда и вездѣ полезны для человѣка; напримеръ, что привычка серіознаго, не поверхностнаго труда, сознательнаго отношенія къ различнымъ явленіямъ жизни, привычка порядка и многія другія — положительно полезны, въ какихъ бы обстоятельствахъ и на какой бы степени развитія ни находился человѣкъ. (Съ другой стороны, распущенность натуры, безсиліе ума и воли нельзя не считать за вещь весьма вредную во всѣхъ положеніяхъ жизни.

Далѣе мы убѣждены, что умное воспитаніе можетъ доставить первыя условія и предохранить отъ вторыхъ.

У *Ясной Поляны*, однако, совсѣмъ цѣныя убѣжденія; она возстаетъ противъ всякой нравственной и умственной дисциплины; по ея мнѣнію, не слѣдуетъ вмѣшиваться ни въ какія шалости мальчиговъ, останавливать драку и шумъ, даже взыскивать за воровство. Графъ Толстой сомнѣвается, приводитъ ли тутъ наказаніе къ какому-нибудь хорошему результату, и передаетъ намъ интересный психологическій разказъ объ одномъ школьникѣ-ворѣ (стр. 45 и 46, № I). Вопросы этого тоже не рѣшили бы мы ни положительно, ни отрицательно съ отвлеченной точки зрѣнія. Но вѣдь насущныя требованія практики не позволяютъ оставаться въ сферѣ скептицизма, и на сторонѣ наказанія всегда окажется больше житейскихъ доводовъ. Можетъ-быть, *Ясная Поляна* считаетъ это воспитательное вліяніе обязанностию однихъ родителей, отнимая его только у школы. Но воспитатель такъ часто замѣняетъ собою родителей, по крайней мѣрѣ на извѣстное время, что вопроса, по нашему мнѣнію, раздѣлять невозможно.

Что *Ясная Поляна* вооружается и на всякую умственную дисциплину, это видно изъ ея упрековъ старой школѣ. Старая школа часто учить дѣтей предметамъ, которые имъ не интересны и, можетъ-быть, не нужны; критеріумомъ же ихъ годности *Ясная Поляна* считаетъ одинъ свободный интересъ самихъ дѣтей.

Постараемся теперь съ своей точки зрѣнія показать какъ практическое неудобство, такъ и положительный вредъ полнаго отсутствія дисциплины въ воспитаніи дѣтей.

1) Практическая необходимость принуждения основывается на томъ, что никто не въ состояніи довѣрить зачаточному разсудку дѣтей. Мать это знаетъ лучше всѣхъ, и потому слѣдуетъ за каждымъ шагомъ своего ребенка. Младенцемъ онъ вдвѣнется въ глазъ мамки воими пятыи ногтями, школьникомъ—хватитъ камнемъ въ окно, запачкаетъ новыя штанишки, подшибетъ товарищу глазъ. Когда вужно учиться, онъ выйдеть на кулачки или отравится въ дѣсь за ягодами; можетъ-быть, черезъ три часа ему даже и учиться захочется—да ужъ нельзя, учителю каждаго мальчика не дожидаться, онъ домой ушелъ. Какъ же тутъ безъ дисциплины? Отца нѣтъ, отецъ бы чубъ надралъ за рванье и пачкотню, не далъ бы драться, посадилъ бы за книжку. У отца никто не отнимаетъ этихъ правъ, а безъ него кому же вмѣшиваться въ это дѣло, какъ не учителю. Правъ или не правъ ребенокъ съ философской точки зрѣнія, а если онъ гноитъ въ дужѣ свои единственныя сапожонки купленные отцомъ на трудовую копѣйку, отецъ имѣетъ полное основаніе вытянуть его оттуда и какому-нибудь памятнымъ образомъ предостеречь его отъ повторенія этой забавы, въ сущности совершенно невинной. Чтò же дѣлать? Практическая необходимость законнѣе или, лучше сказать, сильнѣе всякаго отвлеченнаго значенія предмета. Положимъ, ребенокъ не пойметъ смысла наказанія, но онъ не будетъ повторять того чтò ему обращается во вредъ: это-то пока и необходимо. Руссо въ *Эмилъ* простираетъ эту теорію до жесткаго возмездія ребенку всякаго убытка и непріятности, или производимыхъ. Если все это справедливо по отношенію къ отцу, спрашивается въ правѣ ли учитель отказывать отцу въ помощи во время его отсутствія?

2) Отсутствие нравственной дисциплины намъ кажется вреднымъ для будущаго развитія ребенка, для образованія его характера. Я думаю, что свобода, одобряемая теоріей *Ясной Поляны*, можетъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ развратить и расслабить духъ человѣка. Старыя няньки называли эту теорію баловствомъ, и они, по моему, очень правы. Взрослый человѣкъ не можетъ разчитывать на постоянное удовлетвореніе своихъ вкусовъ и привычекъ; кромѣ его, есть еще много другихъ людей и у всякаго свои вкусы и привычки; кромѣ людей, есть еще кругомъ разныя другія

обстоятельства, столько же неподатливыя; живетъ человекъ такъ, какъ позволяютъ всѣ эти живущія кругомъ его силы; онъ съ ними борется и сообразуется, для борьбы нужна привычка и сила: ихъ должно подготовить воспитаніе. А мы вдругъ, вмѣсто того, начнемъ такъ вести дѣтей, какъ будто кромѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ другой воли, другой жизни. Мы обязаны исподоволь приучать ихъ къ той сферѣ, гдѣ они должны дѣйствовать. Животныя не всѣ выходятъ изъ яйца въ готовомъ видѣ, способныя на самостоятельную жизнь. Цыпленокъ, выкаюнувшись, прямо щецъ своихъ зеренъ, а коршунята долго еще визжать и зѣваютъ въ своемъ гнѣздѣ, откуда ихъ не могутъ поднять бескрылыя крылья. Они не умѣютъ летать, не умѣютъ охотиться; безъ этого ихъ жизнь не возможна, оттого родителямъ приходится ихъ воспитывать, учить летать и охотиться, то есть бороться съ внѣшними вліяніями, приучаться къ сферѣ ихъ будущихъ дѣйствій. Человѣку нужно все это въ большихъ размѣрахъ, въ усложненномъ видѣ; его воспитаніе продолжительнѣе и труднѣе. Но смыслъ того и другаго одинъ; въ немъ оправданіе деспотизма семьи и школы, на который часто вооружаются; въ немъ наше нравственное право на навязыванье дѣтямъ нашихъ собственныхъ понятій, противъ чего горячо возстаетъ графъ Толстой. Мы не имѣемъ права обманывать дѣтей, бросать ихъ въ жизнь безъ всякихъ силъ къ борьбѣ, чтобы они были задавлены жизнію, какъ безкрылыя птицы.

Вообще я считаю этотъ пунктъ столь важнымъ, что позволю себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе. Въ настоящее время педагогія находится въ порѣ реакціи, которую, кажется, совсѣмъ упускаетъ изъ виду графъ Толстой. Прежній формализмъ, насиліе ума посредствомъ розги и палки, опротивѣли людямъ, и они вдалились, какъ всегда водится, въ противоположную ошибку. Отупляющее зурбреніе замѣняется разжевываніемъ самыхъ понятныхъ вещей, дранье и поранцы—часто совершенною распущенностію. Графъ Толстой очень забавно и мѣтко говоритъ во 2-й книжкѣ *Ясной Поляны* о вѣдцѣ новой системы, *финбухахъ*. Такого рода тупоумныя переливанія изъ пустаго въ порожнее, такая лабораторная фабрикація дѣтскихъ понятій, составляетъ эпидемію нынѣшней педагогіи. Учатъ

дѣтей не разсуждать, а резонерствовать, притворяться разсуждающими по известной программѣ. Что за странная мысль объяснять ребенку причину всего что онъ видитъ и слышитъ? Какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ на это право и желаніе? Онъ, безъ сомнѣнія, обо многомъ спроситъ васъ, и отчего же не объяснить, если вещь ему близка, нужна, понятна? Но многого онъ не можетъ знать, многого ему знать не слѣдуетъ, а повадите его, такъ онъ все будетъ философствовать. Дикенсъ, въ своей повѣстеческой симпатіи ко всему задавленному, любитъ выставлять типы дѣтей съ таинственными запросами и рано развитою пытливостію, которыхъ никто не понимаетъ и не удовлетворяетъ. Такіе частные случаи, безъ сомнѣнія, встрѣчаются, но, говоря по правдѣ, рѣдко. Гораздо чаще дѣтей на этомъ пунктѣ портятъ, поглажая всѣмъ этимъ мнимымъ проблескамъ и приучая ихъ интересоваться разными пустяками. Я видалъ, какъ мальчуганы дѣтъ десяти и двѣнадцати, лакомки и шалуны, съ искусною наивностью озадачивали вдругъ своихъ маменокъ вопросами въ родѣ слѣдующихъ: „а что, мамаша, какіе цвѣточки выростутъ на нашихъ могилахъ“ или: „мамаша, мамаша, кто живетъ на той звѣздочкѣ?“ или: „мамаша, что такое значитъ время?“ Такіе вопросы не вытекали ни изъ характера ихъ, ни изъ вліянія обстановки; а просто они плутовски подмѣтили слабость мамаша въ этомъ деликатномъ пунктѣ, и пробили въ немъ себѣ лазейку.

А попробуйте разъ объяснить подобную вещь, — вы ужъ въ рукахъ ребенка, и онъ пойдетъ васъ мытарить: что значитъ жизнь, что значитъ *значить*, отчего мы не говоримъ по-китайски, отчего трава не красная, а зеленая, и пошелъ, и пошелъ, и не слушаетъ вашихъ объясненій, а только радуется, что васъ озадачилъ, что о томъ же умѣетъ говорить, о чемъ и большіе. Въ сущности дѣтямъ немного хочется дѣйствительно знать; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ отъ нихъ не трудно отдѣлаться какимъ-нибудь успокоительнымъ отвѣтомъ. Ужъ во всякомъ случаѣ никто изъ нихъ не потребуетъ метафизическаго постиженія сущности вещей, въ родѣ знаменитаго опредѣленія рыбы, и тому подобнаго. А у насъ именно навязываютъ дѣтямъ эти естественные запросы.

Да, наконецъ, еслибы дѣти и дѣйствительно хотѣли

добиться чего-нибудь, не слѣдуетъ совершенно сглаживать передъ нами неровностей мысленнаго пути. Пусть сами тужатся, укрѣпляютъ умственные мышцы борьбою съ неподдающеюся работой. Зачѣмъ имъ кормиться разжеванною другими пиццей? Желудокъ окрѣпаетъ отъ вѣсколько грубыхъ матеріаловъ и наоборотъ разстраивается отъ химически очищенной, аптекарски взвѣшенной пици. Въ чемъ помощи, направь, не дай сбиться или упасть отъ напраснаго истощенія, а въ чемъ оставь на собственныя силы. У насъ кругомъ поучительные примѣры того, какъ необходимо для стойкости ума и воли безпомощный трудъ; его горькими ошибками, его вѣчною оцупью, мы только и учимся настоящимъ образомъ. Все что мы приобрѣли другими путями, то почти не наше, то мелко сидитъ въ насъ, готово испариться и измѣниться. Оттого-то знаніе изъ книги, по слуху, и другое знаніе, изъ опыта, только обмолвкой языка могутъ называться однимъ именемъ. Въ средніе вѣка выработывались особенно твердые, закаленные типы людей; сфера была до такой степени враждебна человѣку; что многіе совсѣмъ не выдерживали ея; но кто выдерживалъ, тотъ былъ силенъ, тотъ имѣлъ способность дѣйствовать безъ страха и усталы, погребать себя въ фоліантахъ, бороться въ одиночку съ хаотическимъ обществомъ. Наши бурсы, наследовавшія всѣ недостатки и достоинства схоластики XII вѣка, могутъ справедливо гордиться тѣмъ, что изъ ихъ рядовъ выходятъ терпкіе, настойчивые люди, идущіе часто на проломъ и терпѣливо добывающіеся самыхъ далекихъ цѣлей. Мы не хвалимъ бурсу и схоластику, но мы указываемъ на нихъ какъ на крайнія воплощенія известной идеи, въ которыхъ слѣдовательно результаты этой идеи особенно замѣтны. Крайность своимъ очевиднымъ вредомъ не отнимаетъ полезнаго значенія у самой идеи. Въ наше время замѣтенъ совсѣмъ противоположный недостатокъ. Какъ прежде часто встрѣчались приверженцы буквы и формы, сухіе грызуны науки, такъ часты теперь верхохваты и верхогляды, люди лизнувшіе кой-чего концомъ языка, играющіе на поверхности науки, революціонеры и реформаторы не кончившіе курса гимназій, безграмотные публицисты и тому подобные господа. Они обыкновенно усваиваютъ себѣ „соки науки“, ея „идею и духъ“, въ совершенной отрѣшенности отъ факта; факты

они оставляют кротамъ, каменьщикамъ, громоздящимъ матеріаль, а они, всеобъемлющіе зодчіе, орлы, окидываютъ взглядомъ все поднебесье и строятъ грандіозное зданіе изъ беспорядочной кучи камней. Отличныя обрацики этихъ гениевъ, принимающихъ свою дѣнь за призваніе къ высшей дѣятельности, встрѣчалъ я на первыхъ курсахъ университета и въ послѣднихъ классахъ гимназіи. Одинъ такой зодчій, напитанный „соками“ науки, до того презиралъ факты, что отвѣчалъ свой урокъ исторіи почти такимъ манеромъ: „Ну, такъ этотъ—какъ его—ну тамъ, царь ихъ или предводитель, одинъ разъ пошелъ къ этимъ—какъ ихъ—къ сосѣднему народу.... и..... побѣдилъ его.... а черезъ вѣсколько времени его собственное царство было разрушено однимъ воинственнымъ царемъ.“ При этомъ сей молодой человекъ старался своими жестами и проносомъ показать полное презрѣніе къ числамъ и именамъ; когда же, при поставленіи ему единицы, спросили его, отчего онъ ихъ не знаетъ, отвѣтствовалъ оскорбленно-проницательскимъ тономъ: „я это читалъ, но вѣдь не зубрить же на память всѣ года.“ Вообще эти господа любятъ приближительность въ самомъ широкомъ ея пониманіи, и часто опредѣляютъ эпохи царствованія Петра или Карла Великаго столѣтіями двумя впередъ или назадъ; прикосновенія же точныхъ наукъ, въ родѣ алгебры и ариѳметики, какъ вообще участія мѣры и вѣса, не терпятъ. Въ университетѣ они превращаются обыкновенно въ маленькихъ Мирабо, хотя не совсѣмъ тверды въ географіи Россіи, и сбиваются при дѣленіи дѣлаго числа на дробь. Эту болѣзнь нашу я приписываю утрировкѣ современнаго воспитанія; прежде люди потѣли подъ буквами и словами, и поневолѣ принимали плодъ своихъ долгихъ трудовъ за что-то очень важное; теперь имъ все стараются разъяснить, возбудить въ нихъ отчетливое представленіе о предметѣ, ничего не оставляютъ на ихъ собственную догадку, ничего не заставляютъ ихъ запоминать буквально. Они убѣждаются, что факты сами по себѣ ничего, что важно помятіе, общая мысль, а между тѣмъ и эта мысль имъ досталась дешево, чужими руками; вотъ такимъ образомъ и составляется легкомысленный взглядъ на трудъ, о чемъ мы выше говорили. Мои воспоминанія о собственномъ дѣтствѣ и дѣтствѣ всѣхъ близкихъ мнѣ людей несомнѣнно убѣждаютъ

меня во всемъ сейчасъ высказанномъ. Полезнѣйшее вліяніе на наше развитіе имѣли воспитатели точные и даже нѣсколько строгіе въ своихъ требованіяхъ, не ухаживавшіе за дѣтскимъ умомъ какъ за оранжерейнымъ растеніемъ, но знакомившіе его, смотря по нуждѣ, и съ ясными днями, и съ суровою непогодой.

Вообще я такъ формулирую свою мысль: 1) Въ воспитаніи очень полезно сознательное и добровольное стараніе ребенка; для этого ему надобно многое толковать, возбуждать его интересъ. Это одинъ элементъ воспитанія. Во 2) столько же полезно усвоеніе ребенкомъ нѣкоторыхъ нравственныхъ и физическихъ привычекъ и нѣкоторыхъ фактическихъ знаній, понимаетъ ли онъ ихъ нужду или нѣтъ. Для этого необходимы дисциплина, заучиваніе наизусть, принужденіе со стороны воспитателя и повиновеніе со стороны дѣтей. Изъ этихъ двухъ главныхъ элементовъ должно состоять искусство воспитанія. Пропорція ихъ не одинакова въ разныхъ случаяхъ, тактъ и опытность опредѣляютъ ее на практикѣ, руководясь условіями самой природы дѣтей и всей ихъ обстановки, прошедшей и настоящей. Педагогическая метода бурсы и прежнихъ училищъ нашихъ ухватилась за одинъ второй элементъ; многіе новѣйшіе педагоги, между прочимъ и графъ Толстой, напротивъ того почти совершенно упустили его изъ виду. Въ бурсѣ одинъ долгъ, одна заповѣдь—зубренье; въ *Ясной Полянѣ*—свобода желаній и дѣйствій, возбужденіе и удовлетвореніе интереса. Бурса принимаетъ въ расчетъ только волю воспитателя, *Ясная Поляна* только волю ребенка; въ бурсѣ все то справедливо и необходимо что подходитъ подъ составленную и оконченную теорію, какъ бы это ни губило жизнь. Въ *Ясной Полянѣ* святъ всякій совершенный ребенкомъ фактъ, какъ бы онъ ни противорѣчилъ всему, во что вѣрить нашъ умъ, наученный преждею опасностью и своею логикой. 3) Что касается до свободы выбора предметовъ самими дѣтьми, то графъ Толстой выходитъ здѣсь изъ своего обыкновеннаго афоризма: почему мы знаемъ, что имъ нужно? Мы не первый разъ встрѣчаемся въ педагогіи съ такого рода скептицизмомъ; намъ неоднократно приходилось слышать вопросы въ родѣ слѣдующихъ: почему мы знаемъ, что мальчика нужно учить физикѣ, а не самоварному искусству, расскажемъ о походахъ Александра Македонскаго,

а не о ссорѣ какого-нибудь старосты съ цѣловальникомъ? кто доказалъ хоть разъ пользу или необходимость всѣхъ этихъ штукъ? кто спросилъ ребенка: хочется ли это ему знать? Исходя изъ подобныхъ взглядовъ, графъ Толстой беретса давать въ своей школѣ только то что просится, необходимость чего оправдывается уже однимъ желаніемъ дѣтей.

На это я имѣю въ запасѣ два отвѣтные пункта: вопервыхъ мнѣ кажется, что мы имѣемъ право выбирать предметы обученія на томъ основаніи, что мы животные той же породы какъ и они, были такими же дѣтьми какъ и они, и сверхъ своей личной опытности приобрѣли еще очень много практическихъ знаній изъ сравненія тысячи другихъ опытовъ, совершенныхъ людьми самыхъ разнообразныхъ свойствъ въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Все это дало намъ въ руки довольно вѣрное пониманіе нуждъ ребенка и многихъ, если не всѣхъ, послѣдствій отъ того или другаго способа обращенія съ нимъ. Программа предметовъ, считааемыхъ теперь главными въ образовательномъ отношеніи, требуетъ большихъ измѣненій въ общемъ и въ частности; но все-таки программа эта никогда не должна выпадать изъ опытной руки воспитателя въ неумыслыя ручки дѣтской толпы. Все-таки мы предпочтемъ изученіе химіи и физики изученію всякихъ специальныхъ ремеселъ, на томъ основаніи, что изъ многолѣтняго опыта люди поняли все неудобство труда надъ частностями безъ знанія общихъ основъ; все-таки изъ безчисленнаго множества разказовъ мы остановимся скорѣе на тѣхъ, которые имѣли замѣтное вліяніе на жизнь народовъ чѣмъ на ссоры бабъ и старость, милліоны разъ повторявшихся, невозможныхъ для памяти и относительно бесполезныхъ для вывода. Многія изъ подробностей наукъ излишни, не носятъ въ себѣ оправданія,—на это можно вооружаться; но все-таки въ цѣломъ каждая наука обогащаетъ насъ кругомъ понятій и фактовъ, необходимыхъ для просвѣщенія человѣка. Наконецъ, если найдутъ одну изъ теперешнихъ наукъ мало полезною, пусть ее изгоняютъ изъ программы, наше право выбора этимъ не нарушается; но все-таки дѣтей должны руководить наше сознаніе и наша опытность, а не ихъ собственный беспорядочный инстинктъ. Вовторыхъ, предоставленіе самимъ дѣтямъ выбора предметовъ буквально невоз-

можно въ практикѣ; школа *Ясной Поляны*, проводящая въ теоріи эту мысль, сама отвергла ее на дѣлѣ, потому что въ ней существуетъ раздѣленіе преподаванія на двѣнадцать предметовъ, и притомъ предметовъ очень обыкновенныхъ въ нашей педагогіи. Ужь маальчикамъ этого никакъ не выдумать. Чѣмъ они будутъ руководствоваться въ своемъ выборѣ, когда имъ рѣшительно неизвѣстно, изъ чего выбирать? Запросы ихъ слишкомъ беспорядочны, разнохарактерны, случайны; послѣ бесѣды о Богѣ, они васъ спросятъ почему пряники. Замѣчено, что дѣти гораздо съ большимъ удовольствіемъ слѣдуютъ за большимъ, умѣющимъ войти въ ихъ довѣренность, чѣмъ за своимъ братомъ. Большой и расскажетъ лучше, и выдумаетъ лучше игру, и знаетъ какъ все устроить; ребенокъ чувствуетъ, что большой лучше его самого умѣетъ угадать его нужды, по крайней мѣрѣ умѣетъ яснѣе ихъ формулировать и полнѣе удовлетворить. Поэтому онъ готовъ за нимъ охотно слѣдовать и въ обученіи. Учитель обязанъ заботиться только объ одномъ: приспособляться къ возрасту и смыслу учениковъ. Методъ преподаванія—совсѣмъ другое дѣло; онъ создается на самомъ мѣстѣ дѣйствія, на полѣ педагогической борьбы, сколько изъ теоретическихъ знаній, скопившихся въ головѣ, столько же изъ живаго, измѣнчиваго, неудовимаго матеріала, надъ которымъ въ эту минуту работаешь. Графъ Толстой очень вѣрно понимаетъ это первое правило здравой педагогіи и посвятилъ ему во второмъ номерѣ своего журнала прекрасную статью, полную дорогихъ наблюденій. Но вѣдь методъ и программа слишкомъ большая разница.

IV.

Мы много сказали въ укоръ педагогическимъ мнѣніямъ графа Толстаго; а между тѣмъ стоитъ только читателю разъ побывать въ Яснополянской школѣ, чтобъ убѣдиться въ самомъ успѣшномъ ходѣ ея. Мы сами съ особенною симпатіей глядимъ на эту прекрасную школу, прикосновеніе съ которою всегда освѣжительно дѣйствовало на нашу душу. Графъ Толстой представилъ въ своемъ жур-

намъ нѣсколько поэтическихъ картинъ изъ быта своей школы; эти дорогие отрывки имѣютъ не одно только художественное достоинство, въ нихъ много реальной правды, хотя, конечно, рядомъ съ ними необходимы и другія картины, въ родѣ тѣхъ наприкладъ, которыя сообщаетъ недобривчивый сотрудникъ *Ясной Поляны*, г. М. Б. Въ виду такихъ фактическихъ доказательствъ, наши разсужденія легко могутъ быть приняты за упорное доктринерство, за нежеланіе признать законнымъ жизненное явленіе, само по себѣ прекрасное и сильное, но не подходящее подъ нашу теорію. Это однако не такъ. Яснополянская школа безспорно лучше всѣхъ народныхъ школъ, мнѣ извѣстныхъ. Но причина ея достоинствъ не въ тѣхъ педагогическихъ взглядахъ, на которыя я нападаю. Причина въ ея исключительно-счастливымъ положеніи; школа эта составляетъ предметъ горячей заботливости образованнаго, талантливаго и вполнѣ обеспеченнаго человѣка. Словомъ „заботливость“ еще недостаточно выражается степень участія графа Толстаго въ судьбѣ Яснополянской школы. Это предметъ волнующій теперь его мысли, его общественную и домашнюю жизнь, его литературныя и ученыя занятія. Онъ предается ему съ вдохновеніемъ художника и разрабатываетъ его всею силой своихъ практическихъ способностей и знаній.

Въ школѣ — его гордость, его желаніе дѣла, его желаніе добра, его служеніе обществу. Школа снабжена всѣмъ что графъ Толстой считаетъ нужнымъ для нея; между тѣмъ какъ въ другихъ народныхъ школахъ одинъ учитель на всѣхъ, въ Яснополянской школѣ бываетъ по четыре и по пяти постоянныхъ учителей, кромѣ находящихся на времяномъ испытаніи. Одинъ изъ учителей самъ графъ Толстой, котораго образованіе и опытность, конечно, не могутъ идти въ сравненіе съ обыкновенными народными учителями; другой учитель — Нѣмецъ, окончившій курсъ въ Иенскомъ университетѣ, натуралистъ и математикъ, обучаетъ дѣтей черченію и дѣлаетъ различные физико-химическіе опыты, доступные ребятамъ; остальные учителя всѣ образовались подъ руководствомъ графа Толстаго и выбраны имъ. Во всѣхъ другихъ школахъ этого мирового участка, классы помѣщаются въ простыхъ избахъ; учитель живетъ часто въ той же комнатѣ, гдѣ мальчики учатся. Яснопо-

лянская школа помѣщена въ каменномъ двухъэтажномъ флигелѣ, въ сѣняхъ котораго устроены *баръ* и *рекъ* для гимнастики; въ томъ же флигелѣ есть отдѣльныя помѣщенія для всѣхъ учителей, есть маленькій кабинетъ съ физическими снарядами, лабораторіей, минералогическою коллекціей и другими принадлежностями нагляднаго обученія. Кромѣ того, всѣ средства богатаго помѣщичьяго дома, въ случаѣ нужды, находятся въ распоряженіи школы; множество выписываемыхъ журналовъ и новыхъ книгъ, порядочная домашняя библиотека, разныя художественныя изданія, все это доступно ученикамъ школы, если окажется полезнымъ. Дѣти поютъ хорошо подъ игру рояля, дирижируемые и обучаемые самимъ графомъ Толстымъ, вечеромъ часто играютъ у него въ кабинетѣ въ шашки или другую игру, рассматриваютъ рисунки, крутятся и прыгаютъ вмѣстѣ съ нимъ на гимнастикѣ, ходятъ съ нимъ на охоту, на качели, купаться въ прудѣ. Нужно ихъ повеселить, поощрить,—устраивается театръ, совершенно простой и оригинальный, но все-таки нуждающійся въ талантаивой и достаточной рукѣ. На актѣ раздаются шапки и кушаки, несказанно радующіе мальчиковъ. Вообще во всемъ видны широкія средства, умственные и матеріальныя, двигающія Яснополянскую школу. Это не то что двадцатилѣтній учитель, изъ втораго курса университета, которому дѣться некуда, которому мужики даютъ по 50 коп. въ мѣсяцъ, и поэтому глядятъ на него покровительственно, какъ на своего наемника. Такой учитель не только не смѣетъ думать о полученіи журнала, онъ едва добьется чтобы въ классѣ были черныя доски. Авторитетъ его въ глазахъ учениковъ и родителей, какъ человѣка зависящаго, нуждающагося, далеко не тотъ, что авторитетъ графа Толстаго, помѣщика и мирового посредника, все дѣлающаго даромъ, на свой счетъ. Всѣмъ этимъ я хочу сказать одно: Яснополянская школа мало относится къ области общественной педагогич., также мало какъ домашнее воспитаніе какого-нибудь ребенка въ хорошемъ домѣ, окруженнаго самымъ счастливымъ вліяніемъ. Никакіе законы не могутъ имѣть въ виду высокую добродѣтель, жертвы и т. п. Все это относится къ личной нравственности человѣка, а законы пишутся для всѣхъ вообще. Также точно педагогич. не должна разчитывать на страстныя привязанности учителей и на ихъ безкорыстность. Она имѣетъ дѣло съ народными учителями получаю-

щами по 50 копѣекъ съ мальчика, а не съ такими учителями, которые тратятъ на школу свои собственные сотни рублей; у нея въ распоряженіи люди небольшого образованія, не находящіе болѣе выгоднаго сбыта своихъ знаній, а не люди передовыхъ рядовъ съ артистическою душою и благородною любовью къ полезному дѣлу, ничѣмъ не стѣсненной въ своемъ выборѣ. Графъ Толстой не просто учитель: онъ влюбленъ въ свою школу, и дѣйствуетъ какъ влюбленный, всѣмъ жертвуя своей любимой мечтѣ. Но разлюбивъ ее завтра, — завтра же можетъ и разстаться съ нею. Его ничто извнѣ не обязываетъ, оттого, можетъ-быть, и возможно такое страстное отношеніе къ дѣлу. Обыкновенный учитель не посвящаетъ всего своего времени ученикамъ, онъ еще долженъ заботиться о собственной жизни, у него свои вкусы и желанія, для удовлетворенія которыхъ нужно свободное время и средства. Получая 50 копѣекъ, онъ инстинктивно старается дать на 50 копѣекъ, а получая 3 рубля — на 3 рубля, и вполнѣ спокоенъ совѣстью, потому что гадитъ на педагогію, какъ на коммерческое дѣло, взглядомъ экономиста. Такихъ-то экономистовъ и должна имѣть въ виду педагогія, заботясь объ устройствѣ народныхъ школъ. Я знаю, что можно при этомъ удобномъ случаѣ исполниться благороднаго негодованія, и наговорить красивыхъ вещей о святости служенія просвѣщенію и проч. Но пусть себѣ реторика утѣшается своимъ сладкозвучіемъ, а я всегда буду того мнѣнія, что насильственныхъ жертвъ существовать не можетъ и не должно. Графъ Толстой живетъ съ своею школою все равно какъ отецъ съ семьей; онъ ей жертвуетъ часто цѣлыя дни и недѣли, и намъ конечно не можетъ не нравиться такая благородная и полезная прихоть; но все-таки это прихоть, то-есть страсть, зависящая отъ внутренняго настроенія, ничѣмъ не обезпеченная, на которую разчитывать никто не имѣетъ права. Можетъ-быть, какой-нибудь народный учитель былъ бы согласенъ цѣлыя дни играть даромъ на скрипкѣ въ пользу бѣдныхъ, потому что это его личная страсть, но онъ, можетъ-быть, никакъ не захочетъ посвящать свое внѣклассное время бесѣдамъ съ учениками, и безъ того ему надобными. Скажутъ, что надобно выбирать учителей по призванію; это совершенно невозможно. Кто угадаетъ призваніе даже въ самомъ себѣ, не только въ другомъ, и что наконецъ за специальное при-

звание быть народнымъ учителемъ? Яснополянская школа не можетъ быть поэтому образцовой народною школою; въ ней все не такъ, какъ можетъ быть въ настоящихъ народныхъ школахъ, и успѣхъ ея я приписываю главнымъ образомъ именно тѣмъ условіямъ, которыя нѣтъ возможности воспроизвести въ другомъ мѣстѣ. Главная причина успѣшнаго хода Яснополянской школы въ томъ, что она семья, а не школа, и что глава этой семьи чловѣкъ съ очень рѣдкими условіями. Графъ Толстой полюбилъ дѣтей душой артиста, понявъ въ нихъ многое, непонятное прозаическимъ натурамъ; дѣти поняли его любовь, полюбили его въ свою очередь; этому много помогъ и психологическій тактъ графа Толстаго, его особенное умѣніе правдиво и вмѣстѣ осторожно относиться къ дѣтямъ. Замѣчательная простота его обращенія, интересъ возбуждаемый въ дѣтяхъ живописнымъ разказомъ чловѣка вездѣ бывалаго и все знающаго, его веселый нравъ, способность участвовать въ забавахъ дѣтей и устраивать для нихъ забавы—все это, проникнутое инстинктивною симпатіей другъ къ другу, сблизило Яснополянскую школу съ учителями крѣпко-на-крѣпко; родилось взаимное довѣріе, дружба; умственные и нравственные силы дѣтей не сдавались страхомъ или нелюбовью, а заработали весело, свободно и горячо; учитель незамѣтно приобрѣлъ самый прочный авторитетъ; дѣти часто понимаютъ очень тонко чего хотятъ отъ нихъ, и желанія графа Толстаго, даже не выраженные прямо, были инстинктивными законами совѣсти для дѣтей, крѣпко вѣрившихъ въ него и крѣпко его любившихъ. Вотъ, по моему, вся разгадка отрадныхъ успѣховъ Яснополянской школы, рѣзко отличающихъ ее отъ другихъ школъ. Наблюдательныхъ посѣтителей поражалъ особенно самый духъ школьничковъ, ихъ упорная добровольная занятія въ теченіи семи, восьми часовъ ежедневно, свѣжій и довольный видъ ихъ, постоянная работа мысаи, замѣтная на каждой дѣтской рожицѣ въ многочисленномъ классѣ. Послѣ своей школы графъ Толстой имѣлъ полное право негодовать на то обычное явленіе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, которое онъ такъ мѣтко описалъ подъ именемъ *школьнаго состоянія*. Съ другой стороны; посѣтителю не поразятъ особенныя знанія мальчишковъ Яснополянской школы, ихъ фактическія свѣдѣнія, бѣглость

и точность математических выкладок. Методы Яснополянской школы очень просты и обыкновенны; мальчики иногда не понимают таких вещей, которые в других школах отлично все знают. Но дело в том, что при знании и при незнании достоинства школы становятся одинаково ясны: все мальчики сами думают, сами добиваются, сами хотят научиться. Пробужденность их духа, самостоятельность внутренней работы в голове мальчика, вот чем радуется Яснополянская школа. А она, повторяю, зависит не столько от умного школьного устройства, сколько от счастливых семейных условий. Для семьи же правил не напишешь. Нам могут поставить на вид, что полная свобода Яснополянской школы доводит, вопреки нашим теориям, до хороших результатов. Но так ли это? Не заключается ли в себя домашняя жизнь мальчика, влияние его родной семьи, того принудительного элемента, без которого блудится дух человека, изнуриваются его силы? Разве можно ровнять крестьянского мальчика, все лето занятого работой, имеющего круглый год разные хозяйственные обязанности, с детьми достаточных сословий? Принудительный выгонять скотину в 4 часа утра, пастись ее на выгонах и болотах во всякую погоду, находясь под постоянным влиянием суровых воспитательных понятий мужика-отца, ребенок в праведохнуть свободой хотя на школьных скамейках; это лишь несколько уравнивает слишком несправедливый процент обязательности и слепого повиновения, тяготящего над ним в жизни. Да и то, впрочем, мы не уверены, на сколько полезен будет для их будущего этот произвольный выбор труда и отсутствие всяких воспитательных требований извне. Горек и суров путь бедного человека; ему меньше других надо поддаваться влечению своих вкусов, меньше рассчитывать на возможность совершенно свободных отношений. Бедность и труд во что бы ни стало — есть рабство, коренящееся не в дурном устройстве общества, не в каких-нибудь временных аномалиях, а в самой слабости человеческой природы, печальном уставе нашего мира. Граф Толстой обходит положительное решение этого вопроса, до-

вольствуясь одними необъдательными лирическими мѣстами по этому поводу (см. № I. 56 и 57 стр.) На дѣлѣ онъ, повидимому, не считаетъ опаснымъ вести крестьянскихъ мальчиковъ по тому пути, на которомъ настоящая жизнь не можетъ оставить ихъ. Для насъ, во всякомъ случаѣ, это важный вопросъ, разрѣшающійся скорѣе отрицательно чѣмъ положительно. Кромѣ этого, свобода яснополянскихъ школьниковъ дѣлается понятною отъ отсутствія нѣкоторыхъ требованій неизбѣжныхъ въ болѣе-образованныхъ сословіяхъ. Можетъ-быть графъ Толстой не захочетъ признать законности такихъ ничтожныхъ педагогическихъ требованій, какъ выработка извѣстныхъ вѣшнихъ приемовъ, такъ-называемыхъ приличныхъ манеръ. Мы не хотимъ понимать подъ этимъ словомъ граціозныя расшаркиванья и присѣданія, изобрѣтаемыя танцмейстерами, и вообще такъ-называемую манерность; мы разумѣемъ здѣсь ту степень скромности; вниманія къ другимъ, то отсутствіе рѣзкихъ, неприятно поражающихъ движеній и выраженій, которыя мы считаемъ чрезвычайно важными въ человѣкѣ, и которыя составляютъ отличительную черту дѣтей хорошей семьи. Замѣтно, что у дѣтей, предоставленныхъ самимъ себѣ, особенно въ большомъ обществѣ товарищей, неудержимо развиваются разныя ухорскія, дисграціозныя ухватки; они привыкаютъ къ самымъ пошлымъ, часто грязнымъ остротамъ и выходкамъ, которыя сильно способствуютъ внутренней распущенности души, ея нравственному огрубѣнію. Все это тѣмъ хуже, что является чѣмъ-то крайне-искусственнымъ. Какой-нибудь необработанный мальчуганъ, двумя годами старше другихъ, съ здоровыми кулаками и горланъ, приобретаетъ чаще всего авторитетъ среди товарищей; его насмѣшекъ боятся, его привычкамъ стараются подражать, а между тѣмъ все порядочное, менѣе жесткое и грубое, должно молчать или притворяться, то-есть идти за общественнымъ мнѣніемъ, руководимымъ горлаанами. Я это постоянно замѣчалъ, приглядываясь къ обширному кружку дѣтей; здѣсь особенно важно внимательство большаго, руководство вкусами дѣтей, поддержка скромныхъ достоинствъ, осаживаніе грубачей-коноводовъ. Конечно, тутъ одна дисциплина не поможетъ; но вѣдь графъ Толстой объявляетъ себя противъ вся-

каго, даже косвеннаго, внимательства въ воспитаніе. Не знаю почему Яснополянская школа доставляетъ графу Тоастому только одни утѣшительные факты самоуправленія дѣтей. Г-полаѣ довѣрая уважаемому редактору *Ясной Поляны*, мы не можемъ однако откинуть прочь собственныя наши наблюденія и наблюденія близкихъ намъ людей, также смыслящихъ въ педагогю, которые тоже не изъ одной обязанности занимаются своимъ дѣломъ и стараются по возможности распространить свободу преподаванія и свободу жизни самихъ воспитанниковъ. Мы всё стоимъ противъ искусственности и теоретичности воспитанія, всё очень любимъ дѣтей и желаемъ быть ихъ друзьями. Чтѣ только можно сдѣлать для свободы воспитанія, безъ видимой опасности самимъ дѣтямъ, мы съ радостію дѣлаемъ, потому что на этотъ путь склоняются всё наши личные вкусы и всё наши педагогическія убѣжденія. Но, руководясь такими взглядами, мы все-таки должны признаться, что не наши возможности установить на дѣлѣ ту степень свободы, за которую стоитъ Яснополянская школа. Опытъ убѣдилъ насъ, что нельзя быть большимъ оптимистомъ во взглядахъ на дѣтей и на простой народъ; бѣдность человѣческой природы облачается тотчасъ же; часто открываются неутѣшительныя и грубыя явленія, разныя искривленія стеблей и вредныя наросты. Еще есть одно исключительное условіе Яснополянской школы, при которомъ дѣлается возможнымъ бѣольшая степень свободы учениковъ. Это стѣженіе учителей въ ихъ пользу. Принимаются во вниманіе только вкусы и выгоды мальчиковъ; учителя живущіе въ *Ясной Полянѣ* предавы имъ въ жертву добровольно или по необходимости. Помяту, что учитель, обязанный всецѣлымъ погощеніемъ своихъ силъ на пользу Яснополянской школы, можетъ ждать пока дѣтямъ наскучитъ ваалаться кучей на полу, можетъ подчиняться ихъ капризному настроенію, то-есть прекращать свои занятія въ классѣ когда ему было бы, можетъ-быть, всего удобнѣе этимъ заниматься, и начинать ихъ снова тогда, когда толпа нагулавшихся дѣтей отрываетъ его отъ собственнаго дѣла. Въ другихъ заведеніяхъ сдѣлать этого нельзя, потому что тамъ учителя имѣютъ свои отдѣльныя отъ школы потребности и не въ состояніи удовлетворить

ихъ ограниченнымъ вознагражденіемъ получаемымъ отъ училища. Всѣ они люди болѣе или менѣе образованные, болѣе или менѣе общественные, всякому дорога еще его личная жизнь, которую онъ не рѣшится закабалить за 600 руб. въ годъ. Слѣдовательно свободу учителей также необходимо принимать въ расчетъ, если не хотимъ превратить педагогическую свободу въ деспотизмъ противоположнаго рода. Графъ Толстой пишетъ, что только уроки священника распределены правильно, потому что ему приходится прѣзжать за двѣ версты, и такъ какъ у него много другихъ обязанностей. Вотъ и прекрасное объясненіе необходимости правильныхъ расписаній, а слѣдовательно и дисциплины въ каждой школѣ, основанной на взаимныхъ выгодахъ, а не на самоотверженіи. Абсолютной, метафизической нужды въ этомъ, разумѣется, нѣтъ; есть только практическая, житейская нужда, которая гораздо важнѣе всѣхъ абсолютныхъ, то-есть не существующихъ нуждъ. При томъ исключительномъ положеніи, въ которомъ находится Яснополянская школа, она дѣйствительно можетъ превратиться въ своего рода *педагогическую лабораторію*, какъ выразился графъ Толстой (см. 20 стр.). Опыты могутъ производиться въ ней при самой благопріятной обстановкѣ, потому что она не стѣснена ничѣмъ, и жертвуетъ всѣмъ для своей цѣли. Такіе опыты вѣроятно доставятъ дорога свѣдѣнія о свойствахъ педагогическаго матеріала, различныхъ реакціяхъ на него, температурѣ его плавленія и замерзанія. Но обыкновенныя школы не могутъ быть только лабораторіями, ихъ цѣль тѣснѣе и ближе: онѣ фабрики, отъ нихъ требуется поставка извѣстныхъ продуктовъ къ извѣстному сроку. Хотя всякій порядочный фабрикантъ наблюдаетъ за свойствами матеріала, который онъ обрабатываетъ, но все-таки его главная цѣль не изслѣдованіе свойствъ маргарина и олеина, а выливанье свѣчь. Торопимый неотлагательнымъ запросомъ, онъ поневолѣ долженъ довольствоваться суммой химическихъ свѣдѣній, до него выработанныхъ, и дѣйствовать на ихъ основаніи. Результаты лабораторныхъ трудовъ онъ принимаетъ въ расчетъ на столько, на сколько они приложимы къ условіямъ его фабрики. Можетъ-быть педагогическія лабораторіи также необходимы, но вѣрно то, что школы необходимѣе, какъ бы рутинно

на фабриковались въ нихъ педагогическіе продукты. Запросъ—вотъ вся разгадка ихъ неизбѣжности. Исторія Яснополянской школы сама доказываетъ, что школа невозможно долго удерживать характеръ чистаго эксперимента. Съ каждымъ шагомъ жизни своей, она невольно все болѣе и болѣе облачается въ обычныя школьныя формы, и каждая такая форма, порожденная необходимостію, есть мѣстъ радикальное отступленіе отъ педагогическихъ убѣжденій графа Толстаго. Мы помнимъ Яснополянскую школу, когда всѣ предметы преподаванія въ ней представляли крайнюю неопредѣленность, почти смѣсь. Теперь не аккурратно расписаны двѣнадцать предметовъ, между которыми даже черченіе отдѣлено отъ рисованія. Нѣмецкій учитель ввелъ мало-по-малу порядокъ и нѣкоторую дисциплину въ школу, часы священника утверждены неизбежно, баллы приобретаютъ огромное значеніе, сами мальчики высказываютъ потребность въ большемъ порядкѣ. Все это—отъ постепеннаго усиленія вліянія учителей и отъ невозможности продолжать иначе дѣло. Если теперь въ Яснополянскую школу проникли общіе приемы педагогики, то посмотрѣли бы мы, до чего бы дошелъ педагогъ съ убѣжденіями графа Толстаго, очутившись въ условіяхъ другихъ школъ, напримѣръ въ условіяхъ Тульской гимназіи, которыя намъ ближе знакомы. Тутъ не 5 учителей на 30 мальчиковъ, тутъ въ каждомъ классѣ сидятъ по 50, 60 и даже 70 учениковъ; однихъ нововоступившихъ въ 1-й и 2-й классъ вышедшій годъ было около 100 человекъ, всякій съ своими особенными привычками, вкусами и характерами, всѣ разной степени развитія и неравныхъ свѣдѣній. Какъ вы примѣните тутъ, въ тѣсной комнатѣ, гдѣ черной доски негдѣ поставитъ, и гдѣ сидятъ между тѣмъ шестьдесятъ человекъ съ своими тетрадями и книгами, какъ примѣните вы принципъ свободнаго движенія, разговора и пр.? Сами мѣстныя условія создаютъ дисциплину, а слѣдовательно и взысканія. Мы не разъ пробовали сохвѣтъ развязывать ученикамъ руки и рѣдко наслаждались тѣми картинами радости и свободы, которыя такъ заманчиво нарисовалъ художникъ-педагогъ въ № I своего журнала. Ругня, толкотня, шалости за спиной, невозможность внимательно слушать и смотрѣть—вотъ что чаще всего является при анархическомъ устройствѣ класса; нѣсколько хорошихъ мальчиковъ слушаютъ старательно, до-

сааютъ на остальныхъ, другіе равнодушнѣе, третьи притворяются внимательными, а втайнѣ пользуются тѣсно-той, увеличиваютъ давку, ложатся на спинахъ товарищей, поднимаютъ смѣхъ и стараются превратить урокъ въ пошлую забаву. Всѣмъ не угодить, многихъ ничѣмъ не заинтересуешь, да и возможности нѣтъ примѣниться одному въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ къ натурамъ шестидесяти мальчиковъ. Прибавьте сюда опредѣляемыя требованія родителей, недостатокъ времени и силъ учителя, имѣющаго еще другія занятія, невозможность жить семейною жизнью съ многочисленною и разношерстною толпою, и выйдетъ какъ $2 \times 2 = 4$, что убѣжденія *Ясной Поляны* приведутъ въ Тульской гимназіи почти къ тому же порядку вещей, который въ ней теперь существуетъ. Это тѣмъ вѣрнѣе, что люди, дѣйствующіе въ упомянутой гимназіи, приступили къ дѣлу почти съ такими же точно взглядами, какъ и графъ Толстой. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи были другія попытки водворить свободу воспитанія, и что всѣ онѣ на практикѣ оказались мало осуществимыми.

Мы высказали наконецъ все, что имѣли сказать противъ *Ясной Поляны*. Главные пункты нашего разногласія состоятъ стало-быть въ слѣдующемъ:

- 1) Мы признаемъ *право* одного поколѣнія вмѣшиваться въ воспитаніе другаго.
- 2) Мы признаемъ *право* высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе.
- 3) Мы не согласны съ яснополяскимъ опредѣленіемъ образованія.
- 4) Думаемъ, что школы не могутъ и не должны быть изъ-яты изъ-подъ историческихъ условій.
- 5) Думаемъ, что современные школы гораздо ближе отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ чѣмъ средневѣковыя.
- 6) Считаемъ наше воспитаніе не вреднымъ, а полезнымъ.
- 7) Думаемъ, что полная свобода воспитанія, какъ ее понимаетъ графъ Толстой, вредна и невозможна.
- 8) Думаемъ наконецъ, что устройство Яснополянской школы противорѣчитъ педагогическимъ убѣжденіямъ редактора *Ясной Поляны*.

Со всѣмъ тѣмъ, новый журналъ является представителемъ лучшихъ стремленій новѣйшей педагогіи, стремленій выраженныхъ слухкомъ въ радикальной формѣ, но въ основѣ все-таки справедливыхъ. *Ясная Поляна* отрицаетъ свое родство съ современною педагогіей, видитъ между собой и ею непроходимую бездну. Мы другаго мнѣнія.

Мы даже ставимъ въ упрекъ *Ясной Полянкѣ*, что она всѣ свои боевые снаряды метала въ отсталыя педагогическія учрежденія и приемы, часто была давно-побитыхъ враговъ, забывая что лежачаго не бьютъ. *Ясная Поляна* страннѣмъ образомъ упускала изъ виду всѣ свободныя педагогическія попытки новаго времени, будто бы не признавая ихъ существованія. Итакъ мы совершенно согласны съ общимъ направленіемъ новаго журнала, которое, если очистить его отъ слишкомъ попятныхъ увлеченій, представить намъ слѣдующія отрадные явленія: 1) *Стремленіе повести образованіе народа путемъ самостоятельнаго, органическаго развитія*, безъ вредныхъ вмѣшательствъ бюрократіи или регламентовъ; въ противность мертвящему однообразію, всякой готовой теоріи, предоставленіе каждой школѣ права на ея собственныя оригинальныя формы жизни, какъ бы ни казались онѣ исключительны. 2) *Стремленіе къ гораздо большей свободѣ преподаванія и школьнаго устройства* чѣмъ было до сихъ поръ въ большинствѣ нашихъ школъ. 3) Совершенно *опытное направленіе школы*, то-есть стремленіе ввести въ педагогію истинный *натуральный методъ*. 4) *Уваженіе къ духовнымъ потребностямъ народа*, и съ этою цѣлью основательное изученіе его характера и жизни. Эти основныя правила, въ силу которыхъ выступила *Ясная Поляна* на поле педагогическихъ работъ, имѣютъ, по нашему мнѣнію, такое серьезное значеніе, что отъ ихъ большаго или меньшаго успѣха можетъ зависеть рѣшеніе коренныхъ вопросовъ народнаго счастья. Мы рады отъ души, что бордомъ за свободу народнаго образованія выступилъ графъ Толстой. Онъ соединяетъ много дорогихъ условій, полезныхъ въ этомъ дѣлѣ. Труды его по народной педагогіи исполнены глубокой и страстной симпатіи къ предмету, которая дѣлается тѣмъ цѣннѣе для насъ, что подкрѣпляется рѣдкимъ педагогическимъ тактомъ, опытнымъ знаніемъ народа, необыкновенною свѣжестью и самостоятельностью мысли; наконецъ художественное чувство автора сообщаетъ живописный колоритъ не только всякой картинѣ, но и всякой мысли, имъ высказываемой. Его очерки имѣютъ и чрезвычайно полезныя матеріалы, и прекрасныя художественныя импровизаціи. Они заставляютъ полюбить школу и крестьянскихъ мальчиковъ, даже людей оныхъ не думающихъ. Сцена лѣсной прогулки и другая—

вечерняго урока—принадлежать къ числу высокихъ поэтическихъ разказовъ, а такихъ оцѣнъ не одна въ двухъ первыхъ книжкахъ журнала, которыя мы имѣли въ виду, когда писалась эта статья. Читая ихъ, невольно поймешь какое вліяніе должно производить надѣтей дружелюбное сообщество такой теплой и артистической натуры: *Ясная Поляна* имѣеть еще одно чрезвычайно важное и рѣдкое достоинство: какъ бы ошибочны ни были мнѣнія графа Толстаго, они никогда не могутъ быть вредны, потому что неминуемо исправятся практикою школы. Въ нихъ такъ много широты, свободы, натуры, что всему будетъ мѣсто что только окажется нужнымъ. Ничего засушающаго, безобразящаго голову, перекраивающаго жизнь на мѣмецкій унылый модель, въ нихъ и сѣвда нѣтъ. *Ясная Поляна* доказываетъ собою, что педагогія дѣйствительно можетъ быть живою наукою, и что школьный отчетъ въ устахъ талантливаго человѣка превращается изъ сухаго перечня въ прелестный психологическій и поэтическій разказъ. Когда сравнишь полныя жизни и правды статьи *Ясной Поляны* съ безхарактерными подражаніями какимъ-то чуждымъ намъ теоріямъ, наполняющими многіе наши педагогическіе журналы—какая разница! Какъ рѣзко всплываетъ наверхъ бездарность и бездушіе, въ какую бы схоластическую мантию они ни рядились, на какихъ бы фразахъ ни танцовали! Одушевленіе сообщается только искренностію любви; ея не выдумаешь. Таланта тоже не выдумаешь, а безъ него ничто не дастъ мѣткости и характера мыслямъ, точно также какъ многотомная энциклопедія Шмидта никогда не познакомитъ русскаго педагога съ крапивенскимъ мужикомъ. Пусть не подумаетъ читатель, что педагогическія мнѣнія графа Толстаго способны вызвать насъ только на то множество замѣчаній, которыя составили предметъ этой статьи. Еслибы мы имѣли цѣлью сдѣлать полную характеристику *Ясной Поляны*, мы бы наши гораздо больше матеріала для самыхъ искреннихъ похвалъ ей. Но мы считаемъ свое одобреніе бесполезнымъ для капитальныхъ достоинствъ замѣчательнаго труда графа Толстаго, сильнаго своими внутренними средствами. Нашею цѣлью было только указаніе, по нашему крайнему разумѣнію, нѣкоторыхъ ошибокъ и увлеченій *Ясной Поляны*. *Ясную Поляну* мы ставимъ вообще очень высоко; мы считаемъ ее способ-

вою породить цѣлую плодотворную школу педагогической литературы.

Пока же пусть всякій, кто интересуется народомъ и образованіемъ, внимательно прочтетъ *Ясную Поляну*. Никто, мы увѣрены, не будетъ въ претензіи на нашу рекомендацію; кто не извлечетъ изъ этого чтенія полезныхъ психологическихъ и педагогическихъ выводовъ, тотъ получить по крайней мѣрѣ эстетическое наслажденіе. Мы же сами желаемъ, чтобы всѣмъ посчастливилось также какъ намъ—многому добруму научиться у *Ясной Поляны* и вмѣстѣ съ тѣмъ многимъ прекраснымъ насладиться въ ней. Мы приветствуемъ въ *Ясной Полянѣ* свѣжаго, полного силъ и любви бойца, которому дай Богъ, не уставая и не унывая, идти его свободнымъ жизненнымъ путемъ.

1862, 14 апрѣля.

Тула.

ЕВГЕНІЙ МАРКОВЪ.

ХУДОЖНИКЪ.

Нѣтъ, вѣрь мнѣ, не любовь, не страстные мечты
Красою строгою во мнѣ рождаешь ты!
Нѣтъ, не горять во мнѣ нечистыя желанья,
Когда я погруженъ въ святое созерцанье,
Въ благоговѣнн, стою передъ тобой,
Весь пораженъ тобой, растерянный, вѣмой.
Какъ истый Скиѣзъ, къ красѣ высокой не привычный,
Глажу я съ трепетомъ на образъ твой античный,
И мнѣ не вѣрится, въ мечтахъ моихъ, что онъ
Слѣпой природою случайно порожденъ:
Ты все мнѣ чудисься божественной Діаной
Рукою Фидіа разумно изваянной.

Б. АЛМАЗОВЪ.

1862 г.
7-го мая.

АНГЛИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Англійское законодательство о печати. Постановленія объ открытіи и содержаніи типографій и объ изданіи печатныхъ произведеній.—Журналы; опредѣленія термина и правила изданія.—Право конфискаціи противозаконныхъ изданій.—Пасквили; опредѣленіе термина; преслѣдованіе и наказанія.—О правѣ отвѣтника доказывать истину носительныхъ словъ.—Роль присяжныхъ въ дѣлахъ по преступленіямъ, совершаемымъ путемъ печати.—Сравнительныя замѣтки о законодательствѣ во дѣлахъ печати въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и Франціи.

Законодательство о печати, взятое въ цѣломъ, обнимаетъ собою постановленія объ открытіи и содержаніи типографій и объ изданіи произведеній печати, затѣмъ о злоупотребленіяхъ печатнаго слова и, наконецъ, о правахъ литературной собственности. Постановленія о литературной и тѣмъ болѣе художественной или музыкальной собственности не касаются прямо занимающаго насъ здѣсь вопроса; въ настоящую статью войдутъ лишь постановленія о типографіяхъ и сходныхъ съ ними заведеніяхъ, о книгахъ, журналахъ и пр., и тѣсно связанныя съ ними постановленія о печатныхъ обихахъ и поношеніяхъ, о паск-

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 3.

вилахъ. Связь между первыми и послѣдними постановленіями особенно тѣсна въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ печать пользуется свободой. Въ Англіи, общая и главная цѣль первыхъ постановленій—знаніе именъ издателей, чтобы въ случаѣ нужды имѣть всегда отвѣтчиковъ передъ гражданскимъ судомъ по иску обиженнаго, и передъ судомъ уголовнымъ за нарушеніе законовъ. Цѣль эту читатель прослѣдитъ во всѣхъ нижеслѣдующихъ предписаніяхъ закона.

Въ Англіи не требуется дозволенія правительства для того чтобы завести типографію, литографію и т. п. Каждый имѣетъ на то право, но только обязанъ объявить о своемъ намѣреніи, въ присутствіи одного свидѣтеля, полицейскому чиновнику своего округа, и получить отъ него свидѣтельство или удостовѣреніе (certificate) въ томъ, что онъ дѣйствительно заявилъ свое намѣреніе. Тому же правилу подчиняется каждый основывающій словолитню или заводящій фабрику станковъ. Каждый продающій литеры или печатные станки обязанъ вести подробный списокъ всѣмъ своимъ покупателямъ, и, по требованію мирового судьи, представлять ему этотъ списокъ. Каждый печатающій что-либо обязанъ сохранять одинъ экземпляръ своего изданія, съ четкою и ясною надписью на немъ своего имени и мѣста нахожденія типографіи; экземпляръ этотъ хранится, для представленія въ случаѣ требованія мировому судья, *въ продолженіи 6 мѣсяцевъ со дня напечатанія* (during six calendar months). За нарушеніе какого-либо изъ этихъ правилъ, виновные подвергаются денежному взысканію въ 20 ф. ст. (около 140 р. с.). Типографъ обязанъ означать, на первой и на послѣдней страницѣ (или на лицевой сторонѣ) своего изданія, четко (in legible characters) свое имя, мѣсто своего жительства или мѣсто нахожденія типографіи, подъ опасеніемъ быть подвергнутымъ, за нарушеніе этого, вмѣстѣ съ продающимъ или распространяющимъ такое его изданіе, денежному взысканію въ 5 ф. ст. за каждый экземпляръ. Правила эти касаются сочиненій вообще—книгъ, изображеній и пр., но не распространяются на правительственные акты, также на объявленія о продажахъ, карты съ именами, адресами и т. п. ¹.

¹ Для пояснительнаго сравненія, не лишнимъ будетъ привести здѣсь нѣкоторыя важнѣйшія соотвѣтствующія постановленія нашего законодательства. Содержаніе типографій (Св. Зак. изд. 1857 г. Т. XI.

Что до правилъ касающихся собственно *Журналовъ*, то прежде чѣмъ говорить о нихъ, необходимо опредѣлить самый терминъ. Въ англійскихъ законахъ находятся три пополняющія одно другое опредѣленія *Журнала* или *газеты Журналовъ*, или *газетой* (newspaper) называется: 1) „всякое изданіе заключающее въ себѣ публичныя новости, вѣдомости или изложенія происшествій, и печатающееся въ какой-либо части Соединеннаго Королевства для распространенія и обнародованія (to be dispersed and made public); 2) всякое изданіе, которое выходитъ въ сроки, не превышающіе 26 дней, и содержитъ въ себѣ исключительно или преимущественно одни объявленія; и 3) всякое изданіе, которое включаетъ въ себѣ публичныя новости, вѣдомости или изложенія происшествій, или какія-либо замѣчанія и разсужденія о нихъ, — которое печатается въ Соединенномъ Королевствѣ для продажи и выходитъ периодически, книжками или листами, въ сроки не превышающіе 26 дней, и которое, при этомъ, состоитъ не болѣе какъ изъ двухъ листовъ (21 дюйма въ длину и 17 въ ширину) и стоить не болѣе 6 пенсовъ.“ Первые два опредѣленія, какъ читатель видитъ, очень не полны, и еслибы не прибавили третьяго, то очень затруднительно было бы отличить журналъ отъ многихъ другихъ изданій¹.

Уск. Торг. ст. 295) принадлежитъ у насъ къ предметамъ свободной торговли, то-есть торговли безъ свидѣтельствъ. Для открытія необходимо дозволеніе начальства, которое только издаюка, безъ сомнѣнія, можетъ быть сравнено съ „удостовереніями“, требуемыми въ Англіи. За открытіе типографіи, литографіи или другаго заведенія этого рода, безъ дозволенія правительства, и за печатаніе въ такой типографіи или литографіи хотя бы и дозволенныхъ книгъ, эстамповъ и т. п., виновные, у насъ, сверхъ закрытія заведеній ихъ, подвергаются, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе увеличивающимъ или уменьшающимъ вину ихъ, или аресту на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ или денежному взысканію отъ 50 до 100 руб. (т. XV. Улож. о нак. угол. ст. 1773). За неозначеніе на издаваемыхъ книгахъ имени содержателя типографіи виновные подвергаются денежному взысканію отъ 50 до 100 руб.; за неозначеніе года печатанія книги, мѣста гдѣ она напечатана (и дозволенія цензора по установленной формѣ), съ виновныхъ взыскивается 10 руб. (тамъ же, ст. 1367). Книгопродавцы, содержатели публичныхъ для чтенія библиотекъ и магазиновъ для торга разными произведеніями искусства и словесности, за продажу и выпускъ недозволенныхъ сочиненій, подвергаются денежному взысканію въ первый разъ—50 руб., во второй—100, а въ третій 200 руб.; произведенія конфискуются (тамъ же, ст. 1369).

¹ На митингѣ, собранномъ 4-го февраля этого года членами и друзья-

Право свободнаго изданія журнала принадлежатъ въ Англии какъ английскимъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ. Каждый, безъ дозволенія правительства, имѣетъ право, по исполненіи предписанныхъ формальностей, издавать какой угодно журналъ. Формальности заключаются, во первыхъ, въ *подпись* (Recognizance), и вторыхъ, въ *объявленіи* (Declaration). Подъ опасеніемъ денежнаго взысканія въ 20 ф. ст., каждый желающій печатать или издавать *Журналъ политическій* (то-есть „содержащій въ себѣ публичныя новости и разсужденія о церкви и государствѣ“), или политическую *брошюру* (сочиненіе не превосходящее двухъ листовъ и стоящее менѣе 6 пенсовъ), долженъ дать „подписку“ въ томъ, что онъ заплатитъ, въ случаѣ напечатанія чего-либо пасквильнаго, сумму, къ уплатѣ которой будетъ приговоренъ; при этомъ издатель журнала оставляетъ въ обезпеченіе въ Лондонѣ и ближайшихъ окрестностяхъ—400 ф. ст., въ провинціи—300 ф. ст. Подъ опасеніемъ денежнаго взысканія въ 50 ф. ст., каждый желающій печатать или издавать какой бы то ни было журналъ обязанъ представить въ департаментъ внутреннихъ сборовъ (Board of Inland Revenue) *письменное объявленіе*, заключающее въ себѣ правильное заглавіе изданія, подробное обозначеніе мѣста, въ которомъ оно печатается и издается (published), и полное имя и мѣсто жительства типографа, издателя и собственниковъ; это *объявленіе* должно быть подписано типографомъ, издателемъ и тѣми изъ собственниковъ, которые живутъ въ Англии; оно должно возобновляться каждый разъ, когда произойдутъ какія-нибудь перемѣны. Копіи съ этихъ *объявленій*, засвидѣтельствованныя въ вѣрности съ подлиннымъ, имѣютъ ходъ во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Департаментъ внутреннихъ сборовъ (Board of Inland Revenue) вноситъ въ особую книгу (Register) заглавіе каждаго журнала съ именами типографовъ и издателей, какъ показано въ *объявленіяхъ*; и эта книга выставляется для

ями *ассоціаціи для отнятыя налоговъ на образованіе*, въ честь Миллера Гибсона, послѣдній, благодаря за подарки поднесенныя ему въ знакъ признательности за его важныя услуги въ двѣнадцатилѣтнее предѣлательство въ *ассоціаціи*, — упоминалъ объ этой непомощѣ, вслѣдствіе которой, „со дней королевы Анны, правительство не могло опредѣлить точно что такое *Журналъ*“; къ счастью, прибавилъ Гибсонъ, эта неопредѣленность способствовала много отнѣтъ журнальнымъ пошамъ.

всѣобщихъ безвозмездныхъ (without fee or reward) справокъ. Для права пересылки журнала за границу требуется особая ежегодная „регистрація“, въ главномъ почтамтѣ, при которой взимается 5 шилл.

Типографъ или издатель журнала, кромѣ того, обязанъ представлять въ департаментъ, тотчасъ по выходѣ номера, одинъ экземпляръ изданія (конечно не даромъ, а за обыкновенную плату) съ именемъ и мѣстомъ жительства типографа или издателя, написанными или собственною рукою или рукою доверенныхъ. Экземпляръ этотъ хранится въ департаментѣ два года, *представленія, въ случаѣ требованія, въ судъ*; по истеченіи для же двухъ лѣтъ, онъ отсылается въ Британскій Музей¹. Имя, фамилія (the christian name and surname) и мѣсто жительства типографа и издателя, равно какъ мѣсто печатанія и изданія, день, мѣсяцъ и годъ появленія, должны быть напечатаны въ концѣ *всякаго номера и всякаго приложенія*, подъ опасеніемъ денежнаго взысканія въ 20 ф. ст. Для по денежнымъ взысканіямъ производятся отъ имени генералъ-атторнея, генералъ-адвоката или адвоката департамента внутреннихъ сборовъ.

Завершеніемъ постановленій о типографіяхъ и изданіи журналовъ и произведеній печати вообще, служитъ важный законъ, по которому мировой судья, подозрѣвающій кого-либо, на основаніи показанія подъ присягой, въ содержаніи типографіи безъ *удостоверенія*, или не въ томъ мѣстѣ, которое означено имъ, имѣетъ право приказать полицейскому чиновнику, *предписаніемъ* за собственною подписью и печатью, *войти въ домъ*, въ дневное время (in the day time), и *конфисковать* всѣ типографскіе станки, вмѣстѣ съ литерами и другими матеріалами, равно какъ и всю отпечатанную уже бумагу.

¹ У насъ (см. т. XIV Уст. Цenz. ст. 79), кромѣ безвозмездно представляемыхъ всегда семи экземпляровъ (2 для цензурнаго комитета и 5 для различныхъ библіотекъ) требуется еще, и также безвозмездно, по экземпляру всѣхъ газетъ, журналовъ и альманаховъ для III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, по экземпляру сочиненій, касающихся законодѣвія,—для II отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, по экземпляру сочиненій, касающихся военной топографіи, путешествій, статистики, археологіи, исторіи, химіи, физики и т. д., то-есть всего за исключеніемъ чисто-литературныхъ произведеній, какъ-то, стихотвореній, повѣстей и романовъ,—для генеральнаго штаба, а прежде требовался еще экземпляръ нѣкоторыхъ книгъ для военно-цензурнаго комитета.

Чтобы перейти теперь къ законамъ о *паквилахъ*, мы опредѣлимъ прежде самый терминъ. По опредѣленію Стивена, „всякое поношеніе, стремящееся унижить челоѣка во мнѣніи другихъ, или выставить его на смѣхъ, письменное, рисованное, эмблематическое или тому подобное, есть *паквила* (libel) ¹.“

Подъ словомъ *паквила* подразумѣвается также богохульство, измѣна и оскорбленіе добрыхъ нравовъ, совершаемыя письменно. Какъ поношеніе *письменное* (written diffamation), *паквила* важнѣе поношенія *словеснаго* (spoken).

Для совершенія „паквильнаго“ преступленія, необходима публикація, обнародованіе, то-есть сообщеніе паквила поносимому или же постороннему лицу. Поношеніе, безъ публикаціи, не подлежитъ наказанію по англійскимъ законамъ. Если будетъ найденъ *рукописный* паквила, то лицо писавшее его обязано доказать, что оно не назначало его къ распространенію; но если будетъ найденъ *печатный* паквила, то самая печать служить уже доказательствомъ публикаціи, такъ какъ лица печатавшія, наборщикъ и другіе, должны были прочесть его. Доказательствомъ публикаціи служить также сломанная печать повосительнаго письма. Точный отчетъ о судебныхъ засѣданіяхъ не считается паквилемъ точно также какъ прошеніе,—каковы бы ни были выраженія его,—представленное парламенту или комитету какой-либо палаты. Но если прошеніе было сообщено кому-нибудь, не принадлежащему къ членамъ парламента, то оно, въ случаѣ оскорбительныхъ или ругательныхъ о комъ-либо словъ, считается паквилемъ.

Дѣла о паквилахъ подлежатъ или гражданскому суду, для удовлетворенія обиженнаго за понесенный имъ ущербъ,

---

¹ Stephen New Comment. т. III, стр. 467. Почти такое же опредѣленіе паквила даетъ Warton въ своемъ *Law Diction.* стр. 432. По опредѣленію Гаукиса (*Polit. Dictionn.* т. II, стр. 253), „*паквила* называется заострое поношеніе, выраженное письмомъ, рисункомъ и т. п., стремящееся очернить или память умершаго, или доброе имя живущаго, и подвергающее его общественной ненависти, презрѣнію или осмѣянію“. Помятое выражаемое *паквилемъ* въ Англіи, выражается у насъ до нѣкоторой степени какъ словомъ „клевета“, такъ и словами „ругательное или оскорбительное для чести кого-либо сочиненіе или изображеніе, а также „обиды словесная или *письменная*“ (въ отлчїе отъ такъ-называемой „обиды дѣломъ“).

или суду уголовному, за нарушение порядка ¹. Вместе съ сочинителями пасквилей подлежатъ преслѣдованію лица печатавшія и лица распространявшія ихъ. По закону, изданному при Георгіи III, типографу или издателю пасквильнаго сочиненія, въ случаѣ нужды или требованія оскорбленнаго, можетъ быть дано изъ суда „предписаніе объ открытіи имени автора“ (a bill of discovery); точно такое же „предписаніе“ можетъ быть дано лицу, на которое падаетъ подозрѣніе въ составленіи пасквиля, и это судебное предписаніе обязываетъ его показать подъ присягой, онъ ли авторъ названнаго пасквиля.

Наказаніе за составленіе, изданіе и распространеніе пасквилей заключается въ денежныхъ взысканіяхъ и заключеніи. Каждый сочинившій, печатающій, издающій и распространяющій пасквиль, или способствующій этому, или угрожающій кому-либо напечатаніемъ, съ цѣлію исторгнуть отъ другихъ деньги или цѣнную вещь, или съ цѣлію получить какое-либо выгодное или сопряженное съ довѣренностію мѣсто,—подвергается заключенію, съ тяжкою работою или безъ оной (with or without hard labour), на время не превышающее трехъ лѣтъ. Издавшіе клеветной пасквиль, *зная, что онъ лживъ*, но безъ упомянутыхъ выше умысловъ, подвергаются *двухлѣтнему* заключенію и денежному взысканію по назначенію суда. Издавшіе пасквиль, не *зная лживъ ли онъ*, и не имѣя другихъ злыхъ умысловъ, подвергаются заключенію, не превышающему *одного* года, или денежному взысканію по назначенію суда ². Тутъ, какъ и въ случаѣ противозаконнаго содержанія типографіи или изданія печатныхъ произведеній, книгъ, журналовъ и проч., англійскій законъ даетъ право судебному мѣсту или лицу, на основаніи приговора, или просто за неявку къ суду обвиняемаго, приказывать *конфисковать* экземпляры пасквиля у обвиняемаго или у другаго, названнаго въ предписаніи, лица; точно также въ случаѣ если на кого-либо падаетъ основательнѣе подозрѣ-

¹ У насъ, по личнымъ обидамъ или оскорбленіямъ, *искъ* можетъ быть также или *уголовный* о наказаніи виновнаго, или же *гражданскій* о взысканіи безчестія (т. XV Зак. Суд. Уст. ст. 42).

² Не привожу здѣсь наказаній за пасквили возмутительные, предательскіе или измѣнническіе, и пр., которые обуславливаются множествомъ словныхъ, не касающихся нашего предмета, обстоятельствъ.

ніе въ храненіи у себя пасквиля, мировой судья, имѣетъ право подвергнуть обыску жилище такого лица, ³и, если въпускъ будетъ безосновательно отсрочиваемъ или въ немъ будетъ вовсе отказано, — войти въ домъ, въ дневное время, *силой* ¹.

Въ дѣлахъ о поношеніяхъ необыкновенною важною имѣетъ право отвѣтчика доказывать истину оныхъ словъ. По англійскимъ законамъ, въ искѣ гражданскомъ о взысканіи безчестія, отвѣтчикъ всегда имѣлъ право доказывать справедливость этихъ словъ; въ дѣлахъ же уголовныхъ онъ прежде лишался этого права, на томъ основаніи, что пасквиль, живъ ли, справедливъ ли онъ, всегда заключаетъ въ себѣ нарушеніе порядка. Изданный въ 1845 году *Актъ для улучшения закона относительно оскорбительныхъ словъ и пасквилей* (Act to amend the law respecting diffamatory words and libel) значительно измѣнилъ послѣднее правило. „Для лучшаго охраненія добраго имени

¹ По нашимъ законамъ, кто дозволитъ себѣ клевету въ *печатномъ* или другомъ видѣ, и станетъ распространять ее, или способствовать ея распространенію, тотъ подвергается заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, и при этомъ обязанъ на основаніи правилъ въ ст. 62 Улож. о нак. постановленныхъ, испросить у оскорбляемаго имъ прощеніе (по ст. 62, въ присутствіи суда или свидѣтелей, по формѣ и въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ, которыя для сего предписываются); а буде обиженный пожелаетъ, то и заплатитъ ему опредѣленное въ Зак. гражд. и въ постановл. о благ. въ казенн. сел., безчестіе. (Т. XV Улож. о нак., ст. 209⁵). За составленіе и распространеніе какимъ бы то ни было образомъ, *хотя и не заключающихъ въ себѣ прямой клеветы, но ругательныхъ, или же по чему-либо иному, лено оскорбительныхъ для чести какого-либо частнаго лица сочиненій или изображеній, виновные, смотря по роду оскорбленій или ругательства, по степени участія въ составленіи и распространеніи сочиненій или изображеній и другимъ обстоятельствамъ, приговариваются къ аресту на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, или къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ трехъ до шести мѣсяцевъ; при этомъ обязаны испросить у оскорбляемаго прощеніе, а буде тотъ пожелаетъ, заплатитъ опредѣленное безчестіе (ст. 209⁸). Что касается до *домоваго обыска*, то по общимъ законамъ ст. 93 т. XV Зак. суд. угол.), во всякомъ случаѣ когда мѣстное начальство будетъ имѣть въ виду основательное подозрѣніе или получить доказательство, что въ чемъ-либо домѣ скрывается *полицное*, оно должно отрядить, для обыска и выемки къ означенному дому, надежнаго чиновника съ надлежащею командой. Выемщикъ (по ст. 94), прибывъ къ мѣсту и войдя, по установленнымъ правиламъ въ домъ, обязанъ обыскать оныя, съ правомъ отпирать запертое, когда домъ пустой, или хозяинъ не учинитъ того добровольно, и, найдя полицное, представить какъ оное, такъ и ополченнаго въ судъ.*

частныхъ лицъ, для большаго обезпеченія свободы печати и для болѣе успѣшнаго пресѣченія злоупотребленій ея,“ было постановлено, что отвѣтчикъ, въ уголовныхъ дѣлахъ по пасквилямъ, можетъ, въ свою „защиту“, доказывать справедливость своихъ обвиненій, равно какъ необходимость ихъ публикаціи для общественной пользы, и что судъ, въ случаѣ осужденія, при назначеніи наказанія, обязанъ принимать въ соображеніе большую или меньшую справедливость этихъ обстоятельствъ. Тотъ же самый *актъ* сдѣлалъ еще вѣсколько другихъ важныхъ измѣненій въ прежнихъ постановленіяхъ о правѣ защиты отвѣтчика передъ судомъ. Такъ, прежде, издатель журнала отвѣчалъ безусловно (*absolutely and without qualification*) за все пасквильное, появившееся въ ихъ изданіи. Теперь, обвиняемый издатель можетъ, въ свою защиту, доказывать, что пасквиль былъ напечатанъ не вслѣдствіе злобы или дерзвѣнія, или не по его приказанію, и что онъ предлагалъ (или соглашался) напечатать въ ближайшемъ номерѣ своего, или другаго, по желанію обиженнаго, изданія, приличное извиненіе. Что до различныхъ издержекъ, то онѣ взыскиваются, какъ обыкновенно, съ виновныхъ или потерявшихъ дѣло ¹.

Я долженъ сказать теперь о присяжныхъ, которые въ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ путемъ печати, имѣютъ особенно значительную роль. По английскимъ законамъ, судья обязанъ только дать присяжнымъ юридическое опредѣленіе пасквиля, и затѣмъ предоставить имъ самимъ рѣшить, подходитъ ли обвиняемое изданіе подъ опредѣленіе, или нѣтъ. Вопросъ о томъ, обязаны ли присяжные рѣшать лишь вопросъ о

¹ По нашимъ законамъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, истецъ доказываетъ свой искъ, а отвѣтчикъ оправдываетъ себя основательными доказательствами (т. X зак. суд. гражд., ст. 294, 312 и 313); въ дѣлахъ уголовныхъ и слѣдственныхъ (ст. 144, 286 и 666) какъ слѣдователи, такъ и судъ, не должны отрекаться отъ разсмотрѣнія показаній обвиняемаго, что, безъ сомнѣнія, при нашемъ печатномъ порядкѣ, не можетъ имѣть того значенія, какое имѣетъ въ другихъ странахъ право отвѣтчика доказывать въ уголовныхъ дѣлахъ истину помосительныхъ словъ. Признаніе клеветы (по ст. 141, т. XV Улож. о нак.) при слѣдствіи и судѣ, служитъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ вину и наказаніе. Всѣ дѣла о клеветѣ и распространеніи ругательныхъ или оскорбительныхъ для чести другаго, сочиненій, изображеній или слуховъ, начинаются не иначе какъ по жалобамъ оскорбленныхъ (т. XV Улож. о нак., ст. 2102, и т. XIV Уст. пред. прест., ст. 496).

самомъ фактѣ публикаціи, или же, вмѣстѣ съ этимъ, о „посквиальности“ или виновности изданія, служилъ долго предметомъ недоразумѣній. Прежде послѣднее рѣшали судьи, предоставляя присяжнымъ одинъ вопросъ о дѣйствительности факта публикаціи, обстоятельство тѣмъ болѣе неудобное, что съ подчиненіемъ печати по отмѣнѣ въ 1695 году цензуры и правиламъ англійскаго обычнаго права (*common law*), власть судей въ дѣлѣ назначенія наказаній стала очень широка. Въ 1792 году, въ министерство Фокса, актомъ парламента было постановлено, что присяжные даютъ приговоръ какъ о самомъ фактѣ публикаціи, такъ и о виновности обвиняемаго изданія. Этимъ узаконеніемъ дѣло значительно измѣнилось, и существенная часть судебного рѣшенія перешла въ руки присяжныхъ; вслѣдствіе того все разбирательство о посквиальхъ получило болѣе подвижный характеръ, удобнѣе чѣмъ прежде примѣняющійся къ общественному мнѣнію о томъ что должно считаться предосудительнымъ, и что можетъ быть допущено въ интересѣ гласности и общей пользы. Вообще дѣла о посквиальхъ стали съ тѣхъ поръ все рѣже и рѣже. Не рѣдко бываетъ также, что судьи пользуются предоставленною имъ свободой въ назначеніи цифры штрафа для облегченія добросовѣстныхъ подсудимыхъ. Иногда присяжные постановляютъ приговоръ о виновности подсудимаго, и судья назначаетъ номинальный штрафъ въ 1 шилл. На практикѣ строго соблюдается лишь то правило, чтобы всякому предоставляема была возможность опровергнуть взведенное на него обвиненіе. Но желаніе преслѣдовать обвинителя, не отражая обвиненія, не встрѣчаетъ сочувствія ни въ общественность мнѣніи, ни въ присяжныхъ, ни въ судьяхъ. Что же касается политическихъ сужденій, то тутъ на практикѣ господствуетъ полная свобода, и давно уже не было примѣра судебныхъ преслѣдованій, хотя эти преслѣдованія и допускаются закономъ.

Англичане много говорили о сбивчивости, неопредѣленности и притѣснительности англійскихъ законовъ о печати. Признавая строгость нѣкоторыхъ, оставшихся отъ прошедшаго столѣтія постановленій, нельзя не замѣтить однакоже, что англійскіе законы о печати, разсматриваемые въ цѣломъ, отличаются и даже всегда отличались замѣчательною юридическою логикой. Такъ прямая цѣль всякаго уголовного

законодательства, заключающаяся въ „предостереженіи„ и „пресѣченіи“ (которыми выражается вся теорія и вся практика свободы печати), никогда не выпускалась изъ виду, никогда не искажалась другими цѣлями, и никогда „предупрежденіе“ не смѣшивалось съ „пресѣченіемъ“, на томъ лишь основаніи, что результаты ихъ сходны. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ эпоху притѣснительныхъ постановленій о печати, не было ни одного собственно „предупредительнаго“; ни разу, послѣ уничтоженія цензуры, „предварительное“ одобреніе книгъ не было возстановляваемо ни въ какой формѣ, ни разу „предварительное“ дозволеніе на открытіе заведеній или изданіе журналовъ не было требуемо отъ типографовъ, такъ что *печать* всегда оставалась, въ сущности, *свободною*. Когда приходилось выбирать между временнымъ прекращеніемъ (*suspension*) закона *Habeas corpus* и временнымъ прекращеніемъ *свободы печати*, выборъ падалъ на первое, то-есть на мѣру, требовавшую жертвы *личной свободы*, но при которой оставалась *свобода печати*, для заявленія злоупотребленій, могущихъ произойти отъ стѣсненія личной свободы.

Что до притѣснительности законовъ, то неопредѣленность или обширность термина „пасквиль“, подъ который подходятъ всѣ „богохульныя, измѣнническія, возмутительныя, оскорбляющія добрые нравы сочиненія или изображенія“, могла бы быть притѣснительною, еслибы въ Англіи не было такъ много гарантій гражданской свободы. Притѣснительное постановленіе, по которому отъ типографа или издателя можно потребовать чтобъ онъ объявилъ имя автора пасквиля и даже указалъ мѣсто его жительства, а въ противномъ случаѣ принялъ на себя всю отвѣтственность, это постановленіе сохранилось со времени Георга III; но обычай, въ большей части случаевъ, помимо законодательства, упраздняетъ его, какъ упраздняетъ много другихъ устарѣвшихъ постановленій, которые съ теченіемъ времени сдѣлались ненужными и уже не соответствуютъ измѣнившемуся общественному мнѣнію¹. Порицатели Англіи не рѣдко упоминаютъ о какомъ-то будто бы существующемъ

¹ Къ числу подобныхъ постановленій относится „запрещеніе“ журналамъ публиковать парламентскія пренія, которое, не будучи вычеркнуто изъ законовъ, уже болѣе 100 лѣтъ какъ упразднено обычаями.

въ англійскихъ законахъ особенномъ постановленіи, о *scandalum magnatum* (объ оскорбленіи высокихъ особъ). Мы не могли найти ничего подобнаго, по находящимся въ нашихъ рукахъ источникамъ, между существующими постановленіями; въ исторіи же англійскихъ законовъ было нѣсколько постановленій, извѣстныхъ подъ именемъ статутовъ *de scandalis magnatum*, но эти статуты относятся къ отдаленному времени Эдуарда III (они изданы по случаю сильнаго распространенія клеветы, не разъ подвергавшей опасности жизнь оклеветанныхъ особъ). „Преступленія по пасквилямъ, говоритъ Стивенъ по поводу мнѣнія о чрезмѣрной строгости англійскихъ законовъ, наказывались по римскимъ законамъ, въ нѣкоторыя эпохи, крайне строго. Законъ *Двенадцати таблицъ* причислялъ пошешія, оскорбительныя для чести другаго, къ уголовнымъ преступленіямъ; еще не задолго до Августа, наказанія за нихъ назначались тѣлесныя. Въ царствованіе императора Валентиніана, пасквили были опять причислены къ преступленіямъ уголовнымъ, и не только за составленіе, но за распространеніе и даже за уничтоженіе ихъ, виновные подвергались уголовнымъ наказаніямъ. Наши законы въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, соответствуютъ скорѣ среднему періоду римскаго законодательства, когда свобода, наука и гуманность находились въ полномъ развитіи; они отлучаются умѣренностію, вполне достаточною для защиты ихъ отъ упрека въ нарушеніи (*infringing*) свободы печати“¹. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что свобода печати ограничена исключительно въ видахъ огражденія личности, и что важнѣйшею гарантіею и лучшею защитой несправедливо презрѣаемыхъ служитъ *англійскій судъ присяжныхъ*, которому принадлежитъ рѣшеніе большей части дѣлъ о печати.

Дѣла по преступленіямъ печати принадлежатъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ судъ присяжныхъ, не только важенъ, но необходимъ и незаменимъ. Чтобы судить о виновности или виновности сочиненія необходимо нѣкоторое произвольное, или по крайней мѣрѣ, свое собственное толкованіе. Слова важны лишь по содержащемуся въ нихъ смыслу. Скрытый смыслъ фразы можетъ составить преступленіе. Толкованіе требуемое при этомъ тогда лишь чуждо произвола

¹ Stephen's *New Comment.* T. IV, стр. 326.

а потому пристрастія и деспотизма, когда оно принадлежит представителямъ общественнаго мнѣнія, *присяжнымъ*. Сопраженная со всякимъ рѣшеніемъ, основаннымъ на собственномъ толкованіи, неопредѣленность, неограниченность власти не совмѣстна съ значеніемъ и долгомъ судьи. Судья есть нелицепріятный, безпристрастный, точный исполнитель закона, примѣнять который онъ долженъ буквально, не допуская толкованій; а объясняя скрытый и тайный смыслъ книги, онъ невольно дѣлаетъ предположенія и нарушаетъ тѣмъ основное правило своей обязанности. Присяжные не связаны формами и условіями, которыми подчиняется судья; представители общественнаго мнѣнія, они рѣшаютъ вопросъ по общему здравому смыслу, по совѣсти, а потому и все что касается совѣсти, намѣренія, нравственнаго значенія, должно быть предоставлено имъ. Принадлежащее присяжнымъ право рѣшать фактъ и *нампреніе* поступка, получаетъ особенную важность въ дѣлахъ по печати; въ Англійи, какъ читатель видѣлъ выше, имъ предоставлено право подтверждать не только самый фактъ публикаціи, но и виновность изданія. Въ этомъ залогъ справедливой оцѣнки обвиняемаго сочиненія, сужденія „полнаго“, то-есть невозможности приговора за нѣсколько „отдѣльных“, указанныхъ правительствомъ, отрывковъ или фразъ, на основаніи которыхъ, какъ справедливо замѣтилъ лордъ Эрокинъ въ прошедшемъ столѣтіи, можно бы легко приговорить издателя Библіи къ наказанію за распространеніе атеизма. Еще другое важное обстоятельство требуетъ, чтобы преступленія печати были предоставляемы суду присяжныхъ. Различіе этихъ преступленій отъ другихъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что большая часть ихъ затрагиваетъ честь или, по крайней мѣрѣ, самолюбіе правительства; когда дѣло касается воровства или убійства, правительство нисколько не стѣсняется признаніе невинности обвиняемыхъ; когда же дѣло касается сочиненій, правительство (если оно указало его суду) какъ бы осуждаетъ извѣстныя убѣжденія, и признаніе невинности ихъ автора является торжествомъ мнѣнія частнаго лица надъ мнѣніемъ власти. Судья, принадлежа къ правительству и невольно завися отъ него, едва ли можетъ рѣшать всегда такіа дѣла совершенно безпристрастно и, какъ мы видимъ во Франціи

рѣдко оправдываетъ обвиняемаго. То же самое, какъ известно читателямъ, было и въ Англіи во времена послѣднихъ Георговъ, несмотря на то, что англійскій судья, получающій *значительное* содержаніе и чуждый стремленій къ повышеніямъ и искательства вышнихъ государственныхъ должностей, ибо эти должности не вручаются людямъ его среды, а членамъ адвокатуры или палаты,—англійскій судья, по отношенію къ исполнительной власти, независимѣе судей всѣхъ другихъ странъ. При подобныхъ обстоятельствахъ, или правительство не должно имѣть права обвинять, или суды не всегда будутъ имѣть право оправдывать; первое вызываетъ анархію, второе уничтожаетъ свободу. Судъ присяжныхъ стоитъ по срединѣ: въ интересъ присяжныхъ, какъ собственниковъ, друзей порядка, чтобъ общественное спокойствіе не было нарушаемо; въ интересъ же ихъ, какъ частныхъ людей, которыхъ ожидаетъ, можетъ-быть, сходное съ обвиняемымъ положеніе, чтобы никто не подвергался безвинно наказанію ¹.

Централизаторы и разноименные фанатики порядка, могутъ возразить здѣсь, что не слѣдуетъ подвергать власть неудачамъ и промахамъ, что мы забываемъ великое *primo vivere* государства. Мы не затруднимся отвѣтомъ. Чѣмъ менѣе стѣснительныхъ преградъ противопоставляется свободѣ печати, чѣмъ независимѣе и разнообразнѣе могутъ быть высказываемыя сужденія и убѣжденія, тѣмъ добро производимое свободною печатью выкупаетъ производимое ею зло, каковъ бы ни былъ правительственный порядокъ и каково бы ни было развитіе общества. Даже при предстательномъ правительствѣ, которое, по старому удачному

¹ Въ замѣчательной статьѣ *La magistrature et le jury en France*, напечатанной въ *Revue d. d. Mondes* 15 февраля этого года, Беркѣ, говоря о великой роли присяжныхъ въ англійскомъ судопроизводствѣ вообще и въ дѣлахъ печати въ особенности, указываетъ на необыкновенную законность и справедливость, съ которыми составляются въ Англіи списки кандидатовъ и выбираются присяжные, между тѣмъ какъ во Франціи, по закону 1853 года, составленіе такихъ списковъ предоставлено мерамъ, чиновникамъ называемымъ мировыми судьями, подпрефектамъ и префектамъ, то-есть чиновникамъ непосредственно зависящимъ отъ исполнительной власти. Авторъ, говоря о значеніи рѣшенія присяжныхъ, не придаетъ, между прочимъ, особой важности затруднительности для судьи рѣшать вопросъ о внутреннемъ смыслѣ сочиненій, съ чѣмъ, какъ видно изъ сказаннаго нами выше, нельзя согласиться.

выраженію, должно быть правленіемъ общественнаго мнѣнія, только посредствомъ свободной печати можетъ общество помогать правительству указаніями и совѣтами, и, главное, только посредствомъ свободной печати можетъ поддерживаться взаимное пониманіе и сочувствіе между правящими и управляемыми. Тамъ же гдѣ нѣтъ представителей и представляемыхъ, гдѣ нѣтъ возможности требовать отчета, гдѣ нѣтъ пока необходимости давать объясненія и пр., лишь предоставленіе печати возможно полной свободы можетъ многому пособить и выкупить многое.

Читатель позволить мнѣ сказать теперь нѣсколько словъ о законахъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и Франціи. Для сравнительнаго поясненія, это будетъ не бесполезно здѣсь. Постановленія объ открытіи типографій, литографій, словоиздатель и т. п., объ изданіи книгъ и журналовъ, въ Америкѣ, очень мало отличаются отъ английскихъ постановленій по тѣмъ же предметамъ; наказаніе, то-есть сроки заключеній и количество денежныхъ взысканій, немного ограничениѣе. Что до *пасквилей*, то по словамъ Кента, знаменитаго комментатора американскихъ законовъ, ученіе англійскаго обычнаго права (общаго закона) о пасквиляхъ господствуетъ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (*english common law doctrine of libel is the common law doctrine in this country*)¹. „Охраненіе добраго имени гражданъ отъ поношеній, составляетъ часть права личной безопасности, говоритъ Кентъ. Законы древнихъ, равно какъ и законы новыхъ народовъ, принимали всегда подъ свое покровительство доброе имя частныхъ лицъ.“ Объяснивъ значеніе поносительныхъ словъ и *пасквиля* у Римлянъ, Кентъ опредѣляетъ пасквиля, какъ зло-

¹ *Commentaries on American Law*, by James Kent. Boston, 1858. (9 изд.) Т. I, стр. 626. Въ первомъ письмѣ даво было объясненіе термина *Common law*. Для полноты приведемъ здѣсь опредѣленіе Кента. *The common law* (общее, или бытовое право), есть совокупность принциповъ, обычаевъ и правилъ касающихся управленія и личной и имущественной безопасности, и не основывающихся на точномъ и положительномъ законодательномъ постановленіи. По замѣчанію знаменитаго англійскаго судьи (лорда Уэльмота) статути—это письменная воля законодательства, а законы *общаго права*, это тѣ же статути, лишь обновленные временемъ; для тѣхъ и другихъ равно необходимо согласіе законодательной власти (Т. I, стр. 530). Статути суть выраженія положительной воли законодательства, объясненіе которой сопряжено съ нѣкоторыми предписываемыми формами (стр. 459).

стное изданіе (malicious publication), выраженное печатью, письмомъ, рисункомъ или эмблемой, отменяющееся оскорбить память умершаго, или умалить доброе имя живущаго, и подвергнуть ихъ общественной ненависти, презрѣнію или осмѣянію. Злостный умыселъ, оскорбительное намереніе, прибавляетъ оное, необходимы для совершенія преступленія. Пасквиль становится тогда „обидой“ (grievance), а потому законъ смотритъ на него какъ на преступленіе противъ лица и противъ общества, и подвергаетъ виновнаго не только преслѣдованію для вознагражденія за оскорбленіе частнаго лица, но и отвѣтственности передъ государствомъ за нарушеніе порядка. „При всемъ желаніи закона охранить честь и характеръ каждаго, прибавляетъ всадъ затѣмъ Кентъ, не слѣдуетъ, однако, забывать, что свобода слова и печати не должны быть нарушаемы. Откровенное выраженіе убѣжденій и полная свобода разсужденія по отношенію къ характеру и поведенію государственныхъ служителей и кандидатовъ на общественное благо-расположеніе (public men and candidates for public favour), необходимы, какъ для удовлетворительнаго пользованія правомъ подачи голосовъ, такъ и для контроля надъ властями, который принадлежитъ свободному народу Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Поэтому у насъ принято принципомъ конституціи, что каждый гражданинъ имѣетъ право высказывать, печатать и распространять свои убѣжденія о чемъ угодно, оставаясь отвѣтственнымъ за злоупотребленіе этимъ правомъ, и что никакой законъ, имѣющій цѣлю отвѣснить свободу слова и печати, не можетъ быть законно (rightfully) изданъ ¹.

¹ Для объясненія послѣдняго правила вообще и слова *rightfully* въ особенности, необходимо припомнить, что въ Соединенныхъ Штатахъ акты законодательной власти могутъ отменяться или упраздняться (void), если они не „конституціонны“, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Въ Англіи, никакая власть не можетъ измѣнять или повѣрять постановленія парламента; въ Америкѣ, законъ долженъ быть согласенъ, во-первыхъ, съ общою конституціей Соединенныхъ Штатовъ, а, во-вторыхъ, съ конституціей своего отдѣльнаго штата, и если законы противорѣчатъ принципамъ которой-либо изъ нихъ, то они не исполняются. Такъ какъ конституція, въ своемъ принципѣ, есть дѣло народа, то постановленія законодательной власти, не согласныя съ цѣлю и духомъ конституціи, не могутъ имѣть силы. Рѣшеніе же, конституціоненъ ли извѣстный статутъ, или нѣтъ, принадлежитъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ судамъ, или власти судебной вообще.

Переходя къ важному вопросу о правѣ защиты отвѣтчика въ дѣлахъ по печатнымъ оскорбленіямъ, Кентъ замѣчаетъ, „что рѣшеніе этого вопроса не легко, что вообще очень затруднительно согласить охраненіе репутаціи съ охраненіемъ свободы слова и печати.“ „Права эти приходятъ часто въ опасное столкновение, и наши (американскіе) статуты, отвѣчая общему желанію сохранить полную свободу разсужденій, стремятся ослабить попеченіе, которымъ законъ обычный (Common Law) окружаетъ и охраняетъ доброе имя лицъ.“ По искамъ гражданокимъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, отвѣтчикъ имѣетъ право, какъ и въ Англии, доказывать въ *оправданіи* себя истину своихъ словъ; по дѣламъ уголовнымъ отвѣтчику также предоставляется это право, но доказательство истины не можетъ служить къ его *оправданію* (justification), а служить лишь обстоятельствомъ „болѣе или менѣе уменьшающимъ вину его.“ Актъ конгресса 14 іюля 1798 года причисляетъ пасквили противъ правительства, конгресса или президента Соединенныхъ Штатовъ къ уголовнымъ преступленіямъ, и въ то же время предоставляетъ обвиняемому право *доказывать*, передъ судомъ, въ свою защиту, справедливость фактовъ, находящихся въ пасквиалѣ. „Законодательство Пенсильваніи,“ говоритъ затѣмъ Кентъ „постановило въ 1809 году статутомъ, что никто не можетъ быть преслѣдуемъ за оглашеніе *официальнаго поведенія* лицъ, находящихся на общественной службѣ, и что во всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ по пасквилямъ отвѣтчикъ имѣетъ право *доказывать* истину своихъ словъ въ оправданіе себя.“ „Нью-Йоркскій *Court of Errors* (кассационный судъ) въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Блашара, говоритъ далѣе авторъ, распространилъ терпимость по отношенію къ пасквильнымъ изданіямъ на столько же, какъ и пенсильванское законодательство; по теоріи этого суда, лицо, подающее прошеніе *Совету назначеній* (Council of appointment) о смѣнѣ чиновника за незаконное, по службѣ, поведеніе, *не можетъ* быть, въ возмездіе за то, *преслѣдуемо обвиняемымъ чиновникомъ*, было ли обвиненіе справедливо или нѣтъ, и было ли намѣреніе просителя безкорыстно или злобно (innocent or malicious).“ Кентъ замѣчаетъ здѣсь, что „английскій законъ, въ этомъ случаѣ, основанъ на болѣе справедливомъ началѣ. Прошеніе королю, парламенту, военному

министру, о пресѣченіи какого-либо злоупотребленія, считается законнымъ, когда оно подано съ добрымъ намѣреніемъ и безъ превышенія права; если же окажется, что прошеніе подано съ злымъ намѣреніемъ и безъ основательной причины, то проситель предается суду.⁴

Не имѣя возможности распространяться здѣсь много о сѣверо-американскомъ законодательствѣ, я обращаю еще вниманіе читателей лишь на замѣчательныя слова Кента по вопросу о преслѣдованіи отвѣтчика и правѣ доказывать истину содержанія изданія. „Мнѣніе, что въ гражданскомъ, равно какъ въ уголовномъ преслѣдованіи за пассива, изслѣдованіе должно ограничиваться однимъ *уясненіемъ намѣренія издателя*, говоритъ онъ, справедливо и разумно. Доказательство справедливости содержанія можетъ быть допущено для уясненія этого намѣренія. Вина, равно какъ существенное основаніе для преслѣдованія за поношеніе, заключается въ *зломомъ намѣреніи*; когда же мысль или совѣсть (mind) невинна, тогда не можетъ быть и преслѣдованія“¹.

Итакъ, сѣверо-американское законодательство о печати очень близко къ английскому, изъ котораго и произошло. Во Франціи—совсѣмъ другое. Эта страна, въ этомъ отношеніи, является полнымъ контрастомъ Англій. Тутъ мы встрѣчаемъ множество законовъ, которыхъ мотивы неопредѣленны и темны, которыхъ примѣненіе ведетъ не къ огражденію общественнаго порядка и неприкосновенности лицъ, а къ внушенію страха и распространенію паники между людьми связанными съ печатью. Очель многое возведено въ законъ лишь съ тою цѣлю, чтобъ открыть поле произволу чиновниковъ и ослабить ихъ даже самыми несправед-

¹ По поводу послѣдняго, авторъ разказываетъ что одинъ проповѣдникъ называлъ, въ своей проповѣди, нѣкоего Гривудъ, человекомъ безпачетливымъ и, приведя обстоятельства его смерти, указалъ на нихъ, какъ на очевидное проявленіе Господней немилости; примѣромъ этимъ проповѣдникъ хотѣлъ показать, какъ лихо караетъ Провидѣніе великихъ грѣшниковъ. Случилось, что этотъ самый Гривудъ не только не померъ, но присутствовалъ при проповѣди. Онъ затѣялъ процессъ въ попоменіи, но судъ вмѣстѣ съ присяжными справедливо рѣшилъ, что проповѣдникъ, приводя свой примѣръ просто какъ историческій фактъ, безъ всякой злоявой цѣли, не подлежитъ взысканію за безчестіе. *Commenton Americ. Law* by I. Kent. т. I, стр. 629—638.

ливыми средствами въ борьбѣ съ политическими партіями раздирателями Францію. Словомъ, французское законодательство носить на себѣ ясныя слѣды революціоннаго, террористическаго характера, объясняющагося лишь особенностями французскаго общественнаго и политическаго быта. Такъ напримѣръ, каждый желающій открыть типографію (а также книжную торговлю) долженъ имѣть специальное разрѣшеніе отъ правительства, принести присягу и получить *патентъ* (*brevet*). Патентъ не можетъ быть переданъ другому лицу (*est personnel*); контракты, сопряженные съ такою передачей, не имѣютъ силы (*toute stipulation est nulle, comme contraire à l'ordre public*). Каждый желающій печатать что-либо обязанъ сдѣлать о томъ предварительное заявленіе (*déclaration*), въ которомъ означить и число экземпляровъ своего изданія. По закону 17-го мая 1819 года, типографъ отвѣчалъ за печатаніе преступнаго лишь тогда, когда оное сдѣлалъ это умышленно (*sciemment*). *Органическій декретъ о печати* 17-го февраля 1852 года, измѣнилъ это постановленіе; въ настоящее время, типографъ, вмѣстѣ съ авторомъ сочиненія и издателемъ или отвѣтственнымъ редакторомъ журнала, отвѣчаетъ, во всякомъ случаѣ, за напечатанное имъ.

Правила объ изданіи журналовъ подвергались, въ послѣднее время, многократнымъ измѣненіямъ. Цензура періодическихъ изданій и книгъ вообще, возобновленная, какъ читатели помнятъ, въ 1805 году и измѣненная потомъ декретомъ о печати 1814 года (въ силу котораго предварительному одобренію подвергались книги не превосходящія 20 листовъ и всѣ журналы) была отменена декретомъ 20 іюля 1815 года. Декретъ этотъ объявлялъ, что „злоупотребленія печати могутъ быть вѣдаемы теперь *лишь судами, хранителями правъ, стражами общественнаго порядка, спокойствія, семействъ и чести гражданъ*“. Но эти права были не рѣдко стѣсняемы, отчасти произвольнымъ вмѣшательствомъ администраціи, отчасти законодательнымъ порядкомъ.

Закономъ 14-го декабря 1830 года была установлена, въ первый разъ, *штемпельная пошлина* (*droit de timbre*) съ періодическихъ изданій. Она взималась въ размѣрѣ: *шести сантимовъ* съ печатнаго листа въ 30 кв. децимет., *трехъ сантимовъ*—съ листа въ 15 кв. дец., съ прибавленіемъ по *одному сантимому* за каждые 5 кв. дец.—свыше 15. Закономъ

9-го сентября 1835 года, журналы политическіе, выходившіе болѣе одного раза въ мѣсяцъ, были подчинены вносу *обезпеченія* (cautionnement), въ слѣдующемъ размѣрѣ: въ департаментахъ Севы, Севы и Уазы, Севы и Марны, требовалось 100.000 фр. отъ журналовъ, выходившихъ болѣе *двухъ разъ* въ недѣлю, 75.000 фр. — отъ выходившихъ *два раза* въ недѣлю и 25 000 фр. отъ журналовъ, выходившихъ *два раза* въ мѣсяцъ; *обезпеченіе* для *ежедневныхъ* журналовъ всѣхъ остальныхъ департаментовъ, въ городахъ болѣе чѣмъ въ 50,000 жителей, было определено въ 25,000 фр., въ городахъ ниже этого—въ 15,000 фр. Половина этихъ суммъ требовалась отъ журналовъ *не ежедневныхъ*. Обезпеченіе вносилось наличными деньгами; проценты съ него платились въ размѣрѣ, опредѣляемомъ для другихъ казенныхъ залоговъ. Тогда же было постановлено, что никакой рисунокъ или эстампъ, гравюра, литографія, медалъ или эмблема, не могутъ быть издаваемы, выставляемы или пускаемы въ продажу безъ *предварительнаго одобренія* министра внутреннихъ дѣлъ, въ Парижѣ, и префектовъ въ департаментахъ, подъ опасеніемъ заключенія на время отъ 1 мѣсяца до 1 года и денежнаго взыскапія отъ 100 до 1.000 фр. Распространяя это запрещеніе на открытіе театровъ и представленіе новыхъ піесъ, законъ прибавлялъ, „что мѣстное начальство имѣетъ всегда право, въ виду общественнаго порядка, прекратить представленіе піесы и даже закрыть на время театр.“

Важныя измѣненія, касательно *обезпеченій*, вносимыхъ политическими журналами, были сдѣланы при „временномъ правительствѣ“ 1848 года. Закономъ 9-го августа было назначено: 24.000 фр. обезпеченія для журналовъ трехъ выше-названныхъ департаментовъ выходящихъ болѣе *двухъ разъ* въ недѣлю, 18.000 фр. для журналовъ выходящихъ *два раза*, 12.000 фр. для выходящихъ *одинъ разъ* въ недѣлю и 6.000 фр. для выходящихъ три раза въ мѣсяцъ; 6.000 фр. требовалось отъ ежедневныхъ провинціальныхъ журналовъ, въ городахъ имѣющихъ болѣе 30.000 жителей, и 3.600 фр. въ городахъ малолюднѣйшихъ; половина послѣднихъ суммъ вносилась провинціальными журналами являвшимися рѣже. Издатели, которые внесли на основаніи закона 9-го сентября 1835 года, обезпеченія болѣе чѣмъ опредѣлялось настоя-

шимъ декретомъ, могли получить взаишекъ обратно. Постановленіе это было лишь переходною мѣрой; декретъ 9-го августа распространялъ его дѣйствіе лишь до 1-го мая 1849 года, послѣ котораго всѣ журналы освобождались отъ обезпеченій. Въ параллель съ уменьшеніемъ количества обезпеченій, декретомъ 24-го августа того же года, была понижена почтовая плата съ журналовъ и съ писемъ, съ либеральною же дѣлюю способствованія распространенію свѣдѣній.

Но вскорѣ значительная часть всѣхъ предшествующихъ постановленій была измѣнена *органическимъ декретомъ о печати* (Décret organique sur la presse) 17-го февраля 1852 года, на которомъ, преимущественно, основываются дѣйствующіе въ настоящее время во Франціи законы.

Статья первая декрета объявляетъ: — „*Никакое периодическое изданіе, занимающееся политикой или соціальною экономіей, не можетъ быть основано или издано (créé ou publié) безъ предварительнаго дозволенія правительства. Дозволеніе это можетъ быть дано лишь французскому подданному совершеннолѣтнему и пользующемуся гражданскими и политическими правами. Предварительное дозволеніе правительства необходимо также для какихъ бы то ни было измѣненій въ составъ ответственныхъ редакторовъ (gérants), главныхъ редакторовъ (rédacteurs en chef), собственниковъ и администраторовъ Журнала.*“

Обезпеченіе политическихъ журналовъ было опредѣлено: въ 50.000 фр. для выходящихъ болѣе *трехъ* разъ въ недѣлю, въ департаментахъ Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, Роны, въ 30.000 фр. для выходящихъ *три* раза и менѣе; въ 25.000 фр. для журналовъ выходящихъ болѣе *трехъ* разъ въ недѣлю, въ городахъ имѣющихъ 50.000 жителей (въ остальныхъ департаментахъ), въ 15.000 фр. въ городахъ малолюднѣйшихъ, и въ половину этихъ суммъ для журналовъ выходящихъ рѣже. Всѣ политическія періодическія изданія (даже съ гравюрами или какими-нибудь изображеніями), заключающія въ себѣ менѣе 10 печатныхъ листовъ отъ 25 до 32 квадрат. дециметровъ, или менѣе 5 листовъ отъ 50 до 62 кв. дец., подчинены штемпельной пошлинѣ въ *шесть* сантимовъ съ листа, въ департаментахъ Сены, и Сены и Уазы, и въ *три* сантим. въ другихъ мѣстахъ. Въ первыхъ двухъ департаментахъ, за каждыя 10 кв. дец. сверхъ опредѣленнаго размѣра,

положено взимать *полтора сантима*, въ остальныхъ — *одинъ сантимъ*¹. Той же штемпельной пошлинѣ подчинены и иностранныя, ввозимыя въ Францію, изданія.

Торговая книгами, въ провинціи, производится во Франціи преимущественно посредствомъ такъ называемыхъ *colporteurs* „разнощачковъ“, или „ходобщачковъ“, которымъ издатели дѣлаютъ обыкновенно значительную уступку. Правительство допускаетъ свободную продажу произведеній печати отъ издателей и изъ книжныхъ магазиновъ, но требуетъ представленія разнощачьихъ книгъ на предварительное рассмотрение особой *коммисіи* (*commission de colportage*). Всѣ разнощачьи книги должны носить на себѣ клеймо: „*Sureté générale. Ministère de l'Intérieur*“, и число сочиненій, подвергшихся въ 1861 году цензурѣ „коммисіи“, простиралось до 1.340, — *цензуры*, которую въ отличіе отъ *предупредительной* и *внушительной*, можно бы назвать „разносною“, или, чтобы не острить не удачно, просто „переносною“.

Декретъ 17-го февраля запретилъ публикацію преній сената и законодательнаго корпуса, подъ опасеніемъ денежнаго взысканія отъ 1.000 до 5.000 фр. „Отвѣтственные редакторы“ обязывались печатать всѣ офціальныя сообщенія въ ближайшемъ номерѣ и, притомъ, безвозмездно. Декретъ прибавлялъ, что *одно осужденіе* за преступленіе путемъ печати (*crime commis par la voie de la presse*), *два осужденія* за проступки или малыя провинности (*délits ou contraventions*), совершенныя въ продолженіе двухъ лѣтъ, влекутъ за собою запрещеніе журнала, *по праву*. Послѣ *одного осужденія* отвѣтственнаго редактора, правительство можетъ, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, или *прекратить* журналъ *на время* (*suspendre*), или *запретить* оный совершенно (*supprimer*). Журналъ, даже не подвергавшійся никакимъ осужденіямъ, можетъ быть *прекращенъ* рѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, послѣ *двухъ предостереженій* (*avertissement*), данныхъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ журналъ можетъ быть *запрещенъ*, какъ послѣ „судебнаго“ или „административнаго“ *прекращенія*, такъ и просто въ виду общественной безопа-

¹ Одинъ процентъ штемпельной пошлины уступается за убыль макулатуры.

ности декретомъ главы государства, внесеннымъ въ *бюллетень законовъ* ¹.

Правительство, пользуясь своею произвольною властію, имѣетъ возможность нарушать свободу печати разсылкой журналамъ, помимо предостереженій, различныхъ „конфиденціальныхъ сообщеній“, запрещающихъ печатаніе или распространеніе не вращающихся ему извѣстій. Такъ, когда одна воспитанница извѣстнаго императорскаго института въ Сенъ-Дени влюбилась въ одного молодого человека, и уѣхала съ нимъ, журналамъ тотчасъ же было запрещено не только разсуждать объ этомъ, но даже и упоминать, что, безъ сомнѣнія, оказалось бесполезнымъ, ибо бельгійскія и англійскія газеты разнесли эту новость повсюду. Во время парижскаго конгресса, журналамъ запрещено было говорить о вѣроятныхъ результатахъ его; при смерти знаменитаго Мавина—объявлять о часѣ его похоронъ; въ 1856 году, по случаю возвышенія цѣны на хлѣбъ, всѣ редакціи получили слѣдующее запрещеніе: „журналы не должны показывать ни намекомъ, ни какимъ-либо непрямымъ образомъ (soit implicitement, soit indirectement) различіе, существующее между настоящимъ цѣною хлѣба и цѣною, по которой, вслѣдствіе вознагражденія правительства, онъ долженъ продаваться. (*Communiqué par le ministre de l'Intérieur, 10 sept. 1856.*)

Наконецъ, декретомъ 17-го февраля 1852 года подтверждался уничтожающій силу журналистики, и въ сущности бесполезный, законъ республики 16-го іюля 1850 года, о подпискѣ авторами своихъ именъ подъ статьями, подъ опасеніемъ запрещенія изданія и взысканія съ виновныхъ отъ 500 до 2.000 фр.

Органическій декретъ 17-го февраля 1852 года, опредѣлялъ еще, что за публикацію *какихъ бы то ни было ложныхъ извѣстій и вымышленныхъ документовъ*, хотя бы и безъ злаго умысла, виновные подвергаются денежному взысканію отъ 50 до 1.000 фр.; а если публикація была совершена съ злымъ умысломъ или вызвала нарушение порядка, то виновные подвергаются заключенію на

¹ *Code politique et constitutionnel de l'Empire Français*, par Louis Tripiet, стр. 360 — 466. *Dictionn. de Droit* par J. Bousquet, т. II. стр. 475—481.

время отъ одного мѣсяца до одного года, и денежному взысканію отъ 500 до 1.000 фр.; если публикація сопряжена и съ тѣмъ и съ другимъ обстоятельствомъ, то назначается *maximim* наказанія.

Важный вопросъ о правѣ отвѣтчика доказывать истину обвиняемаго сочиненія былъ рѣшаемъ во Франціи различно. По прежнему закону, никто не могъ доказывать (въ уголовныхъ дѣлахъ) истину поносительныхъ обвиненій, „кромя случаевъ, касающихся представителей власти или лицъ, находящихся на общественной службѣ, по предметамъ ихъ обязанности“. Новый законъ, основанный на органическомъ декретѣ 17-го февраля 1852 года, прибавляетъ, „что ни въ какомъ случаѣ, показанія свидѣтелей, для доказательства истины поносительныхъ обвиненій, не могутъ быть допущены“. По прежнему закону, журналы не могли публиковать только тѣхъ процессовъ, въ которыхъ допускалось доказательство истины поносительныхъ обвиненій; во всякомъ случаѣ имъ дозволялось печатать сущность жалобы или обвиненіе и приговоръ. Декретомъ 17-го февраля, журналамъ запрещена публикація какихъ бы то ни было дѣлъ по преступленіямъ печати.

Далѣе типографъ и книгопродавецъ-издатель подвергаются преслѣдованію за публикацію преступныхъ сочиненій одинокосъ ихъ авторами, хотя очевидно, что типографъ или книгопродавецъ не можетъ быть судьей предлагаемаго ему сочиненія, ни въ ученомъ и литературномъ, ни въ политическомъ отношеніи; правительство, подвергая его отвѣтственности за печатаніе сочиненій, требуетъ чтобъ онъ вникалъ во внутренній смыслъ каждой печатаемой имъ строчки, то-есть возстановляетъ въ лицѣ его цензуру, — цензуру крайне притѣснительную по своей неопредѣленности, и зависящую отъ большей или меньшей образованности типографа, отъ провицательности его ума, и пр. Единственная обязанность его, какъ и принято въ Англіи, должна заключаться въ гласности дѣла, въ уклоненіи отъ всякой тайны; объявивъ свое имя, мѣсто жительства, мѣсто нахождения типографіи и т. д., прибавивъ имя автора или издателя, онъ долженъ быть внѣ отвѣтственности за направленіе изданія, когда дѣйствовалъ безъ умысла. Подвергать типографа отвѣтственности за каждую напечатанную имъ строчку есть крайняя несправедливость; но такое право становится верхомъ притѣснен-

на всаждствіе того, что всѣ подобныя дѣла рѣшаются теперь во Франціи полицейскими судами.

Проступки совершаемые путемъ печати, по закону 26-го мая 1819, вѣдались присяжными; законъ 25-го марта 1822 года подчинилъ ихъ судамъ полиціи исправительной, то-есть изъясъ ихъ изъ вѣдѣнія присяжныхъ. Законъ 8-го декабря 1830 года снова отвесъ ихъ къ вѣдѣнію уголовныхъ судовъ; наконецъ, декретъ 31-го декабря 1851 года, подтвержденный органическимъ декретомъ 17-го февраля 1852 года, постановилъ еще разъ, что всѣ поступки (délits), указанныя въ законахъ о печати, вѣдаются судами полиціи исправительной, а апелляціи пониже подаются исправительной палатѣ апелляціоннаго суда¹.

Нѣсколько существенныхъ измѣненій въ этомъ драконовскомъ, или скорѣе мѣфистофелевскомъ, законодательствѣ, было сдѣлано лишь декретами 24-го ноября 1860 года и 2-го іюля прошлаго 1861 года. Первымъ изъ нихъ, журналамъ дозволено „обсуживать свободно“ правительственные акты и печатать пренія законодательнаго корпуса и сената, впрочемъ не иначе какъ съ офиціальнаго текста²; вторымъ, отмѣнено *запрещеніе* журналовъ по *праву* послѣ *двухъ осужденій*, равно какъ правительственное *запрещеніе*, по какимъ-либо обстоятельствамъ, послѣ *одного осужденія*; при этомъ было постановлено еще, что двухлѣтняя давность упраздняетъ *предостереженіе*.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, Персины, отъ 7-го декабря 1860 года, разосланный префектамъ въ объясненіе декрета 24-го ноября, интересенъ какъ документъ, принимающій на себя офиціальное исполненіе моея теперешней обязанности сравнить французское законодательство о печати

¹ Code polit. et constitut. de l'Empire Français, par. L. Tripier стр. 444—460. Diction. de Droit. Par Bouquet, т. I, стр. 661—664 и т. II, стр. 475—478.

² Въ ст. 4 декрета 24-го ноября 1860 года, сказано: „Въ виду ускоренія и удобства распространенія преній сената и законодательнаго корпуса, слѣдующій проектъ сенатусъ-консульта будетъ представленъ сенату: „Отчеты засѣданій сената и законодательнаго корпуса, составленные секретарями-редакторами, находящимися при президентѣхъ каждаго собранія, будутъ разсылаемы каждыи вечеръ журналамъ. Кромѣ того, пренія каждаго засѣданія записываются стенографами и печатаются на другой день, въ extenso, въ офиціальномъ журналѣ.“ *Moniteur universel*, 24 ноября 1860 года (№ 329).

съ англійскимъ. „Получивъ неограниченную власть, предоставляемую законами о печати министру внутреннихъ дѣлъ, писалъ Персиваль префектамъ, я считаю нужнымъ высказать вамъ прямо, въ какомъ духѣ я намѣренъ пользоваться этою властью. Я только что возвратился изъ среды народа (изъ Англіи), который можетъ оправедливо гордиться своими учрежденіями, гдѣ свободой печати пользуются открыто, не вредя ни государству, ни общественному порядку, ни безопасности частныхъ лицъ и собственности, гдѣ, будучи полезной всѣмъ партіямъ, служа всѣмъ и всѣми уважаемая, она (свобода печати) составляетъ полнѣйшую гарантію общественной свободы, порядка и благосостоянія страны. Я присутствовалъ долго при этомъ великомъ зрѣлищѣ, и еслибы прежде я не любилъ истинной свободы, то полюбилъ бы ее въ этой странѣ“. Послѣ этого вступленія, министръ разсматриваетъ законодательство о печати въ Англіи и, упоминая, между прочимъ, въ доказательство настоящей строгости его, объ изданномъ въ 1848 году *актъ для лучшаго охраненія престола и правительства*, на основаніи котораго журналисты *John Mitchel* и *John Mackin* (sic) были приговорены къ четырнадцатилѣтней ссылке, — приходитъ къ заключенію, что „духъ англійскаго законодательства о печати можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: полная свобода по отношенію ко всему что служить къ пользѣ, а не ко вреду государства, и *отрицаніе всякой свободы, лишь только дѣло коснется нападокъ на государство.*“¹

¹ Я долженъ обратить здѣсь вниманіе читателей, какъ на несправедливость вывода, такъ и на невѣрность данныхъ, — на циркулярное показаніе фактовъ. Приводимый министромъ, въ доказательство особенной строгости англійскихъ законовъ о печати, *актъ для лучшаго охраненія престола и правительства* (Act for the better security of the Crown and Government) не имѣетъ никакого прямого отношенія къ печати, точно также какъ и къ нападкамъ на правительство, въ виду которыхъ Персиваль указывалъ на него. *Актъ* былъ изданъ по случаю безпорядковъ, возникшихъ въ 1848 году въ Ирландіи, гдѣ образовалась партія, имѣвшая цѣлью отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи силой: открытое возмущеніе, разговоръ другихъ къ отдѣленію силой, были причислены тогда къ преступленіямъ подлежащимъ ссылке (a transportable felony). Изъ *Annals Register, State Trials* 1848 года, стр. 373, видно, что Ирландецъ *John Mitchell* былъ приговоренъ къ четырнадцатилѣтней ссылке именно за подобное преступленіе, и что одна статья его журнала *United Irishmen*, безъ возмутительныхъ рѣчей и другихъ дѣйствій, не могла бы подвергнуть его

Изъ этого министръ заключаетъ, что англійская печать свободна потому, что въ Англіи никто не возстаетъ противъ правительства, а такъ какъ во Франціи онъ видитъ противное, то и считаетъ нужнымъ пользоваться тутъ своею властью, то-есть давать *предостереженія* за всѣ нападки на конституцію, императора и пр. Онъ можетъ-быть имѣть нѣкоторыя основанія для такого образа дѣйствій во Франціи, гдѣ въ политическомъ мірѣ нѣтъ ничего прочнаго и царствующая династія окружена партіями поддерживающими претендентовъ, но онъ совершенно не правъ, когда думаетъ оправдать или объяснить свой образъ дѣйствій ссылаками на Англію. *Отрицаніе свободы* наступаетъ тамъ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о вооруженныхъ нападкахъ на государство, а нападки словомъ, хотя по закону и могутъ быть преслѣдуемы передъ судомъ, на дѣлѣ остаются безъ наказаній. Ирландскіе адитаторы, подъ охраною англійскихъ законовъ, пишутъ объ Англіи, то сильнѣе чего трудно было бы написать въ государствѣ, которое находилось бы съ Англіей въ войнѣ; они призывали французское вторженіе, приглашали маршала Макъ-Магона и предназначали планъ компаніи; они громко торжествовали во время индійскаго возстанія и призывали на Англію кару Провидѣнія. Всѣ эти возгласы, заключавшіе въ себѣ явное нападеніе на государство, печатались въ ирландскихъ газетахъ совершенно безкаказанно. Впрочемъ, надобно сказать правду, г. де-Персины прибѣгаетъ къ парадоксальному сравненію Франціи съ Англіей лишь съ тою цѣлю, чтобы доказать на дѣлѣ свою рѣшимость поддерживать *всякими средствами* наполеоновскую династію; существенное побужденіе его состоитъ въ томъ, что эта династія еще не упрочилась на престолѣ Франціи. Поэтому все что говоритъ онъ о необходимости строгаго и произвольнаго образа дѣйствія по дѣламъ печати, относится исключительно къ Франціи и не примѣ-

---

наказанію. Ирландецъ *John Martin* (а не *Machin*, какъ сказано въ циркулярѣ) за подговоръ къ насильственному разрушенію такъ-называемаго *законодательнаго союза* (*Legislative Union*) Англіи съ Ирландіей, то-есть къ возстановленію силой отдѣльнаго ирландскаго парламента, былъ приговоренъ къ десятилѣтней (а не къ четырнадцатилѣтней) ссылке (... that you, John Martin, be transported beyond the sea for a period of ten years", и пр. стр. 388.)

нимо ни къ какой другой странѣ Европы. Но министр Наполеона III очень ясно различаетъ интересы династiи и администратiи, и въ заключенiе своихъ наставленiй префектамъ, прибавляетъ: „Не забывайте, что чѣмъ исключительнѣе неограниченная власть администратiи въ дѣлахъ печати, тѣмъ съ большею справедливостью слѣдуетъ пользоваться ею. Не слѣдуетъ забывать, что власть эта была ввѣрена моему министерству въ интересѣ государства, а не администратiи. Пусть же дѣйствiя ваши будутъ гласны, и пусть, вмѣстѣ съ моими, предоставляются они общественному суду. Слѣдуйте, наконецъ, примѣру императора, и знайте, что только однимъ усердiемъ вашимъ къ общественной пользѣ можете вы доказать ему свою преданность.“²

(Продолженiе слѣдуетъ.)

Л. ДЕ-РОБЕРТИ.

---

² Дѣйствительно, теперешняя Францiя, какъ ни далека отъ Англiи, съ которою сравниваетъ ее Персiя, не похожа, однако на знакомое намъ *кляуко* государство, гдѣ цензура недавно подлежала не только *Bücher jeder Art und in jeder Sprache, Bilderwerke, Zeichnungen, Risse, Pläne, Charten*, но даже *Noten mit beigelegten Worten*, гдѣ цензоръ долженъ былъ выкать во внутреннiй смыслъ каждаго слова, и хотя и не привязываться къ словамъ и отдѣльнымъ выраженiямъ, однако наблюдать, чтобы и въ нихъ *wichtiger und hoher Gegenstände mit geziemender Achtung und mit Anstand erwähnt werde*, и гдѣ вновь издаваемые, одобренные уже разъ, *kruru werden auf dieselbe Weise bei der Censur eingereiht, wie Handschriften, und für die zweite, dritte Auflage u. s. w. approbirt, wenn auch bei diesem Umdrucke gar keine Veränderungen in denselben gemacht sein sollten*, и такъ даже въ этомъ же замѣчательномъ и непереводимомъ родѣ.

ЗАМѢТКИ

0

ВОЛЬНО-НАЕМНОМЪ ТРУДѢ

V. Приближеніе зимы.

Свободы ищетъ и добивается человѣкъ на всѣхъ поприщахъ, политическомъ, общественномъ, умственномъ, художественномъ; словомъ сказать, на всѣхъ. Слово *свобода* у всѣхъ на языкѣ и, быть-можетъ, на сердцѣ; а между тѣмъ многіе ли уяснили себѣ его значеніе? Свободу понимаютъ какъ возможность двигаться во всѣхъ направленіяхъ. Но природа не пускаетъ меня ни въ небо, ни въ землю, ни ко дву океана, ни сквозь стѣну. Для духовнаго движенія есть также свои океаны и стѣны. Интересно осмотрѣть остающееся въ нашу пользу пространство, по которому мы дѣйствительно можемъ двигаться. Пространство это и обширно, и тѣсно, смотря по избранному нами направленію; но куда ни пойдѣ, непременно наткнешься на стѣну, будетъ ли эта стѣна вѣчность, запертыя ворота, завѣрь или другой подобный намъ человѣкъ,—законъ безсознательной природы или сознательный законъ общества.

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

Но нѣтъ пограничнаго столба со словомъ закона: „даже нельзя“, который бы тѣмъ самымъ не говорилъ: „а до сихъ поръ можно“. Другими словами: нѣтъ обязательнаго закона, который бы не заставляялъ предполагать извѣстное право. Вотъ сознание-то этого закона и опредѣляемаго имъ права и составляетъ сущность свободнаго существа въ сравненіи съ несвободнымъ. Человѣкъ, увязившій ногу между твердыхъ тѣлъ, будетъ неподвижно ждать освобожденія; но ни одно животное не въ состояніи понять необходимости не двигаться, и не было примѣра, чтобы въ подобномъ случаѣ любое животное не сломало себѣ кости. Только сознание законныхъ препятствій и связанныхъ съ ними правъ даетъ то довольство, тотъ духовный міръ, который составляетъ преимущество свободнаго передъ рабомъ. Я вижу препятствіе, и знаю, что если *туда* нельзя, за то *здѣсь* я полный хозяинъ. Съ другой стороны, свободный человѣкъ не приметъ молча поставляемаго ему препятствія, котораго онъ не понимаетъ, а будетъ посильно протестовать противъ него, во имя своего сознанія. Свободный человѣкъ, понимая несвоевременность извѣстнаго явленія въ данный моментъ, не станетъ ратовать противъ него въ прошедшемъ и поиметь его заслуги тамъ. Свободный человѣкъ, несмотря ни на Венеру Милосскую, ни на Аполлона Бельведерскаго, не предастся культу Олимпійцевъ, но не станетъ называть за него Грековъ дураками. Свободный не оттолкнетъ никакого изученія, слѣдовательно и изученія древности хотя бы каракалпакской, но не забудетъ въ то же время, что идеаль всякаго живаго организма въ будущемъ, а не въ прошедшемъ. Потому-то намъ и не нужно ни общиннаго владѣнія, ни крѣпостнаго права, что они были да сплыли, или Богъ дастъ сплывутъ. Свободный знаетъ, что хлопотать о народности какого бы то ни было народа то же что убиваться изъ-за древности дѣса. Поэтому напряженно откапывать какое-нибудь нарѣчіе для литературнаго и образованнаго круга, въ то время какъ лучшіе представители его давно усвоили себѣ нарѣчіе болѣе развитое, тоже что оказать: не вѣшь жаркаго вилкой, потому что она орудіе не народное. Кто-то отыскалъ въ русскихъ пѣсняхъ:

„Бабуца кабацкая
Туржыная, бабуца ярыжная“

И долой Пушкина: то не серьезно, а вотъ эта гадость серьезно.

Свободный человѣкъ, помявъ, напримѣръ, что мы сидимъ въ грязи, не ограничить свою дѣятельность праздною перифразировкой этого реченія, а пощеть средствъ вылезть изъ грязи. Къ этому первый шагъ—ознаніе какъ и на сколько мы въ грязи.

Съ этой точки обращаюсь отъ моего долгаго отступленія, къ продолженію моихъ замѣтокъ.

Что такое предложеніе и требованіе, которыми свободно устанавливаются цѣны, говорить я не буду, какъ не стану и гадать о томъ, каково будетъ отношеніе предложенія рабочихъ рукъ къ требованію на нихъ въ будущемъ. Я говорю здѣсь о настоящемъ, и вижу что большая часть моихъ сосѣдей мало-помалу заводятъ вольный трудъ и требуютъ рабочихъ, на тѣхъ же основаніяхъ и условіяхъ, на какихъ требуетъ ихъ и моя экономія. Около Мценска есть уже большія экономіи на чистомъ вольно-наемномъ трудѣ. Чтобы объяснить себѣ условія найма рабочихъ, нужно сказать для какого она времени нанимаются, и кто они такіе? Я уже упомянулъ, что мнѣ для обработки моихъ полей нужно восемь человѣкъ; я нанимаю еще девятаго на лѣто для облегченія работъ. Кроме того, мнѣ придется принаимать постороннихъ во время уборки. Первое, что при этомъ кинется въ глаза каждому практику, будетъ несоразмѣрно большое число годовыхъ рабочихъ. Зачѣмъ же нанимать восемь годовыхъ, когда и на лѣто въ крайнемъ случаѣ достаточно восьми. Такое замѣчаніе справедливо. Но тамъ, гдѣ все хозяйство основано на вольно-наемныхъ, кто поручится, что рабочіе не нашедши около себя мѣсть, не подрядятся въ даль, на дороги, на югъ и т. д., и тогда что же дѣлать съ открытіемъ весны? Нанимать издѣльно? Прекрасно. Но впервыиъ, надо будетъ съ потерей времени отыскивать желающихъ; вовторыхъ никто не пойдетъ на чужую работу не кончивъ своей, а между тѣмъ драгоценное время ушло, и вы безъ овса, навоза, гречихи, сѣна и т. д. Вольно-наемное дѣло у насъ еще въ младенчествѣ и поэтому нечего удивляться, что крестьянинъ, не привыкшій заранѣе разчиты-

вать, на всякое дѣлаемое ему предложеніе, даже самое для него выгодное отвѣчаетъ одно: „какъ люди, такъ и мы“. И сколько бы вы ни перебрали людей, они все будутъ искать образцовъ; а если вамъ удалось склонить хотя одного, очарованіе снято, этотъ одинъ дѣлается *людьми*, и подражатели выползаютъ со всѣхъ концовъ, даже на умѣреннѣйшихъ противъ перваго условіяхъ. Надо сказать правду, наемщику съ своей стороны, хотя и не говорятъ громко завѣтнаго: „какъ люди, такъ и мы“, но въ сущности поступаютъ также. Какъ бы то ни было, для спокойствія, необходимо въ настоящее время нанимать рабочаго годоваго, имѣя преимущественно въ виду его лѣтнюю работу. Остается разсмотрѣть, кто нанимается въ работники? Домашняя прислуга, кучеръ, лакей и пр. составляютъ отдѣльный вольно-наемный классъ. Въ счетъ заработной платы идетъ его помѣщеніе, пища и т. д. Ему прежде всего необходимо гдѣ-нибудь пріютиться и затѣмъ уже получать плату, и на его трудъ время года не имѣетъ вліянія. Тутъ отношенія между наемщикомъ и рабочимъ просты. Не нравится одинъ другому, и они расходятся такъ же просто какъ и сошлись; за то никто и не даетъ впередъ, безъ особыхъ обстоятельствъ, денегъ неизвѣстному слугѣ. Не таковы отношенія наемщика къ полевому работнику. Этотъ послѣдній также землевладелецъ, не нуждающійся въ помѣщеніи и продовольствіи (я говорю о наймѣ въ земледѣльческой полость); осенью ему нужны деньги на уплату повинностей или на свадьбу, и онъ нанимается въ работники. Не коротко знакомымъ съ дѣломъ покажется страннымъ, что отецъ или братъ *малаго*, *котораго жвнать*, проситъ на одно празднество бракосочетанія весь годовою заработокъ жениха, а иногда и болѣе того; но это и служить новымъ доказательствомъ крайней неразчетливости нашего крестьянина. Интересна будетъ статистика браковъ 1861 года. Свадебъ было безъ конца. Еслибы нанимающійся перебилъ осень безъ денегъ, то весной онъ быть-можетъ и вовсе не пошелъ бы въ заработки, и двое-трое стали бы ковырять у себя тамъ, гдѣ при бабахъ и одного довольно. Но ему нужны деньги не въ будущемъ, а сейчасъ, безотлагательно, и онъ идетъ наниматься, ставя первымъ условіемъ, чтобы половина денегъ была ему уплачена впередъ. При такихъ об-

стоятельствахъ, всякаго рода совѣты, какъ напримѣръ: не навивайте съ осени полнаго числа рабочихъ, не давайте денегъ впередъ—безполезны; необходимость принуждаетъ и нанять съ осени, и деньги дать впередъ. Независимо отъ приведенныхъ причинъ, заставляющихъ хлопотать о прочности годоваго условія съ рабочимъ, есть еще одна, о которой не могу умолчать. Предположимъ, что рабочій не нуждается въ немедленномъ полученіи денегъ, и согласенъ наниматься помѣсячно. У насъ, по окончаніи полевыхъ работъ, можно имѣть, по 3 р. въ мѣсяцъ, сколько угодно рабочихъ; мало того, рабочіе съ удовольствіемъ станутъ по 10 р. за всѣ шесть зимнихъ мѣсяцевъ. Но смѣшно было бы ожидать, чтобы рабочій мѣсячный остался въ покосъ и уборку за 3 р. въ мѣсяцъ, когда онъ легко заработаетъ въ это время 10 р.

Итакъ еще разъ: самый ходъ дѣла заставляетъ нанимать рабочаго годоваго заблаговременно и давать ему большой задатокъ. Эти неблагоприятныя для хозяйства условія до того измѣняютъ сущность и качество вольно-наемнаго труда, что его по справедливости нельзя и называть этимъ именемъ. Деньги получены впередъ и истрачены полгода тому назадъ; къ Святой получена еще часть. Много ли затѣмъ остается на все лѣто, когда другіе, рядомъ, зарабатываютъ гораздо болѣе? А тутъ-то и наступаетъ истинно трудовая жизнь, когда, проработавъ весь день на жарѣ, надо ночью гнать лошадей въ поле и караулить ихъ въ такъ-называемомъ *ночномъ*. Много надо философіи, чувства долга и разныхъ добродѣтелей, для того чтобы человѣкъ не забывалъ давнoproшедшаго одолженія и условія; и какъ ожидать этихъ высреннихъ качествъ отъ неразвитаго крестьянина, когда они такъ рѣдки у насъ и между образованными? Человѣкъ взявшій деньги въ займы черезъ нѣсколько времени не только забываетъ одолженіе заимодавца, но даже смотритъ враждебно на его притязанія, и не будь закона, ограждающаго послѣдняго, многіе ли получили бы обратно ссуду? Но пока я раздумывалъ о существующихъ условіяхъ найма рабочихъ, нужно было приступить къ самому дѣлу. Что предложеніе было не велико, видно изъ того, что я только приискалъ необходимое число новыхъ, а старыхъ, бывшихъ уже у меня и пожелавшихъ остаться

на слѣдующій годъ, не перемѣнялъ; за то цѣна нѣсколько измѣнилась. Во избѣжаніе просьбъ насчетъ обуви (лаптей) и рукавиць, я прибавилъ на то и на другое 1 р. 50 к., и всѣмъ годовымъ обязался платитъ 31 р. 50 к.

Михайло копачъ насыпал дорылъ овой прудъ, между тѣмъ какъ Юхновцы живо окончили работу; но ихъ прудъ оказался противъ чаянія совершенно сухимъ, между тѣмъ какъ у Михайла стала набѣгать ключевая вода. Необходимость заставила обрыть одинъ каналъ въ защиту отъ безпощадныхъ набѣговъ сосѣдской скотины. Старикъ Глѣбъ между тѣмъ оказался рѣшительно неспособнымъ вести хозяйство; я его разчелъ, взявъ на время у Ш*** хорошаго мужика въ старосты. Этотъ мужикъ на всѣ приказанія отвѣчалъ однообразнымъ: „слушаю батюшка“, а въ сущности бесполезно топтался на мѣстѣ, не хуже Глѣба. Надо было подумать о болѣе расторопномъ и смышленномъ помощникѣ, и мнѣ отрекомендовали молодого малаго проживающаго въ Москвѣ. Дали ему знаніе, и онъ явился съ полною готовностію пристаться за дѣло усердно.

Прежде всего старался я объяснить новому прикащику необходимость прямыхъ и честныхъ отношеній.—Ради Бога изгони разъ навсегда всякую ложь. Проси что тебѣ надо, и говори правду. Сдѣлай замѣчаніе въ случаѣ если найдешь распоряженіе мое неудобнымъ; но если и затѣмъ я останусь при первомъ приказаніи, исполняй его.

— Слушаю.

Рабочихъ годовыхъ мы наняли только шесть и затѣмъ нѣсколько поуспокоились въ надеждѣ принанять еще двухъ въ мартѣ. Между новыми оказался взѣрошенный черволицый и кряжистый, хотя нѣсколько сиротливый, Титъ. На работѣ онъ съ перваго разу показался весьма усерднымъ, но все у него какъ-то не клеилось. Лошадь ли ставеть запрягать, запряжеть криво и косо; солому ли примется навивать, то же самое.

Ледникъ оконченъ и готовъ принять ледъ. Но гдѣ взять льду? Возить за 7 верстѣ съ Неручи—слишкомъ неудобно. Въ большомъ прудѣ вода едва покрывала дно, въ

веркнемъ концѣ, и замерзаа; но если она промерзаа, до два, льда нельзя колоть, глыбы не будутъ отдѣляться. Разумѣется поман толки въ родѣ: „да какъ его колоть, не изымешь. Вишь онъ! его теперь прихватило.“ Взглянувъ на берега, я разчелъ, что около плотины глубина воды уже должна быть около двухъ аршинъ, и потому для пробы велѣлъ прорубить четвероугольникъ. Рабочіе, очевидно, считали это дѣло невозможн. Дѣйствительно, углубленіе было одѣлаано почти въ аршинъ, а воды все нѣтъ. Я уже и самъ сталъ терять надежду; но подумавъ, что весной все равно не доставешь льду, такъ какъ по мѣстности неполный прудъ долженъ быть во время зимы завесаа снѣгомъ сажени на двѣ, велѣлъ колоть далѣе. Не долго затѣмъ далось мое невозможное положеніе. Еще нѣсколько ударовъ топоромъ и пѣшней, и одинъ изъ рабочихъ крикнулъ вода. Вода точно брызнула фонтаномъ. Ледникъ успѣли набить болѣе чѣмъ въ половину, а тутъ поднялись метель и ледъ замело.

Приходя къ окончанію замѣтокъ о первомъ, кратковременномъ, но тѣмъ не менѣ хлопотливомъ сезонѣ, не могу не высказать еще одного убѣжденія, къ сожалѣнію моему, почерпнутого изъ опыта. При настоящемъ положеніи вольнаго хозяйства, должно всѣми мѣрами избѣгать сложныхъ производствъ. Никакой глазъ присмотрщика не усѣдитъ за всѣми злоупотребленіями, отъ которыхъ не рѣдко все производство окончательно погибнетъ въ одинъ часъ. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ. Въ числѣ прочихъ хозяйственныхъ обзаведеній, я купилъ у предшественника за сходную цѣну сорокъ ульевъ пчелъ; при этомъ онъ выпросилъ у меня позволеніе оставить на пасѣкѣ до зимы четыре колодки, проданныя имъ куда-то на сторону. Старикъ бывшій у него пасѣнникомъ остался до зимы у меня, и такъ хорошо разказывалъ о своихъ способностяхъ ходить за пчелами, что любо было его слушать. Въ концѣ августа надо было осмотрѣть пчелъ, и подрѣзать зашишній медъ. Мы выбрали удобный на это день. Приготовивъ чистыя липовыя кадушки, мы отправились на пасѣку. Старикъ вынулъ у первой колодки

колоды (закадки), помолился на востокъ, сдѣлалъ пожомъ крестъ на сотахъ и началъ подчищать. Въ это время я получилъ извѣстiе, по которому немедля долженъ былъ отправиться въ Москву. Дѣлать было нечего; я велѣлъ готовить лошадей. Однако, черезъ часъ сборовъ, пошелъ заглянуть на пасѣку и нашелъ уже одну липовку полную сотами, а другую вощивой. „Сколько тутъ будетъ меду, спросилъ я пчельника, полагая по объему посуды пуда четыре. „Пуда должно быть три есть“. „А много подчистилъ?“ „Восемь колодокъ.“ Оставалось подчищать еще тридцать двѣ колодки. И я увѣлъ, разчитывая по крайней мѣрѣ на двѣнадцать пудовъ меду. Каково же было мое изумленiе, когда по возвращенiи я узналъ, что меду собрано со всѣхъ сорока колодокъ три пуда! Эти три пуда я самъ видѣлъ, такъ украсть ихъ уже нельзя было. Къ чему же, спрашивается, молился и закрепщивалъ соты набожный пасѣчникъ? Бѣда была еще бы не велика еслибъ онъ укралъ только медъ. Какъ въ послѣдствiи оказалось, онъ такъ обчистилъ пчелъ, что онѣ едва перезимовали. Здѣсь позволю себѣ маленькiй анахронизмъ и забѣгу впередъ. Въ февралѣ 1861 года я сталъ искать пасѣчника. Явился старикъ, который, желая убѣдить меня въ своемъ знахарствѣ, совершенно для меня неожиданно нагнулся ко мнѣ и съ необыкновенною быстротою началъ причитать какую-то специальную молитву о пчелахъ. Думая, что онъ долго останется у меня, я не поторопился тогда же записать молитву, но помню изъ нея нѣсколько словъ, особенно меня поразившихъ.

Божiа Матерь
Отвори ворота,
Чтобъ моя пчела,
На полетъ летала (шла на работу),
Чужую пчелу побивала.

Сильныя пчелы, какъ извѣстно, иногда ходятъ на разбой къ чужой пчелѣ. Мошенники пчеловоды не рѣдко нарочно возбуждаютъ своихъ пчелъ къ убiйству, ставя имъ водку. Конечно, мошенничество бываетъ вездѣ, но обращаться съ нимъ къ небу въ молитвѣ, значить считать его безупречнымъ. Долго еще неуклонному закону придется бдительно стоять на стражѣ, пока русскiй человекъ не забудетъ своего наивнаго произвола и наслѣдственной жи. Мнѣ

припомнилася теперь разказъ своего сосѣда Ш***. Въ качествѣ церковнаго старосты, Ш*** въ своемъ большомъ и зажиточномъ приходѣ, по праздникамъ, самъ продаетъ свѣчи. „Нерѣдко, говоритъ Ш***, подойдетъ мужикъ съ просьбой:—Копѣчную свѣчку, и наклонясь науху, прибавить:—въ должокъ. Да какъ же брать деньги-то.—Пожалуйте отдамъ, ужели я Господа Бога-то обману. Ну, и подашь ему свѣчку. А сколько я своихъ денегъ за такія свѣчи заплатилъ!..“

Когда выпалъ первый снѣгъ, приѣхали какіе-то крестьяне съ запиской на подъемъ четырехъ колодокъ. Это было около завтрака. Я велѣлъ прикащику отпустить четыре колодки къ ряду у входа направо. Такъ говорилъ мнѣ самъ продавецъ и показывалъ ихъ моему старостѣ. У меня, помнится, былъ кто-то посторожній, потому я и не выходилъ.

Часу въ четвертомъ пришелъ прикащикъ:—Пожалуйте на пчельню. Мужики шумятъ. Подавай имъ на выборъ лучшія колодки изъ середины.

Я пошелъ на пчельню, и уже издали усмыхалъ страшный споръ и шумъ.

— Что вы за люди? спросилъ я тоастьхъ и съ виду богатыхъ мужиковъ, въ новыхъ полушубкахъ.

— Крестьяне князя К***.

„А! подумалъ я: вотъ почему вы и кричите.“—Ну, любезные, вы здѣсь не шумите; берите то зачѣмъ приѣхали, а будете кричать и выдумывать свое, я вею васъ прогнать, и дѣло пойдетъ черезъ ставоваго. Вотъ ваши колодки. Гдѣ староста?—Пришелъ староста.—Укажи колодки.

— На вотъ, батюшка, извольте посмотреть,—и онъ показывалъ мнѣ на задней сторонѣ четырехъ колодокъ мѣтки краснаго карандаша продавца.

— Видите. Теперь убирайтесь вонъ.

— Много довольны вашею милостью, — и они, забравъ пчелъ, уѣхали.

Неутѣшительную перспективу представляла наступившая зима. Домъ продувало со всѣхъ сторонъ, зимовать въ немъ не было возможности. Надо было зимой привезти жѣлѣза на крышу, кирпичу, песку, лѣсу, алебастра и прочаго матеріала для весенней перестройки.

А чѣмъ кормить скотъ и какъ перемототить безъ машинъ въ трехкопеечномъ овинѣ, четыреста копеекъ хлѣба? Приш-

лось бы кормить оюнами, какъ дѣлаъ мой предшественникъ. Но и тутъ кое-какъ выручилъ меня Ш^{***}, предложивъ возить къ нему немощенную рожь и брать назадъ солому. Сѣна оставалось въ декабрѣ не болѣе 1.000 пудовъ.

VII. Зимняя дѣятельность.

Въ началѣ декабря наступила стужа, подвѣялись метели. Новыя, необшитыя и вебштукатуренныя стѣны дома рѣшительно не защищали отъ вѣтру. Зимовать очевидно было не возможно, да къ тому же дѣла звали въ Москву, куда я и прибылъ около половины декабря. Здѣсь первую заботой моею было заказать молотилку и вѣялку, безъ которыхъ полевое хозяйство будущимъ лѣтомъ было бы невозможно. Знакомый мой, опытный хозяинъ, посоветовалъ мнѣ обратиться къ г. Вильсону, у котораго на механическомъ заводѣ приготавливаются большею частію такъ называемыя хуторскія двуконныя молотилки. Я послушался совѣта, не медля обратилъ къ г. Вильсону, и тутъ же заключилъ съ нимъ условіе, по которому онъ обязался поставить мнѣ къ 1-му февраля хуторскую молотилку съ чугуннымъ приводомъ, для большей легкости на три, а не на двѣ лошади, и ручную вѣялку, могущую въ случаѣ нужды дѣйствовать и коннымъ приводомъ. Въ деревнѣ между тѣмъ было поручено прикащику исправно уведомлять меня о ходѣ пригготовительныхъ работъ по предстоящей отдѣлкѣ дома, которую мнѣ хотѣлось окончить какъ можно ранѣе весною, чтобы быть совершенно свободнымъ для полевыхъ занятій. На этотъ конецъ я условился о покупкѣ и доставкѣ въ деревню къ февралю необходимыхъ матеріаловъ: лѣсу, кровельнаго желѣза, кирпичу, извести (на обкладку стѣнъ), песку, который въ нашей черноземной полосѣ добывать довольно затруднительно, и т. п. Для внутренней отдѣлки я велѣлъ нанять столяровъ, а сухимъ ясеневымъ деревомъ мнѣ заблаговременно назвался сосѣдній лѣсоторговецъ, у котораго я въ теченіе осени забралъ довольно различнаго лѣснаго матеріалу. Полаы въ домѣ, хотя и новыя, были весьма неплотны, и я рѣшился лучше заказать паркетъ въ Москвѣ. Казалось, все напередъ было обдуманно и разчитано, но

зная какъ всё дѣла у насъ дѣлаются, я никакъ не могъ успокоиться въ Москвѣ, и распечатывалъ каждое письмо прикащика не безъ замиранія сердца. Предчувствіе не обмануло меня. Въ началѣ февраля я получилъ довольно лаконическое извѣщеніе, что ничего изъ *приказаннаго* не дѣлается, что столяровъ нанято трое и они уже напилили брусевъ и фанеръ для дверей, но ясеня оказался сырой и всю заготовку порвало въ щепки. Молотилка и вѣлка должны были скоро быть готовы къ отправленію, и г. Вильсонъ, у котораго, сверхъ полной стоимости машинъ, оставалось въ конторѣ 20 р. сер. моихъ денегъ, совершенно успокоилъ меня насчетъ скорой ихъ отправки, а равно насчетъ присылки въ мѣѣ машиниста, который долженъ по условію установить машины на мѣстѣ и пустить ихъ въ ходъ, получая у меня по 75 коп. въ день харчевыхъ. Кромѣ того, я обязался отправить его на мой счетъ въ Москву. На другой день по полученіи роковаго письма, худыя почтовые лошади валяли меня съ боку на бокъ по невообразимымъ ухабамъ московско-харьковскаго шоссе, и черезъ трое сутокъ, я прибылъ домой. Оказалось, что прикащикъ ничего не преувеличилъ въ своемъ письмѣ. Я засталъ столяровъ граціозно полдирующихъ присланную изъ Москвы мебель, а за ними груды потрескавшася ясеня. Строительный матеріалъ не только не привезенъ, но даже и не купленъ. Дороги адскія. Ни плотниковъ, ни кровельщиковъ нѣтъ, а между тѣмъ надо сейчасъ снимать крышу, передѣлывать стропилы и крыть желѣзомъ.

Какъ? и это все въ февралѣ?—Да что жъ дѣлать? Съ крышей, при усердной работѣ, надо провозиться мѣсяцъ, а въ мартѣ пойдутъ весенніе дожди, потолокъ протечетъ, и вся привозная мебель должна погибнуть. Оставить же дѣло до іюня значить обречь себя на столпотвореніе въ продолженіе всего лѣта. Во время полевыхъ работъ нужно жить дома, а какъ жить въ немъ, когда крыша и двери сняты, стѣны и потолки штукатурятся, а полы выломаны? Дополняя картину неустройства, я долженъ прибавить, что единственно спасительная мѣра перевозки хлѣба къ Ш*** и соломѣ обратно отъ него ко мнѣ, оказалась на практикѣ весьма неудобною. При значительной раструскѣ дорогой мелкаго и крупнаго корма, двойная перевозка до того была обременительна для лошадей, что я засталъ вообще всю

скотину въ самомъ жалкомъ видѣ. На жеребятахъ отъ худобы показалаась даже омыль. Къ счастью, я не продавалъ ни зерна ржи изъ моего небольшого запаса, и тотчасъ же велѣлъ давать отъ четырехъ до пяти фунтовъ муки въ сутки на каждую голову. Это усиленное, но дорогое средство спасло скотину. Плотняковъ на крышу я нанялъ издѣльно. Льсы привезли. За невозможностию въ скоромъ времени отыскать для столяровъ сухаго ясева, я нашелъ стараго дубу, и работа немедленно началась.

Не даромъ русская пословица говоритъ: „на добрыхъ воду возять“. Эта пословица очевидно произошла изъ опыта. Если у васъ есть между рабочими лошадьми замѣчательно добрая, будьте уверены, никакаго присмотръ, никакія увѣщанія, не спасутъ бѣднаго животнаго отъ ежеминутныхъ попырокъ. Сѣна ли привезть, хоботья ли насыпать, соломы ли навозить, кого взять?—рыжого. Послать куда поскорѣе,—на рыжемъ. Однимъ словомъ, бѣдный рыжіи за все отвѣчаетъ. Понятно, что въ дальней дорогѣ или на тяжелой работѣ всякому пріятнѣе имѣть лошадь не требующую ежеминутныхъ поучкаій; но возить кормъ около дома рѣшительно все равно, слишкомъ или не слишкомъ ретива лошадь. Но рыжіи не даромъ слыветъ добрымъ, и поэтому обротъ уже сама его щеть по двору между всеми другими отдохнувшими лошадьми. При окончательномъ разгромѣ дома, я повеломъ долженъ былъ прибѣгнуть къ прошлагоднеи системѣ, то-есть поселиться на жительство у Ш***, и къ себѣ пріѣзжать ежедневно по утрамъ на нѣсколько часовъ.

Надобно нанять кровельщиковъ. Мнѣ сказали, что мценскіе и сходнѣи и искуснѣи орловскіихъ. Кроме того, необходимо было по дѣламъ побывать во Мценскѣ; но дороги были такъ дурны, что я предпочелъ поѣхать туда черезъ Орелъ, гдѣ надѣялся самъ купить кровельнаго желѣза, которое въ то время страшно поднялось въ цѣнѣ. Наканунѣ отъѣзда я велѣлъ прикащику приготовить необходимое, по количеству желѣза, число подводъ, и ѣхать съ ними въ Орелъ за матеріаломъ, считая по дурной дорогѣ отъ 20 до 25 пудовъ на лошадь. Въ Орелѣ я купилъ желѣза, велѣлъ накладывать, а самъ поѣхалъ далѣе. Вернувшись изъ Мценска спрашиваю:—Что? привезли желѣзо?

— Слава Богу привезли благополучно и сложили. Только

что-то нашъ рыжій не веселъ, корму не ѣсть, а всю дорогу шелъ передомъ (впередѣ обоза) и везъ сапшомъ тридцать пять пудовъ.

Не удивительно, что онъ не веселъ и не ѣсть корму. Однако пойдѣмъ посмотримъ его. Я нашелъ бѣднаго рыжаго въ общемъ денникѣ съ сильнѣйшимъ отдѣленіемъ злокачественной мокроты изъ ноздрей. Очевидно, у него открылся сапъ.

Завѣдывавъ въ продолженіи пяти лѣтъ, въ качествѣ полковаго адъютанта, коннымъ лазаретомъ, я волею и неволею присмотрѣлся къ разнороднымъ явленіямъ конскихъ болѣзней и въ особенности *сапа*, долго свирѣпствовавшего въ нашемъ полку. Эта ужасная и въ высшей степени прилипчивая болѣзнь до того упорна, что никакія врачевныя пособія, ни самыя энергическія мѣры полковаго командира, при первомъ проявленіи заразы, не могли избавить отъ нея полка. Самое зданіе коннаго лазарета оказывалось заразительнымъ. Ни обмазываніе известью, ни хлоръ, ни изысканная чистота, не помогали залу. Только походъ во время венгерской кампаніи, въ продолженіи котораго опустѣвшій и растворенный конный лазаретъ вымерзалъ двѣ зимы, избавилъ полкъ отъ давнишняго бѣдствія. Сапъ заразителенъ не только для лошадей, но и для людей, приходящихъ въ соприкосновеніе съ больными животными, и въ этомъ случаѣ никакія средства не помогаютъ. Мучительная смерть неизбѣжна. Мнѣ сказывали, что въ К. гусарскомъ полку погибли два служителя при конномъ лазаретѣ, которые, несмотря на строгое запрещеніе, завертывались на ночь въ попоны съ больныхъ лошадей. Все сказанное я считалъ необходимымъ объяснить прикащику, старательному молодому человѣку. Тѣмъ не менѣе онъ съ какою-то полуулыбкой увѣрялъ меня, что это голова у рыжаго болитъ и что когда мокрота сойдетъ, ему будетъ легче.

— Однако, вотъ отдѣльное стойло, сказалъ я,—загони его туда и сдѣлай милость присмотри, чтобъ онъ не приходилъ ни въ какое соприкосновеніе съ остальными лошадьми. Кормъ и водопой должны быть отдѣльные; иначе всѣ лошади пропадутъ и весь дворъ надо будетъ бросить.

— Саушаю.

На другой день пріѣзжаю, и, представьте себя на моментъ мѣсть, застаю рыжаго въ общемъ денникѣ. Повторяю,

прикащикъ человекъ старательный и практически не глупый. Но что сдѣлаешь противъ рутины? Разумѣется, лошадь была тотчасъ же совершенно отдѣлена отъ здоровыхъ, и несмотря на увѣренія прикащика что ей гораздо лучше, на третій день пала.

Много у насъ было писано со всѣхъ концовъ Россіи о высокочинаменательномъ событіи прошлаго февраля и о томъ какъ принятъ былъ крестьянами благодѣтельный манифестъ, но говоря въ свою очередь о прошлагоднемъ февралѣ, не могу не прибавить нѣсколько словъ отъ себя. Предварительныхъ толковъ въ образованныхъ классахъ было довольно. Наконецъ ожиданія разрѣшились разсмыскою манифеста. Оставалось только его обнародовать, то есть прочесть крестьянамъ по церквямъ. Нельзя отрицать, чтобы бѣлая часть людей мыслящихъ не смотрѣла на будущее воскресенье почти съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ мореходецъ смотритъ на ярко-прекрасную зорю, обещающую перемѣну вѣтра, и на бессознательное море, которое, Богъ его знаетъ, взволнуется или не взволнуется. Однако воскресенье пришло, а море и не думало волноваться. У него даже не зарыбило въ глазахъ отъ лишней чарки водки. Крестьяне обычнымъ порядкомъ развѣхались по дворамъ, и вѣроятно, каждый въ своей семьѣ, занялись истолкованіемъ совершившагося событія. Мы съ Ш*** встрѣтили на порогѣ только что вернувшагося отъ обѣда старосту его имѣнья.

— Что, Михайло, слушали манифестъ?

— Какъ же, батюшка! слушали.

— Что жь? вы его поняли?

— Какъ не понять! Поняли одно, что надо теперь всѣхъ слушаться отъ мала до велика.

Приходилось мнѣ спрашивать и другихъ крестьянъ о томъ же. Отвѣты были въ подобномъ же смыслѣ.

Возвращаясь къ разказу.

Нужный для построекъ песокъ отыскался въ лугу крестьянъ деревни С***, смежныхъ съ хуторскими мужиками моего сосѣда Ш***, верстахъ въ трехъ отъ меня. До меня никто не покупалъ песку, какъ никто не покупалъ воды и сѣнгу, несмотря на то что въ трехъ верстахъ оттуда и помѣщики и крестьяне давно торгуютъ бѣлымъ камнемъ. Но то камень, а это песокъ. Я послалъ попросить у ста-

росты деревни С*** позволенія брать песокъ и, разчитавъ какъ трудно добываніе его въ зимнее время, самъ назначилъ за четверть 30 к. сереб. Очевидно, крестьяне этой деревни, которымъ всего слодручье было воспользоваться предстоящими заработками, сочли продажу и возку песка химерой. Песокъ мнѣ брать позволили; но никто изъ крестьянъ и не тронулся рыть и возить его

За то хуторскіе мужики Ш*** дѣятельно принялись за работу, и песку мнѣ навезли не мало. Къ концу февраля наступили оттепели, по дорогамъ образовались заборы, и возка сдѣлалась страшно затруднительною. Тогда только крестьяне деревни С. догадались, что вѣрно можно и пескомъ торговать, когда ихъ сосѣдямъ да за ихъ же песокъ платять чистыя деньги. Они даотрѣвъ отказали крестьянамъ хуторскимъ въ песокѣ, говоря что ужъ лучше они сами будутъ брать деньги. Мало того, что С.—скіе мужики стали на перебой между собою возить песокъ по выдуманной мною цѣнѣ, у нихъ за эту же цѣну явились конкуренты за 7 версть отъ меня, которые, по невозможности за дурною дорогою доставлять песокъ одиночками, возили его парами. Какъ нова и дика была для крестьянъ мысль о цѣнности личнаго труда, я еще яснѣе увидѣлъ въ послѣдствіи. При сложныхъ на него требованіяхъ съ моей стороны, мнѣ приходилось подобнымъ же образомъ и съ одинаковымъ успѣхомъ назначать отъ себя положительныя цѣны по разнымъ отраслямъ труда. Съ открытіемъ весны, когда крестьяне уже опытомъ научились брать съ меня деньги, они все-таки остались при внутреннемъ убѣжденіи, что торговали несуществующими цѣностями, то-есть, по ихъ же выраженію, брали деньги даромъ. Вся округа говорила про меня: „Вѣрно у него денегъ много, когда онъ намъ ихъ даромъ раздаетъ.“ — „Да за что же онъ вамъ ихъ даетъ?“ — „А Богъ его знаетъ! Мы и сами не знаемъ.“ Я не только не давалъ даромъ денегъ, но платилъ цѣны весьма умѣренныя. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что въ знакомыхъ уже крестьянамъ отрасляхъ труда и промыслахъ они не такъ сговорчивы на дѣло, и не такъ податливы въ цѣнѣ. Возить напримѣръ хлѣбъ на рынокъ мужичокъ готовъ, но ломить цѣну неслыханную. „Это дѣло—хлѣбъ, а то песокъ.“ Невѣроятно, а правда.

Послѣ долгихъ и напрасныхъ поисковъ, нашелся простой мужикъ штукатуръ. Мы поладили въ двухъ словахъ,

условясь въ платѣ за квадратную сажень. Онъ получилъ 15 р. с. задатку и пошелъ набирать рабочихъ. Ш^{***} тоже искалъ штукатура. На другой день явился великій краснобай изъ-за Мценска, положительно увѣрившій, что нанятый мною мастеръ не въ силахъ сдѣлать моей работы. Къ стыду моему, краснобай меня уговорилъ. Такъ какъ Ш^{***} въ свою очередь нуждался въ штукатурѣ, то мы предложили первому радчику стать на новую работу, на тѣхъ же условіяхъ, на что онъ легко согласился. Но меня краснобай жестоко наказалъ за мою доверчивость. Онъ взялъ, правда, небольшой задатокъ; но съ тѣхъ поръ я его не видалъ, и что еще хуже, я поджидалъ его артель въ то время, когда уже нужно было работать. Разумѣется, не желая прибавлять къ убыткамъ новые убытки, я его и не разыскивалъ, хотя зналъ его имя и мѣсто жительства.

Всякая законность потому только и законность, что необходима, что безъ нея не пойдетъ самое дѣло. Этой-то законности я искалъ и постоянно ищу въ моихъ отношеніяхъ къ окружающимъ меня крестьянамъ, и вполнѣ увѣренъ, что рано или поздно она должна взять верхъ и вывести нашу сельскую жизнь изъ темнаго лабиринта на свѣтъ Божій. Но единицамъ добиться въ этомъ отношеніи дѣла въ настоящее время не только трудно, а едва ли возможно. Вздумавъ однажды утромъ взглянуть на работу подевищика Алексѣя, поступившаго ко мнѣ по примѣру прошлаго года, я увидалъ весьма бѣднороднаго крестьянина, державшаго на веревкѣ тощую косматую корову, едва ли не изъ числа видѣнныхъ Фараономъ во свѣ. Надо прибавить, что тощій крестьянскій скотъ, особенно лошади, въ нашей сторонѣ исключеніе. На это есть свои причины, о которыхъ я бытъ-можетъ скажу въ своемъ мѣстѣ нѣсколько словъ. На этотъ разъ мужикъ и его корова не представляли образцовъ довольства.

— Что тебѣ надо? спросилъ я мужика.

— Да вотъ, батюшка, привелъ коровку къ вашему бычку. Сдѣлай божескую милость, не откажи.

— Ты откуда?

— Да вотъ мы съ Алексѣемъ изъ одной деревни, онъ меня знаетъ!

Частые истребительные падежи скота, въ нашихъ мѣстахъ, вынуждаютъ быть крайне осторожнымъ на счетъ

сближенія своей скотины съ чужою. Поэтому прошлагою осенью я отказалъ гуртовщику въ просьбѣ прогнать по моей оставъ гуртъ, хотя онъ мнѣ за это предлагалъ порядочную плату. А тутъ неизвѣстная, да еще болѣзненная на видъ корова. Не смотря на это первымъ моимъ побужденіемъ было уступить просьбѣ бѣднаго мужика, не въ примѣръ другимъ. Авось такъ пройдетъ! Я зналъ, однако, что сдѣлать это безъ всякихъ условій, значило бы привлечь къ себѣ на дворъ цѣлую округу. Поэтому я обратился къ мужику съ сдѣлующими словами:

— Я ни своей скотины на чужую землю, ни чужой на свою не пускаю. И всякую приведенную или пущенную сюда корову буду забирать и отсылать въ стагъ; на этотъ разъ, такъ и быть, выручу тебя по-сосѣдски. Почему у васъ бабы продаютъ куръ? (Мнѣ нужны были куры, и я скупалъ ихъ у сосѣдей.)

— Да кто ихъ знаетъ? Бабы дѣло.

— Однакожь? дороже четвертака не продаютъ?

— Точно что не продаютъ.

— У тебя есть продажныя?

— Есть.

— Сколько?

— Да съ пятокъ будетъ.

— Ты пойдешь въ воскресенье мимо меня?

— Какъ же, багюшка, поѣду.

— Привези же мнѣ четырехъ, или какъ ты говоришь пятокъ куръ, а я тебя заплачу по четвертаку.

— Слухаю, багюшка. Съ чего жь?

— Да ты смотри не обмани.

— То-то, ты смотри, Митрій! не обмани, вмѣшался вслушавшійся въ нашъ разговоръ Алексѣй. — Вѣдь это, братъ, обмануть не своего брата мужика. Не приходится.

Я сталъ объяснять мужикамъ, что обманъ все обманъ, къ кому бы онъ ни относился, въ чемъ оба были совершенно согласны, и въ доказательство окончательнаго уразумѣнія моихъ словъ, Алексѣй съ удареніемъ повершилъ:

— Вѣдь это обмануть не своего брата мужика, это не приходится.

Просьба мужика была исполнена, а куръ онъ мнѣ не привезъ.

Приводить новыхъ примѣровъ пониманія и исполненія условій и договоровъ со стороны нашихъ крестьянъ, а болѣе не буду, хотя могъ бы привести ихъ сколько угодно.

VIII. Контрактъ.

Съ наступленіемъ марта, явилась необходимость нанять недостающихъ годовыхъ рабочихъ и одного лѣтняго на подмогу. Первымъ годовымъ цѣна уже была опредѣлена съ осени, а съ лѣтнимъ надо было торговаться. Прошлагодній горькій опытъ окончательно убѣдилъ меня, что давать задатку рабочимъ, безъ обезпеченія насчетъ исполненія ими условій договора, нельзя. Но чѣмъ себя обезпечить? Контрактомъ? Что же писать въ этомъ контрактѣ? Говорить въ немъ о штрафахъ — нечего и думать. Ни одинъ рабочий не пойдетъ къ вамъ ни за какія деньги. Послѣ многихъ соображеній, я выставилъ въ контрактѣ слѣдующіе пункты: „Обязанъ я (имрекъ) 1) вести себя честно и трезво; 2) куда, ни подъ какимъ предлогомъ, безъ разрѣшенія начальства, не отлучаться; 3) всякую порученную мнѣ работу, во всякое время, исключая годовые праздники, исполнять усердно и безъ отговорокъ; 4) за порученными мнѣ вещами смотрѣть старательно и хранить ихъ въ цѣлости; 5) довольствоваться здоровою и сытною пищею и особаго какого харча и содержанія не требовать. А буде я вышесказаннаго не исполню, то подвергаю себя за то отвѣтственности передъ закономъ.“

Написавъ послѣднія слова, я невольно улыбунася. Какъ будто законъ, карая меня за противозаконные поступки, спрашивается, давалъ ли я подписку подвергать себя отвѣту передъ нимъ, или не давалъ! Но при составленіи контракта, я болѣе всего имѣлъ въ виду тотъ врожденный трепеть, съ которымъ русскій человѣкъ смотритъ на всякую грамотку. Я не ошибся въ моемъ предположеніи. Этотъ страхъ оказался такъ великъ, что я рисковалъ остаться безъ рабочихъ, на что я впрочемъ и рѣшался лишь бы только не имѣть передъ собою грустную перспективу остав-

ся съ незаконтрактованными рабочими. Съ другой стороны, я былъ увѣренъ, что стоило мнѣ съ законтрактованными рабочими прожить годъ, такъ чтобъ о контрактѣ, какъ о неприятомъ предметѣ, не было и помину, то я буду спасенъ. Но какъ поймать перваго рабочаго? Случай на этотъ разъ помогъ мнѣ. Читатель, быть-можетъ, не забылъ прошлагодняго исправнаго работника Карна, котораго негодяй Гаврила такъ безцеремонно взялъ у меня до срока. Вотъ этотъ-то Карнъ явился наниматься *на льто*. Въ двѣи мы скоро сошлись; но главное затрудненіе было убѣдить его подписать составленный мною контрактъ.

— Ты помнишь, сказалъ я ему,—какъ твой дядя въ прошломъ году снялъ тебя до срока. Теперь, чтобъ этого не могло быть, я никого, кто просить впередъ денегъ, не нанимаю безъ контракта. Грамотъ ты самъ не знаешь; сходи къ дворнику на Кресты, попроси его прочесть то что я тебѣ прочелъ; дай ему руку, онъ за тебя подпишетъ, и тогда приходи за задаткомъ. Ты слышишь, здѣсь въ бумагѣ написано то же что ты мнѣ обѣщаешь на словахъ. Я тебѣ быть-можетъ и на слово бы повѣрилъ; но дядѣ твоему не повѣрю, и безъ контракта тебя не возьму.

Задатку Карнъ, нанявшійся за 27 р. 50 к., просилъ 10. Послѣ долгихъ колебаній, контрактъ былъ подписанъ; оставалось только отдать деньги, за которыми онъ хотѣлъ придти вечеромъ. Между тѣмъ, тотчасъ же послѣ обѣда, явился дядя его, Гаврила, съ словами:—Пожалуйте деньги.

— Я тебѣ денегъ не дамъ, потому что нанимался не ты, а твой племянникъ, на имя котораго и написано увольтельное отъ помѣщика свидѣтельство. Приведи Карна, и я при тебѣ ему отдамъ десять рублей.

— Нѣтъ, малый не можетъ получать деньги, потому что я ему хозяинъ. (Этотъ хозяинъ постоянно обираетъ бѣднаго Карна, который вслѣдствіе того всегда одѣтъ весьма плохо.) Такого и закона нѣтъ, чтобъ малый могъ безъ меня наниматься.

Напрасно старался я объяснить Гаврилѣ, что теперь напротивъ нѣтъ закона, чтобъ кто-нибудь могъ отдавать другаго въ работу. Онъ стоялъ на своемъ.

— А коли такъ, значить я сниму малаго.

— Ты ни отдавать, ни снимать его не можешь, потому что

онъ наваль у меня по контракту, и я знаю его, а тебя и знать не хочу.

Тутъ новыя объясненія безопасности контракта, и за всякимъ разомъ возгласъ:

— Оно такъ, да на что жь вы малаго-то подь *кундрахъ* подвели. Мы люди темные, такъ что намъ *кундрахъ*. Мнѣ *кундрахъ* не нуженъ.

— Я писалъ контрактъ не для забавы, и писалъ его не для темныхъ людей, а для себя, и если онъ тебѣ не нуженъ, то онъ мнѣ нуженъ, а ты если будешь приставать со вздоромъ, то я тебя не вею сюда пускать.

Вошелъ Карпъ.—Вотъ Карпъ, если тебѣ нужны деньги, возьми десять рублей.

— Нѣтъ, какъ можно деньги брать впередъ, вдругъ неожиданно заговорилъ Гаврила;—надо ихъ прежде заработать, а тогда ужь свое и получить. Мы денегъ впередъ невозьмемъ.

Они дѣйствительно такъ и сдѣлали, и взяли первые 10 р. только послѣ Святой. Карпъ благополучно дожидъ до послѣдняго дня срока. Гаврила болѣе не показывался. О контрактъ не было все лѣто помину; но онъ произвелъ магическое дѣйствіе бумаги (грамоты) на людей темныхъ, хотя въ сущности исполненіе его не было гарантировано. Чтѣ бы я сталъ съ нимъ дѣлать, еслибы подписавшій его нарушилъ условія? Повелъ бы дѣло, во время уборки, суддебнымъ порядкомъ, что ли? Предположимъ даже, что я выигралъ бы его черезъ два года, спрашивается: чтѣ бы я выигралъ этимъ выигрышемъ? Все это очень ясно; а тѣмъ не менѣе, желая усилить магическую силу грамоты, я изъ писанныхъ превратилъ контракты въ печатныя бланки, и въ прошлую осень не иначе навималъ годовыхъ рабочихъ какъ по такимъ документамъ. Карпъ проторилъ темную дорогу контракта. Мимоходомъ окажу нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Гаврилы. Съ выборомъ посредниковъ, выбирали и сельскихъ старостъ. Не удивительно ли, что крестьяне села, въ которомъ живетъ Гаврила, не нашиа никого хуже его въ сельскіе старосты? Этотъ пьяный, нахальный, вѣчно хитращій и между тѣмъ странно тупой и безтолковый мужикъ, сдѣлавшись старостой, накураался такъ исправно, что его пришлоо, какъ

я слышалъ, арестовать, оштрафовать, тѣлесно наказать и сивнить. Стало-быть онъ прошелъ все что могъ.

О крестьянахъ того же села разказывали у насъ въ томъ же году довольно оригинальный анекдотъ. Въ помѣщичьемъ саду стояли, да и теперь еще стоятъ, небольшія мѣдныя пушки, изъ которыхъ стрѣляли въ торжественные дни. Довольно значительная стоимость пушекъ соблазнила какихъ-то охотниковъ до легкихъ работниковъ. Когда два вора сняли двѣ пушки съ лафетовъ, и наваливъ на возъ, поскакали съ ними черезъ деревню, помѣщичей староста, замѣтивъ похищеніе, вскочилъ на лошадь, и бросился въ погону. На деревнѣ онъ сталъ звать мужиковъ на помощь; но они отозвались, что сегодня не барскій, а крестьянскій день, и потому имъ воровъ ловить не для чего.

III. Весеннія затрудненія.

Въ началѣ апрѣля снѣгъ сошелъ и, несмотря на значительные холода, кое-гдѣ начала пробиваться молодая трава. Скучность зимняго корму заставляла думать о томъ, какъ бы поскорѣ выгнать скотину въ поле. Желая осмотрѣть сѣнокосный лугъ, я повѣхалъ туда верхомъ и засталъ все стадо, и весь табунъ сосѣдей купцовъ К*** на моемъ сѣнокосѣ. Пастухъ даже не горючилась согнать стадо. Тутъ только, желая отбить и загнать къ себѣ корову или лошадь, я убѣдился какъ трудно, если не совершенно невозможно, исполнить это одному. Подо мной была рѣзвая и очень поворотливая лошадь, такъ что я легко могъ и догнать и заворотить любую скотину. Но едва въ ее завернули, она огибааетъ васъ за крупомъ лошади, и заворачиваніе начинается снова, и такимъ образомъ можно вальсировать до бесконечности.

Я уже говорилъ о близости воды въ нашей почвѣ. Это хорошо въ агрономическомъ отношеніи, но для построекъ невыносимо. Еще въ мартѣ, во время полой воды, пришлось выбираться изъ выхода подъ домомъ. Несмотря на каменные своды, вода прибывала въ немъ ежедневно, и наконецъ весь выходъ превратился въ подземный водоемъ,

въ которомъ не выбранныя овощи плавали въ самомъ живописномъ беспорядкѣ. Вотъ и земля оттаяла, а вода въ выходѣ не убываетъ. Она можетъ остаться почти на все лѣто, и тогда придется завалить выходъ, и сдѣлать новый на иномъ мѣстѣ. Удобнѣй всего ему быть тамъ, гдѣ онъ есть, да и кто поручится, что и на новомъ мѣстѣ онъ будетъ сухимъ выходомъ, а не колодезъ? Долго думалъ я, какъ тутъ быть? Устроить машину неудобно: выходъ подъ самымъ домомъ. Черпать ведрами еще хуже: эта работа Дюнаидъ будетъ повторяться каждую весну. Наконецъ, я какъ Архимедъ воскликнулъ: нашелъ, нашелъ! Лучше всего сдѣлать подземный каменный тоннель, провести его изъ выхода въ ближайшую садовую канаву, которую придется углубить, и этимъ путемъ спустить воду въ прудъ. Хотя тоннель и придется устраивать на четырехъ-аршинной глубинѣ, но все-таки такое устройство обойдется дешевле новаго погреба. Я объяснилъ свою мысль поденьщику Алексѣю, привычному ровокопу, и онъ взялся за условленную плату исполнить ее. Надо было прорыть глубокую канаву къ самому фундаменту, и потомъ на четырехъ-аршинной глубинѣ подрываться подъ фундаментъ и подъ кухню, и только тогда можно было попасть на каменную стѣну выхода, чтобы проломать въ ней отверстіе. Уже при наружной работѣ, стѣны глубокой канавы безпрестанно отсѣдали, и земля огромными глыбами обваливалась, а когда дошли до фундамента, то и Алексѣя и меня начало брать сильное раздумье. Ну какъ, и тутъ земля станетъ валиться, и мы завалимъ фундаментъ на домъ, да пожадуи подавимъ саперовъ? Судя по обстоятельствамъ, надо было непремѣнно ожидать этихъ бѣдствій, и мысль о нихъ до того меня запугала, что я далъ Алексѣю новыя деньги за то, чтобы онъ поскорѣе засыпалъ часть своей же работы. Вдругъ неожиданно является прошлогодній солдатъ-копачъ, Мухайло. Посмотрѣвъ на нашу затѣю, онъ рѣшительно объявилъ, что ему, то-есть Алексѣю, этого не сдѣлать.

— Ну, а ты сдѣлаешь?

— Сдѣлаю, ваше высокоблагородіе. Тутъ надо подпорка. и мы будемъ работать сидя.

— Сдѣлай милость, работай какъ хочешь, лишь бы успѣшно. Если окончишь, получишь отъ меня, кромѣ условленной платы, особое награжденіе.

Съ этими словами я уѣхалъ на нѣсколько часовъ по одному дѣлу. Вернувшись къ полдню, застаю Михаила на крыльцѣ.

— Что тебѣ надо?

— Ваше высокоблагородіе, позвольте слово сказать.

— Хоть два.

— Оно точно, что погребъ-то весь подъ домомъ, да рукавъ-то съ каменною лѣстницей, вѣдь оный нижнимъ-то концомъ, то-есть нижнею площадкой, вышелъ подъ галдарею. Тамъ сказываютъ воды-то, что въ погребѣ, что на площадкѣ, глубина одна. Я и самъ видѣлъ, лѣстницу-то каменную высоко заложу. Зачѣмъ же намъ идти канавой подъ домъ? Позвольте намъ за уголъ обвести, да привести къ площадкѣ. Вода все едино до капли должна сбѣжать. А фундамента мы нигдѣ не тронемъ.

Эта здравая и совершенно простая мысль, не пришедшая однакоже никому изъ насъ въ голову, привела меня въ восторгъ.

Я не могъ при всѣхъ плотникахъ и каменьщикахъ не признать Михаила молодцомъ и не выдать ему тотчасъ же обѣщаннаго награжденія. Товнель, дѣйствительно, и прокопали, и выложили камнемъ въ три дѣя, и вода сбѣжала вся.

Ай да Михайло! исполать! Никогда не забуду, какъ отрадно было мнѣ среди тупаго непониманія и нежеланія понимать, встрѣтить самодѣятельную усердную догадку.

IV. Пѣсня.

Погода установилась ясная и теплая. Хотя мнѣ еще вѣлья было жить дома, но я пріѣзжалъ попрежнему ежедневно сводить счеты съ рабочими, и сидя за работою въ комнатѣ, нерѣдко уже отворялъ окно на галерею. Всѣмъ извѣстна привычка русскаго ремесленника пѣть во время работы. Пахарь не поетъ; за то плотники, каменьщики, штукатуры—почти неумолкающіе пѣвцы. Последнее слово напоминаетъ очаровательный разказъ Тургенева: но я не былъ такъ счастливъ, чтобы встрѣтить что-нибудь похожее на описанныхъ имъ пѣвцовъ. Много переслушалъ я

русскихъ пѣсень, но никогда не слышалъ ничего сколько-нибудь похожего на музыку.

„Грустный вой пѣсня русская.“ Именно вой. Это даже не извѣстная послѣдовательность нотъ, а скорѣе какой-то произвольно акцентированный ритмъ одного и того же неопредѣленнаго носоваго звука. У женщинъ пѣніе—головной визгъ. И то и другое крайне непріятно. Говорятъ, на Волгѣ поютъ хорошо. На Волгѣ я не бывалъ. А можетъ-быть, когда завоютъ на Волгѣ, скажутъ, что на Уралѣ хорошо поютъ. Какъ бы то ни было, прошлаго весной я жилъ въ мірѣ русскихъ пѣсень, или лучше сказать, русской пѣсни, потому что мѣняются одни слова, а пѣсня все та же. Она неслась съ крыши, съ балкона, съ кирпичныхъ стѣнъ, отовсюду, и я уже не обращалъ на нее никакого вниманія, какъ вѣкогда живя въ десяти шагахъ отъ морскаго прибоа, не обращалъ вниманія на его шумъ. Въ плотничьей артели былъ красивый, сильно-сложенный и щеголеватый малый. Имѣя дѣло съ подрядчикомъ, я не зналъ плотниковъ по именамъ и даже мало обращалъ на нихъ вниманія; до этого нельзя было не замѣтить. Невысокая поярковая шляпа съ павлиньимъ перомъ такъ красиво сидѣла на густыхъ, вьющихся бѣлокурыхъ волосахъ, образовавшихъ подъ ея небольшими полями тугой и пышный вѣнокъ. Кудри эти были всегда тщательно расчесаны. Однажды, сидя у раствореннаго окна, я увидалъ этого парня усердно пробирающаго топоромъ пазъ въ столбѣ для будущей стеклянной рамы на галереѣ. Онъ затанулъ пѣсню, которая тотчасъ обратила на себя мое вниманіе, не напѣвомъ или гармоніей, голосъ пѣсни былъ одинъ и тотъ же стереотипный, но словами, и я началъ вслушиваться.

Парень затанулъ извѣстный романсъ:

„Отгадай, моя родная,
Отчего я такъ груста
И сижу всегда одна я
У завѣтнаго окна.“

Каково! подумалъ я. Вотъ оно куда пошло. А между тѣмъ я смутно чувствовалъ, что содержаніе романса, несмотря на свою незатѣливость, далеко не по плечу пѣвцу.

Романсъ трактуеть чувство дѣвушки, волнуемой еще безпредметною любовью, въ которой она не можетъ дать себѣ

отчета. Кто не слышалъ, какъ въ устахъ людей, не усвоившихъ собственныхъ именъ русской географіи, стихъ извѣстной пѣсни, „и колокольчикъ даръ Валдая“, превращался: въ „колокольчикъ *гаргалая*“? Подобные варианты встрѣчаются даже у институтокъ. Чего же я долженъ былъ ожидать отъ крестьянина? Однако строфа вытягивалась за строфой, не представляя никакихъ диковинокъ. Наконецъ дѣло дошло до куплета:

„Лягу я въ постель, не спится,
Мысли бродятъ вдалекѣ,
Голова моя кружится,
И сердечушко въ тоскѣ.“

Какъ, подумалъ я, справится пѣвецъ съ этими отвлеченностями? Онъ затянулъ:

„Лягу я въ постель не спится—э-э-эхъ
Никто меня не беретъ.“

Нужно же ему было объяснить, почему ей не спится, а сдѣлающій стихъ:

„Мысли бродятъ вдалекѣ.“

не имѣющій для него никакого значенія, какъ ничего не объясняющій, замѣненъ весьма понятнымъ:

„Никто меня не беретъ“.

Что за бѣда что онъ въ явной враждѣ съ содержаніемъ романа! За то понятенъ.

А что жь? Дай Богъ, чтобы русскіе крестьяне поскорѣе, подобно моему парню, почувствовали потребность затянуть новую пѣсню. Эта потребность сдѣлаетъ имъ трубы, вычиститъ избу, дастъ человѣческія постели, облагородитъ семейныя отношенія, облегчитъ горькую судьбу бабы, которая напрасно бьется круглый годъ надъ приготовленіемъ негодныхъ тканей, тогда какъ ихъ и лучше и дешевле можетъ поставить ей машина за пятую долю ея труда; явятся новыя потребности, явится и возможность удовлетворить ихъ. Не бѣда, что быть-можетъ еще и черезъ сто лѣтъ русскій крестьянинъ-земледелецъ не въ состояніи будетъ сознательно произнести

стиха: „Мысли бродятъ въ далеки“; но на пути къ этому стиху оны найдутъ много и нравственныхъ и матеріальныхъ благъ, доселѣ ему недоступныхъ. Нравственное развитіе не гвоздь какой-нибудь, который можно произвольно забить въ народъ, какъ въ стѣну. Оно уживается только съ матеріальнымъ довольствомъ. А нельзя отрицать замѣтнаго стремленія русскаго крестьянина къ прогрессу въ послѣднія 25 или 30 лѣтъ, — и оны уже подняли много добра по этому новому пути. Это особенно замѣтно по костюму. Старинный зипунъ съ кружками изъ шерстянаго шнурка на спицѣ, безъ котораго еще въ дѣтствѣ моемъ ни мужика, ни бабу нельзя было себѣ представить, исчезъ окончательно. Убийственно тяжелая и крайна безобразная *кучка* держится только по захоластьямъ. Зимой, вмѣсто обычной пеньки вокругъ горла, у тулуповъ поднялись высокіе овчинные воротники. А какъ это важно въ полѣ, вы можете убѣдиться на дѣлѣ. Попробуйте въ воскресный день, когда мужики возвращаются рысью, въ нѣсколько саней одни за другими, при чемъ замѣчательно, что здоровыя хозяинъ сидитъ въ отличномъ тулупѣ съ поднятымъ воротникомъ, а бабы и мальчишки жмутся отъ холода въ плохихъ шубенкахъ, попробуйте, говорю, остановить такого носителя воротника. Повѣрьте, для сведенія какихъ-либо счетовъ, оны, подобно обозникамъ г. Успенскаго, не станутъ прибѣгать къ державію кошеля передъ грудью, представлевію себя двугривеннымъ, а товарища пятиалтыннымъ, или строганію лучинокъ. Сознательная потребность теплаго воротника поможетъ ему различаться, хотя и не по ариметикѣ, но скоро и безошибочно. Въ прошломъ году главный плотникъ принесшій, за излеченіе старика-отца, къ намъ на поклонъ 10 ядцъ, уже получилъ въ отвѣтъ не деньги, а немного чаю и сахару, чѣмъ остался гораздо довольнѣе. Я отчасти сочувствую иносказательной увязнувшей колымагѣ, о которой была какъ-то рѣчь въ газетѣ *День*, колымагѣ съ оторвавшимся и ускоказавшимъ форрейторомъ. Дѣйствительно, форрейторъ оторвался и ускоказалъ, но это слава Богу. Еслибъ оны не оторвался, то вѣроятно сидѣлъ бы съ колымагой и до сегодня въ грязи. Но летая вкривъ и вкось по всѣмъ направленіямъ, оны не мало обозрѣли мѣстностей и поразвѣдали дорогъ. Теперь, при его указаніи,

стыдно будетъ, закиданному грязью, кучеру опять за-
сѣсть въ трясину. И не форрейтору спрашивать совѣта
у вахалака кучера, а пусть кучеръ разспроситъ хоро-
шенько у бывалаго форрейтора про дороги. Форрейтор-
скія лошади, слава Богу, проскакали черезъ узкій мостикъ,
кажущійся такимъ опаснымъ для колымажныхъ лошадей.
Извѣстное дѣло, не видывали и заворовались, и тутъ
старая манера бить кнутомъ только испортитъ дѣло.
Пусть-ка форрейторъ вѣсколько разъ переѣдетъ мостикъ
на своихъ, подъ самымъ носомъ колымажныхъ лошадей,
такъ колымажныя-то очнутя и сами тронуть сѣдомъ за
передними. Все бы хорошо. Но тутъ еще другая бѣда.
Хотя форрейторъ, въ сравненіи съ кучеромъ, парень быва-
мый; но несмотря на долгую скачку вдоль и поперекъ, онъ
все еще не вывѣтрился. Сейчасъ видно, что они, и тотъ
и другой, не только одной семьи, а братья родные, кото-
рымъ, какъ говорится, въ Нѣмцѣ (то-есть въ порядкѣ и
сдержанности) тѣсно. Вотъ форрейторъ-то и вышелъ бала-
гуръ хоть куда, онъ теперь можетъ хоть съ какою ни
на есть особой разумомъ пораскинуть, а на дѣлѣ до сихъ
поръ у чужихъ разныхъ господъ перенялъ только кафтанъ
нѣмецкаго сукна, розовый галстукъ, да папиросы. Что
станешь дѣлать съ широкими натурами! Кромѣ кру-
ченыхъ папиросъ, онъ до страсти полюбилъ: „шпи-
левъ-зи полька!“ „Бутылочку похолодѣе!“ — А раз-
верните-ка ему нѣмецкія-то полы, такъ увидите, что
подъ нимъ сѣдло все истыкаво, одинъ волюкъ тор-
читъ, да что еще! Сказываютъ, лошадей-то онъ мало
что не кормитъ, а успѣлъ гдѣ-то заложить. Старикъ-ку-
черъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, сѣлъ съ козель, да въ кабакъ,
бага около кабака завязал. Говорятъ, кучеръ-то позапасли-
вій, и бережетъ мелочь въ сапогахъ, да что-то плохо вѣ-
рится. Гдѣ, кажется, пьющему человѣку быть запасли-
вымъ около кабака. Прежде точно и кучеру, и форрей-
тору думать много не нужно было. Лошади были свѣжія,
еще не умотались; чуть стали запинаться, „вахалъ по тремъ,
коренной не тронь.“ Великое и прямое дѣло былъ въ то
время кнутъ. Но теперь форрейторъ догадался, что когда
лошадь заворовилась, то что ни больше пори кнутомъ, то
хуже. А вотъ о другомъ-то такомъ же извѣстномъ свой-
ствѣ лошади они не догадываются. Иная худо зимовавшая

лошадь, съ перваго или со втораго разу заморочится, такъ что бьются-бьются съ ней, да и бросятъ. Глядишь поступила на хорошій кормъ, справилась, и затѣмъ тронетъ съ мѣста безъ малѣйшаго норова. „Люби кататься, люби саночки возить.“ А посадыаго-то, ни кучерь, ни форрейторъ терпѣть не могутъ. Они точно не понимаютъ, что сивій кафтанъ—свѣдѣствіе исправныхъ лошадей, и что по грязной дорогѣ, и въ еще болѣе грязной избѣ, такой кафтанъ случайная прихоть, а не насущная потребность.

Выше я радовался возникающимъ въ народѣ потребностямъ нѣкоторыхъ удобствъ. Но эти факты дѣйствительно отрадны только тамъ, гдѣ они являются выраженіемъ болѣе высокаго уровня жизни.

Въ запрошломъ году, въ сезонъ тетеревиной охоты, мнѣ привелось побывать у одного изъ героевъ Тургеневскаго разказа: *Хорь и Калинычъ*. Я почевалъ у самого Хоря. Заинтересованный мастерскимъ очеркомъ поэта, я съ большимъ вниманіемъ всматривался въ личность и домашній бытъ моего хозяина. Хорю теперь за восемьдесятъ лѣтъ, но его колоссальной фигурѣ и геркулесовскому сложенію лѣта ни по чемъ. Онъ самъ былъ моимъ вожатымъ въ лѣсу, и свѣдѣя за нимъ, я усталъ до изнеможенія; онъ ничего. Попалъ я въ эту глушь, какъ разъ на Петровъ день. Хорь самъ quasi-грамотный, хотя не научилъ ни дѣтей, ни звучать тому же. У него какая-то старопечатная славянская книга, и подлѣ нея мѣдныя круглыя очки, которыми онъ ущемляетъ носъ передъ чтеніемъ. Надо было видѣть съ какимъ таинственно-торжественнымъ видомъ Хорь принялся за чтеніе вслухъ по складамъ. Очевидно, книга выводила его изъ обычной жизненной колеи. Это уже было не занятіе, а колдовство. Старшіе разошлись изъ избы по собесѣдьямъ. Оставались только ребятишки возившіеся на грязномъ полу, да старуха сидѣла на сундукѣ и перебирала какія-то травки, баишь дверей въ занятую мною душную, грязную, кишачую мухами и тараканами каморку.

Старуха вѣрно для праздника поприлевоилась надъ пирогами, и потому громогласно икала, приговаривая: „Господи Ісусе Христе!“ И посреди этого раздавались носовые звуки: „оту—жда—ю—ще—му—ся.“ Часа въ три послѣ обѣда втащили буро-зеленый самоваръ, и Хорь протселъ

въ мою каморку къ шкапу съ разбитыми стеклами. Тамъ стояли разныя бутылки съ маслами и прокислыми ягодами, разнокалиберныя чашки, помадная банка со скипидаромъ, а рядомъ съ нею изъ замазанной синей бумаги выглядывали крупныя листья чаю. Тутъ же, на другой булавкѣ, лежалъ кусокъ сахару, до невѣроятія засиженный мухами.

— Не хочешь ли, старикъ, я тебѣ отсыплю свѣженькаго чайку?

— Пожалуйте. Да вѣдь намъ чай надолго, прибавилъ Хорь.— Пьемъ мы его по праздникамъ. Попьемъ, попьемъ, да опять на бумагѣ высушимъ. Вотъ онъ и надолго хватить.

Кто послѣ этого скажетъ, чтобы грамотность и чай были въ семьѣ Хоря дѣйствительными потребностями?

V. Еще о пчелахъ.

Хотя я и не желалъ говорить болѣе о пчелахъ, но какъ перевозка ихъ производилась на наемныхъ подводахъ прошлаго весной, то я не хочу упустить случая сказать нѣсколько словъ о крестьянскихъ лошадяхъ, этой важной отрасли общаго сельскаго хозяйства. Читатель вѣрно поминить, какъ я бился приискивая порядочнаго пасѣчника, и наконецъ пришелъ къ убѣжденію, что будучи самъ мало свѣдущъ по этой части, я не могу вести правильно пчеловодство. Пришлось перевезти пчелъ на пасѣку къ Ш***. Но мнѣ сказали, что пчеламъ надо до перевозки дать облетаться, а перевозить ихъ—послѣ захожденія солнца, когда онѣ соберутся въ ульи, и если на недалеое разстояніе, то всѣ ульи разомъ. Иначе пчелы утромъ прилетятъ на старое мѣсто, и подымутъ съ оставшимися губительный бой.

Для достиженія этой тройкой цѣли, я дождался теплаго весенняго дня, и наваялъ крестьянъ Ш***, съ тѣмъ чтобъ они пріѣхали со всѣмъ необходимымъ количествомъ подводъ разомъ и подъ вечеръ. Потому ли, что крестьяне знали о тяжеловѣсности моихъ ульевъ или по другой какой причинѣ; но вечеромъ они явились, какъ на подборъ, на такія отличныя сытыхъ лошадей, что я невольно на

нихъ порадовался. Но радость эта была однако не продолжительна. Мужиковъ оказалось мало по количеству подводъ, да и тѣмъ пришлось обиваться въ кучу для осторожнаго подъему ульевъ, такъ что при лошадяхъ, въ числѣ которыхъ нашлись матки и жеребцы, осталось мало людей. Пока хлопотали затыкать летки у ульевъ, стало темно. Нетерпѣливыя лошади не хотѣли смирно стоять, двигались и ломали молодыя деревья. Поднялся шумъ, ржаніе; мужикі старались около ульевъ, и я напрасно пытался восстановить какой-нибудь порядокъ. Понавѣть возъ съ ульями значитъ побить пчелъ, потому что онѣ потонутъ въ оторвавшихся сотахъ. Кое-какъ ульи разожили по подводамъ, но на бѣду изъ лѣсу приходилось подыматься по косо-гору. Въ темнотѣ, только что задній извозчикъ станетъ помогать переднему поддерживать возъ, лошадь его, порываясь за тронувшимся возомъ, хватить въ свою очередь на пригорокъ, заберетъ въ сторону, и возъ съ ульями грохнется со всего маху о землю. Ось или огабли попадаемъ, надо ихъ перемѣнять; подняли, перемѣнили, два воза прошли, и опять та же исторія и та же мука. Вдругъ слышу грохотъ воза и вопли прикащики: „ноги, ноги!“ Тяжелый возъ, который онъ было бросился поддержать, дѣйствительно, повалась, прихватилъ ему ноги. Надо было ожидать перелома костей, но къ счастью этого не случилось.

Пріятно видѣть исправныхъ крестьянскихъ лошадей, но на эту исправность есть свои причины, о которыхъ не мѣшаетъ поразмыслить. Что такое наука, какъ не рядъ наблюденій надъ извѣстными явленіями, и что такое искусство, какъ не произвольное соединеніе извѣстныхъ условій для опредѣленной цѣли? Ни съ точки зрѣнія науки, ни съ точки зрѣнія искусства, хозяйство нашего крестьянина не выдерживаетъ даже самой свисходительной критики. Тутъ нѣтъ ни опыта ни умозрѣнія, а царствуетъ безразчетная рутиня. Такъ напримѣръ, хлѣбъ, зерно добытое въ потъ лица, единственная надежда и подспорье крестьянина-земледѣльца, ему рѣшительно ни по чемъ. Къ вороху подошла корова, лошадь, свинья,—пусть роетъ, мнетъ и соритъ. Это свой *жизнь*. Можетъ-быть семья послѣ новаго году будетъ безъ хлѣба, этого крестьянинъ не соображаетъ. Тогда онъ займетъ, а къ новизнѣ отдастъ вдвое за то, что безъ пользы пропало подъ нога-

на лошадей, куръ, свиней, и проч. Крестьянинъ до сихъ поръ увѣренъ, что съ осени зеленѣетъ только лучше отъ вытаптывающей ихъ скотины.

Полное равнодушіе къ собственному хозяйству продолжается у крестьянина до тѣхъ поръ пока дѣло не дошло до *животныхъ*, то есть скотины и преимущественно лошади.

Бываютъ и тутъ примѣры нерадѣнія и лѣни; но такіе примѣры—исключеніе. Зерно, борона, хомутъ и пр. безразличны, а лошадь индивидуальна; она уже не вещь, она лицо, и едва ли не первое лицо въ семействѣ. Это превосходно повялъ Кольцовъ въ своемъ *Пассартѣ*:

Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

И тутъ, порою, трудно опредѣлить, кто слуга и кто хозяинъ. Каждая кроха, за которую бы и ребятишки сказали спасибо, идетъ *животнымъ*. Представьте себѣ теперь двухъ сосѣдей: крупнаго фермера, помѣщика, и маленькаго крестьянина. У крестьянина 8 десятинъ земли, а у помѣщика 500. Первый всякую живность продаетъ, а второй всякую живность покупаетъ у первого, потому что домашнее ея содержаніе обходится дороже покупки. У насъ напримѣръ осенью молодая индѣйка покупается за 20 к. с. Развѣ есть возможность выкормить ее дома за эту цѣну? Мы только что сейчасъ говорили о сытости крестьянскихъ лошадей въ нашихъ мѣстахъ. Какой помѣщикъ-хозяинъ похваляется такими? Долго еще имъ придется этого дожидаться, да и едва ли когда дождутся. Вотъ что значитъ собственный присмотръ и призоръ, скажутъ на это. Дѣйствительно, собственная непосредственная дѣятельность тутъ много значитъ, но далеко не все. Оставя въ сторонѣ исправность крестьянской скотины, взглянемъ на ея численность. На восьми десятинахъ у хорошаго крестьянина отъ трехъ до четырехъ лошадей, а съ подростками до шести; отъ одной до двухъ, а быть-можетъ и трехъ штукъ рогатаго скота; да отъ десяти до двѣнадцати штукъ овецъ и свиней. Положимъ, что у крестьянина только по одной штукѣ крупнаго и по одной мелкаго скота на десятину, — и того шестнадцать штукъ. Представимъ себѣ у помѣщика соразмѣрное числу десятинъ количество скота, и мы получимъ на 500 десятинъ 1.000 штукъ. Не только такое количество, но даже

300 штукъ, и не при теперешнемъ состояніи хозяйства, а при искусственномъ разведеніи травъ, едва ли возможно. Въ чемъ же заключается главный секретъ успѣшнаго крестьянскаго скотоводства? Секретъ простой: у мужика скотина и, главное, лошади все лѣто по чужимъ парамъ, сѣнокосамъ и хлѣбамъ, а зимой лошади въ извозъ. Мальчишку бьютъ въ семьѣ, если имѣвъ возможность запустить лошадей на чужое поле, онъ прокормилъ ихъ на своемъ. Кромя того, до сей поры крестьянинъ пахалъ барскій паръ, возилъ на этотъ же паръ удобрение, возилъ съ поля снопы, сѣно- и т. д. Ясно и естественно, что его лошадь кормилась тамъ же, гдѣ и работала.

Прошлою весной нанимались крестьяне за семь верстъ возить купленный мною на постоялыхъ дворахъ навозъ на мой паръ. На этомъ пару они жили двѣ недѣли, и разумѣется тамъ же кормили своихъ лошадей, и въ полдень и ночью, во все продолженіе ихъ работы. Не помню, была ли даже объ этомъ рѣчь при условіяхъ найма, до того это вытекаетъ изъ сущности дѣла. Не могу же я ему сказать: твоя лошадь цѣлый день работала, такъ ты къ вечеру сгоняй ее за семь верстъ покормить, а утромъ пригони назадъ на работу. Если же по новому положенію хозяйства, большія фермы, не находя достаточнаго количества наемныхъ конныхъ рабочихъ во всякое время за сходную цѣну, будутъ вынуждены заводить собственныхъ лошадей, то право или лучше сказать необходимость кормить лошадь тамъ же, гдѣ она работаетъ, перейдетъ съ крестьянскихъ на фермерскихъ, и крестьяне должны будутъ или съ большою готовностію идти на конную вольную работу, или уменьшить количество своихъ рабочихъ лошадей, которыя будутъ представлять въ ихъ хозяйствѣ ненужную тягость. Я говорю ненужную, потому что полагая на тягло по двѣ десятины въ канву, одной лошади почти достаточно на три тягла, у которыхъ теперь по крайней мѣрѣ девять лошадей. Что же стануть дѣлать и вѣсть остальные восемь или семь лошадей? Мнѣ кажется, это естественное слѣдствіе новаго порядка вещей точно также побудитъ крестьянина къ лѣтнему конному вольнонаемному труду въ поля, какъ недостаточность зимняго продовольствія гонитъ теперь зажиточнаго крестьянина зимой въ извозъ.

VI. Филиппъ и Титъ.

Приведу два примѣра особеннаго виду затрудненій съ рабочими. Филиппъ, дожившій осень и до годоваго срока, поступилъ ко мнѣ въ годовые на новый срокъ и по новой цѣнѣ; Титъ годовой нанятъ въ то же время на мѣсто убылаго. Въ первые дни по прїѣздѣ моемъ изъ Москвы прикащикъ объявилъ мнѣ, что Филиппъ намъ не годится, оказавшись нечистымъ на руку. „Когда его посылали въ лѣсъ, съ его же мааымъ, онъ изъ $\frac{1}{2}$ сажени привезъ только 7 плахъ. Я и спрашиваю, говоритъ прикащикъ, а гдѣ же полсаженокъ? Да вотъ весь тутъ. Это они съ мааымъ дома дровъ-то и скинули. А то еще Степанъ приходилъ, да говоритъ: какъ бы чего не было? Филиппъ насъ подговаривалъ изъ сараю набить возъ сѣна ночью.“ „А много ли за нимъ теперь нашихъ денегъ?“ — „Десять серебромъ.“ — „Ну тутъ ужъ не до денегъ, надо такого человѣка съ рукъ сбыть.“ — „То-то и я думалъ, да какъ его сбыть-то? Это всякій станетъ деньги брать впередъ, да нарочно что ни есть сдѣлаеть, чтобы согнали.“ И тутъ случай помогъ мнѣ. На другой день послѣ нашего разговора является ко мнѣ незнакомый черный, высокій мужикъ. „Что тебѣ надо.“ — „Явите, батюшка, божескую милость. Вашъ работникъ Филиппъ меня больно обидѣлъ.“ — „Чѣмъ?“ — „Въ запрошное воскресенье зашли мы съ нимъ на постоялый дворъ. Дѣло было праздничное. Онъ меня угостилъ и я его. Выпили на порядкахъ. Я сталъ разчитываться, да распахнулъ грудь, а онъ у меня на крестѣ и увидалъ кошель. Тамъ была красенькая, синенькая, да рубль серебромъ. Рубль-то я досталъ, а тѣ въ кошелѣ были. Нечего грѣха таить, пьянъ былъ довольно. И легли мы съ нимъ оба спать. Поутру проснулся: ни Филиппа, ни кошеля на крестѣ срѣзанъ.“ — „Объ этомъ ты проси становаго. Этого дѣла я разобрать не могу.“ Надо же было представиться такому степенію обстоятельствъ, что становой, который бываетъ у меня раза два въ годъ, прѣздомъ на слѣдствіе, явился

въ дверяхъ въ то же время, когда сильно опечаленный проситель уходилъ отъ меня.

Я объяснилъ становому дѣлу, прося избавить меня отъ искусника Филипа, но такъ чтобъ онъ по злобѣ не надѣлалъ какого зла. Проситель мужикъ объяснилъ свою претензію, становой въ тотъ же день черезъ сотскаго вытребовалъ Филипа, и я радъ былъ, что мои 10 р. исчезли вмѣстѣ съ нимъ.

Во время весенней пахоты Титъ вѣроятно попростудился и занемогъ. У него появился ознобъ, жаръ и головная боль. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, употреблены были домашнія средства, и черезъ недѣлю больнои видимо поправился, но на работу не вышелъ; проходить еще три два, другіе въ полѣ, а онъ въ избѣ. Наконецъ онъ приходитъ ко мнѣ.

- Позвольте мнѣ до двора.
  - Да вѣдь ты слабъ?
  - Я какъ-нибудь дойду.
  - Когда же ты придешь?
  - Какъ поправлюсь. Дѣло Божье. А можетъ я и все лѣто прохвораю. Власть Божья. А мнѣ позвольте домой.
  - Ты былъ боленъ?
  - Былъ.
  - Тебя заставляютъ работать?
  - Нѣтъ.
  - Лѣчили?
  - Лѣчили.
  - Ты здоровъ?
  - Здоровъ. Да я слабъ, не смогу работать.
  - Не работай. Но домой тебѣ не зачѣмъ. Ты можешь идти коли хочешь самовольно; но я тебя не отпускаю.
- На другой день спрашиваю у кухарки, гдѣ Титъ?—Онъ съ утра ушелъ домой.

- А какъ онъ теперь вѣсть?
- Съ рабочими за столъ не садится, а какъ они со двора, такъ только подавай. Вѣсть какъ должно.

На этотъ разъ случившійся въ нашей сторонѣ исправникъ, которому я объяснилъ дѣло, помогъ бѣдѣ. Послалъ сотскаго на подводѣ за Титомъ.

- Сколько ты забралъ денегъ?
- Пятнадцать рублей.

— Какъ же ты смѣлъ безъ позволенія уйти оттуда, гдѣ забралъ впередъ деньги? Ступай, и если ты черезъ три дня не будешь на работѣ, то тебя сотскій представитъ въ уѣздъ. Тамъ докторъ тебя освидѣтельствуетъ: боленъ—въ больницу; здоровъ—на заработки пятнадцати рублей. Ступай.

На другой день я нашелъ Тита подъ навѣсомъ; онъ справлялъ телѣгу.

— Что, Титъ, звать лучше тебѣ стало?

— Маненько отошло будто.

На третій день рано утромъ онъ былъ на памѣ съ товарищами, а осеью, отходя въ срокъ, объяснялъ, что есаубы не вужда дома, остался бы еще жить. „Много доволенъ и вами и прикащикомъ,“ и за двѣ прогуленные недѣли присмѣлъ дожить бабу.

VII. Систематическая потрава.

Около половины мая, когда трава уже значительно подымается въ лугахъ, однажды вечеромъ, при вечернемъ рапортѣ, прикащикъ объявилъ мнѣ, что у насъ на лугу свѣжіе сѣны ковскіе.

— Надо, прибавилъ онъ, взять кого-нибудь верхомъ, и часу въ первомъ ночи изѣхать въ лугъ.

— Хорошо. Возьми кого-нибудь изъ кучеровъ.

На другое утро увидавъ его спрашиваю:

— Ну что были въ эту ночь?

— Помилуйте, да мы съ кучеромъ Ефимомъ сѣли въ полночь на лошадей, да въ лугъ. Только что поднялись на пригорокъ, глядимъ, а на нашемъ лугу человекъ десять—З—скихъ и К—скихъ мужиковъ запустили табунъ лошадей въ сорокъ. Мы къ нимъ. Чтожь это вы ребята дѣлаете? говорю я имъ. Они на насъ. Тутъ по голосу я узналъ нашего прошлагодняго работника Ивана, да и говорю ему: „какъ же тебѣ не стыдно Иванъ, на такія дѣла пускаться? Ну, онъ немного и того—будто подался. А тѣ, З—скіе, ко мнѣ, кричатъ: „бей ихъ! Мы васъ отучимъ по ночамъ, шаяться. Вяжи ихъ, ребята!“ Ефимъ видитъ дѣло плохо, повернулъ лошадь да прочь. А я соскочилъ съ лошади, да и

говору: „ау, коли вы разбойники, вѣжите меня.“ Тутъ ужъ Иванъ сталъ ихъ уговаривать, и согналъ лошадей. Пуще всѣхъ Ѳомка з—скій озорничалъ. Я ему сегодня сталъ на межѣ говорить, а онъ мнѣ: „Чего ты? Я тебя и въ глаза не видалъ“.

Однако становой допросилъ Ивана, уличилъ и наказалъ Ѳомку въ примѣръ другимъ,—и потрава аугу изъ систематической превратилась, по крайней мѣрѣ, въ эпизодическую. О мелкихъ, тѣмъ не менѣе въ совокупности весьма ощутительныхъ потравахъ, я говорилъ уже столько, что не хочу дальнѣйшимъ о нихъ воспоминаніемъ тревожить себя и докучать читателю.

VIII. Философія и исторія одной молотильной машины.

Найдутся вѣроятно читатели, которыхъ можетъ заинтересовать общаеиное будничное отношеніе крестьянъ къ новому для нихъ и для всѣхъ, вольному земледѣльческому труду; а быть-можетъ тѣмъ же читателямъ никогда не доводилось видѣть молотилки или составить о себѣ ней ясное понятіе.

Для нихъ я могъ бы ограничиться немногими словами, а именно: молотильная машина есть оварядъ, состоящій изъ двухъ главныхъ частей, привода и собственно молотилки. Приводъ — зубчатое горизонтальное колесо, вращающее вокругъ неподвижной оси рычагами, къ которымъ припряжены лошади, и сообщающее посредствомъ врытаго въ землю вала (незримаго) вращательное движеніе такъ-называемому маховому колесу. Самая молотилка—ящикъ съ горизонтально вращающимся цилиндромъ, вооруженнымъ желѣзными зубьями, проходящими въ своемъ движеніи отъ подобныхъ же неподвижныхъ зубьевъ на такомъ разстояніи, что зерна растеній не раздавливаются, а только выбиваются изъ оболочки и отдѣляются отъ стебля. На наружной сторонѣ молотильнаго ящика, на самой оси цилиндра, небольшое колесо. Стоитъ связать это колесо съ маховикомъ привода, посредствомъ ремня, и заставить ло-

шадей ходить и двигать рычаги (водилы), какъ безпощадные зубья цилиндра начнутъ протаскивать, черезъ одно отверстіе лѣпка, подносимыя къ нимъ растенія, и выбрасывать ихъ истерзанными въ противоположное. Вотъ и все. Стоитъ ли объ этомъ толковать долго? Такъ думаете вы. Но для меня молотильная машина имѣетъ не одно значеніе. Мы видели выше, что она не только работникъ, но и регуляторъ работъ, самый бдительный надсмотрщикъ. Пока она работаетъ, никто изъ ея помощниковъ не можетъ не работать. Но всего этого мало. Посмотрите на этихъ бѣдныхъ лошадей! Съ какою усиліемъ, съ какою ревностію тащутъ онѣ за собою тяжелыя водилы! Какъ задней, по ея мнѣнію, лошади хочется догнать переднюю! Сколько пути придется несчастной четверняй пройти въ одинъ день! И завтра то же, и послѣзавтра опять, и опять то же! Бѣдная животныя! Онѣ безъ отдыха идутъ впередъ и впередъ, все съ одинаковымъ напряженіемъ, и увы! все по тому же заветному кругу, изъ котораго имъ не дано выступить ни на шагъ. И какъ безкорыстно добросовѣстны эти усилія! Вотъ оно истинное искусство для искусства! Трудолюбивые двигатели, онѣ и не замѣчаютъ скрытую подъ ихъ же ногами связь съ молотилкой, единственною отъ которой имъ такъ и трудно совершать свой путь. Для посторонняго поверхностнаго наблюдателя эти двигатели заняты самымъ безплоднымъ и даже смѣшнымъ дѣломъ вѣчно кружиться на одномъ мѣстѣ. Такая дѣятельность напоминаетъ ему работу Данаидъ, и онъ съ насмѣшливою улыбкой уходитъ изъ небольшой пристройки, служащей театромъ бесполезныхъ круженій. „Точь-въ-точь философская дѣятельность духа въ обширномъ значеніи, думаетъ поверхностный наблюдатель. Неужели они не видятъ, что ходятъ на привязи, съ которой не могутъ сорваться? Вонъ, вонъ отсюда! Здѣсь душно, темно, сыро: туда, въ большой, свѣтлый сарай: тамъ, по крайней мѣрѣ, кипитъ плодотворная дѣятельность.“ Дѣйствительно, въ большомъ сараѣ исторіи уже нельзя сомнѣваться въ результатахъ. Сокрушительныя зубья цилиндра, съ быстротою молніи прохватываютъ все что бы имъ ни попалось къ роковому выходу. И очищенное зерно, и переработанная солома вылетаютъ изъ-подъ нихъ могучимъ золотистымъ каскадомъ. Нѣтъ такого прохода и, повидимому, никуда негоднаго снопа, изъ кото-

раго бы машина не выдѣлила здоровыхъ зеренъ. Попадись препятствіе, щепка, палочка, машина дрогнетъ, но препятствіе уже разлетѣлось прахомъ.

Все это прекрасно, господишь наблюдатель, но отчего вы не постараетесь стать на точку, съ которой бы вы могли обозрѣвать одновременно оба явленія и уяснить себѣ взаимное ихъ соотношеніе? Вы бы сейчасъ замѣтили, какими сильными толчкомъ отозвался на лошадакъ-двигателяхъ ударъ, полученный машиною отъ попавшей въ нее щепки. Вы бы поняли, что единственною цѣлю механики было соединить въ двигателяхъ двѣ силы: центральнаго влеченія и силу центробѣжную. При каждой отдѣльно-взятой не было бы самого движенія и той плодотворной игры силъ, которая васъ такъ пѣвнуетъ въ большомъ сараѣ. Вамъ бы стало ясно, что движеніе во всемъ механизмѣ одно, но что, будучи въ приводѣ горизонтальнымъ, оно въ молотилкѣ переходитъ въ вертикальное. Вы бы поняли, что у хозяина двѣ равносильныя заботы. Первая, чтобы лошади шли тѣмъ естественнымъ ходомъ, на который разчитанъ весь механизмъ, и не порывались придавать усиленными движеніями необычайной быстроты молотилкѣ. Этого механизмъ не выдержитъ. Или молотилка полетитъ въ дребезги, или связь между ею и приводомъ лопнетъ. Вторая забота, чтобы подъ могучіе зубцы машины какъ можно рѣже попадали постороннія тѣла, въ родѣ щепокъ, камней и т. п.; въ противномъ случаѣ, при чрезмѣрномъ толчкѣ, произойдутъ тѣ же самыя явленія, то-есть порча машины или разрывъ между ею и приводомъ. Вамъ не случалось видѣть этого разрыва во время самого ходу, когда, напримѣръ, ремень соскакиваетъ съ *маховика*? Разумѣется, машина еще прежнимъ импульсомъ повернется-повернется да и остановится; но лошадей тутъ-то и не остановишь. Откуда прыть возьмется! Онѣ почувствуютъ удивительную легкость. Тутъ уже философская дѣятельность переходитъ въ софистику...

Но я слишкомъ долго остановился на сравненіи. Я хотѣлъ разказать исторію *одной* молотильной машины, и потому возвращаюсь къ ней.

Во второй половинѣ февраля, по отвратительнымъ дорогамъ, обѣ машины, молотилка и вѣялка, болѣе или мѣнѣе благополучно прибыли изъ Москвы по назначенію.

Имѣя въ виду средних рабочих лошадей, я при заказѣ просилъ г. Вильсона прислать мнѣ приводъ не о двухъ, а о трехъ водалахъ, что онъ и отиѣтилъ въ книгѣ при мнѣ. Присланный приводъ, къ сожалѣнію, оказался о двухъ водалахъ. Дѣлать было нечего; надо было пособить этому горю домашними средствами. Въ маѣ, по условію, г. Вильсонъ долженъ былъ прислать машиниста для установки машины на мѣстѣ и приведенія ихъ въ полное дѣйствіе. Однако май приходилъ къ концу, а обѣщанный машинистъ не являлся, и разобранныя части машины лежали ветровутыя. Я написалъ къ г. Вильсону, и получилъ отвѣтъ, что машинистъ на дняхъ долженъ выѣхать и явиться ко мнѣ. Май и половина іюня прошли въ напрасныхъ ожиданіяхъ. Я возобновилъ мою просьбу, и получилъ новыя увѣренія въ скорой высылкѣ машиниста; но когда онъ и въ послѣднихъ числахъ іюня не являлся, я послалъ уже г. Вильсону письменные вопли, указывая ему на необходимость молотить рожь для предстоящихъ посѣвовъ. На этотъ разъ я не получилъ никакого отвѣта, и въ началѣ августа принужденъ былъ домашними средствами ставить машину. Не стану описывать пытки, которую мнѣ пришлось выдержать съ неискусными въ этомъ дѣлѣ деревенскими мастерами; довольно того, что машина наконецъ была установлена, и худо ли, хорошо ли, стала молотъ. Нужно прифамировать, что она домалась почти ежедневно, а когда въ концѣ осени наступила серьезная молотба, то я уже и сказать не могу, сколько разъ отдѣльныя ея части перебували въ кузницѣ и на орловскомъ литейномъ заводѣ. Когда *роликъ*, надавливающий горизонтальное колесо привода на шестерню, послѣ долгихъ и многообразныхъ мучительныхъ капризовъ, окончательно сломался, я вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи сосѣдняго машиниста-двороваго. Разумѣется, онъ нашелъ въ машинѣ все неудобнымъ, условился привести все въ наилучшій видъ, взялъ съ собою *роликъ*, обѣщавъ установить его назавтра самымъ прочнымъ образомъ, выпросилъ задатку, а уѣхалъ; черезъ два дня мой посланный вернулся съ восстановленнымъ роликомъ и извѣстіемъ, что механикъ уѣхалъ за полтораста верстъ, и когда вернется—не извѣстно. Вновь повернутый роликъ отлетѣлъ при второмъ оборотѣ колеса, и мое драматическое положеніе дошло до конца 5-го акта. Но тутъ судьба сжалась надо мной и

привела ко мнѣ механика-дилеттанта, который и выручилъ меня изъ окончательной бѣды. По его указаніямъ, исправленная и уложенная машина молотила всю зиму, хотя и не совсѣмъ оставила милую привычку ломаться отъ времени до времени. Легко представить, какъ сѣтовалъ я на г. Вильсона, отъ котораго уже и не ждалъ механика. Съ тѣмъ я и поѣхалъ въ половинѣ декабря 1861 года въ Москву. и дня черезъ два по пріѣздѣ отправился къ г. Вильсону.

— Однако, г. Вильсонъ, вы поступили со мною безжалостно. Я измучился надъ вашею машиной.

— О! въ этомъ отношеніи вы можете быть покойны, былъ отвѣтъ.— Не вы одни на меня сѣтуете. Я въ нынѣшнемъ году *надулъ* всѣхъ моихъ довѣрителей. Эта общая ихъ участь въ нынѣшнемъ году.

Признаюсь, этотъ отвѣтъ такъ меня озадачилъ, что я на минуту замолчалъ, но тотчасъ же прибавилъ:

— Я долженъ вамъ замѣтить, г. Вильсонъ, что въ настоящее время готовлю статью о сельскомъ хозяйствѣ и считаю своимъ долгомъ разказать въ ней все наше дѣло какъ оно было.

— Я васъ даже самъ буду объ этомъ покорнѣе просить. Тогда быть-можетъ войдутъ и въ мое положеніе. Вотъ въ этомъ ящикѣ у меня восемь паспортовъ машинистовъ. Всѣ они забрали впередъ по семидесяти да по восьмидесяти рублей серебромъ, и поѣхали ставить машины по покупателямъ, да вмѣсто того разѣхались по своимъ деревнямъ. Писалъ я, писалъ къ мѣстному начальству и пишу до сихъ поръ, паспорта у меня; но ни денегъ, ни мастеровъ по сей день не вижу.

На такой краснорѣчивый доводъ я не напелся ничего сказать. Впрочемъ, г. Вильсонъ обѣщалъ непремѣнно прислать ко мнѣ машиниста въ нынѣшнемъ году. Посмотрю, буду ли я на этотъ разъ ошарашенъ.

IX. Скачка по гречихѣ и послѣдствія скачки.

Прошлогондній яровой клинъ мой, бѣольшую часть котораго, по возвышенному положенію, можно обозрѣвать изъ усадьбы, одвою стороною прилегаетъ къ землямъ деревни П., а другою къ значительной дачѣ О. На эту сторону О—скіе

крестьяне выѣзжали всю барщину подымать парь, и мы принуждены были бдительно наблюдать затѣмъ чтобы лошади, всуцїяся на пару, не побивали нашего ярового. Однажды,— это было тотчасъ послѣ обѣда,— прикащикъ замѣтилъ О—скаго крестьянина безъ церемонїи проѣхавшаго верхомъ съ своей жеки на противоположную, прямо черезъ наши овесъ и гречиху. Верховой проѣхалъ въ деревню П. и очевидно долженъ былъ возвращаться къ своимъ тою же дорогой, то-есть опять по хлѣбу. Ближе къ усадьбѣ наши рабочіе, въ свою очередь, подымали парь. Прикащикъ, выждавъ немного, поѣхалъ верхомъ на жеребцѣ на перехватъ проѣхавшему верховому; но вмѣсто верхового, поднимаясь на пригорокъ, захватилъ пѣшаго мужика шедшаго по хлѣбу въ одномъ съ исчезнувшимъ верховымъ направенїи. Я въ это время глядѣлъ на кордѣ лошадь, и увидавъ сначала верхового, а потомъ пѣшаго мужика, захотѣлъ лично убѣдиться, что за причина такого безцеремоннаго путешествїа по моему яровому? Съ этою цѣлю я пошелъ пѣшкомъ вслѣдъ за уѣхавшимъ прикащикомъ. Еще далеко не дошелъ я до ярового, а прикащикъ уже повернулъ мужика къ усадьбѣ, куда онъ и пошелъ видимо безъ всякаго сопротивленїа. Продолжая идти къ встрѣчу идущему ко мнѣ крестьянину, я рѣшился быть какъ можно хладнокровнѣе.

— Что же это вы, ребята, говорю я подошедшему крестьянину,— среди бѣлаго дня и вздите и ходите по яровому? Развѣ это хорошо? Я на васъ буду жаловаться.

— Виноваты, батюшка, грѣхъ такой случился.

— Какой тутъ грѣхъ! Еслибъ еще лошадь занесла, а то я самъ видѣлъ какъ сперва малый проѣхалъ рысью черезъ весь кливъ, а за нимъ и ты пошелъ, какъ будто такъ и слѣдуетъ.

— Виноваты, батюшка.

— Ты О—скїй?

— Точно такъ.

— Какъ тебя зовутъ?

Онъ назвалъ себя по имени, отчеству и двору, и я записалъ его въ памятную книжку. Послѣ этого я хотѣлъ его отпустить; но вспомнивъ, что онъ могъ назваться вымысленнымъ именемъ, я спросилъ еще разъ, точно ли онъ тотъ кѣмъ назвался. „Да меня вашихъ двѣ работника знаютъ.“ Небольшой дугъ отдѣлялъ насъ отъ нашихъ рабочихъ, и поэтому я позвалъ его дойти

до нихъ дам справки. Показаніе его оказалось вѣрнымъ, и я его отпустилъ. Въ эту минуту на глазахъ у всѣхъ насъ происходило довольно оригинальное зрѣлище. Вернувшись на клинъ прикащикъ столкнулся съ возвращавшимся черезъ нашъ клинъ верховымъ мужикомъ. Увидѣвъ прикащика, мужикъ пустилъ лошадь по гречихѣ во весь духъ. Но прикащикова жеребецъ скоро догналъ лошадь крестьянина, и несмотря на увертку послѣдняго, было ясно, что угонки черезъ двѣ мужикъ будетъ пойманъ. Убѣдясь въ невозможности отвертѣться верхомъ, мужикъ соскочилъ съ лошади и сталъ дѣлать пѣшкомъ такіе зигзаки, что ему позавидовалъ бы любой заяцъ. Брошенная мужикомъ лошадь побѣжала къ своему табуну, а прикащикъ видно въ свою очередь смекнулъ, что ему верхомъ не успѣдить за изворотами пѣшаго. Соскочивъ съ жеребца, онъ пустился пѣшкомъ догонять мужика. „Э-э-эхъ! догонитъ онъ его! И-и-ишь какъ пропустилъ!“ раздавались возгласы нашихъ рабочихъ. Дѣйствительно, въ минуту мужикъ былъ пойманъ. Повидимому, не однихъ нашихъ рабочихъ заинтересовала происходившая сцена. Оскіе мужики, побросавъ сохи, гурьбою двинулись къ межѣ; отпущенный мною мужикъ подошелъ къ борцамъ, я тоже пошелъ къ нимъ навстрѣчу, а они всѣ трое повернули ко мнѣ. Этимъ и слѣдовало окончиться всей скачекъ и бѣготѣй, но судьбѣ было угодно еще усложнить дѣло. Брошенная спасавшимся мужикомъ лошадь вѣроятно была matka, и потому прикащикова жеребецъ понесся за нею слѣдомъ, и скоро очутился на чужой землѣ, въ чужомъ табунѣ. Замѣтивъ бѣгство жеребца и боясь, чтобы чужые лошади не избилли его въ табунѣ, прикащикъ оставилъ шедшихъ ко мнѣ на встрѣчу мужиковъ и бросился со всѣхъ ногъ въ погоню за жеребцомъ. Взмолванный и ошеломленный собственнымъ усиленнымъ движеніемъ, онъ мчался какъ угорьный къ чужой межѣ, но не успѣлъ онъ добѣжать до нея, какъ вся барщина съ криками и гиканьями кинулась на него. На этотъ разъ уходить пришлось уже ему, и онъ бросился бѣжать въ мою сторону, съ каждымъ мгновеніемъ отдаляясь все болѣе и болѣе отъ гикающей и бѣгающей по моему овсу барщины. Между тѣмъ оба мужика, старый отпущенный мною, и молодой пойманный прикащикомъ на гречихѣ, подошли ко мнѣ.

— Какъ же это ты нашелъ конную дорожку по хлѣбу?

— Батюшка, позвольте мнѣ вашего кнутика, обратился ко мнѣ старикъ.

— На что тебѣ?

— Да одолжите на одну минуту.

Не понимая въ чемъ дѣло, я передалъ старикъ арканчикъ. Въ то же мгновеніе молодой парень въ бѣлой рубахѣ, упавъ на колѣни и попомогъ ко мнѣ, а старикъ началъ его пресердно хаестать по спицѣ, приговаривая:

— Это сынъ мой, батюшка!... Я изъ-за тебя подлеца самъ душою покривилъ на старости лѣтъ. Какъ вижу что онъ похлѣвалъ по хлѣбамъ, и я дѣлать нечего побѣжалъ, хоть въ П-хъ перенять его. Вотъ тебѣ наука: во всю жизнь не забудешь отцовскаго наставленія. И не проси милости.

Я уже вынужденъ былъ укротить пылъ расхоловавшегося не на шутку старика. Въ это время, преслѣдуемый издали ревущою барщиной, прикащикъ добѣжалъ до меня съ воплями, что разбойники хотятъ его убить и не отдадутъ убѣжавшаго жеребца.

— Что за вздоръ ты говоришь, перебилъ я его возгласы.— Что за чепуха тамъ у васъ творится? обратился я къ старикъ.

— Да все съ глупаго звать разума, отвѣчалъ старикъ. А между тѣмъ, я быстрыми шагами пошелъ на встрѣчу бѣжавшей по овсу толпѣ. Оба мужика и прикащикъ не помалку садовали за мною. Увидѣвъ меня, несущаяся фаланга тотчасъ же заколебалась, и оборотясь назадъ, медленно пошла на свою межу. Только человѣкъ десять лѣваго флага стоявшихъ не на овсѣ, а на дугу, сбились въ кучу на дорогѣ и отступали такъ медленно, что я могъ ихъ догнать.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Да мы такъ. Да нашего парня изловили. Да мы ничего. Мы значить, только такъ, значить, посышалося изъ толпы.

— Развѣ вашего парня обижали или били? Развѣ вы судьи въ своемъ дѣлѣ? Развѣ можно оравой бѣгать по чужому хлѣбу? Отчего же вы не даете жеребца?

— Да все, батюшка, сдуру, перебилъ меня шедшій за мною старикъ.—И уйдутъ всѣ, и сейчасъ сами поймаемъ и приведемъ жеребца.

Все сказанное старикомъ было немедленно исполнено, и миръ возстановился.

Самі факты небольшой траги-комедіи такъ краснорѣчивы, что я не прибавлю отъ себя ни слова.

Х. Исполная десятина.

Выше было говорено, что предшественникъ мой, не управляясь съ запашкой, былъ вынужденъ отдавать бо́льшую ея часть изъ-полу, то-есть за пользованіе отдаваемою землею получать только половину продуктовъ свезенными и сложеными на гумно. Повидимому, что можетъ быть проще и удобнѣе этой системы, тѣмъ болѣе что чистая прибыль, получаемая при наилучшей организаціи полного собственнаго хозяйства, если взять въ соображеніе всѣ сопряженные съ нимъ расходы, едва ли превыситъ прибыль исполную. Наемщикъ, при обработкѣ исполной десятины, не менѣе хозяина заинтересованъ доброкачественною подготовкою почвы и охраненіемъ хлѣба отъ побоевъ и погравъ. Чего же лучше? и покойно, и безубыточно. Но дѣло въ томъ, что наемщикъ, свозя съ вашего поля половину продуктовъ, тѣмъ самымъ лишаетъ васъ возможности удобрять его, и въ нѣсколько лѣтъ земля будетъ совершенно истощена. Всякая система гдѣ-нибудь да пригодна. Можетъ-быть въ Малороссіи, гдѣ, по большому количеству нови, возможно обходиться безъ удобрения, исполная раздача земель дѣйствительно выгодна, а не раззорительна; но въ нашихъ мѣстахъ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Какъ мы видѣли выше, половина моей озимой запашки въ прошломъ году была моимъ предшественникомъ раздана изъ-полу, и хотя я записалъ по порядку имена главныхъ съемщиковъ и количество снятыхъ каждымъ изъ нихъ десятинъ, тѣмъ не менѣе весной не могъ понять, какъ они разберутся съ своими участками. Главные наемщики раздавали свои участки дробными частями что привело къ окончательной запашкѣ и уничтоженію междъ, которыя мнѣ, по окончаніи осеннихъ работъ, пришлось возстановлять съ неимоверными усиліями. Можно ли вести вольнонаемное хлѣбопашество безъ ясно-обозначенныхъ междъ? Если, какъ мы видѣли, такъ трудно уберечь сѣнокосы, то еще труднѣе уберечь отаву, и потому

въ нашихъ мѣстахъ, тотчасъ по уборкѣ сѣна, на луга пускаютъ скотъ на подножный кормъ. Это время самое уютное для рабочихъ и потому, скрѣпя сердце, иногда проходишь молчаніемъ небольшіе побои и потравы, причиняемые въ ночномъ собственными лошадьми, подъ надзоромъ истомленныхъ дневными трудами рабочихъ. Когда у насъ не будетъ потравъ со стороны сосѣдей, явится травосѣяніе и съ нимъ ночное продовольствіе рабочихъ лошадей на конюшнѣ, кошеннымъ кормомъ. Тогда прекратится и вельпая, обременительная для рабочихъ, гоньба въ ночное, отрадная для однихъ конокрадовъ. Но скоро ли наступитъ для русскаго земледѣлія это вожделѣнное время? Недѣли черезъ двѣ послѣ уборки сѣна я узналъ, что ночью наши лошади надѣлали сѣдновъ по ржи. Я велѣлъ подтвердить рабочимъ о болѣе бдительномъ надзорѣ; но не дѣлалъ изъ этого никакой исторіи, тѣмъ болѣе что потоптанной ржи не поможешь. Рожь поспѣла и, усердно принявшись косить собственный посѣвъ, я далъ знать половицникамъ, чтобъ и они принимались за работу. Въ самый ея разгаръ, проѣзжая окраиной луга, недалеко отъ одного изъ наемщиковъ, я замѣтилъ, что овъ мнѣ машеть, дѣлая знакъ чтобы я остановился. Я задержалъ лошадь, и мужикъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу.—Что тебѣ надо? опросилъ я его.

— Потрудитесь, батюшка, доѣхать до моей десятинки. Извольте посмотреть что тутъ такое, продолжалъ мужикъ, когда мы остановились около его десятины, вдоль которой пролегли два или три сѣда, а пятая часть была значительно спутана.

— Чтожь мнѣ, батюшка, съ нею дѣлать? Вѣдь вотъ это мѣсто ни сжать ни скосить. Мы ужъ было зачали да измучились.

— Вопервыхъ, ты говоришь вздоръ. Спутанная рожь, я вижу, недурна, и ее можно сжать. Да къ чему ты меня привелъ сюда? Чѣмъ же я тебѣ могу пособить?

— Мнѣ, батюшка, очень обидно. Вотъ рядомъ тоже моя десятина; я про ту ничего не говорю, та цѣла, а эта извольте видѣть! Больно обидно. Ужь вы прибавьте что-нибудь за побои. Пастухъ сказывалъ, это ваши работники въ ночномъ потоптали.

— Ты прежде ее всю сожми и скоси, да сложи въ конны.

Видишь немного остается. Вечеромъ я буду тутъ проѣзжать, и тогда мы съ тобой перетолкуемъ.

— Слушаю, батюшка.

Дѣйствительно, я подѣхалъ къ этой десятинѣ въ то время когда скашивались послѣднія копны.

— Ну что? сколько копенъ стало на ней? спросилъ я.

— Да восемнадцать копенокъ. Чтожь, батюшка, положи-те что-нибудь.

— За что же я тебѣ стану платить? Я съ тебя ничего не полагаю за то что смотрѣлъ за вашими десятинами такъ же какъ за своими все лѣто. И хвастать мнѣ этимъ нельзя. Зная что хлѣбъ испольный, я берегъ столько же свое какъ и твое, а если грѣхъ случился надъ нашимъ общимъ хлѣбомъ, то грѣхъ пополамъ: мы терпимъ убытокъ пополамъ.

— Да мнѣ то ужъ больно обидно, батюшка! Скотинка то твоя и твои рабочіе побили хлѣбущка. Вѣдь я его годъ ждалъ.

— Развѣ я меньше ждалъ? Подумай, чего ты у меня требуешь. Наму общую съ тобою десятину потоптали рабочіе, потоптали какъ оказывается не больно ей во вредъ. Ты видишь, рядомъ съ твоими десятинами у меня въ двѣомъ ярусѣ стало не по восемнадцати, а только по одиннадцати копенъ, и за это ты съ меня же хочешь взять деньги. Ты говоришь, что твоя работа пропала. Изволь, я тебѣ заплачу за твои сѣмена и за работу, а ты отдай мнѣ весь хлѣбъ.

— Нѣтъ, какъ можно!

— Не то, выбирай любую изъ моихъ десятинъ. Тамъ одиннадцать копенъ, а у тебя восемнадцать.

— Да вѣдь эта какая десятина-то! Это новь. Мнѣ ея-то ужъ больно жалко. Вамъ, батюшка, слѣдуетъ за побой выворотить съ твоихъ работниковъ.

— Какъ же я съ нихъ стану выворачивать? Уговору у насъ такого не было, и теперь я не въ силахъ этого сдѣлать.

— Ты, батюшка, скрути-ка ихъ хорошенько, такъ они духомъ виноватаго найдутъ. Ты ихъ во-какъ скрути, прибавилъ мужикъ, сжимая свой кулакъ:—чтобъ изъ нихъ подлецовъ сокъ потекъ.

— Значить, ты хочешь, чтобы я судомъ съ нихъ требо-валъ уплаты за побой. Но я на нихъ не ищу, а если ты

такой ретивый и добрый человекъ, что желалъ у насъ порядки завести, ступай, проси на нихъ. Я тебѣ отъ себя дамъ восемнадцать, серебромъ на хлопоты.

— Нѣтъ, кормилецъ, лучше вся десятина пропадай чѣмъ во судамъ за нею ходить. А вы ихъ сами прикрутите, такъ небось! Что на нихъ гадать-то? Мотенники только деньги брать, а хозяйскаго добра не жалко!

Убѣдясь окончательно въ невозможности вразумить мущака, я перемѣнилъ тонъ и объявлялъ, что если онъ не согласенъ ни на одну изъ предлагаемыхъ мною сдѣлокъ, то ничего не получить.

Тѣмъ дѣло и кончилось, что не помѣшало тому же крестьянину позднѣю осенью возобновить свою попытку сорвать съ меня хотя что-нибудь. Онъ приходилъ опять толковать о томъ же и также безуспѣшно. Пробуютъ.

Выше я упоминалъ о возкѣ зерноваго хлѣба на рынокъ, въ противоположность съ возкою песку; теперь скажу объ этомъ предметѣ нѣсколько словъ. Осенью я запродалъ часть ржи орловскому купцу, обязавшись доставить хлѣбъ къ извѣстному сроку. Просыпавъ, что мнѣ нужны подводы, окрестные крестьяне съ разныхъ сторонъ частенько приходили ко мнѣ навиматься за тридцатипяти-верстное разстояние. Первый запросилъ съ меня неслыханную цѣну 60 коп. сер. съ четверти, то-есть около 8 копѣекъ съ пуда. Я не давалъ ему и половины, и онъ уѣхалъ. Но ни странно ли, что мужику, прѣвзжавшіе вслѣдъ затѣмъ изъ совершенно другихъ мѣстностей, затвердили тѣ же 60 копѣекъ?

Вѣчно: *какъ люди такъ и мы*, у нихъ не только переходитъ изъ устъ въ уста, но кажется разлито въ воздухъ. Была единственная надежда на Алексѣя плотника, простоявшаго у меня съ артелью все дѣло. Онъ заблаговременно объявилъ мнѣ, что не только пришлетъ подводъ шесть своихъ, но соберетъ еще охотниковъ въ своей деревнѣ. Не дороги мнѣ были его шесть подводъ, а нуженъ былъ его вращѣръ. Я зналъ, что повези онъ на шестернѣ хотя по три копѣйки съ пуда, всѣ повезутъ по той же цѣнѣ. Дорожить двумя-тремя лишними рублями онъ не могъ, получая у меня, *во душь*, многое безъ рада. Но и тутъ я ошибся,—и онъ сталъ дожидаться какихъ-то людей. Наконецъ свѣтъ выдалъ, и охотниковъ по назначенной мною цѣнѣ, даже съ уступкой, явилось много.

XI. Федотъ и праздникъ Михаила Архангела.

Хотя мимо меня, въ полуверстѣ, пролегалъ старая мценско-курская большая дорога, но по случаю шоссе почтовыхъ станціи на ней упряднены и спасительныя, въ зимнія метели, старыя ракиты, безжалостно истребляются сосѣдними крестьянами и проходящими гуртовщиками. За то почти на половинѣ пути, на самой большой дорогѣ, сидитъ зажиточный, нѣкогда богатый дворъ Федота. Отецъ Федота, бывшій крѣпостной, откупился съ своею семьей на волю, купилъ у барина сто десятинахъ земли, въ томъ числѣ нѣсколько десятинахъ строеваго дубу, выстроилъ на большой дорогѣ постоялый дворъ, и на превосходныхъ лошадяхъ держалъ вольную станцію. Старикъ, само собою разумѣется, былъ отличный хозяинъ, держалъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, и семейство при немъ процвѣтало.

Дворъ ихъ я знаю уже дѣтъ двадцать пять и помню ихъ патриархальный бытъ еще въ то время когда теперешній хозяинъ Федотъ и пьяный братъ его, мценскій ямщикъ, возили, молодыми парнями, проѣзжихъ на превосходныхъ отцовскихъ лошадяхъ. Этотъ промыслъ перешелъ къ нимъ отъ отца, но мало-по-малу, — особенно стало это замѣтно въ послѣдніе три-четыре года, — все у Федота пошло подъ гору. Въ праздникъ Федотъ неминуемо пьянъ, и добрыя лошади отъ дурнаго корму и присмотру еле-еле таскаютъ проѣзжіе экипажи.

Какъ бы то ни было, за неимѣніемъ почтовыхъ, намъ, при поѣздкахъ въ Мценскъ, приходится или высылать своихъ на подставу къ Федоту, или доѣхавъ до него, брать его лошадей.

6-го ноября мнѣ нужно было побывать въ Мценскѣ, куда долженъ былъ пріѣхать и Ш***. Дорога отъ осеннихъ проливныхъ дождей была отвратительная; тѣмъ не менѣе я ѣхалъ до Федота на своихъ, безъ особыхъ приключеній. Федота не было дома, такъ-называемая горница для проѣзжихъ была не топтана, чего въ прежнія времена не случалось, и я былъ вынужденъ отогрѣваться въ общей избѣ, состо-

щей изъ двухъ старыхъ покривившихся и подпертыхъ срубовъ. Трудно себя представить болѣе грязное и запущенное человѣческое жилище. Я засталъ двадцатилѣтнюю хозяйскую дочь одну, если не считать старуху-мать, отъ головной боли валявшуюся подъ грязнымъ полушубкомъ на лавкѣ. Дѣвушка, сама въ грязной рубахѣ и немнѣе грязномъ сарафанѣ, мела дырявый скачущій полъ, покрытый перьями.

— Или куръ щипала? спросилъ я ее, закуривая папироску, и начиная ходить взадъ и впередъ по избѣ, чтобъ отогрѣть ноги.

— Какже, къ празднику, къ Михайлу Архангелу. У насъ престоль. Ужъ я ихъ щипала, щипала! Въ однѣ руки. Ишь мать-то отъ головы другую медвѣю валяется.

Проходя взадъ и впередъ отъ двери къ печкѣ, я заглянулъ на такъ-называемую *загнѣтку* (площадку передъ устьемъ). Въ углу ея, небольшою пирамидой, возвышались обгорѣлыя, паленыя, бараны головы.

— Эка вы барановъ-то надушили. Куда вамъ такая пропастъ, пять барановъ?

— Тамъ ихъ шесть, отвѣчала дѣвушка, не безъ гордости.— Какже? праздникъ! Все поѣдятъ. Священники будутъ.

Овца у насъ стоитъ три рубля серебромъ, и вѣсить около пуда, подумалъ я. Куда такую пропастъ мяса одиноко-сидящему двору? Да и какой расходъ!

Девятаго ноября мы съ Ш*** на усталыхъ лошадяхъ приближались, на возвратномъ пути, къ усадьбѣ Федота.

— Кажется, замѣтилъ Ш***,—придется намъ сегодня долго дожидаться, пока соберутъ тройку. Федотъ теперь или лежитъ, или сидитъ съ красносизымъ носомъ, и толку долго не добьешься.

На порогѣ сѣней насъ встрѣтилъ какой-то залхватски развеселый парень, въ синемъ кафтанѣ и красной рубахѣ.

— Извольте, господа, лошадокъ спрашивать? Въ ту же минуту соберутъ.

Про Федота мы и не спрашивали въ увѣренности получить неизбѣжный отвѣтъ: „отдыхаетъ, того, маленько выпивши.“

Каково-же было наше удивленіе, когда въ дверяхъ пергородки показался Федотъ, да еще совершенно трезвый.

— Что это ты, Федотъ, не пьянъ? спросилъ его Ш***.

— Пить, будетъ. Вчера точно, сильно было въ головѣ, а сегодня не надо. Сегодня я еще ни-ни, маковой росинки во рту не было, а не то что пьянъ.

— А вчера таки справилъ праздникъ? спросилъ я въ свою очередь.—Кто же гости-то были?

— Да вотъ парень-то что можетъ видѣли въ сѣняхъ, это мой зять съ женою; кое-кто изъ ближнихъ сосѣдей, человекъ пять было можетъ-статься; да причетъ церковный. Какже, нельзя! Не то что кто-нибудь; надо угостить какъ должно. Нельзя же.

— А сколько, скажи-ка правду, сталъ тебѣ вчерашній праздникъ?

Какъ-то бойко подмигнувъ однимъ глазомъ, Федотъ наклонился ко мнѣ и въ полголоса произнесъ: „Рублей въ пятьдесятъ серебромъ обошлось. Я тутъ не считаю домашняго, муки, крупы, картошекъ.“

Вотъ отчего, подумалъ я, такъ тупы стали его лошади. Мало ли годовыхъ праздниковъ, и если каждый стоитъ ему хоть въ половину противъ престоальнаго, то денегъ, необходимыхъ въ хозяйствѣ, пропразднуется не мало. Намъ запрягли лошадей, и я потребовалъ счетъ, который во недостатку мелочи, рѣдко у насъ бываетъ очищенъ копѣйка въ копѣйку. Сосчитавъ мой расходъ, Федотъ лукаво поглядѣлъ на меня, и скинулъ двѣ косточки на счетахъ.

— Эти два рубля за мною были еще съ позавтрашнего разу, сказалъ онъ.

— Какихъ два рубля?

— А помните вы проѣзжали въ коляскѣ, да за четверку сѣдлового три рубля, а вы мнѣ дали ассигнацію. Я посмотрѣлъ на нее, отправя васъ съ малымъ, а тамъ не три, а пять рублей. Думалъ я, ошибся ли это онъ, или пытается меня. Вѣрно спросить. А вотъ вы и въ другой послѣ проѣзжаете, а не спрашиваете. Зачѣмъ же мнѣ даромъ пользоваться?

Я очень радъ, что пришлось окончить мои замѣтки разказомъ объ этомъ отрадномъ фактѣ; а то быть-можетъ и читателю, также какъ и мнѣ, не разъ приходилъ въ голову нижесказанной вопросъ.

ХП. Вопросъ.

Отчего въ моихъ замѣткахъ выступаетъ преимущественно темная сторона нашей земледѣльческой жизни?

Отвѣтъ простъ. Я вичего не сочинялъ, а старался добросовѣстно передать лично пережитое, указать на тѣ, часто непобѣдимыя препятствія, съ которыми приходится бороться при осуществленіи самаго скромнаго земледѣльческаго идеала. Затрудненій и препятствій много,—но гдѣ средства устранить ихъ и сравнять дорогу всему земледѣльческому труду, этому главному, чтобы не сказать единственному, источнику нашего народнаго благосостоянія? Наше правительство и наши *передовые* люди дѣлательно заняты разъясненіемъ и разрѣшеніемъ многообразныхъ задачъ, связанныхъ съ этимъ вопросомъ. Даже въ литературѣ нельзя отрицать темнаго стремленія поэтовъ пути; но какъ странно выражается порою это стремленіе! Сколько напримѣръ говорится у насъ о *пауперизмѣ* и *пролетаріатѣ*! Наши публицисты изо всѣхъ силъ стараются доказать неудобство и злоурядность колоссальнаго пролетаріата въ государственномъ организмѣ. Нельзя предположить, чтобы люди, пересыпающіе передъ публикой всѣ возможныя экономическія теории и въ сжатыхъ очеркахъ и съ мелкими подробностями, сами не понимали социальнаго-экономическихъ моментовъ народной жизни, — не понимали бы, что при рѣдкомъ народонаселеніи и огромномъ количествѣ *новы* возможно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ удобно общинное земледѣліе, дѣлающееся при густомъ населеніи и малоземельности невозможнымъ, — не понимали бы, что пролетаріатъ—свѣдѣніе съ одной стороны густаго населенія, а съ другой—вызываемыхъ самою необходимостію машинъ, — что онъ свѣдина гражданственности, и не можетъ повѣстись при ея зачаткахъ. Что такое страна пролетаріата, въ двухъ словахъ? Страна, гдѣ руки ищутъ работы, а работы нѣтъ. Что такое Россія? Страна, въ которой необходимѣйшая работа ищетъ рукъ, а рукъ нѣтъ. Не очевидно ли, что у насъ въ настоящее время забота объ устраненіи пролетаріата не

иное что, какъ заботы лѣтняго мальчика, который, вмѣсто того чтобъ учить латинскія склоненія, становится передъ зеркаломъ и говоритъ: „когда я буду большой, у меня вырастутъ усы и борода. Усы я буду завивать какъ дяденька, а бакенбарды запущу какъ у папаша.“ Дѣйствительно, при благоприятѣйшихъ условіяхъ къ умноженію народонаселенія, и у насъ, лѣтъ черезъ 500 можетъ-быть вырастетъ борода пролетариата. Но что тогда будетъ, никто не знаетъ; а если тогда будутъ журналы, то они на доуѣ побесѣдуютъ объ этомъ предметѣ.

Съ вопросомъ о свободѣ самъ собою возникаетъ вопросъ объ образованіи. Общество можетъ руководиться или закономъ произвола, или закономъ разумной необходимости, будетъ ли этотъ законъ отысканъ сверху, снизу или изъ середины. Но накопленіе знаній, обуславливающихъ образованіе, требуетъ напряженной спеціальной дѣятельности, большею частію несомвѣстной съ чисто-матеріальными заботами, поглощающими всю жизнь большинства. Эта вѣковая истина только все болѣе и болѣе разрастается по мѣрѣ ежедневно расширяющагося круга науки. Десятилѣтнимъ Канву и Авелю достаточно было десяти вечернихъ уроковъ матери для того чтобы выдержать полный докторскій экзаменъ во всѣхъ возможныхъ наукахъ. Не даромъ нѣмецкій поэтъ говоритъ:

„Es gab kein Buch in ganz Athen,
 Of schreckliche Verworfenheit!
 Man wurde vom Spazierengehn
 Und von der Luft gescheid.“

Увы! куда дѣвались эти удобныя, покойныя времена? Мальчикъ не успѣетъ еще пройти доисторическихъ фактовъ, какъ новѣйшая исторія въ одинъ день Севастополя или Сольферино, наготовитъ ихъ ему столько, что бѣднякъ съ ними и въ недѣлю не управится. Ясно что полное умственное образованіе, равно какъ и богатство, не каждому доступно по его матеріальнымъ и моральнымъ средствамъ. Эти роскошныя плоды, возбуждающіе общую дѣятельность своею хотя бы и отдаленною красотой, растутъ на вѣтвяхъ дерева, подъ ласкающими лучами солнца, и уже оттуда зрѣлыя и плодотворныя падаютъ къ корню. Государственное хлѣбное дерево одновременно и распускается, и цвѣтеть,

и оплодотворяется, и завязываетъ плоды, и выманиваетъ ихъ до окончательной зрѣлости. Какже, однако, тутъ быть? Не мы первые и не мы послѣдніе живемъ на свѣтѣ. Есть же государства благоустроенныя, гдѣ мѣстные законы вытекли изъ исторической необходимости, и гдѣ эти законы глубоко уважаются массою народа, массою, которая между тѣмъ никакъ не можетъ похвастать, чтобы въ ней повсемѣстно было развито образованіе. Стало быть, тамъ у насъ есть еще какая-нибудь сила, вслѣдствіе которой скромный листокъ подчиняется общей гармоніи растительности, чтобы въ свою очередь пройти, быть-можетъ, черезъ всѣ ея фазы до зрѣлости сочнаго плода? Есть, и это сила не столько научное *образованіе*, доступное немногимъ, сколько *воспитаніе*, доступное всѣмъ. Переноса наше сравненіе изъ міра растительнаго въ міръ человѣческихъ возрастовъ, мы тотчасъ увидимъ, что образованіе доступно человѣку зрѣлому и невозможно въ ребенкѣ, которому между тѣмъ воспитаніе необходимо.

Воспитаніе есть та нравственная почва, въ которой кроется корень истиннаго образованія. Безъ этой почвы самый образованный человѣкъ нерѣдко является какимъ-то ученымъ дикаремъ, въ которомъ, вопреки всѣмъ даннымъ науки, бессознательно бродятъ неукротенные и неуравновѣшенные инстинкты. Образованіе живетъ въ области мысли и знанія, воспитаніе совершается въ нравахъ. Къ чему лукавить? Образованіе нерѣдко въ своихъ тенденціяхъ враждебно воспитанію. Одинаково ли съ воспитаніемъ смотритъ образованіе, напримѣръ, на рыцарскую месть за личное оскорбленіе? А представьте себѣ цѣлый народъ, въ которомъ бы совершенно замерло это чувство чести, и повѣрьте, что самый образованный человѣкъ отвернулся бы отъ этой всеобщей и безвозмездной потасовки.

Благодатные плоды вѣчно творческаго духа все ниже и ниже, собственною тяжестью, наклоняютъ къ корню плодосамыя вѣтви. Но на все свое время и свой чередъ. На безвременьи ничего не бываетъ. Было время, когда верхушки нашей народности должны были оплодотвориться цвѣтомъ иностранной цивилизаціи; тогда намъ еще рано было думать о падахъ, мы еще гордились равнанами цвѣтами, хотя много въ нихъ въ послѣдствіи оказалось пустоцвѣту. Еще въ очень недавнее время титулъ чело-

вѣка *воспитаннаго* былъ лучшимъ рекомендаціей. Но теперь верхніе побѣги начинаютъ сгибаться подъ наливающимися плодами, и въ атмосферѣ вышей интеллигенціи одного титула *воспитанности* недостаточно. Въ этомъ кругу надо уже самобытно дѣйствовать, а благовоспитанный человѣкъ только никого не толкаетъ, ничего не ломаетъ, никому не мѣшаетъ, а для самодѣятельности можетъ еще не имѣть достаточныхъ способовъ. Жизнь въ этой сферѣ, кромѣ воспитанія, требуетъ отъ человѣка умственного образованія. За то для нижнихъ вѣтвей, въ свою очередь, наступаетъ время расцвѣта и оплодотворенія, которое совершится тѣмъ проще и естественнѣе, что за сѣмной пылью не нужно обращаться въ чужой садъ, а она найдется тутъ же на родномъ деревѣ.

Наступило время настоятельно требующее общаго народнаго *воспитанія*. Здѣсь не мѣсто подробно разсматривать признаки и сущность воспитанія, заключающіеся преимущественно въ непоколебимомъ уваженіи къ законности, личности и собственности. Остается только спросить, какими путями можно, съ большею вѣроятностью, достигнуть желанной цѣли? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, надо сдѣлать другой: что такое воспитаніе? Рядомъ съ сознательнымъ образованіемъ воспитаніе, при своемъ началѣ, есть привычка свободно дѣйствовать въ кругу ясно обозначенныхъ неизмѣнныхъ законовъ, привычка переходящая современемъ въ природу. Ребенку до тѣхъ поръ неизмѣнно говорятъ: не клади локтей на столъ, не зѣвай въ обществѣ, не толкайся, не становись къ другимъ спиной, пока это не станетъ у него второю природою, и ему самому не будетъ совѣстно и неловко нарушеніе этихъ правилъ. Только тогда можно ожидать, что онъ пойметъ, какъ не хорошо оскорбить другаго невниманіемъ и невѣжествомъ. Итакъ первое средство къ народному воспитанію—положительныя и бдительно-охраняемые законы. Вы хотите правильнаго, свободнаго и верутапаго сельскаго хозяйства. Прекрасно! Дѣйствительно, тутъ малѣйшій успѣшный примѣръ весьма важенъ, и можетъ повести къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Я только что началъ сѣять яровую пшеницу, а ужь одинъ работникъ, вида успѣхъ, просилъ у меня сѣмена для своего домашняго хозяйства. Оградите же честный трудъ отъ беззаконныхъ вторженій чужаго произвола. Тутъ не нужно никакихъ крутыхъ мѣръ.

Объявите самый небольшой штрафъ за каждую загнанную на поляхъ скотину, напримѣръ хоть 25 к. серебромъ съ лошади, штрафъ, безъ котораго скотина не можетъ быть возвращена хозяину и т. д., и повѣрьте, что черезъ годъ слово *потрава* исчезнетъ изъ народнаго языка. Но положительныя нелицеприятныя законы, внушающіе къ себѣ уваженіе и довѣріе, только одинъ изъ многихъ путей къ народному воспитанію. Рядомъ съ нимъ должны прокладываться и другіе, для внесенія въ народныя массы здравыхъ понятій, въ замѣнъ дикаго, полуязыческаго суевѣрія, тупой рутины и порочныхъ тенденцій. Лучшимъ удобнѣйшимъ проводникомъ на этихъ путяхъ можетъ, безъ сомнѣнія, быть *грамотность*. Но не надо увлекаться и забывать, что она не болѣе какъ проводникъ, а никакъ не цѣль. Говорите: нужно, во что бы ни стало, *воспитаніе*; это главное. Намъ стыдно уже поступать въ этомъ дѣлѣ также опрометчиво, какъ поступали вѣкогда невоспитанные и равнодушные родители, которые совади указку въ руки первому пьяному пономарю или французскому кучеру.

Тяжелъ и высокъ нравственный подвигъ духовныхъ воспитателей народа. Этимъ воспитателямъ предстоитъ напередъ глубоко проникнуться сознаніемъ предстоящаго подвига, и простымъ людямъ объяснять, понятнымъ для нихъ языкомъ, простые законы чистой нравственности, оставая на время охолостическія тонкости въ сторонѣ. Тогда Фетоды перестанутъ гордиться язычески-невоздержнымъ празднованіемъ престола, далеко превышающимъ ихъ средства и потому раззорительнымъ для ихъ семействъ, которому они не могутъ дать человѣческое воспитаніе.

А. ФЕТЬ.

НАЯДА.

(Подражаніе А. Шенье.)

Полудня въ знойный часъ, когда, ища прохлады,
Въ пещеры прячутся пугливыя Наяды,—
Я крадусь съ трепетомъ чуть слышною стопой
Межъ камней и кустовъ извилистой тропой,
Едва протоптанной стопой Наяды скромной,—
Въ прохладный, тихій гротъ таинственный и темный.
Тамъ въ узкой впадинѣ у входа притаилъ,
Отъ нимфы дѣвственной не отвожу я глазъ,
И маю, на красы роскошныя взирая:
Наяда стройная, прекрасная, нагая,
Съ вѣнкомъ изъ тростника на юной головѣ,
Раскинувъ легкій станъ на мягкой муравѣ,
Подъ говоръ водъ глухой и крикъ цакады звонкой,
Спокойно, мирно спитъ безпечнымъ своимъ ребенка,—
Не вѣдая, чтобъ могъ изъ смертныхъ кто-нибудь
На тайны дѣвственной красы ея взглянуть:
Ихъ видѣли досель въ равнинахъ Океана
Лишь лучезарный Фебъ и блѣдная Диана,
Да зеркало морей, да равнодушный взоръ
Ея застѣчивыхъ и дѣвственныхъ сестеръ.

В. АЛМАЗОВЪ.

1862 г.

11-го мая.

ВОСПИТАННИЦА САРА

ПРИКЛЮЧЕНІЯ,

ПОЧЕРПНУТЫЯ ИЗЪ МОРЯ ЖИТЕЙСКАГО.

XV.

Фамилія Лудкихъ-Сборицкихъ принадлежала къ одному изъ тѣхъ знаменитыхъ родовъ, которые переселились изъ Червонной Руси, во время польскаго преобладанія, когда папезъ вводилъ унию. Этотъ родъ, по общему повѣрью, всегда отличался наследственными достоинствами своими — благодушiемъ и благовидностiю. Но развѣтвленіе его быстро сократилось въ началѣ настоящаго столѣтія. Единственною страслью, по мужескому колѣну, остался князь Василій. Совершивъ съ честью послѣдніе суворовскіе походы въ Италію, онъ вышелъ въ отставку и женился на старшей изъ двухъ сестеръ, Горелинскихъ, славившихся красотой. Младшая вышла въ то же время, по страсти, за Чарудатова, молодого человѣка съ большими способностями цѣпляться и карабкаться на высоту, ловко пробиваться сквозь толпу впередъ, и придавать себѣ значеніе. Сестры были дружны между собой; но неравенство замужества бываетъ часто помѣхой и дружбѣ и род-

ству; и еслибы самъ Чарудатовъ не дорожилъ родствомъ съ княжескимъ родомъ, то страдавшее самолюбіе супруги его отдалило бы ее совершенно отъ сестры княгини. Для нея было невыносимо являться въ княжескомъ домѣ какой-нибудь титулярною совѣтницей, не имѣющею ни помѣстья, ни собственнаго дома, ни даже собственной дачи. Сверхъ того, въ то время бронзовые фермуары и браслеты, поддѣльные камни и жемчугъ, не выступали еще на одну доску съ настоящими; а показаться въ свѣтъ съ какою-нибудь томпаковою, украшенною крошечными камешками, вывѣской явнаго несостоянія, было невозможно.

Чарудатовъ однакоже довольно успокоилъ жену свою въ этомъ отношеніи. Покуда она сказывалась то больной, то нездоровой, онъ, посредствомъ того же родства съ домою Луцкихъ, пролѣзъ сквозь щель въ большой свѣтъ, заявилъ вездѣ достоинства угоды и услужливости, и въ непродолжительномъ времени очутился на сценѣ камеръ-юнкеромъ и въ одно и то же время правителемъ канцеляріи въ одномъ вѣдомствѣ, завѣдывающимъ дѣлами въ другомъ, членомъ комитета въ третьемъ, председателемъ комиссіи въ четвертомъ, исправляющимъ должность вице-президента въ пятомъ, чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ шестомъ, и повсюду жалованье, интересныя отношенія, чины и награды. И вотъ, никто еще не успѣлъ оглянуться, а Чарудатовъ сталъ уже и самъ вліятельнымъ лицомъ и сильнымъ ходатаемъ по какому угодно дѣлу.

Луцкіе давно уже жили на покой въ Москвѣ, утѣшаясь единственнымъ своимъ сыномъ, и съ любовію занимаясь его воспитаніемъ; а Чарудатовъ сталъ на ногу разувается въ Петербургѣ. Какъ внимательный родственникъ, онъ предложилъ князю Василю Григорьевичу озаботиться о службѣ его сына и дать ему ходъ.

Князь однакоже желалъ, чтобы сынъ служилъ въ военной службѣ; а княгиня хотѣлось, чтобы онъ служилъ по статской, при дядѣ; она не любила даже разказовъ о войнѣ и сраженіяхъ.

— Вѣдь онъ у насъ одинъ и послѣдній въ родѣ: какъ же мы будемъ подвергать его опасностямъ, гдѣ жизнь на волоскѣ.

— И я былъ послѣдній въ родѣ, и несмотря на это служилъ подъ ядрами и пулями, и благодаря Бога вышелъ

изъ огня живъ и здоровъ. А что касается до опасностей, то во всякой службѣ есть свои непріатели, да еще бьютъ изъ-за угла. Мы предоставимъ Мишѣ на волю выбирать себѣ службу.

Княгиня согласилась, благословила сына, и онъ отправился въ Петербургъ.

Когда молодой князь Михайло явился къ теткѣ, она рекомендовала его мужу, велѣла дочери своей Цециліи поцѣловать своего cousin, дала вечеръ и представила своего племянника prince Michel, всему чиновному міру.

Хорошо воспитанный, безъ тщеславія и полный понятія объ истинномъ достоинствѣ человѣка, молодой Луцкій былъ пораженъ этимъ очарованнымъ сценическимъ кругомъ, гдѣ разыгрывались роли ума, просвѣщенія, заслугъ, значенія въ свѣтѣ, почета, уваженія, любезности, искренней любви и истинной дружбы. Съ перваго же раза, онъ почувствовалъ неспособность свою быть участникомъ этихъ живыхъ картинъ и звукоподражаній.

— Ну, Москвичъ, сказалъ ему дядя покровительственнымъ голосомъ,—я тебя опредѣлю къ себѣ въ канцелярію; но у насъ здѣсь баклушъ не бьютъ. Понимаешь?

— Кое-что понимаю, отвѣчалъ Луцкій.

— Кое-что! кое-что недостаточно на службѣ, замѣтилъ Чарудатовъ, не появивъ отвѣта, а можетъ-быть и не имѣя времени вникать въ него.—Это отъ того, что у васъ тамъ учатъ чему-нибудь и какъ-нибудь.

— Я выдержалъ экзаменъ по программѣ; но еслибы на примѣръ нужна была для канцеляріи высшая астрономія, то я о ней понятія не имѣю.

— Нѣтъ, любезный, зачѣмъ такъ высоко; мы начнемъ испытаніе съ канцелярской науки; на примѣръ составить бумагу, сдѣлать выпускъ изъ дѣлъ...

— Собственно канцелярской науки я не знаю; но я знакомъ съ судопроизводствомъ, а слѣдовательно съ нѣкоторыми приемами веденія дѣлъ и письмоводства.

— Да, да, да; ты кажется особенно занимался философией? на службѣ она не нужна.

Луцкій промолчалъ.

Тетушка и двоюродная сестрица, Цецилія, въ свою очередь проэкзаменовали его.

— Ну, что у васъ въ Москвѣ дѣлается? По прежнему шьютъ и вышиваютъ блесками пелены да воздухи?

— Матушка по прежнему любитъ собственноручные труды для приношеній въ храмы; но я знаю многихъ, которыхъ также вяжутъ кошельки на память, или что нибудь плетутъ.

Этотъ отвѣтъ не понравился теткѣ.

Сестрица Цецилія, смуглая въ отца и типированная съ водевильныхъ *demoiselles du grand monde*, сообщала Луцкому, что въ Москвѣ живутъ только старицы да купцы, и что петербургскіе изношенные наряды и платья идутъ въ Москву и тамъ покупаются дамами для баловъ.

Посреди высшихъ занятій приличіями свѣта, этимъ ограничили на первый разъ любезности съ *prince de Moscou*, какъ назвала Цецилія своего *cousin*.

Отецъ Луцкаго, предоставивъ на волю сына избрать родъ службы, на всякій случай далъ ему письмо къ старому сослуживцу своему, командовавшему гвардейскою дивизіей.

Видная наружность и умъ молодого Луцкаго, напоминавшіе отца его, товарища прежнихъ лѣтъ, расположили къ нему стараго генерала, и онъ предложилъ ему вступить непременно въ одинъ изъ полковъ его дивизіи.

— Я этого бы и желалъ, отвѣчалъ Луцкій.

— Такъ шей же мундиръ; а я распорядусь.

Затрудненій никакихъ не встрѣтилось. Луцкій чрезъ нѣсколько дней явился въ домъ тетки въ мундиръ гвардейскаго юнкера, въ то самое время когда Чарудатовъ намѣревался справиться о вакансіи писца, на которую бы можно было опредѣлить племянника жены.

— Это что жъ такое? спросилъ онъ его съ изумленіемъ. — Отецъ и мать просятъ моего ходатайства объ опредѣленіи тебя въ статскую службу, а ты, вопреки имъ, самовольно вступаешь въ военную?

— Отецъ и мать предоставили мнѣ выборъ, и я предпочелъ военную, отвѣчалъ Луцкій.

— Поздравляю! проговорилъ Чарудатовъ, взглянувъ на него прищурясь, но желчное чувство выступило на лицѣ его.

Проходя по всѣмъ закоулкамъ съ врожденною жаждой къ приобрѣтенію и захвату, Чарудатовъ не оставлялъ безъ вниманія родство съ Луцкими и изъ видовъ на ихъ богатство, въ надеждѣ добраться до него какими-нибудь окольными путями.

Сначала, вызываясь самъ на заботы о племянникѣ, онъ имѣлъ дѣлью вовлечь его въ полную зависимость отъ себя, и современемъ надѣялся овладѣть имъ. Въ зтотъ замыселъ входилъ даже расчетъ на пособіе дочери. Но Лудкій какъ будто поналъ наитреніе его, и только изрѣдка являлся въ домъ тетки, отговариваясь службой. Чарудатовъ возненавидѣлъ его, и въ кругу своего вліянія съ озлобленіемъ наводилъ тѣнь на блестящія достоинства молодого человѣка.

По вліянію ли свѣтилъ или по внутреннему состоянію земли, бывають времена умственной темной воды, когда видя ничего не видишь кромѣ черныхъ пятенъ, и когда у подзрѣнія такое расширение зрачковъ и чувствительность слуховаго барабана, что всякій шелестъ кажется ему тревогой и появленіемъ чудовища. Подобнымъ временемъ умѣлъ воспользоваться Чарудатовъ, по особенному вліянію своему, чтобы погубить племянника.

Лудкій быстро двигался впередъ по службѣ. Ротмистромъ пріѣхалъ онъ въ отпускъ къ отцу и матери. Дружба княгини съ матерью Марьи Ивановны скоро сблизила его съ сердцемъ этой дѣвушки, свадьба была уже рѣшена, но вдругъ Лудкій исчезъ изъ Москвы. По городу пробѣжалъ шепотъ: его увезли! и это слово было страшнѣе нежели — онъ умеръ! Счастливаго и полного надеждъ на свѣтлую будущность, его погребли за-живо; онъ очутился въ какомъ-то подземномъ склепѣ. Этотъ переходъ отъ бытія къ небытію, эти зачеркнутыя страницы всего жданнаго и желаннаго, поразили Лудкаго мертвящимъ ужасомъ. Страшныя мысли били ему въ голову; отрѣщенный отъ жизни, онъ долго вглядывался въ глубину мрака, видѣлъ только гробы отца и матери; но наконецъ и мракъ опустѣлъ, все исчезло, и онъ впалъ въ какое-то онемѣлое состояніе всѣхъ чувствъ; какія-то привидѣнія водили его куда-то, говорили что-то ему, онъ слушалъ ихъ, не понималъ, и молчаніемъ какъ будто подтверждалъ ихъ слова, соглашался съ ними.

Что съ нимъ было во все время безсознательнаго болѣзненнаго состоянія, Лудкій не помнилъ; онъ очулся далеко отъ родины, гдѣ-то на краю земли, въ какомъ-то незнакомомъ ему жильѣ. За нимъ ухаживали незнакомыя лица: какой-то ласковый старикъ, въ военномъ сюртукѣ, какая-то добродушная женщина, и изрѣдка появлялось, мгновенно,

какое-то существо, отъ котораго вѣяло на него жизнью, и онъ ожилъ.

Случай и счастье привели Луцкаго подъ кровъ бывшаго сосауживца отца его. Въ домѣ добраго коменданта крѣпости, семейство котораго состояло только изъ жены и дочери, онъ былъ принятъ и успокоенъ какъ родной.

— Мы были закадычные друзья съ твоимъ отцомъ, сказалъ ему однажды словоохотливый старикъ;—но насъ поссорило одно обстоятельство. Не сѣдуешь разказывать сыну о молодости и грѣшкахъ отца, да не могу, хочется хоть передъ тобой оправдаться отъ клеветы, которая похѣрила дружбу его ко мнѣ. Мы были еще поручиками въ кирасирскомъ полку; дивизионъ нашъ стоялъ въ Подолиі, въ небольшомъ *майонткѣ* одного пана. Познакомились; княжество и богатство, да еще при умѣ и красотѣ, не то что нашъ братъ кулекъ. На мою долю, разумѣется, съ перваго же посѣщенія досталась паны, да старья пани, а на долю князя Василья, какъ будто невзначай, выпала пани Герриетта. Въ продолженіи какого-нибудь мѣсяца я успѣлъ выиграть въ пикетъ около десяти золотыхъ; а князь Василій, вижу, поигрываетъ въ игру азартную, горячится, того и гляди поставитъ всего себя на карту. Не утерпѣлъ, говорю князю Василью: берегись! Дѣло дошло до ссоры. Дружба не беретъ; а друга жаль. Винюсь, по любви къ отцу твоему, пошелъ я съ доносомъ къ полковому командиру, говорю ему: плохо дѣло. А онъ — славный былъ человекъ—не долго думалъ, вытребовалъ князя Василія въ штабъ, да немедленно по особому порученію и отправилъ въ Москву. И все бы прекрасно: голова провѣтрилась, пылъ потухъ, и были бы мы друзьями по сіе время; да на бѣду тогда же насъ произвели въ штабъ-ротмистры и дали мнѣ дивизионъ, который, по старшинству, сѣдовалъ отцу твоему. Чтò жъ вышло? онъ счелъ свою командировку за сѣдствие моихъ происковъ, написалъ мнѣ обидное письмо, и перешелъ въ другой полкъ. Тѣмъ и дружба порѣшилась. Обиду надо бы было выместить хоть на тебѣ. И вымещу: обниму тебя вмѣсто отца.

Старикъ съ чувствомъ обнялъ Луцкаго.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Съ двѣнадцати лѣтъ Маша расцвѣтала на глазахъ Луцкаго, и любимымъ его занятіемъ было образованіе этой дѣвushки. Когда ея чувства и по-

лѣтія развились вполнѣ, онъ сталъ бояться встрѣчать взгляды ея синихъ глазъ. Выѣстъ съ ея возрастомъ въ немъ созрѣла новая любовь, и вполнѣ изгладились въ памяти черты бластательной свѣтской Марьи Ивановны.

Онъ признался въ чувствахъ своихъ старику коменданту — Князь ты или ссыльный, мнѣ все равно; но безъ воли отца и матери? сказалъ старикъ.

— Они всегда предоставляли мнѣ располагать своею судьбой, отвѣчалъ Луцкій, — а здѣсь я совершенно уже въ другомъ мѣрѣ; и какимъ образомъ испрошу согласіе ихъ?

— Ну, воля твоя, а я, признаюсь, буду радъ оставить на твоихъ рукахъ мою Машу.

Старикъ прослезился, призвалъ жену и дочь. Нѣсколько словъ все рѣшили, и Луцкій женился.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мирно и радостно проведенныхъ, комендантъ получилъ конвертъ, распечаталъ его, вздохнулъ глубоко и отдалъ Луцкому.

— Ну, братъ, поздравляю тебя, сказалъ онъ, — тебѣ навѣчено жить въ имѣніи отца. Поѣзжай, поѣзжай скорѣе; утѣшь его старость!

Съ трепетнымъ сердцемъ принялъ Луцкій эту радостную вѣсть; но ему горько было разстаться съ стариками и съ мирною ихъ жизнью, и стало страшно, когда неизбежный провожатый загремѣлъ подлѣ него саблей и шпорами: ему казалось, что на него, уже свободнаго, надѣли снова оковы.

Выѣхали изъ горъ, спустились въ равнины; низменный тяжелый воздухъ не благотворно дохнулъ на Марію. Во время пути родилась дочь Вѣра, а бѣдная мать не перенесла болѣзни.

Убитый неутѣшнымъ горемъ, Луцкій похоронилъ жену, и отправился съ малюткой въ подмосковную; здѣсь только узналъ онъ, что отецъ и мать его живутъ въ своемъ дальнемъ имѣніи.

Вѣрочка была слаба, везти ее было опасно, пробыть долѣе сутокъ безъ разрѣшенія невозможно, и Луцкій принужденъ былъ оставить младенца на попеченіе повивальной бабки, которую случайно приискала жена Наумыча.

Древнее помѣстье князей Луцкихъ, Сборицы, лежало на границахъ Галиціи. Туда поѣхали старые князь и княгиня доживать вѣкъ свой, когда получили отъ Чарудатова коварныя извѣстія о судьбѣ единственнаго ихъ сына.

Посреди прекрасной и игриво разнообразной природы, между рѣкой и озеромъ, возвышался старинный домъ съ надворными строеніями, окруженный садомъ въ оградѣ изъ пирамидальныхъ тополей. Обширная зала съ выходами на балконы съ обѣихъ сторонъ раздѣляла домъ на двѣ половины. Одну половину занимала княгиня, другую князь.

При всей огромной прислугѣ, при множествѣ офиціантовъ, женщинъ и горничныхъ дѣвушекъ, въ домѣ соблюдалась ненарушимая тишина, все ходило въ полступни, все говорило въ полголоса... Но весь обрядъ столичной жизни строго соблюдался; каждый зналъ свое дѣло и мѣсто, все шло какъ заведенные часы, безъ напоминанія, безъ толкотни, безъ счетовъ и безъ разговоровъ.

Въ числѣ прислуги, въ домѣ было замѣчательное лицо: бывший дядька стараго князя, Софронычъ. Съ княземъ былъ онъ во всѣхъ походахъ неразлученъ, всегда и вездѣ при немъ. Этотъ честный человекъ такъ освоился довѣренностію къ нему князя и княгини, что для него не было тайны, и что касалось ихъ, то близко было и годами его сердцу. Онъ былъ годами двадцатью старше князя и считалъ уже себя подъ девяносто. Дряхлый и сознававшій уже, что „глазки худо видятъ, ушки худо слышатъ, ножки худо ходятъ,“ онъ сидѣлъ или лежалъ въ своей комнатѣ; но ежедневно, по нѣскольку разъ выходилъ дозоромъ по дому. Обойдетъ комнаты, посмотритъ на все: тутъ ли; постоитъ, послушаетъ что говорятъ князь и княгиня, представитъ къ чему-нибудь и свое слово, и пойдетъ обратно восвояси. А если князь или княгиня спросятъ иногда ласково: „что, Софронычъ?“ онъ отвѣчаетъ: „ничего, ваше сіятельство!“

Въ первое время уединенной жизни, невыносимая грусть и тоска овладѣли княземъ и его женой. Цѣлые дни сидѣли они неразлучно и возбуждали взаимное горе и слезы, спрашивая другъ у друга что сдѣлалось съ Мисей, который такъ уважалъ и любилъ ихъ, подавалъ столько прекрасныхъ надеждъ.

— Что могло погубить его? спрашивала княгиня.

— Не знаю, княгиня, не понимаю. Никогда не ожидалъ я и тѣни того что пишеть о немъ мужъ твоей сестры.

— Не даромъ, однакоже, хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ служилъ по статской службѣ, на глазахъ у дяди. Сестра ни-

сама, что ему готово было прекрасное и видное мѣсто; но что онъ отказался отъ него и, увлеченный разсвѣянiемъ, совершенно оставилъ ее домъ.

— Разсвѣянiе! проговорилъ князь.

— Да! было бы лучше, еслибъ онъ служилъ при дядѣ, опытномъ человѣкѣ, который самъ себя сдѣлалъ карьеру и въ службѣ, и въ свѣтѣ.

— Да! повторилъ и князь:—надо отдать справедливость. У Чарудатова гроша за душой не было, у сестры твоей также; а живутъ какъ будто у нихъ сто тысячъ годового дохода. Откуда берется—это неразрѣшимая задача. На его жалованье можно жить въ теплѣ, быть сытымъ и одѣтымъ; а чтобы нанимать вельможескiй домъ, давать пиры и балы, имѣть собственную великолѣпную дачу и постоянную ложу въ театрѣ, надо заложить и перезаложить чорту душу.

— Я и сама иногда удивляюсь, откуда все берется, сказала и княгиня, качая головою.

Воспоминанiя о сынѣ наполняли дни стариковъ. Иногда, для разнообразiя и для развлечения, они переходили съ мѣста на мѣсто, изъ комнаты въ комнату, изъ половины на половину, какъ будто въ гости другъ къ другу, и дворецкiй являлся ежедневно съ вопросомъ, гдѣ прикажутъ ихъ сiятельства накрывать на столъ, или подавать чай, въ комнатахъ князя, или княгини. Послѣ обѣда, передъ вечеромъ, то князь скажетъ: „не хотите ли, княгиня, выйдти на балконъ?“ и княгиня подаетъ ему руку. То княгиня замѣтитъ, что съ этой стороны вѣтерокъ, не лучше ли перейдти на другую сторону,—и князь подаетъ ей руку и ведетъ на балконъ со стороны обширнаго озера; и они долго смотрятъ, какъ будто любясь, какъ хорошо рисуется передъ ними между рощами бархатный лугъ по скату къ озеру.

— Кажется, на озерѣ видна лодка, видно рыбу ловятъ?

— Не вижу, князь; а помнишь, когда мы были здѣсь съ Мисей, какъ я напугалась? Онъ выѣхалъ на самую середину озера въ лодочкѣ, и вдругъ поднялась буря. Забыть не могу! такъ ужъ и думала, что утонулъ!

— Ужъ лучше бы онъ утонулъ, проговорилъ князь, вздыхая;—по крайней мѣрѣ мы бы знали, гдѣ его могила.

— Богъ съ вами, что вы это, князь!

— Гдѣ онъ? что съ нимъ, живъ ли? ни слуху, ни духу!

Послѣ подобныхъ словъ наступало опять молчанiе и

грустная дума. Мысли стариковъ летѣли во всѣ стороны отыскивать сына.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ княгиня занялась шитьемъ воздуховъ для церкви, а князь повѣркою счетовъ по разнымъ имѣніямъ. Но и въ эти занятія мѣшались тѣ же печальные помыслы и путали узоры и счета.

Это тоскливое однообразіе нарушено было неожиданнымъ прїѣздомъ гостей.

Когда доложили, что кто-то подъѣзжаетъ къ дому, князь и княгиня въ недоумѣніи торопиво поднялись съ мѣсть и пошли встрѣчать, думая, не Миша ли. Но ожиданіе ихъ горько обманулось. Изъ дорожной кареты вышли двѣ дамы: сестра княгини съ дочерью.

— Не могла, сестрица, утерпѣть, чтобы не навѣстить васъ и не раздѣлить съ вами горе... вы не повѣрите, какъ мы всѣ изстрадались душою, когда узнали о несчастіи! говорила Чарудатова, обнимая княгиню и отирая глаза платкомъ.

Эхо крикливаго голоса раздалось по всему дому и отозвалось даже въ ушахъ Софроныча.

— Чтò тамъ такое дѣлается? пробормоталъ онъ тревожно, и поплеялся на продолжавшійся неумолкаемый гулъ. Въ гостиной, подлѣ безмолвной княгини, опустившей слезящій взоръ, сидѣли двѣ какъ будто знакомыя Софронычу барыни: остановясь, онъ посмотрѣлъ на нихъ, вслушался и проговорилъ: „вотъ, принесло!“

— Я бы тебя не узнала, Цецилія, сказала, наконецъ, княгиня нѣсколько успокоясь;—ты такъ выросла, сформировалась... я тебя помню лѣтъ двѣнадцать.

— Почти пятнадцать лѣтъ какъ мы не видались, прибавила мать.—Да, пятнадцать лѣтъ!.. Скажите пожалуйста, какъ летитъ время.

Княгиня продолжала смотрѣть на племянницу, и, казалось, удивлялась, что она успѣла уже не только сформироваться, чтобы не сказать созрѣть, но и поблекнуть.

Чарудатовъ отправилъ жену и дочь къ старикамъ Луцкимъ съ надлежащею инструкціей, не только угождать старикамъ, утѣшать и развлекать ихъ, но и оберегать отъ всякаго иного родственнаго и посторонняго вліянія.

— Если они горюютъ еще о своемъ мерзавцѣ сынѣ, излагая онъ изустно свое наставленіе,—то надо позабо-

тятся ласками искоренить въ нихъ бесполезное горе... Ты, Цецилія, должна быть внимательна къ нимъ и особенно къ старику; займи, разсѣй его, однимъ словомъ поволочись за нимъ. А лучше всего уговорить ихъ переѣхать сюда... мы помѣстимъ ихъ въ своемъ домѣ.

Эти наставленія имѣли бы ожидаемый успѣхъ, еслибы самъ Чарудатовъ, хоть по очереди, превращался то въ жену, то въ дочь. Но его повѣренныя принялись за дѣло черезчуръ усердно, чтобы скорѣе кончить его, — во-первыхъ, во избѣжаніе смертной скуки жить долго съ стариками и потворствовать ихъ причудамъ; а во-вторыхъ, чтобы не изныть по Петербургѣ, гдѣ у каждой были свои нѣжныя привязанности, а у Цециліи, кромѣ того, свои влеченія, цѣли и надежды, которыми она не намѣрена была жертвовать ни за какіе милліоны.

Съ перваго же дня онѣ раздѣлились на два корпуса и повели атаку. Мать занялась своею сестрой, а дочь — княземъ; Чарудатова сама по себѣ была неугомонная болтунья; а съ придачей усердія, разказы ея текли шумнымъ потокомъ, и рѣзкія гдось, то порывисто возвышаясь, то понижаясь какъ по скату, то превращаясь въ шепотъ, то вдругъ какъ будто прорываясь сквозь ущелье, вторился эхомъ пустыхъ комнатъ. Къ нему можно было прислушаться и изъ передней, и изъ дѣвичьей. Глухой Софроничъ никакъ не могъ къ нему привыкнуть, и въ забывчивости прислушивался, кто тамъ поднималъ брань.

По привычкѣ проводить время въ тихой бесѣдѣ съ женой, князь тяготился розказнями сестры ея, и часто вставалъ и бродилъ по комнатамъ, чтобы отдохнуть отъ этого своего рода утомленія. Но Цецилія бросалась вслѣдъ за нимъ, брала его подъ руку, и цѣлуя въ плечо, въ свою очередь надѣдала ему нѣжностями.

— Ахъ ты кошка, кошка, какъ ластится и курнычетъ! говорилъ Софроничъ, смотря на нее.

— Какъ хорошо здѣсь у васъ, дядюшка! какіе пейзажи! восклицала Цецилія, увлекая князя на балконы: — какая прелесть!

— Да, когда-то было хорошо, отвѣчалъ онъ.

— Отчего же, дядюшка, когда-то, отчего же не теперь? Посмотрите какое очарованіе!

Иногда, на повторяемыя однѣ и тѣ же фразы старикъ

молчалъ, а иногда отвѣчалъ съ скрытою досадою:

— Оттого, моя милая, когда-то, а не теперь, что эта прекрасная сцена для меня опустѣла, дѣйствіе на ней кончилось. Ты понимаешь ли, когда природа хороша, и что ее оживляетъ?

— Разумѣется удовольствія, отвѣчала Цецилія съ увѣренностію, что разрѣшила вопросъ;—еслибъ эти пейзажи перенести въ Петербургъ, что бы это было? Тамъ совсѣмъ нѣтъ природы.

— Это я вижу, сказалъ князь разсѣянно, скучая разговоромъ,—но за то столько удовольствій, прибавилъ онъ.

— Ахъ, да; еслибъ я имѣла волю надъ вами, дядюшка, я бы увезла васъ въ Петербургъ. Какъ бы намъ пріятно это было: всегда вмѣстѣ, всегда кто-нибудь есть, поминутно новости. Каждый день ѣздимъ въ театръ, въ оперу, въ концерты. Знаете ли какъ это разовиваетъ! Совершенно не чувствуешь какъ проходитъ время...

— Кажется, княгиня зоветъ насъ? былъ обыкновенный вопросъ князя, когда надѣдала ему Цецилія, и онъ шелъ къ княгинѣ.

Княгиня въ самомъ дѣлѣ не выносила долгаго отсутствія мужа. Вдвоемъ съ нимъ ей, казалось, легче было выносить говорливость сестры.

— Князь, что жъ это вы насъ забыли? говорила она всегда, когда онъ возвращался.

Князь и видѣлъ, какъ тяготится иногда княгиня безконечными разказами гостя, въ перебой съ дочерью, но избавиться отъ нихъ не было никакого средства, передать разказщицъ хоть для отдыха было некому.

Не болѣе какъ черезъ недѣлю, однакоже, Чарудатова и дочь ея почувствовали невыносимую скуку въ неисходномъ однообразіи жизни князя и княгини. Ни одной посторонней души не является въ домъ; ни сами, не только не выѣзжаютъ куда-нибудь, но даже не выходятъ въ садъ. У княгини болятъ ноги, и князь чувствуетъ слабость въ ногахъ. Одинъ выходъ—по праздникамъ въ церковь, одна прогулка—въ хорошее время на балконѣ.

Сидѣть въ продолженіи дня подлѣ княгини и занимать ее повтореніемъ однихъ и тѣхъ же разказовъ—утомительно. Слушать ея горе о сынѣ—еще тошнѣе. Угодать старикамъ ровно нечѣмъ, польстить чѣмъ-нибудь и подавно. Развлек-

ченій никакихъ; нѣтъ даже ни американскихъ собакъ, ни авгорскихъ кошекъ, до которыхъ и мать и дочь охотницы.

Цецилія первая вышла изъ себя.

— Нѣтъ, маман, сказала она матери:— здѣсь умрешь съ тоски! я не въ силахъ болѣе выносить! это какіе-то живые покойники!

— Подлинно, что отпѣтые! прибавила и сама Чарудатова.— Остается одно средство: уговорить ихъ переѣхать въ Петербургъ и помѣстить у себя въ домѣ, на особой половинѣ. Пусть себѣ доживаютъ вѣкъ. По крайней мѣрѣ все сохранится; а здѣсь на кого же оставить? Сестра совсѣмъ охившая, князь также слабъ. Еще годъ, два, совсѣмъ здѣсь обезумѣютъ; того и гаяди найдутся со стороны князя наследники мимо насъ. Я съ сестрой слажу, а ты уговаривай князя, и повеземъ ихъ.

Уговоры и начались. Чарудатова, послѣ долгихъ убѣжденій, принялась за мольбы и расчувствовала даже до слезъ.

— Помните, сестрица, что жь это такое, мы врозь живемъ и умремъ. Вѣдь у меня только и родни, что вы. Роднаго чужимъ не замѣнишь! Будь возможность оторваться мужу отъ службы,—я бы пріѣхала сюда; купила бы гдѣ-нибудь подлѣ васъ хоть хуторъ, и по крайней мѣрѣ знала бы, что мы не за двѣ тысячи верстъ другъ отъ друга. Не выпускаютъ изъ службы! вишь государственный человекъ нуженъ. Конечно, и жалованье большое, но вѣдь достаетъ только на прожитье. Приданого Цециліи не накопишь, а безъ приданого кто жь возьметъ?.. Ахъ, сестрица, еслибы вы съ княземъ переѣхали въ Петербургъ! какое бы счастье имѣ! мы бы васъ успокоили. Помѣщеніе у насъ большое. Нравится вамъ уединенная жизнь, жили бы въ уединеніи.

— Нѣтъ, душа моя, намъ нельзя жить уединенно въ столицѣ.

— Ахъ, полноте, сестрица! Петербургъ тѣмъ и отличается отъ всѣхъ городовъ, что въ немъ можно жить какъ хочешь. По крайней мѣрѣ я была бы совершенно спокойна и счастлива. Вотъ, вы жалуетесь ногами; тамъ тотчасъ бы вамъ помогли. А здѣсь? я право въ ужасъ прихожу: какъ можно жертвовать такъ здоровьемъ своимъ, жить безъ людей, и на случай болѣзни безъ всякой помощи?..

Княгиня стала задумываться, слезныя убѣжденія не были такъ томительны для нея, какъ разказы объ удовольствіяхъ Петербурга.

Князь, въ угоду княгинѣ, не сталъ бы противорѣчить; а между тѣмъ Цецилія умоляла князя, чтобъ онъ уговорилъ княгиню на переездъ въ Петербургъ.

— Я вамъ сама буду наливать чай, буду читать книги, газеты...

Князь вспомнилъ сына, который былъ постояннымъ его чтецомъ до самаго отъѣзда на службу, и это предложеніе племянницы понравилось ему болѣе всѣхъ ея ласкъ и интересныхъ разказовъ, которыми она старалась оживить въ дядѣ утомленные горемъ чувства.

Убѣжденія и повторяемыя ежедневно просьбы начали уже склонять стариковъ къ уступчивости. Оставалось еще разъ расчувствоваться Чарудатовой до слезъ, и дѣло было бы рѣшено. Но она неожиданно получила отъ мужа письмо по эстафетѣ. •

— Чтò папаша пишетъ?.. чтò съ вами, шатап? спросила Цецилія, вида что мать ея поблѣднѣла и письмо задрожало въ ея рукахъ.

— Мы погибли! на отца начетъ въ двѣсти тысячъ! проговорила Чарудатова и упала въ кресла безъ чувствъ.

Испуганная Цецилія взяла изъ рукъ ея письмо и прочтала: „Несчастіе! растрчены неизвѣстно кѣмъ огромныя казенныя суммы, и я въ числѣ отвѣчающихъ за нихъ. На меня начетъ до двухъ сотъ тысячъ. Проси у князя эту сумму и скорѣе пріѣзжай. Скажи, что мнѣ нужны эти деньги только на время ревизіи, по окончаніи которой я ихъ немедленно возвращу. Если замедлишь, меня отдадутъ подъ судъ, и тогда все пропало...“

— Чтò мы будемъ дѣлать? проговорила, приходя въ себя, Чарудатова.

— Просить скорѣе князя и княгиню дать батюшкѣ эти деньги, и скорѣе ѣхать. Для нихъ это ничего не стоить.

— Ничего не стоить! Князь такой скрага, скупецъ, что у него не вымолишь посмотрѣть на двѣсти тысячъ!

— Ахъ, да чтò жь дѣлать, шатап! надо просить.

— Пойдемъ!.. я на колѣняхъ готова просить!

Вся въ слезахъ и въ отчаяніи вошла Чарудатова съ до-

черью въ комнату княгини, которая только что разсуждала съ княземъ о предложеніи сестры.

— Что это значить? спросила изумленная княгиня, взглянувъ на сестру, которая сѣла въ кресла и зарыдала.

— Что съ вами? спросилъ и князь съ участіемъ.

— Отъ батюшки письмо... съ нимъ случилось несчастье, отвѣчала за мать Цецилія.

— Что такое случилось?

— Только вы и можете спасти его, князь! проговорила Чарудатова.

— Сдѣлайте одолженіе, скажите, чѣмъ я могу помочь.

— На него начетъ въ двѣсти тысячъ... пропали казенныя деньги... онъ отвѣчаетъ за нихъ... его отдадутъ подъ судъ, если этой суммы не будетъ во время ревизіи... Помогите, князь! Сестрица, просите князя!

— Двѣсти тысячъ, а по нашему семьсотъ тысячъ! это ужасно! сказалъ князь.—Но какая же еще ревизія, когда пропажа, безъ сомнѣнія, и открыта ревизіей?

— Ужь я не понимаю, какъ это случилось; но помогите, князь! Только на ревизію, князь, положить деньги въ казенный ящикъ, чтобы сумма была сполна; а потомъ можно взять, и мужъ немедленно вышлетъ къ вамъ обратно... Помогите, князь, выручите насъ изъ бѣды...

— Положить на время ревизіи, да потомъ взять! Да кто жь это позволить? возможное ли это дѣло?

— Очень возможное: вѣдь казначей подъ начальствомъ мужа. Да это сколько разъ случалось; и что жь такое! на вѣсколько времени.

— Оно бы кажется и ничего, да не дозволено; потому что эти займы растутъ до двухъ сотъ тысячъ, которыхъ негдѣ взять!

— Надо же какъ-нибудь помочь, князь, сказала княгиня, растроганная слезами сестры.

— Очень естественно, что надѣ помочь, отвѣчалъ князь.— Мужу вашему, однакоже, я помочь не могу; но семейство не виновато въ его поступкахъ; а потому, въ случаѣ какого-нибудь несчастья, вы будете отъ меня сполна обезпечены; а Цецилія, если выйдетъ замужъ, получить хорошее приданое.

Чарудатова продолжала заливаться слезами, а Цецилія подошла къ дядѣ и поцѣловала его въ плечо.

— Вамъ однакоже надо поторопиться ѣхать. По прибытіи въ Петербургъ, напишите мнѣ обо всемъ обстоятельно.

— Но мужъ пишетъ, если вы не поможете, и я не привезу денегъ, то его отдадутъ подъ судъ, и все пропадетъ! Умоляю васъ, князь, спасите его! начала снова Чурудатова.

Князь, не отвѣчая ничего, всталъ съ мѣста, отошелъ къ окну на другой сторонѣ комнаты, гдѣ стоялъ и глазами Софронычъ.

— Что, ваше сіятельство, чай денегъ просить? проговорилъ онъ:—затѣмъ и пріѣхала.

Княгиня знала нравъ князя и поняла, что онъ уже рѣшилъ дѣло, и просьбы напрасны.

— Что должно и можно, то князь сдѣлаетъ, сказала она сестрѣ:—а мой совѣтъ скорѣе тебѣ ѣхать; присутствіе твое для мужа необходимо. Напиши мнѣ скорѣе, въ чемъ дѣло, и тогда мы увидимъ.

Продолжать разговоръ было не о чемъ; тѣмъ болѣе что Чурудатова начала гнѣвно роптать на равнодушіе людей. Цецилія сидѣла надувшись. Наконецъ онѣ ушли въ свою комнату; а на другой день отправились въ дорогу, не отказавшись однакоже отъ значительныхъ подарковъ князя и княгини.

— Я предвидѣлъ, сказалъ князь,—что эта роскошь берется не изъ чистыхъ источниковъ.

— Мнѣ только жаль сестры и Цециліи, сказала вздохнувъ княгиня.

— О нихъ давно надо было жалѣть. Особенно о Цециліи: въ ея возрастъ она уже совершенно истрепалась и куда не годится!

XVI.

Жизнь стариковъ пошла обычнымъ порядкомъ. Присутствіе Чурудатовой и ея дочери тяготило ихъ; но оно же и нѣсколько развлекало постоянно-грустное расположение духа. Въ разговоръ вошло и разсужденіе о несчастной ихъ судьбѣ, и невыгодныя заключенія о самомъ Чурудатовѣ, и ожиданіе письма, и любопытство чѣмъ кончится его дѣло.

Письма однакоже не было; а между тѣмъ, въ одно утро

дожили князю, что прїехалъ нарочный изъ подмосковной.

Это былъ посланный отъ князя Михаила, съ письмомъ, предувѣдомлявшимъ о его прїездѣ.

Князь торопливо взялъ письмо, развернулъ, узнавъ руку сына, вскочилъ и побѣжалъ къ княгинѣ; но волненіе подкосило его ноги. Онъ сѣлъ, отдохнулъ, позвалъ человѣка и велѣлъ вести себя.

Старики чуть не умерли отъ радости. Читая письмо сына, они едва переводили духъ, и слезы капали изъ глазъ.

Въ слѣдъ за этимъ посланьемъ, онъ надѣялся быть и самъ.

Для стариковъ, ожиданіе сына было мучительнѣе всякихъ страданій. Цѣлый день сидѣли они въ душевномъ волненіи, на балконѣ, со стороны рѣки, откуда виденъ былъ мостъ, чрезъ который пролегла дорога въ Сборицу.

Тутъ же у дверей стоялъ и Софроньчъ; заложивъ руки назадъ, то посматривалъ онъ на князя и княгиню, то таращилъ глаза на дорогу.

— Тутъ прежде не роща, а такъ кустарникъ былъ; хорошо было видно и за мостъ въ гору, бормоталъ онъ про себя; а теперь вотъ, вишь, и въ трубу-то, чай, ваше сіятельство ничего не высмотришь.

Княгиня сидѣла въ глубокихъ креслахъ, но ничего не видѣла вдаль; за то князь вынесъ, по напоминанію Софроньча зрительную трубу, и какъ дежурный на старинныхъ телеграфахъ, смотрѣлъ на мостъ не отводя глазъ.

— Что князь? спрашивала княгиня.

— Затекаютъ глаза... никого не видно... Да сегодня врядъ ли онъ будетъ... Посланный сказалъ, что Миша пробудетъ дни два въ Москвѣ.

— Два дни! что ему тамъ дѣлать два дни?

— Какъ княгиня: надо же отдохнуть, закупить что-нибудь; можетъ статься экипажъ исправить; мало ли что въ дорогѣ случается.

— Лишь бы былъ здоровъ, сказала княгиня.

Ночь прошла въ тревожномъ прислушиваніи не ѣдетъ ли кто-нибудь? На другой день ожиданіе было еще томительнѣе. Чуть что зачеркнетъ на дорогѣ, князь пристально смотреть въ трубу; а княгиня спрашиваетъ: что князь?

— Кто-то кажется ѣдетъ... но руки трясутся никакъ не разсмотришь.

— А ты не забылъ послать верховаго на встрѣчу?

— Трое выставлены на дорогѣ.

Прошелъ и этотъ день; на слѣдующій, подъ утро, утомленные старики уснули; а между тѣмъ князь Михайло пріѣхалъ. Вся дворня радостно бросилась къ нему на встрѣчу. Обнимая всѣхъ, онъ не велѣлъ будить отца и мать. Но бѣготня во всемъ домѣ разбудила ихъ.

Софронычъ пріотворилъ двери въ спальню.

— Кто тамъ? не пріѣхалъ ли Миша? спросилъ князь очнувшись.

— Батюшка! отозвался было князь Михайло, порывисто бросаясь къ дверямъ.

— Постой, постой, погоди! проговорилъ удерживая его порывъ, Софронычъ:—ты пожалуй уморишь отца... постой, я прежде скажу ему...

— Софронычъ! что? пріѣхалъ? спросилъ князь.

— Слава тебѣ Господи, отвѣчалъ Софронычъ,—ну вотъ и дождалась.

— Гдѣ же, гдѣ? Миша!

— Ну вотъ онъ, вотъ и пріѣхалъ.

Князь Михайло бросился въ объятія отца.

— Ну вотъ, вотъ и пріѣхалъ! повторилъ Софронычъ.

— Миша! повторилъ старый князь дрожащимъ голосомъ.—Пойдемъ, пойдемъ къ матери!

— Постой, постой, я узнаю проснулась ли съ просонковъ, перепугаешь!..

— Мнѣ сказали, что матушка всю ночь не заснула, не надо бы тревожить ея сонъ.

— Правда, правда, сказалъ старикъ,—пусть сама проснется, подождемъ... Ну, постой же, дай мнѣ на себя наглядѣться... Постарѣлъ Миша, постарѣлъ! варугъ бы и не узналъ тебя... Сколько лѣтъ, а? сколько лѣтъ не видались?.. Да что ужъ время, Богъ съ нимъ, благо ты опять у насъ на глазахъ!.. Что встала княгиня?.. пойдемъ на ея половину.

Софронычъ успѣлъ предупредить и княгиню.

— Благодари, матушка княгиня, ваше сіятельство, Бога, Богъ милости послалъ, молитвы твои услышалъ.

— Миша, Миша пріѣхалъ? проговорила она.

— Ужъ не даромъ же ждали. Вотъ онъ! сказалъ Софронычъ.

Взглянувъ на сына, княгиня вскрикнула и упала безъ чувствъ.

Князь Михайло сталъ передъ ней на колѣна и цѣловалъ ея руки. Старикъ князь, со слезами на глазахъ, дулъ на нее и требовалъ спирта.

— Ты ли это, Миша? произнесла она слабымъ голосомъ, оцувствовавшись и цѣлуя сына въ голову.—Боже мой, Боже мой! я думала, что умру, не дожусь тебя!

И княгиня благоговѣнно обратилась къ кіоту образовъ и молилась. Эта молитва ея, освятившая свиданіе, успокоила взволнованныя радостію чувства стариковъ.

— Нѣтъ, Миша, ни на шагъ отъ себя не отпущу тебя, сказала княгиня, обнимая сына,—ни на шагъ, покуда умру; слышишь? Даетъ мнѣ слово не покидать насъ стариковъ?

— Я всегда былъ и буду въ вашей волѣ, отвѣчалъ Луцкій, цѣлуя руку матери.

Въ первыя минуты, князь и княгиня забросали сына вопросами. Отвѣты его перерывались новыми слезами и объятіями.

Когда въ разказѣ всего что съ нимъ случилось, онъ упомянулъ имя коменданта, отецъ его остановилъ.

— Постой, это знакомая мнѣ фамилія...

— Это вашъ сослуживецъ, батюшка, и нѣкогда другъ, отвѣчалъ Луцкій.

— Онъ? другъ мнѣ? нѣтъ, Михайло! я жалѣю и очень жалѣю, если ты обязанъ былъ чѣмъ-нибудь этому бездѣльнику!

— Батюшка! это честнѣйшій и добрѣйшій человекъ! сказалъ, вспыхнувъ, Луцкій.—Я обязанъ ему...

— И не напоминай мнѣ о немъ! сказалъ старый князь, съ какимъ-то чувствомъ боязни затрогивать больную нѣкогда сторону сердца.

Луцкій понялъ это, вздохнулъ и умолчалъ о своей женитьбѣ. Застарѣлое предубѣжденіе неизлѣчимо, думалъ онъ, и въ свою очередь боялся, чтобъ оно не пало ненавистію и на малютку дочь его, которую надѣялся воспитывать при себѣ.

Какъ ни желалъ онъ оправдать своего тестя въ глазахъ отца; но сыновнее чувство не допускало его напомнить отцу заблужденія молодости.

Луцкій отвыкъ отъ общества, и уединенная жизнь отца и матери вполнѣ была бы по душѣ его и соответствовала

его желанію, еслибы не разлука съ малюткой дочерью, о которой только изрѣдка и тайно извѣщаль его Наумычъ.

— Ну, теперь пора сложить мнѣ заботы обо всемъ на тебя, Миша, сказалъ старикъ, и поручилъ сыну завѣдываніе имѣніями и всѣ распоряженія; но тщательно повѣрялъ самъ доходы, и получая ихъ пряталъ къ себѣ. Старческая скупость и склонность копить успѣла уже въ немъ укорениться.

— Миша, все будетъ твое, говорилъ онъ, раскладывая деньги по ящичкамъ,—все твое будетъ; а теперь тебѣ вѣдь деньги ни на что не нужны; расходовъ у тебя никакихъ нѣтъ; всѣ расходы у насъ теперь общіе, изъ одного кошелька.

И каждое утро Луцкій проводилъ въ кабинетѣ отца за счетами и перечеками, и чтеніемъ газетъ.

— Что, Миша, выходитъ? говорилъ старикъ выкладывая на счетахъ:—перевѣримъ-ка еще... Говори мнѣ, сколько?... Итого въ итогъ... хорошо. Ну, теперь снизу вверхъ... я буду скидывать.... Выходитъ, кажется.... нѣтъ! лишніе!.. какъ же это? стало быть я скинулъ не такъ.... ну-ка сначала.

Отъ этихъ перевѣрокъ можно было придти въ отчаяніе, но Луцкій терпѣливо исполнялъ желаніе отца.

Счеты и перечеки прерывались только нетерпѣніемъ княгини, которая присылала звать къ себѣ сына.

Софронычъ часто присутствовалъ при этихъ счетахъ; даже и ему они наскучили.

— Только безпокойство одно! говорилъ онъ:—ну, что, ваше сіятельство, повѣрять вамъ князя Михайлу Васильевича, все равно что на рукахъ пальцы считать, всѣ ли тутъ. Изволи ли бы идти къ княгинѣ; она давно ждетъ.

— Ну, ну, ну: ты привыкъ старый пестъ лаять на меня!
— Привыкъ! а бывало только и спасенья, что поласшь! бормоталъ Софронычъ, слѣдуя за княземъ и сыномъ его.— Еслибы не перегрызъ горла собакъ ротмистру, что пріѣхалъ въ гости къ тебѣ въ Москву... пановалъ бы онъ въ этомъ имѣніи съ панной-то, какъ бишь ее? помнишь?...

Старый князь плохъ уже былъ на ухо, и бормотанье Софроныча не доходило до его слуха.

— Садись, мой другъ, подлѣ меня, говорила обыкновенно княгиня, когда входилъ къ ней сынъ.—Теперь, мнѣ хо-

рошо, какъ въ раю; ничего лучшаго не желаю и на томъ свѣтѣ. Князь, и ты со мною, чего же мнѣ и желать болѣе.

Бъ однообразію жизни можно привыкать также какъ и къ разсыанію. Въ разнообразной суетной жизни, человѣкъ какъ будто старается вывернуться и вылиться наружу; тревоги его мелки, но ежедневны. Каждый день онъ теряетъ что-нибудь, и ищетъ чѣмъ замѣнить эту потерю. Въ однообразіи жизни, этой искательности нѣтъ, человѣкъ сосредоточивается, уходитъ въ себя, а тревоги, нарушающія его привычки и обычное мирное состояніе духа, совершаются эпохами.

Четыре года прошаи день въ день, и разнообразіе заключалось только въ предметахъ воспоминаній, въ чтеніи газетъ и книгъ, и по вечерамъ въ сдачѣ картъ въ бостонъ втроемъ. Но Софронычъ не видѣлъ въ этомъ разнообразія: говорятъ, читаютъ, да карты—вотъ и все.

— А вамъ, батюшка, князь Михайло Васильчъ, слѣдовало бы хоть на старости лѣтъ, утѣшить родителей да жениться. Молодая жизнь окуражила бы и старую. А тутъ—вотъ, выйдешь посмотрѣть, и ничего-то нѣтъ, на что бы можно было порадоваться.

— Правъ ты, Софронычъ, не на что порадоваться; но и мое время прошао.

— Эва! подъ сорокъ лѣтъ! я въ шестьдесятъ собираася жениться.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— За чѣмъ? все некогда было. Ей Богу! то то, то се; а все дѣло. Подумаешь бывало: дай женюсь! да и задремлешь такъ сладко, словно ужъ и жена подъ бокомъ; а тутъ, кто-нибудь: ей! Софронычъ!—очнулся, вскочишь, и забылъ про женитьбу.

Напоминаніе Софроныча о женитьбѣ, наводило на Луцкаго грусть о дочери. Ему хотѣлось бы хоть взглянуть на нее; но свобода его ограничивалась только правомъ жить при отцѣ, старики боялись выпустить его изъ глазъ, какъ хранителя остальныхъ дней своей жизни и чѣмъ бы онъ оправдалъ передъ нимъ поѣздку въ Москву? Сами обстоятельства, однакоже, дали ему случай. Княгиня стала часто жаловаться на упадокъ силъ своихъ; состояніе здоровья ея внушало уже опасенія.

Всѣ окрестные медики лѣчили ее безъ всякаго успѣха,

и она горевала, что нѣтъ при ней ея бывшего домашнего доктора.

— Онъ бы вывѣчилъ меня, говорила она:—сама я ѣхать не могу, а его не упросишь пріѣхать сюда.

Можно понять, что послѣ этихъ словъ матери, ни какія препятствія не остановили бы Лудкаго ѣхать въ Москву.

— По письму, онъ пришлетъ опять совѣты; письмо не убѣдитъ его, сказалъ онъ:—позвольте мнѣ ѣхать я непременно привезу его; черезъ нѣсколько дней онъ будетъ здѣсь.

Старикъ князь, опасаясь за здоровье жены, рѣшился на повѣзку сына, и самъ убѣдилъ княгиню отпустить его.

Тайною и поспѣшною повѣзкою въ Москву и воспользовался Лудкій, чтобы видѣть дочь и довѣрить ея воспитаніе Марьѣ Ивановнѣ Лиговской. Воспоминаніе навело его на мысль обратиться къ ней, и мы знаемъ, съ какою готовностію она приняла на себя обязанность замѣнить мать Вѣрочкѣ.

Впомявъ успокоенный относительно дочери, Лудкій успѣлъ уговорить бывшего домашнего доктора матери ѣхать съ собой, и сдержалъ данное ей слово возвратиться черезъ нѣсколько дней.

Пріѣздъ доктора, къ которому княгиня имѣла полную довѣренность, оживилъ ее; здоровье ея возстановилось. Но лѣта понемногу брали свое: постепенно терялась память, являлись странныя причуды, разговоръ становился какимъ-то бредомъ, который не вдругъ замѣчали и мужъ и сынъ. Время не видимо тянулось въ уходахъ за нею и угадываніи ея желаній.

Обѣдъ заказывался еще по ея приказу; но что ни подадутъ — она отвѣдаетъ и оставляетъ, все ей не по вкусу; то солоно, то сыро, то чѣмъ-то пахнетъ непріятнымъ.

Займутъ ее игрой въ карты; сдадутъ, она возметъ, долго уставляетъ ихъ, и какъ дитя выбрасываетъ на столъ ту, какая попала подъ руку; но и это утомляетъ ее.

: — Нѣтъ, пестритъ въ глазахъ, голова кружится. Лучше почитай, что-нибудь, Миша.

Иногда, во время чтенія, она забудется; а иногда внимательно слушаетъ, и вдругъ спроситъ:

— Ты что жъ это читаешь?

— Вамъ утомительно слушать, матушка, я переставу.

— Ну, хорошо; да вѣдь мы, кажется, начали игру? Тебѣ можетъ-быть не хочется, князь, играть?

— Отчего же, душа моя, не хочется? Для твоего удовольствія мнѣ все пріятно, отвѣчаетъ князь, ходя грустно и задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ.— Чѣмъ тебѣ угодно, тѣмъ и займемся.

— Отопри-ко, Миша, шифоньерку. Хочется посмотрѣть свои брилліанты.

И княгиня, какъ дитя, пересматривала футляры съ разными драгоценными вещами, вынимала, раскладывала на столѣ и снова укладывала.

— Нѣтъ, это не то; это старинныя матушкины серьги; кто жъ ихъ носить теперь; надо ихъ передѣлать... послать бы за ювелиромъ... Князь!.. гдѣ же онъ?

— Я здѣсь, княгиня, что тебѣ угодно? спрашиваетъ старикъ, приподнимаясь съ мѣста и торопясь подойти къ ней.

— Гдѣ же фермуаръ, который ты мнѣ подарилъ? Я его берегу для Мишиной жены, когда онъ женится.

— Ужь и я говорю князь Михайлѣ Васильевичу; пора бы порадовать всѣхъ насъ, приложилъ и свое слово Софроньичъ, стоявшій тутъ же.

— Гдѣ жъ брилліантовый фермуаръ? Тутъ нѣтъ его, сказалъ князь, разсматривая футляры.

— А какъ сестрицѣ показывали, ваше сіятельство, что изволили подарить барышнямъ-то? Она тутъ юлила, да прищипывала, да цѣловала ручку, пробормоталъ Софроньичъ.

— Цецилію? сказалъ князь, качая головою:—хорошій подарокъ! на него она могла бы выкупить отца изъ бѣды.

— Изъ какой бѣды, батюшка? спросилъ Луцкій.—Чарудатовъ удаленъ отъ должности; но купилъ имѣніе, живетъ пышно, и Цецилія считается богатою наследницею.

— Что Чарудатовъ? спросила княгиня.—Бѣдная сестра и Цецилія! Князь! надо имъ помочь... пошли заложить эти вещи... да надо мнѣ пересмотрѣть свой гардеробъ... я выберу что-нибудь для Цециліи... принесите мнѣ...

— Хорошо, хорошо, княгиня; да не лучше ли завтра поутру?

— Нѣтъ, послѣ; я не много усну...

Подобныя бесѣды съ княгиней, въ какомъ-то полусонномъ состояніи, возобновлялись часто. Когда она забыва-

лась, старый князь съ сыномъ, ходили, въ ожиданіи ея пробужденія, по комнатамъ, склонивъ головы, и молчали, не зная о чемъ говорить, и не желая напоминать другъ другу о болѣзненномъ, безнадежномъ положеніи княгини.

Постоянно тяжкія чувства могли бы изнурить ихъ въ короткое время; но иногда княгиня приходила въ себя. Надежда на ея здоровье возрождалась, и они отдыхали. Медики перемѣнялись, каждый качалъ головой на лѣченіе предшественника своего, каждый подавалъ надежды, и эти минуты были отрады. Когда же княгиня становилось лучше, одинъ день выкупалъ мѣсяць томительныхъ страданій за нее.

Въ этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ болѣзни, то надеждахъ, то безнадежности, прошли дни, недѣли, мѣсяцы и годы; но времени некогда было считать. А между тѣмъ старый князь совершенно охилѣлъ; сынъ его сохранялъ твердость духа; но сѣдина убѣлила уже и его. Софронычъ, какъ домовой, пройдетъ иногда по комнатамъ, остановится, посмотритъ поочереди на всѣхъ, и пойдетъ назадъ, молча, или пробормочетъ про себя:

— Господи, что жъ это ея сіятельство, матушка княгиня, все больна да больна, словно при смерти! Кажись никто не выживаетъ ее съ блага свѣта? Что жъ ей? Жила бы да жила. И всего-то седьмой десятокъ; а князю и всѣ семьдесятъ; а мнѣ, вотъ, и всѣ девяносто съ походомъ, а все же надо до ста дотянуть.

Болѣзненное состояніе княгини стало наконецъ явно прекращаться, всѣ чувства ея какъ будто ожили.

— Я теперь чувствую себя очень хорошо, повторяла она.

Князь и сынъ ея порадовались ея выздоровленію; но не надолго. Княгиня заснула и не просыпалась.

На рукахъ Луцкаго остался старый отецъ, на котораго казалось уже не дѣйствовало ни горе, ни утѣшенія. Въ какомъ-то забытій ходилъ онъ по всему дому, останавливаясь прислушивался, заглядывалъ то туда, то сюда, и какъ будто искалъ княгини.

— Осиротѣли мы съ тобой, батюшка князь,—говорилъ ему Софронычъ, входя вслѣдъ за нимъ въ опустѣвшія комнаты княгини,—осиротѣли!

Князь не отвѣчалъ на его слова.

Въ этомъ общемъ оцѣнѣннѣ снова тягудось время.

Наконецъ старый князь какъ будто одумался.

— Миша, сказалъ онъ, — намъ надо заняться съ тобой. И онъ повелъ его въ комнату находившуюся за кабинетомъ.

— Вотъ, Миша, продолжалъ онъ, отпирая шкапы въ стѣнахъ, — меня уже тяготитъ это казначейство... Прими ты отъ меня всѣ суммы счетомъ... я велъ дѣла въ порядкѣ. Вотъ, здѣсь все чистое золото; а здѣсь серебро... а здѣсь бумажки... Давай считать.

Огромныя суммы денегъ во всѣхъ видахъ поразили Луцкаго, но болѣе поразило предложеніе отца считать все это богатство. Однако надо было исполнять его волю, и новые счеты, но уже наличнаго капитала, начались.

— Я буду развертывать свертки и пачки и повѣрять, а ты также повѣряй и принимай... Дѣло пойдетъ скоро... Деньги, мой другъ, любятъ счетъ.

Дѣло однакоже шло медленно. Старикъ утомился и отдыхалъ. Потускнѣвшія монеты беспокоили его, и онъ обтиралъ платкомъ каждую изъ нихъ и передавалъ сотнями сыну, который обязанъ былъ записывать принятую сумму и тщательно укладывать снова въ сундукъ. Приѣмъ казны продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, и когда кончилась, силы старика совершенно уже истощились.

Вскорѣ Луцкій похоронилъ и отца. Онъ распорядился всѣмъ имѣніемъ; въ память отца и матери, щедро награждалъ всю прислугу, желающихъ отпустилъ на волю, и собрался ѣхать въ подмосковную.

— А мнѣ-то къ чему даешь ты деньги да волю? оставаться здѣсь съ ними?.. нѣтъ не останусь, а ѣду съ тобой, сказалъ почти столѣтній Софроничъ.

— Если только желаешь, поѣдемъ, другъ Софроничъ.

— Еще бы! Ужь если прирость къ тебѣ, такъ и возись со мной.

XVII.

До Святой оставалось не болѣе двухъ недѣль. Марья Ивановна не возвращалась. Иванъ Артемьевичъ былъ очень доволенъ хозяйствомъ Сары и какъ будто забылъ о женѣ. Но Сара была въ неспокойномъ состояніи духа. Не одинъ уже разъ, какая-то отвратительная женщина встрѣчаетъ ее

у подъѣзда, бросается къ ней, то требуетъ поговорить съ ней наединѣ, то проситъ милостыню на пропитаніе бѣдной матери, и такъ страшно смотритъ на нее, что всякій разъ Сара пугается этого взора. Дикія черты лица этой женщины, покрытаго темными пятнами, такъ впечатлительно отражаются въ памяти и воображеніи, что, повторяясь во снѣ, будятъ Сару; даже и на яву, въ полутьмѣ комнаты, слабо озаряемой ночникомъ, то же привидѣніе крадется къ ея постелѣ изъ всѣхъ угловъ.

Въ непріятномъ расположеніи духа встала Сара, когда ей подали записку отъ Авдотьи Петровны, которая просила ее къ себѣ.

Сарѣ не хотѣлось ѣхать; но она превозмогла себя и поѣхала.

— Пора бы Машѣ пріѣхать, сказала ей Авдотья Петровна.—Святая недѣля на дворѣ; надо же къ празднику и пріѣзду жениха какое-нибудь новое платье тебѣ. Вотъ, Вѣрушка, сто рублей; распорядись, милая, сама.

Самолюбіе Сары затронулось. Подарокъ Авдотьи Петровны показался ей чѣмъ-то въ родѣ милостыни.

— Для чего это, Авдотья Петровна? спросила она, со взглядомъ, въ которомъ не угадалось для старухи пренебреженіе:—я нисколько не нуждаюсь въ этомъ; у меня есть довольно нарядовъ, чтобы встрѣчать и праздникъ и жениха.

— Ну, какъ хочешь, милая; я насильно тебѣ не навязываю. Я думала, что тебѣ нужны на что-нибудь деньги. У васъ, я слышала, и весь великій постъ вечера да обѣды? прибавила Авдотья Петровна, какъ будто пережвывая разговоръ.

— У Ивана Артемьевича? Онъ распоряжается своимъ временемъ какъ ему угодно.

— Ну, конечно. Онъ экономіи не наблюдаетъ, какъ Маша, да и до поста ему дѣла нѣтъ... твоимъ однакоже хозяйствомъ и любезностью всѣ очень довольны... Вчера насмѣшилъ меня Потапъ Савичъ: ну, говоритъ, надо отдать справедливость, Иванъ Артемьевичъ и Вѣра Михайловна живутъ какъ молодые.

— Прощайте, Авдотья Петровна, проговорила вмѣсто отвѣта Сара, вставая съ мѣста.

— Прощай, Вѣрушка.

Возвратясь домой, Сара издали начала всматриваться,

нѣтъ ли опять у крыльца отвратительной нищей. Но не замѣтила никого. Карета остановилась у подъѣзда, человекъ отворилъ дверцы...

— Красавица ты моя, раздался вдругъ пронзительный знакомый уже Сарѣ голосъ:—подай, какое-нибудь платьишко дочкѣ моей Сарѣ на свадьбу! на свадьбу бѣдной невѣстѣ, дочкѣ моей Сарѣ!.. слышишь, красавица? выслушай что-нибудь бѣдной матери!..

Сара съ содроганіемъ выскочила изъ кареты и вбѣжала на крыльцо.

Человекъ снова пугнулъ салонницу, и она отбѣжала отъ крыльца съ проклятіями.

Сара вошла въ свою комнату въ лихорадочномъ состояніи. Ее бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Имя Сары раздавалось въ ея ушахъ. Она припомнила это первое свое имя и, казалось, снова готова была вскрикнуть: Я не хочу быть Сарой!

— Чтѣ это? проговорила она, бросая испуганный взоръ кругомъ.—Кто это меня преслѣдуетъ? тамъ даютъ на платьишко бѣдной невѣстѣ, здѣсь просятъ на платьишко бѣдной Сарѣ!.. Тамъ насмѣхается надо мной богатство, здѣсь дразнить меня нищета!..

Сара закрыла обѣими руками лицо; но это отчаяніе недолго продолжалось, глаза ея заблистали.

— А! понимаю, понимаю! проговорила она вдругъ сдѣвическимъ голосомъ:—меня хотятъ здѣсь измучить, свести съ ума, уморить! Нѣтъ! этого не будетъ, это вамъ не удастся.

Съ видимымъ презрѣніемъ къ собственнымъ пугливымъ чувствамъ, она пересилила себя, бросилась къ столу, написала коротенькую записку, на имя князя Ивана Юрьевича, запечатала, велѣла отдать на городскую почту, и вышла въ гостиную, гдѣ Иванъ Артемьевичъ встрѣтилъ ее съ какимъ-то торжественнымъ видомъ.

— Вѣрушка, милая, посмотри какая пріѣхала гостья! и она схвативъ Сару за руку, повлекъ къ окну, выходившему на дворъ, гдѣ сваливали съ дровней безобразный, огромный каменный истуканъ.

— Узнала?

— Нѣтъ, эта гостья мнѣ не знакома, отвѣчала сухо Сара.

— Каменная баба! баба каменная! единственный цѣнный экземпляръ!.. Не знаю только, гдѣ бы ее поставить...

— Ужь не въ гостиной ли?

— А какъ ты думаешь? подѣй средняго окна.

— Безъ сомнѣнія, эта постоянная гостья будетъ пріятна Марьѣ Ивановнѣ.

— Это такая рѣдкость! Изъ Малой Татаріи.

Иванъ Артемьевичъ и поставилъ бы каменную бабу въ гостиной, есабы пріѣхавшій ввечеру князь Иванъ Юрьевичъ не разочаровалъ его, и не объяснилъ что этихъ могильныхъ истукановъ изъ Новороссійска можно привести сколько угодно.

— Вы ничему, князь, не даете цѣны! сказалъ затронутый Иванъ Артемьевичъ.

— Я умю цѣнить только прекрасное, отвѣчалъ князь, обращаясь къ Сарѣ.—Вѣра Михайловна, вы сегодня чѣмъ-нибудь очень огорчены? проговорилъ онъ ей тихо:—я исполнилъ ваше желаніе...

— Походите, сказала Сара, —меня что-то волнуетъ.

Пройдя ряды комнатъ, князь и Сара возвратились въ гостиную.

— Сядете, сказала Сара,—у меня кружится голова.

— Вы бы пошли и легли, Вѣра Михайловна, проговорилъ съ участіемъ князь, встревоженный здоровьемъ Сары.

— Да я пойду въ свою комнату... Вы такъ обязательно заботливы обо мнѣ, князь!

И Сара, пожавъ князю, руку вышла изъ гостиной, гдѣ около двухъ игорныхъ столовъ составлялись уже партіи. Князь завербовался въ одну изъ нихъ.

На другой день по утру, Сара приказала нанять для себя карету.

— Для чего же, барышня, нанимать, когда своя есть?—спросила ее Даша.

— Мнѣ нужно дѣлать много покупокъ, по порученію, и я не хочу мучить лошадей Марьи Ивановны.

Въ одиннадцать часовъ, послѣ завтрака, Иванъ Артемьевичъ отправился въ свое засѣданіе. Въ слѣдъ за нимъ, поѣхала и Сара на Кузнецкій мостъ. Во всѣхъ лучшихъ магазинахъ и у всѣхъ славящихся модистокъ, она бывала не одинъ разъ съ Марьей Ивановной. Вездѣ ее знали, вездѣ

встрѣчали любезными спросами: что ей угодно? раскладывали передъ ней всѣ лучшія матеріи, показывали новѣйшія моды полнаго дамскаго туалета.

Сара смотрѣла, выбирала что ей нравилось, откладывала съ почительно внимаемымъ словомъ: „это я беру“, и, расплачивалась новенькими бумажками, которыми туго набить былъ роскошный бархатный портфель, обложенный эмалью и золотомъ. Модистки тотчасъ поняли, что это не простая закупка, въ которую вмѣшивается расчетъ на прочность, и расчетъ на цѣнность, и соображеніе сколько можно издержать денегъ.

Съ догадкой, что Сара закупаетъ богатое приданое, предложенія усилились. Быстро развертывались передъ ней и ловко раскидывались вѣромъ, въ рукахъ *commis*, различные сорта дорогаго воздушнаго тюля, для вѣнчальнаго платья, выборы высокої доброты матерій для платьевъ визитныхъ, парадныхъ, бальныхъ, утреннихъ, вечернихъ; выборы только что полученные, которыхъ ни на комъ еще не было.

Сара все покупала, какъ будто съ замысломъ закупить все лучшее, все дорогое. Пачки, связки и различнаго рода картонки наполнили ея карету, и она возвратилась домой.

Всѣ люди въ домѣ дивились этому множеству покупокъ, и недоумѣвали, для кого барышня Вѣра Михайловна все это изволить покупать?

На слѣдующій день явились модистки съ рисунками модъ и выкроекъ; Сара выбрала по вкусу, велѣла снять мѣрки, отдала матеріи въ шитье, написала новый реестръ покупокъ и снова отправилась по магазинамъ.

И опять разные ящички и картонки привозились, приносились и наполняли ея комнату.

Во всемъ домѣ заговорили, что Вѣра Михайловна строить себѣ богатое пребогатое приданое, да Богъ вѣдаетъ на какія деньги.

— Говорили люди Лонскихъ, что ихъ молодой баринъ женится на ней?

— Эва! онъ давно уѣхалъ.

— Да кто жъ женится-то на ней?

— Вѣрить Родіону, такъ стало-быть чортъ.

Спрашивали Митю, какъ онъ думаетъ?

Но онъ пожималъ плечами и говорилъ только про себя:

— Чудна что-то она; да и съ ней чудеса дѣются! Вотъ хоть бы эта кодунья что приходитъ просить милостыню, говорить, что знаетъ ея родную мать... Да жетъ она, морочить, чортово навожденье! только сомнѣнье наводитъ на князя!.. а тутъ вдругъ заговорили, что за Лонскаго замужъ выходитъ... и приданое закунаетъ... Подумаешь словно бы и правда... Да когдажь онъ сватался?.. А деньги-то откуда? Родіонъ что съ ней ѣздитъ чудеса разказываетъ, самъ видѣлъ... говоритъ, что пріѣдетъ въ магазинъ, раскроетъ бумажничъ—полнехонекъ ассигнацій; истратитъ всё, закроетъ пустой; анъ глядъ въ другомъ магазинѣ опять полнехонекъ!...

Домашніе слухи о необыкновенномъ приданомъ, устраиваемомъ для воспитанницы Вѣры Михайловны, дошли и до Авдотьи Петровны. Изумляясь этому, но не совсѣмъ довѣряя, она пріѣхала сама къ Ивану Артемьевичу.

— Какое приданое справляетъ Вѣрушка для себя и на чьи деньги? спросила она его съ подозрительнымъ взглядомъ.

— Какое приданое? спросилъ и онъ, уставивъ на нее глаза, съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— Но весь домъ говоритъ объ этомъ; откуда же берутъ?

— А я почему знаю?... Да какое же приданое? нешто она замужъ выходитъ?

— И то правда, батюшка, что ты ничего не знаешь. Не знаешь что въ домъ дѣлается; не знаешь, что Вѣрушка развѣжаетъ по магазинамъ, и что къ ней свесалъ весь Кузнецкій мостъ!

— Удивительныя вещи вы говорите, Авдотья Петровна, — я ее постоянно вижу дома; распоряжается себѣ хозяйствомъ, и очень хорошо, я доволенъ, все въ порядкѣ.

— Да, слышала я, хозяйничаетъ очень хорошо, гораздо лучше Машин!.. Надо навѣстить новую хозяйку.

И съ этими словами Авдотья Петровна, желая навести справку на мѣстѣ, отправилась въ комнату Сары. Вошла и изумилась. Сара примѣривала синяго бархата платье, богато обшитое кружевами.

— Извините, Авдотья Петровна, я сейчасъ кончу, — сказала Сара, продолжая дѣлать замѣчанія модисткѣ. — Передѣлите такъ, какъ я сказала; на бурнусѣ кружева шире.

— У тебя исѣсть негдѣ, Вѣрушка, замѣтила Авдотья

Петровна, смотря на комнату заставленную ящичками и картонками, на разные футляры на столах и на стулья занятые разными пачками и набросанными на них нарядными.

— Не угодно ли вамъ здѣсь сѣсть?

И Сара, схвативъ картонный ящикъ съ кресель, бросила его на постель. Крышка свалилась, блондовые и кружевные косынки и чепчики вывалились на полъ.

— Поднимите, сказала Сара модисткѣ.

— Спаржаешь себя, приданое готовишь, Вѣрушка? Люблю, что и о себѣ и обо всемъ сама заботишься.

— Кому же мнѣ поручать, Авдотья Петровна?.. Да, я и забыла, продолжала Сара, обращаясь къ уходившей модисткѣ:— Нѣтъ ли у васъ знакомаго мѣховщика?

— Если вамъ угодно, я пришлаю.

— Пришаите; чтобъ овъ привезъ, завтра же по утру, горностаевую пелеринку, да соболій мѣхъ на шубу, и другой чернобурыи лисій.

— Въ какую цѣну, прикажете? спросила модистка.

— Я цѣны не опредѣляю: чтобъ были самыя лучшіе мѣха.

— Лучшіи соболій мѣхъ стоитъ около трехъ тысячъ серебромъ и даже дороже, чернобурыи не менѣе;—замѣтила Авдотья Петровна дивясь всему, что слышитъ и видитъ.

— Я право не знаю цѣны; но во всякомъ случаѣ лучшіе мѣха.

Модистка поклонилась и вышла.

Авдотья Петровна смотрѣла на Сару и, казалось, затруднялась съ чего начать разговоръ.

Сара также молчала; но потомъ встала и вынула изъ комода картонный ящикъ.

— Не угодно ли вамъ взглянуть, хороша ли эта шаль? сказала она, развертывая и накидывая на себя превосходную турецкую шаль.

Авдотья Петровна показалося, что она дразнить ее своимъ богатствомъ.

— Очень хороша; но должно быть и деньги хороши?

— Кажется, двѣ тысячи пять сотъ рублей.

— Серебромъ?

— Конечно.

— Дешево, дешево, у кого деньги есть—дешево. Въ мое время платили, когда на эти шали была особенная мода, тысячь до трехъ за такую, разумеется асогваціями.

— Теперь вѣроятно онъ рѣдки и вздорожали, сказала Сара, не обращая вниманія на замѣчаніе Авдотьи Петровны.—Двѣ тысящи пять сотъ, составить, кажется, болѣе восьми тысячь?

— Да, съ чѣмъ-то: восемь тысячь семь сотъ пятьдесятъ рублей.... На все это однакоже нужны деньги. Достаточно ли у тебя будетъ ихъ на нужныя вещи, Вѣрушка?

— Я полагаю, очень достаточно.

— Если Маша снаряжаетъ тебя къ свадьбѣ, то не лишнее было бы сдѣлать сначала роспись всему что необходимо, и потомъ сообразить что можно издержать.

— Марья Ивановна не снаряжаетъ меня, отвѣчала Сара.

— Такъ какъ же, стало-быть Иванъ Артемьичъ даетъ тебѣ деньги по ея распоряженію, и сколько нужно? прибавила Авдотья Петровна.

— Иванъ Артемьичъ выдаетъ деньги на свои домашніе расходы, но не на меня.

— Такъ извини, я не постигаю, откуда жъ это все берется?

— Мой женихъ богатъ, и нельзя же чтобъ я явилась къ нему въ домъ въ какихъ-нибудь...

— Лохмотьяхъ, ты хочешь сказать? Ну, это дѣло другое; онъ можетъ радить тебя, какъ ему угодно. Прощай, Вѣрушка, я очень рада твоему счастью.

Отъ Сары Авдотьи Петровны проѣхала, катати, съ визитомъ къ теткѣ Ломскаго, гдѣ застала и мать его.

— Марья Ивановна еще не возвращалась? спросила Любовь Федоровна, усаживая ее.

— Еще нѣтъ; я удивляюсь, что она замедлила. Кто-нибудь тамъ нездоровъ.

— Что Вѣра Михайловна?..

— Я сейчасъ отъ нея.

— Вотъ письмо отъ Алеши, пожалуйста передайте ей. Онъ въ отчаяніи, что она считаетъ еще не приличнымъ отвѣчать ему. Да и мнѣ хотѣлось бы ее видѣть, и все это нельзя. Я не знаю, для чего таить о словорѣ ихъ?

— Сама она, по крайней мѣрѣ, не таить, и готовить уже приданое, отвѣчала Авдотья Петровна.

— Неужели?..

— Да, и признаюсь, приданое не только богатое, но даже роскошное. Машѣ, конечно, не совѣтъ будетъ приятно, что ее предупредили; но она во всякомъ случаѣ не въ состояніи была бы такъ снарядить къ свадьбѣ и своихъ родныхъ дочерей.

— Такъ кто жь дѣлаетъ приданое Вѣрѣ Михайловнѣ? спросила вдругъ Любовь Федоровна.

— Безъ сомнѣнія, это вамъ лучше извѣстно. Женихъ.

— Алеша? спросила снова съ изумленіемъ Любовь Федоровна, обратясь къ матери Лонскаго.

— Я объ этомъ ничего не знаю, отвѣчала она.

Авдотья Петровна посмотрѣла съ недоумѣніемъ на ту и другую.

— Чтѣ жь это онъ вздумалъ таить отъ насъ? проговорила, вспыхнувъ Любовь Федоровна: — это странно и забавно!

— Удивляюсь! отвѣчала мать Лонскаго:—но это кажется невозможно!

— Онъ можетъ-быть думалъ, что моя племянница отпустить Вѣрушку изъ дому въ старыхъ тряпкахъ; но я ружаюсь, что этого бы не было, сказала Авдотья Петровна.— Впрочемъ извинительно; любя Вѣрушку и имѣя средства, ему хотѣлось великолѣпной обстановки.

— Такъ стало-быть они имѣютъ сношенія помимо меня?

— Этого я не знаю, отвѣчала Авдотья Петровна.

— Прекрасно! А къ намъ пишетъ жалобы на то, что Вѣра Михайловна не удостоила его отвѣта! Безподобно! Это чтѣ за штуки такія?.. и гдѣ жь ему взять деньги?.. стало-быть онъ завимааетъ?

Мать Лонскаго и на этотъ вопросъ пожала плечами. На лицѣ ея постоянно выражалось несочувствіе желаніямъ сына и тетки.

Любовь Федоровна, безъ сомнѣнія, совѣстилась разразиться при Авдотѣ Петровнѣ; она молчала, и закусивъ губы, потирала руки.

— Молодость не знаетъ цѣны деньгамъ, и не любитъ вести счета. Чтѣ приглянется, то и давай, повела рѣчь Авдотья Петровна.—Напримѣръ, къ чему теперь турецкая

шааь, которыхъ почти не носятъ; да еще въ двѣ тысячи пять сотъ рублей серебромъ. Потомъ двѣ шубы, одна соболья тысячи въ три, другая чернубурой лисицы — не дешево? Въ наше время такъ не роскошничали.

— Господи! вскричала Любовь Федоровна, да это брошенные деньги!.. шааь у меня превосходная; я хотѣла ей подарить. Песцовый мехъ на шубу, я купила сама для нея, разумеется не въ три тысячи... ай, ай, ай! скажите пожалуйста! ну, Алеша! ну, мать моя, вѣрно сынъ въ отца!

— Вы всегда, при всякомъ случаѣ, находите удовольствіе упрекать своего брата, отвѣчала затронутая мать Лонскаго.

— Правда глаза колетъ; что жь дѣлать!.. Я долговъ не намѣрена платить за Алешу!.. Мое состояніе не Богъ знаетъ какое!.. Все что я могла дать имъ, это десять тысячъ серебромъ въ годъ... маѣ надо же жить самой!

Мать Лонскаго встала, и вышла изъ комнаты.

— Вотъ воспитаніе сына! проговорила вслѣдъ ей расходившаяся Любовь Федоровна.

Авдотья Петровна не намѣрена была принимать ни чьей стороны въ домашнихъ счетахъ, а потому и поторопилась уѣхать.

Между тѣмъ, посланники и посланницы изъ магазиновъ, разные соппіи и разные швеи, каждый день являлись къ Сарѣ. Люди привыкли безопасно и равнодушно смотрѣть на разный народъ, который проходилъ къ ней, черезъ заднее крыльцо, безъ всякаго доклада.

Въ одно утро, занятая пересмотромъ разныхъ вещей, записываніемъ, укладкою ихъ, и своими соображеніями, Сара не замѣтила какъ вошла въ комнату Дина.

— Барышня, Вѣра Михайловна! раздался вдругъ сиповатый, глухой ея голосъ, какъ будто выходящій изъ какой-то пустоты.

— Кто тутъ? спросила Сара, не обращая вниманія.

— Или забыла ты въ роскоши и богатствѣ, что ты Сара, нищенская Сара? голодная Сара, которую матери нечѣмъ было кормить?

Сара оглянулась, вздрогнула и оторопѣла.

— Это я! чего ты испугалась, чего ты боишься своей матери, Дины?

— Вонъ поди! проговорила Сара, съ ужасомъ смотря на законую, страшную уже для нея наружность Дины.

— Вонъ! вонъ, родной матери? Възлась въ богатство, не хочетъ знать кто родилъ ее!

— Кто тамъ? люди! крикнула Сара, стѣсненнымъ голосомъ.

— Ворова въ павильныхъ перьяхъ! не брезгай матерью! слышишь, Сара! А не то я вытащу тебя изъ этихъ хоромъ въ свою трущобу!

Въ испугъ Сара схватила колокольчикъ и, не помня себя, бросилась къ двери; но Дина заступила двери.

— Куда? не пуцу! не пуцу, покуда не прокляну твою душу! Не найдешь мѣста ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ, если не поклонись въ ноги матери!.. Что ополоумѣла? Гадко вѣрно цѣловать руку у нищей?.. а мнѣ какво утирать слезы лохмотьями?.. Что заметалась отцовская холодная кровь!..

Въ это время дверь пріотворилась.

Сара хотѣла снова звать людей, но голосъ ея замеръ; слабо проговорила она:—Гоните, гоните ее!—бросилась въ кресла и закрыла лицо руками.

— Гони, гони! раздавался въ коридоръ голосъ Дины:— не далеко уговяшь! буду умирать у порога твоего съ голоду!..

XVIII.

Омутно и дико озиралась еще Сара вокругъ себя, послѣ того какъ вывели изъ ея комнаты Дину. Она велѣла не допускать къ себѣ никого безъ доклада.

— Нѣтъ, это уже становится страшно невыносимо! Я не могу оставаться здѣсь въ домѣ, я не хочу быть жертвой этой коварной бабы, Лиговской, которая мститъ мнѣ за свою глупую Лидію! проговорила вдругъ Сара изступленно.— Понимаю теперь причину ея отсутствія! Все въ домѣ на меня смотритъ зѣвремъ; этотъ злой уродецъ, карликъ, участникъ ея каверзъ, чтобы вывести меня изъ себя и осрамить!.. Этотъ демонъ мучилъ мнѣ душу отцомъ, подговорилъ нащую выдавать себя за мать мою!.. Я видѣла, какъ

онъ сидѣлъ съ ней вмѣстѣ у воротъ, выжидая меня и напустилъ на меня это чудовище... Нѣтъ, я не могу здѣсь долѣе оставаться! повторила рѣшительно Сара.

Она сѣла и начала писать письмо. Комчивъ его, позволила, отдала Дашѣ и велѣла отослать немедленно къ Любому Федорову Лонской.

Ни къ обѣду, ни ввечеру, когда собрался къ Ивану Артемьевичу обычные его гости, Сара не выходила изъ своей комнаты, и велѣла сказать, что чувствуетъ себя вездоровую.

Утреннее происшествіе, съ какою-то сумашедшею женщиной, напугавшею ее, было уже предметомъ разговоровъ и въ гостиной и во всемъ домѣ, и потому Иванъ Артемьевичъ даже навѣстилъ Сару съ тѣмъ чтобы успокоить ее.

Смутныя, подозрительныя мысли роились въ головѣ Сары и волновали ее въ продолженіи всей ночи; только со свѣтомъ она заснула.

Въ постели подала Даша ей отвѣтъ отъ тетки Лонскаго.

— Положи на столъ, дай мнѣ одѣться, сказала она, взглянувъ на адресъ.

Даша одѣла ее, причесала. По окончаніи туалета горничная вышла. Сара взяла письмо и распечатала.

„Милостивая государыня, Вѣра Михайловна (писала Любовь Федоровна), странное письмо ваше я получила. Мало зная французскій языкъ, я сомнѣвалась, не ошибаюсь ли я, что вы пишете будто васъ преслѣдуютъ и терзаютъ въ домѣ Марьи Ивановны; и потому обратилась за объясненіемъ къ Авдотѣ Петровнѣ. Однакоже она не менѣе меня была поражена письмомъ вашимъ, и сказала, что если участіе въ васъ ея племянницы, Марьи Ивановны, постоянное вниманіе и даже любовь къ вамъ вы принимали за намѣреніе огорчать васъ и мучить, это уже не ея вина. Она сдѣлала для васъ, какъ посторонней для нея дѣвухи, все что могла, чтобы замѣнить вамъ родную мать. Вы изволили также отозваться Авдотѣ Петровнѣ, что женихъ вашъ дѣлаетъ вамъ великолѣпное приданое. Сомнѣваясь, чтобы мой племянникъ дѣлалъ это безъ моего и материнскаго согласія, я писала къ нему объ этомъ. Эта новость не только удивила его, но и заставила предполагать, что у васъ есть какой-нибудь другой женихъ, съ которымъ онъ не желаетъ соперничать, а потому отказывается получить

вашу руку. Увѣдомляя васъ объ этомъ и желая вамъ счастья, остаюсь доброжелательная вамъ Л. Д.“

Дочитавъ дрожавшее въ рукахъ письмо, Сара изорвала его въ клочки, вынула изъ комода бархатный футляръ, запечатала его въ бумагу и подписала: „Любови Федоровнѣ Ловской. Обратно.“

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, она снова бросилась въ кресло, закинула голову и, казалось, забылась. Лицо ея было блѣдно. Какъ будто очнувшись вдругъ отъ обморока, она осмотрѣлась вокругъ, позвонила и приказала вошедшей Дашѣ вѣлѣть подавать карету, а потомъ отвезти самой посылку къ госпожѣ Ловской и отдать лично, не дожидаясь отвѣта.

Садясь въ карету, Сара велѣла ѣхать на Патриаршіе пруды. Тамъ указала она угольный домъ и подъѣздъ. Здѣсь жилъ Равѣвъ. Онъ только что всталъ, и облаченный въ шелковый, коричневаго цвѣта архадукъ, пилъ чай.

— Вѣра Михайловна! сказалъ онъ съ удивленіемъ увидя Сару:—какими это судьбами?

— Просто вздумалось навѣстить васъ, Владиміръ Петровичъ.

— Стало-быть Марья Ивановна возвратилась? она здѣсь?

И Равѣвъ бросился къ дверямъ, чтобы встрѣтить Марью Ивановну, которая, по родству, изрѣдка его навѣщала.

— Не трудитесь, я одна; Марья Ивановна еще не возвращалась.

— А вы теперь исполняете ея обязанности. Очень благодаренъ, что навѣстили меня. Не хотите ли чаю?

— Благодарю васъ, я пью по утру, а теперь уже полдень.

— Ну, какъ же идетъ ваше хозяйство? что Иванъ Артемьевичъ?

— Я его не видала еще сегодня. Мнѣ не здоровилось, и вдругъ пришла мысль ѣхать къ вамъ, тѣмъ болѣе что вы всегда принимали во мнѣ такое участіе.

— По влеченію сердца, прибавилъ шутя Равѣвъ.

— Вотъ видите ли, къ кому же мнѣ обратиться, какъ не къ вамъ?

— За совѣтомъ? спросилъ Равѣвъ.

— Да. Вы согласитесь, что моей воли никто не можетъ связывать?

— Это къ чему же такой вопросъ? Конечно, кто же захочетъ связывать вашу волю?

— Помните, вы говорили, что у меня есть талантъ для сцены?

— Да; что жь такое?

— Вы въ самомъ дѣлѣ находите его во мнѣ?

— Рѣшительно.

— Такъ я хочу вступить на театръ.

Раявъкъ посмотрѣлъ на Сару.

— Вы, кажется, чѣмъ-то взволнованы? оказалъ онъ, продолжая всматриваться въ нее.

— Я взволнована только желаніемъ оставить скорѣе домъ Лиговскихъ.

— Это какъ же понимать?

— Какъ хотите, такъ и понимайте, но желаніе мое непремѣнно.

Раявъкъ задумался, что-то соображалъ и, казалось, догадался о причинѣ.

— Н-да! проговорилъ онъ, и какъ будто отклоняя разговоръ о намѣреніи Сары, спросилъ:—Что за причина, что Марья Ивановна такъ неожиданно уѣхала съ дочерью... и такъ долго не возвращается?

— Право я этого не знаю и не хочу знать.

— Н-да! произнесъ Раявъкъ, сложивъ и потирая, молча, руки.

— Вы можете мнѣ способствовать вступить на театръ? спросила опять Сара.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Раявъкъ, качая отрицательно головою.

— Отчего нѣтъ? если вы признали, что я создана для сцены?

— Вы созданы для сцены, но въ то же время и не можете быть на сценѣ.

— Это какая-то загадка.

— Ее можно разгадать вашимъ независимымъ характеромъ.

— Вы не знаете моего нрава. Жемитесь на мнѣ, тогда узнаете.

— Какъ же это одѣлать для опыта? спросилъ Раявъкъ.

— Какой опытъ! я знаю, что я за вами была бы счастлива; а при счастіи расположеніе къ независимости исчезаетъ.

Равъевъ снова посмотрѣлъ пристально на Сару, которая разгорѣлась пылкимъ румянцемъ; глаза ея блистали очаровательно.

— Вы мнѣ предлагаете столько счастья, что я бы сошелъ съ ума, и потому отказываюсь отъ него.

Румянецъ какъ будто стерся вдругъ съ лица Сары.

— Довольно, прощайте, сказала она съ усмѣшкой,—я хотѣла вамъ доказать свою способность къ сценѣ и представила бѣдную дѣвушку, которая съ отчаянія сама не знаетъ что говорить. Прощайте, Владиміръ Петровичъ!

— Да! вы были бы удивительная актриса, сказалъ Равъевъ, подавая ей руку.

Сара выбѣжала, сѣла въ карету и вѣшла въ хать домой.

У Равъева былъ пылчивый умъ, не столько въ научномъ, сколько въ житейскомъ смыслѣ. Онъ терпѣть не могъ недоумчивый, и во всѣхъ обстоятельствахъ околько-нибудь интересныхъ и загадочныхъ, до кого бы они ни касались, онъ доискивался и добивался до скрытыхъ „концовъ въ воду“. Его занималъ вообще бытъ людской, и онъ изучалъ его во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ высшаго круга до нищенскаго угла, и для этого почти ежедневно бывалъ то на гастрономическихъ обѣдахъ, безъ всякой угоды своему желудку, то на балахъ, вечерахъ, въ концертахъ, въ театрѣ, иноколько не для собственного удовольствія, а для того, чтобы наблюдательнымъ окомъ видѣть, какъ работаютъ надъ людьми страсти, и что изъ всего этого выходитъ. Часть времени его посвящалась и экскурсіямъ для изслѣдованія нравовъ и событій въ нижнихъ слояхъ и подонкахъ общества, на рынкахъ, на улицахъ и переулкахъ, въ домикахъ и домишкахъ, въ лачугахъ и подвалахъ съ маленькими помѣщеніями на палатахъ, на варахъ и подъ нарами, словомъ, повсюду, гдѣ на одномъ и томъ же огнѣ кипѣли одни и тѣ же страсти, только въ разной посудѣ и съ разными приправами.

Посѣщеніе Сары поразило Равъева; слова Сары навели какой-то туманъ на всѣ его соображенія относительно ея.

— Это не просто капризъ, причуды, она не фантазерка, претворилъ онъ самъ себя.—Это надо изслѣдовать.

И вотъ, кончивъ въ размышленіяхъ и соображеніяхъ своей туманъ, онъ отправился пѣшкомъ изъ дому, и потихоньку добралъ до дома Лиговскихъ.

Не доходя до подъѣзда, на тумбѣ, сидѣла женщина, сжавшись, въ накинутаго на голову платкѣ.

Ранѣевъ остановился, посмотрѣлъ на нее.

— Ты что здѣсь дѣлаешь?

— А вамъ-то что? Видите, сижу, ну и ступайте себя, отвѣчала она, окинувъ его черными, влажными своими глазами и закутавъ еще болѣе лицо въ платокъ.

— А гдѣ органичикъ, съ которымъ ты ходила?

Женщина стала внимательно всматриваться въ лицо Ранѣеву.

— Знакомый вѣрно баринъ? мало ли было у меня въ свое время знакомыхъ!

— А что, похоронила мать?

— Слава Богу, еще живехонька.

— А бѣдвою невѣстой долго была?

— Охъ, вы насмѣшники! Ужь насмѣхались бы да не надъ бѣдностью!

— А дочь выдала замужъ?

— Нѣтъ еще; сижу да стерегу жениха. Не хотите ли жениться на ней? вотъ она здѣсь, сказала женщина, указывая на домъ Лиговскихъ.— Богатая невѣста, ей-ей богатая. Присватайтесь; если не пойдетъ волей, за косу стащу къ вѣнду.

— Пошла прочь, пьяная дрянь! прикрикнулъ Ранѣевъ.

— Не ты одинъ гонишь меня отсюда, и дочь гонить, да не уйду!

Ранѣевъ приподнялъ плаку. Дина вскочила и отбѣжала отъ него; а онъ вошелъ въ домъ, не обращая вниманія на ошипый крикъ, которымъ она его провожала.

Иванъ Артемьевичъ, всегда довольный, когда являлся лишній гость, уговорилъ Ранѣева остаться обѣдать. Она осталась съ намѣреніемъ взглянуть на Сару, послѣ загадочнаго ея посѣщенія. Но Сара не выходила къ столу; а между тѣмъ разговоры о какой-то сумашедшей, которая ворвалась въ домъ, называетъ себя ея матерью, и страшнымъ образомъ напугала ее, привели Ранѣева въ новое недоумѣніе.

— Это та самая! подумалъ онъ.

Для всѣхъ происшествіе это казалось забавно, сумашествіе нищей смѣшно, и только сожалѣли слегка объ испугѣ Вѣры Михайловны. Но Ранѣева затронули разговоры; какъ свидѣтель, онъ допытывался подробностей, и, вставъ изъ-

за стола, тотчасъ же взялся за шляпу. Намѣреваясь открыть дѣло, какъ говорится, по горячимъ сафдамъ, онъ обошелъ дозоромъ около дома, посмотрѣлъ на тумбу, гдѣ сидѣла Дина, прошелся взадъ и впередъ по улицѣ; но предполагаемой безумной нищей уже не было.

Такъ какъ подозрѣваемая скрылась, открыть допросами ея сафды по ночи было уже невозможно, а потому Райфевъ отложилъ изсафдованіе до утра, и отправился въ клубъ.

Между тѣмъ, мы знаемъ, что Сара не выходила къ обѣду. Но ввечеру она спросила, кто въ гостиной?

— Только еще Варвара Сергѣевна съ его превосходительствомъ, да князь Иванъ Юрьичъ изволили прійхать.

— Я буду сама разазивать чай, сказала Сара и вышла въ гостиную.

Князь бросился съ разпросами о случившейся съ ней неприятности.

— Да, неприятности, князь; я послѣ разкажу вамъ всѣ эти неприятности.

Передъ чаемъ и во время чаю, князь занялъ одного лишняго гостя игрой въ театре, проигравъ ему столько, что тотъ, удовольствовавшись успѣхомъ вечера, и не находя для себя новой партій, отправился домой, а князь не видя въ гостиной Сары, прошелся по комнатамъ, увѣренный, что уже не увидитъ ея въ этотъ вечеръ; но къ удовольствію своему, нашелъ ее въ китайской комнатѣ, съ книгою въ рукахъ.

Когда князь вошелъ, она положила книгу.

— Садитесь, князь, подѣ меня. Мнѣ хочется съ вами говорить. Только эту одну отраду я и имѣю посреди тоски и скуки.

— На эти слова, Вѣра Михайловна, мой отвѣтъ въ душѣ, сказалъ князь съ чувствомъ, садясь подѣ Сары.

— Это не просто слова, князь, и я докажу это полною моею довѣренностью къ вамъ. Вы здѣсь единственный человѣкъ, принимающій участіе во мнѣ и въ судьбѣ моей... одинъ, котораго я уважаю и люблю...

И Сара, при этихъ словахъ, положила свою руку на руку князя. Онъ, видъ себя, схватилъ ее и прижалъ къ своимъ губамъ.

— Вы одни, князь, понимали, какъ тяжело мое положеніе,

и одинъ разъ намекали, что отъ меня зависало бы выйти изъ него, еслибъ я только рѣшилась...

Сара не договорила.

— Да, Вѣра Михайловна, произнесъ князь, прерывающимся голосомъ,—и теперь повторяю, что лѣта мои не могутъ осчастливить васъ любовью; но отъ васъ зависитъ принять мое имя, и располагать и мною, и моимъ состояніемъ.

— Но вы мнѣ сказали это тогда, когда я была, къ несчастію, связана словомъ и не могла уже располагать собою.

Изумленный этими словами, князь сдержалъ порывъ чувствъ своихъ.

— Выслушайте, продолжала Сара,—вы можетъ-быть замѣтили искательство Лонскаго.

— Не могъ не замѣтить, отвѣчалъ князь сознательно,—но признаюсь вамъ, я былъ доволенъ этимъ искательствомъ, если только оно относилось не къ простому препровожденію времени молодого человѣка.

— Я не шла на встрѣчу; напротивъ, я уклонялась отъ него.

— Для чего же? онъ достойный, прекрасный человѣкъ, и вы, я увѣренъ, были бы счастливы за нимъ.

Сара сдержала вздохъ.

— Можетъ быть... но вѣдь могутъ же не нравиться и прекрасные люди... Самодовольствіе и увѣренность въ свои достоинства, прихотливая привычка счастливить какое-нибудь бѣдное сердце своею любовью, мнѣ известны. Признаюсь вамъ, Лонскій мнѣ не по душѣ... и безъ принужденія я бы не рѣшилась идти за него.

— Васъ принуждали?

— Мое положеніе меня принуждало. Меня желали скорѣе сбить съ рукъ, и намѣрены были устроить мое счастье замужествомъ съ Четкинѣмъ...

— Неужели? воскликнулъ князь.

— Разумѣется, я предпочла неожиданное предложеніе Лонскаго чрезъ тетку, которой я имѣла счастье поправиться. Меня призвали, и я дала осласіе, не зная ни страсти къ нему Лидіи, ни цѣлей ея матери и Авдотьи Петровны. Надо было видѣть, князь, какъ съ этой минуты, все въ домѣ измѣнилось въ отношеніи ко мнѣ... Надо было видѣть сцены съ Лидіей. Марья Ивановна тотчасъ же уѣхала съ дочерьми, и безъ сомнѣнія не съ тѣмъ чтобы

возвратиться куда я въ домъ... Что жь мнѣ было дѣлать послѣ этого, князь?.. Надо было заботиться самой о себѣ, имѣть деньги по крайней мѣрѣ на башмаки, и я рѣшилась воспользоваться добрымъ вашимъ предложеніемъ... Но когда стали коварно распускать про меня слухи, чтобъ очернить меня и все разстроить...

— Вѣра Михайловна, клянусь что я ничего не слышалъ про васъ, кромѣ восторженныхъ похвалъ!

— Князь, кто жь осмѣлится сказать вамъ про меня что-нибудь не доброе, зная ваше расположеніе ко мнѣ?.. Но если Авдотья Петровна рѣшилась упрекать меня, что я завладела мужемъ Марьи Ивановны и всѣмъ домою?..

— Неужели? Это ужасно! воскликнулъ князь.

— А продѣлки съ пьяною нищей, которую подсылають чтобъ осрамить меня... и кричать на весь домъ, что я ея дочь?

— Какое варварство!

— А между тѣмъ, князь, Марья Ивановна знаетъ, кто мой отецъ. Знаю и я можетъ-быть, и вы узнаете современемъ; но напрасно бы я стала искать своихъ правъ; да и кто жь будетъ моимъ ходатаемъ?

— Вѣра Михайловна, и вы у меня это спрашиваете?

— Но, князь, ходатайство было бы и бесполезно. У меня нѣтъ въ рукахъ никакихъ доказательствъ ни на имя, ни на права. . Теперь для меня настала рѣшительная минута. Я не хочу быть ни причиной несправедливостей для Марьи Ивановны, ни причиной страданій Лидіи. Я уже написала къ теткѣ Ловскаго, что отказываюсь отъ предложенія его; а вмѣстѣ съ тѣмъ не хочу оставаться и здѣсь въ домъ... а уйду отсюда куда глаза глядятъ!

— Вѣра Михайловна! сказалъ добродушно взволнованный князь, взявъ Сару за руку: — столько великодушія, столько жертвъ! Но неужели и отъ моего участія въ васъ вы отказываетесь?

Сара поняла весь смыслъ этихъ словъ и чувство, съ которыми они были сказаны.

— Нѣтъ, отъ вашего участія во мнѣ я не въ силахъ отказаться... я такъ привыкла васъ любить... я ваша, отъ васъ теперь зависитъ рѣшить мою судьбу... только вырвите меня отсюда!

Сара подала князю руку; онъ схватилъ ее и пламенно сжалъ въ своихъ рукахъ.

— Я взволнована... походите, сказала Сара. — Ахъ! вѣтъ... погодите... дайте мнѣ придти въ себя!

Сара пожала руку князю и вышла изъ китайской комнаты во внутренніе покои, обошла кругомъ въ гостиную и сѣла у стола играющихъ.

— Вашу ручку на счастье, сказалъ обратясь къ ней превосходительный Петръ Андреевичъ. — Такъ васъ очень напугала нищая? Не понимаю, какъ можно пускаться на дворъ этихъ потаскушекъ!.. Вы съ чего же ходили, Иванъ Артемьевичъ?

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ гостиную и князь Иванъ Юрьевичъ.

— Ба, ба, ба! а мы думали, что ты, князь, уѣхалъ, или вздремнулъ гдѣ-нибудь въ уголку?

— Вотъ это такъ; въ самомъ дѣлѣ, я сѣлъ и задумался о своей поѣздкѣ.

— Куда?

— Въ Одессу на праздники; а потомъ за границу.

— Помилуй, князь! проговорилъ Иванъ Артемьевичъ. — Къ чему это, что за надобность?

— Известная надобность, сказалъ Петръ Андреевичъ:— въ Одессѣ новая итальянская труппа. Безъ музъ и грацій его сіятельство жить не можетъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ ѣдете за границу, князь? спросила Сара, вставая съ мѣста.

— Думаю, Вѣра Михайловна, отвѣчалъ онъ, отходя вѣтъ съ ней отъ стола.

— Ахъ, князь, скорѣй отсюда! тихо произнесла Сара.

— Мы поѣдемъ ко мнѣ въ деревню.

— Куда хотите, но скорѣе!

— Отъ васъ зависитъ, хоть завтра.

— Завтра, завтра!.. Ждите меня въ четыре часа у подъѣзда къ бульвару.

И съ этимъ словомъ Сара торопливо вышла изъ комнаты.

XIX.

Послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, старый Наумычъ управляющій подмосковною князей Луцкихъ, дождался наконецъ молодого барина.

Болѣе двадцати лѣтъ домъ стоялъ никѣмъ не обитаемый. Но часто Наумычъ входилъ въ него, освѣжалъ воздухомъ, и стиралъ со всего насаждавшую пыль. Передъ прїѣздомъ князя, онъ заново оштукатурилъ домъ, перекрасилъ, вычистилъ, уставляя окна цвѣтами изъ оранжереи, разостлаалъ ковры, свѣзалъ чашы съ картинъ, размѣстилъ всѣ убранныя вещи и вещицы по тѣмъ же мѣстамъ, на которыхъ онъ стояли въ памятные ему счастливые дни.

Когда Луцкій прїѣхалъ и вошелъ въ родительскій домъ, все прѣшедшее живо представилось ему, онъ остановился и обнялъ сопровождавшаго его старика Наумыча.

Молча, отерли они слезы на своихъ глазахъ.

— Батюшка, князь Михайло Васильевичъ, пожалуйста кушать чайку съ дороги, оказалъ Наумычъ, вводя Луцкаго въ комнату, гдѣ на столѣ готовъ уже былъ чайный приборъ и кипѣлъ самоваръ. — Хозяйшки нѣтъ, продолжалъ онъ грустно вздохнувъ: — сами ли изволите наливать, или прикажете моей старухѣ?

Князь обнялъ и стоявшую въ дверяхъ старушку, жену Наумыча, попросилъ ее похозяйничать, усадилъ подлѣ себя ее, Наумыча и дряхлаго Софроныча, который прїѣхалъ съ нимъ и тащился по комнатамъ, воматриваясь во все слѣвыми глазами.

— Вотъ, сударь ты мой, прїѣхали на старое свое пепелище! бормоталъ онъ:—привелъ же Богъ и мнѣ попасть на свою родину. Вѣдь и ты, князь Михайло Васильевичъ, чай родился въ этомъ домѣ?

— Не помню, Софронычъ.

— А я помню. Вотъ оно что. Годковъ сорокъ слишкомъ тому назадъ. Да! годковъ сорокъ; а меня ужъ тогда дѣдушкой звали. Вотъ и считай.

— Такъ моя Вѣрочка здорова, Наумычъ? спросилъ Луцкій.

— Недавно былъ Митя изъ дому. Жаловался онъ, правда, что послѣднее время стали барышню рознить отъ своихъ дочерей: по зависти, говорить; потому что она поумнѣе да и получше всѣхъ; ну, да я подумалъ себѣ, какъ же писать объ этомъ вашему сіятельству.

— Завтра поутру распорядись, Наумычъ, нанять для меня карету.

— А для чего жь нанимать, ваше сіятельство: лошади есть, а откидная карета совсѣмъ новенькая стоитъ.

— Такъ ты поѣдешь со мной, я совсѣмъ забылъ Москву.

Послѣ чаю, Лудкій написалъ къ Марьѣ Ивановнѣ письмо и приказалъ отправить поутру съ верховымъ въ домъ Лиговскихъ. Но нетерпѣвнѣ скорѣе видѣть дочь томилъ его, и на другой день, дожидаясь отвѣта, онъ задумчиво смотрѣлъ въ окно на экипажъ, стоявшій уже у подъѣзда. Четверня статныхъ вороныхъ коней фыркала и взрывала землю. Карета съ откинутымъ верхомъ и на лежащихъ рессорахъ только что изъ мастерской.

— Наумычъ, откуда эти славные лошади? спросилъ онъ наконецъ старика.

— Съ вашей конюшни, ваше сіятельство. Заводъ ведется по сію пору и идетъ порядкомъ.

— Какой заводъ? у насъ былъ дрянной заводъ, а это тысячные кони!

— Охотникъ я до лошадей, такъ позамялся, отвѣчалъ Наумычъ:— дѣло и пошло, благодаря Бога.

— Такъ этихъ коней, Наумычъ, я у тебя покупаю.

— Ваше да вамъ же продавать, ваше сіятельство? Да я что жь такое? Удобрать да умножать доверенное мнѣ нешто не на моемъ было отвѣтѣ и передъ Богомъ и передъ вами?

— Чѣмъ же мнѣ платить тебѣ за твою службу? сказалъ Лудкій, обнявъ старика.

— Вотъ это лучше денегъ.

— Поѣдемъ же, я не дождусь отвѣта.

Наумычъ, посадивъ князя въ карету, хотѣлъ самъ садиться на козлы.

— Со мной, со мной, другъ Наумычъ!

— Не мое мѣсто, ваше сіятельство, сказалъ Наумычъ, но долженъ былъ исполнить желаніе князя.

— А откуда ты взялъ карету?

— Карета также вашего оиятельства. Вытѣлялъ на жезло съ старыхъ экипажей.

— Заботишься ты, добрый Наумычъ.

— Куда же прикажете ѣхать? Чай къ Иверской, съ догони? да сѣдловало бы и поднять ее, матушку, въ домъ.

— Непременно, Наумычъ.

Помоаясь въ часовѣхъ Иверской Божіей Матери, Луцкій приказалъ ѣхать къ Лиговскимъ. Когда онъ подѣвжалъ къ дому, сердце его сильно забилось отъ нетерпѣнія скорѣе обнять дочь свою. Образъ ея матери воскресалъ предъ нимъ.

Карета остановилась у подѣзда. Наумычъ выскочилъ изъ нея и по приказанію Луцкаго побѣжалъ вызвать къ нему Митю.

Въ эту самую минуту стѣнные двери дома мгновенно отворились и затворились, раздалось: „вонъ, чертовка!“ и вытолканная женщина въ капорѣ и ватномъ капотѣ, оступившись, грохнулась на лѣтницу и скатилась по ступенямъ на площадку.

— Батюшки! вскричала она:—помогите! убили злодѣи, убили!.. Проклятая дочь! мать свою вытолкала какъ собаку на улицу!..

Луцкій выскочилъ изъ кареты, подбѣжалъ къ женщинѣ и поднималъ ее. Она съ воплями схватилась за голову.

— Чтѣ съ тобой, моя милая? кто ты? спросилъ ее Луцкій.

— Кто я? кто? мать вотъ этой бездушнѣй дѣвчонки чтѣ здѣсь въ домѣ на воспитаніи... Барыней стала, замялась, милостыни матери не подаетъ! вытолкать велѣла меня!.. Голова моя, бѣдная голова, разбила ее въ дребезги!

И она снова схватилась за голову.

— У кого на воспитаніи твоя дочь? спросилъ Луцкій.

— Здѣсь въ домѣ у господъ...

Слова Дины прерваны были появленіемъ караика Мити. Онъ, какъ полоумный, выбѣжалъ изъ воротъ, бросился къ Луцкому, охватилъ отъ радости, и какъ ребенокъ, протянулъ къ нему руки. Луцкій поднималъ его и поцѣловалъ.

— Скажи, Мита, чтѣ это значитъ? Кто эта женщина? Какая у ней здѣсь дочь на воспитаніи?

— Ваше оиятельство, проговорилъ караикъ, взглянувъ на Дину.—Эта полоумная все ищетъ какой-то дочери... напугала вчера барышню Вѣру Михайловну; а сегодня опять было ворвалась въ домъ.

— Я? я полоумная? вскрикнула Дина:—какая Вѣра Михайловна? Сара-то? Моя дочь Сара—Вѣра Михайловна? воспитанница-то здѣшняя? Нѣтъ, эта змѣя, вотъ изъ-подъ этого сердца!.. вотъ чье проклятое сѣмя взяли господа Лиговскіе. Спросите меня... я вамъ укажу честную женщину, которая обманомъ беретъ за меня пенсію!..

— Это страшно! проговорилъ Луцкій, содрогаясь отъ Дины.—Дома Марья Ивановна? доложи скорѣе обо мнѣ.

— Ваше сіятельство, Марья Ивановна нѣтъ дома, отвѣчалъ Митя,—онѣ съ дочерью уѣхали въ деревню къ сестрицѣмъ...

— О, Боже мой! когда жь я увижу ее! проговорилъ Луцкій.

— Да барышня здѣсь... началъ было Митя.

— Барышня! перервала его Дина:—спросите у Викторины про свою барышню; я жива не хочу быть, если не стащу эту барышню за косу въ рѣку, да не утоплю!

— У какой Викторины? спросилъ Луцкій.

— У акушерки, отъ которой дочь моя взята господами Лиговскими на воспитаніе.

— Наумычъ! слышишь?.. Чтò это значить?

— Не понимаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Наумычъ, пожимая плечами.

Митя весь дрожалъ.

— Боже мой, говорите, чтò жь это все значить? повторилъ дрожащимъ голосомъ Луцкій.—Наумычъ, поѣдемъ!.. и ты со мной!..

— Куда жь это? спросила Дина съ испугомъ.

— Къ Викторинѣ, о которой ты говоришь.

— Къ Викторинѣ? Пожалуй, поѣдемте къ ней; она сама вамъ скажетъ; она сама отдавала Сару къ господамъ Лиговскимъ, сама переименовала ей имя, да назвала Вѣрой Михайловной, чтобъ я не узнала ея... Отдала за полную сироту, а у этой сироты мать и бабка съ голоду умираютъ!

— Наумычъ, куда ѣхать?

— Я знаю, знаю куда, ступайте прямо, сказала Дина,—она на прежней квартирѣ, живетъ себѣ въ роскошѣ, получаетъ пенсію за Сару, да держитъ у себя еще какую-то воспитанницу, и тоже обудетъ выгодно съ рукъ.

У Луцкаго сердце облилось кровью.

— Ступай скорѣе, крикнулъ онъ кучеру.

Карета наконецъ повернула въ переулокъ, и по указанію Дины, остановилась у воротъ, у которыхъ стояла телѣжка на рессорахъ.

— Насилу узналъ домъ, сказалъ Наумычъ, — сюда на дѣйствицу ваше сіятельство.

Луцкій торопливо взбѣжалъ по ступенямъ, отворилъ въ сѣнахъ указанную дверь, и вошелъ прямо въ комнату. Наумычъ и Дина остановились въ передней.

Старушка Викторина сидѣла на диванѣ, а подлѣ оконъ, на стульяхъ, сидѣлъ довольно молодой мужчина въ пальто, и рядомъ съ нимъ женщина въ мантильѣ, но повязанная по-русски платкомъ.

— Мнѣ нужно госпожу Викторину, сказалъ Луцкій тревожнымъ голосомъ.

— Я, сударь, Викторина, что вамъ угодно?

— Мнѣ нужно съ вами говорить, продолжалъ Луцкій, бросивъ суровый взглядъ на гостей хозяйки.

Они невольнo приподнялись съ мѣсто.

— Такъ ужь, Викторина Ивановна, позвольте пріѣхать завтра, или ввечеру, сказала женщина въ повязкѣ.

— Сколько я повяла изъ вашихъ словъ, милая, вы напрасно беспокоитесь; здѣсь никакихъ товаровъ для васъ нѣтъ, отвѣчала Викторина.

— Очень сожалеательно! отвѣчала женщина, выходя въ переднюю. — А!! сударыня моя! Дуня кофейница! проговорила она, увидя Дину: — вотъ что? надувать! сама пошла въ свати? Погоди жь ты, моя любезная!

— И не думала, Степанида Михеевна! Мнѣ дѣло здѣсь о своей дочери, а не о чужихъ, отвѣчала Дина.

— Послушайте, сказалъ Луцкій, обращаясь къ Викторинѣ, вызвавъ Дину изъ передней, — эта женщина говоритъ, что воспитанница Лиговскихъ — ея родная дочь; правда ли это?

Старушка смутилась, узнавъ Дину.

— Извольте сказать, Викторина Ивановна, а ли мать Сарѣ?

— Да... это правда, Дина, Сара ваша дочь... отвѣчала неспокойнымъ голосомъ Викторина.

— Воспитывается у Лиговскихъ подъ именемъ Вѣры? спросилъ торопливо Луцкій.

— Я не знаю... начала было Викторина.

— Какъ не знаете, подхватила Дина, — какъ не знаете? Да

не по согласію ли матушки моей, вы отдали ее туда? Не сами ли перекрестили ее изъ Сары, изъ некрещенаго имени?

— Я не помню... это такъ давно было.. но что жь изъ этого?

— Такъ гдѣ жь моя дочь, Вѣра? спросилъ дрожащимъ голосомъ Лудкій, бросивъ грозный взглядъ на Викторину. — Наумычъ поди сюда!.

Викторина вскрикнула, вся затряслась и обмерла.

Изъ спальни дверь приотворилась, съ испугомъ выглянула молоденькая дѣвушка. Наружность ея мгновенно поразила Лудкаго. Взглянувъ на Викторину, блѣдную и безъ чувствъ, она бросилась къ ней.

— Бабушка, бабушка! что съ вами?.. что вы за люди? что вы сдѣлали съ ней! повторяла она обнявъ Викторину, и смотря съ ужасомъ на стоявшаго передъ ней Лудкаго.

— Боже великій! воскликнулъ онъ, всплеснувъ руками:— это она! живая мать ея! Вѣра! Вѣра!

Но дѣвушка не слыхала словъ его; она припала на грудь Викторины, цѣловала ея лицо и звала ее.

— Вѣра! это такой же ангелъ, какъ моя Марія! Вѣра Вѣра! повторялъ Лудкій, сложивъ руки, какъ передъ образомъ.

Наумычъ бросился за водой. Старая Матрена также приближалась.

— Милочка, Вѣрочка, что сдѣлалось съ Викториной Ивановной? завопила она.

Викторина пришла въ себя; но вся дрожала. Она обняла Вѣрочку, и боязливо взглянула на Лудкаго.

— Бабушка, васъ испугали!.. проговорила Вѣрочка, цѣлуя ея руку.

— Простите, сказалъ Лудкій, обращаясь къ Викторинѣ, — простите чувства отца; но возвратите мнѣ дочь мою.

Старушка Викторина прослезилась.

— Боже мой, чего вы хотите отъ бабушки? проговорила Вѣрочка, устремивъ умоляющій взоръ на Лудкаго.

— Другъ мой, Вѣрочка, это отецъ твой! сказала старушка.

— Вѣра! обними отца твоего, съ нѣжнымъ чувствомъ произвесь Лудкій, приближаясь къ Вѣрочкѣ съ распростертыми объятіями.

Съ недоумѣніемъ взглянула она на него болзавиымъ взоромъ чудныхъ глазъ своихъ.

— Вѣрочка, повторила Викторина:—это отецъ твой! другъ мой, это для тебя новое чувство.

На глазахъ дѣвушки выступили слезы; смущенная, она бросилась къ отцу; онъ обнялъ ее, и цѣловалъ ея голову.

— И вы возьмете ее отъ меня?.. Я люблю ее какъ родная мать, я безъ нея умру! проговорила Викторина, залившись слезами.

— Нѣтъ, вы будете всегда при ней, сказалъ Луцкій.

— Ахъ, я ее люблю, любила, берегла ее!.. Когда я должна была передать ее на воспитаніе къ Лиговскимъ, она была больна при смерти... Я вынянчила, выходила ее, не могла разстаться съ этимъ ангеломъ!.. и рѣшилась... какъ хотите, такъ и судите меня... Вѣрочка, проси за меня, за любовь мою къ тебѣ, прощенье у отца твоего!..

— Забудемте объ этомъ, сказалъ Луцкій,—въ случайности та же рука Провидѣнія, и я вамъ обязанъ за сохраненіе дочери моей.

— Барышня, ваше сіятельство, пожалуйте ручку старику.—Помните, я вамъ привозилъ куклодокъ?

Вѣрочка удивилась словамъ Наумыча; она посмотрѣла вѣжко на отца, припала къ нему, посмотрѣла ласково на старика, подала ему руку и поцѣловала его въ голову.

— Викторина Ивановна, отозвалась вдругъ, стоявшая у дворей Дина, — теперь пенсію за Сару, вы извольте отдать мнѣ.

— Милая моя Дина, я никакой не получаю пенсіи за Сару; но я дамъ тебѣ все что могу.

— Позвольте, сказалъ Луцкій, обращаясь къ Динѣ,—вы, какъ мать дѣвушки, которая воспитывалась у Лиговскихъ подъ именемъ моей дочери, будете получать отъ меня пенсію. Но вы до времени предоставляйте уже свою дочь ея судьбѣ. Она, безъ сомнѣнія, невинювата въ томъ, что воспитывалась какъ сирота, не признала въ васъ мать свою.

— Она? въ этой роскоши? и не узнаетъ? сказала Дина, махнувъ рукой. — Она вся въ отца, который меня бросил!

— Вотъ вамъ на первый случай, сказалъ Луцкій, давая нѣсколько бумажекъ Динѣ.

— Теперь, Вѣра, продолжалъ онъ, обращаясь къ дочери, — поведемъ ко маѣ, къ отцу твоему.

— А бабушка? боязливо спросила Вѣрочка, бросивъ на него умоляющій взоръ.

— Боже мой! живая добродушная Марія! проговорилъ Лудкій. — Другъ мой, бабушка поведетъ съ нами, и сегодня же переѣдетъ въ нашъ домъ. Наумычь, твое дѣло будетъ распорядиться этимъ.

— А я-то, а я куда? сказала старая Матрена, умиленно смотрѣвшая на Лудкаго и Вѣрочку. — Вѣра Михайловна, княжна ты моя! вѣдь я такъ всегда тебя и звала, какъ будто знала, чула твое счастье. Я тебя нянчила, не оставь же меня!

И старая Матрена хотѣла поцѣловать руку у Вѣрочки но она отдернула руку и объяла ее.

— Могу я взять и ее къ себѣ?

— Непременно!

Въ нѣсколько минутъ и Вѣрочка, и ея воспитательница, старушка Викторина, сварились въ путь.

— Скорѣй домой! крикнулъ Лудкій, посадивъ Вѣрочку и Викторину въ карету, и сядясь противъ нихъ.

Вѣрочка перекрестилась, и быстро помчалась кони въ подмосковную князя.

XX.

По страсти и привычкѣ добираться до всѣхъ началъ, до всѣхъ причинъ и до всѣхъ вообще тайнъ, Раявъ не переставалъ думать о происшествіи съ нищей, называющей себя матерью воспитанницы Лиговскихъ; онъ не могъ оставить безъ изслѣдованія этотъ поступокъ Дины, которая въ его глазахъ нисколько не походила на безумную.

„Вѣра Михайловна сирота, думалъ онъ, взята Марьей Ивановной на воспитаніе отъ какой-то бѣдной матери; отчего жъ не могла явиться на сцену бѣдная мать?.. Но какимъ же образомъ Дина, уличная пѣвица, до сихъ поръ молчавшая, вдругъ вздумала такъ настойчиво принимать на себя названіе матери? Странно! этого нельзя оставить такъ; тутъ можетъ быть и умыселъ, отъ котораго надо пре-

догравить бѣдную Віру Михайловну... Это можетъ хоть кого свести съ ума!"

Соображая все это обстоятельно, Ранѣвъ на другой же день собирався идти на поискъ Дины; но неожиданный прїездъ цѣлой компаніи и приглашеніе ѣхать на дачу, разстроили его намѣреніе. На слѣдующій день онъ былъ свободенъ отъ свѣтскихъ оковъ; около полудня, обдумывая съ чего начать поискъ, онъ взялъ шляпу, и въ двери.

Раскланиваясь безостановочно со встрѣчными знакомыми, Ранѣвъ останавливался только бесѣдовать со встрѣчными лицами и калѣками, допрашивая ихъ о нѣмчихѣ Динѣ. Не получивъ свѣдѣній на бульварѣ, онъ отправился въ ряды, какъ на обширное поприще бродягъ. Въ ножевой линіи, съ перваго же шагу, онъ встрѣтилъ необходимаго проводника къ цѣли.

— А, голубчикъ, поди-ка, поди сюда, сказалъ онъ мальчику-калѣкѣ съ вывернутыми назадъ ногами.

— Батюшка, баринъ! прокричалъ мальчикъ, ковыляя въ свѣдъ за нимъ изъ рядовъ на площадь; но когда баринъ крикнулъ извощика, малявкѣй пауть акробатъ, перепугавшись, выпрямилъ было уже ноги, чтобы бѣжать.

— Постой, молодець, сказалъ Ранѣвъ, взявъ его за воротъ и сажая съ собою на дрожки.

— Батюшка, баринъ! да за что жь?..

— Вези къ своей матери!

— Къ какой матери? Я сирота...

— Къ пѣвца, съ которою ты спаялся подъ окнами.

— Къ нѣмчихѣ-то? Да какая жь она мнѣ мать? Вольно ей называть меня сыномъ.

— Все равно, ты знаешь, гдѣ она живетъ; получишь постылики.

Съ помощію акробата, Ранѣвъ добрался до фалагстеріи и чрезъ пучины хааму и грязи до того угла, гдѣ на койкѣ лежала мать Дины.

— Здравствуй, старушка; ты я вижу въ большой нуждѣ.

— Голодная, голодная лежу, господинъ! простонала изнуренная старуха слабымъ голосомъ.

Ранѣвъ посмотрѣлъ на нее съ сожалѣніемъ, далъ деньги сторожу и велѣлъ привести изъ трактира супу и хлѣба.

— Кофею, кофею, господинъ, умираю безъ кофею! проговорила старая Берта.

- Принесть и порцію кофею.
- И булку!
- Принесть и булку.
- Ахъ! добрый, добрый господинъ!
- У тебя есть дочь; она не дурно пѣла подъ органъ.
- А вы, господинъ, знаете ее?.. Да, Дина пѣла, какъ хорошо было жить, а теперь не то поеть.
- Кажется, она была замужемъ?
- За мужемъ? Да, да, была... да несчастье! А какъ хорошо мы жили... все-то у насъ было...
- У ней и дочка есть?
- Дочка?.. да... она, господинъ, на воспитаньи... тоже у господъ...
- У какихъ господъ?
- Вотъ и забыла фамилію-то... вотъ Викторина хорошо ихъ знаетъ; она къ нимъ сама и отдавала мою внучку... да такая безчестная, пенсію за нее вмѣсто насъ получаетъ, ни копѣйки намъ не даетъ!..
- Кто жъ такая Викторина?
- Викторина? Акушерка, частная бабушка-акушерка... такая безчестная!.. Пенсію съ господъ беретъ за нее... а мы въ бѣдности!..
- Кто же такіе господа, у которыхъ живетъ твоя внучка.
- Господа-то?.. вотъ, никакъ не помню... Дина знаетъ, каждый день ходитъ... да ее гоняютъ прочь... богатые, а такіе не добрые... не признаютъ... говорятъ: мы кругомъ сироту взяли...
- А въ какой части Викторина?
- А что подлѣ башни... не помню... за башней-то...
- Дальнѣйшіе вопросы были бесполезны. Старуха дрожала надъ принесенною чашкой кофею, и ничего уже не въ состояніи была говорить.
- Надо добывать Викторину! подумалъ Ранѣевъ, и выбравшись изъ нищенской трущобы, онъдохнулъ чистымъ воздухомъ и отправился на дальнѣйшій поискъ.
- Какія же здѣсь башни? Сухарева башня, Меншикова башня. башня Кутафья...
- На первый разъ онъ поѣхалъ къ Сухаревой башнѣ; пробрался въ канцелярію частнаго дома.
- Тутъ писарь объявилъ ему, что такой бабушка нѣтъ; а

была ли такая—того не знает; а что если нужна бабушка, так новая бабушка, хорошая бабушка, принимаетъ дѣтей по акушерской части, и беретъ на воспитаніе.

— Я тебя спрашиваю про Викторину, а не про твою хорошую, новую бабушку! сказалъ съ сердцемъ Ранѣевъ.

— Такой здѣсь нѣтъ! дополнилъ равнодушно писарь,— можетъ-быть въ какой другой части и есть бабушка, а у насъ здѣсь ввучка.

Испытавъ неудачу въ части по сю сторону Сухаревой башни, Ранѣевъ поѣхалъ въ часть по ту сторону Сухаревой башни.

Здѣсь дряхлый сторожъ указалъ ему и квартиру повивальной бабки Викторины, и лѣстницу, на которую надо подниматься, и дверь, въ которую слѣдовало войти.

Ранѣевъ, уже безъ указанія вошелъ въ комнату, гдѣ все было въ беспорядкѣ и пожилая, плотная баба укладывала разныя вещи въ ящики.

— Здѣсь повивальная бабка, Викторина?

— У васъ вѣрно родильница? спросила она вмѣсто отвѣта.— Викторина Ивановна не принимаетъ.

— Почему не принимаетъ?

— Потому что не принимаетъ, вотъ и все.

— А ты все-таки доложи, что мнѣ очень нужно ее видѣть.

— Нужно видѣть? Такъ ступайте въ подмосковную его сіятельства.

— Какого его сіятельства?

— А князя, батюшки Вѣры Михайловны. Викторина Ивановна съ ней поѣхала.

— Вѣра Михайловна? А кто такая Вѣра Михайловна?

— Кто-о? А воспитанница, что слыла сироткой.

— Сирота, воспитанница Вѣра Михайловна?

— Ну да; вотъ оно что.

Изумленному Ранѣеву оставался еще вопросъ о фамиліи князя.

— Фамилія? На радости-то мнѣ и не въ домекъ; знаю, что князь, его сіятельство, съ меня и довольно; какъ поѣдете въ подмосковную, тамъ вамъ скажутъ.

— А подмосковная-то какъ?

— Какъ какъ? подмосковная да подмосковная; какъ еще вамъ?

Равнѣвъ махнулъ рукой и вышелъ, отъѣхавъ на дрожки и поговоря извощика, торопясь къ Лаговскимъ и рассуждая о странныхъ случайностяхъ, о Сарѣ, объ отыскавшемся отъ нея, какомъ-то князѣ, и о притязаніяхъ Дины на права матери.

XXI.

Послѣ условія съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, ночь Сары была мучительна. Какъ будто боясь сна, она не тушила свѣчи, не ложилась въ постель. Уложила нѣкоторыя вещи въ шкатулку, написала письмо, взяла книгу; но ее пугалъ малѣйшій отдаленный звукъ, внезапный лай собаки, даже шорохъ собственнаго платья, и она, то прислушивалась, то оглядывалась, то всматривалась, не оставалась ли на часахъ минутная стрѣлка?

Рано по утру послала Сара за своею модисткой и поручила ей всѣ купленные и изготовленные вещи для приданнаго взять къ себѣ и уложить для отправаженія въ дорогу.

— На дняхъ явится къ вамъ за вещами человекъ, съ запиской отъ меня, сказала она ей.

Приказаніе ея было исполнено. Комната опустѣла и приняла свой обычный видъ.

— Все-то вы, барышня, примѣривали на себя, оказала грустно Даша:—кто жь это будетъ носить-то?

— Для кого было шито, отвѣчала ей Сара.

Тревожно ожидала она условнаго времени. Когда Иванъ Артемьевичъ отправился въ обычный свой часъ въ засѣданіе, навѣстить кого-нибудь, или просто *взять воздуха*, Сара задумчиво ходила по всѣмъ комнатамъ и, едва слышится стукъ экипажа на улицѣ, боязливо смотрѣла въ окно, не остановится ли онъ у подъѣзда, не возвратилась ли Марья Ивановна? Тревожное чувство усиливалось съ приближеніемъ назначеннаго часа.

Наконецъ, не спокойнымъ голосомъ приказала она подавать карету.

— Даша, вели сказать Ивану Артемьевичу, что я къ обѣду не выйду... Не ждать меня, а обѣдать не буду.

— Вы вѣрно, барышня, не здоровы? Какія вы бѣдныя! замѣтила Даша, провожая свою барышню.

Не отвѣчая ни слова, Сара сѣла въ карету. Въ концѣ улицы, она подала знакъ остановиться, подозвала человека и велѣла ему воротиться домой и отвезти лежавшее въ ея комнатѣ на столѣ письмо къ Авдотѣ Петровнѣ.

Къ извѣстному часу обѣда Иванъ Артемьевичъ возвратился домой. Вскорѣ сѣхался и запасный штатъ виста.

— Чтò жь, не пора ли обѣдать? спросилъ Иванъ Артемьевичъ, позвонивъ.— Подавайте на столъ.

— Обѣдъ на нынѣшнїй день не заказанъ, отвѣчалъ человекъ?

— Какъ? какъ не заказанъ?

— Не заказанъ, ваше превосходительство.

— Какъ не заказанъ? Это чтò такое? Попроси сюда Вѣру Михайловну!.. Вотъ забавно! Мы оставлены безъ обѣда!

Весь штатъ виста также съ недоумѣнїемъ посмотрѣлъ на Ивана Артемьевича, который стоялъ вопросительнымъ знакомъ посреди комнаты, дожидаясь Сары, за которою пошелъ человекъ.

Въ этомъ положенїи засталъ его прибывшїй съ поисковъ Ранѣевъ.

— Владимїръ Петровичъ, представьте себѣ: мы безъ обѣда по милости Вѣры Михайловны.

— Гдѣ жь Вѣра Михайловна? спросилъ Ранѣевъ.

— Я послалъ за ней.

— Куда?

— Какъ куда? извѣстное дѣло.

— Но я ничего не знаю.

— Прекрасно! какъ будто она живетъ не здѣсь въ домѣ!.. Ну! крикнулъ Иванъ Артемьевичъ возвратившемуся человеку, чтò жь Вѣра Михайловна?

— Онѣ изволили поѣхать и оказали, что не будутъ кушать.

— Куда изволили поѣхать? Не будутъ кушать! крикнулъ опять Иванъ Артемьевичъ:— я думаю, что не будутъ кушать, когда обѣдъ не заказанъ!.. Чортъ знает! жена увѣхала, оставила весь домъ на руки дѣвочки!.. Это удивительная вещь!

— Въ самомъ дѣлѣ удивительная вещь! сказалъ Ранѣевъ. — А когда поѣхала Вѣра Михайловна? спросилъ онъ у человека.

— Да вотъ только что извоили увѣхать... не такъ здоровы, такъ прогуляться вѣрно.

— Нѣтъ ужъ, тутъ ничего не поймешь! сказалъ Равъшевъ:—прощайте, Иванъ Артемьевичъ.

— Куда жъ вы?

— Что жъ, прикажете вмѣсто обѣда сидѣть и сокрушаться ооъ обѣдѣ?

— Такъ повѣдѣте куда-нибудь вмѣстѣ.

— Вмѣсто куда-нибудь, я поѣду въ клубъ.

— Такъ повѣдѣте вмѣстѣ!

Протекла часть, другой, совершенно уже смерклось. Дама нѣсколько разъ выбѣгала въ переднюю спросить, не прѣехала ли барышня, Вѣра Михайловна.

— Да что жъ она спряталась что ли гдѣ, что ты спрашиваешь, отвѣчалъ ей дежурный офиціантъ.

— Что жъ это значить, что ея до сихъ поръ нѣтъ?

— А кто жъ ее знаетъ?

Въ то же время въ дѣвичьей хватились караука. И его нѣтъ, противъ обыкновенія.

Во всемъ домѣ поднялась тревога шепотомъ. То сбѣгутся всѣ въ передней, то въ дѣвичьей, то въ людской; идутъ толки, запросы и недоумѣнія.

— Ты, Семень, съ барышней былъ, куда жъ она поѣхала?

— Я, Семень, съ барышней былъ; а барышня говоритъ: ступай прямо. Ну и поѣхали прямо; а среди дороги барышня кричить: Семень! — Чего извоите? — Ступай возьми письмо на столъ, да отнеси къ Авдотѣ Петровнѣ. Семень къ Авдотѣ Петровнѣ, отвесъ да и вернуся.

— Карета стало-быть не прѣѣжала домой?

— Стало быть.

— Стало-быть Вѣра Михайловна поѣхала куда-нибудь на вечеръ?

— А куда жъ она ѣздитъ одна на вечеръ?

— Не ѣздила при Марьѣ Ивановнѣ; а теперь безъ нея, кто ей указъ? вздумала и поѣхала.

— Чу, баринъ!

— А что, докладывають ему, что Вѣра Михайловна еще не возвращалась, али нѣтъ?

— Къ чему жъ докладывають? Только беспокоить будешь. Вѣдь не пропадетъ.

— Два часа пробило!

— Ну, что жь? нешто господа время считаютъ?

— И Мити во сю пору нѣтъ; онъ-то гдѣ?

— Не завалился ли гдѣ-нибудь какъ сѣрой котъ? Его вѣдь и не замѣтишь.

— Вездѣ искали.

— Стало-быть съ барышней повѣхалъ?

— Эва! сказалъ вывздной Семень.

Толки продолжались до разсвѣта. Никто изъ людей и спать не ложилися въ ожиданіи Сары.

Съ разсвѣтомъ карета пріѣхала и остановилась у колюшки. Извозчикъ преспокойно слѣзъ съ козелъ.

— Гдѣ вы были до сихъ поръ? спросили въ одинъ голосъ выбѣжавшіе изъ людской.

— Гдѣ были? на бульварѣ были.

— Какъ на бульварѣ?

— На бульварѣ, повторилъ извозчикъ. Пріѣхали на бульваръ, барыня вышла да и пошла; а мнѣ говоритъ ступай на другой конецъ! У Никитскихъ воротъ я ее и ждалъ; да вотъ до сей поры ждалъ.

— Ты, вѣрно, проспалъ барышню-то?

— Къ чему жь мнѣ проспать-то ее? кликнула бы, я бы и подалъ.

Иванъ Артемьевичъ еще покоился крѣпкимъ утреннимъ сномъ, когда пріѣхала озабоченная чѣмъ-то Авдотья Петровна.

— Вѣра Михайловна еще спитъ? спросила она торопливо.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— У себя въ комнатѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Да гдѣ жь она?

— Онѣ уѣхали-съ.

— Когда?

— Вчера еще передъ обѣдомъ уѣхали-съ.

— Прощай! проговорила Авдотья Петровна.—Иванъ Артемьевичъ спитъ себѣ?

— Извоить еще почивать.

— Будите!

И взволнованная Авдотья Петровна ушла въ гостиную.

— Что прикажите, Авдотья Петровна? проговорилъ Иванъ Артемьевичъ, выходя наконецъ изъ спальни.

— Нечего мнѣ приказывать-то тебѣ, мой батюшка; а вотъ окажи, гдѣ Вѣрушка-то?

— Да, странное дѣло! Вы, говорятъ, за ней прѣехали; а ея дома нѣтъ... да и вчера тоже уѣхала и обѣда не заказала! срамъ! Я позвалъ кое-кого... Жены по сю пору нѣтъ, бросила домъ на руки дѣвочки... не ходить же мнѣ за ней вьянкой!

— Такъ ты еще и не знаешь, неповинная голова, что Вѣрушка со вчерашняго дня исчезла изъ дому?

— Какъ исчезла, Авдотья Петровна?...

— Да такъ, гдѣ она?

— Да почему жь я знаю?.. Э! кто тутъ есть?.. Надо спросить людей...

— Не трудись, мой батюшка; я получила отъ нея очень почтительную записочку, въ которой она проситъ меня поблагодарить васъ за воспитаніе и за попеченіе о ней, въ которомъ она уже болѣе не нуждается.

— Какъ? куда жь она поѣхала?

— Это ея тайна.

— Тайна? скажите пожалуйста! такая скромница... да съ кѣмъ же это она ушла?.. не съ Митей же, котораго также со вчерашняго дня нѣтъ дома.

— Неужели? и Митя пропалъ? Это однакоже странная вещь!.. сказала Авдотья Петровна, задумавшись.— ну, прощай, батюшка, я сегодня же пошлю нарочнаго къ Машѣ.

— Да, да, пожалуйста, Авдотья Петровна; право безъ нея у меня весь домъ разбѣжится.

XXII.

Ловскій получилъ роковое письмо отъ тетки въ минуту огненныхъ мечтаній о блискомъ счастьи владѣть горделивою Сарой. Когда онъ читалъ гнѣвные строки, упрекавшія его въ скрываемихъ будто бы имъ сношеніяхъ съ своею невѣстой и въ безумныхъ долгахъ, которые онъ дѣлаетъ на великолѣпное ей приданое, чувства его мучились, серд-

де оно, затрутое самолюбие напомнило весь холодъ и безответность Сары на всё его жертвенныя покаянія.

Въ порывѣ раздраженныхъ и оскорбленныхъ чувствъ, Ловскій схватилъ дрожащею рукою перо, и написалъ, въ короткомъ отвѣтѣ теткѣ, презрительный отказъ Сарѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ рѣшился подавить въ себѣ всё страстныя воспоминанія о ней, но они вырвались изъ души.

„А если все это клевета?“ подумалъ онъ.

Эта мысль стала пресѣдовать его; онъ мучился обвиняя себя въ довѣрїи къ бессмысленному письму теткѣ. Немедленно взялъ онъ отпускъ въ Москву, и въ продолженїи пути страдалъ уже не за себя, а за Сару. Но изъ первыхъ словъ обрадованной прїѣздомъ его матери, онъ понялъ, что Сара уже для него не существуетъ.

— Не знаю, кто изъ насъ виноватъ, и кто былъ слѣпъ, ты или я, сказала ему Любовь Федоровна: — но, слава Богу, что ты съ своимъ сердцемъ, а я съ своимъ приданнымъ, оказались лишними. Невѣста твоя исчезла; а поступка ея, послѣ согласія выйти за тебя замужъ, я не понимаю... можетъ-быть тебѣ это болѣе извѣстно.

— Тетушка, нужно ли мнѣ еще разъ повторять, что я съ ней ни въ какихъ, ни тайныхъ сношенїяхъ не имѣлъ, отбичалъ затрутенный ея равнодушіемъ и словами Ловскій.

— Такъ тутъ есть какая-нибудь особенная тайна. Разказываютъ про нее разныя исторїи, даже волшебныя сказки; но мнѣ теперь до нихъ дѣла нѣтъ.. мать удовлетворить твое любопытство со всеми подробностями.

— Подобныя исторїи и меня несколько не занимаютъ... а въ одномъ только убѣдилась, что сердце матери не обманчивый вѣщунъ.

— Этихъ вѣщунговъ, милая, я также не понимаю, замѣтила Любовь Федоровна.

Равнодушїе теткѣ ко всему, кромѣ своихъ собственныхъ причудъ, и постоянная ѣдкость и колючесть языка ея были невыносимы для Ловскаго. Въ участїи матери онъ думалъ найти для себя успокоенїе; но для раздраженныхъ чувствъ и ея утѣшенїя были тягостны. Ей хотѣлось скорѣе излѣчить больную его душу.

— Можетъ-быть, ты теперь думаешь о моихъ желанїяхъ, Алеша? сказала она ему чрезъ несколько дней, вѣжливымъ тихимъ голосомъ, слегка испытывая его сердце.

— Не знаю, матушка; по крайней мѣрѣ, во мнѣ никакъ не желаній уже нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

Лонская грустно вздохнула и закрыла лицо руками.

— Боже мой, проговорила она, — неужели для меня нѣтъ ни малѣйшей надежды на радость въ жизни?

Невольный ропотъ матери затронулъ глубоко Лонскаго.

— Чего хотите вы отъ меня? спросилъ онъ.

Она молчала.

— Матушка, зачѣмъ же эти слезы?

— Другъ мой, мнѣ легче когда я смотрю на тебя и плачу.

— Повторяю вамъ, чего же вы хотите отъ меня?

— Окажи мнѣ, должно ли любить равнодушныхъ къ намъ и пренебрегать любящихъ насъ?

— Это вопросъ для здороваго сердца, а не для разбитаго... о камень! задумчиво отвѣчалъ Лонскій матери.

На первый разъ этимъ закаючился разговоръ, которымъ добродушная Лонская нетерпѣливо желала склонить сердце сына къ Лидіи.

Между тѣмъ, пріѣздъ Лонскаго въ Москву не долго оставался тайной, хотя онъ куда еще не показывался, отговариваясь болѣзью. Надежды Марья Ивановна въ отношеніи его возобновились; она слышала отъ Авдотьи Петровны, что онъ самъ отказался отъ Сары, и была почти увѣрена, что и намѣреніе его жениться на ней зависѣло болѣе отъ непреклонной воли и внушеній причудливой тетки нежели отъ собственнаго увлеченія. Марья Ивановна объявила свои предположенія Авдотьѣ Петровнѣ.

— Если Лонскій пріѣхалъ, то это добрый знакъ. Разумѣется, послѣ сватства на твоей воспитанницѣ, ему не доводко явиться въ домъ, хотя онъ самъ отказался отъ Вѣры...

— Ахъ, не называйте ее этимъ именемъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ! Ее зовутъ Сарой.

— Да вѣдь это твоя тайна съ княземъ Лудскимъ; но не въ томъ дѣло. Къ счастью, только тебѣ да мнѣ извѣстно и то, что Лонскій сватался на этой Сарѣ. Я поѣду къ теткѣ его. Любовь Федоровна тотчасъ же выскажется на счетъ новыхъ своихъ намѣреній относительно племянника.

Авдотья Петровна не откладывала визита къ Любови Федоровнѣ.

Послѣ разговора о здоровьѣ и прекрасной погодѣ, которая стоитъ въ продолженіи всей Святой, Любовь Федоровна сама спросила о Сарѣ.

— Есть какія-нибудь извѣстія, куда она скрылась?.. Разумѣется, я не вѣрю, что у ней нашлись родные, и что она къ нимъ поѣхала.

— Но что же моему племянницѣ отвѣчать, чтобъ избавиться допросовъ о ней? Говорятъ, что она уѣхала за границу съ княземъ Иваномъ; но ужь съ его стороны, кажется, можно было бы понять въ семьдесятъ лѣтъ, что такой своевольной природѣ, какъ воспитанница Маши, нужны были только его деньги и полная свобода.

— Но какой низкій поступокъ относительно Алеши! Для чего же она соглашалась выйти за него?

— Ну, еще бы! Нѣтъ сомнѣнія, что молодость и достоинства вашего племянника имѣли вліяніе на сердце дѣвушки. Еслибъ онъ былъ здѣсь, на лицо, то конечно побѣда осталась бы за сердцемъ.

— Ну! двуличія я терпѣть не могу; слава Богу, что Алеша избавился отъ нея! Она сбила бы его съ пути, и пошла бы моя денежка къ чорту.

— Я думаю онъ объ этой потерѣ мало и горюетъ, тѣмъ болѣе что это, сватовство никому неизвѣстно, кромѣ насъ.

— Еслибы горевалъ, то вѣрно не пріѣхалъ бы съ своимъ горемъ ко мнѣ.

— А онъ здѣсь?

— Разумѣется, еще бы не пріѣхалъ на праздники!..

— Вы пожалуста скажите ему, что ни я, ни Мама ни сколько не въ претензіи на него за отказъ Вѣрушкѣ. По причинѣ ли этого отказа, или нѣтъ, она пріискала себѣ покровителя; но во всякомъ случаѣ Маша радехонька, что избавилась отъ ея невыносимыхъ причудъ и капризовъ. Теперь только созналась она, что это было за зелье.

— Для чего же она меня не предупредила?

— Какъ же бы она это сдѣлала, имѣя дочерей невѣсть, а можетъ-быть и имѣя надежды... Какъ бы вы приняли это предупрежденіе; да и какъ рѣшиться лишать счастья дѣвушку?

— Правда; надѣюсь однакоже, что это обстоятельство не разстроило насъ съ Марьей Ивановной.

— Она была бы давно у васъ, еслибы была увѣрена, что поступокъ ея воспитанницы не измѣнилъ вашихъ добрыхъ отношеній къ ней.

— Нисколько, Авдотья Петровна; на счетъ же Алеши скажу вамъ, что я даю себѣ слово въ его сердечныя дѣла не мѣшаться. У него есть мать, да еще съ материнскимъ сердцемъ вѣщуномъ.

— Я и сама то же сказала Машѣ, которая сбила меня съ толку своимъ вѣщуномъ, проговорила въ тоиъ Любови Ѳедоровны хитрая Авдотья Петровна.

— Я терпѣть не могу этихъ вѣщунковъ! Впередъ ничего не отгадываешь.

— Я и сама той же вѣры, Любовь Ѳедоровна, заключила Авдотья Петровна, вставая съ мѣста.

Черезъ нѣсколько дней и Марья Ивановна, съ трепетнымъ сердцемъ, пріѣхала къ Любови Ѳедоровнѣ; но, встрѣченная радостнымъ и радушнымъ взглядомъ матери Лонскаго, она успокоилась. Надежда ея воскресла. То же самое чувство испытала и мать Лонскаго; но сомнѣніе въ сынѣ еще тревожило ее.

— Алеша, сказала она ему послѣ свиданія съ Марьей Ивановной,—у насъ была Лиговская...

— Матушка! высказывая ваши желанія, вы мнѣ приказываете; но вы знаете, что я вамъ покорень... отвѣтилъ онъ на слова матери.

— О, нѣтъ избави Богъ! Я не хочу тебѣ приказывать. Я хочу твоей доброй воли. Я сказала о Лиговской только потому, что мнѣ кажется...

— Чтò вамъ кажется, матушка? Договорите.

— Что ея пріѣздъ къ намъ... Ахъ, Боже мой! Алеша вѣдь она мать Лидіи, которой ты оказывалъ вниманіе, подавалъ надежды, которая повѣрила имъ... которая не знаетъ что ты предпочелъ ей другую!..

Эти слова поразили Лонскаго, онъ вскоцилъ, бросился къ матери, припалъ къ плечу ея.

— Матушка, довольно! Я виноватъ и передъ Лидіей и передъ вами! Я заглажу вину мою, я исполню ваше желаніе!

Тронутая до глубины сердца, Лонская замолчала; но слезы ея капали на голову сына.

Казалось, сознавъ свое безуміе, онъ мгновенно исцѣлился отъ пожиравшей его страсти. На другой день онъ уже былъ вмѣстѣ съ матерью у Лиговскихъ. Взглянувъ на Лидію, онъ вспыхнулъ.

Никогда взоръ Лидіи не былъ такъ свѣтелъ, и никогда еще не видалъ Лонскій такого безоблачнаго голубаго неба... Онъ, казалось, поддался этому очарованію.

ХХІІІ.

Когда Марья Ивановна возвратилась въ Москву, въ домѣ Лиговскихъ все пошло обычнымъ порядкомъ. Сары какъ будто въ немъ никогда и не бывало. Марья Ивановна отклоняла всѣ напоминанія и намеки о ней. Она была увѣрена, что Сара уѣхала съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ за границу, рада была этому, и какъ-то неволью оправдывала ея поступокъ и ея рѣшимость предпочесть княжество, богатство и свободу замужеству съ вѣтренымъ Лонскимъ. Лидія при Сарѣ была какъ будто связана, какъ будто боялась ея; безъ Сары, она стала свободнѣе, веселѣе и развязнѣе. Когда же Лонскій явился снова въ домѣ, Лидія вполнѣ ожила, и не томилась уже тѣмъ пугливымъ, мучительнымъ чувствомъ, которое она испытывала при Сарѣ.

Надежды Марьи Ивановны относительно Лидіи возобновились, она была спокойна: Сара не могла уже ихъ нарушить, и Потапъ Савичъ, заставъ Лонскаго бесѣдующимъ съ Лидіей, по праву домашняго комика спросилъ ее, указывая на нихъ:—можно надѣяться? Вмѣсто отвѣта, Марья Ивановна усмѣхнулась. Этого было для него достаточно, чтобъ убѣдиться, что дѣло кончено, и поторопиться развести пріятную новость по Москвѣ.

Проѣзжая мимо одного великолѣпнаго дома, Потапъ Савичъ, замѣтивъ у подъезда карету, крикнулъ:—стой!

Вѣрно Софья Петровна пріѣхала изъ Петербурга! проговорилъ онъ самъ себѣ.—Барыня здѣсь?

—Здѣсь, отвѣчалъ кучеръ.

Потапъ Савичъ соскочилъ съ дрожекъ, и вошелъ въ обширныя сѣни—никого нѣтъ; поднялся на лѣстницу, подставляя себя человѣку бывшему тутъ, чтобъ смялъ съ него шкель, и двинулся въ залу.

Въ слѣдующей комнатѣ слышалъ онъ жесткій звучный голосъ, и зашаркалъ прямо въ двери.

Тутъ, дама въ бархатномъ бурнусѣ и въ соломенной шляпкѣ, украшенной страусовыми перьями, разсматривала планъ дома, который придерживала молодой человекъ, видимо художникъ.

— Въ этой комнатѣ вы маѣ сдѣлайте карнизы розе съ позолотой, и обои, вмѣсто раскрашенныхъ стѣнъ въ гипсомъ помпейскомъ вкусѣ... и чтобы все было готово чрезъ двѣ недѣли.

— Время зависитъ отъ цѣны, сказалъ художникъ.

— Я не о цѣнѣ говорю, отвѣчала дама.

Художникъ поклонился. Дама пошла въ противоположныя двери.

— Софья Петровна позволить мнѣ поздравить ее съ приездомъ, сказалъ Потапъ Савичъ, шаркая вслѣдъ за дамой. Она оглянулась.

— Вѣра Михайловна! вскрикнулъ Потапъ Савичъ, разбросивъ руки отъ удивленія:—васъ ли я вижу?

— Потапъ Савичъ... сказала Сара, смутясь отъ неожиданной встрѣчи.

— Онѣмѣлъ, онѣмѣлъ, совсѣмъ онѣмѣлъ, языкъ отяглся, не вѣрю глазамъ—обманываютъ! Думаю видѣть хозяйку дома... метаморфозъ, превращеніе.

— Отчего же я не могу быть хозяйкой этого дома?

— Позвольте опомниться... въ нѣсколько дней цѣлое свѣтопреставленіе!... Вы—ужь хозяйка дома, князь Луцкій—возстаніе изъ мертвыхъ... но какая у него дочь!... очарованіе изъ очарованій, и также, какъ вы, Вѣра Михайловна...

Живой румянецъ мгновенно потухъ на щекахъ Сары.

— Въ самомъ дѣлѣ, сколько новостей! проговорила она съ принужденною усмѣшкой, усиливаясь сказать что-нибудь.

— Это еще не все... Лонскій—помните, такой писанный?—явился снова въ Москвѣ, сію минуту только видѣлъ его у Марьи Ивановны, и, кажется, есть надежда, что страстная любовь его наконецъ увѣчается...

— Вы меня заговорили, а меня ждутъ, сказала вдругъ Сара, и порывисто отворотась отъ Потапа Савича, пробѣжала черезъ залу, и исчезла изъ глазъ Потапа Савича. Поднявъ оброненный ею платокъ, онъ торопливо зашар-

какъ вслѣдъ за нею; но карета далеко уже умчалась отъ подъѣзда.

„Это что жь за видѣніе? спросилъ самъ себя Потапъ Савичъ, стоя на крыльцѣ: Марья Ивановна говоритъ, что она уѣхала изъ Москвы, съ какимъ-то отыскавшимся роднымъ; Варвара Сергѣевна говоритъ за тайну, что она уѣхала съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ за границу; всѣ прочіе говорятъ это вслухъ... кого жь я видѣлъ?“

Повторяя этотъ вопросъ, Потапъ Савичъ сѣлъ на дрожки, ишья уже въ запасѣ двѣ полноцѣсныя новости для сообщенія кому слѣдуетъ.

Между тѣмъ Сара, пробѣжавъ довольно значительное пространство, вдругъ спохватилась и вскрикнула: „я объ немъ и забыла!“ и приказала ѣхать назадъ къ дому.

На лицѣ ея въ первый разъ выразилось что-то злѣе, глаза какъ будто искали какой-то жертвы. Она выскочила изъ кареты, вошла въ домъ, пробѣжала длинный рядъ меблированныхъ, но пустыхъ комнатъ, и отворила дверь въ кабинетъ. Здѣсь, князь Иванъ Юрьевичъ, утомясь отъ обхода для осмотра дома, сидѣлъ въ широкихъ креслахъ-розвальняхъ, погруженный въ какую-то дремоту думы.

— Князь, мы ѣдемъ за границу! сказала ему отрывисто Сара:—я не хочу оставаться въ Москвѣ!.. Поѣдьте...

— Это было ваше желаніе; но вотъ видите ли, сѣге, какъ въ васъ благоразуміе беретъ всегда верхъ... хорошо, что можно еще отказаться отъ дома и пропасть только задатокъ.

— Поѣдьте, повторила Сара.

Князь взялъ ее подъ руки, они вышли изъ дому, и сѣли въ карету, приказавъ ѣхать домой.

Вечеру Потапъ Савичъ явился къ Лиговскимъ; расшаркавшись и проговоривъ всѣ титулы почтенныхъ особъ за сѣдавшихъ въ гостиной, онъ обратился снова къ хозяйкѣ и торжественно возгласилъ:

— Имѣлъ удовольствіе нежданно, негаданно встрѣтиться сегодня и побесѣдовать съ прекрасною вашею воспитанницею, Вѣрой Михайловной!

— Гдѣ, батюшка? во снѣ? спросила Авдогья Петровна, взглянувъ на Марью Ивановну, которая поблѣднѣла отъ этой новости.—Ты кажется тронуть ею и грезишь.

— Бываютъ видѣнія, сновидѣнія, грезы и бредъ; но я

еще не въ бѣлой горячкѣ. Въ бывшемъ домѣ Строиной, а видѣлъ новую хозяйку—Вѣру Михайловну.

И Потапъ Савичъ длиннымъ комическимъ монологомъ разказалъ встрѣчу съ Сарой, и подавъ въ доказательство обретенный ею платокъ съ отмѣткой.

Марья Ивановна взглянула съ отвращеніемъ, и не взяла его изъ рукъ Потапа Савича.

— Ты, батюшка, рехнулася представлять такія комедіи! сказала Авдотья Петровна съ сердцемъ.

— Просто *comedia divina*, продолжалъ Потапъ Савичъ, держа платокъ, какъ профессоръ магіи, и показывая его всѣмъ присутствующимъ. — Въ домѣ Строиной является видѣніе, духъ Вѣры Михайловны, и исчезая, рождаетъ вотъ эту матеріальную вещь... Впрочемъ, можетъ-быть лилобатиствъ отгоситса къ духовнымъ матеріямъ?

— Эта забавная комедія однакоже довольно серіозна, сказалъ Ранѣвъ, бесѣдовавшій съ Марьей Ивановной и именно насчетъ Сары. — Чего добраго, она, можетъ-быть, и здѣсь. Сейчасъ же отправлюсь на свидѣствіе.

— Ахъ, остальте пожалуста! сказала Марья Ивановна.

— Нѣтъ, позвольте, не могу!

Ранѣвъ взялъ шляпу и немедленно же отправился въ извѣстный ему домъ Строиной. Долго звонилъ онъ у подъѣзда, но никто не отозвался. Пошелъ къ воротамъ. У воротъ сидѣлъ на мочномъ караулѣ дворникъ.

— Это домъ Строиной?

— Нѣтъ, купецъ, отвѣчалъ дворникъ.

— Кто жь купилъ?

— Ульяна Трифоновна.

— Кто такая?

— Купчиха.

— Никакого выхода! вскричалъ Ранѣвъ.

— Какъ нѣтъ выхода? сказалъ дворникъ:— и входъ и выходъ есть съ улицы.

Ранѣвъ возвратился къ Лиговскимъ.

— Домъ Строиной дѣйствительно купецъ, сказалъ онъ, входя въ гостиную.

— Изводите видѣты! крикнулъ Потапъ Савичъ.

— Новая хозяйка его купчиха Ульяна Трифоновна.

Всѣ захохотали. Марья Ивановна успокоилась.

Потапъ Савичъ разбросилъ отъ изумленія руки и сталъ какъ вкопанный.

— Чудеса! проговорилъ онъ:— такъ являются только послѣ смерти!

XXIV.

Марья Ивановна и мать Лонскаго, въ дружественныхъ изліяніяхъ, намекали уже слегка другъ другу о возможности породниться.

Въ Лонскомъ проявлялись уже мгновенія новаго увлеченія; но передъ рѣшительною минутой онъ возвратился домой съ чувствами, которыя снова завели борьбу на жизнь и смерть; человекъ его, вынувъ изъ кармана письмо, подалъ ему.

— Отъ кого это?

— Приходилъ какой-то человекъ и просилъ отдать вамъ съ глазу на глазъ.

Лонскій взглянулъ на адресъ женской руки, развернулъ письмо, пробѣжалъ нѣсколько словъ и поблѣднѣлъ; потомъ онъ положилъ письмо передъ собою, сжалъ руки, и, не сводя съ него глазъ, безмолвно, неподвижно сидѣлъ надъ нимъ, какъ убитый, и казалось перечитывалъ написанное:

„Между нами все кончено. Эти нѣсколько строкъ я пишу вамъ невольно. Всѣ коварныя клеветы взведенныя на меня кажутся мнѣ страшны только въ отношеніи къ вамъ. Теперь, извлеченная изъ бездны, въ которую ненавидѣвшіе меня бросили бѣдную сироту, я могу вамъ сознаться во всемъ. Я виновата передъ вами, я избѣгала васъ вопреки движеніямъ своего сердца, думая исполнять этимъ обязанность мою передъ семействомъ, въ которомъ воспитывалась. Я виновата передъ вами, что была безсильна въ борьбѣ сама съ собою, и согласилась на ваше предложеніе. Мнѣ этого не простили; но месть и коварство были уже слишкомъ безчеловѣчны. Судите меня, я вамъ открою и послѣднюю мою тайну, кто мой истинный благодѣтель, который съ младенчества полюбилъ меня какъ родную дочь, который взялъ меня изъ дому Л. подъ свой покровъ, который наконецъ предлагаетъ мнѣ все свое достоинство... это князь Иванъ Юрьевичъ. Когда вы получите это письмо, я буду уже за границей. Еще сознаніе: я васъ любила и

люблю страстно... Прощайте! я все сказала что давно ждала сказать вамъ. W.“

Какъ будто вдругъ очувшись отъ усыпленія, Ловскій вскочилъ съ мѣста, крикнулъ своего челоуѣка, приказалъ подать карету, немедленно же уложиться въ дорогу, — и никому ни слова!

Отдавъ приказаніе, онъ написалъ на почтовомъ листѣ:

„Матужка! мнѣ здѣсь не возможно болѣе оставаться, я вѣду, мнѣ надо вѣхать. Я не могу этому доброму существу Л. платить за любовь любовью — я неблагодаренъ, что жь дѣлать? но если я на ней женюсь, я погублю и ее и себя, я буду преступникъ.“

Записка на имя матери пролежала на столѣ до вечера.

Когда хватились Ловскаго въ домѣ, онъ уже былъ далеко.

Письмо отчаянной матери въ Петербургъ не застало его тамъ; онъ уже былъ за границей.

Прошло лѣто и осень. Къ зимѣ князь Иванъ Юрьевичъ возвратился въ Москву. Замѣтно охладѣлъ онъ въ это короткое время.

— А княгиня? спросилъ его кто-то, при Равѣевѣ.

— Какая? спросилъ сурово и князь.

— Но вѣдь вы, князь, женились, какъ говорятъ.

— Когда?

Равѣевъ посмотрѣлъ на князя и пожалъ плечами; но не отъ недоумѣнія, какъ обычно; онъ выдержалъ свой характеръ и все выслѣдилъ. Блѣдыми призраками пронеслись въ воображеніи его нѣсколько еще недавно цвѣтущихъ существъ, которыя увяли отъ роковаго взгляда Сары; но онъ вздохнулъ и о ней.

А. ВЕЛЬТМАНЪ.

ПОЛЬСКІЕ СЕЙМИКИ

И

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ПРАВОВЪ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА

Pamiętniki Kajetana Koźmiana obejmujące wspomnienia od roku 1780 do roku 1815. Poznań, 1858 г., 2 тома.

Мемуары Кошмяна, несмотря на довольно-значительный объемъ, заключаютъ въ себѣ мало данныхъ для разъясненія главныхъ политическихъ событій; за то они представляютъ много яркихъ подробностей для характеристики современнаго ему поколѣнія и государственнаго быта Польши. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ извѣстные мемуары Паська, уступая послѣднимъ однако въ интересѣ и простотѣ изложенія.

Авторъ между прочимъ описываетъ два современнаго ему поколѣнія шляхты. Старшее изъ нихъ воспиталось подъ вліяніемъ очень тяжелой среды. Въ дѣтствѣ своемъ отъ грозной отцовской власти оно обыкновенно переходило къ власти педагоговъ, еще болѣе грозной, то-есть въ іезуитскія школы. Здѣсь господствовала схоластика, безоозна-

тельное зубреніе и безопадные батоги. Между тѣмъ какъ умственные силы развивались очень туго и односторонне, физическое развитіе совершалось съ гораздо-большимъ успѣхомъ. Во время рекреаций юноши учились драться на палкахъ; свидѣіемъ этихъ упражненій часто были разбитыя и окровавленныя фізіономіи; но за то шляхтичи умѣли хорошо владѣть саблею и привыкли не обращать большаго вниманія на раны. При такихъ условіяхъ воспитанія не трудно догадаться, какіе элементы вносило въ общественную жизнь это поколѣніе, когда достигало самостоятельности. Суровое обхожденіе, испытанное имъ въ молодости, оно въ свою очередь переносило на дѣтей, слугъ и вообще людей зависимыхъ, беззащитныхъ. Въ прежнія времена, врожденное Полякамъ мужество и искусство владѣть палашомъ имѣли прямое приложеніе къ дѣлу, когда приходилось отбивать казацкія конья, турецкіе и татарскіе булаты. Но теперь война требовала другаго оружія; притомъ и Польша во времена саксонскихъ Августовъ по большей части наслаждалась глубокимъ миромъ съ сосѣдями. Отсюда въ странѣ сильно размножилось число праздныхъ, бесполезныхъ рубакъ и буйныхъ молодцовъ. Свою отвагу и энергію они растрачивали на заезды и на разные подвиги во время Сейшиковъ, ярмарокъ, праздниковъ и проч. Рѣдко происходило собраніе, на которомъ бы не ссорились, не вызывали и не рублились. Вообще шляхетское поколѣніе, воспитавшееся во времена двухъ саксонскихъ Августовъ, поражаетъ насъ сильнымъ упадкомъ общественной нравственности. При своихъ буйныхъ наклонностяхъ оно отличалось страшными понятіями о чести, пьянствомъ, разнаго рода фанатизмомъ и склонностію къ подкупамъ. Авторъ мемуаровъ называетъ нѣсколько шляхетскихъ фамилій въ Люблинскомъ воеводствѣ, которыя болѣе другихъ славилась упомянутыми качествами.

Совершенно противоположными красками описываетъ Кожьянъ другое поколѣніе (къ которому онъ относитъ и себя), образовавшееся во времена Станислава-Августа Понятовскаго. Это поколѣніе воспиталось въ школахъ открытыхъ „учебною комиссіей“, которая была учреждена при Понятовскомъ. Ясность и простота преподаванія, вмѣстѣ съ мягкимъ обхожденіемъ учителей, сообщали воспитанникамъ новыхъ школъ гуманное направленіе и въгля-

вость, составлявшія разительный контрастъ съ суровымъ обхожденіемъ шляхтичей стараго покроя. Эти послѣдніе однако долго не хотѣли сознаться въ превосходствѣ новаго метода, и говорили, будто старый вырабатывалъ болѣе твердости и энергіи въ характерахъ; упрекали между прочимъ новыя школы и въ томъ, что онѣ пренебрегаютъ физическими упражненіями. Воспитанники новыхъ школъ отвѣчали, что они не пренебрегаютъ физическими упражненіями, а только упражняются другимъ, лучшимъ способомъ чѣмъ прежде. Въмѣсто драки на палкахъ, они учились владѣть карабинами, и въ рекреационныя дни ходили для этого за городъ подъ предводительствомъ профессоровъ, напѣвая стихи Красицкаго: „Święta miłości kochanej ojczyzny“, или маршъ Нарушевича:

Królu, któryś naród oświecił,
Mężtwo, cnotę, honor w nim wzniecił.

Въ 1792 году, когда пришлось оружіемъ отстаивать независимость отечества, на дѣлѣ выказалось превосходство болѣе образованнаго поколѣнія и его горячій патриотизмъ. Немногіе потомцы іезуитскихъ школъ стали въ ряды воиновъ; да и эти немногіе далеко не обнаружили своей обычной неукротимой отваги. Между тѣмъ какъ воспитанники школъ учебной комиссіи, піаристовъ и театиновъ (Костюшко, Понатовскій, Мокраковскій, Потоцкій и др.) мужественно проливали свою кровь на полѣ битвы, бригада Бѣрнацкаго, составленная по большей части изъ усатыхъ буяновъ (и названная „капотовою“ отъ своихъ бѣлыхъ плащей), подъ Дубенкой обратила тылъ, и произвела беспорядокъ въ войскѣ. Во время возстанія Костюшки, первые люблинскіе рубаки и удалцы вели себя довольно оригинально¹. Одинъ изъ нихъ, нарядившись въ какую-то звѣриную шкуру, чтобъ походить на Ахиллеса, все время возстанія разъѣзжалъ по улицамъ Люблина, и вербовалъ подобныхъ себѣ удалцовъ. Онъ формировалъ легіонъ, отличительнымъ знакомъ котораго должна была служить мертвая голова, а девизомъ слова: „смерть или побѣда“; но ни вождь, ни легіонъ его не явились на поле сраженія. Другой представитель молодечества легъ въ постель и оказался боленъ

¹ Кожаный былъ уроженецъ Люблинскаго воеводства, и преимущественно шибеть въ виду свою провинцію.

подагрой, хотя во время только что оконченнаго сеймика очень успѣшно рубился на улицахъ съ своею братіей-шляхтою. Но лучшее поколѣніе было еще очень малочисленно и не могло имѣть рѣшительнаго вліянія на послѣдующія судьбы польской націи.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, между аристократами Люблинскаго воеводства, выдался особенно Казимиръ Сапѣга, который женился на богатой вдовѣ князя Сангушко, и сдѣлался паномъ обширныхъ Сангушковыхъ владѣній, приносившихъ 300.000 злотыхъ ежегоднаго дохода. Мать его, сестра гетмана Ксаверія Браницкаго, нѣкогда фаворитка короля, была извѣстна своимъ бойкимъ характеромъ и опытностію въ дѣлѣ интригъ. Руководимый ея совѣтами, молодой Сапѣга скоро захватилъ въ свои руки большое вліяніе на мѣстную шляхту, и по обычаю польскихъ аристократовъ началъ господствовать на сеймикахъ, то-есть по произволу выбирать земскіе чины, депутатовъ люблинскаго трибунала и сеймовыхъ пословъ¹. Вліянію Сапѣги много способствовала близость къ Люблину его резиденціи, Любартова, въ которомъ часто и щедро угощалась окрестная шляхта. Однако неискusstное и неумѣренное пользованіе этимъ вліяніемъ на мѣстныя дѣла вызвало наконецъ сильный отпоръ со стороны большинства.

Въ числѣ своихъ кліентовъ Сапѣга считалъ Андрея Кожмяна (отецъ автора мемуаровъ), одного изъ зажиточныхъ и уважаемыхъ обывателей (помѣщиковъ) той провинціи. Послѣдній въ качествѣ адвоката оказалъ многія услуги гетману Браницкому, и потому пользовался расположеніемъ его сестры и племянника. Однажды Казимиръ, выходясь въ общество многихъ обывателей, былъ особенно ласковъ съ Кожмяномъ.

— Пора тебѣ, панъ ловчій, оставить адвокатуру, сказалъ Сапѣга:—Богъ далъ тебѣ достатокъ; пора начать службу

¹ „Депутатами“ собственно назывались выборные члены трибунала (высшаго суда); а представители шляхетства на сеймѣ назывались „послами.“ Соответственно этому различались сеймики депутатскіе и предсеймовые. Кромѣ того были сеймики: „элекційные“, на которыхъ выбирались нѣкоторые земскіе чины (каковы: подкоморій, судья, подсудекъ и писарь), „экономичные“, на которыхъ обсуждались мѣстныя нужды (дороги, мосты и т. п.), и др.

намъ, твоимъ землякамъ. Попросимъ его быть депутатомъ на слѣдующій трибуналъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ присутствующимъ.

— Ваша княжеская милость забываешь, отозвался Кожмянъ,—что очередь выбирать приходится за Луковскою землей; а я не имѣю тамъ большихъ связей, и слѣдовательно не могу питать надежду.

— Положись, панъ, на меня, отвѣчалъ князь:—Луковская земля въ моихъ рукахъ. Выпьемъ за здоровье будущаго депутата!

Чокнулись бокалами. Кожмянъ принялъ предложеніе князя и обывателей.

Но случилось такъ, что его милость, князь Сапѣга, встрѣтилъ на балу хорошенькую жену Ястшембскаго, дочь люблинскаго подстаросты Суходольскаго; она только что вышла замужъ и жила также не далеко отъ города. Князь началъ учащать свои визиты къ молодой четѣ. Кокетливая, жаждущая свѣтскихъ удовольствій, Ястшембская заимчива князю, что она охотно поселилась бы въ Люблинѣ, еслибъ ея мужъ былъ выбранъ депутатомъ. Сапѣга съ большимъ удовольствіемъ взялся исполнить ея желаніе, и немедленно, въ присутствіи ея отца, выпилъ за здоровье будущей пани депутатовой. Суходольскій былъ свидѣтелемъ торжественнаго предложенія депутатства Кожмяну, и напомнилъ о немъ Сапѣгѣ.

— Кожмянъ можетъ подождать до слѣдующаго года, отвѣчалъ князь.

Между тѣмъ Луковская земля, не зная ничего о перемѣнѣ княжескихъ мыслей, заявила Кожмяну, что она охотно отдаетъ свои голоса въ его пользу. Вскорѣ послѣдній съ большимъ удивленіемъ узналъ, что въ луковскихъ и люблинскихъ селахъ агенты князя вербуютъ голоса въ пользу Ястшембскаго. Онъ рѣшился ждать объясненій, и пока не дѣлалъ никакихъ попытокъ противодѣйствія. Но наиболѣе значительные обыватели Луковской и Люблинской провинцій, задѣтые живое слишкомъ безцеремоннымъ произволомъ, говорили, что они не желаютъ быть игрушкой молодаго князя и умижать почтеннаго, заслуженнаго чловека, котораго сами же упростили быть кандидатомъ. Предупрежденный объ общемъ неудовольствіи, Сапѣга за четыре

медля до сеймика прѣхалъ къ Кожмяну, ѣ притомъ въ довольно-нетрезвомъ видѣ.

— На этотъ годъ пану уже нельзя быть депутатомъ, сказалъ онъ:—я общалъ Ястшембскому; а пана выберемъ на будущій годъ.

— Благодарю покорно пана князя, отвѣчалъ старикъ.—Я готовъ хоть навсегда отказаться отъ кандидатуры; но пусть князь попроситъ обывателей уволить меня отъ даннаго мною согласія; а до тѣхъ поръ я не могу располагать своимъ словомъ. Надѣюсь, что князь не забылъ своихъ рѣчей; если же измѣнилъ свои мысли, то по крайней мѣрѣ не будетъ того же требовать и отъ меня.

— Панъ хочеть со мной тагаться? закричалъ Сапѣга:—сапшкомъ малъ для этого.

— Князь, отвѣчалъ съ достоинствомъ ловчій,—хотя у меня и было намѣреніе отступиться, но знай, что съ этой минуты я не отступаю; пусть обыватели разсудятъ между нами.

Разсерженный магнатъ тотчасъ оставилъ Кожмяна. Теперь обѣ стороны ревностно принялись дѣйствовать и разсматривать пріятелей по селамъ между мелкою шляхтой. Въ распоряженіи Кожмяна оказалось много молодыхъ людей, которые готовились подъ его руководствомъ къ поприщу адвокатовъ; притомъ въ Люблинскомъ воеводствѣ не было шляхетскаго селенія, въ которомъ бы у него не нашлось дальнихъ родственниковъ или сватовъ. Въ Луковской землѣ у него были пріятели: Ласкій—земскій судья, Ястшембскій—подсудокъ (однофамилецъ вышеупомянутаго) и Домашевскій—городской судья; они собирали голоса въ его пользу. Съ своей стороны Сапѣга набралъ до пяти сотъ люблинской и луковской шляхты; но, видя что сторона противника многочисленнѣе, прибѣгнулъ къ подкупу. Съ этою цѣлью онъ обратился къ тремъ люблинскимъ банкирамъ; но тѣ, будучи старыми пріятелями Кожмяна, отвѣчали князю, что до сеймика денегъ въ займы не дадутъ, а послѣ сеймика сколько угодно. Сапѣга не остановился передъ подобнымъ препятствіемъ. Онъ поспѣшилъ въ Варшаву и занялъ у столичныхъ банкировъ нѣсколько тысячъ червонныхъ золотыхъ. Между варшавскою молодежью онъ такъ усердно трубилъ о своей близкой побѣдѣ и возбуждалъ такой интересъ къ предстоящей борьбѣ, что нѣсколько праздно-

шатавшихся магнатовъ отправились съ нимъ въ Люблинъ, чтобъ быть свидѣтелями этой борьбы.

Насталъ день сеймиковъ. Толпы сельской шляхты наполнили городскія улицы. Гарнизонъ вышелъ изъ города, а трибуналъ закрылъ свои засѣданія на 24 часа. Сеймикъ начался обѣдено въ костелѣ доминикановъ. На одной сторонѣ сталъ Сапѣга съ своими друзьями, окруженный группою отборныхъ гетманскихъ рубаекъ; на другой сторонѣ былъ Кожмянъ съ толпою благопріятствовавшихъ ему обывателей и почти со всею молодежью *палестры* (училица адвокатовъ). Въ срединѣ находились воеводскіе чины. Лавки костела были заняты публикой, въ рядахъ которой помѣстились варшавскіе друзья Сапѣги, одѣтые по французской модѣ, то-есть напудренные и при шагахъ. Провинціальная шляхта подсмѣивалась и передразнивала этихъ столичныхъ франтовъ, отступниковъ національной старины. Когда обѣдня кончилась, старшій чиновникъ открылъ созыванія сеймика и предложилъ кандидатовъ въ маршалы (президентъ сеймика). Тотчасъ поднялся шумный споръ. „Прочь Ястшембскаго, луковскаго подсудка, онъ извѣстный другъ Кожмяна!“ кричала партія Сапѣги. „Прочь Суходольскаго!“ еще громче провозглашала болѣе многочисленная сторона его противниковъ. Посреди этого шума вдругъ Кожмянова партія узнаетъ, что Суходольскій уже присягаетъ на маршалство въ каплицѣ. Тогда одинъ изъ горячихъ сторонниковъ этой партіи, молодой адвокатъ, Янъ Дмуховскій, кричитъ: „или я не буду живъ, или Кожмянъ будетъ депутатомъ,“ и съ толпой своихъ товарищей бросается въ каплицу. Въ одну минуту они опрокинули столы, разорвали актъ присяги, выгнали палашами противниковъ, и пригласили присягнуть подсудка Ястшембскаго. Тщетно Сапѣга, ставъ на лавку, хотѣлъ говорить, а партія его вопила: *nie pozwolamy!*—Ястшембскій присягнулъ на маршалство, и спросилъ имена кандидатовъ въ трибуналъ. Земскій судья Ласкій назвалъ Кожмяна; а Сапѣга—Казимира Ястшембскаго. Повторилась прежняя сцена. Сапѣга, видя что его протестація остается безъ вниманія, схватился за саблю съ словами: „когда такъ, то пусть она разсудитъ!“ Но его тотчасъ столкнули съ лавки; не защитилъ и гетманскіе рубаки. На этотъ гвалтъ вышелъ изъ сакристіи доминиканскій пріоръ съ дарамы въ рукѣ.

Онъ закликаетъ собраніе успокоиться; но его никто не слушаетъ. Разгоряченная партія Кожмяна бьетъ и рубитъ своихъ противниковъ. Сапѣга бросился подъ лавку; но, угрожаемый однимъ полупьявымъ шляхтичемъ, онъ бѣжитъ отсюда и прячется подъ мантию пріора. Шляхтичъ и тутъ хочетъ его рубить; пріоръ пытается остановить ударъ и получаетъ рану въ палецъ. Кровь брызнула на ступени алтаря. Но толпа не обращаетъ на это вниманія, и принимается за варшавскихъ франтовъ, бьетъ ихъ, рветъ съ нихъ булки и выгоняетъ изъ костела. Сапѣга потихоньку ускользнулъ черезъ сакрестію; партія его была уже вся изгнана. Тогда побѣдители запираютъ двери костела, и единогласно выбираютъ Кожмяна. Затѣмъ изъ предосторожности, чтобъ озлобленные противники не собрались въ другомъ мѣстѣ и не раздвоили вѣча, шляхта цѣлую ночь стерегла всѣ костелы, и разошлась тогда только, когда узнала, что Сапѣга въ ту же ночь уѣхалъ въ Любартовъ.

Въ 1788 г. авторъ мемуаровъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ (въ то время уже земскимъ судьей) поѣхалъ въ Люблинъ, дня за два до сеймика. Подъѣзжая къ городу, увидѣли они густыя облака дыму, разстилавшіяся на лугахъ около рѣки Быстрицы. Вскорѣ передъ ними открылся большой лагерь, похожій на кочевья татарской орды. Между разнообразными шатрами и шалашами пылали очаги, на которыхъ жарились цѣлыя четверти быковъ, тутъ же зарѣзанныхъ. Посреди табора на столахъ, скамейкахъ и просто на землѣ обѣдали группы людей; другіе засѣдали вокругъ чановъ съ горѣлкой и бочекъ съ пивомъ или медомъ, и провозглашали виваты. Были и такія группы, которыя упражнялись въ искусствѣ владѣть палашами. Тутъ же подлѣ паслось нѣсколько сотъ лошадей. Столько же одноконныхъ подлясскихъ повозокъ, съ поднятыми вверхъ огоблями, съ двухъ сторонъ замыкали таборъ. „Что это такое?“ спросилъ Кожмянъ у встрѣчныхъ шляхтичей. Оказалось, что то была партія избирателей, которую призвалъ изъ Подляхій князь Адамъ Чарторижскій для выбора себя и шести своихъ товарищей въ сеймовые послы.

Между тѣмъ и въ городѣ, улицы были наполнены толпами той же подлясской шляхты. Едва Кожмянъ пріѣхалъ въ свою квартиру, какъ явилось къ нему нѣсколько обывателей съ жалобами: кругомъ не было никакой безопас-

ности; на улицу нельзя показаться, не рискуя подвергнуться оскорбленію или побоямъ; въ городѣ и въ жидовскомъ предмѣстьѣ принуждены были запретить лавки; но шляхта сбивала запоры и производила грабежи. Обыватели просили Кожмана ходатайствовать у князя, чтобъ онъ удалилъ эту полудикую орду, запретилъ бы ее поить и пускать въ городъ. Кожмякъ вошелъ въ объясненія съ приближенными Чарторижскаго; оказалось, что князь уже поручилъ предводителямъ каждой подлясской деревни держать въ порядкѣ своихъ буйныхъ „пановъ братью,“ и что это порученіе обошлось довольно дорого: каждый предводитель тогда только брался соблюдать порядокъ, когда получалъ въ руки не менѣе десяти дукатовъ. Самъ Чарторижскій сознался, что его пріатели, вербовавшіе партію, показали болѣе усердія нежели сколько было нужно.

Въ день сеймика шляхта не могла помѣститься въ костелъ; одна часть ея напомнила монастырскіе дворы и осѣданія улицы; а другая осталась на берегу Быстрицы около бочекъ и чановъ. Благодаря огромной партіи и популярности князя, сеймикъ окончился благополучно, и единогласно утверждены имена кандидатовъ прочтенныхъ маршаломъ Выбрановскимъ, котораго любящая шляхта на рукахъ принесла къ маршалскому столу. Чарторижскій въ короткой рѣчи поблагодарилъ шляхту за выборъ. Изъ костела всѣ обыватели отправились къ нему на обѣдъ. Два пословъ сочинили инструкцію; паны начали разѣзжаться; а мелкую шляхту принялись развозить по деревнямъ. Подлясскій таборъ снялся съ своего кочевья и отправился на родину. Но еще цѣлый день толпы празднующихся бродили по улицамъ. Когда трибуналъ возобновилъ засѣданія и гарнизонъ воротился на свои мѣста, въ городѣ водворилась спокойствіе и безопасность. Однакоже, „какъ и на всякомъ сеймикѣ“, въ этотъ разъ погибло пять-шесть шляхтичей отъ пьянства и другихъ подобныхъ причинъ.

Вообще панамъ очень недешево обходились голоса своихъ избирателей.

Въ старой Польшѣ каждый шляхтичъ, хотя бы не имѣлъ никакой осѣданности, уже по самому званію своему былъ избиратель. Въ деревняхъ мелкая шляхта часто жила рядомъ съ хлопамъ, не отащавась отъ нихъ ни вѣжливостію

своихъ домовъ, ни обычаями. Однако шляхтича можно было всегда узнать по покрою и цвѣту его платья и по саблѣ, безъ которой онъ никуда не являлся. Лазоревымъ цвѣтомъ кунтушей и капотомъ или эпанчою изъ сѣраго сукна, шляхта подходила ближе къ мѣщанамъ занимавшимся земледѣіемъ; но за то, также какъ хлопны, не брила бороды и не заботилась объ изяществѣ своихъ усовъ. Сапоги шляхетскіе были на каблукахъ для отащія отъ хлопскихъ подковокъ, но были также грязны и распространяли вокругъ себя такой же крѣпкій запахъ дегтя. На ярмарку, на богомолье или на сеймикъ, самый бѣдный шляхтичъ ѣхалъ обыкновенно верхомъ на жалкой клячѣ или съ женою въ бричкѣ; если не было своей брички, то онъ присаживался къ сосѣду; а ѣхать въ простой телѣгѣ считалъ униженіемъ шляхетскаго достоинства. Засыпавъ дребезжанье брички, хлопны спѣшили сворачивать съ дороги и снимать шапку, а запуганный Еврей погонялъ лошадь и скакалъ безъ оглядки; когда же случайно обгоняла его бричка, то счастливъ онъ былъ, если шляхетскій возница, зацѣпивъ осью не вываливалъ его на землю, или не вытягивалъ кнутомъ по затылку. Шляхта этого разряда обыкновенно выбирала себѣ патрона изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, котораго поддерживала на сеймикахъ. Въ праздники она изъ костела гурьбой отправлялась къ нему, не для того конечно чтобъ узнать политическія новости, а просто чтобы хорошо пообѣдать, выпить, попросить покровительства въ тяжбѣ, получить какой-нибудь подарокъ или позволеніе нарубить дѣсу, накосить сѣна и т. п. Сохрани Богъ отказать въ просьбѣ или гордо обойтись съ шляхтичемъ: въ такомъ случаѣ ожидала неизбежная месть. Нѣкто павъ Пражмовскій, мщоновскій староста, послѣдователь парижскихъ модъ, обидѣлъ однажды шляхтича изъ села Собѣщанъ: шляхтичъ былъ при саблѣ; но отъ его кожуха и сапогъ такъ несло дегтемъ, что староста не вынесъ и попросилъ гостя снять кожухъ въ передней. Послѣ того онъ не смѣлъ и показаться на сеймикахъ, и дѣлалъ большой объѣздъ, когда ему случалось ѣхать мимо Собѣщанъ.

Помѣстье Кожмана граничило съ тремя шляхетскими селеніями, Собѣщанамъ, Тарковкою, и Старою Весью, заключавшими въ себѣ до двухсотъ семей мелкой, земледѣльческой шляхты, въ томъ числѣ много дальнихъ родственниковъ и

свойственниковъ Кожмяна. Какъ скоро приближалось время сеймиковъ, домъ его наполнялся посѣтителами. Но недостаточно было кормить и поить непрерывно смѣнявшихся гостей; надобно было еще на четырехъ станціяхъ по дорогѣ въ Люблинъ заготовлять для нихъ ночлеги, сѣно, солому, съѣстные припасы и поваровъ съ прислугою; ровно какъ и въ Люблинѣ готовить помѣщеніе, столъ и разные напитки. Такъ какъ семьи происходили обыкновенно лѣтомъ или осенью, то для партіи Кожмяна нанимался всегда пустой неотдѣланный домъ, подъ горой за іезуитскимъ костеломъ; здѣсь настилали сѣно и солому для ночлега; а напротивъ занимали домикъ для кухни. Если партія набиралась очень многочисленная, то часть ея размѣщалась въ предмѣстьяхъ; а нѣкоторые находили пріютъ по разнымъ кляшторамъ, въ конюшняхъ и другихъ монастырскихъ строеніяхъ. При упомянутомъ пустомъ домѣ была крытая галлерея, гдѣ могло помѣститься вокругъ обѣденнаго стола не болѣе 80 человекъ. Поэтому обѣдающіе поочереды смѣняли другъ друга, при чемъ дѣло часто доходило до драки и тому подобнахъ сценъ. Столы накрывались скатертями изъ самой грубой холстины; тарелки и ложки были оловянные и даже жестяныя; ножи и вилки оправленные въ простое дерево. И все-таки непрерывно пропадали со стола не только ложки и вилки, но и скатерти. Кожмянъ сынъ приводитъ изъ своихъ воспоминаній нѣсколько случаевъ, чтобы показать, какого рода сцены происходили иногда за шляхетскимъ обѣдомъ.

Однажды пришелъ какой-то шляхтичъ въ сѣрой епанчѣ съ капотъ назади, и началъ протѣснять къ столу, уже плотно обсаженному обѣдающими, говоря: „панъ братья, вы кушаете, а я голоденъ; со вчерашняго дня ничего не ѣлъ“. „Отчего же панъ не поспѣшилъ? отвѣчали ему:— да потише, не толкайся.“ Но такъ какъ шляхтичъ продолжалъ насильно расчищать себѣ мѣсто, и вырывалъ у кого ложку, у кого вилаку, повторяя, что онъ еще ничего не ѣлъ, то его съ позоромъ отогнали отъ стола. Въ это время гайдукъ принесъ огромную мису съ горячимъ супомъ изъ потроховъ. Шляхтичъ бросается къ нему, хватается потроха и обжигается. Тогда нѣкоторые изъ обѣдающихъ вскакиваютъ съ лавокъ, вырываютъ у него мису, и все что въ ней было выливаютъ ему за шею въ капъ. Обва-

ренный шляхтичъ воевъ и прыгаетъ какъ бѣшеный. Другіе атакуютъ его съ вилами въ рукахъ, и, стараясь захватить потроха, попадають въ шею и въ плечи несчастнаго. Крики и суматоха страшная. Наконецъ оторвали капъ, вывали опять въ мису потроха, и принялись за вду.

Во время другаго сеймика, „овару какъ-то вздумалось угостить шляхту послѣ ужина компотомъ изъ вишень. Сначала паны-братья кушали мирно; потомъ отъ скуки начали мазать другъ друга сокомъ, и бросать косточками. Скоро цѣлое собраніе приняло видъ самый кровавый, такъ что вновь прибывавшіе гости принимали это обстоятельство за послѣдствіе драки, и невольно хватались за сабли. По просьбѣ стараго Кожмяна, за этимъ столомъ предсѣдательствовалъ одинъ собѣщанскій шляхтичъ, по имени Ходковскій, лихой рубака. А такъ какъ между упомянутыми тремя селами бывало нѣкоторое соперничество по вопросу о первенствѣ, то это предсѣдательство не нравилось обитателямъ Тарновки и Старой Веси. Смотри на перепапку вишнями, Ходковскій не выдержалъ и закричалъ: „Паны-братья, переставьте шалить, а то подумаютъ, что мы рубили другъ друга.“ „Не тебѣ насъ учить, отозвались Тарновка и Старая Весь, а вотъ мы вашу милость поучимъ!“ и, погасивъ свѣчи, бросились съ саблями на президента. Прислонясь спиной къ окну, Ходковскій началъ отмахиваться отъ нападающихъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ поспѣшили къ нему на помощь, другіе побѣждали за Кожмяномъ. „Братья шляхта, не проливайте крови!“ закричалъ Кожмянъ. Принесли свѣчи, и насаду могли развести сражавшихся. У противниковъ Ходковского оказались на физиономіяхъ различныя слѣды его палаша, и Кожмянъ поспѣшилъ запереть предсѣдателя въ свою квартиру, потому что шляхта грозила изрубить его въ куски.

„По счастью, замѣчаетъ авторъ мемуаровъ, не присутствовалъ при этой сценѣ Домарадскій изъ Старой Веси, известный буянь и страшный рубака; при немъ не такъ легко было бы успокоить бурю.“ Это былъ шляхтичъ, не умѣвшій не читать, ни писать, но за то по силѣ и по виду совершенный Геркулесъ, саблей и чаркой составившій себѣ грозное имя на ярмаркахъ и сеймикахъ. Кожмянъ сѣлалъ его своимъ лѣвничимъ, содержалъ его и бралъ съ со-

бою на сеймики. На одномъ изъ нихъ дѣвничій задѣлъ за живое луковскую шляхту, и та запылала жаждою мести. По окончаніи сеймика, она подстерегла его у порога костела, и произвела нападеніе. Домарадскій обнажилъ саблю, и уже успѣлъ нѣкоторымъ сдѣлать отмѣтки, какъ вдругъ клинокъ его отскочилъ отъ рукоятки. Шляхта рубить безоружнаго; шапка ослабляетъ удары, однако кровь уже льетъ съ его головы. Находчивый Домарадскій схватилъ въ руки ближайшаго шляхтича, и началъ дѣйствовать имъ какъ щитомъ. Несчастный, получая раны отъ своихъ товарищей, кричитъ: „Стойте, стойте!“ и отмахивается саблею отъ ихъ ударовъ. Замѣтивъ по близости столъ, Домарадскій пустилъ шляхтича, поднялъ столъ на голову, и протѣснился на улицу, между тѣмъ какъ сабелевые удары сыпались на доски стола. Но тутъ, изнемогши, онъ упалъ на землю. Непріатели наносятъ ему еще нѣсколько ранъ въ голову, и только подоспѣвшая люблинская шляхта принуждаетъ ихъ оставить свою жертву.

Кожмянъ въ то время присутствовалъ на званомъ обѣдѣ. Когда его извѣстили, что Домарадскій безъ чувствъ лежитъ на улицѣ, онъ тотчасъ отрядилъ двухъ пріятелей; далъ имъ пару дукатовъ на дѣченіе, и поручилъ отвести раненаго въ больницю сестеръ милосердія. Каково же было его удивленіе, когда, воротившись домой, онъ встрѣтилъ Домарадскаго, правда, обогрѣннаго кровью, но уже не совсемъ трезваго; голова его была испещрена лоскутами писчей бумаги, налѣпленными на раны.

— Ты уже здѣсь, сказалъ Кожмянъ, — а я послалъ пару дукатовъ на доктора и на дѣкарства.

— Благодарю пана, я славно покутилъ на нихъ съ братьями шляхтой; завтра хочу опять сразиться, прошу только пана о саблѣ.

— Да ты весь израненъ!

— Это пустыя царапины.

— Однако упалъ безъ чувствъ.

— Далъ бы мнѣ кто саблю, научилъ бы я ихъ разуму! Впрочемъ „co się odwlekło, to nie usiekło.“

Но Кожмянъ, опасаясь новой свалки, немедленно отправилъ своего кліента въ деревню.

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

КАКЪ ИЗДАЮТСЯ У НАСЪ КНИЖКИ О РАСКОЛѢ.

I.

Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клубкѣ и сказаніе о хранимелювъ быліи, мерскомъ зелии, езе есть табауъ. Два старинныя произведенія раскольничьей литературы. Спб. 1861 г.

Въ послѣднее время явилось въ нашей литературѣ не мало книгъ, посвященныхъ разысканіямъ о русскомъ расколѣ, и изданъ не одинъ памятникъ раскольничьей письменности. Расколъ такое крупное и такое печальное явленіе въ религиозной и общественной жизни русскаго народа, овъ такъ глубоко пустилъ въ нее корни и доселѣ распространяется такъ быстро и успѣшно, что дѣйствительно пора отнестись къ нему съ бѣльшимъ вниманіемъ и съ бѣльшею серіозностью чѣмъ доселѣ. Но именно потому-то самому и должно желать, чтобъ изданіемъ книгъ относящихся до раскола занимались съ надлежащимъ знаніемъ дѣла и съ полною добросовѣстностью; а иначе только сообщится, пожалуй, неправильное, превратное понятіе о расколѣ, что, конечно, вовсе не желательно.

Неволью привело насъ къ этой мысли чтеніе нѣко-

торыхъ недавно издаваемыхъ книжекъ о расколѣ. Мы намерены познакомить съ ними читателей. На первый разъ займемся книжкой, заглавіе которой выписали, и въ ней собственно повѣстью о бѣломъ клоубкѣ: „сказаніе о хравательномъ быліи“ не заслуживаетъ серіознаго вниманія и, едва ли стоило издавать его еще разъ, особенно при такомъ обиліи болѣе важныхъ памятниковъ раскольничьей письменности.

Мы, конечно, не станемъ входить въ разсмотрѣніе того, правильно ли издавъ текстъ *Повѣсти о бѣломъ клоубкѣ*: не указывать же типографскія ошибки и неправильное размѣщеніе знаковъ препинанія, нарушающія, и безъ того не вездѣ ясный, смыслъ текста. Для насъ важно собственно то, объясненъ ли смыслъ раскольничьей повѣсти. Въ „предисловіи“ находимъ нѣчто похожее на объясненія. Объясненія эти заимствованы изъ примѣчаній г. Костомарова, помѣщенныхъ въ издаванномъ подъ его редакціей сборникѣ памятниковъ старинной русской литературы, изъ котораго повѣсть перепечатана въ отдѣльной книжкѣ съ дипломатическою точностію даже въ ошибкахъ. Г. Костомаровъ признаетъ несомнѣннымъ, что *Повѣсть о бѣломъ клоубкѣ* „никогда не привозилась изъ Рима, а есть самодѣльное новгородское сочиненіе, составленное съ цѣлію — *найти историческое оправданіе домогательствамъ (чьимъ?) на независимость отъ митрополита,*“ и что она явилась послѣ паденія новгородской вольности, которую пережило это стремленіе къ іерархической независимости. Сколько можно догадываться, г. Костомаровъ относитъ составленіе повѣсти именно къ временамъ архіепископа Геннадія и Димитрія Толмача; а издатель отдѣльной книжки говоритъ прямо и рѣшительно, что *честь* составленія *Повѣсти о бѣломъ клоубкѣ* остается за именемъ Димитрія Толмача.

Что разказъ Димитрія, въ мнимоиъ письмѣ его къ Геннадію, о томъ какъ ему удалось съ большими затрудненіями списать повѣсть о клоубкѣ въ Римѣ, гдѣ ее „срама ради таятъ вельми“, весьма невѣроятенъ; что повѣсть никогда изъ Рима не привозилась; что она есть самодѣльное произведеніе русскаго писателя, — во всемъ этомъ, дѣйствительно, не можетъ быть сомнѣнія. Но что русскій сочинитель, и именно Новгородецъ, составилъ ее съ цѣлію *найти*

историческое оправданіе домогательствамъ на независимость отъ митрополита, это мнѣніе г. Костомарова кажется намъ болѣе остроумнымъ нежели основательнымъ. Если и оправдливо, что во времена Геннадія еще были живы и довольно сильны стремленія новгородскаго высшаго духовенства, и вообще Новгородцевъ, стать въ іерархическую независимость отъ московской митрополіи; если даже допустимъ, что тогда именно и составлена *Повѣсть о бѣломъ клобукѣ*,—самое одержаніе повѣсти все-таки не даетъ ни малѣйшаго основанія предполагать, будто она вызвана именно этимъ стремленіемъ. Нигдѣ въ повѣсти мы не встрѣчаемъ не только прямого указанія, но даже и намекъ на какой-нибудь антагонизмъ между Москвою и Новгородомъ. Основная мысль повѣсти, напротивъ, та, что православіе и благочестіе, символомъ которыхъ представленъ бѣлый клобукъ, отягаты будутъ сначала отъ Рима, потомъ отъ Царяграда, и будутъ переданы отъ Бога—не собственно Москвѣ или Новгороду,—а всей *великойъ рустій земли*. О Новгородѣ сказано только, что епископъ новгородскій Василій первый получилъ и сталъ носить бѣлый клобукъ, и сказано лишь въ соответствии историческому преданію, а вовсе не съ заднею мыслию показать преимущество Новгорода предъ Москвою. Наша старинная литература не обладала завиднымъ искусствомъ говорить между строками, до такого совершенства доведеннымъ современными борзописцами; еслибы творецъ повѣсти имѣлъ дѣйствительно мысль, какую усволяетъ ему г. Костомаровъ, онъ непременно высказалъ бы ее прямо, и еслибы даже позволилъ себѣ намекъ, все-таки этотъ намекъ былъ бы довольно ясенъ. Но этого-то именно читатель и не отыщетъ во всей повѣсти, при самомъ искреннемъ желаніи найти оправданіе для мысли г. Костомарова ¹. Мы думаемъ даже, что происхожденіе повѣсти вообще нельзя относить ко временамъ Геннадія, или ко временамъ новгородскихъ стремленій къ независимости.

¹ Только одно мѣсто во всей повѣсти имѣетъ характеръ нѣкоторой похвалы Новгороду: „посли сего святаго клобука въ рускую землю въ великій Новградъ, и да будетъ тамо носимъ на главѣ Василиа архіепископа, на по честь святый апостольскій соборный церкви Софьи премудрости Божіей и на похвалу православныхъ.“ Но это говорител, очевидно, нисколько не въ униженіе Москвѣ.

Есть основаніе думать, что *Повѣсть о бѣлозѣ клобука*, въ томъ видѣ въ какомъ издалъ ее г. Костомаровъ, явилась много позже Геннадія, даже не раньше утвержденія въ Россіи патриаршества. Къ такому заключенію прежде всего дають основаніе два мѣста въ самой повѣсти, и притомъ особенно важныя, такъ какъ въ нихъ заключена главная мысль всей повѣсти. Папа Сильвестръ, явившись въ сонномъ видѣніи патриарху Филоою, говоритъ ему о паденіи, ожидающемъ Царьградъ, о будущемъ величіи Русскаго царства, о томъ что Царьградъ передастъ ему и свою святыню, и свою власть, что наконецъ „и патриаршескій чинъ отъ царствующаго сего града также данъ будетъ Русскій земли во времена своя“. То же самое повторяется еще разъ въ словахъ ангела къ тому же патриарху Филоою ¹. Одно изъ двухъ: сочинитель повѣсти или предсказываетъ будущее учрежденіе патриаршества въ Россіи, или писалъ свою повѣсть послѣ учрежденія патриаршества. Никто, конечно, не усомнится отдать предпочтеніе послѣднему объясненію.

Принимая во вниманіе основную мысль *Повѣсти о бѣлозѣ клобука* и содержаніе предшествующаго ей письма, при которомъ Дмитрій будто бы прислалъ ее архіепископу Геннадію, не трудно указать и другіе слѣды ея происхожденія. Когда именно явилась у насъ мысль о мнимомъ отступленіи цѣлкви греческой отъ православія? Можно думать, что во времена Максима Грека она высказывалась нѣкоторыми изъ нашихъ книжниковъ, но не прямо и нерѣшительно ²; смѣлѣе начинаютъ выражать ее во

¹ „...и великій чинъ отъ царствующаго града сего также данъ будетъ величій Русскій земли.“ Это другое мѣсто находится въ *Погодинскомъ спискѣ*.

² О такихъ сужденіяхъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ сочиненій самого Максима Грека. Такъ у него есть сочиненіе подъ названіемъ: „сказаніе отрицающимъ на поставленіе, еже не примати ставленій на митрополию и на владычество отъ римскаго папы латинскія ерри и отъ константинопольскаго патриарха въ области безбожныхъ Турокъ поганана царя.“ Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ, что сравнивать съ папою константинопольскаго патриарха не законно и что владычество Турокъ не имѣетъ вліянія на вѣру и благочестіе Грековъ; сѣдовѣательно, противныя этому сужденію ему приходилось слышать между Русскими. Въ другомъ сочиненіи: „сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николаиже, аще и многа лѣта обладаемы суть градове отъ поганыхъ“, онъ пишетъ какому-то

время начавшихся книжныхъ исправленій; наконецъ рѣзко и прямо высказывается она уже во время соборнаго исправленія книгъ при патріархѣ Никонѣ. Въ этомъ смыслѣ важно одно мѣсто изъ посланія Димитрія къ Геннадію, гдѣ говорится о судьбѣ греческихъ книгъ послѣ взятія Константинополя: „егда Турки обладающе царствующимъ градомъ, разказывалъ будто бы Димитрію книгохранитель римской церкви, нѣдѣи благочестивіи взяша множество греческихъ книгъ, хотяще соблаости греческія вѣры отъ безбожныхъ Турокъ и отплыша моремъ въ Римъ; латинстїи же людіе *нашедше слави зѣло* (то-есть *наши дщеславни зѣло*) и тщательны философскому ученію, отъ многихъ дѣтъ восточныхъ учителей жадаху видѣти писанія (:) і о гречестви (но гречестїи) царіе не изволиша тако быти ради отступленія ихъ отъ православія; егда же уллучиша время, принесемыя убо отъ Грекъ книги на свой языкъ преложиша, а греческія книги огнемъ сожгоша“ (стр. 3—4). Подобные разказы о порчѣ и истребленіи греческихъ книгъ латинянами также являются около того времени, когда при исправленіи славянскихъ книгъ стали обращаться къ греческимъ подлинникамъ. А все это опять приводитъ насъ къ тому заключенію, что *Повѣсть о бѣломъ клубкѣ* явилась около времени утвержденія въ Россіи патріаршества, то-есть въ началѣ XVII столѣтія, и никакъ не ранѣ послѣднихъ годовъ XVI. Ее составилъ какой-нибудь изъ тѣхъ „дѣсловесниковъ“, въ родѣ клирика Василя, на которыхъ въ свое время горько и справедливо жаловался князь Курбскій, и составилъ съ цѣлію оправдать преимущество церкви русской предъ греческою, о чемъ толковали тогда многіе.

Откуда же однако досужая фантазія такого дѣсловесника заимствовала матеріалы для странной сказки о

„честивѣшему отцу:“ „о немъ же изволиш еси и *слагалъ* преждъ малыхъ двѣхъ рекъ, *ако въ нынѣшнихъ временахъ*, въ дѣпноту убо, и *будеть* и *наречется* *Иерусалимъ* царствующій градомъ *благовѣрныя* Руси *селенитая* Москва, *аки старому* *Иерусалиму* *непотребну* быешу *узбе*, *за нежѣ* *многа* *лѣта* *обладатися* *отъ* *нечестивѣйшихъ* *срацинь*. О семъ *году* *малыми* *бесѣдовати* *къ* *твоему* *благовѣрнѣму*, *честивѣйшій* *отче*.“ То же подозрѣніе о крайнихъ опасностяхъ для вѣры отъ владычества Турокъ слышится и въ этомъ вопросѣ Берсея Максиму: „*мыль* *у* *васъ* *цари* *берменскіе* *и* *гомители* *и* *вмѣ* *отъ* *нихъ* *лѣта* *времена*, *и* *какъ* *вы* *отъ* *нихъ* *проживаете*?“

похожденіяхъ бѣлаго клобука? Объ этомъ мы намѣрены представить также нѣкоторыя соображенія, основанныя на сличеніи издавннй теперь повѣсти съ списками ея совершенно другой редакціи¹. Укажемъ только главное и именно то, что нужно для нашей цѣли.

Повѣсть по упомянутымъ спискамъ, вопервыхъ, гораздо короче известной въ раскольничьей редакціи; вовторыхъ, по мѣстамъ отличается отъ нея въ выраженіяхъ и въ самыхъ подробностяхъ разказа; наконецъ, весьма во многихъ мѣстахъ имѣетъ съ нею буквальное сходство. Которая же изъ двухъ редакцій явилась прежде? краткая ли составлена изъ болѣе полной, или прогнанная дополнила краткую различными произвольными вставками? Мы принимаемъ послѣднее предположеніе, и вотъ почему.

Прежде всего, краткая редакція представляетъ больше простоты и естественности и въ цѣломъ составѣ, и въ подробностяхъ разказа. Передадимъ содержаніе повѣсти по этой редакціи. Царь Константинъ, изъ особеннаго уваженія къ папѣ Сильвестру, сдѣлавъ ему на главу „одѣяніе бѣло, тричастно, еже естъ клобукъ“; папа Сильвестръ питалъ къ этому одѣянію особенное благоговѣніе; потомъ царь Карулъ и папа Фармусъ, отступивши въ латинство, бѣлаго клобука не любили; спустя много времени послѣ Фармуса, другой нечестивый папа хотѣлъ отослать клобукъ „во ину страну сквернаго своего ученія и опоругатися и истребити“; но къ нему явился ангелъ и велѣлъ отослать

¹ Мы имѣемъ два такіе списка. Одинъ въ сборникѣ, принадлежащемъ Троицкой Лаврѣ (№ 739), писанный полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, не ранѣе XVII в.; другой—въ сборникѣ библиотеки Моск. Духовн. Академіи (№ 196): весь сборникъ писанъ четкимъ полууставомъ и въ числѣ разныхъ статей содержитъ одно сочиненіе Максима Грека, — явный знакъ, что онъ писанъ въ концѣ, или никакъ не ранѣе второй половины XVI ст. Оба списка не представляютъ существенной разности въ содержаніи; однакоже никакъ не могутъ быть названы сходными между собою. Оба имѣютъ такое заглавіе: „манускриптъ, чего ради великаго Новаграда архіепископи на главахъ своихъ носятъ бѣлый клобукъ, а не якоже прочіи митрополиты (и архіепископы) и епископы.“ Къ этому въ акад. списокѣ прибавлено: „самыхъ убо, яко сіе перечелъ о клобукѣ; а истинное начало о клобукѣ, о немъ же сице пишеть, отъ исторія римскія, велѣнія царска.“ По нашему мнѣнію, редакція повѣсти въ лавр. списокѣ, хоть и болѣе позднѣе, древнѣе, нежели въ акад., такъ какъ она и короче и имѣетъ менѣе сходства съ раскольничьею редакціей.

клобукъ „въ Константинъ-градъ къ патриарху, которому повелѣно будетъ, яже о немъ“, что папа и исполнилъ; между тѣмъ патриарху константинопольскому Ювеналию явился „уноша свѣтелъ“, съ вѣстію, что онъ получитъ изъ Рима клобукъ, и съ повелѣніемъ отослать его въ „Рускую землю, въ великій Новгородъ, да будетъ тамо на главѣ святѣйшаго Василиа, архіепископа новгородскаго и на прочихъ по немъ архіепископѣхъ“; Ювеналій также поступилъ согласно наставленію; въ свою очередь и Василій увидѣлъ во снѣ ангела Господня, „умиленна образомъ и свѣтла лицемъ“; ангелъ велѣлъ ему принять и носить съ честью клобукъ, который получитъ изъ Царяграда. Въ этомъ краткомъ разказѣ нѣтъ большей части тѣхъ чудесныхъ и до крайности вѣрныхъ подробностей, которыми изобилуетъ повѣсть о бѣломъ клобукѣ въ раскольничьей редакціи, а именно: нѣтъ упоминанія о двукратномъ явленіи апостоловъ Петра и Павла царю Константину, съ наставленіями, между прочимъ, какъ устроить украшеніе для папы Сильвестра „лицемъ бѣлѣшимъ“, по подобію святительскаго и мѣшескаго чина“; нѣтъ упоминанія о чудесномъ явленіи небеснаго свѣта папѣ Сильвестру и небесномъ гласѣ, который повелѣвалъ хранить бѣлый клобукъ въ церкви, „дождеже возстанеть домуладыка, ему же уготовася свѣтильникъ сей“; нѣтъ всего эпизода о приключеніяхъ бѣлаго клобука на морѣ, когда нечестивый папа послалъ „его во ину отраву своего сквернаго ученія“, объ ужасномъ наказаніи нѣкоего Индрика, который хотѣлъ съѣсть верху святаго клобука, о гибели корабля и всѣхъ пловцовъ, о чудесномъ спасеніи клобука нѣкіимъ Геремѣемъ, при помощи явившихся ему Константина и Сильвестра, о смущеніи и досадѣ папы по случаю возвращенія клобука въ Римъ¹, объ его неистовой злобѣ при извѣстіи, что клобукъ будетъ посланъ въ Рускую землю, „не любяше бо онъ, поганый, русскія земли“; нѣтъ и гнусныхъ подробностей о болѣзни и смерти этого несчастнаго папы; вовсе не говорится о явленіи Константина и Сильвестра патриарху Филосою (или Ювеналию), также о чудесныхъ знаменіяхъ, сопровождавшихъ принесеніе клобука въ Константинополь и Новгородъ,—объ исшед-

¹ ... „и вача браду свою торгая кусати“: изображеніе досады чисто въ русскомъ духѣ.

шесть отъ него благоуханіи, и свѣтъ, о разныхъ исцѣленіяхъ и проч. Что столькихъ подробностей чудеснаго и страшнаго характера не находится въ краткой редакціи повѣсти, это обстоятельство не лишено значенія для рѣшенія нашего вопроса. Принимая во вниманіе особенную любовь нашихъ предковъ къ чудеснымъ исторіямъ, ко всему что носитъ оригинальную печать сверхъестественнаго, трудно представить, чтобы рускій авторъ, напримѣръ XVI или начала XVII столѣтія, взявшись сокращать повѣсть наполненную сказаніями такого рода, не соблазнился удерживать бѣольшую часть ихъ, хотя въ менѣе подробномъ изложеніи; съ другой стороны, понятно, какъ могъ онъ краткую повѣсть заполнить такого рода подробностями, заимствуя ихъ частью изъ собственной изобрѣтательной фантазіи, частью изъ готовыхъ исторій и тѣхъ „бабьихъ бредней и болгарскихъ сказокъ“, которыми, по свидѣтельству Курбскаго, именно пользовались „дзесловесники“ для своихъ „развращенныхъ повѣстей“. Еще важнѣе другое обстоятельство. Краткая редакція повѣсти совсѣмъ не говоритъ о патриаршествѣ, имѣющемъ перейти изъ Константинополя въ третій Римъ, въ русскую землю, не упоминаетъ о паденіи Царяграда и отпаденіи греческой церкви отъ православія. А между тѣмъ мысли эти такъ характерны, такъ близки къ сердцу русскаго человѣка и такъ существенно важны въ повѣсти, что рѣшительно не понятно, какъ могъ исключить ихъ русскій писатель при сокращеніи повѣсти, и напротивъ очень понятно, что сочинитель, живо сочувствовавшій распространявшимся въ народѣ понятіямъ о греческой церкви, воспользовался удобнымъ случаемъ оградить ихъ несомнѣнностью авторитетомъ святаго Сильвестра и разныхъ чудесныхъ знаменій.

Представляется возможность объяснить отчасти даже и то, откуда брались матеріалы для дополненія первоначальной краткой повѣсти. При нѣкоторыхъ спискахъ сочиненій Максима Грека помѣщены краткія сказанія о его жизни. Въ одномъ изъ такихъ сказаній¹ читаемъ, будто Максимъ, по осмотрѣ великокняжеской бібліотеки, удивляясь ея богатству, говорилъ царю Василию Ивановичу: „ни въ

¹ Оно помѣщено въ большомъ сборникѣ сочиненій Максима, первой половиною XVII в., принадлежащемъ бібліотекѣ Т. С. Лавры (№ 201).

Грецьхъ толкаго множества книгъ сподобихся видѣти; сего ради, православыи самодержче государь, изъ Греческія земли въ западныя страны отъ младыхъ ногтеи вдахся на ученіе, понеже не обрѣтохъ въ Гречествѣ странѣ философскаго ученія, ради великія скудости книжныя. *Егда убо безбожнѣи Турки обладаша царствующимъ градомъ, тогда нѣщѣи благочестивѣи взяша множественное множество греческихъ книгъ, хотяще соблюсти благочестія вѣру, да не до конца угаснетъ свѣтло—греческое православіе, отъ безбожныхъ и богомерзкихъ Турокъ. И тако отплыша моремъ въ Римъ. Латинстѣи же людѣи тщеславыи злыи и отъ многыхъ лѣтъ желашу восточныхъ учителей списанія видѣти. Но гречестѣи цари не изволиша сему быти ради отступленія и (хъ) отъ православія. Егда же умчѣиша время, применѣиша убо отъ Грекъ книги во свой римскій языкъ преложиша, и греческіе же книги естъ онемъ поужгоша. И тако конечно оскудѣ отъ грекъ философія.* Читатель видитъ, что слова эти имѣютъ буквальное сходство съ приведенною выше выпиской изъ письма Димитрія Толмача къ Геннадію; римскій библіотекаръ говоритъ Димитрію о судьбѣ греческихъ книгъ то же самое и тѣми же словами, какъ и Максимъ Грекъ великому князю Василію Ивановичу. Сказаніе о Максимѣ носитъ очевидныя слѣды самостоятельнаго сочиненія; оно пользовалось извѣстностію¹; изъ него (а никакъ не наоборотъ) и замствовавъ мнимый Димитрій Толмачъ въ свое письмо къ архіепископу Геннадію объясненіе, что вмѣстѣ съ прочими греческими книгами погибла и греческая повѣсть о бѣломъ клобукѣ.

Сравнивая различныя списки древней редакціи, мы можемъ прослѣдить отчасти самый процессъ постепеннаго видоизмѣненія повѣсти о бѣломъ клобукѣ. Въ болѣе краткую редакцію другая, болѣе пространная, вноситъ уже нѣкото-

¹ На него есть ссылка въ соловецкой челобитной: „а книги у нихъ у Грековъ, которыя прежняго исправленія были послѣ царградскаго взятія отвали Римляне и перепечатали у себя, по своему латынскому обычаю, и тѣ имъ свои латынскіе книги роздали, а ихъ греческіе книги естъ огнемъ сожгли. О семъ свидѣтельствуемъ въ книжѣ своей (?) блаженныи Максимъ Грекъ“. Повѣсть о бѣломъ клобукѣ, во времена челобитной, уже пользовалась у раскольниковъ большимъ почетомъ, и это предпочтеніе, оказанное имъ сказанію о Максимѣ передъ письмомъ Димитрія, не лишнее значенія.

рыя дополненія, хотя состоящія пока только въ амплификаціи мыслей и выраженій, а вовсе не существенныя, но уже близко подходящія къ раскольничьей редакціи; въ раскольнической редакціи, тѣже самыя мысли, въ свою очередь, подверглись новымъ амплификаціямъ¹. Но тутъ дѣло не останавливается на амплификаціяхъ; вносится множество новыхъ, странныхъ подробностей, вносятся также, что особенно важно, и тѣ повятія о греческой церкви, которыя въ то время ходили между русскими грамотниками. Такимъ-то образомъ, изъ первоначальнаго краткаго сказанія о бѣломъ клоубкѣ, составилаь пространная повѣсть, о которой изобрѣтательный писатель не затруднился сказать, что ее прислалъ Димитрій Толмачъ изъ Рима архіепископу Геннадію. Подобныя примѣры не рѣдкость въ нашей

¹ Покажемъ это въ примѣрѣ; подчеркнутыя выраженія будутъ означать дополненія въ болѣе новой редакціи противъ болѣе древней.

По латр. По нѣкоемъ времени зюга новый царь, по имени Карамъ, и папа Фармосъ, православную вѣру обезчести и святую апостольскую церковь оскверниша своими нечестивымъ и злымъ святымъ сей клоубкъ безчестіи (безъ чести) творяху, злѣтню изрядно распыхаху съ павъ, зряци его тако его устроена и малавдяди его.²

По акад. „Человѣческому же спасенію врагъ діаволъ сотвори рать велию на святую церковь, воздвигъ же нѣкоего царя Карула имевенъ и папу Фармоса и научи ихъ отступити отъ правды вѣры христіанскіа, и раздра соузъ благочестіа святыа апостольскіа церкви. Сей же Карула и папа Фармосъ вражиимъ советомъ православную христову вѣру предаша во аполлиаріеву ересь и опресночная служенія и отступниша въ латынство и святую соборную церковь оскверниша своими нечестивыми служеніи и святого сего клоубка не любяху.“

По раск. „Суротименикъ же и челоувѣческому роду сопоемать, врагъ діаволаъ сотвори рать велию на святую церковь, воздвигъ нѣкоего царя, Карула имевенъ, и папу Фармоса, и научи ихъ прелестити христіанскій родъ своими лобными словесы и ученіи, и отступити отъ христовы вѣры, и раздрати соединеніе благочестіа святыа апостольскіа церкви. И бѣсовскими умышленіемъ ти сквернии учителя православную христову вѣру и апостольскіа и святыхъ отецъ преданія отвергошася, во аполлиаріеву ересь прегратишася и опресночная емниша въ правду, а истинныа христова преданія и святыхъ авостола, отеческаа поставишася и опресночная во лѣбу (?); и святую апостольскую церковь оскверниша не правыми ученіи и служеніи, и святаго блага клоубка не любяху.“

литературѣ XVI и XVII столѣтій. Клирикъ Василиѣй сочинилъ житіе Евфросина, наполненное не менѣе странными чудесами, какъ и повѣсть о клоубкѣ, также изъ краткаго сказанія, составленнаго первымъ писателемъ житія Евфросимова. А „подписывать“ свои произведенія на чужія имена было вообще въ обычаѣ у нашихъ „жесловесниковъ“, — „да удобно ихъ писанія пріемяются простыми и ненаучеными“.

Надѣмся, мы достаточно показали несостоятельность ученой замѣтки г. Козтомарова относительно разбираемой повѣсти. Не стоило бы послѣ того и говорить о соображеніяхъ, какія присоединилъ къ этой замѣткѣ самъ издатель повѣсти, такъ какъ они всѣ основаны на мнѣніи г. Козтомарова. Но нельзя не упомянуть о нихъ, для того чтобы показать съ какимъ званіемъ дѣла у насъ трактуютъ о расколѣ. „Повѣсть о бѣломъ клоубкѣ, замѣчаетъ издатель, ничѣмъ особенно не обнаруживаетъ своего раскольничьяго происхожденія, но по тому почету, какимъ пользуется у раскольниковъ, можетъ быть признана сочиненіемъ раскольничьимъ“. Но если повѣсть о бѣломъ клоубкѣ пользуется у раскольниковъ большимъ почетомъ, чѣмъ же объяснить это уваженіе къ ней раскольниковъ? За объясненіемъ дѣло не стало. „Если припомнить, говоритъ издатель, какое негодованіе возбуждала она (повѣсть о клоубкѣ) въ московскомъ духовенствѣ, какъ на соборѣ 1667 года обзывали ее живою и неправомъ, писанною Димитріемъ Толмачомъ отъ вѣтра главы своей, то станетъ понятно почему наша эта повѣсть такое распространеніе у раскольниковъ, какъ энергическій протестъ противъ Москвы; но (?) она должна была встрѣтить сочувствіе со стороны людей, у которыхъ антагонизмъ Москвѣ и московскимъ стрелками (?) получили силу религіознаго мнѣнія.“

Итакъ, по мнѣнію издателя книжки, повѣсть о бѣломъ клоубкѣ получила распространеніе и пользуется почетомъ у раскольниковъ, во первыхъ, потому, что она вызвала негодованіе со стороны московскаго духовенства (положимъ, что вызвала и даже именно со стороны московскаго) и что соборъ 1667 года обозвалъ ее живою и неправомъ! Читатель имѣетъ полное право замѣтить ему, что дѣло могло быть и наоборотъ: не потому ли въ духовенствѣ явилось негодованіе противъ повѣсти, не потому ли и соборъ

такъ рѣзко отзывался о ней, что она пользовалась особеннымъ почетомъ у раскольниковъ? Впрочемъ о духовенствѣ московскомъ и соборѣ 1667 года замѣчено только мимоходомъ; главная причина въ томъ, что повѣсть о клоубкѣ есть протестъ, и даже энергическій протестъ противъ Москвы, а раскольники—люди, у которыхъ антагонизмъ Москвѣ и (какимъ-то) московскимъ стремленіямъ получалъ силу религіознаго мнѣнія! Но вѣдь подъ этими громкими фразами о энергическихъ протестахъ, антагонизмѣ и проч., скрывается не иное что какъ совершенное незнаніе исторіи и ученія раскольниковъ. Кому же сколько-нибудь знакомому съ расколомъ не извѣстно, что *Повѣсть о блѣомъ клоубкѣ* пользуется у раскольниковъ особеннымъ уваженіемъ вовсе не потому что служить протестомъ противъ какихъ-то московскихъ стремленій (котораго нѣтъ и слѣдовъ въ ней), а потому что представляетъ основаніе для одного изъ главныхъ раскольническихъ мнѣній? Когда противники Никона и его церковныхъ преобразованій стали проповѣдывать, что православіе въ русской церкви истребилось, они въ то же время гласно выражали мысль, что православіе давно не стало и въ церкви греческой. Обѣ мысли стояли въ тѣсной связи между собою, такъ какъ исправленія въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ и обрядахъ опирались на авторитетъ греческихъ книгъ, и вообще восточной церкви. Для доказательства мнимыхъ отступленій русской церкви отъ православія обильный матеріалъ представляли раскольникамъ самыя перемѣны въ книгахъ и обрядахъ; но чѣмъ было доказать, что греческая церковь утратила православіе? Нашлись и на это доказательства, и однимъ изъ лучшихъ, по мнѣнію раскольниковъ, явилась пресловутая повѣсть о блѣомъ клоубкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, она была для раскольниковъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ. Нужды нѣтъ, что она составлена недавно, что въ ней видны живыя нитки, которыми сшилъ ее изъ странныхъ и невѣроятныхъ сказаній какой-то ревнитель мнѣній, такъ горячо защищаемыхъ теперь раскольниками: они не разборчивы на такія малости; для нихъ всего важнѣе то, что на основаніи повѣсти можно говорить смѣло и увѣренно, что еще папа Сильвестръ предсказалъ паденіе втораго Рима, то есть Константинополя, и отъятіе отъ него благодати Св.

Духа въ папѣннеіе агарянское. Кроме того, въ повѣсти говорится объ искаженіи латинами греческихъ книгъ, по которымъ Никонъ и его приверженцы *исправили* русскія книги. Здѣсь же, наконецъ, упоминается и о папѣ Формозѣ, котораго раскольники признаютъ изобрѣтателемъ трехперотнаго сложенія. Все это на самыхъ же первыхъ дняхъ раскола и сообщило *Повѣсти о блгоумъ клобуку* особенную важность въ глазахъ раскольниковъ; ради этого и ставятъ они ее на ряду съ Стоглавомъ и житіемъ Евфросина; это самое и побудило соборъ 1667 года обратять на нее вниманіе, какъ и на два послѣднія сочиненія.

Такъ просто объясняется уваженіе раскольниковъ къ повѣсти о клобуку,—и до этого объясненія вовсе нѣтъ нужды „доходить собственнымъ умомъ“, а достаточно самаго небольшого знакомства съ раскольниковыми сочиненіями. Прочитайте, на примѣръ, хоть письма протопопа Аввакума царю Алексію Михайловичу: „а греческихъ властѣхъ, пишетъ онъ, и вѣрѣ ихъ нынѣшней самъ ты вѣдаешь, что у нихъ изсяче благочестіе по пророчеству святыхъ царя Константина и Сильвестра папы и ангела Божія, явльшихся тогда Филоеемъ цареградскому патриарху, и сказа о томъ. Вѣдаешь ли?—*писано се во исторіи о блгоумъ клобуку*. И вѣдай, почто истину въ неправдѣ содержиши?“ Дьяконъ Фадоръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій также пишетъ: „никто же да дивится о семъ, яко изсяче у Грекъ благочестіе, по пророчеству святаго царя Константина и Сильвестра папы римскаго: *о семъ пишетъ во исторіи о блгоумъ клобуку*, како въ Русь посланъ.“

Замѣтимъ здѣсь кстати еще о нѣкоторыхъ оригинальныхъ толкованіяхъ, какія дѣлаютъ сами раскольники на повѣсть о клобуку. Дѣло въ томъ, что благопріятствуя мѣтнію ихъ о греческой церкви, повѣсть эта рѣшительно однако противорѣчитъ ихъ ученію о русской церкви: „древній Римъ, говоритъ повѣсть, отпаде славы и отъ вѣры христовы гордостію и своею волею; въ новомъ же Римѣ, еже есть Ковъстантинѣградѣ отъ насилія агарянскаго такожде христіанская вѣра погибнетъ: *на третіемъ же Римѣ, еже есть на русстѣй землѣ, благодать Святаго Духа возсія. И да вѣси Филоеіе, яко вса христіанская прїидутъ въ конецъ и скидутся во едино царство Руское православія ради...*

и страля наречетя свѣтлая Россія, Богу тако изволившу прославити тацѣмъ благодареніи русскую землю, *исполнити православія, величества, и честивѣшу сотворити наче первымъ оихъ*“. Итакъ папа Сильвестръ, предсказывая паденіе православія въ Царѣградѣ, изображаетъ въ самыхъ свѣтлыхъ чертахъ его будущее состояніе въ Русской землѣ, а расколъ напротивъ утверждаетъ, что и на Руси также не стало православія. Раскольники съ самаго начала видѣли это противорѣчіе и почувствовали нужду какъ-нибудь выйдти изъ него. Въ такихъ случаяхъ они, обыкновенно, не сашкомъ стѣсаются логикой и исторіей. Вотъ напримѣръ какой силлогизмъ строить протопопъ Аввакумъ: святой Іоаннъ Златоустъ и святой Кириллъ утверждаютъ, что царство противника Христова будетъ въ Римѣ; „святой же Сильвестръ папа римскій, егда съ небеси посланъ къ Филоою патриарху Царяграда, нашу Русскую землю признаетъ третьимъ Римомъ“: слѣдовательно въ Русской землѣ и долженъ явиться антихристъ. Затѣмъ идутъ доказательства, что онъ явился имѣнно въ лицѣ Никона. Остроумный ученикъ Аввакума, дяконъ Ѳеодоръ, былъ еще изобрѣтательнѣе. Такъ какъ судьбу православія въ первомъ, второмъ и третьемъ Римѣ повѣсть тѣсно соединить съ судьбою бѣлаго клобука, то было нужно лишь доказать, что Никонъ поругался надъ бѣлымъ клобукомъ: гибель православія должна была слѣдовать затѣмъ уже сама собою. И вотъ является такого рода повѣствованіе: „сего святаго бѣлаго клобука носила святіи архіепископи новгородстїи, посемъ и пять патриарховъ московскихъ и четыремитрополита, до Никона; а *Никонъ и то превратилъ по своему* и на подклѣйкѣ носилъ, яко жонка кая на кичкѣ своей сороку; гордости образъ показа, а смиренія образъ возненавидѣ преживихъ святыхъ святцелей русскихъ; а *посемъ и до конца отверже бѣлый святый клобукъ*, и черный положи на себѣ: *омерзъ бо ему та благодать, яко и древнѣмъ отступникомъ и еретикомъ римскимъ*; много бо и они тамо ругалися святому бѣлому клобуку. ¹

¹ Не извѣстно впрочемъ, Ѳеодору ли принадлежитъ изобрѣтеніе этого сказанія, или самому Аввакуму, у котораго есть отдѣльное сочиненіе о клобукахъ. Онъ утверждаетъ, что камлавки на подклѣйкахъ и клобуки

Мы показали обращикъ того, съ какимъ знаніемъ дѣла издаются у насъ памятники раскольничьей письменности; постараемся теперь представить не менѣе замѣчательной примѣръ того, съ какимъ знаніемъ и съ какою основательностью въ которыхъ *излагается* исторія раскола по раскольничьимъ рукописямъ.

(До слѣд. №)

Н. С — НЪ.

рогатые заимствованы отъ римскаго костела. „Въ Римѣ, разказываетъ онъ, была, прежде Флоренскаго собора, на престолѣ въ палацѣ баба еретица;“ она-то и устроила себѣ клобукъ на подкладкѣ, точно такой, какой сталъ носить потомъ Никонъ. А въ рогатомъ клобукѣ пришелъ на Флоренскій соборъ папа Евгеній; у него переняли Греки носить такіе клобуки, а у нихъ потомъ опять патріархъ Никонъ. Замѣчательно это желаніе облизить Никона съ папами.

ЯЗЫКЪ ФИЗИОЛОГОВЪ И ПСИХОЛОГОВЪ¹

Физиология обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Перев. съ англійскаго Горзенкова и Рачинскаго. Т. I. II. Москва 1861—62 г.

— Какъ вы себя чувствуете? спрашиваетъ докторъ больного.

— Плохо, отвѣчаетъ больной:— голова болитъ нестерпимо.

— Въ какой части?

— Въ передней.

— Это ничего, успокоиваетъ докторъ:— это пройдетъ. Впрочемъ какая боль, острая или тупая?

Больной молчитъ; онъ затрудняется обозначить качество боли.

— Чувствуете ли вы, спрашиваетъ докторъ, жалаа помощь больному въ самопознаваніи:— что въ головѣ будто стрѣлаеть, или просто чувствуете тяжесть, будто туда кто-нибудь свинцу наложилъ?

— Давить, гнететь, тяжело какъ свинець, отвѣчаетъ больной послѣ непродолжительнаго вниманія къ своему душевному состоянію.

При этомъ докторъ всматривается больному въ глаза и находитъ, что они помутнѣли: движеніе ихъ медленно, мало, тупо; они не имѣютъ обыкновеннаго блеска.

— А больше ничего не чувствуете? продолжаетъ докторъ.

— Ничего. Только какая-то усталость. Ноги тяжелы, руки тяжелы, все тяжело. Да еще вотъ аппетита не имѣю.

Докторъ посмотрѣвъ языкъ больного, пощупавъ пульсъ и изсаждовавъ кожу въ разныхъ мѣстахъ тѣла. Языкъ оказался

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 4.

сухимъ, кожа также сухая, безъ испарины; удары пульса были неправильны.

Въ этой діагностикѣ языкъ физиолога и психолога служилъ для одной и той же цѣли. Тотъ и другой языкъ выражалъ одно и то же состояніе больного организма. Еслибы наши ощущенія были тоньше, опредѣленнѣе и раздѣльнѣе, то можно бы развить психологическое ученіе о распознаваніи тѣлесныхъ болѣзней. Сухость кожи и языка, неправильное біеніе пульса, мутные глаза,—все эти состоянія и ихъ органическія условія необходимо выражаются въ соответствующихъ ощущеніяхъ, и по присутствію этихъ ощущеній мы могли бы съ достовѣрностію заключать о болѣзненномъ состояніи тѣхъ или другихъ тѣлесныхъ органовъ. Вышнему наблюденію доктора открыты измѣненія только на поверхности живаго тѣла; о болѣзни частей внутреннихъ оныхъ вынужденъ дѣлать догадки, предположенія, всегда соединенныя съ опасностію ошибки. Ощущенія тонкія, опредѣляемыя, рѣзко обозначающіяся, руководили бы его лучше нежели тѣлесныя данныя. Языкъ психологовъ выражалъ бы ясно и вполнѣ здоровыя и болѣзненныя состоянія тѣлеснаго организма.

Еслибы напротивъ докторъ могъ наблюдать живое тѣло такъ, какъ мы наблюдаемъ наши машины, еслибы онъ былъ въ состояніи обозрѣвать непосредственно каждую часть, каждый органъ, все тѣло и системы живаго тѣла; тогда онъ не имѣлъ бы надобности справляться о душевныхъ состояніяхъ больного, о чувствахъ боли острой или тупой, о чувствованіи усталости, тяжести, и т. д.; онъ просто и непосредственно видѣлъ бы какой тѣлесный органъ поврежденъ и какъ онъ задерживается и сбивается съ правильной дороги движенія и отправленія остальныхъ частей тѣла. Въ такомъ случаѣ языкъ физиологовъ былъ бы лучшимъ и полнымъ выраженіемъ здоровыхъ или болѣзненныхъ состояній тѣла.

Ни то, ни другое предположеніе не оправдывается въ дѣйствительности. Ощущенія наши, особенно тѣ которыя происходятъ отъ различныхъ состояній организма, каковы напримѣръ чувство тупой или острой боли въ головѣ, чувство усталости или тяжести, такъ неопредѣльны и слитны, являются они въ такихъ разнообразныхъ сочета-

нѣхъ, что положиться на нихъ при распознаваніи тѣлесныхъ болѣзней вѣтъ никакой возможности. Съ другой стороны, какъ ни далеко подвинулось въ настоящее время физиологическое и анатомическое изученіе тѣла, все же докторъ можетъ наблюдать въ живомъ тѣлѣ только наружныя перемѣны, и по этимъ неполнымъ даннымъ онъ вынужденъ дѣлать заключенія о состояніи внутреннихъ частей тѣла,—заключенія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть притязанія, на непогрѣзительность. Поэтому врачъ пользуется для достиженія своихъ цѣлей совѣстно и языкомъ самосознанія и языкомъ физиологіи: о характерѣ болѣзни онъ дѣлаетъ догадки въ одно и то же время какъ физиологъ и какъ психологъ. Такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ для достиженія нашихъ цѣлей на практикѣ мы соединяемъ средства самыя разнородныя, средства, которыя по своему качеству, по своимъ постояннымъ свойствамъ, могутъ не имѣть между собою ничего общаго. При встрѣчѣ, на примѣръ, съ какою-нибудь опасностью, человѣкъ мыслитъ и дѣйствуетъ, то-есть, производитъ перемѣну въ положеніи своихъ представленій и въ положеніи окружающихъ его вещей, также онъ въ одно и то же время критикуетъ, обсуживаетъ и отдается авторитету, слѣдуетъ совѣту друзей, поддерживаетъ въ себѣ мужество вмѣстѣ и расчетомъ, и надеждою, и знаніемъ, и вѣрою. Въ дѣлѣ и для дѣла мы сокупаемъ средства, взятая изъ различныхъ мотивовъ; тутъ насъ интересуетъ не логичность, не послѣдовательность, а успѣхъ.

Но для науки эта практика не можетъ служить руководящимъ правиломъ. Если политика, основанная на началѣ: *divide et impera*, считается нынѣ дурною, то наука овладѣваетъ миромъ вещей тѣмъ лучше и тѣмъ скорѣе чѣмъ болѣе раздѣляетъ она. Наука должна брать каждое явленіе отдѣльно, должна опредѣлять и изучать прежде всего особенныя качества каждаго явленія. Справедливо, что это аналитическое направленіе науки не удовлетворитъ всѣмъ нуждамъ духа; мы стремимся сообщить нашимъ познаніямъ единство, мы ищемъ одного цѣлостнаго взгляда на окружающія насъ явленія: отрывками, частями несвязанныхъ познаній мы недовольны. Вещи спокойно лежатъ въ пространствѣ одна подлѣ другой, или измѣняются, но все же въ порядкѣ послѣдова-

тельною, такъ-что для всякаго измѣненія есть своя очередь. Но понятія о вещахъ сходятся въ нашемъ одномъ, не раздѣльномъ сознании, и вступаютъ здѣсь въ отношенія согласія, или противорѣчя, общаго и частнаго, стремясь такимъ образомъ построиться въ одну систему, въ одно знаніе о мѣрѣ явленій. Тѣмъ не менѣе, если единство или цѣлостный взглядъ на вещи сложился у насъ такъ, что онъ мѣшаетъ намъ различать особенныя качества каждаго частнаго явленія, то мы получаемъ то призрачное знаніе, въ которомъ безспорно мы сознаемъ единство понятія, но не имѣемъ уже никакого опредѣленнаго представленія о разнообразныхъ признакахъ, составляющихъ его содержаніе. Очень часто, напримѣръ, психологія начинала свои изслѣдованія предположеніемъ, что душа составляетъ сущность тѣлеснаго организма, что тѣло есть *инобытіе* духа, его внѣшность, есть самый духъ, только ставшій видимымъ, что глазъ, напримѣръ, есть не что иное, какъ организованная душевная потребность видѣть, ухо—организованная душевная потребность слышать, желудокъ—организованная потребность самосохраненія, и т. д. Также очень часто физиологія основывалась на предположеніи, что тѣлесный организмъ есть источникъ душевныхъ явленій, что душа есть самое тѣло, только ставшее внутреннимъ, что мышленіе есть функція головного мозга, зрѣніе—функція зрительнаго нерва, и т. д. Въ разные времена шла ожесточенная борьба за истину одного изъ этихъ положеній, и это доказываетъ, что дѣло тутъ касается взгляда, который затрогиваетъ различныя интересы человѣка и его образованія. Однакоже объ ученюмъ, который, на основаніи одного изъ этихъ предположеній, хочетъ построить положительную науку, можно сказать, что онъ начинаетъ съ конца. Предположеніе, что жизнь нашего тѣла и жизнь нашего духа есть одна и та же жизнь, несколько для нашего наблюденія не сокращаетъ огромнаго разстоянія между качествами явленій душевныхъ и тѣлесныхъ. Поэтому психологи и физиологи, повимающіе значеніе науки, прежде всего заботятся не о саитіи этихъ явленій въ одной общей теоріи, но о правильномъ раздѣленіи ихъ и объ изученіи тѣхъ отношеній, въ которыхъ они дамы для непосредственнаго наблюденія. Задача эта только для поверхностнаго ученаго можетъ казаться легкою.

Декартъ, котораго простые и ясные анализы имѣли могущественное вліаніе на развитіе европейской философіи, рассматривалъ человѣческое тѣло какъ машину, которая имѣетъ всѣ условія и средства для того чтобы ходить, вѣть и дышать. Онъ полагалъ даже, что первый крикъ ребенка послѣ рожденія, его жесты и гримасы, исканіе груди—все это можетъ происходить безъ участія души, изъ одного тѣлеснаго устройства, потому что и въ послѣдующей жизни часто происходятъ подобныя явленія или противъ воли, или бессознательно. Въ этомъ ученіи, которому Декартъ неосновательно давалъ значеніе метафизическаго взгляда, заключается прямое указаніе на ту методу изсѣдованія, которая рѣзко разграничиваетъ вѣдѣніе физиологическое отъ психологическаго. Духовное начало обнаруживаетъ свою дѣятельность въ стремленіяхъ, чувствованіяхъ, мысляхъ,—вотъ кругъ душевныхъ явленій данныхъ въ опытѣ. Духовное начало изъ этихъ элементовъ созидаетъ науку и искусство, созидаетъ семейство, общество, исторію—вотъ организмы, сущность которыхъ есть духовное начало. Нужно ли еще предполагать, что это же самое духовное начало, которое строитъ эти высшіе организмы, есть вмѣстѣ источникъ и организма тѣлеснаго, что, какъ въ послѣдствіи времени оно создало науку и искусство, такъ въ часы своего бессознательнаго существованія оно занималось изобрѣтеніемъ и построеніемъ нервовъ, костей, мускуловъ и всѣхъ частей своего тѣла? Во всякомъ случаѣ это предположеніе отличается такою смѣлостію, что наука опытная не можетъ основаться на немъ. Съ другой стороны, по взгляду Декарта, тѣло есть машина, только *нарочито* устроенная, то-есть, машина, которая происходитъ не изъ случайной встрѣчи физическихъ дѣтелей. Дѣйствительно, современный физиологъ находитъ въ животномъ тѣлѣ молотки, рычаги, клапаны, цѣдилки, заслонки, веревки, рѣзущіе ножи, трущіе жернова, капиллярные сосуды, химическія реторты; только всѣ эти снаряды подчиняются вѣсь общему плану, каждый изъ нихъ помѣщается на особенномъ мѣстѣ и въ особенной системѣ, каждый изъ нихъ находится къ остальнымъ въ отношеніяхъ, разѣ навсегда опредѣленныхъ, будемъ ли мы брать во вниманіе пространство, время или способъ и размѣры дѣятельности этихъ механизмовъ.

Наконецъ, Декартово объясненіе крика, жестовъ и гримасъ ребенка въ первые мѣсяцы жизни, прямо указывало на присутствіе закона рефлексивныхъ движеній,—закона, который открытъ такъ поздно, вслѣдствіе трудности отрѣшиться отъ воззрѣній жизненныхъ, поэтическихъ, отъ повианія явленій въ цѣлостномъ и единичномъ образѣ.

Такіе умы, какъ Боэргавъ, сразу оцѣнили достоинство Декартова ученія. Но большинство въ Англіи и во Франціи находило въ этомъ ученіи сухость и безжизненность. „Декартъ раздѣляетъ то что природа соединила, Декартъ видитъ въ тѣлѣ машину жертвую, безъ археевъ, безъ жизненныхъ духовъ, безъ животворящаго ээира, безъ жизненной силы. Его философія противорѣчитъ нашему ежедневному чувству,“ таковы были общія воззрѣнія противъ этой раздѣляющей методы.

И дѣйствительно, съ этою методою, какъ и со всеми научными методами, которыя поставляютъ челоѣка въ болѣе или менѣе искусственное положеніе, особенно не мирится одно чувство, живое, глубокое, многозначительное. Въ ежедневной жизни и дѣятельности мы вносимъ измѣненія нашего тѣла въ кругъ нашей личности и поставаемъ ихъ въ самое внутреннее отношеніе къ нашему я, къ нашей, ни съ кѣмъ не раздѣляемой, чувствительности. Разрѣвъ на моей рукѣ есть не просто предметъ моего наблюденія, какъ разрѣвъ, происходящій на стѣнѣ или на корѣ дерева; нѣтъ, онъ чувствуется какъ боль, какъ страданіе души, какъ мое внутреннее измѣненіе. Движеніе моихъ ногъ не есть только случай, который я замѣчаю подобно тому какъ замѣчаю движеніе воды въ ручьѣ: оно открывается мнѣ какъ рядъ чувствованій и измѣненій моей непосредственной, душевной жизненности. Такимъ образомъ наше тѣло входитъ въ содержаніе нашего я, подобно тому какъ входятъ въ это содержаніе наши мысли, чувства и желанія. Мы чувствуемъ себя какъ одно живое существо. Сообразно съ этимъ и въ понятіи: жизнь, живое, жизненность—обыкновенный смыслъ соединяетъ все что грѣетъ и затрагиваетъ наше чувство, все чѣмъ мы можемъ наслаждаться только въ его цѣлостномъ, неразложенномъ существованіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что это чувство одной нераздѣльной жизненности, чувство, которое служить могущественнѣйшимъ

двигательнаго нашего образованія, не можетъ удовлетвориться изученіемъ явленій души и тѣла по той рѣзко разграничивающей методѣ, которой начала указываетъ Декартъ. Но едва ли надобно замѣчать, что вообще ни одна положительная наука не имѣетъ намѣренія изощрять миръ вещей съ той вышней и безусловной точки зрѣнія, на которую поставить насъ стремится это глубокое чувство. Кто не отличаетъ въ этомъ случаѣ задачъ метафизики отъ аналитическаго изученія явленій, тотъ открываетъ психологію положеніями въ родѣ того, что душа, какъ мы знаемъ ее изъ нашего непосредственнаго опыта, есть сущность тѣла, или на оборотъ, что тѣло, какъ мы знаемъ его тоже изъ нашего обыкновеннаго опыта, есть сущность душевныхъ явленій.

Физиологія Льюиса интересуетъ насъ прежде всего какъ попытка пронести въ научномъ анализѣ первое изъ двухъ возрѣвій, на которыя мы сейчасъ указали. Льюисъ доказываетъ, что раздѣленіе нервовъ на два рода, на нервы чувствительности и нервы движенія, допущено физиологами совершенно произвольно, что напротивъ „нервы обоихъ родовъ возбуждаютъ чувствительность.“ (Т. II. 27.) Онъ утверждаетъ далѣе, что также не имѣетъ основанія принятое физиологами различіе между головнымъ и спиннымъ мозгомъ,—различіе, состоящее будто бы въ томъ, что только мозгъ головной есть центръ чувствительности и сознанія, а спинной мозгъ будто бы только управляетъ движеніями и положеніями тѣла. Льюисъ доказываетъ что „и спинной мозгъ есть центръ чувствительности“ (Т. II. 211), или, какъ онъ выражается вообще, что „чувствительность есть свойство всѣхъ нервныхъ центровъ.“ (Т. II. 69.) Такимъ же образомъ онъ находитъ, что нѣтъ основанія различать въ животномъ организмѣ движенія произвольныя и произвольныя: „Всѣ движенія, говоритъ онъ, произвольны. Сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ.“ (Т. II. 172.) Во всѣхъ этихъ положеніяхъ, которыя на взглядъ физиолога такъ парадоксальны, проходитъ сличкомъ явственно ученіе, что душа есть сущность и источникъ органическихъ явленій тѣла. Впрочемъ Льюисъ не скрываетъ своего взгляда на отношеніе души къ тѣлу. Доказавъ, что „душа одушевляетъ все тѣло и что отъ нея

зависать всё движеніе тѣла“, Льюисъ прибавляетъ: „если бы намъ сказали, что принять такое положеніе значитъ возвратиться къ ученію Шталя, намъ отвѣтъ состоялся бы въ слѣдующемъ: мы должны слѣдовать логикѣ, мы должны идти туда, куда логика ведетъ насъ. Тотъ, кого безпокоитъ мысль о возвратѣ къ прошлому, тотъ, кто не расположенъ повѣрить, что всё явленіе, совершающееся въ чувствительномъ организмѣ, имѣютъ одинъ общій источникъ, одну родственную сущность, одно общее имя — духъ, имѣетъ полную свободу попытаться составить себѣ какое-нибудь другое убѣжденіе, которое было бы не только пріятно для него, но и объясняло бы факты лучше нашего.“ (Т. II. 189—190.) Итакъ духъ есть общій источникъ всѣхъ явленій, совершающихся въ чувствительномъ организмѣ, онъ есть общая сущность этихъ явленій. Если Льюисъ приписываетъ способность возбуждать ощущенія всѣмъ нервамъ, если онъ считаетъ чувствительность свойствомъ всѣхъ нервныхъ центровъ, если въ сознательности находитъ онъ источникъ всѣхъ движеній животнаго организма; то эти положенія были нужны ему для того чтобы духъ и на самомъ дѣлѣ, то-есть, въ физиологическомъ опытѣ, оказывался сущностію тѣла и источникомъ всѣхъ тѣлесныхъ измѣненій. Штааль училъ: „Душою дышать легкія, душою сокращается сердце, вращается кровь, варитъ желудокъ. Душа выбираетъ изъ пищевой смѣси потребные для организма матеріалы и удаляетъ негодные. Душа есть жизнь тѣла.“ Льюисъ утверждаетъ: „духъ есть сущность органическаго явленія тѣла и источникъ ихъ; всё движеніе въ органическомъ тѣлѣ происходитъ изъ сознанія и произвела.“ Точно, здѣсь мы имѣемъ одно и то же ученіе объ отношеніи души къ тѣлу, и Льюисъ имѣлъ основаніе сослаться на Шталя, какъ на представителя того взгляда, который, по мнѣнію Льюиса, особенно хорошо изъясляетъ явленія жизни.

Я позволяю себѣ вспомнить здѣсь о г. Антоновичѣ и объ его усиліи доказать, что „сущность возрѣвній Льюиса“ согласна съ мнѣніями его почтеннаго друга г. Чернышевскаго. Льюисъ учитъ: „душа есть сущность тѣлесной организаціи.“ Г. Чернышевскій докладываетъ: „напротивъ тѣлесная организація есть сущность и источникъ душевныхъ явленій.“ Какое согласіе! „Я веду войну съ моимъ

братомъ за обладаніе Милакомъ, говорилъ одинъ герцога: что же? Это значитъ, что я согласенъ съ нимъ: и онъ хочетъ владѣть Милакомъ и я хочу владѣть Милакомъ.“ Вообще г. Антоновичъ владѣетъ талантомъ находить сходства: въ наукѣ Льюисъ сходенъ съ г. Чернышевскимъ, въ искусствѣ Тургеневъ сходенъ съ г. Аскоченскимъ, въ жизни Евгенийъ Базаровъ совершенно похожъ на своего скромнаго и простаго отца, да и въ природѣ—душа, если помнить читателя, есть *симониизмъ* жизни, а это значитъ, что она такъ же похожа на тѣлесную организацію, какъ Льюисъ на Чернышевскаго, и такъ далѣе. *Философъ Современника* живетъ въ мірѣ полного безразличія, живетъ въ мірѣ, гдѣ бласое и черное, достойное и пошлое, мысля души и испарина кожи— все равно, гдѣ что ни дай, все выходитъ, какъ и другое. Такъ на праздникѣ Вакха у древнихъ Грековъ всѣ лица превращались въ одинаковыя образыны. Такъ въ мистической сферѣ средневѣковаго алхимика, духи звѣздъ и духи земли принимали одинаковый видъ волающагося тумана. Такъ, по пословицѣ, ночью всѣ кошки кажутся черными. Мышленіе г. Антоновича состоитъ одно и праздниковъ Вакха, и сферы алхимика, и темной ночи. Но вниманію читателя представляется еще одно обстоятельство. Скромный авторъ статей „объ антропологическомъ принципѣ въ философіи“, отозвался о Фихте младшемъ съ полѣйшимъ презрѣніемъ; онъ выразился, что этотъ философъ имѣетъ такое же значеніе въ вопросахъ науки, какъ г-жа Павлова въ поэзіи. Но вотъ Льюисъ пытается оправдать физиологическими анализами ученіе о душѣ какъ источникѣ тѣлесной жизни, ученіе, которое самъ же онъ находитъ у Штала и которое, какъ это извѣстно очень многимъ, имѣетъ сильныхъ и ученыхъ защитниковъ въ Карусѣ и Фихте младшемъ. Г. Антоновичъ защищаетъ вышеупомянутыя статьи своего почтеннаго друга и обращается за помощію къ Льюису, обращается къ Льюису, котораго загадъ на отношеніе души къ тѣлу совершенно совпадаетъ съ ученіемъ Фихте младшаго. Тутъ мы видимъ Немезиду, которая караетъ нашу наглость и невѣжество. Мы ищемъ помощи у боговъ, которыхъ мы отрекались и надъ которыми варугались публично. Г. Антоновичъ куда какъ высоко ставитъ Льюиса! Это такъ и должно быть; потому что его почтенный другъ, которому Льюисъ будто бы можетъ не сты-

даль протянуть руку, стоитъ очень высоко на лѣстницѣ нашихъ русскихъ умовъ. Въ сравненіи съ Льюисомъ оказывается ничтожнымъ даже Либихъ, который роняетъ себя предъ нашимъ философомъ ученіемъ о цѣлесообразности явленій органической жизни. Особенно же, по мнѣнію г. Антоновича, къ чести Льюиса служить то, что этотъ физіологъ отрицаетъ жизненную силу. Да, Льюисъ не объясняетъ явленій жизни изъ цѣлей, Льюисъ не признаетъ жизненной силы. „Это мой почтенный другъ или самъ богъ, самъ Бюкнеръ“, такъ думаетъ г. Антоновичъ. Что сказать на это? Оказать можно, что все это правда. Если духъ есть источникъ и сущность органическихъ явленій человеческого тѣла, если духъ есть жизнь тѣла, то жизненная сила оказывается не нужною, и ея мѣсто уже занято. Льюисъ не объясняетъ явленій жизни изъ цѣлесообразнаго устройства организма. Такое объясненіе было бы нужно, еслибы Льюисъ предполагалъ, что эти явленія не находятся во власти духа, что духъ не есть источникъ ихъ: тогда пришлось бы производить органическое тѣло или изъ случайнаго сочетанія физическихъ условій, какъ дѣлаютъ это матеріалисты, или признать съ Декартомъ *нарочитое устройство*, то-есть то, что Либихъ называетъ цѣлесообразностію. Въ развитіи и оправданіи своего основнаго взгляда Льюисъ очень последователенъ. Духъ есть источникъ тѣлесныхъ явленій; поэтому цѣлесообразное устройство тѣла и его органовъ должно быть результатомъ, а не основаніемъ жизни. По Аристотелю, напримеръ, цѣль есть главный двигатель организма. Для Льюиса этотъ двигатель есть духъ, или чувствительность, ощущеніе (Т. II. 137); цѣлесообразное же устройство не источникъ, а результатъ движенія. Льюисъ признаетъ цѣлесообразность въ явленіяхъ жизни, какъ признавалъ ее Либихъ или Декартъ. Онъ говоритъ напримеръ: „какъ чудно приспособлены, прилажены другъ къ другу части этого цѣлаго, которое мы называемъ организмомъ“; онъ согласенъ, что „приспособленіе частей сложнаго организма опредѣляетъ ихъ дѣятельность.“ (Т. II. 134.) Но онъ не ограничивается этимъ представленіемъ цѣлесообразности; онъ идетъ дальше Декарта и Либиха. „Чувствительность, ощущеніе, говоритъ онъ (Т. II. 136), составляетъ необходимую часть механизма, главную пружину часовъ, топливо паровой машины. Безъ ощущеній дѣятельность организма

невозможна". Коротко, различіе между ученіемъ Декарта, Либиха и Льюиса состоитъ въ слѣдующемъ: Декартъ видитъ въ тѣлѣ цѣлесообразно-устроенную машину и находитъ источникъ этого устройства въ непосредственной творческой волѣ. Либихъ объявляетъ эту цѣлесообразность изъ жизненной силы, вслѣдствіе чего организмъ отличается отъ человѣческихъ машинъ еще особеннымъ характеромъ живаго. Льюисъ находитъ источникъ этого устройства въ духовности, которая и есть сущность тѣла. Декартъ говорить о машинѣ разумно-устроенной, но мертвой; Либихъ—о машинѣ разумно-устроенной и живой; Льюисъ—о машинѣ разумно-устроенной и чувствующей. „Я признаю, говорить онъ, что организмъ есть механизмъ, но механизмъ чувствительный: въ этомъ жизненномъ механизмѣ каждой зубецъ есть ощущеніе.“ (Т. II. 164.) Льюисъ пишетъ эти слова курсивомъ, конечно, для того чтобъ обратить на нихъ особое вниманіе читателя.

Итакъ, въ физиологіи Льюиса мы имѣемъ воззрѣніе цѣлостное,—воззрѣніе, которое не отступаетъ ни предъ какими послѣдствіями, сколько бы ни противорѣчили они общепринятымъ понятіямъ физиологовъ и психологовъ. „Всѣ явленія, совершающіяся въ организаціи человѣка, имѣютъ одинъ общій источникъ, одну средственную сущность, одно общее имя—духъ.“ (Т. II. 190.) „Всѣ дѣйствія въ человѣческомъ организмѣ произвольны, и сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ.“ (Т. II. 172.) „Въ организмѣ не можетъ совершиться никакое дѣйствіе, въ основаніи котораго не лежало бы какое-нибудь ощущеніе.“ (Т. II. 164.) „Организмъ есть чувствительный механизмъ.“ (Т. II. 164.) А это не только означаетъ, что „въ основаніи каждой дѣятельности организма лежитъ какое-либо ощущеніе“ (Т. II. 164), что „ощущеніе составляетъ необходимую часть этого механизма, главную пружину этихъ часовъ“ (Т. II. 136), что „всѣ дѣйствія организма определяются иллюльсомъ управляющихъ или ощущеній“ (Т. II. 137),—въѣтъ, этимъ выражается мысль, еще болѣе смѣлая, именно, что „въ жизненномъ механизмѣ каждой зубецъ есть ощущеніе.“ (Т. II. 164.) Мы видимъ, что далѣе идти куда при развитіи этихъ положеній. Въ полномъ соотвѣтствіи съ основнымъ своимъ взглядомъ на отношеніе души къ тѣлу, Льюисъ доказываетъ, что всѣ нервныя нити

имѣютъ способность возбуждать чувствительность нервныхъ центровъ и что поэтому принятое «физиологами» раздѣленіе этихъ нитей на нервы чувствительности и движенія—произвольно; даѣе, что чувствительность принадлежитъ не одному головному мозгу, а есть свойство всѣхъ нервныхъ центровъ; третьихъ, что рефлективными движеніями происходятъ не въ элементѣ физиологическомъ, но въ элементѣ психическомъ, происходятъ не такъ, будто физиологическая перемѣна въ одномъ нервномъ центрѣ отражается на другой центрѣ и производитъ въ немъ также физиологическую перемѣну,—нѣтъ, на этотъ другой центрѣ рефлектируется не физиологическое измѣненіе центра перваго, а его психическое, сознательное состояніе ощущенія. Итакъ Льюисъ не думаетъ противорѣчить самому себѣ, утверждая, что въ нашемъ организмѣ всѣ движенія рефлективны и вмѣстѣ всѣ они произвольны, сознательны.

Льюисъ ссылается на древнихъ и находитъ, что при вопросѣ о духѣ и его отношеніи къ жизни тѣла древніе были ближе въ истинѣ чѣмъ новыя. Теорію, которая въ духѣ находитъ источникъ тѣлесной жизни, развилъ въ древности Аристотель, и развилъ съ ясностію и отчетливостію, которая свойственна гению и которая доставила его взглядамъ на душу и жизнь тѣла безпримѣрное историческое значеніе.

Для непосредственнаго наблюденія органическое тѣло представляется какъ бы на краю пропасти, въ которой волнуется и несется вдаль, безъ цѣли и безъ смысла, быстрый потокъ силъ физическихъ и химическихъ. Въ каждую минуту стройное тѣло не только готово оборваться въ этотъ потокъ, разложиться въ немъ на мертвые элементы и исчезнуть безъ слѣда, но оно дѣйствительно обрывается въ этотъ потокъ ежеминутно. Только, какъ при походкѣ мы съ каждымъ движеніемъ ноги падаемъ, но тутъ же сразу и встаемъ, такъ въ тѣлесномъ организмѣ совершается постоянное обновленіе тканей, которыя непрерывно уносятся химическимъ потокомъ. Простой смыслъ, котораго, впрочемъ, вопросы о жизни интересуютъ не менѣе чѣмъ выспрепаннаго метафизика, спрашиваетъ прежде всего: кто тутъ занимается подновленіемъ, постояннымъ непрерывнымъ, ежеминутнымъ? Не мы же сами, существа мыслящія, чувствующія, фантазирующія, занятая наукою, службою, искус-

ствомъ, мелочами дня, борьбою съ людьми, — не душа же наша, которая не можетъ сказать по совѣсти, чтобъ она когда-нибудь занималась обновленіемъ органическихъ тканей, превращеніемъ пищи въ кровь и перемѣщеніемъ крови изъ вены въ сердце, въ легкія, опять въ сердце и отсюда въ артерію? Кто же занимается всѣмъ этимъ? Жизненная сила, отвѣчала всего охотнѣе; жизненный геній, отвѣчаетъ Гумбольдтъ. Эта сила не позволяетъ, чтобы простыя вещества слѣдовали своему непосредственному, естественному желанію; она ограничиваетъ ихъ прирожденныя права, ихъ химическія наклонности и страсти, она заставляетъ ихъ отказываться отъ многихъ сочетаній, въ которыя они непременно вступили бы, еслибъ имъ предоставитъ полную свободу заявлять свои химическія симпатіи и антипатіи. Очевидно однако же, что этотъ отвѣтъ служить только описаніемъ самаго вопроса. Пока мы не знаемъ что такое жизненная сила, до тѣхъ поръ положеніе, что жизненная сила строить живое тѣло, будетъ имѣть слѣдующій смыслъ: тѣлесную жизнь строить то, что строить ее. Задача была найдти того внутренняго дѣятеля, на существованіе котораго, повидимому, такъ настойчиво указываютъ внѣшнія явленія органической жизни, и который пока называется неопредѣленнымъ именемъ жизненной силы. Въ нашихъ опытахъ есть единственный случай, гдѣ мы встрѣчаемся съ внутреннимъ дѣтелемъ. Мы разумѣемъ душу, которая извѣстна намъ не подъ туманнымъ именемъ внутренняго дѣателя, но извѣстна по своимъ дѣйствительнымъ качествамъ. Если мы воспользуемся этимъ единственнымъ познаніемъ внутренняго, чтобы наполнить существующимъ содержаніемъ общее понятіе жизненной силы, то мы будемъ вынуждены признать, что жизненная сила есть душа.

„Душа, говоритъ Аристотель, есть первый источникъ формы, или первое начало формы физическаго тѣла, имѣющаго жизнь въ возможности: а тѣло это есть оттого органическое.“ Отъ души зависитъ, почему живое тѣло есть не сумма безразличныхъ частей, а система органовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ экономіи жизни свое особенное назначеніе. Такое тѣло, котораго масса превратилась въ систему, а части въ органы, мы называемъ органическимъ. Отъ души зависитъ то, почему одно живое тѣло есть сплетеніе клѣточекъ, другое имѣетъ мускулы и нервы,

почему одно тѣло имѣеть четыре ноги, другое—двѣ ноги и двѣ руки; душа есть источникъ этихъ формъ.

На основаніи опыта Аристотель различаетъ душу питающую или растительную, чувствующую или животную, разумную или человѣческую. Эти представленія повторяются съ различными видоизмѣненіями до нашего времени. Душа растительная дана для фізіолога въ органической клеточкѣ, душа животная — въ мускульномъ и нервномъ волокнѣ. Сообразно съ тѣмъ же порядкомъ мыслей, различали философы силу воспроизведенія, которая становится предметною въ клеточкѣ, раздражительность, которая воплощается въ мускулѣ, и чувствительность, которая дѣлается предметною въ нервѣ. Все это качества души, какъ жизненной силы тѣла, качества души, поскольку она образуетъ тѣло. Мы увидимъ, что этотъ языкъ не годится для современной психологіи и фізіологіи: однакоже замѣтимъ, что происхожденіе клеточки, раздражительность мускульнаго волокна и чувствительность нерва остаются и доселѣ явленіями необъяснимыми изъ началъ точнаго естествознанія.

Ученіе Аристотеля, что душа составляетъ жизнь тѣла, получило особенное видоизмѣненіе въ началѣ настоящаго столѣтія. съ одной стороны подъ вліяніемъ философскихъ идей Шеллинга, а съ другой—всѣдствие быстрого развитія химіи и обширнаго изученія органической и животной жизни. Подъ микроскопомъ вы видите плавающую въ жидкости инфузорию, видите математическую точку, впрочемъ живую и ощущающую. Если въ развитомъ животномъ тѣлѣ одинъ органъ служитъ для питанія, другой для отдѣленія, третій для дыханія, опять другіе органы для движенія, то наше животное принимаетъ пищу и выдѣляетъ ненужные элементы, дышетъ и совершаетъ движенія, посредствомъ одного и того же органа, который есть оно само, есть вся эта видимая нами точка. Органъ души и тѣло животного совпадаютъ здѣсь. Вы не различите здѣсь душевной жизни заключенной въ тѣлѣ и потомъ уже открывающейся постороннему наблюдателю въ дѣятельности нѣкоторыхъ, нарочно для этого устроенныхъ органовъ. Вы не найдете здѣсь такой души, которая, покоясь въ тѣлѣ, приводитъ по временамъ въ дѣйствіе то одинъ, то другой органъ тѣла, рождая этимъ въ наблюдателѣ убѣжденіе, что душа есть нѣчто

само по себѣ и тѣло есть нѣчто само по себѣ, и что душа распоряжается своимъ тѣломъ какъ механикъ машиной. Въсего этого различія и раздѣленія, намъ открывается здѣсь одно существо, одна чувствующая масса, открывается чувствительность *проектированная*, принявшая пространственную форму, чувствительность организованная. „О самыхъ ощущеніяхъ нашихъ, замѣчаетъ Льюисъ, можно сказать, что они организуются въ насъ.“ (Т. П. 136.) Ощущеніе и его органъ, это не двѣ различныя вещи; органъ есть самое ощущеніе, только сложившееся въ пространственную форму. „Въ *жизненномъ механизмѣ*, говоритъ Льюисъ, *каждыйъ зубецъ есть ощущеніе*.“ (Т. П. 164.) Зубцы механизма построены не изъ какого-нибудь посторонняго для души матеріала, они суть самыя эти ощущенія. Сообразно съ этимъ изученіе животной жизни убѣждаетъ насъ, что тѣлесныя органы животнаго, зубцы механизма, вполнѣ соотвѣтствуютъ его ощущеніямъ, его душевнымъ качествамъ, или что тѣло животнаго есть самое вѣрное зеркало души его. Такъ еще Аристотель выражался: „насъкомыя имѣютъ жало, потому что они имѣютъ гнѣвъ“; или „растенія не имѣютъ органовъ произвольнаго движенія, потому что имъ не достаетъ сильныхъ желаній, которыя могли бы взманить ихъ на перемѣну мѣста.“ Душа и тѣло есть одно существо, только разъ это существо разсматривается само въ себѣ, въ другой разъ оно представляется въ явленіи природы. „Если, говоритъ Карусъ, мы уже хотимъ раздѣлять душу и тѣло, то мы должны сказать: въ человѣкѣ можно различать внутреннюю идею, идею его существа, и схему или отраженіе этой идеи въ явленіи природы“. „Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла... значить ли это, спрашиваетъ Карусъ, что человѣкъ состоитъ изъ души, да еще изъ фосфора, извести, сѣры, желѣза, кислорода, соды, азота и т. д.? Видѣ все это субстанціи, которыя разсѣяны въ окружающей насъ природѣ въ тысячѣ разнообразныхъ формъ? Кто сказалъ бы, что радуга состоитъ изъ дождевыхъ капель и прекрасныхъ цвѣтныхъ дугъ? Какъ радуга есть цвѣтъ солнца отраженный на дождевыхъ капляхъ и разложившійся въ нихъ, такъ человѣческая организація есть идея духа отраженная на физическомъ и химическомъ потокѣ вещей, и разложившійся въ немъ пространственный образъ. Тамъ капли

дожда, здѣсь элементы тѣла подвержены ежеминутной смѣнѣ, приходятъ и уходятъ, текутъ безостановочно. Существованіе постоянное, прочное и ровное имѣютъ только отраженія, только образы, тамъ солнца, здѣсь духа. Тѣло, повторяемъ, есть образъ духа, есть отраженіе духа и его качествъ на вещахъ физическихъ и химическихъ.“

Мы не будемъ слѣдить далѣе за этою теоріей, которая получила особенное развитіе у Каруса. Мы коснулись ея здѣсь только потому, что хотя Льюисъ рѣско и ярко ставитъ ея главные понятія, однако онъ не развиваетъ ихъ изъ общихъ основаній, не возводитъ къ общимъ началамъ. Льюисъ предпочитаетъ держать насъ въ области фактовъ, которыхъ пестрый видъ развиваетъ мышленіе. Своему смѣлому ученію, что духъ есть жизнь тѣла, онъ даетъ характеръ безразличной фактической истины. Какъ эмпирической изслѣдователь, онъ просто разказываетъ, что вотъ какъ оно есть на самомъ дѣлѣ, что вотъ какое обстоятельство, вотъ какой фактъ находитъ физиологія: „духъ есть источникъ органическихъ явленій, духъ есть сущность тѣла.“ А затѣмъ онъ уже не спрашиваетъ, что же означаетъ это тѣ фактъ, что означаетъ это обстоятельство, откуда происходитъ это фактическое отношеніе. „Философичнѣе, говоритъ Льюисъ, разсматривать жизнь, какъ первичный фактъ.“ Если это значить, что было бы глупо спрашивать, какъ дѣлается жизнь, если это значить, что жизнь не изготовляется въ мастерской природы съ помощію особенныхъ механизмовъ, какъ изготовляются на нашихъ фабрикахъ шелковыя ткани, что только измѣненія, процессы или явленія жизни могутъ быть объясняемы изъ механическихъ вліяній, но что постоянныя основанія этихъ измѣненій и процессовъ сами не зависятъ отъ физическаго механизма, не состоятъ въ его власти, потому что механизмъ никогда не бываетъ творцомъ, а только развѣ служителемъ творческой идеи; то такой взглядъ на жизнь, какъ на первичный фактъ, совершенно философиченъ. Какой-нибудь Бюхнеръ, напримѣръ, просто себѣ разказываетъ, какъ начинается дѣлаться жизнь силами общаго механизма природы, какъ на поверхности движутся и играютъ живыя существа, словно маріонетки, тогда какъ за кулисами всю эту игру производитъ механизмъ, который одинъ наслаждается истиннымъ бытіемъ, одинъ имѣетъ значеніе первичнаго факта. Но Льюисъ вовсе не развиваетъ своего взгляда на духъ

и жизнь. Онъ говоритъ объ особенныхъ законахъ жизни (т. I. стр. 50), о законахъ жизненныхъ (т. I. стр. 306), какъ будто и въ самомъ дѣлѣ онъ открылъ такіе законы. Химія не находитъ въ организмѣ ни какихъ особенныхъ веществъ, кромѣ тѣхъ, которые разлагаются на простыя неорганическія вещества, а законы жизни суть только ея общія явленія, — явленія, въ основаніи которыхъ лежатъ законы физическихъ и химическихъ измѣненій. Вотъ почему физиологія остается на томъ пути, который указанъ былъ Декартомъ и изучаетъ тѣло какъ простой механизмъ цѣлесообразно устроенный. Льюисъ хочетъ ввести въ оборотъ понятіе „чувствительнаго механизма“; но если чувствительность и содержащееся въ ней знаніе составляетъ, по Льюису, главную пружину тѣлеснаго механизма, то ему слѣдовало бы объяснить что же собственно механическаго остается въ этой машинѣ. Она строится, приводится въ движеніе, заводится чувствительностію или внутреннимъ знаніемъ. Когда внѣшніе механическіе толчки дѣйствуютъ на насъ не своимъ непосредственнымъ качествомъ тяжести, плотности и т. д., но входятъ, какъ представленія, въ наше внутреннее знаніе, и уже въ этой формѣ вліяютъ на нихъ, тогда дѣятельность, опредѣленная и условленная этимъ знаніемъ, будетъ не механическая, а разумная, сознательная. Льюисъ очень послѣдовательно утверждаетъ, что сознательность есть источникъ всѣхъ дѣйствій и движеній человѣческаго организма. Только могутъ спросить его: что же собственно механическаго остается въ такомъ знающемъ, чувствующемъ, мыслящемъ механизмѣ? Это даетъ намъ поводъ оглянуться на ту методу, которая изолируетъ кругъ душевныхъ явленій и противопоставляетъ ему также замкнутый кругъ механическихъ движеній. Вотъ это возрѣніе въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ:

1) Хотя въ опытѣ ощущеніе души и движеніе членовъ тѣла даны совмѣстно, однако ихъ не связываетъ никакое фактическое условіе, наблюдая которое, мы могли бы сказать: вотъ причина, почему ощущеніе дѣлается пространственнымъ двигателемъ, вотъ причина, почему качество ощущенія приобретаетъ силу количественной массы, силу рычага, вѣнта, пружины. Нѣкоторые психологи различали въ душѣ способность представлять, чувствовать, желать, да еще способность приводить

въ движеніе члены тѣла. Хотя признаніемъ такой способности ничего не объясняется, однако оно основывается на весьма естественномъ предположеніи, что движеніе членовъ есть особый кругъ явленій, не имѣющій ничего общаго съ представленіями, чувствованіями и желаніями, что между намѣреніемъ идти и выполненіемъ этого намѣренія нѣтъ аналитически-понятнаго отношенія. 2) Какъ превращеніе пространственныхъ измѣненій нерва въ ощущеніе, знаніе и сознаніе не мыслимо и невозможно, такъ и наоборотъ немыслимо и невозможно превращеніе ощущенія, знанія и сознанія въ пространственное измѣненіе нервовъ двигательныхъ, и отсюда въ движеніе членовъ. Какъ ни варьируйте въ мышленіи, или въ какихъ-нибудь экспериментахъ, ощущеніе, представленіе, намѣреніе, вы не найдете въ нихъ тѣхъ физическихъ условій, которыя необходимы для всякаго пространственнаго двигателя и которыя дѣлали бы изъ ощущенія „главную пружину“ механизма нашего тѣла. 3) Итакъ, совершаются ли движенія тѣла вслѣдъ за намѣреніями души или безъ этихъ намѣреній, во всякомъ случаѣ причины и условія ихъ должны быть тѣ же, какія вообще объясняютъ для насъ пространственное движеніе массъ, то-есть, должны быть механическія.

Но теперь возникаетъ вопросъ: какаѣ же судьба связала механическія измѣненія тѣла съ намѣреніями нашей души? Возникаетъ этотъ вопросъ отчасти оттого, что мы не хотимъ напередъ доискаться, какаѣ судьба раздѣляла эти явленія, да и дѣйствительно ли раздѣляла ихъ эта неизвѣстная намъ судьба? Кто выяснилъ себѣ, что мы не обладаемъ способностію знанія непосредственнаго, интуитивнаго, безусловнаго, и что наше познаніе явленій движется не въ томъ направленіи, въ какомъ природа рождаетъ эти явленія, тотъ догадается, что эта раздѣляющая судьба лежитъ въ условіяхъ нашего опытнаго познанія, а не въ вещахъ. Мы уже выше замѣтили, что Декартъ неосновательно присвоилъ своей методѣ значеніе метафизическое. Когда естествоиспытатель говоритъ о цѣлообразности въ устройствѣ тѣла, то этимъ онъ обозначаетъ простое явленіе на поверхности жизни, явленіе, объ основаніяхъ котораго онъ предоставляетъ спорить философамъ.

Философъ *Современника* уничтожаетъ Либиха передъ Льюисомъ, за то что Либихъ видитъ въ строеніи орга-

визма присутствие плана и целесообразности. Не знаю что подумалъ бы онъ о Карлѣ Фохтѣ, который въ своихъ *Физиологическихъ письмахъ* почти на каждой страницѣ пользуется телеологическими объясненіями, и такъ часто приходится въ удивленіе при видѣ мудраго и глубоко разчитаннаго устройства тѣлесной организаци. Конечно, онъ записалъ бы его на первый разъ въ разрядъ старыхъ философовъ, хотя Карлъ Фохтъ куда какой матеріалистъ! Когда дикія племена Патагоніи находятъ у подножій скалъ каменные ножи и клинки, и благодарятъ духа пещеры, который, по ихъ убѣжденію, заготавливаетъ для нихъ эти орудія, желая доставить своему любимому народу побѣду надъ врагами: то г. Антоновичъ не только полагаетъ, что благодарность духу пещеры происходитъ у этихъ народовъ изъ суевѣрія и незнакомства съ законами природы, но полагаетъ также, что и самые ножи — не ножи и клинки — не клинки.

Итакъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ общимъ языкомъ механической физиологіи. Языкъ этотъ выражаетъ опредѣленно одну мысль, именно, что строеніе тѣла и его органовъ опредѣляется тѣми законами общей механики, которые съ такимъ успѣхомъ примѣняются къ постройкѣ нашихъ машинъ, различныхъ инструментовъ и снарядовъ, что, напримѣръ, устройство руки опредѣляется законами рычага, устройство глаза законами камеръ-обскуры, и т. д., а какой зодчій далъ тѣлу эту форму, или изъ какихъ началъ она происходитъ—эти вопросы раздѣляютъ философовъ, а не физиологовъ.

Но если такое простое и не пригизательное значеніе соединяется въ физиологіи съ представленіемъ тѣла, какъ целесообразно-устроеннаго механизма; то само собою понятно, что для философіи остается здѣсь открытое поле изслѣдованій, что для философіи представляется здѣсь задача найти то единство человѣческой жизни, о существованіи котораго настойчиво говоритъ наше непосредственное чувство. Бенеке, достигшій въ психологіи, можетъ-быть, всего, чего можно достигнуть въ этой наукѣ съ помощію строгой эмпирической методы, учить, что, когда одно и то же содержаніе возбуждается до степени сознательности, оно есть явленіе жизни душевной, когда же это содержаніе познается нами не непосредственно, не въ самосознаніи, не въ само-

чувствіи, а посредствомъ нашихъ вѣдѣнныхъ чувствъ, оно есть часть или система тѣлесная. Въ этой простой мысли вы имѣете и объясненіе единства человеческой жизни и указаніе основанія для данныхъ въ опытѣ различій между явленіями душевными и физиологическими. Доказывая единство человеческого существа, Бенеке съ тѣмъ вмѣстѣ представляетъ на видъ, что сколько мы ни измѣняли движенія нерва, сколько бы мы ни уточняли ихъ, мы не получимъ ничего похожего на ощущеніе и содержащееся въ немъ знаніе; и наоборотъ сколько бы мы ни видоизмѣняли ощущеніе и содержащееся въ немъ знаніе, мы не получимъ ничего похожего на массу и ея механическихъ двигателей. Тому же впрочемъ учить и Льюисъ: „никогда никакой анализъ нерва, говоритъ онъ, не прольетъ свѣта на чувствительность.“ (Т. I стр. 49.) Если никакой анализъ нерва не приводитъ насъ къ факту чувствительности, то не менѣе труденъ и обратный путь, и наукѣ, которая имѣетъ своимъ матеріаломъ лишь данныя вѣдѣннаго опыта, которая остается на почвѣ механики и химіи, не остается ничего другого какъ держаться своей точки зрѣнія, и воздерживаться говорить о чувствительномъ механизмѣ, объ ощущеніи, которое есть пружина и зубецъ этого механизма, о намѣреніи, которое есть протранственнѣйшій двигатель тѣла.

Г. Антоновичъ, сказавъ, что „душа есть синонимъ жизни и что различныя группы жизненныхъ явленій составляютъ продуктъ организаціи“, заключаетъ: „вотъ въ чемъ вся суть, а тамъ называйте себѣ явленія какими угодно именами“. Это значитъ, что если единство человеческой жизни мы обозначимъ именами, каковы: „чувствительный механизмъ, ощущеніе, составляющее зубцы этого механизма, топливо этой машины“ и т. д., то этотъ добродушный мыслитель готовъ вступить во всякую сдѣлку, честную или вѣтвѣ, лишь бы достигнуть мира и единства, согласенъ будетъ и на эти выраженія. Но онъ не замѣчаетъ что въ этихъ выраженіяхъ физиологія превратилась въ психологію и что Льюисъ, на котораго онъ почему-то возложилъ свои надежды, сыгралъ съ нимъ злую шутку.

П. ЮРКЕВИЧЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РОМАНЪ ТУРГЕНЕВА

И

ЕГО КРИТИКИ.

I

Публика уже имѣла время оцѣнить литературное достоинство новаго романа г. Тургенева. Дѣйствительно, все въ этомъ произведеніи свидѣтельствуетъ о созрѣвшей силѣ этого первокласснаго таланта: ясность идей, мастерство въ обрисовкѣ типовъ, простота въ замыслѣ и ходѣ дѣйствія, воздержность и ровность въ исполненіи, драматизмъ возникающій естественно изъ самыхъ обыкновенныхъ положеній, ничего лишняго, ничего задерживающаго, ничего посторонняго. Но сверхъ этихъ общихъ достоинствъ, романъ г. Тургенева имѣетъ еще тотъ интересъ, что въ немъ уловленъ текущій моментъ, схвачено убѣгающее явленіе, типически изображена и запечатлѣна на вѣки мимолетная фаза нашей жизни. Вотъ задача художника, который хочетъ непосредственно дѣйствовать на свое время; вотъ въ чемъ истинный смыслъ того требованія, чтобы художникъ оставался сыномъ своего времени, гражданиномъ своей страны. Искусство можетъ дѣйствовать только тѣми средствами, которыя ему свойственны; насыловать его природу, дѣлать его органомъ какихъ-нибудь предвзятыхъ

ныхъ тенденцій значить уничтожить его силу и значеніе. Произведеніе искусства не можетъ быть ни поученіемъ, ни проповѣдью; его сила чисто теоретическаго свойства; оно должно быть созерцаніемъ жизни въ ея правдѣ и сущности. Только въ силу такого созерцанія, произведеніе искусства можетъ быть плодотворно и въ практическомъ отношеніи. Въ истинномъ произведеніи искусства ничто не должно возмущать чистоты созерцанія, которое ровнымъ свѣтомъ простирается на все, представляя каждую вещь въ ея существенныхъ очертаніяхъ, въ ея внутреннихъ отношеніяхъ. Всякая случайная примѣсь не только повредитъ внутреннему достоинству художественнаго произведенія, но и уменьшитъ его значеніе для жизни, отниметь у него силу дѣйствія, или сообщить ему совсѣмъ другое значеніе и пожалуй заставитъ его дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ.

Наша умственная жизнь не отличается ни многочисленностію своихъ органовъ, ни богатствомъ, ни внутреннею послѣдовательностію въ своемъ развитіи. Она зависитъ отъ разнородныхъ вліяній, дѣйствующихъ на нее со стороны. Эта скудная струйка нашего умственнаго и общественнаго быта протекаетъ передъ лицомъ великихъ и могущественныхъ цивилизацій, отъ которыхъ она зависитъ, которыя непрерывно на нее дѣйствуютъ и производятъ въ ней пертурбаціи. Оттого-то наше развитіе, повидимому, идетъ такъ быстро; оттого то оно такъ часто переходитъ изъ одной фазы въ другую, такъ легко измѣняется въ своемъ направленіи и цвѣтѣ. Что ни день, то новое колѣно, новая эпоха, новые герои. Въ нашей литературѣ проходитъ послѣдовательно цѣлый рядъ типовъ, соответствующихъ этимъ фазамъ. Это герои своего времени. Самъ г. Тургеневъ изобразилъ уже нѣсколько подобныхъ типовъ. Въ прежнихъ типахъ онъ изображалъ болѣе или менѣе прожитыя фазы; но въ послѣднемъ романѣ онъ поймалъ героя прямо на дѣлѣ. Вотъ почему новый романъ г. Тургенева, при своемъ общемъ художественномъ значеніи, имѣетъ еще значеніе непосредственно дѣйствующей силы. То, что дѣйствуетъ теперь вокругъ насъ, что пробѣгаетъ въ умахъ и настраиваетъ ихъ извѣстнымъ образомъ, приведено здѣсь къ сознанію, представлено на видѣ, изъ дѣятеля превращено въ простой предметъ, изъ центра отброшено къ периферіи. Для

подобной задачи, необходимо обладать высокою творческою силой; необходима также зрѣлая и чуткая мысль, точка зрѣнія, до которой не всякій можетъ возвыситься, глубокая и обширная наблюдательность, большая власть надъ собою. Только благодаря соединенію этихъ условій, могли мы получить эти исполненные жизни очерки, которые представляетъ намъ послѣдній романъ г. Тургенева. Сфера этого романа, конечно, очень ограничена; она соотвѣтствуетъ тому кругу, въ которомъ вращается наше малокровное образованіе. Это сфера такъ-называемыхъ у насъ образованныхъ людей, кончившихъ курсы въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, кое-что читавшихъ и группирующихся вокругъ литературы. Всего этого очень не много, все это очень скудно, все это не имѣетъ внутренней силы. Дурныя или хорошія мнѣнія, ложныя или истинныя ученія, равно лишены глубокаго корня и въ отцахъ, и въ дѣтяхъ. Всѣ эти мнѣнія, всѣ эти толки и пренія—дѣло большею частію наносное или продуктъ тепличнаго воздуха. Это общая черта всего что называется у насъ образованнымъ, къ какому бы оно ни принадлежало поколѣнію, молодому или старому. Хорошія или дурныя люди, даровитыя или бездарныя по своей природѣ, вы чувствуете, что главная доля ихъ умственнаго содержанія не выработана жизнью, а случайно занесена со стороны, и является или аффектаціей и безплодною вычурой, или сухимъ быліемъ. Сила здѣсь вовсе не сила, а только относительное безсиліе окружающаго. Таковъ тотъ маленькій міръ, къ которому относится послѣднее произведеніе нашего писателя-художника.

Вслѣдъ за появленіемъ этого романа раздались голоса, которые, отдавая справедливость его достоинствамъ, сѣтовали на то, что молодое поколѣніе представлено въ немъ съ невыгодной стороны. Не отрицая правдивости изображенія выведенныхъ лицъ, находили, что эти лица не могутъ служить типическими представителями обоихъ поколѣній, особенно младшаго. Неужели, восклицали эти критики, всѣ наши молодые люди таковы какъ Аркадій и Базаровъ? Неужели это свѣжее, молодое поколѣніе, въ которомъ заключаются всѣ наши надежды, все наше будущее, таково какъ эти два типа? Но это безотраднo, это ужасно, это невозможно! Однако, что же особенно безотраднoго и ужаснаго въ типическомъ изображеніи молодого поколѣнія у г. Тургенева?

Мы оставимъ пока Базарова въ сторонѣ. Базаровъ герой; онъ существо болѣе или менѣе исключительное; онъ воплощаетъ въ себѣ тотъ духъ, который болѣе или менѣе примѣшивается къ мнѣніямъ, чувствамъ, дѣйствіямъ людей, но не господствуетъ въ нихъ исключительно, и даже болѣею частію вовсе не живетъ въ нихъ, а только говорить ихъ устами. Каковъ бы ни былъ этотъ духъ, онъ не портитъ ихъ въ основаніи, но и не дѣйствуетъ въ нихъ какъ живая сила, онъ занимаетъ только пустое мѣсто; онъ вѣдрается тамъ, гдѣ ничего нѣтъ. Итакъ, каковъ бы ни былъ герой, котораго мы оставляемъ пока въ сторонѣ, большинство не представляетъ ничего безотраднaго, хотя, правду сказать, и ничего особенно утѣшительнаго. Не понимаемъ почему этотъ типъ молодежи, изображенный г. Тургеневымъ въ лицѣ Аркадія, представляетъ наше молодое поколѣніе будто бы въ невыгодномъ свѣтѣ. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ представляетъ собою очень хорошій, очень привлекательный типъ. Презрительные отзывы объ этомъ молодомъ человѣкѣ понятны въ самихъ же Аркадіяхъ, въ людяхъ очень молодыхъ, которые, разумѣется, хотятъ казаться героями, какъ ребенокъ хочетъ казаться большимъ. Очень понятно, почему напримѣръ критикъ журнала *Русское Слово* отзывается съ презрѣніемъ о молодомъ Кирсановѣ, и иначе не называетъ его какъ птенцомъ: по всѣмъ признакамъ, критикъ самъ еще весьма юный человѣкъ, самъ такой же Аркадія, которому можно пожелать только того, чтобы онъ сохранилъ многія добрыя свойства своего прототипа. Въ самомъ дѣлѣ, что дурнаго въ этомъ Аркадіи? Онъ не *лицумный*,—но это слава Богу; въ этомъ его достоинство. Хороша была бы молодежь, елибѣ большинство ея состояло изъ *лицумныхъ*! Художественная правдивость, съ которою изображена эта фигура въ романѣ Тургенева, выше всякихъ похвалъ. Все въ ней поражаетъ удивительною жизненною вѣрностію, и если не всякій юноша захочетъ узнать себя въ Аркадіи, то всякій, пережившій годы юности, смотря на него припомнитъ ихъ съ умиленіемъ и улыбкою. Какъ онъ милъ въ своемъ нигилизмѣ! Таковъ же былъ онъ и тогда, когда сыпалъ термины изъ нѣмецкой философіи, и погружался въ мировую субстанцію. Онъ тотъ же самый и въ трансцендентальномъ идеализмѣ, и въ этомъ добродушномъ превознесеніи силы отрицанія и раз-

рушенія, которая все ломитъ только потому что она сила. Вчера онъ былъ утопистомъ, нынче онъ матеріалистъ; сегодня онъ разрушаетъ и уничтожаетъ, а завтра будетъ отроить фалакстеріи, пересоздавать землю и самую солнечную систему. Легкость съ какою играетъ воображеніе юности, легкость съ какою онъ судитъ о вещахъ, легкость съ какою юный умъ переходитъ отъ одного къ другому и соединяетъ несоединимое, все это дѣло самое естественное. Это физическій признакъ молодости. Зрѣлость приходитъ съ годами; опытъ и наука воспитываютъ умъ и даютъ ему вѣское содержаніе.

Аркадій безподобенъ въ своихъ нигилистическихъ выходкахъ; онъ также безподобенъ въ наивномъ сознаніи своего умственного превосходства надъ понятіями отца и дяди. Какъ добродушно сожалѣетъ онъ объ ихъ отсталости. Какъ онъ очарователемъ съ своимъ Бюхнеромъ, котораго подсовываетъ отцу вмѣсто Пушкина, надѣясь просвѣтить его и возвысить! Какъ быстро рѣшаетъ онъ всѣ вопросы, какъ легко справляется онъ со всѣмъ, какъ ни по чемъ ему сломить и уничтожить чтѣ угодно изъ чистаго нигилизма! Вы чувствуете какъ подъ этимъ живымъ колоритомъ мѣста и времени, Аркадій остается тѣмъ же самымъ, какимъ знавали вы его въ другихъ мѣстахъ и въ другое время. Эти споры въ романѣ Тургенева, которыхъ каждое слово запечатливо удивительною художественною правдой, не напоминаютъ ли вамъ другихъ споровъ, въ другія времена? „Прежде, говоритъ Павелъ Петровичъ Кирсановъ, были гегелисты, а теперь нигилисты.“ Это правда, но гегелистовъ было далеко не такъ много какъ теперь нигилистовъ. Въ теченіи времени учащаяся молодежь значительно умножилась. Лѣтъ двадцать или пятнадцать тому назадъ, кругъ людей разсуждавшихъ и спорившихъ „о матерьяхъ важныхъ“ былъ гораздо тѣнѣе и малочисленнѣе чѣмъ теперь: уже по одному этому онъ не былъ такъ замѣтенъ и не могъ такъ шумно заявлять себя. Но въ былое время подобные споры были не менѣе добродушны и наивны. „Помилуйте, восклицалъ бывало пожилой человекъ, съ простымъ здравымъ смысломъ, слыша торжественное доказательство совершеннаго единства между бытіемъ и небытіемъ,—помилуйте, неужели все равно, что быть, что не быть?“—„Все равно,“ отвѣчалъ рѣшительно юный мыслитель. — „Все равно сказать ли,

что этотъ столъ существуетъ или что его нѣтъ?“—„Совершенно все равно“ — „Все равно, существую я или нѣтъ, говорю я теперь съ вами или нѣтъ? — „Совершенно все равно“, былъ опять неумолимый отвѣтъ. — „Боже мой! я теряюсь,“ восклицалъ въ отчаяніи почтенный пожилой человѣкъ прежняго времени, отвертываясь отъ безпощаднаго философа и обращаясь къ другому столъ же рѣшительному. „Что жъ дѣлать, говорилъ этотъ, съ добросердечнымъ сожалѣніемъ пожимая плечами: что жъ дѣлать, такъ выходить.“

Но оставьте въ сторонѣ мѣтнія, которыя повторяетъ молодой Аркадій, не затрудняясь никакимъ преувеличеніемъ, не стѣсняясь никакою бессмыслицей. Оставьте эти мѣтнія: они ни чѣмъ не держатся, они исчезнутъ какъ утренній туманъ, и молодой человѣкъ, при первыхъ серьезныхъ шагахъ въ школу и въ жизни, легко освободится отъ нихъ. Посмотрите на этого молодого человѣка въ другихъ отношеніяхъ; вы не найдете въ немъ ничего неисправимо-дурнаго, напротивъ вы найдете въ немъ очень много хорошаго. Онъ податливъ на все доброе; въ немъ много прекрасныхъ зачатковъ. А выйдетъ ли онъ хорошъ или дуренъ въ посаѣдствіи,— это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, отъ общественной среды, въ которой суждено ему жить, отъ условій, которыя откроются для его дѣятельности. За такую молодежь, какъ Аркадій, еще нельзя отчаиваться. Можно пожалѣть только объ одномъ, и пожалѣть горько, что она плохо учится; что всѣ эти кандидаты, кончающіе курсъ, такъ мало выносятъ изъ него положительнаго знанія и зрѣлыхъ понятій. Но можно ли ставить Аркадіямъ въ вину верхоглядность и пустоту ихъ образованія? Они приняли то что имъ дано: виноваты ли они, что ихъ плохо учили въ гимназій, и ничему не учили въ университетѣ, и что вся ихъ наука ограничивается большею частію нѣсколькими затверженными терминами, нѣсколькими усвоенными фразами, что въ ихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ ничего точнаго и твердаго, въ ихъ мысляхъ ничего серьезнаго, что они не имѣли случая извѣдать собственнымъ опытомъ что значитъ образованіе и что значитъ составить сужденіе?

Аркадій натура не хищная: это открыла ему умная дѣвушка, съ которою, къ счастью для себя, онъ сблизился на первыхъ порахъ своей жизни. Сначала его невозможно покорило при этомъ открытіи: простодушному молодому

человѣку было жаль разставаться съ этимъ качествомъ, которое казалось ему признакомъ силы и героизма; но онъ скоро понялъ свою молодую глупость и, конечно, самъ послѣ смѣлся надъ нею. Онъ не *тихий* ни по натурѣ, ни по воспитанію. Мнѣнія, которыми онъ щеголяетъ, не проникаютъ у него глубоко внутрь, точно также какъ и не вырастаютъ изнутри; это легкая игра представленій, еще не имѣющихъ для молодого мягкаго ума никакого опредѣленнаго значенія. Но всѣ практическіе его инстинкты хороши, всѣ непосредственныя движенія его сердца не испорчены и чисты. Они остались нетронуты и свидѣлствуютъ о свѣжихъ непочатыхъ силахъ, о добромъ задаткѣ на будущее. Они свидѣлствуютъ о любви, которая окружала колыбель нашего юноши, о мягкой семейной атмосферѣ, въ которой протекало его дѣтство. Правда, въ его умственной организаціи не замѣтно твердыхъ элементовъ; но имъ не откуда было взяться. Чего нѣтъ, того нѣтъ; за то въ немъ много доброты и простосердечія; онъ способенъ къ великодушнымъ порывамъ, и остается пожелать, чтобы дальнѣйшая жизнь дала ему то, чего не могло дать воспитаніе. Можно ли ставить ему въ упоръ это наивное самомнѣніе, этотъ тонъ превосходства, съ которымъ онъ относится къ своему отцу? Впрочемъ, многіе критики легко простятъ ему мнѣніе о своемъ умственномъ превосходствѣ. Можетъ-быть они найдутъ не только очень естественными, а даже еще очень трогательными его заботы подвинуть образованіе своего родителя, и просвѣтить его книжкою Бюхнера. Гораздо серьезнѣе упрекъ въ чувствѣ нравственнаго превосходства, которое оказывается у него въ отношеніи къ отцу, — въ этомъ тонѣ великодушнаго покровительства къ отцовскимъ слабостямъ, которое съ такимъ мастерствомъ изображено г. Тургеневымъ. Въ самомъ дѣлѣ, жалко видѣть, какъ конфузится бѣдный Николай Петровичъ передъ своимъ сыномъ. Но кто же виноватъ въ этомъ? Зачѣмъ онъ конфузится, или лучше, зачѣмъ онъ имѣетъ основательный поводъ краснѣть передъ своимъ молоденькимъ сыномъ? Покровительство Аркадія, впрочемъ нисколько не наглое, но столько же наивное и простосердечное, какъ и его учительство, не есть въ немъ что-нибудь самостоятельное, образовавшееся въ немъ изъ собственныхъ элементовъ; напротивъ, и то и другое есть прямое выраженіе дѣйствитель-

ной слабости его отца. Въ Аркадіи нѣтъ и тѣмъ желаніямъ узнать своего отца, или дать ему почувствовать его слабость; напротивъ, онъ добродушно старается поднять его, поддержать, оправдать его по своему. На Аркадія не похожъ другой молодой человекъ, прекалоняющійся передъ *базаровщиномъ*. „Ситниковы“ носятъ на лбу своемъ признаки пошлости и ничтожества. Но и онъ удивительно вѣренъ, и его изображеніе исполнено жизненной правды. Ситниковы вездѣ есть, и вездѣ ихъ довольно. Онъ и мадамъ Кукшина нисколько не каррикатуры и не портреты, но живые представители цѣлаго разряда явленій, которыя вошли въ свои типы, какъ своими общими, вездѣ одинаковыми чертами, такъ и со всѣми особенностями времени и мѣста, со всѣми своими *couleurs locales*. Ситниковыхъ встрѣтите вы въ корпусахъ и гимназіяхъ, въ университетахъ и въ обществахъ; они перемѣшаны съ Аркадіями. Госпожъ Кукшиныхъ развелось тоже довольно и въ столицахъ, и въ губерніяхъ. *Хищные* очень хорошо понимаютъ ихъ, и умѣютъ ими пользоваться.

Нѣтъ ничего смѣшнѣе и нелѣпѣе непрерывно повторяющихся у насъ толковъ о молодомъ поколѣніи какъ о чемъ-то особомъ и отдѣльномъ, будто о какомъ-то сословіи или партіи. Только въ нашей литературѣ, только въ нашей жалкой общественной средѣ, могутъ слышаться подобныя нелѣпости. Молодежь имѣетъ всѣмъ извѣстныя физиологическія признаки, которые характеризуютъ ее и отличаютъ отъ людей пожилыхъ и старыхъ. Но воображать себя и говорить серьезно, что молодые люди, именно въ качествѣ молодыхъ людей, представляютъ особую политическую или философскую систему, особенный кодексъ правилъ и мнѣній, съ которыми они явились на свѣту всего чѣмъ жили люди прежде родившіеся на свѣтъ,— это простительно только самымъ юнымъ изъ Аркадіевъ и возможно только въ нашемъ литературномъ мірѣ. Неразвившіеся юноши дѣйствительно воображаютъ, что имъ свойственно быть людьми передовыми и стоять во главѣ движенія, и что всякій достигшій зрѣлаго возраста есть уже ео ipso человекъ отсталой. Аркадіи думаютъ это по наивности, а люди другого сорта, люди свойствъ болѣе или менѣе *хищныхъ*, конечно такъ не думаютъ, но находятъ

великимъ вселять и поддерживать такую мысль въ молодомъ людѣ корпусовъ и гимназій.

Какъ-то недавно одинъ изъ нашихъ литераторовъ, стѣжавшій себѣ лестную извѣстность, г. Чернышевскій, сѣтовалъ на то, что молодость его, въ силу неизбежнаго закона, должна пройти и проходить, а съ тѣмъ вмѣстѣ, слѣдуя тому же неизбежному закону, онъ изъ передоваго человѣка долженъ превратиться въ отсталого; съ умилениемъ говорилъ онъ объ этой ожидающей его участи и указывалъ на другаго болѣе юнаго мыслителя, г. Антоновича, поздне появившагося на литературную сцену въ томъ же журналѣ: по свидѣтельству г. Чернышевскаго, этотъ новый мыслитель еще не достигъ полной физиологической зрѣлости, а потому самому и долженъ имѣть большія чѣмъ онъ, г. Чернышевскій, права на званіе прогрессиста и передоваго человѣка. Слѣдуя этой теоріи, г. Писаревъ, другой мыслитель, какъ кажется, еще болѣе юный, долженъ имѣть большія права на этотъ титулъ. У студентовъ еще не кончившихъ курса права на этотъ титулъ должны быть еще выше; молодые люди сидящіе на скамьяхъ гимназій должны быть еще *передовѣе*, — и такимъ образомъ, не форсируя шага, мало-по-малу добдемъ мы до *сосуцаго* младенца, самаго передоваго изъ всѣхъ передовыхъ людей. Мы считаемъ себя не въ правѣ рѣшать изъ какого источника выработалась эта теорія передовыхъ людей у почтеннаго г. Чернышевскаго, — изъ наивности и простосердечія или изъ *фальшивости*, которая по его собственному, немного циническому сознанию¹, будто бы особенно свойственна его характеру.

Кому неизвѣстно, что человѣкъ рождается нагъ и пустъ, безъ всякихъ понятій, безъ всякихъ системъ, — что ребенокъ есть самое отсталое изъ всѣхъ существъ, что все значеніе развитія и образованія состоитъ въ томъ, чтобы привести его въ уровень съ тѣмъ временемъ, среди котораго суждено ему жить, — что только люди вполне зрѣлые, вполне властвующіе средствами и силами своей эпохи, могутъ двигать впередъ ея дѣло? Но милые малютки, которые пишутъ въ нашихъ журналахъ, этого не знаютъ. Они должно-быть въ

¹ Соер. № II „Въ изъясненіе признательности“, стр. 394.

самомъ дѣлѣ думаютъ, что все эти непереваренная ими докторины вынесены ими изъ утробы матери. Этотъ добродушный г. Писаревъ, который съ замочивостію Аркадія (дай Богъ только чтобъ Аркадія, а не Ситникова) толкуетъ о новыхъ великихъ помятѣхъ и взглядахъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность его сверстниковъ,—должно-быть въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, что *великіе мыслители*, которымъ онъ поклоняется, которыхъ цитуетъ, гг. Карлъ Фохтъ, Молешотъ и Бюхверъ, еще учатся въ гимназiи. Увы! Карлъ Фохтъ уже старичокъ, Молешотъ также человекъ пожилой, равно какъ и этотъ пресловутый Бюхверъ, которому, по странному капризу рока, суждено было стать великимъ авторитетомъ въ учебныхъ заведенiяхъ нашего любезнаго отечества.

II.

Произведеніе г. Тургенева находится въ обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ. Взятое изъ текущей жизни, оно снова входитъ въ нее и производитъ во всѣ стороны сильное практическое дѣйствіе, какое едвали когда производило у насъ литературное произведеніе. Рампа исчезла, актеры и зрители смѣшались. Романъ какъ будто еще продолжается; произведенное имъ дѣйствіе, явленiя которыя онъ вызвалъ—какъ будто новая глава въ немъ, какъ будто эпилогъ къ нему.

Этотъ эпилогъ, разыгрывающійся въ дѣйствительности, служить отличнымъ комментариемъ романа: вотъ почему сказали мы, что онъ находится въ исключительныхъ условiяхъ. Благодаря этимъ условiямъ, чрезвычайно упрощается оцѣнка, и съ совершенною точностію разрѣшается вопросъ объ истинѣ типа, о вѣрности его изображенiя. Въ послѣдствіи, историкъ нашей литературы будетъ говорить объ этомъ романѣ не иначе, какъ въ связи съ явленiями вызванными имъ въ той средѣ, изъ которой взято его содержаніе.

Вѣренъ ли типъ изображенный въ Базаровѣ? Есть ли истина въ замыслѣ этого типа? Точно ли въ немъ представлено нѣчто дѣйствительное? Или это капризъ и вы-

думка? Повидимому, нѣтъ никакой возможности дать вполне доказательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы можемъ думать такъ, другіе могутъ думать иначе. Одно и то же впечатлѣніе будетъ дѣйствовать совершенно различно на разные умы. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ новаго произведенія искусства, сужденія по необходимости будутъ отъзываться тѣми понятіями, настроеніями, предразсудками и пристрастіями, которыя впечатлѣніе преднаходитъ въ умѣхъ. Но въ настоящемъ случаѣ вопросъ рѣшается безъ всякихъ затрудненій. Самою лучшею повѣркою изображеннаго типа служить произведенное имъ дѣйствіе. Посмотримъ, какъ выразилось это дѣйствіе, и какія вызвало оно явленія.

Надобно замѣтить, что для всякаго начала, претендующаго на господство, всего обиднѣе быть выведеннымъ на сцену. Стать предметомъ наблюденія, показаться въ опредѣленномъ образѣ, значитъ сойти съ высоты и изъ господствующаго начала превратиться въ простой предметъ. Известное дѣло, что человѣкъ не иначе освобождается отъ слѣпыхъ увлеченій какъ путемъ сознанія. Что удастся намъ сознать, то терять уже слѣпую власть надъ нами, то напротивъ само становится болѣе или меньше подвластно намъ. Вотъ почему всякая слѣпая власть боится стать предметомъ сознанія и не любитъ быть представленною. Вотъ почему люди, которые слѣпо покорствуютъ подобной силѣ, упираются руками и ногами, возмущаются и негодуютъ, когда вызываютъ ее на сцену. Особенно боится она художественнаго изображенія, которое беретъ ее не съ общихъ сторонъ, а въ ея спеціальности, во всѣхъ особенностяхъ ея проявленія, въ ея индивидуальномъ воплощеніи. Общія понятія и разсужденія не покажутъ ея на самомъ дѣлѣ; они представляютъ ее въ тѣхъ общихъ стихіяхъ, которыя могутъ относиться къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ. Какъ бы ни были точны наши понятія, отъ нихъ всегда ускользнетъ живущее начало. Они только тогда могутъ настигнуть и накрыть его, когда оно удовлено въ своемъ живомъ образѣ, усмотрѣно въ очю, почувствовано въ своемъ непосредственномъ дѣйствіи. Вотъ почему слѣпая сила, владѣющая умами, всего болѣе боится стать предметомъ художественнаго изображенія.

Она останется равнодушна къ безличнымъ изображеніямъ, съ какимъ бы то ни было оттѣнкомъ, симпатическимъ или антипатическимъ, которыя будутъ обозначены ея именемъ. Этого она не боится. Она боится только того что ея дѣйствительно затронетъ, что задеветъ ее живо. Общія толки, а также и какія-нибудь отдѣльныя черты, какія-нибудь случайныя проявленія не опасны; не опасна также карриатура: преувеличенное изображеніе какой-нибудь особенности только затемняетъ смыслъ цѣлаго и отвлекаетъ отъ него вниманіе. Глупымъ, бездарнымъ, неѣднымъ попыткамъ бываетъ она очень рада; оставаясь въ сторонѣ, не тронутая ими, она надъ ними комфортабельно смѣется.

Г. Антоновичъ, критикъ *Современника*, не обратилъ бы никакого вниманія, или отозвался бы самымъ добродушнымъ смѣхомъ на всякую неудачную попытку изобразить то что не хотѣлось бы ему видѣть изображеннымъ; но онъ приходитъ въ совершенное неистовство при чтеніи романа г. Тургенева. Точно будто вырвали что-то изъ его сердца, точно будто онъ чувствуетъ себя пораженнымъ въ самую жизненную часть своего организма. Статья его объ *Отцахъ и Дѣтяхъ* — не критика, а судорога, какая-то ужасная скороговорка, въ которой все стоило безъ всякаго взаимнаго контроля, повинуясь только чувству сильнѣйшаго раздраженія, не знающаго за что схватиться и что укунить. Онъ пересочиняетъ романъ, навязываетъ автору разныя тенденціи, упрекаетъ его за измѣну чистому искусству и въ то же время истерически хохочетъ надъ этимъ чистымъ искусствомъ, искажаетъ цитаты, переиначиваетъ дѣйствія, приписываетъ героямъ свойства и мѣнія совершенно противоположныя тѣмъ, съ которыми они являются у автора, всячески старается опозлить главнаго героя, довести его до одного уровня съ какимъ-то романомъ г. Асоченскаго, отдавая предпочтеніе послѣднему. Въ критикѣ г. Антоновича есть все, даже сравненіе съ г. Асоченскимъ, который служитъ въ нашей литературѣ послѣднимъ терминомъ всякаго обиднаго сравненія. О, еслибы подъ именемъ г. Тургенева явилось дѣйствительно что-нибудь въ подобномъ родѣ, какъ ликовалъ бы тогда г. Антоновичъ, какимъ благодушіемъ отличалась бы тогда его критика, какъ спокойно и складно напи-

самъ бы онъ ее тогда! Не было бы этихъ судорогъ, этого раздраженія, этого отчаянія.

По толкованію г. Антоновича, Базаровъ есть какая-то жалкая карриатура на что-то небывалое. По его толкованію, это какой-то нелѣпый хвастунишка, фанфаронъ, обжора, пьянчужка, пустомеля. Мнѣнія, которыя онъ высказываетъ въ спорахъ, глупы и нелѣпы. Сколько онъ глупъ въ своемъ образѣ мыслей, столько же безобразенъ въ своихъ поступкахъ. Словомъ, ничего не можетъ быть омерзительнѣе той фигуры, которую описываетъ г. Антоновичъ подъ именемъ Базарова, героя Тургеневскаго романа. Герой этотъ называетъ себя нигилистомъ; но г. Антоновичъ ужасается при одномъ этомъ словѣ, ничего подобнаго не знаетъ онъ въ нашей литературѣ, и у него вянутъ уши, онъ краснѣетъ отъ той дичи, которую горюдитъ этотъ нелѣпый нигилистъ. Г. Антоновичъ божится, что въ нашей литературѣ не было и помину о какомъ-нибудь отрицательномъ направленіи. Всякое отрицаніе, поспѣшно учитъ теперь г. Антоновичъ, сопровождается положеніемъ. Никто ничего не отрицалъ въ смыслѣ нигилизма. Г. Антоновичъ возмущенъ неуважительными отзывами Базарова объ искусствѣ, о Рафаэлѣ, о наукѣ и обо многомъ другомъ. Г. Антоновичъ торжественно утверждаетъ, что ничего подобнаго никогда не было въ нашей литературѣ. „Мы, говоритъ онъ автору *Отцовъ и Дѣтей*, отрицаемъ ваше искусство, вашу поэзію, ваше *и* (подъ этимъ союзомъ критикъ разумѣетъ что-то многое); но не отрицаемъ и даже требуемъ другаго искусства и поэзіи, другаго *и*, хоть такого *и*, какое представлялъ себѣ Гёте...“ И вотъ мы узнаемъ неожиданно что до сихъ поръ было утаено отъ всѣхъ; передъ нами раскрылось значеніе современной русской литературы, тайна ея стремленій и ея споровъ. Это старый нѣмецкій вопросъ, который до сихъ поръ продолжаетъ служить неистощимой темой разговоровъ на чайныхъ вечерахъ въ Германіи; это пренебрежимый вопросъ о Гёте и Шиллерѣ. Одни стоятъ за Гёте, этого монументальнаго старца нѣмецкой литературы; другіе, должно-быть отцы, болѣе сочувствуютъ меланхолическому, идеальному Шиллеру. Такимъ образомъ Базаровъ, съ своими тенденціями и мнѣніями, съ своимъ безпардоннымъ отрицаніемъ, съ своимъ нигилизмомъ, оказывается совершенною аномаліей, полнѣйшимъ уродомъ, который ничего не представляетъ собою,

которому ничто не соответствуетъ ни въ нашемъ обществѣ, ни въ литературѣ. Критикъ оскорбленъ намѣреніемъ автора изобразить въ лицѣ этого шута Базарова современное направленіе. Дѣло у насъ шло о Гётѣ и Шиллерѣ, а авторъ отыскалъ какой-то нигилизмъ. Въ этомъ капризѣ автора, критикъ видитъ не просто капризъ, но и клевету.

Не перебрать ли журналъ, въ которомъ пишетъ г. Антоновичъ, не привести ли изъ него доказательства, что никто въ этомъ журналѣ не выражалъ такъ толково и умно, какъ тургеневскій Базаровъ, всего того что эти господа старались развивать на всѣ лады съ примѣсью невѣжества, отъ котораго сконфузился бы обруганный критикомъ Базаровъ, съ примѣсью недобросовѣстности, которая заставила бы покраснѣть его и отвернуться съ презрѣніемъ? Да, еслибъ этотъ Базаровъ превратился въ живаго человѣка, еслибъ онъ попалъ въ среду этихъ господъ, крѣпко взялъ бы онъ въ руки гг. Антоновича и Чернышевскаго; досталось бы имъ отъ него, и онъ научилъ бы ихъ вести себя приличнѣе въ литературѣ. Имъ нечего обижаться сходствомъ съ этою типическою фигурой; имъ надобно еще дорости до того, чтобы сходствомъ этимъ похвастаться. Базаровъ, вѣтъ сомнѣнія, не сталъ бы прибѣгать къ такимъ уловкамъ, какихъ не постыдился г. Антоновичъ въ своей критикѣ. Онъ навѣрное не написалъ бы такой критической статьи; онъ имѣлъ бы на столько вкуса, что не сказалъ бы: „Г. Аскоченскій предвосхитилъ романъ г. Тургенева“. Наконецъ онъ не сталъ бы юлить, бросаться въ двусмыслія, отпираться отъ самого себя. Онъ не сталъ бы, подобно г. Антоновичу, прикрывать свои мнѣнія несвойственными имъ словами, и не сталъ бы подѣ свои слова подлагать несвойственный имъ смыслъ. Одинъ маленькій мальчикъ, воспитанный въ набожномъ семействѣ, боялся произносить всуе имя Бога, и когда нужно было побойться чтобъ обмануть маманьку, онъ прибѣгалъ къ хитрой уловкѣ, и вмѣсто: „ей Богу“, скороговоркой произносилъ: „ей-бо-агу“: этого никакъ не сдѣлалъ бы тургеневскій Базаровъ...

Однако все-таки многимъ пріятно будетъ встрѣтить въ человѣкѣ новаго поколѣнія, въ молодомъ прогрессистѣ, суровое пуританское благочестіе. Послушайте, какимъ одушевленнымъ

и строгимъ тономъ говорить г. Антоновичъ о „священной минутѣ смерти“. „Священная минута смерти“: какъ торжественно звучать эти слова! Для нѣкотораго смягченія, г. Антоновичъ прибавляетъ: „такъ-называемая священная минута смерти“. „Такъ-называемая“ нѣсколько смягчаетъ эффектъ; эта прибавка разчитана на строптивый слухъ юныхъ и старыхъ вольнодумцевъ, которые, пожалуй, пришли бы въ соблазнъ отъ „священной минуты смерти.“ Но смягченіе смягченіемъ, а благочестивый смыслъ остается, и дѣлаетъ честь молодому прогрессисту и журналу, въ которомъ онъ пишетъ. Однако Базаровъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшился бы прибѣгнуть къ подобному славословію, не употребилъ бы его въ качествѣ аргумента или для произведенія какаго-нибудь эффекта. Базаровъ, съ своей точки зрѣнія, не видитъ ничего священнаго въ простомъ физиологическомъ процессѣ; но онъ еще на столько честенъ, что не сталъ бы прятаться за Гёте и не сталъ бы бросать пылъ въ глаза „такъ-называемыми,“ священными минутами.“ Любопытно было бы послушать, какъ осадилъ бы онъ г. Антоновича за всѣ эти „абракадабры“.

Но не всё же Базаровъ, и мы можемъ уважить искренность взрванія въ какой бы суровой формѣ она ни выражалась. Искреннее убѣжденіе — такая рѣдкость въ мірѣ, что молодому прогрессисту можно простить чрезмерную ревность благочестія. А ревность дѣйствительно чрезмерная: представьте себѣ, г. Антоновичъ не можетъ безъ негодованія подумать, что человѣкъ въ „такъ-называемую священную минуту смерти“ помышляетъ о своихъ земныхъ привязанностяхъ. Базаровъ, какъ извѣстно нашимъ читателямъ, пожелалъ передъ смертію видѣть жемчужку, которую онъ любилъ, и былъ утѣшенъ ея прощальнымъ поцѣлуемъ. Какъ же вы думаете? Критикъ приходитъ отъ этого въ ужасъ; онъ съ омерзеньемъ говоритъ объ этой сценѣ и осмыпаетъ автора язвительными укорами за такую „гадость“... Молодой человѣкъ, чувствуя приближеніе смерти, не смѣетъ и думать о томъ, что при жизни волевоало его сердце, что онъ любилъ съ уваченіемъ и страстію. Проститься передъ смертію съ предметомъ этой любви грѣшно и безнравственно. Читатель помнитъ эту сцену: кажется, въ ней нѣтъ ничего безнравственнаго и богопротивнаго? Однакожь этотъ ригористъ находитъ ее такою.

Надобно думать, что появленіе тургеневскаго романа произвело какую-нибудь глубокую кутерьму въ почтенномъ журналѣ, гдѣ пишетъ г. Антоновичъ. Въ его критической статьѣ слышатся отзывы этой подземной катастрофы. У г. Антоновича замелькали новыя необыкновенныя выраженія. Не рѣшаемъ, ловко ли, кстати ли употребляетъ онъ ихъ, но онъ говоритъ и о всепримиряющей любви, и о любви возвышенной, и о безконечной жизни. Онъ укоряетъ автора за то, что тотъ не проникся глубокимъ смысломъ этихъ словъ,—за то, что онъ недостаточно питаетъ эти возвышенныя чувства и не вполне руководствуется ими въ отравленіи поэтическаго правосудія. Ему кажется, что авторъ до конца не прощаетъ своему герою. Онъ скорбитъ о такомъ ожесточеніи; и съ горькою проніей говоритъ о заключительной сценѣ романа. Въ этой сценѣ видитъ онъ лицемеріе; онъ обливаетъ ядомъ насмѣшки и цвѣточки, и елки, „нарочито посаженныя“, и старичковъ, которые приходятъ плакать на могилу. Г. Антоновичу непріятно, зачѣмъ авторъ не появился самолично передъ одромъ умирающаго, и не напутствовалъ его переходъ въ безконечную жизнь изліяніями всепрощающей любви.

Мы убѣждаемся, что г. Антоновичъ не искрененъ въ своихъ дурныхъ отзывахъ о Базаровѣ. Г. Антоновичъ и ругаетъ Базарова самымъ непростительнымъ образомъ, и въ то же время желаетъ надѣлать его всевозможными благами; онъ вмѣстѣ и терпѣть его не можетъ, и хочетъ чтобы все ему удалось. Ему обидно, зачѣмъ всѣ другіе имѣютъ хоть что-нибудь, и хоть что-нибудь да значать. Кто что ни скажи, кто что ни сдѣлай, за все попрекаетъ онъ автора. Всякую малость, всякую дрянь,—все бы взялъ онъ и отдалъ Базарову. Вотъ посмотрите: онъ презрительно топчетъ въ грязь братьевъ Кирсановыхъ, „отцовъ“: у одного пѣсенка спѣта, другой пущѣйшій фатъ. Но какъ только подумаетъ онъ о Базаровѣ, ему вдругъ станетъ завидно имъ, и они выходятъ отлучившимися людьми, необычными мыслителями, удивительными сельскими хозяевами, и умными, и сильными, и добродѣтельными во всехъ отношеніяхъ, и критикъ принимается язвить автора зачѣмъ Базаровъ не въ англійскомъ сѣютъ щеголяеть, зачѣмъ онъ природу не любитъ, тихимъ мечтаніямъ не предается, безпричинныхъ слезъ не проливаетъ; наконецъ, зачѣмъ

онъ однажды обременился въ картахъ. Онъ почти ничего не говоритъ о дуэли, въ которой Базаровъ велъ себя такимъ молодцомъ. Но онъ никакъ не можетъ забыть, что Базаровъ былъ побѣжденъ въ картахъ отцомъ Алексѣемъ. Повѣрять ли читателю, что критикъ посвящаетъ нѣсколько самыхъ язвительныхъ строкъ этому грустному обстоятельству. Какіе завидующіе глаза!

Не правду ли мы сказали, что критика г. Антоновича не критика, а болѣзненная конвульсія? Что значить эта жадная зависть ко всему, это желаніе совмѣстить все въ одномъ лицѣ? Ему хотѣлось бы, чтобы въ Базаровѣ сидѣлъ и Николай Петровичъ, и Павелъ Петровичъ, и старушка мать его, и отецъ Алексѣй. Ему хочется, чтобы онъ и лягушекъ рѣзалъ, и стихами наслаждался, и съ дамами держалъ себя элегантно, и въ ералашъ игралъ лучше всѣхъ, и съ мужиками умѣлъ говорить какъ мужикъ, чтобы онъ былъ и матеріалистъ и романтикъ, и чтобы онъ былъ силенъ какъ левъ, и чистъ какъ голубица, и съ пошлыми людьми не знался, и ни въ какой грязи не пачкался, чтобы онъ былъ соединеніемъ всевозможнѣйшихъ качествъ, чтобы онъ былъ все, чтобы онъ былъ ничто. Дѣло въ томъ, что критика гнететъ опредѣленность этого образа. Онъ хотѣлъ бы замазать это яркое изображеніе, улетучить эту живую фигуру. Онъ хотѣлъ бы уничтожить ее. Увы! всѣ эти усилія напрасны...

Въ то время какъ г. Антоновичъ писалъ свою критику, тѣмъ же дѣломъ занимался и другой совершенно единомышленникъ ему писатель. Въ *Современной Лѣтописи*¹ были представлены мнѣнія этихъ обоихъ мыслителей въ формѣ оживленнаго диспута. Они расходятся по всѣмъ пунктамъ въ отзывѣхъ своихъ объ *Отцахъ и Дѣтяхъ*, и особенно о Базаровѣ: что кажется одному дурнымъ, то самое кажется другому неподобнымъ. Г. Писаревъ восторженно благодаритъ автора за художественное изображеніе Базарова, въ которомъ онъ видитъ истинный типъ лучшихъ и сильныхъ умовъ новаго поколѣнія. Онъ совершенно доволенъ Базаровымъ. Онъ съ горячимъ участіемъ свидѣтъ за нимъ во всѣхъ его походахъ, рукоплещетъ ему въ

¹ № 18 „Диковинки русской журналистики.“

его диспутахъ, радуется его побѣдамъ, живо принимаетъ къ сердцу его невзгоды и съ умилениемъ присутствуетъ при его смерти, въ которой видитъ образецъ возвышеннаго героизма. Отъ полноты сердца благодарить оня художника за то, что тотъ не увлекся никакими тенденціями и представилъ типъ лучшихъ умовъ нашего времени съ полною правдивостію. Предполагая, что г. Тургеневъ въ сердцѣ своемъ не сочувствуетъ Базарову, критикъ искренно сожалѣетъ о немъ, сожалѣетъ, что г. Тургеневъ по своимъ лѣтамъ и мягкосердечію не можетъ испытать всей сладости процесса Базаровской мысли и пожить его жизнію. Но оня отдаетъ художественному творчеству г. Тургенева тѣмъ большую справедливость, что, по устарѣлости своихъ понятій, оня не можетъ принадлежать къ той средѣ, гдѣ господствуетъ духъ нигилизма. Правда, манеры у Базарова не отличаются особеннымъ изяществомъ; при большемъ сочувствіи, авторъ могъ бы тотъ же самый духъ вселить въ болѣе заглавнаго джентльмена; но критикъ тотчасъ же спѣшитъ оправдать автора, и объясняетъ это обстоятельство удовлетворительнымъ образомъ: Базаровъ пробивалъ себѣ дорогу собственными усиліями и тяжкимъ трудомъ, — не мудрено, что у него замозолились руки, огрубѣли манеры и очерствѣлъ нравъ; за то оня совершеннѣйшій джентльменъ по душѣ и по уму, и г. Писаревъ доказываетъ это изложеніемъ цѣлаго романа, и проходитъ тотъ же путь, какой совершилъ г. Антоновичъ.

Особенно кончина героя очаровываетъ г. Писарева. Оня пишетъ о ней съ гордымъ блескомъ во взорѣ; оня кичится этою смертію за себя и за все новое поколѣніе; оня видитъ въ этой смерти истинную апогею героя нашего времени; оня не находитъ словъ для изъявленія благодарности автору за эту сцену смерти. Какая противоположность съ возрѣніемъ г. Антоновича! Кто же правъ?

Г. Антоновичъ съ негодованіемъ говоритъ объ отношеніяхъ Базарова къ родителямъ. Нѣжная душа этого критика съ особенною любовью останавливается на старушкѣ, матери Базарова. Изъ всего романа ему понравилось только одно это лицо. Новое доказательство добродѣтельныхъ свойствъ этого прогрессиста: старушка эта и суевѣрна, и эмбриологіи не знаетъ, и операциіи литотоміи не видала, ничего въ ней нѣтъ прогрессивнаго, все въ ней застои и

самый отъявленный консерватизмъ, и однакожь г. Антоновичъ полюбилъ ее, отличилъ отъ всѣхъ, и говорить о ней съ чувствомъ. Но тѣмъ пуще негодуеть онъ на Базарова, который обходится съ ней непочтительно и сурово. Г. Писаревъ, напротивъ, удивляется снисходительности и долготерпѣнью Базарова въ отношеніи къ старичкамъ-родителямъ. Онъ безконечно выше ихъ. Что ему съ ними дѣлать, о чемъ съ ними говорить? Не садиться же ему на полъ, для того чтобы съ ними сравняться?—такъ выразительно оправдываетъ героя юный поклонникъ его.

Этотъ юный поклонникъ, какъ замѣчено выше, рукоплещетъ мнѣніямъ героя, въ которомъ видитъ яркое и сильное выраженіе началъ нигилизма. Онъ съ удовольствіемъ и признательностію принимаетъ титулъ нигилиста. Онъ привѣтствуетъ героя именно въ этомъ качествѣ. Только разъ онъ не совсѣмъ согласился съ мнѣніемъ Базарова; только однажды показалось ему, что герой немножко „заврался“. Г. Писаревъ — любитель пріятныхъ ощущеній, а потому и любитель красотъ природы и искусства. Его шокировала холодность Базарова къ искусству; его немножко встревожило суровое слово героя о томъ, что природа не храмъ какой-нибудь, а мастерская, въ которой надобно работать. Г. Писаревъ отваживается на легкій диспутъ съ героемъ, и заявляетъ необходимость пріятныхъ ощущеній для человѣка. Онъ осмѣливается воставить герою на видъ его непослѣдовательность въ этомъ пунктѣ, и противъ его авторитета вдругъ выводитъ тройственную силу Карла Фохта, Молашота и Бюхнера. Г. Писаревъ напоминаетъ Базарову, что этотъ великій триумvirатъ разрѣшилъ употребленіе чарки водки чернорабочему и наркотическія наслажденія людямъ достаточныхъ классовъ: значитъ разрѣшено и искусство. Въ этомъ единственное разногласіе между героемъ и его поклонникомъ; во всемъ прочемъ г. Писаревъ остается ему вѣренъ.

Теперь спрашивается, какимъ же образомъ критикъ *Современника* отрицаетъ существованіе нигилизма? Какимъ образомъ не признаетъ онъ никакой связи между Базаровымъ и дѣйствительностію, и отнимаетъ у него право быть героемъ нашего времени? Допустимъ, что онъ искренно такъ думаетъ; но вотъ г. Писаревъ показываетъ ему своею особой, что онъ ошибся.

О вкусахъ, какъ извѣстно, спорить не слѣдуетъ; въ эстетической оцѣнкѣ самые единомышленныя люди могутъ расходиться. Но тутъ дѣло не въ эстетической оцѣнкѣ; мы сблизяемъ этихъ двухъ критиковъ не съ тѣмъ чтобы изъ этого сблизенія дѣлать какой-нибудь выводъ относительно художественныхъ достоинствъ произведенія. Пусть во мнѣніи одного оно стоитъ высоко; пусть во мнѣніи другого оно ниже романа г. Аскоченскаго: это все равно, объ этомъ толковать нечего. Но насъ интересуютъ не мнѣнія этихъ критиковъ, а ихъ личныя отношенія къ роману, который будто бы они разбираютъ, но который накрывъ ихъ самихъ, и произвелъ самое разлагающее дѣйствіе на ихъ умственную организацію.

Читая статью своего собрата, г. Антоновичъ долженъ согласиться, что Базаровъ не выдумка, что есть люди, которые благодарятъ автора за созданіе этого типа и съ восторгомъ узнаютъ въ немъ себя. А г. Антоновичъ честитъ этотъ типъ самыми позорными именами, и пьянчужкой, и обжорой, и хвастунишкой, и картежникомъ, и асмодеемъ г. Аскоченскаго! Вотъ что значитъ страсть! Въ самомъ дѣлѣ, каково было г. Писареву слышать, какъ этого героя, въ которомъ онъ видитъ олицетвореніе самыхъ передовыхъ идей и лучшихъ силъ молодаго поколѣнія, называютъ пьянчужкой, хвастунишкой, и наконецъ асмодеемъ г. Аскоченскаго? Если г. Антоновичъ претендуетъ на автора *Отцовъ и Дѣтей*, то какъ же долженъ претендовать г. Писаревъ на своего собрата?

Странное дѣло! Оба эти философа, и по молодости лѣтъ и по характеру своихъ воззрѣній, равно причисляютъ себя къ передовымъ людямъ, у обоихъ одинъ и тотъ же символъ вѣры, и однако какое радикальное разногласіе по отношенію къ типу, въ когоромъ одинъ узнаетъ идеалъ современнаго поколѣнія, другой—его каррикатуру и поруганіе!

Вотъ очевидное доказательство, что художникъ попалъ мѣтко. Въ его произведеніи узнало себя то что онъ изобразилъ въ немъ, узнало себя не только не въ искаженномъ, но даже въ самомъ лестномъ видѣ, и въ то же время почувствовало себя уязвленнымъ. Въ одномъ человѣкѣ было бы невозможно совмѣщеніе этихъ двухъ результатовъ. И вотъ произошло разложеніе. Изъ одного и того же

мѣста послышались два голоса, противорѣчащіе другъ другу во всѣхъ пунктахъ, но принужденные слиться въ одинъ общій результатъ. Выходя изъ одного начала и описавъ двѣ интересныя кривыя линіи, они пришли къ одному концу. Одинъ заявилъ, что художникъ не выдумалъ своего типа, а извлекъ его изъ дѣйствительности; другой засвидѣтельствовалъ, что художникъ дѣйствительно извлекъ его.

Болѣзненные вопли критика *Современника* и восторженные ликованія критика *Русскаго Слова* сливаются въ одинъ звукъ, и равномерно свидѣтельствуютъ о силѣ художника и объ успѣхѣ его произведенія.

Но мы сказали не все. Натуралистамъ извѣстно, какъ тщательны и осторожны должны быть опыты и наблюденія, для того чтобы послужить къ отчетливому и правильному наведенію. Употребимъ другой приемъ, посмотримъ еще, и мы увидимъ, что оба критика, недовольный и довольный, не только противорѣчатъ между собою, но и совершенно согласны. Противорѣчіе есть, и противорѣчія нѣтъ. Во взглядахъ обоихъ философовъ, плачущаго и смѣющагося, совершенное согласіе; но въ ихъ чувствованіяхъ, въ патетическихъ движеніяхъ души, совершенная противоположность. Одно и то же почувствовали они противоположнымъ образомъ. Одинъ узналъ грядущаго героя съ веселымъ ликованіемъ; другой тоже узналъ его, но со скрежетомъ зубовъ. Одинъ спокоенъ и счастливъ; другой волнуется, и терзается, и сыплетъ проклятія.

Вы думаете, что протестующій критикъ въ самомъ дѣлѣ не сочувствуетъ мыслямъ и поступкамъ героя Базарова? Ничуть не бывало; это только взбудораженная страсть въ немъ заметалась. Онъ не только отдаетъ ему полную справедливость, подобно своему собрату, довольному критику, но и идетъ гораздо далѣе. Противоположность и борьба оказываются не между двумя лицами, но въ самомъ лицѣ протестующаго критика. Посмотрите, онъ протестуетъ противъ героя за недасковое обращеніе съ родителями; онъ готовъ отдать Базарова подъ уголовный судъ за эту недасковость въ томъ. Мы видѣли какъ удовлетворительно г. Писаревъ объяснилъ отношеніе Базарова къ родителямъ: не снѣтъ же ему въ самомъ дѣлѣ на пользу, для того чтобы съ ними сравняться? Но протестующій критикъ не довольствуется этимъ. Онъ потому не

просто оправдываетъ Базарова, но возводитъ его въ апогеозу. Совершивъ надъ нимъ экзекуцію за немочтительное обращеніе съ родителями, онъ потомъ торжественнымъ и мрачнымъ тономъ припоминаетъ древнихъ мудрецовъ,—кажется это Эмпедоклъ, прибавляетъ онъ въ скобкахъ,—покидавшихъ отца и мать, дабы слушать или проповѣдывать слово истинны. Вотъ на какую высоту возводитъ онъ Базарова, котораго за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ въ сѣнномъ бѣшенствѣ подвѣргалъ торговой казни.

Вы думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ спроста любилъ старушку мать Базарова? О, нѣтъ! Онъ потому оказываетъ ей благосклонность, что она совершенно уничтожается передъ своимъ сыномъ, передъ великимъ учителемъ, передъ „Эмпедокломъ“. Всѣ прочія лица романа живутъ сами по себѣ, и они ненавидятъ критику; а старички, родители Базарова, хотя и не способны понимать его, но преданы ему безъ памяти, до самозабвенія,—и вотъ это-то и умиляетъ критика, это-то и подкупаетъ въ ихъ пользу жреца капища, и онъ только имъ даетъ вкусить *отъ жертвенныхъ*, и гладитъ ихъ по старой сѣдой головѣ.

Вы думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ считаетъ Базарова дивакомъ за то, что тотъ похвалилъ „богатое тѣло“ Мше Одицовой, и заставилъ ее отпрыгнуть въ другой уголъ комнаты? Нисколько! Онъ объясняетъ, что иначе здоровый мужчина поступить и не можетъ, и не долженъ. Онъ съ радостнымъ доказываетъ, что и романтики-отцы никогда не были равнодушны къ „богатому тѣлу“, что всѣ и всегда преусердно добивались отъ женщинъ „толку“, и что безъ этого отцы не были бы отцами, и не рожались бы дѣти.

Вы думаете, что онъ въ самомъ дѣлѣ не призываетъ мыслей высказанныхъ Базаровымъ? Нѣтъ, онъ въ другой части своей статьи старается развить, оправдать и доказать ихъ, но только дѣлаетъ это гораздо хуже чѣмъ самъ Базаровъ съ его энергическимъ, краткимъ и точнымъ словомъ.

Базаровъ для протестующаго критика имѣетъ еще большее значеніе чѣмъ для критика довольнаго; онъ еще глубже сочувствуетъ герою. Но ему невыносима эта рѣзкая, энергически очерченная фигура; ему невыносимо, что на эту фигуру устремлены теперь тысячи глазъ,

что всё могут разсматривать ее со всѣхъ сторонъ. Каждый рѣшительный штрихъ въ этой фигурѣ тревожитъ и волнуетъ его душу. Еще никто ничего не сказалъ, а ему уже мерещутся обличительныя физиономіи, укорительныя взоры. Автора нѣтъ, автора видѣть не видно; но ему такъ это безпощадно распростертое надъ всѣмъ созерцаніе художника. Онъ жметса, и пугливо всматривается къверху, ожидая удара, и злится, что не за что схватиться...

Увы! храмъ растворенъ, идолъ вынесенъ наружу! Какъ было жрецу остаться равнодушнымъ, не растерзать ризъ, не посыпать главу пепломъ! Какъ ему было не вознегодовать на осквернителя святыни!

Наконѣцъ, еще одно, послѣднее наблюденіе: мы видѣли, что недовольный критикъ, волнуемый страстью, измѣняетъ себя, и долженъ признать своего бога въ томъ, кого кощунственно обозвалъ самыми позорными именами. Но что же мы встрѣчаемъ у критика довольнаго? Поклонившись этому божеству и воскуривъ предъ нимъ емиамъ, онъ съ удивительною наивностію объявляетъ собравшимся мирянамъ, что божество это „холера“. Добрый мелодій челоуѣкъ сказалъ это съ чувствомъ достоинства, окараниваясь и рисуясь предъ толпою...

Одинъ призналъ въ героѣ чуть не скота, а потому тѣмъ же духомъ обоготворилъ его и палъ во прахъ передъ нимъ. Другой, совершая передъ этимъ божествомъ жертвоприношеніе, объявляетъ съ самоуслажденіемъ, что духъ, которому онъ жертвуетъ, есть Бгавани...

Итакъ мы видимъ, что противорѣчія нѣтъ, и что природа, на настоятельные вопросы наблюдателя, даетъ отвѣты совершенно ясныя.

III.

Теперь спрашивается что хотѣлъ художникъ изобразить въ героѣ своего романа, или лучше сказать что представляетъ собою эта типическая фигура, и чему соответствуетъ она въ жизни? Мы видѣли, какъ смѣшанно выразилось впечатлѣніе произведенное ею на ту среду, гдѣ она властвуетъ деспотически; мы видѣли, какія противорѣчія соизвѣстались въ этомъ впечатлѣніи, сколько отозвалось въ немъ и бои, и радости, и самосознанія, и самопрезрѣнія.

Интересно поближе всмотрѣться въ этотъ образъ и подробнѣе анализировать его значеніе.

Кромѣ тѣхъ критикъ, которыхъ касались мы выше и въ которыхъ слышались лично заинтересованные голоса, мы слышали еще и другіе голоса, болѣе или менѣе свободные отъ лицепріятнаго чувства. Между прочимъ, въ одномъ изъ петербургскихъ журналовъ (*Время* № IV) мы читали очень хорошо написанную статью о романѣ г. Тургенева, въ которой удачно и мѣтко были сопоставлены и разобраны отзывы лично-заинтересованныхъ критиковъ. Но, отдавая должную справедливость многимъ умнымъ замѣчаніямъ автора этой статьи, мы никакъ не можемъ согласиться съ нимъ въ основной его мыслъ, именно во взглядѣ его на сущность типа, изображеннаго г. Тургеневымъ подъ именемъ Базарова. Взглядъ этотъ не выдержитъ пробы, будемъ ли мы сравнивать его съ самимъ романомъ, или съ нашею общественною средою, изъ которой взяты элементы изображенія. По мнѣнію критика, въ этой фигурѣ выразился господствующій въ наше время духъ реализма, духъ дѣйствующій и въ жизни, и въ наукѣ. Критикъ раздвигаетъ горизонтъ этого типа до всемірнаго значенія, и видитъ въ немъ какую-то всеобщую идею. Онъ видитъ въ немъ тотъ умственный аскетизмъ, который сурово отказывается отъ всего далекаго, отвлеченнаго, туманнаго, и направляетъ мыслъ и дѣятельность къ достижимымъ цѣлямъ. Но придавая этому типу такое значеніе, критикъ далекъ отъ сочувствія ему; критикъ видитъ въ немъ силу одностороннюю, не удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ человеческой жизни, и подавляющую многія, лучшія изъ нихъ.

Во всякомъ случаѣ, такой взглядъ стираетъ не только всѣ индивидуальныя, но и всѣ типическія особенности этого образа; онъ превращаетъ его въ отвѣченность, которая столько же можетъ относиться къ Базарову, сколько и къ явленіямъ совершенно противоположнымъ. Мы съ умысломъ останавливаемся на этомъ воззрѣніи, потому что оно довольно распространено, хотя нигдѣ такъ рѣшительно не высказано, какъ въ упомянутой критикѣ *Времени*. Ухватившись за одинъ наружный признакъ, критикъ оставляетъ безъ вниманія другіе гораздо болѣе существенные элементы это-

го образа, и изъ одной болѣе мнимой нежели дѣйствительной характеристической черты развиваетъ его значеніе. Благодаря этой операціи, мы должны привѣтствовать въ лицѣ этого типа духъ нашего времени, съ придачею того генія мудраго самообладанія, который олицетворился въ Сократѣ и составляетъ сущность всякаго точнаго мышленія и дѣйствительнаго знанія. Но въ такомъ случаѣ мы рѣшительно не понимаемъ, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ типъ къ нашей жизни. Очевидно, критикъ оставилъ не тронутымъ существенное содержаніе своего собственнаго впечатлѣнія и унесся въ сферу общихъ отвлеченій, которыя не имѣютъ съ нимъ ничего общаго.

Еслибы критикъ обратилъ вниманіе на бытовые стороны типа, то въ немъ не могло бы возникнуть и тѣни мысли о какомъ-то всеобщемъ духѣ реализма, и онъ легко нашелъ бы ключъ къ своему впечатлѣнію. Онъ удивляется жизненности и вѣрности изображенія; дѣйствительно, Тургеневскій типъ отличается въ высокой степени этими качествами. Но какъ же критикъ не подумалъ, что при его токованіи типъ этотъ оказался бы самою неудачною выдумкой, и во всякомъ случаѣ былъ бы чѣмъ-то совершенно искажательнымъ, чѣмъ-то безъ всякой аналогіи съ окружающею средой? Духъ реализма! Не было ли бы со стороны художника непростительною ошибкой создавать изъ элементовъ нашей умственной жизни типъ того общаго духа реализма, который господствуетъ въ современной мысли? Можно ли представить себѣ что-нибудь смѣшнѣе попытки изобразить героическій типъ русскаго реалиста или русскаго идеалиста изъ элементовъ нашего образованнаго общества. Тутъ не требуется доказательствъ; дѣло очевидно само собою. Можетъ ли, напримѣръ, кому-нибудь придти въ голову изображать изъ русской жизни, типъ изслѣдователя, живущаго интересомъ знанія, посвящающаго свои силы дѣлу науки, сосредоточеннаго въ вычисленіи элементовъ предполагаемой планеты, въ экспериментѣ надъ солнечнымъ спектромъ, въ анализѣ сложной органической комбинаціи, въ тонкихъ изслѣдованіяхъ нервной системы? Возможенъ ли у насъ типъ молодого или немолодого человѣка, одержимаго умственнымъ голодомъ дѣйствительности въ какомъ бы то ни было смыслѣ,

одностороннемъ или неодностороннемъ, дурномъ или хорошемъ, истинномъ или ошибочномъ? Какая странная, нелѣпая, непонятная вышла бы фигура! Какою ложью отозвалась бы въ ней каждая черта и какой заслуженный смѣхъ возбудила бы она повсюду! Мы не хотимъ сказать, чтобы въ нашей образованной средѣ не было умственныхъ интересовъ; но проявленія ихъ такъ малочисленны и слабы, такъ они незначительны, что всякая попытка воспроизвести ихъ въ типическомъ образѣ была бы нелѣпостію. Точно такую же странностію было бы представить себѣ типъ русскаго купца покоряющаго Индію и создающаго великую имперію (хотя въ давнюю, давнюю пору, нѣчто подобное бывало у насъ) или русскаго мореплавателя, пускающагося въ арктическія льды отыскивать въ двадцатый разъ остатки сэръ-Джонъ Франклина. Было ли бы въ подобныхъ типахъ какое-нибудь соотвѣтствіе съ окружающею средою? Могъ ли самый даровитый художникъ, при всѣхъ благоприятныхъ условіяхъ, создать въ этомъ родѣ что-нибудь типическое, а не экземпляръ совершенно исключительный?

Легко сѣтовать на нашихъ художниковъ за то, что они черпаютъ изъ нашей жизни такъ мало положительныхъ типовъ. Гораздо основательнѣе было бы спросить, представляеть ли наша общественная жизнь элементы для такихъ типовъ. Гоголь вздумалъ было создавать положительные типы, и всѣмъ извѣстно, какое онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе. Критики, ставившіе г. Тургеневу въ упрекъ неудовлетворительность выведенныхъ имъ типовъ молодого или стараго поколѣнія, не подумали, что если типы эти дѣйствительно неудовлетворительны, то виновать не авторъ, а жизнь, изъ которой онъ ихъ взялъ. Онъ взялъ то что есть, и всякая прибавка была бы искаженіемъ и ложью.

Не странно ли, что о произведеніи современномъ, взятомъ изъ текущей жизни, могутъ быть разнородные толки, недоумѣнія и вопросы, какъ будто бы рѣчь шла о какомъ-нибудь памятникѣ давно-минувшей эпохи? Не странно ли, что современный, такъ рѣзко со всѣхъ сторонъ очерченный типъ, становится предметомъ комментарій, какъ будто бы рѣчь шла о характерѣ Гамлета или Макбета? Но чѣмъ индивидуальнѣе художественное изображеніе, тѣмъ труднѣе дается оно анализу. Тургеневскій Базаровъ не просто типъ, но и характеръ, лицо живое до мельчайшей

подробности. Нигдѣ въ этомъ образѣ не обнажается сентенція, нигдѣ не проглядываетъ въ немъ отвлеченное понятіе; онъ съ ногъ до головы живая фигура. Производимое имъ впечатлѣніе совершенно индивидуальнаго свойства, точно такое, какое мы испытываемъ при встрѣчѣ съ живымъ человѣкомъ,—безотчетное чувство симпатіи или антипатіи, которое то заговорить громко, то притихнетъ. Казалось бы, что самъ авторъ могъ бы всего легче разрѣшить загадку и дать ключъ къ созданному имъ характеру. Авторъ на лицо, и повидимому всего естественнѣе и проще можно было бы ожидать отъ него окончательнаго слова, которое рѣшило бы дѣло безъ апелляціи. Кому же какъ не автору знать сущность созданнаго имъ характера, понимать смыслъ изображеннаго имъ типа? Однако, это не совсѣмъ такъ: авторъ въ этомъ случаѣ мало разнится отъ всякаго другаго наблюдателя. Къ тому, что вышло изъ его рукъ, онъ находится точно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и всѣ другіе; онъ можетъ имѣть симпатическое или антипатическое чувство къ живому лицу, которое возникло въ его фантазіи, но ему придется совершить точно такой же трудъ анализа какъ и всякому другому, для того чтобы передать въ сужденіи сущность своего чувства. Въ своемъ сужденіи онъ можетъ ошибаться не менѣе всякаго другаго; и часто ему бываетъ еще труднѣе чѣмъ другому произвести тотъ необходимый анализъ, который долженъ дать элементы для яснаго и точнаго сужденія.

О бессознательномъ творествѣ высказывались у насъ прежде очень туманныя мнѣнія, которыя вызвали справедливую реакцію. Безъ сомнѣнія, невозможно допустить, чтобы такое дѣло какъ художественное творчество, требующее полнаго развитія умственныхъ силъ, происходящее въ самомъ ясномъ элементѣ, въ самомъ центрѣ сознанія, чтобы такое дѣло было въ то же самое время чѣмъ-то бессознательнымъ, похожимъ на бесловесный и темный процессъ природы. Эти образы, эти тоны, эти идеи,—что же все это, какъ не элементы сознанія? Что же самый актъ художественнаго творчества, какъ не приведеніе къ усиленному, полному, ясному сознанію того что происходитъ въ жизни глухо, полусознательно, бессознательно, разбѣяно, случайно? Но есть разныя степени и разные виды сознанія. И ощущеніе есть сознаніе, и понятіе есть сознаніе,—

но какая разница между этими двумя видами сознанія! Точно также есть разница между художественнымъ образомъ и сужденіемъ, которое его анализируетъ. Безъ всякаго сомнѣнія, въ работѣ художника непременно участвуетъ, съ большею или меньшею силою, этотъ элементъ сужденія; безъ него не можетъ обойтись никакое человеческое дѣло, но въ работѣ художника оно играетъ второстепенную роль. Еслибы оно возобладало и стало управлять всѣмъ ходомъ дѣла, еслибы художникъ началъ поступать по указанію анализа, то мы получили бы аллегорію или иллюстрированный трактатъ, а не образъ, не созерцаніе; мы вовсе не имѣли бы той полноты живаго впечатлѣнія, того многосложнаго содержанія, которое требуетъ анализа; не могла бы и возникнуть потребность новаго труда мысли, желающей отдать себѣ отчетъ въ своемъ содержаніи.

Сила, которая творитъ чудеса въ гениальномъ художникѣ, вовсе не есть чей-нибудь исключительный удѣлъ. Это свойство общечеловѣческое; оно принадлежитъ всѣмъ въ большей или меньшей степени, и всякій можетъ испытать въ самомъ себѣ свойство и дѣйствіе этой силы. Когда намъ случится уловить въ жизни какую-нибудь существенную черту и воспроизвести ее въ воображеніи, то она сама, по мѣрѣ своей силы и значенія, начнетъ привлекать всѣ элементы, сродные ей существенно или съ которыми связала ее жизнь. Одно дополняется другимъ само собою, и чѣмъ менѣе будемъ мы вмѣшиваться въ дѣло, тѣмъ вѣрнѣе и полнѣе будетъ происходить сближеніе ищущихъ другъ друга элементовъ. Постороннія вмѣшательства будутъ только ослаблять ходъ этого дѣла, уменьшать эту силу взаимнаго притяженія, разстраивать работу и вредить ея успѣху. Намъ остается только помогать этому процессу всѣми зависящими отъ насъ способами, — припоминать, соображать, повторять наблюденія, расширять кругъ данныхъ, питать и усиливать тѣ элементы, которые уже найдены нами, чтобъ они съ большею энергіей обнаруживали свое дѣйствіе, полнѣе и обширнѣе привлекали къ себѣ все имъ сродное. Въ этомъ-то и состоитъ вся тайна художественныхъ типовъ, — и художникъ только въ особенной степени обладаетъ условіями благоприятствующими этому процессу, и сила этихъ условій растетъ и развивается отъ упражненія, какъ и при всякой другой дѣятельности. Вѣрность, глубина и выразительность

типовъ зависятъ отъ этой силы и ея развитія. Истинные художники, при этомъ, обладаютъ даромъ фантазіи, даромъ индивидуальнаго созерцанія, такъ что типъ является у нихъ не просто общею схемою, но живымъ лицомъ, которое само отъ себя дѣйствуетъ и само за себя отвѣчаетъ, и въ которомъ не все только типъ, но есть и нѣчто совершенно индивидуальное.

Нельзя однако представлять себѣ это дѣло такимъ образомъ, чтобъ оно могло быть изолировано отъ вслкихъ болѣе или менѣе случайныхъ вліяній или постороннихъ соображеній. Истина созерцанія нисколько не пострадаетъ отъ той свободы, съ которою художникъ выбираетъ свои точки зрѣнія, руководствуясь общими соображеніями, отъ того тона, который онъ рѣшается дать своему произведенію, и наконецъ отъ того мотива, который побуждаетъ его соединить типъ съ такимъ или другимъ индивидуальнымъ характеромъ, поставить его въ такія или другія обстоятельства.

Въ *Отцахъ и Дѣтахъ* замѣтно желаніе автора дать главному типу возможно-благопріятнѣйшія условія. Авторъ, видимо, какъ будто опасался показаться лицепріятнымъ. Онъ какъ будто слишкомъ усиливался быть безпристрастнымъ, и эти усилія не остались безъ нѣкоторыхъ послѣдствій. Намъ кажется, что еслибъ этихъ усилій не было, то его произведеніе еще болѣе выиграло бы въ своей объективности, между тѣмъ какъ принципъ невмѣшательства былъ бы соблюденъ еще полнѣе. Впрочемъ слѣды этихъ усилій незначительны; они только показываютъ направленіе мысли автора, который не только не заслуживаетъ упрека въ несправедливости къ герою, но, напротивъ, скорѣе можетъ подвергнуться легкому упреку за излишнюю мнительность, за излишнія усилія быть безпристрастнымъ, потому что излишество во всемъ, даже въ хорошемъ, бываетъ болѣе вредно чѣмъ полезно. Но эта излишняя мнительность лишь кое-гдѣ проглядываетъ, и тотчасъ же исчезаетъ, не производя большого вреда. Авторъ руководствовался другимъ, болѣе существеннымъ соображеніемъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ избранный имъ типъ явился на свѣтъ въ своихъ лучшихъ одеждахъ, чтобы къ производимому имъ впечатлѣнію не примѣшивалось ничего невыгоднаго отъ какихъ-нибудь постороннихъ случайностей. Онъ хотѣлъ создать своего

героя изъ самыхъ лучшихъ матеріаловъ, какіе только могли подойти къ этому типу. Герой этотъ поставленъ такъ, что личность его производить самое выгодное для него впечатлѣніе. Эта личность не бросается прямо въ глаза какою-нибудь слабою стороною; на видъ обращено только все выгодно-дѣйствующее. Мы видимъ передъ собою человѣка способнаго и крѣпкаго, котораго нельзя упрекнуть ни въ какой пошлости. Даже то, что могло бы быть вѣрено ему въ недостатокъ или въ вину, внушаетъ нѣкоторый респектъ. Ни въ какомъ положеніи не кажется онъ смѣшнымъ или жалкимъ; изъ всего выходитъ онъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ. Его мужество—à toute épreuve, мужество не поддѣльное, но совершенно естественное. Онъ сохраняетъ полнѣйшее спокойствіе подъ пулею, и авторъ, не довольствуясь впечатлѣніемъ наружнаго вида, заставляетъ насъ заглянуть въ его душу, и мы видимъ дѣйствительно, что смерть, пронесшаяся надъ его головою, произвела на него не большее впечатлѣніе чѣмъ прожужжавшая муха. Онъ постоянно удерживаетъ власть надъ собою; его душевныя настроенія, настрѣенія и мысли не запутываются въ рефлексіяхъ, не задерживаются, не расплываются, а переходятъ кратчайшимъ путемъ къ дѣлу. Слово его всегда толково и сжато; онъ высказываетъ только то что хочетъ сказать, и хочетъ сказать только то что ему пригодно. Короче сказать, нравится ли онъ кому или не нравится, хорошъ или дуренъ тотъ духъ который въ немъ выражается, онъ поставленъ авторомъ такъ, что производитъ впечатлѣніе сильной натуры. Авторъ вездѣ даетъ ему центральное мѣсто; вездѣ является онъ главнымъ пунктомъ, а все прочее только группируется около него и выдаетъ только рѣзче и явственнѣе его фигуру. Все располагается такъ, чтобъ онъ производилъ впечатлѣніе силы. Изъ лицъ, близко подходящихъ къ нему, только одно какъ-будто стираетъ его, одно, передъ которымъ онъ пасуетъ: это — Одицова. Другая женская фигура, также самостоятельная, которая могла бы умѣрять производимое имъ впечатлѣніе, молодая дѣвушка, племянница Одицовой, поставлена вдалекѣ, и ни разу не приходитъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Мы уже говорили о его молодомъ спутникѣ и поклонникѣ, — натурѣ доброй и мягкой, какъ и его отецъ. А отецъ его— существо не дозрѣвшее, не испытанное жизнью, безхарак-

терное, неспособное къ опредѣленной дѣятельности, конфузливое, хотя доброе, кроткое, съ неувядашею поэзіей въ душѣ. Оба они съ братомъ люди умные и хорошіе, и были бы людьми дѣловыми, еслибы жили въ другой средѣ, при условіяхъ болѣе благоприятныхъ для образованія характера. Родись Павелъ Петровичъ англійскимъ сквайромъ, онъ былъ бы можетъ-быть славнымъ мировымъ судьей и надежнымъ органомъ политической партіи; точно такъ же какъ при другомъ, болѣе серіозномъ образованіи, чуткая и податливая природа Николая Петровича не осталась бы при однихъ неопредѣленныхъ мечтаніяхъ и настроеніяхъ, и тихая поэзія его души питалась бы болѣе жизненными соками и находила бы пути выразиться какъ-нибудь плодотвораѣ въ жизни. Бѣдный, добрый Николай Петровичъ совсѣмъ уничтожится не только передъ Базаровымъ, но даже передъ своимъ молодецкимъ сыномъ. Братъ его—человѣкъ съ характеромъ; этотъ не насуетъ, въ немъ чувствуются силы, — но силы погибшія, которыя завали отъ бездѣйствія, отъ мелочнаго употребленія въ бесплодно прожитой жизни. Онъ раздражителенъ и нервенъ; но настоящей силы въ немъ мало. Вы отдаете ему справедливость, вы признаете его настоящимъ джентльменомъ, вы уважаете его благородство; но вы чувствуете, что онъ герой въ Мамбриновомъ шлемѣ, и авторъ безъ пощады выставляетъ на видъ его смѣшныя стороны. Это человѣкъ проигравшій свое прошедшее, безъ настоящаго, безъ будущаго, призракъ между живыми, бесплодно гальванизируемый впечатлѣніями, которыя раздражаютъ, купятягъ его, но не могутъ воскресить погибшей жизни. Въ столкновеніяхъ съ нимъ фигура Базарова еще рѣзче отбѣивается; въ сравненіи съ нимъ только болѣе чувствуется впечатлѣніе силы производимой этою фигурой. О прочихъ лицахъ говорить нечего. Любовь къ Базарову старика отца его, особенно матери, доходящая до благоговѣнія, до самозабвенія, довершаетъ это впечатлѣніе силы, которое сопутствуетъ Базарову. Итакъ онъ рѣшительно господствуетъ надъ всею сценой. Ему данъ полный просторъ, и все служить ему мягкимъ матеріаломъ, чтобы выразиться и заявить свою силу.

А въ чемъ же состоитъ его сила? Есть ли это дѣйствительная сила, или только оптической обманъ, результатъ

сравненія съ окружающею мягкостію и безсиліемъ? Этотъ вопросъ идетъ довольно глубоко; онъ касается тѣхъ замечательныхъ, которые всѣми безотчетливо и невольно чувствуются въ общемъ впечатлѣніи. Этотъ вопросъ идетъ какъ бы къ той тайной антипатіи, которую возбуждаетъ Базаровъ, къ тому горькому и язвительному чувству, которое поневоля должны испытывать люди носящіе его духъ въ своемъ сердцѣ.

Характеръ Базарова заслуживаетъ подробнаго анализа, и мы возвратимся къ нему.

(До слѣд. №.)

ПОПРАВКА.

Въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, въ поэмѣ гр. А. К. Толстаго, *Донъ Жуанъ*, на 691 стр., въ первомъ хорѣ братій замѣченъ опечатка, искажающія смыслъ, а потому вся строфа перепечатывается здѣсь вновь:

Съ вашей жизнью вѣчно смежная,
 Вѣчно ищущая насъ,
 Смерть приходитъ, неизбежная,
 Въ каждый день и въ каждый часъ.
 Благо, благо не дремавшему,
 Мирно гостью ожидавшему,
 Неусыпно посылавшему
 Къ небесамъ молящій гласъ!

Книжки **РУССКАГО ВѢСТНИКА** выходятъ ежемѣсячно; **СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ** женедељно, по четвергамъ.

Цѣна за **РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ** и **СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ** въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **семнадцать рублей**;

за **РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ** отдѣльно — въ Москвѣ и Петербургѣ **десять рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **дѣвѣнадцать рублей**;

за **СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ** отдѣльно въ Москвѣ и Петербургѣ **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **восемь рублей**.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается:

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ берлинскій почтамтъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

1862

ІЮНЬ.

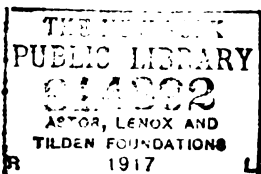
СОДЕРЖАЩЕ:

- I. ЕВРОПА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА. Статья третья. **С. М. Соловьѣва.**
- II. РИЛЬ О НАРОДНОМЪ ТРУДѢ. **М. М. Вольскаго.**
- III. ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ. XI—XV. **С. Безыменнаго.**
- IV. ВЪ ТРИБУНѢ. Стихотвореніе. **Н. О. Щербинны.**
- V. ВСЯКОМУ СВОЕ. Романъ. (Окончаніе.) **Р. А. Гарднеръ.**
- VI. ВРЕМЯ НЕ ТЕРПИТЬ. Голосъ съ Юга. **О. А. Рабѣновича.**
- VII. КАКЪ ИЗДАЮТСЯ У НАСЪ КНИЖКИ О РАСКОЛѢ. II. **Н. С—на.**
- VIII. ОДИССЕЙ. Стихотвореніе. **Б. Н. Алмазова.**
- IX. ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ И СЛУЖЕБНЫХЪ ПРАВАХЪ НАШЕЙ УЧЕБНОЙ СИСТЕМЫ. **Д. П. Скуратова.**
- X. СТИХОТВОРЕНІЯ: I. Изъ древнихъ. II. Комузѣ. **Б. Н. Алмазова.**
- XI. ПОѢЗДКА ВЪ ГОРНУЮ ШОТЛАНДІЮ. Путевыя замѣтки. **Кн. Д. Д—наго.**
- XII. ЯЗЫКЪ ФИЗИОЛОГОВЪ И ПСИХОЛОГОВЪ. **Н. Д. Юрковича.**
- XIII. РУЧКА ЛЕДИ ЛЕТНИЦЫ. (Изъ *Temple Bar's*.)
- XIV. НОВЫЙ РУССКІЙ СЛОВАРЬ. **Н. И.**
- XV. СОНЪ ЕВГЕНІЯ АРАМА. Изъ (Томаса Гудъ.) **В. Д. Костомарова.**
- XVI. ЗАМѢТКА ДЛЯ ИЗДАТЕЛЯ КОЛОКОЛА.

МОСКВА

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К.

ЕВРОПА ВЪ КОНЦЪ XVIII ВѢКА.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Несмотря на сильное волненіе произведенное въ Турціи вѣстію о присоединеніи Крыма къ Россіи, Порты на первыхъ порахъ наша необходимыми признавъ это присоединеніе, что и было сдѣлано конвенціею 28 декабря 1783 года. Но это было только на первыхъ порахъ. Чѣмъ болѣе приходила Турція сама въ себя послѣ громоваго удара, тѣмъ яснѣе сознавала всю важность потери: послѣднее татарское царство подпало власти русской, подпалъ этой власти весь сѣверный берегъ Чернаго моря, откуда враждебныя корабли не преминутъ при первомъ случаѣ явиться предъ Константинополемъ, и флотъ дѣйствительно заводился. Предупредить страшную опасность, кинуться на врага, когда онъ не ожидаетъ нападенія, не приготовился къ нему, вотъ поступокъ, который могъ быть внушенъ Портѣ отчаяніемъ и вмѣстѣ благоразуміемъ. Лѣтомъ 1787 года рейсъ-ефенди представилъ русскому послу въ Константинополь, Буагакову, ультиматумъ, которымъ требовалось: выдача молдавскаго господаря Маврокордата, удалившагося въ Россію; отозваніе русскихъ консуловъ изъ Яссы, Букареста и Александріи; допущеніе турецкихъ консуловъ во всѣ русскія гавани и торговые города; признаніе гру-

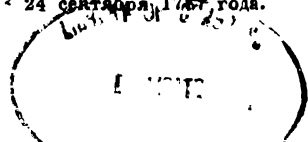
¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 5.

завскаго царя Иракліа, поддавшагося Россіи, турецкимъ подданнымъ; осмотръ всѣхъ русскихъ кораблей выходящихъ изъ Чернаго моря. Булгаковъ отвергъ требованія, и Порта объявила войну Россіи. Посолю, вопреки условію Каинарджійскаго мира, былъ заключенъ въ Семибашенный замокъ. „Послали меня въ домъ коммеданта, допросилъ Булгаковъ о своемъ заключеніи. ¹ Поступаютъ со мною учтиво, но не допускаютъ никого не только ко мнѣ, но даже и въ крѣпость. Интернунцій, сколь ни старался обо мнѣ, всегда съ презрѣніемъ и даже съ ругательствомъ былъ отвергаемъ. Въ несчастіи моемъ нашелся однако человекъ, который оправдалъ совершенно и мою довѣренность, и свою преданность къ высочайшему двору, а именно г. Гоффрисъ, датскій агентъ. Онъ въ самый день моего заключенія изыскалъ средства прислать ко мнѣ все нужное, и находить оныя понынѣ меня кормить, содержать, утѣшать и доставлять извѣстіе о происходящемъ. Сколь ни скоропостижно меня схватили, успѣлъ я скрыть наиважнѣйшія бумаги, цифры, архиву моего времени, дорогія вещи и проч. Казна также въ цѣлости, хотя и не велика.“

Россія была загнута въ расплохъ; положеніе Потемкина, обязаннаго защищать Новую Россію, было крайне затруднительно; онъ не зналъ куда обратиться, съ чего начать; предвидѣлъ еще большія затрудненія, если Пруссія и Англія стануть дѣйствовать непріязненно; писалъ въ Петербургъ, что надобно ласкать эти двѣ державы. Екатерина старалась поддержать его духъ: узнавши изъ его донесенія объ осадѣ Кинбурна Турками, она писала: ² „Что Кинбурнъ осажденъ непріателемъ и уже тогда четыре сутки выдержалъ канонаду и бомбардираду, я усмотрѣла изъ твоего собственноручнаго письма; дай Боже его не потерять, ибо всякая потеря непріятна; но положимъ такъ, то для того не увывать, а стараться какъ ни на есть отмстить и брать реванжъ; имперія останется имперія и безъ Кинбурна; того ли мы брали и потеряли? Всего лучше, что Богъ вливаетъ бодрость въ нашихъ солдатъ тамъ, да и здѣсь не уныли, а публика жжетъ въ свою пользу, и города беретъ, и морскіе бои и баталіи складывается, и Царьградъ бом-

¹ 25 августа 1787 года.

² 24 сентября, 1787 года.

бардируетъ. Я слышу все сіе съ молчаніемъ и у себя на умѣ думаю: былъ бы мой князь здоровъ, то все будетъ благополучно и поправлено, еслибы гдѣ и вырвалось чего неприятное. Усердіе Александра Васильевича Суворова, которое ты такъ живо описываешь мнѣ, весьма обрадовало; ты знаешь, что ничѣмъ такъ на меня не можно угодить какъ отдавая справедливость трудамъ, рвенію и способности. Ласкать Авгачанъ и Прусаковъ ты пишешь: кой часъ Питтъ узналъ о объявленіи войны, онъ писалъ къ Воронцову, чтобъ онъ пріѣхалъ къ нему, и по пріѣздѣ ему сказалъ, что война объявлена, и что говорятъ въ Царѣградѣ что на то подущалъ Турокъ ихъ посолъ, и каяся что посолъ ихъ не имѣетъ на то приказанія отъ великобританскаго министерства. Сіе я вѣрю, но иностранная дѣла Великобританіи не управляемы вымъ аглинскимъ министерствомъ, но самымъ ехиднымъ королемъ по правиламъ гаюверскихъ министровъ; его величество уже добрымъ своимъ правленіемъ потерялъ 15 провинцій, такъ мудро ли ему дать послу своему въ Царѣградѣ приказаніе въ противности интересовъ Англии? Онъ управляется мелкими личными страстями, а не государственнымъ и національнымъ интересомъ. Касательно Прусаковъ, то имъ и по вымъ кромѣ ласки не оказано, но они хотятъ не ласки, и то можетъ-быть не король, а Герцбергъ. Молю Бога, чтобъ тебѣ далъ силы и здоровья, и унялъ упохондрію. Какъ ты все самъ дѣлаешь, то и тебѣ покоя нѣтъ; для чего не берешь къ себѣ генерала, который бы имѣлъ мелкой деталь? Скажи кто тебѣ надобенъ, я пришлю; на то даются фельд-маршалу генералы полные, чтобъ одинъ изъ нихъ занялся мелочію, а главнокомандующій тѣмъ не замученъ былъ. Что не проронишь, того я увѣрена; но во всякомъ случаѣ не унывай и береги свои силы; Богъ тебѣ поможетъ и не оставитъ, и царь тебѣ другъ и подкрѣпитель. Проклятое оборонительное состояніе! И я его не люблю. Старайся его скорѣе оборотить въ наступательное: тогда тебѣ да и вѣсьмъ легче будетъ, и больныхъ тогда будетъ менше; не все на одномъ мѣстѣ будутъ.“

Ипохондрія Потемкина не проходила: онъ прислалъ просьбу о позволеніи сдать начальство надъ войскомъ Руманцеву, а самому пріѣхать въ Петербургъ. Просьба сильно

не повинуясь императрицѣ; она отвѣчала: ¹ „Не запрещаю тебѣ прѣхать сюда, если ты увидишь, что твой прѣздъ не разстроитъ тобою начатое либо производимое. Приказаніе къ фельдмаршалу Румянцеву для принатія команды, когда ты ему знашь, посылаю къ тебѣ; вручишь ему оное какъ возможно позже, если послѣдуешь моему мнѣнію и совѣту; съ моей же стороны пребываю хотя съ печальнымъ духомъ, но со всегдашнимъ моимъ дружескимъ доброжелательствомъ.“

Новое несчастіе окончательно отягло духъ у Потемкина. Любимое его созданіе, севастопольскій флотъ, былъ разбитъ бурей; сынъ счастья пришелъ въ совершенное отчаяніе, когда увидѣлъ, что начинаетъ быть несчастливымъ: „Матушка государыня, я сталъ несчастливъ; при всѣхъ мѣрахъ возможныхъ, мною предпринимаемыхъ, все идетъ на выворотъ. Флотъ севастопольскій разбитъ бурей; остатокъ его въ Севастополѣ, все малыя и ненадежныя суда, и лучше сказать не употребительныя; корабли и большіе фрегаты пропали. Богъ бьетъ, а не Турки. Я при моей болѣзни пораженъ до крайности; нѣтъ ни ума, ни духу. Я просилъ о порученіи начальства другому. Вѣрьте, что я себя чувствую; не дайте чрезъ сіе терпѣть дѣламъ. Ей, я почти мертвъ; я всѣ милости и имѣніе, которое получилъ отъ щедротъ вашихъ, повергаю стопамъ вашимъ и хочу въ уединеніи и неизвѣстности кончить жизнь, которая, думаю, и не продлится. Теперь пишу къ графу Петру Александровичу (Румянцеву), чтобъ онъ вступилъ въ начальство, но не имѣя отъ васъ повелѣнія, не чаю чтобъ онъ принялъ, и такъ Богъ вѣсть что будетъ. Я все съ себя слагаю и остаюсь простымъ человекомъ; но что я былъ вамъ преданъ, тому свидѣтель Богъ.“ ² Въ отчаяніи Потемкинъ писалъ, что надобно вывести войска изъ Крыма.

„Конечно все это не радость, однако ничто не пропало,“ отвѣчала ему Екатерина. ³ „Крайне сожалѣю, что ты въ такомъ крайнемъ состояніи, что хочешь сдать команду; сіе мнѣ болѣе всего печально. Ты упоминаешь о томъ, чтобы вывести войска изъ полуострова; если сіе испол-

¹ 25 сентября 1787 года.

² 24 сентября.

³ 2 октября,

вашь, то родится вопросъ: что же будетъ и куда дѣвать флотъ севастопольскій? Я думаю, что всего бы лучше было, еслибы можно было сдѣлать предпріятіе на Очаковъ либо на Бендеры, чтобы оборону оборотить въ наступленіе. Прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу поправить можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который всегда и болѣе еще имѣетъ расположенія нежели я сама; но на сей случай я бодрѣе тебя, повеже ты боленъ, а я здорова. Ты нетерпѣливъ какъ пятилѣтнее дитя, тогда какъ дѣла, на тебя возложенныя теперь, требуютъ терпѣнія невозмутимаго.“

Побѣда Суворова надъ Турками у Кинбурна нѣсколько ободрила Потемкина. Съ грустью, но уже спокойно, сталъ говорить онъ о потерѣ флота, о своемъ отчаяніи при этомъ: „Правда, матушка, что рана сія глубоко вошла въ мое сердце. Сколько я преодолевалъ препятствій, и труда понесъ въ построеніи флота, который бы черезъ годъ предписывалъ законы Царюгороду! Преждевременное открытіе войны принудило меня предпріять атаковать раздѣленный флотъ турецкій съ чѣмъ можно было; но Богъ не благословилъ. Вы не можете представить, сколь сей печальный случай меня почти поразилъ до отчаянія.“

Мы видѣли, что Екатерина указывала на Очаковъ, взятіемъ котораго надобно было оборонительную войну перевести на наступательную. Въ другой разъ, послѣ Кинбурскаго дѣла, императрица писала Потемкину: ¹ „Повеже Кинбурская сторона важна, и въ оной покою быть не можетъ, дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятельскихъ, то за nevoieю подумать нужно о осадѣ сей, буде инако захватить не можно по вашему сужденію.“ — „Кому больше на сердцѣ Очаковъ какъ мнѣ?“ писалъ Потемкинъ ². „Несказанныя заботы отъ сей стороны на меня всѣ обращаются. Не стало бы за доброй волей моею, еслибъ я видѣлъ возможность. Схватить его никакъ нельзя, а формальная осада по позднему времени быть не можетъ,—и къ ней столь много приготовленій! Теперь еще въ Херсонѣ учатъ минеровъ какъ дѣлать мины, также и прочему. До 100.000

¹ 2 ноября 1787 года.

² 1 ноября 1787 года.

потребно фашины, и много надобно габионовъ. Вамъ извѣстно, что лѣсу нѣтъ по близости. И уже надѣялся въ лѣсахъ моихъ польскихъ, откуда повезуть къ мѣсту. Очаковъ намъ нужно конечно взять, и для того должны мы употребить всѣ способы вѣрныя для достиженія сего предмета. Сей городъ не былъ разоренъ въ прошлую войну; въ мирное время Турки укрѣпляли его непрерывно. Вы изволите помнить, что я въ планѣ моемъ наступательномъ, по такой ихъ тутъ готовности, не полагалъ его брать прежде другихъ мѣстъ, гдѣ они слабѣе. Еслибы слѣдовало мнѣ только жертвовать собою, то будьте увѣрены, что я не замѣшкаюсь минуты; но сохраненіе людей столь драгоценныхъ обязываетъ идти вѣрными шагами и не дѣлать сумнительной попытки, гдѣ можетъ случиться, что потеря въ нѣсколько тысячъ пойдетъ не взявши, и разстроимся такъ, что уменьша старыхъ солдатъ, будемъ слабѣе на будущую кампанію. Притомъ, не разбивъ непріятеля въ полѣ, какъ приступить къ городамъ? Полевое дѣло съ Турками можно назвать игрушкой; но въ городахъ и мѣстахъ таковыхъ дѣла съ ними кровопролитны.⁴

Преждевременное начатіе войны и соединенныя съ нимъ невыгоды положенія естественно внушали желаніе какъ бы поскорѣе освободиться отъ войны. Но здѣсь важный вопросъ: какъ другія державы будутъ смотрѣть на дѣло? Мы видимъ, что Потемкинъ сильно беспокоился на счетъ Пруссіи и Англіи. Легко было придти къ мысли повторить средство уже испытанное въ первую турецкую войну,—отправить флотъ въ Средиземное море; но какъ на это посмотрятъ морскія державы, Англія и Франція? „Французскія каверзы, писала Екатерина Потемкину, ¹ по двадцати-пяти-лѣтнимъ опытамъ мнѣ довольно извѣстны; но нынѣ спознали мы и англійскія, ибо не мы одни, но вся Европа увѣрена, что посолъ англійскій и посланникъ прусскій Порту склонили на объявленіе войны. Теперь оба сіи двора отъ сего поступка отступаются. Они же (Англичане) никогда и ни въ какое время ни на какой союзъ съ нами согласиться не хотѣли въ теченіи двадцати пяти лѣтъ. Франція, конечно и безспорно, находится въ слабомъ состояніи и ищетъ нашего союза; но koliko можно долѣе, себя менажировать (должно) съ Франці-

¹ 4 ноября 1787 года.

ю и съ Англією; безъ союза вамъ будетъ полезнѣе иногда нежели самый союзъ тотъ или другой, понеже союзъ намечетъ единого злодѣя болѣе. Но въ случаѣ еслибы пришло рѣшиться на союзъ съ тою или другою державою, то таковой союзъ долженъ быть распоряденъ съ постановленіями сходными съ нашими интересами, а не по дудѣ и прихотямъ той или иной націи, еще менѣе по ихъ предписаніямъ. Я сама того мнѣнія, что войну сію укоротить должно колико возможно. Совѣтую вамъ на мой собственный счетъ закупить въ Украинѣ, или гдѣ удобнѣе найдете, тысячь на сто рублей или болѣе, барановъ и быковъ, и оными производить порціи солдатамъ, по столько разъ въ недѣлю какъ заблагоразсудите. Бude никакой надежды къ миру чрезъ зиму не будетъ, то какъ ранѣе возможно весной отправить отселѣ флотъ; нужно чтобъ оному отъ Англіи не было препятствія. Конечно, когда мои двадцать кораблей пройдутъ Гибралтарскій заливъ, тогда признаюсь, чтобъ полезно быть могло, чтобъ авангардъ его была эскадра французская, и арьергардъ той же націи, а наши бы корабли составляли *корнь-дарме*, и такъ бы дѣйствовали и шли кончить войну проходя проливы. За сію услугу Французамъ бы дать можно участіе въ Египтѣ, а Англичане вамъ въ семъ не подмогутъ, а захотятъ насъ вмѣшать въ свои гаупы и безтолковыя германскія дѣла, гдѣ не вижу ни чести, ни барыша, а пришло бы бороться за чужіе интересы; нынѣ же боремся по крайней мѣрѣ за свои собственные; и тутъ кто мнѣ поможетъ, тотъ и товарищъ.“

Но помощниковъ и товарищей не являлось, а затрудненія увеличивались безпрестанно. 1788 годъ начался очень печально: къ страшной дороговизнѣ присоединились болѣзни. „Дай Боже, чтобъ болѣзни скорѣе престѣклись, писала императрица Потемкину. Дороговизна во всемъ ужасная; дай Боже силу снести всѣ видимыя и невидимыя хлопоты.“¹ Теперь Потемкинъ, въ свою очередь, написалъ ободрительное письмо: „Болѣзни, дороговизны и множество препятствій заботятъ меня, и къ тому совершенное оскудѣніе въ хлѣбѣ. Но и въ Петербургѣ, какъ изволите писать, недужныхъ много. Въ семъ случаѣ, чтѣ вамъ дѣлать? Терпѣть и надѣяться неизмѣнно на Бога. Христоосъ вамъ поможетъ, Онъ пошлетъ конецъ напастямъ. Пройдите

¹ 26 января 1787.

вашу жизнь, увидите, сколько неожиданныхъ отъ Него благъ по несчастію вамъ приходило. Были обстоятельства, гдѣ способы казались пресѣчены пути (sic),—вдругъ выходила удача. Положите на Него всю надежду и вѣрьте, что Онъ непреложенъ. Пусть кто какъ хочетъ думаетъ, а я считаю, что Апостолъ въ ваше востшествіе (на престолъ) припалъ не на удачу: „вручаю вамъ Фаву, сестру вашу суццу, служительницу церкви, да приимете ю о Господѣ достойнѣ святыми.“ Людямъ нельзя испытывать, для чего попускаетъ Богъ скорби; но знать надобно то, что въ такихъ случаяхъ къ Нему должно обращаться. Вы знаете меня, что во мнѣ сіе не суевѣріе производить.“

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась тогда Россія, самымъ выгоднымъ представлялся Потемкину союзъ съ ближайшимъ государствомъ, съ Польшею. Еще въ то время, когда разсуждалось о пользѣ австрійскаго союза для войны турецкой, и Безбородко указывалъ что со стороны Польши нечего бояться препятствій, Потемкинъ замѣтилъ: „Справедливость требуетъ, по увѣчанію успѣхами предпріятій вашихъ, удѣлить и Польшѣ, а именно: землю лежащую между рѣкъ Днѣпра и Буга.“ Теперь, 15 февраля 1788 года, Потемкинъ писалъ императрицѣ: „Примите мое усердѣйшее предложеніе, рѣшите съ Польшею, обѣщайте имъ приобрѣтеніе; неслезанная польза, чтобъ они были наши; ей-ей, они тверже будутъ всѣхъ другихъ; привяжите богатыхъ и знатныхъ, почтивъ ихъ быть шефами нашихъ полковъ или корпусовъ; они сами къ Россіи прилѣпятся, и большія деньги отъ себя въ пользу полковъ нашихъ употребятъ.“ Екатерина не раздѣляла надеждъ Потемкина, слишкомъ во всемъ дававшего волю своему пламенному воображенію; однако употребила всѣ средства для склоненія Польши къ союзу. Она отвѣчала Потемкину: ¹ „Касательно польскихъ дѣлъ, въ скоромъ времени пошлются приказанія, кои изготавляются, для начатія соглашенія; выгоды имъ обѣщаны будутъ; если симъ привяжемъ Поляковъ и они намъ будутъ вѣрными, то сіе будетъ первый примѣръ въ исторіи постоянства ихъ. Если кто изъ нихъ (исключительно пьянаго Радзивила и гетмана Огинскаго, котораго неблагодарность я уже испытал)

¹ 26 февраля 1788.

войдти хочеть въ мою службу, то не отрекусь его принять, наипаче же гетмана графа Брауницкаго, жену котораго я отъ сердца люблю и знаю, что она меня любитъ и помнитъ, что она Русская; храбрость же его извѣстна; также воеводу русскаго Потоцкаго охотно прииму, потому что онъ честный человекъ, и въ нынѣшнее время поступаетъ сходственно совершенно съ нашимъ желаніемъ. Впрочемъ, Поляковъ принять въ армию и сдѣлать ихъ шефами подлежатъ разсмотрѣнію личному, ибо вѣтреность, индисциплина или разстройство и духъ мятежа у нихъ царствуетъ. Впрочемъ, стараться буду, чтобы соглашеніе о союзѣ не замедлилось, дабы нація занята была. Дай Боже, чтобы болѣзни прекратились; если роты сдѣлать сильнѣе, то и денегъ и людей болѣе надобно; вы знаете, что послѣдній наборъ былъ со ста душъ; деньгами же стараемся быть исправны, налоговъ же наложить теперь не время, ибо хлѣбу недорода; и такъ недоимокъ не малое число. Признаться должно, что мореходство наше еще слабо и люди непривычны и къ оному мало склонны; авось-либо въ нынѣшнюю войну лучше притравлены будутъ. Морскіе командиры нужны паче иныхъ.“

Проектъ союза между Россіей и Польшею заключалъ въ себѣ гарантію владѣній; кромѣ того, въ случаѣ военныхъ успѣховъ, Польша получала часть Бессарабіи и Молдавіи между Чернымъ моремъ и Серетомъ, со включеніемъ города и порта аккерманскаго, съ востока на западъ; и между Днѣстромъ и Дунаемъ съ сѣвера на югъ. Дабы облегчить республику въ снаряженіи вспомогательнаго корпуса, императрица обязывалась выдать 300.000 червонныхъ. Пруссія начала открыто дѣйствовать противъ этого союза, и партія, хотѣвшая воспользоваться благоприятнымъ временемъ для проведенія реформъ въ государственномъ устройствѣ, предпочла прусскій союзъ русскому¹. Чего же хотѣла Пруссія? Освободить Польшу отъ русскаго вліянія, подкрѣпить реформаціонную партію въ ея дѣлѣ, поддержать Турцію противъ Россіи и Австріи? Нѣтъ, не таковы были дѣла наслѣдника Фридриха II, Фридриха-Вильгельма, или лучше, министра его Герцберга. Россія и Австрія вступили въ войну съ Турціей, и, разумѣется, увеличатъ свои

¹ Подробности будутъ изложены въ особой статьѣ.

владѣнія на ея счетъ, а Пруссія ничего не получить! Фридрихъ II воспользовався турецкою войною и получилъ часть Польши; но какъ же теперь это сдѣлать? Россія и Австрія не хотятъ ничего отъ Польши, ихъ цѣли совсѣмъ другія; но Пруссіи необходимо увеличить свои владѣнія на счетъ Польши, присоединить по крайней мѣрѣ Давцигъ и Торяъ, и все это желательнo сдѣлать безъ войны, дипломатическимъ путемъ, какъ произведенъ былъ раздѣлъ Польши при Фридрихѣ II. И вотъ Герцбергъ хлопочетъ въ Константинополь, хочетъ заключить союзъ съ Портою: какую же выгоду доставитъ Портѣ этотъ союзъ? Порта, какъ добрая союзница, должна взять на себя издержки увеличенія прусскихъ владѣній на счетъ Польши, а именно: Польша уступаетъ Пруссіи Давцигъ и Торяъ, Познань и Калышъ; за это Австрія возвращаетъ Польшѣ Галицію и Лодомерию, и беретъ въ вознагражденіе отъ Турціи Сербію, Боснію, турецкую Кроацію и Далмацію, Молдавію, Валахію и Бессарабію; Россія закрѣпитъ за собою Крымъ, возьметъ Очаковъ и степь до Днѣстра: вѣдь она же больше и ничего не хочетъ? Но, можетъ-быть, Турція не будетъ довольна? Турція останется довольна; за всѣ свои потери она получитъ громадное вознагражденіе: четыре державы, Россія, Пруссія, Австрія и Англія, гарантируютъ на будущее время цѣлость остальныхъ ея владѣній! А Польша? Польша также получитъ большую выгоду: она получитъ возможность произвести всѣ желаемыя реформы, не касаясь только основнаго принципа прусской политики относительно ея, то-есть чтобы въ Польшѣ никогда не было установлено наследственное правленіе.

Вѣнскій дворъ сообщилъ Петербургскому о безпокойствахъ своихъ относительно намѣреній Пруссіи приобрести земли отъ Польши. Кауницъ предлагалъ вооружить Поляковъ противъ Пруссіи обѣщаніемъ возврата уступленныхъ Пруссіи по раздѣлу земель. Но въ Петербургѣ наши, что неблагоразумно такимъ поступкомъ вооружать противъ себя прусскаго короля. Безбородко подавъ записку: „Въ условіяхъ съ Австріей было постановлено, что Россія подастъ помощь Австріи, если Пруссія или Франція нападутъ на нее. Но Вѣнскій дворъ сверхъ диверсіи отъ короля прусскаго предполагаетъ другой случай, тотъ, еслибы сей государь рѣшился, воспользуясь войною нашею съ

Портой, сдѣлать безъ обнаженія меча пріобрѣтеніе на счетъ Польши или гдѣ иждѣ. Цѣлость настоящихъ владѣній польскихъ предохранена ручательствомъ ея императорскаго величества. Отъ рѣшенія ея величества зависитъ, слѣдуетъ ли принять покушеніе короля прусскаго присвоить Данцигъ и какую-нибудь часть земли польской за нарушеніе мира и тому воспрепятствовать всѣми силами. Нельзя не признаться, что таковое безъ войны пріобрѣтеніе дало бы королю прусскому гораздо выгоды болѣе нежели намъ, кои долженствуемъ нести убытки въ людяхъ и деньгахъ. Можно будетъ Вѣнскому двору отвѣтствовать, что мы уже подали имъ достаточныя увѣренія въ исполненіи обязательствъ нашихъ на случай диверсіи короля прусскаго; что относительно подозрѣнія въ завладѣніи имъ частію изъ Польши, святость и сила разныхъ трактатовъ, ручательство наше сей республикѣ утвердившихъ, да и самыя интересы наши могутъ совершеннымъ образомъ Вѣнскій дворъ обнадежить, что мы признаемъ подобное покушеніе за противное миру и, поколику возможность дозволитъ, тому воспротивимся. Кауницъ, упоминая съ похвалою о намѣреніи нашемъ заключить союзный трактатъ съ Польшей, внушаетъ о представленіи Полакамъ перспективы на возвращеніе отъ короля прусскаго, въ случаѣ враждебныхъ его покушеній, той части, которая уступлена ему раздѣльнымъ трактатомъ. Извѣстно, что подобныя дѣла въ Польшѣ negoцируются съ цѣлымъ почти народомъ; какимъ же образомъ можно, прежде настоянія случая, дѣлать подобныя обнадеживанія? Сіе значило бы совершенно неприязненныя намѣренія наши и вызовъ короля прусскаго къ войнѣ, которую мы теперь отдавать должны.“

Жалоба объ отдаленіи войны прусской; изъ Пруссіи ждали самой большой опасности; но опасность пришла съ другой стороны, со стороны Швеціи. Здѣсь царствовалъ двоюродный братъ императрицы Екатерины по матери, Густавъ III, человѣкъ способный начинать важныя дѣла, но неспособный разчитывать средства къ ихъ успѣшному окончанію. Въ 1772 году ему удалось усилить королевскую власть на счетъ шляхетской демократіи, ослаблявшей Швецію съ 1720 года. Это не могло, разумѣется, нравиться въ Петербургѣ: по господствующему правилу тогдашней политики, каждая держава должна была стараться о томъ,

чтобы въ сосѣдней державѣ сохранялась такая форма правленія, которая бы давала какъ можно менѣе силы ея правительству и такимъ образомъ дѣлала ее безопасною для сосѣдей. Такъ сосѣди Польши давно уже вносили въ свои договоры статью—поддерживать господство шляхетской демократіи въ Польшѣ; такъ Россія, Данія и Пруссія обязаны были другъ передъ другомъ трактатами поддерживать и въ Швеціи форму правленія, уставованную тамъ съ 1720 года. Несмотря на то, родственники—императрица русская и король шведскій—продолжали находиться въ самыхъ пріятнѣйшихъ отношеніяхъ. Густавъ III посѣтилъ Екатерину въ Петербургѣ въ 1777 году; когда въ 1782 году у короля родился второй сынъ, онъ просилъ Екатерину быть восприемницей, причемъ напоминалъ о слышанной имъ отъ нея русской поговоркѣ, что только два сына—сынъ. Императрица отвѣчала, что онъ ошибается, поговорица говоритъ: одинъ сынъ не сынъ, два сына—полсына, три сына—сынъ. Въ слѣдующемъ 1783 году, у родственниковъ было условлено свиданіе въ Фридрихсгамѣ, въ Финляндіи; но Густавъ упалъ съ лошади и разбилъ себѣ руку, отчего свиданіе и не состоялось. Любезности продолжались: извѣстно, что Екатерина любила заниматься русскою исторіей, которая была въ связи съ шведскою; поэтому императрица просила короля прислать къ ней шведскихъ историческихъ книгъ. Густавъ успѣшилъ исполнить просьбу, и къ посылаемымъ книгамъ приложилъ реестръ съ краткимъ изложеніемъ содержанія каждой книги; онъ писалъ, что реестръ составленъ имъ самимъ. Екатерина отвѣчала: „Я сомнѣваюсь, чтобы ваши ученые знали лучше васъ шведскую исторію. Съ этихъ поръ я смотрю на ваше величество не какъ на короля,—короли, какъ всѣ знатные особы, знаютъ все, не учившись ничему,—но я смотрю на васъ, какъ на знатока исторіи, какъ на одного изъ самыхъ достойныхъ членовъ моей Академіи.“

Но отношенія перемѣнились при началѣ войны турецкой. Густавъ возбуждалъ въ Швеціи сильное и основательное подозрѣніе, что онъ намѣренъ предпринять еще новыя перемѣны въ формѣ правленія, еще болѣе усилить свою власть. Это повело къ тому, что на сеймѣ 1786 года онъ встрѣтилъ сильную оппозицію и не могъ провести своихъ предложеній. Королю хотѣлось поправить свои дѣла воин-

скими подвигами, приобрести силу и значеніе Густава Адольфа, опереться на побѣдосное войско и на всѣхъ тѣхъ, которымъ дорога слава отечества. Удобный случай къ тому представила война Россіи съ Турціей,—война, вслѣдствіе которой сѣверозападныя границы Россіи были обнажены отъ войскъ. Густавъ думалъ, что ему легко будетъ напасть съ суши и съ моря на беззащитный Петербургъ и вынудить у Екатерины уступку завоеваній Петра Великаго.

Когда русскій посолъ въ Стокгольмѣ, графъ Разумовскій, далъ знать своему двору о враждебныхъ движеніяхъ въ Швеціи, Екатерина написала: „Императрица Анна Іоанновна, имѣя въ 1738 или 39 году пребываніе свое дѣтнее въ Петергофѣ, получила извѣстіе, что Шведы намѣреваются сдѣлать высадку войскъ на здѣшнемъ берегу, приказавъ сдѣлать Шведамъ объявленіе въ такой силѣ, что буде осмѣлятся учинить подобное чего, то чтобы завѣрное полагаали, что ова въ самомъ Штокгольмѣ камень на камень не оставитъ. По твердости сего объявленія или по инымъ причинамъ, остановилась тогда назоливость шведская. Нѣ то неоспоримо, что доходы имперіи и ея силы морскія и сухопутныя, коммерція и многолюдство были противъ теперешаго едва ли не въ половинѣ, и считалось нѣсколько губерній менѣе теперешаго, чего сообщить графу Разумовскому, дабы ояъ легкомыслию, вѣтрености, назоливости и лживорасхвѣннымъ слухамъ зналъ чѣмъ преграду учинить.“

Въ то время, какъ съ сѣвера начали приходить зловѣщія слухи, на югѣ великолѣпный князь Тавриды опять запѣлъ печальную пѣсню о необходимости покинуть Тавриду. Екатерина отвѣчала ему: ¹ „На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу; объ немъ идетъ война, и если сіе глѣздо оставить, тогда и Севастополь, и всѣ труды, и заведеніе пропадутъ, и паки возстанутся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи, и кавказскій корпусъ отъ тебя отрѣзавъ будетъ, и мы въ завоеваніи Тавриды паки упражнены будемъ и не будемъ знать, куда дѣвать военныя суда, кои ни въ Днѣпръ, ни въ Азовское море не будутъ имѣть убѣжища; ради Бога, не пуцайся на сіи мысли, коихъ мнѣ понять трудно и мнѣ кажутся неудобны, понеже лишаютъ

¹ 27 мая 1788.

насъ многихъ приобретенныхъ миромъ и войною выгодъ; когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдеть ли съ оного, чтобы держаться за хвостъ? Въ Польшу давно курьеръ послалъ и съ проектомъ трактата, и думаю, что сіе дѣло уже въ полномъ дѣйствиіи. Великій князь (наслѣдникъ Павелъ Петровичъ) собирается къ намъ въ армію, на что я согласилась, и думаетъ отослать выѣхать 20 іюня, буде шведскія дѣла его не задержатъ; буде же полоумный король шведскій начнетъ войну съ нами, то великій князь останется здѣсь.“

Съ шведской стороны начались враждебныя демонстраціи съ цѣлію вынудить Русскихъ сдѣлать что-нибудь такое, на что можно было бы указать какъ на нарушение мира съ русской стороны. Но Густавъ ошибся въ расчетъ: съ русской стороны не было ни малѣйшаго враждебнаго движенія. Екатерина все еще надѣялась, что дѣло кончится одними демонстраціями. „Мнѣ кажется они не задерутъ, а останутся при демонстраціи,“ писала она къ Потемкину¹. „Осталось рѣшить лишь единый вопросъ: терпѣть ли демонстраціи? Еслибы ты былъ здѣсь, я бѣ рѣшилась въ пять минутъ что дѣлать, переговора съ тобою. Еслибы сдѣлать моей склонности, я бѣ флоту Грейгову да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію: въ сорокъ лѣтъ Шведы наки не построили бы корабли; но сдѣлавъ такое дѣло; будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. Начать намъ и потому никакъ не должно, что если оны насъ задереть, то отъ шведской націи не будемъ имѣть по ихъ конституціямъ никакой помощи, а буде мы задеремъ, то они дать должны; и такъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣбъ съѣсть.“

Въ то время какъ *Catherine le Grand* (по выраженію приида де-Лия) умѣла одерживать свою склонность побуждающую ее разбить въ прахъ демонстрацію, у Густава III уже закружилась голова: онъ уже приглашалъ своихъ придворныхъ дамъ на балъ, который собирался дать имъ въ Петергофѣ, приглашалъ ихъ къ молебну въ петербургскій соборъ; ему уже представлялось, что его имя разносится по странамъ Азии и Африки, какъ мстителя за Оттоманскую

¹ 4 іюня 1788.

имперію. Шведы задрали; король явился въ Финляндіи и отправилъ къ русскому вице-канцлеру, графу Остерману, подъ видомъ условій мира, насмѣшливый вызовъ къ войнѣ. Король требовалъ ни болѣе, ни менѣе, какъ возвращенія Швеціи всѣхъ земель, уступленныхъ ему по Нистадскому и Абовскому мирамъ, возвращенія Портъ Крыма и т. д.

„Мы отъ роду не слышали жадобъ отъ него, писала Екатерина Потемкину ¹, и теперь не вѣдаю за что разлилася; теперь Богъ будетъ между нами судіею. Здѣсь жары преужасныя и духота, я переѣхала жить въ городъ. У насъ въ народѣ превеликая злоба противъ шведскаго короля сдѣлалась, и нѣтъ рода брани, которымъ бы его не бранили большіе и малые; солдаты идутъ съ жадностію, говорятъ: вѣроломца за уши приведемъ; другіе говорятъ, что войну окончатъ въ три недѣли, просятъ идти безъ отдыха; однимъ словомъ, диспозиція духовъ у насъ и въ его войскѣ въ моей пользѣ. Трудно сіе время для меня, это правда; но что дѣлать? Надѣюсь въ короткое время получить великое умноженіе, понеже отовсюду ведутъ людей и вещей.“

Послѣ сраженія при Хохландѣ, Екатерина писала ²: „Усердіе и охота народная противъ сего непріятеля велика; не могутъ дожидаться драки; рекрутъ ведутъ и посылаютъ отовсюду; мое одно село Рыбачья Слобода прислала добровольныхъ охотниковъ 65, а всего ихъ 1300 душъ. Царское Село возитъ подвижныя магазины. Тобольскому полку мужики давали по 700 лошадей на станціи. Здѣшній городъ далъ 700 не очень хорошихъ рекрутъ добровольною подпиской; какъ услышали сіе на Москвѣ, пошла подписка, и Петръ Борисовичъ (Шереметевъ) первый подписалъ 500 человекъ. Островъ Эзель прислалъ (ты скажешь: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешнею), дворянство и жители, что сама вооружатся и просятъ только 200 ружей и нѣсколько пороха. Здѣсь жары такъ великіи были, что на термометрѣ на солнцѣ было 39¹/₂. Въ сей духотѣ, въ городѣ сидя, я терпѣла духоту еще по шведскимъ дѣламъ. Въ день баталии морской 6 іюля (при Хохландѣ) духъ пороха здѣсь въ городѣ слышенъ былъ: ainsi, j'ai aussi senti la poudre.“

¹ 3 іюля 1788.

² 18 іюля 1788.

Но и *фюфльга-богатырь* (какъ называла Екатерина Густава III) также испыталъ духоту въ Финляндіи. Когда онъ далъ приказъ войскамъ своимъ напасть на Фридрихсгамъ, офицеры объявили, что не будутъ исполнять этого приказанія, потому что несправедливая война съ Россіей начата безъ согласія чиновъ, вопреки конституціи. Вслѣдствіе этого шведскія войска отступили отъ Фридрихсгама и Нейшлота, и король возвратился въ Стокгольмъ. Мало этого: финляндскія войска отправили майора Егергорна въ Петербургъ для непосредственныхъ переговоровъ съ императрицею. Екатерина такъ писала объ этомъ Потемкину¹: „Присланъ ко мнѣ отъ финскихъ войскъ депутатъ майоръ Егергорнъ съ меморіаломъ на шведскомъ языкѣ, что они участія не имѣютъ въ неправильно-начатой кородемъ войнѣ противъ народнаго права и ихъ законовъ, и много еще отъ нихъ словесныхъ предложеній. Мой отвѣтъ будетъ въ такой силѣ, что если они изберутъ способы тѣ, кои ихъ могутъ сдѣлать отъ Шведовъ свободными, тогда обязуюсь ихъ оставить въ совершенномъ покоѣ, и перевѣдаюсь со Шведами.“

Не на радость возвратился Густавъ III и въ Швецію: здѣсь Датчане, вслѣдствіе союза съ Россіей, напали на его владѣнія; но Пруссія и Англія поспѣшили къ нему на помощь,—не съ войсками, разумѣется; они угрозами заставили Данію удержаться отъ нападеній на Швецію; Пруссія объявила, что если Данія будетъ продолжать шведскую войну, то прусскія войска вступятъ въ Голштинію.

Легко понять, какое впечатлѣніе было произведено въ Петербургѣ извѣстіемъ объ этомъ поступкѣ Пруссіи, тогда какъ съ другой стороны приходили извѣстія, что благодаря Пруссіи же, въ Польшѣ не только отвергли русскій союзъ, но вражда къ Россіи усиливается тамъ день ото дня, въ той степени въ какой усиливается расположеніе къ Пруссіи. Наконецъ прусскій король предложилъ свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Швеціею. Фридрихъ-Вильгельмъ извѣщалъ Густава III, представлялъ, что онъ началъ войну по недоразумѣніямъ, изъявлялъ надежду, что Россія заключитъ съ Швеціею миръ, не требуя никакихъ вознагражденій, представлялъ, что король шведскій

¹ 31 іюля.

первый обнаружилъ склонность къ примиренію. Фридрихъ Вильгельмъ предлагалъ свое посредничество и въ примиреніи съ Турціей, и чтобы склонить къ принятію этого посредничества, указывалъ на свой союзъ съ Англіей и Голландіей, упоминалъ объ интересѣ своемъ сохранить равновѣсіе на сѣверѣ и востокѣ. Императрица передала прусскія предложенія на разсужденіе совѣту, собранному 18-го сентября. Совѣтъ нашелъ въ этихъ предложеніяхъ не слова, а вещи кокія: „Король говоритъ въ первомъ своемъ рескриптѣ о миролюбивыхъ короля шведскаго расположеніяхъ, признавая самъ ихъ недостаточными къ учиненію изъ того употребленія; но во второмъ изражаетъ пристрастно, будто сей государь вовлеченъ въ войну недоразумѣнемъ, а весь свѣтъ знаетъ, что онъ получилъ отъ Порты деньги, и въ надеждѣ получать оныя, рѣшился напасть на Россію. Упреждая всякое дружеское изъясненіе, которое съ нашей стороны имѣть съ нимъ старались, присоединилъ къ внезапному вѣроломству вредное хотѣніе отторгнуть отъ Россіи многими иждивеніями и кровію предковъ приобретенныя земли. Но извиненіямъ таковымъ по себѣ непристойнымъ прибавилъ король прусскій хуже того изреченіе, что ожидаетъ отъ двора нашего согласія возстановить миръ съ Швеціей въ томъ состояніи вещей, въ какомъ были онѣ до воспослѣдовавшаго разрыва. Намѣреніе таково доказываетъ явное неуваженіе къ тягости оскорбленія, причиненнаго ея императорскому величеству королемъ шведскимъ, и ни во что поставляются его покушенія на вредъ имперіи. Въмѣсто удовлетворенія соразмѣрнаго обидѣ, король прусскій разумѣетъ онымъ то, что король шведскій первый отъѣзъ учинилъ къ миру. Но какой государь, чувствующій силу, можетъ поступить на такую низость и оставить примѣръ сосѣду нападать, въ чаяніи при всякой неудачѣ покрыть злое дѣло единымъ токмо хотѣніемъ мира? Еще сія неприличность не столько бы насъ трогала, когда бы король прусскій ввязался только за одну Швецію, но онъ распространяетъ свое настояніе и на войну нашу турецкую! Понять не трудно, что говоря о союзѣ своемъ съ Англіей и Голландіей, упоминая объ интересѣ своемъ же сохранить равновѣсіе на сѣверѣ и востокѣ, онъ страшитъ насъ общею отъ силъ державъ препоною въ успѣхахъ нашихъ въ томъ и здѣшнемъ краяхъ:

По сему въ видѣ медиатора зрится возстающій нетерпимый повелитель не токмо на настоящія наши дѣла, но и на будущія, которыя Россія въ свою оборону или для пользы государства предпринять бы могла. Соображая таковой подвигъ во всѣхъ его слѣдствіяхъ, совѣтъ весьма удаленъ согласиться на предлагаемую отъ короля прусскаго настоящую медицію; ибо податливость на оную предосудительна достоинству имперіи Всероссійской и царствованію ея величества, чрезъ 27 лѣтъ великою славою сопровождаемому. Что уничтожительнѣе оной крайности, какъ пріять великой имперіи законъ отъ прусскаго государя? Всякое уваженіе къ нуждамъ и къ тягости новой войны при семъ размышленіи исчезаетъ. А по сему всежѣрно слѣдуетъ медицію сего государя отклонить; хотя впрочемъ съ твердостью, но въ изъясненіяхъ на сей разъ дружескихъ, можно бы во 1) сказать, что ея императорское величество по дружбѣ, толь долготѣе пребывающей, ожидать не могла, чтобы предлагаемая медиція исключала всякое должное удовлетвореніе государю и государству за учиненныя оскорбленія, или уваженіе приобрѣсть безопасность границамъ на будущее время отъ подобныхъ насильствъ; 2) сказать о невозможности трактовать съ королемъ шведскимъ, поелику на его слова и обѣты положиться нельзя; 3) по шведскимъ дѣламъ предложены добрыя услуги и со стороны двора Версальскаго: но какъ ея величество состоитъ въ союзныхъ обязательствахъ по шведской войнѣ съ королемъ датскимъ, а противъ Турковъ съ императоромъ римскимъ, то безъ предварительнаго сношенія съ сими союзниками не можетъ на таковыя предложенія дать полнаго отвѣта.—Думая, что король прусскій не удовольствуется нашими объясненіями, совѣтъ полагаетъ, что турецкую войну должно обратить въ оборонительную, приготовляться къ войнѣ съ Пруссією и приобрѣтать союзниковъ, заключить союзъ съ Франціей и другими бурбонскими домами, ибо на сторонѣ Пруссіи Англія и Голландія. Ни унывать, ни бояться не должно. Россія безъ всякаго напряженія имѣетъ 300.000 боевого войска.“ Мнѣніе подписали: Брюсъ, Панинъ, Вяземскій, Остерманъ, Воронцовъ, Стрекаловъ, Завадовскій. Графъ Андрей Шуваловъ не согласился, принимая въ соображеніе тяжелое состояніе финансовъ, и подалъ мнѣніе—объ-

явить Англіи и Пруссіи, что мы не хотимъ отъ Швеціи никакихъ земель, а требуемъ только возстановленія прежней формы правленія, Россією гарантированной; Англіи то не можетъ быть противно. Въ то же время открыть съ Англіею негоціацію о сближеніи торговымъ трактатомъ. Союзъ съ Франціею вреденъ: она тѣсно связана съ Швеціей и Турціей.

Поятно, что и Потемкинъ не могъ согласиться съ мнѣніемъ совѣта, ибо оно шло наперекоръ всѣмъ его планамъ и наносило тяжкій ударъ его самолюбію. Потемкинъ взялъ наконецъ Очаковъ, и это торжество конечно не могло заставить его согласиться, что надобно ограничиться оборонительною войною съ Турціей и сосредоточить всѣ силы на сѣверѣ. Онъ писалъ императрицѣ въ духѣ шуваловскаго предложенія: „Честь царствованія требуетъ оборота критическаго нынѣшняго положенія дѣлъ. Всѣ подданные ожидаютъ сего. Я не нахожу невозможности, лишь бы живѣ дѣйствовать въ политикѣ и препоручить людямъ преданнымъ. Впервыхъ усыпить прусскаго короля, помани его надеждою приобрѣсти прежнюю довѣренность, что можно сдѣлать изъясняясь съ нимъ ласково о примиреніи насъ съ Турками, согласясь тутъ съ императоромъ для отнятія у него подозрѣнія. Полякамъ ежели показать, что вы важнѣлись имъ при мирѣ съ Портою доставить часть зѣмли за Давстромъ, они оборотятся всѣ къ вамъ, и оружіе, что готовятъ, употребятъ на вашу службу. Ускорите съ Англіею поставить трактатъ коммерческій; симъ вы обратитѣ къ себѣ націю, которая охладѣла противу васъ. Напрягите всѣ силы успѣть въ сихъ двухъ пунктахъ, тогда не только бранить, но и бить будемъ прусскаго короля. Иначе прусскій король легко отдѣлаетъ противу цесаря 80.000 своихъ, да 25.000 Саксонцевъ, 80.000 противъ насъ да Поляковъ съ 50.000. Извольте подумать, чѣмъ противъ сего бороться, не кончивъ съ Турками? Я первый того мнѣнія, что прусскому королю заплатить нужно, но помиряться съ Турками.“ Относительно Франціи Потемкинъ былъ пророкомъ: „La France est en délire, писалъ онъ, и никогда не поправится, а будетъ у нихъ хуже и хуже.“

Утѣшанія съ юга приходились не ко времени. Впервыхъ, легко было Потемкину изъ Очакова совѣтовать усыпить прусскаго короля: но въ Петербургѣ хорошо видѣли всю

трудность, невозможность этого дѣла; восторыхъ, раздраженіе, произведенное тономъ прусскихъ предложеній и положеніемъ прусскаго правительства, ставшаго на всѣхъ дорогахъ, чтобы мѣшать Россіи, раздраженіе было чрезвычайное. Императрица, въ отвѣтъ своемъ, дала замѣтить Потемкину—возможно ли дѣло, при настоящемъ антагонизмѣ Австріи и Пруссіи, сблизиться съ послѣднею, не разрывая союза съ первою,—союза, заключеніе котораго самъ Потемкинъ больше всѣхъ совѣтовалъ. Потемкинъ оскорбился, что въ немъ предположили колебаніе мысли: „Ежели мысль моя о ласканіи короля прусскаго не угодна, писалъ онъ, на сіе могу сказать, что тутъ нейдетъ дѣло о перемѣнѣ союза съ императоромъ, но о томъ, чтобы, лаская его, избавиться препятствій, отъ него быть могущихъ. Вы изволите упоминать, что союзъ съ императоромъ есть мое дѣло: сіе произошло отъ усердія; отъ оного же истекалъ и польскій союзъ; въ томъ видѣ и покупка имѣнія Любомирскаго учинена¹, дабы, сдѣлавшись владѣльцемъ, имѣть право входить въ ихъ дѣла и въ начальство военное. Мои совѣты происходили всегда отъ ревности; ежели я тутъ не угодилъ, то впередъ конечно кромѣ врученнаго мнѣ дѣла говорить не буду.“

Несмотря на счастливое, повидимому, окончаніе 1788 года, новый 1789 годъ не принесъ никакихъ благоприятныхъ перемѣнъ. Передъ взятіемъ Очакова, жаалуясь на короля прусскаго и его спутниковъ, Екатерина писала Потемкину: „они позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣють. Возьми Очаковъ и сдѣлай миръ съ Турками; тогда увидишь, какъ осадутся, какъ снѣгъ на стени послѣ оттепели, да поползутъ какъ вода по отлогимъ мѣстамъ.“ Очаковъ былъ взятъ; но блестящія надежды, которыя возлагались на это событіе, не оправдались. Затруднительное положеніе обоихъ союзныхъ императорскихъ дворовъ весною 1789 года всего лучше очерчено въ письмѣ Іосифа II къ Екатеринѣ²: „Прусскія интриги достигаютъ въ Константинополь все большихъ и большихъ результатовъ. Безуміе Англичанъ и Голландцевъ, энтузіазмъ Поляковъ къ королю прусскому, Данія, силою принужденная къ миру, король шведскій,

¹ Имѣніе куплено было Потемкинымъ.

² 20 мая 1789.

державъ на все и который успѣлъ усилить свою власть и свои средства, эта неудобная конфедерація германская, печальное состояніе Франціи и ложные принципы Испаніи— все это мудрость вашего величества сумѣетъ оцѣнить и найдетъ средства противодѣйствовать злу. Мнѣ остается только повторить увѣреніе, что буду всегда готовъ помогать вашему величеству всѣми моими силами.“

Густавъ III шведскій, освобожденный Англією и Пруссією отъ датской войны, дѣйствительно успѣлъ провести на сеймѣ такіа постановленія, которыя дѣлали власть его почти неограниченною; сеймъ взялъ на себя королевскіе долги и далъ Густаву новыя денежныя средства къ продолженію русской войны. Война эта и въ 1789 году кончилась неудачно для Шведовъ; но они не заключали мира, и слѣдовательно Россія нисколько не была облегчена съ этой стороны; а тутъ война грозила ежеминутно со стороны Пруссіи и Польши: „съ Прусакомъ употребляется что возможно, писала Екатерина Потемкину: но съ врагами вообще нѣтъ ничего исцѣлительнѣе, какъ ихъ бить.“ Но бить четырехъ враговъ заразъ было слишкомъ трудно. На югѣ, несмотря на блистательныя побѣды Суворова, дѣло не подвигалось къ концу; отъ Австрійцевъ была плохая помощь; Потемкинъ жаловался на нихъ. На эти жалобы Екатерина писала: „Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но она будетъ несравненно менѣе всегда нежели прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано, поноснымъ и несноснымъ. Мы Прусаковъ ласкаемъ; но каково на сердцѣ терпѣть ихъ грубости и ругательствомъ наполненныя слова и дѣла!“ Въ одной изъ записокъ императрицы, относящихся къ этому времени, читаемъ слѣдующія слова: „Молю Всевышняго, да отмститъ Прусаку гордость. Въ 1762 году я его дядюшкѣ возвратила Пруссію и часть Помераніи, что не исчезнетъ въ моей памяти. Не забуду и то, что двухъ нашихъ союзниковъ онъ же привелъ въ недѣйствіе; что со врагами нашими заключилъ союзъ, что Шведамъ давалъ денегъ и что съ нами имѣлъ грубые и не прилично повелительныя переписки. Будетъ и на нашу улицу праздникъ авось либо!“

¹ 18 октября 1789.

Но праздника надобно было еще подождать. Союзникъ, Иосифъ II, умираетъ, изнемогая подъ тяжестью неприятностей, видя, какъ сіи реформы возбудили повсюду волненія, ненависть, видя необходимость отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Екатерина питала сочувствіе къ Иосифу, но не одобряла способа его дѣйствій при реформахъ, не одобряла излишней стремительности, неровности и мелочности: „императоръ самъ ко мнѣ пишетъ (увѣдомая Екатерина Потемкина), что онъ очень боленъ и печаленъ по причинѣ потери Нидерландіи. Если въ чемъ его оправдать нельзя, то въ семь дѣлъ: сколько тутъ перемявъ было! То онъ отъ нихъ все отнималъ, то возвращалъ, то паки отнималъ и паки отдавалъ. О союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ имѣя ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единого вѣрнаго челоуѣка, который бы ему говорилъ пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ ненавидимъ всѣми. Венгерцы мать его спасли въ 1740 году отъ потери всего: а бѣ на его мѣстѣ ихъ на рукахъ носила.“¹

Австрійскій союзъ принесъ мало пользы и при Иосифѣ; нельзя было ждать лучшаго при его приемникѣ, Леопольдѣ, а между тѣмъ Пруссія продолжала находиться относительно Россіи въ угрожающемъ и раздражающемъ положеніи, и двѣ войны, турецкая и шведская, не обѣщали скораго окончанія. Печально начался 1790 годъ: мирное предложеніе, сдѣланное Россією Швеціи посредствомъ испанскаго посла, осталось безъ дѣйствія; Польша заключила союзъ съ Пруссіей. „Мучить меня теперь несказанно (писала Екатерина Потемкину²), что подъ Ригою полковъ не въ довольномъ числѣ для защищенія Лифляндіи отъ прусскихъ и польскихъ набѣговъ, коихъ теперь почти ежечасно ожидать надлежитъ. Король шведскій мечется повсюду, какъ угорѣлая кошка. Долго ли сіе будетъ, не вѣдаю; только то знаю, что одна премудрость Божія и Его всеопытная чюдеса могутъ всему сему сотворить благой конецъ. Странно, что воюющіе всѣ хотятъ и имъ нуженъ миръ, Шведы же и Турки дерутся въ угодность врага нашего скрытнаго, новаго европейскаго диктатора (короля прусскаго), ко-

¹ 10 января и 6 февраля 1790.

² 13 мая 1790 г.

торый вздумалъ отнимать и даровать провинціи, какъ ему угодно: Лифляндію посулилъ съ Финляндіею Шведамъ, а Галицію Полакамъ; послѣднее заподлинно, а первое моя догадка, ибо шведскій король писалъ къ испанскому министру, что когда прусскій король вступить въ войну, тогда уже безъ его согласія нельзя мириться, да и теперь ни на единый пунктъ, испанскимъ министромъ предложенный, не соглашается, а требуетъ многое себѣ попрежнему.“ На другой день императрица писала: „Если визирь выбранъ съ тѣмъ, чтобы не мѣшать миру, то кажется ты намъ вскорѣ доставишь сіе благополучіе; съ другой же стороны дѣла дошли до крайности. Еслибы въ Лифляндіи мы имѣли корпусъ тысячь до 20, то бы все безопасно было, да и въ Польшѣ перемѣна ускорилась.“

Весною Густавъ III возобновилъ непріятельскія дѣйствія. На сухомъ пути они были попрежнему незначительны; но на морѣ произошли два важныя сраженія, представившія быструю перемѣну военнаго счастія; въ первомъ Русскіе одержали блистательную побѣду надъ шведскимъ флотомъ, запертымъ въ Выборгскомъ заливѣ; во второмъ потерпѣли пораженіе отъ Шведовъ: „Послѣ сей, прямо славной побѣды (писала Екатерина Потемкину ¹) шесть дней (спустя) послѣдовало несчастное дѣло съ гребною флотиліею, которое мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія черноморскаго флота бурей ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе.“

Но послѣдняя побѣда дала только возможность Густаву III съ честію окончить войну, для продолженія которой онъ не имѣлъ болѣе средствъ. Поэтому новое предложеніе Россіи было принято и 3 августа 1790 года заключенъ былъ Верельскій миръ: границы обоихъ государствъ остались тѣже, какія были до войны; Густавъ обязался не вмѣшиваться въ дѣла турецкія; Екатерина отказалась отъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла шведскія. „Велѣлъ Богъ одну лапу высвободить изъ вязкаго мѣста (писала Екатерина Потемкину ²). Сего утра я получила отъ барона Игельстрома курьера, который привезъ подписанный имъ и барономъ Армфельдомъ миръ безъ посредничества.“

¹ 17 июля 1790 г.

² 5 августа 1790 г.

Отстали они, если смѣть сказать, моею твердостью личною одною отъ требованія, чтобъ принять ихъ ходатайство у Турокъ.—Оставалось покончить съ послѣдними: „Одну лапу мы изъ грязи вытащили; какъ вытаскиваемъ другую, то пропедемъ аллауя“, читаемъ въ другомъ письмѣ ¹. Потемкинъ писалъ, что сталъ спать покойно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о мирѣ съ Шведами; императрица отвѣчала ²: „Ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ съ Шведами; на сіе тебѣ скажу что со мною случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро паки прибавить должно мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь.“

С. СОЛОВЬЕВЪ.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Письмо Потемкина къ императрицѣ о новомъ военномъ устройствѣ: „Первое мое представленіе о ящикахъ и мѣщанахъ изъ арміи присланное было по узаконію изъ опыта сколь нужно на границахъ имѣть поселенъ военныхъ, которые ихъ бы защищали, вмѣсто того чтобъ требовать себѣ защиты. Сіе тѣмъ еще нужнѣе въ нашемъ государствѣ, что обширность предѣловъ не позволяетъ всюду поспѣть съ войсками на помощь, что армія національная необходимо требуетъ умноженія милиціи, ибо нѣтъ здѣсь такова рода людей, коихъ бы можно вербовать на случай войны; умножать же войска на счетъ рекрутскихъ наборовъ государству вредно, понеже сямъ оно изнуряется, и хлѣбопашество терпитъ, еще болѣе потому что солдатъ служить безсрочно, слѣдовательно умираетъ *свободно*. По сему резонамъ я рѣшился представить объ одноворцахъ во вѣрнѣмыхъ мѣхъ губерніяхъ и къ тѣмъ присовокупить мѣщанъ и ящичковъ. Первые козаками были уже на штурмѣ очаковскомъ, гдѣ не только что не хуже солдатъ поступали, но и поддержали полкъ Тамбовскій, который безъ нихъ не могъ бы устоять. Донцы служатъ, ремесла отправляютъ и торгуютъ. Мѣщанъ въ государствѣ слѣшкомъ 300.000; если взять на службу тридцать, останется дома ихъ 270. На первый случай изъ вооруженныхъ необходимо послать на войну для приобученія, которые послѣ обучать своихъ товарищей; можно составить изъ другихъ и стражу въ городѣ, сіе я разумѣю въ Петербургѣ и Москвѣ; въ прочихъ городахъ не нужно. Вы государству дадите запасное войско и всегда готовыхъ хранителей, которые въ мирное время никакого содержанія не требуютъ.“

¹ 9 августа 1790 г.

² 29 августа 1790 г.

РИЛЬ

О

НАРОДНОМЪ ТРУДѢ.

Die deutsche Arbeit. Von W. H. Riehl. Stuttg. 1861.

Читателямъ *Русскаго Вѣстника* имя Рилия встрѣчается не въ первый разъ. Поэтому, не говоря о его предшествовавшихъ трудахъ, мы прямо приступимъ къ вновь-вышедшей книгѣ этого замѣчательнаго современнаго нѣмецкаго писателя, подъ заглавіемъ *Нѣмецкій трудъ*. Цѣлью этого сочиненія было прослѣдить какъ проявляется идея труда въ нѣмецкой жизни и у нѣмецкаго народа, въ его языкѣ, мысляхъ, пѣсняхъ, поговоркахъ, сказаніяхъ, нравахъ, обычаяхъ. „Каждый народъ, говоритъ Риль въ началѣ своего сочиненія, работаетъ по своему. Приемы, съ которыми онъ приступаетъ къ труду, взглядъ его на сущность труда, мѣра, которою онъ цѣнитъ прилежаніе, талантъ и успѣхъ,—во всемъ этомъ обнаруживаются глубочайшія черты его характера. Въ идеѣ труда, а также въ приложеніи ея, проявляется духъ народа. Изучая народный трудъ, мы изучаемъ народъ, точно также, какъ въ народовѣдѣніи можемъ мы искать новыхъ и богатыхъ матеріаловъ для теоріи и исторіи труда.“ Эта мысль одушевляла автора въ его сочиненіи. Но прежде чѣмъ

мы приступимъ къ изложенію содержанія его, скажемъ нѣсколько словъ объ его общемъ характерѣ.

Последнее сочиненіе Рила представляетъ тѣ же характеристическія черты, какими отличаются прочія его сочиненія. Въ немъ встрѣчаемъ мы не одну живописную страницу, немало вѣрно подмѣченныхъ и старательно собранныхъ фактовъ и наблюденій, глубокое знаніе своей народности. Предельность изложенія, новизна предмета, связность фактовъ, прямо почерпнутыхъ изъ живаго источника, наконецъ удачный и часто глубокомысленный анализъ нѣкоторыхъ жизненныхъ явленій, все это можетъ въ высшей степени возбудить вниманіе образованнаго читателя. Но кромѣ этихъ сторонъ, сочиненіе Рила представляетъ еще одну заслугу, въ особенности важную въ научномъ отношеніи.

При взглядѣ на заглавіе, какъ замѣчаетъ самъ Рилъ, у большей части читателей, по всей вѣроятности, родится мысль о земледѣліи, промышленности и торговлѣ, о хлѣбѣ, тюкахъ товаровъ и хлопчатой бумагѣ, или пожалуй объ организаціи труда. Такая мысль—естественное слѣдствіе господствующаго думынъ возрѣнія на трудъ. Исслѣдованія о трудѣ были донынѣ почти исключительнымъ достояніемъ и принадлежностью политической экономіи. Но политическая экономія никогда не исчерпывала этого предмета вполне. Занимаясь исслѣдованіемъ о состояніи богатствъ, изучая явленія вещественнаго міра, она необходимо должна была обращать главное вниманіе на одну сторону явленій,—сторону вещественную. Поэтому, разсуждая о трудѣ, она должна была ограничиваться только одною частью человѣческаго труда, именно тою отраслью его, которая непосредственно обращена на производство вещественныхъ цѣнностей. Но въ понятіе о трудѣ входитъ еще другой элементъ, элементъ нравственный и умственный. Нѣтъ истинно-человѣческаго труда, въ которомъ этотъ элементъ не принималъ бы участія. Его не лишень трудъ послѣдняго пошеищика. Притомъ, кромѣ труда обращеннаго на производство вещественныхъ благъ, есть еще отдѣлъ труда извѣстный въ политической экономіи подъ именемъ личныхъ услугъ, какъ напримѣръ трудъ врача, адвоката, драматическаго артиста, воина, ученаго, министра, плоды котораго не такъ легко исчислить, измѣрить и взвѣсить, какъ

плоды промышленнаго труда. Это трудъ умственный. Онъ постоянно былъ камнемъ преткновенія для экономической науки. Сначала онъ совершенно исключался изъ области науки, какъ трудъ непроизводительный; потомъ и за нимъ была признана производительная сила; онъ былъ принятъ въ область политической экономіи, но и донынѣ понятіе о немъ не установилось. До сихъ поръ онъ постоянно смѣшивается съ экономическимъ трудомъ, и хотя политическая экономія допустила его въ свои владѣнія, но допустила не какъ предметъ самостоятельнаго изслѣдованія, но какъ побочную отрасль, находящуюся въ далекой связи съ ея главнымъ предметомъ. Поэтому духовный трудъ, какъ не имѣющій прямого отношенія къ природѣ, не извѣщающій изъ нея непосредственно вещественныхъ цѣнностей, разсматривался экономистами по большей части только со стороны своего косвеннаго вліянія на производство богатствъ и по вещественному вознагражденію за него.

Итакъ, политическая экономія не исчерпываетъ всего понятія о трудѣ, и огромная, весьма важная отрасль труда находится внѣ предѣловъ ея изслѣдованій. Книга Риля представляетъ первую попытку опредѣлить сущность, условія, законы и мѣру духовнаго труда, ускользающаго отъ анализа и изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи оно представляетъ новый интересъ, и хотя исходною точкою автору постоянно служить германская народность, хотя онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ преимущественно по отношенію къ своей нѣмецкой родинѣ, тѣмъ не менѣе и среди этихъ частныхъ нѣмецкихъ чертъ мы повсюду встрѣчаемъ обще-человѣческія, близкія и свойственныя всемъ народамъ.

Главная цѣль нашей статьи—познакомить читателя съ интереснымъ содержаніемъ этого новаго сочиненія Риля. Приступая къ подробному изложенію его, мы должны замѣтить, что по возможности будемъ слѣдовать порядку и изложенію самого автора, и выставимъ на видъ только его собственныя мысли, большею частію въ его же собственныхъ словахъ, не пускаясь въ критическія разъясненія и оговорки, которыя могли бы вывести нашу статью далеко за предназначенныя ей предѣлы.

I.

Приступая къ изложенію своихъ мыслей, авторъ прежде всего разсматриваетъ *честь труда въ старое и новое время*. Если кто спроситъ, говорить онъ, что такое честь, и на краткій вопросъ пожелаетъ получить краткій отвѣтъ, тому можно указать на изобразительность нѣмецкаго языка. Въ немъ говорится: „*der Mann hat Ehre im Leib*“ (у него честь въ тѣлѣ), какъ еслибы честь составляла жизненный органъ нашего существа; въ немъ говорится объ „*Ehrabschneiden*“ (отрѣзать честь), какъ еслибы честь была однимъ изъ членовъ нашего тѣла; въ немъ говорится, что людей должно „щекотать въ ихъ чести“, „*an der Ehre kitzeln*“, какъ еслибы честь была нервнымъ сплетеніемъ нашего духа.

Честь составляетъ живую часть нашего существа, потому что она есть признакъ нашего свободнаго человѣческаго достоинства. Мы *ищемъ честь*, потому что мы сознаемъ и чувствуемъ себя какъ нравственную личность; мы стараемся *поступать честно*, потому что дѣлаемъ судьей нашихъ дѣйствій первообразъ нашей нравственной личности. Честь совпадаетъ съ страхомъ Божиимъ и нравственностью въ своихъ дѣлахъ, но не въ побужденіяхъ. Религіозное—нравственно ради Бога, честное—ради насъ самихъ и ради мнѣній другихъ лицъ. „Честь ищетъ почтенія.“ Поэтому честность есть мірская добродѣтель, предполагающая самопознаніе. Церковь не проповѣдуетъ евангелія чести, но идея чести стала крѣпче и глубже подъ вліяніемъ христіанства.

Намъ недостаточно, что мы сознаемъ себя въ своей личной чести и честно поступаемъ: мы желаемъ также признанія отъ другихъ. Это признаніе нашей чести есть не что иное, какъ признаніе правъ нашей личности, и на этомъ основывается всякое человѣческое общежитіе. Мы требуемъ такого признанія отъ другихъ не только для лица нашего, но также для извѣстныхъ поступковъ, и преимущественно для тѣхъ дѣйствій, которыя опредѣляютъ наше положеніе въ гражданскомъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о *чести*

занятія и труда. Мы желаемъ, чтобы наше собственное, личное существо было уважено въ нашемъ трудѣ, и уже изъ этого стремленія къ личной чести труда, которая тѣмъ сильнѣе пробуждается во всѣхъ слояхъ общества, чѣмъ выше растетъ образованіе, можно заключить, что наиболѣе личная работа есть наиболѣе достойная человѣка. Не признанная и неоцѣненная честь труда простоянина пробудила социалистическія волненія; но идея чести труда падаетъ сильнымъ ударомъ на голову социализма, потому что она предполагаетъ личный трудъ, а это вовсе не годится для социалистовъ.

Изъ-за старинной сословной чести нерѣдко одинъ убивалъ другаго. Изъ-за современной чести труда возжигаются общественныя революціи народовъ. Постараемся же основательно и постепенно подойти къ этой исполненной, демонической идеѣ чести.

Ужъ одна потребность признанія очень ясно отличаетъ честь вообще отъ религіозной нравственности. Кто молится, тотъ должнъ „внѣсти въ клятву свою“; кто творитъ добрыя дѣла, тотъ не долженъ допускать, чтобы шуйца знала что творитъ десница. Достаточно, чтобы одинъ Богъ видѣлъ нашу ревность о нравственномъ спасеніи; но наша честь должна быть признана міромъ.

Честь заключается не только въ самосознаніи нашей нравственной личности, не только въ проявленіи ея въ частныхъ поступкахъ, но и въ признаніи того и другаго гражданскимъ обществомъ. Нравственно сознающій себя человѣкъ требуетъ отъ всякаго третьяго лица права на честь; точно также и народъ, сознавшій нравственную силу своего труда требуетъ чести этого труда, какъ права.

Итакъ честь является намъ въ тройкомъ видѣ: мы должны *честно* поступать; мы должны *сознавать* въ такихъ поступкахъ всю силу нашего нравственнаго достоинства; наконецъ мы должны требовать *признанія* нашей чести со стороны другихъ.

Въ разныя эпохи выдается преимущественно то тотъ, то другой изъ этихъ элементовъ чести, часто односторонне опредѣляя ее. Такъ на примѣръ думаютъ, что идея чести была особенно развита въ средніе вѣка, хотя это время въ нравственномъ отношеніи, конечно, не стояло выше нынѣшняго. Но господствовавшія средневѣ-

ковья сословія требовали *признанія* чести отъ другихъ такъ настойчиво, они формулировали наружные знаки этого признанія такъ старательно и рѣзко, они такъ грубо гордились своею честью, такъ тонко говорили и пѣли о ней, что честь дѣйствительно никогда не предъявляла болѣе рѣшительныхъ притязаній, никогда такъ тщательно не ограждала себя. Однако то была преимущественно наружная, словно-ограниченная честь; съ того же времени несравненно полнѣе и богаче развилась идея нравственной и честной дѣятельности. Мы менѣе *требуемъ* чести, потому что мы больше *имѣемъ* ея.

Въ дѣтствѣ народной жизни, люди ищутъ чести преимущественно въ смѣлости и энергіи, съ которою лицо защищаетъ свое высшее право на честь. Школьники поступаютъ также, и тѣ слои народа, которые находятся еще въ этомъ возрастѣ шалостей, ведутъ себя въ этомъ отношеніи также, какъ поступали знатные люди въ эпоху рыцарства. Воздавать честь труду, значитъ только признавать скрывающуюся въ немъ нравственную силу. Мы теперь дѣлаемъ это относительно всякаго труда, между тѣмъ какъ прежде это дѣлалось не повсемѣстно по высшимъ причинамъ. Кто же смѣшиваетъ возмездіе и удовольствіе съ этою чисто нравственною оцѣнкою своего труда, тотъ въ самомъ себѣ оскорбляетъ истинную честь труда.

Если слабость юныхъ эпохъ культуры состоитъ въ томъ, что люди тогда слишкомъ буйно стремятся къ признанію чести труда, то въ зрѣлыя, отживающія эпохи часто мы видимъ противоположное: люди воображаютъ себя выше чести труда.

Такъ въ прошломъ столѣтіи считалось особенно благороднымъ ничего не дѣлать и праздно жить своими деньгами. Городская сволочь должна трудиться, а не дворянинъ. Въ наше время городской спекулянтъ стремится какъ можно скорѣе захватить денегъ, для того чтобы еще въ дѣтствѣ силъ ничего не дѣлать и жить процентами. Подобные корыстолюбивые и алчущіе наслажденій люди не имѣютъ никакого понятія о томъ, что трудъ составляетъ потребность для истинно-образованнаго и нравственнаго человека, и что честь и радость его состоятъ въ томъ чтобы трудиться до тѣхъ поръ, пока позволяютъ его тѣлесныя и душевныя силы.

Въ средніе вѣка честь труда была произведеніемъ сословной чести; личная честь, а слѣдовательно и честь личного труда, обуславливалась честью товарищества; между тѣмъ какъ мы наоборотъ болѣе склонны оцѣнивать честь цѣлой группы работниковъ на основаніи нравственнаго достоинства личного труда.

Въ средніе вѣка дѣло шло только о внѣшнемъ юридически-формулированномъ признаніи чести труда. Честь признавалась не на основаніи внутренняго содержанія самаго труда, а на основаніи преданій обычая и права. Пока различными ремеслами занимались епископы и дочери королей, они считались почетными; когда же тѣ же занятія перешли въ руки цеховыхъ, они сдѣлались низкими. Но такое понятіе постепенно исчезало. Чѣмъ шире разрастался народный трудъ, чѣмъ богаче и роскошнѣе расцвѣталъ онъ, тѣмъ универсальнѣе становилось понятіе чести труда. И что сначала едва сознавалось, то обратилось въ убѣжденіе всѣхъ сословій, именно, что *значеніе, а слѣдовательно также и достоинство труда должно измѣряться не по случайному общественному положенію трудящихся, но по той силѣ и тому успѣху, которое заключается въ самомъ трудѣ.* Эта великая мысль не только освободила и обогатила трудъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разбила средневѣковыя сословія.

Новѣйшее время освободило и почтило всякій трудъ. Но честь труда не равна. Мы справедливо различаемъ между *высшимъ и низшимъ трудомъ*, смотря по величинѣ необходимаго для него нравственнаго, умственнаго и матеріальнаго капитала и по ширинѣ успѣха, и соразмѣрно съ этимъ высшему труду воздаемъ большую долю чести нежели низшему. Такое различіе вытекаетъ изъ самаго понятія о трудѣ, а не принесено извнѣ, какъ это было при прежней оцѣнкѣ чести по внѣшнему масштабу сословной чести. Оно нисколько не противорѣчитъ вышеприведеннымъ понятіямъ чести труда, потому что, какъ мы увидимъ далѣе, въ ширинѣ успѣха труда вмѣстѣ съ тѣмъ заключается и нравственная цѣль его. Итакъ, въ противоположность нашимъ предкамъ, современный человѣкъ долженъ сказать: *у всякаго труда своя честь, но не у всякаго труда равная честь; честь труда соразмѣряется съ свойствомъ самаго труда.*

Базаръ, установитель и продолжатель ученія Семъ-Симона, желалъ поставить высшимъ правиломъ въ своемъ идеальномъ обществѣ, чтобы каждый вознаграждался по способностямъ, а каждая способность по труду. Это звучитъ пріятно. Но кто же будетъ оцѣнивать и распределять способности и протекающіе изъ нихъ труды? Еслибъ и удалось какому-нибудь социалистическому колдуну исполнить справедливо вознаградить деньгами каждый трудъ по мѣрѣ заключающагося въ немъ прилежанія и таланта, то эта справедливость никого не удовлетворила бы, потому что каждый не только желаетъ быть матеріально вознагражденнымъ, но и желаетъ также быть почтеннымъ. Иное произведеніе по законамъ рынка можетъ принести очень мало денегъ своему творцу, за то много чести, и на оборотъ. Чѣмъ болѣе личной силы въ трудѣ, чѣмъ шире его идеальный успѣхъ, тѣмъ болѣе мы уважаемъ его, хотя можетъ-быть виновнику его пришлось бы и поголодать. Общество нынѣ все болѣе и болѣе раздѣляется на два огромные слоя, перекрещивающіе собою всѣ состоянія, на высшій слой образованныхъ и низшій полуобразованныхъ и необразованныхъ: это значитъ, что теперь совершается новое внутреннее раздѣленіе общества по масштабу духовнаго труда.

Въ революціонное время, вожди пролетаріата провозглашали *святость* труда. Еслибы слово *святость* означало только то, что трудъ есть дѣло нравственное и честное, то слово это было бы только ораторскою гиперболою, и понятное въ своемъ трезвомъ смыслѣ, оно не вызывало бы возраженій. Но не такой смыслъ соединялся обыкновенно съ этимъ словомъ. Трудъ представлялся какъ единственная истинная религія: мы будто бы не должны, какъ люди стараго времени, „молиться и трудиться“, мы будто бы должны „трудиться, а не молиться“. Однако народъ, вмѣстѣ съ днемъ труда, съ *буднями*, знаетъ еще день *праздничный*, и *праздновать*, по смыслу языка, значитъ опочить отъ труда, войти внутрь себя и обратиться къ Богу. Молитва и богослуженіе предполагаютъ покой, и являются народу какъ *дополнительная противоположность* труда, который обращаетъ насъ со всею нашею нравственною силою наружу, между тѣмъ какъ молитва возвращаетъ насъ внутрь. При высшихъ задачахъ чисто-духовнаго труда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это возвращеніе въ себя совпадаетъ съ

дѣтельностью выражающагося во внѣшнемъ результатѣ, и у мыслителя или художника бываютъ минуты, въ которыя, какъ могутъ сказать они, молитва и трудъ сливаются воедино. Но чѣмъ болѣе трудъ удаляется отъ свободы духовнаго творческаго дѣла, тѣмъ рѣзче отдѣляется и разнится отъ акта труда актъ религіознаго сосредоточенія, хотя оба эти акта могутъ и не распадаться во времени. Пахарь можетъ тихимъ помысломъ освящать свою душу за самою черною работою, но эта работа все-таки не станетъ отъ того священною. „Священный трудъ“—это старый рационализмъ въ подвонленномъ видѣ, это цинкорный суррогатъ религіи. Полуобразование можетъ этимъ вдохновляться; но истинное образование, равно какъ и смыслъ народа, противятся такому скудному пониманію нравственной полноты нашей жизни, нашихъ нравственныхъ и религіозныхъ потребностей.

Новое время, признавая великій истинный трудъ нравственною и облагораживающею работникомъ дѣятельностію, всакому труду воздастъ должную честь. Оно опредѣляетъ эту честь не внѣшнею мѣрою сословныхъ преимуществъ, но самымъ свойствомъ труда и его идеальнымъ усѣбномъ. Однако, резюмируетъ Речь вышеизложенныя мысли, трудъ есть только одна сторона нашего нравственнаго возвышенія и облагороженія; покой и сосредоточеніе—другая необходимая сторона. Чѣмъ ремесленнѣе трудъ, тѣмъ рѣзче и глубже эта противоположность, а потому проповѣдь о „святинѣ труда“ всегда останется китайскою грамотою для простаго человѣка.

Вслѣдъ за этимъ авторъ переходитъ къ объясненію *цеховаго духа и цеховой чести*.

Цеховой спрашиваетъ, говорить онъ, не только о томъ, что кто умѣетъ дѣлать, а также, гдѣ и какъ кто учился. Онъ желаетъ видѣть аттестаты и пробную работу на званіе мастера и подмастерья, и только тотъ, кто прошелъ школу по всѣмъ правиламъ цеха, можетъ требовать цеховой чести для своего труда.

Такимъ образомъ честь труда исходитъ здѣсь изъ корпораціи, а не вытекаетъ изъ свободной дѣятельности работника.

Гдѣ же работа связана съ извѣстною школою, тамъ она постоянно движется въ опредѣленной формѣ, стилѣ,

манерѣ и приемахъ этой школы, и только медленно и незамѣтно можетъ подвигаться впередъ къ новымъ усовершенствованіямъ. Цехъ смотритъ на это съ удовольствіемъ. Высшій масштабъ для опредѣленія годности работы заключается для него въ сообразности ея съ принятыми цеховыми и школьными формами, между тѣмъ какъ къ личнымъ попыткамъ и къ истинно-новымъ изобрѣтеніямъ онъ не можетъ быть справедливъ. Обычная однообразная школа и вытекающая изъ нея обычная однообразная форма труда составляютъ внутренніе признаки цеха.

Противъ этого возстаетъ современное сознаніе. Чѣмъ выше трудъ, тѣмъ болѣе должно быть въ немъ личности. Но какъ можетъ трудъ развиваться свободно и индивидуально, когда для достиженія полной чести онъ долженъ идти по пути цеха? Для насъ внутреннее достоинство и честь труда опредѣлялись единственно качествами и успѣхомъ труда безъ всякаго вѣншаго отношенія. И если кто-либо, находя свою школу въ самомъ себѣ и въ мастерскихъ образцахъ, не заботясь о цеховомъ ходѣ ученія, исполняетъ дѣло хорошо, то это, безспорно, свидѣтельствуетъ намъ о болѣе твердой волѣ, о болѣе сильномъ талантѣ, нежели еслибы человекъ вѣрнѣе и постепеннѣе достигъ подобныхъ результатовъ обычнымъ способомъ. Если мы нынѣ особенно уважаемъ трудъ какъ свободную личную дѣятельность, то слѣдовательно, при равенствѣ прочихъ условій, мы самоучекъ должны предпочитать другимъ работникамъ. Что касается до самаго произведенія, то для насъ нѣтъ ничего ненавистнѣе, какъ слѣпое подражаніе данному образцу. Во всѣхъ произведеніяхъ труда, сколько-нибудь возвышающихся надъ ремесленными и фабричными, мы прежде всего ищемъ новості, личности, оригинальности; въ искусствахъ же и литературѣ, мы до того пристрастились къ оригинальности, что охотно прощаемъ всякому кропателью, который приносить въ жертву ей истину и красоту; и предъ нами возстаетъ печальный образъ не одного таланта, который до тѣхъ поръ безпокойно гонялся за оригинальностью, пока не очутился наконецъ у дверей сумашедшаго дома.

Все это можетъ привести насъ къ мысли, что цеховой духъ совершенно оставилъ насъ, и что мы цѣнимъ каждое произведеніе по его внутреннему достоинству, а не

по цеховому образцу, по мастерскому аттестату, заключающемуся въ головѣ работника, а не по свидѣтельству, которое онъ носитъ въ карманѣ.

Но, замѣчаетъ авторъ, если мы освободились отъ старинныхъ *цеховыхъ формъ*, то *цеховой духъ* сталъ можетъ быть еще сильнѣе.

Каждый трудъ есть личная дѣятельность одного или нѣсколькихъ лицъ. Но работникъ никогда не трудится только для себя, а посредственно или непосредственно также и для пользы другихъ: семьи, товарищества, общества, народа. Поэтому, какъ выше было сказано, истинная мѣра чести труда заключается не въ одномъ талантѣ и нравственной дѣятельности, но *вмѣстѣ съ тѣмъ* и въ успѣхѣ труда, во вліяніи его на цѣлое. Одинокій трудъ не можетъ быть удаченъ уже самъ по себѣ. Раздѣленный трудъ есть удвоенный трудъ; раздѣленіе же труда предполагаетъ извѣстныя корпораціи. Школа совокупляетъ воедино постепенные успѣхи труда, и бережетъ такимъ образомъ отдѣльное лицо отъ безплодныхъ усилій постоянно снова начинать работу. Поэтому не удивительно, что работѣ прошедшей школу и коренящейся въ общинѣ оказываютъ болѣе довѣрія нежели одинокій, хотя бы она проявляла не меньшую силу таланта и воли. Такимъ образомъ цеховой духъ навсегда останется живымъ, даже тогда, когда самый цехъ будетъ не болѣе какъ историческимъ остаткомъ; а потому право личнаго свободнаго труда всегда будетъ находиться въ антагонизмѣ съ требованіями школы и цѣха.

Идея средне-вѣковаго цеха нераздѣльна съ идеею средне-вѣковой городской общины. Крестьянинъ не имѣлъ цеха. Городъ заключалъ въ себѣ малый міръ, и мысль общины была лучезарнымъ солнцемъ этого міра. Всѣ права гражданъ исходять изъ общины, — слѣдовательно и право опредѣленнаго занятія, — и къ ней обращаются. Община предоставляетъ цехамъ разные отрасли занятій, въ свою очередь цехи предоставляютъ ихъ отдѣльнымъ мастерамъ съ особымъ мастерскимъ правомъ. Только тотъ, кто принадлежитъ общинѣ, можетъ быть мастеромъ; только внутри общины можно приобрести засвидѣтельствованную честь труда, потому что какъ права

гражданина коренятся въ общинѣ, такъ и честь его также коренится въ ней. Община разграничиваетъ отдѣльныя отрасли труда, заботится объ ихъ обеспеченномъ существованіи, оберегаетъ группы своихъ работниковъ отъ вѣвшей конкуренціи, и можетъ это дѣлать до тѣхъ поръ, пока она остается замкнутымъ міромъ. Съ правами и честью труда, предоставленными гражданами, она соединяетъ политическія права и честь. Поэтому она требуетъ также, чтобъ изученіе и исполненіе труда совершалось цехообразно. Впрочемъ, цеховое устройство въ такомъ чистомъ и идеальномъ видѣ нигдѣ не существовало; тѣмъ не менѣе такова была болѣе или менѣе скрытая идея, которая сообщала ему жизненную силу и нравственное достоинство. Мысль, что гражданинъ съ его трудомъ впервые становится полнымъ человѣкомъ только въ общинѣ, есть въ дѣйствительности великая мысль, хотя и узкая для нашего современнаго сознанія, но представляющая зародышъ современнаго энтузіазма къ труду во благо и честь общества, народа, человѣчества. Когда городскія общины должны были передать основу своего самостоятельнаго существованія великому политическому дѣлаю, когда міръ въ хозяйственномъ отношеніи становился все шире и шире, когда пали мѣстныя и городскія, промышленныя и торговыя преграды, тогда и цехи потеряли свое идеальное основаніе и, своекорыстно желая сохранить мертвую форму, должны были понизиться до степени приближенія къ корыстолюбію и ограниченности.

Совершенно противоположный ходъ принялъ цехъ въ умственныхъ званіяхъ; но и здѣсь онъ исходитъ изъ великой идеи. Чисто умственный трудъ соединяется съ извѣстными обширными учрежденіями, которыя съ теченіемъ времени поразительно расширились и увеличились. Сначала, въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ, духовныхъ работниковъ сосредоточивала *церковь* и распредѣляла имъ различныя занятія. Потомъ *школа* сдѣлалась самостоятельнымъ средоточіемъ умственнаго труда въ университетахъ, ученыхъ школахъ и академіяхъ. Искусство также освободилось отъ церкви, стало на ноги и образовало свои школы и корпораціи. Въ новое время выступило *государство*: сторукая бюрократія хваталась также за всѣ науки и создала новыя средоточія для разнаго рода духов-

ныхъ работниковъ съ особою цеховою честью и цеховыми степенями, съ особыми учебными и рабочими годами. Наконецъ появилось новѣйшее учрежденіе. На ряду съ цеховыми учеными изъ-за куска хлѣба, *литература* поставила вольныхъ какъ птица писателей и вызвала на свѣтъ тысячи умственныхъ работниковъ, ищущихъ себѣ хлѣба и чести не у извѣстной корпораціи, какъ было прежде, а у великой публики, и находящихъ себѣ свидѣтельство и печать своего званія единственно въ своемъ талантѣ и своемъ счастіи.

Такимъ образомъ занятія дѣлаться все болѣе и болѣе, и постепенно становятся все свободнѣе. Этому великому движению, не говоря уже о настоящемъ времени съ его свободою литературой, содѣйствовала эпоха гуманистовъ, возрожденія искусствъ и реформаціи. Тогда искусство и знаніе порвали свою цеховую связь съ церковью, и засіяла мысль, что они должны существовать *для самихъ себя*, и что высшая точка чести для художниковъ и ученыхъ состоитъ въ *свободномъ и чистомъ служеніи* наукъ и искусству. Они заключились въ особаго рода товарищество, но не изъ-за интересовъ общины, а *въ честь чистоты и свободы собственнаго духовнаго призванія*. Такимъ образомъ начали различать уже не гражданина цеха отъ чужака, но *специалиста отъ дилеттанта*. Дилеттантъ есть всякій, кто только играетъ и наслаждается умственнымъ трудомъ, кто избираетъ его только для занятія своего досуга, а не дѣлаетъ его жизненнымъ призваніемъ, кто не былъ надлежащимъ образомъ вышколенъ, и не можетъ приобрѣсти серьезности и строгости труда по профессіи.

Именно въ исходѣ среднихъ вѣковъ и въ эпоху реформаціи, когда чисто-умственный трудъ началъ самостоятельно обособляться, запыхала жаркая борьба насмѣшкою и сарказмомъ между специалистами и дилеттантами. Въ особенности сильно возгоралась гнѣвная острота, когда кто-либо желалъ разомъ заниматься двумя предметами. Рыцарь называлъ профессора плохо вздвизаго верхомъ „латинскимъ всадникомъ“; профессоръ въ свою очередь называлъ плохую латынь рыцаря „ковною латынью“. „Wenn die Bischöfe Jäger werden, dann müssen die Hunde die Messen singen“. Ученый дилеттантъ, хотя въ такомоку, „seinen Schulsack gefressen, aber das Latein wieder

vorgessen. Дилеттантъ всего охотнѣе изучалъ естественное право, но въ особенной книгѣ, именно, подобно Тартюфу, подъ косыною красной дѣвицы, и т. п.

Но, замѣчаетъ авторъ, какъ тогда, такъ и позже, несмотря на эти насмѣшки, случалось, что величайшіе художники и ученые гонялись за многими зайцами и ловили ихъ. Сколько великихъ итальянскихъ живописцевъ были въ одно и то же время скульпторами, зодчими и поэтами! Лютеръ былъ не только богословъ, проповѣдникъ и народный писатель,—онъ также занимался музыкою и поэзіей, и имѣлъ и тутъ несравненно большее вліяніе нежели многія лица исключительнаго цеха. Шиллеръ по школѣ былъ врачомъ, но онъ переступилъ предѣлы цеха и сдѣлался поэтомъ, историкомъ, философомъ. То же самое мы видимъ во всѣхъ отрасляхъ духовнаго труда. Авторъ приводитъ еще въ примѣръ Гете, Гумбольдта, Вебера, и показываетъ различіе между трудомъ по склонности и трудомъ по профессіи.

Чѣмъ механичнѣе трудъ, тѣмъ менѣе можно научиться ему изъ одного описанія. Приемы надобно видѣть; въ утонченномъ и многосложномъ дѣлѣ, ученіе и примѣръ хорошаго мастера составляютъ существенную необходимость. Посредствомъ чтенія и собственнаго размышленія никто не сдѣлается искуснымъ слесаремъ, столяромъ или механикомъ. Два года въ мастерской здѣсь несравненно полезнѣе нежели двадцать лѣтъ одинокаго изученія.

Но чѣмъ духовнѣе трудъ, тѣмъ болѣе требуетъ онъ отъ учащагося самодѣятельности. Философъ не можетъ непосредственно показать другому *какъ* философствовать, поэтъ *какъ* сочинять. Онъ можетъ дать только намекъ, посредствомъ котораго ученикъ самъ наконецъ открываетъ тайну. Поэтому учащійся ремеслу—*lernt*, то-есть усвоиваетъ себѣ то, что ему показываетъ мастеръ; учащійся же наукѣ—*studirt*, то-есть самъ пробуетъ пути своего мастера. Какъ при этомъ ни полезно можетъ быть присутствіе учителя, въ чисто-духовномъ трудѣ оно не есть крайняя необходимость. Никто не идетъ въ ученіе къ великому поэту, чтобы научиться сочинять. Каждый имѣетъ великихъ поэтовъ въ своей библіотекѣ, и часто мертвые бываютъ для него лучшими учителями нежели живые. Техническую часть стихотворства можно изучать въ гимназіяхъ и въ сотняхъ учебниковъ поэзіи и

эстетики. Талантъ и собственный трудъ рѣшаетъ остальное. Цеховая школа здѣсь совершенная невозможность. Подобнымъ же образомъ способная голова, посредствомъ чтенія и собственного размышленія, можетъ сдѣлаться образованнымъ философомъ, никогда не слышавъ профессора философіи; быть-можетъ, также ученымъ историкомъ. Но чѣмъ болѣе выступаетъ ремесленная часть въ умственномъ дѣлѣ, тѣмъ недостаточнѣе становится одно самоученіе. Уже трудно сдѣлаться порядочнымъ юристомъ тому, кто не слушалъ въ аудиторіяхъ учителей права; еще труднѣе химикомъ или физикомъ. Врачъ, учившійся только по книгамъ, но не работавшій въ анатомическихъ театрахъ и клиникахъ, будетъ такъ-называемымъ „латинскимъ докторомъ“, къ мудрости котораго можно имѣть большое уваженіе, но которому никто не вѣритъ и собаки для лѣченія.

Подобная же постепенность замѣтна и въ школахъ изящныхъ искусствъ. Певсія, какъ духовное искусство, не имѣетъ цеховой школы. Исторію и теорію музыки можно изучать изъ книгъ и вотъ, можно подобнымъ образомъ сдѣлаться образованнымъ композиторомъ въ простѣйшихъ родахъ искусства; но стать виртуозомъ безъ цехообразной школы разумѣется нельзя, потому что здѣсь преобладаетъ ремесло, которое должно быть изучено подъ надзоромъ мастера.

Такимъ образомъ мы видимъ, что не произволь, но сама природа вещей обуславливаетъ, что именно въ наиболѣе духовныхъ занятіяхъ мысль сдѣлалась наиболѣе свободною.

Когда творческій умъ изъ одной области обращается къ другой, то ему гораздо легче открываются новыя точки зрѣнія, новыя формы, новыя соединенія. Безъ своего философскаго знанія Лессингъ не могъ бы сдѣлаться тонкимъ критикомъ искусства; безъ своей философіи историкъ Шаллеръ не могъ бы такъ глубоко повнимать связь событій. Это ловидишму дилеттантское двойное занятіе впервые указало многимъ изъ нашихъ величайшихъ умственныхъ дѣлателей великія точки зрѣнія, которыми открывались новыя эпохи.

III.

Во отдѣлѣ, посвященномъ народному труду, авторъ разсматриваетъ личный трудъ и народную личность, разсуждаетъ о томъ, какъ народы узакониваютъ свое существованіе посредствомъ труда; говоритъ о возрастающемъ раздѣленіи народнаго труда; о равновѣсіи труда, о вліяніи формъ хлѣбопашества на крестьянскіе нравы, городскомъ производствѣ и городской образованности, о свойствахъ духовнаго труда; о томъ, что связь между народнымъ духомъ и производствомъ явнѣ всего проясляется въ духовномъ производствѣ; о томъ, что духовный трудъ дѣлаетъ и соединяетъ народы; о защитѣ народнаго труда, и наконецъ о народномъ трудѣ въ общемъ народномъ сознаніи.

Этотъ простой перечень матерій такъ мало объясняетъ содержаніе этого отдѣла книги, что мы считаемъ необходимымъ представить подробное изложеніе нѣкоторыхъ пунктовъ, потому что только такимъ образомъ можемъ мы ближе познакомить читателя съ оригинальными воззрѣніями автора.

Прежде всего авторъ говоритъ о личномъ трудѣ и о народной личности. Признавая трудъ нравственною дѣятельностію, онъ тѣмъ самымъ признаетъ его *личною* дѣятельностію. Изъ личнаго труда необходимо вытекаетъ *личное владѣніе*. Эти основныя положенія не требуютъ вышѣ никакихъ особенныхъ доказательствъ. Личный трудъ есть равно и причина, и слѣдствіе. Живое личное дѣло *дѣлаетъ насъ самихъ болѣе личными*. Мужъ есть существо болѣе личное чѣмъ юноша. Въ выразительномъ лицѣ, оригинальной головѣ, родовая, врожденная мина выработалась въ личныя черты; образовавшійся характеръ, благодаря личному труду, выковалъ свою волю въ совершенно особенную твердую форму.

Но человекъ является личнымъ не только какъ отдѣльное существо; *общеежитіе* въ семьѣ, сословіи, племени, народѣ, принимаетъ также личную печать въ своемъ образованіи. Поэтому авторъ говоритъ о *народной личности*,

представляя себѣ цѣлый народъ какъ одинъ характеръ. Чѣмъ самостоятельнѣе развивается народъ, тѣмъ большее право имѣеть онъ на почетный титулъ народной личности. Но и въ неразвитомъ народѣ кроется уже зародышъ ея. *Происхожденіе, языкъ, нравы и мѣтотворительство*—вотъ четыре великія стороны составляющія народъ. Они представляютъ основу всякой живой жизни,—основу, которая долго переживаетъ измѣнчивую государственную жизнь народовъ и распадается тольکو съ послѣднимъ дыханіемъ народа.

Если трудъ обладаетъ благодатною силою дѣлать людей все болѣе и болѣе личными, то точно также онъ долженъ дѣйствовать и на народныя личности. *Национальный трудъ* образуетъ и устанавливаетъ народную личность. Исследователь народной жизни не можетъ анализировать характеръ народа безъ изученія народнаго труда. Поэтому политическая экономія и статистика представляютъ склады и арсеналы для науки о народѣ. Всѣ остроумныя наблюденія надъ нравами и характеромъ народа, надъ его душой, не имѣютъ прочаго основанія безъ твердой, фактической почвы точныхъ свѣдѣній о трудѣ и безъ знанія законовъ, по которымъ развивается народный трудъ.

Впрочемъ политическая экономія доставляетъ народному исследователю одностороннюю помощь. Она занимается тольکو тѣми благами, которыя можно взвѣсить, исчислить, измѣрить, и тольکو матеріальные работники, производящіе тѣловыя цѣнности, допущены въ ея палаты. Политико-экономическое ученіе о трудѣ необходимо одностороннее: оно не разсуждаетъ о трудѣ вообще и едва касается духовнаго труда и духовнаго владѣнія. Впрочемъ это не упрекъ политико-экономамъ. Иначе и философа должно было бы упрекать за то, что онъ не богословъ, сапожника, что онъ не портной. Область хозяйственной жизни такъ велика, что она требуетъ особенной науки, которая бы изслѣдовала и изъясняла дѣйствующіе въ ней основныя законы. Но имѣя въ виду вообще народный трудъ и вліяніе совокупной дѣятельности народа на образованіе народной личности, мы должны брать во вниманіе и духовный трудъ. Духовный трудъ, или „личныя услуги“, какъ называютъ его политико-эко-

номы, составляетъ у Рима главный предметъ изслѣдованія, потому что именно этого рода трудъ особенно крѣпко и сознательно запечатлѣваетъ народный характеръ.

Въ каждомъ народѣ, говоритъ авторъ, дремлетъ сознание, что онъ долженъ въ средѣ народовъ, проявить свою личность посредствомъ самостоятельныхъ, исключительно ему принадлежащихъ формъ и произведеній труда.

Примѣры въ изобиліи можно черпать повсюду, даже изъ современной исторіи. Съ какою торопливостью и поспѣшностью стараются доказать Венгры, что и у нихъ народные поэты, художники и ученые, что они также какъ и другіе имѣютъ своеобразное народное хозяйство. Они хорошо сознаютъ, что для того чтобы считаться полноправною націей, недостаточно естественныхъ основъ народности, но необходимо указать на свою развивающуюся, индивидуальную культуру, на свой выѣшній народный трудъ. По этому поводу даже скромные умственные дѣятели возвышаются до степени героев умственного труда; искусственно преувеличивается трудъ отдѣльных лицъ, чтобы приподнять народъ на вершокъ выше.

Даже посредствомъ давно-минувшаго народного труда народы стараются узаконить свое существованіе. Италіяцы говорятъ о своихъ великихъ подвигахъ въ торговлѣ, искусствахъ и наукахъ въ эпоху Медичи, чтобы подкрѣпить свои современные права на званіе націи. У народовъ, несравненно болѣе нежели у отдѣльных лицъ, трудъ предковъ служитъ дворянскою грамотой для будущихъ поколѣній. Такое-то глубокое очарованіе заключается повсемѣстно въ чести труда.

Лѣнивые народы исчезаютъ передъ лицомъ трудящихся; они исчезаютъ даже безъ выѣшняго насилія, потому что не могутъ заявить свою личность. Исторія народныхъ переселеній показываетъ намъ множество примѣровъ, что побѣдосныя варварскія племена, поселившись между покоренными образованными народами, совершенно были поглощены ими. Побѣдители теряли свою народность, поглощаясь побѣжденными, и племя, сильное только военнымъ трудомъ, а не болѣе высокими занятіями мира, безсѣдно исчезало, какъ бы поглощенное землею. „Дыханіе бѣлаго человека“, отъ котораго вымираютъ индѣйскія племена, часто есть не

что иное какъ дыханіе личнаго труда,—живенное дыханіе для дѣятельныхъ и воспріимчивыхъ народовъ, но смертельно ядовитое для уснувшихъ.

Далѣе авторъ старается показать, что личный трудъ содѣйствуетъ возрастающему раздѣленію народнаго труда. Часто мы слышимъ, говорить онъ, что трудъ сближаетъ и уравниваетъ національности, то-есть, что трудъ дѣлаетъ народы безличными. Но каждая страница новой исторіи противорѣчитъ этому нелогическому положенію, которое въ сущности означаетъ, что образованіе уничтожаетъ личность. Чѣмъ выше развивается трудъ, тѣмъ основательнѣе дѣлается раздѣленіе труда. Это справедливо не только для отдѣльныхъ личностей, но и для народовъ. Каждая образованная европейская держава взяла на себя извѣстную часть всемірнаго труда, и исполняетъ ее сознательнѣе, самостоятельнѣе, національно-характеристичнѣе, нежели прежде.

Показавъ какимъ образомъ народный трудъ раздѣляетъ народы и дѣлаетъ ихъ болѣе личными, авторъ говорить далѣе о необходимости равновѣсія труда и вслѣдъ за тѣмъ подробнѣе излагаетъ, какъ именно различные роды труда вліяютъ на образованіе народнаго характера.

Трудъ, говоритъ онъ, можно дѣлать на разныхъ основаніяхъ. Для нашей же цѣли достаточны двѣ главныя группы труда: крестьянская и городская работа. Сырое производство мы поставимъ направо, а длинный рядъ ремесла, торговли и наконецъ умственнаго труда налѣво, и не будемъ уже заботиться о другихъ, болѣе тонкихъ дѣленіяхъ.

Школа требуетъ отъ богато-развитаго и сильнаго народа *равновѣсія* этихъ двухъ великихъ группъ труда. Народъ, односторонне предающійся только земледѣію или только промышленности, торговлѣ, умственному труду, не въ состояніи прочно сохранить свою личность въ состязаніи съ образованными народами. Великіе народы и великіе люди должны трудиться универсально; хотя какъ тѣ, такъ и другіе могутъ достигнуть высшей степени совершенства и самостоятельности только въ одномъ какомъ-либо пунктѣ. Ни одинъ изъ выѣшнихъ европейскихъ народовъ никогда не будетъ имѣть достаточно вещества для благоустроеннаго

государства, если не будетъ заключать въ себѣ всѣхъ вполнѣ развитыхъ группъ гражданскаго общества.

Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ министры и ученые совершенно не думали объ этомъ равновѣсіи отдѣловъ народнаго труда; поэтому они односторонне искали спасенія то въ покровительствѣ промышленности, то въ заботахъ о земледѣліи. Они никогда не могли представить себѣ трудъ государственнаго народа какъ вѣчто цѣлое.

Даже нынѣ значительная часть нѣмецкаго народа не возвысилась еще до мысли о равновѣсіи труда. Ремесленникъ желаетъ, чтобы фабрики были отъ него за тридевять земель; крестьянинъ считаетъ бѣольшую часть умственныхъ работниковъ за трутней. Только образованные видятъ и сознаютъ трудъ народа; самъ же народъ видитъ только близъ-лежація части. Можно сказать даже, что человѣкъ изъ народа не видитъ народа, что только самые образованные видятъ народъ. Мы еще такъ молоды въ сознаніи великаго общезитія, что только самые образованные умѣютъ понимать свой трудъ какъ часть народнаго труда. Кто желаетъ наглядно проповѣдывать мораль народу, тотъ не принимается за исторію культуры, не представляетъ въ крупныхъ чертахъ гармонической совокупности силъ въ народахъ; и того, какъ процвѣтаніе и паденіе народовъ выходило изъ ихъ труда. Обыкновенно не пользуются, по совѣту Платона, крупными буквами, а берутъ самыя мелкія письмена и охотнѣе рисуютъ судьбы какого-нибудь прилежааго или лѣвшаго человѣка, вмѣсто того чтобы выводить мораль труда изъ великой психологической драмы народной жизни. Истинно сознающій себя народъ легче можетъ воспламенить частный трудъ посредствомъ общенароднаго труда нежели наоборотъ, и если когда-нибудь мораль народнаго труда будетъ преподаваться въ сельскихъ школахъ, то и простой человѣкъ пойметъ необходимость равновѣсія группъ труда въ здоровой народной жизни.

Бываетъ школа необходимости, въ которой народъ часто въ нѣсколько лѣтъ изучаетъ то, что едва ли приобрѣлъ бы въ теченіе столѣтій путемъ правильнаго школьнаго обученія. Русскіе напримѣръ, продолжаетъ Риль, обращаясь къ намъ, серьезно думаютъ нынѣ о равновѣсіи труда: они убѣдились, что изъ русскому духу (Russenthum) грозитъ гибель

всѣдствие передвинутаго центра тяжести народнаго труда. Въ Россіи одностороннее преобладаетъ сырое производство. По Темгоборскому въ 1852 году народный доходъ отъ промышленности и пр. составлялъ только 375 милліоновъ руб. сер.; между тѣмъ какъ сырое производство 2.044 милліона. Полтора же столѣтія тому назадъ, когда Россія только еще вступала во кругъ европейскихъ державъ, эта несообразность была еще рѣзче. Петръ I долженъ былъ привлекать въ страну промышленность, торговлю и умственный трудъ извнѣ, чтобы положить по крайней мѣрѣ первое основаніе равновѣсію отдѣловъ труда, которое впервые даю народу возможность вступить въ состязаніе съ западно-европейскою образованностью. Но эта привозная гражданская работа была и оставалась не народною; она шла въ народъ и странѣ слишкомъ мало корней, и не могла прійти въ уровень съ земледѣльческимъ производствомъ; она нарушила внутреннюю гармонію русской народности; западно-европейская городская жизнь прямо возстала средиполуазіятскаго крестьянскаго состоянія. Простой чело-вѣкъ остался вполнѣ Русскимъ, болѣе образованный полу-Русскимъ, наиболѣе же образованные становятся совершенно иностранцами. Но въ настоящее время, когда всѣ народы становятся самосознательнѣе, пробудилось и русское народное чувство, и Москвичи сердятся, что даже столица русскаго царства не носитъ русскаго имени, и что *Petersburg* и по-русски называется Петербургомъ. Но Москвичи также сознаютъ, что Россія тогда только можетъ снова сдѣлаться русскою, когда будетъ восстановлено равновѣсіе народнаго труда, когда русское искусство, наука, промышленность и ремесла снова наполнятся русскимъ духомъ, всѣдствие чего повсюду разрастутся корни и произойдетъ наконецъ уравненіе съ чисто-русскимъ земледѣльческимъ производствомъ. Такимъ образомъ необходимость быстро привела здѣсь къ признанію важности вопроса о равновѣсіи народнаго труда, и борьба московской и петербургской партіи должна разрешиться наконецъ въ этомъ вопросѣ.

Политико-экономы говорятъ о равновѣсіи труда, какъ объ основаніи хозяйственной силы высоко-образованныхъ народовъ; общественный политикъ дѣлаетъ шагъ далѣе, и признаетъ въ этомъ равновѣсіи основу непрерывно

обновляющейся народной образованности. Но какъ легко представить вліяніе этого равновѣсія, такъ трудно показать до какой степени существуетъ оно у народа. Это трудно уже для политико-эконома, хотя онъ занимается только матеріальнымъ трудомъ, плоды котораго можно исчислить и взвѣсить. Если онъ сравнитъ число рабочихъ въ различныхъ классахъ труда или взвѣситъ производство этихъ отдѣльныхъ классовъ съ народнымъ доходомъ, то получить вполнѣ чистый и правильный результатъ. Но и въ матеріальномъ трудѣ скрывается значительная доля духовной культуры, которая обуславливая хозяйственную силу этихъ группъ, тяжело падаетъ на вѣсы отдѣльныхъ группъ труда и не можетъ быть выражена въ процентахъ и десятыхъ доляхъ. А *соціологъ* и народо-ислѣдователь вращается лишь въ области духовной статистики, которую никакой волшебникъ не можетъ заключить въ цифры; онъ долженъ изслѣдовать равновѣсіе не только матеріальнаго, но и духовнаго труда, и потому долженъ рѣшать о процвѣтаніи духовной образованности, которую можно изобразить въ фактахъ, но не доказать посредствомъ ариметическихъ правилъ.

Такимъ образомъ раздѣливъ трудъ на крестьянскую и городскую работу и сказавъ о необходимости равновѣсія труда въ этихъ двухъ великихъ группахъ, авторъ приступаетъ далѣе къ разсмотрѣнію вліянія, какое оказываетъ каждый изъ этихъ отдѣловъ труда порознь на образованіе народныхъ нравовъ, а слѣдовательно и народной личности.

Въ земледѣліи рѣшительное вліяніе, говоритъ онъ, на образованіе народнаго характера оказываетъ *сидѣ* труда; при умственномъ же трудѣ, промышленности, и т. д. такое вліяніе оказываетъ *произведеніе* труда. Нравы крестьянъ обуславливаются тѣмъ *какъ* они работаютъ; образованность горожанъ тѣмъ *что* они работаютъ.

Производство крестьянскаго труда представляя сырой продуктъ, лишенный всякаго духовнаго содержанія, не можетъ непосредственно вліять на народный духъ. Когда мы потребляемъ, говоритъ Риль, русскую пшеницу, венгерскихъ быковъ или италіанскій рисъ, то мы не перестаемъ быть Нѣмцами и въ восторженномъ пристрастіи къ нѣмецкому картофелю никто не покажетъ особеннаго патріотизма. Иное бываетъ съ производствомъ городской дѣятельности.

Мануфактурныя произведенія, служація для пользы и украшенія нашей жизни, произведенія умственного труда, питающія нашего внутреннего челоуѣка, показываютъ намъ болѣе поверхностную или болѣе глубокую печать народнаго духа.

Форма земледѣлія главнымъ образомъ обуславливаетъ крестьянскіе нравы. Это—храмъ, въ которомъ оберегается много древнихъ святыхъ народности. Посредствомъ формы своего труда, крестьянинъ сохраняетъ тако и неизмѣнно подвигающуюся впередъ историческую основу народнаго отпечатка, и потому онъ, работая, платитъ косвенный налогъ для личнаго развитія народности, какъ горожанинъ платитъ прямой.

Средневѣковой крестьянинъ главнымъ образомъ основывалъ все содержаніе своей матеріальной и нравственной жизни на *трехпольномъ хозяйствѣ*. Эта система хозяйства существовала при свободномъ и крѣпостномъ состояніи; она древнѣе ленной системы. Но она послужила такою превосходною основой для леннаго государства, и такъ срослась съ нимъ, что наконецъ нельзя стало различать причину отъ слѣдствія. Новѣйшій нѣмецкій крестьянинъ политически представляетъ вполнѣ новое состояніе, состояніе свободныхъ мелкихъ собственниковъ, которое совершенно отлочно отъ пестрыхъ средневѣковыхъ крестьянскихъ группъ. Но гдѣ только трехпольное хозяйство того времени еще держится, тамъ, несмотря на политическое движеніе, основныя нравы остаются средневѣковые. Политически крестьянинъ сдѣлался новымъ челоуѣкомъ, социальво же онъ остался старымъ, то-есть относительно труда и вытекающихъ изъ него нравовъ.

Великіе хозяйственныя кризисы производятъ самыя сильныя перевороты въ крестьянскихъ нравахъ. Въ новѣйшее время исторія сельской одежды и постройки домовъ находится въ постоянномъ соотношеніи съ исторіею хлѣбныхъ цѣвъ. Это происходитъ не потому только, что вмѣстѣ съ возвышеніемъ хлѣбныхъ цѣвъ крестьянинъ становится богаче (мы видимъ, что богатые крестьяне—самыя вѣрныя хранители нравовъ), но потому что движеніе рынка побуждаетъ его къ улучшениямъ, и даже къ совершенной реформѣ хозяйства. Побуждаемый необходимостью, онъ обращаетъ выгонную землю подъ плугъ, дѣлаетъ общинныя

земли, вводитъ искусственное травосѣяніе и кормленіе скота въ стойлахъ; прежнія орудія, амбары, конюшни оказываются также недостаточными. Крестьянинъ незамѣтно становится другимъ въ полѣ, домѣ и дворѣ, а следовательно въ одеждѣ, нравахъ, поговоркахъ, пѣсняхъ и сказкахъ. Самую долговѣчную, наследственную вещь, избу, истинный крестьянинъ никогда не мѣняетъ, если къ тому не побуждаетъ его пожаръ, или если не соблазняетъ его продолжительное возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ. Поэтому, кто желаетъ измѣнить крестьянскіе нравы, тотъ долженъ начинать съ ихъ труда. Политическіе и общественные проповѣдники прогресса, воображавшіе себя, что они тотчасъ же могутъ отговорить крестьянъ отъ ихъ нравовъ, дѣлали ихъ только болѣе упорными. Поэтому клеверные и картофельные апостолы восемнадцатаго столѣтія и земледѣльческія общества девятнадцатаго, произвели несравненно болѣе глубокій переворотъ въ крестьянскихъ нравахъ нежели современное политическое преобразование крестьянскаго сословія.

Древнее *травпольное хозяйство*, самымъ широкимъ образомъ запечатлѣвшее и опредѣлившее нравственный ликъ средневѣковаго крестьянина, благоприятствуетъ существованію общиннаго имущества возлѣ выдѣлившейся частной собственности. Отчасти оно даже произошло изъ общинныхъ имѣній древнѣйшаго времени. Чѣмъ современнѣе становимся мы, тѣмъ рѣшительнѣе и повсемѣстнѣе общинное и родовое имущество уступаетъ мѣсто личной собственности. Даже древнее цеховое устройство основывалось на мысли, что всѣ примышленныя права принадлежали городу, который уступалъ ихъ въ ленъ отдѣльнымъ цехамъ. Какъ сильно общинныя и родовыя имущества укрѣпляютъ историческіе обычаи, очевидно изъ каждой страницы исторіи крестьянства и дворянства въ Германіи. Напротивъ съ *плодоперемѣннымъ хозяйствомъ* исчезаютъ общинныя угодья и крестьянскія родовыя земли; перемѣнчивое личное владѣніе дѣлается господствующимъ, и крестьянинъ становится вполнѣ современнымъ уже вслѣдствіе одного перехода отъ трехпольной системы къ плодоперемѣнной. Трехпольный крестьянинъ получаетъ въ наследство обыкновенно только незначительную долю труда, правъ и приемовъ; дѣти остаются дома, и то немногое, что необходимо имъ знать для ихъ труда, само собою до-

стается имъ въ отцовскомъ домѣ. Форма труда сама по себѣ есть унаслѣдованный обычай, а вмѣстѣ съ нею переходить изъ рода въ родъ и другіе мѣстные, сословные и домашніе нравы. Напротивъ того, плодотворительный крестьянинъ пользуется своею землею несравненно искуснѣе; онъ обрабатываетъ рационально; онъ учится внѣ дома; онъ оплодотворяетъ свою работу промышленностью и наукою, и заводитъ болѣе основательное раздѣленіе труда. Поэтому онъ выдвигаетъ крестьянскіе нравы изъ сословныхъ и родовыхъ предѣловъ; чуждые нравы, двигая и преобразуя, вторгаются въ его жизнь. Плодотворительное хозяйство возникло въ давнюю пору въ мѣстностяхъ доступныхъ торговлѣ, гдѣ рано развились города, какъ во Франціи, близъ Парижа, въ Эльзасѣ и Пфальцѣ, въ сѣверной Швейцаріи и Тосканѣ. Оно предполагаетъ густонаселенную область, и въ свою очередь сильно содѣйствуетъ возрастанію народонаселенія. А гдѣ народонаселеніе густо, тамъ отдѣльная личность не можетъ такъ неизмѣнно и упорно держаться старинныхъ преданій какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отдѣльныя семьи живутъ разбросанно или совершенно одиноко. Благодаря также этому обстоятельству трехпольный крестьянинъ остается хранителемъ нашихъ первобытныхъ нравовъ. Но даже и рациональный крестьянинъ, столь приблизившійся къ городу, все-таки еще крестьянинъ, и въ свою очередь, сравнительно съ горожанинномъ, служитъ хранителемъ старыхъ мѣстныхъ преданій.

Итакъ, благодаря формѣ своего труда, крестьянинъ хранить въ себѣ наслѣдіе народной старины. Онъ показываетъ намъ основныя черты народной личности, пребывающія въ покоѣ и наименѣе инстинктъ. Но этотъ покой не мертвъ; онъ только сравнительно покой, и подъ этою, повидимому, окостенѣвшею оболочкою крестьянскихъ нравовъ, таится тѣмъ не менѣе тихая жизнь, и эта твердая народная группа медленно движется также впередъ.

Крестьянскій трудъ и крестьянскіе нравы—какъ бы остова народной личности. Мы не видимъ какъ растутъ кости, тѣмъ не менѣе онѣ растутъ. Народный языкъ такъ признаетъ эту заслугу крестьянъ крѣпко поддерживать посредствомъ своего труда подвижные органы народа, что онъ считаетъ однозначными крестьянскіе нравы и народные

нравы, крестьянскій языкъ и народный языкъ, крестьянскую одежду и народную одежду.

Но хотя крестьянскій трудъ обуславливаетъ собою крестьянскіе нравы, а следовательно опредѣляетъ собою основу народного характера, тѣмъ не менѣе народный духъ впервые сознаетъ себя только въ *результатахъ городскихъ занятій и городской образованности.*

Взглядъ на противоположный полюсъ земледѣлія, на умственный трудъ, лучше всего объяснить намъ смысломъ этого положенія. Но сначала посмотримъ что подразумѣвается подъ словомъ: „умственный трудъ.“

Въ сущности каждый трудъ заключаетъ въ себѣ часть умственного труда, потому что, какъ личная и нравственная дѣятельность, онъ долженъ вытекать изъ плана, цѣли и побужденій духа.

Но такое значеніе слишкомъ широко, и никто не употребляетъ его въ этомъ смыслѣ.

Дѣло идетъ болѣе о томъ, требуетъ ли производство преимущественнаго употребленія матеріальныхъ или духовныхъ силъ и способностей. Пусть кто-нибудь производитъ чисто хозяйственныя блага, тѣмъ не менѣе мы назовемъ его умственнымъ работникомъ, если только для этого требуется болѣе усилій головы нежели рукъ. Крупный землевладѣлецъ выходитъ изъ общественной группы крестьянъ, потому что онъ болѣе умственный нежели ручной работникъ.

Пресловутая противоположность капитала и труда часто есть не что иное какъ раздѣленіе духовнаго и матеріальнаго труда, болѣе рѣзко проведенное въ фабричномъ нежели въ ремесленномъ производствѣ. Каждое занятіе безпрестанно стремится къ тому, чтобы доставить умственному труду преобладаніе надъ простою ручною работою. Поэтому предѣлы умственного труда, на сколько онъ проявляется какъ простой дѣятель въ матеріальныхъ занятіяхъ, чрезвычайно обширны, и часто мы вовсе лишены масштаба, которымъ можно было бы измѣрить, гдѣ преобладаетъ работа головы и гдѣ—рукъ.

Несравненно очевиднѣе и опредѣленнѣе обнаруживается духовный трудъ тамъ, гдѣ онъ не просто только преобладающій дѣятель въ матеріальномъ производствѣ, но гдѣ онъ совершаетъ умственное дѣло, идеальную цѣнность. Подоб-

ный трудъ авторъ называетъ *чисто-умственнымъ*, или *чисто-духовнымъ трудомъ*.

Чисто-умственный трудъ, говоритъ онъ, подлежитъ своеобразнымъ законамъ, которые не рѣдко самымъ очевиднымъ образомъ перекрещиваютъ тѣ основныя линіи, которыя политико-экономы начертываютъ для труда вообще, между тѣмъ какъ они имѣютъ въ виду только производство матеріальныхъ благъ. Непонимаемый простолюдиномъ, ложно понимаемый социалистами, большею частію оставаемый въ сторонѣ положительными политико-экономами, этотъ чисто умственный трудъ составляетъ ту закваску, которая приводитъ въ самое сильное движеніе современное намъ общество.

Онъ есть *самый личный* изъ всѣхъ формъ труда. Онъ требуетъ по большей части характера, таланта, наконецъ генія, то-есть самосознательной, вполне себя опредѣляющей творческой силы. Поэтому онъ рано разбилъ сословныя и общинныя ограниченія труда, и въ то время, когда люди должны были рождаться крестьянами и ремесленниками, человѣкъ родившійся пролетаріемъ могъ стать папою.

Чисто-умственный трудъ есть до такой степени дѣло столь личное, что въ своемъ высшемъ творествѣ онъ не допускаетъ того *раздѣленія труда*, которымъ обуславливается перевѣсъ фабричнаго производства надъ ремесленнымъ. Онъ вообще относится къ матеріальному труду, какъ время къ пространству. Поэтому здѣсь одинъ періодъ времени духовнымъ образомъ трудится для другаго, а не въ одно и то же время работникъ трудится для подмастерья, подмастерье для мастера; по крайней мѣрѣ такъ бываетъ въ высшихъ геніальныхъ произведеніяхъ искусства и науки. Гомеръ, Софоклъ и Шекспиръ—сотрудники современнаго поэта; здѣсь нѣтъ того одновременнаго механическаго раздѣленія труда, которое допускало бы напримѣръ, чтобы мастеръ производилъ мысли, подмастерье ковалъ стихи, а ученикъ спаивалъ риемы.

Уже вслѣдствіе этого закона, временно раздѣленный духовный трудъ ведетъ цѣлую цѣпь народнаго развитія постоянно впередъ отъ одного звена къ другому. Произведенія труда суть проявленія этого движенія, и они мощно содѣйствуютъ поддержанію историческаго самосознанія народа.

Даже и тамъ, гдѣ умственный трудъ является преобладающимъ дѣвателемъ въ производствѣ хозяйственныхъ благъ, онъ представляетъ не пространственное и механическое, а временное и идеальное раздѣленіе труда. Промышленный изобрѣтатель беретъ изъ рукъ своего предшественника полусозрѣвшую идею для ея дальнѣйшаго развитія; но для этого онъ долженъ заключиться въ свою одинокую мастерскую.

Чисто-умственный трудъ столь индивидуаленъ, что мы изъ него можемъ выводить не только личное владѣніе матеріальнымъ плодомъ труда, но даже идеальное личное право на *владѣніе самими трудами*. Мысли, получившія индивидуальную форму въ моемъ духѣ, какъ трудъ составляютъ до такой степени мою личную собственность, что если кто-либо присвоитъ ихъ и выдастъ за свои самостоятельныя, тотъ *украдетъ* ихъ. Онъ можетъ и долженъ пользоваться моими мыслями, но не отпечаткомъ моего личного труда. Въ эпохи, когда народы не были еще такъ личны, а следовательно и трудъ былъ менѣе личенъ, не существовало литературнаго воровства. Средневѣковые лѣтописцы наивно и простоудшно грабили другъ друга; но этимъ они распространяли мысли и знанія, не желая присвоить себѣ ихъ, какъ лично выработанныя. Только тамъ, гдѣ является *стиль* какъ признакъ личного труда, начинается плагиатъ.

Прежде, для того чтобъ узнать увеличивается ли болѣзнь, мѣряли больныхъ. Такъ поступить и тотъ, кто пожелаетъ исчислить духовныхъ работниковъ народа, для того чтобъ узнать возрастаетъ ли сила идеального труда. Духовный трудъ вообще нельзя измѣрить и исчислить въ цифрахъ. И наоборотъ, чѣмъ механичнѣе трудъ, тѣмъ вѣрнѣе его статистика. При самомъ простомъ трудѣ каждый работникъ представляетъ среднимъ числомъ равную рабочую силу, и если мы къ ней присоединимъ число рабочихъ, то сумма ихъ представитъ намъ сумму рабочей силы. Если мы знаемъ, что 1000 работниковъ заняты пряденіемъ хлопчатой бумаги, то мы легко можемъ опредѣлить рабочую силу фабрики и ея производство. Если же мы знаемъ, что 100 печатающихся и не печатающихся поэтовъ производить стихи въ какомъ-либо городѣ, то мы ровно ничего не знаемъ. Духовный трудъ до такой степени личенъ, что насмѣхается надъ всякою числен-

ною статистикой. Его можно только познавать и изображать, то-есть его можно уловить только въ духовной статистикѣ, которая въ свою очередь есть плодъ личнаго изслѣдованія и пониманія.

Но хотя духовный трудъ, какъ и вообще духъ, нельзя оцупать руками, тѣмъ не менѣе онъ является самою рѣшительною силой для дальнѣйшаго развитія народной личности, и если мы въ мануфактурныхъ произведеніяхъ признаемъ отпечатокъ народнаго духа, то именно на столько, на сколько въ облагороженномъ и видоизмѣненномъ веществѣ проглядываетъ часть духовнаго труда.

Уже за сто и двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ Германіи, было достаточно проповѣдниковъ, которые ревностно старались убѣдить народъ, что пристрастіе къ иностраннымъ модамъ дѣйствуетъ разслабляющимъ образомъ; но, несмотря на то, говоритъ Риль, французскіе наряды не переставали считаться признакомъ высшаго тона, иностранные архитекторы не переставали строить наши дворцы, иностранные танцмейстеры учить наше ювощество приличіямъ и манерамъ.

Господство иностранныхъ произведеній всякаго рода является вслѣдствіе высшихъ причинъ; оно возникаетъ вслѣдствіе могущественнаго вліянія чисто умственнаго труда; поэтому отъ него нельзя отдѣлаться поученіями, пока искусство, литература и наука остаются не національными.

Парижъ назывался въ средніе вѣка „философскимъ городомъ“, и Парижскій университетъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій дѣйствительно былъ столицею западной философіи, куда стекались знаменитые нѣмецкіе схоластики, а позже мистики и гуманисты. Сначала въ Парижъ отправлялись ученые, потомъ художники и кавалеры, а наконецъ проложили туда путь портные, столяры и парикмахеры. Не будь Абельаръ и Жерсонъ парижскими свѣтильниками міра, кто знаетъ, можетъ быть, и портные гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ зажигали бы свой свѣтильникъ.

Господство моды одного народа надъ другимъ есть сила, въ которой вмѣстѣ съ долею умственнаго труда скрывается доля своеобразнаго народнаго духа. Господство это потому такъ и сильно, что начало его заключается въ духѣ.

Такъ какъ произведенія чисто-духовнаго труда раньше

всего и самымъ очевиднымъ образомъ запечатлѣваютъ народный характеръ, то народы прежде всего сознаютъ личность своего труда въ умственныхъ произведеніяхъ. Прежде нежели возникаетъ вопросъ о національной промышленности, требуется народное содержаніе литературы и искусства. Прежде нежели народъ увидитъ инстинктивное творчество своего собственнаго духа въ крестьянскихъ нравахъ, полюбитъ и начнетъ изучать его, образованный слой народа долженъ самъ испытать свои силы въ умственномъ трудѣ. Сознаніе и здѣсь идетъ сверху внизъ.

Нѣмцы XVIII-го столѣтія у Клопштока и Лессинга поняли очарованіе народнаго труда несравненно прежде нежели умѣли цѣнить значеніе промышленности развитой въ національномъ духѣ. Въ поэзіи возвратились несравненно ранѣе къ національному отпечатку нежели въ музыкѣ; въ этой послѣдней прежде нежели въ архитектурѣ; это значитъ, что чѣмъ духовнѣе искусство, тѣмъ скорѣе представляло оно современникамъ національный отпечатокъ. Въ то самое время, когда въ Германіи сознательно и ревностно принялись за новую нѣмецкую литературу, Юстусъ Мезеръ воодушевленно проповѣдывалъ о народной старинѣ, сохранившейся въ трудѣ и нравахъ вишне-саксонскихъ крестьянъ; но только XIX-му столѣтію предоставлено было развить идеи Мезера и обратить всѣ эти сокровища старинной образованности въ общее достояніе всѣхъ образованныхъ людей въ Германіи.

Такимъ образомъ сознаніе національнаго труда идетъ съ вершины внизъ, потому что трудъ становится самою личною дѣятельностью преимущественно въ умственныхъ кругахъ труда, и притомъ не только индивидуально-личною, но и народно-личною.

Этотъ умственный трудъ, въ которомъ особенно ясно проявляется связь между народнымъ духомъ и производствомъ, который такъ могущественно дѣйствуетъ на пробужденіе народнаго сознанія, служить, по мнѣнію автора, въ одно и то же время элементомъ соединяющимъ и разделяющимъ народы.

Мастеръ чисто духовнаго труда не имѣетъ покупателей, но онъ имѣетъ публику. Публика есть народъ, поскольку онъ принимаетъ произведенія духовнаго труда. Умственный работникъ безъ публики ровно ничего не

значить; но онъ менѣе нежели ничто, онъ—самая жалкая посредственность, если онъ не въ состоянiи овладѣть этою столь необходимою ему публикой, если онъ работаетъ по заказу какъ ремесленникъ или про запасъ какъ фабрикантъ.

Говорятъ, запросъ и трудъ взаимно обуславливаютъ другъ друга; но чѣмъ матеріальнѣе произведеніе, тѣмъ рѣшительнѣе трудъ обуславливается запросомъ, а чѣмъ духовнѣе, тѣмъ рѣшительнѣе запросъ обуславливается трудомъ.

Истинно творческій духъ, геній чисто-духовнаго труда обуславливается не запросомъ и потребностью, которые лежатъ внѣ его; онъ обуславливается самъ собою; его собственная творческая потребность служить для него единственнымъ опредѣляющимъ запросомъ, и вмѣсто того чтобы обуславливаться запросомъ, онъ въ тысячу разъ болѣе самъ возбуждаетъ новыя потребности тамъ, гдѣ ихъ никто не предчувствовалъ. Поэтому свободное геніальное произведеніе, въ минуту появленія, кажется иногда даже какъ бы излишнимъ, и только послѣ многихъ десятковъ лѣтъ становится истинною потребностью культуры.

Но хотя истинный геній творить свободно, потому что въ самомъ себѣ заключаетъ потребность своего творчества, тѣмъ не менѣе онъ бесплодно погубить себя, если самоопредѣленіе его творчества не совпадетъ съ потребностями народа и съ потребностями времени. Подъ словомъ „время“ должно разумѣть не только ту минуту, когда произведеніе является на рынокъ, но цѣлую эпоху, то-есть минуту, измѣряемую по возрастамъ человѣчества.

Мастеръ духовнаго труда стоитъ съ одной стороны выше публики и ея потребностей, съ другой же все-таки онъ долженъ корениться въ публикѣ и ея потребностяхъ; великіе мастера творческаго духа стоятъ также выше народа, хотя они глубоко коренятся въ немъ. Въ духовномъ трудѣ не только *раздѣленіе* народовъ является во всей ясности, но и *единеніе* народовъ образованныхъ. Мы говоримъ объ общечеловѣческой литературѣ въ національной, и имѣемъ въ виду геніевъ подобныхъ Гомеру, Софоклу, Данте, Шекспиру и Гете; мы говоримъ о герояхъ искусства, науки, государственнаго управленія, принадлежащихъ цѣлому міру, не потому чтобъ они были поверхностными космополи-

тами, произведенія и дѣла которыхъ лишены народнаго отпечатка, но наоборотъ, потому что они такъ глубоко и вполнѣ народно работали, мы у нихъ въ народномъ духѣ ясно сознаемъ вѣчно-человѣческое.

Кто былъ истиннымъ Грекомъ какъ не Софоклъ, истиннымъ Италіянцемъ какъ не Данте, истиннымъ Британцемъ какъ не Шекспиръ? А между тѣмъ они принадлежатъ всемірной литературѣ, и намъ часто кажется, что мы видимъ тончайшія черты нашего народнаго искусства въ твореніяхъ Грековъ, Италіянцевъ и Британцевъ; и именно тамъ, гдѣ они всего крѣпче стоятъ въ своемъ народномъ духѣ.

Итакъ, посредствомъ самостоятельнаго труда, народъ узакониваетъ себя какъ націю; *посредствомъ произведеній духовнаго труда, возрастающихъ до всемірно-историческаго значенія, онъ проявляетъ себя какъ великую державу цивилизаціи между народами.* Личная работа, чисто духовный трудъ, рѣзче всего раздѣляетъ народные характеры, вмѣстѣ съ тѣмъ съ другой стороны производятъ самое крѣпкое единеніе всего образованнаго міра, связывающее время и народы.

Риль рѣшается затѣмъ произнести запрещенное слово. Слово это: *защита народнаго труда.* Но это слово хорошее, замѣчаетъ онъ, если только хорошо употреблять его. Уже изъ предшествовавшаго изложенія можно заключить, что авторъ разумѣетъ подъ нимъ не защиту внутренняго производства желѣза и свекловичнаго сахара, защиту посредствомъ премій, монополіи и таможенъ.

Сырыя и мануфактурныя произведенія, не представляющія никакого или почти ни какаго отпечатка личнаго духовнаго творчества, покупаются тамъ гдѣ они лучше и дешевле. Нѣмецкая хозяйка не перестаетъ быть Нѣмкою, если она вяжетъ чулки изъ англійской пряжи, и тотъ, кому гаванская сигара нравится болѣе пфальдской, можетъ курить ее безъ всякаго опасенія за свое патріотическое настроеніе. Каждый знаетъ какъ сильно содѣлствуютъ эти матеріальныя отрасли труда богатству и хозяйственной силѣ народа; каждый порядочный человѣкъ желаетъ также, чтобы его отечество настигло и превзошло другія страны въ состязаніи на поприщѣ этого труда; но каждый разсудительный человѣкъ знаетъ также, что луч-

шее покровительство, которое можно оказать этому труду, состоитъ въ томъ, чтобы вовсе не покровительствовать ему, а предоставить его полной свободѣ.

Школа Листа долго поняла идею защиты національнаго труда. Она желала защитить нѣкоторыя фабричныя отрасли отъ иностраннаго превосходства, чтобы дать такимъ образомъ фабрикантамъ возможность укрѣпиться и потомъ производить столь же дешево и обильно, какъ иностранныя соперники. Но слава Листа состоитъ не въ томъ, какъ онъ говорилъ о національномъ трудѣ, но въ томъ, что онъ отъ искренняго сердца рѣшился заговорить о національномъ трудѣ.

Когда прежде говорили о „защитѣ народнаго труда“ то принимали ошибочно всѣ эти три слова. При словѣ „защита“, думали о принудительныхъ государственныхъ мѣрахъ; подъ словомъ „національный“, подразумѣвали отношеніе труда къ народному богатству, а не къ личности народа, и наконецъ слову „трудъ“ придавали тѣсное значеніе одной части труда.

Истинная защита народнаго труда касается не производителей, но потребителей; она идетъ не отъ государства, а отъ самихъ потребителей; она заботится не только о народномъ доходѣ, деньгахъ и барышахъ, но и о воздушномъ благѣ народнаго духа. Подобная защита не составляетъ задачи государства; она есть дѣло чести всякаго образованнаго лица въ отдѣльности.

Какъ въ произведеніяхъ чисто-духовнаго труда мы впервые сознали національный отпечатокъ труда вообще, такъ здѣсь же мы впервые почувствовали нашу обязанность цѣнить народныя произведенія труда преимущественно передъ иностранными, оживаться и поучаться ими. Съ возрастающимъ образованіемъ мы сознаемъ, что творенія нашихъ собственныхъ мастеровъ всего ближе и важнѣе для насъ не потому, что они безусловно лучшіе, но потому что они наша собственная личная работа, дѣлающая насъ самихъ болѣе личными и следовательно болѣе могущественными, какъ народъ.

Образованіе, полагающее начало идеальной защитѣ народнаго труда, есть самое мощное покровительство превосходящее всѣ мовополіи и таможенныя пошлины.

Въ настоящее время, великіе мастера чисто-духовнаго труда творять съ сознаниємъ, что они стоятъ среди народа. Но подобное сознание должно проникать трудъ каждаго работника, потому что каждый представляетъ собою по крайней мѣрѣ нѣкоторую долю умственнаго работника. Даже самый ничтожный работникъ, по крайней мѣрѣ, инстинктивно чувствуетъ, что трудъ его есть нравственная дѣятельность, и это сознание нравственной дѣятельности вмѣстѣ съ спасительнымъ принужденіемъ, котораго не можетъ избѣгнуть даже творческій гений, заставляетъ его нести трудъ и служить подпоркою ему. Онъ желаютъ трудиться не только для себя, но и для другихъ, по крайней мѣрѣ для семьи. Этотъ кругозоръ расширяется по мѣрѣ образованія, и тѣ, которые въ трудахъ для народа забывали самихъ себя, были наши лучшіе люди, а не какіе-нибудь глупцы. Съ дальнѣйшимъ же развитіемъ истинной культуры, каждый работникъ долженъ одушевляться сознаниємъ, что онъ трудится не только для себя и своихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и для народа, что онъ содѣйствуетъ образованію основъ нашей живой жизни, нашей народной личности. Только тогда, когда эта мысль будетъ побужденіемъ не только для творческаго духа, но, загорѣвшись, освѣтитъ душу даже простаго работника, только тогда можно будетъ сказать, что [возрастающее самопознание народовъ воплощается въ сознательномъ, личностно-народномъ трудѣ.

VI.

Вслѣдъ за этимъ общимъ анализомъ народнаго труда и вліанія, оказываемаго имъ на народныя нравы и на образованіе народной личности, авторъ переходитъ къ болѣе частному предмету; онъ смотритъ какъ выражается понятіе труда въ пѣсняхъ и поговоркахъ, преданіяхъ и нравахъ нѣмецкаго народа. Эта часть труда Рила очень интересна по своей новизнѣ и оригинальности, и несмотря на то, что относится исключительно къ нѣмецкому народу, представляетъ однако интересъ и для насъ

Русскихъ, потому что заключаетъ въ себѣ много общихъ чертъ, свойственныхъ и нашему народу.

Можетъ показаться страннымъ, что по поводу политико-экономическаго предмета „труда“, дѣлается пошальный обыскъ въ пѣсняхъ и сказаніяхъ; но, замѣчаетъ авторъ, кто желаетъ представить-взгляды народа на трудъ, тотъ и въ пѣсняхъ и сказкахъ найдетъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Кто умѣетъ дѣлать новыя сочетанія изъ старыхъ фактовъ, кто умѣетъ по новому прочесть древнее писаніе, тотъ и въ народной жизни, какъ и въ прочихъ вещахъ, сумѣетъ открыть новое.

Нѣмецкій народъ не поетъ особенныхъ торжественныхъ гимновъ въ честь труда. Напротивъ, по словамъ автора, надобно долго рыться въ народныхъ пѣсняхъ стараго и новаго времени, чтобы найти похвалу прилежанію, порядку и умѣренности; чаще можно натолкнуться на *веселыя разгульныя пѣсни*, пѣсни полныя юмора, восхваляющія нищенство, праздность, убожество, — и кабинетный моралистъ, ничего не понимающій въ народѣ и поэзіи, при взглядѣ на первобытныя грубыя народныя пѣсни (не въ осклаенныхъ и напомаженныхъ изданіяхъ), легко можетъ подумать, что Нѣмцы самый дѣтливый и развратный народъ въ мірѣ.

Такъ въ древнихъ народныхъ пѣсняхъ является намъ хвастливое разгулье:

„Hätt' ich das Kaiserthum,
Dazu den Zoll am Rhein
Und wär' Venedig mein,
So wär' es all's verlör'n:
Es müsst verschlemmet seyn!“

(Когда бы владѣлъ я царствомъ, да еще Рейнскими пошлинами, и когда бы моя была Венеція, то ничего бы не уцѣло: все было бы пропито.)

Подобный же тонъ звучитъ, по словамъ Риль, въ сотняхъ вариантовъ. Вообще для народа болѣе поэзіи въ юмористическомъ изображеніи лжи нежели въ изображеніи достоинства труда. Въ лучшихъ старинныхъ застольныхъ пѣсняхъ, трудъ часто презирается, пьянство прославляется какъ лучшій трудъ, глубокій погребъ представляется рудникомъ, изъ котораго течетъ расплавленное золото, состоя-

занія питуховъ, гдѣ поле сраженія остается за наиболѣе плавнымъ, самыми благородными битвами.

Въ духовныхъ народныхъ пѣсняхъ прославляется не трудъ, но покой и отдыхъ. Особенно часто повторяется во многихъ пѣсняхъ мысль, что крестьянинъ долженъ имѣть отдыхъ. „Muss haben seine Ruh'—Muss haben seine Ruh'.“

Подобно пѣснямъ, поговорки склонны болѣе къ юмористической похвалѣ лѣни; но здѣсь уже чаще проглядываетъ лицо суроваго нравоучителя. Въ нѣмецкомъ языкѣ слово „faul“ уже само по себѣ есть эпитетъ, потому что однимъ и тѣмъ же словомъ рѣзко обозначается нравственное гнѣвие лѣниваго и гнѣвие животной смерти. Нѣмецкій простолюдинъ идетъ далѣе въ этой изобразительности, и называетъ, тумаяща такимъ лѣнтяемъ-гаулякомъ, что онъ воняетъ—*fauler posh Mist*. Впрочемъ замѣчаетъ Риль, значительная часть народныхъ поговорокъ понимаетъ лѣнивую глупость довольно добродушно, такъ что скорѣе можно сказать, что народъ шутитъ и смѣется надъ лѣнью нежели казнить ее. „Для лѣниваго каждый день праздникъ“. „Лѣнтяй зѣваетъ съ утра и говоритъ: что это ночь не приходитъ!“ Онъ любитъ короткую проповѣдь и длинныя колбасы. Ему посылаетъ Богъ во снѣ: „работающему хлѣбъ, а лѣнивому два“. „Бросить онъ на крышу крейцеръ, ему въ руки скатится баценъ“. „Промоталъ онъ корову, у него быкъ телится“.

Простолюдинъ работающъ, но не ретивъ; онъ любитъ дѣлать въ прохлада, любитъ медленный шагъ въ работѣ, крестьянскій шагъ, который издали часто кажется лѣнивымъ. Похвала этой неторопливости чисто по-крестьянски воспѣта во многихъ поговоркахъ. Имъ не много можно противопоставить такихъ, въ которыхъ хвалялась бы быстрая, огненная работа. Быстрая работа есть городской и новѣйшій темпъ, а у горожанъ новаго времени старыя пословицы вымираютъ и замѣняются новыми. Крестьянинъ же говоритъ: Тихе ѣдешь, далѣ будешь! Скорый поспѣхъ, людямъ на смѣхъ. Скорость нужна, а поспѣшность вредна. Скоро пойдешь, ногу зашибешь. И тихій возъ на горѣ будетъ. Что скоро дѣлается, то скоро портится. Поздніе плоды идутъ лучше въ прокъ. Кто рано спѣшитъ, тотъ поздно будетъ отдыхать. Не спѣши собака, не ражана бѣ слѣпныхъ щенковъ.

Умѣренный спокойный трудъ можетъ взять себѣ въ па-

троны Св. Мартына. Когда однажды извоицкъ встрѣтилъ его и спросилъ дождеть ли онъ въ тотъ же вечеръ до Парижа, святой Мартынъ отвѣчалъ: „Дождешь, коли не будешь спать, а поспишишь—не дождешь“. Извоицкъ подумалъ, что святой отецъ выпилъ сверхъ жадны и погналъ лошадей; но вдругъ сломалось колесо, и пока онъ чинилъ его, ворота были заперты, и онъ долженъ былъ остаться.

Но если въ нѣмецкихъ народныхъ пѣсняхъ рѣдко воспѣвается честь труда, то еще рѣже *похвала и мужеству и богатству*. Зато они наполнены юмористическими и сентиментальными стихами *въ честь бѣдности*. Утѣшительныя и жалобныя пѣсни слушаются охотнѣе нежели хвалебныя. Едва ли въ чемъ-либо, говоритъ Риль, нѣмецкій народъ показалъ болѣе души, ума и чувства, какъ въ утѣшеніи и иронической хвалѣ бѣдности.

Бѣдность шутитъ надъ своимъ собственнымъ несчастіемъ и освѣщаетъ свое мрачное существованіе грустными сумерками юмористической поэзіи. И несмотря на то, что эти пѣсни большею частью древняго происхожденія, народъ поетъ ихъ и нынѣ.

Еще глубже говорится о славѣ бѣдности въ безчисленныхъ древнихъ поговоркахъ. Риль подводитъ ихъ подъ двѣ основныя мысли, именно: съ одной стороны бѣдность и нужда побуждаютъ къ глубокому, торжествующему труду, съ другой бѣдность есть мать христіанскаго смиренія. Между великими людьми Германіи, говоритъ Риль, и голодомъ есть тѣсная связь. Въ старину говорили: *Wär Armuth nit, so wär kein Kunst* (не будь бѣдности, не было бы и умѣнья). *Armuth lehrt geigen* (бѣдность на скрункѣ учитъ играть). *Hunger macht scharfe Köpfe* (голодь умъ остритъ). *Neue künd' kommen von armen Leuten* (голь на выдумку хитра.) *Reichthum ist und bleibt dumm* (богатство глупо.) *Feistes Land, faule Leute* (тучная земля, лѣнныя люди.) Эта гордость бѣдностью, какъ великою школою труда, эта *ingeniosa fames*, есть и понынѣ народная нѣмецкая черта. Мы, говоритъ Риль, народъ работающій, и однако мы съ убѣжденіемъ повторяемъ: *Armuth schändet nicht* (бѣдность не порокъ.) *Gut macht Muth, der ist gut; Armuth — Demuth, die ist besser* (богатство бодритъ, это хорошо; бѣдность смиряетъ, это еще лучше.) Эразмъ Роттердамскій говорилъ: „только бѣдность добродѣтельна, потому добродѣтель и

пишутъ въ изворванномъ платѣ.“ Это старомодныя слова, запрещенныя въ новѣйшей литературѣ, но въ сердцахъ бѣднаго, не ученаго народа, они остаются вписаны и понынѣ. Смиреніе бѣдности, конечно, помогало кѣмъ-то народу сносить рабство; но оно сдѣлало его способнымъ еще къ высшему искусству—сносить свободу, а нашимъ сосѣдямъ, добавляетъ Риль, намѣкая на Французовъ, еще со временъ Тацита не дается ни то, ни другое.

Народная похвала бѣдности основывается, по мнѣнію автора, на двухъ историческихъ побужденіяхъ. Съ одной стороны въ ней проявляется христіанская черта—смиреніе и новозавѣтное презрѣніе къ маммону; съ другой, отражается историческая судьба народа, потому что эти стихи и поговорки очень давняго происхожденія. Пребывая долгое время въ неволѣ и утѣсненіи, осужденный на нужду и лишенія, народъ приписывалъ свою участь неисповѣдимымъ судьбамъ Всевышняго. Поэтому бѣдный говорилъ о своемъ несчастіи съ тою же покорностью судьбъ, какъ нынѣ мы говоримъ вообще объ ограниченности человѣческой природы. И дѣйствительно, тамъ гдѣ зависть и злоба не наполняютъ души бѣднаго, онъ ничего не можетъ придумать болѣе разумнаго, какъ изображать свое положеніе въ забавномъ и веселомъ видѣ. Общественныя отношенія совершенно преобразовались, а между тѣмъ свободный крестьянинъ поетъ все тѣ же пѣсни, какъ прежній крѣпостной. И онъ имѣетъ основаніе. Потому что хотя формы труда, формы бѣдности и богатства, сдѣлались подвижны и уже не такъ рѣзко, какъ прежде, связаны съ словомъ и кастою, тѣмъ не менѣе противоположность между бѣдностью и богатствомъ остается необходимостью, приистекающею изъ высочайшаго блага человѣческой природы—свободной и многосторонней личности. Будь нашъ трудъ не индивидуально-личнымъ, а однообразнымъ, то-есть, будь онъ не человѣческимъ трудомъ, а животнымъ, тогда бы исчезла эта противоположность. Къ такой божественной животности, прибавляетъ Риль, хотятъ привести насъ французскіе соціалисты и коммунисты.

Далѣе мы встрѣчаемъ пѣсни, въ которыхъ выражается юморъ и хвастовство различныхъ занятій. Авторъ приводитъ характеристическіе отрывки изъ пѣсень нищихъ, капуциновъ, ремесленниковъ. Здѣсь также преобладаетъ шутка, а не

правоучительная строгость, болѣе осмѣивается нежели прославляется ремесло, болѣе воспѣвается честь сословія нежели честь труда. Одно занятіе подсмѣивается надъ другимъ, потому что гдѣ народная пѣсня не можетъ быть сентиментальною, тамъ она становится сатирическою и юмористическою; очень рѣдко встрѣчается середина, то-есть серіозное обсужденіе. Такъ крестьянинъ поетъ о мельникѣ, что онъ воруетъ хлѣбъ; когда на мельницу привезутъ три мѣшка, то одинъ изъ нихъ обращается въ пыль, благо мѣшки не говорятъ. У мельниковъ самыя тучныя свиньи, откормленныя изъ крестьянскихъ мѣшковъ; поэтому, въ раю не сыщешь ни одного мельника; однако мельниковъ не вѣшаютъ, какъ прочихъ воровъ, потому что не осталось бы ни одного мельника.

Въ особенности много насмѣшливыхъ пѣсень о портовыхъ. Пастухи крадутъ у господъ тѣхъ овецъ, которыхъ будто воакъ стащилъ. Рудокопы поютъ, что они любятъ чернавыхъ дѣвокъ, черныя табакъ и черныя кофе, и хотя выкапываютъ деньги изъ земли, но своимъ хозяевамъ денегъ не платятъ; студенты поютъ не объ ученіи, а о попойкахъ; типографскіе наборщики поютъ, что для успѣха ихъ работы постоянно нужно смачивать шрифты и бумагу водою, а горло виномъ.

Такимъ образомъ въ нѣмецкихъ пѣсняхъ постоянно проглядываетъ похвала лѣни, бездѣйствию, нищенству, и чрезвычайно рѣдко воспѣвается честь работы, труда, умѣренности и порядка. А между тѣмъ, говоритъ авторъ, всемірно-историческая слава нѣмецкаго народа заключается въ силѣ его труда и любви къ нему. Со вступленіемъ въ исторію германскаго народа начинается новая эпоха работы. Современная хозяйственная жизнь наша себѣ самую широкую фактическую основу у Нѣмцевъ, Голландцевъ, Англичанъ, то-есть у германскихъ народовъ. Начиная съ среднихъ вѣковъ центръ тяжести европейской духовной работы все болѣе и болѣе передвигался съ романскаго юга къ германскому сѣверу. И даже въ хозяйственной дѣятельности смѣшанныхъ романскихъ народовъ замѣчаемъ мы проблескъ германскаго свойства. Эта хозяйственная дѣятельность слабѣетъ, какъ у южныхъ Италіянцевъ и Испанцевъ, по мѣрѣ большаго отдаленія по мѣсту и

національности отъ германскаго средоточія. Славянскій стѣверъ должеъ былъ постоянно пользоваться нѣмецкими силами, чтобы впервые основательно научиться работать, и даже за морями, въ новомъ свѣтѣ, куда романоокое племя часто приносило грабежъ и раззореніе, Нѣмцы приносили трудъ. Въ этомъ духѣ труда великая тайна столь прославленной обновляющей силы германскаго племени. Мы имѣемъ всѣ причины, говоритъ Риль, воздавать честь труду, потому что въ немъ вся честь нашей народности.

Не должно ли двоякѣмъ удивляться, почему нѣмецкій народъ, такъ мало умѣетъ говорить и пѣть о чести труда на родномъ языкѣ?

Разрѣшить подобное противорѣчіе не легко. Сначала можно подумать, что „трудъ“ самъ по себѣ не поэтически, — какъ абстрактъ, доставляющій отличный матеріалъ мораллсту, но весьма плохой поэту. Но лѣнь, столь часто и красно воспѣваемая въ народной пѣсни, также абстрактъ; разгулье, свобода, любовь, воспѣтые на всѣ лады, не менѣе. Изъ конкретныхъ же картинъ нравственной силы труда, замѣчаетъ авторъ, струится богатѣйшій родникъ поэзіи. Итакъ основаніе, почему народная пѣсня рѣдко восхваляетъ честь труда, должно заключаться не въ томъ, что эта тема непоэтична.

Большая часть народныхъ пѣсень, посвящаетъ Риль, сущъ крестьянскія пѣсни. Но группа самыхъ бойкихъ и веселыхъ пѣсень принадлежитъ дажѣ и не крестьянамъ, а пастухамъ. Большая часть этихъ небольшихъ эпиграмматическихъ произведеній, въ которыхъ такъ ярко отразились разнообразныя житейскія отношенія, и цѣлый рой пѣсень, относящихся къ прославленію бѣдности, тѣсноты, праздности, чувственной любви и т. д., сочинены пастухами германскихъ Альповъ и ихъ предгорій, а также крестьянами, преимущественно занимающимися скотоводствомъ. Исторія хозяйства у всѣхъ народовъ показываетъ, что пастушеская жизнь, въ противоположность болѣе развитымъ занятіямъ, заключаетъ въ себѣ всего менѣе труда. Пастухъ, поущій свои бойкія пѣсни, напоминаетъ столько же итальянскаго ладзарони, сколько нѣмецкаго работника. Сидѣть-себѣ въ лѣтнее время на уединенной горной высотѣ, при маломъ трудѣ, ускользающемъ отъ надзора хозяина,

живущаго въ долинѣ, посреди красивой природы и еще съ красивыми дѣвицами, которыя также пасутъ на Альпахъ овецъ, и живутъ также разобщенно и независимо, — вотъ блаженство альпійскаго пастуха лишнее многихъ наслажденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ свободное отъ множества тягостей. Оно навѣваетъ пастуху наивныя пѣсни, у него довольно и досуга и охоты тонко и остроумно замыслить ихъ. Понятно, что подобный альпійскій пастухъ — вовсе не типъ современнаго нѣмецкаго труда, напротивъ онъ представляетъ собою бытъ давно пережитый большею частью нѣмецкаго народа, состояніе, которое, какъ все дѣтское и веселое-свѣжее, тѣшитъ насъ въ нашу осеннюю пору. Въ этихъ пѣсняхъ выражается прямой контрастъ нѣвѣрнаго одушевленія къ труду, характеризующаго нѣмецкій народъ; и люди, сочинявшіе эти пѣсни, не знаютъ еще того строгаго труда, которому германское племя обязано своимъ значеніемъ въ мірѣ. По окраинамъ богатыхъ пѣсьями Баварскихъ горъ, въ фабричныхъ городахъ, напримѣръ въ Кемонтѣ, при совершенно дешевой жизни, фабричныхъ работниковъ можно удерживать только посредствомъ высокой заработной платы, потому что молодежь не охотно мѣняетъ свободу и лѣнь пастушеской жизни на связанный и регудированный суровый трудъ. То же оказалось и при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ въ этихъ горахъ.

Пѣсни подобныхъ пастуховъ интересны, стало-быть, и для политико-эконома, но не потому чтобъ онѣ отражали въ себѣ хозяйственный духъ народа, а потому что онѣ часто въ противоположность показываютъ, какъ несмотря на высоко-развитую силу и честь нѣмецкаго труда, постоянно существуютъ, какъ отвратныя исключенія, эти первобытныя состоянія культуры. Звуки, слышимыя нами въ этихъ пѣсняхъ, говоритъ Риль, родные намъ звуки, — но какимъ далекимъ временемъ отзываются они, долетая до насъ съ тихихъ горныхъ отлогостей!

То же самое можно сказать и о собственно-крестьянскихъ пѣсняхъ. Раціональный сельскій хозяинъ, работающій прилежно, не сочиняетъ никакихъ новыхъ пѣсень; въ наиболѣе воздѣланныхъ мѣстностяхъ, народная пѣсня почти вымерла. Но стараго покрова крестьянцѣ, предоставляющій девять десятыхъ своего труда на милость Бога, и

часто упускающій сдѣлать и свою десятую долю, находить еще досугъ для пѣсень. Не удивительно, что онъ не слишкомъ прославляетъ то состояніе современнаго труда, которое едва ли извѣстно ему даже по слухамъ. Этотъ лучший пѣвецъ между крестьянами также живетъ еще въ старинномъ быту. Но политико-экономъ отнюдь не долженъ пренебрегать имъ. Для великаго народа большое счастье, когда наряду съ самою развитою силой труда существуетъ еще богатый непочатый запасъ земли и людей. Только не слѣдуетъ судить о цѣломъ народѣ по отдѣльной группѣ какого-нибудь одного сословія. Наша привычка называть крестьянскіе пѣсни, нравы и одежду народными пѣснями, нравами и одеждой, легко и незамѣтно нарушаетъ правильность нашего взгляда на этого рода вещи.

Мы живемъ въ эпоху перехода и энергическаго преобразованія, которое вообще мало благоприятствуетъ народной пѣснѣ. Впрочемъ, мы не должны терять надежды на возвращеніе болѣе благоприятнаго для ней періода. Наивное искусство народа имѣетъ свои приливы и отливы, какъ и искусство образованное. Самыя распространенныя и самыя лучшія пѣсни, въ которыхъ крестьяне и ремесленники воспѣваютъ свои занятія, все это старинныя пѣсни, то-есть пѣсни того времени, которое относительно справедливой оцѣнки каждаго труда было несравненно скареднѣе нынѣшняго. Когда крестьянинъ свѣлся въ пѣсни надъ мельникомъ, сапожникъ надъ портнымъ, то пѣсня поется еще ради своего юмора, но тѣмъ не менѣе она остается пѣсней старой цеховой насмѣшки и отнюдь не представляетъ современнаго народнаго голоса о различныхъ занятіяхъ. Намъ также не должны вводить въ заблужденіе и многія старинныя пѣсни въ честь труда, потому что онѣ прославляютъ старинную сословную честь труда, не соответствующую его современной чести.

Перехода отъ грубыхъ народныхъ пѣсней къ народнымъ пословицамъ, мы вступаемъ въ болѣе образованное общество. Полныя глубокаго смысла, пословицы—возвышающій и поясняющій контрастъ народныхъ пѣсней. Пословица, болѣе нежели пѣсня, есть общее достояніе всѣхъ сословій, и даже книжная мудрость писателей имѣла замѣчательное вліяніе на отчеканку ихъ. Въ нихъ уже несравненно чаще слышится суровая мораль, съ одной стороны возбуж-

дающая къ работѣ и доброй дѣятельности и прославляющая благодатную силу труда; съ другой, предохраняющая отъ труда изъ корысти и жадности, и карающая скупость.

Если народная пѣсня представляетъ намъ болѣе поэзію покоя, отдыха и наслажденій, то обычай, преданія и изреченія сотнею сокровенныхъ путей приводятъ насъ къ познаванію радости и чести труда.

Не должно забывать также, что корень мудрости нашихъ преданій, говоритъ Риль, коренится въ томъ древнѣйшемъ времени, когда сумму нашего народного труда составляли война, охота, да грубое земледѣіе, а не промышленность и умственное творчество, и что относительно справедливой оцѣнки каждаго труда даже средніе вѣка далеко отстали отъ новаго времени. Бездна миеологическихъ отхоженій, касавшихся первоначально работы мечомъ, позже были примѣнены крестьянами къ работѣ плугомъ, и когда начала процвѣтать промышленность, то древне-языческій міръ преданій болѣею частью уже пришелъ въ упадокъ и исказился. Воинственная и звѣроловная жизнь нашихъ предковъ отражается въ старинныхъ личныхъ именахъ, напоминающихъ битвы, побѣды, оружіе и хищныхъ звѣрей. Мѣщанскія фамильныя имена позднѣйшаго времени указываютъ на болѣе марныя занятія лицъ, носившихъ ихъ. Смыются надъ безчисленными Миллерами, Шмидтами, Шнейдерами, Бекерами, Шустерами, Шретнерами, Веберами, Маурерами, Глазерами, Метцлерами и т. д. (по-русски: Мельниковыми, Кузнецовыми, Портновыми, Хлѣбниковыми, Сапожниковыми, Стояровыми, Ткачовыми, Каменьщиковыми, Стекольниковыми, Мясниковыми), и дѣйствительно, имена эти звучатъ не слишкомъ романтически; тамъ, гдѣ двадцать пять семействъ Миллеровъ или Шмидтовъ живутъ въ одномъ городѣ, подобная фамилія дѣлаетъ лицо почти безымяннымъ; тѣмъ не менѣе это почетныя имена. Работа и занятіе обозначали горожанина. Ремесленники позднѣйшаго средневѣковаго періода такъ гордились честию своего труда, что чаще называли себя по ремеслу нежели по жилищу. Тысячи мѣщанскихъ гербовъ донынѣ представляютъ изображенія знаковъ ремесла предковъ. На саяхъ домахъ, въ городахъ и деревняхъ, первоначальныя домовыя знаки часто были замѣняемы символами труда обитателей ихъ. Такъ виноградная лоза красовалась на

домъ выводѣла, серпъ и серпъ на домъ хлѣбопашца, и тысячи ремесленныхъ знаковъ, первоначально изсѣченные изъ камня на домахъ ремесленниковъ, перешли на вывѣски, когда занятія перестали быть наследственными въ домахъ и семействахъ. Даже надгробные памятники мертвѣдо украшались знаками труда. Такъ въ рудоконныхъ деревняхъ еще и понынѣ крестъ-на-крестъ положенныя кирки обозначаютъ могилу рудоконпа; баварскіе пивовары вывѣкаютъ на своихъ памятникахъ совокъ, солодильный чанъ и ячменные колосья. Плугъ для крестьянина былъ такимъ же священнымъ орудіемъ, какъ и арфа для пѣнопѣвца. Средніе вѣка говорили своимъ символическимъ языкомъ; тогда не писалось ученыхъ трактатовъ о чести труда; но если рыцарь каялся своимъ мечомъ, и для поддержки своего герба ставилъ щитъ, шлемъ и копье,—если веретено считалось священной и чародѣйскою вещью,—если общинный домъ украшался изображеніемъ, плуга — если досточтимый хлѣбный цехъ, пародируя рыцарскіе гербы, ставилъ для поддержки своихъ кренделей двухъ приподнявшихся львовъ,—если домъ, надгробный памятникъ и фамилія обозначались и назывались по занятію: то все это служить для политико-эконома краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ гордости и самоуваженія работниковъ разнаго рода.

Перехода къ символикѣ животнаго царства авторъ замѣчаетъ, что нравственная сила труда цѣнится, нѣмецкимъ народомъ несравненно выше успѣха и прибыли. Подтверженіе этому онъ находитъ въ преданіяхъ, поговоркахъ и различнаго рода повѣрьяхъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

Предки наши, говоритъ онъ, видѣли въ работѣ животныхъ подобіе человѣческаго труда, и потому-то многія животныя сдѣлались для насъ типическими образами прилежанія и лѣни. Тутъ, повидимому, господствуетъ удивительная несправедливость. Имена самыхъ полезныхъ домашнихъ животныхъ, цѣлую жизнь работающихъ на насъ, сдѣлались позорными прозвищами лѣни, между тѣмъ какъ муравей и паукъ, такъ мало полезные и даже тягостные для человѣка, пресмыкая образцами прилежанія. Даже мисологическая святость быка, кабана, коза и проч. не спасли вола, свинью и лошади отъ бремена всевозможнаго позора. И имена этихъ животныхъ стано-

видишь тѣмъ презрительнѣе чѣмъ работающіе, полезнѣе становились они, чѣмъ они болѣе дѣлались домашними, ибо не только нѣмецкій человѣкъ работаетъ вынѣ прилежнѣе и производительнѣе нежели за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, но и нѣмецкій скотъ. Несмотря на то, какъ бывало прежде, отъявленнаго лѣнтяя брачимъ мы и теперь лѣнливимъ быкомъ; механическую, безъ умственной самостоятельности происходящую работу, студентъ называетъ „воловьею“ (ochsen); названіе лошади, благороднѣйшаго рабочаго животнаго, употребляется въ самомъ лучшемъ смыслѣ только для обозначенія мертвой, принужденной, гнетущей, „лошадиной“ работы; между тѣмъ какъ лѣнливая кляча имѣетъ почти тоже позорное значеніе какъ волъ и оселъ. Язычники Германцы считали кабана священнымъ, думая, что отъ его привычки взрывать землю люди научились пахать; въ позднѣйшихъ христіанскихъ легендахъ кабаны рыли основанія для многихъ церквей и монастырей. Но это древнее уваженіе къ свиному роду забыто, и онъ нынѣ представляетъ собою эмблему нечистоты, прожорства и лѣнности. Вообще мы какъ будто неблагодарны относительно самыхъ работающихъ и полезныхъ домашнихъ животныхъ, и, повидимому, чѣмъ болѣе научились мы справедливо цѣнить всякій человѣческій трудъ, тѣмъ несправедливѣе сдѣлались относительно оцѣнки животнаго труда.

Но въ сущности не такъ. Даже простояющій чувствуетъ, что *не свободная, не личная, принужденная работа*, какъ бы она ни была полезна, тѣмъ не менѣе *не есть истинный трудъ*, и не заслуживаетъ чести труда. Народъ называетъ осла лѣнливимъ не потому что онъ мало работаетъ, но потому что нужно побоями побуждать его къ работѣ. Напротивъ, маленькое бесполезное насѣкомое, муравей, истребляемое нами какъ вредное и несносное, выставляется въ образецъ бодрой дѣятельности и восхваляется въ языкѣ, пословицахъ и изреченіяхъ. Видъ какъ бы свободнаго, самостоятельнаго, личнаго труда заставляетъ насъ воздавать муравью похвалу и честь за его трудолюбіе; несмотря на то, что ради самаго этого трудолюбія мы были бы готовы истребить весь родъ муравейный.

Не менѣе строгая мораль труда проявляется въ нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ и сагахъ. Чортъ является въ

нихъ искуснымъ и усерднымъ работникомъ. Онъ построилъ смѣлые мосты и готическія зданія, онъ воздвигъ чортовы стѣны, вырылъ чортовы рвы, онъ не пренебрегаетъ и крестьянскими оживами и другими мелкими работами, и въ свободные часы работаетъ у своего очага молотомъ, какъ самый лучший кузнецъ. Но несмотря на то, что онъ такой великій геній работы, онъ постоянно прошибается въ барышѣ, и бѣдная душа, для пріобрѣтенія которой онъ трудится, постоянно ускользаетъ у него изъ подъ носа.

Смыслъ этого преданія, по мнѣнію Рила, очевиденъ. Трудъ есть нравственная дѣятельность, и потому хотя чорту удаются самыя смѣлыя дѣла, но онъ не получаетъ ни благословенія, ни радости труда, потому что главная сила въ трудѣ нравственное побужденіе.

Но чортъ не только работаетъ; онъ еще охотнѣе пускается въ игру, чтобы поймать бѣдную душу. Любимая его игра кости, какъ игра наиболѣе зависящая отъ случая и лишенная мысли. Поэтому сказки, говоритъ Риль, дѣлая чорта отцомъ азартныхъ игръ, снова проявляютъ тонкій тактъ народа, который воздастъ честь не барышу, но только нравственной силѣ труда. Поэтому выигранныя деньги старая пословица называетъ дельтами. Никто не удовлетворяется первымъ выигрышомъ; одна игра влечетъ за собой другую, и выигрышъ, который сегодня ссудилъ намъ чортъ, часто приходится возвращать съ духовою.

V.

Желая передать читателю существовацію сочиненія, и не имѣя возможности останавливаться на множествѣ интересныхъ подробностей, мы прямо переходимъ къ разсмотрѣнію *какъ народъ цѣнитъ трудолюбіе*.

Мы, говоритъ Риль, желаемъ, чтобы признавали не только успѣхъ нашего труда для общественнаго блага, но еще болѣе ту нравственную силу, посредствомъ которой мы достигли этого успѣха. Въ нашемъ личномъ трудѣ заключается начало нашего истиннаго общественнаго достоинства. По-

этому всеобщее признаніе нравственной силы труда, во всѣхъ занятіяхъ есть основная опора внутренняго мира въ гражданскомъ обществѣ. Ибо разумные легко переносятъ мысль, что удача, вознагражденіе и успѣхъ труда распределены неравномѣрно; но не такъ легко ту мысль, что кто-нибудь безнаказанно можетъ львизиться на счетъ чужаго труда.

Несмотря на все наше образованіе, мы еще слишкомъ далеки отъ того, чтобы повсюду признавать чужой трудъ и быть справедливыми при сравненіи его съ своимъ собственнымъ. Отсюда порождается въ обществѣ безпокойство и недовольство, и здѣсь источникъ большей части общественныхъ переворотовъ.

Почти каждое занятіе воображаетъ, что на долю его выпало проклятіе самаго тяжелаго труда; ибо тягость нашего труда мы испытываемъ почти ежеминутно, между тѣмъ какъ въ чужомъ дѣлѣ мы видимъ только плодъ труда и отдыхъ. Такая несправедливость особенно оказывается при оцѣнкѣ разнородныхъ занятій. Кто кормится трудами рукъ своихъ, тотъ едва вѣритъ, что умственный трудъ можетъ стоить того же пота, тотъ же постигаетъ, что умственный работникъ внутренне потѣветъ; и на оборотъ, человѣкъ умственнаго труда часто считаетъ труды поделщика слишкомъ ничтожными. Такъ возникаетъ съ одной стороны зависть, съ другой надменность; повсюду же—самое несправедливое сужденіе о чести чужаго труда.

Забавно слышать, говорить Риль, подобную взаимную оцѣнку въ отдѣльныхъ случаяхъ. Крестьянинъ не понимаетъ, что работа ума есть трудное и тяжелое дѣло, и что расположеніе и выраженіе мысли требуетъ труда и искусства. Въ темныя эпохи онъ считаетъ умственнаго работника колдуномъ, въ болѣе свѣтлыя дневнымъ воромъ. Ему кажется, что въ особенностяхъ хорошо быть священникомъ, потому что все дѣло его состоитъ въ томъ, чтобы думать да говорить. Если онъ въ немъ уважаетъ служителя Бога и смотритъ на него какъ на человѣка высшаго достоинства, то это достоинство является ему какимъ-то магическимъ, а не естественнымъ достоинствомъ труда.

Писаніе крестьянину кажется уже болѣе трудною работою, потому что и самъ онъ не такъ легко вы-

плеть буквы, какъ слова. Поэтому тяжесть умственного труда часто измѣряетъ онъ по наружной сторонѣ письма. Священникъ, который читаетъ писанную проповѣдь, кажется многимъ прихожанамъ болѣе прилежнымъ нежели говорящій изустно, хотя бы и болѣе поучительно. Видно, что онъ работалъ въ субботу! Чивовникъ, громоздящій листы на листы, представляется тому же крестьянскому сужденію несравненно болѣе дѣятельнымъ работникомъ нежели священникъ. Поэтому нѣмецкій крестьянинъ думаетъ, что когда докторъ нацарапаетъ пару словъ аптечной латыни и за подобный рецептъ тотчасъ же всунетъ въ карманъ монету, то ему слишкомъ легко достается барышъ. Не удивительно, что въ 1848 году поступило такъ много просьбъ отъ крестьянъ объ уменьшеніи докторской таксы.

Крестьянинъ видитъ только послѣднюю и самую легкую черту труда и принимаетъ ее за весь трудъ, между тѣмъ какъ отъ взгляда его ускользаютъ издержки капитала и трудовой силы въ теченіе цѣлыхъ годовъ, предшествовавшихъ написанію рецепта. Онъ потому такъ легко судитъ о трудѣ умственного работника, что ему не достаетъ истиннаго взгляда на цѣлость подобнаго труда.

Впрочемъ, подобное сужденіе о чужомъ трудѣ встрѣчается не у однихъ крестьянъ, но и у другихъ болѣе развитыхъ работниковъ.

Самая обыкновенная *мѣра труда* есть время полагаемое на него. Простой смыслъ въ сотнѣ образовъ и изреченій, принимаетъ долгое рабочее время и трудъ почти за однозначащія выраженія. И дѣйствительно, долгое и правильное рабочее время есть главное условіе труда. Но подобная мѣра труда годится только при оцѣнкѣ часто-механической и однородной работы и совершенно неприменима при сравнительномъ опредѣленіи энергіи, проявляющей себя въ разнородныхъ занятіяхъ. Рабочее время, которое для одного за дѣтя кажется долгимъ, коротко для другого, а высшія и труднѣйшія занятія совсѣмъ не имѣютъ опредѣленнаго рабочаго времени, потому что въ нихъ все время есть рабочее время.

Ошибочное мнѣніе, что будто бы по времени трудъ безусловно можно измѣрить его энергію, приводитъ къ самымъ

несправедливымъ сужденіямъ разнородныхъ занятій другъ о другѣ.

Ежедневно трудящійся по десяти часовъ чиновникъ, ремесленникъ или поденщикъ, завидуетъ ученому, государственному человеку, художнику, королю, которые не связаны подобнымъ опредѣленнымъ временемъ. Имъ кажется, что сами они работаютъ болѣе. А между тѣмъ только простой работникъ, прилежаніе котораго можно въ точности измѣрить по часамъ, пользуется неоцѣнимымъ удовольствіемъ: настоящими праздниками и часами отдыха. Для творческаго духа нѣтъ часовъ отдыха.

Свободный мастеръ мысли и воображенія, искусства и изобрѣтенія, творческаго образца въ каждомъ занятіи, будучи предметомъ зависти, часто самъ справедливо завидуетъ поденщику, который хотя долженъ работать часъ за часомъ въ потъ лица, за то ужъ безусловно оканчиваетъ свою работу, когда зазвонитъ вечерній колоколъ. Работа же мысли сопрогождаетъ творческій духъ гдѣ бы онъ ни находился; человекъ ложится съ нею спать и встаетъ вмѣстѣ съ нею; онъ не покидаетъ ее даже въ сновидѣніи: для него одинъ отдыхъ,—въ смерти. И хотя онъ работаетъ, повидимому, прихотливо, какъ бы играя, тѣмъ не менѣе самая тяжелая изнурительная работа есть та, которая не знаетъ конца, не знаетъ отдыха. Многія болѣзни нервовъ, крови и мозга, обыкновенно порождаемыя сидячею жизнью и комнатнымъ воздухомъ, происходятъ не менѣе и отъ того, что творческій умъ не находитъ себѣ отдыха и такимъ образомъ до вѣроятности скоро истощаетъ животныя органы мысли и ощущеній. Но не только мыслитель, поэтъ и художникъ, каждый творящій мастеръ, будь это даже банкиръ, каждый основатель и руководитель большихъ предпріятій, работаетъ также безъ отдыха. Это люди, которые не имѣютъ особаго времени для труда, потому что все ихъ время есть трудовое время.

Впрочемъ, безвременному творческому труду дается свое вознагражденіе: въ немъ самая тягость труда заключаетъ въ себѣ наслажденіе, между тѣмъ какъ въ отвлеченныхъ часахъ механическаго работника лишь одна тягость, и только въ часы отдыха начинается для него наслажденіе увеличивающее трудъ.

Такъ справедливо посюду управляетъ природа, и если бы мы сознали *естественные законы труда* во всѣхъ тончайшихъ изгибахъ, то, не питая зависти, одѣлались бы справедливыми относительно *каждаго рода труда*. Ненависть и зависть пролетаріата противъ предпринимателей часто основывается, даже у благородныхъ натуръ, на непониманіи. Простые работники ненавидятъ своихъ богатыхъ хозяевъ обыкновенно по двумъ побужденіямъ. Многіе просто завистливо досаждутъ, что господа живутъ лучше нежели слуги, и думаютъ, что каждый имѣеть такое же природенное право на пастеты и шампанское, какъ на воздухъ и воду. Они завидуютъ и взвѣшиваютъ не трудъ, а матеріальное наслажденіе, вытекающее изъ богатаго вознагражденія; на образованномъ языкѣ эту зависть называютъ „враждою труда противъ тираниіи капитала.“ Такіе реалисты не производятъ революцій, но они составляютъ страшный обозъ ихъ.

Болѣе высокія и идеальныя натуры считаются съ своими хозяевами не въ удовольствіяхъ, но въ энергіи труда. Они говорятъ: онъ незаслуженно вѣсть хлѣбъ свой, потому что они не умѣютъ оцѣнить и измѣрить его трудъ; они негодуютъ, что высшими достоинствами и благами пользуется тотъ, кому не достаетъ нравственнаго достоинства труда, потому что онъ, по ихъ мнѣнію, работаетъ несравненно менѣе нежели они сами, его подчиненные поденщики. Такъ какъ имъ кажется, что въ хозяйственной системѣ потеряна справедливость, то стало бы надобно переворотить его.

Подобные люди могутъ быть опасны, потому что они исходятъ изъ нравственной идеи, для измѣренія неправильно понимаемыхъ ими явленій. Даже лучший масштаб можетъ обмануть, если мы не ясно различаемъ предметъ, и только отчетливое познаніе труда, скрывающагося въ непрерывной умственной работѣ предпринимателя, можетъ переломить эту чествуемую, но несправедливую злобу работника.

Но простой человѣкъ хочетъ увидѣть, чтобы повѣрить; онъ хочетъ видѣть нашу работу, нашъ потъ, наше утомленіе; онъ желаетъ оцупать то прилежаніе, за которое онъ долженъ воздавать честь труду, и думаетъ, что мысленному работнику принадлежитъ и мысленный кусокъ хлѣба.

Во времена воланеній, когда на людей находить дух сокрушенія и раскаянія въ грѣхахъ, случается, что даже ученые проповѣдаютъ возвращеніе къ ручному труду какъ къ первому истинному труду. Такъ Андрей Боденштейнъ изъ Карльштадта промѣнялъ докторскую шапку на крестьянскую, и вышелъ изъ аудиторіи въ поле, чтобы въ потѣ лица зарабатывать свой хлѣбъ руками. Вотъ это истый социальный демагогъ.

Мозоли рабочихъ рукъ кажутся самою легкою мѣркой труда, и цѣлымъ сословіямъ обращалось то въ пагубу, что народъ на бѣлыхъ рукахъ людей къ нимъ принадлежавшихъ не могъ найти мозолей. Въ социальныхъ революціяхъ черныя руки идуть на бой съ бѣлыми. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ „лѣнвивые монахи“ обратились въ посланицу; въ народѣ распространилась увѣренность, что монастырь служить убѣжищемъ для праздности. „Еслибы рубка дровъ была монашескимъ орденомъ, не много бы нашлось монаховъ“, говорилъ народъ въ эпоху реформаціи, и эта поговорка была гибельнѣе для монастырей, чѣмъ цѣлые фанатизмы догматической, публицистической и кавовической полемики. У монастырскихъ колоколовъ, говорилось тогда, есть три звона: первый и самый тонкій—гласилъ: *Geht Wein! Geht Wein! Geht Wein!* (дайте вина!) Другой погуце, спрашивалъ: „*Wer zahlt? Wer zahlt? Wer zahlt?*“ (кто заплатитъ?) Наконецъ третій самымъ густымъ басомъ отвѣчалъ: „*D’Baueg’n! D’Baueg’n! D’Baueg’n!*“ (Мужики!) Когда появились новые монастыри въ Германіи, то особенно озаботились тѣмъ, чтобы трудъ ихъ былъ виденъ и осмысленъ въ уходѣ за больными, въ дѣятельныхъ попеченіяхъ о нравственныхъ потребностяхъ людей, въ обученіи юношества. И вотъ уваженіе къ этимъ братствамъ возникло даже въ протестантскихъ населеніяхъ при такомъ очевидномъ доказательствѣ труда, и противникамъ монастырей досадно уже теперь не то, что монахи ничего не дѣлаютъ, а то, что они саишкомъ много дѣлаютъ.

Только подъ искусственнымъ покровительствомъ внѣшней силы можетъ какое-нибудь сословіе или товарищество продолжать свое существованіе безъ горячаго соревнующаго труда. Никакая монополія такъ не противна народу, какъ монополія лѣнности. Такія монополіи бывали—о нихъ можетъ поразказать и исторія цеховъ,—но они раззорали

тѣхъ, кто ими пользовался, и губили тѣхъ, кто ихъ давалъ и поддерживалъ.

Требуется не малая степень образованія и проицательности, чтобъ оцѣнить и измѣрить трудъ другого занятія. Для этого нѣтъ всеобщаго масштаба; каждая группа труда должна быть измѣряема своею мѣрой. Образованные классы судятъ о чужомъ трудѣ менѣе односторонне нежели необразованные; однако и они не всегда бываютъ справедливы. Но такъ какъ отъ подобныхъ сужденій или предразсудковъ зависитъ внутренній миръ общества, то восстановление понятія о разнородной энергїи труда во всѣхъ занятіяхъ есть истинная задача народнаго образованія, задача для учителей и проповѣдниковъ, словомъ и писаніемъ.

Каждое занятіе имѣетъ свою врожденную проицательность и свою врожденную ограниченность. Подобную ограниченность находимъ мы и у крестьянъ, и у ремесленниковъ, и у ученыхъ, въ томъ что они большею частію измѣряютъ какъ энергїю, такъ и нравственное достоинство труда совершенно вѣнскимъ образомъ, по копоти и мозолямъ. Но эта ограниченность еще достойна уваженія въ сравненіи съ тою, которая свойственна большей части торгующаго міра, *что будто бы честь и достоинство труда обусловливается барышами*. Преданные матеріальнымъ удовольствіямъ лѣтяи всѣхъ сословій утончаютъ это правило еще болѣе, и говорятъ, что самый благородный трудъ есть тотъ, который при возможно меньшей долѣ прилежанія приноситъ самый большій барышъ. Впрочемъ они это шепчутъ про себя, потому что, благодаря Бога, народное сознаніе нынѣ достаточно развито, и никто не рѣшится серьезно проповѣдывать, какъ за сто лѣтъ назадъ, что высшее призваніе въ томъ и состоитъ, чтобы ничего не дѣлать и только наживать.

Но возвратимся къ предразсудку работающихъ, но ограниченныхъ людей, что будто бы честь труда обусловливается барышомъ. Онъ столь же ложенъ и опасенъ, какъ и средневѣковой, утверждавшій, что честь труда находится въ соответствии съ сферою правъ cadaго сословія.

Еслибы какой-нибудь лавочникъ сталъ утверждать, что въ сороковыхъ годахъ Эженъ Сю былъ первымъ писателемъ, пользовавшимся высшею честью труда, потому что въ са-

мый короткій срокъ онъ получилъ за свои романы болѣе всѣхъ, то подобное сужденіе показалось бы намъ забавнымъ, хотя и понятнымъ въ лавочникѣ. Въ свою очередь, лавочникъ посылается надъ нами, когда мы скажемъ, что Кенпьеръ, едва зарабатывавшій насущный хлѣбъ въ теченіи своей жизни, былъ тѣмъ не менѣе ученый увѣнчанный высшею степенью чести труда и успѣха.

Лавочный духъ смѣшиваетъ понятіе матеріальнаго барыша съ идеальнымъ успѣхомъ труда, и цѣнить достоинство труда по барышу, междо тѣмъ какъ должно цѣнить по успѣху.

Цѣль всякаго труда, какъ нравственнаго дѣла, двоякая: мы желаемъ привести пользу себѣ и человечеству. Дѣятельность, направленная для удовлетворенія нашихъ личныхъ нуждъ, но вредная обществу, напр. воровство, азартная игра и т. п., не есть трудъ. Поэтому, когда подобное занятіе становится чьею-нибудь жизненною задачею, то его справедливо называютъ безчестнымъ занятіемъ. Даже дѣятельность, хотя не вредная для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не полезная ни себѣ, ни другимъ, не есть трудъ, но забава, препровожденіе времени, занятая праздность. Трудъ же всегда оказываетъ вліяніе внѣ насъ, и извнѣ дѣйствуетъ обратно на насъ.

Если трудъ способствуетъ и содѣйствуетъ нашему матеріальному быту и вмѣстѣ съ тѣмъ народному благу, то онъ приноситъ частную и народную хозяйственную прибыль; если же онъ возвышаетъ насъ нравственно и умственно, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ нравственнымъ и умственнымъ успѣхамъ народа и человечества, то онъ приноситъ успѣхъ.

Политической экономіи принадлежитъ область матеріальныхъ благъ, поэтому она занимается прибылью и барышомъ труда; напротивъ же, наука объ обществѣ изслѣдуетъ законы не только барыша, но и успѣха.

Успѣху воздвигаемъ мы памятники, успѣхъ даетъ земное безсмертіе, успѣхъ труда народовъ и передовыхъ людей его ищетъ свою исторію, исторію культуры; исторія же барыша не существуетъ. Изложить исторію матеріальнаго народного богатства какъ исторію барыша, значило бы написать безжизненный, не научный трудъ, еслибы трудъ этотъ не былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и исторіей успѣха. Глубоко-

мысленные, просвѣщенные и духовно-свободные люди всегда мало цѣнили барыши въ сравненіи съ успѣхомъ; они презирали барышъ, и голодали, чтобы достигнуть только успѣха, который болѣе нежели вознаграждаетъ за трудъ. Простой работникъ не можетъ такъ легко осознать этотъ успѣхъ, какъ творческій духъ. Онъ едва сознаетъ успѣхъ своего труда и работаетъ изъ-за барыша. Но и здѣсь мы не должны слишкомъ низко думать даже о самомъ простомъ работникѣ. Предчувствіе успѣха дано каждому работнику. Самый мелкій крестьянинъ знаетъ, что онъ питаетъ не только себя, но вмѣстѣ съ своими братьями раститъ хлѣбъ для цѣлаго міра. Въ этой мысли гордость крестьянская. А эта гордость есть не что иное какъ предчувствіе нравственнаго успѣха для себя и другихъ. Самый бѣдный поденщикъ чувствуетъ нравственное возвышеніе и побуждается къ усиленному прилежанію тою мыслию, что онъ работаетъ не только для себя, но и для своей семьи; эта семья есть для него видъ общества; кормить, тѣшить, возвышать свою семью составляетъ для него нравственную, религіозную обязанность, и въ видѣ прибыли для своихъ дѣтей, онъ постигаетъ святость успѣха для себя и человечества. Работать изъ одного барыша, единственно для удовлетворенія нашихъ тѣлесныхъ потребностей, это лошадиная работа. Только мысль возвышаетъ человѣческій трудъ. Умственному сибариту, чудаку, который изучаетъ и читаетъ только для собственнаго удовольствія, который постоянно желаетъ только брать и никогда ничего не возвращаетъ, мы справедливо приписываемъ меньшую долю чувства нравственной силы труда и успѣха нежели простому поденщику.

Ангелы, по всей вѣроятности, стали бы работать только для успѣха, а не изъ прибыли. Людямъ же свойственно работать и изъ-за матеріальной прибыли, хотя нравственное освященіе цѣли труда всегда лежитъ внѣ исключительна личнаго интереса. Мы создаемъ и приобретаемъ матеріальныя блага, чтобы физически существовать въ силѣ, свободѣ и удовольствіи, но человеческое достоинство этого существованія состоитъ только въ томъ, чтобы эти силы, удовольствія и свобода усиливали вмѣстѣ съ тѣмъ нашу нравственную дѣятельность: *прибыль служитъ усилю.* Мы хозяйничаемъ для того чтобы жить; но жи-

вѣтъ не для того чтобы хозяйничать. Поэтому политическая экономія сказала въ дѣлѣ труда только *первое слово*; *последнее* же принадлежитъ ученію о правахъ и нравственности. Но хозяйство и нравы, насколько они проникаютъ и воплощаются въ исторически-данной народной жизни, составляютъ содержаніе науки объ обществѣ. Поэтому эта новая наука должна изслѣдовать идею труда самымъ глубокимъ и многостороннимъ образомъ.

Успѣхъ и прибыль, какъ цѣли труда, въ дѣйствительности часто нераздѣльно смѣшаны другъ съ другомъ; въ теоріи же они должны быть раздѣлены. Чѣмъ выше, духовнѣе и самостоятельнѣе трудъ, тѣмъ ярче выдаются объ эти цѣли уже въ самой жизни, и чѣмъ образованнѣе работникъ, тѣмъ сознательнѣе въ немъ понятіе о различіи между успѣхомъ и барышомъ. Но для необразованнаго простаго поденщика барышъ въ жизни и ученіи лежитъ подъ носомъ, успѣхъ же въ туманномъ отдаленіи. Образование служитъ зрительною трубой, которая ясно и отчетливо ставитъ предметъ передъ глазами. Кто пробудитъ во всѣхъ рабочихъ сознаніе успѣха, тотъ положитъ основаніе для гармоніи труда въ народномъ духѣ. Голое же ученіе о прибыли клонится къ нарушенію общественнаго мира, потому что оно можетъ показать только трудности, несправедливость, разладъ между собственностію и трудомъ, не произнося послѣдняго примирительнаго слова. Потому-то социалисты и коммунисты суть вѣчные нарушители мира, что они говорятъ только о неравномъ и часто, повидимому, несправедливомъ распредѣленіи барыша, а не о примиряющей божественной справедливости успѣха.

Чѣмъ сильнѣе развивается истинное образованіе народа, тѣмъ яснѣе представляется въ общемъ сознаніи различіе между успѣхомъ и прибылью. Если народъ во всей глубинѣ сознаетъ различіе между прибылью и успѣхомъ, то онъ цѣнитъ успѣхъ несравненно выше барыша, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ въ народномъ духѣ самая высокая и чистая идея чести труда.

Впрочемъ, переходя къ разсмотрѣнію взгляда различныхъ рабочихъ круговъ на этотъ предметъ, авторъ говоритъ, что народъ никогда не можетъ быть равно образованъ во всѣхъ своихъ слояхъ, и что тотъ, кто требуетъ отъ всѣхъ классовъ одной равно-обширной идеи труда, не-

справедливъ и не знаетъ основаній общественной политики. Дѣйствительно, простой человекъ ищетъ барыша, и никто не осуждаетъ его; народный успѣхъ его труда—не столько личный, сколько общій всему сословію и занятію. Если онъ постигаетъ личный успѣхъ своего труда, онъ гордится имъ, но онъ работаетъ не ради успѣха, и прежде всего радуется прибыли. Только отъ людей высшихъ занятій можно требовать, чтобы они трудились прежде для успѣха, потомъ для прибыли, то-есть прежде для общественной пользы, а потомъ уже для своей. Мы презираемъ министра, который занимается государственными дѣлами изъ личной выгоды, и называемъ его торгашомъ даже тогда, когда онъ прилежно и честно работаетъ. При высшихъ занятіяхъ, честь труда должна быть проводима самымъ чистымъ и тонкимъ образомъ, и государственный человекъ прежде всего долженъ трудиться для общаго успѣха, а не для барыша. Успѣхъ труда государственнаго человека такъ непосредственно личенъ, что мы не допускаемъ въ немъ своекорыстныхъ стремленій къ барышу.

Но, если мы назовемъ министра принимающаго свою должность главнымъ образомъ изъ-за барыша лавочникомъ, то съ другой стороны найдемъ вполне естественнымъ, когда настоящій лавочникъ заботится о барышѣ, хотя и онъ также можетъ и долженъ чувствовать, какъ важенъ успѣхъ мелочной торговли для всеобщаго благосостоянія. Если же онъ пожелалъ бы прежде всего заботиться объ успѣхѣ своего труда, а потомъ о прибыли, какъ долженъ поступать министръ, то мы назовемъ его сумазбродомъ и предпочтемъ ему близкое раззореніе.

Но то что мы сказали относительно лавочника, никакъ нельзя относить къ купцу. Истинный купецъ именно тѣмъ и отличается отъ мелкаго торгаша, что онъ трудится не только въ видахъ личнаго барыша, но и съ совнѣіемъ нравственнаго успѣха.

Глубокій взглядъ на организмъ вознагражденія духовнаго труда показываетъ какъ тонко переплетены нити успѣха и прибыли, и какъ трудно судить о вознагражденіи при сравненіи разнородныхъ рабочихъ группъ. Часто сожалѣютъ о незначительной платѣ получаемой самыми извѣстными писателями. Смотритель фабрики несравненно богаче вознаграждается денежнымъ образомъ нежели знаменитые мыслители.

теи и поэты за литературное творчество. Но это творчество само по себѣ уже доставляетъ высшее наслажденіе автору, и въ этомъ наслажденіи половина платы. Притомъ успѣхъ дѣйствуетъ такъ сильно, что многіе трудятся не только безъ всякой прибыли, но даже съ потерей. Сочинять оперы считается по пословицѣ самымъ дорогимъ удовольствіемъ; композиторъ, который ставитъ много оперъ, можетъ разориться вслѣдствіе своего прилежанія, а между тѣмъ композиторы не вымираютъ. Народный представитель трудится безъ вознагражденія на пользу общую; солдатъ сражается за честь родины, и его можетъ достойно вознаградить только успѣхъ, потому что никакое жалованье не можетъ вознаградить за пожертвованіе жизнью и членами. Даже наемникъ стараго времени, который запродалъ себя болѣе давашему, привлекался подобно страстующему рыцарю удовольствіемъ мужественной, полной приключеній боевой жизни, и только сволочь вербовалась изъ-за жалованья. Такимъ образомъ успѣхъ и удовольствіе труда дѣйствуютъ уравнительнымъ образомъ вмѣстѣ съ интересомъ прибыли. Въ жизни идеальное и матеріальное вознагражденіе труда перекрещиваются и поощряютъ другъ друга, и вознагражденіемъ труду служатъ не только барыши и вещественныя богатства, но также успѣхъ и удовольствіе умственного дѣла.

Но при всей чести, признаваемой нами за успѣхомъ и наслажденіемъ труда, никакъ не слѣдуетъ пренебрегать интересомъ прибыли, даже при высшихъ матеріальныхъ трудахъ. Личная прибыль не должна служить окончательною цѣлью труда, но она—необходимый регуляторъ его.

Трудъ не есть только дѣло *свободы*, но и *принужденія*. Изъ воодушевленія къ благу человечества можно проповѣдывать и учить, но не рубить дрова и ломать камни. Занятія побужденія необходимости и привлекательность выгоды одни только могутъ преодолѣть ту природную лѣнь, которая въ высшихъ занятіяхъ преодолевается преимущественно воодушевленіемъ къ нравственному дѣлу и его успѣху. Вообще никакое дѣло не можетъ быть лишено интереса прибыли, этого регулятора прилежанія, потому что человѣкъ не есть безплотный свободный духъ. Интересъ успѣха побуждаетъ къ труду, интересъ прибыли гонитъ лѣнь. Въ предчувствіи наслажденія успѣхомъ начи-

нашегъ мы нашъ трудъ, спокойная же радость ожидаемой выгоды понуждаетъ насъ настойчиво продолжать начатое.

Теологи и моралисты въ наше время часто находятъ въ открытой войнѣ съ политико-экономами, говорятъ Риль въ заключение этой главы. На ряду съ численными прилежаніемъ, составляющимъ отличительную черту мыслящаго времени, эти провѣдники указываютъ на темныя стороны корыстолюбія и служенія маммону. Весь міръ, говорятъ они, гонится за барышомъ, и въ этой безумной гоньбѣ теряется тотъ міръ въ Богъ, который не покупается золотомъ и не приходитъ съ нимъ. Древняя пословица: не тотъ богатъ, кто многимъ владѣетъ, а тотъ богатъ, кто малому радъ, сдѣлаась предметомъ насмѣшки для политико-экономовъ. Нравственная сила труда должна содѣйствовать нравственнымъ цѣлямъ, иначе самый доблестный трудъ потеряетъ свое достоинство. Многіе экономическіе апостолы суть извращенные іезуиты; они говорятъ, что трудъ какъ средство освѣщаетъ собою цѣль, то-есть ненасытнуну жажду барыша. Но стяжаніе для удовлетворенія однихъ личныхъ потребностей, для непрерывнаго увеличенія благосостоянія и роскоши, не есть нравственная цѣль. Кто утверждаетъ это, тотъ ставитъ эгоизмъ движущимъ центромъ всакой культуры. Такъ настоящее время страдаетъ отъ язвы лѣни.

Имъ отвѣчаетъ *политико-экономъ*: то, что вы называете безумною гоньбой есть непрерывное кругообращеніе, которое всегда было признакомъ жизни. Благо намъ, что движеніе крови народовъ совершается быстро и мощно! Это кругообращеніе, это соревнованіе хозяйственныхъ силъ, служащее источникомъ всякаго матеріальнаго и духовнаго успѣха, совершается при помощи прибыли. Борьба за личныя денежныя выгоды, въ сущности, представляетъ борьбу за личную свободу. Въ этомъ заключается неодолимое очарованіе денегъ. Въ мыслящемъ мірѣ только бѣдный еще рабъ; но и для него наконецъ открыта возможность этой безумной гоньбы за стяжаніемъ. Такая внѣшняя свобода не есть самая высшая, но она приводитъ цѣлое общество къ высшимъ формамъ самоосвобожденія. Матеріальная свобода есть мать политической; народы, не стремящіеся къ матеріальнымъ выгодамъ, всегда остаются

въ тупой закоснѣлости и работѣ. Мы разсуждаемъ о народѣ, а не объ отдѣльныхъ личностяхъ, потому что мы народныя, а не частныя экономы. Для отдѣльнаго лица стяжаніе можетъ быть проклятіемъ; но плодъ, который каждый намеклетъ изъ злогоизма, плодъ въ которомъ заключается вознагражденіе, обращается для совокупной жизни народа въ зерно благодати. Если всѣ торгаши пользуются прибылью, то народъ становится богатъ, а если онъ богатъ, то дѣлается свободнымъ и сильнымъ, и такимъ образомъ выгода отдѣльнаго лица содѣйствуетъ успѣху цѣлаго. Какъ самый благородный человѣкъ не можетъ обойтись безъ нѣкотораго злогоизма, такъ и народъ долженъ имѣть торговцевъ, заботящихся о барышахъ; но составляютъ ли эти торгаши народъ? Посредствомъ ихъ денегъ, можетъ-быть, грязно приобретеныя, оплодотворяется трудъ множества согражданъ, которые понимаютъ свою цѣль несравненно выше, и такимъ образомъ изъ грязной почвы барыша вырастаетъ цвѣтъ успѣха. Испанцы искали золота, и нашли новый міръ. Если отдѣльный философъ можетъ отказаться отъ земныхъ благъ, чтобы стать тѣмъ свободнѣе въ духовномъ отношеніи, то цѣлый народъ никогда не можетъ достигнуть самоосвобожденія высшей культуры безъ основнаго камня матеріальнаго благосостоянія.

Въ этомъ спорѣ каждый имѣетъ свое основаніе. *Общественный же политикъ*, другъ и родственникъ какъ моралистовъ, такъ и политико-экономовъ, рѣшается присоединить и свое примирительное слово. Онъ беретъ народъ въ его раздѣленіи на естественныя группы по труду и нравамъ, и видитъ, что здоровый, то-есть органически сложившійся народъ, не можетъ состоять ни изъ однихъ торговцевъ, ни изъ однихъ презирающихъ прибыль аскетовъ. Безпрерывно движущійся впередъ, неутомимый трудъ горожанина уравнивается непереломнымъ трудомъ крестьянина; гоньба за прибыль въ промышленности и торговлѣ поддерживаетъ потребность въ непрерывно-возрастающемъ духовномъ трудѣ, который, по природѣ своей, болѣе стремится за успѣхомъ нежели за прибылью, и если только развитіе духовнаго труда идетъ равнымъ шагомъ съ возрастаніемъ народнаго богатства, то духовный трудъ служитъ естественнымъ *предохранительнымъ кампаномъ* при чрезмѣрномъ развитіи торговческаго духа. Съ барышомъ растетъ богатство, съ богатствомъ образованіе; съ образованіемъ

емъ является неуваженіе къ голому барышу; тутъ-то и дѣйствуетъ предохранительный капапъ! Въ этомъ круговоротѣ барыши самъ собою уничтожаетъ свою гибельную для правозъ крайность несравненно дѣйствительнѣе чѣмъ всѣ моралисты, изъ чего однако не слѣдуетъ, чтобъ они были лишніе люди. Каждый трудъ заключаетъ въ себѣ нравственное содержаніе, и мы всегда нуждаемся въ людяхъ, которые бы разъясняли и показывали это содержаніе. Моралисты должны высоко ставить честь успѣха, политико-экономъ честь прибыли. И тотъ, и другой должны твердо стоять за свое. Споръ между собою, они дополняютъ другъ друга. Горе тому народу, который при помощи вѣдшаго болѣзненнаго принужденія, потому что естественнымъ путемъ это невозможно, будетъ такъ уравнень въ своихъ классахъ и занятіяхъ, что матеріальный трудъ не будетъ находить равновѣсія въ духовномъ трудѣ, силы двигающія въ силахъ сдерживающихъ. Онъ погибаетъ отъ горячки неугомоннаго торгашества или отъ гнилой лихорадки прозябанія безъ потребностей. Но то обстоятельство, что мы сдѣлались нынѣ несравненно справедливѣе и чувствительнѣе относительно чести каждаго труда нежели въ прошлое время, что мы научились несравненно яснѣ различать успѣхъ, выгоду и барышъ, говорить въ пользу развитія образованія соразмѣрно съ матеріальнымъ развитіемъ, и въ этомъ заключается предохранительное средство противъ торгашескаго духа. Благодаря людямъ мысленнаго труда, къ которымъ столько же относятся политико-экономы, какъ моралисты и теологи, мы приобрѣли несравненно болѣе свободный взглядъ на великое цѣлое хозяйственной и общественной жизни.

Этою главою мы заключимъ наше краткое изложеніе новаго сочиненія Рилъ: остальные главы составляютъ какъ бы дополненіе къ главному предмету. Въ нихъ разсуждается объ отрицательной формѣ труда, мошенничествѣ, о значеніи слова работниковъ, подъ которымъ авторъ понимаетъ не только матеріальныхъ, но и духовныхъ работниковъ, о познѣ труда, и наконецъ объ историческихъ и общественныхъ условіяхъ воспитывающихъ народный трудъ.

М. ВОЛЬСКІЙ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ ¹

IX. Дядя Борисъ Николаевичъ и его замокъ.

Странная вещь—впечатлѣнія дѣтства! Благодаря имъ, у меня, въ срединѣ смирнаго***го уѣзда, въ тридцати верстахъ отъ моего имѣнія, въ десяти отъ уѣзднаго города представляющаго собраніе грязныхъ чулановъ, находится фантастическій замокъ, исполненный великолѣпія, полуфеодалнаго сумрака и поэзіи. Замокъ этотъ—жилище моего дяди; онъ построенъ еще при Екатеринѣ II, и имѣеть, я думаю, комнату до пятидесяти. Когда я былъ дитятей, онъ казался мнѣ безконечнѣйшимъ изъ дворцовъ, да и теперь такъ кажется. Въ Версалѣ и Шенбруннѣ, въ Сенъ-Жерменѣ и Ватиканѣ я только только что не говорилъ себѣ: есть и у насъ въ уѣздѣ нѣчто равное этимъ историческимъ чертогамъ! До сихъ поръ я еще съ какимъ-то почтеніемъ переступаю порогъ Жадринскаго дома; его красиво сгруппированныя колонны кажутся мнѣ каменнымъ лѣсомъ, и чувство страха, ожиданіе какихъ-то необычайныхъ сценъ, сжимаетъ мою душу, какъ сжимало оно ее назадъ тому лѣтъ двадцать, когда дворецъ славился своими пирами, а самъ дядя Борисъ Николаевичъ считался неукротимымъ, жестокимъ человѣкомъ.

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 2, 3 и 5.

Теперь въ этомъ домѣ екатерининскихъ временъ никто не пируетъ, дада давно уходилась, хотя имѣние еще въ худомъ положеніи и крестьяне все не могутъ оправиться отъ прежняго барскаго гнета. Борисъ Николаевичъ Борженецкій блисталъ, дѣлалъ походы и былъ молодымъ львомъ въ то суровое время, когда кротость нравовъ считалась вздоромъ и человѣческая жизнь цѣвилась весьма низко. Въ своихъ походахъ онъ выдавалъ отряды дѣла, чуть не сраженія, происходившія безъ цѣли и надобности, изъ одной военной удали; въ мирное время онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ устраивались военные поселенія, и хотя испортилъ свою карьеру, жестоко поругавшись съ однимъ изъ главныхъ дѣятелей этого учрежденія, однако не прослылъ оттого человѣкомъ гуманнымъ. Отецъ мой никогда не находилъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ брату своей жены; мать моя бывала въ замкѣ Бориса Николаевича только два раза въ годъ, по пути изъ Петровскаго въ Петербургъ и по пути изъ столицы въ деревню. Мы, дѣти, боялись дяди; домъ казался намъ великолѣпно-страшнымъ; мрачныя исторіи о немъ, иногда долетавшія до дѣтскихъ ушей, леденили кровь въ нашихъ жилахъ. Дада уважалъ мою мать, цѣнилъ ея посѣщенія. Никогда, во время этихъ посѣщеній мы не слышали, чтобы онъ или кто-нибудь въ домѣ возвысилъ голосъ; ни разу дѣтямъ воспитаннымъ въ чистотѣ и кротости не доводилось, хотя издали, подмѣтить что-нибудь возмутительное. И все-таки было что-то наводящее робость во всемъ что намъ на глаза попадалось, и въ запуганности прислуги, и въ какомъ-то злобѣщемъ видѣ лицъ старшихъ во управленію, и въ домашнемъ театрѣ, страмность котораго кидалась въ глаза даже дѣтямъ, и въ этихъ красивыхъ, беззвѣстно какую должность отправлявшихъ жемчужкахъ, изрѣдка показывавшихся по отдаленнымъ аллеямъ парка, и глядѣвшихъ на насъ, дѣтей, такъ впечатлительно... Не желая оскорблять брата, мать наша давала намъ полную волю бродить по дому, саду и парку; но когда день отъѣзда наступалъ, и мы садились въ карету, она радостно переводила духъ и едва скрывала свое удовольствіе.

Дядю Бориса Николаевича никто бы не назвалъ добрымъ человѣкомъ; но таково ужъ свойство русской природы, что въ ней, какъ бы испорчена она ни была, всегда найдутся свои свѣтла

дѣтнышки. Послѣ смерти отца, наше многочисленное семейство осталось въ положеніи весьма критическомъ, и первымъ лицомъ, которое прислѣло къ нему съ самою братскою, широкою помощію, оказался дядя генералъ, котораго покойный отецъ въ глаза называлъ звѣремъ и считалъ своимъ недругомъ. Естественно, что память о великихъ услугахъ, вовремя оказанныхъ, наложилась на всю нашу семью давнь благодарности къ человѣку когда-то нелюбимому; но давнь эта не могла зваться тяжелою, потому что во всемъ дѣлѣ Борисъ Николаевичъ велъ себя скорѣе какъ лицо, которому оказали услугу, нежели какъ знатный баринъ спасшій задутовавшихся родственниковъ. Не мѣшаетъ прибавить, что съ годами многое измѣнилось въ обстановкѣ стараго воина. Время и промышленное развитіе такъ умягчило дворянскіе нравы въ нашемъ краѣ, что слишкомъ жесткое управленіе имѣиетъ уже причиняло скандалъ и легко доходило до столицы; у дяди же ни въ столицѣ, ни въ уѣздѣ доброжелателей не имѣлось. Особенно въ уѣздѣ не любили его. Сосѣди, когда-то съ нимъ пировавшіе, либо примераи, либо прервали сношенія съ Жадринымъ, послѣ того какъ Борисъ Николаевичъ на охотѣ приблизъ ханствомъ гостя-дворянина, зазѣвавшагося некстати. Эта послѣдняя рукопашная расправа обошлась старику дорого и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніи; но въ то же время она его утомонила и принудила жить съ осторожностію, какая только для такого человѣка была возможна.

Послѣ оцены съ вольнымъ трудомъ, описанной мною въ послѣдней главѣ моихъ записокъ, мы недолго оставались у искуснаго землевладѣльца Евдокимова. Боязнь жары послужила достаточнымъ предлогомъ; послѣ вчерашней грозы ѣхать было свѣжо и весело, такъ что ранѣе одиннадцатаго часовъ мы уже миновали границу дядимыхъ владѣній. Путь лежалъ то стариннымъ лѣсомъ, то ровными полями, на краю которыхъ уже обрисовывалось что-то въ родѣ черныахъ, высокихъ холмовъ; холмами представлялася древній садъ, дѣлѣ липовыя роцци боаѣе чѣмъ двухсотлѣтнія, и паркъ терравшійся въ отдаленіи. На поляхъ, господскихъ и крестьянскихъ, все казалось благовоучнымъ, выполненнымъ до крайности добросовѣство. По обѣ стороны небольшой рѣчки, варазо, сѣно на лугахъ; несмотря на раннюю пору, луга были выкошены; встрѣчавые крестьяне, которыхъ я

бывало видавъ умышки и изморенныи, глядѣли особенно бодро, а нѣкоторые изъ нихъ перекрикивались съ своимъ любимцемъ Иваномъ Петровичемъ, по обмолоченію, сыпавшимъ различными рецензурами выраженія на право и на-дѣво. Я не могъ придти въ себя отъ удивленія. Съ моими столичными предразсудками я такъ былъ увѣренъ, что у дяди какъ у суроваго помѣщика поля находятся въ запу-стѣннѣ, хозяйство въ конецъ распадается, однимъ словомъ, все должно идти скверно и стоять на одинъ шагъ отъ вол-ненія, ссоры, экзекуціи, призыва военной команды... И что жъ? ни у себя, ни у Матѣева, ни у Петра Ивановича не видавъ я такого порядка, такого оживленія лицъ, такой рѣзкой перемены, ясно говорившей о нѣкомъ дѣйстви-тельномъ *улучшеніи быта*! Въ нашихъ имѣніяхъ, нечего таить грѣха, еще ни одинъ мужикъ не похвалялъ но-выхъ порядковъ, не оказалъ теплаго слова о воцѣ, хотя кажется ужъ мы то бы его въ этомъ не отъсвятили. Здѣсь, напротивъ, среди дороги, въ бѣгломъ и шутивомъ разго-ворѣ двѣ бабы успѣли дать знать Ивану Петровичу, что онѣ работаютъ лишь два дня въ недѣлю, а одинъ крестья-нинъ сообщалъ, что и съ работой и съ подводами „у насъ не въ примѣръ легче“. Даже прорывались сами собой по-желанія добраго здоровья тѣмъ, отъ кого пришла воля съ ея послѣдствіями. „Да у дяди образовывается какое-то Эльдorado“, замѣтилъ я моему спутнику, а Иванъ Петро-вичъ, вѣрный своей роли озабоченнаго помѣщика, отвѣчалъ мнѣ тутъ же: „Это, изволите видѣть, называется преміей для благодѣтелей, до сихъ поръ душившихъ своего мужика за горло.“

Я даю себѣ слово на другой же день обойти ближайшія деревни Бориса Николаевича, разспросить управляющихъ и наконецъ разъяснить горестный вопросъ о томъ, дѣйстви-тельно ли помѣщики, у которыхъ крестьянамъ приходилось плохо, находили у своихъ подвластныхъ, и болѣе порядка, и болѣе сговорчивости, и болѣе радушныхъ отношеній къ ре-формѣ заявившей себя для нихъ ослзательнымъ и неоспо-римымъ улучшеніемъ быта. Въ настоящія же минуты надъ такими сложными изысканіями останавливаться было не-когда. Передъ нами разверзлася съ дѣтства говорившій моему сердцу пейзажъ, пріятельскій и въ то же время сумрачный. Запруженная рѣка, огромный врудъ въ отдале-

ли и берега его срѣзанные террасами, богатая хозяйственная постройка говорившая про даровой трудъ и ненужную роскошь, вѣковыя аллеи, паркъ, башня съ часами и наконецъ замокъ съ бельведеромъ, по угрюмой прихоти перваго владѣльца окруженный елками и соснами,—все это опять перенесло меня къ далекимъ и невозвратимымъ годамъ, къ людямъ давно потеряннымъ и оплаканнымъ... Мы водкатились къ древнему крытому подъѣзду en pente douce, рядъ колоннъ стояли по прежнему и снаружи дома и въ свѣтахъ съ мраморнымъ поломъ, просторныхъ, блестящихъ, съ мисологическими фресками на стѣнахъ. Не оказывалось лишь прежнихъ дежурныхъ лакеевъ, сидѣвшихъ безъ дѣла по угламъ и тучнаго крѣпостнаго дворецкаго, на мѣсто котораго вышелъ къ намъ на встрѣчу поджарый Нѣмецъ вида самаго безвреднаго.

Дядя Борисъ Николаевичъ встрѣтилъ насъ въ первой залѣ какъ неслѣдя привѣтливѣе. Онъ насколько не опустился за довольно долгое время, въ которое мы не видались; по прежнему его станъ и осанка сохраняли въ себѣ что-то молодое и сильное не по лѣтамъ. По прежнему лицо дяди напоминало о прежней красотѣ; только на немъ какъ-то поблекло то выраженіе вспыльчиваго, заносчиваго самовластія, какимъ поражаютъ насъ портреты русскихъ людей, бывавшихъ и дѣйствовавшихъ въ первые двадцать пять лѣтъ нашего столѣтія.

— Спасибо что вспомнили про меня, сказалъ онъ, закаячая меня въ объятія и пожимая руку Ивану Петровичу, —никогда не умѣлъ я жить безъ людей, а теперь я вышелъ въ чистую отставку, и оказать по правдѣ, просто скучаю.

— Про какую чистую отставку ты говоришь, дядя? спросилъ я его съ недоумѣніемъ.

Дядя Борисъ Николаевичъ, въ дѣтствѣ отосланный на воспитаніе къ какому-то великому швейцарскому педагогу, по обычаю Русскихъ, вывезъ домой и сохранилъ до старости кой-какія республиканскія мелочи. Лицо находящееся съ нимъ въ родствѣ не дерзало говорить ему *ты*, а еслибы и дерзнуло, то подверглось бы потоку любезностей не имѣющихъ ничего швейцарскаго или воальволюбиваго.

— Про какую отставку говорю я? повторилъ дядя, пригласивъ насъ за собою въ круглую залу гдѣ обыкновенно сидѣвалъ съ гостями:—про отставку отъ всѣхъ хозяйствен-

ныхъ дѣлъ и попеченій. Съ марта мѣсяца я сдѣлалъ только одно распоряженіе, и надо сказать, главное. Я выгналъ отъ себя всѣхъ дворовыхъ, и до сихъ поръ не знаю гдѣ добыть людей нужныхъ мнѣ для прислуги.

— Не знаю какъ у васъ на мнѣ, замѣтилъ Иванъ Петровичъ, — а въ полѣ, сколько мы видѣли, все идетъ какъ нужно.

— Я сдѣлалъ управляющимъ Карлашу, и кажется на немъ и останусь. Впрочемъ и условія мои для него удобныя: я разрѣшилъ уменьшать запашку, убавлять скотъ, не гнаться за доходомъ, лишь бы все было пристойно и никто не смѣлъ совѣтаться ко мнѣ за малѣйшимъ приказомъ.

— Да эдакъ ты соскучишься, дядя!

— Что же дѣлать прикажешь! Я прочиталъ Положеніе, и во моему крайнему разумѣнію, оно показалось мнѣ и обиднымъ и нескладнымъ. Идти же ему наперекоръ я не хочу, да еслибъ и хотѣлъ, такъ не въ силахъ. Въ первые дни, — тутъ глаза дяди сверкнули не совсѣмъ доброю отвагой, — въ первые дни я было ждалъ буйства, неслыханныхъ требованій, дерзости... *que sais-je?* Конечно тогда бъ я не уступилъ, суди меня Богъ и наше жалкое уѣздное начальство! Ничего не было. Я говорилъ съ крестьянами. Я объѣхалъ деревни. Нигдѣ не встрѣтилъ я косога взгляда или одного слова которое бы мнѣ не полюбилось. Тогда я позвалъ своего новаго чухну и передалъ ему въ руки бразды правленія.

— Bravo дядя, сказалъ я, — невозможно помириться съ дѣйствительностью лучше твоего, въ особенности когда кромѣ селъ и деревень имѣешь два дома въ Москвѣ и одинъ въ Петербургѣ. А съ какими трепетомъ ѣхали мы къ тебѣ, крутому паяватору!

— Вижу, что ты еще не отсталъ отъ привычки поддразнивать, оживясь подхватилъ Борисъ Николаевичъ, — а лучше бы мнѣсто нея поучился ты развѣчать людей хоть немножко. Что я крутъ, это быть-можетъ, что я былъ крутъ, это еще вѣрнѣе, а что я паяваторъ, того нѣтъ и быть не могло, потому что всѣ смыслящіе люди моего поколѣнія ненавидѣли рабство въ тѣ годы, когда вашу братью еще никто и рожать не собирався. Или ты думаешь, что мои товарищи и сверстники даромъ прошли изъ конда въ концѣ всю Европу, да еще Европу оцѣтенившуюся противъ угнетателя? Или ты забылъ какіе люди вышли изъ ордъ

вашей и какими идеями жили эти люди? Никогда не было покоя и лживости и забывчивости вашего, государи мои; о том, которое идет за вами, я ничего не скажу, потому что ничего о нем не знаю. Вы вот едва верите тому, что русское дворянство,—я разумно ослышную и влиятельную его часть,—в просвещении далеко еще не дошло до той ступени, на которой оно стояло... хоть бы хоть за сорок. Вась вот обивает с толку наша жизнь, так не ладившая иногда с возвышенными идеями. А ваша кислая жизнь, с ними ладит? Нѣтъ, господа, не много толку в вашем дешевеньком просвещении, для меня по крайней мѣрѣ это ясно... даже изъ крестьянскаго вопроса, о которомъ мы говорили. Или вы думаете что в нашу пору, послѣ великой европейской войны, правительство если бы только рѣшилось, не нашло бы возможности покончить съ крѣпостнымъ правомъ и легче и живѣе теперешняго?..

Никогда еще не слышалъ я такихъ рѣчей отъ дяди. Онъ такъ меня удивилъ, что я ничего не отвѣтилъ; только Иванъ Петровичъ нашелъ нѣсколько возраженій не совсѣмъ складныхъ.

— Люди... конечно были, сказалъ онъ,—но большинство... но общая жесткость нравовъ...

— Жесткость нравовъ васъ и туманить, вы за ней и не видали дѣла самаго пылаго великодушія, которое, чертъ его знаетъ почему, очень часто шло рядомъ съ жесткостью и даже жестокостью. Если Сережа думаетъ то же что вы, это ему непростительно. Онъ выросъ на глазахъ у человека нашего времени, который славился храбростью на войнѣ и строгою жизнью, а между тѣмъ не тронулъ пальцемъ ни одного человека и не сказалъ ни одного дурнаго слова, даже въ пылую минуту. Такой былъ его отецъ, и я первый это скажу, хотя мы съ нимъ жили не въ дружбѣ. Да вотъ вамъ еще примѣръ кстати. Сережа, видалъ ты у покойнаго твоего отца его сослуживца Николая Ивановича Д—ва?

Я слышалъ жестъ отвращенія при воспоминаніи о гордости, желчномъ, знатномъ, маленькомъ, азартномъ генералъ-адъютантѣ, котораго я видалъ еще въ дѣтствѣ, и въ дѣтствѣ еще неавидѣлъ.

— Вотъ ты дернулъ плечомъ, какъ будто бы рѣчь зашла о злой собакѣ. И точно, Д—ва мы знали иногда бѣшеною

собакой. У этой, по твоему, собаки было богатѣйшее имѣніе на Волгѣ. Въ одномъ селѣ показалась какая-то особенная секта раскольничья. Д—въ прискакалъ туда, началъ осматривать непослушныхъ, бить и мучить людей, короче сказать, распорядился такъ, что только сильное разлитіе желчи принудило его вернуться, все-таки ничего не сдѣлавши. Черезъ годъ послѣ того, разбирая отцовскія бумаги, олъ узналъ, что еще при его отцѣ, крестьяне волжскаго имѣнія, узнавъ о пожарѣ, истребившемъ петербургскій домъ Д—выхъ, добровольно сдѣлали сборъ и прислали старику двадцать тысячъ рублей, которыхъ тотъ не принялъ. Я не могу вамъ сказать что случилось съ Николаемъ Ивановичемъ послѣ этого открытія. Олъ молчалъ по церквамъ, запирали дома, пересталъ ѣздить ко двору, и ожилъ только тогда, когда ему помогли обратить все его имѣніе въ воюемые хлѣбопашцы, какъ тогда говорилось. Ни выкупа, ни малѣйшаго вознагражденія за отходившія угоды не взялъ олъ ни копѣйки.

— Это не болѣе какъ частный случай, замѣтилъ я дядя.

— И еслибы васъ что-нибудь поощрило, еслибы вамъ сдѣлавъ былъ горячій призывъ, возразилъ Борисъ Николаевичъ, — подобныхъ частныхъ случаевъ оказалось бы много. Строй общества былъ какой-то торжественный, война и военныя жертвы надолго оовѣжили людей, и о своемъ комфортѣ все мы не очень думали. Да не говоря о великодушныхъ порывахъ, хозяйственное положеніе тогдашняго общества помогло бы ему легче вывести послѣдствія крестьянскаго освобожденія. Имѣнія не давали большихъ доходовъ, ими дорожили не впримѣръ меньше теперешняго. Они не были заложены, перезаложены, да еще украшены всевозможными надбавками. Большинство дворянства не состояло изъ банкротовъ, для которыхъ всякое уменьшеніе дохода—чистая гибель. Это большинство питалось своими домашними произведеніями, высылало по сотнѣ рублей сыновьямъ, служащимъ въ столицѣ, не дѣлало въ долги и не думало о роскоши. Оно бы попривчалось, отказалось бы отъ зимнихъ поѣздокъ въ Москву, отъ души подивилось бы тому, что крестьянской семьи нельзя продавать какъ овецъ съ аггятами, поругалось бы, при осторожно затворенныхъ дверяхъ, и помучивъ немного, рѣшило бы, что дѣлать нечего, если ужъ пришелъ такой галъ

на все необычайное. Да еслибъ и суждено было обвинять дворянству, такъ пускай бы оно обвиняло изъ-за добраго дѣла, а не такъ, какъ въ послѣдніа сорокъ лѣтъ, не извѣстно почему и для какой потребности!

— Оно можетъ-быть и такъ дѣла, замѣтилъ я,—только мнѣ кажется, что въ твое время крестьяне были бы освобождены, какъ въ Остзейскомъ краѣ, не на совѣтъ выгодныхъ для нихъ условійхъ.

— Выгодныхъ условійхъ, выгодныхъ условійхъ! Объ этомъ мы можемъ спорить съ тобою цѣлые сутки, сказалъ Борисъ Николаевичъ.—Выгодность условійхъ вывѣваю я ни во что. Вотъ мы съ тобой живемъ и копимъ небо, оттого что наша жизнь устроилась при выгодныхъ условійхъ. Я думаю, другъ Сережа, что народу, и не простому и простому, существованіе должно даваться трудно, и что ежевыя рукавицы тяжкаго труда лучшей путь ко всему порядочному.

— Ужь коли дошло до такихъ римскихъ и Катоновскихъ выводовъ, сказалъ я улыбаясь,—то я предаю тебѣ въ жертву Ивана Петровича, а самъ, передъ главнымъ споромъ, отдохну и переодѣнусь.

— Иди, иди, баловень; комната твоя все тамъ же. Да что это въ самомъ дѣлѣ ты блѣденъ, будто тебя три дня не кормили?

Иванъ Петровичъ, засмѣявшись, сталъ разказывать старику обесонной ночи у Евдокимова, а я, мимовзавъ длинную антипаду парадныхъ комнатъ, пробрался въ хорошо-знакомое мнѣ роскошное отдѣленіе дома, назначавшееся для пріѣзжихъ. Моя комната, съ маленькимъ туалетнымъ кабинетомъ, къ ней прилегавшимъ, казалась просторна и прохладна, какъ спальни въ италіянскихъ палацахъ. Мраморъ каміна, столовъ и подокованковъ довершалъ еходство, еще усиленное зелеными деревянными жалузи на южный покровъ, сквозь которыя слабо влеталъ охлажденный лѣтній воздухъ. Остальное убранство, зеркала въ овальныхъ рамахъ, куку на каминѣ, *panielles* надъ дверьми, болѣе подходило къ эпохѣ постройки дома, то-есть къ екатериненскому времени. Противъ моей постели висѣлъ портретъ прелестной расчуденной женщины, со вздернутымъ носикомъ и смѣлыми голубыми глазами, портретъ когда-то мною спасенный отъ сырости чердака и за то повѣшенный въ спальню,

исключительно для меня назначенную. Пудреная дама, по сказанію одного столѣтняго старца изъ дворовыхъ, была первая помещица Жадрова, графиня Наталья Юрьевна Т—я, на время удаленная изъ столицы за какой-то скандалъ, самшкомъ бѣжій даже для того времени, обильнаго всякою рѣзвостью.

Тощій нѣмецкій слуга, встрѣтившій насъ на дѣлотацѣ, вошелъ за мною, поставилъ на столъ воду, разложилъ мое платье, спросилъ, не будетъ ли приказаній, и не навязывался ли съ какими услугами, оставилъ комнату. Я умылся, прилегъ на постель, задремалъ и увидѣлъ во снѣ, что хошу по заламъ виллы Катаіо, между Феррарой и Падуей. Я проснулся, и сонъ мой какъ будто не кончился,—столикъ мрамора, простора и потускѣвшаго золота меня окружаю. Стукъ у моей двери еще не вполне разбудилъ меня: *снѣтъ*, закричалъ я, все еще воображая, что я не въ Россіи и не во ***скомъ увздѣ. Въ комнату вошла дядя и Иванъ Петровичъ.

— Полю тебѣ вытаскиваться, сказалъ генералъ, очевидно находившійся въ самомъ свѣтломъ настроеніи духа,—скоро будемъ обѣдать, да и къ дому подъѣхалъ кто-то.

Вошелъ прежній Нѣмецъ.

— Кого Богъ послалъ? спросилъ у него дядя.

— Господинъ Маамгинъ пріѣхалъ; только они войдти не смѣютъ.

— Какъ войдти не смѣютъ?

По флегматическому лицу шюстрава промелькнуло что-то въ родѣ улыбки.

— Сапогъ потеряли дорогой, сказалъ онъ медленно.

Всѣ мы разсмѣялись.

— Веди же его, веди, сказалъ дядя,—онъ будетъ думать, что я въ той воловинѣ, а мы здѣсь его и накроемъ.

Скоро по корридору послышались осторожные шаги, одна нога подвигавшагося челоуѣка опускалась съ нѣкоторымъ стукомъ, какъ саѣдуетъ ногѣ обуви, другая шагала безъ звука. Мы бмстро отворили дверь и пресѣкли путь гостю. То былъ невысокій господинъ среднихъ лѣтъ, одѣтый небрежно, съ лицомъ измятымъ, но весьма легунымъ, съ носомъ слегка подернутымъ фіолетовою краской. Дѣйствительно, только одна нога гостя шлѣла на себѣ са-

ногъ, огромностью и просторомъ объяснявшій огчасти утрату своего товарища.

— Я такъ и зналъ, что меня подкараулятъ! возгласилъ посятитель, на мгновение сконфузившійся, но быстро собравшійся съ духомъ.— Это все ты, Нѣмецъ негодный, прибавилъ онъ, обращаясь къ сапогъ, который появился тутъ же, съ парю дядиныхъ сапогъ въ готовности.— Мое почтеніе вашему превосходительству; здравствуйте, Сергѣй Ильичъ; какъ поживаете, Иванъ Петровичъ?

— Да какъ тебя угораздило потерять сапогъ, полоумная голова? спросилъ Борисъ Николаевичъ.

Просто высуулъ ноги изъ бички, задремалъ, да и проснулся въ одномъ сапогѣ... дѣло самое простое. Вѣдь на меня Пель не работаетъ, добавилъ гость присѣвши на первый стулъ и безъ церемоніи натягивая на ноги мягкіе сапоги дяди.

— Какъ еще тебѣ ногъ не обломалъ какой-нибудь проѣзжіи! Должно-быть выпилъ по утру... признавайся!

— Конечно выпилъ, я и не думаю таиться. Однако я весь въ пыли, а вы точно сбѣжали съ модныхъ картинокъ. Оставаю васъ на минуту... эй, какъ тебя, Вильгельмъ, Амандусъ... Гильдебрантъ, привеси-ка щетку вонъ въ ту комнату.

Господиномъ Малыгинъ затѣмъ раскланялся и прошелъ въ аппартаментъ сосѣдній съ своимъ помѣщеніемъ.

— Вотъ, замѣтилъ дядя,— дочего опустился человекъ, а вѣдь помните года за три, какимъ красавчикомъ пріѣхалъ онъ сюда, изъ гвардіи. Ну да за обѣдомъ онъ самъ про себя разкажетъ; теперь, какъ ни вертись, а другихъ разговоровъ у насъ нѣтъ, какъ о новыхъ порядкахъ и о своемъ хозяйствѣ. Кстати, Сережа, ты говорилъ по утру, что имѣешь ко мнѣ какую-то просьбу?..

Я передалъ дядѣ претензію барышши Олимпиады Павловны, исторію порубки въ Опежковской пустоши, и попросилъ обуздать рвеніе тамошняго управляющаго, который вмѣсто того, чтобъ пососѣдски объясниться съ помѣщицей, повелъ это ничтожное дѣло судебнымъ порядкомъ.

Борисъ Николаевичъ разсмѣялся.

— Вотъ я носа не показываю изъ моего дома, сказалъ онъ продолжая хохотать,— а знаю навѣрное, что эта старая

вѣдьма тебя надула. Дѣло въ томъ, что тутъ не первая проказа. Чемезовскіе крестьяне безпреставно воруютъ лѣсъ и все что попало на Опенковскихъ земляхъ. Раза три управляющій жаловался помѣщицѣ и всякій разъ получалъ отъ ней изустный отвѣтъ такого сорта: я тебѣ не жаримскій мужикъ, меня за бороду не отгаскаешь, а я, коли захочу, всѣ твои волосы съ головы выщипаю. Что жь ему было придумать съ такою Бобелиной?

Я очень хорошо зналъ, что барышня Олимпиада Павловна совершенно права въ своей претензіи, но что же дѣлать? я былъ ей другъ, и меня, признаюсь откровенно, трогала готовность помѣщицы, непрерывно ругающейя съ своими крестьянами, лѣзть на положительную неприятность, хотя бы за самаго дряннаго изъ своихъ подданныхъ. Эта чисто старосвѣтская черта помѣщицкихъ нравовъ въ прежнее время была причиною безчисленныхъ ссоръ и соседскихъ столкновеній; но она имѣетъ зародышемъ хорошее чувство и посвящаетъ въ исторію крѣпостнаго права тысячи противорѣчій, поражающихъ наблюдателя незнакомаго съ русскою деревенскою жизнью.

Какъ бы то ни было, мнѣ удалось убѣдить дядю, что спустивъ три раза, можно прикалониться на замиреніе и въ четвертый. Онъ разрѣшилъ мнѣ передать управляющему, чтобъ дѣло было погашено, а съ чемезовскихъ крестьянъ изыскать легкій штрафъ по соглашенію съ помѣщицей. Пренія о семъ важномъ предметѣ кончились, когда Мамыгья, вычищенный и умытый, присоединился къ нашей компаніи, а дворянскій доложилъ, что обѣдъ поданъ.

XIII. Мелкопомѣстный киникъ.

Дядя справедливо замѣтилъ, что всякіе разговоры, помимо крестьянскаго дѣла и хозяйственныхъ затрудненій, за прошлое лѣто стали просто невозможными. Изъ четырехъ собесѣдниковъ за обѣдомъ трое уже вдоволь наговорились о новыхъ порядкахъ, четвертый же, то-есть помѣщикъ, потерявшій сапогъ дорогою, еще при закускѣ объявлялъ, что Положенія онъ не читалъ и читать не станетъ, уставной грамоты не составлялъ и составлять не будетъ. Свертъ

того, обѣдъ могъ назваться великолѣпнымъ. Ватель Бориса Николаевича, вѣроятно обрадованный прїѣздомъ гостей, далъ такую волю своей артистической фантазіи, какъ будто бы его блюда предназначались на утучненіе первыхъ дипломатовъ Европы. Казаюсь, всѣ условія соединились для того, чтобы дать отдыхъ умамъ утомившимся отъ долгаго вращенія около одного и того же предмета, а вышло напротивъ. Малыгинъ, какъ всѣ бойкіе, но опустившіеся люди, совершенно оживился съ первыми рюмками стараго вина; къ нему вернулось все его отчасти казарменное остроуміе; а Иванъ Петровичъ, всегда любившій разговоры съ солью, хотя и не очень аттической, вторилъ ему и вызывалъ на споры. Узнавъ, что Петръ Ивановичъ и его другъ собираются, продавши имѣнія свои, поселиться за границей, Малыгинъ осмѣялъ этотъ планъ и замѣсто его представилъ новый, предложивъ себя въ компаньоны. По его идеѣ, всѣ трое, какъ представители обнищавшаго дворянства, обязывались, бросивъ имѣнія, вести жизнь древняго философа Діогена. Въ уѣздномъ городѣ покупалась лачуга съ огородомъ, жизнь троихъ кивиковъ имѣла течь по законамъ природы, безъ всякихъ щепетильныхъ прихотей, въ одежду имъ предоставлялись старые ковры или попоны съ дырой, прорѣзанною для продѣванія головы, въ пищу — рѣдька и горохъ, да еще наливка „орѣховка“, то-есть штофъ водки, въ которую пущенъ одинъ орѣхъ каменный. Въ моемъ разказѣ это пустошное едва ли можетъ быть названо забавнымъ, но въ устахъ оригинальнаго гостя, пересыпанное мелкими дѣльными сплетнями и крупными шутками, оно насъ очень смѣшило и высказывало въ болтушѣ присутствіе богатой юмористической жилки.

— Вотъ вѣдь, сказалъ дядя Борисъ Николаевичъ, когда Малыгинъ, мастерски изобразивъ визитъ важнаго петербургскаго сановника къ тремъ кивикамъ и его лишеныя смысла разспросы о ходѣ крестьянскаго дѣла, на минуту умолокъ: — вотъ вѣдь и всякій скажетъ про тебя: золотая твоя голова, да только Богъ-то далъ ее тебѣ на погибель. Повѣришь ли ты, Сережа, что онъ въ самомъ дѣлѣ идетъ къ той жизни, про которую вамъ теперь разказалъ для забавы? Лѣсъ свой, очень порядочный лѣсокъ, онъ весь

продать, на поемные дуга щеть охотника, да къ осени уже назначилъ распродать скоть до послѣдней коровы.

— А что жь, по вашему долженъ я процвѣтать и славить Господа, съ моими тридцатью бывшими душами? спросилъ Малыгинъ. — Еще еслибъ ихъ было девятнадцать, мнѣ бы выдала позобіе, на которое могъ бы я купить себѣ на зиму грибовъ сушеныхъ, а съ тридцатью душами я арестократъ, и пособій мнѣ не отпустятъ.

— Да тебѣ ли гнаться за копѣчнымъ пособіемъ, Федоръ Алексѣичъ, качая головою замѣтилъ дядя. — Почему ты не баллотировался въ судьи? Отчего ты вездѣ говорилъ, что посредникомъ быть не желаешь? А развѣ теперь я не предлагаю тебѣ поселиться въ Опековѣ и приглядывать за тамошнимъ хозяйствомъ?..

— Дѣльно служить я не умѣю, потому что *вся моя молодость протекла на службѣ*; посредничать я не берусь, потому что, заснувши въ повозкѣ, сапоги теряю на дорогѣ; а управлять вашими имѣніями не возьмусь, по той причинѣ, что и съ своимъ клочкомъ ладить не выучился.

— Да въ Опековѣ дѣлать нечего; можешь лежать на боку сколько душа захочетъ.

— Это я могу дѣлать и безъ Опекова, пока не проживу денегъ за лѣсъ и за скоть проданный. Еще будетъ время пожить на чужомъ хлѣбѣ.

Въ первый разъ за всю бесѣду, въ голосъ мелкопомѣстнаго киника послышалась горечь. Мы не возражали и немного потупились. Федоръ Алексѣевичъ, сперва немного тронутый нашимъ участіемъ, успѣшилъ однако вернуться къ веселому тону; такіе люди какъ онъ не очень гонятся за чужимъ сочувствіемъ, особенно коли въ немъ есть доля состраданія. Тѣмъ не менѣе онъ былъ вызванъ на откровенность и не прочь высказаться по своему.

— Теперь принято, началъ онъ, — за всѣ наши житейскія невзгоды ругать общество, болѣе или менѣе непристойными словами. Я этого не понимаю, какъ тутъ будешь ругать миллионъ людей, изъ которыхъ иному приходится тошнѣе чѣмъ нашему брату; да и что возьмешь съ миллиона? это все равно что показывать фигу городу Новгороду. Въ томъ что я никуда не гожусь, виноваты лишь я самъ да нѣсколько людей, съ которыми я имѣлъ дѣло; должно-быть только такихъ людей было довольно; а думаю я такъ

потому что и негодниковъ въ моемъ родѣ пущено ими на свѣтъ не мало. Нашъ Иванъ Петровичъ помнить какъ моя старушка родительница пеклась о моей будущности, какъ она хныкала въ Петербургѣ по генеральскимъ приемнымъ, сколько бѣдныхъ трудовыхъ гривенничковъ передавала она швейцарамъ и камердиверамъ, и какъ ей наконецъ удалось запереть своего восьмилѣтняго агнца въ отличное военное учебное заведеніе. Агнецъ, при крошечномъ своемъ ростѣ и предестной наружности, оказалъ такіе успѣхи въ маршировкѣ и въ ружейныхъ приемахъ, что его носили на рукахъ, посылали на ординарцы къ прѣзжимъ иноземнымъ принцамъ, и одинъ разъ, накрывъ на какой-то подлѣпшей шалости, не высклаки, а оставили безъ высканія, какъ полезную знаменитость. Все это было хорошо, а если принять во вниманіе, что юноша ни одному изъ тридцати пяти преподаваемыхъ въ корпусѣ предметовъ учиться не изъявлялъ охоты, даже трогательно. Настало отрочество болѣе зрѣлое, съ хриплымъ басомъ, уграми на рожахъ и прежними скверными успѣхами въ наукахъ: по принятому правилу, слѣдовало бы выгнать негодного воспитанника, и видѣть Богъ, благословилъ бы я теперь судьбу, еслибъ она, въ свое время, шестнадцати лѣтъ поставила меня за соху на моемъ полѣ или отдала въ разсыпные мальчику умному управляющему! Но у меня начальникомъ былъ генералъ кроткій и отъ старости слезливый до юродства; онъ вспомнилъ какіе лавры когда-то доставлялъ я ему своею военною миловидностью, и за уши вытянулъ меня въ гвардію. Передъ выпускомъ узналъ я, что половину имѣнія нашего продали съ публичнаго торга, мать просила меня выйдти въ штатскую, а тогдашній нашъ предводитель предлагалъ мнѣ мѣсто писмоводителя съ хорошимъ содержаніемъ. Едва я заикнулся о своемъ намѣреніи по начальству, мнѣ показалось земля потряслась и стѣны нашего заведенія въ нѣсколькихъ мѣстахъ треснули отъ ужаса. Мнѣ сказали, что я позорю мѣсто моего воспитанія, что на поприще гражданское хорошо идти воспитаннику переломившему ногу, или отъ нѣкоторыхъ нехорошихъ привычекъ понесшему затмѣніе въ разсудкѣ... сверхъ того мнѣ самому нравились красные лацканы, и судьба моя рѣшилась.

Федоръ Алексѣевичъ выпилъ стакалъ портера, на минуту

призадумался, и поощренный нашимъ вниманіемъ, снова принялся за прерванные признанія.

— Изъ угреватаго кадета злобщей наружности, превратился я въ красиваго и ловкаго прапорщика, и снова обратилъ на себя милостивое вниманіе начальства способностію на фронтовыя тонкости. Боже меня сохрани порочить военную жизнь въ ея хорошихъ сторонахъ: ужиться съ товарищемъ, да сойтись съ солдатомъ и принять участіе въ его хозяйствѣ, это стоить всякой житейской школы; но сторону штабную, да еще щегольскую, я ненавижу и считаю пагубами. Мнѣ пришлось извѣдать ту и другую. Меня совали всюду гдѣ требовалось прошагать молодцомъ и перенять какой-нибудь учебный приемъ небывалаго свойства; въ ту пору когда офицеръ обыкновенно принимаетъ роту, я былъ командированъ въ особую команду, кажется учившюся ходить на головѣ или заряжать ружье лѣвою рукой, въ точности не помню. Оставалось только попасть въ адъютанты къ какому-нибудь пустѣйшему старцу, и я попалъ, и еще къ старцу занимавшему не пустую должность. Тутъ-то, разчитывалъ я уже не безъ страха, придется окунуться въ настоящую жизнь, осматривать, ревизовать, наблюдать, покупать, заготовлять... Но мой старецъ любилъ только писать, хотя и плохо зналъ русскую грамоту. Въ петербургской духотѣ, между кипами докладовъ, угасли мои ожиданія; впрочемъ жалованье мнѣ шло хорошее, награды назначались каждый годъ, и только одна безумная добросовѣстность, ужь не знаю за что ко мнѣ привязавшаяся, мѣшала благополучію. При началѣ войны я сталъ проситься во фронтъ: старецъ мой пришелъ сперва въ отчаяніе, потомъ въ неистовство,—я былъ незамѣнимъ по части составленія краткихъ записокъ и справокъ. Дѣло мое затянули, и выпустили меня съ бранью уже при самомъ концѣ послѣдней кампаніи. Я не успѣлъ даже къ малѣйшей перестрѣлкѣ, за то убѣдился вполне, что убивъ молодость, сперва на выправкѣ, а потомъ на составленіи форменныхъ отношеній, человекъ не можетъ распоряжаться другими людьми, а если берется, то онъ не человекъ, а негодяй или уродъ самъ себя не понимающій.

— Святая правда, отозвался дядя Борисъ Николаевичъ,— и не будетъ у насъ, между служащими лицами, дѣльныхъ правителей, до той поры, покуда не будетъ приказано всѣ

канцелярскія бумаги пережечь, а мѣста для ихъ строченія уничтожить, или по крайней мѣрѣ сократить до послѣдней возможности.

— Вотъ вамъ моя жизнь и вотъ вамъ моя подготовка, продолжалъ Федоръ Алексѣвичъ, — а за тѣмъ судите сами, одинъ ли я вышелъ такимъ несчастливцемъ на землѣ русской, или моя исторія есть исторія многихъ. Теперь къ намъ, этимъ многимъ, этимъ безчисленнымъ негодникамъ, взываютъ съ торжественностію: проснитесь, жизнь васъ призываетъ, идите впередъ, ведите за собой меньшихъ братій... даже въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*, въ которыя завернута курденная мною колбаса, прописано многое въ такомъ родѣ. Для меня все это тарабарская грамота. Десять лѣтъ тому назадъ, когда я, по крайней необходимости, хотѣлъ взять додговременный отпускъ и удалиться въ деревню, мнѣ сказали, что я вѣрно желаю собакъ гонять, да намекнули, что жить въ деревнѣ хорошо лишь скоту, неспособному къ государственной службѣ. На этомъ я взросъ, къ этому и приоровился: теперь же мнѣ объявляютъ, что напротивъ того по деревнямъ-то и усадьбамъ и идетъ настоящая служба обществу. Такъ и готовьте на нее людей годныхъ, а меня вы припасали не для того; стало-быть и требовать съ меня нечего.

— Федоръ Алексѣвичъ, замѣтилъ я, — изъ рѣчи вашей слѣдуетъ, что намъ всѣмъ, за дурное знаніе практической жизни, остается только сидѣть сложа руки.

— Этого никакъ не слѣдуетъ, возразилъ сосѣдъ, — а не слѣдуетъ по двадцати причинамъ, изъ которыхъ первая та, что мы и безъ приглашенія давно сидимъ сложа руки. Да вотъ чего же ближе какъ здѣсь, четверо помѣщиковъ: какія мѣры приняты нами въ виду настоящей перемены, какимъ путемъ мы надѣемся ужиться съ ней? Генералъ насъ всѣхъ моложе и прытче: онъ велѣлъ, чтобы до него не доходило ни одно хозяйственное распоряженіе. Иванъ Петровичъ бросаетъ все и удаляется въ нѣмецкую пустыню; вы, не попадись вамъ отаичный посредникъ, удалитесь бы въ пустыню италіанскую; про себя я не говорю: мнѣ всѣхъ хуже, потому что я всѣхъ бѣднѣе.

— Это тебя и выручить, произнесъ Борисъ Николаевичъ съ особеннымъ одушевленіемъ. — При твоей лѣности и чуда-

чествѣ тебя только и можетъ поправить крутая необходимость.

— Оно хорошо говорить вамъ, да еще послѣ такого обѣда, какой вы намъ сейчасъ задали, дѣлливо замѣтилъ Федоръ Алексѣевичъ.

— И ты сказалъ правду, отвѣтилъ въ свою очередь дядя, — мнѣ скорѣе чѣмъ всякому другому, потому что вся моя жизнь была испорчена богатствомъ, доставшимся мнѣ неожиданно.

На этомъ пунктѣ общей бесѣды, у Малыгина, а равно у Ивана Петровича глаза начали какъ-то померкать, и оба они пошли вытягиваться на своихъ стульяхъ, изыскивая положеній наиболѣе покойныхъ. Тѣмъ радостнѣе подчинились они дядѣ, который посоветовалъ имъ немного „полежать“ послѣ обѣда передъ большою вечернею прогулкой. Иванъ Петровичъ, прошлую ночь почти не видавшійся съ Морфеємъ, даже исчезъ отъ насъ такъ ловко, что мы не могли сообразить въ какую дверь онъ вышелъ, и въ которую сторону направился. Дядя никогда не любилъ спать; я отдохнулъ утромъ отъ бессонной ночи; оба мы давно не видались; цѣлый день ужъ какъ-то устроился днемъ признаній, потому и не мудрено, что наша бесѣда, хотя и происходившая съ глазу на глазъ, нисколько не заглохла отъ ухода обоихъ сонливцевъ.

— Боже мой, говорилъ Борисъ Николаевичъ, глядя въ сѣдѣ удалявшемуся Малыгину, — почему это жизнь такъ устроена, что только при концѣ ея или передъ бѣдой неотвратимой, начинаемъ мы понимать ея уроки? Вотъ человѣкъ съ честною душой, съ головою свѣтлою, съ богатырскимъ здоровьемъ: онъ считаетъ себя никуда негоднымъ, и прячется отъ дѣла, а въ то же время, гдѣ-нибудь въ Петербургѣ какой-нибудь хилый строкулистъ считаетъ себя призваннымъ на передѣлку всего рода человѣческаго! Право, Сережа, когда я подумаю о Малыгинѣ и обо всѣхъ васъ, его однолѣткахъ, мнѣ становится больно. Кто васъ сдѣлалъ такими кислыми, такими не вѣрными въ себя, кто вамъ далъ эту потребность прятаться по угламъ и изъ щелей глядѣть на свѣтъ Божій, вмѣсто того чтобы двигаться въ немъ смѣло и весело? Конечно и общество и воспитаніе тутъ причастны, да вѣдь бывали

же всегда времена дурныя, а люди все-таки работали и жили какъ людямъ слѣдуетъ!

— Однако ты же говоришь сейчасъ, дядя, что твоя собственная жизнь испорчена, да еще и богатствомъ вдобавокъ. Всякому выпадаютъ на долю свои злыя случайности, и если ты, человекъ съ несомнѣнною энергіей, имъ поддался, то будь же свисходительнѣе къ другимъ, болѣе слабымъ.

— Моя жизнь не имѣетъ ничего общаго съ вашей, отвѣчалъ Борисъ Николаевичъ, — немногимъ выпадаютъ такія искушенія, какія мнѣ достались. И въ романахъ не часто выходитъ, что люди, изъ нищеты и гоненія, дѣлаются самовластными пашами, даже хуже, потому что помѣщичья роскошная жизнь былого времени во многомъ соблазнительнѣе пашаамковъ Европейской или Азіятской Турціи. Со мною оно было. Въ *** году, послѣ трудовой, замѣтной службы, я остался нищимъ, заподозрѣннымъ въ неблагонамѣренности, личнымъ врагомъ сильнаго вельможи, никогда не забывавшаго своихъ непріятелей. Черезъ годъ, за смертью двухъ далекихъ родственниковъ, у меня оказалось пять тысячъ душъ, не считая домовъ и прочаго.

Разговоръ, какъ оно часто бываетъ, ушелъ далеко въ сторону отъ главной темы; но рѣчи дяди показались мнѣ замѣчательными, и я передаю ихъ, по его собственному выраженію, „какъ канву для тѣхъ кто любитъ всякія нравописательныя очиненія.“

— Ты любишь жадриаскій домъ, и въ шутку зовешь его дворцомъ, говорилъ дядя,—и надо тебѣ сказать, что онъ точно смахивалъ на дворецъ при графѣ Т.....мъ, его послѣднемъ владѣльцѣ. Я имѣлъ понятіе объ этомъ распутномъ старикѣ, и вѣдучи принимать наслѣдство, заранѣе смѣялся надъ собой, либераломъ старыхъ временъ, посреди того что меня ожидаетъ. О положеніи моихъ дѣлъ передъ полученіемъ наслѣдства можешь судить по тому, что я, не имѣя средствъ жить въ Россіи, писалъ въ Швейцарію къ моему бывшему наставнику, и просилъ его пріютить меня въ своемъ семействѣ, за плату, возможно умѣренную. Мнѣ передъ тобой хвастаться нѣтъ расчета, оттого ты безъ труда повѣришь, что, поселяясь въ деревнѣ, я твердо положилъ себѣ быть благотѣльнымъ помѣщикомъ, подготовлять мужиковъ къ освобожденію, распроетранять въ краѣ назидательныя книги, въ то время часто издававшіяся, од-

нимъ словомъ, не упускать ни малѣйшаго случая къ добру... какъ извѣстный римскій императоръ. Въ старыхъ бумагахъ конторы есть кое-что по этой части, школы, устроенныя мною стоража, и теперь существуютъ. Конечно, я былъ во многомъ недоволенъ и многое принималось худо, но ни крестьянъ, ни сосѣдей я винить не могу: въ крутомъ поворотѣ къ худому виноватъ одинъ я и конечно моя обстановка, которой сразу разрушить я не успѣлъ, на свою бѣду. Сережа Сережа! вы всѣ теперь какъ-то хитры здоровьей, и страсти у васъ потому небурливыя. Представъ же себѣ, слушкомъ за сорокъ лѣтъ назадъ, молодого солдата, съ дѣтскихъ лѣтъ закаленного походами и гусарскою жизнью, сильнаго какъ лошадь, вспыльчиваго, жаднаго до наслажденій, да еще подготовленнаго нѣсколькими годами поста и бѣдности. Представъ себѣ, что ему во власть выпадаетъ домъ со всѣми прихотями избалованнѣйшаго дряхлаго владѣльца, сундуки полныя денегъ, эскадронъ великолѣпно наряженныхъ охотниковъ, домашній театръ съ особымъ кордебалетомъ, оркестромъ музыки, и компанія приживальщиковъ, заинтересованная тѣмъ, чтобы скорѣе втравить тебя въ жизнь, при которой только и возможно ихъ существованіе! Въ первые дни, вся эта мерзость такъ и казалась мнѣ мерзостью, и я понималъ, что мнѣ надо, не жалѣя жертвованій, разогнать мой дворъ... но всякій лишній часъ въ туманѣ былъ для меня пагубенъ. Я былъ самъ себѣ смѣшонъ на охотѣ, но эти бойкіе вѣдоки, чудныя лошади, меня уже занимали. Стыдясь и красѣя, пошелъ я на представленіе сдѣланное въ мою честь режиссеромъ жадринской труппы, а къ концу вечера удостоилъ разговоромъ этого режиссера, котораго подлая должность при старомъ графѣ была извѣстна всѣмъ и каждому. Отъ лѣности и разгульства до жесткаго управленія людьми, шагъ не такъ великъ какъ оно многимъ кажется: съ того вечера, въ который я началъ находить удовольствіе въ аріяхъ пропѣтыхъ мнѣ какою-то красивою бестіей, можно было поручиться, что для крестьянъ моихъ скоро наступитъ крутое время. И оно наступило. Безумная жадринская роскошь требовала большихъ доходовъ, доходы эти доставлялись трудомъ доводимымъ до изнуренія, а между тѣмъ мое полное презрѣніе и къ себѣ самому, и ко всему что меня окружало, прямо вело меня къ дурному обращенію съ подвласт-

ыми Отецъ твой, Сережа, постѣдилъ меня на второй годъ моей султанской жизни; онъ пробылъ здѣсь три дня, поругался со мной, и кончилъ съ нашею прежнею дружбой. Онъ былъ не правъ, — въ то время я еще не могъ назваться погибшимъ человѣкомъ. Не знаю, оставалась ли еще во мнѣ способность откликнуться на слово пріязни; но знаю что его мнѣ не было сказано. Меня осудили не выслушавъ меня, не сдѣлавъ усилія, чтобъ извлечь меня изъ роскошнаго болота, затягивавшаго меня съ каждою минутой. А мнѣ было не больше двадцати пяти лѣтъ, и твоего отца любилъ я какъ брата...

Долго еще бесѣдовалъ я съ дядей Борисомъ Николаевичемъ, и при каждомъ изъ его разказовъ мнѣ становилась понятнѣе жизнь того страшнаго, блестящаго, храбраго и загадочнаго поколѣнія, къ послѣднимъ представителямъ котораго онъ принадлежалъ несомнѣнно.

ХІV. Новые лица и престарѣлый Немвродъ.

На жадринской башнѣ съ часами, составлявшей удивленіе и славу всего околотка, пробило шесть часовъ утра. Рѣдко просыпался я въ такой ранній часъ, еще рѣже вставалъ съ постели въ свѣжую утреннюю пору; но на этотъ разъ всталъ и одѣлся. Старый замокъ, занимавшій такъ много мѣста въ моихъ дѣтскихъ мечтахъ, напоминалъ мнѣ, что я еще не обошелъ всѣхъ его закоулковъ; старые сады и рощи, въ бывшее время важно шумѣвшіе надъ моею дѣтскою головою, и теперь ждали свиданья со мною. На вѣскольکو времени я опять сталъ прежнимъ любопытнымъ и мечтательнымъ мальчишкой. Прежде всего я прошелъ на бельведеръ, увидаль оттуда увѣздный городъ, рѣку, названіе которой не разъ слышалъ въ классахъ отъ учителей исторіи, робко ступилъ на ту часть балкона, которая почему-то считалась ненадежною и куда дѣтей не пускали. Спустившись въ залы, я осмотрѣлъ всѣ рѣдкости и безъ примѣси перечувствовалъ всѣ впечатлѣнія дѣтства: одна фламандская картина, изображавшая жестокій пожаръ въ какомъ-то городѣ, по прежнему меня испугала, а гобеленовскій коверъ, на которомъ Діана и ея нимфы стрѣла-

ми убивали оленя, напоилилъ меня жалостью къ бѣдному животному, ненавистью къ кровожадной богинѣ. Обошелъ я и залу, устроенную для домашнихъ спектаклей и давно предавную запустѣнію, но все еще сверкавшую золотомъ и пунцовыми драпировками. Садъ подвергся такому же осмотру, а возлѣ сада красивая водяная мельница, мимо которой я прежде проходилъ не помяя себя отъ ужаса: меня впервыхъ поражалъ шумъ колеса, а сверхъ того колесо это имѣло худую славу: въ него когда-то давно попалъ пьяный мельникъ и былъ выкинутъ въ воду страшно обезображеннымъ трупомъ. Погрузившись въ созерцаніе колеса и молочной, кипѣвшей около него пѣны, я не замѣтилъ, какъ какой-то человекъ вышелъ изъ мельницы и подошелъ ко мнѣ съ привѣтствіемъ. Только на второй зовъ я обернулся и увидѣлъ передъ собой именно кого мнѣ было надо: новаго жадринаскаго управляющаго, когда-то занимавшаго тамъ же должности разсыльнаго при конторѣ сырвика при скотномъ дворѣ и наконецъ старшаго садовника.

Возвышеніе въ рангѣ нисколько не отразилось на наружности Карла Карлыча (онъ впрочемъ вовсе былъ не Карлъ и еще менѣе Карлычъ, а Юганъ, съ прибавленіемъ неудобнопроизносимой фамиліи): прежній короткій сюртукъ въ родѣ пальто финскихъ матросовъ, прежній сивій жилетъ съ свѣтлыми пуговками, прежнія бѣлая панталоны въ сапоги, на первыхъ порахъ заставлявшія думать, что Карлъ Карлычъ позабылъ надѣть панталоны. Сожженное солнцемъ лицо казалось гораздо темнѣе цвѣта волосъ, давно не стриженныхъ. Жадринскій управляющій, по происхожденію Латышъ, не скрывалъ своей національности, да и нечего было скрывать ее: не красивый и угнетенный народъ, изъ котораго вышелъ Карлъ Карлычъ, не имѣетъ худой славы, а напротивъ того, отличается качествами народовъ страстно преданныхъ хлѣбопашеству, то-есть неумоимостью, чистотой нравовъ и безпредѣльною честностью. Эти качества всегда отличали и моего знакома, но при ничтожныхъ должностяхъ и, главное, при прежнемъ нелѣпомъ хозяйствѣ дяди, Югана считали кроткимъ дурачкомъ и держали больше за его честность. Одинъ разъ генералъ предпринялъ какую-то обширную постройку и захотѣлъ было назначить Латыша наблюдать за работами.

крайне тяжелыми для барщивниковъ; но Карлъ Карлычъ прямо отъказался отъ всѣхъ трудовъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ полю, хлѣбу, скоту или саду. Должно-быть на это онъ мастеръ, подумалъ дядя, и когда новые порядки заставили подумать о важныхъ перемѣнахъ въ полевомъ хозяйствѣ, вспомнилъ про упряма.

Между Карломъ Карлычемъ и мною всегда существовала истинная пріязнь: видя мою любовь къ жадринскому саду, полямъ и рощамъ, чудакомъ истолковывалъ ее по своему—любовью къ землѣ и хозяйству, которой не видалъ онъ ни у сосѣдей помѣщиковъ, ни у ихъ агрономовъ-управляющихъ. Потому и въ это свиданіе наше онъ поспѣшилъ сообщить мнѣ разныя земледѣльческія штуки, для меня совсѣмъ темныя, между прочимъ то, что онъ, значительно сокративъ запашку, все-таки не предвидитъ большой убыли ни въ хлѣбѣ зерновомъ, ни въ соломѣ. Я съ вѣкоторою важною высказалъ свое одобреніе и поздравилъ его съ тѣмъ, что въ имѣніяхъ дяди все идетъ тихо и благополучно.

— Да почему жъ у насъ не быть тихо? любезнѣйшій мой господинъ, съ простодушіемъ замѣтилъ Карлъ Карлычъ: — вѣдь вы сами, я полагаю, знаете, что народу у его превосходительства до воли было не очень-то льготно.

— Неужели жъ и вы, Карлъ Карлычъ, того мнѣнія, что у помѣщиковъ смирныхъ крестьянинъ безпокойнѣе?

— Не безпокойнѣе, а недовольнѣе, потому что прямыхъ выгодъ отъ воли онъ не видитъ, выгодъ же главныхъ и которыя, какъ бы сказать... на общій ходъ его жизни простираются, онъ еще не успѣлъ оцѣнить какъ слѣдуетъ.

— Невеселый же результатъ сообщили вы мнѣ, если действительно тотъ, кто менѣе тѣснилъ крестьянина, за свое добро остается въ накладѣ передъ помѣщикомъ строгимъ.

— Строгий помѣщикъ не бѣда. Коли строгій помѣщикъ, любезный мой господинъ, значитъ онъ хоть сколько-нибудь про свое дѣло думаетъ. Жадный помѣщикъ—худо, злой—худо, безтолковый—худо, да и добрякъ вялый—очень худо.

— Какой же выходитъ всего лучше по вашему, Карлъ Карлычъ?

— Какой лучше?.. какъ бы сказать вамъ... здѣсь-то по сосѣдству очень похвалить некого.

— Ну, у какого по крайней мѣрѣ, въ теперешнюю пору, крестьяне покоятся?

— И... это какъ бы сказать?.. у добраго и безтолковаго дурать всего больше, у безтолковаго и сердитаго гораздо поменьше, просто у сердитаго еще меньше, а всего лучше такой помѣщикъ, чтобы былъ и сердитый, и добрый...

Я разсмѣялся при этомъ странномъ сочетаніи качествъ; но приговоръ, забавный для русскаго человѣка, имѣлъ свой смыслъ въ устахъ Летта, земляки котораго дѣйствительно совмѣщаютъ въ своемъ характерѣ кротость съ твердостью, великую долготерпѣливость съ своего рода неукротимую энергію.

Мы пошли отъ мельницы черезъ окраину парка и двинули старую рошу къ рѣкѣ, на правомъ берегу которой находились лучшіе луга Жадрина и можетъ-быть всего уѣзда. Управляющій торопился къ косцамъ, отъ которыхъ ушелъ было для какихъ-то приказаній около дома; я слѣдовалъ за нимъ, зная что ранѣе десяти часовъ ни ладъ, ни его гости не покинутъ своихъ бударовъ. Безъ большаго труда мнѣ удалось навести Карла Карлыча на подробный разговоръ о ходѣ крестьянскаго дѣла; замѣтки этого инокордца, чуждаго всѣхъ предразсудковъ въ ту или другую сторону, имѣли свою цѣну, хотя токъ ихъ не показывалъ въ Латышѣ особеннаго уваженія къ помѣщикамъ и крестьянамъ нашего края.

— Однако, любезнѣйшій Карлъ Карлычъ, сказалъ я ему послѣ одного не совсѣмъ-то одобрительнаго отзыва, — не предполагалъ я, что вы такъ не хорошо думаете про насъ Русскихъ.

— Я не хорошо думаю про Русскихъ, любезнѣйшій мой господинъ? съ одушевленіемъ протестовалъ управляющій: — да развѣ только о томъ хорошо думаешь, кого хвалить надо?.. Здѣсь я выросъ и женился, здѣсь похоронилъ я отца, никакого зла Русскіе мнѣ не дѣлали, я человѣкъ простой и живу съ мужикомъ согласно, онъ со мной говорить и меня не дичится. Вотъ вы родомъ Русскій, а на половину не знаете сколько добраго находится въ русскомъ простомъ человѣкѣ... А что русскій человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ нашемъ краѣ, какъ бы сказать... легкокъ и вѣтренъ, того утаивать я нужнымъ не почитаю!

— Чуть ли не вы первый во всемъ свѣтѣ упрекаете Русскихъ въ вѣтрености, замѣтилъ я не безъ удивленія.

— Да развѣ не отъ вѣтрѣности общей вы теперь терпите? возразилъ Карлъ Карлычъ: — вѣдь три года помѣщики знали, что перемѣна будетъ, а кто же изъ самыхъ богатыхъ пальцемъ пошевелилъ за эти годы? Вы—умный человекъ и хозяйство любите (тутъ я отвернулся, чтобы скрыть улыбку), а много ли вы подготовили перемѣны какихъ ваша земля требовала? У васъ въ Петербургѣ сколько людей съ деньгами: скажите имъ, что на водку пойдетъ особый откупъ, или, что тамъ подъ землей надо класть какія-то чугунныя трубы... всѣ такъ и кинутся стадомъ: „берите наши деньги!“ А понимаетъ ли хоть одинъ изъ нихъ, какъ бы сказать... что земля лучше всякой водки и трубныхъ компаній, что на землѣ и потеря меньше, да и трудъ почествѣе? Будь на мѣстѣ русскаго человека даже дрянной Нѣмецъ, будь теперешняя перемѣна на дрянной нѣмецкой землѣ, ужъ давно устроились бы компаніи для найма и поставки вольныхъ рабочихъ въ имѣнія, на землю бы бросились покупщики, вамъ бы отбою не было отъ фермеровъ и арендаторовъ!... Не хотите хлопотать сами—вотъ вамъ деньги, только пустите на свое мѣсто работающаго хлѣбопашца! Хотите сами трудиться—вотъ вамъ всякое пособіе, вотъ вамъ партія къ такому-то числу, да не Саксонцевъ взятыхъ издалека за безумную цѣну, вотъ вамъ молотильная машина съ уплатой въ разсрочку, вотъ вамъ подводчики цѣлою партіей, для отвоза вашего хлѣба въ городъ. Составьте-ка такую компанію, весь край вздохнетъ, и вы въ накладъ не будете, да и не милліоны тутъ нужны... Нѣтъ, видно связываться съ откупомъ да спаивать мужика выходитъ легче.

— И мужикъ русскій по вашему тоже вѣтрѣнъ?

— Всѣхъ Русскихъ не знаю, а въ нашемъ краѣ все равно что мужикъ, что баринъ. Какіе у насъ урожаи? А при нашихъ цѣнахъ урожай *долженъ* быть хорошъ: есть изъ-за чего поватужиться. У насъ не бываетъ ни саранчи, ни засухъ долгихъ; если земля мѣстами плоховата, у насъ всѣ средства держать скота гораздо больше чѣмъ мы держимъ. Здѣшнему мужику надо сидѣть на землѣ, а коли торговать, такъ чѣмъ-нибудь дѣльнымъ, а онъ что дѣлаетъ?... Это развѣ торговля—накупить рыбы, да развезить ее по деревнямъ, за безцѣнокъ брать дрянныхъ коровенокъ, ког-

да кормовъ мало, или скупить сады, да потомъ хлопнуть-ся продавцу въ ноги: батюшка, сбавь сто цѣковыхъ, считалъ худо, въ Питерѣ цѣны пахотіа! А свою полосу между тѣмъ царапаетъ баба, а гдѣ ни погляди, во мхахъ и по пустошамъ трава остается неכותеная. Нажилъ наконецъ мой торговецъ триста, пятьсотъ цѣковыхъ: кажется тутъ-то и начинай торговать или пусти сына... а выходитъ, что онъ триста цѣковыхъ въ сундукъ, сыну два рубля на разживу, а самъ на печку...

— Не забудьте однакоже, Карлъ Карлычъ, что при прежнихъ порядкахъ нашему мужику ни на счетъ вола, ни на счетъ земли, большого ходу не было.

— Любезнѣйшій мой господинъ, да развѣ въ другихъ земляхъ, да и по сосѣдству, не бывало простымъ людямъ и похуже? Кто самъ не пробивается впередъ, того за руку не далеко протащешь...

— Ну, теперь, съ волей и землею, нашъ мужикъ можетъ быть и самъ подвинется.

— Дай-то Богъ, отвѣчалъ набожный Латышъ,—только знаете, повременамъ, вспоминается мнѣ то что случилось въ Тянькиной деревнѣ... изволите знать, гдѣ прошлый годъ убили *сумника*?¹

— Прoshлый годъ я жилъ за границей, а про Тянькину деревню ровно ничего не знаю.

— Деревня эта отъ насъ въ двѣнадцати верстахъ, въ гауши, въ ней всего семь душъ, а земли десятинъ триста, славной земли, съ покосами, лѣсомъ, двумя озерами. Баринъ ея какой-то поручикъ Пчельниковъ; взялъ онъ эту деревню за женой, самъ здѣсь никогда не былъ, старосты не держитъ, оброкъ съ мужиковъ шелъ самый маленькій, а потомъ пошло и безъ оброка: помѣщикъ неизвѣстно гдѣ, денегъ не взыскиваетъ, да и живъ ли?... такъ дѣла паутъ лѣтъ ужъ восемь. Разсудите жь, любезнѣйшій мой господинъ, найдется ли, ужъ не знаю гдѣ, въ Америкѣ что ли, такое положеніе для вprostаго землепашца? Земли сколько хочешь, податей нѣтъ, рекрутчина съ семи душъ когда еще выпадеть, чиновнику съ нихъ добычи мало, не стоятъ за ней и вѣхать въ такую трущобу... что жь вы думаете,

¹ Сумникъ тоже что коробейникъ, отъ сумы, хотя въ нашихъ краяхъ этого рода продавцы возятъ свой товаръ въ повозкахъ.

разбогатѣла Тянькина деревня? по крайней мѣрѣ хоть порядочно зажили въ ней крестьяне?... Вотъ за прошлую осень былъ у насъ съ товаромъ знакомый разнощикъ, продавалъ, въ кабацкѣ сидѣлъ, говорилъ что по дорогѣ въ N** на ночь сверзаетъ въ Тянькину, выѣхалъ да и пропалъ, словно въ воду канулъ. Пошли худые слухи. Дали знать вовремя исправнику, тотъ къ намъ, отъ насъ въ Тянькину деревню... меня еще баринъ посылалъ въ ту сторону, я за исправникомъ поѣхалъ. Въѣхали мы въ деревеньку, глядимъ, среди улицы дѣвочка небольшая, на головѣ повязанъ новенькій желтый платокъ, а рубашка дырявая. Выскочилъ исправникъ: „кто тебѣ далъ платокъ этотъ?“ Дѣвочка говоритъ: „матка дала, у ней въ сундукѣ такихъ платковъ много.“ Созвали народъ, сдѣлали обыскъ, во всякомъ домѣ нашлось что-нибудь, а у семидесятилѣтняго дѣда дѣвочки, подъ поломъ, полушубокъ въ крови да еще какая-то улика... Видятъ мужики, что даже и заператься нечего. Ужь и я не вытерпѣлъ, хоть и чужой человекъ; говорю старику: „въ могоу глядишь, окаанный, а людей рѣжешь!“ Что же вы думаете оъ на это: „Отъ нищеты, батюшка, отъ нищеты, мой родимый!“ Давно живу я на свѣтѣ, любезнѣйшій мой господинъ, а какъ бы сказать... никогда такого срама еще и во снѣ мнѣ не снилось! -

Немного утѣшительнаго оказывалось въ исторіи разказанной Карломъ Карлычемъ; но не трудно было сообразить, что самая исключительность событія уменьшала его общее значеніе. Бесѣдуя такимъ образомъ, мы добрались до мѣста, гдѣ приходилось разстаться: за небольшимъ перелѣскомъ слышались голоса и стукъ оседковъ о косы; я простился съ Латышомъ, передавъ ему приказаніе дяди на счетъ спора съ чезезовскими крестьянами. Оставшись одинъ, я посмотрѣлъ на часы: времени оставалось еще много. Хорошо помня мѣста, я направился въ ту сторону, гдѣ въ былое время природа меня поражала особенною, русскою грандіозностью. Въ сторонѣ отъ полей и жилыхъ мѣстъ, рѣка, про которую упоминалъ я, дѣлала крутое колено, а берега ея получали ту фizioномію, какую, какъ казалось мнѣ, весь нашъ край непремѣнно имѣлъ дѣтъ за двѣсти или за триста до настоящаго времени. Сивыя воды катились, окаймленные старымъ лѣсомъ, между которыми сосна преобладала; между водой и лѣсомъ тянулись

луговины, то песчанья, то зеленая и болотистая; тишина и величавое, страшно просторное безлюдье не могли ни съ чѣмъ сравниться,—и далеко по теченію рѣки шелъ тотъ же лѣсъ, тѣ же пустынная узкія луговины, и хоть бы одно жилье, хоть бы одна человѣческая фигура. Только два сѣнныя сарая на опушкѣ лѣса, и сѣрый досчатый челонокъ на пескѣ, съ пробитымъ бокомъ, говорили что по временамъ живыя существа заходятъ въ эту красивую пустыню.

Давно уже я не видалъ ничего подобнаго, давно уже не приходилось мнѣ бывать въ мѣстахъ до такой степени молчаливыхъ. Я долго шелъ задумавшись, и вдругъ вздрогнулъ: возлѣ почувалось мнѣ что-то живое. Я оглядѣлся вокругъ и увидѣлъ, что не обманулся. Двѣ охотничьи собаки англійской породы вертѣлись на берегу: одна изъ нихъ глядѣла на меня съ суровою недовѣрчивостію, другая, очевидно молодая и еще полоумная, при первомъ на нее взглядѣ бросилась ко мнѣ, завилая хвостомъ и ткнула свой носъ въ мою руку. Затѣмъ, изъ-подъ орѣховаго куста, раздавался дребезжащій голосъ, какой можетъ исходить лишь изъ рта самаго беззубаго: „Вѣкша, Вѣкша! сюда! экая дура!“ Когда я пробрался къ кусту, изъ свѣжей травы, опираясь на ружье, поднялся старичокъ сѣдой и поджарый, но съ глазами довольно свѣжими.

— Это чтò такое? кричалъ онъ, закинувъ ружье за спину и протягивая ко мнѣ руки:—батюшка Сергѣй Ильичъ, вы ли это? И въ такую пору, и безъ ружья, и въ тонкихъ сапогахъ! Точно ли это вы, какъ вы сюда попали?

Дряхлый любитель охоты прозывался Антономъ Андреевичемъ Турусовымъ; онъ имѣлъ не дурную усадьбу около имѣнія Чемезовой, но арендовалъ у дяди одну деревеньку съ пустошью, на которой охота оказывалась не въ примѣръ лучше чѣмъ въ его владѣніяхъ. Мы поцѣловались, я попросилъ старика вернуться къ мѣсту его отдыха подъ сѣнью орѣховыхъ вѣтвей, и самъ помѣстился около.

— Однако, Антонъ Андреичъ, оказалъ я въ отвѣтъ на его привѣтствія,—и васъ я не ожидалъ увидеть съ ружьемъ на чужой землѣ, да еще и безъ дичи въ ягдташѣ!

— Какая теперь охота, отвѣчалъ мой пріятель,—я больше такъ, чтобы дать собачкамъ пробѣгать... да и вообще ужъ и ходить не подѣ силу, чтò ты будешь дѣлать!

— Истинному охотнику всегда дѣла много: ружье почи-

отать, пригнаться въ ворону, пересыпать дробь изъ руки въ руку, за собаками имѣть надзоръ надлежащій, этихъ радостей уже никакая рѣка времени отъ васъ не отниметъ.

— Вамъ бы все подсмѣиваться, по прежнему! А вотъ какъ придется-то собакъ, своихъ дорогихъ собакъ, перевѣшать?

— Ужь не бѣсятся ли онѣ? спросилъ я, отодвигаясь отъ Вѣкши тыкавшей меня носомъ, уже не въ руку, а въ лобъ и щеки.

— Какое бѣсятся? Про моихъ-то собакъ такихъ вещей лучше бы не говорила. А чѣмъ ваши братья-помѣщики станутъ теперь кормить собачекъ, этого вы не подумаете.

— Антонъ Андреичъ, перебилъ я съ живостію, — ужь отъ васъ-то, философа и Немврода, не ждалъ я слышать этихъ проклятыхъ жалобъ. Вы, я думаю, пять лѣтъ не были въ нашемъ настоящемъ имѣніи, о доходѣ не заботитесь, и готовы кушать жаркое изъ старыхъ сапогъ съ тѣмъ только чтобы вашъ агдташъ никогда не оставался безъ дичи. Ну, а пара лягавыхъ собакъ еще не проглотитъ всѣхъ вашихъ доходовъ.

— Да развѣ можно обойдтись съ парой собакъ? Это у васъ все по городскому; мы, батюшка, со столичными жидоморами не живали.

— Ну не съ парой, такъ съ четырьмя проживете.

— Съ четырьмя, м-м-мъ... И старики-охотники уныло задумался.

— Однако я долженъ вамъ отпустить комплиментъ, драгоценный Антонъ Андреичъ. Отсюда до вашего домика вѣрныхъ версты четыре, и вамъ еще рано пересыпать дробь, коли вы дѣлаете такіа прогулки.

— Хе, хе, хе! это я на лодкѣ пріѣхалъ. Да что же мы здѣсь сидимъ какъ Нѣмцы на Крестовскомъ: видно сегодня ужь мнѣ не охотиться. Хотите выпить у меня чаю, а послѣ чаю васъ на дрожкахъ довезутъ въ Жаарино.

Я согласился, и мы пошли къ рѣкѣ, при чемъ легко было убѣдиться, что престарѣлый Немвродъ, совершенно отягощенный своими длинными сапогами, и одной версты пройти не въ состояніи. Къ счастью, перехода долгаго не требовалось; въ ближайшей котловинкѣ оказался яликъ, и въ яликѣ дужій парень, сладко спавшій. Черезъ полчаса миновали мы еще одно колѣно рѣки, вѣхали въ маленькую

рѣчку, вышли изъ лодки и заправились къ дощичу не особенно привлекательной наружности, красовавшемуся вѣчно и отовсюду окруженному лѣсомъ.

— Ну вотъ мы наконецъ и дома, говорилъ старикъ, отворяя калитку сада, плохо процвѣтающаго на пескѣ и недерживаемаго съ небрежностію. Засыпавъ стукъ засова, съ разныхъ концовъ сада бросилось на насъ собакъ шесть, съ ласками и радостными лаемъ; тутъ были Булька, и веселый щенокъ Пушка, и едва вначашій ногу Наметь; когда въ одиначномъ бою задавившій воака и за то очень уважаемый. Не доходя шаговъ десяти до крыльца, Антоша Андреевичъ отворилъ дверь грязной и гнѣрой будки въ родѣ тѣхъ будокъ куда садовники ставятъ свои лопаты, лѣйки и тачки, а изъ двери стремительнымъ ураганомъ вырвалось еще собакъ восемь. Я плюнулъ, и пока эта стая совершала неистовые прыжки кругомъ хозяина, вошелъ въ комнату, всю пропитанную собачьимъ запахомъ, гдѣ стоялъ столъ съ самоваромъ, и сидѣла супруга Антоша Андреевича, старушка Степанида Егоровна.

— Что это, Степанида Егоровна, сказалъ я, послѣ первыхъ привѣтствій и первой чашки,—у васъ просто шагъ нельзя сдѣлать, не наступивши на собаку.

— Ахъ, не долго, не долго имъ бѣдѣвѣжкамъ развиться! печально отвѣчала старушка, а потомъ осторожно оглядываясь.—По мнѣ-то правду сказать, хоть бы ихъ и вовсе не было, ну а Антошѣ-то какъ безъ нихъ обойдтись?..

— Хоть собакъ у васъ и больше чѣмъ надо, да не раззорить же васъ ихъ прокормленіе. Однѣ еще малы, другія умрутъ отъ старости, дѣло само и обойдется.

— Да теперь, какъ Борисъ Николаичъ надѣлать крестьянъ земель, и арендовать этой земельки будетъ не зачѣмъ. Сами знаете, жуки живутъ здѣсь для одной охоты, а какая ужь охота когда во всякомъ углу мужикъ будетъ вѣзаться.

— Да наша брошенная усадьба во сто разъ лучше этой земли, и наконецъ Борисъ Николаичъ не помѣшаетъ же вашему мужу охотиться по его владѣніямъ, гдѣ только угодно.

— Будешь тутъ считать на Бориса Николаича, перебилъ меня самъ Немродъ, подсаживаясь къ дажно-калитой для него чашкѣ:—пока онъ живъ—такъ, а какъ преселится въ

Бисофскія? Онъ, старый грибъ, песочница, охоту совсѣмъ бросилъ...

Я не могъ не улыбнуться: старый грибъ Борисъ Николаевичъ одной рукой повалилъ бы десять Нембродовъ въ родѣ Антова Андреевича.

— А вѣдь лютый былъ охотникъ въ свое время, надо сказать правду, восторженно продолжалъ Антовъ Андреевичъ. — Не одного медвѣдя мы съ нимъ царянули, не одну лису затравилъ! Вѣдь это на моихъ глазахъ онъ отдулъ хлыстомъ этого естюка Пахомова, на облавѣ. И дѣльно, и за вину, скажу я, хоть тамъ себя весь уѣздъ вотъ какъ окрысился. Посудите сами, какъ дѣло происходило. Разставили насъ на Красной Гищенкѣ...

— Злаю, злаю, замѣтилъ я, не имѣла желанія припомнить скандаловъ давно минувшихъ.

— Да, хорошъ былъ охотникъ, мезанколически повторялъ мой хозяинъ, — одного только въ немъ... выдержки, охотничьей выдержки въ немъ не было! Бросить все, разогнать псарей, раздартъ собакъ кому попало... тьфу! хоть бы сазъ про то вспоминалъ, что теперь во всей губерніи не осталось ни одной охоты, конной охоты, поовой охоты, я разумѣю!.

Степанида Егоровна разумно замѣтила, что наша губернія, какъ и нѣкоторыя другія по соседству, ни мѣстностью, ни цѣнами хлѣба, ни даже привычками народа, не допускаютъ возможности поовой и конной охоты.

— Отчего жъ прежде допускали? возразилъ Антовъ Андреевичъ. Коли народъ изъерывничался, а бары гонятся за копѣйкой, такъ хотя богачи-то по крайней мѣрѣ не подавались бы... Я говорилъ генералу: продайте дома въ Петербургъ, а охоту держите! Господи Боже мой, а при этомъ жадоморствѣ скоро на борзую собаку придется глядѣть за деньги, какъ на рѣдкость. Вотъ и мнѣ отъ отца охота досталась... и держалъ же я ее покуда посаженной деревеньки не продалъ!

Степанида Петровна только покачала головою.

— Поправился я съ годами, за тобой взялъ имѣніе... что жъ ты думаешь? не завелъ бы я опять охоты? на бѣду только на твоей землѣ даже и зайцевъ не бѣгаетъ. Пришлось шататься съ ружьемъ, вотъ тебѣ и ноги не ходятъ, а будь у меня повава охота, на лошади я бы еще съ кѣмъ

хочешь потягаться бы! Одно оставалось, собачекъ разводить хорошихъ, теперь ужъ и это совѣтуютъ оставить. Нѣтъ же, нѣтъ, самъ ничего не стану вѣсть, а собакъ не убавлю.

Я снова принялся увѣрять Нешврода, что его собаки, даже позагая ихъ болѣе дюжины, не поглотятъ же всѣхъ его доходовъ, но утѣшенія мои принимались какъ-то печально, съ таинственно-отчаяннымъ видомъ. Ужь не найдетъ ли у него еще гдѣ-нибудь сѣрой будки съ собаками? подумалъ я, и въ это время, при визгѣ, лапъ и прыганьи животныхъ, мнѣ уже знакомыхъ, къ крыльцу подѣхали приготовленные для меня дрожки.

Досидѣвъ почти до десяти часовъ, я простился съ Степанидой Егоровной, хозяйка же слѣзъ со мною доѣхать, — „вотъ до того лѣсоочка,“ сказала она, указывая на сосновую рощицу, отдѣляющуюся отъ непрерывной стѣны лѣса. Когда мы туда доѣхали, я примѣтилъ въ глазахъ Антоны Андреевича что-то тревожное. Онъ сошелъ съ дрожекъ и какъ-то замаялся, не давая мнѣ руки и не прощаясь со мною. Мнѣ показалось, что онъ желаетъ чтобъ я за нимъ слѣдовалъ и въ то же время стыдился просить объ этомъ. Прямо передъ нами, подъ деревьями, шла хорошо уютанная тропинка и что-то въ родѣ забора мелькало вдаль... я рѣшился слѣдовать за хозяиномъ. Антоны Андреевичъ вздохнулъ свободнѣе, но не сказалъ ни слова; казалось онъ глядѣлъ на себя какъ на жреца, почему-то обязаннаго соблюдать осторожность передъ невѣжественнымъ спутникомъ. Сдѣлавъ шагъ двѣсти, мы уперлись въ заборъ съ глухою калиткой, за заборомъ возвышался бревенчатый домикъ съ трубою и раздавались какіе-то странные звуки. Антоны Андреевичъ, съ зардѣвшимся, просіявшимъ лицомъ, взялъ меня за руку, толкнулъ калитку коленомъ и повелъ меня въ святилище.

Черезъ мгновеніе, святилище огласилось хохотомъ, съ которымъ, при всемъ желаніи, я совладать былъ не въ силахъ. Никогда не видалъ я ничего подобнаго; до сихъ поръ сцена мнѣ тогда представившаяся, какъ живая передъ моими глазами.

На голой и совершенно гладкой площадкѣ обнесенной заборомъ и освѣщенной нѣсколькими тощими деревьями, паслось стадо, настоящее стадо собакъ, стадо головъ изъ

осьмидесяти, считая тутъ щенковъ и собаченокъ несовершеннѣйшихъ. Тутъ были всѣ цвѣта собачьей шерсти, но коричневый преобладалъ надъ другими. Не взирая на гнусный запахъ, заражавшій воздухъ по всей площадкѣ, невозможно было бы самому Гераклиту не разсмѣяться при этомъ зрѣлищѣ. Молодежь прыгала, бѣсилась, трепала другъ друга за уши и вдругъ, въ необузданномъ порывѣ своего возраста, набѣжавъ на какого-нибудь грознаго барбоса, стремительно разбѣгалась отъ него въ рассыпную. Другіе щеночки, самые крошечные, сосали своихъ родителейъ, а около семейной сцены непрерывно находилась кружокъ задумчивыхъ зрителей, можетъ-быть вспоминавшихъ невозвратные годы собственнаго дѣтства. Двѣ собаки особенно глубокомысленнаго вида гуляли рядомъ, отбланившись отъ шумной толпы; казалось онѣ имѣли переговоры между собой о чемъ-то важномъ, едва ли доступномъ пониманію всѣхъ этихъ лѣнливцевъ и вѣтренниковъ, которые бродили кучами. Еще поодаль, невдалекѣ отъ избушки сторожа, крѣпко спалъ дряхлый водолазъ огромнаго роста, очевидно большой добрякъ, потому что на немъ, съ закрытыми глазами, лежали и вѣжались два щенка, кажется сеттеры. Горючее лѣтнее солнце весело озаряло всю картину достойную кисти Ландсера.

Авторъ Андреевичъ, не обращая вниманія на мой смѣхъ и даже на подозрительную чистоту почвы, повергнулся на площадку, какъ истомленный жаромъ путникъ повергается въ воду купальни, имѣющей освѣжить его брѣнное тѣло. Въ одну секунду онъ былъ весь покрытъ своими коричневыми и пѣгими питомцами, особенно изъ щенковъ, очень обрадованныхъ появленію гостей въ ихъ мирномъ убѣжищѣ.

— И со всѣмъ этимъ придется проститься, жалобно говорилъ онъ, поворачивая голову въ направленіи ко мнѣ—и этихъ славныхъ собачекъ будетъ кормить нечѣмъ! Вотъ до чего дожилъ, Сергѣй Ильичъ, вотъ какихъ бѣдъ надала мнѣ ваши новые порядки! Да вамъ что? вотъ хоть бы вы дотронулись до одной, а еще должно-быть добрый человѣкъ: видите какъ онѣ къ вамъ ластятся! Къ худому человѣку не побѣжитъ ласкаться собачка. А вы-то мнѣ говорили, что съ четырьмя собаками прожить можно!

— Признаюсь вамъ, я и въ умѣ не держалъ возможности такого стада. Да скажите, Бога ради, что вы съ нимъ

дѣлаете? Вѣдь надо на что-нибудь употребить этихъ щенятъ, когда они вырастутъ?

— Какъ же иначе! Я человекъ не жадный. Иногда подарю кому-нибудь собаку, да и чума много губитъ щеночковъ, проклятая. Не хотите ли выберу я вамъ такого сеттера, что тамъ у васъ всѣ городокіе Англичане ахнутъ? Или вотъ поглядѣте на этого пѣгаго... Эѳъ Трезорка, исси... bestia...

Не имѣя никакого желанія изумлять Англичанъ, и хорошо зная, что дальнѣйшее пребываніе на собачьемъ дворѣ наградитъ меня бѣдствіемъ, уже одинъ разъ испытаннымъ въ безсонную ночь у господина Евдокимова, я поторопился проститься съ Антономъ Андреевичемъ, сурово отвергнувъ двухъ щенковъ, еще разъ протянутыхъ ко мнѣ на прощанье, и велѣвъ кучеру скорѣе ѣхать въ Жадрино.

XV. Пѣвцы дяди Бориса Николаевича.

Не успѣвъ подѣхать я къ дядиному дому, какъ мнѣ почему-то показалась, что тамъ не все ладно. Около конторы, помѣщавшейся въ одномъ изъ флигелей главнаго зданія, стояла бричка, которую я гдѣ-то видѣлъ; усталая тройка, тоже какъ будто знакомая, повидимому, сдѣлала большой конецъ и нуждалась въ отдыхѣ. По двору, всегда пустому, съ озабоченнымъ видомъ бѣгало и шумѣло нѣсколько человекъ изъ прислуги. „Гдѣ Семенъ Васильевъ?“ — „Всѣ паспорта у Семена Васильева.“ — „Да онъ вчера еще отпросился въ Никольское.“ — „Такъ ключи гдѣ же?“ Такія фразы услышалъ я мимоходомъ. Выходило, что въ самомъ дѣлѣ случилась какая-то исторія, иначе не было бы такой необходимости въ Семенѣ Васильевѣ, главномъ конторщикѣ, вѣдавшемъ все относящееся къ дому и къ домашней прислугѣ.

На лѣстницѣ встрѣтилъ меня Иванъ Петровичъ.

— Куда вы запропастились, батюшка, сказалъ онъ:— у насъ тутъ вышло чортъ знаетъ что такое. Этотъ мальчишка Ставицкій наскочилъ-таки на пакость!

— Неужели онъ у дяди? спросилъ я, вспомнивъ вечер-

нюю бесѣду у Ивана Петровича и догадывалась, къ какому вырыву можетъ привести дѣло, поданное кандидатомъ изъ Французовъ по поводу „пѣвицъ“ села Жадрина.

— У него, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ:—и чѣмъ все это кончится, Богъ знаетъ. Приѣхалъ въ контору, потребовалъ Карла Кармыча, велѣлъ немедленно достать виды этихъ двухъ женщннъ, паспортовъ не отыскали; онъ принялся ругать Латыша, называя его негодлемъ, а тотъ разсвирѣпѣлъ и повелъ его къ генералу.

Изъ круглой гостиной уже доносились до насъ голоса крайне гнѣвные; къ удивленію моему, голоса дяди не было слышно.

— Иванъ Петровичъ, сказалъ я, поглядѣвъ въ глаза сосѣду,—на вашей совѣсти останется кое-что, если сегодня суждено случиться бѣдѣ или скамдалу. Вы знаете про пѣвицъ болѣе чѣмъ мы всѣ. Вы могли и были должны предостеречь Ставицкаго.

— Того не предостережешь, кто самъ лѣзетъ на роги таму.

— Теперь поздно говорить объ этомъ, по крайней мѣрѣ будьте со мной и сядьте около дяди.

Мы вошли въ гостиную, гдѣ намъ представилась такая сцена. Борисъ Николаевичъ, въ замѣтномъ волненіи, во окорѣ сконфуженный чѣмъ гнѣвнымъ, стоялъ около дивана; въ двухъ шагахъ отъ него кандидатъ Ставицкій и управляющій Карлъ Кармычъ, вели ту шумную бесѣду, которая слышалась намъ еще съ лѣстницы. Малыгина повнапрасу стала унять ихъ или, по крайней мѣрѣ, заставить говорить по очереди. Ставицкій, какъ кажется начинавшій о чемъ-то беспокоиться, оказывался въскольکو податаивше на увѣщанія нежели Латышъ, повидимому доведенный до ярости людей кроткихъ,—самой ужасной ярости въ свѣтѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный господинъ, возманиалъ управляющій, отводя рукой Малыгина,—вы не бойтесь, я его не убью, я только скажу ему что надо. Вы сами лжецъ,—и ошъ приступилъ къ Ставицкому,—вы сами негодяй, потому негодяй и лжецъ, что смѣете давать эти имена человеку, про котораго ничего худаго не знаете. Я всю жизнь не сказалъ никому ниодной лжи, и не скажу, и нѣтъ никакихъ расчетовъ мнѣ лгать,—вотъ что!

— А это не ложь, въ то же время кричалъ Ставицкій,—это не ложь, что у васъ нѣтъ паспортовъ домашней при-

слуги, коли она вольная? Это не ложь, что у васъ ревизокія сказки заперты въ конторѣ, а ключей нѣту? Вы мнѣ не соврали, говоря, что Анна Дмитріева и Прасковья Алексѣева не дворовыя и не здѣшнія? На чуховскія грубости ваши я плюю, и если здѣсь унять васъ не кому, я, какъ посредникъ, сумѣю и самъ этимъ распорядиться.

Дядя только тутъ началъ выикать въ сущность азарнаго спора, передъ нимъ кипѣвшаго. При жевскихъ шептахъ, только что произнесенныхъ, краска выступила на его щеки, и какъ ни горько было мнѣ видѣть такую краску на лицѣ семидесятилѣтняго родственника, она меня успокоила. То былъ стыдъ за свою слабость, не за что-нибудь худшее слабости. Безъ доказательствъ и увѣреній я понималъ, что Ставицкій сдѣлалъ болѣе чѣмъ глупость...

— Федоръ Алексѣичъ, сказалъ дядя, обращаясь къ Малыгину, и при звукахъ его голоса антагонисты приотставили свою ругань,—сдѣлайте одолженіе, сходите въ контору и сломайте замокъ у шкапа около двери. Въ прежнее время тамъ были всѣ бумаги по дому, вѣроятно и теперь онѣ тамъ хранятся. Конторщика Васильева я съ вечера отпустилъ къ матери, въ Никольское, ключи онъ или закопалъ, или захватилъ съ собою,—вотъ развязка недоразумѣнія, по поводу котораго я могу только сказать, что находящійся здѣсь управляющій, Карлъ Карычъ, извѣстный мнѣ съ его дѣтства, въ жизнь свою никогда не солгалъ никому, даже для шутки.

Хотя Борисъ Николаевичъ и не договорилъ всего порученія, но Малыгинъ понималъ, что нужно добыть виды двухъ такъ-называемыхъ *пътицъ*, и вышелъ изъ комнаты. Настали минуты непріятнаго ожиданія, но Латышь, для котораго ожиданіе оказывалось менѣе тревожнымъ чѣмъ для прочихъ, продолжалъ держать къ посреднику рѣчь, на этотъ разъ болѣе внушительную чѣмъ жесткую.

— Стыдно вамъ, милостивый государь, говорилъ онъ, не давая Ставицкому собраться съ мыслями,—стыдно вамъ оскорблять человѣка изъ-за дѣла, въ которомъ стоило подождать лишь четверть часа, и узнать все что вы узнать хотѣли. Вы по всему краю говорите, что заступаетесь за мужика, а что же вы мнѣ сейчасъ, простому мужику, какіхъ словъ наговорили! Если я не крѣпостной, да и уроженецъ не здѣшній, въ томъ не моя вина, и думается мнѣ,

какъ бы сказать... что кто заступникъ за своего, тотъ не станетъ обижать и чужаго. Вы изволили прискакать да поднять тревогу, и выругали меня, какъ бездѣльника, за то что будто я дворовыхъ женщинъ показываю не задѣшниками и не крѣпостными, а о дѣлѣ-то можно было бы развѣдывать и лошадей не гоняя: развѣ ревизская сказка одна только и есть въ нашей комторѣ, да развѣ и волостной старшина, скажите ему одно слово, не доставилъ бы вамъ и сказокъ и паспортовъ на домъ?..

На этомъ мѣстѣ Латышъ остановилъ потоки своей риторики, ибо въ гостиную опять вошелъ Малыгинъ. Уже по одной формѣ маленькихъ листковъ, которыми онъ держалъ въ правой рукѣ, можно было догадаться, въ какую скверную, ужасную аму заплѣзъ неосмотрительный кандидатъ изъ *Французоев*. То были два вида, выданные отъ *** скаго начальства двѣцанкѣ, Аннѣ Дмитріевой, 22 лѣтъ, ***ской мѣщанкѣ, и Прасковѣ Алексѣевой, 21 года, дочери отставнаго унтеръ-офицера.

Дядя барабанилъ пальцами по столу, и видимо желалъ, чтобъ и посредникъ, да и мы всѣ, на это время отправились къ чорту. Ставицкій могъ бы пробормотать нѣсколько словъ извиненія и исчезнуть безпрепятственно, но давно уже сказано, что нѣтъ ничего ужаснѣе людей неумныхъ, когда въ нихъ пробуждено дѣловое рвеніе. Ставицкій держалъ передъ собою оба вида, мысленно припоминая прикѣты женщинъ, очевидно осмѣявшихъ его самымъ кровавымъ образомъ. Ему все казалось, что ему подсунали что-нибудь подложное; онъ не вѣрилъ злой шалости праздыхъ и развращенныхъ созданий: такъ хорошо зналъ онъ деревенскую жизнь и деревенскіе нравы!

— Удивительно, сказалъ онъ наконецъ, положивъ на столъ клочки бумаги,—виды несомнѣны, прикѣты тѣ же... не понимаю, какъ ово могао случиться!

Въ это время Борисъ Николаевичъ, повидимому, только что разъяснившій самому себѣ всю сущность приключенія, съ строгимъ видомъ подошелъ къ бѣдному кандидату.

— Теперь очередь за мною, милостивый государь мой, сказалъ онъ неласковымъ, но какъ показалось мнѣ, нѣсколько печальнымъ голосомъ. Подозрѣвая моего управляющаго въ какомъ-то неповытномъ мошенничествѣ, вы заподозрили и оскорбили собственно меня, безъ моего приказа

онъ не могъ сплутовать: я надѣюсь, это яноо для всякаго. Позвольте же узнать; что привело васъ къ такому недозрѣлѣю и на какомъ основаніи вы предположили, что въ моемъ имѣніи, даже въ моемъ домѣ, противозаконно удерживаются женщины, виды которыхъ теперь передъ вами?

— Эти женщины, отвѣчалъ Ставицкій,—сами принесли мнѣ жалобу, сами назвали себя крѣпостными: для какой же дѣла устроили онѣ такой подлый обманъ... этого я самъ понять не въ состояніи.

И онъ, не окрывая ничего передавъ о своей встрѣчѣ съ пѣвицами на ***мъ праздникѣ, ихъ разказы о своей горькой долѣ и жестокостяхъ, надъ вами совершаемыхъ... Далъ только пожалъ плечами, и самъ изумился.

— Карлъ Карлычъ, проговорилъ онъ отрывисто:—придите сейчасъ же Прасковью Алексѣеву и Аня... Аня Дмитріеву. Я вижу, что не разспрося ихъ самихъ, мы дѣлать не кончимъ съ этимъ сумбуромъ.

Когда Латышъ вышелъ, даяа подошелъ ближе къ своему гостю, голосъ его сталъ рѣзче и суровѣе.

— Между тѣмъ я вамъ окажу отъ себя слова два, государь мой, сказалъ онъ Ставицкому.—Для васъ можетъ остаться лишь одно извиненіе въ исторіи вами поданной: извиненіе это въ томъ, что вы не понимаете должности вами занимаемой, и мало того, даже не знаете размѣра правъ, данныхъ вамъ по закону. Вы подняли скандалъ въ незнакомомъ домѣ, вызвали меня, старика, на розньки, тягость и щекотливость которыхъ понимаете сами. И между тѣмъ, принимая жалобу, вы даже не сообразили того, что въ вашей власти, какъ посредника, находилась возможность къ ея мгновенному удовлетворенію. Если женщины, жаловавшіяся на меня, васъ обманывали, простая справка въ моей конторѣ это дѣло вамъ обнаружила бы. Если онѣ были дѣйствительно крѣпостныя и дворовыя, вы могли, по смыслу Положенія, дать имъ отъ себя увольнительное свидѣтельство, даже не отпуская ихъ на мизу, гдѣ съ ними обращались такъ худо. Если, наконецъ, вы имѣли намѣреніе преслѣдовать меня за противозаконное удержаніе лицъ у меня проживавшихъ, ваша первая обязанность была бы удалить этихъ лицъ изъ подъ моей власти, а это вы могли и имѣли право сдѣлать не выходя изъ своего дома.

Не знаю, какое впечатаніе произвела на кандидата эта сжатая логика, потому что при послѣднихъ словахъ дверь отворилась и въ комнату вошли двѣ молодыя женщины, въ *нѣмецкихъ платьяхъ*, какъ говорится въ нашемъ околоткѣ, но съ лицами чисто русскими, и надо прибавить, необычайно хорошенькими. Обѣ отличались высокимъ ростомъ, бѣлокурыми волосами, полными щеками, обѣ имѣли на головахъ шелковые платочки, кокетливо завязанные подъ подбородкомъ. Но одна изъ дѣвушекъ, Прасковья Алексѣева, очевидно не была въ состояніи устроить и выдумать никакого, даже самаго нехитраго обмана: про ея безпредѣльное олимпійское простодушіе говорили и низельскій лобъ, и прелестные заволаше глаза, и вся ея безмятежно-аѣльзавая фигура. Но за то другая обвиненная, Аюта, смотрѣла совершеннымъ бѣсомъ, изъ прихоти избравшимъ себя въ жительство чѣло настоящей русскою красавицы. Въ минуты спокойствія и молчанія она мало чѣмъ отличалась отъ своей подруги, только держалась прямѣй, а взглядъ ея казался веселѣе и въ то же время какъ-то безпечнѣе. И вдругъ, при одномъ шагѣ впередъ, при самомъ простомъ отвѣтѣ, голубые глаза вспыхивали лукавымъ пламенемъ, и во всемъ лицѣ отражалась такая смѣсь безстыдства, беззаботной удали, готовности на самую скверную шалость, что на него нельзя было гадать безъ вѣкоторой тревоги. Прибавьте къ этому особенную манеру улыбки, встрѣчающуюся лишь у людей, привыкшихъ смѣшивать всякаго, всеми избалованныхъ за свои смѣхотворныя способности, и вамъ станетъ еще непонятнѣе ослабленіе бѣдыяка Ставицкаго; принявшаго за чистыя деньги увѣренія, исходившія изъ такого, больше чѣмъ ненадежнаго источника.

Дядя повелъ чѣло круто: если кандидату не было весело, то и онъ сидѣлъ не на розахъ. Сурово обратясь къ полнотрудой Пашѣ, онъ спросилъ ее, была ли она на ***скомъ праздникѣ, видѣла ли тамъ господина кандидата, привосила ли ему жалобы, называлась ли дворовою женщиной, и если называлась, то съ какою чѣлю? И одного изъ этихъ вопросовъ оказывалась достаточнымъ, чтобы сбить съ толку любую персону, для которой воспоминаніе о томъ что происходило за недѣлю, существовало въ образѣ смутнаго сна, да которая сверхъ того, какъ казалось, только что

покушала и ощущала сладкую дремоту. Кромѣ словъ: „дай Богъ памяти“—„на праздникъ-то?“ „кажись была съ Аютой“,—отъ Паши такъ ничего и не добились. Она даже не повела, что обвиняется въ чемъ-то не хорошемъ, и хотя два раза закрыла лицо рукавомъ будто плача, но кажется сдѣлала это для того, чтобы зѣвнуть не нарушая законовъ приличія.

Ставицкій далъ замѣтить, что Анна Дмитриева была главною челобитницей и ораторшей:—Ну! грозно сказалъ ей Борисъ Николаевичъ:—рѣчь за тобою; отъ тебя одной только и могла выйдти эта мерзость!

Аюта, не сробѣвши нисколько, только взглянула дадѣ въ лицо своими плутовскими глазами и начала говорить совершенно такъ, какъ отвѣчаютъ дѣти какой-нибудь урѣкъ передъ очемъ сердитымъ, но на самомъ дѣлѣ и въ грохъ не поставляемомъ учителѣ. Тонъ былъ невинный, и ардаться къ простому ея разказу не могъ бы никто, а между тѣмъ самая обидная и злая насмѣшка надъ кандидатомъ Ставицкимъ слышалась во всякомъ словѣ. Смыслъ оказывался тотъ, что во все время праздника, на которомъ произошла извѣстная встрѣча, господинъ посредникъ ни шагу не отходилъ отъ дѣвушекъ, глядѣлъ на нихъ какъ-то странно, заговаривалъ съ ними какъ будто съ барынями, и наконецъ, заключивши знакомство, все говорилъ про то, что онъ всему краю начальникъ, и что если кого изъ крестьянъ господа обижаютъ, онъ оразу уиметъ хоть какого барина. Я достаточно зналъ Ставицкаго и могъ ручаться, что проклятый бѣсовокъ и выдумываетъ и преувеличиваетъ, но основаніе клеветы, безъ сомнѣнія, было подано чѣмъ-нибудь дѣйствительно неосторожнымъ со стороны кандидата. „Такъ мы ходили втроемъ до вечера, заключилъ Аюта, вдругъ Паша и сказала: „ахти, ужъ солнце за гѣсомъ, дома-то намъ достанется!“ Господинъ посредникъ тутъ и говоритъ, да такъ ласково: „али васъ дома держать очемъ строго, оставьтеъ минуточку.“ Я-то, чтобъ отвѣзаться только, и отвѣчаю: „у васъ баринъ, сами знаете, какой сердитый“ (при этомъ Аюта усмѣхнулась). Господинъ посредникъ опять отвѣчаетъ да еще ласковѣе: „Теперь ужъ нельзя куражиться господамъ, сердиться. Если у васъ что-нибудь не ладно, или идетъ отъ помѣщика какое притѣсненіе, разкажите мнѣ все, разкажите—да еще и при-

крикнулъ вотъ такъ—я вашъ заступникъ, разкажите, разкажите!..“ Что съ нимъ было дѣлать? такъ все и кричить: разкажите! Ну, мы ему и разказали!“

Никакое перо, никакой изумленный разказъ не въ силахъ передать комически-безстыднаго, неотразимо-забавнаго выраженія, съ которыми было произнесено это заключительное *ну, мы ему и разказали!* Нѣчто подобное можно услышать лишь отъ неисправимаго школьника, для забавы готоваго на всякое безумство, или еще върѣе, на маленькихъ итальянскихъ театрахъ, когда актеры раздурчатся и помимо пьесы примутся угощать публику враньемъ и панталонадами. Аюта вполнѣ достигла своей цѣли. Малыгявъ расхохотался, Иванъ Петровичъ крѣпко закусилъ губы, по лицу Бориса Николаевича мелькнуло тоже что-то не очень суровое. Но онъ сдержалъ себя и топнулъ ногой. „Съ глазъ долой, срамницы!“ закричалъ дядя, и скомкавъ въ рукѣ лежавшіе на столѣ паспорта, бросилъ ихъ въ дѣвушекъ, которая конечно не заставила повторить приказанія. Только Аюта, уходя, сдѣлала новое школьничество, комокъ бумаги попалъ ей въ голову, она представила, что лишается чувствъ, и вся опустилась на плечо Паша, которая страшно испугалась, взвизгнула, и чуть не повалилась на полъ.

Я успѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что всѣ присутствующіе, кромѣ одного Ставицкаго, были приведены въ разположеніе духа близкое къ веселости.

— Очень хорошо, сказалъ я, что это пустое дѣло кончилось смѣхомъ, какъ ему и слѣдовало. Завесемъ же его въ разрядъ конченыхъ, и перейдемте къ другой бесѣдѣ.

Но Ставицкій, во все время обвинительнаго разказа, и послѣ него оставшійся въ угрюмомъ молчаніи, повидимому думалъ иначе.—Я считаю себя оклеветаннымъ и осмѣяннымъ, сказалъ онъ, не подаваясь ни мало.—Бжели здѣсь, въ этомъ домѣ, не примется никакихъ мѣръ необходимыхъ при подобныхъ случаяхъ, я вынужденъ буду самъ принять эти мѣры.

— Никто вамъ не мѣшаетъ, отвѣчалъ Борисъ Николаевичъ вспынувъ,—и сослалитесь сами, не мнѣ же предстоитъ забота разыскивать съ женщиной, которая надъ вами смѣялась.

— Я и не жду отъ васъ такого *самоотверженія*, холодно-ядовитого возразилъ кандидатъ изъ *Французовъ*.

О томъ, что происходило за этимъ дѣйствительно дерзкимъ, и въ ту минуту крайне жестокимъ словомъ, я попрошу дозволенія не разказывать въ подробности. Дядя, не помня себя, кинулся впередъ, и ежели бы не тяжелый столъ отдѣлявшій двухъ антагонистовъ, то происходила бы рукопашная схватка, или вѣрнѣе быстрое низверженіе посредника, потому что бороться съ ослабленнымъ богатыремъ, хотя и семидесятилѣтнимъ, Ставицкій не могъ ни одной минуты. Я никогда не видалъ Бориса Николаевича въ гнѣвъ, не мудрено, что я обомлѣвъ и на нѣсколько секундъ оказался ни къ чему не пригоднымъ. Къ счастью Иванъ Петровичъ и Маамыгинъ были опытные, или крѣпче нервами, первый схватилъ Ставицкаго, и какъ ребенка протолкалъ его въ первую дверь, въ амфиладу комнатъ, къ боковой лѣстницѣ гостиныхъ помѣщеній, второй схватилъ Бориса Николаевича обѣими руками, прикрылъ ототупленіе, захопнулъ дверь и повернулъ въ ней ключъ, кинулъ его за окошко. Тутъ опомнилася и я, заперъ дверь ведущую къ парадной лѣстницѣ, и помѣтился передъ нею. Любезныхъ словъ, сыравшихся изъ устъ генерала на Ставицкаго, а по уходѣ его на меня съ Маамыгинымъ, передавать, какъ мнѣ кажется, не нужно.

Прошло минуты три послѣ замкнутія первой двери, три минуты, стоящихъ года. Дядя подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Пусти, тебѣ отъ мною не сладить. Пусти, говорю я. Этотъ мерзавецъ такъ не уйдетъ отсюда.

Но Маамыгинъ былъ уже вѣдѣтъ моей двери. — Что вы хотите дѣлать? спросилъ онъ Бориса Николаевича.

— Что я хочу дѣлать? повторилъ дядя: — въ послѣдній разъ распорядиться съ моимъ гостемъ, какъ оно дѣлалось у старыхъ помѣщиковъ.

— Дядя, сказалъ я, — ты можешь выйти отсюда, и все-таки ничего не дѣлаешь. Ко времени старыхъ помѣщиковъ уже не въ твоей власти вернуться. У тебя нѣтъ ни одного дворцоваго человѣка. Ни Каръ, Карычъ, ни ранятые люди не посмѣютъ пальцемъ тронуть посредника. Отъ тебя одного мы его защитимъ всѣ трое. Оставь это дѣло до завтра, и если ты считаешь себя обиженнымъ, есть

средство устроить разчетъ, и безъ непристойной потасовки.

Стукъ отъѣзжающаго экипажа положилъ конецъ нашему тяжелому положенію, при этомъ стукѣ буря возстановилась было на минуту, но улеглась скорѣи нежели мы думали. Конечно, сады ея тянулись на весь день, но уже не представляли никакой опасности. Мысль о дуэли, съ мальчикомъ, по поводу исторіи въ сущности весьма неловкой, не могла долго занимать дадю. Насчетъ Ставицкаго мы тоже были покойны, онъ не имѣлъ никакихъ законныхъ основаній къ обвиненіямъ, и всякій шумъ съ его стороны, только бы усилилъ скандалъ исторіи, и безъ того скандальной. Тѣмъ не менѣе, я счелъ нужнымъ прожить въ Жадрицѣ гораздо долѣе чѣмъ разчитывалъ, и вернулся домой не ранѣе какъ къ самому разгару полевыхъ работъ, то-есть почти въ половинѣ іюля.

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

ВЪ ТРИБУНѢ.

Моя русая коса
Всему городу краса.
Руск. народн. пѣсн.

Я много счастливъ тѣмъ, что съ свѣтлымъ умиленьемъ,
И сердце освѣживъ здоровымъ обновленьемъ,
Вздыхаюль хоть разъ одинъ свободною душой
Предъ этой дѣвственной кумира чистотой...

Не тотъ ли смертный могъ сей образъ вѣчноплыи
Создать, какъ женщины грядущей идеалъ,
Кто всей духовною потребностью и силой
Одной лишь красоты отъ жизни пожелаеъ?
Здѣсь суетное все сагаешь у порога,
Гдѣ нѣтъ прошедшаго и будущаго нѣтъ,
А счастья тебѣ невѣдомаго много,
Какъ-будто ты обрѣлъ какой-то новый свѣтъ...
Но и въ обители искусства элизейской,
Предъ этой лучшей Флоренціи красой,
У славной статуи богини Медичейской,
Нежданно о тебѣ я вспоминалъ, край родной!..
Пусть отъ него меня, какъ бездной, раздѣляетъ
Пространствъ, морей и горъ разлившаяся дадь:
Я слышу,—пѣснями народъ тамъ огащаетъ
Свой безустанный трудъ, разгулье и печаль!
Тамъ въ полѣ дѣвица, рукою загорѣвшей
На солнцѣ повода сіяющимъ серпомъ,
Въ волнахъ зыбучихъ ржи, какъ золото, созрѣвшей,
Поеть о красотѣ подъ тягостнымъ трудомъ.

И здѣсь, на статую смотря молчаливо,
Я пѣснѣ жницы той сочувствую правдиво,
Поющей на Руси, что женская коса
Есть городу всему гордыня и краса.

Н. Щербина.

Флоренція. 1861.

ВСЯКОМУ СВОЕ¹

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Письмо Останкина къ Кеймхену.

Я увѣренъ, любезный другъ, что ты до сихъ поръ не можешь надивиться моему внезапному рѣшенію оставить Москву и ѣхать съ Бухаровыми въ ихъ деревню. Впрочемъ, и всѣ наши товарищи раздѣляютъ твое недоумѣніе; но согласиись пожалуйста, что васъ могла поразить развѣ только внезапность моего рѣшенія, а само по себѣ рѣшеніе это очень разсудительно и просто. Вѣдь не бросилъ бы я необдуманно и Москву, и всѣхъ васъ, и предстоящій мнѣ экзамень, чтобы ѣхать самъ не знаю куда, съ людьми совершенно мнѣ неизвѣстными, самъ не знаю для чего. Рѣшилася я оттого такъ поспѣшно, что мнѣ не дали времени долго обдумывать, да и обдумывать-то было нечего: представилася благопріятный случай, и надо было имъ воспользоваться. Теперь я не стану терять времени на экзамень, а проведу полгода въ деревнѣ Бухаровыхъ, гдѣ

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ*, № 5.

я получаю очень хорошія деньги въ качествѣ домашняго врача. А потомъ вмѣстѣ съ ними поѣду за границу, займусь тамъ сколько силы хватить, и, вернувшись, буду держать экзаменъ на доктора. Кажется, что все это не дурао. И о чемъ же мнѣ было размышлять, да и когда размышлять, когда мнѣ дали только одинъ сутки на рѣшеніе. Вотъ я и рѣшился, благо профессора рекомендовали меня какъ дѣльнаго студента.

Я очень живо помню твое послѣднее замѣчаніе, другъ Кеймхеръ. „Ты вовсе не знаешь этихъ людей,“ сказали ты мнѣ прощаясь. Совершенно такъ,—но чѣмъ же я рискую? Положимъ, что я съ ними не сойдуся; въ такомъ случаѣ я разстанусь съ ними очень спокойно, и конечно ничего не потеряю. А чтобъ успокоить тебя еще болѣе, постараюсь описать тебѣ все семейство, сколько я могъ узнать его въ это непродолжительное время. Леонидъ Павловичъ Бухаровъ кажется мнѣ человѣкомъ очень образованнымъ, очень добрымъ, не только мягкимъ, но даже немного слабымъ. Эти свойства видны въ каждомъ его дѣйстви и даже въ наружности. Онъ красавецъ собою. Ему лѣтъ тридцать пять, но на видъ онъ кажется много моложе. Съ людьми онъ обращается очень хорошо. Жена его, Ольга Петровна, урожденная Будакова, приходилась ему какою-то дальнею ровственницею; это—хорошенькая, миленькая, избалованная, немножко капризная и нервная женщина. Эпитетовъ много, а сказано довольно мало; впрочемъ, о ней говорить больше нечего; гораздо интереснѣе мать Бухарова, Софья Михайловна, женщина уже не молодая, но умная и съ желѣзною волею; она въ своемъ семействѣ настоящій патриархъ, и пользуется неограниченною властью. Я еще не настолько узналъ ее, чтобы разгадать, любитъ ли она власть для власти или пользуется ею какъ средствомъ для достиженія другихъ лучшихъ цѣлей. Она бесспорно управляетъ всѣми и всѣмъ, но надо видѣть какъ все это дѣлается просто и даже мягко; никто и не замѣчаетъ на какихъ поводахъ она ихъ ведетъ. Сила воли у ней замѣчательная.

Разкажу тебѣ, какъ провожу время; библіотека тутъ славная; читай, сколько душѣ угодно; кромѣ того, я выйшу себѣ много медицинскихъ книгъ. Практики у меня достаточно: селеніе огромное, и больныхъ довольно; а моя

главная пациентка, Ольга Петровна, до сихъ поръ совершенно здорова, но готова прибѣгать къ медицинскому пособию, если у нея на пальчикѣ окажется заусеница. Съ Леонидомъ Павловичемъ я часто хожу гулять. Съ Софьею Михайловной толкую о литературѣ, а время-то незамѣтно проходитъ: вотъ ужъ и Святая близко, а на зиму за границу. Прощай. Желаю тебѣ всего лучшаго. Поклонись товарищамъ. Пиши мнѣ обо всѣхъ нашихъ. Александръ Останкинъ.

Отъ того же къ тому же.

Ты напрасно предполагаешь, что я могу здѣсь облѣниться; занятія сдѣлались для меня потребностью, и наслажденіемъ. Право, я занимаюсь тутъ не менѣ чѣмъ въ Москвѣ, хотя въ настоящее время я гуляю каждый день по нѣсколькимъ часамъ. Еслибы ты зналъ, какъ хорошо въ деревнѣ весной! Воздухъ такой, о какомъ ты, постоялый городокъ житель, и понятія не имѣешь; вездѣ бѣгутъ мутные, но быстрые ручейки, и этотъ неумолкаемый шумъ воды дѣйствуетъ на меня обаятельно. Къ вечеру каждый день бываетъ морозъ, и рано утромъ все сухо и гладко; можно даже ходить цѣлкомъ по глубокому снѣгу, покрытому тонкою корою: это называется „настомъ“; а къ полудню тепло, такъ и парить; солнце такъ и блещетъ въ быстро-бѣгущихъ ручьяхъ и стоячихъ лужахъ. Холмы обнажаются, рѣки еще не тронулись, но сверху льда снѣгъ растаялъ, и вода бѣжитъ.

Впрочемъ, кажется, только я одинъ и радуюсь таянью снѣга и разливу рѣкъ. Софья Михайловна и Ольга Петровна очень боится за Леонида Павловича, который теперь въ отсутствіи. Онъ поѣхалъ по дѣламъ жены въ какой-то маленькій городокъ, далеко отсюда, гдѣ прежде жили Будаковы; его ожидали къ Святой, но вотъ ужъ и Святая подошла, а Бухарова все еще нѣтъ. Мнѣ жаль этихъ бѣдныхъ дамъ; имъ праздникъ не въ праздникъ; впрочемъ мы все-таки встрѣтили первый день Пасхи какъ должно, то-есть съ превеликимъ торжествомъ и христосованіемъ со всею дворнею. Какъ я ожидаю,

такъ и случилось; умения оказалось очень много большыхъ; это всегда такъ бываетъ при розговинахъ. Я на первыи Пасхи тоже загулялъ, только разумѣется иначе: я почти не выходилъ со двора и кромѣ практики ничѣмъ не занимался. Могу себѣ представить, какую нотацию ты готовишься мнѣ прочесть. Я сейчасъ задумался, отчего это ты такой неискренній, право; не то, чтобы ты былъ неостроуменъ, а именно въ тебѣ искренности нѣтъ. Ужъ конечно ты не такой сухой и черствый Нѣмецъ, какимъ любишь прикидываться. У тебя сдержанность вошла въ привычку, также, какъ и у нашей Софьи Михайловны, которая всѣми силами старается показать, что она очень спокойна, тогда какъ она даже и въ лицѣ переживалась за эти дни отъ боязни за сына. Ольга Петровна, та, по крайней мѣрѣ разъ десять на день, принимается плакать, а потомъ бранить мужа, и чуть ли не говорить, что онъ для того только и не ѣдетъ, чтобы помучить ее. Она точно въ воду опущенная и чувствуетъ, что у нея какое-то предчувствіе, что съ ея мужемъ случилось страшное несчастье; я замѣтилъ ей, что это просто вѣяніе погоды; такъ, повѣришь ли? она даже рассердилась. Чтò тутъ прикажешь дѣлать?

Лѣтомъ тутъ, должно-быть, будетъ превосходно; огромный садъ, кромѣ того паркъ, а кругомъ лѣса. Прощай Александръ Оставкинъ.

II.

Леонидъ Павловичъ подъѣзжалъ къ городу, гдѣ онъ провелъ цѣлое роковое лѣто, восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ еще ни разу не былъ въ этихъ мѣстахъ. Будаковы переехали въ Петербургъ, и уже тамъ женился онъ на Ольгѣ. О смерти Машеньки онъ узналъ еще прежде. Проходя по знакомымъ улицамъ, Бухаровъ такъ живо пережился въ прошедшее, какъ будто ничто не отдѣляло его отъ того времени. Маша точно воскресла передъ нимъ; онъ забылъ о настоящемъ, онъ вычеркнулъ десятки лѣтъ, и какъ будто бы вѣрилъ, что вотъ онъ сейчасъ увидитъ Машу, что это онъ къ ней спѣшитъ, и съ трепетнымъ, чуть не радостнымъ волненіемъ, онъ подходилъ къ дому Велециныхъ. Но подойдя ближе, Леонидъ Павловичъ едва

узналъ знакомый садикъ: такъ онъ измѣнился, такъ разросся. Сознаніе мигомъ вернулось: у Бухарова выступилъ холодный потъ на лбу, голова закружилась, и онъ едва устоялъ на ногахъ. Оправившись не много, онъ подходитъ къ забору и видитъ, что по едва-высохшимъ песочнымъ дорожкамъ гуляетъ какая-то дѣвушка; вотъ она обернулась и посмотрѣла на него. Бухаровъ едва не вскрикнулъ, едва не бросился къ ней; это была совершенная Маша, только еще болѣе свѣжая и оживленная. Онъ былъ такъ пораженъ этимъ сходствомъ, что нѣсколько времени не могъ выговорить ни слова.

— Позвольте васъ спросить, началъ онъ наконецъ нетвердымъ голосомъ:—чей это домъ?

— Анны Андреевны Веретѣевой.

— Нельзя ли мнѣ видѣть Анну Андреевну? Извините пожалуйста, что я васъ беспокою.

— Я могу сейчасъ же проводить васъ къ ней.

— Сдѣлайте одолженіе... Анна Андреевна одна?

— Да! ея мужъ на службѣ.

Лидія ввела Бухарова къ Аннѣ Андреевнѣ, а сама ушла, боясь быть лишнею, но успѣла замѣтить, что ея спутникъ былъ страшно взволнованъ. Анна Андреевна сейчасъ же узнала Бухарова.

— Я знавалъ Марью Васильевну Валенину, заговорилъ онъ трепетнымъ голосомъ:—а такъ какъ вы ея родственница и были съ нею дружны, то я осмѣлился обратиться къ вамъ, чтобы узнать нѣкоторыя подробности о ея смерти и о послѣднихъ годахъ ея жизни.

— Я удивляюсь, что вы не ранѣе пожелали имѣть эти свидѣнія, отвѣчала Анна Андреевна, и въ этихъ словахъ слышалось едва сдержанное негодованіе; къ тому же она сама была сильно взволнована, потому что видъ Бухарова пробудилъ въ ней множество тяжелыхъ воспоминаній.—Если хотите, то я могу подѣлиться съ вами всѣмъ что знаю о ней, продолжала она наконецъ:—Машенька умерла довольно спокойно, безъ страданій, отъ истощенія силъ; она не имѣла довольно твердости перенести постигшее ее горе.

Анна Андреевна остановилась. Бухаровъ былъ блѣденъ какъ полотно, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Она оставила послѣ себя дочь, продолжала Анна Андреевна тихо.

Бухаровъ встрепенулся. ●

— Дочь... дочь... проговорилъ онъ едва дыша.— Эта дѣвушка, которую я видѣлъ?..

— Да, это она!..

— Когда она родилась?.. Когда?..

Анна Андреевна сказала ему время.

Бухаровъ вскрикнулъ и закрылъ лицо своими дрожащими руками. Въ эту минуту, въ комнату вошла Лидія. Анна Андреевна подозвала ее, и указывая на Бухарова, сказала:

— Это твой родственникъ, Лидія; онъ очень взволнованъ, что увидалъ тебя такъ внезапно и сейчасъ только узналъ, кто ты. Подойди къ нему. Успокой его.

Съ этими словами она вышла вонъ и украдкой отерла слезы. Лидія сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и остановилась въ полномъ замѣшательствѣ. Бухаровъ смотрѣлъ на нее съ минуту, потомъ съ воплемъ бросился къ ней, и крѣпко обнявъ, онъ покрывалъ ее поцѣлуями и слезами.

Бухаровъ остался въ городѣ N гораздо долѣе чѣмъ предполагалъ; онъ перевернулъ свою легкую коляску на покойную карету и ждалъ лучшей дороги, чтобы пуститься въ путь вмѣстѣ съ Лидіей. Грустно было молодой дѣвухѣ разставаться съ людьми, которыхъ она такъ сильно любила, но они сами уговаривали ее оставить ихъ; они сами желали, чтобъ она ѣхала съ отцомъ. Страшно было Бухарову вспоминать о прошедшемъ, но онъ силится утѣшить себя, мечтая о томъ, что Лидія никогда уже не разстанется съ нимъ, что она будетъ жить въ довольствѣ и богатствѣ, охраняемая его нѣжною и заботливою любовью. Ольга Петровна непременно полюбитъ ее: Лидія такая милая, что трудно ея не полюбить. И Софья Михайловна конечно тоже привяжется къ ней; она все жалѣла, что у нея нѣтъ внучатъ: вотъ ей и внучка! И какъ имъ будетъ хорошо всѣмъ вмѣстѣ! Какъ ихъ маленькій кружокъ оживится присутствіемъ этого свѣжаго, веселаго, привлекательнаго существа! А послѣ, на зиму, они поѣдутъ всѣ вмѣстѣ за границу... Бухаровъ былъ совершенно счастливъ этими мечтами и спѣшилъ вернуться домой, чтобы поскорѣе подѣлиться ими съ матерью и женой.

Было уже поздно, когда онъ подѣзжалъ къ своему помѣстью. Въ домѣ пили чай и вокругъ самовара собрались

Софья Михайловна, Ольга Петровна и Останкинъ; это былъ довольно красивый брюнетъ, съ замѣчательно умными, пронацательными и добрыми глазами. Онъ былъ высокаго роста и сложенъ совершеннымъ атлетомъ.

— Что же, вы много сегодня гуляли? спрашивала его Ольга Петровна нѣсколько насмѣшливымъ тономъ; его страсть „шляться по полямъ“, какъ она выражалась, казалась ей очень забавною.

— Часовъ пять не болѣе, отвѣчалъ весело Останкинъ.

— Что такъ мало? Право, я совѣтовала бы вамъ брать зонтикъ, а то вы ужасно загорѣли.—Ольга Петровна считала иногда своею обязанностію заимать Останкина.

— Ничего, я загара не боюсь.

— Да, можно загарать, но вѣдь не такъ же. Я увѣренъ, что ни одинъ изъ вашихъ товарищей не узналъ бы васъ теперь.

— Кто-то подвѣхалъ, замѣтила Софья Михайловна, прислушиваясь къ едва-слышному стуку.

Она поспѣшно встала и пошла къ передней.

— Это онъ! это онъ! вскрикнула Ольга Петровна и опрометью бросилась на встрѣчу къ мужу. Останкинъ тоже послѣдовалъ за ними.

На крыльцѣ и на лѣстницѣ суетились люди со свѣчами; наконецъ показался Бухаровъ въ сопровожденіи Лидіи. Обѣ хозяйки устремили на нее удивленный, почти испуганный и недоумѣвающий взглядъ.

— Маменька! Ольга! воскликнулъ Бухаровъ, нѣжно обнимая и ту, и другую. Потомъ онъ обратился къ Лидіи, и проговорилъ не безъ нѣкотораго смущенія.—Прошу васъ познакомиться: это Лидія Александровна Валерина. Я послѣ сообщу вамъ, какія причины заставили ее согласиться на мои убѣдительныя просьбы ѣхать сюда къ намъ. А теперь она общалась мнѣ погостить у васъ... Здравствуйте, Останкинъ, ну какъ вы поживаете?

— Отлично, Леонидъ Павлыч!

Лидія казалась немного смущенною; на нее дѣйствовалъ и переходъ отъ темноты къ свѣту, и новыя лица, и новая жизнь, которая должна была для нея начаться. Пошли пить чай; какъ-то вяло и отрывочно говорили о дорогѣ.

— Вы, кажется, очень устали, обратилась Софья Ми-

хайловна къ Лидіи:—если вамъ угодно, то васъ проводятъ сейчасъ въ вашу комнату.

Лидія встала и простилась съ дамами; потомъ она развязно подошла къ Бухарову, но остановилась около него и съ недоумѣніемъ взглянула ему въ глаза. Онъ поспѣшно всталъ и черезчуръ учтиво протянулъ ей руку.

— До свиданія, покойной ночи.

Лидія вспыхнула, слегка наклонила въ отвѣтъ голову и вышла изъ комнаты.

Останкивъ тоже вышелъ. Въ передней раскладывали дорожныя вещи; онъ подошелъ къ человѣку, пріѣхавшему съ Бухаровымъ, и наивно спросилъ его:

— Кто эта барышня?..

— Валенина-съ.

— Да какая она имъ родня? И кому, Ольгѣ Петровнѣ или Леониду Павловичу?

— Она никому не родня-съ.—При этомъ лакей многозначительно улыбнулся.

Останкиву было очень досадно за свой вопросъ, и онъ съ неудовольствіемъ прошелъ въ свою комнату. На другое утро онъ собирался встать пораньше чтобъ идти гулять, и теперь желалъ заснуть поскорѣе.

„Все это суета суетъ!“ проговорилъ онъ самому себѣ, закутываясь въ одѣяло и гася свѣчку. Но едва онъ успѣлъ заснуть, какъ его разбудили и позвали къ Ольгѣ Петровнѣ, говоря, что она очень дурно себя чувствуетъ. Въ одну минуту онъ одѣлся и отправился. Еще не доходя до этой комнаты, онъ услышалъ громкія, судорожныя рыданія. Ольга Петровна, раздѣтая, лежала въ постелѣ; съ нею былъ сильный истерическій припадокъ. Вскорѣ она почувствовала нѣкоторое облегченіе, потому что Останкивъ далъ ей капель и постарался успокоить ея раздраженные нервы; онъ одинъ, съ помощію горничной, хлопоталъ около больной. Софья Михайловна была тутъ же; но та приняла какой-то строгій и холодный видъ, сядя въ отдаленіи, и ни во что не вмѣшиваясь. Бухаровъ стоялъ, прислонившись спиною къ стѣнѣ, скрестивъ руки на груди и понуривъ голову. Онъ такъ былъ погруженъ въ какія-то тяжелыя думы, что, казалось, ничего не видалъ и не слышалъ. Онъ собиралъ свои разсѣяныя мысли, припоминалъ свои недавнія мечты и сравнивалъ ихъ съ тѣмъ что на-

шелъ на самомъ дѣлѣ. Оставшись наединѣ съ женою и матерью, онъ разказалъ имъ все о Лидіи и искалъ возбудить ихъ участіе къ ней. Его встрѣтили недоумѣвающіе и смущенные взгляды.

— Ты хочешь, чтобъ она оставалась здѣсь, проговорила Ольга Петровна неровнымъ голосомъ:— нѣтъ, это невозможно... это невозможно.

— Дѣйствительно, это неудобно, подтвердила Софья Михайловна.

Бухаровъ былъ страшно возмущенъ; никогда еще онъ такъ горячо не защищалъ своихъ правъ, никогда не былъ такъ рѣзокъ и настойчивъ, по мнѣнію жены. Онъ требовалъ прямого отвѣта, почему Лидіи нельзя оставаться у нихъ? Ольга Петровна отвѣчала на это въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто считала Лидію вовсе не его дочерью. Онъ запальчиво сталъ возражать, и даже Софья Михайловна вступилась за него. Тогда Ольга Петровна стала доказывать какой это будетъ дурной примѣръ для всего дома, что онъ привезъ сюда свою дочь, и что ей самой ужасно будетъ вспоминать прешедшее своего мужа, а присутствіе Лидіи будетъ постоянно вызывать на эти воспоминавія.

— Это ужасно, заключила Ольга Петровна тономъ несчастной жертвы, закрыла лицо руками и зарыдала. Она и сама хорошенько не знала за кого считаетъ Лидію, и чего именно опасается; но во всякомъ случаѣ она ни за что не хотѣла, чтобы Лидія тутъ оставалась, и была готова рвать на себѣ волосы, ломать руки и молить о пощадѣ, чтобы только сдѣлали по ея желанію. Но Леонидъ Павловичъ былъ готовъ на всякія уступки, кромѣ этой. Силою убѣжденій и просьбъ, онъ добился наконецъ отъ жены согласія на то, чтобы Лидія оставалась у нихъ. Но вслѣдъ за этимъ согласіемъ, даннымъ противъ воли, послѣдовала сильнѣйшая истерика, и вотъ тутъ-то и послали за Останкинымъ.

Останкинъ вернулся къ себѣ тогда только, когда больная заснула. Всѣ происшествія этого вечера подѣйствовали на него очень непріятно; онъ и смущался, и недоумѣвалъ и негодовалъ. Его поражала въ поведеніи Бухарова смѣль наглости (какъ ему казалось) съ робостію и малодушіемъ. Ольгу Петровну ему было жаль, но онъ не могъ сочувствовать ей, потому что считалъ ее слабою и пустою

женщиной. О новопривъзжей онъ не зналъ что и водумать. Сначала онъ только замѣтилъ ея умный взглядъ и черты лица выражавшія сильную и твердую волю. Теперь онъ не зналъ, должно ли ему удивляться ея дерзости и безстыдству, или сожалѣть о ея незнаніи самыхъ обыкновенныхъ приличій. Все это тревожило и смущало его; ему было очень неприятно, что адмалія села Косинскаго будетъ нарушена, что пойдутъ осоры, неприятности, семейныя сцены, и онъ порѣшилъ, что въ такомъ случаѣ уѣдетъ обратно въ Москву. Съ этими не совсемъ отрадными мыслями онъ наконецъ заснулъ, а на другое утро рано ушелъ въ садъ. Онъ не былъ расположенъ идти куда-нибудь далеко; ему хотѣлось только быть въ движеніи, и онъ принялся ходить по длинной аллѣ; деревья не покрывались еще листомъ, но въ этой аллѣ акація была такъ густа, что скрывала Останкина, хотя самъ онъ могъ видѣть что происходило въ ближайшей куртнѣ. По ней шелъ Бухаровъ съ Лидіей; онъ казался очень взволнованъ и говорилъ тревожнымъ голосомъ, едва сдерживая слезы.

— Я не знаю что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать!..

— Мнѣ надо уѣхать, и я хочу ѣхать сейчасъ, проговорила Лидія очень рѣшительно.

— Нѣтъ, нѣтъ, умоляю тебя, не дѣлай этого; останься тутъ, погоди хоть немного.

Останкинъ услышалъ эти фразы прежде нежели замѣтилъ говорившихъ. Онъ почти бѣгомъ бросился въ другую аллею и потерялъ ихъ изъ виду.

— Зачѣмъ же вы хотите, чтобы я осталась? настаивала Лидія.— Развѣ, при такомъ положеніи дѣлъ мое присутствие можетъ быть вамъ пріятно?

— Но неужели она не образумится? Возможное ли дѣло ревновать такимъ образомъ?.. Она говоритъ, что если у насъ съ нею будутъ дѣти, то я буду къ нимъ несправедливъ, стану ихъ притѣснять, и что ее разлюблю, а стану любить одну только тебя, и что ты сдѣлаешься хозяйкою во всемъ домѣ, а ее никто не захочетъ и звать...

Бухаровъ не смѣлъ передать Лидіи и десятой доли всего что слышалъ отъ жены.

— Вотъ видите, папа, она никогда не захочетъ пере-

убѣдиться, и тѣмъ болѣе мнѣ нужно уѣхать. Пожалуй могутъ подумать (Лидія вспыхнула и гордо подняла голову), что я отъ того только и согласилась ѣхать съ вами, что вы очень богаты, и что я разчитывала на это... Нѣтъ, мнѣ непремѣнно нужно ѣхать и какъ можно скорѣе...

— Лидія, дущевька, неужели ты оставишь меня? сказалъ Бухаровъ грустнымъ, безнадежнымъ голосомъ.

Лидія усадила его на скамейку и, стоя передъ нимъ, положила обѣ руки ему на плечи и ласково сказала:

— Да вѣдь надо же быть разсудительными. Чтѣ жъ это будетъ, если я тутъ останусь?

— Но ты не повѣришь, какъ мнѣ было бы тяжело разстаться съ тобою, отвѣчалъ Бухаровъ, едва сдерживая слезы, навернувшіяся ему на глаза.— Ты мнѣ такъ дорога, и по твоей матери, и какъ милое, доброе существо. Вѣдь я надеялся, что ты навсегда останешься со мною... И право, тебѣ было бы здѣсь очень хорошо; я такъ бы сталъ заботиться о тебѣ.

— Но послушайте, папа, начала Лидія, голосомъ, еще болѣе ласковымъ и задушевнымъ:— я знаю и вѣрю, что вы меня любите, и готовы все для меня сдѣлать, поэтому-то вы и должны желать, чтобы мнѣ было лучше; а повѣрьте, мнѣ всегда будетъ очень хорошо въ томъ маленькомъ домикѣ, гдѣ я выросла и гдѣ всѣ меня такъ любятъ, а главное, такъ хорошо знаютъ...

— Такъ это невозможно, никакъ невозможно, чтобы ты вышла это счастье здѣсь у меня?..

— Нельзя надеяться, чтобъ Ольга Петровна переменилась... Надо на что-нибудь рѣшиться... — Лидія заглянула ему въ глаза.

— Это ужасно, это ужасно, проговорилъ онъ, продолжая свою мысль. Я долженъ отказаться отъ самой задушевной мечты своей изъ-за каприза жены, изъ-за ея дикихъ и нелѣпныхъ фантазій.

Лидія вздохнула.

— Такъ когда же я ѣду? спросила она.

— Лидія, милая, упрашивалъ Бухаровъ, уже не удерживая своихъ слезъ.— Останься еще хоть на недѣлю, хоть на нѣскольکو дней; сдѣлай это для меня. Я все еще надеюсь, что она образумится; вѣдь есть же у нея разсудокъ. Меня всего болѣе удивляетъ то, что маменька, сама маменька,

противъ меня... А все же мнѣ кажется, что онъ переимѣняется.

Лидія нисколько не раздѣляла этой надежды, но кончила тѣмъ, что уступила отцу и обѣщала остаться еще на недѣлю. Она любила Леонида Павловича, хотя и съ полнымъ сознаниемъ всѣхъ его слабостей и недостатковъ; въ немъ дѣйствительно было много привлекательнаго и самая его слабость, не могшая внушить уваженіе, возбуждала иногда теплое сочувствіе. Утренній чай всѣ пили по своимъ комнатамъ, и общество собралось только къ обѣду.

„А какая молоденькая! Ей не богаѣ восемнадцать лѣтъ,“ подумалъ Остакивъ, садясь за столъ.

У Ольги Петровны глаза до сихъ поръ были еще распухшими; она казалась до крайности недовольна, раздражена и капризна. Это доходило до того, что она сѣла почти боконъ на свой стулъ, чтобы только не видѣть Лидію, и не только не заговаривала ни съ кѣмъ, но даже не отвѣчала на вопросы. Софья Михайловна разливала супъ, и казалась совершенно невозмутимой. Бухаровъ не зналъ что ему дѣлать, и сталъ разказывать женѣ и матери о своей поѣздкѣ; онъ поминутно взглядывалъ на Лидію, но не могъ рѣшиться заговорить съ нею. Молодая дѣвушка была блѣдна, губы ея дрожали, глаза были полны невольныхъ слезъ, но голову она держала гордо, и во всемъ ея существѣ была замѣтна твердо-принятая рѣшимость. Остакивъ посмотрѣлъ на нее и убѣдился, что въ ней не было и тѣни наглости и дерзости; она была оскорблена и глубоко чувствовала это оскорбленіе.

„Кто знаетъ, подумалъ Остакивъ, какимъ путемъ она дошла до своего настоящаго положенія? Быть-можетъ, онъ обманулъ ее... быть-можетъ онъ противъ ея воли привезъ ее сюда... а теперь не смѣетъ съ нею и заговорить, и только украдкой посматриваетъ на нее, и позволяетъ ее оскорблять... Какой подлецъ!“ порѣшилъ онъ внезапно, и сдвинувъ брови, сдѣлалъ такое рѣзкое и нетерпѣливое движеніе всѣмъ корпусомъ, что стулъ его громко закрипѣлъ по паркету. Ему хотѣлось заговорить съ Лидією, чтобы вывести ее изъ неприятнаго осаднаго положенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся, не приметъ ли она это за недостатокъ уваженія и излишней вольности съ его стороны. Наконецъ

онъ рѣшился обратиться къ ней съ самымъ почтительнымъ, хотя и простымъ тономъ, и спросилъ, есть ли большая разница между растительностью здѣсь и тамъ поуживѣе, гдѣ жила Лидія Александровна; съ этого началась разговоръ, и въ продолженіи всего обѣда Останкинъ, не умолкая, проговорилъ съ нею о каинатѣ.

Послѣ стола Лидія поклонилась Ольгѣ Петровнѣ, но та отвернулась отъ нея и вышла вонъ. Этого Бухаровъ не выдержалъ; терпѣніе его истощилось; сначала онъ поблѣдѣлъ, потомъ щеки его зардѣлись, глаза заблестѣли, онъ схватилъ Лидію за руку, и противъ ея воли, повелъ ее въ гостиную, куда ушла его жена.

— Ольга Петровна! проговорилъ онъ отрывистымъ и рѣзкимъ голосомъ: — Лидія вамъ кланяется, отвѣчайте на ея поклонъ.

Ольга Петровна вскрикнула, упала въ кресло и закрыла лицо руками. Сквозь ея рыданія только и можно было разслышать:—Уйдите, уйдите отсюда! Я васъ не могу видѣть.

Лидія вырвала руку изъ руки отца и убѣжала въ свою комнату. Ольгу Петровну перенесли въ спальню, почти безъ чувствъ. Наконецъ она мало-по-малу успокоилась, и тихо лежала съ закрытыми глазами. Изъ комнаты всѣ вышли; осталась одинъ Леонидъ Павловичъ; онъ сидѣлъ у ея постели, опершись головою на руки. Она приподнялась, нагнулась къ нему и прошептала тихимъ, умоляющимъ голосомъ:

— Леонидъ, прости меня, умоляю тебя, прости меня, не сердись...

И прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣчать, она соскочила на землю, бросилась передъ нимъ на колѣни, и судорожно дѣлая и сжимая его руки, только и повторяла:—Прости меня, прости меня.

— Да встань, ради Бога! Что ты дѣлаешь?

— Нѣтъ, нѣтъ... прости меня... я знаю, что я виновата... но что же дѣлать? я не могу, рѣшительно не могу пережить себя... я умру, если буду все думать, что ты любишь эту дѣвушку... Разувьрь меня, успокой меня, а то это просто адъ, это такія мученія, которыя ни съ чѣмъ не сравнятся. Сжался надо мною, Леонидъ, сжался надо мною...

— Да ты пойми, что ты оскорбляешь и унижаешь меня...

— Да что жь мнѣ дѣлать, что жь мнѣ дѣлать?.. говорила она, съ отчаяніемъ ломая себѣ руки.—Мнѣ нужно только знать, что ты меня одну любишь, а больше никого, никого... Еслибы ты отдалъ этой дѣвушкѣ все что мы имѣемъ, и мы остались бы нищими, а все-таки была бы совершенно счастлива, еслибы знала, что ты любишь меня; а эти сомнѣнія хуже всего на свѣтѣ... Послушай, Леонидъ, продолжала она страстными шепотомъ:—общай мнѣ, что выкогда ея не увидишь... Уйдемъ отсюда, ради Бога, уйдемъ; я тогда буду такъ счастлива...

— Да куда жь мы поѣдемъ? спросилъ Бухаровъ, совершенно обезсиленный отъ этой сцены.—Я затѣмъ и оставилъ Петербургъ, чтобы не было никакой причины ревновать меня, а теперь куда еще ѣхать?

— За границу!.. Вѣдь все равно, если мы уйдемъ раньше, а это меня спасетъ, просто спасетъ... Леонидъ, ангелъ мой, милый, уйдемъ, ради Бога, уйдемъ!..

— Ну хорошо, уйдемъ, отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ. Ольга Петровна даже воскликнула отъ радости, и бросилась къ мужу на шею. Она нервически улыбалась и смѣялась, жалаась къ мужу, и порывисто ласкала его.

Призванная на совѣтъ, Софья Михайловна согласилась на скорый отъѣздъ, потому что не любила семейныхъ сценъ; было рѣшено, что выйдутъ черезъ дѣль, какъ только успѣютъ уложиться. Потомъ, съ общаго согласія, порѣшили предложить Лидіи остаться здѣсь въ деревнѣ, а если она непременно захочетъ вернуться къ своимъ, то дать ей всевозможныя средства, чтобы она могла дѣйствовать какъ пожелаетъ. Леонидъ Павловичъ замѣтилъ наконецъ, что надо предупредить Останкина и спросить его, готовъ ли онъ на такой скорый отъѣздъ; но вмѣсто того чтобы идти къ дѣкарю, онъ улучилъ свободную минуту и прошелъ въ комнату Лидіи. Тамъ было темно; Бухаровъ позвалъ дочь по имени, но не получилъ никакого отвѣта; онъ позвалъ ее еще разъ, и сталъ искать спички, чтобы зажечь свѣчу.

— Меня кто-то зоветъ? спросила Лидія слабымъ голосомъ. Засвѣтивъ свѣчу, Бухаровъ увидѣлъ, что она лежитъ одѣтая въ постель, и что у нея сильный жаръ.

— Лидія, что съ тобою? спросилъ онъ съ испугомъ.

— Ничего, только голова болитъ, отвѣчала она порывистымъ, неровнымъ голосомъ.

— Что жъ ты никого не позвала? Что жъ ты никому не сказала?

— Да мнѣ хотѣлось быть одной; мнѣ такъ лучше.

Бухаровъ быстро вышелъ, и черезъ минуту вернулся съ Останкинымъ.

— Ну что съ нею? спросилъ озабоченный отецъ.

Останкинъ долго думалъ, и наконецъ отвѣчалъ:

— Если не ошибаюсь, у нея начинается горячка.

Къ вечеру у больнои оказалась бредъ, и она безпрестанно называла имена Анны Андреевны и Ивана Ивановича.

„Это, должно быть, имена родныхъ, которыхъ она оставила,“ думалъ Останкинъ, и въ немъ возрастало негодованіе и даже презрѣніе къ Леониду Павловичу; онъ чувствовалъ, что съ неудовольствіемъ будетъ встрѣчаться съ нимъ. Поздно вечеромъ, въ тотъ же самый день, Бухаровъ вызвалъ къ себѣ молодого врача и сказалъ ему, что желаетъ съ нимъ поговорить.

— Вотъ видите ли въ чемъ дѣло, началъ онъ, запинаясь:— мы завтра же выѣжаемъ въ Петербургъ съ тѣмъ чтобы ѣхать за границу, какъ только паспорта наши будутъ готовы; я пришелъ спросить васъ, желаете ли вы ѣхать съ нами теперь или нѣтъ?

Останкинъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ него, и отвѣчалъ отрывисто:

— Я не могу бросить больную; ея болѣзнь совсѣмъ не шуточная.

Бухаровъ точно ожилъ.

— Такъ вы останетесь съ нею? проговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ:— благодарю васъ, благодарю тысячу разъ; вы меня этимъ такъ успокоили, такъ обрадовали...

Онъ съ чувствомъ пожалъ его руку, и не могъ ничего прибавить, потому что слезы душили его. Останкинъ былъ готовъ примириться съ нимъ.

— Вотъ еще одна просьба: если Лидія... Лидія Александровна пожелаетъ чего-нибудь, или что-нибудь ей будетъ нужно, то сдѣлайте милость прикажите исполнять всё ея желанія. Теперь она больна, и я не могу вручить ей

самой эти деньги, назначенныя для ея издержекъ, а потому я рѣшился просить васъ взять на себя распоряженіе этими деньгами. Тутъ тысяча рублей серебромъ; если будетъ мало, то вы спросите у моего управляющаго; я уже велѣлъ ему безпрекословно исполнять всѣ ваши приказанія, какъ мои собственныя. И еще просьба, продолжалъ разстроганный Бухаровъ:—пока больная не поправится, сдѣлайте милость, пишите ко мнѣ о ней почаще; вы меня этимъ крайне обяжете.

Останкинъ обѣщался писать и ушелъ отъ Бухарова, въ половину примиренный съ нимъ, но болѣе прежняго изумленный его слабостью и малодушіемъ. На другой день всѣ были въ хлопотахъ, собирались въ дорогу, укладывали экипажи. Передъ отъѣздомъ Бухаровы всѣ пришли проститься съ Лидією; дамы сказали ей по нѣскольку ласковыхъ словъ, а Леонидъ Павловичъ только протянулъ ей руку, но былъ не въ силахъ сказать что-нибудь. Потомъ всѣ вышли, и Останкинъ тоже пошелъ распорядиться насчетъ кушанья больной. Вернувшись, онъ встрѣтилъ Бухарова, выходящаго изъ комнаты Лидіи, куда онъ вошелъ на мигу, чтобъ еще разъ на свободѣ проститься съ нею. Онъ молча прошелъ мимо доктора, но не могъ скрыть отъ него свое волненіе. Останкинъ замѣтилъ, что Лидія плачетъ, и что отъ этого раздраженія жаръ прибавился и ей стало хуже. Въ душѣ молодаго человѣка шевелилось какое-то недоброе чувство противъ Бухарова и онъ все свое негодованіе обратилъ на то, что Леонидъ Павловичъ своею осторожностью вредить его больной. Но вскорѣ онъ былъ отвлеченъ отъ этихъ мыслей стукомъ удалявшихся экипажей. Всѣ уѣхали. Домъ опустѣлъ. Присауга разошлась, но въ лакейской и дѣвичьей сдѣлалось сейчасъ же шумнѣй и свободнѣй; даже по саду стали раздаваться звонкія пѣсни дворовыхъ дѣвушекъ и басистые голоса кучеровъ и лакеевъ.

III.

Письмо Останкина къ Кеймхену.

Ну, другъ Кеймхенъ, удивишься ты, получивъ это письмо и конечно не догадаешься заранѣе что оно можетъ содержать. Я уже давно, не писалъ къ тебѣ, за то теперь постараюсь передать вкратцѣ все что случилось. Вотъ видишь ли въ чемъ дѣло: Бухаровы уѣхали за границу одни, а я добровольно согласился остаться въ ихъ деревнѣ еще на неопредѣленное время. Что ты на это скажешь? Теперь я объясню тебѣ причины, и нарочно сдѣлаюсь на время циникомъ и буду говорить довольно грубо, чтобы не оставить тебѣ противъ меня никакихъ аргументовъ, которые съ виду могутъ показаться неопровержимыми. Я остался въ деревнѣ затѣмъ чтобы лѣчить любовницу Бухарова, которую самъ онъ бросилъ; сначала онъ разсорился изъ-за нея съ женою, потомъ воспослѣдовало примиреніе и внезапный отъѣздъ за границу, а больную, почти что умирающую женщину бросили тутъ, и думаютъ, что все сдѣлали, когда оставили на ея издержки много денегъ. Вотъ я и остался тутъ и лѣчу ее; вѣдь не могъ же я ее бросить, и никакой порядочный человѣкъ этого не сдѣлалъ бы, какъ бы ни была привлекательна поѣздка за границу. Впрочемъ, и сама поѣздка эта потеряла отчасти свою цѣну для меня; быть за границей я конечно все-таки желалъ бы, но оставаться постоянно съ Бухаровыми хотя и не тяжело, однако и не совсѣмъ пріятно; я не сочувствую имъ. Леонидъ Павловичъ былъ бы хорошій человѣкъ, еслибы не былъ такою дрянью, а у Ольги Петровны проявляется энергія только въ капризахъ да въ безумныхъ требованіяхъ. Софья Михайловна имѣетъ дѣйствительно сильный характеръ, но она только любитъ себя, да сына, и ничему на свѣтѣ не можетъ, или, лучше сказать, не хочетъ сочувствовать. Она забавляется представляя изъ себя какую-то окаменѣлость; впрочемъ, я не доволенъ, что высказалъ о нихъ все это; мнѣ приходитъ мысль, что можетъ-быть я не совсѣмъ справедливъ и говорю подъ неприятымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій.

Мою пациентку я пока вовсе не знаю, да и смотрю на нее въ настоящее время болѣе какъ на воплощеніе верной горячки, съ которою должны состязаться мои медицинскія познанія, нежели какъ на человѣка. Недавно я сидѣлъ надъ нею, слѣдя за ходомъ болѣзни, и мнѣ пришла въ голову пренелѣзная мысль, въ которой я и сознаюсь передъ тобою однимъ. Вдругъ я пожелалъ, чтобы больная моя не была такая хорошенькая, а была бы какая-нибудь старая, дурная, такъ чтобы невозможно было заподозрить, что мое участіе къ ней внушается чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ ея болѣзни. Неправда ли, предикая мысль? Да и что тутъ дурнаго, — поддаваться обаянію красоты? И къ тому же, при лѣченіи такъ сильно увлекаешься всегда наукою, что и чувство чуждости, а не только обаяніе красоты, отодвигается на задній планъ. Пусть себѣ она будетъ хорошенькая, тѣмъ лучше для нея. Мнѣ кажется, что у меня мысли не много смутны; это можетъ-быть и оттого, что я двѣ ночи не спалъ и давно не выходилъ на воздухъ; все боюсь оставить больную; она очень плоха. Все-таки не понимаю отчего я желалъ имѣть этотъ охранительный листъ ея безобразія? Что за глупое желаніе!—въ немъ промелькиваетъ одна отвратительная черта,—желаніе всюду соваться съ своею добродѣтельною и успокаивать самого себя, что вотъ молъ я какой добренькій и умненькій. Правду говаривалъ нашъ старый сторожъ въ клявикахъ: „Думаешь, думаешь, да что-нибудь и придумаешь“. Иногда даже и порядочную глупость. Не понимаю, отчего это моя больная такъ не любитъ чтобы за нею ухаживали и о ней заботились; она очень часто повторяетъ и мнѣ и своимъ сидѣлкамъ, что мы вѣрно устали и чтобы шли отдыхать. Или она очень недоувѣрчива и думаетъ, что эти заботы намъ въ тягость, или въ самомъ дѣлѣ такъ дика, что одной ей лучше? Впрочемъ она старается всегда сама и подушки свои поправить, и достать стаканъ съ питьемъ, и лѣкарство принять. Ей бы хотѣлось вѣчно обходиться безъ посторонней помощи, на сколько это возможно. Кажется, что эта главная черта ея характера, и если такъ, то характеръ ея много обѣщаетъ. Но въ такомъ случаѣ ея чувство къ Бухарову кажется мнѣ непостижимымъ; вотъ и правду говорить, что сердце

человеческое потемки. Чего добраго? Зайдешь, да и ногу сломаешь... Нѣтъ, ужь лучше Богъ съ нами!

Недавно, сидя у постели больной, я вообразилъ себя, что я въ клиникѣ, наблюдаю за порученнымъ мнѣ субъектомъ, и что стоить только пройти залы двѣ и я буду въ дежурной, гдѣ встрѣчу и тебя, и многихъ другихъ товарищей. А хотѣлось бы мнѣ на васъ посмотрѣть, славные вы люди. Прощай до будущаго письма. Александръ Останкинъ.

IV.

Лидія была очень больна. Въ той комнатѣ, гдѣ она лежала, окна были завѣшаны, такъ что туда и не заглядывало теплое, весеннее солнце, не проникалъ живительный, свѣжій вѣтерокъ. Двери въ сосѣднія комнаты были постоянно затворены; на полу постланы были ковры; около больной ходили тихо, разговаривали шепотомъ. Останкинъ почти неотлучно находился при ней и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ болѣзни. Лидія очень терпѣливо переносила болѣзнь и, несмотря на сильное потрясеніе нервовъ, была довольно спокойна и нераздражительна. Время тянулось для нея безконечно долго, но она не жаловалась, и только изрѣдка спрашивала своего доктора когда онъ встанетъ, и скоро ли ей можно будетъ ѣхать въ дальнюю дорогу. Останкинъ не имѣлъ духу отвѣчать неутѣшительно, замѣчая, что больная сильно желала скорѣе уѣхать отсюда, и потому онъ каждый разъ назначалъ самый короткій срокъ для ея полного выздоровленія; она недоувѣрчиво поглядывала на него, и догадываясь что онъ говоритъ неправду, тоскливо отворачивалась; но какая-то болѣзненная и ребяческая настойчивость заставляла ее снова дѣлать тотъ же самый вопросъ. Останкинъ заботился, чтобы его больная не скучала, а потому читалъ ей вслухъ или же рассказывалъ что-нибудь; онъ выбиралъ чтеніе самое легкое, безцвѣтное, которое не могло бы произвести никакого впечатлѣнія и не подѣйствовало бы на нервы, и безъ того уже возбужденные. Но и при болѣзненномъ ея состояніи, подобное чтеніе все же не удовлетворяло Лидіи; она была

благодарна Останкину за его доброе желаніе, но все оу-
чала, и положеніе ея не могло не казаться ей тяжелымъ.
Она по цѣлымъ часамъ молча лежала съ закрытыми гла-
зами и въ это время Останкинъ смотрѣлъ на нее, из-
учалъ ея лицо, умное и выразительное даже съ закрытыми
глазами, и образъ ея такъ живо вѣрзался въ его память,
что въ своемъ воображеніи онъ могъ воспроизводить его
во всякое время. Она возбуждала его участіе тѣмъ болѣе
что онъ смотрѣлъ на нее какъ на свѣжій, великолѣпный
цвѣтокъ, сорванный и брошенный въ пыль; и смотрѣлъ не
такъ, какъ посмотрѣлъ бы всякій, но какъ любитель,
какъ ботаникъ... Въ его глазахъ обстоятельства сложились
такимъ образомъ, что бросали на Лидію самую темную
тѣнь; онъ недоумѣвалъ, но все-таки, не зная исторіи Ли-
діи, вѣрилъ въ ея кажущееся паденіе; и это паденіе,
какъ и все недостойное, должно было горько отзываться
въ его впечатлительной и мягкой душѣ. То онъ собирался
систематически и постепенно уничтожать въ Лидіи ея мнѣ-
мое чувство къ Бухарову, давая ей вѣрнѣе повясть и оцѣ-
нить какъ самое себя, такъ и предметъ ея любви; но
вскальдъ за тѣмъ, ему казалось, что такое намѣреніе дерзко,
что онъ не имѣетъ никакого права навязываться чуть ли не
въ воспитателя. Да и полно скажетъ ли онъ Лидіи что-ни-
будь новое? Она умна и провицательна, она видитъ, можетъ
быть, и лучше и дальше его; но въ такомъ случаѣ чему же
приписать ея чувство?—въ такомъ случаѣ это непонятная и
неизлѣчимая слабость... И чѣмъ тутъ можно помочь?.. А ме-
жду тѣмъ послѣ перелома болѣзани, Лидіи становилось замѣтно
лучше. Наконецъ ей позволено было встать съ постели и
выходить изъ своей комнаты. Съ каждымъ днемъ она ста-
новилась сильнѣй и бодрѣй, и постепенный переходъ къ
совершенному здоровью сильно занималъ и радовалъ ее:
она находила большое удовольствіе прохаживаться по ком-
натамъ, читать повесногу, смотрѣть въ садъ и думать
что вотъ пройдетъ еще дней шесть или семь, и она ста-
нетъ выходить на воздухъ, станетъ гулять, будетъ здо-
рова... Съ трудомъ придвинувъ къ окну стулъ, она сѣла и
продолжала смотрѣть въ садъ.

— Я, право, никакъ не думала, Александръ Борисовичъ,
чтобы меня стало все такъ сильно занимать, обратилась
она къ врачу:— меня радуешь каждая мелочь, каждое но-

вое право, которое мнѣ дается моимъ выздоровленіемъ; точно я дѣйствительно начинаю снова жить, и узнаю все знакомое и родное...

— Вотъ если бы вы не были такъ больны, то и не испытала бы этого чувства...

— Не испытала бы въ такихъ размѣрахъ и такой послѣдовательности; но я и здоровая всегда находила въ жизни полное наслажденіе. Инымъ это казалось даже страннымъ. Вотъ моя бывшая воспитательница, Анна Андреевна, женщина очень здравомыслящая, находила это свойство признакомъ нѣкотораго легкомысія и непостоянства. А между тѣмъ она сама имѣетъ такой положительный умъ и такую твердую волю, что ни отъ какого горя не падаетъ духомъ. Она можетъ всѣмъ довольствоваться, но это еще далеко отъ наслажденія всѣмъ, а наслажденіе-то она и смѣшиваетъ иногда съ легкомысіемъ. Если бы она была менѣе наблюдательна, то пожалуй и не замѣтила бы во мнѣ этого свойства, но она провицательна и умна. Она удивлялась, какъ это я могу восхищаться лѣтомъ, хорошею теплою погодой и цвѣтами, а потомъ радоваться и осени, и дождямъ, находить удовольствіе и въ зимѣ, и въ морозахъ, и приходитъ въ полный восторгъ, когда снѣгъ стаетъ и начнется весна... Еще съ нами жила одна добрая и милая старушка, моя названная бабушка, такъ та всегда защищала меня, точно кто меня обижалъ, и говорила, что я нахожу во всемъ удовольствіе отъ того только, что я еще маленькій ребенокъ и ничего не смыслю, но что съ годами это непременно пройдетъ.

Останкинъ слушалъ ее съ видимымъ удовольствіемъ и улыбался.

— Ну, а что же говорили объ этомъ остальные; спросилъ онъ, желая заставить ее снова заговорить.

— Мужъ Анны Андреевны находилъ это нормальнымъ и говорилъ, что это избытокъ жизненныхъ силъ. А Иванъ Ивановичъ—это бесконечно добрый и мягкій человѣкъ, способный живо сочувствовать всякому чувству... да нѣтъ, его описывать нельзя, его надо знать...

— Такъ что же онъ говорилъ о васъ? спросилъ Останкинъ, наводя ее на нить разговора.

— Да, я и забыла... Ну онъ по фбыкновенію, находилъ превосходнымъ все что бы я ни дѣлала, ни говорила.

— Но все же, Лидія Александровна, мнѣ кажется, вы бы не были рады, есабы теперь выпалъ снѣгъ? спросилъ онъ для того только чтобы сказать что-нибудь.

Лидія засмѣялась.

— Дѣйствительно мнѣ кажется, что такая неестественность не могла бы доставить мнѣ удовольствія; но когда пройдетъ лѣто, я съ радостію встрѣчу и зиму. Я очень люблю смотреть, какъ падаетъ снѣгъ, и, знаете ли, что я дѣлала когда была маленькая: я ложилась на окно, запрокидывала голову и смотрѣла на падающій снѣгъ снизу: когда вы смотрите просто, то видите, какъ падаютъ и стекаются на землю бѣлые, снѣжные хлопья, но когда вы смотрите снизу, то на ярко-бѣломъ фонѣ неба снѣжинки кажутся совершенно темными: онѣ сыплются, сыплются безъ конца, кружатся, путаются; сѣднть за ними невозможно; это вѣчное, вѣчное движеніе... Кончалось всегда тѣмъ, что у меня начинала голова кружиться, и тогда я вставала съ окна.

Лидія остановилась и задумалась; казалось, она совершенно перенеслась въ свое дѣтство, и на время забыла о настоящемъ.

Вскорѣ Лидіи можно было видѣти погулять немного. Она надѣла бурнусъ, покрыла голову фуляровымъ платкомъ и съ радостнымъ волненіемъ вышла на балконъ. Останкинъ взялъ ее подъ руку и повелъ по садовымъ аллеямъ. Она была очень оживлена; глаза ея точно улыбались отъ удовольствія, а щеки были покрыты легкимъ румянцемъ; она съ наслажденіемъ дышала теплымъ, пріятнымъ воздухомъ и безпрестанно ускоряла шагъ, такъ что Останкинъ долженъ былъ постоянно удерживать ее, боясь, чтобы она не утомилась. Вернувшись домой, онъ посоветывалъ ей лечь отдохнуть а самъ пошелъ въ лѣсъ. Ему хотѣлось побыть на свободѣ, чтобы поговорить съ собою наединѣ, чтобы провѣрить себя. Вотъ какъ только онъ придетъ въ лѣсъ, думалось ему, такъ онъ и встрѣтится самъ съ собою. Забравшись въ чащу, Останкинъ сѣлъ подъ дерево и задумался; теперь онъ былъ самъ съ собою, и мысленно какъ будто спрашивалъ себя: „ну, другъ Останкинъ, что скажешь?.. И другъ Останкинъ, двойникъ, отвѣчалъ очень многозначительно: „Гм!“ Тѣмъ разговоръ и покончился. Молодой человѣкъ заключилъ, что голова его пуста, и что въ настоящее время онъ неспособенъ ни о чемъ серьезно думать.

Кругомъ толпились стройные стволы молодыхъ березокъ. Ихъ ивжозеленая, густая листва не пропускала лучей палащаго, лѣтнаго солнца, и все въ этомъ убѣжищѣ дышало свѣжестью и прохладою. Вотъ слышенъ легкій шорохъ: вспорхнула какая-то птичка. Комаръ затаивъ свою тоненькую пѣсню; по бѣлому стволу высокой березы хлопотливо бѣгали муравьи, то поднимаясь, то снова спускаясь къ землѣ. Вотъ легкій вѣтерокъ зашепестилъ листьями, и мгновенно затихъ. Но вотъ тамъ, дальше, въ самой густотѣ, за кустомъ дикаго шиповника, мелькнула Лидія; да, она и тутъ; вотъ она спряталась за березку, вотъ выглядываетъ ея выразительное, оживленное личико. И эти неопредѣленные, неясные звуки, развѣ это не ея шепотъ? Не подъ ея ли ногою скрипнули сухіе сучья? Останкинъ встрепенулся: онъ силился овладѣть своимъ разсудкомъ, очнуться, опомниться... „Да вѣдь это почти бредъ,“ повторялъ онъ настойчиво самому себѣ. А между тѣмъ его воображеніе было такъ полно мыслями о Лидіи, что все говорило ему о ней, все соединялось съ нею какою-то таинственною связью. Онъ чувствовалъ, что ему невозможно оторваться отъ мысли о ней. И эта невозможность, какъ признакъ слабости и безсилія, смущала его и приводила въ негодованіе. Что это за призракъ, что это за привидѣніе, отъ котораго ничѣмъ нельзя отбиться!.. Черезъ минуту онъ всталъ, и отправился дальше; онъ даже началъ насвистывать какую-то польку и шелъ съ видомъ торжествующаго побѣдителя; въ немъ еще не было сознанія, что онъ бѣжалъ и что своимъ кажуцимъ равнодушіемъ онъ только интересничалъ самъ передъ собою. Останкинъ углублялся въ лѣсъ все дальше и дальше; тутъ росли высокія, но рѣдкія деревья, и ихъ вершины не заслоняли свѣтлаго, прозрачнаго неба; пѣніе птицъ было слышно еще явственнѣе. Останкинъ легъ на траву и закрылъ глаза. Его воображеніе снова рисовало ему образъ Лидіи; но на этотъ разъ онъ уже не пробовалъ бороться съ своимъ чувствомъ. Видѣніе, преслѣдовавшее его, было такъ очаровательно, что онъ умышленно не открывалъ глазъ, чтобъ еще живѣе и явственнѣе видѣть этотъ милый образъ. Начинаясь легкій вѣтеръ и на небѣ показались бѣлыя облака, быстро скользяшія по прозрачной синевѣ. Открывъ глаза, Останкинъ сталъ любо-

ваться измѣнчивыми, граціозными очертаніями бѣгущихъ облачковъ, и опять увидѣлъ въ нихъ Лидію. Вотъ серебристое, быстро несущееся облачко; это она: вотъ ее платье, падающее внизъ широкими складками; вотъ ее талія, ее головка... Облако раздѣлилось на два маленькія облачка, которыя быстро помчались дальше, обгоняя одно другое... Останкинъ слѣдилъ за ними нѣсколько секундъ, и потомъ снова сталъ отыскивать въ серебристыхъ массахъ знакомыя ему очертанія...

Когда Останкинъ вернулся домой, было уже поздно; въ маленькой столовой горѣла свѣчи, кипѣлъ самоваръ, и около него хлопотала старая экономка Бухаровыхъ, Марья Степановна. Увидѣвъ молодого медика, старушка привѣтливо предложила ему чаю.

Онъ придвинулъ для Лидіи кресло, и самъ сѣлъ возлѣ. Быстрый переходъ изъ пустыннаго, зеленого лѣса въ эту живую, уютную комнату какъ-то странно подѣйствовалъ на него; тутъ все говорило о простой, обыденной жизни; все насильно влекло къ дѣйствительности. Вошла Лидія и показала Останкину такую же милую и привлекательную, какъ и всегда, но далеко не такую, какъ являлась ему въ лѣсу; тамъ она смотрѣла на него такими любящими, нѣжными глазами, а теперь она была только весела и привѣтлива. Онъ задумался.

— Такъ мы пойдемъ гулять туда, въ тотъ лѣсъ? спросила его Лидія, улыбаясь.

Улыбка эта отразилась и на его лицѣ.

— Теперь скоро можно будетъ, отвѣчалъ онъ весело:— подождите еще немного.

Замѣтивъ, что Лидія менѣе блѣдна противъ прежняго, онъ остался очень доволенъ. Она долго сидѣла за чайнымъ столомъ, весело разговаривая или выслушивая рассказы говорливой и доброй Марьи Степановны.

Прощаясь съ Останкинымъ, Лидія вспомнила что-то и, доставая изъ кармана два пакета, сказала ему:— Я было и забыла попросить васъ отправить эти письма на почту.

Это были ее первыя письма послѣ болѣзни.

Придя въ свою комнату, Останкинъ прочелъ обѣ надписи: одно письмо было къ Аннѣ Андреевнѣ Веретѣевой, другое — къ Леониду Павловичу Бухарову. Отъ послѣдняго адреса Останкинъ долго не могъ оторвать глазъ.

„Вотъ, думаю онъ, вотъ отвѣтъ на всѣ мои безумныя мечты сегодня въ лѣсу! Самый прямой и ясный отвѣтъ!“ И онъ еще долго, равнодушно, ни о чемъ не думая, смотрѣлъ на этотъ адресъ; наконецъ-ему пришло въ голову, что пора ему въ Москву.

V.

Недѣли черезъ три, Лидія получила отвѣтъ отъ Бухарова; письмо его было проникнуто самымъ глубокимъ отчаяніемъ; онъ упрекалъ себя въ непростительной слабости, чуть ли не въ подлости и преступленіи, говорилъ, что совесть будетъ постоянно упрекать его, и что теперь онъ нигдѣ не найдетъ себѣ не только счастья, но и спокойствія, и никогда не забудетъ, что сдѣлалъ одну женщину совершенно несчастною, и потомъ не только не могъ искупить свой проступокъ въ лицѣ ея дочери, но даже и той причиняетъ только горе и неприятели. И жизнь ему въ тягость, и умереть хочется... Все это сильно подѣйствовало на нервы Лидіи, которые еще не окрѣпли послѣ болѣзни. Она хотѣла писать къ нему поскорѣе, она хотѣла его успокоить; но когда-то еще дойдетъ это письмо, да и подѣйствуетъ ли оно успокоительно! Она горячо сожалѣла о немъ и горевала, что не можетъ ему помочь. Лидія вышла изъ дому и тихо пошла садомъ; тамъ стояли конны свѣжаго сѣна; молодая дѣвушка присѣла къ одной и горько заплакала, не имѣя болѣе силъ крѣпиться. Она и не замѣтила какъ подошелъ къ ней Останкинъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее; онъ увидѣлъ наконецъ, что она сжимала въ рукѣ какое-то письмо и узналъ почеркъ Бухарова. Увидѣвъ наконецъ Останкина, молодая дѣвушка хотѣла переломить себя и удержать свои слезы; но это ей не удалось, и она заплакала еще сильнѣе.

— Не удерживайте своихъ слезъ, проговорилъ ей тихо Останкинъ,—не приневоливайте себя; это еще хуже.

Онъ сѣлъ подлѣ нея и долго молчалъ; наконецъ, видя что она перестала плакать, онъ сказалъ ей ласковымъ, успокоивающимъ голосомъ.

— Послушайте, Лидія Александровна, вы чѣмъ-то сильно огорчены, а вамъ теперь не должно ни огорчаться, ни тревожиться. Если вы можете найти хотя малѣйшее облегченіе, высказываясь и дѣлясь съ кѣмъ-нибудь своимъ горемъ, то говорите со мной какъ съ человѣкомъ. вполне вамъ преданнымъ и способнымъ сочувствовать вамъ.... Странно, продолжалъ онъ черезъ минуту, съ грустною улыбкой,—я убѣжденъ, что никакъ не могъ бы пособить вашему горю, а все же у меня будетъ точно легче на душѣ, когда я скажу вамъ, что я готовъ сдѣлать все, все что отъ меня зависитъ, чтобъ успокоить васъ...

Останкинъ и самъ не замѣтилъ, что на глазахъ его блистали слезы. Лидія быстро встала и начала слегка обмахиваться платкомъ, желая, чтобы поскорѣ исчезли слезы ея слезъ.

— Право же, я плакала больше отъ того, что у меня нервы разстроены; это сейчасъ пройдетъ; да вотъ, ужъ и прошло, посмотрите!

Она обернула къ Останкину свое улыбающееся, оживленное лицо; на немъ уже не было слезъ; яркій румянецъ покрывалъ щеки, а глаза искрились какою-то живою, едва сдержанною радостью.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее и смаялся улыбнуться.

„Что это съ нею? подумалъ онъ: что за быстрый переходъ отъ горя чуть ли не къ веселью; ужъ не счастіе ли это женской гордости, возмущенной моимъ непрощенымъ сочувствіемъ?“

Лидія ничего не сказала ему о полученномъ письмѣ. Да и правда, впечатлѣніе произведенное этимъ письмомъ какъ-то мгновенно изгладилось; молодой дѣвушка вдругъ стало весело. Ея возбужденные нервы вдругъ разыгрались до необузданной веселости.

— Что это вы усѣлись тутъ на сѣнѣ такимъ старымъ дѣдушкой, обратилась она со смѣхомъ къ Останкину.—Пойдемте лучше гулять. Знаете что? Пойдемте въ лѣсъ; пожалуста пойдемте въ лѣсъ! Теперь мнѣ право можно.

— Хорошо, пойдемте.

— Пойдемте, пойдемте! весело повторила Лидія и бросилась бѣжать къ калиткѣ.

— Лидія Александровна, такъ нельзя; вы слишкомъ утомитесь.

Она остановилась и сказала ему шутя:

— Что это, Александръ Борисовичъ, неужели вы не можете хоть на одинъ день, хоть на одинъ часъ, сдѣлаться человѣкомъ и перестать быть медикомъ?

Останкинъ вспыхнулъ. Лидія, конечно, не догадывалась, что ему стоило иногда большихъ усилій оставаться разсудительнымъ медикомъ....

— Ну, хорошо, проговорилъ онъ, увлеченный ея веселостью: — я сегодня отпускаю васъ на волю, и вы можете пользоваться ею какъ хотите.

Лидія едва дослушала эту фразу и съ легкимъ, радостнымъ восклицаніемъ бросилась бѣжать. Останкинъ однако побоялся за свою пациентку, но желая выполнить свое обѣщаніе, догналъ ее и сказалъ ей шутя:

— Ну, теперь я обращаюсь къ вамъ не какъ медикъ, а какъ человѣкъ: сдѣлайте милость, не бѣгите такъ скоро, а то вы утомите меня, такъ что пожалуй я и до лѣсу не дойду.

Лидія умѣрила свой шагъ, но все еще они шли довольно быстро и весело разговаривали. Вѣроятно, ни тотъ, ни другой не могли бы вспомнить въ послѣдствіи о чемъ именно они говорили; это были отрывочныя, веселыя фразы, не имѣвшія никакой связи.

— А мы поступили вовсе не благоразумно, замѣтилъ Останкинъ съ озабоченнымъ видомъ, когда они достигли лѣса: — теперь уже четвертый часъ, а мы отошли отъ дому по крайней мѣрѣ версты три, да и нервы у васъ еще не въ порядкѣ..

— Ну, перестаньте пожалуйста, перестаньте; все будетъ хорошо; только не забывайте, что я сегодня на волѣ.

Останкинъ разостлалъ для нея на травѣ свое пальто, а самъ сталъ бродить неподалеку и искать для нея земляники.

— Да, нынѣшнее лѣто, сказалъ онъ наконецъ, — оставить мнѣ много воспоминаній, и какъ тяжело покажется мнѣ въ Москвѣ первое время!..

— А скоро вы думаете ѣхать?

На лицѣ Останкина произошла какая-то неудовимая, но сильная перемена, и онъ отвѣчалъ съ твердою рѣшимостью:

— Да, скоро, и даже очень скоро!..

Лидія сорвала листокъ подорожника, и стала разсматривать его съ особеннымъ вниманіемъ; казалось, она хотѣла изучить каждую жилку этого простаго растенія. Потомъ она посмотрѣла къ верху и увидѣла, какъ собиравшись на небѣ сѣрыя тучи, какъ пролетѣла ворона съ пронзительнымъ крикомъ, взмахивая своими тяжелыми крыльями.

— Мнѣ холодно, проговорила она тихо, закутываясь въ легкій бурнусъ.

— Вотъ я такъ и думалъ, замѣтилъ Останкинъ, приближаясь къ ней.

— Ничего, это пройдетъ, отвѣчала она почти шепотомъ, не смѣя заговорить громче, изъ боязни, что въ голосъ ея посыпятся слезы, которыя она черезъ силу удерживала.

— Да кажется еще и дождь накрапываетъ, проговорилъ Останкинъ, не на шутку пугаясь за Лидію.— Что я съ вами буду дѣлать? Погодите! Тутъ, кажется, неподалеку есть пчельникъ; пойдемте туда и тамъ переждемте дождь.

Лидія встала и молча приняла руку Останкина. Она дѣлала всевозможныя усилія чтобы казаться спокойнѣе, но нервы ея были такъ слабы, что отъ этихъ усилій ей становилось хуже съ минуты на минуту.

На пчельникѣ изба была просторная и чистая; но послѣдній градъ перебилъ въ окнахъ стекла въ мелкіе верешечки, и хозяинъ избы нашелъ удобнымъ замѣнить ихъ сахарною синею бумагою. Этотъ полумракъ несколько не омущалъ его, да къ тому же онъ по дѣльнымъ даямъ проводилъ въ лѣсу. Въ эту минуту старикъ сидѣлъ на порогѣ избы и плелъ лапти. Къ нему подошли Останкинъ съ Лидіей, и просили позволенія войти въ его избу.

— Должно-быть дождичка испугались? замѣтилъ весело старикъ:— войдите, войдите!

— Да вотъ барышня-то захворала. Ей бы надо было прилечь. Нѣтъ ли у тебя, дѣдушка, свѣжаго сѣнца?

— Можно достать, можно.

Старикъ притащилъ охапку сѣна и постлалъ его на лавку. Останкинъ покрылъ его своимъ пальто; Лидія легла и отвернулась къ стѣнѣ. Слезы душили ее; она едва переводила дыханіе; ей надо было выплакаться хорошенько. Грудь ея ныла отъ сдержанныхъ рыданій, и какъ только

она прилегла на эту импровизованную постель, слезы такъ и хлынули изъ ея глазъ. Но она плакала тихо, такъ что присутствующіе не могли этого и замѣтить. Минуты черезъ двѣ Останкинъ наклонился къ ней, и сказалъ :

— Вамъ нельзя идти пѣшкомъ, да и дождь еще накрапываетъ; я побѣгу сейчасъ домой и приѣду за вами въ крытомъ экипажѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не уходите, проговорила Лидія поспѣшно, — не надо.

— Да отчего же? Вѣдь нуженъ же вамъ экипажъ.

— Нѣтъ, не надо...

Въ другое время, Лидія сама совѣтывала бы Останкину идти за экипажемъ, но теперь нервы ея были такъ разстроены и раздражены, что все ее пугало и тревожило. Она безсознательно боялась остаться одна безъ Останкина.

— Ну, такъ я останусь, а за экипажемъ попрошу сходить этого старика. Вы же пока постарайтесь заснуть.

Онъ услышалъ дѣдушку за экипажемъ, а самъ утѣлся въ дальній уголъ избы. Минутъ десять больная лежала покойно, потомъ привстала и позвала Останкина.

— Александръ Борисовичъ, вы здѣсь?

— Здѣсь. Вамъ что угодно?

— Нѣтъ ничего; мнѣ только показалось, что вы ушли.

— Нѣтъ, я тутъ.

Она улеглась, но черезъ четверть часа услышала какой-то шорохъ и снова съ испугомъ приподнялась.

— Александръ Борисовичъ, вы здѣсь?

— Здѣсь. Вамъ что-нибудь нужно?

— Нѣтъ, ничего.

Лидія снова улеглась, и черезъ минуту услышала голосъ Останкина, тихо напѣвавшего арію изъ *Travatori*, которую поетъ засыпающая цыганка. Мотивъ этотъ, свѣтлый тихимъ и мягкимъ голосомъ, успокоительно подѣйствовалъ на Лидію. Ея тревожное, раздражительное настроеніе мало-по-малу перешло въ тихую, ровную грусть. Останкинъ видѣлъ, что Лидія боится остаться одна; но онъ не подходилъ къ ней и не заговаривалъ, полагая лучшимъ предоставить ее самой себѣ, а чтобъ она не сомнѣвалась въ его присутствіи, онъ запѣлъ. Онъ напѣвалъ все тотъ же коротелькій мотивъ, но интонація его голоса

слегка измѣнялась смотря по тому, какія мысли и ощущенія волновали его. А онъ много думалъ и много переживалъ. На дворѣ дождь ливнемъ лилъ, и завывалъ внезапно поднявшійся вѣтеръ; старика еще не скоро можно было ожидать назадъ. Останкивъ подошелъ къ печкѣ, бросилъ въ нее нѣсколько лучинъ и зажегъ ихъ; онъ затрещали, пламя вспыхнуло и освѣтило лицо молодого человека. Онъ сѣлъ въ нѣкоторомъ разстоянн отъ печки, и сталъ смотрѣть на огонь.

Теперь Лидя могла ясно разглядѣть его лицо, его мыслящяе, выразительныя глаза, полныя въ эту минуту грустной и задумчивой мечтательности.

„Какъ она любитъ этого Бухарова!“ думалъ, онъ безъ озлобленія, безъ ревности, но съ глубокою, затаенною грустью. „Одно его письмо, какое-нибудь жесткое или холодное слово могло до такой степени взволновать ее. И за что она его любитъ?.. Впрочемъ, кто знаетъ, о чемъ она плакала: не была ли это борьба между разсудкомъ и сознаниемъ собственнаго достоинства, съ одной стороны, и слѣпыми ничѣмъ неоправдываемымъ чувствомъ, съ другой?.. А если дѣйствительно это такъ, то чѣмъ кончится эта борьба?.. Въ ней столько силы, столько воли!.. И можетъ ли Бухаровъ ее понимать?“ Въ мысляхъ Останкина всѣ эти фразы мелькали недоконченными, недоговоренными. Лучины прогорѣли, и рѣли только одни раскаленные уголья. Молодой человекъ какъ-то безнадежно смотрѣлъ на потухавшій огонь: „Убѣжать, убѣжать, твердилъ онъ самому себѣ, — всего лучше поскорѣе убѣжать. Къ чему всѣ эти безумныя мечты?.. Она любитъ другаго... и еще такую любовью, которая не принесетъ ей никакой отрады, ничего, кромѣ мукъ и униженій... Неужели я не встрѣчу болѣе въ жизни такой женщины, которую... которую... А что же ее-то ожидаетъ со временемъ?.. Да неужели она его любитъ?.. И неужели это неизлѣчимо, и ей ничѣмъ нельзя помочь?.. Нѣтъ, это невозможно, невозможно! Въ ней такая свѣжесть чувства, въ ней столько силы ума, что заблужденіе это не можетъ продолжаться... Только надо ее предоставить самой себѣ, а всякое постороннее вмѣшательство было бы тутъ совершенно неумѣсто; да и кто имѣетъ на это какое-нибудь право?.. Мнѣ остается только одно: по-

заботиться о ея здоровьи и потомъ ъхать, поскорѣе ъхать.“ Останкинъ выпрямился и всталъ, чтобы взглянуть на больную. Его мужественное лицо изображало твердую рѣшимость, и никогда еще онъ не подходилъ къ Лидіи такъ снѣло, съ такимъ спокойствіемъ, какъ въ эту минуту.

Пока Останкинъ сидѣлъ передъ огнемъ, Лидія могла видѣть его и слѣдить за мѣнявшимся выраженіемъ его лица. Въ воображеніи молодой дѣвушки мелькали также и другія лица; она думала о своихъ: „Теперь Анна Андреевна уже знаетъ что я была больна, и навѣрное жалуетъ меня; она такая добрая, и какъ я ее люблю... а между тѣмъ какая разница!.. И ея мужа я тоже люблю, и старую бабушку, а Ивана Ивановича-то какъ люблю! И расставаясь съ ними, мнѣ было очень грустно, но развѣ такъ?..“

Щеки Лидіи зардѣлись, а на глазахъ показались слезы, но она поспѣшно отерла ихъ; ее возмутила эта слабость, но хотя она и сознавала что не владѣетъ собою оттого только что физически утомлена и больна, она была недовольна собою. Ей стало тяжело, что ея отношенія къ Останкину такъ напряжены и неестественны: она всегда подмѣчала въ немъ какую-то сдержанность, нежеланіе выказаться и нѣкоторое недовѣріе къ самому себѣ. Нѣтъ, отношенія ихъ не были просты и естественны. „Странно, думала Лидія, иногда мнѣ кажется, что дѣйствительно Останкинъ имѣетъ ко мнѣ большое довѣріе, а между тѣмъ его обращеніе со мною часто доказываетъ совершенно противное; онъ меня точно чуждается; если бываетъ грустенъ, то старается скрыть это чувство, и бываетъ недоволенъ, когда я подмѣчу эту грусть; если ему весело, онъ старается умѣрить свою веселость и вдругъ переходитъ отъ одной крайности къ другой; если случайно обнаружить ко мнѣ сочувствіе, то сейчас же старается загладить это приличною холодною; право, мнѣ кажется, что онъ какъ будто боится меня полюбить.“ Лидія улыбнулась, но и отъ этой улыбки на глаза ея выступили слезы, и она закрыла лицо руками.

„Когда онъ встрѣчаетъ во мнѣ сочувствіе, то это дѣйствуетъ на него какъ-то странно: это его и радуетъ, и волнуетъ, и точно будто ожесточаетъ... Если онъ боится полюбить меня, ну такъ и не надо; но зачѣмъ же такъ

настоячиво скрывать свое дружеское расположение ко мнѣ? Вѣдь мы не можемъ не быть друзьями... И что же скрывать?.. Точно это не видно?.. Такъ видно...“ Она снова улыбулась, а слезы еще обильнѣе потекли по щекамъ. „И какая это робость, совершенно ему несвойственная! Или онъ боится, что его не поймутъ? Но вѣдь онъ знаетъ меня... Или онъ думаетъ, что я бы стала желать и требовать отъ него боляе чувства нежели сколько есть...“ Слезы ея внезапно остановились; она почувствовала только маленькую дрожь, и руки стали еще холоднѣе, а голова горѣла. Она взглянула на Останкина; лицо его было освѣщено красноватымъ огнемъ рдѣвшихъ углей; онъ обернулся въ ея сторону и смотрѣлъ на нее: въ этомъ темномъ углу ничего нельзя было различить; онъ видѣлъ только, что она лежитъ спокойно и заключилъ, что она спитъ. Во взглядѣ его было столько нѣжной заботливости, столько мягкаго и добраго чувства...

Лидіи хотѣлось протянуть ему руку и сказать все что ему захотѣлось бы сказать въ эту минуту; но она и сама не знала что было это все. Главное ей хотѣлось бы увѣрить его, что ему ничего чуждаться ея, что онъ не долженъ скрывать и заглушать свое чувство. Если онъ имѣетъ къ ней только дружеское, братское расположение, то пусть смѣло и просто обнаружитъ это чувство, на сколько оно въ немъ есть; вѣдь она тоже не можетъ желать и требовать большаго... А между тѣмъ, Лидія чувствовала, что никогда не выскажетъ всего этого; Останкинъ никогда не вызоветъ ее на откровенность; она попробовала подовать его, но у ней будто и голосъ пропасть...

Черезъ нѣсколько минутъ Останкинъ самъ подошелъ къ ней и, нагибаясь, спросилъ ее ласковымъ, но спокойнымъ голосомъ:

— Вы, кажется, спали?..

— Да, спала, отвѣчала она, сама не зная что говорить.

— Вы не озябли? Вамъ теперь лучше?

— Нѣтъ, не озябла, мнѣ лучше, продолжала она машинально.

— Постарайтесь опять заснуть; это вамъ будетъ полезно.

Онъ снова отошелъ въ темный уголъ и тихо усѣлся на

лазку. Лидіа представилось, будто его вовсе тутъ нѣтъ, будто онъ уѣхалъ, и теперь уже далеко...

Послышавъ стукъ экипажа; въ избу вошелъ промоченный дождемъ старикъ и сказалъ Остапкину, что за ними пріѣхала коляска. Онъ бережно усадилъ въ нее Лидію и отвезъ домой. На другое утро онъ заходилъ къ ней для того только чтобъ осведомиться о ея здоровьи, а потомъ на дѣлѣй день ушелъ куда-то въ лѣсъ. Теперь нервы Лидіи были спокойны, следовательно она была сильна и тверда. Она спокойно смотрѣла впередъ. Она рѣшила, что останется въ деревнѣ Бухаровыхъ всю зиму, и эта одинокая, почти отшельническая жизнь, казалась ей очень заманчивою. Она собиралась много читать, много заниматься... ну а потомъ, потомъ она будетъ вести трудовую жизнь, будетъ переводить, давать уроки; поселится въ Петербургѣ, если Остапкинъ дѣйствительно получитъ въ этомъ городѣ то мѣсто, о которомъ говорилъ; если же это ему не удастся, то можетъ-быть и она измѣнитъ свои планы. Общество Остапкина было ей очень дорого, да она не сомнѣвалась, что и ему точно также отрадно быть съ нею, и потому желала пользоваться этимъ обществомъ. Но сказать объ этомъ Остапкину она, конечно, не рѣшалась; въ ней замиралъ всякій порывъ откровенности при видѣ его сдержанности.

Остапкинъ вернулся домой только къ вечеру; онъ казался какъ-то особенно спокойнымъ.

— Гдѣ это вы такъ долго гуляли? спросила его Лидія.

— Все бродилъ по окрестностямъ; это я на прощаніе, потому что завтра думаю ѣхать.

При этихъ словахъ, молодой человекъ съ принужденною разсѣянностью посмотрѣлъ въ сторону, желая скрыть свое волненіе; Лидія съ тою же цѣлью опустила глаза, и когда, черезъ минуту, они посмотрѣли другъ на друга, оба казались совершенно спокойными.

— А вы, Лидія Александровна, думаете еще долго остаться здѣсь?

— Да всю зиму.

— А потомъ?

— Потомъ? Право не знаю, отвѣчала Лидія, стараясь скрыть веселую и немного лукавую улыбку промелькнув-

шую на ея губахъ. Она сама была удивлена, что могла улыбаться, несмотря на грусть предстоящей разлуки, а улыбалась она не только мысли о своихъ планахъ на будущее, но и тому, что ей казалось ребячествомъ стараніе Останкина хвастать свое невозмутимое, олимпійское спокойствіе. Черезъ минуту, когда она взглянула въ истомаенное выраженіе его лица, ей стало совѣстно за эту улыбку, стало грустно и тяжело.

Она машинально потянулась за какою-то книгой, лежавшею передъ нею, но Останкинъ остановилъ ея руку.

— Поговоримте лучше; вѣдь это послѣдній день.

Они посмотрѣли другъ на друга, и оба долго молчали. Вечеръ длился безконечно долго, но они ничего не сказали душевнаго, ничего, изъ всего что хотѣлось имъ высказать. Останкинъ все думалъ о Бухаровѣ, но ни разу не произнесъ его имени, а только давалъ Лидіи разные гигиеническіе совѣты; она, казалось, слушала его съ большимъ вниманіемъ, но не произнесла ни слова изъ всего что онъ говорилъ. Останкинъ былъ блѣденъ, и когда, прощаясь съ Лидіей, онъ протянулъ ей руку, она почувствовала, что рука его было холодна.

— Прощайте, Лидія Александровна, проговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ:—вѣроятно мы уже больше не увидимся, потому что я ъду завтра очень рано утромъ.

Лидія хотѣла поблагодарить его за всѣ его заботы о ней, но у нея не достало на это силъ; она не сказала ни слова, и только крѣпко пожала ему руку. Останкинъ ушелъ къ себѣ и началъ укладываться; имъ овладѣла такая мучительная тоска, что онъ не зналъ что дѣлать. Вся ночь прошла для него въ бессознательномъ и напряженномъ ожиданіи чего-то недобраго, страшнаго. Время такъ медленно тянулось, а вмѣстѣ съ тѣмъ Останкинъ и не замѣтилъ какъ приблизилось утро. Запрягли дорожный экипажъ и подали къ крыльцу; ему какъ будто не вѣрилось, что онъ уже ѣдетъ, и онъ съ тупымъ равнодушіемъ смотрѣлъ какъ укладывали его чемоданъ и подушки.

— Готово-съ, проговорилъ полусонный лакей.

Останкинъ простился съ людьми, потомъ поднялъ голову, и взглянувъ на окна Лидіи, увидѣлъ какъ она поспѣшно спряталась при его взглядѣ. Ему защемило сердце; онъ почувствовалъ жгучую боль.

Кучеръ торопливо махнулъ кнутомъ, и рѣзвая тройка быстро повеселась по гладко-накатанной дорогѣ.

Лидія снова подбѣжала къ окну, и глазами полными слезъ долго слѣдила за удалявшимся экипажемъ.

VI.

Въ небольшой комнатѣ одной изъ московскихъ гостиницъ, сидѣла молодой человѣкъ и облокотившись на письменный столъ, читалъ что-то съ глубокимъ вниманіемъ. На столѣ лежала груда книгъ, бумагъ и тетрадей. Въ комнатѣ было довольно опрятно и чисто, не валялись вездѣ папиросы, табакъ не былъ разсыпанъ по окнамъ и полу. Кругомъ тихо, развѣ изрѣдка послышатся шаги и голоса въ корридорѣ, и снова все стихнетъ. Но вотъ дверь отворилась и показался кто-то одѣтый по-дорожному и весь запыленный. Это былъ Останкинъ, Кеймхенъ обернулся и съ радостнымъ возгласомъ бросился обнимать своего друга.

— Ну, какъ тебѣ тамъ жилось? Что ты дѣлалъ? Что думаешь дѣлать? спрашивалъ Кеймхенъ, усаживая усталого путника, и съ непритворнымъ соболизнованіемъ смотря на его запыленное лицо и платье. Прежде всего, Останкинъ занялся своимъ туалетомъ, причеиъ разказывалъ своему пріятелю о Бухаровыхъ, о деревнѣ, о дорогѣ. Кеймхенъ внимательно выслушивалъ все это, но чувствовалъ, что это еще не что иное какъ прологъ или декорациі. Останкинъ съ своей стороны ожидалъ, что вотъ, вотъ Кеймхенъ сдѣлаетъ ему какой-нибудь вопросъ, касающійся его самыхъ душевныхъ мыслей и чувствъ. Впрочемъ, признаніе это нисколько не пугало его; только первый приступъ казался немного труднымъ, а то онъ былъ готовъ съ полною откровенностью высказать ему все что было на душѣ. И онъ зналъ, что Кеймхенъ оправдаетъ его довѣріе, что онъ сумѣетъ понять его и ему сочувствовать. Въ этомъ еще болѣе удостовѣрили его нѣкоторые факты изъ прошлой жизни. Когда они были еще первокурсниками, Кеймхенъ нерѣдко смущался при восторженныхъ отзывахъ Останкина о женщинахъ. Если случалось имъ идти вмѣстѣ по улицѣ и Останкинъ съ искреннимъ, но почтительнымъ восхище-

нѣмъ провожалъ глазами замѣчательное женское лицо, Кеймхенъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на него. А въ это время, въ головѣ Останкина слагалась характеристика промелькнувшаго образа. Она должна была быть доброю, доброю, образованною. Она должна была являться путеводною звѣздой заблудшимъ и ангеломъ хранителемъ для слабыхъ существъ. Въ послѣдствіи, когда онъ сталъ смотрѣть на женщину съ болѣе серьезной точки зрѣнія, когда его преимущественно занимали вопросы о ея положеніи въ обществѣ, о ея воспитаніи, Кеймхенъ мало-по-малу началъ сочувствовать ему. Онъ сѣтовалъ на то, что образованіе женщины такъ ограничено, что сфера ея дѣятельности такъ узка, и въ каждой женщинѣ онъ думалъ видѣть сознаніе этого стѣсненія. Случайно онъ познакомился съ однимъ семействомъ и въ первый разъ имѣлъ возможность сблизиться съ восемнадцатилѣтнею дѣвушкой, и, предугадывая въ ней, какъ и во всѣхъ остальныхъ, стремленіе къ расширенію своихъ познаній, недовольство тѣмъ, на что она обречена своимъ воспитаніемъ, онъ рѣшился помочь ей. Кеймхенъ сталъ часто бывать у родныхъ этой молодой дѣвушки; онъ долго и серьезно разговаривалъ съ нею, или, лучше сказать, онъ говорилъ, а его слушали, и слушали, какъ ему казалось, съ толкомъ и съ пользою, потому что сидѣли противъ него тихо и молча, и порою поднимали на него свои хорошенькіе, голубые глазки, или даже кивали головкою въ знакъ одобренія и говорили въ полголоса: „да, конечно.“ Это придавало ему еще болѣе бодрости. Онъ очень серьезно и даже торжественно смотрѣлъ на свои отношенія къ новообращенной и съ полнымъ самоотреченіемъ радовался за нее съ увѣренностью, что она усваиваетъ все что слышитъ отъ него, и съ чѣмъ, повидимому, такъ скоро соглашается. Начиналось лѣто; экзамены были сданы; товарищи Кеймхена, и въ числѣ ихъ Останкинъ, отправились на дачу, поджидая и его къ себѣ, но онъ отговорился и остался въ Москвѣ. Ему казалось недобросовѣстнымъ бросить начатое дѣло и оставить безъ руководителя только что прозрѣвшее молодое и слабое существо. Молодая дѣвушка лѣчилась съ своею татанъ минеральными водами, и Кеймхенъ имѣлъ возможность каждое утро видѣть ее въ саду и залѣ, утроенныхъ при

водахъ. Онъ гулялъ съ нею по аллеямъ или сидѣлъ на скамьяхъ сада и продолжалъ курсъ образованія такъ же систематически и добросовѣстно, будтобы говорилъ съ кафедръ предъ многочисленною публикой. Очень рѣдко разговоръ его переходилъ къ менѣе отлеченнымъ предметамъ. Одинъ разъ встрѣтили они въ этомъ саду одного больного, знакомаго съ Кеймхеномъ. Это былъ чахоточный молодой человекъ, недавно кончившій курсъ и жившійся на молодой дѣвушкѣ съ цвѣтущимъ здоровьемъ, не побоявшейся соединиться съ нимъ на коротенькій остатокъ его жизни. Больной былъ очень нехорошъ собою: блѣдный, худой до невозможности, согнутый; съ рѣзкими, неправильными чертами лица и блестящими, горячечными глазами, на которые падали его длинные, непричесанные волосы; онъ поминутно кашлялъ и съ такимъ напряженіемъ, что на лбу и на вискахъ рѣзко обрисовывались жилы и выступала испарина. При этомъ жена его слегка вздрагивала и, едва переводя дыханіе, вслушивалась въ его удушливый, томительный кашель; когда кончался пароксизмъ, и больной могъ наконецъ вздохнуть, онъ взглядывалъ на жену, и, въ отвѣтъ на ея испуганный и вопрошающій взглядъ, тихо и грустно улыбался ей.

— Замѣтили ли вы этого муцину, съ которымъ я сейчасъ говорилъ.

— Да, замѣтила. А кто эта дама, съ которою онъ ходилъ?

— Это его жена.

— Жена, неужели?

— Да. Онъ не такъ давно обвѣнчался съ нею, да и недавно курсъ кончилъ; я зналъ его еще студентомъ... И какъ тяжело подумать, что такому человеку не долго остается пожить, и что онъ не успеетъ сдѣлать всего полезнаго, чтобы могъ; а онъ человекъ дѣльный... Она вотъ его любила и вышла за него, не смотря на его болѣзненность. Ее можно назвать немного экзальтированной, но что же въ самомъ дѣлѣ, если чувство ея къ нему было такъ велико, что пересидивало все соображенія холоднаго разсудка?.. Какъ вы объ этомъ думаете? рѣшилася онъ спросить свою собесѣдницу и слегка наклонился надъ фонтаномъ, близъ котораго она стояла, чтобы видѣть въ водѣ ея образъ. Молодая дѣвушка взглянула на него, потупи-

лась и покрасѣла; потомъ улыбулась, снова подняла на него свои хорошенькіе, голубые глазки, и отвѣчала:

— Не понимаю, право, какъ она могла его полюбить: онъ такой дурной.

При этомъ невнятномъ замѣчаніи она сильно покрасѣла, потому что Кеймхенъ былъ очень недурень собою, и въ смущеніи бросила въ воду цвѣтокъ, который держала въ рукѣ; вода замутилась и отраженное въ ней граціозное видѣніе заколебалось и исчезло. Круги разбѣжались; поверхность воды снова одѣлалась спокойною и гладкою, но въ ней уже не отражалась молодая дѣвушка, отошедшая на зовъ матери. Кеймхенъ долго еще смотрѣлъ въ воду: фонтанъ былъ очень мелокъ, а между тѣмъ, въ эту минуту, многое утонуло въ немъ для разочарованнаго идеалиста.

Останкинъ былъ увѣренъ, что Кеймхенъ способенъ почувствовать ему, и съ полною откровенностію и полнымъ довѣріемъ разказалъ ему все чѣмъ было подѣлиться. Кеймхенъ внимательно и съ участіемъ выслушалъ его, и по окончаніи разказа долго оставался задумчивымъ и не говорилъ ни слова.

— Чтò жъ ты думаешь дѣлать? спросилъ онъ наконецъ Останкина.

— Буду заниматься, и если можно, въ концѣ года буду держать экзаменъ на доктора.

— Ну, а... она?

— Черезъ годъ или черезъ два, я непременно увижу ее, гдѣ бы она ни была; я поѣду туда, увѣрюсь, любить ли она по прежнему Бухарова, и тогда...

Останкинъ не договорилъ и безнадежно опустил голову на руки. Кеймхенъ не настаивалъ на продолженіи разговора.

Подошла и зима. Быстро и однообразно проходило время для Останкина среди серіозныхъ занятій и въ кругу избранныхъ товарищей. Но какъ часто мечты его отрывали отъ настоящаго, и отъ товарищей, и отъ занятій, и уносили далеко, далеко, — въ деревню!... Мечты эти воспроизводили передъ нимъ все прошедшее, и, казалось, онъ снова переживалъ эти каникулы. Снова дѣлалось лѣто, шумѣли лѣса, золотились на солнцѣ колосья, а воспоминанія такъ и всплывали одно за другимъ. Когда же мысли Останкина переносили его въ будущее, непременно свя-

занное съ Лидіей, то тутъ былъ совершенный хаосъ: то онъ твердо надѣялся, то во всемъ сомнѣвался, и ничто не могло разрѣшить эти тяжелыя сомнѣнія.

Онъ не зналъ, что въ это время Лидія, проживая зиму въ деревнѣ Бухаровыхъ, точно также часто вспоминала о немъ. Ведя съ Анною Андреевной дѣятельную переписку, она часто говорила ей объ Останкинѣ, рассказывала что-нибудь о немъ или обсуживала его личность. Часто Лидіи приходило въ голову, что Останкинъ просилъ ее писать къ нему, въ случаѣ если ей нужно будетъ посовѣтоваться съ нимъ о своемъ здоровьи; но она чувствовала себя очень хорошо, и слѣдовательно не было никакой необходимости обращаться къ нему какъ къ медику. А писать къ нему иначе, она, несмотря на свое желаніе, не могла рѣшиться: онъ не просилъ ее объ этомъ; такъ зачѣмъ же она покажетъ Останкину, до какой степени она увѣрена, что ея письма должны быть дороги для него? Безъ этой же увѣренности, она никогда не пожелала бы писать ему. Взавѣвъ всего этого, Лидія стала писать свой дневникъ и положила, что когда она встрѣтится съ Останкинымъ и будетъ видѣть, что ему было бы очень пріятно знать въ подробности, какъ проводила она это время, то она покажетъ ему этотъ дневникъ. Лидія и сама не замѣчала, насколько рѣшенье это должно было отразиться въ ея запискахъ. Она высказывалась въ нихъ вся, какъ она есть, писала обо всемъ также просто и откровенно, какъ если бы писала для одной себя; но каждая фраза звучала такъ, будто бы говорила къ близкому и дорогому лицу, будто бы у говорящаго и самый голосъ въ эту минуту долженъ быть болѣе ласковъ и болѣе вѣженъ. Ей случалось говорить языкомъ довольно неяснымъ, но тѣмъ болѣе выразительнымъ и понятнымъ для желающаго понимать. Если Лидія упоминала о какомъ-нибудь днѣ или событіи извѣстномъ и памятномъ Останкину, то она не останавливалась долго на этомъ воспоминаніи, но слегка касалась его, чтобы только показать, что оно и для нея осталось памятнымъ и дорогимъ, и приводитъ въ тихое, сосредоточенное волненіе... Но когда-то еще будетъ читаться этотъ дневникъ!..

А вотъ началась и весна, трудовое время для держащихъ экзаменъ. Останкинъ такъ былъ погруженъ въ серьезные и сухія занятія, что Лидія являлась въ его мыс-

дяхъ только по временамъ, и то какъ отдаленный, хотя и маящій, призракъ. Экзамены кончились. Останкинъ получилъ степень доктора и праздновалъ свой выходъ изъ университета въ кругу самыхъ близкихъ товарищей. Пили за его будущую дѣятельность, за его счастье, спрашивали о его намѣреніяхъ и планахъ. Поздно вечеромъ товарищи разошлись, и Останкинъ остался одинъ; ему показалось душно и грустно оставаться въ комнатѣ, и онъ пошелъ бродить по улицамъ. Была тихая лѣтняя ночь; высоко сіялъ мѣсяцъ надъ городомъ, освѣщая золоченыя кресты надъ главами церквей и опустѣлую сѣдую мостовую. Медленно шелъ Останкинъ впередъ, и имъ овладѣла тихая задумчивость. Онъ прощался съ прошедшимъ и не зналъ какъ привѣтствовать будущее; онъ дошелъ до рубежа, отдѣляющаго его ювешескую жизнь отъ самостоятельной дѣятельности, отъ возмужалости и, на этомъ рубежѣ, какъ изъ тумана, выступала Лидія, и Останкину казалось, что ему невозможно пройти мимо ея. Но гдѣ она? И что съ нею? Мысли молодого человѣка столпились около одного предмета и уже не покидали его. Останкинъ шелъ дальше и увидѣлъ у ногъ своихъ тѣнь человѣческой формы; онъ осмотрѣлся и замѣтилъ статую на пьедесталѣ посреди двѣтника. Это разбудило его, и онъ принялся смотрѣть по сторонамъ. Взоръ его остановился на окнахъ освѣщеннаго, небольшого домика. Видѣлся потолокъ и верхняя часть свѣтлой и веселой комнаты; было видно и зеркало, кругомъ обитое плющомъ, и картины, висящія по обѣимъ сторонамъ, да еще по угламъ бѣлыя кафельныя печи и свѣтлые отдушники; видѣлись и спинки дивана и креселъ; все такъ и дышало уютностію, чистотою, незатѣливымъ комфортомъ. И при позднемъ освѣщеніи, комната эта не имѣла праздничнаго, торжественнаго вида,—но какія свѣтлая, привлекательныя будни! Останкинъ посмотрѣлъ на этотъ привѣтливый домикъ съ теплымъ чувствомъ радости; весело было ему думать, какіе должно быть славные и счастливые—люди живутъ въ этомъ домикѣ, и онъ съ отрадою переносился мечтою въ этотъ воображаемый, тихій мірокъ. Прокричалъ неподалеку сторожъ; какими-то необычайными, чуть ли не гармоническими звуками раздался этотъ крикъ въ ушахъ Останкина. Задала гдѣ-то собака, и лай этотъ былъ необыкновенный, совсѣмъ не такой, какъ всегда.

VII.

Через несколько дней Останкинъ ѣхалъ въ деревню Бухаровыхъ, гдѣ за десять мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ расстался съ Лидіею. Онъ проѣзжалъ знакомыми селеніями, и вспоминалъ, какими они показались ему, когда онъ въ первый разъ видѣлъ ихъ зимою, проѣзжая съ семействомъ Бухаровыхъ, и потомъ, какъ онъ вторично видѣлъ ихъ, когда лѣтомъ возвращался въ Москву. Вотъ тутъ зимою были такіе сугробы, что возокъ едва не завязъ; а лѣтомъ, вотъ въ этой деревнѣ онъ спалъ подъ навѣсомъ, и спилаась ему Лидія... А вотъ здѣсь онъ проѣзжалъ въ самую жаркую пору, и усталый и запыхавный просилъ и пить...

Косинское недалеко, но уже стемнѣло. Какая тихая, прекрасная лѣтняя ночь!... Лошади бѣгутъ мелкою рысью на отлогій, но длинный изволокъ. Думается Остакину какъ-то онъ пріѣдетъ, какъ то встрѣтитъ его. Вотъ войдетъ Марѳа Степановна, подивится его неожиданному пріѣзду, засуетится, станетъ хлопотать, чтобы накормить его хорошенько, а потомъ разкажетъ ему между прочимъ, что Лидія нѣтъ въ Косинскомъ, что она давно уже уѣхала... Нѣтъ, Марѳа Степановна выйдетъ блѣдная разстроенная, съ заплаканными глазами, и скажетъ, что Лидія очень больна, что она при смерти; проведутъ его въ ея комнату; душно, темно; на постелѣ лежитъ больная, изнеможенная, блѣдная... „Кто это?“ спроситъ она слабымъ, прерывающимся голосомъ, смотря на вошедшаго сухими, горячечными глазами. И когда ей назовутъ его, когда она всмотрится въ знакомыя черты, что же тогда? Что изобразится на ея лицѣ? Что? Что?

— Далеко еще до Косинскаго, задыхаясь спрашиваетъ Останкинъ.

— Теперь скоро пріѣдемъ, отвѣчаетъ ямщикъ.

„Что это мнѣ пришло въ голову, что Лидія больна“, думаетъ Останкинъ: „Но ожидаетъ ли она, что я пріѣду?.. Марѳа Степановна какъ только услышитъ стукъ экипажа, такъ станетъ дѣлать разные предположенія, что это вотъ кто, или вотъ кто. Ну, а она догадается ли? Поспѣшитъ

ли она на встрѣчу? Какъ посмотреть? Что скажетъ?.. А легко можетъ-быть, что ея уже нѣтъ въ Косиновомъ...

— Это какая деревня? спрашиваетъ Останкинъ, стараясь вомотрѣться въ темноту.

— Косиновское; къ нему подъѣзжаемъ.

— А!

Сильно забилось сердце Останкина. Приударилъ ямщикъ лошадей, крикнулъ на нихъ, дергая возжами, и помчался они по заснувшей деревнѣ. Выскочили нѣсколько собакъ, и съ лаемъ побѣжали за проѣзжими. Вотъ и барскій домъ; темно, ворота заперты. Выбѣгаютъ люди изъ кухни, свѣтятъ, отпираютъ ворота.

— Здравствуйте, Александръ Борисовичъ! Какъ, батюшка, поживаете? спрашиваетъ старый камердинеръ Бухарова.

— Повемножку, Василій. Спасибо тебѣ. Ну, а что господа не вернулись еще изъ-за границы?

— Нѣтъ-съ, все еще тамъ, и не скоро сюда собираются. Такъ вотъ домъ почти весь пустой и стоитъ. Только Лидія Александровна и живетъ въ немъ.

— А что она, здорова? спросилъ Останкинъ, почувствовавъ особенный приливъ нѣжности къ Василю и едва удерживаясь, чтобы не броситься къ нему на шею.

— Здоровы-съ, слава Богу.

— Амшка, милый ты мой, вотъ какъ ты мнѣ обрадовался, говорилъ Останкинъ, лаская большого черного водолаза, который прыгалъ, визжалъ и лаялъ отъ радости, извиваясь вокругъ своего стариннаго пріятеля.

— Лидія Александровна хотѣла скоро отсюда ѣхать, говорилъ Василій:—собираются въ Москву; желаютъ экзамены выдержать, тамъ, въ университетѣ.

— А!

И обо всѣхъ распрашивалъ Останкинъ у Василя дружески и ласково, никого не забывъ. Узналъ онъ наконецъ, что теперь очень ужъ поздно и что Лидія Александровна и Марья Степановна спятъ, а что его можно проводить въ его бывшія комнаты и что тамъ ему все приготовить для ночлега. Съ какою радостью увидалъ себя Останкинъ снова въ этихъ комнатахъ!.. Оставшись одинъ, онъ отворилъ окно, чтобы взглянуть въ садъ; тьма такая, что ничего не видно; онъ высунулся изъ окна и сталъ свѣтить

свѣчою; верхушка ближайшаго дерева озарилась какимъ-то темнымъ цвѣтомъ, и съ шумомъ вспорхнула дремавшая птица. Останкинъ заснулъ, и все ему грезилось, что прошла длинная, темная ночь, и настало утро.

Вотъ и дѣйствительно утро.

Всталъ Останкинъ. Его ждуть пить чай. Онъ спѣшитъ одѣваться, и опять сердце бьется, также сильно какъ и вчера вечеромъ; нѣтъ, сильнѣе, гораздо сильнѣе, и опять тѣ же сомнѣнія и недоувѣріе то же. Сходитъ онъ внизъ; въ столовой отворенъ балконъ; на столѣ самоваръ, и за нимъ Марѳа Степановна. Лидія встала и спѣшитъ на встрѣчу къ Останкину; она съ чувствомъ протягиваетъ ему руку и не сдерживаетъ своей радости, которая такъ и искрится въ ея выразительныхъ глазахъ.

— Лидія Александровна!

— Александръ Борисовичъ!

И у обоихъ точно голосъ оборвался, и оба смолкли, и съ крайнимъ замѣшательствомъ, почти съ испугомъ, посмотрѣли другъ другу въ глаза, все еще не разжимая рукъ.

Одно спасеніе—Марѳа Степановна. Что за благодѣтельная старушка! Она прсговорила безъ умолку цѣлый часъ, и дала молодымъ людямъ время оправиться отъ волненія первой встрѣчи.

Она пошли вдвоемъ въ садъ, и у ближайшей скамейки Останкинъ остановилъ Лидію, прося ее сѣсть и сказавъ, что желаетъ говорить съ нею. Онъ былъ сильно взволнованъ, и молчалъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ.

— Вотъ о чемъ я хотѣлъ спросить васъ, началъ онъ наконецъ, смотря въ сторону:—можете ли вы любить человека, не уважая его?

— Нѣтъ, не могу, отвѣчала Лидія, съ недоумѣніемъ взглянувъ на него.

— А Бухарова вы уважаете?

— Такъ я несомнѣнно поняла васъ отвѣчала Лидія, запинаясь:—я могу любить и такого, къ которому должна была бы постоянно свисходить, то-есть человека слабого и безхарактернаго. Я именно такое чувство имѣю къ Леониду Павловичу, и онъ праго заслуживаетъ это. Конечно, я бы точно также любила его, еслибъ онъ и не былъ моимъ отцомъ, проговорила она съ усиленіемъ.

Останкинъ еще сильнѣе побѣдвѣлъ и молча поднялъ на

Лидію глаза. Приступая къ этому разговору, Останкинъ собралъ все свои силы, всю свою твердость, и теперь ничѣмъ не выразилъ своего изумленія; напротивъ, онъ какъ бы еще больше притихъ, точно ему стало еще тяжеле.

— Ну, а теперь другой вопросъ, Лидія Александровна, сказалъ онъ наконецъ:— скажите, какъ бы стали вы смотреть на человека несправедливо-подозрительнаго и недоуверчиваго, и при этомъ слабого, малодушнаго, робкаго, нерѣшающагося, какъ говорили вы идти до конца, чтобы убѣдиться основательны ли его сомнѣнія или нѣтъ.

На лицѣ Лидіи изобразилось крайнее изумленіе, потому оно смѣшалось выраженіемъ недоумѣнія, даже негодованія и упрека, и много другихъ отгѣлковъ промелькнуло по ея лицу, пока она вопрошающимъ взглядомъ смотрѣла на Останкина. Онъ признался ей откровенно какъ все было, какъ онъ не понималъ ея и страдалъ черезъ это. Лидія долго не отвѣчала и задумчиво смотрѣла въ пространство.

— Лидія Александровна, что же вы не скажете ничего? съ усилиемъ произвесь Останкинъ.

Лидія взглянула на него и отвѣчала съ отгѣнкомъ грусти:

— Мнѣ жалъ нашего прошедшаго; оно могло быть такъ много лучше...

— Ну, а настоящее?.. А будущее?.. спросилъ Останкинъ трепетаемымъ голосомъ.

И настоящее стало такъ свѣтло, что за нимъ будущее казалось однимъ яркимъ сіяніемъ; отблескъ его падалъ и на прошедшее, и оно озарилось.

Останкинъ не сознавалъ и не помнилъ какъ очутился онъ передъ Лидіей на колѣняхъ, какъ обвилась его руки вокругъ ея талии: онъ смотрѣлъ въ ея свѣтлые, любящіе глаза съ чувствомъ переполняющаго счастья.

— Лидія, Лидія, шепталъ онъ едва слышно,— поцѣлуй меня.

Но, высказавъ это невольное желаніе, онъ точно самъ испугался его, и въ смущеніи искалъ отвѣта въ глазахъ Лидіи. Но она безъ нерѣшительности, безъ вида уступки, съ полнымъ увлеченіемъ сильнаго чувства, тихо склонилась къ нему свое зарумянившееся, очаровательное личико.

Останкинъ и Лидія оставались въ саду, пока не услышали голоса людей звавшихъ ихъ къ обѣду. Марья Степановна ожидала ихъ въ столовой и, когда они вошли, принялась разливать супъ. Лидія и Останкинъ, не подымая

другъ на друга глазъ, слѣдили за движеніями Марѳы Степановны, какъ методически и серіозно занималась она своимъ дѣломъ. Вотъ она надила полную тарелку для Александра Борисовича, и подавая ее, наклонила немного на сторону; супъ разлился по краю тарелки и, отхлынувъ назадъ, оставилъ нѣсколько листиковъ зелени. Молодымъ людямъ это показалось такъ забавно, что они засмѣялись, но, взглянувъ другъ на друга, покраснѣли и притихли.

— Это вы надо мною смѣетесь, замѣтила добродушно Марѳа Степановна.—Что жь? Смѣйтесь!

— Нѣтъ, Марѳа Степановна, увѣряю васъ, нѣтъ, отвѣчалъ Останкинъ съ изаишнимъ жаромъ и желаніемъ успокоить старушку.—Могу васъ увѣрить, что я и не думалъ... право, Марѳа Степановна; вы пожалуста не сердитесь!..

— Да вѣдь Марѳа Степановна шутитъ, говоритъ Лидія, и снова смѣется.

Послѣ обѣда, Останкинъ подошелъ къ Марѳѣ Степановнѣ и спросилъ ее:—Вы теперь что будете дѣлать?

— У меня вѣдь не мало хлопотъ: или хозяйствомъ занимаюсь, или расходъ записываю, а то такъ приказанія какія отдаю...

— Но теперь-то, что думаете вы дѣлать?

— Да и теперь не останусь безъ дѣла, пойду по хозяйству, а коли тамъ дѣлать нечего, то за работу примусь.

— Вотъ видите ли, я хотѣлъ съ вами поговорить...

Останкинъ посмотрѣлъ на Лидію и, замѣтивъ, что она ободриительно взглянула на него, приступилъ къ дѣлу съ большею рѣшимостью.

— Вотъ видите ли, Марѳа Степановна...—и, не докончивъ фразы, онъ бросился на шею къ изумленной старушкѣ, крѣпко обнялъ ее и поцѣловалъ съ такимъ жаромъ ея худую, морщинистую щеку, что сбилъ на сторону ея бѣлый кисейный чепчикъ.

— Ахъ, батюшка, что жь это такое?.. Чѣмъ я заслужила?..

— Лидія Александровна согласна быть моею женой, проговорилъ Останкинъ задыхающимся отъ счастья голосомъ.

— Ахъ отцы мои родные! Какъ же это такъ?

Вслѣдъ за изумленіемъ послѣдовала радость. Марѳа Степановна поздравляла молодыхъ людей, желала имъ всего хорошаго на свѣтѣ, и наконецъ первая обратилась къ прак-

тической сторонѣ жизни и заговорила о нужныхъ приготовленияхъ къ свадьбѣ.

— Еслибы Леонидъ-то Павловичъ тутъ были, они бы для Лидіи Александровны все на свѣтѣ сдѣлали. То-то бы ужъ они порадовались на васъ! Вотъ подождали бы вы ихъ возвращенія, а то черезъ недѣлю что тутъ сдѣлаешь?.. Туда и письмо не дойдетъ.

Очень озаботилась добрая старушка; она грустила и радовалась за Лидію какъ за родную.

Когда были исчерпанъ вопросъ о томъ какъ все устроить, какъ обратиться къ священнику, когда назначить свадьбу, Остапкинъ и Лидія снова пошли въ садъ. Шли они тихо, и ни слова не сказавъ другъ другу, прямо направилась къ тому мѣсту, гдѣ были въ этотъ день поутру.

— Лидія, какъ мы будемъ счастливы! прошептала, наконецъ, Остапкинъ.

Лидія ничего не отвѣчала.

Онъ наклонилъ голову къ ея плечу и сталъ прислушиваться къ ея легкому и ровному дыханію, къ сильному, но спокойному бѣшенію ея сердца. Вечеръ былъ такой ясный и тихій, что имъ и говорить не хотѣлось. Счастье было полное, но не просилось наружу.

— Лидія, что жъ бы это было, еслибы я до сихъ поръ оставался при своихъ сомнѣніяхъ? спросилъ наконецъ Остапкинъ, невольно оглядываясь на прошедшее и измѣряя то огромное пространство, которое онъ прошелъ въ такое короткое время.—Что жъ бы это было? снова повторилъ онъ:—еслибы я не рѣшился говорить съ тобою такъ прямо; мы бы снова разстались, не появь другъ друга, и разошлись бы, можетъ-быть, навсегда... Неужели это могло бы быть?..

— Нѣтъ, никогда, отвѣчала Лидія очень рѣшительно.— Я бы этого не допустила; я бы не допустила, чтобы мы потеряли другъ друга изъ виду, и наконецъ ты бы непременно прозрѣлъ.

— Милая, милая Лидія, ты моя умница!.. Ты совсѣмъ мнѣ простила всѣ мои подозрѣнія?..

— И, при этихъ подозрѣніяхъ, какой же ты былъ славный!.. отвѣчала Лидія ласково.

Стемѣло. Лица принимали неясныя и безпрестанно

нбляющіяся очертанія. Останкинъ сталъ на колѣни передъ Лидіей и близко наклонился къ ней, чтобы разсмотрѣть ея лицо или взглядѣться въ ея глубокіе, ясные глаза. Они то начинали говорить, то умокали, и вслушивались въ тихую, спокойную ночь. Вотъ сквозь густые листья пробился свѣтъ тонкою полоской, скользнулъ по стволу березы и по лицу Останкина. Онъ слегка прищурилъ глаза, и Лидія закрыла ихъ своею рукой, чтобы предохранить отъ свѣта.

— Это въ домѣ зажгли огонь, сказала она.—Марья Степановна ждетъ насъ. Пойдемъ.

VIII.

Въ богатомъ селѣ Новиковѣ, къ которому принадлежатъ сахарный заводъ и значительная суковная фабрика, недавно отстроилась больница. Это высокое и просторное зданіе съ удобнымъ помѣщеніемъ, раздѣленное на двѣ половины: мужскую и женскую. Въ этой больницѣ врачомъ былъ Александръ Борисовичъ Останкинъ. Онъ жилъ съ семействомъ въ особомъ флигелѣ, выходившемъ въ большой, старинный садъ. Въ этомъ саду, подъ купою деревьевъ, на разостланномъ коврѣ сидитъ молодая женщина, а подлѣ нея играетъ здоровенькій трехлѣтній мальчикъ. Вскорѣ къ нимъ присоединился мужчина, только что вошедшій въ садъ; онъ сѣлъ рядомъ съ молодою женщиной, и какъ бы невольнымъ движеніемъ обнялъ ее одною рукой. Другой мужчина тихо ходилъ взадъ и впередъ по прямой березовой аллеѣ; на ходу онъ со вниманіемъ читалъ какую-то книгу, но каждый разъ, доходя до конца аллеи, останавливался и засматривался на сидѣвшихъ на коврѣ. Вотъ и снова онъ остановился.

— Ну что, Кеймхенъ, прочелъ? спросилъ его Останкинъ, сидя подлѣ Лидіи.

— Нѣтъ еще; а это славная вещь, и я вамъ очень благодаренъ, Лидія Александровна, что вы мнѣ рекомендовали ее.

— А я-то какъ радъ, что она помогаетъ развитію твоего литературнаго вкуса. А то, право, Лидія, до своего знакомства съ тобою, онъ въ послѣднее время ничего не читалъ кромѣ медицинскихъ книгъ.

— Это неправда, отвѣчалъ Кеймихенъ очень серьезно и слегка краснѣя:—ты все на меня наговариваешь.

И, снова наклонившись надъ книгой, онъ тихо пошелъ по аллеѣ.

— Леонидъ, обратилась Лидія къ маленькому мальчику,—ты ужь очень засидѣлся. Поди-ка, догоди дядю, а потомъ бѣги ко мнѣ назадъ.

— Зачѣмъ? спросилъ ребенокъ, подымая на мать свои черные, веселые глазки.

— Да развѣ тебѣ не хочется побѣгать?

— Хочется.—И онъ пустился бѣгомъ по длинной аллеѣ.

— А какой онъ хорошенькій! замѣтила Лидія мужу.

— И славный малый будетъ, отвѣчалъ ротъ весело.

— Еще бы!..—Лидія гордо и весело улыбулась.

Останкинъ наклонился къ ней и съ особеннымъ выраженіемъ любви и опасенія заглянулъ ей въ глаза.

— Чтò это?.. оказала Лидія, засмѣявшись:—тебѣ опять приходится въ голову, что я такъ привяжусь къ Леониду, что въ немъ только и буду жить, а не въ самой себѣ... Ну нѣтъ, за это нечего опасаться.—И она обратила къ мужу свои оживленные глаза.

— Да ты пойми, Лидія, что я боюсь этого за тебя, а конечно ужь не изъ ревности.

— Знаю, знаю, отвѣчала она, въ видѣ ласки путая волосы Останкина и взбивая ихъ къ верху.

— Милая ты моя... проговорилъ Останкинъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ, будто бы въ немъ-то все и заключалось. Онъ сильно обнялъ Лидію и поцѣловалъ ее. Въ это время Леонидъ прибѣжалъ назадъ и, запыхавшись, бросился въ колѣни матери.

— Лида, и меня поцѣлуй, проговорилъ онъ, обвивая руками ея шею и прислоняя къ ея лицу свою разгорѣвшуюся, розовую щечку:—Вотъ Лида рассказываетъ мнѣ, а ты пришелъ и помѣшалъ, обратился мальчикъ къ отцу, стараясь отгнѣснить его повсюмогу отъ Лидіи.

— Такъ вотъ ты какой, отвѣчалъ Останкинъ смѣясь,—меня отсюда прогнать хочешь; ну посмотримъ, кто кого пересилитъ,—и онъ принялся возиться съ Леонидомъ.

Мальчикъ заливался громкимъ смѣхомъ, падалъ, вскакивалъ, иногда ушибался, но не обращалъ на это внима-

нiя и еще съ большимъ жаромъ принимался бороться съ отцомъ.

— Ну перестань, Леонидъ, смотри, вѣдь совсѣмъ зады-
хаешься. Ну полно же, Леонидъ, полно.

Кеймхенъ подходилъ къ концу аллеи, держа въ рукѣ за-
крытую книгу.

— А не пора ли обойти больницу.

— Да, да; сейчасъ иду.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ, чтобы скорѣе кончить; я
обойду мужскую половину, а ты женскую.

— Хорошо.

Они пошли, и Лидiя долго сабдила за ними глазами. Кейм-
хенъ шелъ своею ровною походкой и держался безукориз-
ненно прямо; его стройную талию охватывало темное, сѣ-
ренькое пальто, щегольски сшитое; коротко остриженные
и тщательно причесанные бѣлокурые волосы видѣлись
изъ-подъ новенькой темно-коричневой соломенной шляпы;
на рукахъ были латковья перчатки; онъ опирался на тонкую
трость. Останкинъ былъ выше ростомъ; на немъ было
широкое суровое пальто съ бѣлымъ камтомъ; его черные
волнистые волосы выбивались изъ-подъ сѣрой, пуховой
шляпы; маленькiй лѣтвиій галстучекъ сбился совсѣмъ на сто-
рову; руки были безъ перчатокъ, но не загорѣлыя и очень
красивыя. Онъ ходилъ размашисто, свободно, развязно.
Когда они дошли до поворота въ другую аллею, оба оста-
новились и обернулись назадъ. Останкинъ послалъ Лидiю
нѣсколько поцѣлуевъ, но не довольствуясь этимъ, онъ еще
показывалъ видъ будто обвиняетъ ее. Лидiя была очень
довольна, что Кеймхенъ ничего не видалъ, потому что онъ
въ эту минуту тоже былъ обращенъ въ ея сторону, и
связъ шляпу, почтительно раскланивался съ нею.

Когда оба скрылись за поворотомъ аллеи, Лидiя обра-
тилась къ Леониду игравшему неподалеку въ песокъ.

— Леонидъ, поди-ка сюда. Возьми тотъ край ковра, и
перенесемъ его на другое мѣсто.

— Куда?

— А на ту поляну, съ которой видны окна больницы;
вотъ насъ папаша оттуда увидитъ, и мы его увидимъ.

Лидiя встала и приподняла коверъ за одинъ конецъ.

Леонидъ съ восторгомъ ухватился за другой край ковра
и съ усилiемъ помогалъ тащить его къ показанному мѣсту.

Съ этой поляны видна была больница. Лидія разооталаа коверъ на густой, высокой травѣ, и взглянула на окна, въ которыхъ надѣялась увидѣть знакомыя лица. Солнце садилось, и лучи его освѣщали только верхнюю часть бѣлаго зданія, въ которомъ помѣщалась больница. Нижняя часть фасада казалась мягкаго молочнаго цвѣта, а верхняя, освѣщенная заходящимъ солнцемъ, казалась розовою, съ легкимъ золотистымъ оттенкомъ; окна же были залиты такимъ яркимъ свѣтомъ, что на нихъ больно было взглянуть.

— Мама, посмотри сколько зайчиковъ! проговорилъ Леонидъ, съ восхищеніемъ глядя на отблески солнца и моргая глазенками.

— Не смотри туда, Леонидъ, глазамъ будетъ больно;— и она повернула его лицомъ къ себѣ, а сама легла на коверъ и закрыла глаза. На душѣ ея было такъ тихо; въ эту минуту ей хотѣлось и наружнаго спокойствія, и тишины.

— Мама, ты хочешь бай-бай?

— Да; а ты сиди и карауль меня.

— Ну, хорошо.

И мальчикъ притихъ, и прижавшись къ матери, смотрѣлъ на ея закрытые глаза. Черезъ полминуты онъ спросилъ:

— Что жь, ты спишь?

— Сплю, отвѣчала Лидія медленно.

— Какъ же ты говоришь?

Отвѣта не было, и Леонидъ замолчалъ. Потомъ онъ потихоньку погладилъ своею пухою ручкой щеку Лидіи и засмѣялся, замѣтивъ, что она тихо улыбается, хотя и не открываетъ глазъ.

— А! ты смѣешься?... Не спишь?..

— Сплю... ты меня не буди, проговорила Лидія, какъ бы противъ воли.

— Нѣтъ, не спишь... Я съ тебя буду мухъ стогать.— И онъ сломилъ крошечный березовый прутикъ и, низко махая имъ надъ головою Лидіи, безпрестанно щекоталъ ей листьями то шею, то щеку, то лобъ.

— Нѣтъ, Леонидъ, не надо, проговорила наконецъ Лидія.— Вечеромъ мухъ не бываетъ.

— А тебя пчелка укуситъ?

— Вечеромъ и пчелъ не бываетъ.

— Ну такъ что жь я буду дѣлать?

— Да такъ, сиди, да карауль.

— Нѣтъ, а самъ буду спать.—И онъ улегся близко, прижавшись къ матери и спрятавъ голову подъ ея широкій рукавъ. Но черезъ минуту онъ приподнялся, нечаянно толкнувъ Лидію подъ локоть, и положилъ ей свою голову на грудь. Но и это ему не понравилось, и онъ захотѣлъ опять просто сидѣть. Потомъ онъ вдругъ бросился къ ногамъ Лидіи, и схватилъ кончикъ ея башмака видѣвшася изъ-подъ платья.

— Вотъ, Лидя, ты сказала, что мухъ нѣтъ... а вотъ она тутъ сидѣла, проговорила онъ съ живостью.

Лидія невольно засмѣялась.

— Что жь ты ее поймалъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ.

Останкинъ видѣлъ все это изъ окна, стоя у постели умирающей чахоточной женщины, которую только что привезли въ больницу изъ дальняго селенія. Давно уже она чахла, но ея семья не рѣшалась положить ее въ больницу, думая, что она не перенесетъ дороги, и ожидая ея смерти со дня на день. Наконецъ она вдругъ почувствовала облегченіе, и ее привезли въ больницу передъ самою агонією. Больная тяжело дышала; ея изнуренное, но все еще красивое лицо, было покрыто синеваатою смертною блѣдностью. По ея тѣлу пробѣгала легкая, едва примѣтная дрожь. Она то закрывала глаза, то съ усиліемъ подымала отягченные вѣки. Она ничего не говорила, никого не искала глазами, и лицо ея не выражало ничего кромѣ тупаго недоумѣнія. Помочь было нечѣмъ. Останкинъ молча смотрѣлъ на больную, стоя у изголовья кровати, или же слегка дотрогивался ея рукъ и головы, чтобы слѣдить за ихъ охлажденіемъ. Онъ смотрѣлъ на умирающую съ безнадежною грустью, и чувство это усиливалось когда онъ оборачивался къ окну и видѣлъ въ отдаленіи Лидію, также тихо и спокойно лежавшую на коврѣ.

Застовала старуха, тетка больной, привезшая ее въ больницу. Останкинъ совершенно машинально, и не глядя на нее, проговорилъ.

— Тихе, тихе!

Она примолкла и только изрѣдка продолжала вздыхать, утирая слезы съ своихъ морщинистыхъ щекъ. Молодая женщина окончалась безъ стоновъ, безъ жалобы, не сказавши

ни слова. Останкинъ простоялъ надъ нею еще нѣскольکو минутъ, и потомъ обратился къ рыдавшей старухѣ.

— Она у тебя одна? спросилъ онъ ее.

— Да она мнѣ, батюшка, не дочь, а племянница.

— А больше у нея родныхъ нѣтъ?

— Нѣту... Мужъ въ позпрошлое лѣто померъ; недоаго вмѣстѣ пожилу...

— А дѣтей не осталось?

— Нѣтъ, не осталось. Былъ сыншка, да и тотъ недавно померъ.

Останкинъ нешердоу рукой отворилъ окао, чтобъ освѣжить въ комнатѣ воздухъ; потомъ онъ снова посмотрѣлъ на умершую и собиался уйдти, но остановился, какъ бы что-то припоминая, и снова обратился къ старухѣ.

— А она развѣ не желала передъ смертью причаститься?

— Она, отецъ родной, недавно у причастія была. Привели мы ее это въ церковь-то, и подѣ обѣ руки держали, такъ она и подѣ причастіемъ насилу выстояла...

Останкинъ вышелъ вонъ и скорыми шагами пустился въ садъ.

— Лидя, вставай! Вонъ и папа идетъ, настаивалъ Леонидъ.—Ну вставай...

Лидія едва примѣтно улыбулась, но не отвѣчала ни слова.

Останкинъ подошелъ и сѣвъ подѣ нея на коверъ.

— Лидія, что съ тобою? спросилъ онъ, наклоняясь надъ нею.

— Ничего, отвѣчала она улыбаясь.—Я сплю, а Леонидъ меня будить.

— Но ты не больна?

— Нисколько, отвѣчала она, открывая наконецъ глаза.— А ты такой блѣдный и встревоженный... Что съ тобою? Не случилось ли чего въ больницѣ?

— Умерла одна женщина...

— Бѣдная... невольню проговорила Лидія.

— И молодая, тихо произнесъ Останкинъ, привлекая къ себѣ Лидію и крѣпко обнимая ее.

— Бѣдная!.. снова прошептала Лидія, и умокала, съ участіемъ смотря въ глаза мужа.

— Лидія, сказалъ онъ, и самъ не зналъ что еще прибавить къ этому.—И какъ она скоро зачахла и какъ изсохла,

проговорилъ онъ наконецъ; и слегка отвернувъ широкій рукавъ Лидіи, онъ обнажилъ ея руку выше локтя и нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее, а потомъ приникъ къ ней губами и сталъ горячо цѣловать.

— А вѣдь это ужасно подумать, говорилъ онъ съ разстановкою.—Какой-нибудь глотокъ холодной воды... Легкая простуда...

— Что это съ тобой? тихо прогворила Лидія, лаская его.

— Да я и самъ не знаю... Не понимаю, отчего именно этотъ разъ впечатлѣніе было такъ сильно... И зачѣмъ я тебѣ говорю объ этомъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, говори все и всегда. За меня въ такихъ случаяхъ не бойся. Для меня лучше будетъ знать все что ты думаешь... хотя въ этомъ случаѣ и ничѣмъ успокоить нельзя... ничѣмъ, прошептала она грустно, наклоня голову. И долго оба молчали, а кругомъ все затихало и темнѣло. Становилось прохладно. Лидія прикинула къ плечу Останкина, и проговорила наконецъ.

— Неужели эти мысли могутъ отравить все счастье?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, съ жаромъ обнимая ее. Даже въ минуты самаго сильнаго развитія этой тоски ее уравниваетъ другое чувство. Въ эти минуты я люблю тебя такъ сильно, съ такою тревогой, съ такимъ лихорадочнымъ жаромъ... а развѣ въ этомъ наслажденіи нѣтъ?

Лидія порывисто обвила руками вокругъ его шею.

Леонидъ давно уже былъ дома; онъ увидѣлъ издалека какъ возвращался Кеймхенъ изъ больницы, и побѣжалъ за нимъ. Кеймхенъ привелъ его въ свою комнату, посадилъ къ себѣ на колѣни, у стола, и раскрылъ большую книгу съ рисунками.

— Вотъ видишь, Леонидъ, что это такое? Это рука, а это нога, а вотъ это глазъ. Видишь, какой? Мы глазами видимъ... И у тебя такіе глаза, и у меня...

Мальчикъ слушалъ со вниманіемъ и съ самою серіозною миной, пристально вглядываясь то въ рисунокъ, то въ самого разказчика.

— Нѣтъ, у тебя не такіе глаза, замѣтилъ онъ наконецъ:— у тебя глаза точно моя рубашка,—и онъ указывалъ на свою

голубую, ситцевую рубашку, — а, тутъ такіе мехорощіе, грязные, точно мои панталоны.

Кеймкенъ невольно обернулся назадъ, чтобъ удосто-
вѣриться точно ли тутъ вѣтъ Лидіи, хотя онъ и зналъ,
что она еще оставалась въ саду.

IX.

Бухаровы долго прожили за границей, наконецъ благо-
получно вернулись въ Россію, и снова поселились въ своемъ
родовомъ Косинскомъ. При постоянномъ серіозномъ лѣченіи,
нервы Ольги Петровны окрѣпли, но сама она нисколько
не измѣнилась: она желала жить въ деревнѣ все также
для того чтобы Леонидъ Павловичъ никого не видѣлъ;
просила его не заниматься хозяйствомъ, чтобы не тра-
тить времени, которое онъ долженъ посвящать ей; она
радовалась, что мужъ ея не имѣетъ особой страсти
ни къ охотѣ, ни къ картамъ, ни къ чтенію, и что слѣ-
довательно онъ принадлежитъ исключительно ей одной.
Софья Михайловна тоже была довольна своею судьбой;
сынъ любить ее, почитательнъ къ ней и покоренъ какъ
вельзя болѣе; объ одномъ она сожалѣетъ, что Богъ ей не
далъ внучать; да еще иногда она приходитъ въ крайнее
недоумѣніе, что это такое значить: желанія ея всѣ испол-
няются а по временамъ ей кажется, будто бы она желала
вовсе не того что исполняется. Но потомъ, прислуши-
ваясь и приглядываясь по сторонамъ, она не могла не ра-
доваться, сравнивая себя со многими матерями. Да и чего
же ей недостаетъ? Бухаровъ, со времени своего возвра-
щенія въ Россію, не видалъ еще Лидіи; но онъ спокоенъ
и счастливъ за нее; онъ знаетъ, что она замужемъ за
очень хорошимъ человѣкомъ, котораго сильно любить и
съ которымъ сходится во всемъ. Хотѣлось бы ему полю-
боваться ихъ счастьемъ, посмотреть на нихъ, увидѣть
этого маленькаго буяна Леонида, о которомъ Лидія такъ
часто пишетъ, — очень бы хотѣлось, да какъ рѣшиться?
Пойхать-то не трудно, но что объ этомъ скажутъ, какъ
на это посмотрятъ? Софья Михайловна замѣчала, что Ле-
онидъ Павловичъ чѣмъ-то сильно занятъ; но она не распра-

шивала его, а ждала, чтобы самъ онъ высказалъ, о чемъ онъ такъ часто задумывается. Разъ они втроемъ сидѣли на террасѣ, и каждый былъ занятъ собственными мыслями. Софья Михайловна разсѣянно разсматривала и нюхала букетъ цвѣтовъ, который держала въ рукѣ. Черты ея лица до сихъ поръ сохраняли свою изящную правильность и ничѣмъ невозмутимое спокойствіе. Ольга Петровна лѣниво потягивалась и нѣжилась въ большихъ креслахъ держа на кофѣнкахъ французскую книгу. Леонидъ Павловичъ внимательно слѣдилъ глазами какъ отдѣлялся отъ его сигары сивоватый дымокъ легкой струйкой, и терялся въ воздухѣ. По временамъ онъ взглядывалъ на жену и на мать, и потомъ снова засматривался на сигару. Онъ былъ задумчивъ и воодушевленъ; сейчасъ можно было замѣтить, что онъ думалъ о чемъ-то очень близкомъ его сердцу. На лицѣ его выражались то одна задумчивость, а то и тревога; тогда онъ обводилъ глазами кругомъ, какъ бы ища въ окружающихъ предметахъ или поддержки, или возможности удалить занимающія его мысли. Вотъ онъ засмотрѣлся на заходящее солнце какъ оно, золотистое, но уже безъ лучей, опускалось все ниже и ниже; вотъ уже оно коснулось земли, вотъ и не видно его; только небоклонъ остался свѣтлымъ, розовымъ, яснымъ. Леонидъ Павловичъ и самъ не зная отчего онъ съ такимъ увлеченіемъ, съ такимъ тревожнымъ біеніемъ сердца слѣдилъ за закатомъ солнца, будто бы съ этимъ была связана какая-нибудь завѣтная мысль. Онъ посмотрѣлъ на мать и на жену, какъ бы для того чтобы видѣть, догадался ли онъ о чемъ онъ думалъ все это время. Но когда онъ взглянулъ на Софью Михайловну, то только и увидѣлъ два огромныя, темно-зеленыя пятна у нея на лбу; взглянулъ на Ольгу Петровну, тѣ же пятна у нея на щекахъ; и пятна эти то опустятся и заскользятъ по ея бѣлому капоту, то снова поднимутся, и опять у нея на лицѣ, смотря по тому какъ Леонидъ Павловичъ опуститъ, или подвигнетъ глаза. Онъ догадался, что утомилъ свое зрѣніе, смотря на солнце, и для отдыха закрылъ на минуту глаза.

— Какая славная погода! проговорила наконецъ Софья Михайловна, въ первый разъ прерывая общее молчаніе.

— Да, дѣйствительно, погода отличная, говорить Буха-

ровъ:—такая тихая и теплая; вотъ бы хорошо было поѣхать куда... И дорога превосходная... Право я боюсь, что я все на мѣстѣ сижу; можетъ-быть это мнѣ нездорово.

— Помилуй, развѣ мы не гуляемъ? возражаетъ Ольга Петровна:—каждый день по саду ходимъ.

— Нѣтъ, это не то... Я думалъ, что было бы хорошо проѣхать куда-нибудь подальше...

— Но теперь уже поздно ѣхать кататься, замѣчаетъ недогадливая Ольга Петровна, и начинаетъ перелистывать книгу, которой она не читала и тогда, когда было свѣтло.

— Кататься, разумѣется, поздно, отвѣчаетъ Леонидъ Павловичъ, и остается очень недоволенъ тѣмъ, что сказалъ слишкомъ много, и еще болѣе недоволенъ, что еще ничего не сказалъ: все даромъ пропало.

— Чудесный вечеръ, снова говоритъ Софья Михайловна,—не велѣть ли намъ сюда чай подавать?

— Да, дѣйствительно, это будетъ очень хорошо, отвѣчаетъ Леонидъ Павловичъ, вдыхая полною грудью свѣжій вечерній воздухъ.—Какіе славные тюльпаны расцвѣли, говоритъ онъ для того только чтобы сказать что-нибудь, и все надеясь, что это приблизитъ его къ цѣли.

— Въ самомъ дѣлѣ, премиленькіе, говоритъ Ольга Петровна, лѣнливо повертывая голову, и смотря на цвѣтникъ.

Леонидъ Павловичъ сошелъ въ цвѣтникъ, и долго оставаясь въ немъ, срывая тюльпаны, и очень довольный тѣмъ, что его тутъ никто не видитъ и не можетъ замѣтить какъ онъ усердно старается принять рѣшительный видъ. Наконецъ, онъ вошелъ на террасу очень твердою поступью, нюхая букетъ тюльпановъ.

— Посмотри, Ольга, какой хорошенькій букетъ! говоритъ онъ, подавая его женѣ:—а что запахъ цвѣтовъ на тебя не дѣйствуетъ? Кажется, твои нервы теперь укрѣпились?

— Да тюльпаны не пахнутъ... мерсі... А нервы мои, конечно, стали гораздо лучше; воды мнѣ много помогли.

— Ну да, я очень радъ... Значитъ, я не буду такъ опасаться, если мнѣ придется уѣхать и оставить тебя на короткое время.

Леонидъ Павловичъ былъ такъ доволенъ, сказавъ это, будто бы съ его плечъ дѣйствительно свалилась гора.

— Какъ ѣхать? съ изумленіемъ проговорила Ольга Петровна, расширя свои хорошенькіе глазки:—Куда? Зачѣмъ?

— Я хотѣлъ...—Леонидъ Павловичъ почувствовалъ, что голосъ его очень не твердъ, и онъ откашлянулся, чтобы не дать этого замѣтить; на плечахъ его еще оставалась главная тяжесть: — Я хочу провѣдать Лидію; мнѣ интересно посмотрѣть, какъ они тамъ устроились; говорятъ, очень хорошо... И къ тому же это довольно близко...

— Какъ близко? Триста верстъ! проговорила Ольга Петровна, со страха вспомнивъ и число верстъ, хотя никогда не могла запомнить никакихъ чиселъ.

Софья Михайловна догадалась о чемъ думать ея сынъ въ послѣднее время, и догадалась она, что желаніе его было очень сильно; она рѣшилась поддержать его.

— Такъ что же такое, что триста верстъ? Развѣ это такъ много? сказала она очень спокойно.

— Какъ же немного, маменька? отвѣчала Ольга Петровна, совершенно растерявшись.—Онъ проѣдетъ туда дня четыре, или пять, или шесть, можетъ-быть и больше.

— Нѣтъ, меньше, отвѣчала Софья Михайловна.

Леонидъ Павловичъ былъ очень радъ, что жена его полагала такъ много времени на проѣздъ.

— Ну такъ что жь, если я и проѣду туда дня четыре, сказалъ онъ.

— Четыре туда, четыре оттуда, это восемь, сочла Ольга Петровна, смирившаяся немного, видя что Софья Михайловна на сторонѣ ея мужа.—А еслибы ты пробылъ тамъ два дня, вотъ и было бы десять, ровно десять, проговорила она просиющимъ голосомъ.

— Но какъ же это такъ? Я едва успѣю отдохнуть...

— Два дня дѣйствительно мало, замѣтила Софья Михайловна.—Дней пять или дня четыре...

— Четыре дня—вотъ и будетъ ровно двѣнадцать, проговорила Ольга Петровна:—такъ Леонидъ? У насъ сегодня какое число? Ты когда ѣдешь?

— Я право еще не знаю... Какъ вы думаете, маменька? обратился онъ къ Софьѣ Михайловнѣ, нѣсколько удивленный неожиданнымъ успѣхомъ своихъ предложеній.

— Это совершенно отъ тебя зависитъ, возразила Софья Михайловна.—Ты когда думаешь?

— Право, я не знаю... Во всякомъ случаѣ, зачѣмъ же медлить?

— Конечно, не зачѣмъ. Теперь и погода стоитъ отаившая.

— Такъ вотъ что, маменька, я думаю: нельзя ли послѣ завтра?

— Почему жь нельзя? Это будетъ очень удобно.

— Такъ ты ѣдешь послѣзавтра? спросила Ольга Петровна, все еще не совсѣмъ ясно понимавшая какъ это могло все такъ случиться.— А какое это число? Такъ ты черезъ двѣнадцать дней непременно вернешься?

— Непременно вернусь. Даю тебѣ слово.

Ольга Петровна поспѣвала немного и сошла съ террасы. Оставшись съ сыномъ одна, Софья Михайловна сказала ему:

— Послушай, Леонидъ, ты пожауйста береги себя. Лучше вернись сюда позднѣе, но отдыхай дорогой; я знаю, что ты будешь спѣшить.

Леонидъ Павловичъ съ чувствомъ поцѣловалъ руку матери и обѣщавъ исполнить ея желаніе; онъ былъ ей такъ благодаренъ за эту заботливость, что ему показалось, будто бы онъ выказалъ себя человѣкомъ очень жестокимъ и настойчивымъ. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки ѣхалъ, и какъ онъ былъ этому радъ! Съ какою доброю улыбкой онъ самъ укладывалъ дорожную шапку, которую онъ купилъ для Лидіи за границей, и еще хорошенькій портъ-моне, который онъ туго набилъ ассигнаціями, назначая его для маленькаго Леонида! Въ послѣдній день Бухаровъ былъ особенно нѣженъ съ женою и матерью, и старался, по возможности, скрывать ту радостную улыбку, которая такъ и напрашивалась на его лицо. Наконецъ онъ выѣхалъ, напутствуемый увѣщаніями и просьбами вернуться какъ можно скорѣй.

Х.

Кеймхенъ былъ въ больницѣ, когда мимо ея оконъ проѣхала карета и остановилась у флигеля, гдѣ жили Останкины. Онъ видѣлъ это въ окно, и поздравилъ Останкина, занимавшагося въ другой комнатѣ.

— Посмотри, къ вамъ гости пріѣхали, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ улыніемъ.

— Какіе гости? Останкинъ подбѣжалъ къ окну.—А, это Бухаровъ!—и онъ выбѣжалъ встрѣтить его.

Они дружески обнялись, но въ первую минуту не нашли оказывать ничего другъ другу.

— А Лидія? спросилъ наконецъ Леонидъ Павловичъ.

— Пойдемте къ ней сейчасъ. Она съ маленькимъ Леонидомъ въ саду.

Лидія сидѣла на скамейкѣ и читала, а Леонидъ возилъ въ маленькой тачкѣ песокъ и сыпалъ его подъ дерево, собираясь сдѣлать себѣ гору. Но онъ поспѣшно бросилъ свое занятіе и подбѣжалъ къ матери, увидя, что по аллеѣ идутъ двое мушкетъ.

— Посмотри, Лида, говори: онъ, теребя ее за рукавъ,— вотъ идетъ папаша и съ нимъ еще...

— А съ нимъ дядя Эйхенъ, отвѣчала Лидія, едва взглянувъ въ ту сторону.

— Да вѣтъ, совсѣмъ вѣтъ, настаивалъ мальчикъ.—Да посмотри!

Онъ взялъ ее за лицо обѣими руками, и повернулъ въ ту сторону, откуда шли Останкинъ и Бухаровъ.

Лидія обернулась и дѣйствительно замѣтила, что это не Кеймхенъ. Она стала всматриваться, и съ легкимъ, радостнымъ крикомъ бросилась на встрѣчу къ идущимъ. Леонидъ, ничего не понимая, чему-то очень обрадовался, и весело засмѣявшись, побѣжалъ за Лидією въ припрыжку. Встрѣча Леонида Павловича съ дочерью была полна чувства и вѣжности, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Бухаровъ познакомился и съ Кеймхенъ, полюбилъ и его, а на Леонида онъ безъ восхищенія и смотрѣть не могъ. Онъ дорожилъ каждою минутой, которую проводилъ съ близкими людьми. Каждое утро просыпался онъ съ такимъ легкимъ чувствомъ, и съ такою радостью осматривался кругомъ, и удостаивался, что онъ все еще тутъ! Но день проходилъ за днемъ; Леонидъ Павловичъ провожалъ каждый день съ грустью, думая о приближавшемся отъѣздѣ, и находилъ, что онъ только именно въ этотъ день сблизился съ Лидією и Останкинымъ такъ какъ должно.

Наступилъ наконецъ вечеръ накануне отъѣзда Бухарова. Кеймхенъ тоже долженъ былъ выѣхать черезъ два дня; онъ и то ужъ опоздалъ по отпуску, и, когда ему объ этомъ напоминали, онъ только и отвѣчалъ:

— Ну, что объ этомъ говорить!

Предстоявшіе двойные проводы наложили на всѣхъ отѣнокъ грусти, но у всѣхъ было желаніе не поддаваться этой грусти, чтобы хорошенько воспользоваться послѣдними минутами. Рѣшено было кататься на лодкѣ. Лодка скользила вверхъ по рѣкѣ. Бухаровъ и Останкинъ сами грести, а Кеймхенъ управлялъ рулемъ. Лидія сидѣла посреди лодки и придерживала за ноги Леонида, который, перегнувшись черезъ край, плескался въ водѣ обнаженными по плечо руками. Лидія договаривала Бухарову подробности о томъ времени, которое она прожила въ его деревнѣ, когда онъ былъ за границей. Говорила и объ Аннѣ Андреевнѣ, и о Травкинѣ, у которыхъ она была послѣ своего замужества и съ которыми постоянно переписывалась.

А между тѣмъ Леонидъ, вдоволь наплескавшись въ водѣ, съѣлъ на дно лодки, сблизъ весь коверъ къ одной сторонѣ, и наконецъ, убаюканный тихою и ровною качкой, прислонился головою къ колѣнямъ Лидіи и задремалъ. Соанце уже сѣло. Становилось поздно и была пора вернуться домой. Лодку повернули назадъ, и такъ какъ попалили внизъ по теченію, то Леонидъ Павловичъ и Останкинъ бросили весла и пересѣли къ Лидіи; одинъ только Кеймхенъ остался у руля. Бухаровъ взялъ Леонида на колѣни и съ нѣжно-стью смотрѣлъ на его хорошенькое, краснощекое личико.

— А что онъ не простудится? спросилъ онъ заботливо Останкина.

— Нѣтъ, онъ къ этому пріученъ.

Останкинъ посмотрѣлъ на спящаго мальчика и на Бухарова, склоненнаго надъ нимъ. И пришло ему въ голову, что дождется онъ той поры, когда самъ наклонится надъ уснувшимъ ребенкомъ своего сына или своей дочери, когда и Лидія будетъ далеко не то, что она теперь, но все же останется для него дорогою и милою женой. И вдругъ ему вспомнилась недавно умершая, чахоточная женщина, и онъ невольно оглянулся на Лидію. Она слегка перегнулась черезъ край лодки и смотрѣла на воду, гдѣ отражались крутые, лѣсистые берега. Въ ней было столько здоровья и столько жизни! И въ его рукахъ заботиться о ней, въ его рукахъ поддерживать эти цвѣтуція силы... Останкинъ задумался о своей дѣятельности въ болѣе обширныхъ предѣлахъ. Ему представлялось село Новиково совершенно преоб-

разованнымъ. Народонаселеніе процвѣтаетъ здоровьемъ, и съ каждымъ годомъ увеличивается. Вездѣ чистота и опрятность, здоровая пища и правильный образъ жизни. Теперешніе молодые люди уже приближаются къ старости и уступаютъ мѣсто болѣе здоровому поколѣнію. Лидія и сама не знала, о чемъ она въ эту минуту думала. Сначала она заглядѣлась на гладкую поверхность воды и на берега тихо отдалявшіеся назадъ, и на высокія сучковатые деревья, и на густые кустарники отраженные въ водѣ. Потомъ взоръ ея перебѣжалъ на берега и невольно искалъ проникнуть въ самыя густыя чащи, въ эти темныя отверстія между деревьями, похожія на пещеры. И припоминала она, какъ, бывши маленькою дѣвочкой, она часто воображала себя заблудившеюся въ лѣсу поздно ночью... Но тутъ мысли ея тотчасъ же перенеслись про Леонида. Какъ-то онъ станетъ подрастать? Какъ будетъ развиваться? Чтò изъ него будетъ?

Кеймхенъ сидѣлъ у руля и упорно смотрѣлъ вдаль. Онъ уѣзжаетъ, и опять для него начнется его обычная жизнь. Перспектива эта какъ-то не показалась ему привлекательною, и онъ задумчиво наклонился надъ водою, безцѣльно вглядываясь въ ея глубь, и вдругъ ему вспомнилась та минута, когда онъ наклонился надъ фонтаномъ, въ которомъ для него, несправимаго чудака, такъ много потонуло. Но это воспоминаніе не повредило Кеймхену, и онъ насильственно удалилъ его, для того чтобы думать о своей службѣ, о своей практикѣ, какъ вдругъ всѣ эти соображенія уступили мѣсто новому живому воспоминанію: ему чудилось, будто бѣ онъ снова всходитъ поспѣшно по чугунной лѣстницѣ, вслѣдъ за человѣкомъ, посланнымъ за нимъ. Въ приемной его встрѣтила пожилая дама и проводила его въ комнату своей больной дочери. Тутъ сидѣла молодая и очень хорошенькая дѣвушка, которая съ замѣшательствомъ посмотрѣла на вошедшихъ, и несмотря на свою блѣдность, сильно покраснѣла отъ того что ее застали въ утреннемъ капотѣ и негречесаную. Болѣзнь ея была нисколько не опасна, но сеансъ доктора былъ довольно продолжительнъ. Онъ разговаривалъ съ больною матерью о совершенно постороннихъ предметахъ, и молодая дѣвушка не разъ вѣшивалась въ этотъ разговоръ. Потомъ Кеймхенъ увидѣлъ на столѣ нѣсколько очень серьезныхъ и дѣльныхъ книгъ,

и съ удовольствіемъ узналъ, что ихъ читаетъ его новая пациентка. Прощаясь съ дамами, онъ невольно пожалѣлъ, что ихъ сблизилъ только простуда да кашель, и что сближеніе это вмѣстѣ съ простудой и кончится. Однако черезъ нѣсколько времени за нимъ снова прислали, но Кеймхенъ почему-то съ испугомъ припомнилъ первый визитъ и попросилъ своего товарища медика замѣнить его на этотъ разъ. Впрочемъ, когда этотъ медикъ вернулся отъ больной, Кеймхенъ обстоятельно разспрашивалъ его объ ея болѣзни и узналъ, что ей гораздо лучше, и что ея мать въ послѣдній разъ посылала за докторомъ. Тогда имъ овладѣло какое-то очень непріятное чувство, и это чувство повторилось и теперь... Но ему казалось, что онъ непременно когда-нибудь снова взойдетъ по знакомой ему чугунной лѣстницѣ, и снова увидитъ молодую дѣвушку въ утреннемъ капотѣ, съ непричесанными густыми волосами. Кеймхенъ переносился еще дальше въ будущее, и ему представлялось, что когда-нибудь онъ опять будетъ кататься въ этой лодкѣ, въ кругу своихъ старыхъ друзей; но кромѣ Лидіи, съ ними будетъ еще одна женщина; молодая и хорошенькая... и въ утреннемъ капотѣ... и съ непричесанными волосами...

Кеймхенъ еще ниже наклонился надъ водою и довольно строго замѣтилъ самому себѣ, что видѣ воды скорѣе долженъ былъ заставить его думать о гадропатіи; это было бы, по крайней мѣрѣ, гораздо послѣдовательнѣе.

Леонидъ спалъ и видѣлъ страшный сонъ. Ему казалось, что онъ гулялъ съ Лидой, какъ вдругъ выскочила собака, такая большая, лохматая, и зарычала; тогда Леонидъ закричалъ, и Лидя взяла его на руки. А собака подбѣжала и укусила Лиду за ногу. Тогда Леонидъ схватилъ большой, большой камень, больше Лиды, съ дожь, и бросилъ имъ въ собаку. Собака завизжала и убѣжала...

Бухаровъ, смотря на спокойное личико Леонида, и не подозрѣвая, что ему снится такое ужасное сновидѣніе. Самъ же онъ въ настоящую минуту жилъ въ прошедшемъ, и думалъ о Машенькѣ... Онъ мысленно уносился за многіе годы назадъ и перестраивалъ всю свою жизнь, перебывалъ все сызнова и былъ счастливъ; для полноты это счастья воскресали мертвые... Онъ переживалъ свое счастье день за днемъ, годъ за годомъ, пока фантазія не довела его до дѣятельности: на рукахъ его спалъ ребенокъ, который тоже уча-

ствовавъ въ его мечтахъ; но тамъ онъ съ нимъ никогда не разставався, онъ росъ на его глазахъ и былъ связанъ съ нимъ самыми крѣпкими узами, а въ дѣйствительности Леонидъ Павловичъ лишь вѣсколько дней тому назадъ въ первый разъ увидѣлъ этого ребенка, и снова разстанется съ нимъ... У него есть дочь, и она могла бы быть ему отрадою въ жизни, а онъ столько лѣтъ и не зналъ о ея существованіи, и теперь, кромѣ взаимнаго сочувствія, между ними нѣтъ ничего общаго. Ну, что же дать ему будущее?.. И Леониду Павловичу ярко представилась ихъ большой деревенскій домъ, и двѣ извѣстныя женскія фигуры, и все тѣ же комнаты, и все тотъ же кружокъ, изъ котораго нѣтъ исхода. Вотъ проходятъ дни за днями, годы за годами, а кругомъ все то же и то же, только все старѣетъ и незамѣтно разрушается. Обои блекнутъ и вянутъ, голубой цвѣтъ переходитъ въ блѣдносѣрый и зеленоватый, пунцовый въ желтоватый. Тускнѣетъ позолота на стѣнахъ и картинахъ; линяютъ и потираются дорогіе ковры, линяютъ драпри на окнахъ, старѣютъ и вянутъ окружающіе люди... Морщина за морщиной, бѣлѣютъ волоса, глаза потухаютъ, и такъ тихо, незамѣтно...

На другой день, утромъ, Леонидъ Павловичъ уѣзжалъ; съ чувствомъ самой глубокой грусти онъ взглянулъ въ послѣдній разъ на милыя лица, провожавшія его на крыльцѣ. Покатилась карета, и все смѣшалось и исчезло... Леонидъ Павловичъ сознавалъ, что оторванъ отъ нихъ и почувствовалъ себя такимъ одинокимъ, какъ еще никогда. Онъ искалъ силы примириться съ своимъ положеніемъ, съ этою тихою грустью.

Карета проѣхала мимо больницы и мимо огородовъ; вотъ тянется давній садъ...

— Папа, папа, раздается свѣжій голосъ Лидіи, и она показывается на опушкѣ сада, и легко перебирается черезъ неглубокую канавку. Вслѣдъ за нею, туда же скатывается что-то маленькое, кругленькое, и на противоположную сторону выбирается Леонидъ, раскраснѣвшійся, не много запачканный, но веселый до неимоверности. Леонидъ Павловичъ выскакиваетъ изъ кареты и съ страстною нѣжностью прижимаетъ къ груди маленькаго мальчика; за нимъ обнимаетъ и Лидію.

— Милые вы мои, милые, повторяетъ онъ, едва сдерживая слезы радости и горя, и цѣлуя вмѣстѣ и мать, и сына. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ былъ снова одинъ, но онъ пережилъ минуту сильной радости, и былъ ею полонъ.

Лидя грустно возвращалась домой. Леонидъ держался за ея рукавъ и безъ умолку болталъ. Она его не слушала и думала объ отцѣ.

— Лидя, ты мнѣ будешь разказывать?

— Буду, отвѣчала она машинально.

— Когда?

— Когда вернемся домой.

Но черезъ минуту она забыла это обѣщаніе, и придя домой, сѣла въ кресла и задумалась. Леонидъ вскарабкался къ ней на колѣни, уцѣпился рукою за воротъ ея платья, и засматривая ей въ глаза, произнесъ очень настоятельно:

— Ну, Лидя, разказывай!

Лидя взглянула на него, улыбнулась и стала разказывать.

Р. ГАРДНЕРЪ.

ВРЕМЯ НЕ ТЕРПИТЬ

ГОЛОСЪ СЪ ЮГА.

I.

Затруднительное положеніе, въ которомъ мынѣ находится Одесса, названная драгоценнымъ перломъ Всероссийской короны, вызвало меня на размышленія, которыми я хочу подѣлиться съ читающею публикой. Я желалъ бы отъ души, чтобы соображенія мои обратили на себя вниманіе, и это желаніе имѣеть своимъ единственнымъ основаніемъ—надежду на скорую помощь нашему погибающему краю. Не пускаясь въ ученые изслѣдованія, не имѣя притязанія на высшіе взгляды, и охоты испещрять бумагу цифрами и утомительными выкладками, я намѣреваюсь простыми и для всякаго глаза доступными штрихами, начертить правдивую, хоть и неутѣшительную картину нашего настоящаго, за которымъ кроется, и уже даетъ себя чувствовать еще болѣе неутѣшительное будущее. Дай Богъ, чтобы принятіемъ безотлагательныхъ мѣръ, для отвращенія гнетущаго насъ зла, всѣ наши опасенія за будущее обратились въ ничто!

Извѣстно, что жизненная сила Одессы заключается въ хлѣбной торговлѣ. Милліоны четвертей пшеницы, ржи, ячменя, овса, льнянаго сѣмена и кукурузы, отправляемые отсюда въ Англію, Францію, Италію, Бельгію и Нидерланды, доставили извѣстность и богатство этому городу, и въ теченіе длиннаго періода лѣтъ постоянно обезпечивали судьбу земадѣльца въ обширномъ краѣ. Продукты эти доставляются изъ губерній Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и отчасти Полтавской (изъ Кременчуга), и изъ примыкающихъ уѣздовъ губерній Киевской, Подольской и Воынской. Но главный продуктъ здѣшней отпускной торговли есть пшеница. Различныя сорты ея, смотря по цвѣту и вѣсу, идутъ на разные рынки Европы. Такъ, *сендожирка* (бѣлая) идетъ преимущественно въ Англію, новороссійская *гирка* и *красножелтая* во Францію, тяжеловѣсная *красная* (въ 10 пудъ, а иногда и болѣе, въ четверти) и *арнаутка* въ Италію; прочіе сорты—въ Бельгію, Нидерланды и сѣверную Германію ¹. Нагрузка кораблей не останавливается ни зимою, ни лѣтомъ, ни весной, ни осенью, развѣ на самое короткое время случится нашему рейду замерзнуть; а привозъ хлѣба въ городъ производится круглый годъ, въ буквальномъ значеніи этого слова. Дѣятельность въ городѣ неустанная: промышленники скупаютъ хлѣбъ малыми партіями на базарахъ, у заставъ, и въ близлежащихъ колоніяхъ; коммисіонеры и владѣльцы имѣній изъ Бессарабіи, западныхъ провинцій и разныхъ мѣстъ Новороссіи, получаютъ его отъ своихъ комитентовъ и отправителей транспортами, которые не престають стекаться къ магазинамъ и анбарамъ въ разныхъ концахъ города; *перекидчики* и *подстальщики* очищаютъ и обрабатываютъ его до извѣстной степени доброты; негодіанты, и свои и чужіе, скупаютъ его посредствомъ маклеровъ; безчисленное множество артелей черезъ мѣрщиковъ принимаютъ его и свозятъ на гавань, гдѣ сотни кораблей, зафрахтованныхъ посредствомъ корабельныхъ маклеровъ и агентовъ, принимаютъ его въ свои трюмы, съ помощью подвозныхъ лодокъ. Все дѣйствуетъ, все работаетъ, все живетъ. Даже спекуляція на порожніе магазины и анбары достигаетъ огромныхъ

¹ Въ Англію, впрочемъ, отправляются всѣ вообще сорты пшеницы, за исключеніемъ одной арнаутки.

размѣровъ и даетъ работу и доходы цѣлой толпѣ спекуляторовъ и домовладѣльцевъ, которые съ особеннымъ чутьемъ умѣютъ взвѣшивать шансы медленнаго или усиленнаго подвоза хлѣба въ городъ, скорой или нескорой отправки его за границу. Пшеница—это барометръ Одессы. Если на нее изъ-за моря оказывается значительное требованіе и цѣны держатся высокія, городъ цвѣтетъ, строится, устраивается; всѣ классы народонаселенія заняты и собираютъ обильные плоды своихъ трудовъ; всѣ ремесла и профессіи, всѣ торговли и промышленности въ движеніи, и очень понятно почему. Земадѣлецъ, баринъ, рабочій, кулакъ, маклеръ, извозчикъ, негоціантъ, ремесленникъ—все издерживаетъ, у всѣхъ рождаются потребности, потому что есть чтò издерживать. Отсюда эта благодатная и оживляющая переливка денегъ изъ класса въ классъ, какъ правильная переливка крови изъ сосуда въ сосудъ въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ. Если же запросъ на пшеницу иностранными государствами оказывается слабымъ, чтò неминуемо влечетъ за собой упадокъ цѣны,—Одесса получаетъ другой видъ: все идетъ вяло, въ магазинахъ и лавкахъ уменьшаются покупатели, у ремесленниковъ — заказы, у адвокатовъ и маклеровъ—практика, по городу мѣтѣ вѣды и движенія, по гостиницамъ и постоялымъ дворамъ мѣтѣ приѣзжихъ, словомъ, устанавливается тотъ порядокъ вещей, который Нѣмцы такъ удачно звукоподражательно называютъ *Stockung*. Такое положеніе Одессы переживала не разъ, но никогда не было оно продолжительно, потому что причина ему всегда была одна: это — урожай въ тѣхъ мѣстахъ за границей, куда хлѣбъ доставлялся нашимъ краемъ. Но такъ какъ это случалось рѣдко, и къ тому еще не всѣ страны, пользовавшіяся нашимъ хлѣбомъ, въ одно и то же время имѣли до того хорошіе урожаи что совершенно могли обойтись безъ насъ, то и подобныя недолговременныя кризисы, въ общемъ, не оставляли по себѣ почти никакихъ важныхъ слѣдовъ, за исключеніемъ частныхъ ударовъ отъ упадка цѣны, перенесенныхъ тѣмъ или другимъ смѣлымъ спекуляторомъ. Надежды же на будущіе запросы изъ-за границы поддерживали дѣятельность, какъ въ городѣ, такъ и въ цѣломъ краѣ; запросы эти дѣйствительно никогда не замедляли являться и въ скорости вознаграж-

дали съ диквой за прошлое невзгодье, и торговая жизнь, со всѣми ея атрибутами закипала съ сѣвкою силой.

Излишне было бы здѣсь распространяться о томъ, какъ отражались миллионныя обороты Одессы на весь тотъ край, который снабжаетъ ее хлѣбомъ. Кто знакомъ съ торговлей не по книгамъ и умозрѣнiямъ, кто въ нее вглядывался, тотъ безъ дальнѣйшихъ поясненiй постигнетъ, что подобная дѣятельность одного] города поддерживала въ цѣломъ край земледѣлiе и всѣ съ нимъ связанныя вѣтви промышленности, давала работу миллионамъ рукъ, устраивала на многочисленныхъ пунктахъ мелкiя факторiи, которыя въ своихъ районахъ оказывали то же благотворное дѣйствiе въ частности, что Одесса въ общемъ. Все же вмѣстѣ составляло одно огромное цѣлое, живущее одною жизнью. Полученная въ Одессѣ вѣсть, въ старое время по эстафетѣ, а въ новѣйшее по телеграфу, о лишнемъ дождѣ въ Соединенномъ королевствѣ, или предвѣщающей засухѣ въ Нормандiи, какъ перекаты грома, откликалась въ разныхъ захолустьяхъ Новороссiи и близлежащихъ губернiй и подымала на ноги кропотливыхъ дѣятелей, которымъ имя—легионъ.

Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, какъ Одесса несетъ убытки. Отпускная торговля ея стала уменьшаться. Сначала это уменьшенiе было незначительно; negociанты и промышленники, по старой привычкѣ запасшись хлѣбомъ, вынуждены были, не выжидая запросовъ, отправлять его за границу, безъ особенныхъ видовъ на тамошнiе урожаи; но отправители понесли большiя потери. Въ слѣдующiй разъ они были осторожнѣе: закуплено было что есть лучшаго, отправлено меньше,—опять потери; за тѣмъ еще болѣе осмотрительности, но все-таки въ результатѣ потери. Предпрiятiя начали останавливаться, число отправителей стало убавляться, и, наконецъ, въ настоящемъ году застой въ хлѣбной торговлѣ дошелъ до своего *non plus ultra*. Какая жь этому причина? Очень грустная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень простая. На сцену явился новый врагъ, о которомъ мы не думали, который росъ, росъ безъ нашего вѣдома, и въ то время, когда мы пересыпали изъ пустаго въ порожнее, понемногу расправлялъ свои могучiе члены и наконецъ, улучивъ насъ врасплохъ, представъ предъ нами

во всемъ своемъ грозномъ величии и далъ намъ ошеломляющій *coup de grace*. Этотъ врагъ—конкуренція въ хлѣбной торговлѣ соседнихъ съ нами государствъ¹.

Это уже не то, что счастливый урожай въ Англіи или Франціи, который былъ для насъ трывъ-трава, который переждать можно было, вѣжась и дремая подъ музыку будущахъ, никогда не обманывавшихъ, надеждъ: этого врага не переждешь. Напротивъ, чѣмъ болѣе мы будемъ ждать, тѣмъ труднѣе для насъ будетъ борьба съ нимъ, потому что въ нашемъ безсильи лежитъ его сила. Теперь еще не все пропало; еще не на столько истощены мы, чтобы безъ бою уступить то, что составляетъ жизненный вопросъ для насъ; но когда мы добдемъ до совершеннаго изнеможенія, то о подаятіи оружія противъ такого сильнаго соперника и рѣшъ быть не можетъ.

Это опасное соперничество нашей хлѣбной торговлѣ явилось отчасти со стороны Придунайскихъ княжествъ и разныхъ турецкихъ провинцій, но главнѣйшимъ образомъ со стороны Венгріи. Конечно, страны эти и прежде изобиловали хлѣбомъ; но пока онъ страдалъ тѣмъ же недугомъ что и мы,—неудобствомъ внутреннихъ путей сообщенія,—сбытъ его ни чуть не мѣшалъ сбыту нашего, потому что полученіе его въ портовыхъ пунктахъ было также сопряжено съ затрудненіями, медленностью и дороговизной, слѣдовательно и цѣна его въ мѣстахъ запроса не могла быть ниже нашей. Къ тому еще упомянутыя страны, теперь съ нами соперничающія, въ прежнія времена, по причинѣ той же тугости сообщеній, довольно небрежно занимались воздѣлываніемъ пшеницы, какъ въ отношеніи къ ея количеству, такъ и качеству; слѣдовательно, и тутъ онъ были намъ не опасны, потому что если мы не превосходили ихъ качествомъ, то превосходили количествомъ. Теперь же совсѣмъ не то. Хлѣбородная провинція Придунайскихъ Княжествъ, Турціи и Австріи прозябла и помала, какую онъ роль могутъ играть въ европейской торговлѣ, и вотъ—на-

¹ Въ послѣднее время стали посылать въ Европу свой хлѣбъ Америка и Австралія, особенно послѣдняя, гдѣ земледѣіе приняло колоссальныя размѣры. Но мы уже не говоримъ о конкуренціи этихъ странъ, потому что по отдаленности ихъ она кажется намъ далеко не столь опасною для нашего края, какъ та, которая родилась въ странахъ лежащихъ у насъ подъ бокомъ.

чали оны съ того, что усилили свое судоходство, потомъ улучшили свои сухопутные тракты, и, наконецъ, бросились строить желѣзныя дороги. Такимъ образомъ Кюстенджійская желѣзная дорога въ Турціи приблизить цѣлый богатый хлѣбомъ край къ Дунаю, а сей послѣдній къ мѣстностямъ лежащимъ у береговъ Савы и Дравы. Молдавія и Валахія на многихъ пунктахъ покрыты превосходными шоссе, а нынѣ готовятся желѣзныя дороги отъ Камараша въ Букарестъ, въ Журжу и до самой австрійской границы. Австрійская желѣзная дорога на берегу Дуная начинается съ Базіяша и прорѣзываетъ Банатъ и Венгрію до самаго Пешта; отъ этого послѣдняго города идетъ опять вѣтвь желѣзной дороги въ глубь Венгріи—Дебрецинь и Кашау. Съ другой стороны, Могачъ такою же дорогой соединенъ съ Фюлфкирхеномъ, а отсюда уже готовятся провести ее до береговъ Дравы и такимъ образомъ связать Венгрію съ лучшею частью Славоніи. Пароходное сообщеніе между Базіашемъ, Землинномъ и Бѣлградомъ открываетъ всей Сербіи сбытъ своихъ продуктовъ. Въ Галиціи желѣзная дорога уже доведена до Львова (Лемберга). Изъ всѣхъ этихъ пунктовъ сообщеніе съ западною Европою происходитъ тройнымъ путемъ: по желѣзной дорогѣ, идущей отъ Вѣны черезъ Земмерингъ въ Триестъ; по Пештъ-Офенской дорогѣ прямо въ Триестъ; наконецъ, опять черезъ Вѣну, Регенсбургъ, Мюнхенъ и далее до Франціи. Эта новая Пештъ-Офенская дорога черезъ Прагергофъ въ Триестъ, открытая въ апрѣлѣ прошлаго года, окончательно упрочила за городомъ Пештомъ роль главнѣйшаго передаточнаго пункта, и ввела его въ прямѣйшія сношенія съ бассейномъ Средиземнаго моря, съ Триестскимъ портомъ, Адриатикою и всею Италіей. Пештъ, столица Венгріи, сталъ теперь главнымъ рынкомъ, не только своего собственнаго края съ двѣнадцатимилліоннымъ населеніемъ, но и всѣхъ сосѣднихъ Венгріи странъ, столь же плодородныхъ какъ она, и лежащихъ по обѣимъ сторонамъ Дуная. Хлѣбная промышленность въ настоящемъ году такъ сильно развилась въ Венгріи, что самыя большіе заказы, получаемые изъ Франціи въ Пештъ, выполняются въ нѣсколько дней: мѣнѣ чѣмъ въ недѣлю хлѣбъ можетъ быть доставленъ изъ Пешта въ Парижъ, а въ Страсбургъ еще скорѣе; а Триестъ, бывшій однимъ изъ лучшихъ покупателей нашихъ, теперь совершенно забытъ.

о нашемъ существованіи. Наконецъ, въ Австріи теперь стали заботиться о желѣзной дорогѣ отъ Львова до Черновца; отсюда она прорѣжетъ всю плодородную Буковину и соединитъ ее съ Придунайскими Княжествами, которыя, въ свою очередь, частью посредствомъ пароходства, безъ всякаго сомнѣнія, соединятся съ границами Венгріи¹. Такимъ образомъ въ скорости составитъ огромный кругъ, который будетъ засыпать западную Европу своимъ хлѣбомъ,—кругъ, въ который входятъ: Галиція, Буковина, Придунайскія Княжества, пограничныя турецкія провинціи, часть австрійской Военной Границы, Сербія, Кроація, Славонія, Банатъ и, вѣнецъ всего, богатая, энергическая и населенная промышленными народами, Венгрія. Почти невѣроятно, но положительно достовѣрно, что эта послѣдняя страна можетъ и теперь уже, при среднемъ урожаѣ, отправить на европейскіе рынки до пяти миллионозъ четвертей пшеницы, которая со всѣми расходами обходится до Триеста не выше 8 р. за четверть; слѣдовательно, въ Марсели, куда она можетъ быть доставлена менѣе чѣмъ въ 10 дней, четверть ея, со включеніемъ всѣхъ тамошнихъ расходовъ (штра, выгрузка, фрахтъ, ввозныя пошлины, страховка, куртажъ и коммиссія), будетъ стоить не болѣе 9 р. 50 к., а въ Лондонѣ около 10 р. 25 к. Не надобно забывать, что венгерская пшеница качествомъ несравненно выше нашей, и потому пользуется за границей значительнымъ предпочтеніемъ. Взявъ на удачу одинъ изъ бюллетеней лондонскаго хлѣбнаго рынка (*The Floating Cargoes Evening List*, by George Dornbusch; London, March 28, 1862, № 75), мы находимъ, что въ то время когда наша польская пшеница была продана по 11 р. за четверть, за венгерскую платили по 13 р.² Но развитіе земледѣлія въ Венгріи растетъ съ изумительною быстротою; система трехпольнаго хозяйства

¹ Правительство Княжествъ уже разрѣшило князю Сапѣгу и г. Мавроени постройку желѣзной дороги отъ границъ Буковины къ Галацу, съ гарантіей 6% дохода.

² Согласно этому же бюллетеню одна только одесская гирка сравнялась въ вѣсъ съ венгерскою пшеницей, то-есть имѣла 492 фунта въ кварталѣ (72 квартера—100 четвертей); сендомирка же и польская имѣли только 480 фунтовъ. Несмотря однакожь на свой удовлетворительный вѣсъ, наша гирка все-таки не могла выручить болѣе 45 шиллинговъ за кварталъ, тогда какъ венгерская выручила 52½ шиллинга.

совершенно выходитъ изъ употребленія; почва вездѣ благоприятствуетъ воздѣлыванію пшеницы и замѣвъ ею ржи; руки человѣческія вездѣ замѣняются усовершенствованными орудіями. При этихъ условіяхъ, можно съ увѣренностью сказать, что приведенная выше цифра вывоза въ скорости удвоится. Въ этомъ рѣшительно нельзя обмануться, потому что фактъ передъ глазами. Настоящіе громадныя размѣры хлѣбной торговли въ Венгріи успѣли образоваться всего въ теченіе одного года съ небольшимъ: какъ извѣстно всему торговому міру, до конца 1860 года экспортъ венгерской пшеницы по Средиземному морю былъ совершенно ничтоженъ.

Что же касается до Придунайскихъ Княжествъ и пограничныхъ турецкихъ провинцій, то въ ожиданіи свѣти желѣзныхъ дорогъ, главные хлѣбные рынки сосредоточивались въ Галацъ и Брайлъ, куда подвозъ, какъ я уже намекалъ выше, чрезвычайно облегченъ какъ водою, такъ и сухимъ путемъ; экспортъ же этихъ рынковъ ограничивается пока путемъ черезъ Черное море. Но когда желѣзная дорога соединитъ Княжества съ границами Баната, а турецкія провинціи съ Славоніей, то нѣтъ сомнѣнія, что вывозъ турецкаго и молдавскаго хлѣба усилится и съ этой стороны по венгро-иллирійскому пути, и преимущественно тѣхъ сортовъ его, которые требуются рынками у Лаго-Маджіоре для Верхней Италіи и Швейцаріи. Такимъ образомъ, торговля Турціи и Княжествъ открыта въ западную Европу, вмѣсто одной, двѣ дороги, что составляетъ весьма важное преимущество, не говоря уже о томъ, что удобство внутреннихъ сообщеній расширяетъ размѣры оборотовъ и благоприятствуетъ скорому выполненію всякихъ заказовъ и запросовъ.

II.

Изъ всего вышесказаннаго образуется неопровержимый выводъ, который выражается не многими печальными словами: *нашъ хлѣбъ, по достоинству своему, черезъ-чуръ дорогъ для западно-европейскихъ потребителей.* А такъ какъ они въ насъ не нуждаются, потому что за дорогую цѣну

они имѣютъ хлѣбъ несравненно лучше нашего, а такой какъ нашъ имѣютъ гораздо дешевле, то само собою разумѣется, что завращиваемыхъ нами цѣнъ мы добиться не можемъ. Вслѣдствіе этого, всякая высылка пшеницы въ западную Европу становится для насъ невозможною.

И вотъ настало время, когда нашъ земледѣльческій край, смежный съ благословенною Украиною, плодородною Подоліею и Волинью,—край, искони носящій лестное названіе *житницы Европы*,—долженъ распространиться съ этимъ названіемъ и утратить всякое значеніе въ отпускной торговлѣ хлѣбомъ,—единственнымъ источникомъ его благосостоянія. Причиной тому служитъ то, что по дороговизнѣ нашего хлѣба мы не можемъ найти на него покупателей. Высокія цѣны, которыхъ мы должны держаться на заграничныхъ рынкахъ, суть, какъ всякому догадаться не трудно, слѣдствіе дороговизны его у самихъ насъ на мѣстѣ. Какимъ же образомъ могло случиться, что намъ, *житнице Европы*, извергающей хлѣбъ милліонами четвертей, охъ сталъ обходиться такъ невыносимо дорого?

Въ то время, когда земледѣльческія страны, нынѣ съ нами соперничающія, улучшали свое сельское хозяйство и достоинство своихъ произведеній, расчищали свои рѣчки, проводили у себя каналы и желѣзныя дороги, устраивали по проселкамъ и заколустьямъ шоссе, и не щадили никакихъ усилій, чтобы привести въ возможное совершенство свои пути сообщенія, — въ то время, когда все это тамъ дѣлалось, и особенно въ Австріи, объ упадкѣ и финансовомъ разстройствѣ которой мы такъ любимъ толковать и заботиться,—что дѣлалось у насъ по этой части? Ровно ничего. Я не касаюсь здѣсь вопроса о депотопномъ способѣ полеводства, отъ котораго мы никакъ отстать не можемъ, о невниманіи нашемъ къ усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ, замѣнявшимъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ человѣческія руки, о рѣшительномъ невѣдѣніи способовъ, ведущихъ къ возвышенію качества предметовъ производительности,—всего этого я не касаюсь, потому что это дѣло специалистовъ, къ которымъ я причислять себя не могу. Но что сдѣлали мы для того, чтобы и тотъ посредственный хлѣбъ, который добывается у насъ съ такимъ трудомъ, съ такою огромною тратой времени, могъ

быть доставляемъ ко внутреннимъ портамъ въ хорошемъ состояніи, въ возможной скорости и съ возможною увѣренностью? По этому вопросу мы сдѣлали еще менѣе чѣмъ по первому, потому что тамъ допускаются хоть кой-какія исключенія, здѣсь же нѣтъ рѣшительно никакихъ.

Дливыми вереницами тащится къ намъ хлѣбъ въ чумацкихъ возахъ, или жалкихъ таратайкахъ влеконыхъ волами или тощими польскими колачами, которыя, по мелкости своей породы и безсилію, уступаютъ воламъ. Устройство этихъ фуръ, на которыя въ Европѣ смотрѣли бы какъ на чудо безобразія, довольно извѣстно всякому, и распространяться о нихъ нѣтъ надобности. Достаточно сказать, что на этихъ фурахъ хлѣбу приходится пребыть въ дорогѣ по нѣскольку недѣль и выдерживать снѣгъ и дождь, и всякія перемѣны температуры, единственно подъ прикрытіемъ напитаанныхъ грязью и всякою нечистотою рядемъ или размокшихъ кожъ, которыя будучи пригрѣты солнцемъ, сообщаютъ свое зловоніе всему что къ нимъ дотронется. Слѣдованіе транспортовъ на пути, привалы, переправы на поромахъ и черезъ плотины и т. п. связаны съ прѣтѣсеніями и препятствіями съ стороны разныхъ мелкихъ властей и владѣльцевъ,—прѣтѣсеніями и препятствіями неминуемыми какъ смерть, предварительно принимаемыми вощиками въ соображеніе и, *comme de raison*, возвышающими провозную плату. Не желая обременять читателя вычисленіями разныхъ цѣвъ доставки, съ классификаціей ихъ по разстояніямъ и временамъ года, а коротко скажу, что цѣна подобной доставки можно смѣло опредѣлить круглымъ счетомъ въ 2 р. съ четверти, что будетъ довольно умѣренно, потому что главный подвозъ именно и бываетъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, изобилующихъ пшеницей, и слѣдственно оттуда, откуда бываетъ самая высокая провозная плата. Возьмемъ еще въ соображеніе и то, что наши чумаки и вошки, наученные разными опытами и заразившись окружающимъ ихъ всеобщимъ ералашемъ, имѣютъ самое смутное понятіе о законности и подчасъ очень нецеремонно обходятся съ ввѣраемымъ имъ продуктомъ. Бывали примѣры, что они продавали цѣлые транспорты, и сѣды, какъ обыкновенно у насъ водится, пропадали на вѣки; но продать съ возовъ пшеницу въ каждой корчмѣ, это для многихъ изъ нихъ

ни по чемъ и совершается сплошь да рядомъ. Правосудіе на нихъ, по прибытіи на мѣсто назначенія, добиться невозможно. Съ одной стороны стереотипная фраза: „Мы люди неграмотные, накладной не читали, а держать насъ не можете: *худоба гинетъ*“, а съ другой—известные приемы полиціи, отбивающіе всякую охоту къ знакомству съ нею, служатъ вѣрнымъ ручательствомъ, что купецъ дѣйствительно махнетъ рукой на недостачу. Но это обстоятельство получатель хлѣба, въ свою очередь, долженъ принять въ расчетъ и частный свой ущербъ подвергнуть общей раскладкѣ. Прибавимъ къ этому, что и при закупкѣ хлѣба въ мѣстахъ производства существуетъ довольно много особенныхъ условій, ни чуть не служащихъ къ его удешевленію на нашемъ рынкѣ. Такъ напримѣръ, закупка пшеницы на базарахъ въ заброшенныхъ небольшихъ городишкахъ, мѣстечкахъ и селахъ, подвергается разнымъ капризамъ полицейскихъ властей, и влечетъ за собой обременительные налоги; до времени гуртовой отправки, она должна храниться въ дурныхъ магазинахъ, гдѣ подвергается замочкѣ и расхищенію; въ случаѣ пожара нѣтъ надежды на вознагражденіе, по отсутствію страховыхъ обществъ. Покупка у землевладельцевъ большими партіями сопряжена опять съ условіями другого рода. Почти всегда, за весьма рѣдкими исключеніями, бываетъ, что покупщикъ долженъ отсчитать владѣльцу за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ всѣ деньги, въ замѣнъ которыхъ онъ, правда, получаетъ либо домашній, либо формальный контрактъ; но кому же не известно, что контрактъ у насъ имѣетъ только силу для того, кто добровольно хочетъ исполнить его? Смѣло можно назначить большую премію тому, кто укажетъ хоть на одинъ случай, гдѣ безспорный договоръ съ помѣщикомъ былъ приведенъ въ исполненіе не на бумагѣ, а на дѣлѣ, посредствомъ земскаго суда. Не рѣдко случается, что деньги покупщика совсѣмъ пропадаютъ, и онъ радъ еще, когда самъ благополучно уноситъ ноги съ барскаго двора. Но неисполненіе степеннымъ владѣльцемъ договора относительно доброты хлѣба, или количества его, или срока сдачи,—это вещи такіа обыкновенныя, что каждый хлѣбопромышленникъ заранее къ нимъ готовится и, не думая ни о какихъ безполезныхъ процессахъ, сноситъ расходомъ все что снести подобаетъ, и дѣло съ концомъ. Но всѣ эти побочныя об-

стоятельства сильно отзываются на цѣнѣ хлѣба, какъ всякому угадать не трудно.

Такимъ образомъ, пшеница, которая, по случаю общаго безденежья, медленности въ работахъ, отсутствія машинъ, и самому производителю обошлась довольно дорого, — проходя черезъ разныя мытарства и подпадая многимъ случайностямъ, пробывъ иногда въ дорогѣ почти столько же времени, сколько нужно на путешествіе изъ любого европейскаго города въ Австралію, прибываетъ къ намъ уже обремененная огромными расходами. Здѣсь она требуетъ сильной переработки, сушки на солнцѣ, перекидки на сквозномъ вѣтрѣ въ магазинахъ, что опять сопряжено съ расходами, потерей времени и количественнымъ уменьшеніемъ самаго продукта. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду на нашемъ рынкѣ на пшеницу установились постоянныя цѣны въ 10, 9 и (*minimum*) 8 р. за четверть. Еще много этому способствовала и общая дороговизна на всѣ жизненныя потребности, разившаяся въ послѣдніе годы до самой высокой степени. Эту дороговизну породила не столько роскошь и куча новыхъ нуждъ, неразрывныхъ съ возрастающею цивилизаціей края, сколько чрезвычайное размноженіе бумажныхъ денегъ и исчезновеніе звонкой монеты, такъ что въ сущности, какъ извѣстно всякому, не предметы жизни вздорожали, а деньги потеряли часть своей цѣнности. Какъ бы то ни было, но скорого уменьшенія этихъ цѣнъ пшеницы у насъ ожидать нечего: ни особенныя отношенія къ крестьянамъ, въ которыя нынѣ поставлены бывшіе ихъ владѣльцы, ни чрезвычайная трудность для этихъ послѣднихъ добытія денегъ за самыя высокіе проценты, ни упавшая валюта нашихъ денежныхъ знаковъ, не даютъ повода надѣяться на подобный переворотъ, если не будутъ приняты самыя энергическія и радикальныя мѣры, о которыхъ будетъ говорено далѣе.

Итакъ, если мы возьмемъ среднюю изъ существующихъ на одесскомъ рынкѣ на пшеницу цѣнъ, то будемъ имѣть 9 руб. за четверть. Эту цѣну долженъ заплатить оптовой покупатель, отправляющій ее за границу. Съ расходами же, какъ-то: на магазинъ, перекидку, куртажъ, перемѣрку, свозъ на гавань, вывозныя пошлины, подводныя лодки, и, наконецъ съ фрахтомъ и застрахованіемъ, она обойдется

до Марсели не менѣе какъ въ 10 р. 50 к., а до Лондона въ 11 р. 25 к. за четверть¹. Венгерская же пшеница, какъ мы видѣли выше, обходится въ 9 р. 50 к. до Марсели, и въ 10 р. 25 к. до Лондона со всеми расходами; следовательно, нашему высылателю пшеница, *только до прибытія на мѣсто*, стоить уже цѣлымъ рублемъ дороже. Гдѣ же его тамошніе расходы на ввозныя пошлины, выгрузку, комиссію, куртажъ и проч? Гдѣ вознагражденіе за затраченный капиталъ, за труды, за содержаніе конторъ и къ нимъ служащихъ разнаго наименованія? Если же мы *вопервыхъ* для покрытія всего этого прибавимъ только 10% или *одинъ* рубль, что крайне неудовлетворительно, а *вовторыхъ* примемъ въ соображеніе, что высылатель изъ Венгріи, по легкости сообщеній въ сравненіи съ нашимъ высылателемъ, имѣетъ возможность учетверить оборотъ своимъ капиталомъ, и следовательно довольствоваться сравнительно меньшимъ вознагражденіемъ по каждой операціи въ отдѣльности, то окажется, что нашему высылателю пшеница на европейскомъ рынкѣ самому будетъ стоить по меньшей мѣрѣ *двумя* рублями на четверть дороже чѣмъ венгерскому. Очевидно, что мы съ послѣднимъ соперничать не въ состояніи и должны продать съ чувствительнымъ убыткомъ, что мы, конечно, и дѣлаемъ. Взявъ на удачу другой Лондонскій бюллетень (Novelli e C^o, *Lista dei carichi di granaglie venduti dal 10 al 16 aprile*), мы находимъ, что въ среднѣ апрѣля настоящаго года, пшеница наша принесла своимъ хозяевамъ чистаго убытка по 2 р. 50 коп. на четверть. Спора нѣтъ, что подобные результаты отзываются на одесскомъ рынкѣ и заставляютъ владѣльцевъ пшеницы продавать ее гораздо дешевле, чѣмъ тѣ установленныя мѣстныя цѣны, о кото-

¹ Если я къ цѣнѣ пшеницы прибавилъ здѣсь за расходы и фрахтъ по 1 р. 50 к. на четверть до Марсели и по 2 р. 25 к. до Лондона, то придерживался величайшей умѣренности и считалъ фрахты по 2½ фр. за шаржу и по 40 шиллинговъ за англійскій тоннажъ, а въ мѣстныхъ расходахъ соображался съ лучшимъ временемъ года и исправнымъ состояніемъ нашихъ улицъ. Но подобные фрахты принадлежатъ, можно сказать, къ исключеніямъ; а что касается до мѣстныхъ расходовъ, то по жалкому состоянію нашихъ улицъ и безпримѣрной грязи, нашимъ negociантамъ приходится не разъ платить за одинъ съезъ изъ магазина на гавань по 50 и 60 коп. съ четверти.

рыхъ я говорилъ выше. Мы въ нашихъ биржевыхъ бюллетеняхъ въ послѣднее время стали уже встрѣчать продажи, совершившіяся по 6 р. 50 к. и даже 6 р. за четверть; но вѣдь это цѣны, на которыя продавецъ вынужденъ согласиться, имѣя, какъ говорится, ножъ у горла, потому что дальнѣйшее выжиданіе становится не въ терпѣжь. Большая часть спекуляторовъ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ категоріи независимыхъ капиталистовъ: они имѣютъ свои срочные платежи; проценты на занятый капиталъ возрастаютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ и расходы на улегшійся недвижимымъ камнемъ товаръ, а потому и слѣдуетъ сбыть его съ рукъ: нельзя же держать его безконечное время. Многие, не могшіе сначала свыкнуться съ паденіемъ цѣнъ, а между тѣмъ имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, прибѣгаи къ краткосрочнымъ займамъ, подъ залогъ пшеницы за весьма высокіе проценты, надѣясь на скорый запросъ изъ-за границы и на улучшеніе цѣнъ. Но такъ какъ этого вожеланнаго запроса нѣтъ какъ нѣтъ, а напротивъ, одинъ ударъ слѣдуетъ отсюда за другимъ, то во избѣжаніе продажи ихъ пшеницы съ публичнаго торга (заемъ совершенъ по заемнымъ письмамъ, съ залогомъ движимаго имущества), нѣтъ имъ другаго опасенія какъ продать ее во что бы ни стало, разумѣется съ огромной потерей. Понятно, что эти обстоятельства оказываютъ свое обратное дѣйствіе и на тѣхъ промышленниковъ, которые, по значительному состоянію своему и другимъ благоприятнымъ обстоятельствамъ, могли бы еще и пообождать; но съ одной стороны убѣждаясь съ каждымъ днемъ, что ожиданіе ни къ чему не поведетъ, а съ другой, разчитывая, и очень логически, что если другіе берутъ по 6 руб. за четверть, то ужь конечно имъ никто дороже не дастъ, они тоже вынуждены сбыть свой товаръ по существующимъ цѣнамъ. Тѣ, кто по управлѣнью, сдѣлаютъ это спустя нѣсколько времени: всѣ должны сломаться передъ всемогущею необходимостію. Такимъ образомъ, мало-по-малу дѣйствительно установится у насъ цѣна на пшеницу самая умѣренная — около 6 руб. за четверть, именно такая, какая дастъ возможность продуктъ этотъ обывать на европейскихъ рынкахъ; но спрашивается: можно ли эту цѣну, сложившуюся вслѣдствіе такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, считать за естественную? Ни чуть: она насильственная. Она вытекла не изъ выгод-

наго приобрѣтенія продукта на мѣстѣ его производства, не изъ скорой и выгодной доставки на нашъ рынокъ, не изъ соперничества многочисленныхъ продавцовъ, довольствующихся умѣреннымъ заработкомъ, — а изъ всеобщаго стѣсненія, изъ явленія самаго убійственнаго въ торговой сферѣ, а именно, когда запросъ относится къ предложенію какъ нуль къ единицѣ, и когда предлагающій вынужденъ рѣшиться на всякія крайности ¹.

Если же промышленникъ окончателно убѣдится, — въ чемъ сомнѣваться нѣтъ причины, — что на одесскомъ рынкѣ цѣна пшеницы не должна превосходить 6 руб. за четверть (единственное условіе возможности отправки ея въ чужіе края), и что каждое выступленіе изъ этой границы поведетъ къ неминуемымъ убыткамъ, то само собою разумѣется, что въ кругѣ его дѣятельности, — въ мѣстахъ закупки ея мелкими партіями, — онъ можетъ предложить за нее производителю не болѣе какъ по 3 рубля. Цифра эта оправдывается во всемъ тѣмъ что было сказано выше о расходахъ и тяжестяхъ, несомыхъ промышленникомъ, отправляющимъ въ Одессу пшеницу, и потому въ повторахъ здѣсь болѣе не предстоитъ надобности. Теперь я спрашиваю: какой помѣщикъ, землевладелецъ или производитель на всемъ пространствѣ огромнаго края, ведущаго торговлю съ Одессой, не ужаснется, когда ему предложить по 3 руб. за четверть пшеницы, то-есть такую цѣну, какая недостаточна даже на покрытіе половины его собственныхъ издержекъ производства? А ужъ какъ себѣ онъ тамъ захочетъ, болѣе предлагать никто не станетъ.

Слѣдствіемъ всего этого, разумѣется, долженъ быть совершенный упадокъ земледѣлія, самаго вѣрнаго и единственнаго источника нашего существованія.

¹ Здѣсь хотати будетъ сказать, что печальные результаты заграничныхъ продажъ навели такой панической страхъ, что даже по упавшимъ цѣнамъ охотниковъ покупать является очень мало. Причина многихъ закупокъ единственно та, что къ нѣкоторымъ легионамъ прибыли давно зафрахтованные корабли, которые надо же было чѣмъ-нибудь нагрузить. Нѣкоторые шкипера, прибывшіе сюда для приисканія фрахта, тоже сочли для себя выгоднымъ рискнуть, и лучше на свой счетъ нагрузить свои суда хлѣбомъ чѣмъ уходить порожнякомъ. Но это не тотъ запросъ изъ-за границы, къ которому мы привыкли во дни былые, и столько же походитъ на него, сколько жалкое кривлянье акробата на всекую хорошею пляску.

III.

Чѣмъ же оградить себя отъ этого несчастія, которое неминуемо ввергнетъ цѣлый край въ нищету? Ответъ одинъ. Надобно принять самыя скорыя мѣры, чтобы соперничеству противопоставить соперничество, и чтобы, не нарушая выгодъ мѣстнаго производителя, мы могли на европейскихъ рынкахъ предлагать свой хлѣбъ по доступнымъ для потребителей цѣнамъ.

Это трудно, никто не станетъ спорить, но пора же намъ взяться и за трудныя вещи. Мы вообще привыкли къ легкости приѣмовъ и первые мастера дѣйствовать спуска рукава. Но все это могло имѣть мѣсто, когда Европа сама еще двигалась съ колодками на ногахъ; когда промышленность ставилась ни во что, когда Англичанъ, впервые постигнувъ ея значеніе, называли торгошама и барышниками, когда *cura pupillorum* въ отношеніи къ народамъ считалась политическимъ догматомъ, однимъ словомъ, когда все вокругъ насъ болѣе или менѣе страдало отсталостью. Въ тѣ времена, наша отсталость, хоть и превосходившая всѣ прочія, все-таки не такъ рѣзко выдавалась, потому что между многочисленными патями, одно болѣе или менѣе большое не составляетъ значительнаго контраста. Въ тѣ времена мы все брали налегкѣ и довольствовались копіями со всего того что признавалось полезнымъ и дѣлалось у другихъ народовъ. Хотя копіи эти и были очень бѣдны, а съ теченіемъ времени извращались до того, что почти теряли всякое сходство съ оригиналами, однако названія оригиналовъ у насъ сохранялись: это насъ удовлетворяло. Мы своими списками были такъ же довольны, какъ доводень своимъ деревяннымъ конемъ ребенокъ, полагающій, что онъ вправду несется на бурномъ скакунѣ послушномъ его волѣ. Но, увы, время обаянія улетаетъ быстро и на крыльяхъ своихъ уноситъ обязательный трудъ, и весь пестрый хламъ, которымъ питаеся нашъ барскій взглядъ на вещи и наша привычка дѣлать все только для виду! Во многомъ это роковое „для виду“

сходило и еще теперь сходить намъ съ рукъ; но въ экономическихъ вопросахъ не сойдетъ, потому что здѣсь оно частая реальность. Здѣсь должны мы взяться за настоящій, искренній трудъ, и не для виду, а серьезно поспѣшить за вѣкомъ, иначе вѣкъ жестоко отомститъ за себя и оставить насъ безъ насущнаго хлѣба.

Наши денежныя дѣла уже находятся въ крайнемъ разстройствѣ. Пока наша отпускная торговля превосходила привозную, звонкая монета у насъ была въ изобиліи, потому что наши заграничные потребители должны были оплачивать намъ излишекъ звонкою монетою. Но теперь, когда привозъ постоянно усиливается, потому что спросъ и на предметы необходимости и на предметы роскоши возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ народонаселенія и цивилизаціи края,—авывозъ нашъ еще болѣе сталъ уменьшаться, и грозитъ дойти до крайнихъ предѣловъ ничтожества, мы должны свою послѣднюю звонкую монету отдавать иностранцамъ. При такомъ положеніи дѣлъ никакіе вѣнныя займы намъ не помогутъ: они только будутъ служить палліативнымъ средствомъ, отдаляющимъ роковую развязку на короткое время. Въ балансѣ нашей отпускной и привозной торговли громадное превышеніе всегда будетъ на сторонѣ послѣдней, и мы никогда не избавимся отъ дефицита, который можетъ не иначе быть покрытъ, какъ новыми уплывомъ за границу приобрѣтенной займомъ звонкой монеты.

Все это уже очень старо и всякому извѣстно, и сказано мною только для приданія сколько-нибудь возможной полноты разсматриваемому вопросу. Но здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то главное обстоятельство, что наше безденежье не похоже на безденежье другихъ странъ Европы. Возьмемъ для примѣра Австрію, какъ самую близкую къ намъ, и во многомъ съ нами сходствующую. Я не говорю о Вѣнѣ, гдѣ сосредоточены у банкировъ и мѣнялъ огромныя суммы звонкой монеты; но и въ провинціальныхъ городахъ,—въ Пештѣ, Грацѣ, Линцѣ, Брюляхъ, Олмюцѣ, Прагѣ, золотая и серебряная монета въ такомъ изобиліи въ частныхъ рукахъ, что желающій можетъ приобрѣсть ее на самую значительную сумму. Попробуйте въ одномъ изъ исчисленныхъ городовъ потребовать звонкой монеты на милліонъ гульденовъ,—вы

ее соберете мѣлѣ чѣмъ въ водахъ, и разнѣнный лажъ поднимется отъ этого на самый незначительный процентъ противъ обыкновеннаго курса. У насъ это дѣло рѣшительно невозможное, потому что звонкой монеты ни у кого нѣтъ. Не далѣе какъ нѣсколько недѣль назадъ, въ нашей многолюдной, богатой и промышленной Одессѣ одному лицу понадобилось 200 полуимперіаловъ, и когда онъ, съ трудомъ отыскавъ ихъ, заплатилъ по 5 р. 80 коп. за штуку, то за остальную пару сотенъ, завалающуюся еще въ нѣсколькихъ рукахъ, стали уже запрашивать по 5 р. 98 к.,—явный признакъ, что о добытїи нѣсколькихъ тысячъ полуимперіаловъ у насъ и рѣчи быть не можетъ. Хотя въ этомъ отношенїи я ничего положительнаго не могу сказать о нашихъ столицахъ, однако, сколько позволительно судить по аналогіи, можно быть вполнѣ увѣрену, что и онѣ страдаютъ отсутствїемъ звонкой монеты въ весьма значительной степени. Австрїйскїй червонецъ въ настоящее время стоить въ Вѣнѣ на бумажныя деньги 6 гульденовъ и 13 крейцеровъ. Пожелай кто-нибудь купить милліонъ червонцевъ—они возвысятся много если на два процента; но пожелай кто-нибудь купить въ Петербургѣ полмилліона полуимперіаловъ,—мы не знаемъ что было бы, да можетъ-быть и ничего бы не было, потому что такую, для настоящаго времени, баснословную кучу золота и отыскать не было бы возможности. Изъ этого выходитъ, что австрїйская бѣдность есть только *государственная*, тогда какъ наша есть *народная*.

Отчего же находится Австрія въ такомъ несравненно выгоднѣйшемъ противъ насъ положенїи? Отвѣтъ очень простой: она трудилась, а мы нѣтъ¹. Издавая австрїйской ма-

¹ Этимъ объясняется наша бѣдность вообще, то-есть бѣдность капиталами. Но наша бѣдность звонкою монетою имѣетъ свою спеціальную причину. Въ Австріи, несмотря на сравнительно большую депрещіацію бумажныхъ денегъ, удержалось сравнительно больше звонкой монеты, потому что тамъ отношенїе между цѣной звонкой монеты и бумажныхъ денегъ устанавливалось естественно и не было приличаемо мѣръ для поддержки вѣкового курса. Цѣна звонкой монеты поддалась тамъ соразмѣрно вздорожанїю другихъ предметовъ, а потому не было особенныхъ причинъ вывозить звонкую монету предпочтительно передъ товарами. У насъ же, напротивъ, всѣ усилїя были направлены къ тому, чтобы при вздорожанїи всѣхъ товаровъ внутренняго рынка, не допускать вздорожанїя звонкой монеты. Такимъ образомъ мы держали звонкую монету на

нуфактурной промышленности, положимъ, не всё пользуются всеобщей славой, но они до того удовлетворительны, что сама страна другихъ не употребляетъ; нѣкоторыя же, какъ стекло, фаянсъ, трико и проч., вывозятся огромными количествами и за границу. Наши же издѣлія... смѣшно сказать,—мы сами ихъ въ руки не беремъ. Если мы поглядимъ на себя съ головы до ногъ, то отъ шляпы до чулковъ включительно, за все заплачено иностранцамъ русскими деньгами. Всякая провинція въ Австріи (мы беремъ вѣдь самую худшую страну въ Европѣ) обращала вниманіе на то, чѣмъ она богата, что она дать можетъ, за что она отъ чужеземцевъ можетъ взять деньги, обрабатывала эту статью съ любовью, и достигла блестящихъ результатовъ. Такъ Моравія защеголяла своими шерстяными издѣліями, Чехія—своими полотнами, стекломъ и дешевыми кружевами, Штирія—своимъ рогатымъ скотомъ, а болѣе своими косами, расходящимися по Россіи десятками тысячъ, Венгрія

такой цѣнъ, которая была слишкомъ низка для нея по сравнению съ другими предметами купли и продажи, и потому не удивительно, что звонкая монета уходила отъ насъ. Мы достигли чего хотѣли: мы не обращали вниманія на всеобщую дороговизну и хлопотали только о томъ, чтобы не очень поддалась цѣна золота, и мы достигли того, что наши кредитные билеты *посидимому* не очень упали въ цѣнѣ, но за то звонкая монета ушла изъ Россіи. Въ Австріи этого не было, а потому тамъ осталось больше звонкой монеты чѣмъ у насъ. Этими же стараніями замаскировать избытокъ кредитныхъ билетовъ и не дать обнаружиться дѣйствительному состоянию денежнаго рынка объясняется отчасти и теперешнее состояніе русской производительности. Нѣтъ спора, что недоставокъ здравой предприимчивости ставитъ насъ въ невыгодное положеніе на ряду съ нашими болѣе дѣятельными и болѣе разчетливыми конкурентами; но нѣтъ также сомнѣній, что цѣна золота и тутъ играетъ свою роль. Дороговизна есть общее явленіе и для Австріи и для Россіи. Но австрійская дороговизна не подавляетъ австрійскаго отпуска, потому что за хлѣбъ, дорого купленный въ Венгріи, торговецъ получаетъ за границей звонкую монету или векселя, которые, благодаря высокому курсу, продаются дома также за дорогія деньги. Нашъ русскій купецъ, заплативъ въ Одессѣ 9 р. кредитными билетами за четверть пшеницы, могъ бы продать ее за границей по тамошнимъ цѣнамъ безъ убытка для себя, еслибы при переводѣ денегъ изъ-за границы получилъ на нихъ лажу на 10% какъ теперь, а напроцѣтъ 30%. Вексельный курсъ имѣетъ въ этомъ случаѣ огромное вліяніе, а такъ какъ въ Австріи вексельный курсъ устанавливался естественно, чѣмъ у насъ, то совершенно понятно, почему австрійская производительность пострадала менѣе чѣмъ наша, хотя *посидимому* австрійская денежная система находится въ худшемъ положеніи нежели русская. Ред.

своими пятидесятью сортами винъ, а мы имъ превосходнымъ хлѣбомъ, и такъ даѣе, и такъ даѣе. А мы? Улучшили ли мы наши крымскія и бессарабскія вина? Покупаеъ ли ихъ кто у насъ? Нѣтъ, мы ихъ и сами не покупаемъ, а платимъ чистымъ золотомъ за вина съ заморскими названіями. Надѣлалъ насъ Богъ плодороднымъ краемъ, съ нѣсколькими морскими въ немъ портами, съ прекраснѣйшими судоходными рѣками,—и чтожь? въ то время какъ золото лилось къ намъ изъ-за границы за нашъ хлѣбъ, думали ли мы объ улучшеніи качества нашего товара, объ удешевленіи его посредствомъ усовершенствованной обработки, увеличенія количества и облегченія способовъ подвоза къ пунктамъ отправки? Ни мало. Иностранцамъ нуженъ нашъ хлѣбъ,—значитъ они возьмутъ какой имъ ни дадутъ, а мы будемъ воздѣлывать его по прадѣловскому завѣту и перетаскивать къ себѣ по скиѣскому обычаю. Мы всегда дѣйствуемъ діаметрально-противоположно европѣйскимъ производителямъ. У нихъ, если какой-нибудь предметъ пользуется большимъ сбытомъ, его стараются какъ можно болѣе улучшить, чтобы сдѣлать его еще необходимѣе для потребителя, и удешевить, чтобы сдѣлать его еще доступнѣй; а у насъ, если что-нибудь пользуется большимъ сбытомъ, мы и думать забыли о будущемъ, и своею небрежностью доводимъ предметъ сбыта до того, что онъ ни по цѣнѣ, ни по качеству не составляетъ болѣе приманки для потребителя. Вотъ почему мы уступаемъ даже Австріи, столь горько оплакиваемой нашею журналистикой, хотя, по правдѣ сказать, о народѣ, который поставилъ себя на такую ногу, что для себя онъ требуетъ какъ можно менѣе чужаго, а для чужихъ даетъ какъ можно болѣе своего, рѣшительно сожалѣть нечего. Прибавимъ, что народное богатство Австріи приращается еще и отъ сотенъ тысячъ туристовъ, оставляющихъ на ея минеральныхъ водахъ, въ ея веселой столицѣ и прекрасныхъ, кипящихъ живлюю провинціальныхъ городахъ свое доброе золото, тогда какъ мы равными условіями, о которыхъ распространяться здѣсь не мѣсто, ухитрились поставить себя въ такое положеніе, что къ намъ ѣдутъ чужеземцы не оставлять денегъ, а прибрѣтать ихъ. Мы и сами не знаемъ о существованіи кавказскихъ минеральныхъ водъ и одесскихъ лимановъ, а веземъ и себя и свои деньги въ Карасбадъ, Эмсъ или другія отдаленныя мѣста. Кто у насъ слыхивалъ о путеше-

ствіи по Крыму, по этой прекрасной провинціи, которая не многимъ уступаетъ Швейцаріи по великолѣпнѣю видовъ, и Италіи по благорастворенному климату? Да и какъ выполнить такое путешествіе, когда для полнаго наслажденія красотаи природы не достаеъ мало-мальски сноснаго обѣда, а послѣ сладкаго ночлега среди фруктовыхъ рощъ и душистыхъ луговъ, путешественникъ (разумеется, съ паспортомъ) рискуеъ проснуться безъ чемодана, а не рѣдко и безъ головы!

IV.

Итакъ, возвратимся къ тому, что намъ теперь нужно серьезно трудиться, и трудиться не изъ подражанія и не по пустому, а на томъ поприщѣ, гдѣ мы найдемъ истинную пользу, именно, на поприщѣ сельскаго хозяйства. Смѣшными кажутся разсужденія нѣкоторыхъ рутинеровъ, полагающихъ, что если въ такихъ странахъ какъ Англія, Бельгія, Голландія, сельское хозяйство доведено до высшей степени совершенства, то это одна только нужда ихъ довела до этого. Мало, дескать, тамъ земли и рабочихъ рукъ, вотъ и взялись разными хитростями извлекать выгоды и изъ скалъ, и изъ болотъ, и изъ песчаниковъ; намъ же не слѣдуетъ употреблять усилій: у насъ и земли и рукъ вдоволь. Но вѣдь въ отношеніи къ продуктамъ фабричнымъ, мы въ такомъ же точно положеніи, какъ народы поименованныхъ странъ въ отношеніи къ продуктамъ земан; отчего же нужда насъ не довела до приведенія нашихъ фабрикъ въ совершенство? Нѣтъ, оставимъ химеры о фабричной промышленности; мы фабрикантами не будемъ,—обдѣлана насъ природа этимъ талантомъ. Если кого-нибудь обстоятельства и способности предназначили въ плотники, то сколько онъ ни усиливается, сколько ни изучаетъ всѣ тонкости музыкальнаго искусства, коли у него нѣтъ голоса, все-таки онъ теворомъ не будетъ, и всякое упрямство съ его стороны причинитъ ему положительный вредъ и въ добавокъ подвергнетъ его всеобщему осмѣянію. Да и тысячу разъ лучше и честнѣе быть хорошимъ плотникомъ чѣмъ плохимъ пѣвцомъ... Ужь сколько ни баловала запретительная система нашихъ мануфактуристовъ и фабрикантовъ, а они все-таки не только не подвинулись впередъ, а повидимому повертели назадъ, и въ результатѣ вышло только то, что мы, не

имѣя охоты покупать дрянные товары, платимъ въ тридорога за иностранные обложенные высокою пошлиной. Не желая вдаваться въ подробности по этому, столь избитому и всѣмъ извѣстному предмету, я только обращаю вниманіе читателя на одну отрасль фабричной промышленности, преобладающую въ районѣ нашего края, именно — на свеклосахарное производство, гдѣ не требуется ни особеннаго чутья изящнаго, ни соображеній съ прихотями моды, ни исключительнаго умѣнія подчинять вкусъ потребителя законамъ производителя. Чтобы покровительствовать этому производству, правительство обложило иностранный сахаръ пошлиной въ 5 р. 25 к. съ пуда, тогда какъ въ Лондонѣ весь пудъ его стоить не болѣе 4 рублей, а само довольствуется самымъ ничтожнымъ акцизомъ съ сахарныхъ заводовъ. Что же вышло? Развилось ли у насъ производство сахару до того, что край можетъ пользоваться имъ по умѣренной цѣнѣ? Обогатились ли самые заводчики? Ничуть не бывало. *Сахарная драма*, разыгравшаяся на послѣднихъ кievскихъ контрактахъ, ввергла въ бѣдствіе нѣсколько тысячъ человекъ довѣрившихъ свои капиталы одной изъ значительнѣйшихъ *сахарныхъ фирмъ*, пришедшей въ несостоятельность; о прочности другихъ фирмъ, изъ которыхъ одна-другая даже, говорятъ, удостоились чрезвычайнаго вспоможенія, тоже нельзя сказать ничего положительнаго. А между тѣмъ, для мѣстныхъ потребителей, въ рядахъ которыхъ насчитываются сотни тысячъ бѣдныхъ, сахаръ никогда не обходился дешевле 10 р. за пудъ. Есть ли тутъ какое сравненіе съ лондонскими цѣнами на этотъ продуктъ? Что же вышло изъ этого покровительства? Развѣ одно только то, что нѣсколько отдельныхъ личностей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ простотѣ души своей, считали себя большими баронами и проживали на славу, а казна и народонаселеніе повесели огромные убытки. Еслибъ иностранный сахаръ былъ обложенъ пошлиной въ 2 р., то мы могли бы покупать его въ нашемъ крайѣ не дороже 7 р. за пудъ. Теперь, если мы возьмемъ ежегодное количество въ 2 1/2 милліона пудовъ сахару (приблизительная цифра заводской выдѣлки рафинада въ югозападномъ крайѣ Россіи), за которое казна не зря — получаетъ ли милліонъ рублей дохода, то окажется, что казна теряла ежегодно пошлинъ 4 милліона, а потребители переплачивали ежегодно 7 1/2 милліонъ, итого 11

$\frac{1}{2}$ милліоновъ, а въ десятилѣтней сложности 115 милліоновъ рублей! ¹

Мнѣ возразятъ, что этихъ милліоновъ мы вѣдь не отдали иностранцамъ, а остались они въ краѣ. Но впервыхъ, если мы взглянемъ на вовсе не цвѣтущее положеніе самихъ заводчиковъ, то не нужно особенной провицательности, чтобы убѣдиться въ несостоятельности этого возраженія. На устройство сахарныхъ фабрикъ, на постоянную ихъ поддержку новыми машинами, на частыя путешествія хозяевъ и ихъ агентовъ для бѣльшаго ознакомленія съ этимъ дѣломъ, на жалованье иностраннымъ распорядителямъ, машинистамъ и управляющимъ, самая бѣльшая часть этихъ милліоновъ ушла къ иностранцамъ *прямымъ путемъ*; оставшая же часть, отъ неумѣнія вести дѣло, опыленія отъ громаднхъ оборотовъ, отсутствія всякаго коммерческаго такта и неразчетливости, пошла на разныя причуды и прихоти туда же *косвеннымъ путемъ*. А во вторыхъ, блаторазумно ли, огромныя пространства земли и тысячи рабочихъ *брукъ* истощать на работу, не только бесполезную, но для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ убыточную въ своемъ *натуральномъ* теченіи, хотя можетъ-быть часть этой убыли и возвращается назадъ массѣ какими-нибудь *невидимыми* путями? Для того чтобы намъ можно было щегольнуть нашими сахарными заводами, остаются въ накладѣ и казна, и заводчики, и потребители. Нѣтъ, это фабричная промышленность не нормальная, вредная государственной экономіи,—промышленность для виду, для виду, и опять для виду, какъ наши сельско-хозяйственныя выставки и конокія скачки, не подвинувшія, несмотря на свои сере-

¹ Здѣсь приведена приблизительная цифра фактической выдѣлки сахара, казна же получаетъ своей акціей съ заводчиковъ по слѣдующему способу. Принято за норму, что берковецъ свеколовицы даетъ 12 фунтовъ сахарнаго песку, а 9-дюймовый прессъ выработываетъ по 25 берковцевъ въ день. Согласно съ этимъ дѣлается расчетъ, сколько прессовъ работало на заводѣ и сколько дней, и затѣмъ съ полученнаго количества песку снимается по 60 коп. съ пуда. Если какой-нибудь прессъ не работаетъ, то дается знать надзирающему, и тотъ прессъ припечатывается. Но эта норма могла имѣть мѣсто въ то время, когда свеколясахарное производство было еще въ колыбели; въ настоящее же время, при усовершенствованной фабрикаціи, даже у насъ, берковецъ свеколовицы даетъ не 12 фунтовъ песку, а свыше 25, а 9-дюймовый прессъ выработываетъ въ день не 25, а 40 берковцевъ. Не говорю уже о томъ, что этотъ способъ вообще, съ расчетами о такъ-называемыхъ *нерабочихъ дняхъ*, представляетъ много соблазна для слабой человѣческой натуры.

бравые кубки, ни на волосъ ни сельскаго хозяйства, ни коннозаводства, какъ многое другое прочее, которое дѣлается у насъ только для *блэзиру*, чтобы морочить и себя и другихъ. Пора же перестать играть въ эти дѣтскія игры ¹.

Наша сила, вообще говоря, въ сырыхъ произведеніяхъ, а по отношенію къ нашему краю — преимущественно въ хлѣбѣ ². Одной только этой промышленности должны мы себя отдать всецѣло, и для развитія и процвѣтанія ея напрягать всѣ усилія съ полною искренностію, такъ какъ воощреніе является теперь совсѣмъ въ другомъ видѣ, — въ видѣ бѣды, начинающей приступать къ намъ не на шутку. Упрощеніе обработки и умноженіе производства — вотъ экономическая задача цивилизованныхъ народовъ, и да помнятъ это, ради себя, ради дѣтей своихъ, наши сельскіе хозяева! А потому мы должны поставить себя въ такое положеніе, чтобы производителю производство хлѣба, а промышленнику доставка его къ порту приходилась не по такой высокой цѣнѣ, какъ теперь. Усовершенствованный способъ перевозка долженъ дать возможность покупателю достаточно вознаграждать трудъ хлѣбопашца; а этому послѣднему усовершенствованное и расширенное хозяйство должно дозволить продавать свой продуктъ по цѣнѣ, доступной для покупателя.

Самый важный трудъ, который отъ насъ теперь требуется, независимо отъ постепеннаго введенія усовершенствованнаго полеводства и замѣны рукъ машинами, есть безотлагательное сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Чтобы имѣть возможность бороться съ нашими соперниками на европейскихъ рынкахъ, мы должны имѣть свой хлѣбъ въ Одессѣ какъ можно скорѣе и какъ можно дешевле; и для того намъ на первый разъ необходимо имѣть нѣсколько такихъ дорогъ на важнѣйшихъ пунктахъ. Одна должна быть проведена отъ Екатеринослава до Николая вдоль

¹ По поводу коннозаводства мнѣ пришла въ голову слова очень умнаго французскаго писателя, описывающаго англійскіе нравы: „A plus d'un point de vue, le cheval anglais, surtout le cheval de course, est une *création de l'industrie humaine*. (*L'Angleterre et la vie anglaise*, par Alphonse Esquiros.) Не мѣшало бы нашимъ хозяевамъ, у которыхъ есть заводы лошадей, овецъ, или рогатаго скота, зарубить себѣ это на стѣнкѣ.

² Само и шерсть — суть продукты весьма важныя въ нашей отпущенной торговлѣ, но они никакъ не могутъ быть поставлены въ параллель съ хлѣбомъ: они принадлежатъ къ спеціальностямъ, тогда какъ хлѣбопашество составляетъ предметъ заботы для огромнаго большинства населенія.

днѣпровскихъ пороговъ; другая по кievско-одесскому тракту; третья отъ Одессы къ какому-нибудь пункту въ Бессарабіи—къ Бѣльцамъ, или, по крайней мѣрѣ, къ Бендерамъ. Я не пускаюсь въ подробное описаніе линій этихъ дорогъ: кто знакомъ съ картой нашего края, тотъ легко постигнетъ, что проведенныя между означенными мѣстами желѣзныя дороги вдругъ свяжутъ съ Одессой бoльшую часть богатыхъ хлѣбомъ мѣстъ Новороссійскаго края и губерній Подольской и Кіевской. Само собою разумѣется, что съ этимъ вмѣстѣ и наше буксирное пароходство на Днѣпрѣ и Бугѣ должно будетъ принять бoльшіе размѣры, особенно если „Общество Пароходства“ уменьшитъ у себя число пароходовъ и заведетъ по болѣе баржъ, предпочтетъ порядокъ формализму въ администраціи, откажется, въ видахъ соблюденія экономіи, отъ своихъ департаментскихъ претензій, и тѣмъ поставитъ себя въ возможность цѣну фрахта сдѣлать доступнѣе для грузителя, а главное выкинетъ изъ головы призрачную надежду на соперничество въ далекихъ моряхъ съ другими, болѣе его сильными и искусными обществами. Это болѣе принесетъ пользы и себѣ и всему краю, если займется расширеніемъ своей внутренней дѣятельности, въ кругъ которой должно входить и пароходство по Днѣстру, этой прекрасной рѣкѣ, прорѣзывающей плодородную полосу нашего края, и тщетно ожидающей своего расчищенія у гирлъ и въ другихъ обмѣлѣвшихъ мѣстахъ. Это первыя работы, которыя должны быть у насъ предприняты, чтобъ ускорить и удешевить доставку хлѣба къ нашему порту. Разумѣется, не все этимъ ограничивается. Съ одной стороны, Одесско-Кіевскій трактъ долженъ пустить отъ себя двѣ побочныя вѣтви, изъ которой одна поведетъ въ глубь Подоліи или Воыни, а другая къ при-Бугскимъ мѣстамъ въ чертѣ бывшаго Херсонскаго военнаго поселенія; а съ другой, и самая гавань Одесская требуетъ немедленнаго очищенія, потому что неудобство ея растетъ съ каждымъ днемъ; во время сильныхъ вѣтровъ стояка судовъ на рейдѣ очень опасна, и всакую почти осень и весну случаются большія несчастія. Положительно извѣстно, что многіе иностранные шкипера дали себѣ слово болѣе не посѣщать Одесскаго порта, въ полномъ убѣжденіи, что онъ худшій изъ всѣхъ имъ знакомыхъ портовъ. Далѣе, способъ отправки изъ Одессы долженъ быть избавленъ отъ обременительной мно-

госложности, вслѣдствіе извѣстнаго политико-экономическаго закона, по которому между производителемъ и потребителемъ продукта, а особенно идущаго на пищу человѣческую, должно быть какъ можно менѣе посредниковъ. Проведеніе дебаркадера желѣзной дороги къ крѣпости надъ самую гаванью, устройство въ этомъ мѣстѣ магазиновъ, а оттуда кратчайшей дороги къ мѣсту погрузки, избавитъ хлѣбъ отъ утомительной и убыточной транспортировки изъ разныхъ закоулковъ города и предмѣстій; тщательная обработка и очистка его сельскими хозяевами на мѣстѣ, и прибытіе въ закрытыхъ вагонахъ, сдѣлаетъ ненужными эти постоянныя вывѣтриванія, просушиванія, подсыванія и прочія, дорого стоящія, церемоніи; самыя магазины, поглощающіе теперь огромныя суммы, сдѣлаются большею частію не нужны, или, если и будутъ нужны, то не на столь продолжительные сроки, когда представится возможность съ вагоновъ прямо передавать хлѣбъ на корабль. Всѣ эти посредники, тяготящіе теперь надъ хлѣбомъ, служатъ тормазами для нашей отпускной торговли; но объ устраненіи ихъ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи теперь, когда мы еще не имѣемъ желѣзныхъ дорогъ и находимся подъ гнетомъ стародавняго способа перевозки, самаго неуклюжаго посредника, похищающаго большую часть нашихъ денегъ и нашего времени.

V.

„И только-то!“ воскликнуть многіе. „Устроить желѣзныя дороги, разчистить рѣки, да мы все это прежде знали. Въ какихъ же именно мѣстностяхъ слѣдуетъ провести эти дороги? Гдѣ именно требуютъ рѣки разчистки? Во сколько обойдется все это? Гдѣ источники на эти громадныя расходы? Ничего этого авторъ не объясняетъ, а заботится только показать пользу желѣзныхъ дорогъ. Что тутъ новаго такого? Это вещи всѣмъ извѣстныя...“

Совершенная правда. Я напередъ сказалъ, что не пущусь на въ какія выкладки и исчисленія: это рѣшительно не моя цѣль. Я говорю о вещахъ избитыхъ и всѣмъ извѣстныхъ именно потому, что, по своей всеобщей извѣстности, онѣ сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ прописныхъ афоризмовъ, не обращающихъ уже на себя ничьего вниманія. Въ томъ-то и бѣда, что вообще публицистика наша, подъ влі-

лнємъ какого-то непонятнаго дендизма, скачетъ съ предмета на предметъ, пуще язвы боясь повтореній, тогда какъ для достиженія цѣли въ какомъ-нибудь практическомъ вопросѣ, нужно говорить тысячу разъ, чтобы договориться до чего-нибудь. Надобно, впрочемъ, отдать справедливость нашему мѣстному органу гласности, *Одесскому Вѣстнику*, который неоднократно, съ полнымъ участіемъ къ будущимъ судьбамъ края, поднималъ этотъ вопросъ; но добросовѣстный провинціальныи голосъ заглохъ въ нашихъ обширныхъ степяхъ, не возбудивъ даже слабого эха. Провинціальное общественное мнѣніе, какъ извѣстно, работаетъ передъ столичнымъ, и не только ни разу не пыталось вызвать къ жизни серіозное дѣло, но даже не смѣлъ свое сужденіе имѣть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не слышно было еще трубнаго гласа столичной журналистики. Въ этой же послѣдней, за немногими исключениями, вѣчные анализы духовной стороны жизни, абстрактные вопросы о народностяхъ, о какомъ-то загадочномъ и отдаленномъ первенствѣ на всемірной оцѣнѣ, постоянное отыскиваніе въ минувшемъ того, о чемъ ему не грезилось, и въ добавокъ къ этому нескончаемое ратоборство между братьями по ремеслу и соперниками по направленію, до того овладѣли полемъ, что простое, житейское дѣло должно посторониться на самый задній планъ. Никому, конечно, не придетъ въ голову оспаривать великую пользу печати, усиливающейся освѣтить нравственныя силы народныя во всемъ ихъ безконечномъ разнообразіи, и стремящейся, путемъ всякихъ непротивныхъ логикъ гипотезъ, къ духовному облагороженію и возвышенію своего отечества. Надобно быть дикаремъ, чтобы этому не сочувствовать. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что нравственная сторона какъ одного человѣка, такъ и цѣлаго народа не терпитъ раздѣла съ физической: *mens sana in corpore sano*. Если матеріальная жизнь народа не обезпечена, то моральное его преуспѣваніе становится чистою мечтой. Поэтому, я, рискуя, можетъ быть, вызвать на свою голову цѣлый дождь нападокъ и упрековъ, рѣшаюсь сказать, что нельзя простить нашей столичной печати того, что она исключительно посвящаетъ себя такъ-называемымъ высшимъ вопросамъ жизни, въ ущербъ вопросамъ несложнымъ, часто-матеріальнымъ, но тѣмъ не менѣе важнымъ въ общей экономіи человѣческой жизни, — экономіи, въ

которой до того переиживаются нравственные и вещественные элементы, что новѣйшая наука не только еще не рѣшилась признать преимущество за тѣми или другими, но даже стала сомнѣваться, подлежатъ ли они какому-нибудь разграниченію.

Эти-то обстоятельства, то-есть совершенное забвеніе нашего края, побудили меня къ изложенію его настоящихъ нуждъ, которыя дѣйствительно всѣми давно постигнуты, но для устраненія которыхъ еще не сдѣлано ни шагу. Какъ осуществить предстоящую намъ великую задачу, это я оставляю людямъ болѣе меня знакомымъ съ практической стороной подобныхъ работъ. Моя дѣль показать, что эту задачу мы должны немедленно осуществить, если намъ дорога жизнь дѣлаго края. Недостаточно о такихъ предметахъ говорить вскользь: надобно забыть настоящую тревогу и продолжать бить ее до тѣхъ поръ, пока не сгнущутъ злая чары, держація насъ въ оцѣпенѣніи. Пора же, въ самомъ дѣлѣ, начать дѣйствовать! Уже довольно насытили мы душу и самовосхваленіемъ и самопоричаніемъ; теперь настало время отъ словъ перейти къ дѣлу. И не другіе должны за насъ думать и дѣлать, какъ мы издавна привыкли, а мы сами, то-есть каждое улучшение, касающееся того или другаго сословія или класса, этимъ же сословіемъ и классомъ и должно преимущественно быть вызвано къ жизни. Дѣло, которое насъ теперь занимаетъ, тоже не совершится до тѣхъ поръ, пока не возьмутся за него дружно главныя заинтересованныя стороны, землевладельцы и промышленный классъ. Эти обѣ стороны должны въ каждомъ торговомъ городѣ организовать комитеты изъ опытныхъ людей, а въ Одессѣ—главный центральный комитетъ. Комитетъ будетъ обсуживать мѣры къ изысканію средствъ на покрытіе расходовъ требующихся предстоящими работами; а спеціалисты, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, недостатка не будетъ, въ то же время приведутъ въ ясность какъ мѣстности, гдѣ должны производиться работы, и смѣты этимъ работамъ, такъ равно и вопросъ о томъ, въ какой степени въ дѣлѣ этомъ потребуется содѣйствіе и помощь правительства. Но главное, инициативу должны взять наши землевладельцы и промышленники. Когда они примутся искренно дѣйствовать, то обстоятельства сами укажутъ имъ путь, по которому они достигнутъ цѣли. Я опять обращаюсь къ Австріи за примѣ-

ромъ. Все что сдѣлано въ послѣднее время въ Венгріи по части улучшенія путей сообщенія, имѣло свое начало въ ревности и усиліяхъ самихъ жителей. Рѣка Драва, представлявшая много препятствій къ судоходству, теперь дѣлается вполнѣ судоходною, благодаря стараніямъ прибрежныхъ землевладѣльцевъ, которые соединились для этого въ одно тѣло. Въ Галиціи землевладѣльцы образовали компанію Днѣстровскаго пароходства, которая принимается очищать верховья Днѣстра до русской границы. Триестская гавань, превосходная во всѣхъ отношеніяхъ, грозитъ сдѣлаться неудовлетворительною, потому что, суда по настоящему громадному уже развитію торговли этого города, ей въ будущемъ предстоитъ оборотъ въ миллионъ тоннъ. Муниципалитетъ, не дожидаясь пока неудобство разрастется, заблаговременно сдѣлалъ свое представленіе правительству, и вотъ, средства изысканы, работы, которыя оценены въ 20 миллионъ гульденовъ, уже начаты и въ самомъ скоромъ времени будутъ окончены. Такъ дѣйствуютъ тамъ, гдѣ стараются улучшить уже достаточно упроченное (говоря относительно) народное благосостояніе; какъ же должно дѣйствовать тамъ, гдѣ вопросъ идетъ не объ улучшеніи, а о созданіи благосостоянія еще не существующаго, или еще проще, о „быть или не быть“ цѣлаго края!

Я говорю о землевладѣльцахъ и промышленникахъ, оставляя въ сторонѣ денежныхъ тузовъ и первоклассныхъ негодяевъ нашего города, потому что на нихъ надѣяться рѣшительно нечего. Богачамъ нашимъ и такъ хорошо: у нихъ множество путей обезпечивающихъ постоянное приращеніе ихъ богатства. И даже настоящее затруднительное положеніе хлѣбнаго рынка можно считать между этими путями, потому что если промышленникъ и производитель приходятъ въ раззореніе отъ насильственной продажи съ убыткомъ, то тѣмъ не менѣе оптовой приобрѣтатель и отправитель, покупая по сходной цѣнѣ, можетъ надѣяться на хорошіе результаты отъ продажи за границей. Значить, этимъ баловнямъ сѣвной богини нека нужды мало. Когда же положеніе вещей достигнетъ своихъ крайнихъ предѣловъ, и торговля хлѣбомъ совершенно уничтожится, то и тогда они имѣютъ тысячу способовъ къ счастливому существованію, не говоря уже о томъ, что они могутъ перенести свою дѣятельность куда имъ заблагоразсудится, оставивъ край его собственной судьбѣ, о чемъ многіе уже стали

поговаривать. *Après moi le déluge*,—это, повидимому, лозунгъ каждаго изъ нихъ. Къ несчастію, по разнымъ причинамъ, разъясненіе которыхъ повело бы слишкомъ далеко, у насъ еще не успѣло образоваться первоклассное купечество, коренное русское, то-есть такое, которое состояло бы изъ лицъ, хотя и разныхъ племенъ и нарѣчій, однако принадлежащихъ Россіи по рожденію, по чувству патриотизма и привязанности къ родинѣ, однимъ словомъ, изъ лицъ, которыя считали бы свою судьбу связанною съ судьбою края. Нашъ высшій торговый классъ, который долженъ бы быть главнымъ двигателемъ и душою классовъ средняго и низшаго, составилъ изъ однихъ иностранныхъ элементовъ. Эти господа всегда стояли одною ногою въ Одессѣ, а другою на своей родинѣ; для нихъ городъ этотъ былъ чѣмъ-то въ родѣ каравансараа, гдѣ они думали пожить только извѣстное время, а потомъ возвратиться къ своимъ домашнимъ пенатамъ. Хотя многіе и состарѣлись въ этомъ каравансарай, а другіе даже и поумирали, однако первые все-таки не перестаютъ питать свои любимыя мечты о сложеніи костей на родинѣ, а вторые свои несбывшіяся надежды завѣщали своимъ дѣтямъ. Помяну, что отъ подобныхъ дѣятелей нечего ожидать нашему краю. Ихъ всѣ стремленія ограничиваются покупкой и отправкой готоваго, опираясь, разумѣется, прежде всего на полученные изъ-за границы заказы, или же выписываніемъ оттуда того что общааетъ скорую выгоду; но рѣшительно не въ ихъ характерѣ предпринять что-нибудь такое что требуетъ предварительныхъ жертвъ и общааетъ отдаленную, хотя и вѣрную, пользу какъ для нихъ самихъ, такъ и для города или для края. Кто, напримѣръ, у насъ не сознаетъ великой пользы желѣзной дороги отъ селенія Маяковъ до Одессы? Къ Маякамъ ежегодно сплавиваются по Днѣстру сотни тысячъ четвертей разнаго хлѣба, котораго доставка въ Одессу производится очень медленно и обходится дорого; это же самое бываетъ и съ дровами, которыми Маяки снабжаютъ нашъ городъ. По причинѣ распутицы и недостатка въ подводкахъ, очень часто случается, что сажень дровъ, стоящая въ Маякахъ 12 р., въ Одессѣ стоитъ 35 р. и болѣе, а между тѣмъ разстояніе между этими двумя мѣстами всего 40 верстъ. Соображенія эти побудили одного очень дѣльнаго человѣка составить планъ Одесско-Маяковской желѣзной дороги. На неоднократныя поѣздки, предва-

рительныя работы, исходатайствованіе разрѣшенія и прочіе расходы онъ пожертвовалъ значительною частью своего меньшаго состоянія, въ полной надеждѣ, что одесскіе капиталисты поддержать такое очевидно-прекрасное дѣло. Но онъ горько обманулся: его проектъ былъ встрѣченъ гордыми улыбками и оскорбительнымъ пожиманіемъ плечъ нашихъ богачей, изъ которыхъ не болѣе полдюжины могли бы выполнить его шутя, собственными средствами. Даже для самаго города, съ которымъ они давно сроднились и который содѣйствовалъ ихъ обогащенію, они ничего не сдѣлали и дѣлать не хотятъ. Кто не слышалъ о нашей грязи и пыли, превращающихъ Одессу попеременно то въ одну огромную зловонную лужу, то въ страшную степь Сахары, которую злой духъ, для потѣхи своей, усѣвалъ каменными зданіями! Смѣло можно сказать, что у насъ давно были бы мостовыя, еслибы наши капиталисты имѣли поменьше эгоизма и побольше симпатіи къ общественнымъ интересамъ. Дѣло водопроводовъ, о необходимости которыхъ никто не сомнѣвается, не можетъ осуществиться, единственно по убійственному равнодушію этихъ же самыхъ господъ. Деревья на приморскомъ бульварѣ, во всю длину котораго красуются ихъ же собственные дома, находятся нынѣ въ гораздо худшемъ положеніи чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Между ихъ дачами, окружающими городъ, нѣтъ ни прохода, ни проѣзда въ сухое время отъ пыли, а въ дождливое отъ баснословной грязи, и у богатыхъ владѣльцевъ этихъ дачъ до сихъ поръ не хватило столько общественнаго единства, чтобы сложиться вмѣстѣ и устроить между хуторами хоть околько-нибудь сквозное шоссе. Нѣтъ, въ дѣлѣ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, намъ съ этой стороны надѣяться нечего. Землевладѣльцы и промышленники—люди нашей родины, нашихъ чувствъ: имъ по праву и по долгу принадлежитъ подвигъ оживотворенія нашего края, который по природнымъ средствамъ своимъ и географическому положенію можетъ имѣть огромное вліяніе на благосостояніе всего нашего отечества. Въ помощи со стороны правительства не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Вѣроятно найдутся пессимисты, которые возражать мнѣ, что всѣ наши труды по улучшенію путей сообщенія ни къ чему не поведутъ, потому что работы потребуютъ, при всей поспѣшности, около четырехъ лѣтъ, а въ это время соперники наши по хлѣбной торговлѣ успѣютъ надѣлать у

себя тѣмъ улучшеній, и мы, слѣдовательно, все-таки будемъ отстоять отъ нихъ на четыре года. Но подобное возраженіе будетъ неосновательно. Вонервыхъ, если принимать въ соображеніе подобныя опасенія, то мы въ одномъ шагѣмъ никогда не подвинемся впередъ. Не боялась же Венгрія конкуренціи Сѣверной Америки, изъ которой вывозъ хлѣба въ Европу усиливался съ каждымъ годомъ. А вотворыхъ, что могутъ теперешніе соперники наши сдѣлать еще лучшаго у себя? Много, если они откроютъ новые, еще кратчайшіе пути къ европейскимъ рынкамъ: вѣдь не по телеграфу же будутъ они отправлять туда свои продукты! Но и мы, поставленные на ноги нашими желѣзными дорогами и оживленіемъ торговли, будемъ въ состояніи идти по пути усовершенствованій въ этомъ отношеніи, то-есть будемъ имѣть возможность и у себя покрыть сѣтью желѣзныхъ дорогъ и каналовъ мѣстности, изобилующія производствомъ хлѣба. Важенъ только первый шагъ, а тамъ, опередившихъ насъ мы можемъ догнать уже гораздо легче. То, на что требуется теперь четыре года времени, тогда потребуетъ отъ насъ не болѣе одного года, и мы такимъ образомъ будемъ въ состояніи черезъ нѣсколько лѣтъ стать на равную ногу съ тѣми, которыхъ догнать намъ теперь кажется такимъ громаднымъ трудомъ.

Заключаю тѣмъ, что уже прежде было высказано мною, и въ чемъ читатель самъ успѣлъ увѣриться. Не изобрѣтателемъ способовъ и средствъ къ устраненію нуждъ нашего края явился я, а простымъ адвокатомъ этихъ нуждъ. Заявляя о нихъ, я рукоподствовалъ искренностью, и не дозволялъ себѣ никакого преувеличенія: дѣло, къ несчастію, само по себѣ такъ печально, что не нуждается въ искусственныхъ прикрасахъ. Если эти строки, не чуждыя, конечно, многихъ недостатковъ, но посвященныя вопросу весьма важному, послужатъ къ тому, что вопросъ этотъ попадетъ подъ всеобщее обсужденіе, безъ сомнѣнія болѣе зрѣлое и вѣрное чѣмъ нынѣ предлагаемое читателю, то моя цѣль будетъ достигнута, потому что это позволитъ надѣяться на скорое избавленіе нашего края отъ томительнаго положенія, въ которомъ онъ теперь находится.

О. РАБИЛОВИЧЪ.

Одесса.

КАКЪ ИЗДАЮТСЯ

У Н А С Ъ

КНИЖКИ О РАСКОЛѢ

II.

Рассказы изъ истории старообрядства, по раскольничьимъ рукописамъ, передаваемые С. Максимовымъ. Спб. 1861 г.

Г. Максимовъ пользуется извѣстностью въ русской литературѣ; его *Годъ на смерть* заслужилъ общее и справедливое одобреніе. Эта самая книга можетъ внушить читателю довѣріе къ г. Максиму и какъ писателю о расколѣ. Онъ провелъ цѣлый годъ въ такой странѣ, которая съ давнихъ поръ составляетъ гнѣздо раскольниковъ, наблюдалъ надъ ними, входилъ съ ними въ близкія сношенія. Да и самъ г. Максимовъ выдаетъ себя за знатока раскола: онъ свысока трактуетъ все что было написано до него по этой части; съ увѣренностію беретъ на себя трудъ содѣйствовать устраненію общаго недостатка, замѣченнаго имъ во всѣхъ прежнихъ сочиненіяхъ о расколѣ: „недостатка знанія внутренней его жизни, объясненной въ такомъ поучительномъ и знаменательномъ обиліи въ сочиненіяхъ,

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 5.
т. XXXIX.

писанныхъ самими раскольниками.“ И такъ, мы въ правъ были ожидать много хорошаго отъ г. Максимова; но какъ горько пришлось разочароваться въ этихъ ожиданіяхъ, по прочтеніи его маленькой книжки! Она представляетъ образчикъ такого крайняго незнанія, такой жалкой небрежности, такого полнаго неуваженія къ читателямъ и при этомъ такой самоувѣренности и смѣлости, какія рѣдко можно встрѣтить, особенно въ столь счастливымъ соединеніи. Что нашъ отзывъ впрочемъ не отступаетъ отъ истины, въ доказательство этого мы приведемъ вѣскольکو примѣровъ.

На первыхъ страницахъ книжки встрѣчается, напримѣръ, такое извѣстіе: „Никонъ поспѣшилъ взять къ себѣ изъ заключенія, изъ Соловковъ, старца *Арсенія Суханова*“; въ выноскѣ противъ этого объяснено: „извѣстнаго еретика ереси и вѣры арменскія.“ Можно бы подумать, что это недосмотръ, ошибка; но послѣ то же самое повторяется не одинъ разъ (стр. 48, 50—52): значитъ, г. Максимовъ въ самомъ дѣлѣ принимаетъ извѣстнаго справщика богослужебныхъ книгъ, столь ненавистнаго раскольникамъ Арсенія Грека, за одно лицо съ не менѣе извѣстнымъ, но столь уважаемымъ раскольниками, Арсеніемъ Сухановымъ? Но вѣдь это значитъ не имѣть понятія о лицахъ самыхъ извѣстныхъ въ исторіи раскола! Притомъ, въ словахъ г. Максимова объ Арсеніи Сухановѣ видно не одно только незнакомство съ исторіей раскола; въ нихъ видна и крайняя небрежность, соединенная съ неуваженіемъ къ читателямъ. У него Арсеній есть и Грекъ и вмѣстѣ келарь Троицкаго монастыря, сидитъ въ соловецкомъ казематѣ и совершаетъ путешествія на Востокъ по важнымъ порученіямъ, еретикъ вѣры и ереси арменскія, по мнѣнію раскольниковъ, и вмѣстѣ уважаемый ими писатель. Однѣ эти несообразности, независимо отъ знанія или незнанія исторіи, должны бы, кажется, навести автора на мысль, не смѣшиваетъ ли онъ двухъ различныхъ Арсеніевъ, еслибы только онъ былъ внимателенъ къ тому что пишетъ, и къ тѣмъ для кого пишетъ.

Другой примѣръ. Г. Максимовъ напечаталъ третье, какъ называетъ онъ, посланіе Аввакума, съ такимъ подстрочнымъ замѣчаніемъ: „Сицево посланіе послано къ царю отъ протопопа Аввакума съ сотникомъ 188 (1680) года изъ

Пустозерскія темницы.“ Въ самомъ посланіи также читается: „въ нынѣшнемъ 187 году (1679) въ великій постъ.“ Это, конечно, подлинныя слова изъ рукописи, съ которой г. Максимовъ напечаталъ посланіе Аввакума; но какъ же онъ, потрудившись перевести годы стараго лѣтосчисленія на новое, не замѣтилъ здѣсь явнаго анахронизма и не исправилъ очевидную ошибку рукописи? Вѣдь если признать, что Аввакумъ писалъ посланіе къ царю Алексѣю Михайловичу въ 1680 году, то выйдетъ, что они переписывались въ царствѣ мертвыхъ. Любой учебникъ русской исторіи сказалъ бы г. Максиму, что царь Алексѣй Михайловичъ скончался 29 января 1676 года. Положимъ, это мелочь; не справаятся же въ самомъ дѣлѣ съ учебниками, при изданіи раскольничьихъ рукописей! Но вотъ что даетъ опять невыгодное понятіе о внимательности автора и къ дѣлу и къ читателямъ. Вслѣдъ за посланіемъ, авторъ излагаетъ исторію Соловецкой осады, гдѣ между прочимъ говорится, что царь Алексѣй Михайловичъ умеръ въ самый годъ взятія Соловецкаго монастыря, которое послѣдовало въ 1677 (76) году. Итакъ, нечего было и обращаться къ учебнику. Достаточно было припомнить что сказано нѣсколько страницъ назадъ, и исправить или оговорить сдѣланную тамъ погрѣшность въ указаніи времени.

Вообще, на исторію и хронологію авторъ обращаетъ мало вниманія. Вотъ еще два любопытные примѣра. Онъ передаетъ извѣстіе, что „Иванъ Насѣдка и дьякъ Ѳедоръ, книжный справщикъ у патриарха Іосифа, были первыми противниками Никона“ (13—14). Вмѣсто дьякъ Ѳедоръ, надобно читать, конечно, дьяконъ Ѳедоръ: онъ дѣйствительно былъ и справщикомъ при Іосифѣ, и однимъ изъ первыхъ противниковъ Никона; но какъ попалъ сюда Иванъ Насѣдка? И онъ, правда, былъ справщикомъ, но только при патриархѣ Филаретѣ, когда раздѣлялъ труды въ исправленіи требника съ архимандритомъ Діонисіемъ; противникомъ же Никона онъ не могъ быть никакимъ образомъ. Но впрочемъ, Иванъ Насѣдка умеръ какими-нибудь двадцатью или тридцатью годами раньше Никонова патриаршества, это еще разница лѣтъ, небольшая; а вотъ разница довольно значительная. Какъ думаетъ читатель, къ кому протопопъ Аввакумъ писалъ посланіе надписанное: „къ вѣковой дочери Христовой“?

Г. Максимовъ догадывается, что „можетъ-быть къ Февроніи, такъ-называемой (?) Муромской“! (73) Помните, да кто жь не знаетъ, что Февронія жила въ началѣ XIII столѣтія, то-есть по крайней мѣрѣ за четыреста пятьдесятъ лѣтъ до Аввакума!

Но положимъ, что все это мелочи, извинительныя у автора, который сѣдитъ за „внутреннюю жизнь раскола, объясненною въ такомъ поучительномъ и знаменательномъ обиліи въ сочиненіяхъ самихъ раскольниковъ“. Обратимъ вниманіе на то что говоритъ онъ объ этой самой внутренней жизни раскола и раскольничьихъ сочинителяхъ, у которыхъ ищеть ея объясненія, напримѣръ, о двухъ самыхъ знаменитыхъ: Андрей Денисовъ и протопопъ Аввакумъ. Это два такія лица, которыя смѣло могутъ быть названы лучшими представителями двухъ различныхъ эпохъ въ исторіи раскола, и говорить объ ихъ характерѣ и дѣятельности значитъ говорить именно о характерѣ и жизни самого раскола въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка. Итакъ, сужденія г. Максимова о такихъ писателяхъ должны имѣть для насъ особенную важность. Что же однако находимъ мы въ этихъ сужденіяхъ? Опять то же незнаніе дѣла, ту же небрежность, да кромѣ того рѣдкую самоувѣренность въ приговорахъ, тонъ рѣшительнаго знатока...

Здѣсь прежде всего поражаетъ опять удивительное незнаніе фактической стороны дѣла. Г. Максимовъ смѣшиваетъ Андрея Денисова съ братомъ его Семеномъ, и другимъ какимъ-то неизвѣстнымъ писателемъ. Онъ рѣшительно говоритъ, что „Андрей Поморянинъ Денисовъ, сильно искусившійся въ риторическихъ тропяхъ и фигурахъ“, составилъ „Повѣсть о рожденіи и воспитаніи и о житіи и кончинѣ Никона“. Никогда Андрей Денисовъ не составлялъ такой повѣсти; она есть произведеніе какого-то неизвѣстнаго раскольничьяго писателя, имѣвшаго сильное желаніе подражать Денисовымъ въ своемъ сочиненіи, но очень мало на нихъ похожаго. Потомъ г. Максимовъ не менѣе рѣшительно утверждаетъ, что „Андрей Мышецкой“ написалъ „Исторію о запорѣ и о взятіи Соловецкаго монастыря“, то-есть извѣстную исторію“ о отдѣхъ и страдальцѣхъ Соловецкихъ“. Но кто же мало-мальски знакомыхъ съ расколомъ не знаетъ, что эту исторію писалъ

не Андрей, а Семенъ Денисовъ? ¹ А кто знакомъ съ сочиненіями обоихъ братьевъ, тотъ не могъ бы приписать составленіе этой повѣсти Андрею Денисову, даже въ томъ случаѣ, когда бы не было положительныхъ извѣстій, что она сочинена Семеномъ. Какъ можно, въ самомъ дѣлѣ, смѣшать такого писателя, каковъ Андрей Денисовъ, не только съ какимъ-то бездарнымъ подражателемъ его, авторомъ повѣсти о Никонѣ, но и съ братомъ, положимъ не менѣе его талантливымъ, но все-таки имѣющимъ весьма замѣтныя авторскія особенности? Разумѣется, здѣсь было бы не у мѣста проводить, довольно любопытную впрочемъ, параллель между обоими писателями; замѣтимъ только, какъ сами раскольники характеризовали обоихъ писателей. Они называютъ Андрея „мудрости многоцѣннымъ сокровищемъ“, а Семена — „сладковѣщательною ластовицею“. Въ этихъ краткихъ словахъ характеръ ихъ обозначенъ довольно вѣрно. Андрей дѣйствительно отличался больше основательностію, разсудительностію, сдержанностію въ мысляхъ и выраженіяхъ; у Семена больше развито воображеніе, которому онъ часто позволяетъ слишкомъ широкіе и вольные полеты, его рѣчь расплывается въ „сладковѣщаніяхъ“. Смѣшать двухъ такихъ писателей — это фактъ очень знаменательный. Какой же характеристики Андрея Денисова, какъ писателя, можно ожидать отъ человека, который не въ состояніи отличить его отъ другаго извѣстнаго писателя, и отъ третьяго, даже совершенно неизвѣстнаго и бездарнаго? Характеристика вышла дѣйствительно такая, какой слѣдовало ожидать.

Г. Максимовъ сравниваетъ Андрея Денисова съ протопопомъ Аввакумомъ и находитъ между ними совершеннѣйшій контрастъ, въ которомъ все достоинства принадлежатъ Аввакуму и все недостатки Денисову. Аввакумъ обла-

¹ Въ другомъ сочиненіи г. Максимова: *Годъ на смерть*, на 216 стр. первой части авторъ „исторію“ называетъ правильно; но въ той же книгѣ, на стр. 282, какъ и теперь въ „разказахъ“, называется авторомъ этого сочиненія „Андрей Пожарянинъ, князь Мышецкой“. Чѣмъ объяснить эти странныя несогласія? Замѣтимъ здѣсь кстати, что „разказы изъ исторіи старообрядства“ были напечатаны въ *Иллюстраціи* прошедшаго года; слѣдовательно, при новомъ изданіи, авторъ имѣлъ возможность и былъ обязанъ исправить тѣ историческія и другія ошибки, которыми такъ изобилуетъ его книжка.

далъ *глубиною пониманія*: Денисовъ не имѣлъ ея. Аввакумъ обладалъ *громадною* (въ другомъ мѣствѣ—*огромною и поразительною*) *начитанностью*, которая сквозитъ изъ каждой строки, имъ написанной, и *громаднымъ знаніемъ*: Денисову ихъ не доставало. Аввакумъ „былъ сильный и неподражаемый *диалектикъ*“, „былъ необыкновенно *последователенъ и логиченъ*“, его сочиненія „отличаются *законченностію выводовъ*“ опять качества, которыхъ не имѣлъ Денисовъ. Во вѣншей формѣ сочиненій Аввакумъ отличался „*крайнею выработанностію выраженій*“: въ сочиненіяхъ Денисова авторъ, какъ видно, не находитъ этого качества. Наконецъ, Аввакумъ въ своихъ сочиненіяхъ „не прибѣгалъ къ *малкой брани и ругательствамъ*“; сочиненія Денисова, напротивъ, больше чѣмъ сочиненія всѣхъ другихъ раскольничьихъ писателей, пересыпаны бранью и ругательствами, онъ отличался вообще *рѣзкостью и невоздержностію въ бранныхъ выраженіяхъ*“.¹

Оставимъ въ сторонѣ забавные эпитеты, которыми г. Максимовъ украсилъ свой отзывъ объ Аввакумѣ, — глубокій, громадный, поразительный, неподражаемый и т. п.: обратимъ вниманіе только на сущность дѣла. Знаетъ ли г. Максимовъ, вѣдь еслибы прочесть его отзывы кому-нибудь, крошечку знакомому съ раскольническими писателями, каждый непременно подумаетъ, что это или страшная опечатка, или злая шутка надъ читателями? Каждый подумаетъ, что вездѣ, гдѣ стоитъ „Аввакумъ“, надобно читать „Денисовъ“ и наоборотъ: до такой степени отзывы почтеннаго знатока похожи на то, что есть въ дѣйствительности!²

По настоящему, не стоило бы серьезно и разбирать подробности приведенныхъ отзывовъ. Но мы возьмемъ на себя этотъ трудъ, хоть бы ради того, что эти два знаменитые расколуучителя дѣйствительно заслуживаютъ того, чтобы провести между ними параллель.

Что значитъ впервыхъ выраженіе: „Аввакумъ обладалъ *глубиною пониманія*“? Если разумѣть здѣсь пониманіе самаго раскола, основаній и условій его существованія, а также его отношеній къ церкви и правительству: то съ большимъ правомъ можно было бы усвоить это именно Денисову.

¹ См. 40—42, 71—73.

Такого пониманія нельзя было ожидать отъ Аввакума, чело-
вѣка „огнепальныя ревности“, и по характеру его, слишкомъ
живому и раздражительному, и по самому положенію рас-
кола въ его время. Это было время сильнаго возбужденія въ
расколѣ, вызваннаго совершившимися въ церкви преобра-
зованіями и поддержаннаго строгими правительственными
мѣрами. И въ Аввакумѣ, въ его характерѣ, въ его лите-
ратурной и общественной дѣятельности, именно выразился
тогдашній характеръ раскола; преобладаніе горячности и
увлеченія, съ отсутствіемъ полнаго сознанія основъ, на
которыхъ расколъ могъ утвердиться, тѣхъ отношеній
къ церкви и государству, въ какихъ онъ могъ существо-
вать, какъ общество самостоятельное, независимое отъ
той и другаго. Совсѣмъ другое явленіе представляетъ об-
щественная и литературная дѣятельность Андрея Денисова.
Время увлеченія и лихорадочной дѣятельности прошло;
расколъ нѣсколько установился; на поверхность выступило
много вопросовъ, не представлявшихъ ясно первымъ рас-
колоучителямъ, но теперь настоятельно требовавшихъ рѣ-
шенія. Тогда-то почувствовалась внутренняя несостоятель-
ность раскола, тогда-то въ расколѣ явилась потребность
болѣе спокойно, болѣе сознательно выикнуть въ собствен-
ное положеніе и опредѣлить отношенія къ „внѣшнимъ“.
Андрей Денисовъ, по своимъ личнымъ свойствамъ, былъ
именно такой челоѣкъ, который лучше другихъ могъ
выразумѣть эти нужды и удовлетворить имъ. Онъ ясно
видѣлъ шаткость основъ, на которыя опирался расколъ;
онъ сознавалъ нужду во что бы то ни стало поддержать
ихъ, хотя бы искусственными средствами, и принялся за
это съ свойственною ему изобрѣтательностью и настой-
чивостью: онъ-то главнымъ образомъ сообщалъ расколу
замѣчательную изворотливость въ ученіи, во внутреннемъ
устройствѣ, и въ отношеніяхъ къ церкви и правительству.
Характеромъ двусмысленности и лукавства запечатлѣна
вся дѣятельность Андрея Денисова, и какъ киноарха,
администратора, и какъ писателя. Будь на мѣстѣ Денисова
протопопъ Аввакумъ; и сознай онъ такъ же хорошо истин-
ное положеніе раскола, онъ, при своей искренности и го-
рячности, мы думаемъ, былъ бы способенъ скорѣе отказаться
отъ раскола нежели обратиться къ сознательному лукав-
ству; оно было не въ характерѣ первыхъ расколоучителей,

а во времена Денисова было, можетъ-быть, единственнымъ спасеніемъ раскола.

Азвакумъ, съ свойственною ему откровенностью и очень вѣрно, изобразилъ самъ себя въ своей біографіи. Это человекъ, лично раздраженный противъ Никола и дѣйствующій постоянно подъ вліяніемъ этого раздраженія, принимающаго подчасъ характеръ религіозной экзальтациі. Это человекъ непоколебимо убѣжденный въ своей великой святости; ему чудятся разныя видѣнія, для него совершаются небывалыя чудеса. Частію подъ вліяніемъ этого самообольщенія, частію вслѣдствіе крайняго упорства и дерзости, онъ отваживается на самыя смѣлые и опасныя поступки. Положеніе Денисова было совсѣмъ иное. Ему приходилось отвѣчать на вопросы, касавшіеся существенныхъ сторонъ раскола, его внутренней жизни, его отношеній къ православію. Въ необыкновенномъ искусствѣ, съ какимъ Денисовъ умѣлъ обходить въ отвѣтахъ опасныя для раскола стороны, въ уклончивости и изворотливости, съ какою онъ прикрывалъ неосновательность раскольническихъ мнѣній, въ наружномъ уваженіи, какимъ онъ смягчалъ самыя оскорбительныя для православныхъ замѣчанія, оказалось именно сознаніе внутренней несостоятельности раскола, и столь же ясно сознаваемая потребность установить, по возможности, мирныя отношенія раскола къ церкви и правительству, выставить въ возможно-благопріятномъ свѣтѣ его ученіе и жизнь, не оскорбляя въ то же время ни церкви, ни государства. ¹

¹ Примѣровъ его ловкости въ подобныхъ случаяхъ можно указать очень много въ „Поморскихъ отвѣтахъ“. Вотъ напримѣръ какіе дѣлались отъ отвѣты, когда его прямо и опредѣленно спрашивали, признаютъ ли раскольники русскую церковь православною: „своего сужденія на Велико-королевскую церковь, или порицанія какова жестокослонна самоопитательно наносити опасенія, возниже ради въ церковь внесенныхъ соглашатиа боимся;“ или: „мы архіерейскаго достоинства безчестьюми словеса не оглагоуемъ; аще о новостѣхъ какихъ, отъ Николовыхъ временъ въ церковь внесенныхъ, сомнѣваемся и опасенія, но на ихъ архіерейскіе высокіе чины, мы премагѣшнн и посаждѣшннн суда наносити не держаемъ, но апостольскому заповѣданію, саде глаголющему: ты кте еси судий чуждему рабу?“ Вотъ еще отвѣтъ на вопросъ, признаютъ ли раскольники царя православнымъ: „нѣсть наше дѣло, аже еге государское православіе изтязовати и судити; нѣсть наша должностъ, аже еге царское отъ сѣя жизни отгнестіе испытывати и разсудити; но какъ должно

Аввакумъ обладалъ „огромною начитанностію и громаднымъ знаніемъ“! Но скажите, ради Бога, гдѣ же отыскалъ г. Максимовъ у Аввакума слѣды знанія (которое авторомъ однако отличается отъ простой начитанности). Знаніе и вообще было у насъ рѣдкостью во времена Аввакума; за исключеніемъ появлявшихся въ Москвѣ воспитанниковъ юго-западныхъ школъ, каковы напримѣръ Епифаній Славенцкій, Симеонъ Полоцкій, много ли между современниками Аввакума г. Максимовъ насчитаетъ людей получившихъ какое-нибудь образованіе? Что же касается Аввакума, то напротивъ онъ отличался именно крайнею степенью невѣжественности и суевѣрія. А между тѣмъ Денисову точно нельзя отказать, до нѣкоторой степени, даже и въ научныхъ познаніяхъ. Извѣстно, что онъ слушалъ уроки въ разныхъ школахъ, тщательно, какъ говорятъ его біографы, изучилъ богословіе, философію, грамматику, риторику и пиитику; зналъ онъ и языки, по крайней мѣрѣ латинскій, преобладавшій въ тогдашнихъ школахъ.¹

Иное дѣло начитанность Аввакума; въ начитанности ему дѣйствительно отказать нельзя. Но все-таки, можно ли назвать ее огромною? Любопытно было бы знать, въ какомъ это сочиненіи поразительная Аввакумова начитанность скрывается изъ каждой строки? Не надобно также упускать изъ вниманія, что такая начитанность, какую встрѣчаемъ у Аввакума, была вообще нѣрѣдкимъ явленіемъ въ концѣ XVII вѣка, и довольно дешево стоила. Чтобы дѣлать ссылки на Златоуста, Ефрема, Діонисія, Ипполита и другихъ отцовъ, подобныя тѣмъ, какія дѣлаетъ Аввакумъ, достаточно было прочитать нѣсколько разъ со вниманіемъ только *Книгу о Вѣрѣ* или *Книгу Кирилла*. Ужь если г. Максимовъ хотѣлъ отыскать между раскольниками человѣка, обладавшаго дѣйствительно замѣчательною начитанностію, ему слѣдовало указать не на Аввакума, а опять-таки на того же Андрея Денисова, у котораго однакоже онъ ея совсѣмъ не нахо-

---

есть ихъ государское великолѣпіе почитать, какъ нужно есть, еже свое правосавіе соблюдати“ и проч.

¹ Доказательствомъ этого знакомства съ латинскимъ языкомъ, равно какъ его любознательности, служитъ сдѣланное имъ сокращеніе богословскихъ и философскихъ трактатовъ Мирандола.

дить. Въ сочиненіяхъ Денисова оказался такой значительный запасъ разнаго рода свидѣтельствъ въ защиту раскольническихъ мнѣній, какого во времена Аввакума не существовало и не могло существовать. Время отъ Аввакума до Денисова прошло не безполезно въ этомъ отношеніи: вызванные православною полемическою литературой къ защитѣ своего ученія, раскольники усердно занялись собираніемъ разнаго рода свидѣтельствъ, которыми потомъ и воспользовался Денисовъ, значительно приумноживъ ихъ и собственными изысканіями. Такого рода изысканія были едва ли не главною его дѣятельностію. Съ этою цѣлію онъ совершалъ даже нарочныя странствованія по Россіи, стараясь повсюду и всевозможными средствами добывать старинныя книги и другіе памятники древности, драгоцѣнные для раскольниковъ. Есаубы г. Максимовъ далъ себѣ трудъ только перелистовать *Поморскіе Отвѣты*, еслибы внимательно просмотрѣлъ хоть одинъ пятый отвѣтъ—о двуперстномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія; онъ увидалъ бы такое множество указаній и ссылокъ на разныя книги богословскія, богослужебныя, отеческія, также историческаго и археологическаго содержанія, что у него не хватило бы духа сказать про Андрея Денисова, что у него „нѣтъ той громадной начитанности, которая сквозить изъ каждой строки другаго плодовитаго раскольничьяго писателя, протопона Аввакума.“

Далѣе: Аввакумъ „былъ сильный и неподражаемый діалектикъ, необыкновенно послѣдователемъ и логиченъ, отличался законченностію выводовъ.“ Нашимъ раскольникамъ вообще нельзя отказать въ склонности и нѣкоторой способности къ діалектическимъ приемамъ; самое отсутствіе дѣйствительной силы, то-есть истины на ихъ сторонѣ, побуждало ихъ обращаться къ искусственному построенію доказательствъ въ свою защиту, и дѣйствительно у нихъ явились своеобразныя приемы доказательствъ, которые съ большимъ или меньшимъ искусствомъ и успѣхомъ пускались въ ходъ. Діалектической элементъ въ значительной степени выступаетъ уже въ *Челобитной* соловецкихъ раскольниковъ, нѣкоторыя доказательства построены въ ней очень искусно и ловко ¹.

¹ Напримеръ, въ слѣдующемъ обращеніи къ царю Алексѣю Михайловичу: „мы богомольцы твои, государевы, держали то же преданіе, которое

Но Аввакумъ... Ужь не основалъ ли г. Максимовъ своего отзыва объ Аввакумѣ, какъ о сильномъ и неподражаемомъ діалектикѣ, на его собственныхъ разказахъ объ особенномъ искусствѣ вести споры съ „отступниками“, о постоянномъ торжествѣ его среди этихъ споровъ, неизбѣжно кончавшихся поражениемъ его противниковъ? Благоревностный протопопъ Аввакумъ, дѣйствительно, очень любилъ спорить, или, какъ онъ самъ выражается весьма удачно, „браниться съ отступниками“. Можно вѣрить, пожалуй, и тому, что споры кончались большею частію торжествомъ Аввакума: но эту силу въ спорахъ, это торжество ему доставляли не способность и искусство въ діалектикѣ, которыхъ у него не было, а главнымъ образомъ непоколебимая стойкость въ принятыхъ мнѣніяхъ, не допускавшая никакихъ уступокъ, и то умѣнье „браниться“, употреблять крупныя, сильныя выраженія, которыми онъ отлучался на самомъ дѣлѣ.

до сего времени держали прародители твои, государевы, благовѣрные царіе и великіи князи, и отецъ твой, государь нашъ, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи... И еще по ихъ, новыхъ учителей, худую держали мы по сіе число яко не истинную православную вѣру; но убо прародители твои, государевы, благовѣрные царіе и великіе князи, извѣстно православни; аще же, государь, ои православни, и мы гдѣхъ наслѣдницы, то почто у насъ православную христіанскую вѣру отнимати?“ и т. д.

¹ Приведемъ для примѣра одно мѣсто изъ его автобіографіи, гдѣ онъ передаетъ свой побѣдословный споръ съ патриархами на соборѣ 1667 года. Хотя въ дѣйствительности дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ передаетъ его триумфаторъ; но разказъ его важенъ для насъ именно потому, что хорошо объясняетъ, діалектикѣ ли онъ былъ одоленъ своими побѣдами. „Поставили меня предъ всеземскихъ патриарховъ,— и наши всѣ тутъ же, что лисы, сидѣли; отъ писанія съ патриархами говорилъ много, Богъ отверзъ грѣшныя мои уста и посрамилъ ихъ Христомъ. Последнее слово ко мнѣ рекаше: „что де ты упрямъ; вся де наша Палестина и Серби, и Албаши, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и креститься дѣлаи персты, такъ не подобаетъ.“ И я имъ о Христвѣ отвѣщавъ сиде: „Всеелестіи учителя! Римъ давно упалъ и лежитъ неясноуно и Ляхи съ нимъ же погибли до конца, враги быша Христіанамъ; и у васъ православіе нестро; отъ насилія турецкаго Магмета немощни есте стали, и впрѣдъ призѣбайте къ намъ учиться; у насъ Божією благодатию самодержество, до Никола отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь не мятежна. Николь воакъ съ дьяволомъ предали тремя персты креститься; а первые наши пастыри, якоже сами дѣлаи персты крестились и благославляли по преданію святыхъ отецъ нашихъ и т. д.“

Но если Аввакума нельзя назвать диалектикомъ, тѣмъ больше сильнымъ и неподражаемымъ, то, напротивъ, это названіе вполне можетъ быть усвоено Денисову. Денисовъ обладалъ именно тою гибкостью ума, которая необходима для диалектическихъ тонкостей, и природную способность къ диалектикѣ развилъ школьнымъ образованіемъ. Схоластика, господствовавшая въ тогдашнихъ школахъ, весьма много способствовала раскрытію въ немъ формальной стороны мышленія; диспуты, бывшіе порожденіемъ и лучшимъ выраженіемъ ея, приучая на каждую мысль представлять доказательства и pro и contra, до совершенства изоцряли способность къ спорамъ. Вынесенное изъ школы искусство Денисовъ приложилъ къ своимъ литературнымъ трудамъ въ защиту раскола. И *Поморскіе ответы* составляютъ блестящее доказательство его диалектического искусства. Въ нихъ содержится, собственно говоря, очень не много главныхъ, основныхъ положеній въ защиту раскола; но въ рукахъ Денисова онѣ составляютъ такой послушный матеріалъ, онъ такъ искусно умѣетъ ими пользоваться, что одно и то же положеніе въ разныхъ отѣвкахъ, представляемое съ разныхъ сторонъ, проходитъ у него во многихъ доказательствахъ, повидимому совершенно различныхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго¹. *Поморскіе Ответы* имѣли сильное вліяніе на раз-

---

И патриархи задумались, а наши, что волчонки, завывли, блевать стали на отцовъ своихъ, говоря: „глупы де были и не смыслили наши русскіе святые; неучелые де люди были; чему имъ вѣрить? они де грамотъ не умѣли!“ Мнѣ бѣдному горько, а дѣлать нечего стало: *побранилъ ихъ, сколько могъ, и посадивъ слово рекъ: чистъ есмь азъ и правъ прии́пшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше едины творилъ солю Божію небули тѣмъ беззаконныи...* „Я отошелъ къ дверямъ да набокъ повалился: „посидите вы, а я полежу,“ говорю имъ. Такъ они смѣются: „дуракъ де протопопъ и патриарховъ не почитаетъ“. А я говорю: „мы уроды Христа ради; вы славы, мы же безчестны; вы сильны, мы же немощны“. Потомъ паки пришли ко мнѣ власти, и про алаудія стали говорить со мной, и мнѣ Господь подаде,—посрамилъ въ нихъ римскую ту блядь Диокисіемъ Ареопагитомъ. И Евсеимъ, чудовскій кеарь моливалъ: „правъ де ты, нечего намъ больше говорить съ тобою,“ — да и повелъ меня на чепъ“.

¹ Въ примѣрѣ можно указать на разнообразіе доказательствъ, какія во многихъ отѣвахъ выводитъ онъ изъ понятія о несомнѣнномъ, по его мнѣнію, каноническомъ значеніи Стоглавнаго собора. Потому, у него нередко встрѣчается подобный *circulus in demonstrando*: церковь русская

вѣтіе въ раскольникахъ той наклонности къ діалектикѣ, о которой мы говорили выше. Такимъ образомъ Андрей Денисовъ не только самъ былъ замѣчательный діалектикъ, но можетъ быть названъ въ нѣкоторомъ смыслѣ образователемъ своеобразной діалектической школы между раскольниками (особенно безпоповщинами).¹

Понятно, что г. Максимовъ также совершенно несправедливо усволяетъ Аввакуму „необыкновенную послѣдовательность и логичность“. Аввакумъ и по складу ума и по своему, такъ сказать, литературному воспитанію, былъ весьма мало способенъ къ логическому развитію мысли; въ его сочиненіяхъ вовсе нѣтъ того что мы называемъ послѣдовательностью и доказательностью; мысль всегда выражается у него непосредственно, категорически; онъ приводитъ свидѣтельства, сопоставляетъ ихъ съ собственнымъ мнѣніемъ—и только. У Денисова, напротивъ, видна именно строгая логическая послѣдовательность, хотя, вслѣдствіе схоластическаго образованія, самая послѣдовательность имѣетъ у него болѣе формальный характеръ. Въ основаніи каждаго „отвѣта“ у него непремѣнно лежитъ правильно построенная форма силлогизма, и заключеніе всегда вѣрно вытекаетъ изъ посылокъ. Но гдѣ-нибудь, въ основаніи или посылакахъ, непремѣнно есть искусно прикрытая раскольничья лазейка, какое-нибудь ложное положеніе, которое, не нарушая формальной правильности силлогизма, лишаетъ его дѣйствительной логической послѣдовательности.

А что касается „законченности выводовъ“, которую г. Максимовъ находитъ въ сочиненіяхъ Аввакума, то ея, въ строгомъ смыслѣ, нельзя приписать даже Денисову, са-

---

до время Никола была несомнѣнно православна, потому что содержала дуперстное сложеніе, сугубое аллауи и проч.; а дуперстное сложеніе, сугубое аллауи, и проч. суть обычай несомнѣнно православные, потому что ихъ содержала церковь русская до времени Никола патріарха.

¹ Участіе въ составленіи *Полторскихъ отвѣтовъ* принимали, кромѣ Андрея Денисова, которому принадлежитъ большая часть труда,—братъ его Семенъ и Трофимъ Петровъ. Но трудъ послѣднего ограничивался собраніемъ матеріаловъ; Семенъ Денисовъ дѣйствительно написалъ нѣкоторые отвѣты; но тѣмъ не менѣе, общая редація принадлежала вполнѣ Андрею Денисову, потому и можно ихъ разсматривать какъ самостоятельный трудъ послѣднего. Павелъ Любопытный въ своей *Библіотекѣ* очень вѣрно называетъ Андрея Денисова „главнѣйшимъ творцомъ и исправителемъ отвѣтовъ“

тому послѣдовательному изъ раскольническихъ писателей, какъ потому что его заключенія имѣютъ большею частію только формальную законченность, такъ и потому еще что нерѣдко онъ преднамѣренно не доводитъ своихъ разсужденій до послѣднихъ выводовъ. Аввакуму же законченность выводовъ можетъ быть усвоена развѣ въ смыслѣ особенной рѣшительности и смѣлости, не стѣсняющейся ни логикой, ни исторіей. Такого рода законченностию выводовъ дѣйствительно отличаются его сочиненія.

Аввакумъ отличался „крайнею выработанностию выраженія“, говорить г. Максимовъ, продолжая характеристику этого писателя... Нѣтъ, воля ваша, а непремѣнно г. Максимовъ отъ кого-нибудь слышалъ характеристику расколоучителей, и потомъ перемѣшалъ въ памяти имена. Замѣчаніе, сейчасъ приведенное, вполнѣ относится опять именно къ Денисову, а никакъ ужъ не къ Аввакуму. Денисовъ, достаточно изучившій грамматику, риторику и пиитику, весьма много упражнявшійся въ сочиненіяхъ, дѣйствительно умѣлъ достигнуть замѣчательной выработанности языка. У него есть значительная доля изысканности въ выраженіяхъ, преобладаетъ искусственное построеніе фразы, отзывающееся отчасти даже латинскою конструкціей, но въ то же время всегда правильное и всегда точно передающее мысль во всѣхъ малѣйшихъ отбѣнкахъ; у него слово было всегда послушнымъ орудіемъ мысли. Въ сочиненіяхъ Аввакума, напротивъ, вѣшняя форма выраженія отличается грубою простотою, вполнѣ отбѣчающею непосредственностію и рѣзкости самыхъ его поятій и сужденій. Языкъ въ его сочиненіяхъ отличается всеми достоинствами и недостатками современной ему простонародной рѣчи. Порой онъ переходитъ въ книжную рѣчь, и тогда непременно является неправильнымъ и темнымъ; но вообще онъ представляетъ оригинальную смѣсь невообразимой грубости площадныхъ выраженій съ простотою и наивною, нечуждою своего рода живописности: таковы въ особенности всѣ его рѣчи обращенныя къ друзьямъ, и украшенныя нѣжными эпитетами: миленькіе, свѣты мои и т. п. ¹.

¹ Таковъ разказъ о его встрѣчѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, по возвращеніи изъ Сибири: „государь меня тотчасъ къ рукъ поставитъ великъ, и слова милостивыя говоритъ: здорово ли де-протопопъ живешь?

Наконецъ, г. Максимовъ говоритъ, что Аввакумъ „не прибѣгалъ къ мелкой брани и ругательствамъ, которыми пересыпаны въ особенности сочиненія, которыя вышли изъ-подъ пера Андрея-поморянина“. Это просто уже изъ рукъ вонъ! Г. Максимовъ, очевидно перемѣшалъ въ памяти слышанныя имена: иначе и невозможно объяснить до такой степени несообразныя съ дѣйствительностію описанія. Согласимся, пожалуй, что Аввакумъ не любилъ прибѣгать къ мелкой брани: его брань и ругательства очень крупныя. Такія выраженія, какъ „большой чортъ, собака, адовъ песь, борзой кобель“ и другія, совершенно неудобныя для печати, вѣроятно г. Максимовъ не назоветъ мелкими. А между тѣмъ такими выраженіями именно пересыпаны сочиненія Аввакума, за исключеніемъ весьма немногихъ. Мы и не говоримъ уже о названіяхъ: „антихристъ, отступникъ, еретикъ“ и т. п.; это у него обыкновенные эпитеты патріарха Никона. Аввакумъ кромѣ того, говоритъ г. Максимовъ, не прибѣгалъ, и даже „не имѣлъ нужды прибѣгать, къ пасквилямъ и сплетнямъ“; зная лично и притомъ коротко патріарха Никона, „онъ не позволялъ себѣ ни разу пуститься въ мелкій и дробный анализъ особенностей характера (?), чтобъ потомъ омрачить его предъ міромъ многочисленныхъ враговъ его?“ Да помилуйте, а что же самъ Аввакумъ разказываетъ въ автобіографіи о своихъ хлопотахъ по случаю избранія патріарха на мѣсто Іосифа? Какъ онъ изображаетъ, при этомъ, поведеніе Никона, который будто бы, какъ лисъ, юлилъ предъ своими старыми друзьями, „челомъ да спасибо“, потому что „болался, чтобы отколева помѣшка, какой не было?“ А кто же больше всего и пускалъ злыхъ клеветъ на Никона, какъ не Аввакумъ? Кто же выдумалъ, напримѣръ, клевету, будто Никонъ былъ сынъ беззаконія? Съ другой стороны, говорить, будто мелкою бранью и ругательствами пересыпаны въ особенности сочиненія вышедшія изъ-подъ пера Андрея Поморянина, значить не имѣть ни малѣйшаго понятія объ этихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи сочиненія Деку-

---

Еще де-видѣтца Богъ велѣлъ! А я супротивъ руку его поцѣловалъ, и пожалъ, и самъ говорю: живъ Господь, жива душа моя царь государь! А впередъ что изволить Богъ. Онъ же, миленькой, вздохнулъ, да и пошолъ куда ему надобъ.

сова представляютъ, напротивъ, образецъ весьма замѣчательной сдержанности и осторожности. Посмотрите, напримеръ, какъ вообще *Поморскіе отцы* говорятъ о православной церкви и въ частности о Никонѣ! Какая наружная почтительность, какое замѣтное опасеніе, чтобы не нарушить почтительнаго тона какимъ-нибудь оскорбительнымъ и рѣзкимъ выраженіемъ. Быть-можетъ, Денисовъ питалъ внутренно не меньшую ненависть къ Никону, и вообще къ православной церкви, чѣмъ и самъ Аввакумъ, такъ безцеремонно выразившійся; но онъ очень хорошо понималъ, что время проявленія ея въ тѣхъ формахъ, какъ было при Аввакумѣ, миновало, что интересы самого раскола требуютъ другой тактики, отсюда эта осторожность выраженій, отсутствіе всякихъ бранныхъ и рѣзкихъ словъ въ сочиненіяхъ не только самого Денисова, но даже въ сочиненіяхъ ближайшихъ его учениковъ, на которыхъ отразилось его вліяніе. Сочиненіе брата Андрея Денисова, Семена, о жизни патріарха Никона все провизнуто такою же, если не большею враждою къ Никону, какъ и сочиненія самого Аввакума; но мы не встрѣчаемъ въ немъ ни одного изъ бранныхъ выраженій, какими изобилуютъ послѣднія; напротивъ, у Денисова текутъ витиеватыя рѣчи о характерѣ и дѣятельности Никона, искусно составленныя, не нарушающія приличія, хотя въ сущности столько же злыя, какъ и грубыя ругательства Аввакума.

Приведенныхъ примѣровъ и замѣчаній достаточно, чтобы читатель видѣлъ, отступили ли мы отъ истины, назвавъ книжку г. Максимова замѣчательнымъ соединеніемъ незнанія и небрежности. А какой при этомъ тонъ самоуверенности господствуетъ въ книжкѣ! Какимъ тономъ знатока произносится сужденіе объ исторіи и внутренней жизни раскола, объ историческихъ дѣятеляхъ и писателяхъ раскольническихъ и православныхъ!...

Изъ нѣкоторыхъ замѣчаній г. Максимова видно, что рукописи, по которымъ онъ составилъ свои разказы, приобрѣтены имъ во время путешествія въ Поморьѣ, и что рукописи эти онъ считалъ или совсѣмъ неизвѣстными или извѣстными очень мало. Въ одномъ мѣстѣ, напримеръ, онъ говоритъ: „перейдемъ теперь по порядку къ перечисленію и подробностямъ всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя возлагали на Никона его противники. Всѣ они собраны въ одну книгу, случайно попавшую намъ въ

руки (на рѣкѣ Печорѣ, въ слободѣ Пустозерскѣ), которой мы и будемъ слѣдовать.“ Мы полагаемъ, что прежде нежели издавать рукопись, нужно было бы по крайней мѣрѣ подумать: неизвѣстна ли уже она читателямъ? И стоить ли еще разъ говорить о ней? Также, кѣмъ ли въ самой раскольнической литературѣ болѣе дѣльнаго сочиненія о томъ же предметѣ, о которомъ говорится въ рукописи случайно попавшейся въ наши руки? И еслибы г. Максимовъ справился хоть бы съ недавно изданными книгами о расколѣ (что не такъ трудно и не требуетъ большей учености), онъ нашелъ бы, что „повѣсть о рожденіи и воспитаніи, и о житіи и кончинѣ Никона“, довольно обстоятельно изложена въ *Описаніи нѣкоторыхъ сочиненій написанныхъ русскими раскольниками* (ч. I. стр. 183—194), а по своимъ достоинствамъ вовсе не такова, чтобы стоило говорить о ней другой разъ. Напротивъ, если *порядка* ради г. Максимова и нужно было говорить о жизни патріарха Никона, какъ излагаютъ ее раскольники; то слѣдовало избрать совсѣмъ другое сочиненіе (и жаль, что оно столь же случайно не попало въ его руки): сочиненіе Семена Денисова, помѣщенное въ началѣ *Россійскаго Винограда*. Это сочиненіе дѣйствительно замѣчательное, и именно потому что представляетъ весьма любопытныя черты того, какъ раскольники распорядились достовѣрными извѣстіями о жизни Никона, какъ искусно и съ какою смѣлостью передѣлывали ихъ на свой ладъ. Тогда имѣли бы больше приложенія и тѣ ученые примѣчанія, которыми г. Максимовъ сопровождаетъ *Повѣсть о Никонѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь встрѣчаемъ мы даже ученые замѣтки, то-есть выдержки изъ Шушерина, представленныя въ видѣ примѣчаній. Правда, скоро объяснилось, откуда явилась въ книжкѣ г. Максимова, такая ученость, то-есть знакомство съ книгою Шушерина. Г. Максимовъ самъ объясняетъ, что „въ книгѣ доставшейся въ его руки“ (то-есть въ рукописной повѣсти о Никонѣ) находится особая статья подъ заглавіемъ: „отъ извѣстія, писаннаго о рожденіи и воспитаніи и о житіи бывшаго Никона, патріарха московскаго, иподіакономъ его Иоаномъ Шушеринымъ“, и что „болѣе интересныя содѣнія изъ этой статьи онъ пустилъ примѣчаніями, въ пополненіе или опроверженіе тѣхъ фактовъ, которые даны разбираемою имъ раскольничьею біографіею

Никона“ (стр. 69). И такъ вотъ чѣмъ объясняется знакомства автора съ Шутеринимъ. Что Шутеринъ давнымъ-давно извѣстенъ, что книга его давнымъ-давно напечатана, это еще не доходило до г. Максимова. Но дѣло не въ томъ. Во всякомъ случаѣ, сопоставленіе разказовъ принадлежащихъ съ одной стороны послушнику Никона, и съ другой—самымъ злымъ врагамъ его, могло бы привести къ любопытнымъ наблюденіямъ и соображеніямъ, еслибы только и это дѣло авторъ исповнилъ съ какимъ-нибудь знаніемъ и сколько-нибудь добросовѣстно. Надобно замѣтить, что сочиненіе Шутерина было извѣстно раскольникамъ, писавшимъ о Никонѣ; оно во многихъ случаяхъ послужило для нихъ основаніемъ къ составленію извращенныхъ, передѣланныхъ на свой ладъ повѣствованій. Такъ Шутеринъ, говоря о возвращеніи Никона изъ Соловецкаго монастыря съ мощами святаго Филиппа, разказываетъ, что въ крестномъ ходѣ по случаю встрѣчи мощей участвовалъ Варлаамъ митрополитъ Ростовскій, хотя „ему благочестивый царь, ради конечныхъ его престарѣлости, зѣло отъ путешествія того унимаше“,—и что при этомъ случилось съ нимъ слѣдующее: „грядущимъ имъ, и мало нѣчто, яко бы верженіемъ камени до святительскихъ мощей не дошедшимъ, преосвященный Варлаамъ митрополитъ сѣде въ свои кресла и абіе отъ жизни сея отъиде.“ О событіи этомъ, со словъ Шутерина, разказываютъ и раскольничьи біографіи Никона. Г. Максимовъ передаетъ его такъ: „на срѣтеніе мощей святаго Филиппа, съ царемъ Алексіемъ, вышелъ уже митрополитъ ростовскій и ярославскій Варлаамъ, исполнявшій чреду святительскую еще при Иосифѣ, но старый лѣтами и болѣзненный до того, что тутъ же, на мѣстѣ пріятія мощей, сѣлъ въ кресла и умеръ.“ Противъ этого онъ дѣлаетъ выводку: „какъ раскольники, такъ и Шутеринъ, по случаю скоропостижной смерти митрополита, прибавляютъ, что онъ умеръ „яко точію верженія камени“ (?). Что же въ этомъ разказѣ замѣчательнаго и чисто раскольничьяго? И къ чему сдѣлана, притомъ неисправно, эта коротенькая выписка изъ Шутерина? Но еслибы авторъ сопоставилъ и внимательно случилъ разказъ Шутерина съ разказомъ Денисова въ *Виноградъ Россійскома*, онъ нашелъ бы здѣсь много любопытнаго, именно увидѣлъ бы, какъ изъ того обстоятельства, что митрополитъ Варлаамъ,

окончался въ то время, когда Никонъ съ мощами святаго Филиппа находился уже близко отъ него, раскольникъ-повѣствователь создалъ цѣлое сказаніе, гдѣ кончина Варлаама объясняется не просто его крайнею престарѣlostью, а приписывается чуду. Варлаамъ яко бы молился Богу, чтобы не видѣть отступника Никона, который хочетъ новинами смутить церковь, и Богъ услышалъ молитву святаго мужа, послалъ ему чудесную кончину, такъ что онъ умеръ хотя недалеко отъ Никона, но все-таки не видавъ его! ¹

Въ сочиненіи Денисова можно указать не мало такихъ разказовъ, съ такою же удивительною смѣлостью построенныхъ на основаніи дѣйствительныхъ фактовъ. Вотъ такимъ случаемъ г. Максимовъ оказалъ бы услугу читателямъ; теперь же его ссылки на Шушерина едва ли могутъ привести большую пользу; притомъ онъ сдѣланы такъ небрежно, что въ иныхъ мѣстахъ могутъ и совершенно спутать читателя. ²

Въ книжкѣ г. Максимова изложена также исторія Соловецкой осады. Объ этой осадѣ у насъ написано достаточно; и новое изложеніе ея можетъ быть оправдано развѣ новыми учеными историческими открытіями, или по край-

¹ „Егда Николу съ мощами святаго Филиппа митрополита приближающуся къ царствующему граду Москвѣ, изыде царь на срѣтеніе съ народы — и оный предивный архіерей Варлаамъ, уже молящеся Господеву: Владыко всесвятый и Боже всѣхъ! не даждь ми видѣти сего многоятежника и смутителя всероссійскаго, хотящаго новинами поколебати твою всесвятую церковь; но сотвори со мною знаменіе во благо, по твоей величій преславикихъ судьбъ милости, яко благословенъ еси во вся вѣки, аминь. Что предивное отсюду творится! Что преславное содѣвается чудо? Водиму сему чудному архіерею двѣма архидіаконама на срѣтеніе мощей и мало Николу не дошедшу, елико въ видѣніи другъ друга бывшии, блаженному приаждо молящуся архіерею подомышася того розъ и на рукахъ поддерживающихъ свою душу Господеву предаде“. Смыслъ сказанія тотъ, что въ Никонѣ, до вступленія его на патриаршество, такіе дивные и блаженныя архіереи, каковъ былъ Варлаамъ, уже предвидѣли будущаго многоятежника и смутителя всероссійскаго.

² Вотъ примѣръ. На стр. 50—51 приведены подлинныя слова повѣсти о томъ, что Никонъ, „воспомянувъ джепророка своего ссыльнаго чернца Арсенія.... вземъ, устрои его быти на печатномъ дворѣ справщика. Той же окаанный“ и проч. Противъ этого въ выноскѣ: „Шушеринъ такъ говоритъ объ Арсеніи: посла же (Никонъ) съ милостынею старца Арсенія Сужанова въ Афонскую гору“ и т. д.: понятно, какъ кстати приведена такая выписка!

ней мѣръ литературными достоинствами разказа. Разказъ г. Максимова не хуже, да и не лучше другихъ; а что касается его ученыхъ изысканій, они ограничиваются тѣмъ, что авторъ призналъ сочинителемъ *Исторіи объ отцѣхъ и страдальцахъ*, какъ мы уже видѣли, не Семена, а Андрея Денисова, да еще извѣтиемъ, что Денисовъ въ этой исторіи „приводитъ факты, полученные имъ изъ первыхъ рукъ, и въ первые мѣсяцы послѣ описываемыхъ имъ событій“. Положимъ, что первое извѣстіе справедливо: Денисовъ дѣйствительно утверждаетъ, что нѣкоторыя свѣдѣнія для *Исторіи* онъ получалъ отъ „самобывшихъ во время разоренія обителя въ воинствѣ“. Но какъ могъ онъ получить эти свѣдѣнія „въ первые мѣсяцы послѣ описываемыхъ имъ событій“, когда и родился-то онъ спустя шесть лѣтъ послѣ осады?.. Ради такихъ открытій писать новый разказъ о взятіи Соловецкаго монастыря едва ли стоило. Впрочемъ, г. Максимовъ самъ объясняетъ отчасти, почему написалъ его: „Мы не будемъ, говоритъ онъ, подстрочно слѣдить за его (Денисова) сказаніемъ, готовые на этотъ разъ оставить за собою только одно право: *обнародовать тѣ событія изъ этого дѣла, которыя были по какимъ бы то ни было причинамъ пропущены вслѣдствіе историками не изъ раскольничьихъ*.“ (Стр. 108.) Совершенно несправедливый упрекъ вслѣдствіе нашимъ историкамъ не изъ раскольничьихъ! Скажемъ болѣе: мы находимъ, что доказывая такимъ образомъ нужду новаго разказа объ осадѣ, г. Максимовъ поступилъ даже очень неосторожно. Что, если читатель вздумаетъ повѣрить справедливость словъ г. Максимова, и на повѣркѣ окажется (а окажется непременно), что въ его разказѣ нѣтъ ни одного факта, о которомъ не говорили бы прежніе историки не изъ раскольничьихъ? Что въ такомъ случаѣ подумаетъ онъ о самомъ г. Максимовѣ?

Но кончимъ. Намъ и то могутъ замѣтить, что мы слишкомъ серьезно и слишкомъ долго говоримъ о такихъ ничтожныхъ книжкахъ, какъ *Разказы изъ исторіи старообрядства* или новое изданіе *Повѣсти о клубукѣ*; правда, книжки дѣйствительно ничтожны и не стоили бы вниманія; но важно дѣло, которому онѣ посвящены, важно еще то, что на этихъ книжкахъ отразилось то несчастное направленіе, которое такъ широко гуляетъ по всему простору

нашей современной литературы, захватывая всѣ уголки ея, направленіе толковать вкривь и вкосъ о предметахъ, о которыхъ не имѣешь ни малѣйшаго понятія, направленіе—признавать все сдѣланное до насъ никуда негоднымъ, самоувѣренное желаніе пролагать свои новые пути въ рѣшеніи вопросовъ, тогда какъ они ведутъ совсѣмъ не туда, куда мы хотѣли идти, и намъ приходится спотыкаться на мѣстахъ, давно сглаженныхъ и уровненныхъ прежними тружениками на одномъ съ нами поприщѣ. А публика все терпитъ, да еще восклицаетъ и расхваливаетъ!

Н. С—НЪ.

ОДИССЕЙ.

(Изъ Шиллера.)

Долго отчизны искалъ сынъ хитроумный Лаэрта;
Много земель обошелъ, много морей переплылъ,
Много трудовъ перенесъ, много опасностей встрѣтилъ;
Сциллѣ ревущей внималъ, пасти Харибды прошелъ;
Къ темени горъ восходилъ, въ мракъ преисподній спу-
скался;
Тщетно! Нигдѣ не обрѣлъ къ родинѣ милой пути.
Что же? Когда у кормы своею опочалъ онъ глубокимъ,—
Въ пристань Итаки святой кормчій направилъ ко-
рабль;
Бросили якорь пловцы; царственный странникъ проснулся,
Вѣжды открылъ, но въ тотъ мигъ родины онъ не
узналъ!

Б. АЛМАЗОВЪ.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ

И

СЛУЖЕБНЫХЪ ПРАВАХЪ

НАШЕЙ УЧЕБНОЙ СИСТЕМЫ.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, обращающихъ на себя общее вниманіе въ настоящее время, можетъ-быть и самый важный для будущности Россіи, есть безъ сомнѣнія преобразование нашихъ учебныхъ учрежденій. Какъ бы ни были благодѣтельны сами по себѣ всѣ другія реформы, но успѣшное приведеніе ихъ въ дѣйствіе будетъ всегда зависетьъ отъ направленія, которое будетъ дано образованію нашего юношества. Мы уже на опытѣ извѣдали, какъ мало оправдываются ожиданія, возбуждаемая разными преобразованиями и улучшеніями, которыя отъ времени до времени предпринимаются по государственному управленію. Причины этихъ неутѣшительныхъ результатовъ должно искать ни въ чемъ иномъ, какъ въ недостаткѣ людей, которые могли бы правильно понять и привести въ исполненіе виды и намѣренія правительства. Можно безъ пре-

увеличенія утверждать, что началомъ всякаго улучшенія у насъ, какъ и вездѣ, должно быть хорошо обдуманное и непрерывно совершенствуемое устройство учебныхъ учреждений. Министерство народнаго просвѣщенія справедливо можно считать министерствомъ будущности.

До сихъ поръ пренія объ измѣненіяхъ въ системѣ народнаго образованія касались преимущественно нашихъ университетовъ и гимназій. Сколько намъ извѣстно, въ нихъ принимали участіе печатно только профессора этихъ же университетовъ и лица преподающія въ другихъ учебныхъ учрежденияхъ. Конечно, ихъ голосъ имѣеть въ этихъ предметахъ особенную важность. Тѣмъ не менѣе намъ кажется, что для всесторонняго обсужденія вопросовъ, касающихся образованія юности, необходимо чтобы въ немъ принимала участіе и публика, то-есть люди не занимающіе никакихъ должностей по учебной части. Профессоръ университета, директоръ и преподаватель гимназіи видятъ воспитанниковъ и интересуются ими только пока они не кончили курса ученія. Если экзамены ихъ идутъ успѣшно, если воспитанники хорошо отвѣчали на сдѣланные имъ вопросы, то эти должностныя лица естественно думаютъ, что ничего не остается болѣе желать, и что дѣль учебныхъ заведеній вполне достигнута. Но дальнѣйшая судьба воспитанниковъ, равно какъ и польза, приносимая ими обществу и самимъ себѣ, вобольшей части ускользають отъ вниманія воспитателей. Нельзя и требовать отъ людей, которыхъ все время поглощаетъ трудною обязанностью ежедневнаго преподаванія, чтобы они слѣдили за своими учениками въ послѣдующей ихъ жизни, тѣмъ болѣе что такъ какъ они только учатъ, а не воспитываютъ, то не можетъ быть прочныхъ, крѣпкихъ связей между ними и учениками по выходѣ этихъ послѣднихъ изъ школы. Напротивъ того, въ публикѣ рѣдко кто не былъ въ отношеніяхъ болѣе или менѣе близкихъ съ бывшими гимназистами, лицестами, студентами, и не принималъ живѣйшаго участія въ ихъ судьбѣ. Кто же можетъ оспаривать, что желаніе отцовъ, матерей, родственниковъ, должны по всей справедливости быть приняты въ соображеніе при устройствѣ заведенія, гдѣ воспитываются ихъ собственныя или состоящія подъ ихъ опекою дѣти? А надобно признаться, что до сихъ поръ

ихъ устройство и программы ученія вовсе не удовлетворяли этому справедливому требованію. Вотъ почему немного встрѣтишь людей, которые бы вполне одобряли ученіе, преподаваемое въ нашихъ школахъ; вообще всѣ думаютъ, что въ нихъ, съ одной стороны, преподается много лишняго, а съ другой не обращается должнаго вниманія на приготовленіе учениковъ къ практической жизни ¹. Да и какъ этого не думать, когда случается встрѣчать студентовъ, которые слушали лекціи санскритскаго языка, а на родномъ языкѣ не умѣютъ порядочно написать простаго письма. Одинъ учитель, самъ бывшій студентъ Московскаго университета, говаривалъ, когда бывалъ недоволенъ своими учениками: „Вы пишете по-русски какъ студентъ.“ Большая часть самихъ студентовъ раздѣляютъ мнѣніе публики о бесплодности преподаваемаго имъ ученія и стараются какъ можно скорѣе забыть, по выходѣ изъ университета, пріобрѣтенныя ими тамъ познанія. Эти факты происходятъ у насъ ежедневно на глазахъ. Чему приписать такое печальное направленіе? Не тому ли, что ученіе въ нашихъ заведеніяхъ не согласнo ни съ народнымъ характеромъ, ни съ потребностями общества? Еслибы воспитаніе было у насъ преимущественно дѣломъ частныхъ школъ, этого никакъ бы не могло случиться: собственныя выгоды содержателей всегда

---

¹ Не мы одни жалуемся на это. „Въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, говоритъ *Journal des Débats* (перепечатано въ *le Nord* 1861 аout 8), факультетскія кафедры, кромѣ блестящихъ исключеній, имѣютъ по большей части очень немногочисленную аудиторію, и курсы высшаго ученія, хотя обыкновенно хорошо составленные, не всегда охотно посѣщаются. Если у министра народнаго просвѣщенія является похвальное желаніе возбудить въ нашихъ департаментахъ вкусъ къ литературѣ и наукамъ, онъ увеличиваетъ число факультетовъ и поручаетъ кафедры профессорамъ, которыхъ онъ считаетъ наиболее способными. Въ послѣдствіи, онъ съ крайнимъ удивленіемъ замѣчаетъ, что учрежденные имъ курсы не привлекаютъ слухомъ большой толпы слушателей. Успокоивая себя сознаніемъ, что онъ сдѣлалъ все что только могъ, онъ увѣренъ, что болѣе нѣтъ никакой возможности пробудить въ провинціи умственную жизнь, ибо даже министерскія распоряженія его не имѣли этого дѣйствія. Еслибы провинція имѣла голосъ, не могла ли бы она возразить, что не можетъ жевѣдъ она легко пристраститься къ обученію, предметъ котораго вовсе не соответствуетъ ея потребностямъ и къ профессорамъ, которые пріѣзжаютъ къ ней внезапно, Богъ знаетъ откуда и никому неизвѣстны?“

дѣлаютъ ихъ чуткими къ общественному мнѣнію относительно результатовъ ихъ преподаванія. Такія школы могутъ наполняться только когда практическая ихъ польза признается публикою. Пустая школа и пустой карманъ скоро бы вразумили содержателя школы, который воображалъ бы ниже своего достоинства сообразоваться съ ея требованіями и желаніями. Что же заставляетъ насъ отдавать нашихъ дѣтей въ учебныя заведенія, которыя очевидно не пользуются нашимъ сочувствіемъ? Дешевизна обученія и служебныя преимущества, вотъ двѣ причины, которыя сдѣлали наши воспитательныя учрежденія въ полномъ смыслѣ казенными, а именно, поставили ихъ въ совершенную независимость отъ общественнаго мнѣнія, даже мнѣнія той части публики, для которой они существуютъ. Вотъ по нашему мнѣнію корень всего зла, и пока онъ не истребится, всѣ улучшения останутся тщетными. Ужь и то большое зло, что при такихъ казенныхъ учрежденіяхъ частныя учебныя заведенія почти не могутъ существовать, и слѣдовательно благотворное вліяніе соперничества въ дѣлѣ образованія нигдѣ не можетъ проявиться. Родители рады тому, что ихъ дѣтей не только почти даромъ учатъ, но еще открываютъ имъ путь къ высшему положенію въ свѣтѣ, которое хотя и достигается однимъ на сто, но все-таки служитъ приманкою для честолюбія, сначала родителей, а потомъ и самихъ воспитанниковъ. Такъ имъ ли умничать и критиковать системы ученія, принатыя въ этихъ заведеніяхъ? Поэтому-то свобода въ сужденіи и печатная гласность нигдѣ такъ не нужны у насъ какъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, получаемыхъ въ нашихъ казенныхъ низшихъ и высшихъ школахъ. Надобно всякому предоставить право высказывать о нихъ свое мнѣніе, и всякій долженъ пользоваться этимъ правомъ по своему крайнему разумнію. Вотъ почему, не будучи ни дѣятелемъ, ни специалистомъ въ дѣлѣ общественнаго образованія, я позволяю себѣ высказать свои мнѣнія, или пожаауй свои желанія, касательно устройства нашихъ учебныхъ заведеній. Для этого мы должны прибѣгнуть къ обыкновенному органу гласности,—къ журналамъ,—и никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ одной изъ статей *Московскихъ Вѣдомостей*, что вопросъ объ университетахъ

нельзя обсуживать въ журнальныхъ статьяхъ; если допустить это, то онъ нигдѣ не будетъ обсуживаться кромѣ тѣснаго круга должностныхъ лицъ, а мы уже замѣтили, какъ односторонни бываютъ такіа сужденія. Въ настоящее время журналистика стоитъ въ Европѣ на такой степени высоты, вліяніе ея такъ велико, что нельзя предустанавливать никакихъ границъ области ея изслѣдованій. Правда, у насъ слашкомъ часто пѣшутъ о предметахъ первостепенной важности въ родѣ фельетонныхъ статей, не имѣя ничего сказать, а такъ себѣ, чтобы наполнить страничку журнала; но что жь изъ этого? Потому что наша журналистика дѣйствительно еще мелка, поверхностна, и сильно заражена пустословіемъ, нельзя же осудить ее навсегда оставаться въ такомъ младенческомъ состояніи, отказывая ей въ правѣ касаться серіозныхъ предметовъ, къ числу которыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и устройство общественнаго воспитанія.

Главная цѣль школъ учреждаемыхъ для воспитанія состоятъ, по нашему мнѣнію, не въ приобрѣтеніи познаній, а въ многостороннемъ упражненіи ума, посредствомъ самостоятельнаго по возможности изученія фактовъ доступныхъ понятію отрока или юноши на каждой ступени постепеннаго развитія его умственныхъ способностей. Въ памяти не можетъ удержаться то что усвоено безъ участія, или съ малымъ участіемъ, высшихъ способностей человѣческаго мышленія. Область познаній безконечна, ни одинъ человѣкъ не можетъ приобрѣсть и усвоить себѣ всевозможныя познанія; равно нельзя опредѣлить заранѣе какія познанія потребуются тому или другому ученику. Вѣкъ живи, вѣкъ учишь, говоритъ пословица; поэтому главное дѣло воспитанія заключается не въ сообщеніи познаній, а въ развитіи умственныхъ способностей учениковъ, такъ чтобы они могли, по выходѣ изъ школы, самостоятельно изучать тѣ отрасли наукъ, которыя они найдутъ для себя нужными. Мы не хотимъ однако этимъ сказать, чтобы ученикъ, выходя изъ школы, не долженъ имѣть познаній; но они будутъ приобрѣтены имъ такъ-сказать случайно какъ матеріалъ, надъ которымъ онъ работалъ для упражненія, укрѣпленія и развитія своихъ духовныхъ силъ. За

то онъ вынесетъ съ собою неоцѣненный даръ, привычку къ самостоятельному, неутомимому и твердому мышлению, а съ этимъ человекъ нигдѣ не пропадетъ, и никогда не будетъ бесполезнымъ членомъ общества. Воплѣвъ и правильно развитому уму легко приобрести всѣ знанія, какія могутъ ему понадобиться на томъ поприщѣ, гдѣ ему придется дѣйствовать.

Вотъ почему англійскія высшія учебныя школы неизмѣримо выше, по нашему мнѣнію, нѣмецкихъ, а следовательно и нашихъ, учрежденныхъ по образцу этихъ послѣднихъ. „Когда англійскій студентъ,“ говоритъ берлинскій профессоръ докторъ Визе, „выходитъ изъ университета, то онъ по обширности познаній, въ сравненіи съ нѣмецкимъ, покажется неучемъ; но пройдетъ лѣтъ десять, изъ него выйдетъ государственный человекъ, а изъ нѣмецкаго филистеръ или ученый книгоѣдъ (Bücherwurm).“ Если такое направленіе признается вреднымъ для самихъ Нѣмцевъ, народа отъ природы трудолюбиваго, страстнаго къ наукѣ, то во сколько же кратъ оно должно быть пагубнѣе для такой націи, какъ русская, имѣющая совершенно другой темпераментъ и складъ ума?

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ приведено было мнѣніе газеты *Times*, которая, говоря объ устройствѣ англійскихъ университетовъ, полагаетъ что оно не можетъ служить образцомъ для Россіи, на томъ основаніи, что Россія не обладаетъ въ настоящее время многочисленными и удовлетворенными средними классами, которымъ могла бы принести пользу такая система воспитанія и образованія. Мы питаемъ большое уваженіе къ *Times*, но только не тогда, когда онъ пишетъ о Россіи, о которой онъ до сихъ поръ еще передаетъ самыя поверхностныя и невѣрныя свѣдѣнія. Замѣтимъ прежде всего, что нельзя сравнивать англійскіе университеты (то-есть собственно Оксфордъ и Кембриджъ) ни съ нѣмецкими, ни съ нашими, ибо они вовсе не университеты въ томъ смыслѣ, какой придается этому слову на материкѣ Европы. Оксфордскій и Кембриджскій университеты не что иное какъ конгрегація высшихъ закрытыхъ школъ, и изъ нихъ каждая имѣетъ своего собственнаго начальника и своихъ собственныхъ учителей, которые всѣ, равно какъ и студенты, живутъ въ стѣнахъ этихъ учеб-

ныхъ заведеній, называемыхъ коллегіями. Правда, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ есть залы, въ которыхъ читаются профессорскія лекціи для студентовъ всѣхъ коллегій, но эти лекціи вовсе не имѣютъ для нихъ такого значенія какъ въ прочей Европѣ. Студентамъ совѣтуется посѣщать ихъ только тогда, когда они тщательно и подробно изучили частнымъ образомъ и въ коллегіи различные предметы и книги курса. Вообще, тамъ на профессорскія лекціи смотрятъ какъ на дополненіе къ собственнымъ занятіямъ и къ коллегіальнымъ лекціямъ или какъ на окончательную полировку университетскаго, то-есть коллегіальнаго курса. Англичане не признають теоріи, что слушаніе лекцій можетъ быть главнымъ средствомъ приобрѣтенія познаній. Какъ средство передачи элементовъ или основъ высшаго образованія, лекціи, по мнѣнію Англичанъ, не только не приносятъ пользы, но могутъ быть вредны, потому что „часто приводятъ учащагося къ убѣжденію, что онъ знаетъ что-нибудь, когда онъ ровно ничего не знаетъ“¹. Слѣдовательно мы въ правѣ утверждать что англійскіе университеты не что иное какъ высшія закрытыя школы.

Оставляя въ сторонѣ наши университеты и сравнивая англійскія коллегіи съ нашими закрытыми заведеніями, мы найдемъ возраженія *Times* далеко не такъ убѣдительными, какъ это показалось вышеупомянутому русскому журналу. Содержаніе своекоштныхъ небогатыхъ студентовъ въ Оксфордскомъ университетѣ обходится въ сложности около 1500 руб. сер. Принимая въ соображеніе относительную дороговизну жизни и дешевизну денегъ въ Англии, это не Богъ знаетъ какъ дороже тѣхъ денегъ, которыя платятся ежегодно за содержаніе воспитанника въ Александровскомъ лицѣ. Но такъ какъ каждый англійскій студентъ получаетъ особую квартиру, состоящую изъ кабинета, спальни и еще небольшой комнаты для вещей, то при соединеніи нѣсколькихъ воспитанниковъ въ одну квартиру, издержки ихъ могли бы быть у насъ значительно уменьшены.

Оставляя въ сторонѣ это, какъ намъ кажется, весьма

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* февральская книжка 1861 года, статья г. М. Вольскаго: „Оксфордскій университетъ.“

взначащее возраженіе *Times*, напомнимъ вкратцѣ въ чемъ состоитъ, по свидѣтельству г. Вольскаго, организація англійскихъ коллегій и посмотримъ точно ли, какъ утверждаютъ, нельзя ничего занять у нея для нашихъ учебныхъ учрежденій.

1) Коллегіи, извѣстныя подъ общимъ именемъ университета, существуютъ не въ столицѣ, а въ небольшихъ городахъ.

2) Число этихъ коллегій очень значительно; такъ въ одномъ Оксфордѣ находится девятнадцать коллегій.

3) Каждая коллегія состоитъ подъ управленіемъ одного начальника и его товарищей (*fellows, socii*), которые живутъ всѣ въ стѣнахъ коллегіи.

4) Должности товарищей въ коллегіяхъ достаются большею частью лицамъ, желающимъ поступить въ духовное званіе, для чего имъ назначается извѣстный срокъ.

5) Общее для всѣхъ коллегій правило предписываетъ, что лица женившіяся и принявшія на себя какія-нибудь обязанности, несомѣстныя съ должностью товарища, должны оставить коллегію. Пока они въ коллегіи, они имѣютъ коллегіальную квартиру и общій столъ; доходы ихъ разнообразны: одни получаютъ отъ 600 до 700 фунт., между тѣмъ какъ другіе не болѣе 100 фунт.

6) Начальники коллегій избираются, за исключеніемъ одной или двухъ королевскихъ коллегій, сословіемъ товарищей (*fellows*) и бываютъ большею частью докторами богословія. Должность эта пожизненная, и имъ позволено жениться.

7) Кромѣ отдѣльных коллегіальныхъ корпорацій, существуетъ еще одна общая корпорація, университетъ въ обширномъ смыслѣ, связывающая всѣ эти отдѣльныя части и дающая имъ единство и цѣлость. Личный составъ университета дополняется профессорами читающими лекціи для всѣхъ коллегій. Число всѣхъ каедръ простирается до тридцати.

8) При вступленіи въ коллегію, студентъ избираетъ себѣ опытнаго тьютора, или по англійскому произношенію этого латинскаго слова тьютора, изъ числа товарищей, который долженъ ему служить помощникомъ и наставникомъ при занятіяхъ. Въ настоящее время обыкно-

венно самъ начальникъ коллегіи назначаетъ тьютора вновь-принятому студенту.

9) Кромѣ коллегіальныхъ тьюторовъ и университетскихъ профессоровъ, въ коллегіи допускаются также и частные учителя.

10) Въ коллегію принимаются только молодые люди, а не малолѣтныя.

11) Студенты въ коллегіи раздѣляются на два класса—стипендіаты (scholars) и собственно студенты (своекоштные), подъ именемъ: noblemen, gentlemen commoners и commoners. Кромѣ рѣдкихъ исключеній, всѣ они живутъ въ коллегіяхъ. Студентовъ стипендіатовъ считается въ Оксфордѣ до 400. Избираются они большею частію по свободному конкурсу изъ студентовъ всѣхъ коллегій, получаютъ отъ 20 до 100 фунт. стерл. въ годъ и пользуются столомъ и квартирой.

12) Такъ какъ главное условіе ученія во всѣхъ школахъ и для всѣхъ студентовъ, какъ слабыхъ такъ и сильныхъ, есть основательность и отчетливость, то для достиженія этой цѣли коллегіальный курсъ раздѣляется на два разряда: одинъ легкій, который называется пасоъ-курсъ; другой трудный — классъ-курсъ. Каждый студентъ избираетъ себѣ тотъ или другой курсъ, сообразно съ своими способностями, а также съ полученною имъ подготовкой.

13) Главные предметы коллегіальнаго курса для перваго и втораго публичныхъ экзаменовъ суть древніе языки, греческій и латинскій, грамматика, математика и древняя исторія; математика или логика одинаково обязательны для студентовъ обоихъ разрядовъ, и потому курсы ихъ различны только по объему, а не по предмету занятій. Къ третьему публичному экзамену студенту предоставляется выборъ изъ трехъ отдѣловъ, или математическаго, или естественныхъ наукъ или права и новой исторіи: математическій экзаменъ для пассмена состоитъ изъ первой части алгебры или изъ первыхъ шести книгъ Эвклида; для классмена же изъ всего курса прикладной математики. Экзаменъ естественныхъ наукъ раздѣляется на три предмета: химію, физиологію и физіку. Пассменъ долженъ имѣть общее знакомство съ началами двухъ изъ этихъ предметовъ и спеціально изучить какую-нибудь отдѣльную часть одного. Относительно экономіи экзамена изъ права и новѣйшей исторіи замѣчательно, что изученіе

права можетъ быть замѣнено изученіемъ политической экономіи по книгѣ Адама Смита *Wealth of nations*, и что кромѣ историческихъ книгъ обънимающихъ цѣлые періоды, требуется еще болѣе тщательное и подробное изученіе какой-нибудь отдѣльной эпохи по оригинальнымъ источникамъ.

14) Экзамены и ученые степени имѣютъ только косвенное вліяніе на положеніе чловѣка въ обществѣ; но не даютъ положительнаго права на занятіе какой-нибудь должности въ университетѣ.

Намъ кажется, что этого извлеченія изъ статьи г. Вольскаго достаточно, чтобы дать ясное понятіе о главныхъ основаніяхъ общественнаго воспитанія въ Англіи. Но намъ не случилось еще встрѣчать въ нашихъ журналахъ подробной и полной оцѣнки этихъ основаній. Статья г. Вольскаго очень интересна по множеству сообщаемыхъ имъ свѣдѣній; но вопросъ, на сколько и въ чемъ система англійскаго воспитанія примѣнима въ Россіи, остается въ ней почти нетронутымъ. А какъ нѣкоторые журналы не задумываются рѣшать этотъ вопросъ отрицательно, сѣдовательно даютъ предпочтеніе издавна принятой у насъ нѣмецкой системѣ, то мы просимъ позволенія высказать наше мнѣніе по этому важному вопросу. Въ настоящее время трудно выдумать что-нибудь совершенно новое въ дѣлѣ общественнаго воспитанія; если мы не захотимъ пользоваться опытомъ Англичанъ, то непременно останемся съ нѣкоторыми измѣненіями при прежней нѣмецкой системѣ, которая, по нашему мнѣнію, и такъ уже надѣлала намъ много вреда.

Первая особенность, которая поражаетъ насъ въ устройствѣ англійскихъ закрытыхъ заведеній, гдѣ воспитаніе доводится до конца, состоитъ въ томъ, что въ нихъ принимаются только молодые люди, а не малолѣтныя. По нашему мнѣнію, это весьма важное преимущество. Всякій кто воспитывался въ нашихъ школахъ, конечно, вспомнить къ какимъ неблагоприятнымъ послѣдствіямъ ведетъ соединеніе въ одномъ учебномъ заведеніи малолѣтнихъ съ совершеннолѣтними. Происходящая оттого злоупотребленія производятъ такое пагубное вліяніе на нравственность воспитанниковъ, что начальство нѣкоторыхъ нашихъ заведеній признало необходимымъ принимать мѣры, чтобы ниж-

нѣ классы никогда не сходились съ высшими. Но въ такомъ случаѣ невольно приходится на умъ вопросъ: для чего же соединять въ одномъ заведеніи такіе возрасты, которые не могутъ быть вмѣстѣ безъ вреда? и не лучше ли было бы имѣть разныя заведенія для малолѣтнихъ и для молодыхъ людей? Сверхъ того замѣтимъ, что вслѣдствіе отдѣленія малолѣтнихъ отъ взрослыхъ и множества различныхъ коллегій, число учениковъ въ каждой англійской коллегіи весьма не велико; а это кажется намъ необходимымъ условіемъ для того чтобы они могли получить истинно хорошее воспитаніе. Только при небольшомъ числѣ воспитанниковъ могутъ установиться между ними и наставниками педагогическія отношенія; когда же воспитанниковъ очень много, то эти отношенія поневолѣ превращаются въ административныя или военно-дисциплинарныя, которыя болѣе пригодны для обузданія и содержанія въ страхѣ полка солдатъ чѣмъ для образованія молодыхъ благовоспитанныхъ людей. Чтобы вполнѣ постигнуть все достоинство англійскихъ коллегій, вспомнимъ что въ нашихъ высшихъ школахъ, при многочисленности учениковъ, инспекторы или надзиратели такъ мало могутъ слѣдить за тѣмъ что происходитъ въ школахъ, что по ночамъ имъ помогаютъ въ этомъ отставные унтеръ-офицеры, которымъ поручено обходить дозоромъ спальни учениковъ. Легко также понять, что учителя, дающіе уроки въ нашихъ заведеніяхъ по часамъ, никогда не могутъ имѣть такого вліянія на учениковъ и интересоваться ихъ успѣхами въ такой мѣрѣ какъ англійскіе тьюторы, которые принадлежатъ исключительно одной коллегіи и будучи вмѣстѣ учителями, наставниками и надзирателями, сосредоточиваютъ всю свою дѣятельность, посвящаютъ всю свою жизнь ученикамъ этой коллегіи, и составляютъ съ ними какъ бы одно семейство. И это не одно предположеніе, а фактъ, ибо по отзыву Англичанъ „товарищи не только исполняютъ свои обязанности, но и питаютъ къ заведенію истинную привязанность; между товарищами одной и той же коллегіи есть нѣчто похожее на семейную связь.“ Намъ кажется, что такое устройство есть идеалъ школы, гдѣ всѣ преимущества общественнаго воспитанія—соревнованіе, привычка къ общежитію и проч., соединяются съ выгодами

воспитанія домашнего: надзоромъ безъ жесткости, дисциплиною безъ педантизма, наконецъ отеческимъ участіемъ въ воспитанникѣ безъ родительскаго ослабленія и слабости.

Продолжая начатый нами разборъ, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на огромную пользу, которая должна происходить отъ соревнованія между многочисленными коллегіями, находящимися въ одномъ мѣстѣ, имѣющими одну и ту же цѣль, воспитаніе юности, по одинаковымъ программамъ, по однимъ и тѣмъ же педагогическимъ, политическимъ и гражданскимъ началамъ. Возможно ли не ожидать наилучшихъ успѣховъ отъ заведеній, гдѣ все устроено такъ, что самыя естественныя, самыя благородныя чувства души побуждаютъ наставниковъ дѣлать всевозможныя усилія, чтобы заведеніе, къ которому они принадлежатъ, было если не выше, то по крайней мѣрѣ не ниже другихъ подобныхъ заведеній, имѣющихъ отдѣльное существованіе, но соединенныхъ для экзаменовъ, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ члены составляющіе университетскую корпорацію?

Нельзя не подивиться глубокій практической мудрости такого устройства, въ которомъ единство цѣли и направленія ни мало не исключаетъ такого сильнаго двигателя какъ соревнованіе коллегіальныхъ корпорацій между собой. Когда родители имѣютъ выборъ, какъ въ Оксфордѣ, между девятнадцатью коллегіями, ни одна изъ нихъ не можетъ ослабить свою воспитательную дѣятельность безнаказанно, ибо такая коллегія осталась бы пустою и покрыла бы себя стыдомъ передъ университетскою корпораціей и потомъ предъ лицомъ всей Англіи. У насъ же соревнованія между высшими заведеніями рѣшительно не существуетъ. Въ Петербургѣ ихъ нѣсколько, но у нихъ разныя программы ученія и разныя служебныя преимущества, и они не имѣютъ между собою рѣшительно никакой связи. Родители, желающіе дать своимъ дѣтямъ публичное воспитаніе, принуждены отдавать ихъ въ эти заведенія, каково бы ни было получаемое въ нихъ образованіе, хорошо или дурно. Такимъ образомъ наши заведенія находятся совершенно внѣ контроля общественнаго мнѣнія, и дѣйствительно мы видимъ, что число ихъ воспитанниковъ зависитъ не столько отъ получаемаго въ нихъ нравственнаго и умственнаго образованія, сколько

отъ присвоенныхъ имъ служебныхъ преимуществъ. Изъ этого выходитъ слѣдующее замѣчательное послѣдствіе: большія служебныя преимущества получаютъ вовсе не въ награду за большее нравственное и умственное образованіе, напротивъ родителямъ часто приходится завѣдомо жертвовать умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ своихъ дѣтей для болѣе выгодной и блестящей карьеры. Мы не хотимъ сказать, чтобы всегда такъ было, — но кто не согласится съ нами, что это не рѣдко случалось, особенно въ прежнія времена? Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоить только поговорить съ бывшими учениками нѣкоторыхъ нашихъ учебныхъ заведеній.

Съ какой стороны ни взглянемъ на систему англійскихъ коллегій, вездѣ увидимъ ея практичность и цѣлесообразность. Возьмемъ хоть вступительные экзамены. Могутъ ли они не быть серьезны, согласятся ли тьюторы коллегій принимать дурако приготовленныхъ учениковъ, когда ихъ собственная репутация, ихъ выгоды, значеніе въ знаменитой университетской корпораціи, зависятъ отъ будущихъ успѣховъ ихъ воспитанниковъ? Спокойная жизнь обезпечена вѣсь тьюторамъ безъ исключенія; читатели помнятъ, что вѣсь пользуются въ коллегіяхъ готовою квартирою и общимъ столомъ, но денежное содержаніе далеко не одинаково. „Одни,“ говоритъ г. Вольскій, „получаютъ въ хорошіе годы до 600 и 700 фунт. то-есть отъ 4.000 до 4.650 руб. сер., между тѣмъ какъ другіе не болѣе 100 ф., то-есть 650 руб. сер.“ Не менѣе рационально и столь же удобоисполнимо кажется намъ правило, которымъ предписывается, что лица, женившіяся или принявшія какія-либо обязанности, несовмѣстныя съ должностію „товарища“, должны оставить коллегію. Не говоря уже о томъ какъ трудно было бы давать большому числу семейныхъ людей приличное помѣщеніе въ коллегіяхъ, нельзя не признать полезнымъ, чтобы люди посвящающіе себя ближайшему надзору за воспитаніемъ и ученіемъ молодыхъ людей ничѣмъ не отвлекались отъ исполненія своихъ обязанностей. Назначеніе въ должность тьютора преимущественно лицъ желающихъ вступить въ духовное званіе не составляетъ, по нашему мнѣнію, необходимаго условія, и мы не видимъ почему бы должность тьютора не могла съ такою же ревностію и усердіемъ

исполняться людьми имѣющими въ виду какую-либо другую отрасль общественной дѣятельности.

Перейдемъ теперь къ новой сторонѣ занимающаго насъ вопроса, къ программамъ курсовъ. Въ нашихъ учебныхъ заведенiяхъ предметы курса слишкомъ многочисленны и разнообразны. Мы не ставемъ о нихъ распространяться, потому что объ этомъ уже много было писано въ журналахъ. Повторимъ только сѣдлаемое выше замѣчанiе, что ошибочная и вредная многочисленность предметовъ ученiя входящихъ въ наши программы, произошла именно отъ ложнаго понятiя, что человекъ можетъ приобрести большую часть нужныхъ ему познанiй во время пребыванiя своего въ школахъ, изъ чего естественно приходять къ заключенiю, что надобно стараться передать ему какъ можно болѣе этихъ познанiй. Этого не могло бы случиться, еслибы главною задачей школъ для отроческаго и юношескаго возрастовъ считалось воспитанiе и развитiе умственныхъ способностей. Напротивъ того, программа ученiя въ англiйскихъ коллегiяхъ заключается, какъ выше показано, въ самыхъ тѣсныхъ предѣлахъ: греческiй и латинскiй языки, греческая и латинская литературы, начальныя основанiя математики или логика, вотъ все что требуется для двухъ первыхъ экзаменовъ. Такое малое количество предметовъ курса имѣеть цѣлю и дѣлаетъ возможнымъ изученiе ихъ посредствомъ самостоятельнаго труда, требуемаго отъ каждаго воспитанника англiйскихъ коллегiй. Далѣе заслуживаетъ особеннаго вниманiя въ программахъ англiйскихъ коллегiй раздѣленiе коллегiальнаго курса на два разряда: пассъ-курсъ, легкiй, и классъ-курсъ, трудный. У насъ программы вездѣ одинаковы для всѣхъ учениковъ и студентовъ, и такъ какъ при многочисленности предметовъ даже и самыя даровитыя могутъ овладѣть ими только съ грѣхомъ пополамъ, то ученики и студенты имѣющiе посредственныя или слабыя способности никакъ не могутъ усвоить себѣ предметы курса иначе какъ посредствомъ такъ-называемаго *зубренiя*, въ которомъ участвуетъ лишь одна память, высшiя же способности не только не упражняются, но совершенно глухнутъ и остаются вовсе не развитыми.

Это ясно обнаружилось когда въ 1859 году въ Петербургскомъ университетѣ приняли мѣры для серьезнаго

испытанія желающихъ поступить въ студенты. Изъ числа 328, изъявившихъ на то желаніе, выдержали съ успѣхомъ экзаменъ только 73. Напечатанныя по сему предмету въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* подробности чрезвычайно любопытны, и могутъ служить темою для весьма интересныхъ соображеній. Предметами испытанія для вступительныхъ экзаменовъ были русскій языкъ, русская словесность, латинскій языкъ, французскій языкъ, нѣмецкій языкъ, исторія, географія, математика до тригонометріи включительно, и физика. Намъ кажется, что человекъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, хорошо или даже порядочно знающій всѣ эти предметы, вездѣ по справедливости могъ бы считаться достаточно образованнымъ человекомъ; у насъ же такія познанія требуются при вступленіи въ университетъ отъ юношей, которымъ большею частію бываетъ тогда съ небольшимъ шестнадцать лѣтъ. Что же оказалось на дѣлѣ, какіе были результаты такихъ неумѣренныхъ требованій? Это бы еще ничего, что изъ 348 выдержали экзаменъ 73: понятно, что при такой обширной программѣ не многіе могли съ успѣхомъ выдержать экзаменъ для вступленія въ университетъ какъ скоро принялись за нихъ серьезно. Но замѣчательны послѣдствія многоученія на нашу молодежь и рѣзкая противоположность требованій и ожиданій съ полученными и офиціально засвидѣтельствованными результатами.

„На испытаніяхъ по русскому языку и словесности, экзаменующіеся не знали основаній грамматики, а изъ исторіи словесности отвѣчали заученныя фразы не понимая ихъ.“ Значить не умѣли *читать*, ибо нельзя сказать что тотъ умѣетъ читать, кто не понимаетъ того что читаетъ, особенно по такому предмету, въ которомъ нѣтъ техническихъ словъ, какъ въ исторіи словесности.

„Въ письменныхъ отвѣтахъ на темы не умѣли ни правильно располагать своихъ понятій и знаній, ни пользоваться съ отчетливостью словами и оборотами, ни даже избѣгать ошибокъ противъ правописанія“. Значить, не умѣли *писать*.

При испытаніяхъ въ математикѣ, „при знаніи правилъ ариметическихъ исчисленій, многіе не умѣли ихъ прилагать къ рѣшенію задачъ“. Значить, не умѣли *считать*.

Итакъ многіе изъ юношей, которыхъ учили русскому

языку, русской словесности, языкамъ латинскому, французскому и нѣмецкому, исторіи, географіи, ариметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи и физики, не умѣли ни читать, ни писать, ни считать; о прочемъ почти нечего и говорить. „Въ латинскомъ языкѣ оказалось неумѣніе спрягать и склонять, не привычка вникать въ расположеніе словъ и разгадывать смыслъ выраженій, если экзаменующимся и былъ извѣстенъ смыслъ всѣхъ словъ встрѣчавшихся въ этихъ выраженіяхъ; во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ незнаніе доходило у нѣкоторыхъ до неумѣнія читать; въ исторіи замѣтна была особенно слабость свѣдѣній хронологическихъ и историко-географическихъ и вѣсть съ тѣмъ неумѣніе разказывать.“

Все это цитируется нами буквально изъ вышеупомянутого отчета, напечатаннаго въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*.¹

Привода эти факты, мы не хотимъ сказать, чтобъ и при этой системѣ ученія люди съ отличными природными способностями не могли развивать ихъ и прибрѣтать разнообразныя познанія. Но для массы учащихся эта система рѣшительно пагубна, и нѣсколько блестящихъ исключеній нисколько не возмѣщаютъ невѣжества и одурѣлости массы воспитанниковъ, ни для нихъ самихъ, ни для благосостоянія страны, которое зависитъ еще болѣе отъ достаточнаго числа обыкновенныхъ людей хорошо подготовленныхъ для удовлетворенія ея ежедневныхъ потребностей, нежели отъ развитія нѣсколькихъ замѣчательныхъ и яркихъ дарованій, которымъ такія занятія могутъ показаться скучными. Англичане поняли это и дали возможность всѣмъ правильно образоваться по силамъ каждаго. Оба разряда студентовъ, пасомыя равно какъ и классмены, изучаютъ греческую и латинскую литературы; но первый обязанъ изучить восемь или девять авторовъ, а послѣдній только двухъ, за то основательное изученіе требуется одинаково отъ тѣхъ и другихъ, и верхоглядство не допускается ни въ какомъ случаѣ. Система англійскаго воспитанія такъ мало требуетъ, чтобы сту-

¹ Сентябрьская книжка 1859 года, статья подъ названіемъ „Пріемыя испытанія въ Санктпетербургскомъ университетѣ“.

дентъ приобретаетъ тѣ или другія познанія, что она даже предоставляетъ ему выборъ экзаменоваться въ математикѣ или логикѣ, считая обѣ эти науки равно годными для диалектическаго развитія чловѣка, и дѣйствительно, кто основательно изучилъ математику, тотъ справится съ логикой, когда она ему понадобится, и наоборотъ.

Поэтому-то мы и позволяемъ себѣ убѣдительно настаивать на необходимости перенять у Англичанъ раздѣленіе курсовъ на два разряда какъ единственное средство вполнѣ развить юношей обладающихъ отличными способностями, не обременяя тѣхъ, которые не такъ щедро одарены природою и составляютъ вездѣ огромное большинство воспитанниковъ. Теперь у насъ кандидатъ, дѣйствительный студентъ и не выдержавшій выпускнаго экзамена, всѣ проходятъ одни и тѣ же предметы: разница между ними въ томъ, что первый знаетъ ихъ отлично (по крайней мѣрѣ по отчетамъ), второй—посредственно, а третій—плохо. Не лучше ли было бы дать возможность также и послѣднимъ приобретать основательныя познанія, предоставивъ имъ право ограничивать число изучаемыхъ ими предметовъ сообразно съ ихъ силами и способностями? Гдѣ даровитому ученику нуженъ часъ, тамъ посредственному нужно два, а плохому—три часа: откуда же взять послѣднимъ время для отчетливаго изученія всего что изучаетъ первый? Полевода они будутъ работать одною памятью, не напрягая разсудка, а привыкнувъ къ этому съ молодыхъ лѣтъ, останутся на всю жизнь людьми неспособными къ дѣлу.

Не менѣе достойно подражанія и то правило англійской программы ученія, которое, дозволяя ограничиться общимъ знаніемъ назначенныхъ историческихъ книгъ, требуетъ болѣе тщательнаго и подробнаго изученія какой-нибудь отдѣльной эпохи по оригинальнымъ источникамъ. Едва ли можно придумать что-либо лучше этого, чтобы направить студента на путь самостоятельныхъ историческихъ изученій. Кто изучилъ такимъ образомъ хотя самую коротенькую эпоху, конечно, сдѣлается способнѣе и получитъ болѣе охоты къ историческимъ трудамъ нежели еслибы онъ прошелъ, по принятой у насъ методѣ, исторію всего свѣта, начиная съ потопъ.

Правительство имѣетъ полное право требовать, чтобы люди назначающіе себя къ исправленію какихъ-либо обще-

ственныхъ должностей имѣли необходимую для этого степень нравственнаго и умственнаго развитія, но для чего же добиваться отъ нихъ множества познаній, которыя не составляютъ существенной необходимости ни для общаго образованія, ни для удовлетворительнаго исполненія служебныхъ обязанностей, къ которымъ приготавливаются воспитанники? Мы не отвергаемъ вообще пользы этихъ познаній, но считаемъ благоразумнѣе и справедливѣе предоставить приобрѣтеніе ихъ свободной волѣ каждаго. Неужели степень обязательныхъ познаній, которою довольствуются въ такой высоко-цивилизованной странѣ какъ Англія, не достаточна въ Россіи, такъ недавно еще вышедшей изъ глубочайшаго варварства. Развѣ для насъ не существуетъ закона постепенности, которому подчиняется вся природа, — и нарушать его, не значить ли не ускорять, а замедлять прогрессъ? Наше просвѣщеніе должно пока удовлетворять обиходнымъ требованіямъ общества. Посмотрите на Сѣверную Америку; тамъ не гоняются за большою учевостью. А почему? Потому что еще не время. Народъ, которому предоставляютъ идти своею дорогою, инстинктивно чувствуетъ что ему нужно на современной точкѣ его историческаго развитія. Такимъ образомъ у Американцевъ ученыхъ пока чрезвычайно мало, за то очень много практиковъ, или лучше сказать, они всѣ практики.

Не можетъ быть успѣха тамъ, гдѣ дѣйствуютъ вопреки природѣ: занавѣ у Германіи систему ученія, которая не идетъ намъ ни по народному характеру, ни по нашему настоящему положенію, мы лишили себя необходимыхъ для насъ практиковъ, а все-таки не сформировали ученыхъ, — и корреспондентъ *Times* (1861 декабрь 26), кажется не ошибается говоря, что „характеристическую черту русской цивилизаціи составляетъ то, что ни одного писателя по части наукъ и философіи не нашаи достойнымъ помѣстить на новгородскомъ монументѣ, хотя эта страна и произвела въ теченіе послѣдняго полу столѣтія много замѣчательныхъ писателей по другимъ отраслямъ литературы.“

Мы не знаемъ что хотѣлъ оказать составитель отчета о печальныхъ результатахъ вступительныхъ экзаменовъ Петербургскаго университета въ 1859 году слѣдующими словами: „сколь ни *частно*, ни *случайно* это явленіе, оно отразило однако на себѣ *общее* положеніе дѣла, достойное

полнаго вниманія родителей и воспитателей, готовящихъ наше юншество для дальнѣйшаго образованія въ университетѣ“. Какимъ образомъ, по какимъ логическимъ законамъ *частное* и *случайное* можетъ однако отражать *общее* положеніе дѣла? Невольно подумаешь, что составитель самъ видѣлъ вредныя послѣдствія принятой у насъ системы, и не рѣшаясь прямо осудить ее, впасть въ явное противорѣчіе, называя частнымъ и случайнымъ то что было въ самомъ дѣлѣ неизбѣжнымъ и общимъ ея результатомъ. И чѣмъ могутъ помочь бѣдѣ воспитатели и родители, принужденные готовить дѣтей по программѣ, дѣлающей невозможнымъ основательное обученіе дѣтей?

О гимназическомъ курсѣ намъ не нужно распространяться, ибо мы не можемъ почти ничего прибавить къ тому, что высказано съ полнымъ знаніемъ дѣла и необыкновеннымъ даромъ изложенія въ превосходной статьѣ г. А. Робера, напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1860 года (сентябрь, №№ 1 и 2). Мнѣніе его подтверждается въ статьѣ г. Ржевскаго, напечатанной въ томъ же журналѣ (1860 года, июль, книжка 2), гдѣ положительно говорится, что при нынѣшнихъ программахъ нѣтъ никакого различія между хорошими и дурными учителями. Замѣтимъ только, что учитель, принужденный программю къ поверхностному преподаванію и самъ незаметно дѣлается поверхностнымъ; заключенный въ рамки программы, вѣчно повторяя одно и то же, не имѣя ни времени, ни нужды готовить по своему выбору что-либо новое для передачи ученикамъ, онъ и самъ теряетъ привычку основательнаго и дѣльнаго изученія.

Возвращаясь къ англійскимъ коллегіямъ. Исключая назначеніе коллегіальныхъ начальниковъ и учителей преимущественно изъ лицъ, готовящихъ себя къ духовному званію, мы никакъ не видимъ почему бы у насъ не могло быть устроено, хотя бы для опыта, одно учрежденіе по образцу англійскихъ коллегій особенно если, какъ говорятъ, вѣсто Петербургскаго университета предполагается учредить новое учебное заведеніе въ Нарвѣ. Конечно, воспитаніе въ такомъ заведеніи будетъ стоить не дешево; но для людей съ недостаточнымъ состояніемъ можно оставить гимназію, прибавивъ къ нимъ только раздѣленіе курсовъ на два разряда, трудный и легкій, и вообще тѣ воззрѣнія, по которымъ главною цѣлюю

этихъ учреждений должно быть не приобретение познаний, а нравственное и умственное развитіе. Въ закрытыя заведенія будутъ отдаваться дѣти людей зажиточныхъ и богатыхъ, за которыми правду сказать и нужно имѣть побольше надзора. Бѣдному можно равнѣе предоставить самостоятельную дѣятельность; при немъ неотаучно находится строгій, взыскательный менторъ — неумолимая нужда. Но богатый лишень этого ментора, а между тѣмъ для государства важно, чтобы люди съ независимымъ состояніемъ имѣли возможность дать строгое, посядовательное, рациональное развитіе своимъ сыновьямъ. Сколько общественныхъ должностей, для которыхъ независимое состояніе составляетъ необходимую гарантію? Обладая челоуѣка нѣкоторою властью, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ ему извѣстное положеніе въ свѣтѣ, которое въ свою очередь дѣлаетъ необходимымъ извѣстный родъ жизни сопряженный съ большими расходами. Не оттого ли слышимъ мы такъ много жалобъ на недостаточность жалованья гражданскихъ чиновниковъ во всѣхъ странахъ, гдѣ бѣдные люди ищутъ общественныхъ должностей какъ средства къ жизни, между тѣмъ какъ ихъ вовсе не слышно въ Англии, гдѣ люди съ независимымъ состояніемъ принимаютъ на себя эти должности безъ жалованья, ради исполненія гражданского долга, или для пріобрѣтенія общественного или политическаго значенія? Главнѣйшіе дѣятели внутренняго управленія въ Англии, 16.000 мировыхъ судей, не только исправляютъ свои должности безвозмездно, но еще тратятъ свои доходы на общественную службу. Нельзя, кажется, спорить о томъ, что для государства, слѣдовательно и для народа, съ котораго собираются подати, выгоднѣе вмѣсто денегъ платить почетомъ за исправленіе общественныхъ должностей; но невадно забывать, что почетомъ можно платить только людямъ имѣющимъ независимое состояніе, ибо мы уже замѣтили, что всякая подобная почетная должность, возвышая общественное положеніе должностнаго лица, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ его расходы. Вотъ почему, повторяемъ, мы считаемъ чрезвычайно важнымъ, чтобы дѣти зажиточныхъ родителей получали такое воспитаніе, которое дѣлало бы ихъ способными къ дѣловой гражданской дѣятельности. Эта цѣль едва ли теперь достигается. Не будемъ повторять уже сказаннаго нами о недостаткахъ нашихъ высшихъ

закрытыхъ заведеній; скажемъ лишь нѣсколько направленіи, съ которымъ сыновья богатыхъ вступаютъ въ университетъ. Вслѣдствіе неудачной организаціи нашихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, они по большей части приготовляются къ вступленію въ университетъ; это уже не Воспитаніе юноши всегда успѣшше въ родѣ дома. Твердость и настойчивость характера, при порядкѣ, отчетности и постоянному труду развѣ и укореняются только въ публичныхъ заведеніяхъ. Въ домашнемъ воспитаніи, которое почти всегда является въ университетѣ, дѣти зажиточныхъ „являются въ университетъ“, по словамъ г. Качковскаго въ лекціи, читанной въ 1861 году въ Харьковскомъ университетѣ, „какъ баричи, для того чтобы про снѣжка; смиренно получить дипломъ и потомъ снѣжить титулъ образованнаго человѣка въ кругу. Эти господа собственно гости въ университетѣ, граждане провинціальнаго салона; кромѣ того, которые попадаютъ въ университетъ по ошибкѣ, съ собой военный духъ и стремясь неотразимо въ 1

Нельзя не признаться, что по большей части нарисованная г. Качковскимъ представляетъ вѣрный типъ богатаго студента нашихъ университетовъ. Несправедливо бы только по этому поводу упрекнуть учителей въ нежеланіи или неумѣнн дать своимъ воспитанникамъ основательное образованіе. Многие изъ нихъ и въ совершенствѣ домашняго воспитанія; но такъ перешняя организація закрытыхъ школъ не внушаетъ довѣрія, то они изъ двухъ золъ выбираютъ то, кажется имъ меньше, и оставляютъ дѣтей дома. Не найдти хорошихъ домашнихъ учителей? Иностранцы, въходящіе въ Россію, по большей части ниже по образованности, а студенты, приобретающіе основательное образованіе въ университетѣ, составляютъ небольшое меньшинство, которое поглащается требованіями гражданскаго публичнаго преподаванія. Изъ остальной массы очень плохіе педагоги, ибо характеристическая черта нашихъ учебныхъ заведеній состоитъ въ томъ, что въ главнѣйшихъ вышнихъ причинахъ между блестящими и крайнею ограниченностью почти нѣтъ

Итакъ, вовсе не удивительно, что изъ числа державшихъ экзаменъ для вступленія въ Петербургскій университетъ въ 1859 году, получившіе домашнее воспитаніе были еще хуже приготовлены чѣмъ тѣ, которые учились въ гимназіяхъ.

Мы переходимъ теперь къ новой сторонѣ занимающаго насъ вопроса.

Къ чему ведетъ искусственное привлеченіе молодыхъ людей въ наши казенныя учебныя заведенія, это мы можемъ передать словами статьи, помѣщенной въ *Русскоті Рѣчи* прошлаго года (№ 52). „Въ послѣднее время, говоритъ г. Лѣсковъ, у насъ явилась весьма чувствительная цифра людей, воспитанныхъ по программѣ, которая во второй четверти настоящаго столѣтія составляла идеалъ русскаго воспитанія, а потомъ вдругъ признана несостоятельною, а воспитанные по ней люди поставлены лицомъ къ лицу съ неприятымъ положеніемъ не получать никакого запроса на свой трудъ... Заштатные чиновники вмѣстѣ со множествомъ молодыхъ людей, вышедшихъ изъ учебныхъ заведеній, остаются у насъ безъ дѣла и безъ хлѣба. Въ одномъ Петербургѣ насчитываютъ въ такомъ положеніи нѣсколько тысячъ человѣкъ; нѣтъ города, городка, гдѣ бы не встрѣчалось этихъ несчастныхъ прообразовъ пролетаріата на Русской землѣ.“ Однѣ и тѣ же причины обыкновенно производятъ однѣ и тѣ же послѣдствія, и эти „люди не у дѣла“, какъ называетъ ихъ г. Лѣсковъ, очень похожи на бакалавровъ обучающихся за дешевую цѣну во французскихъ коллегіяхъ. „Выдавая патентъ на степень бакалавра, говоритъ Альбертъ де-Бродьи въ замѣчательной статьѣ своей объ общественномъ образованіи, правительство подписываетъ вексель, по которому патентованный считаетъ себя въ правѣ получить какое-либо мѣсто: если оно ему не дается, то онъ считаетъ правительство, какое бы оно ни было, монархическое или республиканское, неисправнымъ должникомъ и дѣлается его неперимиримымъ врагомъ.“

Но чтобы вполнѣ знать чего ожидать намъ впереди, посмотримъ до какихъ результатовъ довела Германію система, которую мы у нея переняли съ нѣкоторыми прибавленіями, испортившими, по нашему мнѣнію, что было въ ней хорошаго, стремленіе къ наукѣ, и чрезмѣрно усилившими

ея дурную сторону, привлекая въ наши учебныя заведенія еще большее число молодыхъ людей, намѣреющихся искать въ общественныхъ должностяхъ матеріальныхъ средствъ къ жизни. Мы беремъ эти результаты изъ сочиненія Рила: *Die bürgerliche Gesellschaft*, которое такъ прославило этого писателя въ Германіи.

„Чиновничій пролетаріатъ, учительскій пролетаріатъ, странствующие саксонскіе кандидаты на пасторскія мѣста, голландные университетскіе приватъ-доценты, литераторы, журналисты и проч. — если перечестъ въ умѣ этотъ легионъ нѣмецкихъ пролетаріевъ необходимо приходишь къ тому выводу, что ни въ одной странѣ Европы группа, о которой идетъ рѣчь, не имѣетъ такъ много представителей какъ у насъ. Германія производитъ болѣе умственныхъ продуктовъ нежели сколько она можетъ потреблять и покупать, что доказываетъ болѣзненное состояніе національнаго труда, неестественное раздѣленіе рабочихъ силъ. Несоразмѣрность воображаемаго общественнаго положенія съ дѣйствительнымъ выходитъ наружу преимущественно въ этой группѣ. Какая насмѣшка надъ нашими государственными учрежденіями, что въ 1848 году чиновники низшихъ разрядовъ, эти воспитанники, приемыши правительства, составили цѣлыя массы, стремившіяся къ разрушенію историческаго общественнаго порядка, тогда какъ горожане, крестьяне и поденщики оставались спокойными! Какая бы вышла лютая эпиграмма на общественное наше воспитаніе, еслибы возможно было почислить среднее число попорченыхъ литераторовъ, которые ежегодно образовывались нашими учеными государственными заведеніями для войны противъ общества. Именно тотъ самый общественный слой, которымъ правительство въ Германіи особенно занималось *ex officio*, наиболее показываетъ слѣды общественнаго разложенія (стр. 307).“

„Нѣмецкое литераторство (*Literatenthum*) есть результатъ общественной болѣзни. Исключительное предпочтеніе чисто-умственнаго труда и пренебреженіе промышленнаго, съ начала XVIII столѣтія, овладѣло цѣлымъ поколѣніемъ какъ изнурительная лихорадка. Бюрократическое правительство забывало о самостоятельныхъ силахъ промышленности и торговли, потому что по его воззрѣніямъ судьбы общества зависѣли отъ ученаго и чиновничьяго люда. Вслѣдствіе

возможность также получить личное дворянство такимъ образомъ переходить изъ рода въ родъ вечности. И у насъ также какъ и въ Германіи выходитъ наружу въ этой группѣ несообразность жаждаемаго общественнаго положенія съ дѣйствительнаго необходимо дѣлаетъ изъ этихъ людей одно изъ двѣхъ классовъ, но недовольныхъ враговъ общественнаго общества, или слишкомъ довольныхъ имъ взлѣтчиковъ.

Риль находитъ въ Германіи два главные пролетаріата: обдѣлявшіе дворяне, которымъ и новка не позволяетъ свергнуть съ себя иго двѣхъ потребностей и предрасудковъ, и чрезмѣрно разросся классъ литераторовъ и полуученыхъ, которымъ не представляетъ достаточныхъ средствъ. У насъ же ухитрились сдѣлать эти два источника, представляемый недоучившимися личными степенными дворянами, не имѣющими ни наслѣдственнаго, ни мѣста по службѣ, отъ котораго они кормятся, ни дѣльнаго литературнаго и научнаго званія. Званіе дворянина заключаетъ человека въ тѣсномъ кругу, которымъ ограничиваются все и ему занятія. Въ этомъ кругу находятся тысячи людей, которыми можно зарабатывать себѣ хлѣбъ, но они недоступны. Ничто такъ скоро не прививается французскія понятія и предрасудки, и новые дворянскіе старинныхъ похожи на американскихъ Индейцевъ, которыхъ Токвилль разказываетъ, что дошедши до крайностей нищеты, они рѣшались лучше ужъ себя принимать за работяги, которыя считали университетскими. Нѣтъ ничего легче какъ вывести изъ дворяне, но нѣтъ ничего труднѣе какъ изъ дворянина плебея. Доказательствомъ этого можетъ служить старинное дворянство въ тѣхъ странахъ, уже давно лишилось всѣхъ привилегій, которыми оно отличалось отъ народа. Французское дворянство до сихъ поръ избѣгаетъ брачныхъ союзовъ съ людьми принадлежавшими прежде къ ихъ кастѣ. Тайна кастъ плебеевъ изъ дворянъ—да еще изъ какихъ дворянъ!—не унижая ихъ, известна только въ Англіи. И во Франціи должно брать у нея уроки, вмѣсто того чтобы брать ихъ изъ среды народа, на его счетъ, цѣлыя массы

ИЗЪ ДРЕВНИХЪ.

Стѣну городскую украшаютъ башни ;
Старца семьявина украшаютъ дѣти ;
Украшенье пира—мудрая бесѣда ;
Украшенье пастбищъ—боевые кони ;
Украшенье перстня—камень драгоценный ;
Украшенье дома—скромная хозяйка ;
Цвѣтъ краса растенья; листъ краса деревьевъ ,
А краса народа—царь благой и мудрый.

Б. АЛМАЗОВЪ.

1862 г. 1-го июля.

КОЛУМБЪ.

(Изъ Шиллера).

Съ Богомъ, отважный пловецъ! Пусть раздаются на-
смѣшки!
Пусть изъ усталой руки руль непокорный скользнетъ!
Смѣло на западъ плыви: берегъ тамъ узришь желанный...
Ты ужъ завидѣлъ его разумомъ вѣщимъ своимъ!
Вѣрься десницѣ Творца, въ путь тебя мощно подвигшей—
Геній съ природой, повѣрь, будутъ всегда заодно:
Все, что предрекъ онъ толпѣ строго исполнить природа.
Выдать дерзнетъ ли она черни любимца небесъ:
Ежели берега нѣтъ—тамъ, гдѣ обѣщанъ онъ міру,—
Чудомъ воспрянетъ онъ самъ, вдругъ изъ пучины
морской.

Б. АЛМАЗОВЪ.

ПУБЪЗКА ВЪ ГОРНЮЮ ШОТЛАНДЮ

ПУТЕВЫЯ ЗАМЪТКИ.

Эдмбургъ. 7/19 сентября, 1861 года.

Вотъ случай написать краснорѣчивое слово о прогрессѣ, о силѣ человѣческаго ума, поработившаго природу и т. п. Я не краснорѣчивъ, это немножко жаль; но дѣйствительно, какъ немного отвыкнешь отъ путешествій, то быстрыя передвиженія удивляютъ тебя, и взявшись за перо, не устоишь противъ желанія воспѣть хвалебный гимнъ пару, желѣзнымъ дорогамъ, экспрессамъ, машинамъ, и отъ дѣйствительности возместись къ высшимъ умозрѣнїямъ. Вчера я преспокойно гулялъ въ нашемъ коттеджѣ, въ тихомъ Гестингсѣ; вечеромъ уже отъ души хохоталъ, смотря на неподражаемыхъ Чараса Маттью, Бокстона и Комптона на Геймаркетскомъ театрѣ, въ новой пїесѣ *The Soft Sex* (переводъ съ французской комедїи *Les femmes fortes*), а сегодня пишу въ Slaney's Hotel, Princess Street, Andrew square, въ Эдмбургѣ. Это нѣсколько озадачиваетъ.

Утромъ, въ 9 часовъ, мы сѣли съ сестрой въ King's Cross Station въ вагонъ, и въ 8 вечера были въ Эдмбургѣ. Бѣда въ экспрессахъ, которая такъ всеми восхваляется, производитъ на меня всегда нѣсколько тяжелое впечатлѣнїе. Взять въ дилижансѣ, каретѣ, тарантасѣ, еще проще въ нашей

родимой телегѣ, не такъ спокойно какъ въ вагонѣ, въ этомъ никакого спору нѣтъ; но, позволю себѣ замѣтить, при всемъ безпокойствѣ, въ прежнемъ способѣ передвиженія вы были человѣкомъ имѣющимъ инициативу, значеніе; въ экспрессѣ, вы не болѣе какъ существо имѣющее въ карманѣ кусочекъ картона, билетъ; васъ запираютъ въ ящикъ, а на Great Northern Railway это даже не прикрыто никакою деликатною хитростью: вагоны имѣютъ совершенно видъ большихъ ящиковъ, или лучше сказать, комодовъ; вами поучаютъ, васъ запираютъ, смотрятъ разъ десять вашъ билетъ, однимъ словомъ, вы не человѣкъ, вы вумеръ, немного болѣе драгоценная кладь чѣмъ эти *лестеры* и *диллиги*, которые скучившись головами, стоятъ въ рѣшетчатомъ вагонѣ.

На King's Cross Station, насъ сѣло четверо въ вагонъ: путешествующій Нѣмецъ съ сестрицей да насъ двое. Нѣмецъ оказался прелюбезнѣльнѣйшимъ и премилымъ человѣкомъ; сестрица—такую тихую барышней, что ее всю дорогу не было слышно. Все время Нѣмецъ не переставалъ изучать разнаго рода гуды, то англійскій, то нѣмецкій; а съ своей стороны подслужился и предложилъ свой за то былъ вознагражденъ сигарой и ласковымъ словомъ. Германская парочка была по правдѣ мила. Братъ съ сестрой сидѣли рядышкомъ, склонивъ головы вмѣстѣ: братъ держалъ въ рукахъ ein deutsches Handbuch des Reisenden, и оба тихо, едва слышно читали. Читеніе скорѣе было видно по движенію губъ чѣмъ слышно. Братъ высокаго роста, въ усахъ, черноволосый, бѣлый и розовый, лѣтъ тридцати; сестра ростомъ поменьше, но кажется поотарше, такая же какъ братъ румяная, бѣлая, полная, и такая же вѣло тихая. Мы разговорились, и дѣло какъ водится не обошлось безъ того чтобы я не выслушалъ похвалы нашей русской Geläufigkeit въ говореніи на всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ языкахъ. Я постоянно замѣчалъ въ продолженіе моего трехгодоваго пребыванія за границей, что всякій иностранецъ, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ, считаетъ своею обязанностью, при олучайной встрѣчѣ съ Русскимъ, похвалить нашего брата за способность къ языкамъ. При этомъ многіе обыкновенно прибавляютъ: „вѣдь вашъ собственный такъ труденъ!“ За границей между большинствомъ существуетъ какое-то смутное и странное понятіе о нашемъ родимомъ языкѣ. Во-

ображаютъ его чѣмъ-то до того особеннымъ, что почти и языкомъ-то врядъ ли назвать можно. Братья и сестра были до крайности милы; они оба такъ опокійно и сладко другъ за другомъ ухаживали, читали вмѣстѣ, и вмѣстѣ же уснули на часокъ, и потомъ опять принялись за чтеніе.

Въ Лондонѣ, какъ часто бываетъ въ сентябрѣ, утро было великолѣпное; но солнце боролось съ туманомъ и дымомъ, и мы, утѣшая, не могли еще видѣть за кѣмъ останется побѣда. До Гитчина есть нѣсколько тоннелей, и мѣстность вообще похожа на пейзажи южной Англій; но даже потянувшись плоская, совершенно гладкая равнина вплоть до самаго Бервика. Солнце сдѣлалось прорѣзать густой туманъ, но усилія его оказались тщетными, и оно грустно повисло на верху желтымъ, малымъ кругомъ, какъ бы отказавшись на сей день пригрѣть поля и освѣтить природу. Ближе къ Йорку, помынуто, слева и справа отъ главной линіи, отдѣляются боковыя линіи и пропадаютъ вдали. По нимъ иногда мелькаютъ длинныя торговые поѣзды. Не заглядывая въ указатель, замѣчаешь вездѣ признаки большихъ городовъ, важныхъ центровъ промышленности и торговли. А ужъ посмотрѣть на карту желѣзныхъ дорогъ, то около Йорка, среди важныхъ сосѣдей его, Манчестера, Лидса, Шеффилда и др., черныя линіи такъ переплелись, что едва разглядишь главную сѣверную линію. Пропасть станцій, отъ которыхъ идутъ новыя вѣтви, и если экспрессъ не останавливается, то онъ скачетъ мимо платформъ съ удвоенною скоростью. Это отчасти напоминало мнѣ нашихъ родимыхъ ямщиковъ. Какъ они обыкновенно задаютъ колѣнцо, проѣзжая по деревнѣ, къ вѣщему пораженію молодухъ и дѣвочкѣ высыпавшихъ изъ избъ; такъ и экспрессы, несмотря на свое высшее значеніе, не могутъ устоять противъ желанія произвести нѣкоторое впечатлѣніе на лицъ, стоящихъ на платформахъ станцій въ ожиданіи простаго поѣзда.

Въ Йоркѣ обѣдаютъ; двадцать минутъ остановки; обѣдъ англійскій: Mock turtle soup и всякихъ сортовъ жареная и вареная говядина. За два шиллинга вы кушаете сколько можете отъ трехъ блюдъ мяса, которое вамъ отрѣзываетъ съ удивительною ловкостью специально къ тому приставленный служитель. Возвратясь въ вагонъ, мы нашли тамъ еще другаго путешественника, Англичанина, съ обычнымъ спутникомъ всякаго путешественника Англичанина, съ

Times. На желѣзной дорогѣ, это необходимое условіе передвиженія въ Англіи. Безъ *Times* въ рукахъ, я думаю, и въ вагонъ не примутъ.

Начиная отъ Дарлингтона вплоть до Морпета, по обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги, на каждомъ шагѣ отдѣляются вѣтви, ведущія къ высокимъ трубамъ, которыя десятками, сотнями видѣются на горизонтѣ. Это каменноугольный бассейнъ Англіи, богатѣйшій изъ всѣхъ. Иные говорятъ, что графство Пемброкское въ Южномъ Валлисѣ со временемъ можетъ оказаться еще богаче; но до сихъ поръ преимущество на сторонѣ Ньюкассальскаго. Ближе къ Ньюкассало, и въ самомъ этомъ городѣ, богатство каменнаго угля осязательно замѣтно. Дымъ такой, что съ трудомъ разглядяешь дома внизу по рѣкѣ Тайну, проѣзжая по великолѣпному колоссальному мосту переброшенному черезъ нее. Я спросилъ моего спутника, всегда ли такая атмосфера. „Всегда, отвѣчалъ онъ: впрочемъ по воскресеньямъ меньше.“

Отъ Морпета равнина слегка приподнимается. Округленные холмы бѣгутъ влѣво, а направо видво строе море, съ шумомъ набѣгающее на песчаный берегъ. Но вотъ Бервикъ, мы перѣехали Твидъ, и уже въ Шотландіи. Какъ на зло, въ то время когда ландшафты одѣвались красивѣе, мы не могли ихъ видѣть. Темнѣло, когда мы подѣзжали къ Бервику, а когда выѣхали оттуда, уже было совершенно темно. Снова пошли тощелы; высокія деревья принимали фантастическія формы и мелькали съ быстротой; вдали кое-гдѣ виднѣлись огоньки, но все вмѣстѣ невозможно было оглядѣть, несмотря на присутствіе блѣдой луны, скользящей между тонкими волокнистыми облаками. Въ Данбарѣ у насъ отобрали билеты,— и черезъ полчаса мы въ Эдинбургѣ.

Усталые, особенно я, который еще недавно, благодаря лихорадкѣ, едва двигался, мы отправились въ Slaney's Hotel. Отель великолѣпный, чистота идеальная, комфортабельно и недорого,— однимъ словомъ, отлично; но...но запрещено курить въ комнатахъ. Для куренія есть великолѣпный smoking room. Когда я спросилъ у *ветера*: да отчего же нельзя курить? онъ только съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, и ничего не отвѣчалъ. Еще особенность Slaney's Hotel'a та, что номера непременно состоятъ изъ двухъ комнатъ, изъ спальни и го-

стиной; table d'hôte'a нѣтъ; но цѣны очень умѣренныя. Отлично бы; но какже не покурить?—даже и съ открытымъ окномъ нельзя. Ужь таковы Англичане: въ Лондонѣ, проживъ мѣсяцъ въ отелѣ, приобрѣлъ явечно римое право курить у себя въ комнатѣ; а прежде это было предметомъ разговоровъ. Да что куреніе? Мѣсяца три тому назадъ, прочтя въ Гестингсѣ, что на Ковентгарденскомъ театрѣ дають *Севильскаго цирюльника*, при участіи прелестной Аделины Патти, мы повѣхали въ Лондонъ послушать виолончельную Розину. При входѣ въ Ковентъ-Гарденъ, баринъ отбирающій билеты пропустилъ моихъ дамъ, а меня задержалъ, оттого что я былъ въ свѣтлыхъ павтадовахъ, а не въ черныхъ, какъ подобало въ тѣхъ видныхъ мѣстахъ, на которыя мы взяли билеты. На все, что я толковалъ, остановившій меня баринъ отвѣчалъ учтиво и любезно; но пропустить меня, онъ увѣрялъ, никакъ не могъ. Я вернулся въ отель; къ счастью, хозяинъ былъ одного со мною роста, и переодѣвшись, я поспѣлъ къ выходу Фигаро. „Это-то свободная сторона?“ говорили мнѣ часто многіе изъ моихъ соотечественниковъ, когда я имъ это рассказывалъ: „въ Парижѣ, аи Grand Opéra, этого никогда не случится.“ Англія представляетъ собою великолѣпный, и уже давнишній примѣръ свободы соединенной съ порядкомъ. Имѣя полную свободу, она всегда строго хранила извѣстную дисциплину; отсюда это уваженіе къ обычаю... Но это насъ заведеть Богъ знаетъ какъ далеко; пора и кончить, скоро 11¼ часовъ.

Эдинбургъ Пятница 8го сент.

Что за занятый день и какая усталость! Въ половинѣ десятаго мы были уже на улицѣ, и возвратились домой когда стемнѣло. Осмотрѣвъ Королевскій Банкъ, новый городъ, памятникъ Валтеръ-Скотту, мы повѣхали на Calton Hill. Оттуда открывается великолѣпный видъ на Эдинбургъ и окрестности: по одну сторону заливъ рѣки Форта (Forth of Forth) съ городкомъ Лейтомъ, Грантонъ-пиромъ и Ньюгавеномъ; передъ вами на тихой водѣ залива одинокій островъ Inch Keith; съ другой горы Queen's Drive, Arthur's Seat; далѣ холмистыя начала Pentland Hills; вблизи подъ ногами; вальво—старый городъ, направо—новый; тюрьма построен-

ная въ видѣ замка; далѣе на утесѣ знаменитый Эдинбургскій замокъ; и все покрытое прозрачнымъ тонкимъ туманомъ, дрожащимъ и раздражающимъ подъ свѣжимъ утреннимъ вѣтромъ.

Мы имѣли глупость взять съ собою провожатаго, который съ неутомимую доброовѣстностію называлъ намъ владѣльца каждаго дома, и должно-быть съ цѣлью блеснуть передъ нами своими познаніями, обстоятельно разказывалъ родословную каждаго изъ шотландскихъ перовъ. Въ другое время это пожалуй было бы интересно; но когда всматриваешься въ новый, невиданный ландшафтъ, обстоятельное описаніе мѣшаетъ только общему впечатлѣнію,—да наконецъ какое мнѣ дѣло, на комъ жевать герцогъ Боклю или маркизъ Бредаальбенъ? Передъ глазами великолѣпная, обширная картина, въ которую не то что всматриваешься въ которую вдумываешься, а тутъ слышишь вещи совершенно постороннія. Не довольствуясь разказами о шотландской аристократіи, проводникъ принялся намъ описывать, какъ онъ имѣлъ счастье показывать Эдинбургъ въ прошломъ году ея величеству императрицѣ Французовъ. Это было вѣсколько интересно, но и то особеннаго ничего. Мы обошли кругомъ весь Calton Hill и приблизились къ башнѣ воздвигнутой въ память Нельсона; въ скверѣ башни, имѣющей видъ маяка,—двѣ пушки, на которыхъ мы съ грустью прочли русскія надписи и разглядели двуглавый русскій орелъ. На лафетѣ, на овальной доскѣ, кругомъ, большими бронзовыми рельефными буквами, начертано „captured at Sevastopol“, а въ серединѣ 1855 годъ. Мнѣ такъ досадно, что я готовъ подозрѣвать, что многія изъ этихъ пушекъ поддѣльныя; я ихъ встрѣчалъ великое множество повсюду въ самыхъ ничтожныхъ городкахъ Англіи, даже въ Arundel Castle, принадлежащемъ герцогу Норфокскому: тамъ ихъ четыре. Откуда ихъ такъ много набрали? Ужь викакъ, я думаю, не изъ Севастополя.

На двери Нельсоновой башни прибито объявленіе, приглашающее желающихъ за весьма малую плату подняться на вершину башни, съ тѣмъ чтобъ оттуда насладиться великолѣпнѣйшимъ въ мірѣ видомъ, превосходящимъ даже видъ Неаполитанскаго залива. Намъ эта перспектива не показалась слѣшкомъ заманчивою. Впрочемъ не было надобности взбираться такъ высоко; видъ вѣсколько выше не могъ быть

много лучше, а подниматься на лѣстницу послѣ лихорадки не увлечешь ослабѣвшихъ ногъ никакими заманчивыми приглашеніями ¹. Съѣхавъ съ Calton Hill, мы отправились въ зданіе бывшаго парламента, въ которомъ теперь помѣщаются судебныя мѣста. Зала, гдѣ засѣдалъ прежде шотландскій парламентъ до акта присоединенія, сохранилась почти въ томъ же видѣ какъ была; замѣчательнаго въ ней развѣ одинъ потолокъ. Обойдя залы судилищъ, мы отправились въ Голирудъ.

Не описывая Голирудскаго дворца, не могу не замѣтить, что довольно странное впечатлѣніе производитъ взимаемая съ посѣтителей при входѣ плата. Плата ничтожная, всего 6 пенсовъ; но мнѣ кажется, можно было бы впускать даромъ во дворецъ, гдѣ останавливается англійская королева въ бытность свою въ Эдинбургѣ. А то привратникъ дворца продающій за 6 пенсовъ билеты, на которыхъ написано Queen Mary's chambers, — и это въ богатой, аристократической Англiи, — какое-то странное и неловкое явленіе. Галлерей шотландскихъ королей въ артистическомъ отношеніи не представляетъ большаго интереса. Почеркнѣвшія изображенія прежнихъ владыкъ Шотландіи далеко не красивы. Комнаты лорда Даррлея и супруги его, королевы Маріи, знаменитой Маріи Стюартъ, чрезвычайно интересны. Помѣщеніе королевы такъ не велико, что наши нынѣшнія холостыя квартиры гораздо больше. Комната, въ которой ужинала Марія съ любимцемъ своимъ Давидомъ Рицціо въ день его убійства, такъ мала, что скорѣй похожа на чуланъ чѣмъ на комнату. Мѣсто, гдѣ тѣло бѣднаго Рицціо съ пятидесятью шестью ранами пролежало всю ночь, въ спальнѣ королевы, по приказанію ея было отдѣлено перегородкой вскорѣ послѣ

---

¹ Около маяка Нельсона стоитъ портикъ. Городъ Эдинбургъ хотѣлъ воздвигнуть на Калтонъ Галлѣ родъ палатона для шотландскихъ знаменитостей; за недостаткомъ денегъ, это сооруженіе остановилось на самомъ началѣ. Плодомъ этого остался портикъ, напоминающій развалины древнихъ храмовъ въ римскомъ форумѣ. Англичане, которые не прочь подсмѣяться при случаѣ надъ Шотландцами, называли этотъ портикъ Scottish Folly. Не совѣтую упоминать объ этомъ названіи ни одному Шотландцу. Дѣло можетъ дойти до Клеймора.

убійства. Комната сдѣлалась еще меньше; но за то кровавое пятно до сихъ поръ сохранилось на дубовомъ полу.

Всего что мы видѣли не возможно разказать въ этомъ летучемъ дневникѣ. Остатки мебели и работъ несчастной королевы наводятъ на такія мысли, что печатнаго листа не достаало бы описать все, а ограничиться общими мѣстами не хочется. Недовольный читатель пусть дополнитъ своимъ воображеніемъ съ помощью *Black's Picturesque Tourist of Scotland*: мы, ей Богу, не въ состояніи оказать ничего болѣе.

Отъ Голируда идетъ интересная старинная улица Canongate съ древнею гостиницею White House, мѣстомъ Эдинбургской тюрьмы, прославленной Валтеръ-Скоттомъ и теперь уже не существующей, съ домомъ Джона Нокса: все это вмѣстѣ дышитъ давнимъ, давнимъ міромъ. Всѣ эти зданія какъ привидѣнія, киваютъ изъ гробовъ на проходящую толпу, столь не похожую какъ съ виду, такъ и по духу на прежнихъ прохожихъ этой улицы. High street¹ уже теряетъ этотъ старинный характеръ, и вотъ мы уже около Эдинбургскаго замка.

Эдинбургскій замокъ такъ древень, что время его основанія неизвѣстно. Не знаю какъ другіе, но я объ этой неизвѣстности нисколько не скорблю. Противъ замка небольшая эспланада, на которой мы застаемъ двѣ роты солдатъ 26-го полка, производившихъ ученіе. 26-й полкъ, иначе называемый Cameronian, былъ оставленъ прежде изъ камероніанскаго клана, и заслужилъ значительную извѣстность въ Индіи и въ другихъ войнахъ. Люди молодцы; немного только странно видѣть подъ краснымъ военнымъ сюртукомъ яркіе клѣтчатые павтадоны. Впрочемъ это совсѣмъ не дурно. Въ замкѣ намъ показывали знаменитую корону Брюса. Корона и прочія королевскія регаліи, находятся въ совершенно темной комнатѣ, въ желѣзной клѣткѣ, освященной лампадами. Показывается она даромъ. Будь я здѣсь распорядителемъ, я бы предложилъ перевести на Брюсову корону шесть певсовъ, взимаемыхъ за входъ въ Голирудъ, если ужъ

¹ Отъ дома Джона Нокса дадеъ въ гору къ Эдинбургскому замку, Canongate называется High Street.

онѣ такъ необходимы для благосостоянія Англіи и вовсе отбѣнить ихъ нельзя. Пусть лучше за эту корону платитъ публика, а не за комнаты королевы Маріи. Мнѣ кажется, это благодѣяніе.

Видъ отъ замка великолѣпенъ, особенно когда мы тамъ были; сонде прогалауло, и всѣмъ своимъ свѣтомъ озарило городъ раскинувшійся по долинѣ между замкомъ, Калтонъ-Гилломъ и узкою полосой вытянувшегося до залива; у подошвы каменистаго утеса, на которомъ стоитъ замокъ, зеленѣютъ лужайки Princess Street Gardens; по нимъ тянутся рельсы желѣзной дороги и пропадаютъ въ двухъ тоннеляхъ замыкающихся съ обѣихъ сторонъ дорогу. Машины, вагоны, то и дѣло разгуливаютъ по рельсамъ, придавая не малое оживленіе всей картинѣ. Вообще Эдинбургъ смотритъ не много скучновато; можетъ-быть, это оттого намъ показалось, что мы видали городъ не въ лучшую пору его, которая бываетъ зимой. Но изъ замка древняя столица Шотландіи кажется весьма оживленною.

Выходя изъ замка, провожатый нашъ непременно хотѣлъ вести насъ осматривать госпиталь. Мы отказались и отправились жици за четыре на ферму мистера Джонъ Диксона, о которой мнѣ много говорил. На континентѣ, особенно во Франціи, установилось, не знаю на какомъ основаніи, мнѣніе, что Англичане народъ весьма не общительный, не любезный, отъ котораго безъ рекомендаціи не получишь отвѣта на самый простой вопросъ. Объ этомъ куча анекдотовъ, водевилей, сказокъ, и это мнѣніе стало чуть не аксіомой. Я во второй разъ живу подолгу въ Англіи и этого нисколько не замѣчалъ; напротивъ, безъ всякихъ рекомендацій, я очень часто получалъ указанія, совѣты и свѣдѣнія отъ всякихъ незнакомыхъ лицъ, и ни разу не получалъ грубаго или даже уклончиваго отвѣта. Очень часто развѣдалъ я безъ всякихъ рекомендацій по совершенно незнакомымъ мнѣ фермамъ, и всюду самъ хозяинъ водилъ меня по своимъ полямъ, показывалъ все свое хозяйство, объясняя подробно все чтѣ только я у него спрашивалъ. Мнѣ на это пожалуй скажутъ, что таковъ земледѣльческій классъ, но что горожане и особенно англійская аристократія, гордость которой принято на континентѣ представлять въ самыхъ черныхъ краскахъ, совсѣмъ не таковы. По моему;

аристократія въ другихъ странахъ, а еще болѣе въ тѣхъ гдѣ ея нѣтъ, боится уронить свое достоинство обращеніемъ съ людьми не принадлежащими къ такъ-называемому аристократическому кружку; въ Англіи же это не такъ. Въ Англіи аристократія весьма популярна, и всюду, начиная съ „вольтерскаго движенія“, и кончая улучшеніемъ породы овецъ, во главѣ народнаго движенія. Подѣзжая къ фермѣ, я подумалъ, что можетъ-быть Шотландцы не такъ любезны какъ Англичане. Перваго изъ встрѣтившихся рабочихъ я послалъ спросить, можно ли осмотрѣть ферму. Самъ хозяинъ пришелъ съ отвѣтомъ, и повелъ насъ повсюду. Ферма Диксона—въ 500 акровъ шотландскихъ; акръ шотландскій не много болѣе англійскаго, а англійскихъ акровъ приблизительно идетъ три на нашу русскую десятину. Рента по 4 фунта стерлинга за акръ; за 500—2 тысячи фунтовъ что составляетъ до четырнадцати тысячъ рублей по нынѣшнему курсу. Мистеръ Диксонъ не жалуется на высоту ренты, которая впрочемъ въ Lothians почти нигдѣ не менѣе, а въ иныхъ мѣстахъ достигаетъ даже до пяти фунтовъ за акръ.

Главное производство на фермѣ есть откармливаніе скота, иначе сказать приготовленіе его къ бойнѣ.

Рогатый скотъ Диксонъ покупаетъ безъ разбора, гдѣ попадется, и откармливаетъ сѣномъ, изъ рейграсса и клевера, также зеленымъ клеверомъ, турнепсомъ (особый видъ рѣпы, но гораздо крупнѣе) и наконецъ выжимками льнянаго сѣмени по извлеченіи изъ него масла. Льняное сѣмя получается изъ Россіи, и въ окрестностяхъ Lineith Gow обращается въ масло. Остатки, въ видѣ продолговатыхъ пряниковъ, продаются не дешево и признаются шотландскими фермерами за самый лучший матеріалъ для откормки рогатаго скота. Расходы по приготовленію скота къ бойнѣ, по словамъ Диксона, съ лихвой возвращаются увеличеніемъ въ цѣнѣ скотины; навозъ же отъ ея пребыванія въ стойлахъ—чистый барышъ. Благодаря этому навозу, кромѣ котораго Диксонъ еще ежегодно покупаетъ въ городѣ на порядочную сумму, онъ удобряваетъ свои поля до того, что пшеница даетъ ему самъ 15, а клеверъ скашивается постоянно два раза въ лѣто; при благоприятныхъ же обстоятельствахъ иногда три. Что касается до

овецъ, то въ Пертширѣ у него другая ферма, на которой воспитывается большое количество овецъ породы black-faced, черномордыхъ. Эта порода—великолѣпнѣйшій даръ шотландской природы. Черномордыя не знаютъ что такое стойло, сарай, загонъ. Круглый годъ, день и ночь овѣ въ полѣ. Зимой, овѣ сами разгребаютъ снѣгъ и питаются замерзшею травой, палымъ листомъ, Богъ знаетъ чѣмъ; есть повѣрье, что иногда зимой, при недостаткѣ пищи, они щипаютъ другъ у друга шерсть; но живутъ, и живутъ бодро, и плодятся безъ хлопотъ для хозяина. Изъ этой *гайландской* своей фермы, за которую овъ платитъ ренты 4 пенса за акръ, Диксонъ ежегодно переводитъ осенью къ себѣ на эдинбургскую ферму около $\frac{1}{4}$ овечьяго стада, все стариковъ, тутъ у себя откармливаетъ ихъ и потомъ продаетъ на бойню.

Въ фермѣ—паровая неподвижная машина, въ семь силъ, которая въ 26 лѣтъ только два раза чинилась, и то только въ котлахъ, и газометръ снабжающій всю ферму газомъ. И это не причуда; газъ здѣсь дешевле всякаго другаго освѣщенія. Да наконецъ Диксонъ не вотчинникъ-дилеттантъ, а фермеръ по контракту на семнадцать лѣтъ, платящій высокую ренту и вмѣстѣ желающій работать не безъ выгоды для себя.

Походивъ по полямъ, хозяинъ поведъ меня показывать новые коттеджи, которые овъ, пополамъ съ вотчинникомъ, построилъ для отдачи въ наемъ рабочимъ. Коттеджи не велики, но очень удобны, и въ каждомъ непременно по три спальни и по одной общей комнатѣ.

Еще одно слово. Вотъ для интересующихся сѣвооборотъ на фермѣ Диксона: овъ шестилѣтній; въ первый годъ пшеница; 2-й картофель; 3-й ячмень; 4-й турнепсъ; 5-й овесъ; 6-й клеверъ пополамъ съ *рейграссомъ*. Кстати, для сравненія, вотъ еще сѣвооборотъ, записанный въ моей записной книжкѣ,— это въ графствѣ Соссексъ на фермѣ, въ мѣстечкѣ Бексгиллъ: 1-й годъ пшеница; 2-й турнепсъ; 3-й овесъ; 4-й клеверъ одиный; 5-й опять пшеница; 6-й горохъ, бобы, и 7-й опять пшеница. Въ Бексгиллѣ употребляется очень много гуано; поэтому-то пшеница такъ часто и возвращается.

Отъ Диксона, по дорогѣ, заѣхали мы на винокурню Caledonian. Винокурня огромная, выкуриваетъ отъ 55 до

60 тысячъ галлоновъ ¹ спирту въ недѣлю. Спиртъ выкуриваютъ изъ пшеницы, рису, овса (русскаго), ячменю. Главный сбытъ, куда бы кажется?—во Францію, гдѣ изъ здѣшняго спирта приготавливаютъ коньякъ. Впрочемъ хозяинъ винокурни просилъ не говорить объ этомъ; такъ я это сообщаю по секрету.

Изъ винокурни мы пошли по магазинамъ, и къ нашему удивленію цѣны псадовъ, тартавовъ и т. п., конѣвка въ конѣвку оказались тѣ же что въ Лондонѣ у T. Locke & Co Regent Street и у другихъ. Но 12 часовъ; пора и честь знать. Завтра поѣздъ отходить въ 6 ч. 25 м. утра.

Суббота $\frac{9}{21}$ сентября.

Встать въ 5 часовъ когда легъ поздно—куда какъ тяжело, особенно если вставать приходится при свѣчахъ. Какъ-то холодно, зѣвается и вмѣстѣ дрожь пробѣгаетъ по тѣлу; потомъ завтракъ поданный заспаннымъ waiter'омъ, когда въ отелѣ такъ тихо, такъ заманчиво тихо; вокругъ совершенное спокойствіе, а тутъ спѣши укладываться и завтракать вмѣстѣ. Кусокъ въ горло неидетъ, и поминутно какъ только запрешь чемоданъ, увидишь что вотъ что-нибудь забылъ, и опять отворяй. Пренеприятное дѣло отправляться съ утреннимъ поѣздомъ. Въ 6 ч. 25 м., мы уже сидѣли въ вагонѣ. Кромѣ насъ двухъ, было еще двое: бѣлокурый мальчикъ постоянно укладывавшійся чтобъ уснуть, но не спавшій, и какой-то господинъ съ италіанскою фізіономіей, силлившійся въ сумеркахъ разсвѣта да еще при густомъ туманѣ прочесть газету, но кажется не достигшій этого. Я вошелъ съ сигарой во рту, совершенно забывъ о запрещеніи курить, и преспокойно продолжалъ покуривать подъ самый носъ кондуктору, который осматривалъ наши билеты. Онъ посмотрѣлъ на меня, и должно-быть пораженный моею наивностью, сказалъ очень дружелюбно: „Do not smoke

¹ Приблизительно два галлона составляютъ наше русское ведро. Акцизъ взимаемый правительствомъ на самой винокурнѣ 10 шиллинговъ съ галлона. Для повѣрки устроена замысловатая машина подъ замкомъ и печатью акцизныхъ сборщиковъ.

now, wait till we start“ (не курите теперь, погодите пока мы поѣдемъ). Я поблагодарилъ, и вскорѣ мы тронулись. До Стэрлингга окружающая мѣстность весьма похожа на южную Ангаію; плоскіе, округленные холмы, волнами перекатываются по всемъ направленіямъ. Поля, окруженныя живою изгородью (*hedge row*), въ которой мѣстами возвышаются высокія, развѣсистыя деревья; изрѣдка фермы окруженныя стогами; ярко зеленые луга, на которыхъ пасутся бараны, лошади и коровы. Разницы никакой, развѣ что стоговъ больше вокругъ фермъ, потому что здѣсь обычаи ставить ихъ въ одномъ мѣстѣ, около фермы, а не разбрасывать по полямъ какъ въ Ангаію; да и самая постройка фермъ смотреть иначе.

Проѣзжаемъ Фалкиркъ: это будто Ньюкаслъ въ миниатюрѣ; огромныя трубы, дымъ и запахъ каменнаго угля. Поѣздъ несется, а дождикъ хотя тихо, но непрерывно брызжетъ въ открытое окно. Отличная погода для того чтобъ осматривать шотландскія озера, съ грустью думаю я, посматривая на сѣрыя облака, лѣниво, точно спросонка, тянувшіяся по сѣрому же небу.

Въ Стэрлингѣ мы вышли, чтобы черезъ пять минутъ сѣсть въ другой поѣздъ. Здѣсь есть замокъ очень интересный тѣмъ, что въ немъ нѣсколько шотландскихъ королей родилось, а нѣсколько умерло. Очень вѣрю, но къ несчастью, а видѣлъ его только издали. Отъ Стэрлингга до Калландера всего 18 миль; мы ѣхали часа два, станціи на каждомъ шагу, — и какія все мудренныя имена! — но поѣздъ выдѣлывалъ сложныя и удивительныя эволюціи: то назадъ поѣдетъ, то впередъ, то опять назадъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ оставить на каждой станціи по вагону, а на иной и по два, съ каменнымъ углемъ. Отъ Bridge of Allan, мѣстоположеніе становится гористѣе; налѣво красивая рѣчка прыгаетъ по камнямъ, и провожаетъ почти до Калландера желѣзную дорогу.

Мы наконецъ добрались до Калландера. Только что поѣздъ подѣхалъ къ платформѣ, всѣ пассажиры, — къ счастью ихъ было немного, — съ поспѣшностью бросились къ двумъ *кочамъ*, стоявшимъ у самой станціи желѣзной дороги. Мы послѣдовали всеобщему призыву, и покамѣтъ я сдвинулъ багажъ господину въ красномъ сюртукѣ, кучеру *коча*, весь

верхъ кареты былъ уже занятъ дамами и мущинами. Coach, это четверомѣстная карета, на верху которой устроены мѣста по крайней мѣрѣ для пятнадцати человекъ. Бываютъ *кочи* большія, гдѣ сидятъ по пяти въ рядъ; этотъ былъ не очень большой: на верху могло помѣститься человекъ шестнадцать да четыре внутри, и того двадцать. Дождикъ продолжалъ накрывать, но слегка, какъ бы не хотя; я вернулся въ свое толстое пальто и поѣхъ на верхъ, усадивъ сестру въ карету. Кочъ покатила, и на поворотѣ со станціи, на толчкѣ, такъ трянуло, что я, сидя на краю, между тѣмъ какъ ноги мои безъ всякаго упора болтались на воздухѣ, чуть не слетѣлъ. Мой сосѣдъ очень любезно поддерживалъ меня.

Мы ѣхали съ небольшимъ часъ, даже меньше. Дорога идетъ въ глубинѣ долины, все болѣе и болѣе суживающейся между горами, которыя, кажется, все ближе и ближе подступаютъ другъ къ другу. Уже въ Каландерѣ природа и мѣстоположеніе вовсе не похожи на то что было по дорогѣ отъ Эдинбурга до Стэрлингга; но съ версту отъ Каландера, страна принимаетъ характеръ совершенно дикой, гористой мѣстности. Дорога идетъ почти все время густымъ лѣсомъ, въ которомъ главныя деревья: береза, ель и сосна, по берегу двухъ небольшихъ озеръ причудливо вытанувшихся одинъ за другимъ. Вершины горъ почти безъ всякой растительности; въ ивомъ мѣстѣ, голыя, сѣрыя камни уныло высываются изъ густаго, красно-лиловаго ковра вереска (*heather*), которымъ покрыты всѣ шотландскія горы, всѣ Highlands, и который придаетъ имъ такой очаровательный цвѣтъ. Кое-гдѣ увидишь низенькую, покрытую соломой избушку, стоящую одиноко; но это рѣдко; признаковъ жизни не видишь нигдѣ; плохое шоссе узкою полосой тянется по лѣсу, и на 9½ миляхъ разстоянія между Каландеромъ и Лохъ Катриномъ мы встрѣтили одну телѣгу съ углемъ; а то кромѣ куропатокъ, взлетающихъ стаями на лѣсныхъ джайкахъ при приближеніи нашего *коча*, и нѣсколькихъ утокъ на озерахъ, ничего не было видно. Дичь и пустошь кругомъ. Воздухъ имѣлъ что-то чарующее, упоительное. Пахло березой, лѣсною сыростью, точно у насъ, въ березовыхъ рощахъ Смоленской губерніи. Сходство нарушалось только нашимъ *кочемъ*, который не имѣлъ ничего похожаго на что-нибудь рус-

ское. Путешественники, тѣсно расположенные на верхних скамейкахъ, несмотря на болѣе чѣмъ сѣрый день, несмотря на мелкій дождикъ, съ малыми промежутками, не перестававшій идти всю дорогу, представляли видъ такого радостнаго довольства, какое въ Англіи встрѣчаете вы на скачкахъ Эпсому, или Аскота, или Гудвуда. Было ясно видно, что всѣ *very much enjoyed their journey* (очень наслаждались своею поѣздкой)—фраза, которую безпрестанно слышишь путешествуя по Шотландіи. На моей скамейкѣ, и напротивъ, не было полнаго комплекта: можно было посадить еще по одному. Сосѣдями моими были двое мужчинъ и двѣ дамы, принадлежавшія, какъ въ послѣдствіи оказалось, къ классу эдинбургскихъ мелкихъ торговцевъ; они видимо наслаждались отъ всей души и *кочелью*, и путешествіемъ, и толчками дороги, и встрѣчаемыми куропатками, и видомъ горъ и лѣсовъ. У одной изъ дамъ удовольствіе поѣздки высказывалось неутомимою, несконяемою рѣчью; другая лишь отрывочными восклицаніями прерывала свое упорное молчаніе. Одинъ изъ сопровождавшихъ ихъ мужчинъ имѣлъ видъ бывалаго, опытнаго путешественника. Онъ докторально объявлялъ всему обществу, что вотъ теперь будетъ то, а теперь это. Безъ всякой запинки называлъ онъ каждый пригорокъ, гору, ручей, и все съ нѣкоторою сдержанною важностью, сквозь которую было ясно замѣтно скрытое довольство. Другой изъ мужчинъ былъ по видимому пріятель ихъ изъ Англіи. Ему объясняли все встрѣчавшееся по пути, а онъ на все отвѣчалъ многозначительнымъ: „oh!“ веселымъ смѣхомъ и коверканіемъ шотландскихъ названій. Кромѣ нихъ, совершенно противъ меня, сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, постоянно улыбавшійся, и конфузирвшійся; желая дать мнѣ болѣе мѣста, онъ не разъ отдавливалъ мнѣ ноги. На противоположномъ краю нашей скамейки сидѣлъ старичокъ, видимо озабоченный и потому постоянно что-нибудь ронявшій изъ своего багажа, при чемъ *кочь* каждый разъ оставался; старичокъ слѣзалъ, и поднявъ урюженное, возвращался съ извиненіями передъ всѣмъ обществомъ. На переднихъ скамейкахъ сидѣлъ полный комплектъ молодежи, весело смѣявшейся; курившей и неумолкаемо болтавшей.

Новая и старая Тросакскія гостиницы съ своими садами, двѣтниками и обширными домами, производятъ страннѣйшій

контрастъ съ окружающею дикою мѣстностью. У каждой мы останавливались, и кучеръ выкладывалъ разные вещи. Около старой гостиницы находится ущелье Trosachs, которое въ Шотландіи считается вторымъ по дикой красотѣ своей природы. Первое—Glencoe, на западной сторонѣ Шотландіи, на Loch Leven, не далеко отъ Fort Williams. Но и Троксакское ущелье очень красиво, оригинально, и какъ-то неожиданно. До тѣхъ поръ пока въ него не вѣдешь, никакъ не подозреваешь его близости. Нѣтъ сомнѣнія, что кто видѣлъ ущелья Альпъ въ Швейцаріи, на сѣверозападныхъ границахъ Италіи, найдетъ Тросаксъ тѣснымъ и жалымъ. Величія, громадности нѣтъ; но узкое ущелье, заросшее рѣдкимъ лѣсомъ, разбросаннымъ почти по отвѣснымъ скаламъ, полно дикой, сумрачной красоты. Для Альпъ, необходимо чистое небо, богатое освѣщеніе, ясный день чтобы выказать всѣ детали громадной картины; для горъ Шотландіи сѣренькое небо съ низко-ползущими облаками, сѣренькій дождливый день, составляютъ какъ бы обязательную рамку. Мнѣ кажется, яркое солнце и голубое небо не шли бы къ этому грустно-спокойному, задумчивому ландшафту.

На Лохъ Катринъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ останавливается лодка, устроена презабѣлывая крытая набережная, которая смотритъ какъ-то аффектировано въ сравненіи съ окружающимъ. Мы всѣ тотчасъ перебрались на небольшой винтовой пароходъ, разводившій пары у гавани. Минуты черезъ двѣ, машина застучала, и мы быстро поплыли по гладкой поверхности озера. Только что успѣли мы съ сестрой расположиться на одной изъ скамеекъ палубы парохода, съ намѣреніемъ наслаждаться природою, какъ пошелъ проливной дождь. Мы сначала были непреклонны, и не покидали своихъ мѣстъ; но дождикъ все усиливался, и наконецъ одержалъ надъ нами полную побѣду. Мы предались бѣгству и скрылись въ каюту. Въ каютѣ было не мало народу; почти всѣ, услышавъ что мы между собою говорили по-русски, смотрѣли на насъ съ большимъ удивленіемъ. Иностранецъ—въ Шотландіи большая рѣдкость. Въ каютѣ было душно, несмотря на маленькія, кругленькія окошечки, которыя были всѣ открыты. Въ этихъ окошкахъ мелькали высокіе, гористые берега Лохъ Катрина точно въ панорамѣ, и мало-по-малу, чтобы усилить сходство съ панорамой, всѣ

окна наполнялись любознательными путешественниками, изъ которыхъ многіе громогласно изъявляли свое восхищеніе или высказывали разныя замѣчанія, возбуждаемыя представлявшимся видомъ.

Несмотря на дождь, я вышелъ на палубу, и тамъ, закуривая сигару, разговориася съ господиномъ давшимъ мнѣ огня. Предметомъ разговора были красоты горъ и озера, которыми восхищался отъ души мой собесѣдникъ, молодой Англичанинъ въ бѣлой шляпѣ.

— Вы не были въ Швейцаріи? спросилъ онъ меня.

— Въ нѣкоторыхъ частяхъ былъ, отвѣчалъ я.

— Правда ли, продолжалъ онъ, — что Лохъ Катринъ похожъ на озеро Четырехъ Кантоновъ?

Я подтвердилъ. И дѣйствительно есть большое сходство: только горы Люцернскаго озера грандіознѣе и берега извилистѣе и оживленнѣе. Лохъ Катринъ, хотя меньше во всѣхъ отношеніяхъ, но смотреть гораздо пустыняѣе, строже и сумрачнѣе.

Пароходъ остановился на противоположномъ концѣ озера у Стронахлахарской гостиницы (Stronachlachar Hotel). Это небольшая гостиница, расположенная одиноко въ лѣсу. У ея крыльца два большіе *коча*, безъ внутреннихъ мѣстъ, съ одними наружными, ожидали путешественниковъ. Въмѣсто четверомѣстной кареты, составляющей основаніе настоящаго *коча*, былъ длинный ящикъ, въ который запрятали весь багажъ. Число путешественниковъ очень возрасло, такъ что несмотря на два двадцатичетырехъ-мѣстные *коча*, трудно было всѣхъ размѣстить. Двѣ высокія лѣстницы, которыя приставляются къ этимъ *экипажамъ* и по которымъ взбираются для занятія мѣстъ, то и дѣло отнимались и приставлялись, а все-таки очень трудно было размѣстить всѣхъ. Мы съ сестрой, меньше другихъ спѣшившіе, сколько ни обходили оба *экипажа*, никакъ не могли найти двухъ пустыхъ мѣстъ рядомъ. На одной изъ скамеекъ было одно пустое, и на ней сидѣлъ мой новый знакомый, Англичанинъ въ бѣлой шляпѣ. Увидавъ наше затрудненіе, онъ тотчасъ уступилъ намъ свое мѣсто. Мы встѣзли, и уплативъ по два съ половиною шиллинга за мѣсто, покатались по довольно-дурной дорогѣ.

Противъ насъ сидѣлъ старичокъ Англичанинъ, совершенный *old gentleman* стараго времени, типъ, который благодаря

воловтерскому движенію и его послѣдствію, усы, стали все рѣже и рѣже встрѣчаться. Съ 1859 года, я нашелъ большое измѣненіе въ наружномъ видѣ Англичанъ. Теперь бороды и усы всѣхъ цвѣтовъ встрѣчаешь на каждомъ шагѣ. Прежде это была рѣдкость. Нашъ визави былъ сѣденькій, чистенькій старичокъ, съ сѣдыми небольшоими бакенбардами, въ черной шляпѣ, бѣломъ галстукѣ, во фракѣ, и въ пальто сверху. Онъ богатый торговецъ изъ Ливерпуля, и вотъ въ какомъ костюмѣ дѣлалъ онъ свой Highland tour свою экскурсію въ горную Шотландію. Старичку видимо хотѣлось съ нами заговорить, но онъ все не рѣшался.

— Fine scenery (прекрасный видъ), сказалъ онъ наконецъ, обращаясь къ намъ съ добродушною улыбкой; этимъ замѣчаніемъ начинаются всѣ разговоры во время путешествія по Шотландіи.

Мы отвѣчали, и разговоръ завязался. Опять то же восклицаніе и разспросы про Швейцарію. Отвѣты наши должно-быть очень понравились старичку; онъ былъ крайне любезенъ съ нами, и вытаскивъ свой путеводитель, прочиталъ намъ описаніе дороги между Лохъ Катриномъ и Лохъ Ломондомъ.

Эта дорога еще болѣе дика чѣмъ дорога отъ Калландера до Лохъ Катрина. Тамъ есть лѣсъ, деревья, а здѣсь почти голая, пустынная горы, покрытыя рѣдкимъ кустарникомъ, и между ними верескъ и папоротникъ, въ ивыхъ мѣстахъ уже пожелтѣвшій. Тутъ въ первый разъ я увидалъ „черномордыхъ“ овецъ. Онѣ невелики, но широки, и ихъ черныя мордочки съ причудливо-завитыми рогами—очень оригинальны. Множество ихъ было разбросано по горамъ, но пастуха не было видно. Впрочемъ Шотландцы увѣряютъ, что эти овцы такъ попятливы, что хотя и есть пастухъ при каждомъ стадѣ, но надобности въ немъ собственно нѣтъ.

Проѣхавъ по правому берегу небольшого пустынного озера, мы стали шагомъ подниматься въ гору. Большая часть путешественниковъ мужскаго пола слѣзла и пошла пѣшкомъ; я посаждовалъ всеобщему примѣру. Одинъ изъ моихъ спутниковъ обратился ко мнѣ съ обычнымъ замѣчаніемъ о fine scenery, и завязался разговоръ, въ которомъ неминуемо мы снова достигли непрѣмлянаго сравненія съ Швейцаріей.

Я выразилъ удивленіе, отчего такое множество Англи-

часть встрѣчается въ Швейцаріи, когда у нихъ есть своя, такая прекрасная Швейцарія.

Мой собесѣдникъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Я совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, отвѣчалъ онъ, — мнѣ тридцать пять лѣтъ, я три раза объѣхалъ всю Шотландію и бываю въ ней каждое лѣто; за границей я никогда не былъ; въ Лондонѣ я былъ въ первый разъ эту весну, и то только, чтобы представиться королевѣ, въ качествѣ капитана волонтерской роты. Послѣ представленія я тотчасъ же уѣхалъ.

Затѣмъ патриотъ сталъ намъ описывать красоты шотландскихъ горъ, красоты Валлиса, Комберленда, и все это съ такимъ чувствомъ, что я не могъ не выразить ему желанія увидать когда-нибудь озера сѣверной Англійи и горы Валлиса.

— Вы непременно должны это сдѣлать, съ живостью возразилъ онъ:—когда мы придемъ въ Инвернедъ, или еще на пароходѣ, я напишу вамъ планъ маленькаго путешествія.

Я поблагодарилъ, но замѣтилъ, что въ этомъ году уже поздно предпринимать эту поѣздку.

Онъ сталъ опровергать это мнѣніе, и мы дошли до Инвернеда разговаривая такимъ образомъ.

Около Инвернеда, который тоже не что иное какъ одинокая гостиница на берегу Лохъ Ломонда, есть небольшой водопадъ, очень красивый. Мой новый пріятель, патриотъ, овлаѣлъ мною совершенно и не пустилъ къ водопаду.

— Прежде, сказалъ онъ,—надо вамъ заказать въ гостиницѣ для себя и вашей сестрицы супъ. Capital soup, true scotch (отличный супъ, настоящій шотландскій!) Я послѣдовалъ его совѣту, и когда мы возвратились по осмотру водопада, намъ подали въ гостиницѣ за шиллингъ съ персовы двѣ большія миски супа изъ почекъ съ приправою перца, котораго поваръ не пожалѣлъ. Пріятель усѣлся противъ меня за столомъ, и все приговаривалъ: „Is it not capital? really delicious and refreshing.“ Дѣйствительно kidney soup былъ очень хорошъ; только перецъ меня не много смущалъ. Въ собственно-англійской кухнѣ супы мало употребительны; но въ Шотландіи это національное блюдо особенно loch potch, дѣлаемый изъ всякаго рода крупъ съ примѣсью всякихъ протертыхъ овощей; вкусъ не много странный, но очень не дурной.

Тотчасъ послѣ завтрака, мы перебрались на колесный

пароходъ, вскорѣ по прибытіи нашемъ подъѣхавшій къ гостиницѣ. Пароходъ былъ гораздо больше того что на Лохъ Катринъ, и носилъ имя принца Альберта. Солнце выглагоуло, свѣжій вѣтеръ дуналъ прямо въ лицо, и день совсѣмъ разгулялся. Лохъ Ломондъ, что значитъ: „озеро полное острововъ“, въ этой части нисколько не оправдываетъ своего имени; острововъ на немъ не видно. Они всѣ находятся въ южной его части, а въ сѣверной, гдѣ мы находились, онъ отъсненъ въ крутыхъ отвѣсныхъ берегахъ, представляющихъ очень мало растительности. Только что мы выѣхали на середину озера, по лѣвую руку ясно обрисовалась вершина Бенъ Ломонда¹, одной изъ высочайшихъ горъ въ Шотландіи. Не покидавшій меня пріятель мой указывалъ мнѣ на него и объяснялъ всѣ его дикія красоты. Дѣйствительно, Бенъ-Ломондъ очень красивъ, особенно въ этой великолѣпной рамкѣ, въ которой онъ намъ представляется съ надувы парохода. Впечатлѣніе много зависитъ отъ общаго характера картины. Бенъ Ломондъ казался могучимъ исполиномъ, гордо поднявшимъ свою острую голову надъ окружающими утесами. Пріятель же мой, высчитывая его высоту чувствовалъ себя какъ бы оскорбленнымъ при мысли, что есть въ Европѣ горы, которыя позволяютъ себѣ быть выше Бенъ Ломонда.

Пароходъ нашъ часто останавливался, и съ каждою остановкой число путешественниковъ все увеличивалось. Я ушелъ на носъ, гдѣ дымъ было меньше и гдѣ можно было свободно курить. Далѣе на югъ, характеръ дикой, гористой мѣстности береговъ измѣняется и становится оживленнѣе. Попадаются дома, поля, и наконецъ вдали показывается безчисленное множество небольшихъ острововъ разной величины, покрытыхъ деревьями, рощами, и разбросанныхъ по гладкой, голубой поверхности воды. Дѣйствительно, картина великолѣпная, которую трудно описать во всей ея красотѣ. Сзади высокіе, темноволновые, отвѣсные утесы; впереди зелень отлогихъ холмовъ, бѣгущихъ на югъ, постепенно понижаась, по обоимъ берегамъ озера; а на самомъ озерѣ—миниатюрные, разнообразныя острова: все это вмѣстѣ составляетъ очаровательную

¹ Вся гора Бенъ Ломондъ и весь почти окружающій его берегъ Лохъ Ломондъ принадлежать герцогу Монрозу. Вышина Бенъ Ломонда 3.192 ф.

картину даже при бѣдномъ освѣщеніи осення которае никакъ не могло освободиться отъ вол- облаковъ, застилавшихъ его, и только изрѣдка будь лучъ проскользалъ сквозь эту струю завѣ село, какъ свѣтлая мысль, озаряя, все дробясь то по дикой скалѣ, то по зелени луга, или пр чащѣ лѣсистаго острова.

Около меня сидѣлъ молодой человѣкъ съ ж разговорились съ нимъ; онъ оказался Канадцем прѣбывавшимъ изъ Америки посмортрѣть Англій собирающимся возвратиться на родину. Разказы и ея великолѣпной рѣкѣ, о тамшнемъ жи были интересны, тѣмъ болѣе что молодой чел ворилъ съ большимъ чувствомъ о своей р стараяся узнать до какой степени справедли да Сѣверо-Американцевъ на присоединеніе Е Соединеннымъ Штатамъ (теперь впрочемъ ихъ Disunited States, разъединенными штатами), и по вѣтъ полный негодования. Потерять свою автоно заться отъ своей связи съ метрополіей, Канад не согласится. Французы, бывшіе прежде главны телями Канады, сохраняютъ до сихъ поръ оч симпатію къ Франціи; но эта симпатія не може имѣть никакого вліянія на судьбы страны: чис скихъ поселенцевъ уже составляетъ большинс: увеличивается. Большинство довольно настоящи ніемъ Канады, и не желаетъ никакого измѣненія

Не далеко отъ насъ стоялъ охотникъ, Шотлан ревозившій шесть собакъ, пойтеровъ и сетеров: лежащихъ его господину. Собаки были породист ши; но не могу не замѣтить, что нигдѣ не встр границей, даже въ Англій, такихъ красивыхъ отношеніяхъ охотничьихъ собакъ какъ у насъ Шотландскіе и ирландскіе сетеры меньше шерсть у нихъ не такъ густа. Англійскіе же пойн въ Шотландіи признаны слишкомъ нѣжными, что сить суровый климатъ и болотную осеннюю охоту. былъ изъ содѣвней мѣстности, и называлъ всѣ шіеся по берегамъ дома и помѣстья; при этомъ душа хохоталъ, когда окружавшіе его Англичане силы шотландскія названія.

— Англійскій джентльменъ никакъ не скажетъ, прибавилъ ояъ съ добродушною улыбкой на своемъ широкомъ лицѣ, — Лохъ, а непременно Локъ.¹ А на что легче! И потомъ сердится, что его здѣсь не понимаютъ.

Англичане спорили и смѣялись съ охотникомъ, разспрашивая его о количествѣ дичи въ сѣдствѣ. Большинство изъ нихъ были городскіе жители, рѣдко и то на короткое время покидающіе свою контору, фабрику или торговлю. Но тѣмъ не менѣе они обнаруживали большую любознательность относительно охоты, какъ будто бы они были записные деревенскіе жители или охотники. Уже таковъ характеръ Англичанина, что онъ лишь по необходимости живетъ въ городѣ; только одно тѣло его тамъ, а душой всегда онъ въ деревнѣ, въ полѣ, въ лѣсу. Всюду на континентѣ видишь одно явленіе: разбогатѣвшій человѣкъ оставляетъ деревню, поле, и селится въ центрахъ, въ городахъ; лишь въ одной Англійи замѣчаешь обратное движеніе. Въ городахъ наживаютъ состояніе; но нажившись, всякій считаетъ своею обязанностью приобрести землю и переѣхать въ деревню. Это доходитъ даже до смѣшнаго. Съ трудомъ и лишениями разбогатѣвшій купецъ убиваетъ иногда весь свой капиталъ, чтобы купить имѣніе, и довольствуется ничтожнымъ процентомъ, даже отказывается себѣ во многомъ, чтобы только вестя жизнь country gentleman'a. Удивляются сумрачному виду большей части большихъ городовъ Англійи; но если всмотрѣться поглубже въ англійскую жизнь, то удивленіе исчезаетъ. Городъ—это фабрика, контора, магазинъ, однимъ словомъ—дѣла и больше ничего; если же вы хотите узнать настоящую англійскую жизнь, поѣзжайте въ деревню: тамъ въ какомъ-нибудь коттеджѣ, окруженномъ тѣнистымъ паркомъ, окаймленномъ зелеными лугами, получите вы понятіе объ этомъ home, котормъ такъ дорожатъ Англичанинъ. Это явленіе, въ связи съ предприимчивостью англо-саксонской расы, составляетъ всю силу націи. Оно, привакая къ землѣ людей образованныхъ, богатыхъ и въсѣтъ живущихъ постоянно въ своихъ имѣніяхъ, дало такое великолѣпное развитіе земледѣлію и разлило цивилизацію повсюду, произвело въ

¹ Loch значитъ озеро; lock шлюзъ.

самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ мелкіе центры, къ которымъ притягивается мѣстное народонаселеніе и отъ которыхъ оно заимствуетъ свѣтъ и всякія улучшения.

Въ 4 часа мы подъѣхали къ Балоху (Baloch pier) на южной оконечности Лохъ Ломовда. Тутъ начинается желѣзная дорога, ведущая въ Глазго и въ Эдинбургъ. Всѣ пассажиры высыпали на пристань съ поспѣшностью, и тутъ, толкаясь, всѣ бѣгомъ пустились на станцію желѣзной дороги, находящуюся тутъ же почти на самомъ берегу. У окна, гдѣ продавались билеты, была толкотня; но собственно безпорядковъ не было. Англичане, Богъ ихъ знаетъ, и спѣшать-то какъ-то хладнокровно. И слава Богу! По крайней мѣрѣ, въ Англии, не видишь этихъ мудреныхъ лабиринтовъ устроенныхъ изъ желѣзныхъ рѣшетокъ, которыми украшены мѣста продажи билетовъ на всѣхъ французскихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Эти замысловатые лабиринты можетъ быть необходимы, по мнѣнію Французовъ, большихъ охотниковъ пешичь о порядкѣ, какъ только они имѣютъ сколько-нибудь офиціальное положеніе; наконецъ, во всякомъ случаѣ, они дѣлаютъ честь французской изобрѣтательности; но на меня эти лабиринты производятъ всегда пренеприятное впечатлѣніе. Впервыхъ, должно-быть именно съ дѣлю показать необходимость этихъ искусственныхъ препятствій, продажа билетовъ и открывається на французскихъ станціяхъ за $\frac{1}{4}$ часа до отправленія поѣзда; если вы путешествуете съ семействомъ, то ужъ это одно заставляетъ смотрѣть на принужденную прогулку по всѣмъ этимъ заворотамъ весьма непріязненно. Вторыхъ, эти искусственные завороты бываютъ всегда причиною только однихъ безпорядковъ. Чуть кто войдетъ не съ той стороны, какъ приставленный для сего чиновникъ рѣдко учтиво, но всегда громогласно, возстановляетъ порядокъ. Кстати, ужъ если дѣло зашло о французскихъ желѣзныхъ дорогахъ, то упомяну еще объ одномъ весьма отбѣснительномъ обычаѣ. Въ Англии вы взяли билетъ и садитесь въ вагонъ хоть за часъ до отправленія поѣзда; никто вамъ не препятствуетъ. Во Франціи дѣло не такъ просто. Вы взяли билетъ: надо теперь, чтобы васъ заперли въ отдѣльную комнату. Зачѣмъ же это? Причины никакой, развѣ только одна та, что есть *salle d'attente*, которая не даромъ же сдѣлана. За три или четыре минуты до

бище—на высокомъ холму позади стариннаго, готическаго собора. Оно покрыто богатыми панатиками, часто весьма эффектными и красивыми. Особенно хороши панатики изъ аргайльскаго камня, сѣроватаго съ серебряными блестками, точно илосѣь покрытаго. На вершинѣ холма, панатику Джону Нокеу: колонна, а на ней статуя знаменитаго реформатора. Съ этого пункта виденъ весь городъ, простирающійся во всѣ стороны съ своими громадными трубами, съ Клайдою извѣстнаго бѣгущею посереда красноватыхъ и темно-сѣрыхъ скалъ, скупившихся тѣснѣе вдоль рѣки. Далѣе окружаютъ городъ пологіе холмы, приподнимаясь и заостряясь на горизонтѣ, и въ своихъ очертаніяхъ неслось обрисовывалась въ мягкомъ сѣромъ туманѣ.

Съ кладбища мы поѣхали въ Кельвинъ Гровъ, паркъ недавно устроенный и купленый городомъ за бездѣлицу, за сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Паркъ еще молодъ, но обѣщаетъ быть весьма красивымъ. Обидно, — и тутъ на мѣстѣ, огражденномъ рогатками, стоятъ двѣ пушки и двѣ мортиры. Я подошелъ: орелъ и родное слово—вѣдно можно было разглядѣть.

Было темно, когда мы возвратились въ отель. Въ столовой уже обѣдали за общимъ столомъ. Table d'hôte есть весьма недавнее нововведеніе въ Шотландіи.

(До слѣд. №.)

Ка. Д. Д.—об.

ЯЗЫКЪ ФИЗИОЛОГОВЪ И ПСИХОЛОГОВЪ¹

Физиологія обиденной физики. Соч. Г. Г. Льюиса. Перев. съ англійскаго Рачинскаго и Борзенкова. Т. I и II. Москва 1861 и 62 г.

Насъ поражаютъ громадныя явленія окружающей насъ природы; мы погружаемся въ ихъ созерцаніе охотно и легко. Воображеніе любитъ измѣрять безпредѣльными пространства неба и чудовищный объемъ тѣлъ, которыя летаютъ въ этихъ пространствахъ быстрѣ легкой ласточки. Глазъ приковывается къ образамъ то прекраснымъ, то величественнымъ, которые представляетъ звѣздная ночь, волнующееся море, восходъ и закатъ солнца, густой дѣвъ, ровная степь, безконечная даль. Мысль преслѣдуетъ рядъ причинъ, которыя все болѣе и болѣе раскидываются, идутъ во всѣхъ направленіяхъ и во всѣ стороны, и мало-по-малу теряются въ неизвѣстныхъ для насъ сферахъ бытія. Согласно съ этимъ и наше чувство находитъ во вѣшной природѣ явленіе жизни безпредѣльной, бьющей ключомъ въ безчисленное множество отверстій, разливающейся въ неисчислимыя потокахъ,—жизни, которая есть все во всемъ, все обнимаетъ, все рождаетъ, все держитъ. Въ сравненіи съ громадностію, величіемъ и жизненностію формъ вѣшной природы, — какъ незначительнымъ, миниатюрнымъ и безцвѣтнымъ должно показаться то явленіе внутри насъ, ко-

---

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № № 4-й и 5-й.

развитіе и цивилизацію, то это главнымъ образомъ зависитъ отъ тѣхъ представленій, какія составляютъ они себѣ объ основаніяхъ и источникахъ чувствительности.

Самые грубые опыты удостоверяютъ насъ, что голово-спинной мозгъ находится въ непосредственной и ближайшей связи съ явленіями чувствительности, что этотъ тянущійся веревкою мозгъ есть какъ бы гомерическая золотая цѣпь, посредствомъ которой Зевсъ обнаруживаетъ свою силу и на которой онъ держитъ и поднимаетъ всѣхъ остальныхъ боговъ міра. Кто хочетъ отличать здѣсь существующій фактъ отъ его неизвестной, предопытной исторіи, тотъ не будетъ спрашивать далѣе, какимъ образомъ въ этой цѣпи начинается обнаруживаться сила Зевса, какимъ образомъ въ мозгу начинается являться чувствительность. Какъ вездѣ, такъ и въ настоящемъ случаѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ нѣчто начинаетъ быть или являться, не можетъ быть рѣшено съ научною достовѣрностью. Если очень часто, при механическомъ изъясненіи явленій природы, мы и воображаемъ, будто мы узнали самое начало явленія, будто мы подсмотрѣли происхожденіе того что прежде не существовало ни въ какой формѣ, ни въ какихъ элементахъ, то мы забываемъ, что въ этомъ случаѣ мы имѣли уже цѣлый рядъ условій, изъ которыхъ происходитъ явленіе, и что, спрашивая о началѣ его, мы на самомъ дѣлѣ искали только послѣднихъ дополняющихъ условій, при содѣйствіи которыхъ явленіе приняло свою окончательную форму. Такъ, говоря, напримѣръ, что печень вырабатываетъ желчь, физиологъ выражаетъ этимъ только свое знаніе о послѣднихъ условіяхъ, которыя измѣнили уже существующіе элементы и сообщили имъ форму названныхъ явленій. Но попытайтесь поставить въ физикѣ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: какимъ образомъ нѣчто, не имѣющее массы, начинаетъ быть или дѣлаться массою, какимъ образомъ нѣчто непротяженное начинаетъ дѣлаться протяженнымъ, изъ какихъ непространственныхъ элементовъ состоятъ пространственныя вещи? Вы видите, что эти вопросы о началѣ выводятъ насъ за предѣлы всякаго возможнаго опыта. Теперь, кто спрашиваетъ о происхожденіи чувствительности изъ элементовъ, которые пока еще сами по себѣ не чувствительны, тотъ высказываетъ этимъ только неопредѣленную и плохо понятую потребность метафизическаго

сверляя, но и какъ чувствительная, осязающая часть нашего тѣла. Только впечатлѣнія, которыя рождали бы ощущение осязанія и такимъ образомъ возмущали бы или и совсѣмъ уничтожали бы представленія красокъ, исключаются особеннымъ устройствомъ этого органа и его проводимостями. Во всякомъ случаѣ волны зѣбра доходятъ до перваго центра не своею цѣлостною натурой, а скорѣе тѣми послѣдствіями, какія они могутъ произвести въ зрительномъ нервѣ. Такъ кадышъ не передаетъ струя уже совершившагося движенія, но развиваетъ въ ней ряды дрожаній, обусловленныхъ ея особеннымъ устройствомъ, и собственно эти-то дрожанія рождаютъ въ насъ ощущение тоновъ. Льюисъ ни слова не говоритъ объ этомъ объясненіи, которое обходится безъ ученія о нервности. Съ чувствительностью, съ ея качествами и формами, мы хорошо знакомы изъ внутренняго опыта: но когда Льюисъ предполагаетъ въ нервахъ еще особенную силу, то въ этомъ случаѣ онъ не можетъ сослаться ни на какой опытъ. Впрочемъ, такъ какъ Льюисъ учитъ, что чувствительность возбуждается нервностію нервовъ и въ свою очередь возбуждаетъ ее (Т. II. 70), даиже, что эта нервность возбуждается стимулами какъ физическими, такъ и психическими (Т. II. 20), наконецъ, что она служитъ посредникомъ между нервными центрами при переходѣ одного ощущенія въ другое (Т. II. 47), то мы имѣемъ основаніе полагать, что въ этомъ взглядѣ повторяется Карусово ученіе о замкнутомъ нервномъ токѣ и о его движеніяхъ то къ центру, то къ окружности, то по линіи центровъ соединенныхъ нервными натами. Нечего и прибавлять, какъ настойчиво входятъ эти предположенія въ психологію, которая видитъ въ душѣ жизненную силу тѣла, и какъ вѣрнѣе Льюисъ въ этомъ случаѣ своей общей мысли. Мы вполнѣ согласны съ нимъ, когда онъ говоритъ, что его „новыя возрѣнія принадлежать къ системѣ, совершенно замкнутой во всѣхъ своихъ частяхъ“ (Т. II. 19).

Дальнѣйшее обозрѣніе оригинальныхъ выводовъ Льюиса мы соединимъ въ два отдѣла, изъ которыхъ къ первому отнесемъ мы его изслѣдованія объ ощущеніи и его формахъ, а ко второму его теорію тѣлесныхъ движеній. Въ томъ и другомъ случаѣ мы считаемъ необходимымъ предпослать общія замѣчанія, потому что иначе трудно слѣ-

дуть за разбросанными анализами Льюисовой физиологіи. Итакъ прежде всего насъ должно занимать вопросъ объ ощущеніи.

Когда мы поставимъ этотъ вопросъ, когда мы пожелаемъ знать, въ какихъ частныхъ формахъ и видахъ выступаетъ общая чувствительность, какія изъ этихъ формъ первоначальны и какія принадлежатъ послѣдующему развитію душевной жизни, наконецъ, по какимъ законамъ они связываются и измѣняются; то на всѣ эти вопросы о происхожденіи и судьбѣ душевныхъ явленій исторія философіи даетъ нѣсколько отвѣтовъ, правда не согласныхъ, но зато довольно опредѣленныхъ и способныхъ заинтересовать вниманіе образованнаго читателя.

Такъ какъ въ развитой душѣ всѣ желанія и всѣ пріятныя или тяжелыя чувствованія происходятъ въ сознаніи, или падаютъ въ область представленій, такъ какъ мы не можемъ желать того, чего не представляемъ или не знаемъ, не можемъ досадовать на человека или любить человека, котораго не знаемъ; то изъ этого факта развитой жизни можно вывести заключеніе, что основная форма чувствительности есть представленіе,—то нейтральное, спокойное представленіе, въ которомъ заключаются простыя качества краснаго, сиваго, желтаго, также различныя тоны, запахи и такъ далѣе, и въ которомъ еще нѣтъ ни стремленій, ни пріятныхъ или непріятныхъ чувствованій. Душа, говорили картезіанцы, есть вещь мыслящая, или представляющая, какъ тѣло есть вещь протяженная. Ученіе это, которое господствовало въ обширной картезіанской школѣ, развивается и поддерживается въ наше время послѣдователями Гербарта; оно особенно интересуетъ насъ здѣсь въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ стремленія и пріятныя или болѣзненные чувствованія не происходятъ прямо и сразу изъ физиологическихъ возбужденій: они обозначаютъ различныя положенія представленій, происходятъ изъ ихъ встрѣчи, давки, взаимной толкотни и смѣшенія. Нейтральныя представленія, вступающія между собою въ сложныя отношенія равновѣсія или неравновѣсія, то тянутся, то стѣсняются другъ друга, и такимъ образомъ рождаютъ явленіе желанія или отвращенія, боли или удовольствія. Вотъ та самая безсознательная душевная жизнь есть явленіе

не первоначальное, а послѣдствіе дальнѣйшаго развитія и осложненія. Первая форма чувствительности есть сознаніе, представленіе — этотъ ровный свѣтъ, который такъ знакомъ намъ изъ внутренняго опыта, но который не поддается описанію. Тѣни, возмущенія свѣта и затменія происходятъ оттого что представленія заслоняютъ другъ друга, слабѣйшія изъ нихъ то не даютъ слабѣйшимъ свѣтитъ всею полнотою своихъ лучей, то сообщаютъ имъ подвижность, сопровождаемую свѣторазсвѣиеніемъ, то прогоняютъ ихъ совершенно „за порогъ сознанія.“ Такъ мало-по-малу образуются состоянія души полусознательныя и безсознательныя, такъ мало-по-малу осѣдаетъ то темное дмо душевной жизни, изъ котораго къ удивленію наблюдателя выныраетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, необозримое множество воспоминаній, познаній, идей, желаній и чувствованій. И такъ вся эта безсознательная жизнь опять не происходитъ изъ физиологическихъ источниковъ прямо, непосредственно и сразу. Тѣлесныя раздраженія рождаютъ во всякомъ случаѣ представленія, увеличиваютъ ихъ сумму, а остальная душевная жизнь съ ея веровностями и холмами, холодомъ и тепломъ, свѣтомъ и темнотою, вырастаетъ на почвѣ ровныхъ, гладкихъ и сухихъ представленій, какъ богатая жизнь земной коры держится на твердомъ гранитѣ.

Физиологъ, который счелъ бы полезнымъ слѣдовать этому порядку мыслей, поставилъ бы для своей науки очень серьезныя задачи. Всякую дѣятельность какого-либо органа чувствъ, которая рождаетъ не только представленіе качества, но и чувство боли или удовольствія, онъ долженъ бы считать за сложную и разложить этотъ повидимому одинъ органъ на соотвѣтствующее множество органовъ дѣйствительныхъ. Также, если послѣ раздраженія нерва мы испытываемъ просто боль или удовольствіе, то это служило бы для физиолога признакомъ, что въ нервѣ встрѣтились два или многіе процессы, которые въ первомъ случаѣ нарушаютъ нормальную жизнь нерва, останавливая, напримеръ, его питаніе, прерывая въ немъ правильный обмѣвъ веществъ, или выводя его частички изъ обыкновеннаго равновѣсія, а во второмъ особенно благопріятствуютъ его жизнедѣятельности. Вообще задача физиолога состояла бы въ слѣдующемъ: 1) найти тѣ общія и одинаковыя условія,

вслѣдствіе которыхъ каждый возбужденный нервъ долженъ бы обогащать наше сознание нейтральнымъ представленіемъ; 2) указать тѣ прибавочныя и измѣнчивыя условія, по силѣ которыхъ очень многіе нервы, какъ только они раздражаются, вызываютъ въ сознаніи чувствованія и стремленія. Не только физиологи и психологи, но и педагоги можетъ-быть болѣе другихъ нуждаются въ рѣшеніи этихъ вопросовъ. Имъ приходится часто унимать излишнюю чувствительность или стремительность ребенка. Имъ приходится замѣчать, что сильное развитіе этихъ формъ душевной жизни не рѣдко мѣшаетъ пробужденію яснаго, отчетливаго и спокойнаго пониманія, здороваго и крѣпкаго смысла, свѣтлаго, соображающаго сознанія. А между тѣмъ, какъ природа поставила большой мозгъ на верху всѣхъ остальныхъ мозговыхъ массъ, такъ и педагогія должна поставить мышленіе и здравый смыслъ наверху всего душевнаго развитія.

Въ теоріи ощущеній Льюисъ держится однако другихъ приѣмовъ. Онъ предлагаетъ намъ чисто *зоологическую* классификацію умственныхъ отправленій. (Т. II, 62.) Онъ хочетъ различать элементарныя состоянія чувствительности отъ ея формъ высшихъ и зрѣлыхъ. (Т. II, 40—66.) Это метода постепеннаго развитія, — метода, которая безспорно представляетъ огромныя удобства при опытномъ изученіи душевныхъ явленій.

Мы не знаемъ, какія представленія о вещахъ, какое мировоззрѣніе могутъ имѣть полипы или моллюскы. Но что они чувствуютъ, когда имъ хорошо, или дурно, когда имъ пріятно или больно, что они чувствуютъ бытіе свое (Т. II, 62), ощущаютъ себя или свое положеніе непосредственно, безъ понятій и представленій объ этомъ бытіи и положеніи — въ этомъ, кажется, нѣтъ возможности сомнѣваться. Мы не имѣемъ понятій, которыя могли бы характеризовать всю простоту и всю непосредственность той формы жизни, которая выражается въ удовольствіи и боли. Съ эмпирической точки зрѣнія ясно одно, именно, что нѣтъ уже никакой возможности *сочинять* удовольствіе и боль, въ которыхъ обнаруживается простѣйшая форма чувствительности, что животное можетъ не имѣть воображенія, памяти, представленій о вещахъ, но что оно необ-

ходимо должно чувствовать себя по своимъ пріятнымъ или непріятнымъ состояніямъ. И человеческое дитя въ первые мѣсяцы своей жизни находитъ въ ощущеніяхъ пріятныхъ или болѣзненныхъ то непосредственное знаніе вещей, безъ котораго самыя горячія заботы матери были бы бесполезны. Непріятное чувство, происходящее отъ сухости губъ и рта, открываетъ ему тайну сосанія; пріятное ощущеніе распространяющейся теплоты учить его прижиматься къ тѣлу матери. Не имѣя представленій о вещахъ и ихъ пространственномъ положеніи, не взвѣсивая обстоятельствъ, а только повиная простому жизненчувствованію, дитя дѣлаетъ то чтó соответствуетъ потребностямъ его организаціи. На низшихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы удовольствіе и боль замѣняютъ для животнаго всѣ разчеты, всѣ соображенія, замѣняютъ для логику, и опытность, и знаніе, и искусство; они составляютъ единственную сгражу организма и открываютъ ему средства къ самосохраненію. Можно даже предположить, что когда, въ этихъ животныхъ, патологическія состоянія удовольствій и боли слабѣютъ и приближаются къ тому пункту, на которомъ въ нашей жизни возникаетъ форма спокойнаго представленія вещей, форма знанія безучастнаго и „безличнаго“ (Льюисъ),—къ пункту, на которомъ энергическія ощущенія цвѣтовъ, тоновъ, запаховъ смѣняются безцвѣтными и непахучими представленіями или мыслями о цвѣтахъ, тонахъ, запахахъ; то эти особенныя существа, не имѣя возможности держаться, дышать и чувствовать себя въ этой странѣ безъ воздуха, безъ всякихъ дѣйствительныхъ впечатлѣній и возбужденій, теряютъ всѣ признаки душевной жизни и дѣлаются простыми растеніями. И человѣкъ думаетъ о себѣ, что онъ призванъ въ этотъ міръ не для того, чтобы мыслить о немъ, а чтобы пожить. И о человеческомъ мышленіи одна древняя система говорила, что съ постепеннымъ его пробужденіемъ мы также постепенно умираемъ, то-есть, обнаруживаемъ себя не въ тѣхъ формахъ непосредственнаго самочувствія, непосредственныхъ удовольствій и душевнастроеній, которыя составляютъ первичный фактъ чувствительности. Во всякомъ случаѣ какъ зоологія указываетъ на тысячи животныхъ организаціи, которыя при дурныхъ обстоятельствахъ умираютъ и съ пер-

выми вліяніями теплоты и влаги оживають, такъ и психологія имѣетъ основанія предполагать, что душевная жизнь на ея высшихъ ступеняхъ вовсе не есть явленіе непрерывное: она складается изъ состояній самочувствія, между которыми помѣщаются движенія растительности невоодушевленной, не чувствующей ни боли, ни удовольствія.

Лѣюсъ отличаетъ особенную высшую ступень сознательности, которую онъ называетъ *системною*, потому что она происходитъ отъ постоянного возбужденія общей чувствительности органическими измѣненіями тѣла. Къ этой системной сознательности „относятся тѣ ощущенія, которыя возникаютъ въ цѣлой системѣ, главнымъ образомъ вслѣдствіе органическихъ процессовъ, и составляютъ самые массивные, самые широкіе элементы чувства бытія. Существованіе этой сознательности мы должны принять и у самыхъ простѣйшихъ животныхъ“ (Т. II, 62). Нашъ физиологъ выражаетъ въ сущности ту же самую мысль, которую мы сейчасъ раскрывали, именно, что рядъ пріятныхъ, или тяжелыхъ ощущеній, потокъ непосредственныхъ, безпредметныхъ душевнастроеній составляетъ первую форму чувствительности. Только онъ пользуется азыкомъ, который взятъ изъ наблюденія развитыхъ организаций. Элементы, напримеръ, нашего пріятнаго или непріятнаго настроенія, нашего „чувства бытія“, складываются изъ ощущеній возбуждаемыхъ различными системами тѣла: чувство голода, жажды, насыщенія, вызывается состояніемъ органовъ и системъ питанія; чувство силы или безсилія, напряженности или вялости, органами движенія и состояніемъ мышцъ; настроеніе свѣтлое или мрачное говоритъ о преобладаніи крови артеріальной или венозной; чувство свѣжести, легкости и энергіи находится въ связи съ просторнымъ, не задержаннымъ, не подавленнымъ дыханіемъ. Между тѣмъ надобно имѣть въ виду, что первоначально состояніе этихъ системъ выражается въ душевной жизни единственно рядомъ удовольствій и ограданій, различными степенями пріятныхъ или непріятныхъ настроеній, и что съ этими настроеніями вовсе не связывается въ первые минуты жизни предметное представленіе опредѣленныхъ качествъ, характеристичныхъ для тѣхъ ощущеній, которыя происходятъ въ вашей уже развитой душѣ отъ особенно-организованныхъ

чувствъ зрѣнія, слуха, осязанія, и т. д. Когда, напримѣръ, голодъ мы отличаемъ отъ жажды, то это намъ удается только потому что вслѣдствіе образованія эти неприятыя ощущенія связались (ассоціировались) у насъ съ представленіемъ предметовъ, которые, входя въ организацию, унижаютъ ихъ, да еще отчасти потому что мы научились локализовать ихъ по различнымъ частямъ тѣла: голодъ чувствуется будто бы въ желудкѣ, а жажда будто бы въ горлѣ. Но въ самомъ голодѣ и въ самой жадѣ, нѣтъ откровенія о пищѣ и питьѣ, нѣтъ никакого конструктивнаго знанія (Т. I. 1). Дитя въ первые мѣсяцы жизни не чувствуетъ ни голода, ни жажды; оно испытываетъ просто неприятыя состоянія. Только послѣ того, какъ эти состоянія соединяются съ опредѣленными представленіями пищи и питья, дитя начинаетъ чувствовать не просто боль, а голодъ или жажду. То же самое надобно сказать и обо всѣхъ системныхъ ощущеніяхъ; характеристичными, качественно-различными, стали они вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія душевной жизни, а первоначально они были только различныя степени удовольствія и боли. Даже спеціальныя органы чувствъ, каковы: зрѣніе, слухъ, осязаніе и т. д., органы, которые доставляютъ развитой душѣ представленія нейтральныхъ качествъ, производятъ въ „чувствительности“ ребенка только потоки пріятныхъ или неприятныхъ состояній. Мы не отрицаемъ, что организція, которая надѣлена этими органами, возбуждаетъ и въ первоначальной чувствительности опредѣленные, качественныя представленія; мы находимъ недостаточною ту психологическую теорію, которая надѣется изъ сложенія и сочетанія различныхъ безпредметныхъ удовольствій и настроеній души, изъ какого-то осѣданія или отвердѣнія этихъ подвижныхъ состояній вывести аналитически представленіе опредѣленнаго качества, знаніе опредѣленнаго содержанія. Въ нашей развитой душѣ опредѣленное представленіе сопровождается опредѣленнымъ чувствомъ нашего бытія, опредѣленнымъ настроеніемъ души. Мыслящій человѣкъ преслѣдуетъ отношенія, данныя въ содержаніи, или въ качествахъ представленій, отдается, какъ говорятъ, предмету, дѣлу, забывая о самомъ себѣ. Человѣкъ, менѣе развитой, повинующійся непосредственно чувствительно-

сти, хватается за пробудившееся пріятное настроеніе; онъ наслаждается. Оба они выступили изъ одного пункта, но одинъ изъ нихъ двинулся въ область логическую, другой— въ область патологическую. Теперь, ясные опыты удостоверяютъ насъ, что въ чувствительности ребенка качественныя представленія заявляютъ себя не какъ мысль, а какъ жизнь, не какъ свѣтъ, а какъ теплота. Искры представленія, или знанія дѣйствительно вспыхиваютъ и въ его душѣ; въ этомъ отношеніи изложенная нами теорія основательно характеризовала душу какъ нѣчто мыслящее или представляющее; — только опытъ показываетъ, что эти искры знанія мгновенно гаснутъ, и дитя чувствуетъ не свѣтъ ихъ, а только пріятную теплоту, которую они разливаютъ въ его организаціи. Тѣмъ съ бѣльшимъ правомъ мы должны предположить этотъ случай въ высшихъ животныхъ организамахъ.

Мы описали здѣсь душевное состояніе, которое испытываемъ мы каждый день въ формахъ болѣе или менѣе осложненныхъ во время крѣпкаго и здороваго сна. Очень дѣльныя, но вѣсколько разбросанныя замѣчанія Льюиса о снѣ (Т. II. 292—314), даютъ мнѣ поводъ остановиться на этомъ явленіи, тѣмъ болѣе что въ немъ, какъ я сейчасъ замѣтилъ, характеристически выступаютъ первичныя формы чувствительности, формы, ясное представленіе которыхъ такъ необходимо для физиолога.

Вечеромъ, когда насъ клонитъ ко сну, мы, какъ играющія дѣти, отдаемъ случаю потоку представленій и движеніямъ фантазіи вольнымъ, механическимъ, неуправляемымъ постоянными и ясно-сознанными идеями или цѣлями. Дѣятельность, сообразная съ опредѣленными цѣлями и развивающаяся по опредѣленному плану, дѣятельность, которая такъ характеризуетъ созрѣвшее, полное сознаніе, теперь не удается намъ; она требуетъ усилія и борьбы, требуетъ разчитанной передвижки, перетасовки нашихъ представленій и образовъ фантазіи; а вечеромъ, послѣ дневныхъ работъ и хлопотъ, мы не чувствуемъ ни охоты, ни способности къ такой дѣятельности. Мало-помалу эти вольныя, бродящія безъ плана и наудачу представленія, теряютъ всякое предметное значеніе и обращаются въ источники нашихъ разнообразныхъ настроеній. Въ минуты, когда мы засыпаемъ, они блещутъ, какъ ис-

кры, которыя въ то же мгновеніе гаснутъ, и только измѣняютъ температуру нашихъ чувствованій. Во время крѣпкаго и здороваго сна мы погружаемся такимъ образомъ въ первичную и не развитую форму чувствительности, въ непосредственное, безпредметное самоощущеніе. Совокупность этихъ состояній Льюисъ называлъ *системною сознательностью*, и сосредоточилъ въ ней чувство нашего бытія. Отъ дѣятельности органическихъ системъ питанія, обращенія крови, дыханія и т. д. мы получаемъ стимулы постоянные, дѣйствующіе во всякое время, въ состояніи бодрствованія и сна, и потому возбуждающіе въ насъ чувство бытія и тогда, когда мы не противопоставляемъ себя въ ясномъ и раздѣляющемъ сознаніи міру вещей,—чувство нашего бытія, которое въ послѣднемъ случаѣ будетъ имѣть характеръ непосредственности, даже не поддающійся описанію. Также основательно Льюисъ предположилъ, какъ мы видѣли, это непосредственное чувство бытія, это самоощущеніе у самыхъ низшихъ животныхъ. Во снѣ человѣкъ слѣдуетъ той философіи, которой держится бодрствующій подлизъ и молаюскъ. Онъ избираетъ положеніе *удобнѣйшее*, и будетъ ли оно прилично или безобразно, серьезно или смѣшно, будетъ ли оно пріятно или непріятно для посторонняго наблюдателя, наконецъ выражаетъ ли оно хорошіе или дурные инстинкты, обо всѣхъ этихъ особенностяхъ позы, фізіономіи, этикета и человѣчности спящій не беспокоится. Признаки близкаго пробужденія обозначаются возвратомъ къ той дѣтской, вольной игрѣ представленій, къ тѣмъ безсвязнымъ грезамъ, которыя уже съ вечера являлись на границѣ между сномъ и бодрствованіемъ.

Въ фізіологіи и психологіи долго повторялось мнѣніе, что во время сна возстановляется и исправляется питаніе тканей, которое было болѣе или менѣе нарушено сознательною дѣятельностію. Льюисъ отвергаетъ это мнѣніе, онъ доказываетъ, что „уподобленіе и разрушеніе тканей происходитъ непрерывно“, что поэтому „разрушеніе ихъ не приостанавливается во время сна“, и что вообще „сонъ вызывается не необходимостію въ возобновленіи тканей“; онъ осылается на замѣчаніе Валентина, что зимняя спячка животныхъ сопровождается явною утратой веществъ во всѣхъ тканяхъ (Т. II. 304, 307). Но вмѣстѣ съ этимъ онъ находитъ, что сонъ содѣйствуетъ „возстановленію осла-

бывшей энергіи мозга и мышцъ“ (293), что во снѣ мозгъ и органы чувствъ „приобрѣтаютъ вновь ту молекулярную цѣлостъ, или молекулярную полярность, отъ которой зависитъ энергія ихъ дѣятельности“ (306). Если этотъ физиологическій языкъ даетъ понятія, не вполне примиренныя между собой, то также не совсѣмъ удачно пользуется Льюисъ и языкомъ психолога при объясненіи того же самаго явленія. Разъ говоритъ онъ, что сонъ есть отдыхъ, что утомленіе дня побѣждается ночнымъ сномъ, и что мы просыпаемся укрѣпленные (304); а въ другомъ мѣстѣ замѣчаетъ, что „сонъ не зависитъ отъ какой-либо потребности въ отдыхѣ, потому что онъ преобладаетъ у лицъ не нуждающихся въ отдыхѣ, не утомляющихъ себя“ (307). Мнѣ кажется, что надобно отличать сонъ, какъ нормальную смѣну бодрственной жизни, отъ сна, который есть слѣдствіе особенныхъ состояній организациі. Обыкновенный сонъ по крайней мѣрѣ освобождаетъ наше тѣло отъ насилія и не естественнаго положенія, которое оно испытываетъ, преслѣдуя въ бодрствennomъ состояніи цѣли искусственныя, отдаленныя, задуманныя, и всегда больше или меньше стѣсняющія его непосредственную жизнедѣятельность. Сонъ благопріятенъ для питанія уже потому что во время сна мы не препятствуемъ отправленіямъ питанія, которыя не находятся въ зависимости отъ нашего произвола и расчета. Иначе было бы не понятно почему сонъ есть отдыхъ, почему мы пробуждаемся укрѣпленные, и почему во снѣ „возстанавливается молекулярная цѣлостъ“ органовъ, чувствъ и органовъ произвольнаго движенія. Животныя пробуждаются изъ зимней спячки похудѣвшими; это правда: но не слѣдуетъ забывать, что продолжительная зимняя спячка не избавляетъ этихъ животныхъ отъ потребности засыпать ежедневно, послѣ опредѣленнаго времени, проведеннаго въ состояніи бодрствованія. Даже, говоря строго, и зимняя спячка не противорѣчила нуждамъ питанія: потому что продолжительный сонъ, недѣятельность органовъ, чувствъ и мышцъ произвольнаго движенія, пониженное дыханіе и т. д. служили для животнаго единственнымъ средствомъ къ сохраненію теплоты, безъ которой его питаніе прекратилось бы совершенно; свой запасный жаръ животное расходовало на топливо, а между тѣмъ недѣятельность его была причиною того, что съ одной стороны прежнія ткани

измѣшались медленно, а съ другой, бѣдное подновленіе этихъ тканей изъ старыхъ запасовъ организациі оказывалось достаточнымъ для цѣлой жизни сонной, погруженной въ обморокъ. Природа въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, поступаетъ очень экономически, расчетливо и даже скупо, но промаховъ она не дѣлаетъ. Промахи начинаются только тамъ, гдѣ пробуждается соображеніе и сознательный расчетъ. И человѣка клонять ко сну ощущенія сильнаго холода (Т. II. 301). Дремота начинающаяся во время оцѣпенѣнія отъ стужи — невообразимо сладка. Только человѣкъ не долженъ слѣдовать запросто этому указанію непосредственныхъ чувствованій: сонъ, вызываемый ощущеніями холода, можетъ быть вреденъ для отправленій питанія, можетъ даже кончиться смертію. Укажемъ также на сонъ, который одолеваетъ насъ въ жаркой и душной атмосферѣ, или послѣ сытнаго обѣда, послѣ значительнаго употребленія спиртныхъ и наркотическихъ веществъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сонъ можетъ быть полезенъ и вреденъ для организма, смотря потому какъ относились къ общей экономіи жизни тѣ причины, которыя произвели его. Надобно вообще помнить, что въ человѣкѣ и потребность сна часто бываетъ нажитая, вызываемая искусственными средствами, и что поэтому нельзя считать *каждый* сонъ за состояніе, въ которомъ возстановляется молекулярная цѣлость организма.

Самую общую физиологическую причину сна Льюисъ находитъ въ легкомъ приливѣ крови къ сосудамъ мозга и органамъ чувствъ (306); при этомъ онъ замѣчаетъ, что „усталость наводитъ сонъ не сама по себѣ, но обуславливая застой крови“ (307). Это послѣднее положеніе мы должны перевернуть, чтобы достигнуть ясности и примирить Льюиса съ самимъ собой. Не усталость обуславливаетъ застой крови, а на оборотъ застой крови есть условіе или тѣлесный стимулъ усталости, какъ состоянія душевнаго. Причиною сна долженъ быть приливъ, застой или вообще не нормальное состояніе крови въ мозгѣ, органахъ чувствъ и мышцахъ произвольнаго движенія. Спать собственно эти части организма. Этотъ приливъ, застой, неправильное размѣщеніе крови могутъ происходить отъ обстоятельствъ очень разнообразныхъ и даже

противоположныхъ, каковы холодъ, жаръ, сытный столъ, спиртуозныя напитки, наркотическія вещества, напряженная дневная работа, вліяніе впечатлѣній однообразныхъ и оттого задерживающихъ живой обмѣнъ веществъ, и т. д. Но очевидно, что если бы физиологическая перемена, которая произошла въ состояніи крови, не сказалась особеннымъ неприятымъ чувствомъ, — усталостью, — мы не придумали бы сами прервать сообщеніе съ вѣшнимъ міромъ, мы не догадались бы, что пора закрыть глаза, оставить органы движенія въ покоѣ и предаться какому-то неизвѣстному ову. Мы вполне согласны съ Льюисомъ, что „сонъ во всякомъ случаѣ есть отдыхъ“; но мы не можемъ слѣдовать за нимъ далѣе, когда онъ, противорѣча самому себѣ, утверждаетъ, „что сонъ не зависитъ отъ потребности въ отдыхѣ, потому что сонъ преобладаетъ у лицъ не нуждающихся въ отдыхѣ, не утомляющихъ себя“. Очевидно, что и у этихъ лицъ застои крови, или ея венозное качество, должны сказаться тѣмъ же неприятымъ ощущеніемъ усталости, какое дѣятельный человѣкъ испытываетъ къ концу своего рабочаго дня. Предъ наступленіемъ сна *отъ какой бы то ни было частной физиологической причины*, человѣкъ чувствуетъ себя неспособнымъ соображаться съ общимъ ходомъ вещей и съ указаніями отчетливаго мышленія: дѣло, которое доселѣ выполнялось легко, оказывается тяжелымъ и требующимъ нарочныхъ усилій; движеніе членовъ, происходившее само собой, не можетъ болѣе совершаться безъ намѣренныхъ, разчитанныхъ импульсовъ воли; комбинаціи представленій, сообразныя съ опредѣленными задачами науки или жизни, даются все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ трудомъ; сознательно поставленныя дѣла, которыхъ мы достигали, оказываются далѣе не достижимыми. Во всѣхъ этихъ случаяхъ дано чувство трудности, препятствія, задержанной дѣятельности, усталости. Быть сознательнымъ, дѣйствовать на вещи посредствомъ воли и сноситься съ ними посредствомъ ясныхъ представленій — все это стало для человѣка неприятною, тяжелымъ бременемъ. Въ чувствѣ усталости сказалось несоотвѣтствіе между формами бодрственной жизни и „системною сознательностію“, или чувствомъ нашего бытія. Не въ то время какъ мы испытываемъ глубокую нерасположенность къ жизни, управляемой сознаніемъ, разче-

томъ, производомъ, къ жизни, которая заявляетъ себя преобладаваніемъ задуманныхъ, заданныхъ цѣлей, въ то самое время, по мѣрѣ уменьшающейся самодѣятельности и самообладанія, поднимаются пріятныя ощущенія какъ бы изъ другаго края душевной жизни, подступаютъ волны непосредственныхъ пріятныхъ настроеній,—волны, въ которыхъ тонетъ предметное сознаніе. Закрытіе органовъ чувствъ, недѣятельность мышцъ произвольнаго движенія, прекращеніе соображающей, судящей сознательности—все это составляетъ одну отрицательную сторону въ явленіи она: другая сторона, положительная, существенная, это—одностороннее преобладаніе „системой сознательности“, это—поворотъ къ формѣ чувствительности элементарной, первичной, младенческой, это—жизнь въ простыхъ непосредственныхъ душевнотроеніяхъ, въ безпредметномъ самочувствіи.

Итакъ во свѣ одностороннимъ образомъ проявляется та же самая жизнь, которая и въ бодрственномъ состояніи известна намъ изъ нашего общаго чувства. Тысячи впечатлѣній, выходящихъ изъ различныхъ внутреннхъ частей нашей организаціи, возбуждаютъ въ каждое мгновеніе „чувствительный элементъ“ и рождаютъ въ немъ необозримое множество ощущеній. Въ этихъ органическихъ ощущеніяхъ, мы однако же не получаемъ знанія о частяхъ и частичкахъ нашей организаціи, о цвѣтѣ крови, о длинѣ мускульныхъ волоконъ, о положеніи кишекъ, о свойствѣ лимфы, о качествахъ находящихся въ желудкѣ веществъ; въ этихъ ощущеніяхъ не дано намъ представленіе опредѣленнаго качества, или содержанія: они существуютъ въ насъ только какъ источники различныхъ, въ частности измѣнчивыхъ, но въ цѣломъ непрерывныхъ чувствованій и настроеній, какъ источники общаго чувства нашего бытія. На этомъ общемъ чувствѣ нашего бытія, какъ на подвижномъ грунтѣ, вырастаютъ частныя формы сознательности. Душа, говорилъ Лейбницъ, есть словно какой-то океанъ, въ которомъ сокрыто неисчислимое множество самыхъ темныхъ ощущеній; и опредѣленныя понятія подобны островамъ, вынырающимъ изъ этого океана. Во свѣ, прибавимъ мы, эти острова опять покрываются волнами общаго чувства. Если предположимъ, что количество душевной жизни отмѣрено намъ природою разъ навсегда, что это количество не измѣняется, тогда математическая аналогія слѣдила бы

для насъ понятнымъ, что съ расширеніемъ воли общаго чувства число опредѣляемыхъ сознательныхъ формъ должно уменьшаться, и на оборотъ возрастаніе этихъ формъ въ числѣ произведетъ упадокъ непосредственнаго самочувствія. Опыты, повидимому, оправдываютъ это предложеніе.

Мы обозначили форму чувствительности первую въ зоологическомъ, или біологическомъ отношеніи. Вмѣстѣ же съ этимъ мы положили прочное основаніе для разрѣшенія вопроса о томъ что надобно разумѣть подъ именемъ *безсознательныхъ ощущеній*. Объ этихъ безсознательныхъ ощущеніяхъ Льюисъ написалъ цѣлый трактатъ (т. II, 39—62), трактатъ, въ которомъ онъ изобличаетъ современную психологію въ невѣрномъ взглядѣ на этотъ предметъ, объясняетъ открытый имъ „новый законъ чувствительности“ (т. II, 47) и излагаетъ начала, которыми онъ руководствуется при своемъ ученіи о психическомъ произволѣ и психическомъ контролѣ (т. II, 165—170), и такъе при опредѣленіи общаго отношенія между явленіями жизни душевной и отпавленіями нервной системы. Мы остановимся пока на его ученіи о *безсознательныхъ ощущеніяхъ*.

Вопервыхъ Льюисъ доказываетъ, что выраженіе *безсознательныхъ или несознанныхъ ощущеній* чрезвычайно какъ не точно. „Мы принимаемъ, говоритъ онъ, что *имѣть ощущеніе* и *сознавать* его—это одно и то же; но *имѣть ощущеніе* и *обращать на него вниманіе* это двѣ вещи разныя“ (т. II 44). „*Имѣть ощущенія* и *сознавать ощущенія*, говорится въ другомъ мѣстѣ — это одно и то же. *Имѣть* ощущенія и *знать*, что мы ихъ имѣемъ, это двѣ вещи разныя. Знаніе не возможно безъ сознательности; но сознательность можетъ существовать безъ знанія и часто существуетъ“ (т. II, 40). „Мы не должны забывать различія, которое существуетъ между *ощущать* и *замѣчать*“ (44). „Для возбужденія ощущенія достаточно связи нерва съ его узломъ (117—118).“ „Вездѣ, гдѣ нервъ возбуждаетъ узелъ, является чувствительность“ (*ощущеніе*) (119). Между тѣмъ *замѣчать* ощущеніе, или *обращать на него вниманіе* можно только тогда, когда ощущеніе, уже возбужденное въ нервномъ узлѣ, рефлектируется на головной мозгъ. „Лучъ свѣта, дѣйствующій на оптической центръ, долженъ возбудить иную форму чувствительности чѣмъ та, которая возбуждается его дѣйствіемъ на большой мозгъ чрезъ посредство

оптического цвѣтра; въ первомъ случаѣ свѣтъ *ощущается*, во второмъ онъ *замѣчается*“ (94). Это отношеніе между *ощущеніемъ* и *замѣчаніемъ*, или *эмманіемъ*, опредѣляется, по Льюису, слѣдующимъ новымъ закономъ чувствительности: „ни одно *ощущеніе* не замыкается само въ себя; оно должно *разрѣшиться* или въ какое-нибудь вторичное *ощущеніе*, или въ импульсъ къ *движенію*. Въ большинствѣ *случаевъ* и то и другое *имѣетъ мѣсто*“ (т. II, 46, сравн. 169). Итакъ, новое ощущеніе, которое уже произошло въ какомъ-нибудь центрѣ, рефлектируется на головной мозгъ,—тогда мы замѣчаемъ это ощущеніе, тогда обращаемъ на него вниманіе. Вниманіе есть ощущеніе вторичное, или рефлективное. Известно, напримѣръ, что человекъ, у котораго пораженъ спинной мозгъ, не чувствуетъ болѣе никакихъ другихъ внутреннихъ потрясеній, когда колоть, жечь, или щипать части его тѣла, соединенныя съ нервными центрами, лежащими ниже пораженнаго мѣста. Льюисъ думаетъ, что этотъ человекъ имѣетъ ощущенія, но что онъ не замѣчаетъ ихъ. „Поврежденіе спиннаго мозга, говоритъ онъ, уничтожаетъ въ частяхъ лежащихъ ниже того мѣста, въ которомъ онъ поврежденъ, способность передавать головному мозгу чувствительныя впечатлѣнія“ (222—223). Поэтому вообще онъ хочетъ отвергнуть *безсознательныя ощущенія* и поставить на ихъ мѣсто *ощущенія не замѣченныя* (54). Онъ увѣренъ, что „имѣть ощущеніе и сознать его, это одно и то же“, но только думаетъ при этомъ, что можно не *замѣтить* того ощущенія, которое мы *сознаемъ* во всякомъ случаѣ.

Хорошъ ли однако же этотъ языкъ и облегчаетъ ли онъ объясненіе фактовъ, имъ обозначаемыхъ? Ногу у человека, у котораго поврежденъ спинной мозгъ, колоть, щипаютъ, прижигаютъ. Когда его спрашиваютъ, больно ли ему, чувствуетъ ли онъ боль, онъ отвѣчаетъ, что онъ ровно ничего не чувствуетъ (222). Льюисъ между тѣмъ полагаетъ, что этотъ человекъ имѣетъ ощущеніе боли и сознать его, но не замѣчаетъ его (ср. 44), или что онъ имѣетъ ощущеніе боли и сознать его, но не знаетъ, что имѣетъ его (ср. 40). Хорошъ ли этотъ языкъ, повторяемъ? Можно ли вообще сказать съ Льюисомъ, что „сознательность можетъ существовать безъ знанія и часто существуетъ“ (40)?

Примѣръ человека, у котораго пораженъ спинной мозгъ, выступаетъ вѣсколько изъ ряда, и потому мы пока оста-

вамъ его и приведемъ болѣе обыкновенные примѣры, съ помощію которыхъ Льюисъ хочетъ выяснитъ свою мысль. „Мельничное колесо, говоритъ онъ, шумъ котораго сначала такъ докученъ, перестаетъ наконецъ возбуждать наше вниманіе. Впечатлѣнія на нервъ слуха продолжаются; но хотя мы и слышимъ ихъ, мы перестаемъ о нихъ думать: рефлексивныя чувствованія не возбуждаются болѣе. Обыкновенно думаютъ, что мы перестаемъ ихъ слышать, переставая сознавать что мы ихъ слышимъ; но это очевидно невѣрно. Пусть это колесо разомъ остановится и тотчасъ же въ нашихъ ощущеніяхъ произойдетъ соответствующее измѣненіе, и это измѣненіе можетъ быть такъ сильно, что если остановка колеса произойдетъ въ то время, когда мы спимъ, то оно разбудитъ насъ. Еслибы ощущеніе звука прекратилось, то *прекращеніе* самаго звука не разбудило бы насъ“ (50). „Можетъ случиться, что мы уснемъ во время проповѣди. Звуки голоса слышны, но мало-по-малу мы перестаемъ различать слова. Возбуждаются ли въ насъ какія-либо ощущенія въ это время? Мы *не слышимъ*, но *дѣйствуютъ* ли на насъ звуки? Легко доказать, что они дѣйствуютъ. Если читающій замолчитъ, и если нашъ сонъ не очень крѣпокъ, то мы проснемся тотчасъ же.. Или пусть читающій, не возвышая голоса, спроситъ: „вы спите?“ и мы тотчасъ же вскочимъ, широко раскрывая глаза и говоря: „ни чуть не бывало“. Или пусть онъ произнесетъ какую-нибудь фразу, легко возбуждающую рефлексивныя чувствованія, что-нибудь въ родѣ: „почтальионъ пришелъ,“ или: „здѣсь кажется что-то горитъ,“ и мы тотчасъ же вскочимъ (51, 52). Когда мы слушаемъ оркестръ и не можемъ слѣдить раздѣльно за отдѣльными инструментами, обыкновенно говорятъ, что мы ихъ не слышимъ. А между тѣмъ ничего не можетъ быть вѣрнѣе того, что мы ихъ слышимъ. Стоитъ одному изъ этихъ инструментовъ замолчать въ самомъ разгарѣ crescendo, и громъ другихъ инструментовъ не помѣшаетъ намъ ясно замѣтить какую-то разницу“ (44).

Выше мы показали, что въ нашихъ ощущеніяхъ надобно различать двѣ стороны: во первыхъ знаніе опредѣленнаго качества, или содержанія, и вторыхъ то состояніе, то настроеніе общаго чувства, которое слѣдуетъ за такимъ зна-

нiемъ. Ощущенiя безсознательныя суть тѣ, которыя служатъ только источниками различныхъ настроенiй, а не источниками знанiя. Это самая низшая степень сознательности, гдѣ ощущенiя являются, такъ сказать, не лично, не своими опредѣленными качествами, а только своимъ влiанiемъ на движенiе общаго чувства. Какъ ни просто это замѣчанiе, оно очень осложняется, когда мы обратимъ вниманiе на два обстоятельства. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что ни теоретическiя соображенiя, ни физиологическiе опыты не позволяютъ намъ приписать всѣмъ нервнымъ волокнамъ совершенно одинаковыя силы, благодаря которымъ всѣ они содѣйствовали бы рожденiю ощущенiй одинаково ясныхъ и опредѣленныхъ. Справедливо, что недостатокъ вниманiя очень часто бываетъ причиною того, что нѣкоторыя внутреннiя состоянiя не существуютъ для нашего сознанiя. Но ипохондрикъ свѣдитъ за ощущенiями, происходящими отъ измѣненiя внутреннхъ частей тѣла, слишкомъ внимательно, и все же онъ замѣчаетъ только различныя виды давленiя, гнета, тяжести, боли, то-есть замѣчаетъ результаты этихъ ощущенiй въ общемъ чувствѣ, а не специальное содержанiе ихъ, или качество. Нервъ возбуждаетъ болѣе или менѣе ясныя ощущенiя смотря по тому какъ подступаетъ стимулъ къ его периферическому развѣтвленiю, въ какомъ состоянiи находится въ данную минуту его питанiе, короткимъ или длиннымъ путемъ доходить онъ до своего центра, обвѣшенъ ли онъ гангліями, или же онъ тянется вездѣ въ чистомъ видѣ, и т. д. Когда психологiя называетъ нѣкоторыя чувства высшими, то въ этомъ случаѣ она не думаетъ расходиться съ физиологiей. При самыхъ сильныхъ душевныхъ потрясенiяхъ представленiе элементарныхъ тоновъ и красокъ остается одинаковымъ, имѣетъ ясность и опредѣленность сознанiя, не возрастающую въ степени: перемены въ образѣ жизни, извѣженность или огрубѣнiе организацiи обнаруживаютъ самое ничтожное влiанiе на качества этихъ представленiй. Но какъ сильно различныя обстоятельства измѣняютъ чувствительность кожи, пальцевъ, органовъ вкуса, въ особенности же состоянiя общаго чувства! Для человека, тѣло котораго огрубѣло, цѣлые ряды ощущенiй изъ этого обширнаго отдѣла или вовсе не существуютъ,

маз же они дѣлаются ему извѣстны въ тупой, общей, не различной чувствительности. Указывая на это различіе въ отправленіяхъ нервовъ, мы однакоже не должны терять изъ виду одного общаго для всѣхъ нервовъ закона, именно, что нервъ подаетъ поводъ къ ощущенію только тогда, когда происходитъ *перемѣна* въ его дѣятельности. Наши нервы находятся въ непрерывной дѣятельности вслѣдствіе стимуловъ, получаемыхъ ими отъ движенія крови и обмѣна веществъ. Но эта непрерывная дѣятельность не рождаетъ ощущенія, пока не происходитъ въ ней какой перемѣны. Если теперь и вѣншіе стимулы такимъ же образомъ возбуждаютъ нервъ къ дѣятельности постоянной, одинаковой и непрерывной, то мало-по-малу эта дѣятельность перестаетъ рождать ощущеніе, которое возникаетъ тотчасъ, какъ только въ той же дѣятельности произойдетъ перемѣна. Даже при нашемъ развитомъ сознаніи мы можемъ сдѣлать опытъ, которымъ подтверждается этотъ законъ. Когда мы уставимъ глаза въ ровную, не имѣющую разностей, сферу неба, и изберемъ положеніе такое, чтобы въ поле зрѣнія не падали никакіе другіе предметы, ни даже части нашего тѣла; то послѣ нѣкотораго времени мы перестанемъ созвѣвать ощущеніе синяго неба, и все это безконечное поле лазури обратится въ состояніе какого-то общаго, безпредметнаго чувства. Мы спимъ въ экипажѣ, пока онъ катится, и пробуждаемся, когда онъ остановится. Мельникъ спитъ, пока мельница стучитъ, и пробуждается, какъ только стукъ затихаетъ. Говорятъ, что мы *привыкаемъ* къ постояннымъ впечатлѣніямъ и оттого не чувствуемъ ихъ. Это правда; только это означаетъ, что нервъ приспособился къ опредѣленному состоянію возбужденія, что равновѣсіе его частицъ, которое сначала было нарушаемо этимъ возбужденіемъ, возстановилось нѣсколько въ другой формѣ и въ другихъ пропорціяхъ, и что эта новая форма равновѣсія уже не возмущается тѣми впечатлѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ они произошли. Здѣсь мы видимъ, что привычка и въ самомъ дѣлѣ есть вторая природа, есть природа, приспособившаяся къ обстоятельствамъ. Мельникъ не слышитъ шума мельницы, какъ онъ не чувствуетъ жесткости постели, на которой онъ спитъ, не чувствуетъ жесткости лица, которою онъ питается, не чувствуетъ зуда въ гла-

захъ, которые ежеминутно набиваются мучною пылью, и т. д. И на оборотъ, какъ только мы хотимъ поддержать въ нервахъ способность къ ощущеніямъ, мы не позволяемъ имъ отдаваться одинаковой дѣятельности. Такъ во время обѣда мы располагаемъ блюда по степени ихъ лакомства. Такъ ораторъ начинаетъ рѣчь спокойно и даже тихо, и оканчиваетъ громкимъ и потрясающимъ голосомъ. Сюда же относятся всѣ правила опытности и науки, предохраняющія насъ отъ ранней усталости въ теченіе занятій и отъ ранней старости въ теченіе жизни.

Второе обстоятельство, на которое мы хотимъ указать здѣсь, состоитъ въ томъ, что какъ душевная жизнь развитога чловѣка, такъ и душевная жизнь пожилаго на свѣтѣ червяка, имѣетъ опредѣленныя, сложившіяся формы; и потому, если даже существуютъ всѣ физиологическія условія для того чтобы произошло ощущеніе, то все же новое ощущеніе должно протѣсниться въ эти формы, должно какъ нибудь пристать къ нимъ или зацѣпиться за нихъ, чтобы достигнуть полной сознательности. Душа не есть *tabula rasa*, въ душѣ остаются слѣды и направленія отъ ея исторіи и ея образованія, и поэтому для сознательности ощущеній могутъ возникать препятствія со стороны самихъ психическихъ формъ. Но Льюисъ нигдѣ не говоритъ объ этихъ сложившихся формахъ, какъ объ условіяхъ, которыя то препятствуютъ, то содѣйствуютъ сознательности новаго ощущенія. Между тѣмъ изъ постоянныхъ опытовъ мы знаемъ, что въ душевной жизни, какъ въ организованномъ обществѣ, одни представленія стоятъ выше, другія ниже, а еще другія, можетъ-быть, на самомъ днѣ; одно дѣйствуетъ энергичнѣе, другое—слабѣе, а третье, можетъ-быть, замѣтно только по перемѣнамъ въ движеніи другихъ представленій. Послѣдній случай особенно часто открывается самонаблюденіемъ. Вновь-возникающія ощущенія не даютъ знанія о своихъ качествахъ, а только обнаруживаютъ себя вліяніемъ на ускореніе или замедленіе уже господствующаго потока нашихъ представленій, то поддерживаютъ, то задерживаютъ дѣятельность памяти и воображенія. Имя или обстоятельство, которое вы не могли припомнить, не смотря на всѣ ваши усилія, въ другое время приходитъ вамъ на память само собою безъ вашего вызова и ожиданія. Вы уже хотѣли высказать извѣстную мысль и только

придержали ее на нѣсколько минутъ сообразно съ планомъ разказа: но когда пришла пора, вамъ не удастся припомнить эту мысль, она исчезла изъ сознанія. Ваше сознаніе иногда расширяется, иногда суживается, ваше мышленіе иногда оказывается свѣжимъ, живымъ, проникающимъ, охватывающимъ, сильнымъ, иногда вялымъ, тяжелымъ, несообразительнымъ. Всѣ эти неожиданныя перемены въ теченіи вашихъ представленій зависятъ отъ условій сокрытыхъ для непосредственнаго сознанія. Незначительныя, въ частности несознаваемые ощущенія, накопляясь мало-помалу, обнаруживаютъ свою силу надъ теченіемъ вашихъ мыслей. Какъ во вѣдшемъ опытѣ, такъ и въ опытѣ внутреннемъ, непосредственному сознанію открываются цѣлостные результаты, а не частные факторы. Надобно также хорошо замѣтить, что въ случаяхъ, которые сейчасъ привели мы, цѣлостные результаты новыхъ ощущеній сказывались только *формальною* переменной въ движеніи мыслей, а не переменной самаго *содержанія* ихъ. Это послѣднее явленіе происходитъ большею частию только тогда, когда новое ощущеніе оказывается сообразнымъ съ нашими настоящими стремленіями, интересами и занятіями. Нельзя думать серьезно, что мы такъ и измѣняемъ *содержаніе* нашихъ мыслей по первой волѣ впечатлѣній; этого нельзя сказать даже о жизни полипа или моллюска. Ощущеніе, которое имѣетъ всѣ условія необходимыя для ясности и сознательности, но которое будетъ противорѣчить преобладающему интересу душевной жизни, вынырнетъ на поверхность сознанія и тотчасъ же потонетъ, тотчасъ же отбѣснится назадъ ходомъ господствующихъ мыслей и стремленій. Правда, что многія изъ случайныхъ и несообразныхъ съ планами жизни ощущеній вторгаются въ наше сознаніе слишкомъ настойчиво, вторгаются съ такою силой, которая можетъ или прерывать, или подавлять наши сознательныя стремленія и развитія мыслей. Но для уничтоженія ихъ вліянія, для низведенія ихъ до степени бессознательности, мы, люди, имѣемъ огромныя средства какъ въ нашей цивилизаціи, такъ и въ нашемъ личномъ образованіи. Наши дома, наша одежда, употребленіе огня, искусственная подготовка пищи, облегчающая наше пищевареніе, изготовленіе различныхъ летучихъ и пахучихъ веществъ, употребленіе машинъ и двигателей, замѣ-

няющихъ усиленное напряженіе мускуловъ, и т. д., все это средства цивилизаціи, предохраняющія насъ отъ случайнаго натиска рѣзкихъ ощущеній, которыя иначе вторгались бы во все наши чувства, все это условія нашей умственной свободы, нашей независимости отъ слѣпаго вліянія вещей на наше сознаніе. Также наше личное образованіе, нашъ сложившійся характеръ, господствующая предрасположенность къ определенному образу дѣйствій и занятій, привычки, наклонности, страсти, убѣжденія—все это формы, которыя не даютъ свѣжимъ ощущеніямъ вступать въ сознаніе за-просто и пріобрѣтать привилегію полной сознательности за то только, что въ физиологическомъ процессѣ были достаточныя для этого условія; все это какъ бы особенныя, происшедшія изъ образованія органы чувствъ, которые открываютъ доступъ въ сознаніе ощущеніямъ, которыя уже видоизмѣнились, или которыя по своему первоначальному содержанію соответствуютъ нуждамъ, задачамъ и стремленіямъ развитой душевной жизни. Ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать съ Люпсомъ, что имѣть ощущенія и сознавать ихъ, это одно и то же, или что для происхожденія сознательнаго ощущенія достаточно вліянія перваго волокна на нервный узелъ. Все это, можетъ-быть, и относилось бы къ душѣ, которая пока еще есть *tabula rasa*, но все это нисколько не объясняетъ душевной жизни, которая уже имѣла какую-нибудь, хотя бы и самую неблестящую исторію. И тѣлесная организація воздѣйствуетъ на внѣшнія стимулы не только сообразно съ своимъ постояннымъ устройствомъ, но также сообразно съ своимъ измѣнчивою исторіей: одинаковое раздраженіе нерва производитъ различныя, далеко не одинаковыя, пережѣвы въ нервномъ центрѣ, смотря по тому, какія измѣненія испыталъ организмъ, какую исторію пережилъ онъ. Мы ничего больше не хотимъ, какъ только признать силу этого условія при объясненіи формъ и измѣненій душевной жизни.

Такъ какъ здѣсь мы не можемъ обозрѣть очень разнообразныхъ положеній, какія можетъ имѣть ощущеніе въ нашемъ сознаніи, то мы окончимъ наше изслѣдованіе двумя замѣчаніями, которыя опять будутъ представлять общія, руководящія начала.

Во-первыхъ, окружающій насъ міръ мы истолковали очень разнообразно и обратили его въ сумму знаковъ, или сим-

воловъ для нашихъ мыслей, чувствъ, ожиданій, стремленій. Тоны, какъ тоны, мы слышимъ можетъ-быть только тогда, когда настраиваемъ наши инструменты или дѣлаемъ акустическіе опыты. Въ рѣчи человѣка они интересуютъ насъ какъ знаки мыслей; въ оркестръ мы интересуемся цѣлостнымъ эффектомъ, а не каждымъ тономъ, порознь. Этотъ цѣлостный эффектъ, полную волну тоновъ, мы и сознаемъ ясно и опредѣленно. Когда же мы хотимъ получить ясныя и сознательныя ощущенія отъ одного какого-нибудь инструмента; то, пожалуй, при нѣкоторомъ напряженіи и при навыкѣ мы можемъ успѣть въ этомъ; только уже мы не будемъ сознавать эффекта производимаго оркестромъ. Мельникъ, который обыкновенно не слышитъ шума своей мельницы, оказывается необыкновенно чуткимъ ко всякому новому стуку или скрипу машины, а также и къ полному прекращенію шума: эти измѣненія особенно интересуютъ его; они служатъ для него знаками того, что въ положеніи мельницы произошла какая-нибудь важная перемена. Такъ объясняется обстоятельство, что мельникъ и нечувствительнъ, и чутокъ къ звукамъ мельницы (Т. II. 50).

Вовторыхъ, всякое свѣжее воззрѣніе даетъ ощущенія, которыя только въ послѣдующемъ воспоминаніи поставляются въ прочную связь съ нашими остальными мыслями и которыя до этого воспоминанія составляютъ зыбкос, летучее, мгновенно-исчезающее содержаніе нашего сознанія. Когда мы дѣлаемъ наблюденія, то въ этомъ случаѣ мы не отдаемъ простому, неопредѣленному зрѣнію; каждое свѣжее ощущеніе мы тотчасъ же воспроизводимъ по опредѣленному плану, принимаемъ въ общее понятіе, и только въ этомъ общемъ понятіи ощущеніе достигаетъ ровной и полной сознательности. Сообразно съ преобладающими въ нашемъ мышленіи схемами, категоріями и формами, также сообразно съ стремленіемъ его понимать разбросанныя частныя представленія по опредѣленному плану или въ опредѣленномъ единствѣ, мы скорѣе, легче и яснѣе создаемъ нераздѣльный образъ вещи нежели ея пестрыя свойства, скорѣе цѣлое нежели его части. Тутъ нечего возражать общими соображеніями въ родѣ того что всѣ части и частички вещи посылали отъ себя стимулы на нашъ зрительный нервъ, что слѣдовательно они были ощущаемы и создаваемы. Эти, можетъ-быть, безчисленные

стимулы сдѣлали свое дѣло: они были источникомъ той свѣжести и жизненности чувственнаго воззрѣнiя, отъ которой не осталось никакихъ слѣдовъ въ нашемъ ясновѣ, вполнѣ сознаннымъ представленiи о вещи. Итакъ эти стимулы условливали только особенное состоянiе общаго чувства въ то время, когда мы получали впечатлѣнiя непосредственно отъ вещей, но они не рождали въ насъ ясныхъ и сознательныхъ ощущенiй.

Такимъ образомъ мы обозначили хотя въ общихъ чертахъ различныя степени безсознательности и сознательности ощущенiй. Самую низшую ступень занимаютъ ощущенiя рождаемая элементарною дѣятельностiю нервовъ во время сна,—тою дѣятельностiю, которую они обнаруживаютъ и въ нашемъ раннемъ дѣтствѣ. Ощущенiя, происходящiя отъ нормальнаго измѣненiя внутреннихъ частей тѣла, условливаютъ общее настроенiе души; а не сознание опредѣленныхъ качествъ. Далѣе спеціальныя органы чувствъ представляютъ очевидную постепенность относительно способности рождать ясныя ощущенiя. Но вообще, какъ только и высшiе стимулы, подобно внутреннимъ, дѣлаются постоянными и непрерывными, слѣдовательно, какъ только производимыя ими потрясенiя нервовъ перестаютъ имѣть для этихъ нервовъ значенiе *препятствiя*, ощущенiя не возникаютъ. Если отъ физиологiи обратимся къ психологiи; то здѣсь несомнѣнные факты доказываютъ, что есть ощущенiя заявляющiя себя только *формальнымъ* влiянiемъ на потокъ нашихъ мыслей, что при самыхъ благопрiятныхъ физиологическихъ условiяхъ, содержанiе ощущенiй остается или несознаннымъ, или не ясно сознаннымъ, какъ только оно не соответствуетъ преобладающему стремленiю душевной жизни, ея сильнымъ интересамъ, занимающимъ ее мыслямъ, сложившимся въ ней формациямъ; далѣе, что въ очень многихъ случаяхъ мы сознаемъ ощущенiя не по ихъ простымъ качествамъ, а только какъ случайные знаки чего-нибудь другаго, какъ случайныя указанiя на то что главнымъ образомъ интересуютъ насъ; наконецъ, что полную неспособную возрастать болѣе сознательность имѣютъ ощущенiя, которыя захватываются нами въ ясныя образы, понятiя, категорiи. Сознательность, какъ свѣтъ, который уже не можетъ быть свѣтлѣе, принадлежитъ только логически-разви-

тымъ понятіямъ, а все другое содержаніе нашего знанія, не имѣеть этого ровнаго и одинаковаго освѣщенія.

Самъ Льюисъ приходитъ къ предположеніямъ, которыя мы доселѣ раскрывали, и только не даетъ имъ того вѣса, какой они имѣють. Мельника перестаетъ тревожить и беспокоить шумъ мельницы, потому что говорить Льюисъ, „ощущеніе его *слышалось* со всѣми тѣми ощущеніями, которыя образуютъ наше общее сознаніе“ (50). Когда въ оркестрѣ замолчитъ одинъ инструментъ, „громъ другихъ инструментовъ не помѣшаетъ намъ ясно замѣтить *какую-то* разницу“ (44). Итакъ стукъ мельницы дѣйствуетъ *только* на общее чувство мельника. *Какая-то* разница, замѣчаемая нами въ оркестрѣ, когда замолчитъ одинъ инструментъ, относится безъ сомнѣнія къ цѣлостному впечатлѣнію игры, къ цѣлостной волнѣ ощущеній, а не къ сознанію отдѣльных тоновъ. Льюисъ говоритъ, что мельникъ не обращаетъ *вниманія* на стукъ мельницы и что этотъ стукъ *не беспокоитъ* его. То же надобно сказать и о человѣкѣ, который заснулъ во время проповѣди. Онъ не обращалъ *вниманія* на то что говорилъ проповѣдникъ, и слова проповѣдника не беспокоили его. Но дѣйствительно всякое явленіе въ насъ или внѣ насъ мы сознаемъ или свободно, потому что обращаемъ на него вниманіе, или невольно, потому что оно беспокоитъ насъ, насильственно вторгается въ кругъ нашихъ представленій и мѣшаетъ ихъ теченію. Если ни то, ни другое не относится къ мельнику и къ человѣку, который спитъ во время проповѣди, то остается совершенно непонятнымъ, какимъ еще особеннымъ способомъ первый слышитъ и сознаетъ стукъ мельницы, второй слышитъ и сознаетъ слова проповѣдника. Мы согласны съ замѣчаніемъ Льюиса, что эти ощущенія заявляютъ себя въ общемъ чувствѣ; не именно на этомъ основаніи мы отвергаемъ его положеніе, что имѣть ощущенія и сознавать ихъ—это одно и то же: въ общемъ чувствѣ не дано сознанія цвѣтовъ, тоновъ, запаховъ; общимъ чувствомъ мы не слышимъ, не видимъ, не обоняемъ. Впрочемъ, мы скоро убѣдимся, что для Льюиса это очень серьезный пунктъ, что, приписывая всѣмъ ощущеніямъ ровную и одинаковую сознательность и доказывая, что эта сознательность можетъ еще не имѣть никакого

отношенія къ намъ, къ нашему вниманію, къ нашему сознанию, доказывая, что мы еще можемъ не замѣчать того, что уже *сознаемъ* мы, Льюисъ остается вѣрныи своимъ основнымъ взглядамъ на явленія физиологическія и психологическія и на ихъ взаимное отношеніе. Если въ чемъ мы не можемъ отказать Льюису, такъ это въ логической послѣдовательности, которая не боится никакихъ революцій въ области опытныхъ познаній. Въ настоящее время, это безъ сомнѣнія рѣдкое качество.

• П. ЮРКЕВИЧЪ.

(До слѣд. №.)

РУЧКА ЛЕДИ ЛЕТИЦІИ

(ИЗЪ *TEMPLE BAR*.)

I. Какъ искалась рука.

Кто искалъ ея, руки этой? Искали многіе, люди степенные и нестепенные, какъ случалось; но глаза леди Летициі смотрѣли такъ, что затрогивали и самыхъ нечувствительныхъ. *Faites votre jeu, messieurs*, говорили вѣчно они взглядами краснорѣчивѣ словъ. *Faites votre jeu*; барыня наша лакомый кусочекъ,—кто возьметъ? И труденъ былъ отвѣтъ на послѣдній вопросъ. Кто побѣдитъ, быстрый ли Меркурій, пламенный ли Купидонъ, холодный ли Маммонъ? А, между тѣмъ, маленькая ручка манила всѣхъ, и на приманку являлись многіе.

Между ними былъ одинъ французскій графъ, написавшій когда-то какую-то книгу и хорошо знакомый королю. Онъ жилъ на счетъ титула и своихъ прежнихъ отношеній къ Бурбонамъ, и потративъ весь свой умъ на книгу, толковавшую, какъ всегда, объ Англичанахъ, сталъ находить свою жизнь невыгодною и непріятною. Наскучивъ однообразнымъ препровожденіемъ времени въ своихъ кое-какъ меблированныхъ комнатахъ, онъ искалъ хорошенькой барыни съ

капиталомъ и попалъ въ волшебный кругъ леди Летиціи. Леди Летиція была хороша собой, а графъ де-Дашъ считалъ ее, кромѣ того, богатою. Тутъ же былъ одинъ баронетъ, членъ парламента и либеральный консерваторъ. Сэръ Сло Модледъ принадлежалъ къ числу тѣхъ новыхъ политическихъ людей, которымъ не довѣряютъ ни люди во власти, ни люди въ отставкѣ. Онъ считалъ себя пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, былъ вдовецъ, пользовался добрымъ здоровьемъ, и не нуждался въ деньгахъ, а нуждался въ женщинѣ способной управлять порядочнымъ домогъ. Онъ принадлежалъ къ числу поклонниковъ леди Летиціи, ибо находилъ ее прекрасною и считалъ образованною. За нимъ слѣдовалъ майоръ Бленгеймъ, конно-гвардеецъ, тотъ самый Бленгеймъ, котораго четырехлѣтній Сезострисъ (рожденный отъ миссъ Китти) два года сряду выигрывалъ золотой кубокъ на Аскотскихъ скачкахъ. Гуляка среднихъ лѣтъ и добраго нрава, майоръ желалъ остепениться. Онъ былъ довольно богатъ, чтобы приобрести себѣ жену, и искалъ корошенькой. Леди Летиція была хороша, и онъ находилъ ее „чертовски миленькой“. Продолжать ли далѣе нашъ перечень? Упомянуть ли о длинновязомъ Сликимикѣ, считавшемъ ее крутою, о пламенномъ Джакѣ Бергонди, считавшемъ ее холодною, о хромомъ юристѣ Девисѣ, считавшемъ ее козкою, о дородномъ мистерѣ Формулусѣ, ректорѣ, считавшемъ ее кроткою, о боязливомъ, юномъ Герѣ О'Паррентѣ, считавшемъ ее сумасбродною? Кто еще? Да, леди Летиція была хороша, а Эдвардъ Ванзитартъ считалъ ее доброю.

Хороша, богата, образована, крута, холодна, козка, кротка, сумасбродна, добра,—таковъ былъ рядъ разнообразныхъ мнѣній о ней! Впрочемъ, въ нихъ было менѣе прогнворчивой чѣты въ леди Летиціи самой. Какъ облака мѣнялась она. Она могла говорить съ человѣкомъ серьезнымъ и пустымъ, умнымъ и глупымъ, и знала хорошо всѣ ихъ коньки. Она была такъ проникательна, что женщины не знали что дѣлать съ нею, и жауя ее гораздо менѣе чѣмъ мушницъ, избѣгали ея общества. Ея отрывистыя замѣчанія были бойки и остры, а женскіе приемы хитрости доведены ею до совершенства. Безсильны были противъ нея жеманно недоступныя барыни; она отталкивала матроузъ,

пугала вдовъ. Простыя дѣвушки завидывали ей, хорошенькія убѣгали ея, и она оставалась въ обществѣ мужчинъ, надъ которыми смѣялась вдоволь и которые считали ее ангеломъ.

Леди Летиція была высока и стройна, и имѣла самую очаровательную кожу въ свѣтѣ. Именно, ногой своею очаровала она въ первый разъ Бленгейма, знатока въ этомъ дѣлѣ и самозваннаго критика балета италянской оперы. Ея торсъ, отъ головы до ногъ былъ удивителенъ. Черные глаза ея блестѣли, какъ огонь; зубки были словно изъ слоновой кости, губки, какъ розовый бутонъ, а профиль прекрасно очерченъ. Поэты увѣряли, что взгляды ея глаза стоятъ царствъ; вѣжные юноши клялись, что за поцѣлуй ея губъ мало заплатить состояніемъ; *vive l'amour!* тянули разбитые старики, съ юношескимъ жаромъ, который цекоталъ на минуту ихъ изсохшіе члены. Но лучшими своими успѣхами, леди Летиція была обязана своей хорошенькой ручкѣ. Никогда еще скульпторъ не передавалъ такой маленькой и миленькой руки. Она такъ берегла свои ручки, что общество даже подсмѣивалось за это надъ ней. Она носила всегда и вездѣ перчатки, какъ при полномъ, такъ и при утреннемъ туалетѣ, какъ въ бальной залѣ, такъ и на прогулкѣ, и никто ни разу не подмѣчалъ еще тонкой бѣлизны ея рукъ.

— Чортъ возьми! ворчалъ Джекъ Боргонди,—я бы не хотѣлъ содержать жену въ вѣчныхъ перчаткахъ. На одни свои пальцы, она должна тратить круглую сумму.

— И стоить! басилъ майоръ, съ суровымъ взглядомъ.

— Стоить сотенъ тысячъ! подхватывалъ боязливый Геръ О'Паррентъ.

Дѣло дѣйствительно было странно; въ другой женщинѣ оно показалось бы даже подозрительнымъ, но леди Летиція была шутивая, высказывала часто престранныя мысли и, повидимому, презирала толки общества. Такимъ образомъ, она продолжала очаровывать своихъ поклонниковъ и тѣ сходили по ней съ ума, когда она барабанила своей маленькою ручкою.

Ну, а вѣрны ли были всѣ прилагательныя, даваемая ей обожателями?

Всѣ единогласно признавали ея красоту, ибо никто не былъ глупъ на столько, чтобы отрицать, что солнце свѣ-

титъ въ полдень? Богата? Гм! она жила хорошо, и, казалось, не нуждалась въ деньгахъ. Образована, она играла на фортепіано, говорила на разныхъ языкахъ, любила искусства, занималась живописью и даже ловко управляла кіемъ на билліардѣ. Крута? Можетъ быть. Холодна? Боюсь, что нѣтъ. Кожа? Она была благоразумна, ручаюсь. Кротка? Иногда. Сумасбродна? Съ нѣкоторыми. Добра? Не знаю, что отвѣчать наконецъ. Она платила по счетамъ, не отказывала бѣднымъ, ходила каждое воскресенье по разу въ церковь, читала Евангеліе и любила дѣтей и тихихъ животныхъ. Что до посаднаго, то она держала у себя кота, двухъ крошечныхъ бѣлыхъ собачекъ, камарейку и попугая. Я, право, затрудняюсь рѣшить, была ли она добра, или нѣтъ. Самые непочтенные люди платятъ акуратное саѣдуемое; случается, что даже адвокаты бросятъ пемъ бѣдному подметающему улицу; Дайвсъ ходилъ въ церковь или синагогу, кровожадная королева Марія читала Евангеліе, мистеръ Сквирсъ любилъ дѣтей, и графъ Фоско обожалъ бѣлыхъ мышей. А потому-то, и всѣ скромныя, названныя мною, гуманныя качества могутъ не имѣть никакого значенія. Никто изъ насъ грѣшныхъ, впрочемъ, не выдержитъ, пожалуй, строгаго суда. Въ общемъ, леди Летиція была не хуже своихъ блаженныхъ, и если кое-какія слабости замѣчались въ ней, то ей стоило повести лишь передъ вами своею крошечною ручкой, и вы забывали тотчасъ же ихъ.

Очень понятно, что кругъ въ которомъ царствовала леди Летиція, принадлежа къ числу порядочныхъ, не принадлежалъ, однако, къ числу избранныхъ. Какъ читатель вѣроятно повялъ уже, то былъ кружокъ смѣшанный, составленный изъ прекрасныхъ обломковъ, но, въ общемъ, представлявшій очень не стройный видъ. Сама леди Летиція хорошо понимала, что свѣтское неравенство ея сомнительно, а потому рѣшилась наложить на себя вторично брачныя оковы. Я скажалъ, кажется, вторично? Да; леди Летиція была вдова. Ея первый мужъ, лордъ Августъ Марко скончался таинственно въ Швейцаріи. Это былъ грубый челоуѣкъ и деспотъ, пятнадцатію годами старше своей молодой жены, съ которою обращался очень безцеремонно. Молодой челоуѣкъ съ состояніемъ, оу равно началъ жить, и долго путешествовалъ по Европѣ въ сопровожденіи

своего наставника, нѣкоего М. А., потак шалостямъ и являвшагося, подчасъ, въ нѣ за *table d'hôte*. Затѣмъ, онъ натолкнулся на иго Его пригласили играть и, какъ бы чудомъ ка баи всѣ его деньги. Почти раззоренный, онъ и скоро изъ порядочнаго малаго сталъ какимъ- Онъ сталъ держать крупныя пари, потерялъ т аѣе денегъ, и съ ними, что важнѣе, потерял дить. Скоро, онъ сдѣлаался извѣстенъ за одно мыхъ безнравственныхъ спекуляторовъ въ Евр юция маменьки признали его дурною партией. между объявленіями о рожденіяхъ, бракахъ и явилось въ *Times*'ѣ извѣщеніе, что лордъ Авг сочелаался бракомъ съ дѣвицей Летиціей Лудс девятнадцати лѣтъ, дочерью покойнаго Лом эскайдра. Общество взволновалось. — Чья она Летиція Лудс? — Гдѣ, когда и какъ родилася у нея за родство? Никто ничего не зналъ. Нѣ ворили, что она была балетною танцовщицей, прежде своею связью съ однимъ молоденькимъ князькомъ. Другіе утверждали, что она была гу Третьи увѣряли, что она была единственною вого мамчестерскаго мыльнаго фабриканта, кс она дѣла съ цѣлюю показать людямъ и выд овою насѣдщицу. Какъ бы то ни было, дѣви Лудс, девятнадцати лѣтъ, сочелаалась бракомъ Августомъ Марло, тридцати четырехъ лѣтъ. И шилса въ Женевѣ, откуда чета переѣхала ок мамію. Прошло три года, въ которое мало б о ней. Говорили только, что жили они какъ кошкой. Въ одинъ прекрасный день, *Morning* явилъ, что лордъ Августъ Марло былъ найден въ своей постелѣ, въ Бернѣ, и, несмотря на с ственниковъ замать дѣво, въ разныхъ кругахъ страилса слухъ, что лордъ совершилъ самоуб

Положительно извѣстно лишь то, что родстве Августа, по разнымъ соображеніямъ, приняи вде лодво. Ей предоставили, со всѣмъ тѣмъ, довольн ый доходъ, и она нисколько не беспокоилса живіи своихъ родственниковъ. Она смѣлаалса

открыто высказала разъ, что покойный мужъ ея былъ звѣрь, и сильно поразила мистриссъ Гранди своимъ отказомъ носить полный трауръ по немъ. Она уѣхала погомъ въ Италию, и слухъ о ней доходилъ лишь тогда, когда она являлась къ своему венеціанскому банкиру за получениемъ третяго дохода. Послѣ двухъ лѣтъ вдовства, она является въ Лондонъ, гдѣ мы и застаемъ ее съ ея маленькою манящею рюкой.

Ей двадцать четыре года теперь, время полного развитія красоты. Супружество придадо формить ея округленность возмужалой женственности. Глаза ея—свѣточки Гименеева храма.

Изъ всѣхъ поклонниковъ леди Летиции, самымъ безкорыстнымъ былъ Эдвардъ Ванзиттартъ, живописецъ, тотъ самый, котораго *Donkey feeding on thistles*, заслужилъ такіа похвалы отъ мистера Боскина за до-рафаэлевскую строгость рисунка. Удивительный человекъ, былъ нашъ Ванзиттартъ. Завѣшными его врагами были его теоріи, по одной изъ которыхъ *Prae-Raphaelitism* невозможенъ былъ въ ландшафтахъ. „Видишь ли“, объяснялъ онъ, „первый принципъ до-рафаэлистовъ есть вѣрность оригиналу, и они, какъ ты знаешь, принимали его на дѣлѣ, срисовывая ландшафты до послѣдней мелочи. Теперь, другъ, я задамъ тебѣ вопросъ. Предположи, что я хочу рисовать прудъ. Могу ли я срисовать весь ландшафтъ въ одинъ день? Положимъ, что могу. Но видъ пруда, въ продолженіи дня, измѣняется, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ разъ; могутъ набѣгать тучи, можетъ зайти въ него корова, утки могутъ взволновать его поверхность! Повнимаешь ли ты? Въ то время, какъ я рисую, предметы, которые я рисую, измѣняются, какъ измѣняется природа каждое мгновение. Чтò же выйдетъ изъ этого? Я переищу все видѣть, нарисую, положимъ, утку, корову, прудъ, которые будутъ въ разладѣ между собой и съ общимъ содержаниемъ картины.“ Бѣдный Ванзиттартъ! Онъ читалъ слишкомъ много, и работалъ слишкомъ мало; съ нимъ бывали то привадики дѣла, то припадки нечеловѣческой знергіи. Два года не дѣлалъ онъ ничего, и затѣмъ вдругъ, въ лѣтъ ведѣнъ написалъ свой *Distant prospect of a Skylark*. Вообще онъ былъ слишкомъ пылокъ, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что напримѣръ черезъ три часа послѣ своего первого зна-

комства съ леди Летиціей, онъ предложилъ ей позировать для главной фигуры своей испанской дѣвухи кормящей больного козленка. Къ несчастію, для его занятій, у него было много карманныхъ денегъ, и онъ могъ дѣлать что хотѣлъ. Родственники его были богатые люди; самъ онъ также не нуждался въ деньгахъ, занимался сначала искусствомъ просто въ качествѣ любителя и, лишь послѣ долгихъ затрудненій, могъ сдѣлаться художникомъ по профессіи, профессіи, считавшейся пріятелями его крайне-жалкою.

Эдвардъ обожалъ леди Летицію; онъ обожалъ ее за ея красоту, за ея доброту, за ея сочувствіе къ искусству. Онъ считалъ ее совершенствомъ. Что другимъ казалось крутостью или сумасбродствомъ, то казалось ему очаровательною невинностью. Глаза ея стоили для него всѣхъ сокровищъ обѣихъ Индій. Нахмуренный взглядъ ея нагонялъ на него уныніе. Бѣдняжка! его жизнь была сегодня радостью, завтра—мрачною. То онъ хотѣлъ накинуться на майора, за то только что почтенный воинъ хвастался расположеніемъ къ нему леди; то онъ желалъ предложить, не сдѣлкомъ вѣжливо, графу де-Дашу отправиться попутешествовать, за то лишь что любезный Французъ протанцовалъ съ леди Летиціей два раза сряду. Изъ ревности онъ сталъ желченъ, какъ какой-нибудь раджа. „Клянусь, сэръ, декламировалъ онъ, кровь моя волнуется при видѣ этого бѣднаго невиннаго созданія въ кругу разныхъ *romés* и дурней, да дурней! Зачѣмъ она не выгонитъ ихъ? Она не видитъ ихъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, бѣдная невинная голубка! и *hoppi soit qui mal y pense!*“ Эдвардъ въ сущности, побаивался, чтобы нѣкоторые изъ этихъ *romés* и гаупцовъ не завладѣли вождѣннымъ святилищемъ. Онъ боялся однако сдѣлать предложеніе, чтобы не сойти съ ума отъ презрительнаго отказа. Впрочемъ тысячи маленькихъ вѣжливыхъ услугъ, сопровождаемыхъ полными обожанія взглядами, доказывали Летиціи его преданность. Она замѣчала старанія своего молодого обожателя.

Я сказалъ выше, что леди Летиція имѣла намѣреніе вступить снова въ брачный союзъ, и прибавлю теперь, что не часто денежные расчеты заставляли ее жертвовать собою вторично. Потому-то французскій графъ имѣлъ болѣе шансовъ получить ручку леди чѣмъ богатый сэръ Слоу Модлеръ. Леди Летиція была молода, страстна, вне-

чталительна. Выйда, одмажды, за грубаго деспота, она хотѣла выйдти теперь за истиннаго джентльмена; тогда она искала денегъ, теперь искала любви. Эти вѣтренныя, веселыя, по видимому пустыя женщины, часто глубже думаютъ чѣмъ кажется; онѣ способны часто къ великимъ привязанностямъ. Ихъ любовь, быть можетъ, чувственна, но и чувственна идеальна. Она сильна и не знаетъ условій, кому, изъ своихъ многочисленныхъ почитателей, отдавала леди Летиція преимущество? И кому изъ нихъ, расположена она была, отдать свою маленькую ручку? Трудно сказать; но достойнѣе всѣхъ былъ Вазиттартъ. Въ немъ было много хорошаго. Физически, онъ былъ красивъ собою: прекрасныя русыя волосы, хорошо обрисованныя живыя черты лица, свѣтлыя сѣрыя глаза, темныя усы и стройный корпусъ. Нравственно, онъ былъ честенъ, мужествененъ, самоувѣренъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онъ былъ не безъ эгоизма, но въ эгоизмъ его не было ничего низкаго и малодушаго. Умственно, онъ былъ очень даровитъ; порывы восторга будили по временамъ заснувшій мозгъ, и дѣлали изъ него гения. Ко всему этому онъ любилъ искренно, безкорыстно. Могла ли леди Летиція не замѣчать его любви и его прекрасныхъ качествъ? Предпочитала ли она искателя приключеній, въ родѣ графа де-Даша? пустаго фата, въ родѣ сэръ-Слоу Модмеда? разбитнаго военнаго Домъ-Жуана, въ родѣ майора? тупаго проповѣдника, въ родѣ Формулуса? и пролаза, въ родѣ Боргомади? жаднаго скупаго скрягу, въ родѣ адвоката Девиса? льстиваго деспота въ зародышѣ, въ родѣ мистера Салкмика? или дурака съ большими надеждами, въ родѣ Геръ О'Паррента? Вѣрно нѣтъ. Ея первое замужство достаточно просвѣтило ее. Но теперь, мы дошли до вопроса, на которомъ основывалось счастье нѣсколькихъ. Стоила ли эта маленькая ручка цѣнаи? Могла ли она служить дѣйствительною наградою, и для лучшихъ изъ искателей, и для худшихъ изъ нихъ? Заключались ли въ ней, для жениха, задатки честной любви? Или, была ли леди Летиція преступнымъ духомъ, присужденнымъ блуждать, съ восхода солнца, до искупленія своего грѣха? Была ли наконецъ самая ручка стилетомъ, приносящимъ смерть тому, кто станетъ держать ее у подножія алтара? Мы увидимъ это.

II. Какъ была отдана рука.

„Изъ дюжины моихъ почитателей,“ разсуждала леди Летиція, „умная женщина можетъ уважать только одного. Ванзиттартъ, несмотря на свои странности, человѣкъ честный и хорошо воспитанный. Что мнѣ дѣлать? Положеніе мое съ каждымъ днемъ становится опаснѣе, и мнѣ необходимо покровительство человѣка сильной воли и крѣпкихъ нервовъ. Таковъ ли Ванзиттартъ? Надѣюсь, что да. Однако, человѣкъ не можетъ поклоняться вмѣстѣ и искусству и любви; они враги другъ другу, и оба такъ сильны, что если завяжется битва, оба должны пасть и погибнуть.“

Такъ думала леди Летиція, не зная или не подозревая, что любовь и искусство—одно и то же.

Въ одинъ изъ вечеровъ поздней осени сидѣла она у огня въ своемъ будуарѣ. Одинъ бѣленькій пудель лежалъ на ея колѣняхъ, другой валялся у ногъ. Глядя рукою шелковыя уши собаки, она всматривалась въ каминный огонь. Что представлялось ей въ измѣнчивыхъ формахъ горящихъ углей? Странныя видѣнія, и въ числѣ ихъ чей-то неизмѣнный отвратительный образъ.

„Оставь меня печаль, говорила она самой себѣ. О! она не уйдетъ, не уйдетъ никогда. Но виновна ли я? Совѣсть отвѣчаетъ: да, гордость говорить: нѣтъ. Правда ли, что кровью выкупаются ошибки въ родѣ моихъ? Пусть тѣ, которыя станутъ обвинять меня, вспомнать страданія мои, пусть вспомнать скотскую жизнь, которую вела я съ этимъ бездушнымъ звѣремъ, который запятналъ мою душу, и пусть будутъ они милосерды! Милосерды! Воплощенный бѣсъ является мнѣ...“

Она ударила рукою по доскѣ камина безъ всякаго признака боли. Это ли наша веселая, бойкая, отважная леди Летиція, такъ твердо увѣренная въ себѣ и такъ охотно бросающая вызовъ свѣту? Она подняла свою

лѣвую руку, повернула ее и посмотрѣла; потомъ, покачала головой и улыбулась насмѣшливо.

„Вотъ все, что я, тоакующая о любви, могу дать. Жалкій подарокъ! Я отдала разъ эту руку, когда въ ней была еще истинная плоть и кровь, и когда сердце мое было не запятано. Послѣдствія извѣстны свѣту. А теперь! Рука, какъ и сердце, дрябла, жестка, мертва. Для Ванзиттарта, мнѣ хотѣлось бы другаго.“

Крупныя горячія слезы скатились на тонкіе пальцы въ перчаткѣ; она плакала. И сквозь градъ падающихъ слезъ, ей все еще представлялись видѣнія въ огнѣ, и все еще тотъ же образъ насмѣшливо глядѣлъ на нее. Слезы высохли, и она встала блѣдная и прекрасная.

„Я могла бы любить этого человѣка! Пять лѣтъ тому назадъ, я могла пожертвовать для него своею жизнью, и даже теперь я могла бы сдѣлать многое, чтобы быть съ нимъ счастливой. Что я сдѣлала? Никакая исповѣдь не спасетъ меня теперь. Такова была моя судьба, судьба, выйти за бездушнаго звѣря.“

Вы видите, читатель, что въ почкѣ былъ червячекъ. У нашей дамы, какъ и у большинства ея ближнихъ, была своя забота, и она не была вполнѣ безупречна. Неотступный образъ въ огнѣ былъ ли образъ ея мужа? Безъ сомнѣнія. Они никогда не любили другъ друга, и быть-можетъ, быть-можетъ... Нѣтъ, я увѣремъ, что наша леди была благоразумна. Она была несчастна, но чиста. Брачною постели никогда не измѣняли эти прекрасныя формы.

Она стала всматриваться въ образъ въ огнѣ, который, все еще пугалъ ее. Потомъ, она быстро поднялась и закрылась рукою. Образъ не исчезалъ. Она торопливо заходила по комнатѣ; видно было, что она сильно взволнована. Съ глухимъ шумомъ обрушивался уголь, а видѣніе все не исчезало.

На ней было небрежно накинутое черное шелковое платье, и непричесанные волосы падали длинными локонами вдоль ея щекъ: она была хороша въ своемъ странномъ волненіи. Она овладѣла наконецъ собою и сѣла снова, и снова, рѣшительная, блѣдная, раздраженная, стала всматриваться въ оконный дикъ. Въ немъ не было ничего утѣшительнаго. „Я сумасшедшая,“ проворботала она, отки-

дываясь на спинку кресла и открывая какую-то повѣсть Альфреда Мюссе. Минуть пять она читала спокойно. Но потомъ швырнула съ нетерпѣніемъ книгу, и задумчиво завялась длинными шелковыми ушами своей балованной собачки.

„Есть грѣхи, которыхъ не загладить никакая любовь,“ проговорила она тихо.—„Я совсѣмъ погубила себя. Проклять будь тотъ, кто возьметъ эту безкровную руку въ свою!“

Долгій часъ провела она въ мрачной задумчивости.

Горничная прервала ее, доложивъ, что мистеръ Ванзиттартъ дожидается внизу въ гостиной. При этихъ словахъ, свѣтлая улыбка озарила ее прекрасное лицо, и леди Летиція забыла свои тревоги.

— Вы бы лучше пригласили его наверхъ, сказала она.

Горничная вышла. Леди Летиція быстро оправала свои волосы передъ большимъ зеркаломъ, висѣвшимъ надъ каминномъ, и стала стоя ожидать гостя.

Черезъ минуту вошелъ Ванзиттартъ. Лицо его горѣло, глаза свѣтились, а въ плотно-сомкнутыхъ губахъ видна была рѣшимость. Онъ готовился къ чему-то.

— Добрый вечеръ, мистеръ Ванзиттартъ, проговорила леди Летиція съ очаровательною улыбкой, одною изъ тѣхъ, впрочемъ, которыми хорошенькія женщины стараются показать свое равнодушіе къ прिवѣтствуемому лицу.

— Добрый вечеръ, леди Летиція, отвѣтилъ Ванзиттартъ, со взглядомъ, ясно говорившимъ, что улыбка произвела свое дѣйствіе на его чувствительную натуру.

Она сѣла и указала гостю на стулъ. Никогда еще не была она такъ хороша и никогда еще глаза артиста не любовались ею съ большимъ восторгомъ. Леди Летиція не принадлежала къ числу тѣхъ холодныхъ женщинъ, которыя привлекаютъ людей умомъ. Въ ней была магическая сила, исходившая прямо изъ ея горячей плоти и крови. Она овладѣвала чувствами и жгла ихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ одуряющій оціамъ, охватывая постепенно мозгъ, не покорялъ мысли силою теплой восхительной прелести ея присутствія.

Нѣсколько времени продолжалось молчаніе. Вліяніе ея усиливалось каждое мгновеніе. Артистъ страдалъ и подда-

вадся очарованію съ тошнотой челоѣка, засыпающаго въ раю гашиша.

— Вы были вчера въ оперѣ, мистеръ Ванзиттартъ? Я видѣла, какъ вы разговаривали съ нашимъ чудакомъ майоромъ.

Удивительная женщина! Въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, дважды сказала ея тактъ. Впервыхъ, введеніемъ оперы, съ ея блестящею, ослабительною обстановкой, съ ея свѣтомъ и музыкой, которая, при ея словахъ, воскресила въ памяти художника мягкія аріи и обезсилила его предъ чувствомъ красоты. Вовторыхъ, небрежнымъ словомъ о майорѣ, показавшемъ, что онъ, по крайвей мѣрѣ, не имѣлъ шансовъ завладѣть разборчивымъ маленькимъ сердцемъ говорившей. Ванзиттартъ не рѣшился произнести слова, и только кивнулъ головой.

— *Madame Aldori* милая женщина и обворожительная пѣвица. Я была въ восторгѣ. Новая опера удивительно хороша.

Это самое общее мѣсто изъ всѣхъ общихъ мѣстъ, казалось Ванзиттарту какою-то музыкой свыше.

— Изъ всѣхъ свѣтскихъ развлеченій, продолжала миледи, — опера, я думаю, всего опаснѣе. Въ ней ложь прекрасна, въ ней все искусственно; она разочаровываетъ насъ по отношенію къ серьезнымъ занятіямъ жизни. Она забавляетъ насъ много, но не учитъ ничему.

— Тутъ я едвали соглашусь съ вами, замѣтилъ Ванзиттартъ. — Мое любимое убѣжденіе, что художникъ овладѣвающій нашею душой, возвышающій ее надъ дѣйствительностью, по благородству своего дѣла, выше того, кто занимается рѣшеніемъ болѣе практическихъ задачъ. Вы улыбаетесь. Но скажите, не справедливо ли, что мы цѣнимъ красоту изъ красоты, не справляясь на сторонѣ, велико ли ея практическое значеніе? Искусство, переносящее насъ въ другой міръ, — вышнее, глубочайшее искусство; лишь отрѣшаясь отъ тысячи житейскихъ дразгъ, достигаемъ мы высокой сферы, въ которой дышитъ и живетъ художникъ..

— Артистъ! мѣжно проговорила леди Летиція.

— Безъ чистой красоты искусство было бы сухо, жалко и бесплодно, продолжалъ Ванзиттартъ, отъѣхавъ наклономъ головы на замѣчаніе леди Летиціи. — Чистая красота — все-

могуща, она восторгаетъ зрителя до всезабвенія. Лишь тогда, когда разбиваемъ мы наши земныя оковы, счастливы мы вполнѣ! Что такое любовь, въ ея чистой сущности, какъ не сонъ, какъ не всезабвеніе утомительныхъ обыденныхъ заботъ, дѣлающихъ человѣка такимъ жалкимъ существомъ.

— Вы думаете, значить, что любовь сообщаетъ всезабвеніе? спросила чуть слышно леди Летиція.

— Да, леди Летиція.

Они замолчали снова. Ванзитарту было досадно, что онъ далъ волю своему воображенію. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и заговорилъ объ обыкновенныхъ вещахъ.

— Возвращаясь къ нашему первому вопросу, скажу, что новая опера мнѣ очень нравится и что Альдори обѣщаетъ много. Въ игрѣ ея, однако, какъ будто недостаетъ драматизма, а въ ней самой—достоинства.

Леди Летиція не слушала. Разсѣянно сидѣла она, наблюдая неизмѣнный образъ въ огнѣ. Когда онъ кончился, она повернула къ нему голову, и глаза ея были полны слезъ.

Этого было довольно; онъ рѣшился высказаться.

— Леди Летиція, есть люди, которымъ, въ дѣлахъ сердца, нужны намеки, но есть и такіе, которые не нуждаются въ нихъ. Я пришелъ къ вамъ сегодня съ однимъ намѣреніемъ, и мое внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что вы угадали мою тайну. Я люблю васъ.

Глядя на огненный образъ, она вздрогнула, какъ отъ испуга. Щеки ея покрылись блѣдностью, рука затряслась.

— Я люблю васъ! Вы можете счесть меня дерзкимъ, рѣзкимъ, но я говорю искренно и надѣюсь, что при вашей справедливости и добротѣ, вы не перетолкуете словъ моихъ въ дурную сторону. У меня есть средства, я изъ хорошаго дома, и вѣрьте мнѣ, леди Летиція, что вы дороже для меня всего на свѣтѣ.

— Не говорите! не говорите!..

То былъ тихій умоляющій стоиъ; она закрыла лицо руками. Онъ выждалъ минуту и поднялся.

— Скажите мнѣ, что вы меня не любите и я спокойно уйду отсюда. Вы не отвѣчаете. Да или нѣтъ? Говорите?

— Шш! Вы сами не знаете, что спрашиваете.

— Ошибался ли я, думая, что вы замѣчаете меня? Ради моей глубокой любви, леди Летиція, говорите.

— Нѣтъ, нѣтъ! не то!

— Не то! воскликнулъ онъ трепетно.—Что же больше можетъ быть между нами? Что можетъ препятствовать такой сильной любви, какъ моя? Любите ли вы меня? Скажите, любите ли.

— Боже! прости меня; да, да!

Онъ страстно прижалъ ее къ своей груди.

— Моя, моя, шепталъ онъ, въ упоеніи счастья. Но она высвободилась, подняла свое блѣдное заплаканное лицо и посмотрѣла на него испытующимъ взглядомъ.

— Вы не знаете, чего вы просите. Нѣтъ, Ванзиттартъ! Любовь, которой вы ищете, не стоитъ того. Вы не знаете, чего вы просите.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Ванзиттартъ, не въ первый разъ вижу я, что нравлюсь вамъ, и убѣждена, что любовь ваша чиста и благородна. Но нашъ союзъ не принесетъ счастья ни вамъ, ни мнѣ.

— Гдѣ есть любовь, тамъ...

— Тамъ можетъ быть смерть. Оставимъ другъ друга.

— Никогда! воскликнулъ онъ, снова прижимая ее къ своей груди.

— Послѣ вашего сегодняшняго признанія, ты моя на вѣки.

Она обливалась горячими слезами, восклицая, „Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать?“ Она, наконецъ уступила, любя дѣйствительно человека. Она обѣщала быть его женой.

— Оставь меня! проговорила она наконецъ.—Приходи завтра.

Онъ поцѣловалъ ее, и, держа ея руки въ своихъ, стоя глядѣлъ ей въ лицо. Тутъ, въ первый разъ, замѣтилъ онъ съ удивленіемъ, что правая рука леди Летиціи была горяча какъ огонь, а лѣвая холодна какъ ледъ. Онъ быстро вышелъ.

Леди Летиція снова осталась одна съ своимъ огненнымъ видѣніемъ. Оно не перемѣнилось. То былъ все тотъ же суровый и безпощадный ликъ.

„Всезабвеніе!“ проговорила леди. „Правда ли, что любовь приноситъ всезабвеніе? Я грустна, очень грустна, и мнѣ нужно это утѣшеніе. Исповѣди, которой желала и боялась я, не было, а она ужасна. Имѣю ли я право обману

вать этого человека, такъ глубоко и безкорыстно любящаго меня?"

Она ушла въ спальню, но не могла заснуть. Всю ночь ворочалась она на подушкахъ, разсуждая съ собою, какъ передъ огненнымъ образомъ камина. Не любя темноты, она оставилъ горѣть всю ночь свою лампу. На разсвѣтъ она приняла усыпительныхъ капель, но проснулась рано и сошла внизъ вполнѣ спокойная. Пристальный глазъ замѣтилъ бы на ея щекахъ два небольшія чахоточныя пятна; они говорили о болѣзни. Давно уже не чувствовала она себя такою довольной. Она рѣшилась, совѣтуясь съ своимъ счастьемъ, исполнить свое вчерашнее обѣщаніе. Она была горда своею любовью, своимъ другомъ, горда новою надеждой на будущее. Она не будетъ уже несчастна; огненный образъ изгонится навсегда; она забудетъ его; она станеть жить лишь для одной любви, а когда пройдетъ или погибнетъ любовь, она умретъ! Бѣдная леди Летиція! На зыбкомъ основаніи строила она свои планы,—словно строила замокъ на Гудвинскихъ пескахъ..

Когда, по данному слову, Эдвардъ Ванзиттартъ явился на другой день, леди Летиція сдѣлала ему признаніе. Она была дочь, говорила она, бѣдныхъ честныхъ родителей, получившая, по добротѣ богатаго дяди, хорошее образованіе. Когда она встрѣтила, въ первый разъ, своего покойнаго мужа, лорда Августа, она была жалкою гувернанткой въ одномъ парижскомъ семействѣ. Нашъ молодой другъ восторженно, какъ всегда, объявилъ, что любитъ ее еще сто разъ болѣе за ея откровенность.

— Да и къ тому, прибавилъ онъ съ улыбкой, — лордъ Августъ...

— Не упоминай о немъ, не упоминай, если ты только любишь меня! воскликнула леди Летиція вздрагивая.

Ванзиттартъ усмѣхнулся, обнялъ, поцѣловалъ, и былъ счастливъ.

Новость скоро распространилась. Слухъ, что Эдвардъ Ванзиттартъ, богатый артистъ, получилъ маленькую ручку леди Летициі Марло, скоро подтвердился вполнѣ. Когда Ванзиттарта спросили объ этомъ, онъ открыто подтвердилъ истину и пригласилъ спрашивавшаго выпить за свое здоровье. Онъ глядѣлъ побѣдителемъ. Онъ гордился своимъ

побѣдой,—гордился вдвойнѣ, ибо чувствовалъ, что заслужилъ ее. Остальные обожатели приняли дѣло различно; одни горячо, другіе презрительно, третьи спокойно. Графъ де-Дашъ сунулся къ живописцу съ парой зараженныхъ пистолетовъ. Ванзиттартъ не былъ трусъ, но раздѣлая англійское убѣжденіе въ безомысленности такого рода дуэлей, онъ, послушавъ спокойно графа въ продолженіи десяти минутъ, вытолкалъ его на улицу. Сэръ-Сло Моддестъ, считая себя стоикомъ, погребъ свое горе въ кипахъ парламентскихъ синихъ книгъ. Бленгеймъ погрозилъ вызвать Ванзиттарта, но услышавъ о судьбѣ графа, благоразумно остерегся отъ приведенія угрозы въ исполненіе. Кто велъ себя порядочно, такъ это Джакъ Боргоуди, который, встрѣтивъ своего соперника въ клубѣ, пожелалъ ему счастья и опорожнилъ съ нимъ бутылку вина. Что до общества, то оно, разумѣется, вознегодовало. Ванзиттартъ былъ свѣтиломъ безчисленныхъ матушекъ, смотрѣвшихъ на него какъ на будущаго мужа своихъ дочерей. Всѣ старыя сказки насчетъ леди Летиціи воскресли снова. Она — живое, безнравственное созданіе; она — причина смерти перваго мужа; бѣдный лордъ Августъ велъ печальную жизнь съ ней. Въ сознаніи своего достоинства леди Летиція презирала подобныя выходки; онъ только укрѣпляли ее. Проходя мимо своихъ непріятелей, она уничижала ихъ своимъ простымъ, безыскусственнымъ превосходствомъ. Она была любима, и, еслибы въ огнѣ не являлась докучливаго образа, она, я думаю, была бы совершенно счастлива. Она была молода еще, и зараза свѣта не охватила вполнѣ ея женскаго сердца.

Родственники Ванзиттарта не противились браку. Они знали его характеръ. Въ немъ было много воли и настойчивости. Этого мало; въ немъ былъ здравый смыслъ и довольно провинциальности, чтобъ отличить хорошее отъ дурнаго. Такимъ образомъ; въ первое воскресенье послѣ Рождества Христова, назначена была свадьба! Эварда Ванзиттарта, эсквайра, съ леди Летиціей, вдовой лорда Августа Марло.

День приближался. Чувство художника не охладилось, но я долженъ сознаться, что Ванзиттартъ становился раздражителемъ и беспокоемъ. Основательныхъ поводовъ къ недо-

вольствію оны не имѣла, но странность рукъ леди Летиціи разстраивала его. Сжимая ихъ утромъ, оны чувствовали, что одна тепла, другая холодна. То же самое повторялось всегда. Правая рука горяла, лѣвая была холодна какъ камень. Оны напрягала свой мозгъ, чтобъ объяснить себѣ это, и, со-всѣмъ своимъ желаніемъ, не могъ избавиться отъ непріятнаго впечатлѣнія. Другое, замѣченное имъ обстоятельство еще усиливало его безпокойство. Лѣвая рука леди Летиціи была всегда въ перчаткѣ. Странно! Не потребовать ли объясненія? Но это могло бы показаться подозрѣніемъ, а оны боялся опечалить своего ангела.

Недѣли за двѣ до Рождества, мистрисъ Мортимеръ Мортриксъ давала вечеръ, на которомъ танцовали и пѣли, и ѣли и пили,—всего повемножку. Мистрисъ Мортимеръ Мортриксъ была супругой одного богатаго купца, человека простаго, не любившаго церемоній, но любившаго до страсти игру въ лабетъ. Мистрисъ Мортриксъ принадлежала къ числу тѣхъ милыхъ женщинъ, которыя ладятъ со всякимъ обществомъ, ибо смотрятъ всегда съ достоинствомъ, говорятъ и дѣлаютъ мало, и остерегаются всякаго затруднительнаго положенія. Подъ псевдонимомъ „Дианы“, она напечатала въ журналѣ *Domestic Jew's Harp* рядъ статей о женскихъ занятіяхъ, одна изъ которыхъ „О нравственномъ сходствѣ гренадеровъ и саперовъ“, надѣлала шуму въ окрестностяхъ Риджентъ-парка, гдѣ находятся казармы гвардіи.

Вечеръ удался; хозяйка умѣла загонять прислугу и уго-дить за то гостямъ. Въ числѣ приглашенныхъ находился и Эдвардъ Ванзиттартъ съ своею невестой. Леди Летиція осаѣпляла всѣхъ своею красотой. Сердце жениха, мало танцовавшаго и считавшаго такіе вечера одною помѣхой, сильно билось отъ гордости. Она была такъ мила и внимательна къ нему, такъ суха и холодна къ другимъ. Прежняя живость оставила ее, но вмѣсто нея явилась свѣтлый, спокойный видъ, очень похожій на счастье. Она была царцей вечера. И не удивительно, что одинъ мрачный юноша, съ слабыми глазками и длинными гладкими волосами (восхвалявшій, какъ узнали послѣ, свидѣніе и солнце), бросился въ бібліотеку, и тамъ, въ мукахъ, похожихъ очей на муки отъ несваренія желудка, написалъ оду въ честь бровей леди Летиціи. По ома эта, напечатанная вскорѣ по

слѣ того, обнаружилъ, что иррачный юноша былъ совершенный враль, хотя прежде принимали его за порядочнаго молодого человѣка съ большими надеждами.

Въ числѣ гостей былъ одинъ господинъ, представленный леди Летиціи подъ именемъ Монтегю Вернона. Онъ не понравился ей съ первой минуты. Она избѣгала его и бѣднѣла, какъ будто отъ страху, когда его глаза устремлялись на нее. Онъ былъ хорошъ собою. Высокій и не широкій лобъ, темныя брови и провидательные сѣрые глаза, носъ и ротъ тонко и чисто очерченныя. Мистеръ Вернонъ носилъ короткіе курчавые черныя волосы, большіе длинныя усы и широкіе бакенбарды. Онъ былъ высокъ и худъ, но мускулистъ. Ничего особеннаго въ общей его наружности не было. Только глаза смотрѣли холодно и пристально, вторя обычной усмѣлкѣ нижней губы. Глаза эти не сходили съ леди Летиціи ни на минуту, слѣдили за ней изъ комнаты въ комнату и встрѣчали твердо ея глаза, когда, она обращалась въ его сторону. Ванитартъ замѣтилъ примемы незнакомца, счелъ ихъ дерзкими и рѣшился обмѣняться съ нимъ словомъ по окончаніи вечера.

Мистеръ Монтегю Вернонъ оставилъ, наконецъ, свое мѣсто и, подумавъ минуту, направился къ леди Летиціи, стоявшей особо въ углу комнаты. Ванитартъ, ревнивымъ взглядомъ, слѣдилъ за нимъ издали. Онъ поклонился; она тихо кивнула головой. Глаза ихъ встрѣтились, и она поблѣднѣла. Онъ пришелъ просить миледи быть его дамой въ слѣдующемъ контръ-дансѣ.

— У меня отданъ весь вечеръ.

— Пустяки.

Удивленная тономъ, съ которымъ произнесены были эти слова, она взглянула на него снова, и задрожала. Тотъ слегка улыбнулся.

— Извините меня, я...

• — Благодарю васъ; хорошо я согласна...

Когда онъ отходилъ, она съ изумленіемъ слѣдила за нимъ. Огненный ликъ опять возсталъ передъ нею, и она почувствовала себя дура. Тутъ подошелъ ея женихъ, сильно разгоряченный.

— Что это за господинъ? спросилъ онъ. Она рукой показала ему, что не въ состояніи отвѣчать.

— Гм!.. Позволилъ онъ себѣ грубость?

— Нѣтъ... да...

— Негодяй! Я сведу съ нимъ счеты. Не бойтесь, я не сдѣлаю скандала.

Онъ направился было къ нему, но леди Летиція трепетнымъ шепотомъ остановила его.

— Не ходите! не ходите!

Онъ повернулся съ яростною усмѣшкой.

— Ахъ, не ходите! Вы не знаете, что вы дѣлаете. Ради жизни, не трогайте этого человѣка.

— Что!..

— Не дѣлайте вопросовъ, Эдвардъ; все объяснится послѣ. Шш!.. Онъ подходитъ къ намъ.

Видя блѣдное приближающееся лицо, Ванзиттартъ отвернулся въ сторону и отошелъ въ другой конецъ комнаты. Онъ не зналъ на что рѣшиться. Развязно и самоувѣренно подошелъ между тѣмъ Монтегю Вернонъ къ леди Летици, и поклонился ей.

— Если позволите, проговорилъ онъ, и затѣмъ быстро провелъ ее къ мѣсту.

Ванзиттартъ хмурился и ждалъ что будетъ далѣе. Онъ не хотѣлъ еще вмѣшиваться, чтобы не стать смѣшнымъ въ глазахъ общества, но ревность сильно мучила его. Отчего она и отвергаетъ, и поощряетъ, въ то же время, дерзкаго незнакомаго? Въ ея поведеніи есть какая-то необъяснимая загадочность. Ванзиттартъ былъ обиженъ, потомъ раздраженъ, потомъ далъ волю своему негодованію. Танцы начались въ это время. Ванзиттартъ видѣлъ, что горячій взоръ иностранца былъ устремленъ на лицо его дамы, и что она какъ будто не смѣла воздержатъ такую наглость.

— Скажите, кто это? спросилъ онъ хозяина, мистера Мортимера Мортрикса, стоявшаго, безъ всякаго дѣла, въ отдаленномъ концѣ залы.

— Гм! Вы говорите о господинѣ, танцующемъ съ леди Летиціей? Его зовутъ Вернономъ, Монтегю Вернономъ, и онъ кажется очень порядочнымъ человѣкомъ. Кто онъ? Не могу, право, сказать вамъ, но, какъ кажется, порядочный человѣкъ. Я знаю только, что съ пріятель какого-то пріятеля моей жены.

— Благодарю васъ,—и подозрительный женихъ, не слыш-

комъ много узнавшій, воротился на старое мѣсто, и снова сурово устремилъ глаза на танцующихъ.

— Что это съ Ванзиттартомъ? спрашивалъ мистеръ Геръ О'Паррель нашего храбраго майора Бленгейма. Оба эти обойденные почитателя находились въ числѣ приглашенныхъ.

— А? не помялъ майоръ, поглядывавшій на одну полную вдовушку съ состояніемъ.

— Что съ Ванзиттартомъ? Онъ хмурится все на того черномазаго господина, который танцуетъ съ леди Летиціей. Чтобъ это значило?

— Ревность, чортъ возьми! отвѣтилъ доблестный воинъ:— ревность заѣдаетъ. Не завидую ему нисколько. Увидите, она сыграетъ съ нимъ скоро слабую штуку, или я не Бленгеймъ.

Шопотъ доислся по залѣ. Общество было слишкомъ хорошо воспитано, чтобы смѣяться, но Ванзиттартъ видѣлъ, что его волненіе замѣчается и что ему, въ тайнѣ, радуются. Онъ пересталъ хмурится, и даже попытался сказать что-то забавное маленькому толстому господину, стоявшему подаѣ, но толстый господинъ принялъ это за насмѣшку надъ собою и повелъ съ нимъ рѣчь съ „милостиваго государя“. Не слишкомъ вѣжливое восклицаніе готово было сорваться съ устъ артиста, но тутъ окончился контрадансъ и мистеръ Вернонъ проводилъ леди Летицію до ея мѣста. Она была необыкновенно блѣдна. Когда она садилась, незнакомецъ, на глазахъ Ванзиттарта, пожалъ ей руку, съ выразительнымъ взглядомъ, и отошелъ.

Желкихъ сердито направился къ леди Летиціи. Она подвиглась при его приближеніи и дрожащею рукой сжала его руку.

— Уѣдемъ, уѣдемъ! прошептала она. Онъ устремилъ на нее пристальный умоляющій взглядъ, но она, прося его не говорить, вывела его изъ залы. Они оставились вблизи, въ прихожей.

— Не лучше ли было бы предупредить мистера Мортрикса, что вы уѣзжаете? метеричливо замѣтилъ Ванзиттартъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я должна вѣять не теряя минуты. Ахъ, я забыла мой плащъ! Потрудитесь сходить за нимъ.

— А карета; она не привѣла еще.

— Кто-нибудь изъ людей пусть сходить за наемной.

Ванзиттартъ бросился наверхъ. Черезъ минуту трепещущая леди Летиція усыхала позади себя голось.

— Извините, миледи; вы спѣшите, кажется, оставить нашъ милый вечеръ?

Дрожа вся, она повернулась и встрѣтила рѣзкій насмѣшливый взглядъ Монтегю Вернона.

— Слушайте, миледи. Черезъ два дня, въ десять часовъ вечера, я буду у васъ. Надѣюсь застать васъ дома, и безъ чужихъ: я долженъ сообщить вамъ нѣчто важное. Теперь, прощайте.

Прежде нежели она могла проговорить что-нибудь, говорившій поднялся наверхъ и исчезъ изъ виду. Черезъ нѣсколько минутъ явился Ванзиттартъ. Привелъ карету, и леди Летиція съ своимъ другомъ отправилась домой. По приѣздѣ, Ванзиттартъ хотѣлъ было войти къ ней, но она рѣшительно остановила его.

— Не теперь, не теперь, сказала она.—Приходите утромъ. Мнѣ нужно подумать.

Артистъ, уже сильно раздраженный, не сталъ возражать. Онъ вѣжливо пожелалъ ей хорошаго сна и ушелъ. Его не приняли. Волненіе леди Летиція безпокоило его и возбуждало въ немъ подозрѣнія. Тайна руки страшно сходилась въ его умѣ съ тайной о дерзкомъ незнакомцѣ. Онъ долженъ потребовать объясненій, и если ихъ не представлятъ, разорвать сношенія. Такъ думалъ онъ сначала. Послѣдующія его разсужденія были умѣреннѣе.

Между тѣмъ леди Летиція, достигавуъ своего будуара, была въ страшномъ волненіи. Она ходила изъ угла въ уголь. Лицо ея то горѣло, то блѣдѣло, и она кусала до крови губы, чтобы одержать душившія ее слезы. Она изнемогла наконецъ. Бросившись въ кресла, она заплакала страстно и горько, и глядя оквозь слезы, снова увидѣла вѣчный ужасный образъ въ огнѣ.

— Прочь, дьяволъ! прочь! воскликнула она.—Я умру! О, прочь!

Но ликъ не исчезалъ. Совѣсть, которой боится всѣ мы, мучила ее. Такъ прошелъ часъ. Она велѣла подать закусь, и успокоилась немного. Прямо въ глаза опасности рѣшилась смотреть она, понимая что теперь нужна сила и рѣшимость.

Она старалась убѣдить себя, что ей нечего бояться, что

тайна ея ручки останется неизвѣстною, но огненный ликъ говорилъ ей, что онъ извѣстенъ не ей одной. Новая мысль родилась въ ея головѣ. Въ крайности, нельзя ли будетъ предложить условія, заключить сдѣлку? Но чтобы ни случилось, она не покорится безъ борьбы; скорѣе умиретъ. Грустно, больно все это, накануне той любви, которая дала бы ей всезабвеніе; грустно, что чаша забвенія отнята отъ ея устъ въ самую рѣшительную минуту.

Ошеломленная, обезсиленная, убитая всѣми этими впечатлѣніями, она заснула наконецъ. Крѣпко спала она эту ночь, какъ спятъ иногда каторжники, но сны ея были ужасны. Утромъ, Ванзитарту сказали, что леди Летиціи такъ больна, что не можетъ принять его. Онъ ушелъ мучимый опасеніемъ и ревностью. Онъ зашелъ послѣ обѣда, и получилъ небольшую надушенную записку, которую прочелъ на улицѣ.

„Дорогой мой Эдвардъ, не приходи ко мнѣ до послѣзавтра. Мнѣ грозитъ опасность, отъ которой присутствіе твое не можетъ спасти меня. Если опасность минуетъ, все объяснится; если нѣтъ, забудь и прости меня.

„Летиція Марло.“

Трудно дать понятіе о состояніи нашего друга, тотчасъ по прочтеніи этой записки; въ своей заботѣ о спасеніи любимой женщины, онъ забылъ все окружающее, онъ сто-кратно извинялъ ее за ея загадочное поведеніе, за все что возбуждало въ немъ ревность, и молилъ лишь объ избавленіи ея отъ опасности. Онъ бросился назадъ къ дому, и сталъ настаивать на необходимости видѣть ее. Но приказанія леди Летиціи были положительны; она очень нездорова, видѣть ее невозможно. Онъ покорился наконецъ необходимости и рѣшился ждать назначеннаго въ запискѣ времени.

Минулъ первый день, минулъ и второй. Вечеромъ этого послѣдняго дня, леди Летиція, изящно разодѣтая, сидѣла, передъ огнемъ, въ своей гостиной. Большое кресло ея было обращено спинкой ко входной двери; подлѣ лежалъ небольшой пюпитръ, на которомъ покоилась ея лѣвая раскрытая рука. Правую рукой она ласкала свою собачку. Лицо ея было свѣтло, но пристальный глазъ замѣтилъ бы, что свѣжесть эта искусственна. Она была тиха и покойна, но

врачъ узналъ бы, что она находится подъ вліяніемъ опиума. Она была хороша и въ этомъ холодномъ неестественномъ спокойствіи. Въ ней не было страха; глаза ея свѣтились, какъ бы отъ вдохновенія, а губы были плотно сжаты. Безпреставно взглядывала она на свои крошечныя золотыя часы, и когда стрѣлка дошла до десяти, она нетерпѣливо стала ожидать звонка. Все было тихо. Она стала засыпать и, въ дремотѣ, не замѣтила какъ кто-то вошелъ въ комнату и скользнулъ за тяжелую занавѣсь окна. Надежда, что человекъ котораго она страшилась, не будетъ, стала оживлять ее.

— Я сумашедшая, проговорила она. Онъ раскаивается въ своей дерзости; онъ не придетъ.

— Онъ здѣсь!

Монтегю Вернонъ, изящно одѣтый, подошелъ насмѣшливо къ огню и вѣжливо поздоровался съ леди Летиціей. Она вздрогнула, но не измѣнила своего положенія. Они поглядѣли другъ на друга; она все болѣе и болѣе убѣждалась въ ошибкѣ, и стала смѣяться.

— Какъ видите, миледи, я очень, замѣтилъ спокойно мистеръ Вернонъ.

Леди Летиція кивнула головой съ возможнымъ хладнокровіемъ.

— Мнѣ некогда, сказала она, глядя на часы,—и я должна попросить васъ передать мнѣ что нужно скорѣе. Въ чемъ дѣло?

— Вы извините меня, миледи, за мою просьбу не спѣшить такъ; осторожность, вы знаете, очень важное дѣло. Вы ловкая женщина, Летиція Лудло, но вы должны быть осторожны, очень осторожны.

Она усмѣхнулась, услышавъ свое прежнее имя.

— Продолжайте сказала она,—теперь вы сильнѣе меня, но знайте, что вы поплатитесь за вашу наглость.

Онъ засмѣялся, и небрежно осматривая картины и вещи, прошелъ въ другой конецъ комнаты. Мысль мелькнула въ его головѣ. Стоя спиной къ леди Летиціи, онъ вынулъ изъ своего кармана длинный обоюдо-острый ножикъ и, спрятавъ его позади, снова подошелъ къ ней. Она сидѣла въ томъ же положеніи, держа свою лѣвую руку на пюпитрѣ, и презрительно смотря на него.

— Летиція Лудло, вы слишкомъ важничаете для женщины вашего сорта.

— Да? Въ чемъ же обвиняете вы меня?

— Летиція Лудло, я обвиняю васъ въ умышленномъ убійствѣ лорда Августа Марло! И вотъ мое доказательство...

И прежде нежели успѣла она сдѣлать малѣйшее движеніе, она подняла свою руку и воззвалъ ножъ въ ладонь ея ручки, крѣпко пригвоздивъ ее къ деревянному пюпитру. Леди Летиція помертвѣла отъ ужаса; но боль, если она чувствовала боль, не дала ей силы освободить руку, на которой не показалось крови!

III. Исторія ручки.

Monsieur и *madame* Буасси, богатые свѣтскіе люди, проживали въ веселомъ Парижѣ. Буасси былъ искусный журналистъ и одинъ изъ редакторовъ ультрамонтанскаго журнала *Le Frappeur*; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ кружкахъ поговаривали, что будто жена писала за него передовыя статьи. Жена была умная женщина, *une femme, sans peur et sans reproche*, и женщина сильная. Она не держала мужа подъ башмакомъ, но держала его въ рукахъ.

— Милая Клаотильда, замѣтилъ однажды, послѣ завтрака, мужъ женѣ, — вашимъ дѣтямъ пора уже начать учиться.

— Да, правда, отвѣчала жена: — Клаотильдѣ уже восемь лѣтъ, а Евгению шесть. Что ты думаешь сдѣлать съ ними?

Жена сдѣлала этотъ вопросъ примирительнымъ тономъ, показывавшимъ однако поанѣйшее презрѣніе ко всему что бы ни предложилъ ей мужъ.

— Что съ ними сдѣлать, душа моя? Послать ихъ въ школу, куда-нибудь на югъ.

Жена вскрикнула.

— Буасси, это жестоко. Вы разрываете мое сердце. Вы убиваете меня, Буасси. Могу ли я допустить мысль о разлуцѣ съ моими дорогими дѣтьми? объ отсылкѣ ихъ къ какой-нибудь толстой сердитой барынѣ, безъ материнскаго сердца? Нѣтъ, нѣтъ; мы должны взять гувернантку.

Жена рѣшила, и слова ея стали закономъ. Мужу пришлось вѣнчать требуемое. Онъ напечаталъ нѣсколько объявленій. Изъ толпы желавшихъ, многія были найдены не удовлетворяющими требованіямъ. Наконецъ, жена, въ каталогѣ страстей которой, да будетъ извѣстно, не значилась ревность, нашла чего хотѣла. Она была въ восторгѣ. Къ ней явилась блѣдая, прекрасная молодая Англичанка, хорошо воспитанная и (во всѣхъ отношеніяхъ) образованная. Эту просительницу звали Летиціей Лудло, и вскорѣ ей поручено было образованіе милыхъ Евгенія и Клотильды.

Единственною рекомендаціей ея была красота, но дѣвушка была, при этомъ, терпѣлива и настойчива, и могла говорить съ чувствомъ о чувствительныхъ предметахъ, когда хозяйка становилась разговорчива. Итакъ, хороша, образованна, добра, и т. д., какъ значитъ въ моемъ первомъ опредѣленіи. Дѣти любили ее, ибо она забавляла ихъ, между уроками, разными разказами; хозяйка любила ее, ибо она была прилична, почтительна, достойна; хозяинъ любилъ ее, ибо ее любила жена. Такимъ образомъ, всѣ были довольны *Mdlle Letitia*, и каждый считалъ ея находкой. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ея хорошенькое личико обращало на себя вниманіе какъ гостей, такъ и сосѣдей. Блѣдая англійская дѣвушка увидѣла себя въ свѣтѣ, къ которому не привыкла до того. Она должна выказывать свои достоинства передъ гостями, и нѣкоторыя, заявившіяся при этомъ качества ея, сдѣлали ее еще милѣе и интереснѣе. Многіе Французы молокососы стали ухаживать за нею; даже водоносъ объявилъ, что *Mdlle Letitia* зажгла въ груди его страсть очень похожую на любовь. Этотъ послѣдній принадлежалъ къ числу санкюлотистовъ-республиканцевъ и увѣрялъ нашу молодую барышню въ совершенной необходимости полного равенства. Короче, молодая англійская гувернантка мадамъ Буассон сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія, и сама она не могла конечно не замѣтить своего положенія.

„Не могла не замѣтить?“—Да, у нея были зоркіе глаза. Боюсь, что, въ это время, сердце ея не было уже совершенно безкорыстно, что надежда хорошаго выигрыша въ великой игрѣ замужства имѣлась уже въ виду, и что нѣкоторыя соображенія насчетъ богатства и положенія ходили у

ней въ головѣ. Неудивительно, что Летиція, будучи образована и хороша, разчитывала на побѣду надъ какимъ-нибудь страствующимъ рыцаремъ. Вы видите, что она была хорошо приготовлена къ тому. Оставивъ съ юныхъ лѣтъ очистительную семейную оферу и привыкнувъ смотреть на жизнь подъ грозными ауспиціями французской дамы, она научилась скрывать свои чувства или побуждать ихъ. Ее трудно было изумить чѣмъ-нибудь. Развѣ только землетрясеніе могло сильно взволновать ее.

Она была холодна, но холодна снаружу, ибо послѣ оказалось, что подъ ея холодною наружностью таѣлся сдержанный вулканъ самолюбія, страстей и чувствъ. Она привыкла разсуждать сама съ собою и разсуждала такъ: „Едва ли полюблю я сама, но я должна проложить себѣ дорогу въ свѣтъ, и должна жить. Я не раздѣляю глупыхъ воззрѣній на душевныя расположенія. Мнѣ нуженъ господинъ хорошаго нрава, богатый, любящій меня. Любя или не любя, я выйду за него съ твердымъ намѣреніемъ исполнять мои обязанности. Я буду такъ же безкормытна, какъ бѣлая часть женщинъ мыльнянаго промышленнаго поколѣнія.“ Она была убѣждена, что золотой вѣкъ Купидона кончился съ появленіемъ паровыхъ машинъ; съ этихъ поръ осталась только женитьба и выходъ замужъ, рожденіе дѣтей, ватѣмъ ѣда и питье. „Смѣю думать, я не лучше ближнихъ,“ говорила барышня; но, можетъ-быть, я побойче нѣкоторыхъ. Я и не изъ тѣхъ, которме способны къ нескромностямъ.“

Удобный случай представился скоро. Джентльменъ, соотечественникъ, попалъ въ сѣти молодой гувернантки.

Лордъ Августъ, зайдя однажды вечеромъ поболтать къ Буасси, не заставъ ни хозяина, ни хозяйки дома, и случилось такъ, что онъ проговорилъ цѣлый часъ съ хорошенькою молодою гувернанткой. Дѣвушка разузнала кто онъ. Онъ не былъ ни Парисомъ, ни Аполлономъ, и былъ пятнадцатью годами старше ея; но онъ былъ не дуракъ, хорошо воспитанъ, и, какъ говорили, богатъ. Такъ-то, въ этотъ же вечеръ, этотъ лордъ, не уважавшій ни человѣческихъ ни божескихъ законовъ, а исполнявшій только свои прихоти, пожалъ своими длинными пальцами маленькія ручки Летиціи, одѣлалъ ей какъ слѣдуетъ предложеніе и тутъ же получалъ согласіе.

Чтобы принять такъ смѣло это блестящее предложеніе, требовалась порядочная доля мужества со стороны моей грѣшной героини. Ясно было, что свѣтъ подниметь шумъ противъ нея, возстанетъ на нее гордо и отвернется. „Что скажетъ мистеръ Гранди? Что подумаетъ мистриссъ Гранди? Но личныя и общественныя качества лорда Августа переѣшивали всѣ воображаемыя опасности, и можно было надѣяться, что дѣла повернутся въ пользу смѣлой женщины. Она рѣшилась отдаться ему, къ худшему ли, къ лучшему ли, вопреки всему. Рѣшеніе было торопливо, сумасбродно, но корни сердца Летициі выросли въ песчаной почвѣ и не боялись переноса въ глинистую. Воспитаніе не развило въ ней цѣпкихъ свойствъ плуца. Необходимость сдѣлала ее искаательницей приключеній, и настоящее рѣшеніе было ея первымъ и отважнѣйшимъ шагомъ къ счастью.

Сначала совершенно былъ бракъ, котораго конечно не пощадили сплетни. Мысль о союзѣ лорда съ гувернанткой оскорбляла общество. Съ мадамъ Буасси сдѣлалась истерика; она набросилась на мужа, и молила небо спасти дорогихъ Евгенія и Клотильду отъ пагубнаго вліянія этой опасной змѣи, Англичанки. Она ходила по городу, распространяя сплетни насчетъ своей потерянной „находки.“ Но шумъ скоро сталъ утихать. Бутылъ скандала откупорилась съ шумомъ, но скоро осѣла. Въ большихъ приготовленіяхъ къ придворному бау, Летициі Лудло была забыта.

За бракомъ послѣдовало разочарованіе. Судьба не благопріятствовала нашей дѣвушкѣ; воздвигнутый ею замокъ стоялъ на зыбкомъ, какъ песокъ, основаніи. Она вышла за пьяницу, почти за банкрота, за героя игорныхъ домовъ, за человѣка безъ положенія и значенія. Она убѣдилась въ истинѣ всего этого изъ нѣсколькихъ случайно попавшихъ въ ея руки писемъ, да изъ поведенія своего мужа. Золотыхъ лицъ, которыя разчитывала она найдти въ насѣдкѣ, не оказалось. Она лишена была и тѣхъ утѣшеній, которыми общество окружаетъ иногда несчастливыхъ; общество было безжалостно къ ней, очень безжалостно. Она никогда не любила человѣка и, по расчету, отдавалась ему. И лучше было бы ей остаться простою Летицией Лудло, любимую воспитательницей дѣтей г-жи Буасси.

Убѣдившись въ своемъ промахѣ, Летициі пришла въ отчаяніе. Она рыдала и ломала руки; въ удивленіи своей

комнаты, она принимала сотни отчаянныхъ рѣшеній. Я думаю, что въ первыхъ припадкахъ отчаянія, она была бы способна заколоть мужа. Не грубый ли скотъ, не негодяй ли онъ? Не было ли, съ его стороны, гадко и жестоко обмануть бѣдную дѣвушку ея же собственными фальшивыми картами? Не было ли, съ его стороны, неблагородно и безчеловѣчно жениться въ подобныхъ обстоятельствахъ? Да, было; миліонъ разъ да. Но онъ заплатитъ за это, онъ поквитается!

Какимъ же образомъ, спросятъ, парижскія кумушки не знали ни характера лорда Августа, ни его страшной бѣдности? Дѣло въ томъ, что въ Парижѣ не могли составить себѣ вѣрнаго понятія объ его положеніи. Онъ проживалъ въ дальней Германіи, и пріѣзжалъ наслаждаться удовольствіями французской столицы тогда лишь когда у него были деньги. Ходилъ слухъ, дѣйствительно, что обстоятельства его не очень хороши; но слухъ этотъ не достигъ избраннаго круга, въ которомъ вращалась мадамъ Буасси.

Правда, леди Летиція имѣла нѣкоторое основаніе считать себя обиженною; но не слѣдуетъ забывать, что она была жертвой собственныхъ разчетовъ. Себя, въ этомъ дѣлѣ, она считала однако вполнѣ невинною. Искаждая свое юное сердце, она находила себя открытою, довѣрчивою дѣвушкой, чистою какъ снѣгъ, мягкою и впечатлительною, обольщенною и обманутою негодяемъ. Она измѣняла истину по своему желанію, чтобы смягчить непріятность разочарованія. Она не допускала, что прежде всего собственное ея поведеніе было дурно. Она воображала себя оскорбленною женщиной и ожесточалась отъ своихъ несчастій. Да оно и повѣтливо: пріятнѣе считать себя невинною жертвою, чѣмъ проведенною искательницею приключеній.

Въ первое время, милордъ дѣлалъ все, чего только можно было ожидать. Онъ былъ въ упоеніи отъ своей молодой жены, и, совершенно счастливый, носился съ ней съ мѣста на мѣсто. Но въ три мѣсяца ушли и его наличныя деньги, и его преданность. Онъ сталъ находить, что бракъ бремя, что въ леди Летиціи есть недостатки. Онъ пришелъ къ этому убѣжденію тѣмъ скорѣе, что она старалась сдѣлать себя возможно непріятною. Она говорила ему крайне обидныя вещи; но оказалось, что онъ умѣетъ отплачивать за нихъ чаш-

ками и тарелками. Ни мужъ, ни жена не отличались терпѣнностью. Красота становилась яростью; звѣрь оправдывалъ свои звѣрскія наклонности. Никакой ангелъ мира не могъ утишить бури. Иногда разыгрывались страшныя сцены. Говорили, что лордъ Августъ, страшно пьяный, являлся домой поздно ночью, отыскивалъ жену и начиналъ упрекать ее, почитая, при всемъ своемъ слѣпомъ звѣрствѣ, что она никогда не любила его. При подобныхъ выходкахъ она блѣднѣла; но злобщій зеленоватый свѣтъ горѣлъ въ ея глазахъ и, казалось, пожиралъ ее внутренно. Однажды, пьяный, онъ ударилъ ее въ лицо, и она, съ разгорѣвшейся щекой, схватила большой острый столовый ножикъ, и готова была уже вонзить его въ сердце негодая, когда вмѣшательство Луи Карра помѣшало этому.

Это былъ молодой человѣкъ, полу-французскаго и полу-англійскаго происхожденія, встрѣченный своимъ пріятелемъ Марло, черезъ годъ послѣ свадьбы, въ Римѣ. Отношенія этихъ людей были запутаны; они имѣли общія дѣла и въ многомъ зависѣли другъ отъ друга. Лордъ и леди Марло, вмѣстѣ съ Карромъ, который поселился съ ними, отправились въ Баденъ-Баденъ. Карръ пользовался большимъ вліяніемъ на Марло и старался сохранить приличіе въ домѣ. Хозяйка не любила его, хотя инстинктивно старалась скрыть свое нерасположеніе отъ его провинительныхъ глазъ. Въ физическомъ отношеніи Карръ былъ высокъ ростомъ, но дуремъ собою и отличался какимъ-то особеннымъ выраженіемъ глазъ; въ нравственномъ, онъ былъ золь, дерзокъ, разчетливъ. Ему было около двадцати восьми лѣтъ, и пріемы его обращали на него вниманіе прекраснаго пола.

Стараніямъ Карра чета была отчасти обязана тѣмъ, что не разбѣгалась. Изъ своихъ собственннхъ видовъ, онъ такъ устраивалъ дѣла, что лордъ и леди Марло продолжали жить вмѣстѣ. Онъ научилъ ихъ скрывать свою нелюбовь другъ къ другу и смотрѣть на него, какъ на полезнаго посредника. Когда онъ довелъ ихъ до этого, они были въ его власти. Онъ такъ умѣлъ запугивать мужа и дѣйствовать на гордость жены, что ихъ унижительныя отношенія продолжались. Онъ разстилалъ подъ ними свои сѣти и готовилъ новыя средства для медленной отравы обоихъ.

Ежедневныя непріятности леди Летици нисколько не

уменьшали ея красоты. У ней не было дѣтей. Лицо ея, какъ бы въ насмѣшку надъ ея горемъ, было прекрасно какъ всегда. Всѣ восхищались леди Летиціей, и многіе жалѣли ее. Люди со стороны, не видѣвшіе ее никогда раздраженною, считали ее ангеломъ, и мало кто повѣрилъ бы, что она не высокаго происхожденія. Это не много утѣшало бѣдную миледи. Одурая себя ешиамомъ лести, она стала посѣщать балы и вечера, пѣла, танцевала, казалась самою веселою изъ веселыхъ и наслаждалась печальною радостью считаться любезной и умной. Пріятно было видѣть, что ею восхищаются, несмотря на все презрѣніе къ мужу, и пріятно было припоминать, что мужъ, несмотря на всѣ свои пороки, былъ все-таки лордъ. Утопающій хватается за соломинку, и леди Летиція искала утѣшенія въ мелочахъ, и въ самой мысли, что многія, изъ-за нея, завидуютъ лорду Августу. Ея смѣшная гордость была полезна ей въ это время; она сохранила чистыми ея побужденія и мысли. Какъ ни презирала она своего мужа, однако, до извѣстнаго періода, оставалась вѣрна ему даже въ мысляхъ. Она не упала еще совершенно въ своемъ собственномъ мнѣніи, ибо не утратила еще высокаго чувства женской стыдливости.

Но со дня на день и съ часу на часъ, присутствіе Карра отравляло ея душу. Тысячью мелкихъ намековъ и пріемовъ, Карръ внушалъ ей мысль о томъ что могло бы быть, еслибы она способна была къ сильной любви. Она становилась безпокойна и раздражительна. Онъ старался дать ей почувствовать, что жалѣетъ ее, сочувствуетъ ей, а потомъ возбудить въ ея груди страшную мысль объ отщепеніи мужу. Онъ поддерживалъ заблужденіе ея въ томъ, что она была обманута, завлечена, и внушалъ ей убѣжденіе, что наказанъ обманщика будетъ простительно. Этимъ въ ней зародилось желаніе грѣха,—грѣха для грѣха; затѣмъ, желаніе рѣшиться на что-нибудь, что разорвало бы навсегда ея связь съ мужемъ. Чувство это возбудило въ ней новыя волненія, и она стала спрашивать себя, возможно ли ей еще любить? Въ глубинѣ своей помраченной души она отыскивала обожающіе глаза Карра,—и содрогалась. Она не любила этого человѣка, но теперь начала бояться. Возможность подчиниться его вліянію ослабляла силу противодѣйствія ему.

Образъ его, какъ непріятель онъ ни былъ, зарубался неволью въ ея сознаниі; онъ преслѣдовалъ ее, какъ будто змѣй смутилъ ее. Наконецъ, желаніе грѣха обратилось въ ней въ сумасбродное, страстное желаніе отдаться тому, кого она боялась болѣе всѣхъ; она походила на чело-вѣка, которому послѣ долгаго слѣдованія по темному потоку приходится ринуться въ стремнину бурныхъ водъ.

Далѣе, мужъ, подстрекаемый Карромъ, начинаетъ ревновать. То была пустая, смѣшная ревность, не имѣвшая никакой связи съ любовью и заявлявшаяся въ подслушаніяхъ и повошеніяхъ. Вопреки себѣ, онъ гордился красотой своей жены и не могъ перенести мысли, чтобы надъ нимъ смѣялись. Карръ служилъ ему шпиономъ жены, о чемъ она узнала отъ того же Карра. Шпионъ жаловался, что обязанность его тяжела и непріятна, а между тѣмъ вадѣлъ еще болѣе отдалялъ мужа отъ жены. Марло вѣрилъ лишь Карру, не потому чтобъ онъ не зналъ визости его, но потому что считалъ его связаннымъ съ собою тѣломъ и душой, и полагалъ, что голова его слишкомъ занята деньгами, чтобы думать о любви. Постоянныя сообщенія съ нимъ еще болѣе убѣдили лорда Августа, что Карръ былъ преданъ ему. Въ этомъ онъ, разумѣется, ошибался. Карръ былъ негодяй и глубоко презиралъ его милость. Онъ былъ дерзокъ и хитеръ; леди Летициі нравилась ему, онъ не имѣлъ по части дружбы никакихъ особенныхъ правилъ, которыя могли бы отклонить его отъ исполненія своего желанія. Ссоры съ своимъ товарищемъ онъ не боялся. У лорда Августа не было ни денегъ, ни храбрости, и Карръ выжидалъ только удобнаго случая, чтобы прекратить не очень выгодныя отношенія къ нему.

Съ какою-то болѣзненной радостью принялась леди Марло раздражать ревность мужа, она забавлялась этою ревностью, давшею ей двойное преимущество надъ нимъ. Она нарочно насмѣхалась надъ нимъ и, въ обществѣ, не обращала на него никакого вниманія. Безспорно, все это было очень дурно, но вы знаете уже давно, что леди Летициі далеко до ангела. Своими шутками, впрочемъ, она хотѣла не болѣе какъ уколоть и посердить мужа. Она вспыхнула бы и сочла бы себя страшно оскорбленною, еслибы кто предположилъ возможность невѣрности съ ея стороны. Она слѣпо полагалась на свой тактъ и свою честность; она

слишкомъ опиралась на хрупкую опору личной и общественной гордости. Безумная! Она носилась на краю пропасти, она играла обоюдо-острымъ ножомъ. Не естественно, чтобы подобя такъ близко къ грѣху, она была бы внѣ всякой опасности. Мало-по-малу, теряла она самоуваженіе, — эту личную защиту добродѣтели. Она не предавалась утонченнымъ объясненіямъ обѣтовъ данныхъ ею предъ алтаремъ; она считала себя связанною лишь грубо-матеріальной силой. Любовь не открывала ей, что нравственный долгъ, составляющій сущность физическаго закона, очищаетъ и одухотворяетъ плотскія страсти, въ которыхъ рождаются.

Когда, наконецъ, желѣзо стало горячо, Карръ началъ свои подступы. Сначала онъ представлялся обожателемъ издали, но мало-по-малу онъ все ближе и ближе охватывалъ ея женское сердце и въ тишинѣ разставлялъ свои оѣты. Ея горящее лицо показывало, что она чувствуетъ его силу, знаетъ его намѣренія, и въ глазахъ ея показался странный угрожающій взглядъ. Но петля была наброшена слишкомъ искусно; леди Летиція почти утратила силу сопротивленія. Короткость знакомства и привычка уничтожили по-немногу ея нерасположеніе къ Карру, а защита его отъ грубыхъ припадковъ звѣрства мужа, поставила ее въ невольное обязательство къ нему. Въ отчаяніи отъ пустоты своего тоскующаго сердца, она стала спрашивать себя не зародилъ ли въ ней этотъ человекъ страсти похожей на любовь? Карръ притворился глубоко преданнымъ, принялъ положеніе рыцаря и взволновалъ ея душу первыми ослѣпительными вспышками страстнаго, неудовлетвореннаго чувства.

Потомъ, когда однажды мужъ былъ особенно грубъ, а кровь жены клокотала отъ ярости и омерзѣнія, Карръ сдѣлалъ сеѣ признаніе въ любви. Онъ говорилъ сильно и восторженно, съ жаромъ влюбленнаго, съ мужествомъ героя. Страстно смотрѣли его глаза, обрывался голосъ, сильный станъ дрожалъ отъ худоскрытаго волненія. Нѣсколько минутъ она слушала его молча, но потомъ, вдругъ, какъ тигрица, бросилась на него, оттолкнула его отъ себя; она выместила на немъ всю злость свою на мужа. Такому хорошему актеру, какъ Карръ, не трудно было принять на себя роль мученика. Печально и покорно склонилъ онъ свою

гордую голову, пока наконец она сама не почувствовала къ нему сожалѣнія. Онъ оставилъ ее какъ бы съ разбитымъ сердцемъ, но въ сущности, вполнѣ увѣренный, что она все болѣе и болѣе запутывалась въ сѣтяхъ. Въ эту страшную минуту испытанія у нея не было защиты. Она была слишкомъ горда, чтобы сказать обо всемъ мужу; скорѣе она готова была умереть. У нея не было друга, съ которымъ она могла бы подѣлиться своею скорбію, не было друга-женщины, не было хорошаго совѣтника. Бѣдная женщина! что ей дѣлать? Къ сожалѣнію, она до сихъ поръ все еще воображала себя достаточно твердою для противодѣйствія искустителю. Въ своемъ сумасбродствѣ она думала поощрить, до нѣкоторой степени, Карра, чтобы еще болѣе разсердить и унижить мужа. Она не опасалась поддаться очарованію, и пропасть навсегда. Но въ умѣ ея былъ уже хаосъ, въ сердцѣ—буря. Прочная опора гордости рушилась подъ нею. Въ этой ужасной агоніи она обратилась къ средству, которое обѣщало ей временный отдыхъ отъ мучившей тоски и полное забвеніе—къ опиуму. Мало-по-малу она пристрастилась къ нему; онъ овладалъ и тѣломъ, и душою ея. Опіумъ то веселилъ ее, то беспокоилъ ее. Въ немъ находила она защиту отъ разражавшейся надъ головой ея бури, въ немъ находила она и всезабвеніе. Она жила во снѣ. Вчера онъ былъ свѣтлый и пріятель, нынче—мраченъ и зловѣщъ. Но въ пороки цвѣтовъ и вредныхъ травъ, ей видѣлась всегда ползущая змѣя, которая подходила къ ней все ближе и ближе и глядѣла на нее страшными, прельщающими глазами Карра.

Онъ подступалъ къ ней все чаще и чаще, а она все болѣе и болѣе поддавалась ему. Ежечасно и ежедневно отправлялъ онъ ея умъ и сердце, и почти убѣдилъ ее, что поступокъ, къ которому велъ онъ ее, будетъ справедливымъ возмездіемъ человѣку погубившему ея юную жизнь. А ядъ, которымъ одуряла она себя, нашептывалъ ей, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно.

Несмотря, однако, на всѣ эти испытанія, леди Летиція измѣнилась, повидимому, немного. Въ глазахъ свѣта она оставалась молодою, цвѣтущею, вѣтреною, хорошенькою и бойкою барыней, которая никакихъ заботъ не знала. Она шутила, танцевала, каталась верхомъ, пѣла, играла, и всѣхъ плѣняла своею красотою. Не будучи ни счастливою,

ни особенно доброю, она владела тою игривою вѣтшею веселостью, которую такъ часто принимаютъ за невинность и счастье. Онѣумъ, не тронувъ еще пока ея розовыхъ щекъ, сообщилъ между тѣмъ ея глазамъ особую прелесть и придавъ ея рѣчи большую умекательность.

Такимъ порядкомъ прошли три года. За тѣмъ наступилъ кризисъ.

Лордъ и леди Марло и Карръ проживали въ одномъ изъ бернскихъ отелей. Они прибыли недавно изъ Германіи, гдѣ Карръ какимъ-то таинственнымъ образомъ досталъ порядочный кушъ денегъ. Лордъ Августъ былъ въ очень плохомъ положеніи. Денегъ у него оставалось мало, а долговъ было много. Онъ сердился на жену и бранился, какъ будто она была виною его дурныхъ обстоятельствъ.

— Знаете, Карръ, обратилса лордъ Августъ однажды вечеромъ къ нему, — вы должны ссудить мнѣ еще немного денегъ.

— Должень? усмѣхнулся Карръ, покуривая сигару.

— Я знаю, что у васъ есть деньги, потому что, кажется, вы порядочно пообобрали того Италіянца. Ну, сколько вы мнѣ дадите подъ старый залогъ?

— Ничего.

Марло выпучилъ глаза и крупно побожился отъ удивленія.

— Чтѣ вы это, съ ума сошли? Хоть убей, не понимаю. Вы любите, я знаю, торговаться.

— Нисколько. Я знаю чтѣ говорю. Вы должны уже мнѣ двѣ тысячи фунтовъ, а это порядочный долгъ когда у должника нѣтъ ничего. Если я стану продолжать давать вамъ денегъ такимъ же порядкомъ, то очень скоро самъ раззорюсь, чего вовсе не желаю.

— Вы паутъ! Кто васъ вывелъ въ люди?

— Поано, не бранитесь какъ дуракъ. Вы безтолковы, и давно уже стали бы нищимъ, есабы не было меня. Но не стоитъ толковать объ этомъ. Я сказалъ вамъ мое слово, и вы знаете, что я не измѣню своему слову.

— Однако, послушайте, Карръ, куда же къ чорту дѣнусь я?

Карръ пожалъ плечами и презрительно улыбулся.

— Вы намѣрены, значить, продолжать лордъ Марло, — разойдтись со мною?

— Именно. Безъ васъ мои дѣла шли бы лучше. Ну такъ

отдайте же мнѣ мои двѣ тысячи фунтовъ, и мы развѣдемся.

— Я вижу, Карръ, вы выпили. Ну, чортъ съ вами; ступайте выпитесь и приходите, когда захотите есудить мнѣ еще тысячу фунтовъ.

— Не обманывайте себя, Марло. Я говорю серіозно. Ба!.. Пожалуй, я ссужу вамъ денегъ, если они вамъ дѣйствительно нужны, но вотъ съ какимъ условіемъ: *я беру вашу жену!*.

— Чортъ тебя побери, негодяй! закричалъ лордъ Марло, вскакивая и дрожа отъ негодованія:— да какъ ты смѣешь оскорблять меня такимъ образомъ?.. А-а, я вижу, вы пошутили только. Купить мою жену! Ха, ха, ха! Я бы дьявольски обрадовался отдѣлаться отъ нея, право.

— Двѣ тысячи, которые вы должны мнѣ, продолжалъ спокойно Карръ,—и еще тысяча, которую вы просите, составляютъ вмѣстѣ три тысячи фунтовъ, цѣна, кажется, порядочная за такую разбитую барыню какъ Летиція. Вы ее ненавидите и она васъ ненавидитъ, и оба рады были бы разойтись. Ну, Марло, такъ что ли?

Лордъ Марло не вѣрилъ ни ушамъ, ни глазамъ, ни своимъ чувствамъ. Онъ еще не совсѣмъ утратилъ свою гордость, и кровь забушевала въ немъ отъ этого оскорбленія. Онъ не рѣшился, однако, тутъ же наказать виновника.

— Ступайте вонъ, сэръ; вонъ отсюда, произнесъ онъ, почти задыхаясь:—и приходите, когда раскаетесь въ своей подлой дерзости.

Карръ сначала улыбнулся насмѣшливо, потомъ разразился хохотомъ.

— Я зналъ напередъ это! воскликнулъ онъ.—Я всегда говорилъ, что у васъ есть какая-то тайная привязанность къ ней, что бы вы тамъ ни толковали. Ха! ха! ха! Если я скажу ей это, Марло, она ни за что не повѣритъ. Она думаетъ, что вы ее такъ же не терпите, какъ она не терпитъ и презираетъ васъ, и увѣрена, что вы продали бы ее дьяволу за какихъ-нибудь пять фунтовъ.

Разговоръ ихъ продолжался въ томъ же родѣ еще нѣсколько времени. Лордъ Августъ не понималъ истинныхъ намѣреній Карра и еще болѣе возненавидѣлъ жену. Они помирились, наконецъ, кое-какъ; но что до денегъ, то Карръ требовалъ времени для размышленія. Правду говоря, онъ

не думалъ ссужать ни одного пенса. Уже годъ, какъ готовилъ онъ раззореніе своему товарищу, и время его уже приближалось. Онъ только игралъ съ своею жертвою, какъ всегда дѣлаютъ люди подобные Карру. Онъ былъ совершенно увѣренъ, что леди Летиція будетъ его, и онъ выжидалъ лишь дня, чтобы воспользоваться своею дурно-приобрѣтенною наградою.

Прошло нѣсколько дней, въ которые лордъ Августъ почти не оставлялъ своихъ комнатъ. Онъ сердился на себя, на Карра, на весь свѣтъ. Въ это же время, получилъ онъ извѣстія, показывавшія, что обстоятельства его становятся все хуже и хуже. Его кредиторы стали сначала подозрительны, потомъ настойчивы, потомъ—подняли шумъ. Онъ хотѣлъ было застрѣлиться, но ему и на это не доставало мужества. Онъ думалъ еще, что Карръ дастъ ему тысячу фунтовъ и что этими деньгами онъ какъ-нибудь поправитъ свое положеніе.

Въ то время какъ лордъ Августъ ходилъ да курилъ, Карръ велъ свое дѣло съ женой къ развязкѣ. Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, они вмѣстѣ сидѣли за чаемъ, въ одной изъ залъ отеля. Они говорили долго и горячо, и Карръ приводилъ леди Летицію своими просьбами, въ отчаяніе. Наконецъ, обезсиленная страхомъ и тоскою, бѣдная женщина уступила и согласилась бѣжать съ нимъ.

Черезъ часъ послѣ этого, лордъ Августъ пригласилъ Карра къ себѣ и снова сталъ просить у него денегъ. Карръ рѣшительно отказалъ. Взбѣшенные оба, они разстались, и лордъ Августъ созналъ тогда свое полное раззореніе. Холодеи и жестоки, Карръ побѣдителемъ отправился къ женѣ.

Оставшись одинъ, лордъ Августъ позвонилъ и потребовалъ вина. Черезъ какой-нибудь часъ онъ былъ уже пьянъ до того пункта, когда человекъ не владѣетъ болѣе своими чувствами, но когда всѣ дурныя страсти его вспыхиваютъ одновременно. Въ этомъ состояніи, ища ссоры съ кѣмъ-нибудь, онъ вздумалъ выместить свою злобу на женѣ. Его бѣдной головѣ казалось, что она отчасти виновата въ его раззореніи, и ему хотѣлось затѣять съ ней ссору. Онъ отправился внизъ, въ большую залу, и непредупрежденный, быстро вошелъ въ нее. *Diable!* что представилось его глазамъ. Бѣдная, какъ полотно, она сидѣла на диванѣ подлѣ Карра, котораго рука охватывала ея станъ. Оба

быстро вскочили, и леуи Летиция вспыхнула вся. На минуту, лордъ Августъ окаменѣлъ отъ изумленія. Затѣмъ, онъ опомнился, ринулся на свою жену и страшно ударилъ ее по лицу, второй и послѣдній разъ въ своей жизни. Карръ яростно оттолкнулъ его назадъ, и бросился поднимать Летицию, безчувственно упавшую на полъ. Дико глядя и грозя мести, мужъ бросился въ свою комнату. Захлопнувъ за собою дверь, онъ принялъ отчаянное рѣшеніе,—не первое, впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о своемъ раззореніи.

— Игра кончилась; умру же я героемъ.—И онъ потребовалъ себѣ кофей.

Онъ не пришелъ еще въ себя отъ ярости и опьяненія, когда принесли ему кофей. Боясь, въ своей послѣдней агоніи, потерять мужество и потребовать помощи, онъ обрѣзалъ шапорокъ отъ звонка. Большая комната его была старой постройки съ широкими подъемными окнами, которыя поддерживались тонкими желѣзными брусками. Въ смежной комнатѣ стояла его кровать. Марло вынулъ изъ маленькой аптеки пачку съ бѣлымъ порошкомъ и высыпалъ его въ свой кофей.

— Теперь, нужно подумать о мести, пробормоталъ онъ.

Комната Летиции находилась подлѣ комнаты мужа. Поздно она услышала громкій стонъ въ его комнатѣ и наконецъ шумъ отъ паденія тяжелаго тѣла. Она стала прислушиваться, и стонъ повторился. Въ смертельной блѣдности она вскочила съ кровати, на которой лежала одѣтая, и, схвативъ лампу, бросилась въ ту сторону откуда слышенъ былъ шумъ. Комната лорда Марло не была заперта; она вошла осторожно. Все было тихо. Никого не было въ первой комнатѣ, но въ ней горѣла лампа, и на столѣ были разбросаны письменные матеріалы со сложеннымъ листкомъ записной книжки. Инстинктивно, забывъ на минуту свое положеніе, она схватила листокъ и прочла:

„Я умираю. Меня отравила жена моя. Марло.“

Кто-то зашевелился позади ее, и между ею и дверью, въ которую она вошла, предсталъ ей мужъ, блѣдный какъ смерть и съ пѣной у рта. Съ крикомъ ужаса выронила она листокъ изъ рукъ, и бросилась къ окну.

— Воды, воды! простоналъ мужъ.

Но, въ страхѣ, она отшатнулась отъ него. Не знаю, за тѣмъ ли чтобъ попросить у ней помощи или ударить ее, мужъ шагнулъ къ ней быстро, и упалъ къ ея ногамъ, сжимая края ея платья. Съ крикомъ призывая помощь, хотѣла она поднять тяжелое окно; но рука ея дрогнула, и тяжесть была не по силамъ ей. Мужъ, не оставляя ея платья, катаясь на полу въ предсмертной агоніи, а между тѣмъ тяжелое окно упало съ шумомъ, прищемивъ подъ собою ея лѣвую руку. Ошеломленная болью и ужасомъ, она лишилась тутъ чувствъ.

Когда она пришла въ память, то увидѣла себя на своей постели; въ сторонѣ слышались голоса. Убитая и слабая, она заснула снова. Такъ прошло нѣсколько дней. Она справилась потомъ и узнала все происшедшее.

Рука ея была отнята, и на мѣсто кисти выдавался забитованный ковецъ. Передъ ней лежало письмо на ея имя; она открыла его и прочла:

„Миледи, одно несчастное дѣло, въ которомъ былъ замѣшанъ и лордъ Августъ, привудило меня оставить васъ. Утромъ, послѣ его смерти, меня хотѣли арестовать, но я успѣлъ уйти. Я скрываюсь теперь, но мы еще встрѣтимся.“

„Вашъ навсегда Луи Карръ.“

Не будемъ долѣе останавливаться на этомъ времени жизни леди Летиціи. Власти рѣшили, что лордъ Августъ умеръ отъ самоубійства, дѣло было замято, и онъ былъ прилично похороненъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ похоронъ, вдова, считая себя, справедливо или нѣтъ, причиною его смерти, и потому убитая сердцемъ, поселилась удивленно въ Италіи.

IV. Конецъ о рукѣ и о Летиціи.

Суровая усмѣшка стягивала губы Монтегю Вернона, когда стоялъ онъ передъ леди Летиціей, опираясь на ножъ въ проколотой ручкѣ ея. Они молчали. Онъ не сводилъ съ нея, своихъ глазъ; съ ужасомъ отклонялась она отъ

него, но блѣдное, прекрасное лицо ея не выражало никакой физической боли. Съ выраженіемъ и страха, и неависти разсматривала она черты стоявшаго предъ нею челоѣка. Изъ ея сжатыхъ губъ послышалось:

— Карръ.

Тотъ низко поклонился. Затѣмъ, онъ поднялъ свою голову и медленно высвободилъ руку Летиціи. Она быстро отняла ее и спрятала въ складкахъ своего платья. Карръ закрылъ, между тѣмъ, свой ножики и спряталъ его въ карманъ.

— Вы противны мнѣ, продолжала Летиція,—вы напоминаете мнѣ о страшномъ времени. Я знаю цѣль вашихъ угрозъ.

— Гм! усомнилася Карръ.

— Вы хотите денегъ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ?

Летиція утѣшала себя сначала мыслью, что единственная цѣль его посѣщенія—полученіе денегъ. Узнавъ свою ошибку, она терлась въ предположеніяхъ насчетъ его намѣреній. Карръ заговорилъ наконецъ.

— Не въ первый разъ уже вы, миледи, несправедливы ко мнѣ. Я пришелъ просить вашей руки.

Онъ говорилъ съ выраженіемъ челоѣка, который могъ бы легко приказывать.

— Женитесь на мнѣ, вамъ? воскликнула она вспльчиво. Вы съ ума сошли. Вы не хотите понять, что я ненавижу, не терплю васъ всѣми силами моей женской природы.

— Я понимаю это; я это всегда понималъ, произнесъ онъ спокойно.

— Зачѣмъ же являться сюда подъ пустымъ предлогомъ, и бросать въ меня оскорбленіе за оскорбленіемъ?

— Предлогъ мой не пустой. Летиція Лудло, будьте осторожны. Я могу заставить васъ быть поговорчивѣе.

До сихъ поръ Карръ стоялъ; тутъ онъ взялъ стулъ, усѣлся, и шутиво сталъ крутить пальцами своей правой руки небольшой листокъ почтовой бумаги.

— Я вполне увѣренъ, что вы, къ сожалѣнію, не расположены къ вашему покорному слугѣ. Не думайте также, что я питаю къ вамъ какую-нибудь безкорыстную

привязанность. Но вы можете быть полезны мнѣ въ моихъ дѣлахъ, и я прошу васъ выйти за меня!

Она указала ему на дверь, но онъ громко захохоталъ. Потомъ его обращеніе, изъ спокойно-насмѣшливаго, перешло въ горячее и грозное.

— Я не кончилъ еще съ вами, леди Летиція Марло. Вашъ мужъ былъ отравленъ арсеникомъ, и ядъ былъ выпитъ въ его кофей. Я могу доказать, что вы грозили ему этимъ, что вы имѣли доступъ къ его дорожной аптекѣ, что вы были въ его комнатѣ до принятія яда, что вы...

— Негодай! перебила его Летиція:—вы знаете, что я невинна.

— Это между нами. Мнѣ важны доказательства вашей невинности. Смотрите!

Карръ развернулъ бывший въ его рукѣ листокъ, и прочелъ злобныя слова написанныя лордомъ Марло передъ его смертью. Она взглянула на листокъ и откинулась на спинку кресла.

— Сотни людей могутъ присягнуть въ подлинности этой подписи. Слушайте теперь. Когда я, прибывъ на мѣсто, высводобилъ вашу руку изъ-подъ окна, отнесъ васъ въ вашу комнату и подвѣлъ на ноги домъ, мнѣ попался въ руки этотъ лоскутъ бумаги, и я бережно спрятавъ его. Теперь время воспользоваться имъ. Согласны вы на мое предложеніе?

— Нѣтъ! рѣзко отвѣчала Летиція.

— Это послѣднее ваше слово? спросилъ онъ.

— Да, подтвердила она.

— Хорошо. Я обращусь къ правосудію.

Она поднялась.

— Негодай! воскликнула она.—Я сто разъ умру скорѣе чѣмъ позволю вамъ оквернить меня своимъ прикосновеніемъ. Дѣлайте, если хотите, ваше живое и безчестное показаніе. Я знаю мою опасность; но знаете ли вы свою? Если вы призовете меня къ суду, я взведу васъ на эшафотъ.

— Какъ такъ?

— Покаявшись, что вы были моимъ сообщникомъ и наущникомъ.

Карръ вздрогнулъ; онъ не ожидалъ этого. Летиція повела свое преимущество.

— Хорошо, продолжала она,— что вы не станете беспокоить правосудіе. Если бы мнѣ не удалось повѣсить васъ какъ отравителя лорда Марло, то я могла бы отыскать у себя нѣсколько документовъ, которые доказали бы, что вы поддѣльщикъ и шулеръ, и привели бы васъ къ каторгѣ.

Карръ былъ пораженъ. Онъ никогда и не думалъ обращаться къ правосудію и полагалъ, что одной угрозы будетъ довольно. Онъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости подлюбовной сдѣлки, и тотчасъ же, безъ малѣйшаго стыда, рѣшился на нее.

— Хорошо; я не стану дѣлать затрудненій, проговорилъ онъ.— Покончимъ дѣло мирно. Дайте мнѣ тысячи двѣ фунтовъ и тѣ документы, о которыхъ вы упоминали.

— Нѣтъ. Я дамъ вамъ, пожалуй, чтобы никогда не видѣть васъ, тысячу фунтовъ, въ обмѣнъ на этотъ клочокъ бумаги.

— На это я не согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлайте какъ знаете.

— Хорошо.

Онъ взялъ шляпу и направился къ двери. Взвѣсившись за ручку, онъ обернулся.

— Рѣшились вы? спросилъ онъ.

— Вы знаете, что да.

— Ну, давайте деньги, проговорилъ онъ, кусая губы.

Летиція открыла свой письменный столъ, и написала вексель; отдавая его Карру, она взяла у него записку мужа.

— Имѣю честь пожелать вашей милости доброй ночи, насмѣшливо произнесъ онъ, оставляя комнату.

Летиція вздохнула свободнѣе. Она зажгла листокъ, и держала его, пока онъ не догорѣлъ почти до самыхъ пальцевъ. Она бросила остатокъ въ каминъ, и слѣдила за нимъ пока онъ не смѣшался съ золой. Затѣмъ, она подняла свою ручку, посмотрѣла на нее съ странною усмѣшкой и обернула ее платкомъ.

Весело шелъ, между тѣмъ, Карръ, приласкавъ горячную, отворившую ему дверь. Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ два господина странной наружности схватили его и засадили въ карету. Въ этотъ, именно, день собирался онъ въ Германію. Вокорѣ послѣ этого леди Летиція прочла въ одной французской газетѣ, что нѣкто

Карръ, за многія мошенничества, былъ приговоренъ къ галерамъ.

Полная побѣда была на сторонѣ Летиціи; но въ борьбѣ ей пришлось загнать внутрь себя, и онашла въ своемъ сердцѣ чувства стыда и грѣха. Она рано ушла въ свою спальню, но не могла заснуть. Мозгъ ея работалъ; горѣло сердце. Ея женихъ, Ванзиттартъ, долженъ былъ придти къ ней завтра, и о немъ-то беспокоилась она. Ей слѣдуетъ отказаться отъ него. Запятнанная жизнью, она не достойна быть его женой. Онъ слишкомъ чистъ, слишкомъ благороденъ для нея. Она любила его истинно, и не хотѣла губить его жизни.

Волеяніе страшнаго свиданія помогло ей. Оно освободило ее отчасти отъ мученій совѣсти. Въ самыхъ дурныхъ обстоятельствахъ, она, во имя своихъ обязанностей къ мужу, съ презрѣніемъ отклонила предложенія его врага. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо желала она любви, сочувствія, такихъ, какія способенъ былъ дать Ванзиттартъ, еслибы только онъ сталъ любить ее, узнавъ все. „Но это невозможно,“ думала она. Узнавъ о ея прошедшемъ, онъ броситъ ее, какъ бросаютъ истасканныя лохмотья, и отвернется отъ нея навсегда.

Ванзиттартъ явился и былъ допущенъ къ леди Летиціи. Онъ хотѣлъ было кинуться къ ней и прижать ее къ своему сердцу, но она холодно остановила его.

— Тс! не дѣлайте этого, промолвила она.—Мы должны разстаться навсегда.

— Разстаться, Летиція!

— Да; я не могу быть вашею женой.

Онъ отшатнулся; она была холодна и блѣдна, и лишь губы ея подергивались судорожно. Глаза ихъ встрѣтились, и оба, онъ и она, вздрогнули: она—отъ стыда своихъ будущихъ признаній, онъ—отъ страха ихъ.

— Летиція, объяснитесь, прошу васъ. Вы сказали, что не можете быть моею женой. Отчего это?..

— Я не достойна васъ. Я уже сказала вамъ это однажды, а теперь повторяю тоже самое рѣшительнѣе, потому что лучше сознаю свою недостойность. Оставьте меня, Ванзиттартъ; другая женщина, чище и выше меня, можетъ овладѣть вашимъ сердцемъ, хотя ни одна, Богъ свидѣтель, не можетъ любить васъ больше меня.

— Летиція!!

— Хотите вы объясненія?

— Да!

— Извольте. Эдвардъ, глядите!

Она отняла свою лѣвую руку отъ груди и сдернула съ нея свой платокъ. Ванзиттартъ увидѣлъ прекрасно сдѣланную фальшивую руку, покрытую бѣлою перчаткой. Ножъ раскололъ ее на двое, и только пальцы перчатки стягивали ее.

Онъ вскрикнулъ отъ удивленія и вопросительно взглянулъ на нее; она смотрѣла на руку съ грустью и спокойною усмѣшкой.

— Одинъ художникъ сдѣлалъ ее мнѣ во Флоренціи. Она стоила мнѣ очень дорого. Случай, вы видите, лишилъ меня моего талисмана. Неправда ли, очень искусная вещь?

Она говорила съ натянутою небрежностью, но трепетъ пробѣгалъ по всѣмъ ея членамъ.

— Что же все это значить? вскрикнулъ Ванзиттартъ.

Она указала ему на стулъ.

— Слушайте, сказала она, — и я разкажу вамъ все.

И она разказала ему, не щадя себя, всю исторію ручки.

— Теперь же, мистеръ Ванзиттартъ, я должна распрощаться съ вами. Черезъ нѣсколько дней я уѣду изъ Англіи, оставляя тайну мою въ рукахъ человѣка, который столько добръ и честенъ, что не разгласитъ ея.

И несмотря на всѣ ея усилія, горячія слезы брызнули изъ ея глазъ и залили прекрасное лицо.. Въ припадкѣ какого-то вдохновенія, Ванзиттартъ забылъ сомнѣнія, злословіе, свѣтъ, все, и (во второй разъ) упалъ къ ногамъ леди Летиціи.

— Выслушай меня, Летиція. Мы не разстанемся! Откровенность, съ которою ты разказала мнѣ всю истину, доказываетъ твою доброту и невинность. Теперь, ты дороже мнѣ чѣмъ когда-нибудь. Я люблю тебя, люблю тебя истинно, за твою прошедшую скорбь и за довѣріе къ тому, кто сдѣлаетъ остальную жизнь твою счастливою.

Онъ поднялся и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. У нея не стало болѣе силъ противиться ему, и его высокая любовь сдѣлала ее въ тотъ день чище и лучше.

Они были обручены.

— И клянусь, сэръ, говорилъ мнѣ милый Ванзиттартъ, много лѣтъ послѣ того,—клянусь, сэръ, лучшей женщины не было и не будетъ на свѣтѣ. Она скончалась, при рожденіи моей дочери, черезъ годъ послѣ нашего брака. Бѣдная Летиція! Да вотъ портретъ ея. Этудь дая Чаусеровской Страдалицы *Гризельды*...

Въ этомъ году мы еще не успѣли помѣстить у себя ничего переводнаго по части беллетристики. Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ начнемъ мы печатать переводъ новаго романа (*No Name*) извѣстнаго англійскаго писателя Вильки Колинса. Это одна изъ самыхъ послѣднихъ новостей въ англійской литературѣ и имѣетъ большой успѣхъ; романъ еще не оконченъ и появляется въ еженедѣльныхъ тетрадкахъ Диккенсова журнала. Пока предлагаемъ читателямъ этотъ разказецъ довольно пустой и незначительный, но читающійся безъ скуки,—чтобы по крайней мѣрѣ доказать, что не одни русскіе журналы принуждены бывають иногда печатать плохія беллетристическія вещи. Это еще одинъ изъ самыхъ интересныхъ небольшихъ разказовъ, появившихся въ послѣднихъ книжкахъ разныхъ иностранныхъ беллетристическихъ журналовъ. Онъ взятъ изъ очень распространеннаго англійскаго беллетристическаго журнала *Temple Bar*, издаваемого эффектнымъ романистомъ г. Сааа, чуть ли эта повѣсть не его пера. *Ред.*

НОВЫЙ РУССКИЙ СЛОВАРЬ

Толковый словарь живаго великорусскаго языка, В. И. Даля. Изд. Общества Любителей Россійской Словесности. Вып. Москва, 1861 и 1862 г..

Какъ это ни больно нашему патриотическому чувству, мы должны сознаться, что мы мало знаемъ нашъ языкъ и, несмотря на множество грамматикъ, еще не умѣемъ „правильно говорить и писать по-русски“. Мы не знаемъ, какъ правильно говорить и писать по своему; у насъ не въ ходу правила рѣчи. Различныхъ грамматикъ и этимологій у насъ столько же, сколько у насъ журналовъ и газетъ. Справедливо замѣчаютъ, что французскій языкъ гораздо легче заучивать чѣмъ русскую, потому что французская фраза имѣетъ лишь одно, разъ навсегда данное значеніе, и съ перестановкою словъ не мѣняется и смыслъ свой; тогда какъ русскую фразу можно переставлять на тысячу ладовъ, можно подвергать ее различнымъ синтаксическимъ измѣненіямъ, и смыслъ ея не мѣняется, или получить самый незамѣтный перестановкой. Простая перестановка логическаго ударенія больше измѣняетъ смыслъ фразы чѣмъ перестановка словъ. Причину этого явленія приписываютъ отчасти не богатству русскаго языка, а чрезвычайной неопредѣленности; отчасти заключается она и въ томъ, что развитіе нашего языка еще не завершило своего круга въ лексическомъ отношеніи, но и въ этимологическомъ и синтаксическомъ. А главное, мы мало знаемъ языкъ, не изучили его даже и въ той степени, до какой онъ развитъ, и въ тѣхъ богатствахъ, которыя у насъ

тельно высказались и отделись въ болѣе или менѣе опредѣленную и постоянную форму. Мы колеблемся въ правописаніи слова, не всегда умѣя опредѣлить его происхожденіе; мы колеблемся въ самомъ словѣ, не зная навѣрное, свойственно ли оно духу русскаго языка, существуетъ ли оно въ немъ, русское ли оно. Мы то отгораживаемъ великорусское нарѣчіе отъ малорусскаго, отъ бѣлорусскаго, и подъ выраженіемъ „русскій языкъ“ разумѣемъ собственно нарѣчіе такъ-называемыхъ великорусскихъ областей, ни въ словарѣ, ни въ христоматіи, ни въ грамматикѣ не принимая южнорусскаго и западнорусскаго нарѣчій; то смѣшиваемъ древнерусскую рѣчь, къ которой такъ близка и нынѣшняя живая рѣчь русскаго народа, съ церковно-славянскимъ или древнеболгарскимъ. Такъ, академикъ М. П. Погодинъ доказывалъ, какъ извѣстно, въ письмѣ своемъ къ г. Срезневскому (въ *Извѣстіяхъ И. А. Н.* по 2 Отд.), тожество великорусскаго языка съ церковно-славянскимъ и южнорусскимъ, и утверждалъ, что малорусское нарѣчіе появилось въ южной Руси только послѣ погрома татарскаго, съ запада, съ Карпатовъ, съ Волини и Подоліи. Съ своей стороны, г. Максимовичъ, въ одиннадцати письмахъ къ г. Погодину (въ *Русской Бесѣдѣ*), старался напротивъ того доказать, что малорусское нарѣчіе исконно, что и въ первыхъ произведеніяхъ письменности, хотя и церковнославянской въ основѣ, оно обозначило себя отличительными чертами. Наконецъ, г. Лавровскій (въ *Основѣ* 1861), направляя главнымъ образомъ всѣ свои доказательства противъ положеній г. Максимовича, не вполнѣ однако соглашается и съ г. Погодинымъ: онъ оставляетъ въ сторонѣ куріозное мнѣніе почтеннаго академика о колонизаціи Малороссіянъ на востокъ въ опустошенныя страны, и не считаетъ нужнымъ доказывать невозможность отождествленія нарѣчій церковнославянскаго и древнерусскаго, такъ какъ различіе между ними несомнѣнно очевидно для каждаго истиннаго филолога. Такимъ образомъ, мы даже не можемъ согласиться на томъ, что такое языкъ нашъ и какъ далеко простирается его объемъ.

Всѣ богатства того или другаго языка, вся масса его реченій, формъ и оборотовъ рѣчи, необходимыя для филологическихъ работъ, обыкновенно находятъ самое удобное мѣсто въ словарѣ. Потому-то въ западно-европейской литературѣ мы видимъ, что цѣлыя поколѣнія ученыхъ трудятся

надъ составленіемъ національныхъ словарей. Но и словарями, какъ многимъ другимъ, мы еще очень бѣдны. Игнорируя академическій словарь церковно-славянскаго и русскаго языковъ, который представлялъ собою далеко не полный сводъ сырого, необработаннаго матеріала, причѣмъ академія не потрудилась объяснить ни формъ своихъ, ни правописанія, ни даже самаго выбора. Словарь церковно-славянскаго языка Востокова (при Изв. И. А. Н.), несмотря на свои неоспоримыя и весьма замѣчательныя достоинства, имѣеть характеръ слишкомъ спеціальный. Опытъ областного великорусскаго словаря (изд. 2 Отд. Академіи Наукъ), съ его дополненіями, слишкомъ бѣденъ по количеству матеріаловъ и слишкомъ неразборчивъ по качеству ихъ, такъ какъ очень часто къ областному говору той или другой мѣстности приурочивается реченіе принадлежащее въ сущности общелитературному языку, или наоборотъ, слово чисто областное и вовсе не имѣющее мѣста въ общелитературномъ языкѣ, не нашло себѣ мѣста въ областномъ словарѣ академіи. Вотъ все, или почти все. Потому-то нельзя не привѣтствовать съ особеннымъ увлеченіемъ почтенный трудъ В. И. Даля. Отъ него повѣяло чѣмъ-то новымъ, небывалымъ въ русской литературѣ. Авторъ употребилъ двадцать лѣтъ своей жизни на собраніе и приведеніе въ порядокъ сокровищъ роднаго слова. Мудрено намъ вдругъ въ нихъ осмотрѣться, и мы попытаемся дать покамѣстъ хотя поверхностный отчетъ объ этомъ капитальномъ произведеніи.

Главное достоинство *Толковаго Словаря* заключается въ возможной полнотѣ лексической и въ чрезвычайномъ богатствѣ примѣровъ. *Толковымъ* назвалъ авторъ словарь, потому, что „онъ не только переводитъ одно слово другимъ, но толкуеть, объясняетъ подробности значенія словъ и понятій имъ подчиненныхъ“¹. Каждое слово объясняется прежде всего множествомъ синонимовъ, между которыми преимуществуютъ областныя реченія; потомъ слѣдуютъ акцепціи слова, производныя отъ него, варианты,

¹ Собственно говоря, словарь долженъ быть всегда толковымъ: однако мы игнорируемъ примѣръ словаря безъ толкованій (если угодно безтолковаго) въ словарѣ академическомъ.

съ такою же полнотою объясненій, какъ и главное слово: наконецъ примѣры, большею частью изъ народныхъ поговорокъ и пословицъ, и объяснительныя фразы. Примѣры въ особенности богаты у г. Даля. Ихъ такъ много, и они такъ хорошо подобраны, что *Толковый Словарь* легко могъ бы въ этомъ отношеніи замѣнить собою любой сборникъ народныхъ поговорокъ. Иногда это достоинство обращается даже въ недостатокъ, и богатство примѣровъ подавляетъ собою прямое толкованіе словъ. Какъ бы то ни было, въ этомъ обиліи примѣровъ заключается самый вѣрный путь для изученія законовъ языка и для установленія грамматическихъ правилъ, которыя только тогда могутъ имѣть серьезное и постоянное значеніе, когда будутъ основаны на твердой почвѣ постоянного употребленія. На этой твердой почвѣ вы уже не рискуете ошибиться или въ выборѣ слова или въ расположеніи фразы.

Въ примѣрѣ того, какъ искусно пользуется г. Даль богатствами народной рѣчи, какъ онъ умѣетъ, въ большей части случаевъ, народными присловьями и поговорками лучше всякихъ истолкованій опредѣлить дѣйствительное значеніе слова, мы приведемъ изъ словаря на удачу двѣ три статьи, которыя познакомятъ читателя съ приемами автора и съ общимъ характеромъ его серьезнаго труда:

„АВОСЬ, нар. (*а-во-са, а вотъ, сей-часъ; см. во*), иногда съ придачею частицъ: *ко, то, же, ну, вотъ, либо; можетъ быть, станется, сбудется, съ выраженіемъ желанія или надежды, латинское fore ut (?)*. *Авось Богъ поможеть. Авось вся надежда наша. Авось, небось, да третій какъ-нибудь. Авось шоть брось. Наше авось не съ дуба сорвалось, то-есть разсудительное. На авось мужикъ и хлѣбъ съѣтъ. На авось и кобыла съ дровни лягаетъ. Авось и рыбака толкаетъ подъ бока. На авось казакъ на конь садится, на авось его конь и бьетъ. Рускаъ на авось и взросъ. Ждемъ, пождемъ, авось и мы свое найдемъ. Авось не умъ.ваетъ; здѣсь авось обращено въ сущ. (Не только здѣсь, но и въ большей части приведенныхъ авторомъ примѣровъ.) Отъ авоса добра не жди. Авось плутъ, обманетъ. Авось въ лѣсъ уйдетъ. Авось до добра не доведетъ. Авосю не вовсе вѣръ. Авосю вѣръ не вовсе. Авось, да живеть, не къ добру доведетъ. Авось что залуъ, въ тѣнѣтахъ вьзнетъ. Авось задатку не дасть. Авось велико слово. Авось не Богъ, а полбога есть. Авось живи будемъ, авось*

попрелъ. *Авось дуракъ, съ головою выдастъ. Держись за авось, поколь не сорвалось. Авосья жданки съшли, АВОСЬКА, ж. будущій желанный случай, счастье, удача; отвага; || кто дѣлаетъ все на авось. Ему авоська далъ или обшчалъ. Съ авоськи ни письма, ни записи. Выведетъ и авоська, да (инъ) назвать куда. Авоська уйдетъ, а небоську одного покинетъ. Авоська веревку въетъ, небоська петлю накидываетъ. Авоська небоськѣ набитый братъ. Держался авоська за небоську, да оба упали. Авось съ небосемъ водились, да оба въ яму свалились. Тянули, тянули авоська съ небоськой, да животы надорвали.* (Въ большей части, впрочемъ, этихъ примѣровъ авоська совершенно одного значенія съ сущ. авось, да и вообще примѣры нѣсколько перемѣшаны.) **АВОСЕВЫ** города не горожены; **АВОСЬКИНЫ** дѣтки не рожены. **АВОСЬНЫЙ** случай, пришедшій на авось. **АВОСЬКАТЬ, АВОСЬНИЧАТЬ**, пускаться на авось, на удачу, на безразсудную отвагу, беззаботно мадѣяться. Кто авосьничаетъ, тотъ и востничаетъ, цюгда голодаетъ. *Повоськаемъ, авось до чего-нибудь доавоськаемъ. || Авоськать, воськать, обычно приговаривать пѣчаству авось. АВОСЬНИКЪ, ж. —НИЦА, ж., кто авоськаетъ, авосьничаетъ. Съ авосьникомъ попадешь въ просакъ. Авосьники бѣдокуры.*

„БЕРЕЧЬ, БЕРЕЧИ кого, чтѣ; хранить, оберегать, прятать, жалѣть и заботиться о комъ, о чемъ; щадить, сберегать, копить, копить, отстаивать, безопасить; угощать. *Молись, да злыхъ дѣлъ берегись. Береги платье снову, а здоровье (а честь) смолоду. Береги (паси) денежку про черный день. Богатый бережетъ розгу, а бѣдный одежу, въ дракѣ. Что Богъ дастъ бери, а свое береги. Нѣтъ друга, ищи — а нашель, береги. Покинулъ возъ на дорогѣ, да Никола береги. Береги горячаго, не зѣвай. Береги! береги поле! окрикъ охотничій, по зайцу и звѣрю; по птицѣ кричать: тиро! Бережетъ, чтѣ пѣстуиз пѣстунка. Спасибо за берѣжъ, спасибо что берегли, пак. говорить гость прощаясь. Родители берегутъ дочь до вѣнца, а мужа жѣну до конца. Чтѣ прочно, то и беречь лочно (мужсно). Будетъ путь — да долго ждатель, а къ осени беречь — волкъ бы не съѣлъ; лучше самому съѣсть. Площадная речъ, что нада денеги беречь (или что виноватаго съчь). Не о томъ, кума, речъ, а надо взять да беречь. Какъ полъ попадѣю березетъ. Кто не березетъ копейки, самъ рубль не стоить.* **БЕРЕЧЬСЯ**, оберегаться,

беречь себя, остерегаться, жить и ходить съ оглядкой, уклоняться отъ опасности, неприятности; || быть охраняему, берегаему. *Берегись худа какъ огня. Берегись его, какъ берегутся огня да воды. Люби Ивана, да береги кармана. Чужое береги, а свое и само бережется. Съ другомъ дружись а какъ недруга берегись. Берегись бѣды, пока ихъ нѣтъ. Какъ ни берегутся (деньги), а растрасутся. Съ одну сторону черемиса, а съ другую берегись: въ 1524 войско шло по Волгѣ на судахъ, подъ Казань, и побито на перекатахъ Черемисой.*

„**БЕРЕЖА**, **БЕРЕЖЬ**, **БЕРЕЖЬ**, *ж.*; пск. **БЕРЕГОТА**, *ж.*, **БЕРЕЖЬ**, *м.* (га. *беречь*), береженье и бережливость, охрана, сохраненіе; свойство и дѣйствіе бережливаго; осторожность; хозяйничанье и хозяйственность; умѣрен(н)ость, ограниченіе въ потребленіи, въ расходахъ. *Бережъ — половина спасенья, кто бережется. Бережъ спорте барышей. Маленька добычка, да большой бережъ, вѣкъ проживешь.* **БЕРЕГА**, **БЕРЕГОВА**, *ж.*, нвг. пск., то же что бережъ, но болѣе въ знач. ухода, холи; довольство, заботливое гостеприимство, угощеніе и пр. *Благодарстауемъ на берегъ. Не до береговы, быть бы сыту.* **БЕРЕЖЬЕ**, *ср.* арх., оберегъ, ладавка, охрана знахаремъ отъ порчи, озеу, сглазу. **БЕРЕЩИКЪ**, *м.*, арх., угóженикъ, знахарь, оберегающій, знающій тайны охраны скота, *наводки* звѣря на ловца и пр. **БЕРЕЖНЫЙ**, кто бережется, остерегается; осторожный, оглядчивый, осмотрительный. **БЕРЕЖНОСТЬ**, *ж.*, осторожность, осмотрительность. **БЕРЕЖЕННЫЙ**, кого берегутъ, оберегли, сохраняый; || кто самъ себя бережетъ, осторожный. *Береженнаго коня звѣрь не беретъ, охраняемаго. Береженаго (бережнаго) Богъ бережется. Бережная или охранная грамота*, стар. бережный листъ. *Береженный караулъ или охранная стража.* *Бережно—недолжно* (?). **БЕРЕЖЕНИЕ**, *ср.*, храненіе, блюденіе, осторожность и заботливость. *Береженъе лучше вороженъя.* **БЕРЕЖЛИВЫЙ**, нерасточительный, не роскошный, не мотающій, оберегающій, заботливо сохраняющій имущество, разчетливый. **БЕРЕЖЛИВОСТЬ**, *ж.*, разчетливость въ расходахъ, издержкахъ, хозяйствен(н)ость; оберегательная попка одежды. *Бережливость лучше богатства (прибытка).* **БЕРЕЖЕНИКЪ**, *м.*, нвг. влгд. ярс., кумачникъ, хорошій домашній сарафанъ, не праздничный, но и не рабочій. **БЕРЕЖЕНИЦА**, *ж.*, нвж., бережливая женщина, особенно на одежду, мало изнашивающая. **БЕРЕ-**

ЖОХА, *ж.*, скопидомка, ховатка; береже
 | О коровѣ, твр., береженаа, холеная. БЕЛ
 иногда также *берѣженикъ*, заповѣдникъ, зак
 ный лѣсъ. БЕРЕЖАТЫЙ, проводникъ, к
 стража, прикрытіе.“

Все это очень толково, и вѣрно, и
 изъ уваженія къ автору и къ достоинств
 мы все-таки позволимъ себѣ предостеречь
 можетъ впасть въ односторонность. Онъ
 варь свой толковымъ словаремъ *живаго*
языка, думая опредѣлить этими словами,
 выражается, *объемъ и направленіе* своего
 чивая его, безъ сомнѣнія, русскимъ общел
 народнымъ разговорнымъ языкомъ и не д
 собственно церковно-славянскихъ элемент
 иностранныя слова, вошедшія въ общее упот
 зованныхъ классовъ общества, а равно и
 требительные техническіе термины, не изгна
 такъ что мы не имѣемъ никакого права пре
 бы авторъ хотѣлъ ограничить свое дѣло о
 народною, или даже простонародною рѣч
 авторъ почему-то избѣгаетъ примѣровъ и
 писателей и ограничивается примѣрами тол
 рѣчи, какъ будто извѣстные русскіе поэт
 момъ дѣлѣ мертвечина, потому что не поте
 мръ-народа, и хотя бы гениальнымъ чуты
 отразили въ себѣ, какъ Пушкинъ, всю моц
 роднаго слова. Авторъ не боится памятником
 менности, и смѣло беретъ, объяснительные
 стора: но Карамзина, Пушкина, Гоголя и вс
 шительно не долюбиваетъ. Тутъ, съ одной
 ворѣчіе. Если авторъ дѣйствительно хотѣлъ
 ограничить свою задачу, то зачѣмъ онъ в
 такія слова какъ *безотносительный*, *абанд*
 и пр.? Если же, какъ и должно думать, о
 ренія не имѣлъ, то зачѣмъ избѣгалъ онъ
 сателей, которые много бы упростили его
 еще бѣльшую силу его толкованіямъ?

Съ другой стороны, онъ именно не дол
 не могъ ограничить свою задачу собствен
 говорною рѣчью, въ которой не достаетъ

тораа въ сущности распадается на множество отдѣльныхъ говоровъ и отгнковъ, иначе называемыхъ областными нарѣчiami.

Въ названiи своего словаря г. Дала положительно ошибся. Основой и матерiаломъ для русскаго словаря можетъ служить только русскiй общелитературный языкъ, дополненный и объясненный реченiями, взятыми изъ народа. Какое-то особаго *великорусскаго* языка вовсе не существуетъ: есть только языкъ *русскiй*, выработанный исторически, языкъ образованiя, языкъ литературы, общiй и единый для всѣхъ мѣстностей Россiи. Областные реченiя, маалорусскiя ли, новгородскiя, костромскiя или бѣлорусскiя, отвѣчая на отгнки понятiя, не машедше себѣ выраженiя въ общелитературномъ языкѣ, могутъ входить въ него и обогащать собою книжную рѣчь; но для людей образованныхъ, для письма, для обмѣна понятiй, для общей связи всѣхъ насъ между собою, для науки и литературы, можетъ быть въ Россiи только *одинъ* русскiй языкъ, какъ *одна* Россiя, хотя это и не лишаетъ права жителей извѣстной мѣстности говорить между собою своимъ особымъ говоромъ. Каждый народъ, имѣющiй исторiю, имѣющiй культуру, выработалъ себѣ такой общiй языкъ, языкъ образованiя, языкъ литературы, при всемъ разнообразiи мѣстныхъ народныхъ говоровъ. *Нѣмецкiй* или *французскiй* языкъ есть и можетъ быть только *одинъ*, хотя въ Германiи и Францiи безчисленное множество мѣстныхъ нарѣчiй, даже гораздо болѣе несогласныхъ между собою чѣмъ напримѣръ южно-русское нарѣчiе несогласно съ московскимъ.

Трудъ г. Дала до такой степени серiозенъ и значителенъ, что ему суждено не только представить сводъ существующихъ формъ, отчеканить ихъ, такъ-сказать, неизмѣннымъ чеканомъ, но и установить во многомъ свои формы, прекративъ колебанiе въ орфографiи однихъ словъ или измѣнивъ принятое правописанiе другихъ. Авторъ и дѣйствительно вводитъ много новаго какъ въ лексическомъ отношенiи, такъ и въ этимологию, или заимствуя это новое изъ народной рѣчи, или основывая его на духѣ и законахъ языка.

Нововведенiя въ правописанiи большею частiю удач-

ны, но иногда обнаруживаютъ въ самомъ авторѣ нѣкоторое колебаніе: такъ, г. Даль говоритъ, что правильнѣе было бы писать *облава*, а между тѣмъ пишетъ самъ *аблава* (заимъ или охватъ острова, то-есть лѣса); говоритъ, что надо писать *бухгалтеръ*, а пишетъ все-таки *бухгалтеръ*; совсѣмъ не любитъ двойныхъ гласныхъ и согласныхъ¹, и пишетъ даже иностранныя слова: *абать*, *аберація* съ однимъ *б* и съ однимъ *р*, а между тѣмъ въ выраженіи *авраамово дерево* удерживаетъ два *а*, хотя напримѣръ слово *сообразно* пишетъ съ однимъ *о*—*сообразно*. Авторъ удерживаетъ также два *н* въ прилагательныхъ и пишетъ *бесколѣнный*, *безыменный* (даже *безымянный*, забывая, что *я* соответствуетъ носовому звуку въ словѣ *имя* и разлагается на *ем* въ косвенныхъ падежахъ и производныхъ: *имен-и*, *именной*, и пр.), а слова, подобныя слову *безколичественный* пишетъ почему-то съ однимъ *н*. Съ нѣкоторыми другими нововведеніями тоже никакъ нельзя согласиться, тѣмъ болѣе что у самого автора замѣтно несогласіе правилъ съ исполненіемъ. Такъ, уступая произношенію, г. Даль слитный предлогъ *без*² пишетъ въ формѣ самостоятельнаго предлога *безъ* передъ *е*, *ъ*, *ю*, *я*; пишетъ *безы* передъ *и*, сливая *з* и *и* въ одну букву; *бес* передъ всеми твердыми согласными, кромя *с*; *бе* передъ *с* (съ согласною за нею) и *цъ*; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ оставляетъ *без*. Принципъ такого перехода совершенно основателенъ; мы полагаемъ только, что напрасно авторъ опускаетъ согласную въ предлогѣ передъ *с* (когда слѣдуетъ согласная) и напрасно оставляетъ въ немъ мягкую согласную *з* передъ тѣмъ же *с* (когда слѣдуетъ гласная): сколько намъ кажется, въ словѣ *бесрочный* (безрочный) двойное *с* звучитъ столь же явственно, какъ и двойное *з* въ словѣ *беззвучный*, гдѣ удер-

¹ Особенно преслѣдуетъ авторъ двойное *с*: онъ пишетъ *російскій*, *великорусскій*, *искусственный*, *ассесоръ* и пр. все съ однимъ *с*, замѣчая, что намъ не нужно сдаивать свое *с* (*з*), какъ это дѣлаютъ иностранцы, тамъ гдѣ оно производится у нихъ твердо (*Russie*, *asse-seur* пишется съ двумя *з*, чтобъ не произнести *Ruzie*, *azézeur*), но забывая въ то же время, что въ нѣкоторыхъ словахъ (какъ напримѣръ искусство) двойное *с* служитъ этимологическою примѣтой.

² Тутъ въ Словарѣ (стр. 50) опечатка: поставлено *безо* вмѣсто *без*.

жано з предлога, а въ словѣ *бессонный* сочетаніе буквъ з и с, по закону ассимиляціи, звучитъ просто какъ двойное с, такъ что слѣдовало бы непремѣнно писать *бессонный*. Авторъ пишетъ еще *муской* вмѣсто мужской, совсѣмъ уничтожая намекъ на этимологическое происхожденіе: отчего бы не писать ужъ въ такомъ случаѣ и *бълова* вмѣсто бѣлаго? Между тѣмъ самъ г. Даль, на первой же страницѣ своего Словаря, говоритъ, что „надо охранять такое правописаніе, которое бы всегда напоминало о родѣ и племени слова.“

Кстати будетъ упомянуть здѣсь о преобразованіи нашего правописанія, задуманномъ между петербургскими учеными и литераторами. Въ проектѣ этомъ, сколько мы знаемъ о немъ черезъ печатные отчеты о засѣданіяхъ особо собраннаго для этой цѣли комитета, видно все то же безцеремонное обращеніе съ наукой и жизнью, о которомъ не разъ уже говорилось въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Безспорно, правописаніе наше изобилуетъ теперь противорѣчіями, разногласіями, странностями, — мы сами говоримъ объ этомъ въ началѣ нашей замѣтки. Но достигнуть установленія точныхъ правилъ орфографіи можно только ближайшимъ изученіемъ историческихъ законовъ языка въ связи съ живою народною рѣчью, а никакъ не голословнымъ отрицаніемъ всѣхъ законовъ и правилъ, никакъ не простымъ сведеніемъ правописанія къ устному произношенію, употребительному въ какомъ-нибудь одномъ углу Россіи. Начать съ того, что вы не всегда и сумѣете знаками выразить точно-точно произношеніе какого-либо слова: какъ, напримеръ, напишете вы слово *бълаго*, чтобъ оно совершенно соответствовало произношенію? — здѣсь *а* звучитъ какъ нечто среднее между *о* и *а*. Какъ же вы напишете — *бълова*, *бълава* или *бълого*, и почему именно то, а не это? Съ другой стороны, при такомъ преобразованіи, или, вѣрнѣе, уничтоженіи *правописанія*, какое задумано петербургскимъ комитетомъ, прервется всякая связь общелитературнаго русскаго языка съ областными нарѣчіями, и языкъ нашъ совсѣмъ перестанетъ быть общелитературнымъ языкомъ, обособившись въ одно собственно московское нарѣчіе, а для каждаго областного говора, для каждаго отгѣнка въ произношеніи, надо будетъ изобрѣтать особый

языкъ и особые знаки. Предположено, напримеръ, совсѣмъ уничтожить нѣсколько буквъ русской азбуки, въ томъ числѣ букву ѣ. Но эта послѣдняя буква, какъ уже замѣтилъ г. Гротъ въ № 28 *Современной Лѣтописи*, служитъ очень важною историческою примѣтой происхожденія многихъ словъ русскихъ, однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ грамматическихъ флексій и драгоценнымъ признакомъ южнорусскаго произношенія. Правда, въ употребленіи буквы ѣ много теперь нетвердаго, непостояннаго; правила этого употребленія подвержены многимъ исключеніямъ и колеблются между требованіями произношенія и этимологическимъ закономъ. Разрѣшите эти противорѣчія, уничтожьте эти аномаліи, установите правильность и постоянство въ употребленіи буквы ѣ,—дѣло будетъ весьма полезное: но не выкидывайте ея изъ русской азбуки, иначе вы разомъ уничтожите исторію языка и отбросите южнорусское нарѣчіе прочь отъ общелитературнаго языка. Правда, многіе именно этого и добиваются,—они именно хотятъ создать для южнорусскаго нарѣчія особую исторію, особые законы и особое письмо: но такое совершенное обособленіе южнорусскаго нарѣчія есть вещь столь же ненормальная и неестественная, какъ и безусловная ассимиляція русскаго литературнаго языка съ языкомъ церковно-славянскимъ. Мы очень хорошо знаемъ, что петербургскій комитетъ имѣеть въ виду упростить и облегчить для учащихся изученіе правописанія. Но онъ своимъ, черезъ мѣру радикальнымъ преобразованиемъ, достигнетъ, à son insu, быть-можетъ, совершенно противоположной цѣли: не имѣя твердой историко-филологической основы при своихъ занятіяхъ языкомъ, ученики должны будутъ на память вытверживать правила орфографіи и еще чаще теперешняго будутъ дѣлать грамматическія ошибки, такъ какъ совершеннаго тождества—мы уже это сказали—между произношеніемъ и правописаніемъ быть не можетъ. Отъ предполагаемой орфографической реформы должно поэтому ожидать только громаднаго распространія безграмотности на Руси и страшнаго усиленія небрежности въ занятіяхъ роднымъ словомъ. Наша молодежь и такъ не любитъ учиться, а тутъ еще ей скажутъ: „Вовсе не учитесь; пишите кое-какъ, чтобъ только поняли вашу мысль; все дѣло въ дѣлѣ, въ мысляхъ, въ томъ, чтобы понимать другъ друга, а не въ пустой формѣ изложенія.

Зачѣмъ учиться? зачѣмъ грамматика? зачѣмъ законы языка? Намъ нужно дѣло, а не филологическая дребедень!“ Воображаю, какъ обрадуются наши кадеты и гимназисты...

Для удобства толкованій и для отдѣленія примѣровъ, акцентій и производныхъ реченій отъ главныхъ словъ, въ *Словарь* употреблено шесть различныхъ шрифтовъ, которыми авторъ распоряжается вообще очень искусно, хотя иногда немножко и запутывается. Другихъ же знаковъ, обыкновенно употребляемыхъ въ словаряхъ, у г. Даля очень мало, почти только одинъ знакъ двухъ черточекъ (||), который отдѣляетъ между собою и главныя слова, и нѣсколько значеній одного и того же слова, и акцентіи, и переносныя значенія, что очень неудобно для справокъ и для филологическаго изученія реченій, тѣмъ болѣе что примѣры часто приведены у г. Даля всѣ въ одномъ мѣстѣ, и не знаешь иногда, какіе примѣры къ какимъ значеніямъ относятся. Такъ союзъ *а* объясненъ слѣдующимъ образомъ: „но, уже, да, напротивъ, анъ; однако, слѣдовательно; потомъ, затѣмъ; выражен. противоположности, вопросительное, заключительное и пр.“¹ Затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя примѣры, всѣ вмѣстѣ, безъ объясненія, къ какому именно значенію они относятся. Намъ кажется, что неудобство это весьма легко могло бы быть устранено цифрами, какъ обыкновенно и дѣлается въ подобныхъ словаряхъ.

Слова расположены у г. Даля цѣлыми группами, или гнѣздами, такъ что производныя слова помѣщены вмѣстѣ съ первообразными, и разныя части рѣчи не отдѣлены одна отъ другой красною строкой: въ одномъ гнѣздѣ помѣщены *а* союзъ и *а* междометіе, *абы* союзъ и *абы* междометіе, и т. п. Это одно уже неудобно и нерационально. Но это бы еще ничего: въ этомъ расположеніи словъ по гнѣздамъ мы встрѣчаемъ еще и другое неудобство, которое хотимъ считать только простымъ недосмотромъ со стороны автора. Въ одномъ гнѣздѣ соединяетъ онъ иногда два совершенно различныхъ значенія одного и того же слова, то-есть омонимы, имѣющіе часто даже разное происхожденіе и только случайно созвучные между собою: такъ *абазъ* (или *абасъ*), персидская монета, — *абаза*, жестокій восточный вѣтеръ, отъ

¹ Какой тутъ смыслъ имѣть это и пр., тѣмъ болѣе что самъ авторъ не допускаетъ въ словарь неточностей?

кавказскаго (кавказскаго) берега, опасный для дунайских рыбаковъ, и *абаза*, конское тавро, известное на Кавказѣ, помѣщены всё въ одномъ гнѣздѣ, какъ бы значенія одного и того же слова, тогда какъ это три совершенно отдѣльныя слова. Вмѣстѣ же поставлены (стр. 33) *базулить*, давать потачку, *базунъ* или *бузунъ*, своевольникъ, драчунъ, и *бузунъ*, соль; или еще: *буртъ*, хлѣбъ въ зернѣ, и горная соль, и мя тежъ, и особая мѣра; еще: *бурунъ*, волненіе у береговъ, прибой, метель, вьюга, и годовалый бычокъ, и множество, и даже „нось“ (въ татарскихъ губер.). Иногда это смѣшеніе доходитъ до того, что авторъ ставитъ въ одно гнѣздо сложныя слова съ простыми, имъ созвучными, но имѣющими совершенно иное значеніе и иную этимологію. Совершенный хаосъ, напримѣръ, господствуетъ въ расположеніи словъ начинающихся съ *ант* и *анти*: г. Даль ведетъ эти слова въ случайномъ, строго алфавитномъ порядкѣ, не устанавливая рядомъ, какъ бы слѣдовало, всё сложныя слова съ *анти* и *ант*; то онъ соединяетъ ихъ въ маленькія гнѣзда, то разразиваетъ, совершенно по вдохновенію. Такъ, вслѣдъ за гнѣздомъ съ словами *антидотъ* и *антикритика* идутъ отдѣльныя группы *антикъ* (съ производными) и *антилопа*, а за тѣмъ въ одно гнѣздо стиснуты слова: *антиминъ*, *антимоній*, *антипаска*, *антипатъ* (черный кораллъ), *антипатія*, *антиподъ*. Вмѣстѣ, въ одномъ гнѣздѣ могутъ быть поставлены только собственныя и переносныя, отвлеченныя значенія слова, акценціи и производныя. Авторъ, какъ по всему видно, знаетъ это очень хорошо и не смѣшиваетъ, напримѣръ, слово *бережнѣкъ* (отъ *бережа* и *беречь*), заповѣдникъ, заказникъ, береженный лѣсъ, съ такимъ же точно слово *бережнѣкъ* (отъ *берегъ*), добываемый на берегу, по берегу (*лѣсъ бережнѣкъ*, *камень бережнѣкъ*); онъ помѣщаетъ ихъ въ разныя гнѣзда, хотя и догадывается, что самый корень у нихъ одинъ, и что слово *берегъ* находится въ этимологической связи съ глаголомъ *беречь*, *оберегать*. Безо всякаго сомнѣнія, въ глубокой древности, всё слова одного правописанія и одного произношенія имѣли одинъ корень, и омонимы образовались черезъ переносъ словъ изъ одного значенія въ другое посредствомъ троповъ, а равно черезъ словопроизводство. Но въ настоящее время слѣды этого родового происхожденія до такой степени сгладились, и разница въ значеніи

между многими омонимами зашла такъ далеко, что уже стало невозможно скучивать ихъ въ одно гнѣздо.

Подъ общемою статьей *буде* (стр. 120) или вѣрн. *будеть*, суб. *будече*, ежели, если, когда, коли, будеже, авторъ помѣщаетъ и слѣдующія слова, совсѣмъ уже иного значенія и которыя должны бы составить особую группу: *будень*, *будни*, овидень, не праздникъ, рабочій день, не праздничный, простой; *будничный*, *будничиний*, *буденный*, относящійся къ буднямъ, не праздничный; овиденный, обиходный. Подкрѣпивъ свои толкованія примѣрами, г. Даль указываетъ на довольно распространенную погрѣшность: „Нынѣ, говоритъ онъ, многіе стали писать ошибочно *обыденный* вм. *обиходный* ¹: обиходный или *овиденный* — буденный, ежедневный, ежедневный, бывающій въ ходу или въ дѣлѣ *овый* день, въ всякой, во всякой день; *обыденный* — объ одинъ день, однимъ днемъ, въ одинъ день, въ одинъ(и) сутки коменный; одинъ день дѣющійся. *Обыденный храмъ*, церковь построенная миромъ, по предавію въ одинъ(и) сутки“. Подобныя замѣтки и исправленія, которыми обилуетъ *Толковый Словарь*, очень полезны для нашей юной филологической науки. Мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь только одно замѣчаніе: слово *овиденный* дѣйствительно ли происходитъ отъ *овый день*, и не имѣетъ ли оно, напротивъ, одного происхожденія съ *обыденный*, причемъ только, по требованіямъ мѣстнаго произношенія, звукъ *б* перешелъ въ *в*? По крайней мѣрѣ, церковно-славянскій словарь г. Востокова не подтверждаетъ этимологію г. Даля: мѣстоименіе *овъ* только въ производныхъ получаетъ неопредѣленный смыслъ — *овдѣ*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (а не въ какихъ бы то ни было; по англійски *somewhere*, а не *anywhere*), *овегда*, иногда (а не когда бы то ни было, — *somewhen*, а не *anywhen*); въ чистой же своей формѣ, *овъ*, *ова*, *ово*, мѣстоименіе это значитъ *тотъ*, и ужъ ни въ какомъ случаѣ не *всякъ*. Притомъ, въ *Областномъ Словарѣ* академіи слову *овиденный* придано то самое значеніе, какое г. Даль придаетъ слову *обыденный*, причемъ приводятся тѣ же почти примѣры, а именно: „*Овиденный*,

¹ Такое употребленіе встрѣчаемъ и у лучшихъ нашихъ стилистовъ, какъ И. С. Тургеневъ, напримѣръ (см. его *Отцы и Дети*). Но другіе употребляютъ слово *обыденный* и въ его настоящемъ, народномъ значеніи, какъ напримѣръ г. Островскій (см. его драму *Козьма Микииъ Суворукъ*).

въ одинъ день сдѣланный. *Спасъ овиденный*, цѣ-
 Вологдѣ, построенная по случаю мора въ 161
день, въ одинъ день. Я овидень сходилъ. Арханг. гб
 гб., прм. и черд. ѱ. *Овидникъ*, маленькій хлѣбъ изъ
 житникъ (въ одинъ день сдѣланный). Арханг.-
 нецъ, въ малорусскомъ нарѣчїи есть слово, с-
 имъ совершенно соответствующее слову *овид*
 въ соответствїе мѣстоименію *овъ, овый*, мѣ-
 въ немъ мѣстоименіе *тѣ, той, тый*, а именно
 которое, какъ извѣстно, никакъ не значить

СОНЪ ЕВГЕНІЯ АРАМА.

(Томаса Гуда.)

Это было весной. Полдня жаркаго зноя
Замѣнила сырая прохлада;
Дѣти, выйдя изъ школы, пустились бѣжать
По лужайкамъ стемнѣвшаго сада,—
И рѣзвились они на зеленомъ лугу
Какъ ягвятокъ веселое стадо.

Безмятежно-тиха жизнь дѣтей... а грѣха
И слѣда нѣтъ на сердцѣ невинномъ!..
Вотъ вдали уже дѣсь на багрянцѣ небесъ
Засиялъ своимъ кружевомъ длиннымъ,
И бросало снопы красноватыхъ лучей
Заходящее солнце надъ Линномъ.

Но не смоакъ еще смѣхъ на лугу, и нестрѣлъ
Хороводъ мальчугановъ счастливымъ;
И рѣзвились они, какъ умѣютъ одни
Только дѣти рѣзвиться! Подъ ивой,
Въ сторонѣ отъ дѣтей, одиово сидѣлъ
Ихъ наставникъ, всегда молчаливый.

Вѣтерокъ волоса развѣвалъ, и роса
 Обнаженную грудь освѣжала;
 Но горѣла она,—словно жгучая мысль
 Неотступно ее прожигала...
 Онъ сидѣлъ недвижимъ; на колѣняхъ предъ нимъ
 Разогнутая книга лежала.

Какъ онъ блѣденъ и худъ! истомилъ его трудъ,
 Потускнѣли глаза отъ страданья...
 Но съ глубокимъ вниманьемъ онъ книгу читалъ,
 И казалось, что въ этомъ вниманьи
 Для души своей мира искалъ онъ... а день
 Догоралъ ужъ въ пурпурномъ сіяньи...

И тяжелую книгу тогда онъ закрылъ,
 Придавивши застежкою мѣдной
 Запыленный и темный ея переплетъ, —
 И дрожащій, взволнованный, блѣдный,
 Простоналъ: „еслибъ также я могъ запретить
 Мою память, разсудокъ мой бѣдный...“

И тревожно онъ сталъ по полямъ ходить,
 Безъ желанья, безъ мысли, безъ цѣли...
 Наконецъ подошелъ онъ къ тому уголку,
 Гдѣ раскинулись темныя ели:
 Подъ навѣсомъ вѣтвей, видить—двое дѣтей
 Наклонившись надъ книгой сидѣли.

„Что читали вы дѣти?“ спросилъ онъ: „о томъ,
 Какъ волшебницей принцъ околдованъ?
 Иль о томъ, какъ былъ сверженъ съ престола тиранъ
 Иль какой-нибудь городъ основанъ?“
 „Нѣтъ! смерть Авеля!“ мальчикъ отвѣтилъ ему—
 И учитель, встревоженъ, взволнованъ,

Отскочилъ отъ ребенка, какъ будто боясь,
 Чтобы онъ не проникъ его таинъ,
 И шатаясь, съ тревогой на грустномъ лицѣ,
 Далеко отошелъ, до окраинъ
 Сквозно-темнаго лѣса... вернулся и вдругъ
 Сталъ разказывать дѣтямъ, какъ Каинъ

Совершилъ преступленье; потомъ о другихъ,
 Послѣ бывшихъ кровавыхъ дѣяньяхъ,
 О которыхъ проклятая память до насъ
 Сохранилась въ старинныхъ преданьяхъ.
 Говорилъ о зарѣзанныхъ тайно, въ лѣсу,
 Говорилъ о предсмертныхъ страданьяхъ

Бѣдныхъ жертвъ; и о томъ какъ пророческимъ сномъ
 Обличается Богомъ неправый;
 Говорилъ, какъ подъ гнетомъ могильной земли
 Стоянутъ души убитыхъ отравой,
 И какъ призраки манятъ костлявой рукой
 На мѣста ихъ могилы кровавой.

Говорилъ и о томъ, какъ убійца съ челомъ
 Закалейменнымъ проклятьемъ блуждаетъ,
 Какъ горитъ его мозгъ, и багровый туманъ
 Ему вѣчно глаза застилаетъ:
 Ибо пятно убійства съ преступной души
 Никогда и ничто не смываетъ.

„Да!“ оказалъ онъ вздохнувъ,— „тяжело тому жить
 Кого совесть безъ устали гложетъ.
 Горе, горе тому, кто на ближнихъ своихъ
 Святотатственно руку наложить...
 Разъ мнѣ снилось что я человѣка убилъ,
 Но и тутъ меня что-то тревожить.

„Еслибъ я то забылъ!.. Тотъ кого я убилъ
Будто старъ уже былъ и недуженъ.
Ночь была холодна, тускло тѣла луна,
Бѣдный спутникъ мой былъ безоруженъ,
Я завелъ его въ глушь, и подумалъ: убью
Его... мнѣ кошелекъ его нуженъ.

„Два внезапныхъ удара тяжелымъ сучкомъ,
Третій — камнемъ, въ глазахъ погемѣло:
Я пырнулъ еще разъ торопливымъ ножомъ,—
Совершилось ужасное дѣло,
И у ногъ моихъ, плавая въ теплой крови,
Ужъ лежитъ бездыханное тѣло.

„Лишь безжизненный трупъ! я вѣдь зналъ, что ужъ онъ
Мнѣ не сдѣлаеть за никакого
Все же—чѣмъ онъ смиреннѣ лежалъ, тѣмъ сильнѣй
Былъ мой страхъ... онъ глядѣлъ не сурово,
Но въ глазахъ у него что-то было, чего
Я не могъ ужъ зарѣзать въ немъ снова.

„Вотъ, казалось мнѣ, вдругъ вспыхнулъ воздухъ вокругъ,
Небеса въ грозномъ пламени рдѣли;
Страшенъ былъ этотъ часъ, словно тысячи глазъ
На меня съ укоризной глядѣли:
Я взялъ за руку трупъ, и какъ будто бы жизнь
Пробудилась въ остывшемъ тѣлѣ.

„Да! когда я по имени называлъ его,
Въ немъ какъ будто бы жизнь пробудилась...
Наклонясь къ мертвецу прикоснулся къ лицу,
Вдругъ изъ ранъ его кровь заструилась,
И на каждую рану по язвѣ въ моемъ
Раскаленномъ мозгу приходилось...

„Грудь и давить и жметь, сердце стынетъ какъ ледь,
 Голова же какъ уголь пылала,
 И душа моя бѣдная,—я это зналъ,—
 Достояннiемъ дьявола стала...
 Я разъ десять тогда простоналъ, а ова,
 Моя жертва, лишь разъ простонала.

„Да, покой мой исчезъ! Вотъ, съ далекихъ небесъ
 Грянулъ голосъ, и какъ онъ ни глухо
 Въ высотѣ прозвучалъ, но онъ внятенъ мнѣ сталъ,
 Чуть коснувшись тревожнаго слуха.
 Онъ сказалъ мнѣ: преступникъ! сокрой этотъ трупъ
 Отъ лица кровомстащаго духа!

„Что жь?“ подумалъ я: „тутъ недалеко есть прудъ;
 Тамъ готова нѣмая могила..“
 Поднялъ трупъ, и иду къ роковому пруду,
 Что чернѣлъ вдалекѣ, какъ чернила ¹.
 Глухо, пусто вокругъ... не забудь же, мой другъ,
 Что вѣдь это во снѣ только было.

„Бросилъ я этотъ трупъ... тотчасъ съ плескомъ глухимъ
 Онъ на вязкое дно опустился.
 Я омылъ съ своихъ рукъ мной пролитую кровь
 И холодной водой освѣжился...
 Въ тотъ же вечеръ съ дѣтми я, какъ прежде, сидѣлъ
 Да покой-то ужь вновь не явился!..

„Боже! знать, какъ ихъ души свѣтлы, и черна
 Такъ моя-то душа проклятая!
 Я не могъ повторять съ ними дѣтскихъ молитвъ:
 Голосъ мой трепеталъ, замирая...
 Между ними я былъ словно дьяволъ могила
 Межъ святыхъ обитателей рая.

¹ „Black as ink“. Да не подумаютъ читатели, что это невольно страданное сравненiе прибрало переводчикомъ ради речивы.

„Крѣпкій сонъ ихъ былъ тихъ; вслѣдъ за каждымъ
изъ нихъ

Полетѣлъ кроткій ангелъ съ любовью;
Но лишь ужась нѣмой былъ постельничій мой...
Онъ прильнулъ къ моему изголовью,
И кровавыми пальцами занавѣсь мой
Поднималъ, запятнавъ его кровью...

„Такъ всю ночь я въ агоніи страшной лежалъ.
Трепеща его грознаго взгляда:
Отъ меня даже сонъ убѣгалъ... да и онъ
Для меня уже былъ не отрада,
А лишь казнь, потому что грѣхъ отдалъ ему
Всѣ ключи отъ кромѣшнаго ада.

„Такъ въ агоніи страшной, ужасной лежалъ
Я отъ боя часовъ и до боя ¹,
И одна неотступная, страшная мысль
Мнѣ всю ночь не давала покоя;
Я искалъ новыхъ думъ; но весь слабый мой умъ
Эта мысль наполняла собою.

„Да! одна неотступно-упорная мысль
Всѣ другія во мнѣ подавила:
И боролся я съ ней, но сильнѣй и сильнѣй
Искушенья могучая сила
Все тянула туда, гдѣ въ трясинѣ пруда
Зеленѣла сырая могила.

¹ „From weary chime to chime“—этотъ оборотъ должно быть очень нрави-
лся Гуду, потому что онъ безъ всякой перемѣны повторилъ ее въ
„пѣсни о рубашкѣ“.

„Work—work—work!
From weary chime to chime
Work—work—work—
As prisoners work for crime!“

„Чуть зардѣлся востокъ, я вскочилъ, и не могъ
 Уже дальше противиться силѣ
 Искушенья... иду прямо въ рошу, къ пруду,
 Къ этой гадкой, проклятой могилѣ—
 Вижу: прудъ весь обѣжалъ и убитый лежалъ
 На предательски высохшемъ илѣ.

„Все проснулось въ лѣсу... отряхая росу
 Съ своихъ крылъ, соловей вострепелулся
 И запѣлъ... Я полета его не видалъ
 И отъ пѣсни его содрогнулся...
 Но, взваливъ на плеча свои трупъ, я опять
 Подъ ужасною ношей согнулся.

„Выбиваясь изъ силъ долго трупъ я носилъ
 По глухой, непроглядной труппобѣ...
 Разсвѣло ужъ. Какъ быть? ямы некогда рыть;
 Да и гдѣ ужъ тутъ думать о гробѣ?
 Сгребъ я листьевъ сухихъ, и глубоко зарылъ .
 Трупъ въ накиданномъ мною сугробѣ.

„Я былъ въ школѣ весь день; но едва ночи тѣнь
 Опустила свое покрывало
 Съ потемнѣвшихъ небесъ, я пробрался въ тотъ лѣсъ,
 Гдѣ закрытое тѣло лежало,
 Словно чуялъ бѣду: трупъ лежалъ на виду:
 Сильнымъ вѣтромъ сугробъ разметало!

„На земь палъ я лицомъ, и заплакалъ какъ мать
 Надъ сыновней могилою плачетъ:
 Мою тайну ничто не хотѣло хранить!
 Вотъ тогда-то узналъ я что значитъ
 Быть убійцей! Грѣха—ни сырая земля,
 Ни глубокое море не спрячетъ!

„Мстителъ хочетъ, чтобъ люди, пролившіе кровь,
Только кровью свой грѣхъ искупааи!
Да! пусть груды камней накладываютъ на трупъ,
Пусть зарюютъ въ глубокомъ подвалѣ,
Пусть источать года этотъ трупъ, и тогда
Все жь хоть кости его открывали!

„Что за страшный былъ сонъ! Я проснулся; но онъ
И тогда на яву продолжался...
Я въ какомъ-то безуміи всталъ, и опять
Человѣка убить покушался.
Я горѣлъ какъ въ огнѣ... тяжело было мнѣ,
Я малѣйшаго звука боялся...

„Отъ души моей миръ навсегда отлетѣлъ,
Не знаятъ ужь мнѣ больше покоя!
Этотъ призракъ не хочетъ оставить меня—
И теперь вотъ онъ тутъ, предо мною!“
Ученикъ поблѣднѣлъ, увидавъ, какъ Арамъ
Задрожалъ, и закрылся рукою.

Въ ту же ночь, когда дѣти, уставши отъ игръ.
Мирно спали въ постелькахъ пуховыхъ,
По дорогѣ къ острогу, изъ города шли
Двое стражей, безмолвно суровыхъ,
И потупивъ глаза, шелъ Евгеній Арамъ
Между ними, въ тяжелыхъ оковахъ.

В. КОСТОМАРОВЪ.

ЗАМѢТКА

ДЛЯ

ИЗДАТЕЛЯ „КОЛОКОЛА.“

Нѣсколько словъ сказанныхъ нами въ *Современной Лѣтописи* о лондонскихъ страдальцахъ за Русскую землю дошли по адресу. Одинъ изъ нашихъ заграничныхъ корреспондентовъ сообщилъ намъ выдержку изъ *Колокола*, гдѣ напечатанъ одинъ отзывъ, а на этихъ дняхъ получили мы изъ Лондона, какъ надобно думать отъ самого издателя, послѣдній № этой газеты съ новымъ отзывомъ. Мы радуемся открывшейся возможности поговорить съ г. Герценомъ. Мы давно этого добивались; но до послѣдняго времени онъ былъ для русской литературы неприкосновенною святыней, болѣе чѣмъ всѣ potentаты міра, такъ что мы должны были ограничиваться лишь очень отдаленными намеками, которые вѣроятно и не удостоивались счастья быть имъ замѣченными. Намъ еще затрудняло и то обстоятельство, что публика у насъ съ нимъ разная; но въ этой бѣдѣ онъ намъ самъ помогъ. Онъ вдругъ заговорилъ о насъ и о нашихъ мнѣніяхъ, обидѣвшись тѣмъ, что мы не придаемъ значенія нашимъ политическимъ партіямъ, и живко указывалъ намъ на недавнія жертвы политической агитаціи, попавшія въ казематы и Сибирь. Онъ полагалъ, что слово останется за нимъ, а намъ говорить о немъ не позволятъ; однакожь намъ удалось при случаѣ сказать словцо о „свободномъ артистѣ“, который самъ сидитъ въ безопасности, а другихъ посылаетъ на подвиги, ведущіе ихъ въ казематы и Сибирь. Это и удивило, и раздражило его,

и удивленіе его высказалось такъ же наивно, какъ и раздраженіе.

Онъ угадываетъ, что никого не подумалъ, и говорить о какихъ-то сплетняхъ ходившихъ въ Москвѣ, о какихъ-то голубыхъ уткахъ, выражаясь совершенно-непонятными для насъ намеками. Онъ предполагаетъ, что мы свѣдали за его особой, за его частными отношеніями, и ловили сплетни о немъ. Никакихъ сплетенъ о немъ до насъ не доходило, ни о какихъ его личныхъ отношеніяхъ мы не говорили, да и говорить бы не стали. До него лично намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Съ кѣмъ именно онъ находится въ сношеніяхъ, кого именно подумаетъ,—обо всемъ этомъ мы никогда не справлялись. Мы говорили о дѣлѣ открыто; мы имѣли въ виду его публичную дѣятельность, которая ни для кого не тайна. Этотъ острякъ, говорящій обо всемъ не иначе какъ съ плеча и фигурами, требуетъ скрупулезнѣйшей бережности въ выраженіяхъ, когда рѣчь касается его.

Итакъ онъ умываетъ руки и объявляетъ, что онъ ни-чему не причастенъ, что его дѣло сторона, и что мы написали извѣтъ на него, доносъ въ III Отдѣленіе. Сколько благородства въ этихъ оправданіяхъ и сколько смысла въ этихъ обвиненіяхъ! Онъ ничему не причастенъ, онъ никого не подумаетъ!... Да что же онъ дѣлаетъ въ своихъ лондонскихъ листкахъ? Что же онъ дѣлаетъ какъ не агитацію самую поджигательную? Онъ забылъ, что его писанія расходятся по свѣту, что самъ же онъ принимаетъ дѣятельныя мѣры къ распространенію ихъ, что они какъ запрещенная вещь читаются съ жадностью, и какъ запрещенная вещь не встрѣчаютъ себѣ никакого отпора въ беззащитныхъ, незрѣлыхъ и разстроенныхъ умахъ, и увлекаютъ ихъ къ подражанію,—и эти люди дѣлаютъ у себя на родинѣ то самое что дѣлаетъ онъ въ Лондонѣ; только онъ дѣлаетъ это комфортабельно и спокойно, сыто и весело, а они подвергаются безумной опасности и попадаютъ на каторгу. Онъ не пойдетъ въ Сибирь; но за то онъ будетъ встрѣчать и провожать рукоплесканіями этихъ бѣдныхъ актеровъ, которые разыгрываютъ его штуки на родинѣ; онъ будетъ съ озлобленіемъ шикать на тѣхъ, кто попытается образумить ихъ отрезвляющимъ словомъ.

Онъ гордится тѣмъ, что пишетъ на полной свободѣ и

объявляетъ себя единственнымъ представителемъ свободнаго русскаго слова. Онъ думаетъ насъ думать, что нынѣшныя *подцензурныя* и ставить это обстоятельство въ вину намъ. Онъ — представитель свободнаго русскаго слова! Однако хорошо же это русское свободное слово! Стоило же за этия слова идти въ Лондонъ! Ничъ, онъ ошибается: его слово не похоже на слово свободнаго челоука. Свобода объявляетъ, — объявляетъ вуде чинъ все другое. Ни на какомъ изъ цивилизованныхъ языковъ невозможно было бы передать всъ прелесть его тона и его выраженія. Онъ самъ это чувствуетъ, и когда ему приходится перелазать на другоя языкъ то, что прежде было сказано имъ по-русски, то фраза его оглаживалась и принимала болѣе благопріятный видъ.

Онъ пишетъ не „водъ сурдинкой“; онъ этия хвастаетъ передъ нами. Что онъ ухажъ за границу, что онъ поселился въ Англии, что у него есть деньги, въ этия онъ полагаетъ свою нравственную заслугу, и этия онъ гордится. Онъ полагаетъ свою заслугу въ томъ, что пишетъ и печатаетъ не только безъ всякой цензуры, но и безъ всякой отвѣтственности, вачинъ не раскуя. Но что же онъ пишетъ? Какъ воспользовался онъ своимъ положеніемъ? Онъ говоритъ: „если ны сбавались съ пути, — отчего ны намъ не указывали его?“ А зачѣмъ же онъ хвастается свободой своего слова? Если свобода не указывала ему путей, зачѣмъ же умелъ онъ изъ-подъ цензуры? Но и пробовали ему указывать; только вольны отъ этого не было. Кстати: линуцій эти строки, еще три года тому назадъ въ бытность свою въ Лондонѣ, встрѣтилъ въ этия господина, въ одномъ домѣ, какъ съ старыми знакомыми изъ которыхъ съ однимъ былъ довольно близокъ въ молодости. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Лондона, онъ заглавуль къ нимъ — не безъ некоторой надежды надежды переисовитаться съ ними добрыя словеса объ ихъ направленіи. Но съ самаго начала онъ увидѣлъ всю тѣсоту своей надежды, и разговоръ ихъ ограничился общими крѣпкими.

Г. Герцель печаталъ разные документы, приходившіе къ нему изъ Россіи. Эти документы придали интересъ его изданіямъ; но бессмысленность и неразборчивость всего что шло отъ самой редакціи часто ослабляли ихъ значеніе или дѣлали ихъ болѣе вредными чинъ повѣстаніи. Во

всякомъ случаѣ, прилично ли ему хвататься печатаніемъ документовъ, отъ которыхъ зависѣлъ весь интересъ его изданія, и которые онъ умѣлъ только портить? Пусть ужь лучше онъ оставитъ эту заслугу за лондонскимъ подписменомъ, или, если ему это болѣе нравится, за англійскою конституціей.

Онъ пользовался полною свободою, и изданіе его приобрѣтало интересъ отъ разныхъ сообщеній изъ Россіи: что же онъ дѣлалъ съ своей стороны, чтобъ оправдать этотъ интересъ и доказать благотворное свойство свободы? Какъ воспользовался онъ тѣмъ значеніемъ, которое приобрѣлъ благодаря особымъ обстоятельствамъ нашего общественнаго положенія? Чему научилъ онъ эти незрѣлые умы, которые читались его писаніями съ жадностію, благодаря приправѣ запрещенія? Въ то время, когда онъ началъ дѣйствовать, Россія дѣйствительно вступала въ новую эпоху. Но онъ оставался все тотъ же; онъ продолжалъ жеманиться какъ и въ то время, когда писалъ записки доктора Крупова, статьи объ изученіи природы и соціалистическія бредни съ *того берега*. Онъ остался все тотъ же—недовосокъ на всѣхъ поприщахъ,—кипящій раздраженіемъ пльвнной мысли, безспорно утвердившій за собою только одно качество,—качество бойкаго остряка и кривляки. Онъ остался все тотъ же, какимъ былъ во времена своей юности, когда у него „свѣтали ногти“ отъ размышленій о надеждѣ древняго міра и объ апостолахъ Павлахъ. Онъ остался все тотъ же какъ и въ то время, когда въ своихъ статьяхъ объ изученіи природы заставлялъ человечество совершать удивительный процессъ лежанія съ высунутымъ языкомъ и топтанія себя въ грудь своими же ногами; онъ остался все тотъ же какимъ былъ, когда съ докторомъ Круповымъ исправлялъ мозги человечества. Онъ привередничалъ какъ беременная женщина: то подавалъ руку грубѣшему материализму, то терпѣлся въ отвлеченностяхъ искусственной идеалистики; то проповѣдывалъ атеизмъ для дѣтскаго возраста, то изнывалъ подъ бременемъ всемірной скорби; то заявлялъ права на титулъ „неисправимаго соціалиста“ и прокламалъ собственность, то вдругъ становился поборникомъ индивидуализма, и романтически стѣговалъ на исчезаніе характеристическихъ угловатостей въ современной цивилизаціи; то отрицалъ въ человечествѣ все кромѣ

мозговъ и постепенной ихъ выдѣлки, то вдругъ гнашася матеріальнымъ благосостояніемъ народовъ, и отаращася мыслию отъ картины общества, гдѣ всѣ сыты и довольны, живутъ въ волю и холю, но гдѣ нѣтъ за то никакого наркотическаго драматизма для удовольствія зрителя, которому нечего дѣлать и не на что употребить свою праздную мысль. Всѣ эти капризы избалованной, извѣженной, изломанной мысли, которая сама не знаетъ чего хочетъ, весь этотъ фосфоръ, вся эта трескотная острогъ и фразъ, то жеманно рыдающихъ о мозгахъ человечества, то мифистофелевски хохочущихъ надъ исторіей и надъ *естями почтенностями*, которыя она понадѣлала, то съ пророческимъ жаромъ возвыщающихъ пришествіе новаго мессіи, и новое небо, и новую земаю, — весь этотъ сумбуръ, вся эта сатурналія полумыслей, полуобразовъ, все это броженіе головокъ и хвостиковъ недоделанной мысли, все это мозгобѣсіе было бы пожалуй хорошо въ досууженъ фельетонѣ, безъ претензіи на политическое вліяніе, на практическое дѣйствіе, безъ тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, которыя окружаютъ нашего лондонскаго выходца и которыя сразу должны были бы отрезвить его мозги. Можно ли повѣрить, чтобы, доживъ до сѣдыхъ волосъ, онъ вовсе не повималъ себя, чтобы посреди сложившихся обстоятельствъ въ немъ ни не было малѣйшей потребности сообразить — что онъ такое, что онъ говорить, чего онъ хочетъ, и способенъ ли онъ нести серіозную отвѣтственность? Нѣтъ, онъ чѣмъ-нибудь дурманитъ себя... Но здѣсь прервемъ мы рѣчь для личнаго объясненія.

Одно мѣсто въ нашей замѣткѣ вкочупило въ немъ благородное негодованіе, — два-три слова сказанныя въ скобкахъ. Онъ не уважаетъ насъ и нашихъ мнѣній, и не хочетъ отвѣчать на наша общія „грубости“ (однако отвѣчалъ). Но онъ не могъ стерпѣть этихъ двухъ-трехъ словъ въ скобкахъ, и отнесся письмомъ на имя пишущагоэти строки, издателя *Русскаго Вѣстника*, единственнаго автора возмущившей его замѣтки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на имя его товарища по редакціи. Изъ сферы общей, нашъ рыцарь захотѣлъ перенести дѣло на почву личностей. Его милая личность дороже ему всего на свѣтѣ, и онъ, оставая въ сторонѣ все что можетъ имѣть интересъ для публики, хочетъ занять ее своею голою особой,

не сомневаясь, что и для публики, какъ для него самого, она важнѣе всего на свѣтѣ.

Говоря о нашихъ заграничныхъ агитаторахъ ¹, мы употребили неволькій плеоназмъ: „наши заграничные réfugiés.“ Г. Герцель вѣдо поправляетъ насъ и справедливо замѣчаетъ, что всѣ „réfugiés и эмигранты болѣе или менѣе заграничные.“ Но сила не въ этомъ: говоря объ этихъ réfugiés, мы замѣтили въ скобкахъ слѣдующее: „мы хорошо знаемъ, что это за люди“. Въ этихъ словахъ г. Герцель видитъ намекъ „чрезвычайно неопредѣленный, но явно относящійся къ частной жизни“ издателя *Колокола*. „Публичные намеки и клеветы, говоритъ онъ, имѣютъ большое неудобство передъ келейнымъ засловіемъ и служебными довосами, до поры до времени покрываемыми канцелярскою тайной.“ Онъ требуетъ отъ насъ „поясненія“ и спрашиваетъ, обращаясь поименно къ пишущему эти строки и къ его товарищу:

„Какіе же мы люди, г. Катковъ? какіе же мы люди, г. Леонтьевъ? Вы вѣдь хорошо знаете какіе мы люди,— ну какіе же? Если въ васъ обоихъ есть одна малѣйшая искра чести, вы не можете не отвѣчать; не отвѣчая, вы меня приведете въ горестное положеніе сказать, что вы сдѣлали *подлый намекъ*, имѣя въ виду очернить насъ въ глазахъ вашей публики. Говорите все... въ нашей жизни, какъ въ жизни каждаго человѣка, жившаго не только въ латинскомъ синтаксисѣ и нѣмецкомъ учебникѣ, но въ толкѣ дѣйствительной жизни, есть ошибки, промахи, увлеченія, но *нѣтъ поступка*, который бы заставилъ насъ покраснѣть передъ кѣмъ бы то ни было, который мы бы хотѣли скрыть отъ кого бы то ни было. Если вы то же можете сказать, поздравляю васъ, г. Катковъ, поздравляю васъ, г. Леонтьевъ... хотя я и не сомнѣваюсь, что вы можете. Да, гг. ученые редакторы, мы, поднявши голову, посмотримъ въ ваши ученые глаза. Кто кого пересмотритъ?“

Чрезвычайно неопредѣленный, какъ самъ онъ выражается, намекъ называется онъ подлымъ: сколько же благородства въ этомъ очень опредѣленномъ намекѣ, что мы сморгнемъ смотря ему въ глаза? Онъ уже заранѣе увѣренъ, что пере-

¹ Современная Лѣтопись. № 23.

смотреть оны, а мы сморгнемъ. Чтобъ устранить всякія сомнѣнія насчетъ исхода этой дуэли, оны удоболагаетъ насъ Тьеру, а себя Прудому, который въ 1849 году сказалъ первому „спокойно стоя на трибунѣ, превратившейся въ ту минуту въ страшный судъ,“—сказалъ сѣдующее: „говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность, и тогда я не картель вамъ пошлю, а предложу вамъ другой бой: здѣсь съ этой трибуны я разкажу вамъ всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. И потомъ пусть разкажетъ мнѣ противникъ свою жизнь.“¹

¹ Вотъ цѣликомъ это письмо. Публика *Русскаго Вѣстника* и *Современной Литературы* совершенно одна и та же, за самыми незначительными исключеніями.

„Милостивые государи и ученые редакторы!

„Еслибы вы, въ вашей полемикѣ противъ насъ, держались въ общихъ сферахъ и въ общихъ грубостяхъ, я не позволилъ бы себѣ утруждать васъ письмомъ—съ одной стороны очень уважая многосложность вашихъ занятій, а съ другой вовсе не уважая ни васъ, ни вашихъ мнѣдій.

„Но вы позволили себѣ публично сдѣлать намекъ чрезвычайно неопредѣленный, но явно относящійся къ частной жизни вашей, и тѣмъ дали намъ и въ особенности мнѣ, какъ несчетному виновнику статьи раздражившей васъ,—право требовать отъ васъ поясненія. Публичные намеки и клеветы имѣютъ большое неудобство предъ келейными заословіемъ и служебными доносами, до поры до времени покрываемыми канцелярскою тайной.

„Вотъ ваши слова „*наши заграничные réfugiés* (мы хорошо знаемъ что это за люди...“ *Совр. Лит.*).

„Вы вѣроятно, не станете отрекаться, что подъ словомъ *заграничные réfugiés* (и при этомъ я долженъ признаться, что я до сихъ поръ думаю, что всѣ *refugiés* и мигранты болѣе или менѣе *заграничные*)—вы разумѣли насъ *издателей Колокола* и потому позвольте васъ спросить.

„Какіе же мы люди, г. Катковъ?

„Какіе же мы люди, г. Леонтьевъ?

„Вы вѣдь хорошо знаете какіе мы люди,—ну какіе же?

„Если въ васъ обоихъ есть одна малѣйшая искра чести, вы не можете не отвѣчать; не отвѣчая, вы меня приведете въ горестное положеніе сказать, что вы сдѣлали *подлымъ намекомъ*, и тѣмъ въ виду очернить насъ въ глазахъ вашей публики.

„Говорите все... въ вашей жизни, какъ въ жизни каждаго человека, живаго не только въ латинскомъ синтаксисѣ и нѣмецкомъ учебникѣ, но въ толкѣ дѣйствительной жизни есть ошибки, промахи, увлеченія, *иногда поступка*, который бы заставилъ насъ покраснѣть передъ кѣмъ бы то ни было, который мы бы хотѣли открыть отъ кого бы то ни было.

Жадный лосака! У него не достало нравственного такта и на то, чтобы понять все неприличіе этой выходки! „Какіе же мы люди, спрашиваетъ онъ, — ну какіе же?“ Пусть онъ успокоится. *Моветонъ* не значитъ мошенникъ, и свободный артистъ еще не значитъ шулеръ. Пусть онъ успокоится, — у насъ и въ мысляхъ не было назвать его чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Но пусть онъ также подумаетъ, прилично ли уважающему себя челоуѣку рыцарски хвастаться тѣмъ, что онъ не шулеръ, не воръ, не мошенникъ?

Онъ уподобляетъ себя Прудону, который похвастался передъ Тьеромъ своею нравственностью. Но Прудону простибельна его родомонтада; тотъ еще могъ похвастаться, что вышелъ не мошенникомъ, потому что онъ родился въ горькой долѣ, всѣмъ обязанъ себѣ, жилъ постоянно въ нуждѣ, да и до сихъ поръ не выбился изъ ней, несмотря на свою литературную знаменитость. А доблестный-то издатель *Колокола* въ какомъ это маялся „толокѣ дѣйствительной жизни“, и какимъ серьезнымъ испытаніямъ подвергалась его честность? Ему ли хвастаться? Посреди фантазій, дилетантскихъ занятій и боатовни, могъ ли онъ получить понятие о томъ что такое жизнь съ ея испытаніями дѣйствительной нужды и лишеній? Серіозная дѣятельность началась для него съ тѣхъ поръ, когда онъ открылъ свое изданіе въ Лон-

„Если вы тоже можете сказать, поздравляю васъ, г. Катковъ, поздравляю васъ, г. Леопольдъ... хотя я и не сомнѣваюсь, что вы можете.

„Да, гг. ученые редакторы, мы, поджавши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза... кто кого пересмотрить?

„Можетъ вы слышали, какъ въ 1849 году, въ народномъ собраніи въ Парижѣ Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, оказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ, превратившейся на ту минуту въ страшный оудъ: „говорите о филансахъ, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность и тогда я не картель вамъ пошлю, а предложу другой бой, здѣсь, съ этой трибуны, я разкажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. *И потомъ пусть разкажетъ мой противникъ свою жизнь.*“

„За тѣмъ позволяете надѣяться, что вы, милостивые государи, испросите у вашего начальства разрѣшеніе напечатать это письмо въ многоуважаемой Лѣтописи вашей. Вы смѣшкомъ любите гласность и английскую ширь оправданія, чтобы намъ можно было сомнѣваться въ этомъ.

„Желаю въ заключеніе, чтобы письмо это застало васъ въ добромъ здоровьи.

„Лондонъ 10 іюня 1862 года.

А. Герценъ.

27*

донѣ, — но въ томъ-то и вопросъ, какъ онъ воспользовался этимъ положеніемъ и чѣмъ оказалась въ этой дѣятельности?

Стыдно человѣку въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится издатель *Колокола*, претендовать на уваженіе за то только, что онъ не нарушилъ крайней юридической нормы нравственности. Стыдно подлагать такой грубый смыслъ подъ слова, очевидно его не имѣвшія. Не добросовѣстно заминать дѣло и замаскировывать его дешевымъ рыцарствомъ. Пусть онъ исчисляетъ свои домашнія добродѣтели и любитъ ими; мы не будемъ мѣшать ему. Мы не имѣемъ привычки искать аргументовъ въ частной жизни человѣка и выводить на сцену его чисто-личныя обстоятельства; но мы не оспариваемъ этого права у другихъ, особенно не оспариваемъ его относительно себя. Мы не только не уклоняемся, а напротивъ приглашаемъ г. Герцена прервать созерцаніе своихъ прелестей и заняться нашимъ безобразіемъ; смѣемъ увѣрить его, что мы не сморгнемъ, глядя въ его ясныя очи, и что для этого намъ не нужно поднимать голову.

Что же касается до него, то намъ достаточно той его дѣятельности, которая открыта для всѣхъ и которой видимые результаты подлежатъ общей оцѣнкѣ. Человѣкъ въ своей публичной дѣятельности, стоитъ на горѣ, у всѣхъ на виду; тутъ клеветы не возможны и лжетолкованія не дѣйствительны.

„Ну, какіе же мы люди?“ спрашиваетъ онъ.

Какіе же вы люди? Да не совсѣмъ вы люди честные!

Человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій, и сознающій это самъ, хотя бы и смутно, потому что человѣку дожившему до сѣдыхъ волосъ не возможно вовсе не имѣть сознанія о самомъ себѣ, — человѣкъ безъ убѣжденій и говорящій тономъ пророка посреди обстоятельствъ, которыхъ значеніе не можетъ не быть ему извѣстно, не заслуживаетъ называться честнымъ.

Онъ знаетъ, къ какой публикѣ онъ обращается; онъ не можетъ не знать, какъ дѣйствуетъ этотъ пророческій тонъ на людей незрѣлыхъ, въ тревожную эпоху общественной жизни. Онъ это знаетъ, и продолжаетъ говорить тономъ пророка. Онъ не могъ дойти до такого отупѣнія, чтобы серьезно быть убѣжденнымъ въ этихъ фигурныхъ обѣтованіяхъ какого-то новаго мессіи, какого-то новаго вре-

мени. Каждый годъ, каждый день приносить что-нибудь новое; ежеминутно наступаетъ новое время; но онъ не можетъ не знать, что пока природа остается природою, законы ея неизмѣнны, что несмотря на множество эпохъ, чрезъ которыя перешелъ человѣкъ, онъ въ своей природѣ все тотъ же, и что ни въ какомъ случаѣ не потекутъ по землѣ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ.

Человѣкъ способенъ, даже и безъ серіознаго увлеченія, завѣдомо клеветать и живо показывать не можетъ назваться честнымъ. Чтобы не далеко ходить, въ той самой статейкѣ, гдѣ онъ изливаетъ свой гнѣвъ на насъ, онъ дѣлаетъ мерзкую выходку противъ Московскаго университета, и не стыдится сказать, что профессоры этого университета призывали какую-то *дикую силу* на студентовъ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ дошелъ до такого одурѣнія, что не сознаетъ злокачества своей клеветы и того дѣйствія, которое она можетъ произвести на легко-воспламеняемые умы юношей? Какой смыслъ этихъ выходокъ? Онъ были бы непростительны и мальчику въ пылу увлеченія; но что сказать о человѣкѣ зрѣломъ, который издали и на полной свободѣ обозрѣваетъ событія? Простительно ли ему поддерживать лжетолкованія, смуту и раздраженіе? Положимъ, что онъ не все знаетъ; положимъ, что онъ сомнѣвается. Но въ такомъ случаѣ честный человѣкъ удержится отъ сужденія, умѣритъ свои выраженія, и выгоду сомнѣнія предоставитъ тому что можетъ успокоить, а не тому что можетъ безсмысленно взволновать. Наука есть нейтральная почва, молодежь должна учиться; это несомнѣнно. Кто сколько-нибудь любить свою родину, кто не отъявленный врагъ ея, особенно кто чувствуетъ тяжесть самоотвѣтственности, тотъ болѣе всего долженъ заботиться о томъ, чтобы успокоивать и отрезвлять ее. Нынѣшнія волненія не ограничатся вредомъ въ настоящемъ, они отзовутся еще болѣе большимъ вредомъ въ будущемъ; что бы тамъ ни вышло, а нѣсколько поколѣній молодежи, потерявшей время и силы, будетъ во всякомъ случаѣ бѣдствіемъ для отраны. Каково же раздражать и безъ того возбужденные умы, кокетничая съ ними, — и для этого прибѣгать къ намѣренной клеветѣ! Профессорская корпорація Московскаго университета вела себя съ достоинствомъ, котораго не отнять у ней никакому фразеру...

Онъ хочетъ измѣрять свое нравственное достоинство тѣми искушеніями, которыхъ онъ по случайнымъ обстоятельствамъ не испытывалъ. Пусть лучше онъ сообразить, чистъ ли нравственно онъ вышелъ изъ тѣхъ испытаній, которыя дѣйствительно съ нимъ были и которыхъ результаты на виду. Пусть онъ подумаетъ, какая дрянь долженъ быть тотъ человекъ, въ которомъ, при полномъ отсутствіи всякаго вѣдшаго контроля, всякаго принудительнаго ограниченія, не оказывается чувства самоответственности, побуждающей человека отдавать себѣ полный и строгій отчетъ въ каждомъ словѣ и дѣлѣ. Онъ величаво отвертывается отъ мелкихъ людшекъ, которые продаютъ за деньги свои услуги и Богу, и дьяволу. Онъ ударитъ себя по карману, и скажетъ съ гордостью: „а я вотъ за деньги не продамъ своей совѣсти!“ Но несчастныя побужденія бываютъ всякаго рода: не въ однихъ деньгахъ сила; кресты и перстни тѣ же деньги. Онъ также величаво отвертывается и отъ тѣхъ, которые кривятъ душой изъ угодливости, изъ тщеславнаго исканія почестей и продаютъ себя за чины и за власть. Онъ истощаетъ свое острословіе на генеральскіе чины и мундиры; онъ свысока смотритъ на нравственность Тьера. Но пусть онъ осмотрится въ томъ особомъ мірѣ, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ: тамъ есть свои мундиры и генералы. Пусть онъ подумаетъ, какъ онъ живетъ въ этой республикѣ разноплеменныхъ выходцевъ и политическихъ агитаторовъ всѣхъ сортовъ. Сначала онъ ухаживалъ за великими этого особаго міра, добываясь ихъ цѣлности, собиралъ ихъ записочки и предавалъ ихъ тисненію, хотя въ этихъ записочкахъ часто чачего другаго не значилось кромѣ „здравствуйте“ и „прощайте“ или приглашенія на чашку чаю. Ухаживая за великими, онъ наконецъ и самъ захотѣлъ сдѣлаться великимъ. Мадзини — представитель Италіи; ему надобно сдѣлаться представителемъ Россіи. И вотъ тайная пружина его дѣятельности; вотъ на что употребилъ онъ свою свободу и представившіяся ему средства дѣйствія. Вотъ чѣмъ онъ дурманилъ себя, вотъ за что онъ продалъ свою совѣсть. Нашъ острякъ не сообразилъ, что въ Мадзини была положительная, а не фантастическая народная сила; онъ забылъ, что у итальянскаго агитатора написано на знамени: *Богъ и народъ*, и что если къ его агитаціи примѣшива-

лись революціонныя начала, то тѣмъ съ большою преданностію держался онъ положительныхъ основъ, которыя давали силу и смыслъ его агитаціи. За нимъ была родина, раздѣляемая, томившаяся подъ иноземнымъ игомъ, стремившаяся къ единству, добивавшаяся независимости по прямому завѣту своей великой исторіи,—и онъ дѣйствовалъ бы успѣшнѣе, еслибы въ немъ не было примѣси теорій, которыхъ не хочетъ жизнь, которая отвергаетъ народное чувство. Народное чувство есть великая сила, и понятны увлеченія, которымъ предаются люди, повинаясь ему. Какъ и всякая положительная сила, которой служатъ люди, она облагораживаетъ ихъ и многое искупаетъ хотя ни въ какомъ случаѣ не оправдываетъ преступныхъ средствъ. Кошутъ ли преувѣщаль воображеніе нашего артиста? Но и за этимъ агитаторомъ также родина, которая ищетъ возстановленія своихъ историческихъ правъ и національной независимости. За Кошутомъ его прежняя политическая дѣятельность; онъ,—на дѣлѣ, а не въ фантазіи,—былъ представителемъ своего народа, и держалъ въ рукахъ его судьбы. Всѣ эти выходцы имѣютъ какое-нибудь политическое значеніе; каждый опирается хоть на что-нибудь положительное, каждый примыкаетъ хоть къ чему-нибудь опредѣленному въ своемъ народѣ, каждый знаетъ чего онъ хочетъ. Чего же захотѣлъ и на что опирается нашъ фразеологъ? Ему захотѣлось что-нибудь значить между этими знаменитостями и стать генераломъ отъ революціи. Родина его не раздѣлена и не находится подъ иноземнымъ политическимъ игомъ; тяжкая и трудная исторія создала ее великимъ цѣльнымъ организмомъ; русскій народъ, одинъ изъ всѣхъ славянскихъ, достигъ политическаго могущества и сталъ великою державою; благодаря ему, славянское племя не исчезло изъ исторіи какъ чудское и латышское; но эту судьбу купилъ онъ цѣною великихъ усилій и жертвованій. Государственное единство есть благо, которымъ русскій народъ дорожить и долженъ дорожить, если не хочетъ обратить въ ничто дѣло тяжкаго тысячелѣтія и исчезнуть съ лица земли. Это основа его національнаго бытія, купленная дорогою цѣною, и онъ долженъ крѣпко держаться ея, и онъ крѣпко ея держится. Но настала пора, когда задержанныя и подавленные прежнимъ развитіемъ силы должны вступить въ

дѣйствіе; настала пора внутреннихъ преобразованій, которыя должны воскресить эти силы. Открылась новая эпоха, которая требуетъ новыхъ тяжкихъ усилій; началось дѣло, исполненное величайшихъ трудностей. Явился необозримый рядъ новыхъ потребностей и задачъ. Такое могущественное движеніе въ общественномъ организмѣ не можетъ не сопровождаться броженіемъ умовъ и разстройствомъ многихъ интересовъ. Въ чемъ же состоитъ задача честнаго писателя, сколько-нибудь мыслящаго и дѣйствительно любящаго свою родину? Броженію ли этому способствовать или созидательному дѣлу? Запутывать ли дѣло всякою негодною примѣсью, капризами и фантазіями, и вызывать губительныя реакціи, или разъяснять и упрощать его, и сосредоточивать общественное вниманіе на элементахъ существенныхъ и бесспорныхъ? Каждый честный человѣкъ, въ такую минуту принимающійся за публичное слово и находящійся на полной свободѣ, не раздражаемый стѣсненіемъ, долженъ чувствовать на себѣ великую нравственную отвѣтственность, несомнѣваемую съ легкомысліемъ, и избѣгать всего чего онъ не сознаетъ съ полною ясностію, съ полнымъ разумнымъ убѣжденіемъ. Если онъ при всемъ этомъ ошибется или увлечется, и поданный имъ совѣтъ окажется невѣрнымъ или одностороннимъ или неблаговременнымъ, то онъ останется по крайней мѣрѣ чистъ предъ своею совѣстію, и дѣйствительно будетъ имѣть право на имя честнаго человѣка. Такъ ли дѣйствовалъ нашъ Мадзини или нашъ Кошутъ? Можетъ ли онъ, положа руку на сердце, сказать, что онъ такъ дѣйствовалъ? Онъ не дѣйствовалъ, онъ юлилъ и вертѣлся, ломался и жеманничалъ, бросался подъ ноги всякому дѣлу; онъ умѣлъ только смущать, запутывать, вызывать реакціи. Передъ каждымъ практическимъ вопросомъ онъ раскрывалъ бездну своего пустаго и бессмысленнаго радикализма, и только пугалъ, раздражалъ и сбивалъ съ толку. Результаты его дѣятельности на виду: было ли сказано въ его писаніяхъ хоть одно живое слово по тѣмъ реформамъ, которыя у насъ совершались, по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ возникали? Чтò путнаго было сказано напримѣръ по поводу крестьянскаго дѣла, самаго капитальнаго и самаго труднаго? Ничего, кромѣ тупоумныхъ разглагольствій г. Огарева и сценическихъ вскрикиваній г. Герцена. Они то

ругались холопски, то съ приторною аффектаціей болѣе оскорбительною чѣмъ изъ грубости, выражали свое сочувствіе: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ кричалъ нашъ Мадзини, стоя на одной ногѣ какъ балетмейстеръ. Было ли хоть что-нибудь разъяснено, было ли хоть въ одномъ словѣ видно желаніе сказать что-нибудь серіозно обдуманное? Было ли сказано хоть одно слово, въ которомъ могъ бы узнать себя какой-нибудь положительный интересъ, важный для страны, дорогой для народа, — не для сочимаемаго въ фантазіи, а для настоящаго, живаго русскаго народа? На что опирались издатели. *Колокола*? Что имѣлъ за собою нашъ генералъ отъ революціи? Онъ опирался на то, отъ чего мы должны, во что бы то ни стало, отбѣлаться; онъ опирался на то зло, которое выработалось и накопилось у насъ за прѣжнее время. Единственная сила, на которую онъ опирался, есть не что иное какъ безсиліе нашей общественной цивилизаціи, безсиліе нашего общественнаго мнѣнія, безсиліе нашей казенной науки и тотъ внутренній разладъ, который господствуетъ между мыслію и жизнію, — жизнію, которая идетъ сама по себѣ, и мыслію, которая сочиняетъ для нея въ облакахъ формы и утопіи. Силы этой оказалось довольно, — оказалось довольно разгулявшейся безмыслицы, и идиотизма пустившагося мыслить, и невѣжества принявшагося поучать, и безмозгой мечтательности схватившейся за дѣло. Силы этой оказалось довольно, и онъ не безъ гордости могъ явиться въ сонмѣ генераловъ и занять тамъ приличное мѣсто какъ представитель русскаго народа. И вотъ для этой-то чести, ради этого высокаго чина, нашъ герой не усумнился пожертвовать своею совѣстью. Онъ не можетъ не знать что его создало и что его держитъ, и онъ раболѣпствуетъ передъ этою дикою силою, онъ ей покорствуется, онъ ей служитъ за тѣ почести, которыя она ему дала, за тотъ чинъ, которымъ онъ красуется въ сонмѣ демагоговъ. Онъ достигаетъ своей цѣли; онъ принимаетъ поздравленія и адреса, и участвуетъ на совѣщаніяхъ о всемірной революціи. Онъ усиливаетъ свою пропаганду, и еще пуще принимаетъ тонъ пророка, и окончательно отождествляетъ себя съ русскимъ народомъ; онъ вступаетъ въ переговоры съ представителями другихъ державъ, и, великодушный потентатъ, готовъ поступиться своими владѣніями и соглашается рѣ-

путь судьбу нѣкоторыхъ провинцій точно такимъ же образомъ какъ была рѣшена судьба Савои и Нидды,—что потомъ и повторилось въ тѣхъ подметныхъ листкахъ, за которые недавно пострадалъ Обручевъ.

Но зачѣмъ ходить далеко? Вотъ обращикъ, который вполне обрисовываетъ человѣка и при этомъ имѣетъ всю прелесть современности: въ томъ листкѣ, который онъ прислалъ намъ, онъ разсуждаетъ по поводу одной изъ самыхъ послѣднихъ прокламацій, которая разбрасывалась въ Петербургѣ и Москвѣ подъ заглавиемъ *Молодая Россія*. Публикѣ отчасти извѣстно изъ газетъ содержаніе этого безобразнаго издѣлія нашихъ революціонеровъ. Здѣсь требуется ни болѣе ни менѣ какъ признать не существующимъ Бога, затѣмъ уничтожить бракъ и семейство, уничтожить право собственности, открыть общественныя мастерскія и общественныя лавки, достигнуть всего этого путемъ самаго обильнаго кровопусканія, какого еще нигдѣ не бывало, и забрать крѣпко власть въ свои руки. Лондонскій представитель Русской земли написалъ объ этомъ произведеніи статью, и, признаемся, статью эту читали мы съ несравненно большимъ омерзѣніемъ чѣмъ прокламацію. Тамъ просто дикое сумасбродство; а тутъ видите вы старую бабду, которая вышла плясать передъ публикой.

Въ прокламаціи упоминаютъ и издатель *Колокола*, упоминаютъ съ должнымъ уваженіемъ, какъ родоначальникъ, какъ великій политическій умъ впервые провозгласившій на русскомъ языкѣ теорію „кровавыхъ реформъ“; но авторы прокламаціи находятъ, что онъ отсталъ, сдѣлался слишкомъ многокъ и сбивается на тонъ простыхъ либераловъ, которые не хотятъ кровавыхъ реформъ. Изъявляя ему должное уваженіе, они признаются, что недовольны имъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни скудоумны эти революціонеры, а повяли, что есть что-то неладное въ этомъ человѣкѣ, который издали поджигаетъ революціонныя страсти. Пожалуй, они крикнуть ему ту самую итальянскую фразу, которая такъ волюбилась ему: „*Studiate la matematica e lasciate le donne*“, или просто по-русски: „убирайся къ чорту, болтунъ, съ своими благословеніями.“ Но болтунъ себя на умъ; онъ еще не теряетъ надежды поладить съ ними. Онъ прочиталъ эту *Молодую Россію*, и какъ вы думаете?—какое родилось въ немъ впечатлѣніе, или лучше

сказать, что онъ написалъ по прочтеніи ея? Весь цинизмъ своихъ истасканныхъ и избитыхъ остротъ изливаетъ онъ на правительство и на общество. Виногато правительство, которое не осталось сложа руки, виногато общество и литература, которыя не съ умиленіемъ приняли эту прокламацію, виноваты наконецъ народъ (хотя онъ и прощаетъ ему), который получилъ дурное воспитаніе и готовъ побить камнями своихъ благодѣтелей. „Народъ, говоритъ онъ съ меланхоліей, намъ не вѣритъ, и готовъ побить камнями тѣхъ, которые отдають за него жизнь. Темной ночью,“ продолжаетъ онъ, возвышаясь до поэзіи, — „темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ, какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, потому что на нихъ чужое платье.“ Всѣ виноваты, и народъ, и правительство, и смиренная литература (это острота), и помѣщики (на нихъ лежитъ тяжкій грѣхъ крѣпостнаго права, который они еще не искупили покааніемъ: фразеръ иначе не говоритъ теперь какъ библейскимъ языкомъ), всѣмъ учитель даетъ острастку и строгое наставленіе. Правы только авторы этой прокламаціи. Обо всѣхъ говоритъ онъ съ негодованіемъ и съ злобною провѣй; къ нимъ однимъ обращается онъ съ словомъ нѣжности, съ чувствительнымъ дрожаніемъ въ голосѣ. Въ *Молодой Россіи* видитъ онъ пріятную смѣсь Шиллера съ Бабефомъ. „Вы насъ считаете отстаыми, говоритъ онъ, мы не сердимся за это, и если отстаи отъ васъ въ мнѣніяхъ, то не отстаи отъ васъ сердцемъ, а сердце даетъ тактъ.“ Какой же тактъ даетъ ему сердце? Онъ отечески журитъ *Молодую Россію* только за двѣ ошибки, — во первыхъ, что она одѣта не по-русски, а болѣе по-французски; во вторыхъ, что она появилась не кстати, тѣмъ болѣе что вкорѣ случились пожары. Онъ вразумляетъ нашихъ Шиллеровъ съ примѣсю Бабефа, чтобъ они были попрактичнѣе и не прибѣгали къ французской декламации и къ формуламъ социализма Баяки. Противъ основаній ихъ программы онъ ни слова не говоритъ; но находитъ, что революціонныя ученія Запада должны быть переложены на русскіе нравы, въ чемъ конечно, онъ и подсобить имъ...

„Чего испугались?“ восклицаетъ онъ съ презрѣніемъ, обращаясь къ русскому обществу, которое, по прочтеніи *Молодой Россіи*, будто бы ударилось со всѣхъ ногъ опасать-

ся отъ прокламаціи подъ кровомъ квартальнаго надзирателя (это мѣсть за лондонскаго полицмена). „Чего испугались?“ говоритъ онъ: народъ этихъ словъ не понимаетъ и готовъ растерзать тѣхъ, кто ихъ произноситъ... Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь,—юношей-фанатиковъ? Въ чемъ же уголовщина?*

Бездушный фразеръ не видитъ въ чемъ *уголовщина*. Ему ничего,—пусть прольется кровь этихъ „юношей-фанатиковъ“! Онъ въ сторонѣ,—пусть она прольется. А чтобъ имъ было веселѣе, и чтобъ они не одумались, онъ перебираетъ всѣ натянутыя струны въ ихъ душѣ, онъ шевелитъ въ нихъ всю эту массу темныхъ чувствованій, которая мутитъ ихъ головы, онъ поетъ имъ о „тоскѣ ожиданія, „растущаго не по днямъ, а по часамъ съ приближеніемъ „чего-то великаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется и чего еще нѣтъ,“ онъ поетъ имъ о „святомъ терпѣніи...“ Что жъ! Пусть прольется ихъ кровь, онъ прольетъ о нихъ слезы; онъ отслужитъ по нимъ панихиду; шутовской папа, онъ совершитъ торжественную канонизацію этихъ японскихъ мучениковъ. У религіи Христа, въ которую онъ не вѣритъ, онъ беретъ ея святую, и отдаетъ имъ, этимъ несчастнымъ жертвамъ безумія, глупости и презрѣваемыхъ интригъ. Онъ почталъ ихъ титуломъ Шаллеровъ; онъ показываетъ имъ въ священнои перспективѣ славу умершаго на Голгоѣ. Чтобы дать имъ предвкусіе ожидающей ихъ апофеозы, онъ поетъ молебень жертвамъ уже пострадавшимъ за подметные листки, и молитъ ихъ, чтобъ они „съ высоты своей Голгоѣ“ отпустили грѣхъ народу, который требовалъ ихъ головы.

Вотъ вамъ человекъ! Что же онъ такое? И еслибъ еще былъ онъ на мѣстѣ, съ ними, съ этими „юношами-фанатиками“, еслибъ еще онъ самъ съ ними дѣйствовалъ и дѣлалъ ихъ опасности,—нѣтъ, онъ поетъ имъ изъ-за моря, и гнѣвно спрашиваетъ встревоженное русское общество: „чего же вы испугались? вѣдь прольется только ихъ кровь,—юношей-фанатиковъ.“

Но эти юноши-фанатики еще не побиты камнями. Можетъ-быть, при видѣ общаго впечатлѣнія произведеннаго ихъ безуміемъ, они бы одумались; можетъ-быть прошелъ бы ихъ угаръ. Такъ вотъ, чтобъ они не очнулись, поддается имъ жару. Раздается голосъ снова призывающій все что

можетъ-быть съ испугомъ и стыдомъ побѣжало изъ нихъ вонъ. Вся дурь возвращается въ головы, ободренная и подкрѣпленная; великодушныя чувствованія, остатки извращенныхъ религіозныхъ инстинктовъ и весь пылъ молодости подбрасывается на подтопку безумнѣйшихъ мыслей. Они гордо поднимаютъ голову посреди этого общества, которое будто бы испугалось ихъ, и мудроно ли, что они подлзуть на ножи, чтобы съ высоты Голгофы отпустить народу его грѣхъ?

Нѣтъ, никто ни минуты не опасался, чтобы на голосъ ихъ могъ сочувственно отозваться народъ. Такой глупости никому не приходило въ голову. Не смыслъ, не содержаніе этой неслѣпой прокламаціи и другихъ ей подобныхъ могли возбуждать серьезное опасеніе. Трудно было читать ее безъ смѣха, и первымъ движеніемъ каждаго было желаніе, чтобы она была обнародована и предана общественному посмѣванію. Но смѣхъ въ каждомъ честномъ человѣкѣ уступаетъ мѣсто тяжелой мысли, что нашлись у насъ люди, которые можетъ-быть съ серьезнымъ увлеченіемъ сочиняли эту галиматью, и что число этихъ людей растетъ, благодаря неопредѣленности положенія, подъ вліяніемъ интригановъ. Многіе точно падутъ невинными жертвами, но имъ не останется утѣшенія сказать себѣ, что они пострадали за какое-нибудь дѣло, и кровь этихъ несчастныхъ падеть не на народъ, она падеть на этихъ безчестныхъ поджигателей, которые такъ расточительны на кровь—не свою, а чужую.

Ну, а если имъ удастся наконецъ раздражить этотъ народъ, которымъ они шутятъ, если наконецъ поднимется этотъ великанъ, поднимется не за тѣмъ чтобы слѣдовать за ними, а затѣмъ чтобы предать ихъ избіенію за оскорбленіе его святыни и царя, которому онъ непоколебимо вѣреть, одна ли кровь этихъ фанатиковъ прольется, будутъ ли стихійныя силы, выступившія изъ береговъ, разбирать виновныхъ и невинныхъ? Петербургское общество знаетъ кому, между прочимъ, во время пожаровъ, приходилось прятаться отъ разъяреннаго народа за полицейскими служителями, кому приходилось мѣнять свое платье, чтобы выйдти безопасно на улицу.

Отъ петербургскихъ пожаровъ отрекаются революціонные агитаторы,—отрекаются съ добродѣтельнымъ жаромъ.

Но все ихъ отличие отъ простыхъ поджигателей въ томъ только и состоитъ, что тѣ поджигаютъ по мелочи, а они en grand. Да наконецъ, что же было бы слѣдствіемъ ихъ попытокъ, какъ не страшный рядъ пожаровъ, которые зажжетъ этотъ великанъ, ища ихъ же, своихъ самозванныхъ дѣтей, чтобъ избить ихъ, и избивая вмѣстѣ съ ними все что ни попадетъ ему подъ руку?

Издатели *Колокола* спрашиваютъ насъ, какіе они люди. Мы сказали. Честными ни въ какомъ случаѣ назвать ихъ нельзя. Отъ безчестія имъ одна отговорка—помѣшательство.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАГО

МАЙ.

- Европа въ концѣ XVIII вѣка. Статья втор
Соловьева. . . . .
- Прошлое лѣто въ деревнѣ. VIII—X С. *Бе*
Всякому свое. Романъ. Часть I. *Р. А. Гар*
Теорія и практика яснополянскои школы. Пе
скія замѣтки тульскаго учителя. *Е. Д.*
Художникъ. Стихотвореніе. *Б. Н. Алмазов*
Англійская журналистика. Статья вторая.
Роберти. . . . .
- Замѣтки о вольнонаемномъ трудѣ. (Окончаніе)
Фета. . . . .
- Найда. Стихотвореніе *Б. Н. Алмазова*. . . . .
- Воспитательница Сара. Приключенія, почерпну
моря житейскаго. Романъ. (Окончаніе)
Вельтмана. . . . .
- Польскіе сеймики во второй половинѣ XV
Д. И. Иловайскаго. . . . .
- Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ. I. . . . .
- Языкъ физиологовъ и психологовъ. II. *Д.*
Романъ Тургенева и его критики. I. . . . .

ЮНЬ.

↳ Европа въ концѣ XVIII вѣка. Статья третья. С. М. Соловьева.	425
Риль о народномъ трудѣ. М. М. Вольскаго.	449
↳ Прошлое лѣто въ деревнѣ. XI—XV. С. Безыменнаго.	509
Въ Трибунѣ. Стихотвореніе. Н. Ѳ. Щербиньы.	552
↳ Всякому свое. Романъ. (Окончаніе.) Р. А. Гарднеръ.	553
↳ Время не терпитъ. Голосъ съ Юга. О. А. Рабиновича.	616
Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ. П. Н. С—на.	649
Одиссей. Стихотвореніе. Б. Н. Алмазова.	669
Объ организаціи и служебныхъ правахъ нашей учебной системы. Д. П. Скуратова.	670
Стихотвореніе. I. Изъ древнихъ. II. Колумбъ. Б. Н. Алмазова.	702
↳ Поездка въ горную Шотландію. Путевыя замѣтки. Кн. Д. Д—каго	703
Языкъ физиологовъ и психологовъ. П. Д. Юркевича.	733
↳ Ручка леда Летиціи. (Изъ Temple Bar'a.)	767
↳ Новый русскій словарь. Н. Н.	811
↳ Сонъ Евгенія Арама (изъ Томаса Гуда.) В. Д. Костомарова.	826
↳ Замѣтка для издателя Колокола.	834

ВЪ КОШТОРЪ

ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К^о,

въ Армянскомъ переулкѣ,

продаются слѣдующія книги:

ПОЛНЫЯ ТАБЛИЦЫ для опредѣленія количества оброка или числа барщинскихъ дней въ каждомъ имѣніи, сообразно надѣлу крестьянъ землею, составленныя на основаніи Высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

ОЧЕРКИ АСТРОНОМІИ ДЖОНА ГЕРШЕЛЯ. Переводъ съ англійскаго 6-го изданія А. Драшусова. Т. I съ 4-мя рисунками, гравированными и отпечатанными въ Лондонѣ. М. 1861. (Т. II печатается.) Ц. за оба тома 3 р. 50 коп. с., перес. за 3 ф.

РУКОВОДСТВО КЪ ЧАСТНОЙ ПАТОЛОГИИ И ТЕРАПИИ, преимущественно съ физиологической и анатомо-патологической точки зрѣнія. Д-ра Феликса Нимейера. Переводъ съ нѣмецкаго. Выпускъ первый. Переводъ М. Боголюбова. М. 1861. Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО КЪ ОБЩЕЙ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМІИ тканей человѣческаго тѣла. Д-ра А. Виллера. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

ПРАВИЛА для найма рабочихъ, Высочайше утвержденныя 13-го марта 1861 года. Ц. 25 коп.

РАЗЧЕТНАЯ КНИЖКА для рабочихъ, составл. на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ для найма рабочихъ. Ц. 5 коп.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ. книга для чтенія и перевода. Составл. Л. Фоль-деръ-Эльскитцомъ. М. 1861. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 коп.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ИНОСТРАННЫХЪ ПОЭТОВЪ. Переводы В. Д. Костомарова и Ѡ. Н. Берга.

Выпускъ I: Викторъ Гюго, Г. Гейне, П. Ж. Беранже, А. Трегеръ, А. Шамиссо, Леопарди, Филкайя, Никколини, Х. Г. Андерсенъ, А. Эленшлегеръ. М. 1860. Ц. 1 р., перес. за 1 фунтъ.

Выпускъ II: Р. Борнсъ, Г. Гейне, А. Шульцъ, Г. Х. Андерсенъ. Съ портретомъ и факсимиле Борнса. Въ приложеніи: Легенды Сербовъ. М. 1862. Ц. 1 р. 25 коп., перес. за 1 фунтъ.

МОЯ БИОГРАФІЯ. Посмертное сочиненіе **БЕРАНЖЕ.** Съ приложеніемъ портрета автора и перевода нѣкоторыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ, пѣсень. Изд. В. Д. Костомарова. М. 1861. Ц. 1 р. с., перес. за 1 фунтъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. И. КРАСОВА. Изданіе П. Шейна. Ц. 75 коп., съ перес. 1 р.

СВЕРЬ И ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп. с.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА Виленской губерніи на 1861 годъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 коп.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ мезовичьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

Книжки **РУССКАГО ВѢСТНИКА** выходятъ ежемѣсячно; **СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ** еженедѣльно, по четвергамъ.

Цѣна за **РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ** и **СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ** въ Москвѣ и Петербургѣ **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **семнадцать рублей**;

за **РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ** отдѣльно — въ Москвѣ и Петербургѣ **десять рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **двѣнадцать рублей**.

за **СОВРЕМЕННУЮ ЛѢТОПИСЬ** отдѣльно въ Москвѣ и Петербургѣ **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, съ пересылкой и доставкой на домъ **восемь рублей**.

Подписка на *Русскій Вѣстникъ* и *Современную Лѣтопись* принимается:

НА 1862 ГОДЪ:

ВЪ МОСКВѢ

Въ Конторѣ Типографіи Каткова и К^о, въ Армянскомъ переулкѣ; въ книжной лавкѣ Базунова, на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго, и у другихъ книгопродавцевъ Москвы.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Энгельгардъ, и у другихъ книгопродавцевъ Петербурга.

Иногородные адресуются: въ Редакцію *Русскаго Вѣстника* въ Москвѣ. Заграничные обращаются исключительно въ берлинскій почтамтъ.

Одобрено цензурою, въ Москвѣ. 18 іюля 1862 г.

BD 117 22 117

